Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1879 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. **9.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Новооткрытыя письма императрицы Екатерины Второй къ барону Гримму

1774—1786 ГОДЫ.

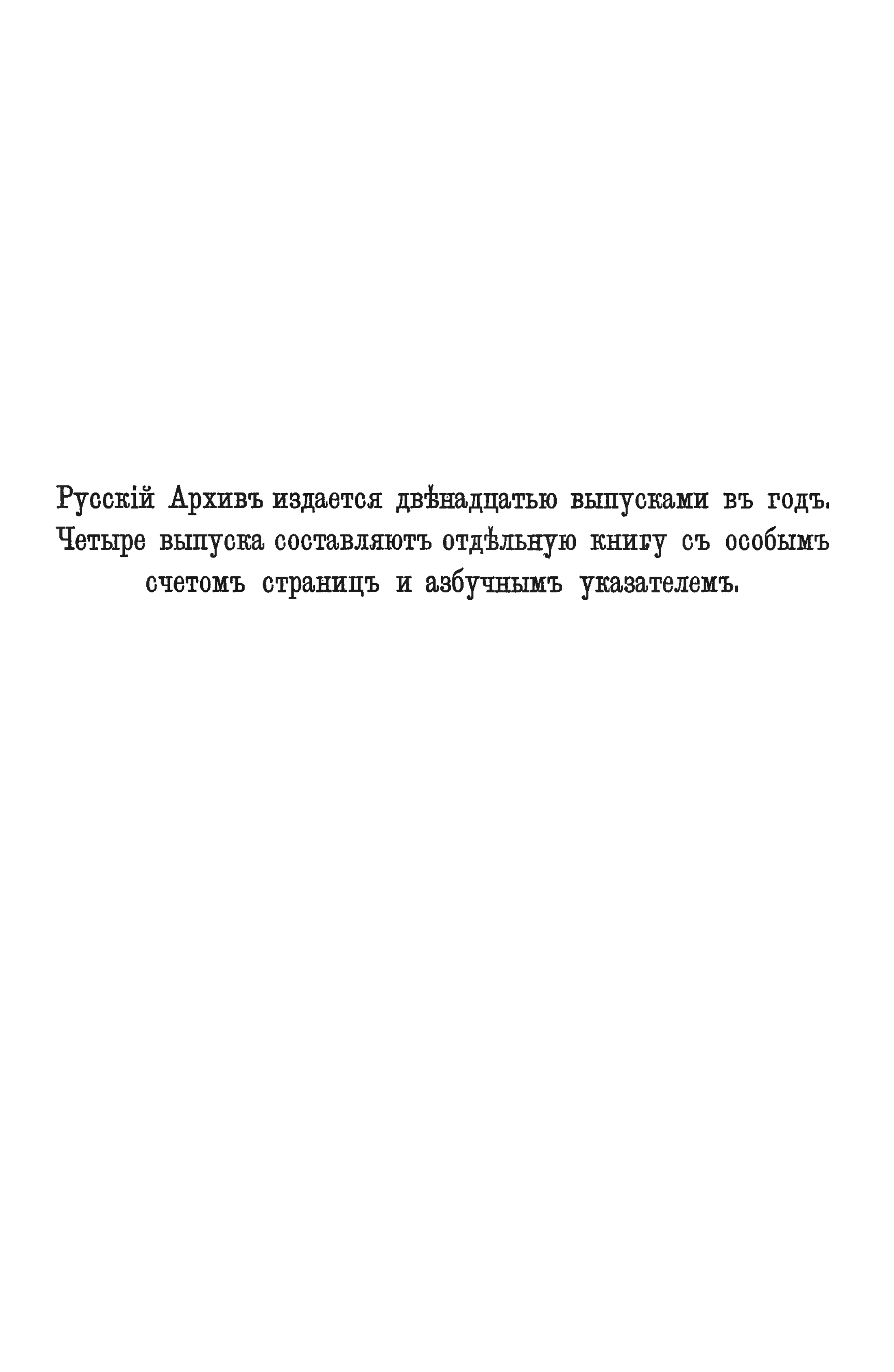
МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1878.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1878.

3.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

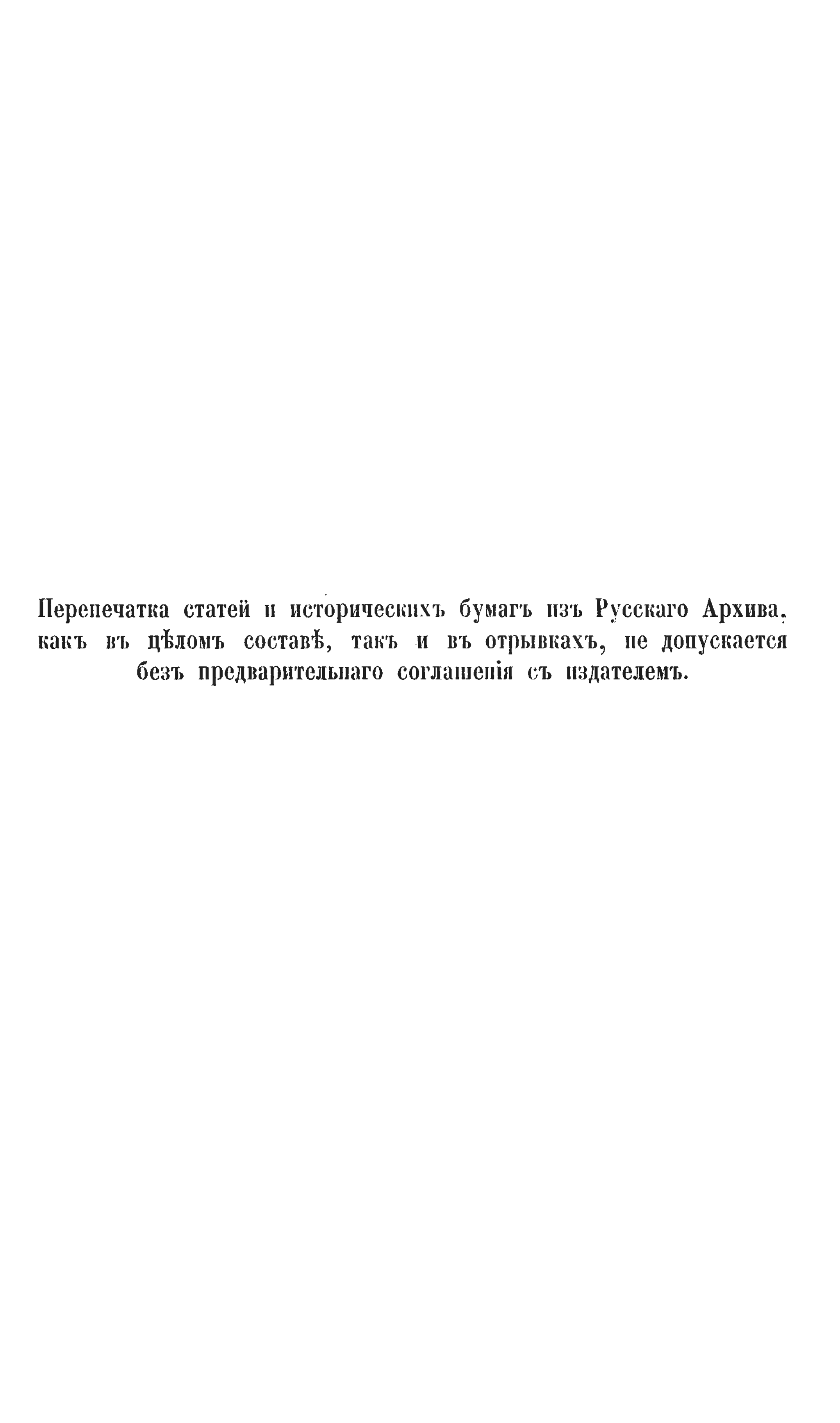
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1878.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ домъ Корзинкина.
1878.

Письма Екатерины Второй къ барону Гримму.

Великая заслуга изданія въ свѣтъ этихъ писемъ принадлежитъ издателю сочиненій Державина, академику Я. К. Гроту, который напечаталъ ихъ съ подлинниковъ (хранящихся въ Государственномъ Архивѣ) въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Они писаны пофранцузски и очень изрѣдка понѣмецки. (Эти немногія приписки и замѣтки на Нѣмецкомъ языкѣ составляютъ тоже печатную новость: до сихъ поръ мы почти не знали Нѣмецкихъ произведеній Екатеринина пера, ибо, какъ извѣстно, Государыня не любила употреблять Нѣмецкаго языка). Здѣсь представляются въ Русскомъ переводѣ выдержки изъ этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, обнародованіе которыхъ составляетъ эпоху въ изученіи XVIII вѣка и которыя несомнѣнно должны сдѣлаться настольною книгою для историка Екатерины и ея времени.

Сношенія Екатерины съ Гриммомъ (р. 1723 † 1807) начались ранѣе ихъ личнаго знакомства и переписки. На это указываетъ сохранившаяся «вѣдомость о деньгахъ, переводимыхъ къ статскому совѣтнику барону Гримму». Въ ней значится, что еще въ 1765 году баронъ Гриммъ получалъ деньги изъ Кабинета Ея Величества, а въ слѣдующемъ году ему переведено черезъ банкира Сутерланда 40 тысячъ рублей. Въ 1785 году (см. ниже, стр. 110), Екатерина пишетъ Гримму, что знаетъ его за честнаго человѣка уже двадцать лѣтъ. Какъ именно начались сношенія, остается пока неизвѣстнымъ; но, судя по количеству переведенныхъ денегъ, надо думать, что Гриммъ исполнилъ какое нибудь значительное порученіе Екатерины. Екатерина была еще великою княгинею, когда Гриммъ уже получилъ литературную извѣстность своимъ остроуміемъ и связью съ Руссо и другими Французскими философами. Его имя извѣстно въ Россіи по стихамъ Пушкина:

> Руссо, замѣчу мимоходомъ,
> Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
> Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
> Краснорѣчивымъ сумасбродомъ.

Кажется, что Гриммъ представлялъ собою счастливое сочетаніе Нѣмецкой основательности, не безъ чопорности, съ Французскою подвижностью и веселонравіемъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ Нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха Великаго, находились подъ обаяніемъ Французской словесности и подчинялись Французскому образу мыслей. Позднѣе онъ сдѣлался секретаремъ герцога Орлеанскаго. Вращаясь въ высшемъ кругу вольнолюбивой Французской знати, поддерживая дружескія связи съ лучшими писателями, Гриммъ составлялъ отчеты о движеніи умовъ во Франціи и пересылалъ ихъ въ Германію своимъ державнымъ благопріятелямъ, въ опредѣленные сроки и взимая за то опредѣленныя деньги. Онъ успѣлъ завести въ Парижѣ правильную контору рукописныхъ извѣстій, и нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина получала ихъ отъ него. Въ числѣ благопріятелей находчиваго барона была и великая ланд-

графиня Дармштадтская Каролина, съ которою читатели наши знакомы по письмамъ къ ней Екатерины II-й. Каролина поручила Гримму воспитаніе единственнаго своего сына, который въ 1773 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ на свадьбу сестры своей, сдѣлавшейся Русскою великою княгинею. Тогда же явился въ Петербургъ и пріятель Гримма Дидеротъ. Екатерина цѣнила знаменитаго философа и часто допускала его къ себѣ; но въ личныхъ сношеніяхъ она должна была отдавать преимущество Гримму. Эти сношенія мѣтко очерчены А. А. Половцевымъ (хотя по отношенію къ другому лицу). Про Гримма можно тоже сказать, что «готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, онъ олицетворялъ своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые неутомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная ошибка, безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ темныхъ людей; а раздѣлять подобное занятіе съ человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не ищущимъ случая ввернуть намёкъ или сарказмъ, составляетъ удовольствіе, которымъ сильные міра не могутъ не дорожить болѣе другихъ» (Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества. XVII, стр. VI). Подобнаго рода письменную бесѣду и вела Екатерина съ барономъ Гриммомъ, которому надо отдать ту честь, что онъ съумѣлъ пріучить Государыню къ перепискѣ съ собою, искренно преклоняясь передъ ея геніемъ и сдѣлавшись самымъ усерднымъ и надежнымъ исполнителемъ ея заграничныхъ порученій.

Первоначально могло быть и еще побужденіе, по которому Екатерина часто призывала къ себѣ Гримма и подолгу съ нимъ бесѣдовала: ей хотѣлось черезъ него достать рукопись Рюльера, описавшаго ея восшествіе на престолъ. Передъ тѣмъ Рюльеръ получилъ должность исторіографа при Французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Свою рукописную книгу поднесъ онъ тогдашнему дофину (Людовику XVI), который на поляхъ ея сдѣлалъ любопытнѣйшія отмѣтки (нынѣ напечатанныя въ XI Книгѣ «Архива Князя Воронцова»). Для Екатерины было крайне заманчиво прочитать разсказъ очевидца о центральномъ днѣ ея жизни. Извѣстно, что авторъ обѣщалъ не печатать книги при жизни Государыни, что̀ и было исполнено. Но Гриммъ и Дидеротъ, завѣдомо для Екатерины, читали «Исторію переворота 1762 года» [1]), и стало быть, она видѣла въ нихъ людей, уже знакомыхъ съ нею и съ тайною ея удивительнаго воцаренія.

Вотъ какъ описываетъ Гриммъ первую свою бесѣду съ Екатериною. «Я былъ позванъ къ ней, только что удалившейся, послѣ вечерняго собранія, во внутренніе покои. Она меня встрѣтила съ тѣмъ величавымъ выраженіемъ достоинства, которое было въ ней такъ естественно, но не имѣло въ себѣ ничего строгаго; тѣмъ не менѣе оно меня смутило. «Ну что же», сказала она, «вы желали переговорить со мною; что̀ имѣете вы сказать мнѣ?»—«Государыня», отвѣчалъ я, «если ваше величество сохраните этотъ взглядъ, то придется уйти, потому что голова моя не будетъ свободна, и слѣд. напрасно будетъ злоупотреблять минутами, которыми вамъ угодно меня удостоить». При этихъ словахъ моихъ, улыбка снова засіяла на лицѣ ея, и она сказала: «Садитесь, поговоримъ о нашемъ дѣлѣ» [2]).

1) Она имѣется у насъ въ рукописномъ Русскомъ переводѣ М. Н. Лонгинова.

2) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества II, 327: разсказъ самого Гримма.

Дѣло состояло въ томъ, что Екатерина предлагала Гримму, черезъ президента Академіи Наукъ графа Орлова, поступить къ ней въ службу. Гриммъ отказался за преклонностью лѣтъ, но съ этого разговора и до самой кончины Государыни онъ сдѣлался ея повѣреннымъ и велъ съ ней непрерывную переписку, исполняя порученія по части пріобрѣтенія книгъ и художественныхъ произведеній, получая за то щедрое вознагражденіе и умѣя сохранять притомъ нѣкоторую свободу отношеній. Около полугода онъ прожилъ въ Петербургѣ, при дворѣ, просто гостемъ Государыни, между тѣмъ какъ воспитанникъ его ландграфъ Дармштадтскій поступилъ въ Русскую службу и отправился на войну, которая тогда велась у насъ съ Турціею.

Въ это время, т. е. осенью 1773 и весною 1774 года (въ самый разгаръ Пугачевщины) между придворною молодежью обращалъ на себя общее вниманіе второй сынъ графа Румянцева-Задунайскаго, 18-лѣтній даровитый графъ Сергѣй Петровичъ. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ, что Государыня съ похвалами отзывалась о немъ Гримму. Мать молодаго человѣка, оберъгофмейстерина великой княгини Натальи Алексѣевны, предложила Гримму путешествовать по Европѣ съ обоими ея сыновьями, графомъ Сергѣемъ и старшимъ его братомъ (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ). Гриммъ отвезъ ихъ сначала въ Лейденскій университетъ, а потомъ ѣздилъ съ ними къ Вольтеру и въ Италію [3]). Только что они уѣхали изъ Петербурга, получено было извѣстіе о кончинѣ ландграфини Каролины († 30 Марта 1774 ст. ст.), и плачемъ по ней начинаются Екатерининскія письма къ Гримму. Ландграфиня умерла совершенно одна, отославъ отъ себя родныхъ и приближенныхъ и велѣла похоронить себя въ саду, въ особомъ склепѣ, который былъ тайкомъ ото всѣхъ ею самою устроенъ. Екатерина сочувствовала этой женщинѣ, можетъ быть, и потому, что находила въ ней нѣкоторое сходство съ собою: и для нея письменный столъ, книги и сношенія съ философами служили замѣною супружескаго счастія; мужъ Каролины, подобно Петру III-му, беззавѣтно предавался потѣхамъ воинскихъ обрядностей, истощая скудныя средства страны своей на затѣи безплоднаго солдатства. П. Б.

1774 годъ.

4.

25 Апрѣля ст. с. 1774 [4]).

Господинъ Гриммъ! Я получила вчера ваше письмо изъ Риги отъ 19-го Апрѣля. Не вы одни плакали съ г. Ридезелемъ [5]): онъ и меня заставилъ расплакаться. Ландграфиня была безпримѣрная женщина. Какъ она умѣла умереть! Когда придетъ мой чередъ, я постараюсь взять съ нея примѣръ и также прогоню всѣхъ плаксъ. Я хочу, чтобъ въ эти минуты вокругъ меня были люди закаленнаго сердца, либо завзятые смѣхотворы.

---

[3]) Р. Архивъ 1869, 843.

[4]) Екатерина отмѣчала всѣ письма свои за границу старымъ стилемъ. Ниже мы увидимъ, какъ она отстаиваетъ употребленіе этого стиля.

[5]) Одинъ изъ чиновниковъ Дармштадтскаго двора, пріѣзжавшій въ Петербургъ, по случаю свадьбы Натальи Алексѣевны.

Вы у меня спрашиваете: «какъ выбраться изъ моихъ владѣній?» Могу отвѣчать на это лишь словами Мольера: «Жоржъ Данденъ, ты самъ захотѣлъ того». Впрочемъ отъ васъ зависитъ вернуться. Вы съ великою радостью праздновали въ Курляндіи сорокъ шестую годовщину моего рожденія. Поздравляю васъ; сама я ненавижу этотъ день: прекрасный подарокъ онъ мнѣ приноситъ! Каждый разъ лишній годъ, безъ котораго я могла бы отлично обойтись. Скажите по правдѣ, вѣдь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалася въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ?

Но прощайте, господинъ Гриммъ; письмо мое начинаетъ походить на болтовню послѣ восьми часовъ въ Царскомъ Селѣ. Глупцы, которые прочтутъ его прежде васъ, могутъ счесть непристойнымъ, что такія важныя особы, какъ вы и я, пишемъ подобныя письма. Вамъ извѣстно, что всякій обязанъ имѣть уваженіе къ ближнему своему, и вы знаете, какимъ уваженіемъ пользуется г. Тома̀ [6]); посему изъ уваженія къ глупцамъ, которые еще глупѣе друга Тома̀, кончаю письмо, желая вамъ добраго здоровья и счастливаго пути.

Оренбургъ освобожденъ, и какъ я предсказывала, комедія кончится кнутомъ и висѣлицею, къ которымъ я не чувствую склонности больше прежняго; но я понесла чувствительную утрату: генералъ Бибиковъ, въ 13 дней, умеръ отъ горячки, въ двухъ стахъ верстахъ передъ Оренбургомъ.

Гриммъ, конечно, пришелъ въ восхищеніе отъ письма Екатерины и отвѣчалъ ей цѣлою тетрадью. Екатерина испугалась такаго письменнаго усердія и пишетъ ему:

2.

19 Іюня 1774.

Прежде всего, господинъ философъ, не обольщайте себя и не думайте получить отвѣтъ въ 12 страницъ. Это чистая невозможность: нынче даже и въ Вецларѣ [7]) сокращаютъ письмоводство. Вы скажете: «вотъ и видно, что имѣешь дѣло съ царственнымъ лицомъ; у этихъ людей всегда есть отговорка». Неправда. Ищите другой причины, и если напр. объясните мою краткость лѣнью, то будете недалеко отъ настоящей причины. Я очень люблю получать письма въ 12 страницъ, коль скоро ихъ пріятно читать, какъ ваше изъ Дрездена; но, говоря откровенно, обязанность отвѣчать на нихъ не доставляетъ мнѣ такаго же удовольствія. Не люблю я частыхъ совѣщаній съ докторами [8]): эти шарлатаны всегда сдѣлаютъ вамъ больше вреда чѣмъ пользы; примѣръ—Людовикъ XV; у него ихъ было десять человѣкъ, и онъ тѣмъ не менѣе mortus est [9]). Кажется, чтобы умереть отъ ихъ рукъ, было тутъ девять лишнихъ. По моему, стыдно королю Франціи, въ XVIII столѣтіи, умереть отъ оспы; это варварство! Мнѣ сказывали, что императрица Россійская посылала Людовику XV че-

---

[6]) Комнатная собачка Екатерины.

[7]) Въ Вецларѣ разбирались мелочные споры между многочисленными членами Германской имперіи.

[8]) Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Гриммъ былъ боленъ: онъ страдалъ засореніемъ кишекъ, надъ чѣмъ нерѣдко шутила Екатерина.

[9]) Людовикъ XV скончался въ Маѣ мѣсяцѣ этого 1774 года

резъ г. Дюрана [10]) разумный, человѣколюбивый и дружескій совѣтъ, чтобы онъ, не медля ни секунды, приказалъ Димсдалю привить себѣ оспу. Мнѣ сказывали также, что она больше чѣмъ кто другой имѣла право подать подобный совѣтъ, сдѣлавъ удачный опытъ надъ собой и надъ своимъ сыномъ.

Г. Тома̀ долженъ весьма чувствовать ту честь, что вы его помните; но онъ съ нѣкотораго времени болѣе пребываетъ въ нѣдрахъ своего семейства, чѣмъ со мной: онъ влюбленъ до безумія въ свою супругу и въ пятерыхъ дѣтей, которыя на него похожи какъ двѣ капли воды. Вся сія свора прогуливается со мною по всевозможнымъ садамъ, а за симъ скрытно удаляется въ свою хижину, куда за ними слѣдуетъ и родитель, жертвующій для нихъ и царскими палатами, и парчевыми диванами, и креслами, и философско-комическими бесѣдами.

Усиленіе Потемкина возвѣщено Гримму слѣдующими строками:

3.

Въ Петергофѣ, который, ни мнѣ ни Тома̀ не нравится, но гдѣ, однако, мы оба уже находимся цѣлый мѣсяцъ. 14-го Іюля 1774.

Вы и ваши единомышленники подозрѣваете другихъ въ перемѣнчивости. Знаю, откуда это подозрѣніе; навѣрное отъ того, что, когда вы были здѣсь, я отдалилась отъ нѣкоего превосходнаго, но весьма скучнаго гражданина [11]), котораго немедленно, и сама точно не знаю какъ, замѣнилъ величайшій, забавнѣйшій и пріятнѣйшій чудакъ, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнемъ желѣзномъ вѣкѣ.

4.

С.-Петербургъ, 3-го Августа (1774), день молебна по случаю мира, что̀ бы тамъ ни думали.

Что̀ вы будете дѣлать у герцога Орлеанскаго? Блеснуть у него вамъ нельзя, такъ какъ онъ живетъ въ ссылкѣ,—аминь. Пальцевъ я себѣ болѣе не царапаю: съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, не связала ни единаго узла. Теперь я начала вязать одѣяло для моего друга Тома̀са, а генералъ Потемкинъ сбирается украсть его. Ахъ, что за свѣтлая голова у этого человѣка! Ему болѣе, нежели кому нибудь, мы обязаны этимъ миромъ. И при всей своей дѣльности онъ чертовски забавенъ.

5.

30-го Августа 1774.

Нынче знаменитый день: вопервыхъ потому, что утромъ я прошла пѣшкомъ три версты съ половиной за крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго собора въ Александроневскую лавру; а вовторыхъ, вечеромъ имѣла честь получить ваше посланіе въ двѣнадцать страницъ. Долгое сіе посланіе начинается настоящею проповѣдью о мирѣ, изъ чего я могу заключить, что господинъ баронъ весьма доволенъ тѣмъ, что миръ подписанъ. За проповѣдью слѣдуютъ удивительные комплименты

---

[10]) Французскій посланникъ у насъ.
[11]) Василія Семеновича Васильчикова.

господину Томà, который въ эту минуту храпитъ изо всѣхъ силъ на Турецкомъ диванѣ позади меня. Вы, Французскія собаки, и не подозрѣваете, что могутъ существовать подобные диваны; генералъ Потемкинъ ввелъ ихъ въ употребленіе, и они такіе просторные, что на нихъ могутъ ежиться и корчиться хоть двѣнадцать человѣкъ съ испорченными кишками. И такъ, если останетесь въ Парижѣ, совѣтую пріобрѣсти подобный диванъ; если же Жоржъ Данденъ рѣшится вернуться сюда, то я сама ему куплю на свой счетъ.

И такъ Томà храпитъ, дочка его возится въ передней, а я пишу и пишу такое письмо, что еслибы мы съ вами были люди благоразумные, то сожгли бы его до отправленія на почту вмѣстѣ съ остальными нашими письмами; а то я право боюсь, чтобы они когда нибудь не попали въ архивъ сумасшедшаго дома.

6.

30-го Сентября 1774.

Послушать васъ, такъ можно подумать, что я всюду сѣю смуты, точно маркизъ Пугачевъ. Кстати, ему дорога прямая на висѣлицу, къ вашему удовольствію, конечно? Маркиза поймали, заковали и заточили.

7.

24-го Октября 1774.

Кажется, я имѣла счастіе получить экземпляръ новаго изданія «Petit Prophête de Bôhmischbroda» [12]), но не успѣла на него взглянуть, какъ Потемкинъ въ туже минуту овладѣлъ книгою. Это у него старая привычка, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ набѣговъ на непріятельскую страну. Онъ воевалъ такимъ образомъ шесть лѣтъ съ большою пользою для отечества, но себѣ богатства не нажилъ, потому что всегда свою долю отдавалъ солдатамъ. Такой способъ войны не всегда и не всѣмъ удается. Какъ вамъ извѣстно, маркиза Пугачева везутъ теперь изъ Симбирска въ Москву, связаннаго, окрученнаго, словно медвѣдя, а въ Москвѣ его ожидаетъ висѣлица. Повидимому, негодяй не отличается большимъ смысломъ, потому что онъ надѣется на помилованіе; впрочемъ, можетъ быть, вообще человѣкъ не можетъ существовать, не предаваясь обманчивымъ надеждамъ. Въ Москву я поѣду со всѣмъ дворомъ или въ концѣ Декабря, или въ началѣ Января.

8.

3-го Декабря 1774.

Симъ имѣю честь увѣдомить васъ, что большое письмо ваше изъ Парижа, № 5, мною получено. Упоминаю объ этомъ, потому что я всегда думала, что все, чтò идетъ оттуда, должно быть необычайно остроумно; но я должна вамъ замѣтить, что это письмо ваше отзывается Сѣверомъ, т. е., выражаясь яснѣе, вы, господинъ философъ, (не въ обиду будь сказано) говорите вздоръ, и дѣйствія ваши проти-

[12]) Сочиненіе Гримма о превосходствѣ Итальянской музыки передъ Французскою.

ворѣчатъ вашимъ словамъ, какъ и слѣдуетъ всякому честному и прямому человѣку. Я могла бы вамъ это доказать какъ дважды два четыре, но не хочу, по той причинѣ, что у меня теперь лихорадка, и горло болитъ, и желудокъ разстроенъ; а я, чтобъ примѣрно наказать себя, не прибѣгая къ шарлатанамъ, посадила себя на хлѣбъ и на воду. Вы знаете, что отъ голода является аппетитъ, а отъ неудовлетвореннаго аппетита дурное расположеніе духа; вотъ поэтому вы и должны мнѣ вѣрить на слово, не требуя отъ меня никакихъ доказательствъ. Доказательства я вамъ приведу въ другой разъ, господинъ торговецъ портретами.

Поздравляю васъ, какъ обитателя Пале-Рояля, съ возстановленіемъ стариннаго парламента.

Къ концу мѣсяца уѣзжаю въ Москву, и тогда пріѣзжай туда всякъ кто можетъ, всякъ кто хочетъ! А вы, пріѣдете тоже? Я съ прилежаніемъ прочитала ваше описаніе модныхъ дамскихъ прическокъ въ Парижѣ, но не подумаю подражать. Маркизъ Пугачевъ все продолжаетъ лгать, оговариваетъ людей, отрекается отъ прежнихъ словъ; но все это ни къ чему не послужитъ.

Вамъ посылаютъ поклонъ г. Томасъ, любимая его дочка и господинъ Томасъ, четырехмѣсячный его сынокъ, который своею веселостію, причудами, живостью и дерзостью превосходитъ всѣхъ прочихъ членовъ семьи; можетъ быть, поэтому-то онъ милѣе всѣхъ. Всѣ они храпятъ около меня, и для меня эти звуки, что̀ для другихъ— пѣніе птицъ.

9.

21-го Декабря 1774.

Чрезъ нѣсколько дней комедія съ маркизомъ Пугачевымъ кончится; приговоръ уже почти готовъ, но для этого нужно было соблюсти кое-какія формальности; розыскъ продолжался три мѣсяца, и судьи работали съ утра до ночи. Когда это письмо дойдетъ къ вамъ, вы можете быть увѣреннымъ, что уже никогда больше не услышите объ этомъ господинѣ. Можно подумать, что вы просто худѣете оттого, что я живу въ мирѣ и согласіи съ любезнымъ моимъ братомъ Абдуломъ. Вотъ вамъ за то, что вы говорите, будто я разрушаю чужое семейное счастіе. Знайте, милостивый государь, разъ навсегда, что я никогда не вмѣшивалась въ чужія семейныя дѣла; но чаще бывало, что другіе желали вмѣшаться въ мои. Бывало также не разъ, что меня просили помирить тѣхъ, кто между собою ссорились, и тогда я, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, дѣлала все, что̀ могла, въ надеждѣ добра; но, право, поправлять худое весьма трудно. Спаситель сказалъ тоже самое 1750 лѣтъ тому назадъ или около того. Я имѣю право упоминать объ этомъ, больше чѣмъ иные (я ихъ не называю, чтобъ не затруднять почтовыхъ чиновниковъ): они призываютъ небо въ свидѣтели, и въ тоже время осмѣливаются думать, что тамъ ничего нѣтъ или что-то въ этомъ родѣ. Но лучше не говорить объ такихъ мудреныхъ вещахъ. Давайте говорить о чемъ нибудь другомъ.

Два различные разсказа о путешествіи принца Генриха одинаково вѣрны: дѣло въ томъ, что принцъ Генрихъ, исполняя давнишнее обѣщаніе, хотѣлъ пріѣхать къ намъ, чтобы отпраздновать заключеніе мира, но этому помѣшала моя поѣздка въ Москву. Тогда онъ думалъ было ѣхать туда же, но ему представили, что городъ сильно пострадалъ отъ пожара, бывшаго прошлымъ лѣтомъ, и было бы весьма трудно найти для него помѣщеніе вблизи отъ двора и еще труднѣе доставить удобства и удовольствія, возможныя въ Петербургѣ; въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ни одного загороднаго дворца, гдѣ можно бы съ удобствомъ прожить лѣто. Тогда онъ согласился отложить свой пріѣздъ до возвращенія двора въ Петербургъ. Совѣтую и вамъ воспользоваться этимъ случаемъ.

Мамзель Кардель и г-нъ Вагнеръ [13]) имѣли дѣло съ непутной головой, которая все, что̀ ей ни говорили, принимала на выворотъ. Вагнеръ желалъ «испытаній» совсѣмъ иного рода, а упрямая головушка думала про себя: для того, чтобы быть чѣмъ нибудь на семъ свѣтѣ, нужно имѣть кое-какія необходимыя качества; заглянемъ поглубже въ душу, имѣются ли у насъ сіи качества? Если нѣтъ, то нужно ихъ развить. Мартинъ Лютеръ былъ неучъ и научить этому никакъ не могъ. — Изъ Берлина мнѣ сообщаютъ о молодомъ человѣкѣ [14]) тоже самое, что̀ и вы писали; у него два качества: не золъ и не гордъ. Если онъ захочетъ остаться въ Москвѣ, отговаривать не стану. Сестра его все больна, да иначе и быть не можетъ: она во всемъ любитъ крайности. Коли танцовать, то десятка два контредансовъ, столько же менуэтовъ, а Нѣмецкіе танцы уже безъ счету; чтобы въ комнатахъ жарко не было, не нужно и совсѣмъ топить; иные натираютъ лицо льдомъ, ну а мы будемъ тереть все тѣло льдомъ: середины ни въ чемъ нѣтъ. Изъ опасенія злыхъ людей, мы всѣхъ на свѣтѣ подозрѣваемъ и не слушаемся никакихъ совѣтовъ, ни дурныхъ, ни хорошихъ; словомъ, не видно ни привлекательности, ни ума, ни благоразумія, и Господь вѣдаетъ, чѣмъ все это кончится. Представьте, что вотъ прошло уже полтора года, а она слова не умѣетъ сказать порусски; все хочетъ, чтобы ее учили, а сама не хочетъ ни минуты заняться этимъ дѣломъ. Все у насъ вертится кубаремъ: и того не терпимъ, и этого не любимъ, долговъ больше нежели имѣнія; однако едва ли кто нибудь въ Европѣ получаетъ столько, сколько они [15]). Ну будетъ, не слѣдуетъ отчаяваться въ молодыхъ людяхъ, да и слишкомъ ворчать тоже не годится; не нужно огорчать ни истовъ, ни неистовъ, ни людей съ поврежденными кишками. Скажу вамъ новость: императрица Россійская опять захворала и очень сильно, новою болѣзнью, которая называется законо-

---

[13]) Наставница и учитель Екатерины во время молодости ея въ Штетинѣ. О нихъ будетъ еще говориться въ дальнѣйшихъ письмахъ.

[14]) Молодомъ герцогѣ Дармштадтскомъ.

[15]) Точно такъ и Елисавета Петровна была убѣждена, что Екатерина и супругъ ея много имѣютъ денегъ на свое содержаніе.

бѣсіемъ. Въ первый разъ она набросала только общія начала, теперь же въ полной разработкѣ вопроса. О бѣдная женщина! Или умереть, или доведетъ свой трудъ до конца.

1775 годъ.

1.

Изъ Твери, самаго красиваго города въ имперіи послѣ Петербурга, изъ дома епископа Платона, который черезъ два дня будетъ лишенъ своей епархіи и переведенъ въ Москву. 21 Января 1775.

Въ прошлое Воскресенье, послѣ обѣдни въ Новгородѣ, я получила вашъ № 10, и такъ какъ сегодня уже Середа, то вы, если не разучились считать, сообразите, что во всю дорогу, т. е. три дня, письмо ваше лежало у меня въ карманѣ. Сегодня вечеромъ или въ ночь прибуду я въ домъ нѣкоего Грузинскаго князя [1]), за семь верстъ отъ сей древней и обветшалой столицы. Тамъ дождусь ихъ императорскихъ высочествъ, которыя выѣхали изъ Царскаго Села 24 часа послѣ моего отъѣзда. За симъ послѣдуетъ торжественный въѣздъ, какъ всегда бываетъ при заключеніи мира и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, а потому знайте, что мнѣ недосугъ обращать вниманіе на вашу воркотню. Я ее обойду молчаніемъ тѣмъ болѣе, что вы сами говорите, что мнѣ напередъ уже все прощено; да кромѣ того письмо ваше весьма длинно, а у меня голова болитъ отъ угару, потому что, кажется, архіерейскихъ палатъ ни лѣтомъ, ни зимою не провѣтриваютъ.

Знаете, что въ свитѣ моей есть мое другое я, или, лучше сказать, мой представитель, котораго я посылаю въ Константинополь, для того чтобъ отъ моего имени насказать моему другу султану много хорошаго и пріятнаго; однимъ словомъ, это князь Репнинъ, веселый посланникъ и отличный товарищъ въ путешествіи. Я везу его безъ церемоніи въ Москву. Конечно, въ моемъ обществѣ ему не пріобрѣсти той степенности, которая необходима для посольскаго сана; пусть ужъ самъ добываетъ ея, гдѣ знаетъ. Кстати, моя нѣжность къ султану простирается до того, что у меня уже есть табакерка съ его портретомъ. Князю Барятинскому [2]) велю сказать, чтобъ онъ васъ увѣдомилъ, когда можно будетъ переслать ко мнѣ Турскій чернославъ, который вы мнѣ жалуете отъ щедротъ своихъ. Парламентскія рѣчи, которыя вы мнѣ прислали, очень хороши; для счастія народа желательно, чтобъ между дворомъ и парламентами установилось прочное согласіе.

2.

Изъ самаго сердца Москвы, 30-го Января 1775.

Господинъ философъ, объявляю вамъ искреннѣйшую признательность за тѣ желанія, которыя летѣли ко мнѣ отъ васъ черезъ воз-

---

[1]) Село Всесвятское. Тогда нынѣшняго дворца въ Петровскомъ паркѣ еще не было.

[2]) Князю Ивану Сергѣевичу, Русскому посланнику въ Парижѣ

душное пространство наканунѣ новаго года; звуки эти достигли до меня только вчера.

Итакъ вы обѣщаетесь, что больше четырехъ страницъ писать не будете? Какъ хотите, такъ и дѣлайте, господинъ философъ, повинуясь внушенію пресловутыхъ попорченныхъ кишекъ. Но пожалуйста позвольте Греческому календарю остаться какъ онъ есть и безъ всякихъ заимствованій отъ Латинянъ. Вообще я думаю, что все равно, какое времясчисленіе ни принять, такъ какъ никакая часть свѣта не знаетъ его въ точности, и вы еще разъ десять перемѣните свое, между тѣмъ какъ мы будемъ имѣть удовольствіе знать, что у насъ лѣто или весна не придутся въ зимніе мѣсяцы.

Знаете ли вы, всезнающіе люди, что я въ восторгѣ отъ пріѣзда сюда и что всѣ здѣсь, отъ мала до велика, тоже въ восторгѣ, видя меня. Городъ этотъ, какъ фениксъ, возрождается изъ пепла; народонаселеніе значительно уменьшилось вслѣдствіе чумы, которая похитила болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но что объ этомъ толковать! Вы желаете имѣть планъ дома, гдѣ я живу. Я вамъ его пришлю, но опознаться въ этомъ лабиринтѣ премудреная задача: прошло часа два, прежде чѣмъ я узнала дорогу къ себѣ въ кабинетъ, безпрестанно попадая не въ ту дверь. Выходныхъ дверей многое множество, я въ жизнь мою столько не видала ихъ. Съ полдюжины задѣлано по моему приказанію, и все-таки ихъ вдвое больше, чѣмъ нужно. Собственно говоря, тутъ три каменныхъ дома, которые, по моему приказанію, соединены посредствомъ вновь выстроенныхъ двухъ огромныхъ галлерей, большой залы и нѣсколькихъ парадныхъ комнатъ. Сама я живу въ одномъ изъ этихъ домовъ, который мнѣ уступилъ вице-канцлеръ [3]; въ другомъ, который который я купила, живетъ мой сынъ; а третій, который тоже мнѣ принадлежитъ, назначенъ тѣмъ, кому необходимо жить при дворѣ; прочіе изъ свиты помѣщаются въ десяти или двѣнадцати нанятыхъ домахъ. Все это представляетъ такой лабиринтъ, что я отчаяваюсь дать вамъ ясное понятіе. Но на сегодня довольно; вотъ вамъ три страницы за ваши четыре. Добраго вечера!

3

16-го Марта 1775.

Вы пишете мнѣ четыре страницы, нанизываете слова словно бисеръ, и все для того, чтобъ спросить, пріѣзжать вамъ или не пріѣзжать? А я васъ прямо ждала съ принцемъ Генрихомъ, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ 1776 г. Вы просите назначить время; но какъ же это можно, скажите? Я вернусь въ Петербургъ водою въ Апрѣлѣ или въ Маѣ, а вы пріѣдете, какъ по вашему будетъ удобнѣе, и вамъ будутъ очень рады; проживете сколько хотите, и

[3]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Домъ этотъ, у Пречистенскихъ воротъ, принадлежалъ его брату Михаилу Михаиловичу и нынѣ принадлежитъ его правнуку, князю Сергію Михайловичу. Онъ соединенъ былъ въ 1775 году переходами съ нынѣшнимъ домомъ А. П. Бахметевой, гдѣ помѣщался Потемкинъ.

чѣмъ дольше, тѣмъ лучше; уѣдете, когда вздумается. Кажется, ясно? Но надо правду сказать, философы—престранный народъ; они, мнѣ кажется, на свѣтъ родятся для того, чтобъ объяснить то, что̀ и безъ нихъ довольно понятно; что̀ людямъ кажется несомнѣннымъ, какъ дважды два четыре, они затемняютъ и заставляютъ въ томъ сомнѣваться.

Слушайте же еще разъ: дозволяется вамъ пріѣхать и одному, если угодно, и въ такомъ случаѣ путешествіе будетъ на мой счетъ; пріѣхать прежде, чѣмъ ѣхать въ Италію, или послѣ. О молодомъ человѣкѣ могу вамъ сообщить [4]), что онъ здѣсь связался съ повѣсами, которые его раззорятъ и безславятъ. Сестра его въ чахоткѣ, и повидимому нѣтъ того, чего мы съ вами желаемъ [5]); впрочемъ, живутъ они согласно.

4.

Москва, 27-го Марта 1775.

Маркизу Пугачеву никогда и въ голову не приходило предлагать мнѣ завоеваніе Китая, и я полагаю, онъ даже и не зналъ, что есть на свѣтѣ такая земля. Вы пишете о черносливѣ; правду сказать, вы много о немъ толкуете. Къ сожалѣнію, я его еще не получала, но все-таки благодарю васъ и принимаю какъ знакъ вашего ко мнѣ вниманія, милостивый государь: видите, сегодня я не забываю вставлять это слово. Мамзель Кардель навѣрное бы стала меня бранить за подобную разсѣянность; покойница всегда говорила, что̀ отъ слова «милостивый государь» языкъ не отвалится. Вѣроятно, она заимствовала это изреченіе изъ какой нибудь комедіи. Кромѣ разныхъ наукъ, она еще знала, какъ свои пять пальцевъ, всякія комедіи и трагедіи, и при всемъ томъ мамзель Кардель была особа презабавная. Кстати, не вздумайте сыграть со мной ужасной шутки, не давайте никому моей болтовни съ Дидеротомъ. М-за де Кастри я очень уважаю, но онъ можетъ умереть, и тогда записки мои пойдутъ по рукамъ, попадутъ къ типографщикамъ, а я книгопечатанія какъ огня боюсь. Поэтому; что̀ бы не говорили вы и другъ мой принцъ Генрихъ, копій не давать никому, и скажите Дидероту, что я ему посылаю поклонъ и чтобъ онъ копій ни единой душѣ не давалъ, а отвѣты мои клалъ бы въ нашу общую библіотеку [6]) на сохраненіе.

Но вотъ что, господа философы, послушайте: такъ какъ вы никакихъ особенныхъ мнѣній не придерживаетесь, то вы были бы любезнѣйшими, прекрасными людьми, если бы сдѣлали милость, составили планъ ученія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и кончая университетомъ включительно. Просьба моя можетъ вамъ показаться нескромною, но мнѣ говорятъ, будто нужно имѣть три разряда школъ;

---

[4]) Ландграфѣ Дармштадтскомъ.

[5]) Т. е. беременности великой княгини.

[6]) Извѣстно, что Екатерина купила у Дидерота его библіотеку, оставила ему ее въ пожизненное пользованіе и сверхъ того давала годовое жалованье яко бы ея библіотекарю.

а такъ какъ я не ученая и въ Парижѣ не бывала, и нѣтъ у меня ни ума, ни знаній, то стало быть я и не знаю, чему нужно учиться и чему можно выучиться и откуда объ этомъ узнать, коли не отъ васъ, ученыхъ. Согласитесь ли вы на мою просьбу или нѣтъ, я покуда вотъ что сдѣлаю: стану перелистывать Энциклопедію. О, тамъ я навѣрное найду все, что̀ мнѣ нужно и чего не нужно.

5.

Апрѣля 7-го 1775. Въ Москвѣ, сидя между трехъ дверей и трехъ оконъ, во Вторникъ на Страстной недѣлѣ.

Не прогнѣвайтесь, я вчера начала говѣть, присутствуя на мvровареніи. Такъ какъ мvро есть цѣлительное средство и притомъ же святыня, то коли хотите, я вамъ его пришлю для исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, между прочимъ и отъ болѣзни въ кишкахъ. По крайней мѣрѣ, я бы желала, чтобы свершилось это чудо; но для этого вамъ нужно бы имѣть вѣру съ горчичное зерно, а въ такомъ еретикѣ, котораго Лютеръ совсѣмъ лишилъ вѣры, я увѣрена и на столько ея не найдется.

Вы не можете меня упрекнуть въ лѣности: съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я уже нацарапала четыре манифеста. Изъ нихъ одинъ состоитъ изъ сорока семи пунктовъ и лишаетъ меня полутора милліона дохода; онъ будетъ памятенъ по многимъ причинамъ; говорить объ немъ подробно было бы слишкомъ долго. Другой манифестъ предлагаетъ полутора-милліонную ссуду съ платой одного процента семействамъ, пострадавшимъ отъ Пугачева. Подробности всего этого взяли бы слишкомъ много времени; лучше скажу вамъ, что мамзель Мими и г. Томасъ улеглись на моей постелѣ позади меня. Дѣвица эта поступила ко мнѣ отъ князя Репнина, который ее любитъ до безумія, и онъ поручилъ ее мнѣ, въ надеждѣ, что ей будетъ хорошо. Не правда ли, онъ умѣетъ пристроить своихъ? Мими живетъ въ великой дружбѣ съ господами Томасами, которыхъ теперь всѣ охотно разбираютъ; они очень размножились, такъ что мы ихъ раздаемъ.

Вы ошиблись, государь мой, если думали, что ваше письмо не разсмѣшитъ меня: я нѣсколько разъ принималась хохотать, и особенно насмѣшилъ меня Юлій съ своимъ календаремъ. Такъ какъ вы пишете о торжествахъ по случаю мира, то слушайте, что̀ я вамъ разскажу и не вѣрьте ни въ единомъ словѣ нелѣпостямъ, какія пишутся въ газетахъ.

Былъ составленъ проэктъ празднествъ, и все одно и тоже какъ всегда: храмъ Януса, да храмъ Бахуса, храмъ еще, не вѣсть какого дьявола, все дурацкія, несносныя аллегоріи, и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ, съ необычайнымъ усиліемъ произвести что нибудь безсмысленное. Я разсердилась на всѣ эти проэкты, и вотъ въ одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора и сказала ему: «Любезный Баженовъ, за три версты отъ города есть лугъ; представьте, что этотъ лугъ Черное море, и что изъ города двѣ дороги; ну вотъ одна изъ сихъ дорогъ будетъ Танаисъ, а дру-

гая Борисѳенъ; на устьѣ перваго вы построите столовую и назовете Азовомъ; на устьѣ второй—театръ и назовете Кипбурномъ. Изъ песку сдѣлаете Крымскій полуостровъ, помѣстите тутъ Керчь и Еникале, которыя будутъ служить бальными залами. Налѣво отъ Танаиса будетъ буфетъ съ винами и угощеніемъ для народа; противъ Крыма устроится иллюминація, которая будетъ изображать радость обоихъ государствъ о заключеніи мира; по ту сторону Дуная пущенъ будетъ фейерверкъ, а на мѣстѣ, имѣющемъ изображать Черное море, будутъ разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете; по берегамъ рѣкъ, которыя въ тоже время и дороги, будутъ расположены виды, мельницы, деревья, иллюминованные дома, и такимъ образомъ у васъ выдетъ праздникъ безъ вычуръ, но можетъ статься гораздо лучше многихъ другихъ, и въ немъ будетъ гораздо больше простоты». Позабыла вамъ сказать, что вправо отъ Танаиса Таганрогъ, гдѣ будетъ ярмарка. Вы привыкли все разбирать; но скажите, развѣ это дурно придумано? Правда, что море на твердой землѣ — безсмыслица, но не обращайте вниманія на этотъ изъянъ, и все остальное окажется очень сносно. Такъ какъ мѣсто очень просторное, и будетъ это вечеромъ, то все сойдетъ, по крайней мѣрѣ нисколько не будетъ хуже, чѣмъ нелѣпые языческіе храмы, которые мнѣ страшно надоѣли.

6.

12-го Апрѣля 1775 г. Свѣтлое Христово Воскресенье.

Вы пишете, что умрете отъ чувства благодарности, которое скрылось внутрь; а я вамъ скажу, что рано или поздно умру отъ многописанія: никогда въ жизнь не приходилось мнѣ такъ много писать какъ здѣсь. Теперь царапаю прекрасные, краснорѣчивые указы, которые прескверно будутъ переведены, такъ какъ въ нихъ мыслей больше, чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно бываетъ больше словъ, нежели мыслей. Если вамъ попадется такой переводъ, плюньте на него и не читайте; но коли увидите въ концѣ 47 пунктовъ, тогда скажите: «Она не колдунья, а между тѣмъ, тотчасъ послѣ войны, которая длилась шесть лѣтъ и которую въ Парижѣ всѣ считали очень раззорительною, прощаетъ около двухъ милліоновъ податей, и у нея расплата со всѣми полная». Скажите, пожалуйста, мнѣ сдается, что папà Браски [7]) немножко іезуитъ; я ничего не имѣю противъ этого, и вы знаете, какъ я дорожу этимъ драгоцѣннымъ отродьемъ: я ихъ берегу и считаю этихъ людей самыми пріятными и разумными между обитателями Бѣлоруссіи. Правду сказать, что эти мошенники—отличные люди; такихъ школъ, какъ у нихъ были, никто не сумѣлъ еще устроить, хотя для этого и разграбили ихъ имѣнія. Недавно вашъ молодой человѣкъ чуть не женился и самымъ глупымъ образомъ; не знаю еще, чѣмъ это все кончится. Чудеса, да и только! Но Боже мой, зачѣмъ дѣти чаще походятъ на отцовъ, тогда

[7]) Пій VI, не задолго передъ тѣмъ заступившій мѣсто знаменитаго Климента XIV-го.

какъ имъ лучше бы походить на матерей [8]). Это безсмыслица: натура очень часто глупа; когда нибудь на эту тему напишу разсужденіе и посвящу его вамъ. Прощайте, для Свѣтлаго Воскресенья довольно.

7.

Въ Коломенскомъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, 29-го Апрѣля 1775.

Противъ Царскаго Села Коломенское все равно что дрянная піеса въ сравненіи съ трагедіей Лагарпа; я очень скромна, какъ видите, потому что и Царское Село не лучше всѣхъ другихъ увеселительныхъ домовъ на свѣтѣ. Но какъ тутъ писать? Вотъ Андерсонъ требуетъ, чтобъ я его покрыла. Онъ сидитъ на креслѣ напротивъ меня, и мы опираемся, я лѣвой рукой, а онъ правой лапой на открытое окно, которое можно бы принять за церковную дверь, не будь оно въ третьемъ этажѣ. Изъ окна сэръ Андерсонъ видитъ, вопервыхъ, рѣку Москву, которая извиваясь образуетъ поворотовъ двадцать; онъ начинаетъ безпокоиться, лаетъ. Это плыветъ барка; нѣтъ, нѣтъ, кромѣ барки, еще двадцать лошадей переплываютъ рѣку къ другому берегу, гдѣ зеленые луга, покрытые цвѣтами, тянутся вплоть до вспаханныхъ холмовъ, принадлежащихъ тремъ деревнямъ, которыя я отсюда вижу. Налѣво въ лѣсу, маленькій монастырь, выстроенный изъ кирпича, а далѣе извилины рѣки и дачи, и такъ вплоть до самой столицы, которая виднѣется вдали. Направо взорамъ Тома представляются холмы, поросшіе густымъ лѣсомъ; въ зелени мелькаютъ колокольни, каменныя церкви, а кое-гдѣ въ углубленіяхъ, между холмами, еще лежитъ снѣгъ. Повидимому г. Андерсону надоѣдаетъ любоваться такимъ прекраснымъ видомъ; вотъ онъ завертывается въ одѣяло и располагается ко сну. Если отъ сего моего описанія и ваши глаза тоже сомкнутся, то вы можете, государь мой, послѣдовать его примѣру. Можетъ быть, вы полюбопытствуете узнать, какъ велика семья Андерсонова въ настоящее время. Я вамъ скажу, что во главѣ стоитъ родоначальникъ племени сэръ Томъ Андерсонъ; супруга его герцогиня Андерсонъ, дѣти ихъ—молодая герцогиня Андерсонъ и господинъ Андерсонъ. Томъ Томсонъ остался въ Москвѣ, подъ покровительствомъ генералъ-губернатора, князя Волконскаго. Всѣ они пользуются уже извѣстностью, но кромѣ нихъ есть еще четверо или пятеро многообѣщающей молодежи, которая воспитывается въ лучшихъ домахъ Москвы и Петербурга, какъ напр. у князя Орлова, у Нарышкиныхъ, у князя Тюфякина. Во второмъ бракѣ сэръ Андерсонъ женился на мамзель Мими, которая отселѣ приняла имя Мими-Андерсона, но потомства еще нѣтъ. Кромѣ сихъ законныхъ супружествъ (исторія повѣствуетъ какъ о добродѣтеляхъ, такъ и о порокахъ) у г. Тома были и случайныя привязанности: у герцогини есть прехорошенькія собачки, которыя ей причинили много безпокойства, но до сихъ поръ еще не видно ни одного изъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Повидимому, ихъ и не было, всѣ слухи—клевета.

---

[8]) Очевидно, что неудовольствіе, выраженное еще въ письмѣ отъ 12 Декабря 1774 (см. выше стр. 12), продолжалось и въ Москвѣ.

8.

30 Іюня 1775.

Сегодня я расположена отвѣчать на ваши письма.

Милостивый государь, письмо ваше № 19 я получила въ ту минуту какъ садилась въ экипажъ, чтобы ѣхать сюда.

Комментарій на слово сюда. Ея императорскому величеству прискучило бродить по лугамъ и доламъ села Коломенскаго, гдѣ предоставляется на выборъ или мочить ноги, или карабкаться на горы на подобіе козы; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, ея величество изволила выѣхать на большую дорогу, которая ведетъ изъ Москвы въ Каширу. Такой городъ существуетъ на землѣ, хотя его на картѣ, можетъ быть, и нѣтъ. Дорога привела къ огромному пруду, рядомъ съ которымъ былъ еще прудъ больше и живописнѣе; и этотъ прудъ принадлежалъ не ея величеству, а сосѣду ея, князю Кантемиру. Ко второму пруду примыкалъ еще третій съ извилистыми берегами. Вотъ гуляющіе, направляясь отъ одного пруда къ другому, то пѣшкомъ, то на лошадяхъ, на разстояніи семи верстъ отъ Коломенскаго, начинаютъ завидовать чужому имѣнію, хозяинъ котораго, старикъ за 70 лѣтъ, совершенно равнодушенъ и къ водамъ, и къ лѣсамъ и ко всѣмъ живописнымъ видамъ, приводящимъ въ восторгъ посѣтителей. Онъ только и дѣлалъ, что игралъ въ карты и бранился, когда проигрывалъ. Вотъ всѣ придворные, съ повелительницей во главѣ, начинаютъ весьма осторожно и ловко пронюхивать на счетъ его свѣтлости, выигрываетъ ли онъ или проигрываетъ, не продаетъ ли имѣнія, очень ли дорожитъ имъ, часто ли тамъ бываетъ, не нуждается ли въ деньгахъ, кто его друзья, черезъ кого у него все вывѣдать. Мы не желаемъ принимать одолженій, и чужаго добра намъ не надо; мы покупаемъ, но отказъ не сочтемъ за преступленіе: какъ вамъ угодно, милостивый государь; хоть намъ и сильно нравится это помѣстье, но можно и безъ него обойтись. Придворные мои хлопочатъ; одинъ говоритъ: онъ мнѣ отказалъ, не продаетъ. Ну, тѣмъ лучше! Другой доноситъ: денегъ ему не нужно; онъ счастливъ. Третій докладываетъ: онъ говоритъ, я не могу продать, я одинъ, наслѣдниковъ у меня нѣтъ, имѣніе получено отъ казны, я въ казну отдамъ послѣ смерти. Гм., гм.! Приходитъ пятый и сказываетъ, что Кантемиръ говоритъ: я продамъ имѣніе только казнѣ.— Ахъ! вотъ это мило. Тотчасъ же отправляютъ чрезвычайнаго посла узнать, любитъ ли онъ это имѣніе. Нисколько, отвѣчаетъ онъ; и вотъ доказательство: я живу въ другомъ имѣніи, а это мнѣ досталось отъ брата, и я въ немъ никогда не бываю, оно можетъ годиться только Государынѣ. Чтò вы желаете взять за него? говоритъ посолъ кланяясь. 20,000 рубл. Государь мой, я уполномоченъ предложить вамъ 25,000 рубл. Тотчасъ по совершеніи купчей, принялись за стройку, и черезъ двѣ недѣли, благодаря нашимъ деревяннымъ сооруженіямъ, я уже могла переселиться сюда. Уфъ, вотъ такъ комментарій! Но мое новое владѣніе не называется сюда: я его назвала Царицынымъ, и по общему мнѣнію это сущій рай.

Мои камердинеры не выдаютъ мнѣ больше двухъ новыхъ перьевъ въ день; а когда они испортятся, я уже не смѣю просить другихъ, но изловчаюсь какъ нибудь писать этими. Вотъ еще любопытный анекдотъ. Я не могу видѣть равнодушно новаго пера: тотчасъ же начинаю улыбаться и чувствую сильное искушеніе употребить его въ дѣло.

Относительно картинъ Губера я уже распорядилась. Что касается до 47 промаховъ [9]) ученицы мамзель Кардель, то я могу вамъ сообщить, что надъ этими пустяками я трудилась семь лѣтъ, и они лежали у меня въ портфелѣ до той минуты, когда я ихъ обнародовала. Есть у насъ еще и другое произведеніе, въ которомъ нѣсколько десятковъ статей, но уже въ иномъ родѣ; онѣ не лишены достоинствъ, и когда мы ихъ вновь перечли, то нашли, что это превосходное произведеніе [10]). Мы его готовимъ къ осени, и тогда будемъ дѣйствовать потихоньку, незамѣтно, такъ что отъ васъ даже и видно не будетъ, есть ли что или нѣтъ. Совѣтую вамъ пріобрѣсти хорошую зрительную трубу, такую, какая нужна для наблюденія за происходящимъ на лунѣ.

9.

Москва, 22-го Іюля 1775.

Объявляю вамъ высочайшее запрещеніе: вы не должны умирать ни отъ удушья вслѣдствіе прилива благодарности, ни отъ радости, которую вамъ причиняютъ мои письма. Вообще смерть отъ той или другой изъ этихъ причинъ не имѣла бы смысла, какъ говаривала мамзель Кардель. Кромѣ того, такая смерть уже вышла изъ моды: благодарность встрѣчается весьма рѣдко, а земныя радости, по мнѣнію г. Вагнера, не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ умирать. Вы понимаете, что весь Парижъ осудитъ тѣхъ, которые умрутъ не по модѣ. Избави васъ Господи отъ этого! Хотя вы соглашаетесь принять въ подарокъ священное масло, варенное въ моемъ присутствіи, но я не могу его вамъ переслать, по той причинѣ, что оно (прости Господи) совсѣмъ протухло; на дняхъ Потемкинъ велѣлъ выкинуть въ рѣку цѣлую стклянку, потому что отъ нея пошелъ невыносимый запахъ.

Ну, я больше ни слова не скажу о вашемъ любезномъ Лютерѣ, и никакихъ ему прозвищъ придумывать не стану, хотя они сами такъ и просятся на кончикъ пера, коли вы ужъ такъ горячо защищаете этого неуча.

По случаю празднованія мира, архіепископъ Московскій Платонъ насъ всѣхъ заставилъ плакать. Въ проповѣди, онъ обратился къ

---

[9]) Т. е. 47 пунктовъ манифеста.

[10]) Т. е. Учрежденія о губерніяхъ, обнародованныя въ Ноябрѣ 1775 года. Государыня трудилась надъ ними, живучи въ Коломенскомъ, въ старинномъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича. Князь Потемкинъ, въ то время наиболѣе близкій къ ней человѣкъ, приказалъ сохранять въ Оружейной Палатѣ (которая состояла тогда въ вѣдѣніи извѣстнаго писателя Майкова) подсвѣчники съ ея письменнаго стола изъ Коломенскаго (слышано отъ графа Д. Н. Блудова).

фельдмаршалу Румянцову и говорилъ такъ хорошо, такъ краснорѣчиво, такъ справедливо и такъ кстати, что самъ фельдмаршалъ заплакалъ, а съ нимъ вся церковь, которая была биткомъ набита, и я тоже.

Къ чему это вы подняли такой шумъ изъ-за моихъ указовъ и постановленій, вышедшихъ еще въ Мартѣ? Все это старѣе царя Ирода и уже почти забыто, но дѣйствіе ихъ все еще ново, и люди все еще не перестаютъ дивиться, wie die Kuh über das neue Thor [11]). Это прекрасное сравненіе заимствовано изъ застольныхъ проповѣдей вашего любимца. Если у васъ кто нибудь еще спроситъ: «Да какъ же она это дѣлаетъ? Откуда она беретъ средства? Какъ можетъ она выдавать ссуду съ платой по одному проценту, послѣ войны, которая длилась шесть лѣтъ?» Отвѣчайте имъ, что, если я разсержусь, то сдѣлаю еще хуже, хотя и нѣтъ у меня философскаго камня. Подождите еще немного и увидите, чего никакъ не ожидаете, и тогда можете откашливаться, какъ самый чванный Нѣмецкій бургомистръ.

Но кстати, разскажу вамъ, какъ я наградила фельдмаршала Румянцова, въ день празднованія мира. 1) Онъ получилъ грамоту, въ которой подробно изложены всѣ его побѣды, завоеванія и заключеніе мира, 2) фельдмаршальскій жезлъ съ брилліантами, 3) великолѣпную шпагу, 4) шляпу съ лавровымъ вѣнкомъ, и къ ней привѣсокъ 5) брилліантовую оливковую вѣтвь съ эмалью, 6) орденъ и звѣзду Св. Андрея съ брилліантами, 7) пять тысячъ крестьянъ, 8) сто тысячъ рублей, 9) серебряный сервизъ на сорокъ персонъ, 10) собраніе картинъ. Если бы вы знали, какія у насъ торжества по случаю мира, вы бы умерли отъ восторга. Вчера былъ прелестный праздникъ; я говорю вчера, потому что, такъ какъ я захворала на другой день послѣ перваго праздника, то всѣ увеселенія были отложены до вчерашняго дня. Но я знаю, что вы отъ природы любопытны и подробно разскажу, что со мной было. 11-го Іюля, въ три часа пополудни, со мной сдѣлалась колика; я думала, что она пройдетъ отъ четырехъ стакановъ воды Спа, но отъ этого у меня сдѣлалась лихорадка. Я позвала Рожерсона, который сталъ меня бранить и прописалъ три пріема соли съ сельтерской водой, но до слѣдующаго дня они не произвели никакого дѣйствія. Въ Воскресенье открылась диссентерія, и жаръ усилился такъ, что докторъ, видя, что все это длится уже 42 часа, воспользовался перемежкой и пустилъ кровь. Мнѣ стало легче, но я послѣ того ослабѣла. Вчера праздники снова начались; но что это за праздники! Посылаю вамъ рисунокъ, изображающій мѣсто, гдѣ гулянье. Что за видъ! Сколько народу! Какъ красивы эти холмы, гдѣ построены зданія! Описать всего нѣтъ возможности. Однимъ словомъ, никогда еще не было такого пиршества, и ничто не нарушало всеобщаго удовольствія. Всѣ говорятъ, что праздникъ былъ прелестный.

Завтра все кончится маскарадомъ и фейерверкомъ въ той же мѣстности; но такого мѣста другаго нѣтъ! Представьте, тутъ сто тысячъ

---

[11]) Какъ корова на новые ворота.

человѣкъ, и ни малѣйшей толкотни, ни тѣсноты; всякій находитъ свой экипажъ на мѣстѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, всякій приходитъ и уходитъ, какъ и когда ему угодно; не приходится терпѣть ни отъ жара, ни отъ холода, и всѣмъ предоставлены всевозможныя удовольствія. Чтобъ понять рисунокъ, вы должны знать, что Кинбурнъ это театръ, Керчь и Еникале—три большія залы, Азовъ—столовая, а мачты, фонтаны и народныя зрѣлища находятся тамъ, гдѣ Ногайскіе Татары расположены станомъ.

На сегодня нацарапано довольно. Какъ вы видите, учитель мой г. Лоранъ (три года тому назадъ, онъ еще жилъ въ Штетинѣ), хотя и дуракъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки калиграфіи. Г. Жюинье еще не пріѣзжалъ сюда съ вашими сухими фруктами. Обѣщаю вамъ, что они также скоро будутъ покончены, какъ и черносливъ. Молодой человѣкъ [12]) нагрубилъ генералу Потемкину, но тотъ ему такъ намылилъ голову, что онъ попросилъ прощенія.

10.

Царицыно, 27-го Августа 1775 г.

Всѣ Андерсоны, отъ мала до велика, также какъ и мамзель Мими, находятся въ добромъ здоровьи. Сегодня въ шесть часовъ утра я имѣла удовольствіе всѣхъ ихъ видѣть во время прогулки. Имъ пришлось испытать кратковременное, но сильное огорченіе: они пришли въ лѣсъ въ ту минуту, какъ я на паромѣ переѣзжала на другой берегъ. Такъ какъ они не могли ко мнѣ подойти, то начали лаять, визжать и даже выть, до тѣхъ поръ, пока я не прислала за ними парома. Вотъ вамъ еще картинка, подстать къ описанію Коломенскаго. Позади Томасовъ вы нарисуете крутой берегъ, поросшій лѣсомъ. Ея величество съ камердинеромъ ѣдутъ на паромѣ. Передъ ними низкій берегъ, кустарникъ и фазаній дворъ; направо большой прудъ съ плотиной, на которой растутъ высокія ивы; между ивами мелькаетъ другой прудъ еще больше перваго; на крутомъ его берегу виднѣются деревья, на отлогомъ поля, луга, деревья купами и въ одиночку; налѣво отъ парома грязный ручей, скрывающійся въ лѣсу, который поднимается полукругомъ. Представьте себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ, которое совсѣмъ не то, что̀ Коломенское. На Коломенское теперь никто и смотрѣть не хочетъ. Видите, каковъ свѣтъ! Еще не такъ давно всѣ восхищались мѣстоположеніемъ Коломенскаго, а теперь всѣ предпочитаютъ ему ново-открытое помѣстье. Оно недавно куплено, домъ построенъ въ двѣ недѣли, и вотъ почти шесть недѣль, какъ мы въ немъ живемъ. А вчера были имянины великой княгини, и у насъ въ лѣсу исполняли комическую оперу; Анета и Любенъ жили въ хижинѣ и распѣвали, къ немалому изумленію окрестныхъ мужиковъ, которые, я думаю, до тѣхъ поръ и не знали, что есть на свѣтѣ комическая опера. Сказано сдѣлано: вы желали, чтобы отъ моего богомолья къ Троицѣ сдѣлалось чудо и

[12]) Ландграфъ Дармштадтскій.

чтобы Господь послалъ молодой великой княгинѣ что̀ нѣкогда даровалъ Саррѣ и престарѣлой Елисаветѣ; желаніе ваше исполнилось: молодая княгиня уже третій мѣсяцъ беременна, и здоровье ея, повидимому, поправилось. Событіе это ускоритъ мое возвращеніе въ Петербургъ; я поѣду туда по первому санному пути.

Навѣрное, вы были рады пріѣзду Орлова въ Парижъ, такъ какъ вы вообще принимаете участіе во всѣхъ пріѣзжихъ Русскихъ. Я полагаю, что онъ тамъ останется до свадьбы принцессы Клотильды [13]), какъ этого желаетъ королевская фамилія. Онъ не нахвалится пріемомъ и почестями, и признаюсь, что мнѣ было пріятно это слышать. Но если онъ пробудетъ тамъ до окончанія споровъ съ Дидеротомъ, то ему нескоро придется вернуться на родину.

Увидите князя Орлова въ Парижѣ, скажите ему, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобы видѣть въѣздъ и аудіенцію князя Репнина. Я очень многаго ожидаю отъ чернильницы, которая была начата во время бури [14]). Бури и сильный вѣтеръ по утрамъ, когда еще человѣкъ натощакъ, всегда разгорячаютъ воображеніе; мнѣ нравится, что вы эту мою мысль считаете чуть не вдохновеніемъ. Почемъ знать? Можетъ быть, я когда-нибудь въ бурю примусь пророчествовать; если это случится, то я текстъ пришлю къ вамъ, для того чтобы вы разъяснили его прежде прочихъ. Прощайте.

11.

Изъ Воскресенскаго монастыря, въ 45 верстахъ отъ Москвы. 14 Сентября 1775 г.

Это Новый Іерусалимъ, но не тотъ, который такъ ясно описанъ въ Іоанновомъ Откровеніи и еще яснѣе комментированъ многими учеными, какъ свѣтскими, такъ и духовными. Не правда ли, что такое начало проповѣди много обѣщаетъ хорошаго? Однако, предупреждаю васъ, что сегодня нѣтъ ни бури, ни сильнаго вѣтра, и пишу я вамъ, сидя на диванѣ въ кельѣ игумена, т. е., повѣжливѣе, лѣнтяя. Я подозрѣваю, что монастырь этотъ не имѣетъ никакого дѣйствія на воображеніе, и вотъ доказательство: до сихъ поръ здѣсь не было ни видѣній, ни порядочныхъ чудесъ; монахи довольствуются прекрасными постройками и тѣмъ, что церковь ихъ есть точное подражаніе храма, гдѣ Гробъ Господень въ Іерусалимѣ. Поэтому сюда стекаются толпами любопытные, и монахамъ приходится такъ много показывать, что разсказы были бы излишними. Я превосходно развила свою мысль, не правда ли?

Можетъ статься, вамъ желательно знать, милостивый государь, зачѣмъ я пишу къ вамъ? Отъ праздности. Такъ какъ я хотѣла насладиться полнымъ отдыхомъ, то и не взяла съ собой никакого дѣла и ни клочка бумаги; но когда увидала на столѣ довольно чистую чернильницу, отличное перо и бѣлую бумагу, то не могла устоять

---

[13]) Сестра Французскаго короля вышла тогда за Сардинскаго короля.—[14]) Екатерина и Потемкинъ заказали черезъ Гримма въ Парижѣ богатую чернильницу для засѣданій Георгіевской Думы, она нынѣ въ Императорскомъ Музеѣ.

противъ бѣса-бумагомарателя. Вотъ и пословица гласитъ: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ.

Но посмотрите, что̀ моя голова сегодня творитъ: дѣлаетъ что̀ хочетъ, и я справиться не могу. Господь вѣдаетъ, какой будетъ конецъ у этого письма, потому что, предупреждаю васъ, мнѣ нечего вамъ сказать, развѣ только, коли васъ интересуетъ, что со мною нѣтъ ни сэра Андерсона, ни миссъ Мими. Я ихъ не взяла съ собою въ видахъ сбереженія мебели фельдмаршала Чернышева (какова внимательность!). Онъ живетъ отсюда въ 60 верстахъ [15]); я приглашена къ нему и поѣду завтра, слѣдовательно буду къ Петербургу ближе на нѣсколько десятковъ верстъ.

Вы подумаете, что я нынѣшній годъ веду крайне бродячую жизнь. Отвѣтъ у меня готовъ, и притомъ я могу привести превосходное и преполезное правило: если гдѣ жить дурно, то приходится искать гдѣ лучше. Въ Москвѣ у меня домъ очень неудобенъ; онъ находится въ грязной части города, стоитъ на высокомъ мѣстѣ, да и самъ по себѣ высокъ; поэтому до него доносятся всѣ испаренія и запахи сосѣднихъ улицъ, что̀ можетъ быть полезно отъ истерики, но вовсе непріятно. Вотъ поэтому-то я уѣзжаю оттуда, когда только есть возможность [16]).

Наслѣдный принцъ Гессенъ-Дармштадтскій отправился на дняхъ къ своему отцу. Ну и Богъ съ нимъ! Тамъ ему будетъ лучше, нежели въ Москвѣ.... [17]) Видѣла я описаніе Парижа, составленное княземъ Орловымъ; онъ не нахвалится пріемомъ; я думаю, онъ опять туда вернется. Прощайте, иду въ церковь.

Статуя Петра Великаго не удалась въ отливкѣ: придется передѣлать голову и правую руку Императора, а также и голову лошади.

12.

Москва, 20 Сентября 1775 г.

Князь Орловъ, простившись съ вами, чуть не утонулъ въ Рейнѣ подъ Кельномъ. Отъ одного описанія этого приключенія дѣлается страшно.—Боже мой, какъ вы становитесь обидчивы на счетъ Нѣмецкихъ принцевъ: сейчасъ видно, что готовитесь занять постъ посланника. Вы уже начинаете придерживаться придворнаго этикета.

---

[15]) Село Ярополецъ, Волоколамскаго уѣзда. Принадлежитъ нынѣ графу Чернышеву-Кругликову. Тогдашній владѣлецъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, человѣкъ близкій Екатеринѣ съ самыхъ первыхъ лѣтъ ея великокняжества, передъ тѣмъ лишился президентства въ Военной Коллегіи; великолѣпныя зданія въ Ярополѣцѣ возведены солдатами—[16]) Мѣстность, гдѣ жила Екатерина въ этотъ Московскій пріѣздъ свой, была въ то время тѣснѣе нежели нынѣ: существовали еще Пречистенскіе съ башнею или Чертольскіе ворота, на мѣстѣ Храма Спасителя стоялъ дѣвичій Алексѣевскій монастырь, и не убрана еще была полуразрушенная зубчатая стѣна Бѣлаго города, шедшая отъ Москвы-рѣки по направленію теперешнихъ бульваровъ.—[17]) Точки въ подлинникѣ.

Но я умолкаю изъ боязни накликать на себя опять длинныя и скучныя объясненія тѣхъ мѣстъ письмà, которыя были мною не такъ поняты какъ слѣдуетъ.

13.

Москва, 29 Ноября 1775 г.

Господинъ полномочный посланникъ (приносящій своему повелителю не болѣе пользы, чѣмъ большая часть моихъ посланниковъ мнѣ приносятъ), письмо ваше изъ Женевы я получила вчера, лежа въ постели отъ простудной лихорадки. Я захватила ее на Георгіевскомъ праздникѣ, который случился послѣ припадка закономаніи, продолжавшагося пять мѣсяцевъ сряду и кончившагося сыпью. Но это еще не конецъ болѣзни, которая пойдетъ своимъ чередомъ, а только начало; продолженіе будетъ послѣ, и это начало было встрѣчено всеобщимъ удовольствіемъ, чтò всегда служитъ ободреніемъ для великихъ геніевъ, каковы Гарпъ, Дора, Пуансине и другіе, именъ которыхъ я не вѣдаю, книгъ ихъ не читала и читать не стану.

Вы имѣете полное право ворчать: непріятно, когда планы разстраиваются. Вы такъ умно и хорошо придумали пріѣхать сюда съ принцемъ Генрихомъ, а сначала ѣхать въ Италію. Конечно, съ моей стороны было большою неловкостью измѣнять свои намѣренія и возвратиться въ Петербургъ не весной, а зимой; но позвольте вамъ замѣтить, что вина падаетъ не на одну меня, но также и на моего добраго друга, принца Генриха, который непремѣнно захотѣлъ пріѣхать въ мое любимое время года, а не осенью. Но вы знаете, что всякій любитъ товаръ лицомъ показать и вò время: вообразите, четыре эскадры, которыхъ я не видала шесть лѣтъ, только что вернулись изъ Средиземнаго моря [18]), а у васъ уже бились объ закладъ, что я отъ нихъ и щепки не увижу. Но я ихъ увижу и принцу Генриху покажу, а онъ такой свидѣтель, что ему стоитъ ихъ показать, не правда ли? Ну и кромѣ того беременность великой княгини. Въ добавокъ я раньше кончила, чѣмъ предполагала, все, чтò мнѣ слѣдовало сдѣлать. Если вы у меня спрашиваете, какъ же теперь исправить безпорядокъ, происшедшій отъ измѣненія въ моихъ планахъ, то я могу указать только одно: путешествуйте спокойно по Италіи, и потомъ, не торопясь, вернитесь сюда съ графами Румянцовыми, буде господинъ вашъ и повелитель изъявитъ на то согласіе; если же нѣтъ, поѣзжайте въ Парижъ и пойте: Жоржъ Данденъ, ты самъ того захотѣлъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я ужасно много исписала бумаги. Послѣднія мои учрежденія отъ 7-го Ноября заключаютъ 250 печатныхъ страницъ въ четвертую долю листа, но за то клянусь вамъ, это мое лучшее произведеніе, и въ сравненіи съ этимъ трудомъ Наказъ мой представляется мнѣ въ сію минуту не болѣе какъ пустой болтовней. Ага! Васъ начинаетъ разбирать любопытство. Знаете ли, всѣ

[18]) На одномъ изъ этихъ кораблей Рибасъ привезъ такъ называемую княжну Тараканову.

извѣстные ябедники говорятъ, что насталъ конецъ всякимъ ябедамъ. Вотъ зачѣмъ вы сказали мнѣ, что у васъ цѣлый запасъ перьевъ? Еслибъ вы промолчали, я бы избавила васъ отъ этого писанія, а теперь вы будете мучиться отъ неудовлетвореннаго любопытства.

1776 годъ.

1.

С.-Петербургъ, 20-го Января 1776.

Сожалѣю, что вы такъ безпокоитесь о моей прошлой болѣзни: это было въ Іюлѣ, полгода тому назадъ; и съ тѣхъ поръ я уже успѣла побывать во всѣхъ городкахъ около Москвы: въ Волоколамскѣ, Звенигородѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, Тулѣ, Калугѣ [1]). Вотъ научитесь произносить всѣ эти слова, и тогда, увѣряю васъ, языкъ станетъ такъ гибокъ, что вы безъ труда будете выговаривать на всѣхъ возможныхъ языкахъ.

Мнѣ очень пріятно слышать, что у васъ всѣмъ понравилось, что всѣ награды, полученныя отъ меня фельдмаршаломъ, имѣютъ каждая особенное значеніе. Признаюсь, было время, когда и мнѣ самой мысль объ этомъ доставляла удовольствіе: я принадлежу къ такимъ людямъ, которые любятъ всему знать причину. Объ этихъ наградахъ, и зачѣмъ они и къ чему, можно бы написать интересную книгу.

Пропускаю ваши оскорбительныя слова на счетъ моей болѣзни, такъ какъ все это уже потонуло во мракѣ временъ. Чтò ни говорите, а я очень берегу свое здоровье и забочусь о себѣ, но иногда оно разстроивается вслѣдствіе форсированныхъ маршей; какъ напр., разъ послѣ обѣда, когда у меня голова горѣла и отъ жары, и отъ новыхъ указовъ, я, по разсѣянности, съѣла два десятка персиковъ; вотъ отъ этого я и захворала. Правда, что передъ тѣмъ у меня уже была безсонница, и если я засыпала, то сонъ былъ очень треноженъ; но я не обращала на это вниманія, потому что не люблю принимать лекарства во избѣжаніе могущихъ приключиться болѣзней. Кельхенъ и Рожерсонъ ничего не знали и не безпокоились. Я понятія не имѣла о синьорѣ Анжело Таласси изъ Феррары. Что же до знаменитой Кориллы [2]), дорогой пріятельницы графа Алексѣя Орлова, я о ней слышала; говорятъ, что это необыкновенно поэтическая натура. Благодарю васъ, что вы отвѣчаете поклонами на любезности, съ которыми обращаются ко мнѣ. Но не думаю, чтобы вы поблагодарили г. Лагарпа за то, что онъ исказилъ мои мысли, вложивъ ихъ въ уста Меншикову, который, хотя и былъ любимецъ Петра I, но не умѣлъ ни читать, ни писать, и ни о чемъ не имѣлъ яснаго понятія. Г. Лагарпъ поступилъ съ Меншиковымъ, по примѣру китолововъ: онъ забросилъ множество обманныхъ крючковъ и

---

[1]) Объ этихъ поѣздкахъ до сихъ поръ почти не сохранилось извѣстій.

[2]) Это была Итальянская писательница Морелли. Въ 1771 году, за стихи свои, она получила вѣнокъ въ Капитоліи.

затѣмъ вытащилъ его со дна моря; остается узнать, столько ли въ его драмѣ остроумія и смысла, сколько у кита жиру и реберъ; коли нѣтъ, то мнѣ его жалко. Но вотъ что правда: какъ у насъ понимаютъ его героя, благородныя мысли ему совсѣмъ не къ лицу, и еслибы онъ вѣрно изобразилъ его характеръ, было бы отлично убить его къ концу трагедіи. Изъ сего я заключаю, что это безсмыслица. Но и вы сдѣлали ужасную ошибку: вы думали, что г. Лоранъ [3]) былъ Лютеранинъ, а онъ былъ школьный учитель, Кальвинистъ и застольныхъ проповѣдей Лютера не читалъ, потому что не зналъ понѣмецки и презиралъ Лютера. Но застольныя проповѣди были любимымъ чтеніемъ старой бабки моей матери; она приводила оттуда изреченія при всякомъ удобномъ случаѣ, а нелѣпая головушка понимала все иначе, чѣмъ какъ ей говорили. Такъ бывало съ мамзель Кардель и съ г. Вагнеромъ всякій Божій день, потому что никто не знаетъ, о чемъ ребятишки думаютъ; да ихъ и вообще трудно узнать, особенно, когда хорошее воспитаніе пріучило ихъ выслушивать все, что̀ бы имъ ни говорили, а опытъ научилъ быть осторожными съ наставниками. Изъ сего вы можете извлечь то прекрасное правило, что не слѣдуетъ часто бранить ребятишекъ, не нужно ихъ стѣснять: тогда они и не будутъ отъ васъ скрывать своихъ проступковъ. Но правда, что для учителей гораздо удобнѣе, когда они могутъ дать волю своей охотѣ повелѣвать и такимъ способомъ управлять учениками.

Я слышала и мнѣ писали изъ Германіи, что молодой человѣкъ, у котораго смиренный видъ, позволяетъ себѣ довольно дерзкія рѣчи и даже не щадитъ родной сестры. Каковъ! Онъ при томъ жалкій глупецъ, хотя и считаетъ себя умникомъ. Я, кажется, не позволю ему возвратиться сюда [4]).

2.

28-го Февраля 1776.

Еслибъ вы знали, какъ иные дураки мнѣ надоѣдаютъ книгами! Они комментировали мой Наказъ и въ такомъ видѣ прислали съ княземъ Орловымъ, думая тѣмъ придать дѣлу больше важности; но я, конечно, читать не стану. Я не стою за разныя запрещенія; но однако думаю, что они иногда бываютъ полезны, и уничтожать ихъ было бы и безразсудно, и опасно; напримѣръ, у насъ по городамъ акцизы были уничтожены при покойной императрицѣ, такъ что въ началѣ жизнь была равно дешева какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Это привлекло множество людей въ городъ. Тогда все вздорожало, но уже никому не хотѣлось возвращаться въ деревню; стали входить въ долги и раззоряться, а въ деревняхъ все-таки стало меньше жителей, и это дѣло ужъ ничѣмъ нельзя было поправить. Вы знаете, какія бываютъ послѣдствія отъ неограниченнаго вывоза хлѣба зерномъ. Привожу только факты, оставляя умозаключенія въ сторонѣ.

---

[3]) Учившій Екатерину чистописанію въ Штетинѣ. См. выше, стр. 22.

[4]) Говорится о наслѣдномъ ландграфѣ Дармштадтскомъ, собиравшемся въ то время жениться на будущей нашей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

3.

Царское Село, 17-го Апрѣля 1776.

Десятаго Апрѣля въ 4 ч. утра, сынъ мой пришелъ за мною, такъ какъ великая княгиня почувствовала первыя боли. Я вскочила и побѣжала къ ней, но нашла, что ничего особеннаго нѣтъ, что она очень тревожится и что тутъ нужны только время и терпѣніе. При ней находились женщина и искусный хирургъ. Такое состояніе продолжалось до ночи, были спокойныя минуты, она иногда засыпала, силы не падали. Понедѣльникъ прошелъ въ безпокойствѣ и ожиданіи: перемѣны не было. Кромѣ ея доктора, который сидѣлъ въ первой комнатѣ, приглашены были на совѣтъ докторъ великаго князя и самый лучшій акушеръ. Но они не придумали ничего новаго для облегченія страданій и во Вторникъ потребовали на совѣтъ моего доктора и стараго искуснаго акушера. Когда тѣ прибыли, то было рѣшено, что нужно спасать мать, такъ какъ ребенокъ, вѣроятно, уже не живъ. Сдѣлали операцію, но по стеченію различныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе сложенія и другихъ случайностей, наука человѣческая оказалась безсильною. Это было въ Среду. Въ Четвергъ великая княгиня исповѣдалась и причастилась. Принцъ Генрихъ предложилъ своего доктора; онъ пришелъ и нашелъ, что его товарищи поступили правильно. Въ Пятницу, въ 5 часовъ вечера, великая княгиня скончалась. Вчера было вскрытіе въ присутствіи 13-ти докторовъ и хирурговъ, и изъ того, что̀ они нашли, заключили, что случай былъ почти исключительный, и помочь было нельзя. Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать, и мы съ нею. У меня сердце истерзалось; я не имѣла ни минуты отдыха въ эти пять дней и не покидала великой княгини ни днемъ, ни ночью до самой кончины. Она говорила мнѣ: «вы отличная сидѣлка!» Вообразите мое положеніе: надо одного утѣшать, другую ободрять. Я изнемогала и тѣломъ и душею, а между тѣмъ принуждена была всѣхъ ободрять, все рѣшать, придумывать, чтобъ не забыли чего нибудь нужнаго. Признаюсь, я въ первый разъ въ жизни была въ такомъ затруднительномъ, тяжеломъ, ужасномъ положеніи: я забыла объ ѣдѣ и о снѣ; не понимаю, какъ у меня доставало силъ. Думаю, что если эти событія не произведутъ разстройства въ моей нервной системѣ, то, стало быть, ее ничѣмъ нельзя разстроить. Двадцать четыре часа послѣ смерти великой княгини, я, ради своего спокойствія, послала къ великому князю принца Генриха; онъ пришелъ и не покидалъ его. Онъ довольно твердо переноситъ свое тяжкое горе, но сегодня у него лихорадка. Тотчасъ послѣ смерти его супруги, я его увезла и привезла сюда. Sic transit gloria mundi! [5]).

---

[5]) Такъ минуетъ слава свѣта!—Объ этомъ событіи Екатерина написала также большое письмо въ Москву, къ князю М. Н. Волконскому («Осмнадцатый Вѣкъ кн, 1-я).

4.

18-го Апрѣля 1776.

Не сокрушайтесь, что не могли сюда пріѣхать въ одно время съ принцемъ Генрихомъ, а возблагодарите Бога: ваши больныя кишки не выдержали бы всего, что̀ здѣсь было и что̀ я вамъ описываю въ прилагаемомъ листкѣ отъ 17-го числа этого мѣсяца. Мы чуть живы, хотя и не имѣемъ чести страдать такою болѣзнію. Были минуты, когда при видѣ мученій я чувствовала, точно и мои внутренности разрывались: мнѣ было больно при каждомъ вскрикиваньи. Въ Пятницу я стала точно каменная, и до сихъ поръ все еще не опомнилась. Иногда я себя чувствую крѣпкою, иногда нападаетъ слабость; происходитъ это отъ перемежающейся лихорадки, но ее скорѣе можно назвать нравственною, нежели физическою. Кто не видалъ на другихъ или самъ не испыталъ, тотъ не можетъ представить, что̀ это за болѣзнь. Вообразите, что я, извѣстная плакса, не пролила ни единой слезы, когда умирала великая княгиня. Я себѣ говорила: «Если ты заплачешь, другіе зарыдаютъ; коли ты зарыдаешь, тѣ упадутъ въ обморокъ, и всѣ потеряютъ голову; тогда не съ кого будетъ взыскать». Но перестанемъ говорить объ этомъ. Предоставляю остальное принцу Генриху: пусть онъ досказываетъ, я буду молчать. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

5.

Царское Село, 2-го Іюня 1776.

Если вы будете въ Берлинѣ въ концѣ Іюля, то найдете тамъ людей, съ которыми вамъ удобнѣе всего пріѣхать сюда. Принцъ Генрихъ уѣзжаетъ отсюда 15-го числа сего мѣсяца, и скоро вы узнаете, зачѣмъ все это дѣлается. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; вотъ вы увидите, что этотъ годъ можно будетъ назвать годомъ ложныхъ разсчетовъ, по волѣ Всевышняго.

Я знаю, отчего вы такъ много обо мнѣ думали, когда были въ Римѣ: вы тамъ нашли такъ мало древнихъ Римлянъ, что тотчасъ же стали припоминать, у кого болѣе всѣхъ истинно республиканская душа. Случайно оказалось, что это у меня. На іереміады никогда не отвѣчаю; что̀ непоправимо, о томъ и думать не слѣдуетъ.

Что̀ касается до моихъ новыхъ указовъ, то я вамъ могу ихъ выслать, такъ какъ они недѣлю тому назадъ переведены на Нѣмецкій языкъ. Я ихъ отправлю въ Вѣну къ князю Голицыну, и вы можете ими тамъ наслаждаться. Развѣ вы сдѣлались Гернгутеромъ, что такъ много толкуете о Новомъ Іерусалимѣ? Принцъ Генрихъ, я полагаю, умираетъ со скуки, хотя изъ учтивости не хочетъ въ томъ сознаться; но послѣ несчастія, о которомъ я вамъ писала, мы всѣ стали мрачны и озабочены.

Объ удовольствіяхъ никто не думаетъ, и все ограничивается прогулками по саду (отъ котораго я безъ ума: манія садоводства овладѣла мною вполнѣ и болѣе чѣмъ когда либо), комедіями, концер-

тами. Праздниковъ не было ни одного. Иногда мы болтаемъ; но не знаю отчего, мнѣ кажется, что ему невесело со мной теперь. Отошлите пресловутую чернильницу съ купцомъ къ барону Фридрихсу, и пусть она доѣдетъ сюда хоть вплавь, или же отдайте ее князю Барятинскому: онъ придумаетъ, какъ ее переслать; навѣрное есть у васъ въ Парижѣ Русскіе, которымъ бы пора вернуться на родину для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Прощайте, господинъ полномочный посолъ!

6.

Отвѣтъ на 32-й номеръ. Впрочемъ, если вы плохо нумеруете, это не моя ошибка. Петергофъ, 29 Іюня 1776.

Очень рада, что письмо мое съ извѣщеніемъ о печальномъ событіи (которое надо постараться забыть, такъ какъ оно непоправимо) пришло къ вамъ въ то самое время, какъ вы желали знать отъ меня о ходѣ дѣла. На мой счетъ перестаньте безпокоиться: я здорова. Увидавъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, и потомъ сказала: «Мертвыхъ не воскресишь, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи, утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаяваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго». — «Да въ комъ же?» — «О, у меня есть наготовѣ». — «Какъ, уже?»—«Да, да, и какая игрушечка!» Такимъ образомъ затронуто любопытство. «Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?»—«Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка». Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ, недавно пріѣхавшій нарочно, чтобъ утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры; посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханною быстротою. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіями къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. «Такъ дайте же намъ покамѣстъ портретъ, отъ этого еще ничего не станется».—«Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія». Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. «На что онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика». И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, у меня на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что̀ тамъ такое?»—«Вкусы разные, на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ, и напослѣдокъ на него не насмотрятся, и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе

предпринято; остальному вы сами свидѣтель, когда получите это письмо.

Не знаю отчего, но съ 1767 года я всегда чувствовала особенное влеченіе къ этой дѣвушкѣ. Разсудокъ, который, какъ вамъ извѣстно, отстраняетъ побужденія неопредѣленныя, заставилъ меня тогда отдать предпочтеніе другой, потому что первая была слишкомъ молода. Казалось, я навсегда потеряла ее изъ виду, и вотъ теперь, вслѣдствіе несчастнѣйшаго событія, мое особенное влеченіе снова заявило себя. Что же это такое? Вы станете разсуждать по своему и припишете это случаю. Вовсе нѣтъ. Я женщина восторженная, я не довольствуюсь случаемъ: мнѣ нужно чего нибудь повыше.

Сиръ Томъ вамъ кланяется. Онъ вовсе не препятствуетъ вашему путешествію. Кстати скажу вамъ, что вашъ великій и глупый нѣженка будетъ пасти гусей съ пенсіономъ въ 10 т. р., но подъ условіемъ, чтобы я никогда его не видала и о немъ не слыхала. Ридезель повезъ ему эту добрую вѣсть. Онъ пріѣзжалъ сюда, не знаю хорошенько зачѣмъ.

Зачѣмъ вамъ въ Штетинъ? Вы никого тамъ не застанете въ живыхъ, одного развѣ Лорана, дряхлаго старика, который въ молодости былъ ничтожествомъ; но если вы не можете освободиться отъ этой охоты, такъ знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенгейма, въ Маріинскомъ приходѣ, что я жила и воспитывалась въ угловой части зáмка и занимала на верху три комнаты со сводами, возлѣ церкви чтò на углу. Колокольня была возлѣ моей спальни. Тамъ учила меня мамзель Кардель и дѣлалъ мнѣ испытанія (Prüfungen) г-нъ Вагнеръ. Черезъ весь этотъ уголъ, по два или по три раза на день, я ходила подпрыгивая къ матушкѣ, жившей на другомъ концѣ. Впрочемъ, не вижу въ томъ ничего занимательнаго; развѣ, можетъ быть, вы полагаете, что мѣстность что нибудь значитъ и имѣетъ вліяніе на произведеніе сносныхъ императрицъ. Въ такомъ случаѣ вамъ надо предложить Прусскому королю, чтобъ онъ завелъ тамъ школу въ этомъ вкусѣ и распоряжался бы, какъ вздумается.

7.

Царское Село, 4 Августа 1776.

Скажите на милость, какая была надобность показывать отрывки моего писанія синьору Анжелико Квирини? Вѣроятно, съ цѣлію заразить и его Екатеринофильствомъ, вы ему показали вздоръ, который я вамъ пишу. Я никому никогда такъ не писала какъ вамъ. Вы владѣете умѣньемъ развивать мысли, и это умѣнье развило во мнѣ тѣ восхитительные пріемы, которыхъ я стала держаться относительно васъ.

Мнѣ мало одного секретаря для всѣхъ присылокъ, которыя я получаю и которыхъ никогда не читаю, въ особенности отъ этихъ проклятыхъ экономистовъ и всѣхъ вашихъ Парижскихъ рифмачей. Каждому хочется поучить меня своимъ крикомъ. Блакстонъ не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже два года имѣетъ честь быть читаемъ ея величествомъ, и его записки со мною

неразлучны. Это неистощимый доставитель предметовъ и мыслей. Я ничего не дѣлаю изъ того, что̀ имѣется въ его книгѣ; но это мои нитки, которыя я разматываю по-свòему.

8.

Царское Село, 18 Августа 1776.

Половина нашихъ путешественниковъ, т. е. великій князь и его приближенные вернулись въ прошлое Воскресенье. Принцесса пріѣдетъ дней черезъ десять. Какъ скоро она будетъ въ нашихъ рукахъ, приступимъ къ ея обращенію. Но чтобы обратить ее, потребуется, полагаю, недѣли съ двѣ. Не знаю, сколько времени будетъ ей нужно, чтобы внятно и правильно произнести порусски исповѣданіе вѣры. Но во всякомъ случаѣ, чѣмъ поспѣшнѣе это уладится, тѣмъ будетъ лучше. Въ видахъ ускоренія, г-нъ Пастуховъ отправился въ Мемель учить ее доро̀гою азбукѣ и исповѣданію. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы изъ этого видите, что мы предосторожны и предугадливы, что обращеніе и вѣроисповѣданіе слѣдуютъ по почтѣ. Черезъ недѣлю послѣ сего дѣйствія назначаю свадьбу. Если хотите танцовать на ней, такъ спѣшите. Очень рада, что, судя по словамъ вашимъ, всѣ вообще хорошо отзываются о малюткѣ, которую я выбрала по внутреннему сочувствію. Было бы очень жаль, чортъ возьми, если бы она вышла за вашего молодаго человѣка [6]). Чего я вамъ разскажу про этого господина и еще кое-про кого! Вы увидите, что со временемъ станутъ ѣздить въ Штетинъ на ловлю принцессъ, и въ этомъ городѣ появятся караваны посланниковъ, которые будутъ тамъ собираться какъ за Шпицбергеномъ китоловы, и тогда смѣло можно будетъ раздѣлить посланниковъ на два рода, на китолововъ и на сельделововъ. Знаю, что послѣднее изъ сихъ наименованій покажется вамъ черезъ-чуръ пошлымъ; но это не моя вина: оно просто попалось подъ конецъ моего пера. И потомъ, сказать вамъ правду, въ дѣлахъ политическихъ я встрѣчала наименованія такія же пошлыя, да и пошлѣе: господинъ политикъ не прогнѣвается, я надѣюсь [7]). Но послушайте, какъ глава церкви, я оскорблена сими двумя строками: «И имя Софіи [8]) въ другой разъ погрузится въ священныя воды Греческаго крещенія». Въ священномъ негодованіи скажу вамъ, что философы говорятъ вздоръ какъ другіе люди: знайте, знайте, что у насъ никакого христіанина не крестятъ вновь, а только утверждаютъ, какъ и у католиковъ, при чемъ нарекается вамъ имя, и это имя, данное Греческою церковью, сохраняется, а всѣ другія вамъ придется положить въ карманъ. Сберегите это письмо.

---

[6]) Извѣстно, что, когда скончалась великая княгиня Наталья Алексѣевна, преемница ея (родившаяся, какъ и Екатерина, въ Штетинѣ) была невѣстою ея брата, Гримова ученика, который, разумѣется, долженъ былъ уступить ее.

[7]) Баронъ Гриммъ получилъ передъ тѣмъ званіе посланника во Франціи отъ Саксенъ-готскаго герцога.

[8]) Въ числѣ Нѣмецкихъ именъ императрицы Маріи Ѳеодоровны было, также какъ и у Екатерины, имя Софіи.

Черезъ двѣ тысячи лѣтъ оно будетъ драгоцѣнно для антикваріевъ, когда придется имъ говорить о нравахъ и обычаяхъ нынѣшняго времени. Прощайте. Да будетъ надъ вами небесное благословеніе.

9.

Царское Село, 28 Августа 1776.

Жребій великаго Губера устроимъ, когда вы пріѣдете; но картины его не произвели впечатлѣнія въ темнотѣ на меня и при яркомъ свѣтѣ на принца Генриха; только сиръ Томъ лаялъ на нихъ, и я не могла догадаться почему. О великомъ Губерѣ вы говорите слѣдующія замѣчательныя слова: «Онъ, какъ всѣ геніальные люди,—дитя, котораго надо водить на помочахъ, но такъ, чтобъ онъ ихъ не чувствовалъ. Безъ этой предосторожности дитя путается и не всегда знаетъ, куда ему идти». Знаете ли, какое дѣйствіе произвели на меня слова эти? Прочитавъ ихъ, мнѣ захотѣлось считать себя геніальною. Почему? Потому что я всегда чувствовала большую склонность быть подъ руководствомъ людей, знающихъ дѣло лучше моего, лишь бы только они не заставляли меня подозрѣвать съ ихъ стороны притязательность и желаніе овладѣть мною: въ такомъ случаѣ я бѣгу отъ нихъ безъ оглядки. Я никого не знаю, кто бы умѣлъ такъ удовлетворять этой моей склонности, какъ князь Орловъ: голова у него ясна и естественна; въ ней все идетъ своимъ чередомъ, а моя за нею слѣдуетъ. Это для меня тотъ же Блакстонъ, съ помощью котораго я разматываю мои нитки.

Не постигаю, чего вамъ такъ заботиться о берлогѣ, гдѣ прячутся принцессы? Неужели вы думаете, что въ знаменитомъ Штетинѣ котораго вы не видали, и трава, и вода способствуютъ къ образованію людей? Будь это такъ, я бы посовѣтовала Прусскому королю вызвать оттуда назадъ свою племянницу, туда удаленную [9]). Говорятъ же, что ея преемница невообразимо плоха. Скажите на милость, отчего не принцессы, а собаки бываютъ породисты? Доказательство сиръ Томъ: все его семейство на него похоже. Тотъ же умъ, тотъ же вкусъ, фигура, физіономія, склонности.

Какъ скоро прибудете, увѣдомьте меня черезъ Эка[10]) записочкою, по которой я не поѣду съ первымъ посѣщеніемъ, но назначу вамъ часъ, когда вы можете быть ко мнѣ. Разсчитываю, что во всѣхъ отношеніяхъ вы будете при дворѣ точно также, какъ и въ первый пріѣздъ вашъ, лишь бы вы сами того захотѣли. Я остаюсь здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, до 6 Сентября, и въ этотъ день возвращаюсь въ городъ съ моею принцессою. Если пріѣдете и я буду здѣсь, побы-

---

[9]) Первую супругу будущаго короля Фридриха Вильгельма II-го. Онъ съ нею разошелся и при жизни ея женился на старшей сестрѣ нашей великой княгини Натальи Алексѣевны. Эта сестра не была умна и вовсе не походила на мать свою, великую ландграфиню Каролину Гессенъ-Дармштадтскую.

[10]) Петербургскаго почтдиректора.

вайте, когда вздумается, и мы станемъ болтать, какъ кривыя сороки. Извините за сравненіе. Страсть къ законодательству по боку! Обѣщаюсь говорить съ вами по этой части сколько могу рѣже, потому что я дошла до предметовъ наиболѣе сухихъ, и если они мнѣ не сушатъ мозга, то съ остальными я надѣюсь справиться честно и искусно. А когда мнѣ ничего не останется дѣлать, для прогнанія скуки стану писать свою исторію[11]); ибо чувствую, что мною владѣетъ демонъ бумагомаранія. Что касается до моихъ Учрежденій, если вы не отказываетесь отъ этого скучнаго чтенія, я сама вамъ представлю экземпляръ ихъ; но повѣрьте, они вамъ надоѣдятъ. Они очень хороши, очень прекрасны, можетъ быть, но очень скучны.

10.

Царское Село, 1 Сентября 1776.

Принцесса моя пріѣхала вчера вечеромъ, и съ той самой минуты она разомъ всѣхъ восхитила собою. Она прелестна. Послѣ этого какая же возможность говорить о вашихъ Лагарпахъ съ братіею, объ ихъ пророчествахъ и другихъ нескладныхъ дѣяніяхъ! Вѣдь въ моей принцессѣ нѣтъ ничего нескладнаго. Мнѣ бы хотѣлось картины Менгса для моей галлереи, но принцесса занимаетъ собою умъ мой. Хорошо бы имѣть и Сиріелеву Психею, но въ эту минуту кружитъ мнѣ голову моя принцеса, которая прекрасна какъ Психея. Вашъ молодой человѣкъ самъ не зналъ что дѣлалъ, разставшись безъ сожалѣнія съ моею принцессою.

11.

Царское Село, 2 Сентября 1776.

Хочется мнѣ послать это письмо часовому, который стоитъ у дворцоваго подъѣзда, съ тѣмъ чтобъ онъ его самъ отдалъ, когда вы подъѣдете. Каково, почти уже недѣлю, какъ изъ-за васъ я перепортила всѣ мои перья! Неужели мнѣ отвѣчать на ваши письма изъ Рима, Болоньи, Берлина, Кенигсберга и Риги? Богъ знаетъ, откуда они ни приходятъ ко мнѣ. Рижское письмо помѣчено 37-мъ; получивъ его, я приказала, чтобъ вамъ приготовили комнаты здѣсь. Мнѣ отвѣчали, что остаются незаняты только приготовленныя на свадебные случаи. Я сказала: «Тѣмъ лучше, отдайте ихъ ему; вѣдь онъ и есть человѣкъ свадебный». Не подумайте однако, что это комнаты великаго князя. Они назначены для всѣхъ новобрачныхъ, которыхъ вѣнчаютъ въ Царскомъ Селѣ, для придворныхъ дамъ, фрейлинъ и пр. Васъ примутъ тамъ за новобрачнаго.

Я послала Учрежденія о губерніяхъ къ вамъ на встрѣчу, чтобы усыплять васъ въ коляскѣ. Скажите правду: «наша императрица забавница». Я сама очень часто считаю ее такою. Къ чему это, позвольте спросить, по поводу «нашей императрицы», сравнивать Неа-

---

[11]) Екатерина, въ самомъ дѣлѣ, описала порусски первыя шестнадцать лѣтъ своего царствованія; но это сочиненіе до сихъ поръ вполнѣ не отыскано, лишь небольшіе отрывки напечатаны въ Р. Архивѣ.

поль съ Ригою? Потребую отчета при первомъ нашемъ свиданіи, и если вы станете дурно отзываться о Неаполитанскомъ королѣ, я скажу, что вы отъявленный льстецъ; потому что Неаполитанскій король, по словамъ князя Орлова (котораго онъ полюбилъ до такой степени, что предложилъ ему поиграть съ нимъ въ шары), не дуракъ, а шаль[12]), а это значитъ порусски такой человѣкъ, который, не обижая другихъ, ходитъ по сторонамъ, куда ему вздумается, и помышляетъ только объ исполненіи своихъ желаній. Прощайте, до свиданья.

Гриммъ пріѣхалъ въ Петербургъ ко второй свадьбѣ великаго князя Павла Петровича и оставался при дворѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Съ отъѣздомъ его изъ Россіи, въ Августѣ 1777 года, Екатерина по прежнему стала писать къ нему, чтò и продолжала до самой своей кончины. Наши нижеслѣдующія выписки начинаются разсказомъ о страшномъ Петербургскомъ наводненіи 1777 года, которое по своимъ опустошеніямъ уступало развѣ наводненію 1812 года.

1777 годъ.

1.

Спб. 10 Сентября 1777, въ 8 ч. утра, Воскресенье.

Я очень рада, что вчера въ полдень возвратилась въ городъ изъ Царскаго Села. Была отличная погода; но я говорила: «посмотрите, будетъ гроза», потому что наканунѣ мы съ княземъ Потемкинымъ воображали себѣ, что беремъ крѣпость приступомъ. Дѣйствительно, въ десять часовъ по полудни поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой, но съ этой минуты понеслось въ воздухѣ все что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала; порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила, и мнѣ доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: «коли такъ, отпустите часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя». Сказано, сдѣлано. Желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, которая еще не кончена, громоздились трехмачтовые купеческіе корабли. Я сказала: «Боже мой! Биржа перемѣнила мѣсто: графу Миниху придется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ Эрмитажный театръ». Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И какъ будто подъ стать цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминовъ. Нечего сказать, тутъ-таки похозяйничали! И къ чему это? Но объ этомъ нечего спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ не придетъ ея парикмахеръ, не для кого служить обѣдню и на куртагѣ будетъ пусто. Кстати: дессертъ господина Бретёля (который давно прибылъ и покоится послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, ненадтреснутый и неразбитый, въ послѣдней комнатѣ

---

[12]) Старинное Русское, нынѣ неупотребительное слово, значеніе котораго сохранилось въ словѣ шальной.

Эрмитажа) нынѣшнею ночью тоже едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подлѣ самаго стола, весьма прочнаго, на которомъ десертъ разставленъ. Вѣтромъ сорвало съ него тафтяную покрышку, но десертъ остался цѣлехонекъ.

Продолженіе, по выслушаніи обѣдни.

Обѣдаю дома. Вода сбыла и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подъѣхалъ въ Англійской коляскѣ; вода была выше задней оси, и лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ; подбавимъ о винѣ. Погреба мои залиты водою, и Богъ вѣсть что̀ съ ними станется. Прощайте. Четырехъ страницъ довольно во время наводненія, которое съ каждымъ часомъ уменьшается.

2.

Спб., 5 Октября 1777.

Выищите, пожалуйста, случай и скажите Неккеру, что Шуваловъ [13]) доставилъ мнѣ его книгу о торговлѣ хлѣбомъ и что я чрезвычайно благодарна ему за нее: это превосходная книга. Это ему, а вотъ вамъ: авторъ этой книги, которую я сама читаю, есть голова глубокомысленная. Сочиненіе его понятно не всякому, а только людямъ извѣстнаго закала. Я помѣстила его въ числѣ моихъ классическихъ книгъ: это въ родѣ Блакстона. Книга Неккера удостоилась краснаго карандаша. Въ особенности мнѣ полюбилось что̀ онъ говоритъ о Сѣверѣ, но я не могу согласиться съ его мнѣніемъ. Не бывъ на мѣстѣ, онъ недостаточно знакомъ съ мѣстными условіями и говоритъ черезъ чуръ рѣшительно и въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Если бы я знала его, мы бы съ нимъ поспорили. Такъ, напримѣръ, я бы сказала ему: въ сѣверныхъ странахъ есть мѣста, обращенныя къ Югу, и они суть самыя плодородныя на всемъ свѣтѣ и не имѣютъ ничего общаго съ берегами Ледовитаго моря. Сіи послѣдніе малолюдны, за то въ другихъ мѣстахъ ощущается малоземелье и пр. Потерпимъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ вы будете имѣть карты Россіи, которыя дадутъ настоящее понятіе о ней. Много недоразумѣній происходитъ отъ того, что столицы находятся въ климатѣ неблагопріятномъ.

Представьте себѣ, что послѣднимъ наводненіемъ набережная испорчена слишкомъ на двѣсти саженъ. Съ этого дня я сердита на городъ Св. Петра. Во многихъ домахъ ѣли рыбу, пойманную у себя на дворѣ. На конюшнѣ у графа Панина можно было заниматься рыбною ловлею. У меня въ Эрмитажѣ почти всѣ окна побиты. Сто сорокъ строеній погибло на Невѣ и у меня подъ окнами. Зрѣлище ужасныхъ утратъ самымъ объемомъ своимъ развлекало людей, и горе сноси-

---

[13]) Иванъ Ивановичъ, только что возвратившійся изъ-за границы. Книга знаменитаго Французскаго министра Неккера называется: «О законахъ, относящихся до хлѣба и о торговлѣ имъ». Читая ее, Екатерина дѣлала отмѣтки краснымъ карандашомъ

лось отъ этого легче. Но городъ порядкомъ пострадалъ. Скажите, какой изъ этого прокъ? [14])

3.

17 Ноября 1777.

Сегодня утромъ, проснувшись въ 6-мъ часу отъ сильной боли въ тѣлѣ, я хотѣла сѣсть и почувствовала, что боль поднялась въ грудь и что я задыхаюсь. Я позвонила. Ко мнѣ пришли, но я не знала что̀ со мною и мѣста не находила въ постели. Кельхенъ объявилъ, что это колика отъ скопленія вѣтровъ. Этотъ желудочный ураганъ продолжался безпрерывно пять часовъ и прошелъ, какъ и начался, самъ собою, ни съ того, ни съ сего. Избави васъ Боже отъ чего либо подобнаго: императорское терпѣніе и знаніе истощались.

Библіотека аббата Гальяни нерѣдко доставляетъ мнѣ удовольствіе. Я посѣщаю ее за часъ до обѣда и, подобно маленькимъ дѣтямъ, роюсь въ гравированныхъ листахъ, ища меду для своего улья. Что касается до переплетовъ, я на нихъ не смотрю и очень равнодушна къ нимъ. Пошлю аббату медаль, которая ему будетъ вмѣсто портрета; вѣдь у васъ ихъ цѣлая лавка. Знаете ли, что я весьма возгордилась съ тѣхъ поръ, какъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ Шуваловъ объявилъ мнѣ, что для художниковъ въ Италіи профиль мой не представляетъ никакихъ затрудненій; что для того имъ стоитъ взять бюстъ, медальонъ или медаль Александра (Македонскаго), немного подправить, и выдетъ очень похоже? Одну такую камею любители моей физіономіи считаютъ весьма удавшеюся и просятъ съ нея снимковъ. Послѣ этого я стала подымать голову съ особенною важностью. Въ письмѣ маленькаго аббата есть прелестныя вещи, особливо что̀ онъ говоритъ о короляхъ и государяхъ слишкомъ возвышенныхъ. Я люблю еще нераспаханныя страны. Повѣрьте мнѣ, онѣ суть наилучшія. Я тысячу разъ говорила вамъ, что я годна только для Россіи. Помните? Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе святой природы (sancta natura): все изысканно и искажено искусственностью.

4.

Изъ бывшаго утинаго гнѣзда, нынѣ С.-Петербурга, 25 Ноября 1777.

Сего утра пришла мнѣ фантазія писать къ вамъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень важныхъ предметахъ. Напримѣръ, на этихъ дняхъ я прочитала въ «Разговорахъ» аббата Гальяни, что великія головы образуются изъ совмѣщенія многихъ противорѣчій, и я сказала: это правда, это великая мысль, это высокое разъясненіе. Съ этихъ поръ совмѣщеніе противорѣчій безпрестанно тормозитъ мою голову, и я ко всему его примѣняю.—Еще хочется мнѣ вамъ сказать, что о прибытіи вашемъ въ Парижъ мнѣ извѣстно, что̀ и должна я вамъ засвидѣтельствовать. Очень рада, что вы отдыхаете

---

[14]) Послѣднія слова относятся вѣроятно къ раздѣляемой Гриммомъ Вольтеровской мысли, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему.

послѣ вашихъ поѣздокъ. Третья новость: было бы вамъ извѣстно, что герцогиня Лавальеръ приказала мнѣ сказать черезъ Шувалова, что она любитъ меня до безумія, на что я отвѣчала, что весьма къ тому чувствительна. Вотъ новое заигрыванье. Шуваловъ же передалъ мнѣ много всяческой болтовни отъ господъ Монморанси. Видите, съ какими людьми я вожусь. Есть съ чего возгордиться! И не правда ли, слѣдовало написать вамъ объ этомъ?—Позабыла еще очень важную вещь. Вчера, наканунѣ своихъ имянинъ, я не спала всю ночь, потому что голова моя непроизвольно работала, отчего она должна была либо сильно разболѣться, либо произвести рядъ мыслей. За обѣдомъ же я разродилась великолѣпнымъ сравненіемъ. Я распредѣлила головы по минераламъ: вотъ голова на подобіе желѣза, столь же какъ оно гибкая; вотъ голова мѣдная, серебрянная, вотъ голова золотая. Сего послѣдняго закала всѣхъ лучше и всѣхъ драгоцѣннѣе для скупцовъ, а вы—скупецъ. Не правда ли, не ожидали такого вывода? Если не помрете со смѣху, то ужъ не моя вина. Предупреждаю, что я сегодня напыщена гордостью, и отчасти потому и пишу къ вамъ, такъ какъ, съ тѣхъ поръ какъ васъ знаю, я сдѣлала изъ васъ настоящаго козла отпущенія (souffre-douleur).

5.

Спб., 14 Декабря 1777.

Знаете ли вы господина Александра? Часто ли бываете въ Версали? Знаете или не знаете чиновниковъ, подначальныхъ чиновникамъ господина Александра? По крайней мѣрѣ того господина Александра, о которомъ столько говорится въ «Простодушномъ» [15])? Но ручаюсь, что Александръ, о которомъ я вамъ скажу, неизвѣстенъ вамъ. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, родив-

---

[15]) «Простодушный» (L'Ingénu), повѣсть Вольтера. Герой этой повѣсти, оказавшій государственную услугу отраженіемъ Англичанъ, высадившихся было на Французскій берегъ, отправляется въ Версаль, чтобы представиться королю и разсчитываетъ, что его подвигъ будетъ оцѣненъ его государемъ; но въ Версали ему говорятъ, что представить королю можетъ только нѣкто Лувуа. «Ведите же меня къ Лувуа!» восклицаетъ Простодушный. «Говорить съ Лувуа еще труднѣе, чѣмъ съ его величествомъ», отвѣчаетъ ему дворцовая прислуга: «лучше мы васъ проведемъ къ г-ну Александру, первому воинскому чиновнику». Они идутъ къ Александру, но ихъ не пускаютъ, потому что Александръ занятъ съ какою-то придворною дамою и велѣлъ никого не принимать. «Ну такъ пойдемте къ первому чиновнику г-на Александра», замѣчаетъ прислуга, и т. д.—Давъ имя Александра новорожденному внуку, Екатерина вспомнила про Александра, упомянутаго у Вольтера, и съ этого начинаетъ свои сообщенія Гримму объ Александрѣ Павловичѣ, которыя потомъ будутъ очень часто повторяться. Кстати замѣтить, что несомнѣнная любовь Екатерины къ внукамъ служитъ психологическимъ опроверженіемъ взводимой на нее клеветы, будто она ненавидѣла ихъ отца. Она только обуздывала его, къ чему, въ качествѣ матери и Государыни, имѣла и право, и обязанность.

шійся утромъ 12 числа сего мѣсяца, въ десять часовъ три четверти. И такъ великая княгиня родила сына, который, въ честь святаго Александра Невскаго, получилъ великолѣпное имя Александра и котораго я называю господиномъ Александромъ, потому что, если онъ выростетъ, то со временемъ его чиновники непремѣнно будутъ имѣть подъ своимъ начальствомъ чиновниковъ. Вотъ что значитъ быть бабушкой: загадываешь впередъ, пророчишь и судачишь. Да Боже ты мой! Чтожъ такаго особеннаго выдетъ изъ этого мальчика? Хочу думать вмѣстѣ съ Белемъ и отцомъ Тристрама Шанди, что имя предмета имѣетъ вліяніе на предметъ, а наше имя знаменито. Семейные примѣры стоятъ чего нибудь, какъ вамъ кажется? Иной разъ выборъ затруднителенъ. Но примѣры тутъ не при чемъ, и по завѣту почтеннаго пастора Вагнера все дѣло въ натурѣ. А гдѣ она гнѣздится, эта натура? Въ добромъ тѣлосложеніи? Кажется, таковое имѣется, лишь бы масса не взяла верхъ надъ испареніемъ, мясомъ и костьми. Думаю, передумываю и пошлю на разсужденіе къ вдовствующей Шведской королевѣ [16]): она рѣшитъ лучше моего. Жаль, что феи вышли изъ моды: онѣ надѣляли вамъ ребенка всѣмъ чѣмъ угодно. Я бы ихъ щедро вознаградила и шепнула бы имъ на ухо: «природы, милостивыя государыни, запасите природы» Остальное почти все есть дѣло опыта.

6.

Спб. 22 Декабря 1777.

Что можетъ быть докучливѣе, какъ преслѣдовать людей письмами? Согласна, и тѣмъ не менѣе, кажется, въ третій разъ пишу къ вамъ, сама не зная за чѣмъ. Но надо, чтобы я къ вамъ писала: голова того хочетъ. Ну такъ не читайте же, вѣдь на все есть средство. Повторяю: бросьте письмо въ огонь не читавши.

Третьяго дня окрестили господина Александра, и всѣ чувствуютъ себя исправно, кромѣ Англичанъ, которые ходятъ наклоня голову къ животу послѣ плачевнаго происшествія съ генераломъ Бургуаньемъ [17]). Есть съ чего кусать себѣ ногти, какъ дѣлаетъ князь Потемкинъ.

Когда будете писать ко мнѣ, скажите что нибудь о Квирини, объ аббатѣ Гальяни и о Менгсѣ [18]). Сей послѣдній пишетъ ли мнѣ картины? Ахъ Боже мой, если бъ вы видѣли, какъ, не смотря на ваши зловѣщія предсказанія, я отлично устроилась нынѣшнюю зиму! Сколько со всѣхъ сторонъ размѣщено и разбросано вокругъ меня великолѣпныхъ вещей, которыя мнѣ ни на что ненужны и которыми я вовсе не пользуюсь; а взглянуть, такъ счастье! Я похожу на Киргизскаго

---

[16]) Сестра Фридриха Великаго, Луиза Ульрика, мать Густава III-го, который въ это лѣто навѣстилъ Екатерину въ Петербургѣ и къ которому въ Швецію ѣздилъ въ гости Гриммъ.

[17]) Губернаторъ Канады, неудачно дѣйствовавшій въ войнѣ съ возставшими Американскими колоніями.

[18]) Знаменитый живописецъ въ Римѣ.

хана, которому императрица Елисавета подарила домъ въ Оренбургѣ, а онъ велѣлъ поставить свою кибитку на дворѣ этого дома, чтобы жить въ ней. Я не выхожу изъ своего угла.

Патріархъ [19]) сдѣлалъ мнѣ честь присылкою книги, которую онъ озаглавилъ: «Премія справедливости и человѣколюбія». Ему желательно, чтобъ кто нибудь за сто луидоровъ составилъ уголовное уложеніе. Нельзя сказать, что онъ расщедрился. Мнѣ думается, что такое уложеніе либо будетъ написано даромъ, либо вовсе никто его не напишетъ. Для этого необходимо поудить въ сердцѣ человѣческомъ, въ опытѣ людей и въ законахъ, нравахъ и обычаяхъ народа. Кошелекъ тутъ не при чемъ. Академическія преміи хороши для возбужденія молодыхъ умовъ; а въ этомъ случаѣ нужны люди уже просвѣщенные, въ лѣтахъ, руководившіе многими дѣлами и не имѣющіе надобности заработывать себѣ сотню луидоровъ.

1778 годъ.

1.

Сколько подарковъ! Турская спаржа! Она очень вкусна. Я занимаюсь ея истребленіемъ. Сахаръ отъ Море противъ кашля! Я не кашляю, и потому его истребляетъ Леди, которая, кажется мнѣ, простудилась. Пара чулокъ изъ кроликовой шерсти виситъ у меня на столѣ. Князю Орлову хотѣлось завладѣть ими, но штука въ томъ, что они ему слишкомъ коротки и слишкомъ узки. Очень благодарна за все это и за всѣ ваши совѣты относительно сквозныхъ вѣтровъ. Завтра испробуемъ ихъ: будетъ маскарадъ въ честь рожденія господина Александра. Этотъ господинъ Александръ, это князь, это князь.... это князь, который въ добромъ здоровьи.

О человѣкѣ съ двумя физіономіями скажу вамъ, что я страхъ боюсь, не похожъ ли онъ на нашихъ епископовъ. Кто-то, поговоривъ съ ними въ продолженіи двухъ часовъ, находилъ, что они очень любезны и удивлялся, отчего ихъ рѣдко видятъ и зачѣмъ они избѣгаютъ случая бывать съ нами. Другой отвѣчалъ ему: это оттого, что имъ стоитъ большаго усилія быть любезными, и такая физіономія бываетъ у нихъ не долѣе двухъ часовъ.

У меня къ вамъ нѣсколько вопросовъ о Деонѣ. Зачѣмъ эта дѣвушка переряжалась мужчиною? Какъ она поступила въ военную службу? Какъ открыли, что она дѣвушка? Зачѣмъ приказано было, чтобъ она одѣлась поженски? И зачѣмъ запретили ей носить платье, которое ей казалось удобнѣе? Письмо къ ней Людовика XV-го съ извѣщеніемъ, что онъ приказалъ ее захватить, какъ-то рѣзко. Читая его, не совсѣмъ понимаешь, кто въ это время во Франціи исправлялъ должность короля, конечно уже не Людовикъ XV. Къ этому

---

[19]) Т. е. Вольтеръ; въ этой книгѣ онъ предлагалъ деньги тому, кто составитъ новый сводъ уголовныхъ законовъ.

письму можно бы составить весьма забавныя примѣчанія. Да Богъ съ нимъ; оно само за себя говоритъ.

Чего вы безпокоитесь о Бретёлевскомъ десертѣ? Онъ отлично принятъ и пребываетъ у меня въ антресоляхъ, въ комнатѣ, именуемой Музеумъ, куда, чтобы ему не было скучно, снесены съ четырехъ концовъ свѣта золотыя и серебряныя вещи и драгоцѣнные камни, съ огромнымъ количествомъ Сибирскихъ ясписовъ и агатовъ. Мыши да я ходимъ туда смотрѣть на него. Даже Томасовъ рѣдко туда пускаютъ, ради прекрасныхъ ковровъ. Но когда они тамъ бываютъ, вся ихъ семья выражаетъ особенную радость. Подумаешь, что они любятъ хорошую обстановку.

2.

Спб. 2 Февраля 1778.

Спѣшу писать къ вамъ, потому что время не терпитъ. До поста осталось какихъ нибудь двѣ недѣли, а между тѣмъ у насъ будетъ одинадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена. И такъ, чтобъ не остаться въ изъянѣ, я вчера заказала мою эпитафію и велѣла торопиться, потому что желаю имѣть удовольствіе поправить ее. Между тѣмъ для забавы я начала ее сама, на подобіе эпитафіи сэра Тома Андерсона. Кстати объ эпитафіи и о городѣ, гдѣ была моя колыбель. Я помню, что у мамзель Кардель бывалъ часто, особливо по Воскресеньямъ, г-нъ Моклеркъ, служитель Божьяго Слова въ зàмковой церкви. Этотъ Моклеркъ приходился зятемъ историку Рапеню-Туарасу и, кажется, былъ издателемъ его Исторіи Англіи. Моклеркъ былъ другъ и совѣтникъ мамзель Кардель. Сынъ Рапеня-Туараса, шуринъ Моклерка, служилъ тамъ же регирунгсратомъ. Всѣ они были близкими пріятелями мамзель Кардель и очень заботились объ ея воспитанницѣ. Вагнеръ же отнюдь не якшался съ этими еретиками, не понимавшими его языка, какъ и онъ не понималъ ихняго. Мамзель Кардель одна знала почти все, ничему не учившись, почти также какъ ея воспитанница.

Упоминаемая Екатериною эпитафія есть пародія на ту надпись, которая высѣчена на могильномъ камнѣ ея собачки въ Царскомъ Селѣ (и къ сожалѣнію, не подновляется, такъ что теперь уже трудно ее разбирать). Курьезная эпитафія эта напечатана пофранцузски П. П. Пекарскимъ въ его статьѣ о литературной дѣятельности Екатерины II (въ III-мъ томѣ Записокъ Имп. Академіи Наукъ, 1863). Приводимъ ея переводъ.

Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21 Апрѣля (2 Мая) 1729 года. Она прибыла въ Россію въ 1744 году, чтобы выдти замужъ за Петра III-го. Четырнадцати лѣтъ отъ роду, она возымѣла тройное намѣреніе понравиться своему мужу, Елисаветѣ и народу. Она ничего не забывала, чтобы успѣть въ этомъ. Въ теченіи 18 лѣтъ скуки и уединенія она по неволѣ прочла много книгъ. Вступивъ на Россійскій престолъ, она желала добра и старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни къ кому ненависти. Пощадливая, обходительная, отъ природы веселонравная, съ душею республиканскою и съ добрымъ сердцемъ, она имѣла друзей. Работа ей легко давалась. Она любила искусства и быть на людяхъ».

3.

14 Февраля 1778.

Господинъ козелъ отпущенія! Мнѣ надо писать къ вамъ, такъ какъ у меня голова болитъ. Нынѣшній день не ждите особенныхъ фантазій, ни потока словъ, стремящихся одно за другимъ какъ волны изъ прорванной плотины. Вовсе не то: хочу просто разсказать вамъ о праздникѣ господина Азора. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, надо вамъ напомнить, о чемъ я уже васъ увѣдомляла, что мы были по уши въ праздникахъ и маскарадахъ и перекатывались по городу изъ дому въ домъ, словно мыши въ закромѣ. 13 Февраля выбрался несчастный денёкъ роздыха. Оглушенные музыкою, усталые отъ танцевъ и возни, всѣ разсчитывали отдохнуть у себя по домамъ. Не тутъ-то было! Замѣшался чортъ, этотъ врагъ спокойствія. Чтоже онъ сдѣлалъ? Онъ внушилъ вельможному Африканскому дворянину выбрать оперный день, когда ложи были почти пусты, а въ партерѣ довольно мѣстъ незанятыхъ. Вельможа является въ убранствѣ страны своей и раздаетъ человѣкамъ тридцати, изъ самыхъ значительныхъ, прилагаемое объявленіе. Этимъ прекраснымъ произведеніемъ, въ которомъ никто ничего не понималъ, произведено общее движеніе. Что̀ это такое? Что̀ будетъ? О, я знаю! А я такъ не могу догадаться. Ломаютъ себѣ голову, дѣлаютъ предположенія и смѣются. «Доброе начало праздника!» говоритъ Азоръ. Въ серединѣ спектакля, по желанію Африканскаго вельможи, всѣ приглашенные отправляются въ назначенное мѣсто, для чего имъ приходится взбираться по маленькой и очень узкой витой лѣстницѣ, однако не на чердакъ, но въ извѣстные антресоли, гдѣ все дышетъ Азіатскою амврозіей. Тамъ приготовлены для игры въ Макао три большіе стола, съ покрышками изъ бархатныхъ ковровъ. На каждомъ столѣ небольшой ящикъ, золотая ложечка и прилагаемая афиша (вхожу въ эти подробности для удобства тѣхъ, кто захочетъ подражать господину Азору). Общество съ усердіемъ соотвѣтствовало намѣреніямъ хозяина. Нѣтъ живѣе этой игры, говорили мужчины. Нѣтъ ничего забавнѣе, говорили женщины. Какъ весело играть въ бриліанты! Это похоже на Тысячу и Одну Ночь. Золото и драгоцѣнныя бездѣлушки перекатываются. Словомъ, эта прекрасная игра продолжалась полтора часа до ужина, и ящики все еще не опорожнились. Рѣшено было подѣлить остатки, послѣ чего спустились тою же лѣстницею внизъ, прямо въ зеркальную комнату: стѣны, потолокъ, все изъ зеркала. Противъ лѣстницы большое окно, коего занавѣски внезапно распахнулись, и гостямъ представилась огромная буква А, въ аршинъ величины и толщиною въ руку, вся изъ самыхъ большихъ коронныхъ бриліантовъ. Подъ этимъ громаднымъ А стояло человѣкъ двадцать пажей въ золотомъ платьѣ съ голубыми атласными поясами. Они были тутъ для прислуги за столами и картинно расположились въ углубленіи окна подъ бриліантовымъ А. Столы были разставлены вдоль стѣнъ, направо и налѣво, такъ что пирующіе могли видѣть себя въ зеркалахъ.

Но какъ описать вамъ десертъ, размѣщенный передъ зеркалами? Тутъ были всѣ бездѣлушки изъ четырехъ вамъ извѣстныхъ шкаповъ и покрывали собою лучшія вещи Бретёлева десерта. Рисунокъ и все устройство казались чѣмъ-то волшебнымъ. Я велѣла снять на бумагу и потомъ выгравировать. Я вамъ пришлю. Каждый входившій въ комнату буквально ослѣплялся красотою и богатствомъ зрѣлища, и прошло полчаса, прежде чѣмъ гости пришли въ себя и размѣстились на указанныхъ мѣстахъ. Восторгъ не прекращался все время ужина, послѣ котораго на нѣсколько минутъ надо было уйти на верхъ. Забыла сказать, что сначала проходили черезъ эту комнату, и въ ней ничего не было. Все устроилось, пока шла игра въ бриліанты. Еще забыла: противъ большаго А въ окнѣ, на противоположномъ концѣ, въ углубленіи, было такое же А, только изъ жемчугу.

Объявленіе [1]).

Францискъ Азоръ имѣлъ честь нѣсколько разъ заявить въ присутствіи свидѣтелей, что онъ дѣйствительно Африканскій дворянинъ. Многіе выражали въ справедливости сего сомнѣніе; ему неизвѣстно, какая тому причина, зависть или что другое. Но теперь дѣло не въ томъ. Онъ рѣшился наконецъ объявить передъ лицемъ публики, что онъ есть представитель своего отечества, страны золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и чудовищъ, словомъ великой части земнаго шара, именуемой Африкою. Онъ сдѣлаетъ больше: онъ вызывается доказать это всякому, кто получитъ отъ него изъ рукъ въ руки или чрезъ уполномоченнаго настоящую бумагу подъ условіемъ, чтобы получившій благоволилъ, по выходѣ изъ спектакля сего 13 Февраля 1778 года, явиться въ покои Императрицы, имѣя при себѣ сію бумагу. Просвѣщенные люди согласятся, что Африканскій вельможа выбралъ для своего заявленія наиболѣе пригодную минуту, такъ какъ земля, небеса, воды и существа всей природы соревновали между собою въ эти дни, для возвеличенія нынѣшней эпохи. Въ заключеніе онъ желаетъ, чтобы послѣ игры и ужина, сладкій сонъ низошелъ на утомленныя вѣжды его гостей.

Афиша.

Африканскій вельможа выложилъ на каждомъ столѣ ящикъ съ бриліантами, не на продажу, а чтобъ играть въ Макао. Каждое девять будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ.

Игра въ Макао, нынѣ довольно рѣдкая, а въ прошломъ вѣкѣ весьма распространенная, состоитъ въ томъ, что каждому участнику игры сдается по три карты; для наибольшаго выигрыша надо, чтобъ число очковъ въ трехъ его картахъ составляло цифру 9. При этомъ фигуры (т. е. король, дама, валетъ и десятки) не считаются вовсе. Напримѣръ, вамъ сдано: дама, король и тройка; вы открываете и заявляете три очка. Если у противника вашего, примѣрно, десятка, тройка и шестерка, то онъ беретъ всѣ деньги, поставленныя остальными играющими. — Бриліантъ въ одинъ каратъ представляетъ собою сравнительно

---

[1]) Къ подлинному письму оно приложено печатное во Французскомъ текстѣ.

малую цѣнность, такъ что у Екатерины игра, пожалуй, обходилась дешевле иной нынѣшней. (Каратъ около теперешнихъ ста рубл.). Вѣроятно, бриліанты были необдѣланные, либо вынутые изъ оправъ.—Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ Екатерина отнеслась къ рожденію внука, и въ дальнѣйшихъ письмахъ ея къ Гримму сохранилась, можно сказать, исторія дѣтства Александра Павловича. Всѣ эти праздники происходили въ честь событія, коимъ упрочивалось престолонаслѣдіе въ Россіи. Сохранилось современное рукописное описаніе этого праздника, которое приводимъ въ дополненіе и объясненіе къ письму о немъ Екатерины.

Современное описаніе придворнаго праздника по случаю рожденія Александра Павловича.

Мѣсяцъ Февраль 1778 года.

13 числа во Вторникъ ея императорское величество обѣденное кушанье изволила кушать во внутренней, гдѣ вещи бриліантовыя, комнатѣ, къ которому столу приглашены были:

1. Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинской.
2. Семенъ Гавриловичъ Зоричь.

Въ столовой комнатѣ кушали господинъ гофъ-маршалъ и дежурные кавалеры, 5 персонъ.

Въ вечеру, въ исходѣ 6-го часа, въ присутствіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, въ оперномъ домѣ представлена была Итальянская опера, называемая Ахиллъ.

Въ продолженіе оной оперы, находящійся при ея императорскомъ величествѣ Арапчикъ Азоръ, представлявшій Африканскаго вельможу и блюстителя всего свѣта сокровищъ, разносилъ нижеслѣдующимъ знатнымъ обоего пола особамъ билеты, приглашая во внутренніе ея императорскаго величества покои.

Предъ окончаніемъ оной оперы, въ исходѣ 8-го часа, ея императорское величество изволила съ ихъ императорскими высочествами шествовать во внутреннія комнаты, куда и приглашенныя Азоромъ особы слѣдовали, которымъ представлены были 3 стола карточные, на которыхъ столахъ поставлено было по ящику бриліантовъ, во всякомъ ящикѣ по 52 камня, а каждый камень по 1 кратѣ, и продолжалась игра въ Макао: у кого выходило 9, тотъ и бралъ изъ ящика одинъ камень.

Когда каменья были разъиграны, просилъ помянутый Азоръ за столъ кушать, отъ котораго было представлено въ двухъ комнатахъ 3 стола. Въ 1-й комнатѣ, которая убрана зеркальными стеклами, было 2 стола; за 1-мъ столомъ кушать изволили ихъ императорскія высочества съ знатными обоего пола особами, а за другимъ кушали знатныя-жъ особы. Во 2-й комнатѣ, которая называется Турецкая, за круглымъ столомъ кушали знатныя-жъ однѣ мужскаго пола особы. Ея императорское величество кушать не изволила, а изволила какъ съ ихъ высочествами, такъ и съ засѣдающими персонами въ обѣихъ комнатахъ продолжать разговоры. На означенныхъ столахъ вмѣсто десертныхъ штукъ поставлены были пирамиды, которыя на

оный случай нарочно сдѣланы, представляющія разныя древности и украшенныя драгоцѣнными каменьями, какъ бриліантами, яхонтами, изумрудами, жемчугомъ, такъ золотою рудою и разныхъ родовъ рѣдкими каменьями.

Когда ихъ императорскія высочества изволили пойти въ первую комнату, при самомъ ихъ вступленіи въ оную отдернутъ былъ у окошка занавѣсъ, и въ ту самую минуту блеснула въ глаза зрителей литера А, выложенная драгоцѣнными бриліантами; таковыя двѣ литеры на зеленомъ бархатѣ были убраны: одна бриліантами, а другая жемчугомъ крупнымъ.

При тѣхъ столахъ ихъ императорскимъ высочествамъ и засѣдающимъ персонамъ служили пажи, которые одѣты были въ длинное платье, шитое нарочно вновь изъ золотаго глазету; чрезъ плечи ихъ висѣли перевязки изъ голубаго атласу; распущенные волосы завязаны были бѣлыми лентами.

Столъ кончился въ 11-мъ часу, и изволили ихъ императорскія высочества отбыть въ свои покои, а прочія персоны разъѣхались.

При столѣ сервизъ былъ золоченый и шандалы золоченые-жъ.

Приглашены были слѣдующіе:

1. Его императорское высочество.
2. Ея императорское высочество.
не была. 3. Ея свѣтлость герцогиня Курляндская.

Штатсъ-дамы:

не была. 4. Графиня Марья Андреевна Румянцова.
5. Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина.
6. Княгиня Дарья Алексѣевна Голицына.
7. Графиня Катерина Михайловна Румянцова.
не были {8. Анна Никитишна Нарышкина.
9. Графиня Анна Родіоновна Чернышова.}
10. Графиня Прасковья Александровна Брюсова.
11. Княгиня Катерина Николаевна Орлова.

Дамы:

12. Марина Осиповна Нарышкина.
13. Княгиня Наталья Александровна Репнина.

Кавалеры:

14. Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
15. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
16. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ.
17. Александръ Александровичъ Нарышкинъ.
18. Графъ Минихъ.
19. Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ.
20. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

21. Иванъ Ивановичъ Бецкой.
22. Николай Ивановичъ Салтыковъ.
23. Левъ Александровичъ Нарышкинъ.
24. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
25. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ.
26. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.
27. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.
28. Князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинской.
29. Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

4.

Спб., 2, 3 и 4 Марта 1778 года, въ разные пріемы.

Пожалуйте, пожалуйте, господинъ баронъ: надо мнѣ съ вами поговорить. Нынче большой вѣтеръ, и вотъ два вашихъ письма, спрашивающихъ отвѣта. Правда, у меня два письма отъ короля Прусскаго, три отъ Шведскаго, два отъ Вольтера, и трижды столько же Богъ вѣсть отъ кого, и всѣ эти письма пришли гораздо раньше вашихъ; но такъ какъ они мнѣ немилы, потому что, отвѣчая на нихъ, надо писать, а къ вамъ я никогда не пишу, а просто болтаю (замѣтьте, это новость), то мнѣ пріятнѣе позабавиться и дать полную волю рукѣ, перу и головѣ. И такъ начнемъ! Громите, громите меня письмами. Это хорошо, потому что меня забавляетъ. Я читаю и перечитываю ваши писанія и говорю: «Какъ онъ меня понимаетъ! Боже, онъ почти одинъ и понимаетъ меня какъ слѣдуетъ». Если когда я закажу молебствіе, то съ тою цѣлью, чтобы небеса даровали пониманіе господина барона людямъ, меня не понимающимъ. Я прибавлю еще особенную молитву о ниспосланіи многимъ вашей способности къ уясненію.

Объ Александрѣ нѣтъ больше рѣчи, какъ будто его и не было. Съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на свѣтъ, ни малѣйшаго безпокойства. Милость Божія да будетъ надъ душою его, какъ надъ тѣломъ. Онъ здоровъ, вотъ и все. Вы говорите, что ему предстоитъ на выборъ, подражать либо герою, либо святому одного съ нимъ имени; но вы, вѣроятно, не знаете, что этотъ святой былъ человѣкъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что̀ возвышало его надъ современными ему, удѣльными, какъ и онъ, князьями. Татары уважали его, Новгородская вольница подчинялась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ Шведовъ, и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. И такъ, по моему, Александру не придется выбирать. Его собственныя дарованія направятъ его на стезю того или другаго. Во всякомъ случаѣ изъ него выдетъ отличный малый. Боюсь за него только въ одномъ отношеніи, но объ этомъ когда нибудь скажу вамъ на словахъ. Домекайте! [2]) Разсужденія вашихъ фей слишкомъ для меня лестны, чтобы мнѣ отвѣчать на нихъ. Сердце говоритъ мнѣ, что не первый, а второй будетъ похожъ на

[2]) Гриммъ вѣроятно домекнулъ, что Екатерина боится вліянія отцовскаго.

меня (если это оправдается, я стану заранѣе описывать его жизнь и подвиги). У него не будетъ ничего общаго съ моимъ добрымъ братомъ во дни поста и покаянія. Но съ чего вздумали вы желать, чтобы онъ содѣйствовалъ къ оживленію умовъ? Онъ произошелъ отъ чреслъ, коими принижены злыя рѣчи. Это добрый гражданинъ, вотъ и все. Вы знаете мое глубокое уваженіе къ этому слову. Какъ скоро оно произнесено, нужно умолкнуть. Что касается до Франклина, онъ долженъ былъ выдти тѣмъ, чѣмъ есть, коль скоро природа обдѣлила его государя способностью сдѣлать изъ него себѣ ближайшаго друга. Теперь о другомъ, не такъ ли? Это будетъ испытаніемъ предъидущему. Но ради же Бога, посовѣтуйте осьмидесятилѣтнему старцу [3]) оставаться въ Парижѣ. Что ему здѣсь дѣлать? Онъ умретъ отъ холоду, долгаго вѣку и дурныхъ дорогъ здѣсь, или на пути. Это было бы въ родѣ пріѣзда короля Шведскаго. Помните мои тревоги! Между прочимъ, вы можете ему представить, что Катенька хороша только издали. Я много смѣялась надъ этой Катенькой. Кстати: въ Голландіи сдѣлали медаль, на которой императрица-королева и императрица Россійская сидятъ вмѣстѣ въ коляскѣ, а король Прусскій на козлахъ. Ихъ спрашиваютъ, куда они ѣдутъ? Онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру захочется повести насъ. По моему, это очень забавно. Недостаетъ только истины или музыки изъ Французской комической оперы: въ первомъ случаѣ оно было бы зло, а во второмъ вполнѣ пошло.

Сервскій сервизъ, который я заказала, назначенъ для перваго въ свѣтѣ кусателя ногтей, для моего милаго и возлюбленнаго князя Потемкина; а чтобъ сервизъ вышелъ получше, я сказала, что онъ для меня. Отправляю къ вамъ мое посланіе къ господину патріарху. Надѣюсь, что съ онымъ вы надежно можете предстать предъ него. Но не показывайте ему моихъ писемъ. Слогъ нашъ пригоденъ только для насъ, да для почтовыхъ чиновниковъ, которые иной разъ дивятся ему, ничего не понимая или понимая не то. Добраго дня и добраго вечера! Вамъ потребуется терпѣніе народа Божія во время Вавилонскаго плѣненія, чтобы прочитать эту болтовню въ восемь страницъ.

5.

Спб. 13 Апрѣля 1778.

Никогда у императрицы Елисаветы не было женщины въ должности чтеца. Она также мало знала господина или госпожу Деонъ, какъ и я, видѣвшая его въ качествѣ политическаго прихвостня въ свитѣ маркиза Лопиталя или барона Бретёля.

6.

Царское Село, 16 Мая 1778

Письмо ваше пришло вовсе не кстати. Голова у меня совсѣмъ разстроилась. Я замѣчала, что эти припадки бываютъ послѣ законобѣсія. Сему послѣднему я подверглась въ Декабрѣ мѣсяцѣ, и оно

---

[3]) Вольтеру.

продолжалось до сихъ поръ, сильно и настойчиво. Тутъ дѣйствовали огонь и геній, такъ что я бывала внѣ себя. Увы! Не ѣмъ, не пью, не сплю. Кельхенъ затрудняется опредѣлить мой пульсъ; въ груди у меня стѣсненіе. Друзья бранятъ меня, увѣряя, что это ни на что непохоже. Я и сама это знаю. Они совѣтуются съ лекарями. Тѣ считаютъ, что я больна и предписываютъ лекарства. Я соглашаюсь, лишь бы предоставили мнѣ выборъ: проглотить нетрудно. Что̀ вы объ этомъ скажете? Не правда ли, что все это свидѣтельствуетъ о разстройствѣ?

Я не могла писать иначе. Въ добавокъ у меня отвращеніе къ чернпламъ, перу и бумагѣ, какъ у бѣшеной собаки къ водѣ. Я не слышу что̀ мнѣ говорятъ или читаютъ. Хочу читать и ничего не вижу. Глаза не двигаются. Вяжу себѣ оборки. Это можно, потому что дозволяетъ думать совсѣмъ о другомъ и не раздражаетъ. Я молчалива и не промолвлю слова; хотятъ заставить меня говорить и только выводятъ изъ терпѣнія. Вотъ чертовская болѣзнь законобѣсія. Отличная мысль, прекрасный садъ, благорастворенная погода, пробудите меня, попеременно или всѣ вмѣстѣ. И вотъ, всѣ эти вещи, ложи Рафаеля, бани Тита, Бибіена и Блакстонъ являются нелѣпостью. Чертъ возми! Черезъ чуръ сильно сказано. Но я устала и возьмусь за перо, когда буду мочь.

Черезъ четыре дня берусь опять за перо, чтобы сказать вамъ, что чувствую себя нѣсколько легче. Пульсъ сильнѣе, лихорадка ослабѣваетъ, лишь бы опять не усилилась.

Спб. 26 Мая.

Наконецъ, я опять къ вамъ пишу. Я переѣхала въ городъ, гдѣ у меня больше бодрости и гдѣ мнѣ лучше, нежели на дачѣ. Вотъ доброе начало пятидесятаго моего года, который вы такъ торжествовали, и все это, неправда ли, чрезвычайно ободрительно? Прибавьте къ тому, что въ семействѣ Томовъ случилось великое несчастіе: сэръ Томъ Андерсонъ и внучка его леди Азоръ укушены собакою, про которую говорятъ, будто она бѣшеная. Ихъ отвели въ особое помѣщеніе, но покамѣстъ они здоровы. Этому уже три недѣли.

Еще анекдотъ. Африканскій вельможа больше не называется иначе какъ Гваделупскимъ Григоріемъ Александровичемъ [4]), и имя Азора, воспитателя черепахъ, сдѣлалось ненавистно ушамъ его. Очень рада, что праздникъ, на которомъ играли въ Макао, заслужилъ ваше благоволеніе. Снимокъ съ десерта дѣлаютъ изъ поддѣльныхъ бриліантовъ, и даже въ этомъ видѣ онъ будетъ прекрасенъ. Эстампъ съ него вы получите, а можетъ и не получите, отчего вамъ будетъ ни тепло, ни холодно.

Моя эпитафія назначена для васъ, но я не хочу, чтобы почтовые чиновники списали ее, прежде чѣмъ она къ вамъ дойдетъ. Мнѣ такъ

---

[4]) Мы видѣли изъ приложеннаго современнаго описанія, что это былъ одинъ изъ придворныхъ Араповъ, которому теперь Екатерина дала имя и отчество князя Потемкина.

надоѣли съ просьбами дать мой портретъ, что увидите, съ досады я не пошлю его въ свою колыбель[5]). Я позабыла даже велѣть, чтобъ спросили у Эриксона тотъ портретъ, который вы такъ хвалите. Противъ Вагнера я ничего не имѣю, но внутренно убѣждена, что онъ былъ дуракъ и что Кардель была умная дѣвушка. Я никого не знаю, кто бы такъ любилъ скуку какъ вы. Неужели вамъ хочется быть такимъ же скучнымъ, какъ я? О несчастномъ Рöллингѣ я вамъ никогда не говорила; потому что вы знаете, какъ уроки его были полезны. Онъ всегда приводилъ съ собою человѣка, который вылъ басомъ, и онъ заставлялъ его пѣть у меня въ комнатѣ. Я слушала и думала про себя: онъ реветъ какъ быкъ; но Рöллингъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, какъ скоро начинала дѣйствовать глотка его баса.

Вы очень любезно именуете мое перо очаровательнымъ. Въ молодости я думала писать какъ ангелъ; но съ того времени перо мое испытало разныя непріятности, и я не думаю, что пишу хорошо, а пишу какъ могу; стараться не стоитъ труда. Восторгъ къ патріарху людей образованныхъ не удивляетъ меня; но восторгъ народонаселенія, едва знающаго о немъ по имени, явно свидѣтельствуетъ о стадообразіи народа. Хотѣла бы знать, находились ли въ толпѣ люди изъ духовенста[6]). Если да, то это очень важно и поведетъ меня къ поучительнымъ соображеніямъ на счетъ пріемовъ мысли у народовъ. Уполномочиваю васъ заказать бюстъ патріарха. Здѣсь есть медальёръ, желающій выбить его медаль; но онъ работаетъ плохо, такъ что выбивать не стòитъ.

7.

Въ Осиновой Рощѣ, помѣстьи, которое прошлаго года я подарила моему князю Потемкину, въ 23 верстахъ отъ Петербурга, 29 Мая (1778).

Сегодня нѣтъ вовсе вѣтру, слѣдов. воображеніе не работаетъ; но съ виду здѣсь все въ переполохѣ. Вчера, пріѣхавъ сюда, я безпрестанно твержу нижеслѣдующее. Переведу вамъ какъ нибудь понѣмецки это весьма поэтическое описаніе Финляндіи, которое я сдѣлала во время послѣдняго припадка законобѣсія. Вещь вышла слишкомъ поэтическая, и я принуждена отдать ее моимъ секретарямъ, чтобъ они ее поурѣзали. Богъ вѣсть, чтò они изъ нея сдѣлаютъ; но я увѣряю васъ, что я никогда не сочиняла ничего подобнаго. Это обзоръ моего царствованія и описаніе всей Россіи, область за областью, короткое, сильное, точное, ясное. Иные отзываются, что это произведеніе академическое. Подъ конецъ я должна была стараться избѣгать риѳмы, которая безпрестанно просилась подъ перо. Вотъ подлинникъ: «Финляндской губерніи каменистыхъ горъ хребетъ покрытъ лѣсами; ущелины водою, немного ровныхъ мѣстъ къ житію удобныхъ, со трудными проходы, жилища разсѣяны и пр.». Вотъ плохой

---

[5]) Т. е. въ Штетинъ.

[6]) Говорится о почестяхъ, которыя были оказаны въ Парижѣ Вольтеру, незадолго до его кончины.

переводъ [7]. Осиновая Роща—мѣсто восхитительное: у вашихъ ногъ Петербургъ, море, горы, лѣса, поля, камни, избы. Съ нами Англійскій садовникъ и архитекторъ, и вчера мы уже ходили цѣлый день и Богъ знаетъ чего насажали и настроили. Царское Село, Гатчина и даже Царицыно, по мѣстоположенію, дрянь въ сравненіи съ Осиновою Рощею. Но покамѣстъ весь дворъ помѣщается въ домѣ о какихъ нибудь двѣнадцати комнатахъ; но что за виды изъ всякаго окна! Чортъ побери, это прекрасно! Изъ моего окна видны два озера, три пригорка, поле и лѣсъ.

8.

Петергофъ, 8 Іюня 1778.

Охота вамъ толковать о второмъ числѣ Мая новаго стиля, двацать первомъ Апрѣля по старому! Это значитъ толочь воду. Притомъ же всѣ свидѣтели моего рожденія давно уже померли и зарыты въ землю. Въ прошломъ году скончалась моя кормилица. Я боялась ея какъ огня, какъ посѣщенія королевскаго или другихъ знаменитыхъ особъ. Бывало, только увидитъ меня, схватитъ за голову и начнетъ цаловать и перецаловывать, чуть не задушитъ. Въ добавокъ отъ нея пахло курительнымъ табакомъ, до котораго супругъ ея былъ большой охотникъ. (Но подождите немного, мнѣ мѣшаютъ писать).

Принимаюсь опять за перо. Поболтаемъ! Такъ какъ шла рѣчь о кормилицѣ, скажу вамъ, отчего я боюсь посѣщенія королей. Оттого, что обыкновенно это люди скучные, нелѣпые, съ которыми надо держать себя какъ будто аршинъ проглотивъ. Что касается до знаменитыхъ особъ, я бываю стѣснена уваженіемъ къ нимъ. Съ ними я должна напрягать свой умъ; иногда приходится съ напряженіемъ выслушивать ихъ рѣчи, а я люблю болтать, и когда молчу, то мнѣ скучно. Вотъ, я вся передъ вами опросталась! Бьюсь объ закладъ, что вы въ восторгѣ отъ этой болтливой страницы: ибо я замѣчала, что вы именно любите тѣ мои письма, которымъ я не придаю значенія и про которыя мамзель Кардель сказала бы, что въ нихъ нѣтъ никакого смысла. Но сегодня у меня охота болтать. Вы мнѣ говорите: «Какая доброта!» Отвѣтъ: «Можетъ быть». Діалогъ между Нѣмецкимъ барономъ и мною. Н ѣ м е ц к і й б а р о н ъ: «Какая смѣсь величія, чувства и характера, веселости и этой доброты и пр.» Я: «Величія! Вспомните, кто я. Чувства! Я женщина. Характера! Чортъ побери! Было съ чего запастись имъ. Веселости! Въ ней моя сила. Доброты! Но коль скоро сердце доброе, оно ищетъ добра повсюду; а дурное тоже повсюду даетъ себя знать». Прочтя страницу, я сейчасъ скажу, что авторъ ея съ добрымъ или съ дурнымъ сердцемъ. Всякій ищущій епископства получаетъ его не по своему краснорѣчію или знанію, но по тому, на сколько въ проповѣди, которую онъ произноситъ въ моемъ присутствіи, проглядываетъ сердечной доброты. Что̀ бы онъ ни говорилъ, но выдастъ себя, потому что

---

[7]) Въ подлинникѣ слѣдуетъ Нѣмецкій переводъ отмѣченныхъ ковычками словъ, которыя въ письмѣ къ Гримму написаны Екатериною порусски.

это, безъ его воли и вѣдома, скажется всюду. Оттого у насъ много епископовъ, какихъ трудно сыскать во всѣхъ другихъ странахъ. Скажете, что они берутся изъ состоянія противуестественнаго, изъ монашескаго. Но Александръ Невскій тоже сдѣлался монахомъ, а онъ имѣлъ доблести героическія до такой степени, что когда нибудь я напишу въ похвалу ему слово, будучи недовольна тѣмъ, которое произносится въ день, посвященный его памяти. Я велю произнести это слово, когда мой Александръ придетъ въ возрастъ и будетъ въ состояніи дѣйствовать, на что въ моемъ словѣ, разумѣется, не будетъ намёковъ. Мнѣ все равно, будутъ ли у него сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣется, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря, способностями Александра; коль же скоро это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго! и такъ далѣе. Дочери всѣ будутъ плохо выданы за-мужъ, потому что ничего не можетъ быть несчастнѣе Россійской великой княжны. Онѣ не съумѣютъ ни къ чему примѣниться; все имъ будетъ казаться мелочно. Это выдутъ существа рѣзкія, крикуньи, охулительницы, красивыя, непослѣдовательныя, выше предразсудковъ, приличій и людской молвы. Конечно, у нихъ будутъ искатели, но это поведетъ къ безконечнымъ недоумѣніямъ, и хуже всѣхъ придется той, которая будетъ называться Екатериною [8]): самое имя доставитъ ей больше непріятностей сравнительно съ сестрами. При всемъ томъ, можетъ случиться, что жениховъ не оберешься. Мнѣ бы хотѣлось помочь этому, назвавши всѣхъ ихъ, хоть бы народилось десять, именемъ Маріи. Тогда, мнѣ кажется, онѣ будутъ держать себя прямо, заботиться о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣсть за четверыхъ, благоразумно выбирать книги для чтенія, и напослѣдокъ изъ нихъ выдутъ отличныя гражданки для какой хочешь страны [9]). Но Боже мой, что̀ же это такое? О чемъ пишутъ люди! Чудесно устроены у нихъ головы!

Кстати о будущемъ. Вы станете говорить о моихъ собакахъ, объ Рафаелевыхъ ложахъ, Бибіенѣ, Блакстонѣ. Будьте добры, занесите въ списокъ, о чемъ вамъ говорить, Ангорскаго кота, которымъ князь Потемкинъ отдарилъ меня за Севрскій сервизъ. Это надъ котами котъ, веселый, умный, вовсе невзбалмошный и именно такой, какъ вамъ хочется, чтобъ былъ котъ съ бархатными лапками. По поводу этого кота надо разсказать вамъ, каково было изумленіе принца Генриха, когда князь Потемкинъ вогналъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, обезьяну. Вмѣсто того, чтобы продолжать пріятный разговоръ съ принцемъ, я начала играть съ обезьяною. Принцъ выпучилъ глаза; но дѣлать было нечего: штуки, которыя выдѣлывала обезьяна, вывели его изъ недоумѣнія.

---

[8]) Екатерина Павловна родилась черезъ десять лѣтъ послѣ этого письма. При ея рожденіи, Екатерина забыла про этотъ отзывъ свой.

[9]) Читателю чувствуется въ этихъ строкахъ самолюбивая, державная свекровь, съ оттѣнкомъ злорадства относящаяся къ семейнымъ доблестямъ невѣстки, коими судьба обдѣлила ее самоё.

Получила два письма отъ патріарха изъ Парижа. Сегодня вечеромъ ѣду въ Царское Село, гдѣ кончу это письмо.

Царское Село, 11 Іюня.

Вчера у меня очень болѣла голова. Однако я была въ церкви, потому что было Воскресенье. Потомъ, вмѣсто обѣда, я проспала три часа, потомъ отлично убралась и смотрѣла гренадерскій полкъ, и потомъ ходила пѣшкомъ вокругъ пруда, все жалуясь на голову. Сегодня легче, но ума осталось съ иголку.

9.

Царское Село, 21 Іюня 1778.

Увы! Доселѣ я питала надежду, что слухи о кончинѣ Вольтера невѣрны, но вы мнѣ подтверждаете ихъ. Получивъ ваше письмо, я вдругъ ощутила всемірную утрату и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее презрѣніе ко всему на здѣшнемъ свѣтѣ. Май мѣсяцъ для меня роковой. Я лишилась двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые меня любили, и я ихъ почитала: Вольтеръ и Чатамъ [10])! Долго, долго и можетъ быть во вѣки вѣковъ, никто не сравнится съ ними, особливо съ первымъ изъ нихъ, и никогда никто не превзойдетъ, и для меня они безвозвратно погибли! Хоть кричать, такъ въ туже пору. Но возможны ли гдѣ нибудь, кромѣ той страны, гдѣ вы живете, такіе переходы отъ почета къ обидѣ и отъ разума къ безумію? Послѣ всенароднаго чествованія черезъ нѣсколько недѣль лишать человѣка погребенія, и какого человѣка! Перваго въ народѣ, его несомнѣнную славу. Зачѣмъ вы не завладѣли его тѣломъ, и притомъ отъ моего имени? Вамъ бы слѣдовало переслать его ко мнѣ, и ей ей это промахъ съ вашей стороны, первый въ вашу жизнь. Ручаюсь, что ему была бы у насъ великолѣпнѣйшая гробница. Но если у меня нѣтъ его тѣла, то непремѣнно будетъ ему памятникъ. Осенью, вернувшись въ городъ, я соберу письма, которыя писалъ ко мнѣ великій человѣкъ, и перешлю ихъ къ вамъ. У меня ихъ много. Но если возможно, купите его библіотеку и все, что̀ осталось изъ его бумагъ, въ томъ числѣ мои письма. Я охотно и щедро заплачу его наслѣдникамъ, которые, вѣроятно, не знаютъ всему этому цѣны. Вы меня очень одолжите также, доставивши мнѣ Крамера [11]), не только самое полное изданіе сочиненій, но и всѣ листки, вышедшіе изъ подъ пера его. Я устрою особую комнату для его книгъ.

10.

Царское Село, 11 Августа 1778.

Знаете ли, чѣмъ виноваты передо мною Американскіе крейсеры? Они захватываютъ у меня купеческіе корабли, идущіе изъ Архангельска. Этимъ отличнымъ ремесломъ занимались они въ Іюлѣ и Ав-

---

[10]) Чатамъ или Питтъ Старшій умеръ 11 Мая, а Вольтеръ 30 Мая этого 1778 года; тогда же умеръ и Руссо, но его Екатерина не жаловала.

[11]) Издатель сочиненій Вольтера въ Женевѣ.

густѣ; но я вамъ обѣщаю навѣрно, что въ будущемъ году, если кто вздумаетъ коснуться Архангельской торговли, тотъ поплатится мнѣ дорого. Я не братъ Густавъ, меня нельзя безнаказанно водить за носъ. Съ братомъ Густавомъ они могутъ дѣйствовать, какъ угодно; а со мною имъ придется кусать себѣ ногти. Я сердита, очень сердита. Вѣнская газета говоритъ, что Прусаки повсюду одерживаютъ верхъ. Можетъ быть; но по моему, кто идетъ впередъ, тотъ всегда въ выигрышѣ. Въ послѣднюю войну, Французскіе первостатейные политики, какъ Дюранъ, Сабатье и Секель постоянно говорили о нашихъ пораженіяхъ, а мы шли впередъ и заключили миръ въ 500 верстахъ отъ Адріанополя.

11.

Спб., 1-го Октября 1778.

Уже давно въ дѣйствіяхъ моихъ я не обращаю вниманія на двѣ вещи и не принимаю ихъ вовсе въ разсчетъ: вопервыхъ людскую благодарность и вовторыхъ исторію. Дѣлаю добро для добра, вотъ и все тутъ. Это меня подняло и прогнало тоску и безучастіе ко всему на здѣшнемъ свѣтѣ, которымъ я поддалась, узнавъ о смерти Вольтера. Впрочемъ, онъ мой учитель. Ему или вѣрнѣе его сочиненіямъ я обязана образованіемъ моего ума и головы. Я вамъ нѣсколько разъ говорила, что я его ученица. Будучи моложе, я любила ему нравиться. Сдѣлавъ что нибудь, я тогда только была довольна, когда сдѣланное стоило, чтобъ о немъ сообщить ему, и онъ тотчасъ былъ извѣщаемъ. Онъ до того къ этому привыкъ, что бранилъ меня, когда я не посылала ему вѣстей и они доходили къ нему со стороны. Въ послѣдніе годы я сдѣлалась неисправна въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе быстроты событій, которыя предшествовали миру и за нимъ слѣдовали, а огромная предпринятая мною работа отучила меня отъ писемъ, такъ что писать ихъ стало мнѣ не такъ легко и не такъ охотно.

Благодарствуйте за вашу увѣренность въ томъ, что я продолжаю садить, устраивать, хлопотать и пр. Такъ точно: все идетъ своимъ чередомъ по прежнему; но Вольтера нѣтъ, и Англія лишилась еще лорда Чатама. Вы находите, что Англія не измѣнила себѣ въ воздаяніи почета его памяти и въ наградѣ его потомству; а я такъ прочла о томъ и другомъ съ чувствомъ негодованія. Мнѣ казалось, что враги его хотѣли насмѣяться надъ нимъ. Какъ! Продажный парламентъ, радуясь его смерти, велитъ его похоронить и назначаетъ пенсію его дѣтямъ? Это напоминаетъ того тирана, Римскаго императора, который говорилъ, что тѣло умершаго врага хорошо пахнетъ. А зачѣмъ же не чтили его, когда онъ могъ быть полезенъ отечеству; зачѣмъ единогласно не принимали его мыслей и начинаній? Послѣдняя его рѣчь въ парламентѣ содержала въ себѣ тѣ самыя мысли, которыя я два года назадъ приписывала ему.—Если бы баронъ Гриммъ былъ моимъ посланникомъ, я бы его выбранила, отъ чего онъ моимъ именемъ не потребовалъ тѣла Вольтера, оставшагося безъ погребенія въ отечествѣ. Но надо быть со всякимъ справедливу: ни князь Барятинскій,

ни аббатъ Миньонъ [12]) не заслуживаютъ брани за то, что не препроводили его ко мнѣ въ видѣ посылки.

Очень рада, узнавъ причину вашего молчанія. Я уже думала, что мой кредитъ у васъ колеблется и что какой нибудь Нѣмецкій князь вытѣснилъ васъ изъ моей памяти. Зная вашу страсть къ нимъ, я говорила себѣ: вѣрно онъ гоняется за какимъ нибудь рѣдкимъ геніемъ, какъ мы это видали.

Я собираю письма Вольтера. Вѣроятно Фальконетъ (уѣхавшій отсюда не простясь со мною) увезъ съ собою многія изъ нихъ. Онъ ихъ бралъ у меня для прочтенія, и если память мнѣ не измѣняетъ, никогда не возвращалъ. Какъ скоро они найдутся, запечатаю и пошлю къ вамъ. До сихъ поръ сыскано 92. Знаменитая чернильница и два бюста Вольтера составляютъ украшеніе моего Эрмитажа. Бюстъ безъ парика мнѣ больше нравится. Вы знаете мое отвращеніе къ парикамъ и особливо къ бюстамъ въ парикахъ. Мнѣ все кажется, что всякій парикъ надѣвается ради шутовства. Кавалеру Тейсоньеру отдала я пакетъ, который вы ко мнѣ прислали для него. Князь Потемкинъ полюбилъ этого офицера и охотно съ нимъ бесѣдуетъ; въ частыя свои поѣздки онъ беретъ его къ себѣ въ коляску и забавляется его разсказами о путешествіяхъ и походахъ его.

12.

17, 18 или 19 Октября 1778.

Только что отвезли на почту письмо мое отъ 1-го Октября (которое, мимоходомъ сказать, кончено только нынче), какъ я вспомнила, что многое множество забыла сказать вамъ, а именно подписаться на сто экземпляровъ сочиненій Вольтера, новаго изданія. Дайте мнѣ творенія моего учителя, полныхъ сто экземпляровъ, чтобы мнѣ разослать ихъ повсюду. Я хочу, чтобы они служили поученіемъ, хочу, чтобы ихъ изучали, вытверживали наизусть, чтобы умы питались ими: они образуютъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; отъ нихъ разовьется сотня тысячъ дарованій, которыя иначе затерялись бы во мракѣ, невѣжествѣ и пр. [13]) Смотрите, куда я занеслась! Кто въ этомъ усумнится, коль скоро я взялась за перо, и кто можетъ предсказать, чѣмъ кончится этотъ листъ? Пожалуйста, достаньте мнѣ лицевую сторону Фернейскаго зàмка и, если возможно, внутреннее расположеніе покоевъ. Я непремѣнно устрою Фернейскій зàмокъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Мнѣ надо знать также, какіе покои въ зàмкѣ на Сѣверъ и какіе на Югъ, Востокъ и Западъ. Еще важно имѣть свѣдѣніе, видно ли Женевское озеро изъ оконъ зàмка, и съ какой стороны, а также гора Юра. Еще вопросъ: есть у зàмка подъѣздный дворъ, и съ какой стороны? Какъ же вамъ нравится эта

---

[12]) Племянникъ Вольтера.

[13]) На сколько прàва Екатерина въ своемъ поклоненіи Вольтеру, предоставляется судить читателю; но то несомнѣнно, что, по счастливому выраженію одной изъ нашихъ современницъ, чтеніемъ Вольтера «обтачиваются способности ума».

мысль, и отчего бы ей не понравиться? Правда, что она не нова. Я не одобряю мысли Панкука [14]) выпустить напередъ новыя творенія Вольтера. Мнѣ хочется имѣть его всего, въ порядкѣ времени, по годамъ, когда онъ писалъ. Я педантка и люблю слѣдить въ сочиненіяхъ за ходомъ авторскаго ума, и повѣрьте мнѣ, такое распредѣленіе несравненно благоразумнѣе, нежели обыкновенно думаютъ. Обсудите хорошенько и согласитесь, что я права. Я могла бы написать вамъ объ этомъ цѣлое разсужденіе, съ обозначеніемъ зеленаго, зрѣлаго и перезрѣлаго.

Правда, что кардиналъ Бернисъ доставилъ мнѣ изъ Рима списокъ съ процесса Анны Боленъ [15]); но, признаюсь, я желала не этого процесса, а классическихъ писателей, Греческихъ и Латинскихъ; мнѣ говорили, что въ тамошней библіотекѣ есть вещи никому неизвѣстныя.

Дальше рѣчь идетъ про Ивана Николаевича Корсакова (который умеръ въ Москвѣ позднѣе всѣхъ любимцевъ Екатерины и къ которому Пушкинъ ѣзжалъ слушать его разсказы про Екатерину). Его Государыня прозвала Пирромъ, царемъ Эпирскимъ. Онъ былъ отмѣнный красавецъ и, будучи родомъ изъ Малороссіи, любилъ музыку.

Удивленіе, государь мой, и восторгъ внушаются образцовыми произведеніями природы. Прекрасныя вещи падаютъ и разбиваются передъ величіемъ, какъ идолы передъ кивотомъ Господнимъ. Когда Пирръ заиграетъ на скрипкѣ, собаки его слушаютъ; когда онъ запоетъ, птицы прилетаютъ внимать ему, словно Орфею. Всякое положеніе, всякое движеніе Пирра изящно и благородно. Онъ свѣтитъ какъ солнце и вокругъ себя разливаетъ сіяніе. И при всемъ томъ ничего изнѣженнаго; напротивъ, это мужчина, лучше какого вы не придумаете. Словомъ, это Пирръ, царь Эпирскій. Все въ немъ гармонія, ничего отрывочнаго. Таково дѣйствіе драгоцѣнныхъ даровъ, которыя природа соединила и которыми надѣлила красоту свою. Искусство тутъ не при чемъ, а изысканности нѣтъ и тѣни [16]).

13.

7 Декабря 1778

Я тотчасъ, не читая, спрятала Нѣмецкую рукопись барона Дальберга въ ящикъ, куда собираю сочиненія о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Нетерпѣливо жду что̀ вы можете еще мнѣ доставить по этой части, согласно вашему обѣщанію; потому что со временемъ все это пойдетъ въ дѣло, если только Богъ пошлетъ мнѣ годы покойнаго слуги Своего Маѳусаила.

---

[14]) Издателя Вольтеровыхъ сочиненій.

[15]) Супруги Генриха VIII-го, короля Англійскаго.

[16]) Сохранилось нѣсколько писемъ Екатерины къ И. Н. Корсакову, вполнѣ соотвѣтствующихъ этимъ отзывамъ.

1779 годъ.

1

Въ ночь съ 1 на 2 Января 1779.

Коль скоро Рейфенштейнъ [1]) будетъ продолжать свои предложенія черезъ посредство Шувалова, онъ можетъ быть увѣренъ, что покупщицею буду не я; ибо, вопервыхъ Шуваловъ [2]) уже два мѣсяца боленъ разслабленіемъ въ ногахъ и не выѣзжаетъ; вовторыхъ, когда онъ и здоровъ, то долго не рѣшается говорить со мною: ему очень жаль моихъ денегъ. Въ доброе старое время обходились безъ этихъ вещей и, соблюдая больше противъ нынѣшняго экономію, не имѣли ни денегъ, ни картинъ. Нынѣшнее время виновато, а доброе старое время надлежитъ уважать, и онъ обижается, когда придумаютъ, чего ему самому не пришло въ голову. Короче сказать, всякій разсуждаетъ по своему; но во всякомъ случаѣ этимъ путемъ продать и купить трудно. Въ добавокъ, онъ сдѣлался такъ благочестивъ, что не предложитъ мнѣ Тиціановой Венеры, считая то за грѣхъ. Графъ Караманъ утвердилъ его въ состояніи благодати, и благочестіе немало способствовало разслабленію ногъ, такъ какъ прошлымъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ онъ проводилъ цѣлыя ночи, молясь Богу на колѣняхъ.

2.

Царское Село, 16 Апрѣля 1779.

Если синьоръ маркизъ Гриммъ захочетъ сдѣлать мнѣ удовольствіе, то онъ напишетъ Рейфенштейну, чтобы тотъ сыскалъ мнѣ двухъ хорошихъ архитекторовъ, родомъ Итальянцевъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, пригласилъ бы ихъ въ службу ея величества императрицы Всероссійской по контракту, на столько-то лѣтъ и препроводилъ ихъ изъ Рима въ Петербургъ, въ видѣ ящика съ инструментами. Онъ не дастъ имъ милліоновъ, но приличное и сходное жалованье и выберетъ людей честныхъ и разсудительныхъ, отнюдь не въ родѣ Фальконета, ходящихъ по землѣ, а не летающихъ на воздусѣ. Онъ велитъ имъ обратиться ко мнѣ, или къ барону Фридрихсу, или къ графу Брюсу, или къ Эку, или къ Безбородкѣ или къ черту и его бабушкѣ, лишь бы мнѣ имѣть ихъ; потому что всѣ мои стали либо слишкомъ стары, либо слишкомъ слѣпы, либо слишкомъ медлительны, либо слишкомъ лѣнивы, либо слишкомъ молоды, либо слишкомъ бездѣльны, либо слишкомъ большіе господа, либо слишкомъ богаты, либо слишкомъ тяжеловѣсны, либо слишкомъ легкомысленны.... словомъ, все чтò угодно, только не то чтò мнѣ нужно.

---

[1]) Знатокъ древностей, жившій въ Римѣ.

[2]) И. И. Шуваловъ, бывшій любимецъ Елисаветы Петровны и въ это время оберъ-камергеръ.

3.

Царское Село, 7 Мая 1779.

Смерть какъ устала, вернувшись съ крестинъ господина Константина, явившагося на свѣтъ 27 Апрѣля 1779. Этотъ чудакъ заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, тронувшись наконецъ въ путь, выпалъ на насъ какъ градъ, въ полтора часа. Старушки, его окружающія, увѣряютъ, что онъ похожъ на меня какъ двѣ капли воды. У меня спросили, кому быть воспреемникомъ. «Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ-Гамиду», отвѣчала я; «но такъ какъ Турку нельзя крестить Христіанина, то по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца Константиномъ». И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ! И вотъ Константинъ, толстъ какъ кулакъ, и вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ. Подобно отцу Тристрама-Шанди, люблю звучныя имена. Въ Греческой церкви даютъ ихъ только по одному, слѣдовательно съ дюжину еще останется дать. Но этотъ послабѣе старшаго брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки.

4.

Царское Село, 29 Мая или, можетъ быть, 30-го, 1779.

Отговорите вашего статскаго совѣтника отъ поѣздки сюда. Скажите ему, что я хороша только издали, какъ всѣ мои братья и сестры. Боюсь Робёновъ, какъ огня, послѣ опыта съ г-номъ Деларивьеромъ [3]). Парики у нихъ густы, а у насъ париковъ не носятъ.

Императрица никогда не дастъ вамъ исторіи, потому что перо у нея не историческое, а пригодное лишь для ея ремесла. Но знаете, заговоривъ мнѣ объ Александрѣ, вы тронули слабую мою сторону. Прежде я вамъ писала, что этотъ князь въ добромъ здоровьи; но нынѣ уже можно прибавить, что онъ обнаруживаетъ смыслъ, необыкновенный для ребенка въ его возрастѣ. Я отъ него безъ ума, и если бы можно, всю жизнь держала бы подлѣ себя этого мальчугана. Нравъ у него всегда одинаковъ, потому что онъ здоровъ, и этотъ нравъ состоитъ въ томъ, что онъ всегда веселъ, привѣтливъ, предупредителенъ, ничего не боится и прекрасенъ, какъ амуры. Дитя это есть предметъ всеобщаго восхищенія, и особливо моего. Могу дѣлать изъ него что̀ мнѣ угодно. Онъ ходитъ одинъ. Когда рѣжутся у него зубы, то даже боль не мѣняетъ его нрава: смѣясь и забавляясь онъ показываетъ, что ему больно. Онъ понимаетъ все, что̀ ему говорятъ. Изъ знаковъ и звуковъ составилъ онъ себѣ языкъ, очень вразумительный. Самая веселая музыка наиболѣе его забавляетъ. Паизіелло скажетъ вамъ, какую роль играетъ онъ въ кон-

---

[3]) Кто Робенъ, намъ неизвѣстно; а Деларивьеръ пріѣзжалъ въ Россію съ притязаніями занять важное мѣсто и оболванивать грубыхъ Россіянъ; но Екатерина умѣла его выпроводить.

цертѣ, который онъ иногда устроиваетъ и разстроиваетъ на свой ладъ; какъ онъ приходитъ просить, чтобы ему сыграли что̀ ему нравится, и какъ потомъ по своему благодаритъ.

5.

Петергофъ, 1 Іюля 1779.

Г-нъ оберъ-камергеръ [4]) ѣздилъ въ Москву и дорогою заѣзжалъ во всѣ монастыри. Онъ днемъ и ночью молится до истощенія силъ. Онъ сдѣлался блѣденъ и тощъ, Богъ вѣсть по какой причинѣ. При этомъ все еще хочется удержать за собою старинную славу любезности, въ которой однако про себя онъ раскаевается. Отсюда вздохи и еще больше нерѣшительности. Право, жаль на него смотрѣть.

Что̀ касается до Александра, предоставьте его самому себѣ. Зачѣмъ хотите, чтобы онъ обдумывалъ и узнавалъ что̀ думали и знали до него? Учиться не трудно; но, по моему, нужно, чтобы голова ребенка и его способности развились, прежде чѣмъ оглушать его множествомъ историческихъ событій; ихъ тогда надо представлять ему съ разборомъ. Боже мой! Чего не дѣлаетъ природа, того не можно произвести никакимъ ученымъ; но ученье часто заглушаетъ собою прирожденную остроту, и нѣтъ ничего хуже людей съ натертымъ умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная госпожа Жофренъ.

6.

Петергофъ, 5 Іюля 1779.

Возможно ли разбирать ничтожныя имена, даваемыя при крещеніи? Видно, дѣлать нечего, когда привязываются къ этому. Чтожъ, по вашему, Александра и Константина слѣдовало назвать Никодимомъ или Ѳаддеемъ? Вѣдь имъ нужно было имя. Первый названъ по имени святаго, который есть покровитель его роднаго города; а второй родился за нѣсколько дней до своего святаго. Очень просто, о чемъ тутъ толковать? Случилось, что имена эти звучны. Моя ли эта вина? Я вовсе не отрицаю, что гармоническія имена мнѣ нравятся. Послѣднимъ именемъ воспалилось воображеніе риѳмачей, которые протрезвонили мнѣ разныхъ разностей. Я имъ сказала, чтобъ они отправлялись пасти гусей и не называли ни кума, ни кумы и оставили меня въ покоѣ, такъ какъ, благодареніе Богу, я храню мой покой посредствомъ ушей. Вы не знаете худшаго: по несчастію, первые пять дней, крестникъ кума̀ имѣлъ кормилицу прекрасную какъ день, родомъ Гречанку, по имени Елену. Эта Елена, видно, какъ другая Елена, произвела страшную тревогу. Къ счастію, Елена заболѣла, и ее отослали, и тревога, произведенная Еленою, улеглась къ великому моему удовольствію.

Безбородко вздумалъ составить списокъ событій, достопамятныхъ и общественныхъ предметовъ, за семнадцать послѣднихъ лѣтъ. Онъ

---

[4]) И. И. Шуваловъ, лѣтъ пятнадцать прожившій за границею и возвратившійся въ Петербургъ осенью 1777 г., ѣздилъ въ Москву къ сестрѣ своей княгинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Голицыной.

мнѣ принесъ его въ день, когда начался нашъ осмнадцатый годъ. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась его краткости и чтобы узнать, нѣтъ ли опущеній, велѣла провѣрить его по каждому вѣдомству. Напримѣръ, не упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, а они немаловажны и могли бы найти себѣ уголокъ въ спискѣ. Поутру я законодательствую; потомъ идутъ текущія дѣла. Въ десять съ половиною—Александръ въ то время, какъ я одѣваюсь. Говорятъ, что я образую изъ него забавное существо, исполняющее все что мнѣ угодно. Онъ веселъ и любезенъ, сколько можно въ его возрастѣ. Я его не видала четыре дня, и мнѣ было его испортили; но все исправлено къ полнѣйшему удовольствію папеньки и маменьки (ахъ, это немало!), которые не знали, какъ съ нимъ справиться.

7.

Царское Село, 30 Іюля 1779.

Какая у насъ жара эти два мѣсяца! Боюсь растаять и никогда въ жизнь такъ не потѣла. Но странно, что здѣшняя трава нисколько отъ этого не въ накладѣ, а напротивъ лучше чѣмъ когда либо. Вчера, на прелестномъ театрѣ моемъ, въ которомъ помѣщается до 500 человѣкъ, опять давали «Пульмонію», и я хохотала безъ умолку, и еще другую піесу, въ которой слова: «Salve, tu domine Argatiphontidas, salutem tibi per me». Я пою эти слова, и на маскарадѣ 22 Іюля подошла къ Паизіелло и пропѣла ему его арію, чѣмъ онъ конечно пошелъ хвастать передъ своими знакомыми. Святѣйшій Синодъ былъ на вчерашнемъ представленіи, и они хохотали до слезъ вмѣстѣ съ нами [5]). Видите, тогда какъ вы деретесь, мы поемъ и хохочемъ: всякому свое въ здѣшнемъ мірѣ. Однако я желаю отъ всего сердца, чтобы весь міръ пѣлъ и хохоталъ, а о битвахъ чтобъ не было больше и помину. У насъ распространяется другое зло: это новыя губерніи. Ихъ будетъ осмнадцать, согласно новому преобразованію, имѣющему состояться въ концѣ года. Прощайте. Мнѣ надо идти учить Александра азбукѣ.

8.

Я узнала о кончинѣ Менгса [6]) изъ газетъ и вскрикнула отъ горести. Страшно, что всѣ насъ покидаютъ, и въ дѣлѣ искусства остаются только прощелыги. Остановитесь, сударыня, прощелыги рядомъ съ Менгсомъ! Не то, скажутъ: такъ-то вы ободряете искусства и науки! Слушайте! Ни вы, ни Рейфенштейнъ, ни Испанскій посланникъ, не имѣете никакого права на двѣ тысячи скуди, полученныхъ Менгсомъ чрезъ посредство оберъ-камергера. Деньги эти принадлежатъ неустроеннымъ или малолѣтнимъ или необезпеченнымъ дѣтямъ покойнаго Менгса. Это тайна, которую вамъ ввѣряю. Если хотите или найдете нужнымъ, вытребуйте эти деньги моимъ именемъ; но они неприкосновенны, и вы съ Рейфенштейномъ дѣйствуйте какъ душе-

[5]) И въ началѣ Екатерининскаго царствованія, какъ видно изъ Записокъ Порошина, члены Синода бывали на придворныхъ спектакляхъ.

[6]) Рафаэля Менгса, знаменитаго живописца.

прикащики, положите деньги въ ростъ или какъ знаете, лишь бы они достались его дѣтямъ. Вотъ сколько шуму изъ-за этихъ денегъ! Подумаешь, милліоны.

Я нахожу, что вы искусный негоціаторъ и ходите какъ кошка кругомъ горшка, прежде чѣмъ раскроетъ его. Въ дѣлѣ двухъ архитекторовъ вы поступали, словно заключали миръ или присутствовали на конгрессѣ. Это несравненно и служитъ прекраснымъ образцикомъ, какъ вести дѣла. Любезный Тишбейнъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, представилъ намъ модель одного театра и рисунокъ другаго; одинъ будетъ построенъ въ Петергофѣ, а другой въ Москвѣ. Вы знаете, между прочимъ, что страсть къ постройкамъ усилилась у насъ какъ никогда, и ни однимъ землятрясеніемъ не разрушено столько зданій, сколько мы ихъ строимъ. Стройка дѣло дьявольское, она пожираетъ деньги, и чѣмъ больше строишь, тѣмъ больше хочется строить. Это болѣзнь, какъ запой, или она обращается въ какую-то привычку. Теперь я завладѣла мистеромъ Камерономъ. Это Шотландецъ родомъ, Якобитъ по исповѣданію, великій чертежникъ, напитавшійся древностью и извѣстный книгою о древнихъ баняхъ. Мы здѣсь устроиваемъ съ нимъ терассу съ банями внизу и галлереею на верху. Выдетъ прекрасно! Я очень рада, что Гваренги пріѣдетъ съ женою; будетъ съ кѣмъ провести время женѣ Паизіелло, которая всегда почти одна прогуливается у меня въ саду. Я давно уже желала, чтобы ей было съ кѣмъ гулять.

Поговоримъ объ Александрѣ. Это дитя любитъ меня по внутреннему влеченію. Только что увидитъ меня, онъ уже доволенъ. Что̀ я ему скажу, исполняетъ въ точности. Онъ перестаетъ плакать, когда я вхожу; а когда веселъ, при моемъ появленіи веселость его усиливается. Я его наставляю сообразно его понятію, и онъ уступаетъ моему вразумленію. Однажды, видя это, князь Орловъ удивился и сказалъ: вотъ дитя, которому еще нѣтъ двухъ лѣтъ, которое не умѣетъ говорить, и однако его можно вразумить. Но не со всѣми онъ такъ послушливъ.

9.

Спб. 7 Декабря 1779.

Очень мнѣ жалко, что вы мучаетесь, будучи такъ долго прикованы къ этому болѣзненному ложу. Троншенъ со всею своею наукою безсиленъ противъ разнообразныхъ проявленій госпожи природы. Относительно темпераментовъ и способовъ, лекаря точно авгуры: встрѣчаясь другъ съ другомъ, имъ всякій разъ слѣдовало бы хохотать надъ собственнымъ невѣжествомъ и надъ довѣрчивостью остальныхъ смертныхъ.

Хотите, я скажу вамъ что̀ думаю объ этомъ Тешенскомъ мирѣ, который такъ у васъ возвеличенъ и о славѣ, которая, по вашему, подобаетъ миротворителямъ! Въ жизнь мою я не приписывала славы дѣламъ, о которыхъ было много крику. Всякій кричитъ или молчитъ сообразно своей выгодѣ. Это не то. Слава, которую я люблю, часто всего менѣе разглашается; ею творится добро не для настоящаго

только времени, но и для временъ будущихъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію до безконечности. Эта слава иной разъ производится однимъ словомъ или одною буквою, прибавленною или опущенною. На поиски ея даже ученые люди пойдутъ съ фонаремъ въ рукѣ и стукнутся объ нея носомъ, ничего въ ней не понимая, коль скоро нѣтъ въ нихъ генія, способнаго къ разъясненію. Ахъ, милостивый государь, передъ долею такой славы меркнутъ въ глазахъ моихъ всѣ славишки, о которыхъ бы мнѣ захотѣли говорить. Но полно; станемъ работать въ тихомолку, будемъ дѣлать добро для добра, и всему остальному предоставимъ болтать. Строгановъ отнюдь не забылъ Парижа; онъ у него постоянно на устахъ. Вы говорите, что, судя по лицу, императрица все таже; но съ нѣкотораго времени она чрезвычайно какъ любитъ быть одна. У нея нѣтъ своей минуты. Двадцати четырехъ часовъ ей мало. Она много пишетъ и читаетъ, все ей некогда, работаетъ безъ перерыву и все-таки меньше, чѣмъ бы хотѣла. Огромныя кипы занимаютъ три полки. Ничего не кончено, многое перебѣлено, многое въ половинѣ, одинъ предметъ цѣпляется за другой, несмѣтные запасы собраны отовсюду и готовы поступить въ дѣло.

Перехожу къ «Эпохамъ Природы» [7]). Да, тутъ есть что читать. По моему это гипотеза, дальше которой до сихъ поръ не простирался умъ или вѣрнѣе человѣческій геній. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ; это еще такой же. Да, милостивый государь, эта книга опять поддала мнѣ мозгу [8]). Какъ бы я желала, чтобы онъ все сказалъ; мнѣ кажется, что на эпохѣ человѣка онъ еще не совсѣмъ опорожнилъ свой запасъ. Правда, что мысль его, прослѣженная, становится довольно ясна. Да, да, берега Волги и даже Сибирь наполнены памятниками и могилами, созиданіями всякаго рода. Запрещено подъ смертною казнію разрывать ихъ, потому что въ началѣ сего вѣка и въ концѣ прошедшаго отъ этого нѣсколько разъ распространялась зараза. Ахъ, милостивый государь, Бюффонова гипотеза движетъ и сотрясаетъ умы.

Я люблю Корнеля. Онъ всегда возвышалъ мнѣ душу, и мнѣ досадно, когда касаются произведеній геніальнаго человѣка. Пишу это маленькими буквами, чтобъ осталось между мною и вами. Пусть всякій дѣлаетъ какъ можетъ; но поправлять произведеніе надлежитъ исключительно самому автору.

Знаете-ли, что къ числу величайшихъ уклоненій, которымъ предавался человѣческій родъ, принадлежитъ франъ-масонство. Я имѣла терпѣніе прочитать, въ печати и въ рукописяхъ, всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и съ отвращеніемъ убѣдилась, что, какъ ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни образованнѣе, ни благоразумнѣе. Отличныя басни! И возможно ли человѣку разсудительному не кинуть ихъ, послѣ того какъ они всячески изобличены. Исторія Адонирама такъ глупа и столько разъ была повторяема, что надо бы вмѣстѣ съ нимъ прогнать къ чорту его вы-

---

[7]) Сочиненіе Бюффона.

[8]) Ce livre-là m'a rendu de la cervelle.

зывателей. И вотъ чѣмъ занимаются герои вѣка, и этотъ принцъ Фердинандъ во главѣ ихъ, и столько другихъ, и Вольтеръ принятъ къ нимъ. Но возможно ли это, и какъ они, встрѣчаясь между собою, не расхохочутся! Ваша пріятельница, мадамъ Бухвальдъ должна быть огорчена смертью маленькаго принца Готскаго, котораго герцогъ велѣлъ похоронить у себя въ саду на острову, какъ Жанъ-Жакъ Руссо въ Эрменонвиллѣ*). Мнѣ нравится это, и я желала бы, чтобъ такого рода погребеніе вошло въ моду.

1780-й годъ.

1.

11 Января 1780.

Желая удовлетворить любопытству одного больнаго, я принялась читать всѣ масонскія глупости и нелѣпости, и такъ какъ по этому случаю мнѣ приходилось ежедневно подсмѣиваться надъ многими, то члены масонскаго братства наперерывъ другъ передъ другомъ знакомили меня съ своимъ ученіемъ, въ надеждѣ совратить меня на свою сторону. Всѣ продавцы горчицы приносили мнѣ самую свѣжую горчицу изо всѣхъ странъ и изо всѣхъ ложъ, въ томъ числѣ и новыя ребяческія затѣи изъ вашей страны. Вотъ покамѣстъ мой отвѣтъ; въ другой разъ пришлю, что̀ еще произошло отъ этого.

Mettez pour légende:
«Inutile petit moyen
Dont il ne résulte rien» [1]).

Это чудачество, увеличивая собою общее число человѣческихъ чудачествъ, по внѣшнему виду, есть соединеніе религіозныхъ обрядовъ съ ребяческими играми. Въ немъ явственно выразилась та страна, въ которой оно родилось, т. е. страна, изобилующая монастырями, духовными общинами, правовѣрующими и не правовѣрующими, монахами, аббатствами и пр. и пр. Всѣ тамъ находящіеся держатся наилучшихъ обѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ до такой степени дознана польза, приносимая человѣчеству этими учрежденіями, что принимаются рачительныя мѣры къ уменьшенію числа ихъ. Кто дѣлаетъ добро для добра, какая ему нужда въ обѣтахъ, чудачествахъ, въ одѣяніяхъ нелѣпыхъ и странныхъ? Продавецъ горчицы, прочитавъ это, сказалъ мнѣ: «однако согласитесь, то, что̀ я вамъ доставилъ, лучше прочаго?» На это я сказала: «Ясно вижу, что мудрено васъ вылечить; но вы хотите знать, что̀ я о томъ думаю. Ну такъ скажу вамъ, что если сравнивать, то, по моему, ваше ученіе еще страннѣе и нелѣпѣе прочихъ, такъ какъ въ немъ чудачество соединено съ ребячествомъ».

---

*) И какъ князь Г. Г. Орловъ былъ первоначально похороненъ на острову въ селѣ Отрадѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

[1]) Возьмите себѣ вмѣсто вывѣски: безполезное мелкое средство, которымъ ничего не достигнешь.

2.

2 Февраля 1780.

Пожалуста, пришлите мнѣ одинъ или два или нѣсколько экземпляровъ «Разговоровъ Эмиліи»[2]), новаго умноженнаго изданія, потому что это книга отличная. Пользуясь ею, я заслужила отмѣнное благоволеніе маленькаго моего друга Александра. Удивительно, какъ эта крошка любитъ слушать, когда съ нимъ говорятъ разумно.

Такъ какъ рѣшено, что у васъ хранится складъ моихъ мечтаній, то сего 1-го Марта 1780 года, посылаю вамъ вопросы, касающіеся Эпохъ Природы[3]).

Вопросы, пришедшіе въ голову одному невѣжѣ, при чтеніи Эпохъ Природы.

1) Вещество, изъ котораго образовались планеты, отторглось отъ солнца. Послѣ такого отторженія солнце умалилось или нѣтъ въ своемъ объемѣ?

2) Въ наши дни возможны ли еще подобныя приключенія съ солнцемъ?

3) Почему же ничего подобнаго съ нимъ не случилось въ теченіи столькихъ столѣтій?

4) Комета беретъ ли у солнца вещество, для того чтобъ образовался свой малый міръ?

Я вовсе не знаю графа Бюффона, и мнѣ бы не хотѣлось обращаться къ нему съ вопросами столь легкими; но вы конечно читали его книгу; пожалуста отвѣчайте мнѣ и разрѣшите мои сомнѣнія.

3.

Полоцкъ, 21 Мая 1780, въ имянины Константина, у котораго глаза отмѣнно умные.

Я получила тетради «Живописнаго путешествія по Греціи». Тутъ на каждомъ шагу видна вражда Шуазеля съ товарищами противъ Россіи. Малѣйшее и самое невинное обстоятельство служитъ поводомъ къ эпиграммамъ и словоизреченіямъ, напоминающимъ собою тѣ сто тысячъ книжонокъ, которыя были напечатаны противъ насъ и которыя однако не помѣшали намъ сдѣлать то, что̀ мы сдѣлали. Обратить вниманіе на глупости значитъ умножить число ихъ. Они должны быть презираемы. Но замѣчательно въ нихъ умонастроеніе и въ особенности закоренѣлая ненависть къ Русскому имени.

4.

Могилевъ, 25 Мая 1780.

Я пріѣхала сюда вчера утромъ и нашла г. Фалькенштейна, который находился здѣсь уже двое сутокъ. Узнавъ, что я ускорила мое путешествіе на четыре дня съ цѣлью пріѣхать раньше его, онъ по-

---

[2]) Это педагогическое сочиненіе сожительницы Гримма, г-жи д'Эпинэ (см. Р. Архивъ сего года, II, 464).

[3]) Сочиненіе Бюффона.

скакалъ днемъ и ночью и прибылъ сюда до меня. Вчера мы цѣлый день провели вмѣстѣ. Повидимому онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ, любитъ говорить и говоритъ очень хорошо. Цѣлый день шелъ дождь, заставившій насъ провести вечеръ вмѣстѣ, точно какъ бы въ зимнее время года. Образцовыя училища (Normalschulen) были вчера однимъ изъ предметовъ нашей бесѣды. Судя по тому чтò я объ нихъ слышала, это должно быть превосходное изобрѣтеніе; но намъ-то нужны будутъ образцовые учителя. И тутъ тоже я нашла, что дѣти иной разъ непохожи на своихъ родителей. Мы, кажется, не особенно богомольны, чтò выражается особливо въ выборѣ книгъ для чтенія. Однако «Эпохи» еще не попались ему въ руки. Знаете, когда видишь переодѣтыхъ кесарей, точно будто подымаешься на воздухъ: носъ къ верху, и обнюхиваешь воздухъ, чтò, какъ вы сами можете понять, мѣшаетъ съ должною тщательностью отвѣчать на получаемыя письма.

26 Мая

Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и, бесѣдуя со мною, г. Фалькенштейнъ наговорилъ вещей достойныхъ напечатанія. Мысли у него глубокія и конечно послужатъ къ безконечной его славѣ, если онъ приведетъ ихъ въ исполненіе. Я не смѣю оглашать ихъ, потому что они были мнѣ передаваемы на ухо, не изъ плутовства, а изъ скромности.

27 Мая.

Отсюда, сидя въ шестимѣстной каретѣ, рядомъ другъ съ другомъ, графъ Фалькенштейнъ и я, мы ѣдемъ въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда она поѣдетъ въ Москву и возворотится черезъ Петербургъ, куда я отправлюсь ждать его. Мы говорили про все на свѣтѣ, слѣдовательно и про васъ, а какъ онъ все знаетъ, то ему извѣстно, что вы были въ Вѣнѣ съ графами Румянцовыми.—Нынче утромъ графъ Фалькенштейнъ и я мы были у католической обѣдни, которую служилъ Могилевскій епископъ въ сослуженіи іезуитовъ, эксъ-іезуитовъ и представителей всякаго рода духовныхъ и недуховныхъ орденовъ; мы больше смѣялись и болтали, чѣмъ слушали: онъ мнѣ разъяснялъ, а я раскрывала ротъ и поучалась. Прощайте! Бумага вся вышла.

Клочокъ, написанный въ Полоцкѣ, 20 Мая 1780, по возвращеніи отъ іезуитовъ.

Я была у нихъ нынче утромъ, слушала «Тебѣ Бога хвалимъ!» и посѣтила ихъ домъ. Тамъ полное веселіе. Вчера, въѣзжая сюда, я была поражена великолѣпіемъ ихъ представительности. Всѣ остальные ордена—свиньи въ сравненіи съ ними. Одно только, что они не пляшутъ. Къ намъ они пожаловали изо всѣхъ странъ. Ей, ей подкладные люди! У нихъ здѣсь прекраснѣйшая церковь. Мнѣ они наговорили всяческихъ сладостей на всяческихъ языкахъ, кромѣ однако тѣхъ языковъ, которые я разумѣю. Ахъ, что за плутовскія рожи есть между ними!

5.

Царское Село, 25 Іюля 1780.

Графъ Фалькенштейнъ выѣхалъ отсюда 10 числа и теперь долженъ быть близко отъ Вѣны. Не знаю какъ довольно похвалить его. Мало людей съ такимъ основательнымъ, глубокимъ и просвѣщеннымъ умомъ. Высокій союзникъ мой заказывалъ торжественную обѣдню за упокой души Вольтера. Но я не люблю подражать. Къ тому же негодится обижать живыхъ изъ любви къ покойникамъ.—Узнайте мнѣ, если можете, что̀ думаетъ баронъ Дальбергъ[4]) объ Австрійскихъ образцовыхъ школахъ. Я много слышала объ нихъ хорошаго, и потому запаслась всѣми книгами, которыя до нихъ относятся. Графъ Фалькенштейнъ доставилъ мнѣ ихъ самолично. Онъ говорилъ мнѣ, что объ васъ до него доходили отличнѣйшіе отзывы, и я просила его быть увѣрену, что эти отзывы справедливы.

6.

Спб. 7 Сентября 1780, за полночь.

Да будетъ Божіе благословеніе на Александрѣ! Тутъ есть уже воля и нравъ, и слышатся безпрестанно вопросы: Къ чему? Почему? Зачѣмъ? Мальчику хочется все узнавать основательно, и Богъ вѣсть, чего, чего онъ не знаетъ. Онъ не любитъ даже играть съ тѣмъ, кто знаетъ меньше его, потому что такой не можетъ удовлетворить нашимъ запросамъ. Сказанное бабушкою всего намъ дороже, и мы ей больше всего вѣримъ. При этомъ въ насъ любезность и врожденная веселость, не безъ насмѣшливости, но обворожительная. Ей, ей, коли онъ не удастся, то я не знаю, что̀ можетъ удасться на этомъ свѣтѣ. Тутъ будетъ успѣхъ физическій и душевный, или я ничего въ этомъ не смыслю, или бѣлое должно обратиться въ черное. Все это весьма таинственно, загадочно, пророчественно и можетъ дать пищу умамъ подобнымъ уму Вагнера, т. е. привыкшимъ мучиться надъ растолкованіемъ пророческихъ писаній.

Мнѣ нужно покинуть на нѣсколько дней толстую книгу листоваго формата, изъ которой три мѣсяца я дѣлаю извлеченіе, и это извлеченіе, не обезсудьте, занимаетъ собою уже восемдесятъ страницъ. Не спрашивайте, къ чему оно; потому что тогда я принуждена буду сообщить вамъ, что изъ этого извлеченія придется еще извлекать, и послѣ того наступитъ другая большая работа. Охъ, я тружусь надъ нею съ ослинымъ терпѣніемъ, три, четыре, пять, шесть лѣтъ. Но что̀

---

[4]) Баронъ Дальбергъ (1744—1817), послѣдній курфирстъ Майнцкій и при Наполеонѣ великій герцогъ Франкфуртскій, сочинитель книги: Созерцанія Вселенной (Betrachtungen über das Universum), практическій философъ, подъ управленіемъ котораго въ то время, когда писано это письмо, процвѣталъ городъ Эрфуртъ и его область. Екатерина вѣроятно много наслышалась о немъ отъ императора Іосифа.

отсюда выдетъ, извѣстно дьяволу; ему я обязана и отвлеченіями отъ работы, потому что, кромѣ моего путешествія, у насъ теперь его королевское высочество, наслѣдный принцъ Прусскій [5]). Еще здѣсь принцъ Делинь, существо самое забавное и обходительное, умъ своебытный и глубокомысленный, и при этомъ способный на дѣтскія шалости. Съ такими людьми легко ужиться.

1781 годъ.

1.

Царское Село, 25 Апрѣля 1781.

Посылаю вамъ для графа Бюффона подарокъ, который, по мнѣнію моему, непремѣнно ему понравится. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ на берегу Иртыша, въ Сибири, крестьяниномъ, который пахалъ это поле. Цѣпь привезена въ Петербургъ какимъ-то купцомъ и очутилась у нѣкоторыхъ дамъ, которыя понадѣлали изъ нея запястьевъ и привѣсковъ къ часамъ. Я овладѣла ими и нѣкоторыя кольца послала въ Академію, а остальное прилагаю для г-на Бюффона. Крючки сдѣланы здѣсь; но четыре кольца, какъ утверждаютъ лучшіе здѣшніе золотыхъ дѣлъ мастера, такой работы, что ихъ ни сдѣлать, ни поддѣлать невозможно, и слѣдовательно они не отъ вѣка сего.

2.

Царское Село, 24 Мая 1781, въ годовщину моего пріѣзда въ Могилевъ.

Шведскій король и принцъ Прусскій просили у меня и получили на обращикъ платье, въ какомъ Александръ ходилъ съ шестимѣсячнаго возраста своей жизни [1]). Тутъ нечего завязывать, и ребенокъ почти не замѣчаетъ, что одѣваютъ его. Ему за одинъ разъ всовываютъ руки и ноги въ эту одежду, и все готово. Тутъ выразилась моя геніальность, и оттого мнѣ захотѣлось, чтобъ вы о томъ знали. Надо вамъ сказать, что оба мальчишки растутъ и отмѣнно развиваются, и мои пріемы съ ними чудесно какъ удаются. Одинъ Богъ знаетъ, чего только старшій изъ нихъ не дѣлаетъ. Онъ складываетъ слова изъ буквъ, рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной игрушки дѣлаетъ двадцать; у него чрезвычайное воображеніе, и нѣтъ конца его вопросамъ. Однажды захотѣлось ему узнать, отчего на свѣтѣ есть люди, и зачѣмъ самъ онъ явился на свѣтѣ или на землѣ. Въ головѣ этого мальчика признаки какой-то особенной глубины, и при этомъ онъ очень веселонравенъ. Вотъ от-

---

[5]) Племянникъ Фридриха Великаго, по вступленіи своемъ на престолъ (въ Августѣ 1786 года) недоброжелатель Екатерины. См. ея отзывъ о немъ въ Р. Архивѣ сего года, II, 289.

[1]) Въ подлинномъ письмѣ Екатерина сдѣлала рисунокъ этого дѣтскаго платья. Густавъ III-й и наслѣдный принцъ Прусскій въ то время имѣли маленькихъ дѣтей. Первому изъ нихъ Екатерина, по его просьбѣ, писала о томъ, какъ она воспитываетъ своего старшаго внука (См. Р. Архивъ 1871, 1519).

чего я особенно забочусь, чтобы не направлять его ни къ чему. Онъ дѣлаетъ чтò хочетъ, и ему не даютъ только дѣлать что нибудь вредное себѣ и другимъ.

Вамъ сказали правду, что я чувствую себя хорошо. Повидимому, здоровье мое окрѣпло въ послѣдніе два года. На простуду въ рукѣ я не обращала вниманія, и теперь это совсѣмъ прошло. Сильныя головныя боли тоже, кажется, за это время распрощались со мною. И въ прилежаніи я не слабѣю, и въ этотъ мѣсяцъ обнародываются три учрежденія, изъ которыхъ одно я подписала, другое переписывается, а третье въ чистилищѣ моихъ секретарей, и такимъ образомъ мало по малу дѣла устроиваются, и за тѣмъ объ нихъ больше нѣтъ и рѣчи. Какъ скоро дѣло пошло въ ходъ, всякому кажется, что иначе и быть не могло, и такъ какъ оно никого не стѣсняетъ, то и совершается нечувствительно. Ея величество больше не вяжетъ. Она читаетъ, пишетъ, болтаетъ какъ кривая сорока, и если пишетъ она не такъ часто, т. е. рѣже посылаетъ на почту, за то письма ея бываютъ въ двадцать страницъ, и она затрогиваетъ въ нихъ столько отличныхъ вещей, что письма эти нельзя уже посылать иначе какъ пользуясь вѣрнымъ случаемъ или съ нашими собственными курьерами. Представляется вамъ на выборъ: стану писать письма покороче и посылать ихъ чаще, за то выдутъ нѣсколько сухи; либо письма очень длинныя и по прежнему полныя всякою про себя всячиной, но они будутъ приходить рѣже и черезъ курьеровъ [2]). Жалѣю васъ отъ всего сердца, но не знаю, какъ пособить, и вы меня очень одолжите, преподавъ наставленіе. Дѣлайте какъ Вольтеръ: онъ вовсе не читалъ, въ чемъ предчувствовалъ скуку.

3.

Спб. 25 Іюня 1781.

Изъ Александровой азбуки сдѣлано извлеченіе, пригодное ко всеобщему употребленію, и теперь это Русская Азбука. Въ двѣ недѣли ея продано здѣсь въ городѣ 20 т. экземпляровъ. Это выдетъ бабушка-повитушка всѣхъ будущихъ нашихъ умовъ.

Оберъ-камергеръ распустилъ слухъ, будто Рейфенштейнъ [3]) покупаетъ слишкомъ дорого, потому что самъ онъ покупалъ всегда одну только дрянь, и стало быть дешево. Дрянь же эту онъ хотѣлъ выдавать за произведенія прекрасныя. Удивительно, какъ, проживши столько лѣтъ въ Римѣ, онъ не нажилъ себѣ тамъ побольше вкуса и

---

[2]) Такъ позднѣе Екатерина и дѣлала, и Гриммъ получалъ отъ нея письма-тетради, писанныя иной разъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

[3]) Жившій въ Римѣ знатокъ древностей и искусствъ Рейфенштейнъ, котораго Екатерина въ письмахъ своихъ нерѣдко называетъ почему-то божественнымъ (le divin), получалъ отъ нея пенсію за то, что способствовалъ ей въ пріобрѣтеніи изящныхъ произведеній. Черезъ него Екатерина получила между прочимъ копіи съ знаменитыхъ Рафаелевыхъ ложъ, составляющія драгоцѣнное достояніе Императорскаго Эрмитажа.

толку. Знаете, что онъ въ дружбѣ съ тремя или четырьмя старыми герцогинями, которымъ проповѣдуетъ про эту дороговизну [1]).

4.

Петергофъ, 6 Іюля 1781.

Для г-на Бюффона у насъ готова здѣсь прекраснѣйшая шкатулка со всѣми золотыми медалями, выбитыми въ мое царствованіе. Вы ихъ получите съ первымъ курьеромъ, который поѣдетъ въ Парижъ. Но прошу васъ, доставьте мнѣ бюстъ Бюффона изъ бѣлаго мрамора и пожалуста закажите его Гудону. Кромѣ того знайте, что въ головѣ моей Бюффонъ занимаетъ почетнѣйшее мѣсто, и я считаю, что въ своемъ родѣ онъ самый замѣчательный человѣкъ нынѣшняго вѣка. Я не удивляюсь, что налагается запрещеніе на свободу мысли: вѣдь отказали же въ простомъ погребеніи человѣку, который у древнихъ былъ бы причисленъ къ сонму боговъ и получилъ бы имя бога веселости (dieu de l'agrément).

5.

Царское Село, 9 Іюля 1781.

Вы заговорили о шарлатанѣ Каліостро; такъ слушайте. Онъ пріѣзжалъ сюда подъ именемъ полковника Испанской службы, выдавалъ себя за природнаго Испанца и пропустилъ про себя слухъ, что никто лучше его не умѣетъ вызывать духовъ и что они у него въ распоряженіи. Услышавъ о томъ, я сказала: «Человѣкъ этотъ совершенно понапрасну пріѣхалъ сюда. Въ Россіи будетъ ему плохая пожива; у насъ не жгутъ волшебниковъ, и я царствую уже двадцатый годъ, а случилось всего одно дѣло, въ которомъ замѣшано было колдовство. Сенатъ пожелалъ видѣть колдуновъ и когда ихъ привели, они оказались дураками, но совершенно невинными людьми». Однако Каліостро прибылъ въ минуту весьма для него благопріятную, когда многія франмасонскія ложи, напоенныя ученіемъ Шведенборга, хотѣли непремѣнно видѣть духовъ. Они накинулись на Каліостро, увѣрявшаго, что онъ владѣетъ всѣми тайнами доктора Фалька, который былъ близкимъ пріятелемъ герцога Ришелье и который нѣкогда, съ вѣдома всей Вѣны, заставилъ его произвести закланіе чернаго козла; но, къ несчастію для себя, онъ не могъ удовлетворить любопытству людей, желавшихъ все видѣть и все ощупать, тогда какъ видѣть и ощупывать было нечего. Тогда Каліостро предъявилъ свои таинственныя чудеса по части цѣлебной; онъ увѣрялъ, что можетъ доставать ртуть изъ ноги подагрика, но когда онъ поставилъ ногу подагрика въ воду, то замѣтили, какъ онъ влилъ туда ложку ртути. Потомъ онъ показывалъ красильные составы, которыми нельзя ничего выкрасить и химическія сочетанія, ни къ чему непригодныя. Затѣмъ у него произошла продолжительная и непріятная перебранка съ Испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который оспаривалъ его

---

[1]) Говорится про И. И. Шувалова, надъ которымъ Екатерина нерѣдко подшучивала; это были отзвуки старой непріязни еще Елисаветинскаго времени.

званіе и Испанское происхожденіе, и потомъ оказалось, что онъ едва умѣетъ читать и писать. Напослѣдокъ, весь въ долгахъ, онъ бѣжалъ въ погребъ къ г-ну Елагину, гдѣ пилъ, сколько могъ, Шампанскаго вина и Англійскаго пива, и однажды, послѣ пирушки, какъ видно, съ перепою, схватилъ за чупъ Елагинскаго секретаря, который влѣпилъ ему за то пощечину. Отъ пощечинъ дѣло дошло до кулаковъ. Елагину стало досадно, что у него въ погребѣ завелась такая крыса, да и было начетисто такое истребленіе вина и пива; онъ послушался, наконецъ, своего секретаря и вѣжливо предложилъ Каліостро отправиться въ кибиткѣ, а не по воздуху (какъ онъ грозилъ), и чтобы заимодавцы не затруднили ему путешествія въ столь удобномъ экипажѣ, далъ ему въ провожатые стараго солдата, который и довезъ его съ графинею до Митавы. Вотъ исторія Каліостро, въ которой есть все что хотите, только нѣтъ ничего чудеснаго. Я его не видѣла ни разу, ни вблизи, ни издали, да и не хотѣла видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Рожерсонъ [5]) думалъ о Каліостро столько же если не менѣе, какъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, не обращалъ на него вниманія; онъ даже смѣялся надъ тѣми, кто добивался увидѣть его изъ простаго любопытства и немало содѣйствовалъ къ вразумленію жалкихъ поклонниковъ сего лысаго бѣса. Но шарлатаны самые глупые и невѣжественные способны надѣлать шуму въ большихъ городахъ, и потому можно думать, что въ Парижѣ г-ну Каліостро будетъ привольно. Желаю вамъ добраго пути и веселой жизни въ Спа.

6.

Царское Село, 11 Іюля 1781.

28 Іюня сего года г-нъ Безбородко, фактотумъ [6]), принесъ мнѣ мой отчетъ до сего дня. Онъ долженъ ежегодно дополнять его тѣмъ, что̀ произойдетъ въ теченіи года. Вотъ лаконическій выводъ.

За послѣдніе 19 лѣтъ:

Губерній, устроенныхъ на новый ладъ	29
Городовъ (предположенныхъ) и выстроенныхъ	144
Соглашеній и заключенныхъ договоровъ	30
Одержанныхъ побѣдъ	78
Замѣчательныхъ указовъ, законодательныхъ и учредительныхъ	88
Указовъ для всенароднаго облегченія	123
	492.

---

[5]) Извѣстный докторъ Екатерины. Вѣроятно пропущенъ былъ слухъ, что и такой умный человѣкъ, какъ Рожерсонъ, вѣритъ цѣлебнымъ средствамъ Каліостро.

[6]) Т. е. дѣлецъ на всѣ руки; въ дальнѣйшихъ письмахъ Екатерина иначе не называетъ Безбородку какъ фактотумъ.

Все это имѣетъ значеніе государственное, и въ этотъ перечень не занесено ни одного частнаго дѣла, какъ вы видите. Ну, государь мой, какъ вы нами довольны? Лѣнились мы или нѣтъ?

12 Іюля. Я очень рада вашему доброму отзыву о сынѣ княгини Дашковой. Я никогда не была равнодушна къ этому ребенку, потому что мнѣ казалось, что у него превосходное сердце [7]).

Царское Село, 31 Августа 1781. Камергеръ Ланской посылаетъ въ Парижъ своего двоюроднаго брата подполковника Ланскаго съ курьерскимъ паспортомъ, потому я кончаю письмо это. Ланской передастъ вамъ его прямо въ руки. Прошу васъ не оставить его вашими совѣтами и выдавать ему до трехъ тысячъ червонцевъ изъ находящихся у васъ моихъ денегъ. Будьте ему полезны и тѣмъ одолжите почтенную семью, которая теперь въ тяжкомъ горѣ по поводу глупостей, надѣланныхъ однимъ молодымъ человѣкомъ, по увлеченію и наущенію одного негодяя. Молодой человѣкъ этотъ есть братъ камергера Ланскаго, уѣхавшій, какъ говорятъ, безъ позволенія родителей изъ Дрездена въ Парижъ. Съ нимъ отправился нѣкто Фонтенъ, пріѣзжавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. Теперь посылается за нимъ подполковникъ Ланской съ тѣмъ, чтобы помѣстить его въ ученье къ какому нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоньѣ. Если можно, подъ рукою помогите сыскать нашего повѣсу. Ему лѣтъ 17 или 18 отъ роду, и намъ конечно желательно, чтобы все это уладилось безъ всякой огласки. Не знаете ли въ Лозаннѣ или Болоньѣ хорошаго семейства, которое бы согласилось принять молодаго человѣка на свое попеченіе? Вы насъ безконечно одолжите. Когда я сказала, что курьеръ долженъ будетъ явиться къ г-ну Гримму, лицо камергера просіяло удовольствіемъ, что̀ служитъ доказательствомъ, въ какомъ почетѣ у моихъ приближенныхъ находится г-нъ Гриммъ, козелъ отпущенія.

Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-поручикъ и генералъ-адъютантъ (р. 1758—25 Іюня 1784), былъ сынъ капитана арміи Дмитрія Артемьевича и имѣлъ единственнаго брата Якова (котораго дочь была за извѣстнымъ генераломъ Паисіемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, а другая за графомъ Конст. Петр. Сухтеленомъ). Упоминаемый здѣсь двоюродный братъ, должно быть, былъ Василій Сергѣевичъ, впослѣдствіи дѣятель въ Варшавѣ и управлявшій министерствомъ внутрен. дѣлъ. Ниже Государыня упоминаетъ его подъ именемъ Базиля. Вся эта исторія важна потому, что цѣпью случайностей привела въ Россію Лагарпа.

7.

Петербургъ, 11 Декабря 1781.

Намедни Александръ, разговаривая со мною, началъ съ ковра, разостланнаго у меня въ комнатѣ, и по прямой линіи дошелъ до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать въ Эрмитажную библіотеку за глобусомъ. Овладѣвъ симъ послѣднимъ, онъ принялся со всеусердіемъ путешествовать по земному шару и, если не ошибаюсь, въ какіе нибудь полчаса узналъ почти столько же, сколько

---

[7]) Таковъ и былъ Павелъ Михайловичъ, послѣдній изъ княжескаго рода Дашковыхъ. Княгиня-мать испортила ему жизнь и свела его преждевременно въ могилу.

твердилъ мнѣ покойный Вагнеръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариѳметикой и до тѣхъ поръ не убѣждаемся, что два и два составляютъ четыре, пока не сочтемъ сами. Этотъ мальчуганъ то и дѣло распрашиваетъ, любопытствуетъ, жадничаетъ узнать что нибудь для себя новое. Просто не надивлюсь! Онъ очень хорошо понимаетъ понѣмецки и знаетъ довольно пофранцузски и поанглійски. Онъ болтаетъ какъ попугай, любитъ разсказывать, вести разговоръ, а когда начнутъ ему разсказывать, то весь обращается въ слухъ и вниманіе. Память у него отличная. При этомъ онъ дитя и совсѣмъ дитя, и скороспѣлъ развѣ только по своей внимательности.

Генералъ Ланской засвидѣтельствуетъ вамъ самъ свою признательность, которую онъ вполнѣ чувствуетъ. Ему досадно, что онъ дозволилъ брату ѣхать въ Дрезденъ. Но поѣздка эта придумана не имъ, и Фонтена отыскалъ не онъ, а тѣ, которые теперь умываютъ себѣ руки во всей этой исторіи, бывъ и зачинщиками, и способниками. Но что прикажете дѣлать! У насъ неодолимая привычка довѣряться всякаго рода проходимцамъ. Кричали противъ нея, а отдѣлаться не въ состояніи. Пройдетъ еще цѣлое поколѣніе прежде чѣмъ, можетъ быть, освободимся отъ такаго зла. Когда подумаешь объ исторіи этого проходимца, о поступкахъ его съ молодымъ человѣкомъ и о той опасности, которой молодой человѣкъ подвергался и которая можетъ имѣть вліяніе на всю остальную его жизнь, просто беретъ ужасъ за подобныхъ людей. Въ дѣлѣ этомъ вы поступили съ отличнѣйшимъ благоразуміемъ; но оправдалась пѣсенка, говорящая, что философы и ученые просто неучи передъ Лючиліей: двѣ молодыя головы съумѣли обойти самое мудрое распоряженіе. Но такъ какъ, не смотря на появленіе Дульцинеи [8]), вы настояли, чтобы молодой человѣкъ выѣхалъ, и такъ какъ въ Парижѣ приволье дѣвицамъ подобнаго рода, и надо ждать нашихъ отвѣтовъ два съ половиною мѣсяца, то мы смѣемъ надѣяться, что разрыву положено прочное начало. Кромѣ того, въ теченіи этого времени, двоюродный братъ будетъ зорко слѣдить за молодымъ человѣкомъ въ Лозаннѣ. Кроткимъ и завлекательнымъ обращеніемъ онъ привяжетъ его къ себѣ и склонитъ подчиниться желанію семьи. Онъ поѣдетъ съ нимъ въ Италію, что̀ ему помѣшаетъ уклониться отъ пути, по которому желательно чтобы онъ слѣдовалъ. Оттуда они поѣдутъ въ Штутгардъ, и будетъ приложено стараніе водворить его тамъ. Желаютъ лучше держаться этихъ соображеній, а не допустить предлагаемое вами соединеніе, согласиться на которое невозможно, въ виду могущихъ оказаться послѣдствій и чтобы потомъ не упрекать себя, если молодой человѣкъ будетъ несчастливъ. На этомъ остановились. Оставлять его въ Лозаннѣ или посылать въ Страсбургъ я не совѣ-

[8]) Это была какая-то Ленхенъ изъ Дрездена. Гримму сначала казалось, что бракъ между нею и Яковомъ Дмитріевичемъ Ланскимъ можетъ состояться; но онъ успѣлъ какъ-то освободить молодаго человѣка отъ его нѣжныхъ обязательствъ. Впослѣдствіи Я. Д. Ланской женился на Грушецкой и во второмъ бракѣ на княжнѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Долгоруковой (вдовѣ Лачинова).

тую. Другое дѣло проѣхаться по Италіи: мысли молодаго человѣка могутъ получить другой оборотъ отъ этого путешествія. Такимъ образомъ Дульцинея предоставляется вамъ въ собственность, и вы рѣшительно освобождаетесь отъ обязанности заботиться объ ея содержаніи и блюсти будущія и настоящія выгоды ея. Во всякомъ случаѣ, если дѣло еще не состоялось, надо предполагать, что сыщется добрый человѣкъ, который возмется за него вмѣсто васъ.

1782 годъ.

1.

Спб. 25 Февраля 1782.

Добропорядочность, благоразуміе и разсудительность господина Лагарпа [1]) снискали ему расположеніе присутствующихъ и отсутствующихъ. Благодаря ему, все пошло согласно нашему желанію, и онъ пріобрѣлъ себѣ доброе мнѣніе и признательность лицъ принимающихъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Поэтому мы не только соглашаемся, чтобы другъ Лагарпъ ѣхалъ въ Италію вмѣстѣ съ двоюродными братьями, но желаемъ, чтобы за тѣмъ, вмѣсто Штутгарда (подробное описаніе котораго внушило намъ отвращеніе къ нему) всѣ трое ѣхали черезъ Тріестъ въ Вѣну, оттуда черезъ Подолію въ Кіевъ и помаленьку добрались до Петербурга. Пожалуста, дайте имъ изъ моихъ денегъ, сверхъ того что̀ я разрѣшила, еще тысячу червонцевъ до Вѣны; а тамъ, если понадобится, ихъ снабдитъ деньгами князь Голицынъ. Судьбу г-на Лагарпа охотно устроимъ приличнымъ образомъ. Я беру на себя 13,500 ливровъ, которые вы имъ выдали заимообразно. Что̀ касается до Ленхенъ, все важнѣйшее мы утверждаемъ. Примите въ разсчетъ, что она отправляется куда ей угодно. Козелъ отпущенія отомкнетъ свою денежную шкатулку, достанетъ оттуда 20,000 Французскихъ ливровъ, помѣститъ ихъ въ казну короля Французскаго на имя Ленхенъ, которая будетъ получать по 2,000 ливровъ ежегодно пожизненнаго дохода, и за тѣмъ чтобы не было больше рѣчи ни объ ней, ни въ особенности объ ея родителѣ. Да въ самомъ дѣлѣ, чего же имъ еще пожелать? Дѣвушка уѣхала по собственному изволенію, и генералъ Ланской даетъ ей пожизненный доходъ (не забудьте этого, я тутъ отнюдь не вмѣшиваюсь) съ тѣмъ, чтобы высвободить своего брата изъ когтей сей колдуньи.

Въ Венеціи давались прекрасные праздники въ честь графа Сѣвернаго. Вотъ уже полгода какъ они путешествуютъ и по возвращеніи будутъ очень удивлены необыкновенными успѣхами Александра. Онъ до того любознателенъ, что нянька журитъ его за то, что онъ не покидаетъ книги, тогда какъ другихъ дѣтей журятъ за невниманіе къ книгамъ. Ему всего четыре года, и сообразно его пониманію пришлось составить для него книгу, которая доставляетъ ему на-

[1]) Лагарпъ, впослѣдствіи одинъ изъ воспитателей императора Александра Павловича, по указанію Гримма былъ выбранъ сопровождать молодаго Ланскаго во время его исправительнаго путешествія по Швейцаріи и Италіи. Съ ними былъ еще нѣкто Гарди.

слажденіе. Теперь мы сочиняемъ ему уже третью. Ихъ печатается нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

2.

Спб. 1 Апрѣля 1782.

Представьте, что, вопреки пустымъ разглагольствіямъ противъ насъ аббата Рейналя, мы законодательствуемъ съ шести часовъ утра до девяти; за тѣмъ до одинадцати текущія дѣла. Потомъ приходятъ Александръ и Константинъ. Полчаса до обѣда и часъ послѣ обѣда посвящены вышеозначеннымъ господамъ, т. е. мы сочиняемъ для нихъ азбуки, сказки, записки. Слѣдуютъ два часа совершеннаго отдыха, и за ними полтора часа уходятъ на маранье писемъ и пр., послѣ чего до восьми снова являются и производятъ возню означенные господа. Отъ восьми до десяти приходитъ кто хочетъ. По моему, день полнехонекъ.

Вы уже знаете, или не знаете, что ваше заблудлое и обрѣтенное чадо, послѣ путешествія по Италіи, возвратится прямо сюда, и слѣдов. должно надѣяться, что преподанный ему дѣятельный образъ жизни избавитъ его отъ змѣйки, оставшейся подъ вашимъ сохраненіемъ. Такимъ образомъ вы понимаете, что будетъ очень плохо съ вашей стороны, если вы препроводите ее сюда въ видѣ посылки; семейство потребуетъ обратнаго направленія, смертельно опасаясь супружескаго союза. Этотъ г-нъ Лагарпъ, не подъ стать другому [2]), голова добрая.

2 Апрѣля. Если бы вы знали, чтò такое Александръ лавочникъ, Александръ поваръ, Александръ, занимающійся самолично всякаго рода ремесломъ и рукодѣліемъ: онъ чешетъ, развѣшиваетъ ковры, смѣшиваетъ и растираетъ краски, рубитъ дрова, чиститъ мебели, исполняетъ должность кучера, конюха, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, самъ учится читать, писать, рисовать, считать, всему и какъ попало навыкаетъ и знаетъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ всякое другое дитя въ его возрастѣ, но такъ, что познанія не превышаютъ его возраста, потому что познанія ему не навязываются, а самъ онъ ихъ отыскиваетъ. Въ добавокъ этотъ крошка незнакомъ съ досадою или съ упрямствомъ; онъ всегда веселъ, послушливъ, щедръ, въ особенности къ нуждающимся и признателенъ къ своимъ приближеннымъ; дѣлаетъ добро, и ничто живущее никогда не видало отъ него никакаго зла. Ни минуты нѣтъ у него праздной, всегда занятъ. Чтò вы мнѣ скажете на все это? Не знаю, откуда г-нъ Фалькенштейнъ досталъ большую Александрову азбуку; я еще не выпускала ея изъ моего портфеля, и тотъ, для кого она назначена, пользуется покуда общенародною, которая напечатана для всѣхъ начальныхъ школъ. Если бы вы знали все, чтò я намѣтила послать вамъ въ разные сроки, вы бы не стали мнѣ дѣлать столько попрёковъ. Я пробую даже перевести Безбородкинскій историческій перечень и въ добавокъ пе-

---

[2]) Т. е. извѣстному Французскому критику, сочинителю Лицея.

редѣлать его слогомъ «Маленькаго пророка изъ Бемишброды» [3]). Не достаетъ только времени кончать все это. Таковы мои законы, мои учрежденія; все начато, ничего не кончено, все изъ пятаго въ десятое; но если я проживу два года, все приведется въ конечное совершеніе. Покамѣстъ посылаю вамъ платье Александра, когда ему было два года, чтобы помочь вамъ въ исполненіи благороднаго намѣренія облечь августѣйшаго дофина одѣяніемъ на подобіе этого. Оно придетъ вовремя, потому что рядить въ него ребенка раньше восьми или девяти мѣсяцевъ неудобно.

2 Апрѣля, послѣ обѣда. Желаю отъ всего сердца, чтобы здоровье ваше совершенно поправилось и чтобы вамъ можно было танцовать на балахъ, которые будутъ даваться графу и графинѣ Сѣвернымъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Говоря это, предполагаю, что господинъ козелъ отпущенія не убѣжитъ изъ Парижа, не смотря на болтуновъ, надоѣдалъ, попрошаекъ и людей скучныхъ. Сіи послѣдніе, по мнѣнію моего учителя, всѣхъ хуже; потому что онъ говаривалъ, что изъ всѣхъ родовъ самый худшій есть тотъ, который скученъ. Я не памятлива на обиду, но такимъ людямъ мстила, и мстила по своему, т. е. разражаясь хохотомъ. Боже мой! Не говорите мнѣ о бракахъ. Это предметъ самый скучный на свѣтѣ, и въ теченіи года по этой части у меня столько было возни, что не хочу больше о томъ слышать. Впрочемъ, не знаю, походитъ ли Каролина на старшую сестру свою, вышедшую замужъ за шурина [4]); но сія послѣдняя уже разъ двадцать готова была развестись. Вашъ близкій другъ, чопорнѣйшій и застегнутый Герцъ [5]), выговорилъ мнѣ напрямикъ, что принцесса напоминаетъ неровностью нрава ту особу, которая заточена въ Штетинѣ [6]). А Герцъ могъ знать что̀ происходило въ Любенѣ въ Силезіи, потому что его жена находилась въ обществѣ сказанной особы, жившей прежде въ Любенѣ и въ настоящую минуту вѣроятно скачущей на почтовыхъ, чтобы водвориться въ Выборгѣ, въ Финляндіи.

---

[3]) Сочиненіе Гримма (о превосходствѣ Итальянской музыки передъ Французскою).

[4]) Т. е. за шурина великаго князя Павла Петровича. Говорится о дочеряхъ герцога Брауншвейгскаго, изъ которыхъ старшая Августа (о ней много будетъ рѣчи въ послѣдующихъ письмахъ) вышла въ 1780 году за принца Виртембергскаго Фридриха, брата нашей Маріи Өеодоровны, получившаго дворецъ на Моховой въ Петербургѣ и мѣсто Выборгскаго генералъ-губернатора и позднѣе, по его угодливости Наполеону, сдѣлавшагося первымъ королемъ Виртембергскимъ. Младшая ея сестра Каролина вступила въ бракъ съ Англійскимъ наслѣднымъ принцемъ (позднѣе Георгомъ IV) и пріобрѣла впослѣдствіи громкую извѣстность нарушеніями супружеской вѣрности.

[5]) Прусскій посланникъ въ Петербургѣ. Екатерина въ послѣдующихъ письмахъ зоветъ его просто: boutonné.

[6]) Т. е. тетку Виртембергской принцессы Августы, первую разведенную супругу наслѣднаго Прусскаго принца.

Что это вамъ вздумалось стать въ ряды защитниковъ папы? Да кто же его обижаетъ? Стòитъ ли подымать шумъ изъ того, будетъ ли на свѣтѣ дюжиною или двадцатью монастырей болѣе или менѣе? Какъ будто никогда ихъ не закрывали! Когда мнѣ хочется, чтобы однимъ монастыремъ было меньше, я просто говорю имъ: перебирайтесь въ другой монастырь, и толковъ не бываетъ никакихъ, и никто не умиляется по этому поводу. Фи, стыдно быть крикуномъ: Александръ не плачетъ и не кричитъ. Не знаю, получилъ ли папа прекрасную шубу отъ графа Сѣвернаго; но знаю, что у меня готовится для него отличнѣйшая, и я ему отправлю ее, какъ скоро получится отъ него паллiумъ для Могилевскаго архіепископа [7]).

4 Апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь прелестнаго дофинчика. Я пробыла на немъ три часа, потому что онъ давался въ бывшемъ канцлерскомъ домѣ и сдѣлала это изъ вниманія къ первенцу Людовика XVI-го, ради добрыхъ поступковъ, которые оказываютъ его папенька и добрые слуги онаго.

3.

Царское Село, 1 Іюня 1782.

Хоть я и запрещала, но пришлось увидать въ газетахъ несчастное мое письмо къ Бюффону. Это вѣдь уже не ваши листы. Я пороптала сквозь зубы на нескромность козла отпущенія съ братіею, и сказала себѣ: «Люди эти обезумѣли; но пройдетъ дня три, ни я, никто на свѣтѣ не будетъ больше о томъ думать», т. е. о газетахъ. Выставляйте сколько угодно имя мое на новомъ изданіи «Разговоровъ Эмиліи». Видите, сколько я оттуда награбила для Александра и Константина! Скажите мнѣ, чтò вы думаете объ этихъ книжечкахъ, для нихъ составленныхъ.

Генералъ-прокуроръ откроетъ вамъ новый счетъ на 25 т. рублей, и въ первый разъ какъ его увижу, я скажу ему, чтобы онъ доставлялъ вамъ деньги въ неограниченномъ количествѣ. Отъ этого онъ непремѣнно задохнется, и при всей моей власти надъ нимъ, если не дамъ особаго указа, ничего не добьюсь; у него послѣдуютъ трепетанія сердца, отъ чего боюсь, чтобы не усилились припадки его одышки. Согласитесь, что слѣдуетъ щадить здоровье человѣка, который, сверхъ другихъ добрыхъ и почтенныхъ качествъ, владѣетъ еще качествомъ всегда имѣть въ запасѣ деньги на всевозможные случаи, имѣя притомъ дѣло съ такою ненасытимою расточительницею какъ я. Говорю вамъ напрямикъ, что больше не покупаю картинъ. Некуда ихъ вѣшать, и будь они прекраснѣйшія на свѣтѣ, я великодушно отказываюсь отъ нихъ.

---

[7]) Палліумъ (отъ чего нынѣшнее слово пальто—pallium totum) есть почетное одѣяніе католическаго высшаго духовенства. Присылкою палліума Сестренцевичу Богушу, который облачился въ него 18 Янв. 1784, папство изъявляло какъ бы одобреніе Екатерининской (къ несчастію впослѣдствіи брошенной ея преемникомъ) попыткѣ создать для Русскихъ католиковъ самостоятельное церковное управленіе.

2 Іюня. Я разсмѣшила генерала Ланскаго, передавъ ему исторію, какъ въ трехъ миляхъ отъ Женевы былъ потерянъ ящикъ, и онъ козою прыгалъ у меня по комнатѣ, когда я вручила ему письма и портретъ его брата, назначенные для Дульцинеи, которая утѣшена утѣшителемъ, посланнымъ ей отъ неба. Нечего сказать, вы удивительно умѣете устроивать дѣла. Это геніальная выдумка помѣстить деньги для Ленхенъ на имя ея и на имя Людовика XVI-го. Еслибъ они увидали себя рядомъ, каково было бы ихъ изумленіе! Вотъ что значитъ добиваться денегъ во что̀ ни стало. Король и Дрезденская Ленхенъ запряжены въ одну повозку, какъ пара Лифляндскихъ мериновъ. У меня нѣтъ третьяго мерена, чтобъ вышла тройка, и потому оставляю дѣло въ томъ видѣ, какъ козелъ отпущенія счелъ благоразумнымъ его повести и говорю: отличнѣйше, прекраснѣйше!

Знайте, что свинцовый ящикъ съ сѣмянами отъ Бюффона прибылъ, и сѣмяна вскрыты моимъ Англійскимъ садовникомъ Бушемъ, который тотчасъ ихъ посѣялъ, но полагаетъ, что они очень стары и сомнѣвается, взойдутъ ли. Пакетъ на имя генерала Ланскаго вѣроятно пришелъ вмѣстѣ съ сѣмянами, потому что сосновые ящики, въ которыхъ географическія карты на деревѣ для Александра, благополучно прибыли. Слушайте: сказка о царевичѣ Хлорѣ такъ ничтожна, что мнѣ удивительно, зачѣмъ ее перевели. Присоедините ее къ тому что̀ у васъ есть и будете имѣть весь Александровъ запасъ; но для маленькой головы Александра онъ весьма пригоденъ, и мальчуганъ отлично знаетъ, что̀ до сихъ поръ сочтено нужнымъ чтобы онъ зналъ. Въ настоящую минуту онъ землемѣрствуетъ въ Царскосельскомъ саду. Скажу между нами, что садъ этотъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изо всѣхъ странъ и нашихъ бывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится такимъ, какихъ нѣтъ. Не говорю о покояхъ; но Гваренги увѣряетъ, что они и прекрасны, и своеобразны и что, кто не видалъ ихъ, не можетъ составить себѣ понятія. Напримѣръ, я пишу къ вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, разубраннаго красными листьями. Четыре столба также разубранные поддерживаютъ собою зеркальное стекло, которое служитъ навѣсомъ дивану изъ Московской ткани яблочнаго цвѣта съ серебромъ. Стѣны зеркальныя, въ серебряныхъ рамахъ, разубранныхъ красными листьями. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь изъ двухъ стеколъ, такъ что кажется, будто она всегда отворена, хоть ее и запрутъ. Кабинетъ этотъ очень богатъ, очень великолѣпенъ, очень веселъ, вовсе не загроможденъ и очень приволенъ. Есть у меня другой, похожій на табатерку, бѣлаго, голубаго и бронзоваго цвѣта; бѣлое и голубое изъ стекла, и рисунокъ пестрый. Кстати: если Скородумовъ желаетъ пріѣхать сюда и гравировать у меня въ галлереѣ, я дамъ ему 1,200 рублей и 1,000 на дорогу, лишь бы онъ обязался не лѣниться.

3 Іюня. Признаюсь откровенно, ваши извѣстія объ успѣхахъ графа и графини Сѣверныхъ въ Парижѣ превзошли мои ожиданія. Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете объ нихъ и которыя доставляютъ мнѣ великое удовольствіе. Когда «Свадьба Фигаро» будетъ напечатана, пожалуста пришлите мнѣ. Графиня мнѣ дѣйствительно

писала, что она васъ увидѣла очень потолстѣвшимъ; кажется, вы могли бы тоже самое сказать про нее. Они оба увѣдомляютъ меня, что, изъ угожденія мнѣ, они задержали своего курьера съ тѣмъ, чтобы онъ могъ взять ваши посылки.

4.

Петергофъ, 29 Іюня 1782, поутру.

Я видѣла сына г-на Бюффона, который былъ мною принятъ, какъ сынъ знаменитаго человѣка, т. е. безъ всякихъ околичностей. Онъ обѣдалъ со мною въ Царскомъ Селѣ. Бюстъ отца его поставленъ въ Эрмитажѣ. Я не ожидала, чтобы письмо мое къ историку природы назвали образцовымъ произведеніемъ. Правда, что генералъ Ланской отзывался мнѣ, что оно прелестно; но этотъ молодой человѣкъ, при всемъ умѣ своемъ и умѣньи держать себя, легко приходитъ въ восторгъ; притомъ же душа у него горячая. Чтобы дать понятіе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, скажу вамъ, что князь Орловъ отозвался о немъ одному изъ друзей своихъ: «Вы увидите, какаго человѣка она изъ него сдѣлаетъ! Тутъ поглощается все». Въ теченіи зимы онъ началъ поглощать поэтовъ и поэмы; на другую зиму многихъ историковъ. Романы намъ наводятъ скуку, и мы жадно беремся за Альгаротти [8]) и его товарищей. Не предаваясь изученію, мы пріобрѣтемъ знаній безъ числа и любимъ водиться лишь съ тѣмъ, что̀ есть наилучшаго и наиболѣе поучительнаго. Кромѣ того, мы строимъ и садимъ, мы благотворительны, веселонравны, честны и мягкосердечны. Можете сказать г. Бюффону, что въ сынѣ его я не замѣчаю никакихъ недостатковъ и слѣдовательно не нахожу случая воспользоваться правомъ пожурить его, которое онъ мнѣ предоставилъ. Въ тоже время поблагодарите его за продолженіе его твореній. Мнѣ будетъ очень досадно, если подтвердится что̀ сказалъ мнѣ его сынъ, будто онъ больше не хочетъ писать. Надѣюсь, что онъ раздумаетъ.

5 Іюля, въ 7 часовъ утра. Уѣзжаю отсюда завтра. Не люблю этого мѣста между прочимъ потому, что здѣсь я сплю точно кротъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать, а пишу только императорскія, королевскія и полукоролевскія письма. За то, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, отлично преодолѣваю мою склонность сидѣть на мѣстѣ. Три дня тому назадъ ѣздила я въ Кронштадтъ во время противнаго вѣтра. Господа моряки полагали, что я возвращусь назадъ, но я упрямо продолжала путь, и черезъ четыре часа мы доплыли къ гавани. Мы вымѣрили ее пѣшкомъ вдоль возобновляемаго канала до самыхъ доковъ, построенныхъ крестомъ, тамъ гдѣ каналъ начинается. Мимоходомъ мы заложили еще одинъ стопушечный корабль, послѣ чего ходили смотрѣть машину, которая дѣйствуетъ огнемъ и посредствомъ которой очищается каналъ и за тѣмъ пришли, опять таки

---

[8]) Славный Итальянскій писатель (1712—1764), отличавшійся многосторонними свѣдѣніями, знатокъ изящныхъ искусствъ. Фридрихъ Великій далъ ему графское достоинство и поставилъ ему памятникъ въ Пизѣ.

пѣшкомъ, къ адмиралу Грейгу пить чай. Вамъ вовсе нелюбопытно, но для этой пристани очень важно, что мы одѣваемъ ее снаружи и внутри каменною набережною, которая начинается стройкою нынѣшній годъ, и это веселое дѣло весьма насъ развлекаетъ.

Въ этомъ же письмѣ находится отзывъ Екатерины о торжественномъ засѣданіи Французской Академіи въ честь великаго князя Павла Петровича и его супруги. Въ засѣданіи этомъ Лагарпъ, извѣстный критикъ, читалъ высокому гостю свое посланіе въ стихахъ, а аббатъ Арно утомлялъ слушателей статьею объ Юліи Цезарѣ.

6 Іюля. Вы хорошо сказали, что понатерлись безсмертіемъ въ академическомъ засѣданіи, которое открылось стихами господина Лагарпа. Онъ же трется объ гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одинъ не остается въ памяти. Ахъ мой учитель, мой учитель! Не таковы твои творенія: они запоминались невольно, и даже несогласный съ тобою во мнѣніи твердилъ тебя и подражалъ тебѣ. Вотъ что называется овладѣвать умами и мнѣніями, наперекоръ людямъ. Этотъ «Портретъ Цезаря» въ прозѣ точно гадкій скелетъ; ничего не случалось мнѣ читать ничтожнѣе. Коль скоро не умѣешь постигнуть человѣка, зачѣмъ браться за его изображеніе и тѣмъ оскорблять его? Мой учитель внушилъ бы восторгъ къ великимъ и прекраснымъ дѣяніямъ; онъ бы извлекъ и высосалъ доблестныя черты изъ самаго порока, а у этого великія и возвышенныя дѣянія являются порочными. Это глупо, этимъ не подымешь души, не освѣжишь ея, а уронишь ниже посредственности. Я не чувствую сожалѣнія къ такимъ людямъ; но духъ мой негодуетъ, зачѣмъ они хотятъ выдавать себя за ораторовъ, тогда какъ они только риторы. Я бы ихъ разругала, если бы не удерживало меня то соображеніе, что ругательствомъ никого не исправишь. Эгоистамъ нельзя браться за изображеніе великихъ характеровъ. Цезарь не былъ эгоистъ. Геніемъ и отвагою онъ увлекался за предѣлы посредственности и становился выше самого себя. Онъ искалъ славы, во что ни стало; она была его кумиромъ; онъ не давалъ себѣ пощады, а эгоистъ всегда щадитъ себя.

Царское Село, 7 Іюля, утромъ. То, что̀ я вамъ писала о Зельмирѣ [9]), сказано было мнѣ самой слово въ слово леданымъ и застегнутымъ другомъ [10]); слѣдовательно это не сплетни, прибавить и убавить нечего. Я охотно беру сторону Зельмиры, потому что нельзя же ставить человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ того, что̀ ему не является таковымъ? Но надо, чтобы я вамъ сказала о Зельмириномъ мужѣ, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но который, мнѣ кажется, оклеветанъ жестоко. Мы его нашли здѣсь: толстая масса, и ничего больше. Отнюдь не подозрѣвая его въ жестокосердіи, въ способности къ жестокому и безчеловѣчному обхожденію, мы его видѣли въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаружилъ сострадательность и большое добродушіе, а также

---

[9]) Т. е. о супругѣ принца Виртембергскаго Фридриха, назначеннаго Выборгскимъ генералъ-губернаторомъ и передъ тѣмъ путешествовавшаго вмѣстѣ съ сестрою своею, великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, по Италіи.

[10]) Т. е. Прусскимъ посланникомъ Герцемъ.

и благородный образъ мыслей. Два раза онъ ссорился съ своимъ зятемъ изъ-за пустяковъ и кончалъ дѣло съ благородствомъ. Однажды онъ упрекалъ сестру свою, зачѣмъ она бранитъ своихъ женщинъ, которыхъ онъ увидалъ въ слезахъ. Есть много обстоятельствъ, которыя свидѣтельствуютъ скорѣе въ его пользу, нежели противъ него. Ей ей, я сильно подозрѣваю, что не пролилось ли тутъ желчи изъ застегнутаго льду, который иной разъ просто лжетъ изъ своей охоты къ тому. На свѣтѣ мнѣ случалось видать, какъ распинаются въ добрыхъ чувствахъ и мягкосердечіи, прикрывая тѣмъ злость и самую жестокую клевету. Ложь ходитъ во всякихъ нарядахъ, а когда ей нечѣмъ прикраситься, она зоветъ свои происки политикою и ловкостью. Къ этому въ особенности прибѣгаютъ эгоисты, которые мнѣ стали больше чѣмъ когда нибудь противны съ тѣхъ поръ, какъ они приписываютъ эгоизмъ Цезарю, который былъ всего менѣе эгоистомъ. Эти господа не въ состояніи выдти изъ того ничтожнаго круга, который сами они создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Цезаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова.

5.

Спб., 30 Сентября 1782.

Въ головѣ Александра съ братіею начинаетъ образовываться весьма необыкновенная начинка. Нѣтъ города и страны, которыхъ Александръ, читая, не отыскалъ бы на своемъ глобусѣ, и ему доставляетъ великое удовольствіе имѣть при себѣ глобусъ въ то время, какъ онъ читаетъ. Поутру и послѣ обѣда, только что откроетъ глаза, какъ уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, вскакивая съ кровати, онъ говаривалъ своимъ нянькамъ: «Теперь я примусь читать, потому что потомъ мнѣ веселѣе будетъ гулять, чѣмъ читать; а если теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ». Замѣтьте, что никогда ему не приказывали читать или заниматься; онъ самъ дѣлаетъ себѣ изъ этого удовольствіе и долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и перечелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе ему нужно и его забавляетъ. Кромѣ того Александръ есть сама доброта; онъ столь же послушливъ, какъ и внимателенъ; онъ, такъ сказать, воспитывается самъ собою. Нынче осенью ему пришла охота посмотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его распросами, его любознательностью, вниманіемъ и въ добавокъ вѣжливостью. Ничего не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому еще нѣтъ пяти лѣтъ. Даже дѣтскія шалости его необычайно любопытны: какая-то послѣдовательность мыслей, чрезвычайно рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это превосходнѣйшему сложенію, ибо онъ прекрасенъ какъ ангелъ и великолѣпно сложенъ. Братъ его будетъ уменъ, но природа у него далеко не такъ совершенна. Кстати о Гваренги, о которомъ вы мнѣ пишете, скажу вамъ, что, по мнѣнію Александра, Гваренги говоритъ слишкомъ громко. Александръ спросилъ у меня, отчего это. Я ему отвѣчала: оттого, что въ дѣтствѣ ему не говорили, чтобъ онъ не возвышалъ черезъ чуръ голоса. А Константинъ замѣтилъ, что у него очень крупенъ носъ, вѣроят-

но оттого, что онъ слишкомъ часто хватался за него пальцами. Я очень рада, что этотъ искусный архитекторъ доволенъ. Его дарованіямъ здѣсь просторъ, потому что страсть къ постройкамъ у насъ разыгралась. Есть мѣста, которыхъ вамъ не узнать, если вы ихъ въ другой разъ увидите; напр. побережье Фонтанки. Ее очищаютъ, и строится каменная набережная.

3 Октября. Хотѣла бы я знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю правильнаго понятія о Франціи. Скорѣе Французы не знаютъ Россіи, потому что бо̀льшая ихъ часть очень малосвѣдущи, а другіе обманываются относительно Россіи либо по пристрастію, либо потому, что не могутъ узнать ее, тогда какъ я знала, откуда почерпнуть свѣдѣнія.

14 Ноября. Вы скажете: вотъ письмо, писанное съ долгими промежутками. Но есть ли возможность писать, когда съ нѣкотораго времени безпрестанно меня теребятъ? Вопервыхъ, кромѣ обыкновенныхъ занятій, Александръ то и дѣло проситъ у меня чтенія. Нельзя же прекратить доставленіе ему онаго! На этихъ дняхъ онъ узналъ про Александра Великаго. Ему захотѣлось лично съ нимъ познакомиться, и онъ совсѣмъ огорчился, узнавъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ очень о немъ жалѣетъ. Кромѣ занятій я до смерти измучена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на Царицынскія воды и только что началъ принимать ихъ, какъ у него начались припадки умоповрежденія. Послѣ лѣченья водами, онъ возвратился въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ освободиться отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ. Онъ прибылъ сюда. Я видѣла его три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и всѣ мысли у него не вяжутся. Сохранилась только непоколебимая приверженность ко мнѣ. Вообразите, что̀ должна была я испытывать, видя его въ такомъ состояніи. Теперь его уложили въ постель. Болѣзнь его почитаютъ слѣдствіемъ апоплексическаго удара, стало быть нѣтъ никакой надежды къ выздоровленію.

Когда Александръ боленъ, онъ по цѣлымъ днямъ разсматриваетъ гравированныя картины, такъ что я затрудняюсь доставлять ихъ ему. Вотъ какія прекрасныя наклонности обнаруживаются у этихъ мальчугановъ. Онъ ненасытно любитъ познанія, книги и гравюры. Двадцать лѣтъ нашего царствованія отпразднованы дѣлами милости. Вотъ какъ слѣдуетъ чествовать подобныя эпохи! Это годъ милостей, и все тутъ.

15 Ноября. Козелъ отпущенія! Надо, чтобы ты зналъ мои удовольствія и мои невзгоды. Сего утра я получила извѣстіе, что 12 числа графъ и графиня Сѣверные прибыли въ Ригу. Только что прочла я письма ихъ, какъ приносятъ письмо отъ генерала Бауера; онъ боленъ и очень боленъ здѣсь съ первыхъ чиселъ Августа [11]). Вчера,

---

[11]) Георгіевскій кавалеръ Ѳедоръ Вилимовичъ Бауеръ (1731—1783), генералъ-инженеръ и генералъ-квартермистръ, оказалъ Россіи великія услуги во время первой Турецкой войны, а въ мирное время руководилъ главнѣйшими государственными сооруженіями. Ему и Москва обязана Мытищенскою водою.

почитая себя умирающимъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, такое, что камень лопнулъ бы отъ жалости, и вотъ я плачу и рыдаю при мысли о потерѣ этого вѣрнаго служителя. Онъ одаренъ геніальными способностями, и за него я бы охотно отдала пожалуй хоть съ десятокъ глупыхъ, лишь бы мнѣ не распредѣлять между ними его занятій. Приходитъ Рожерсонъ доложить, что Бауеръ не такъ плохъ. О, онъ пришелъ кстати: я ему сказала, что ни одинъ докторъ не можетъ и не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который никого не умѣетъ вылѣчить, хотя они держатъ людей въ постели по три мѣсяца. Я до тѣхъ поръ не успокоилась, пока онъ не согласился, что онъ и всѣ его товарищи были невѣжами и никого не съумѣли вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: «довольно, идите!» и принялась писать къ козлу отпущенія, чтобы облегчить себя. Между прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы не умирали, чтобъ были здоровы: потому что почти уже мѣсяцъ, какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе. Вотъ и генералъ Ланской перепугалъ насъ; онъ заболѣлъ воспалительною лихорадкою, но, слава Богу, внѣ опасности и сегодня полегоньку прогуливается въ саняхъ по улицамъ.

16 Ноября, въ часъ по полудни. Я очень рада, что вы довольны описаніемъ моего дня и какъ день распредѣленъ. Но у меня все мало времени, за чтò бы ни принялась. Вотъ и теперь надо идти обѣдать, а я хотѣла писать, и мнѣ уже два раза помѣшали.

16 Ноября послѣ обѣда. О, какъ жестоко ошибаются, воображая, будто чье либо достоинство страшитъ меня. Напротивъ, я бы желала, чтобъ вокругъ меня были только герои, и я всячески старалась внушить героизмъ всѣмъ, въ комъ замѣчала къ тому малѣйшую способность.

Сиръ Томъ, обрѣтающійся по прежнему въ добромъ здоровьи, лишился своей супруги. Это въ его семействѣ первая утрата въ теченіи 15 лѣтъ. Изъ нихъ въ настоящее время живутъ у меня въ комнатѣ Леди-Томъ и Тезей-Томъ. Сей послѣдній есть воспитанникъ генерала Ланскаго, благодаря которому изъ него вышло существо гордое, смышленное и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанное. Онъ только никому не уступаетъ мѣста возлѣ камина, и кто бы ни подошелъ къ этому мѣсту, ущипнетъ за ногу, кромѣ Александра и Константина, которые въ особенной милости у Томовъ, а потому у нихъ обоихъ есть по своему Тому. Папенька и маменька уже не узнаютъ дѣтей своихъ: такъ они выросли, и если пойдетъ такъ, то изъ нихъ выйдутъ гиганты.

Мнѣ очень нравится, чтò вы пишете о мятежѣ идей и какъ всѣ эти идеи явились къ двери и хотятъ разомъ выдти. Это живописно; но какое дать одѣяніе идеямъ? — Я, такъ сказать, поставила верхъ дномъ не одно Царское Село: и здѣсь въ городѣ вы не узнàете моей спальной комнаты. Я нашла способъ устроивать спальни, какъ вы придумать не можете. У меня было углубленіе; теперь его нѣтъ. Кровать моя противъ оконъ; но чтобы свѣтъ не мѣшалъ глазамъ,

къ кровати приставлено зеркало, обращенное къ окнамъ, и подъ нимъ диванъ, почти такой же ширины, какъ кровать. Съ обоихъ боковъ у кровати стоятъ скамеечки. Просто прелесть, и это изобрѣтеніе вашей покорнѣйшей услужницы распространяется теперь по всѣмъ Петербургскимъ домамъ. Кромѣ того у моей кровати нѣтъ балдахина, и только одни занавѣски.

17 Ноября. Знайте разъ навсегда, что я еще никогда не находила, чтобы письма ваши были слишкомъ длинны. Продолжайте писать, но не перечитывайте вашихъ писемъ, если это утомляетъ васъ. Что это вы вздумали дѣлать мнѣ наставленія, какъ я должна читать ваши писанія? У меня крѣпкая грудь, и я читаю ихъ иной разъ по два часа сряду, не чувствуя ни скуки, ни усталости, ниже нетерпѣнія. Меня нечего предостерегать: вѣдь мнѣ приходится глотать вещи несравненно суше. Это вы, козелъ отпущенія, изволите подшучивать. И такъ не говорите мнѣ больше объ этомъ: если бы столы мои ломились подъ тяжестью вашихъ писемъ, я все-таки читала бы ихъ съ великимъ удовольствіемъ.

Слушайте, не вздумайте воображать, что я хочу сдѣлать изъ Александра разрубателя Гордіевыхъ узловъ. Отнюдь нѣтъ! Александръ будетъ превосходный человѣкъ, но вовсе не завоеватель: ему нѣтъ надобности быть имъ, и если онъ васъ увидитъ живаго или мертваго, онъ будетъ знать чего вы стòите, и я также. Чтò до господина Константина, это будетъ голова съ умомъ и своеобразная. Надо дать волю головѣ.

2 Декабря. Пожаръ, уничтожившій лавки, произвелъ именно то, чтò вы говорите: я приказала не обращать вниманія на предразсудокъ и старую привычку. Будетъ вмѣсто одного торговаго двора десять съ дозволеніемъ всякому купцу имѣть у себя лавку. Противъ всего этого было много возраженій, но я настояла, и все улаживается безъ шуму. Меня брало нетерпѣніе, и я ѣздила сама посмотрѣть, отчего пожаръ не прекращается, и вскорѣ онъ потухъ. Потери много меньше, нежели думали; рѣшительно ничто не вздорожало, а въ большихъ каменныхъ амбарахъ все цѣло.

3 Декабря. Будьте увѣрены, что генералъ Ланской чувствуетъ надлежащимъ образомъ все, чтò вы для него сдѣлали и что у него душа исполненная признательности. Онъ говоритъ, что вы сама мудрость. Гарди [12]) будетъ у него библіотекаремъ, къ выгодѣ обоихъ. Вы очень хорошо поступаете, что держите Фонтена въ Тамплѣ [13]), пока возвратятся наши странствующіе рыцари. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, я замѣтила руку Верженя, и ни разу еще министръ Французскаго короля не внушалъ такаго всеобщаго довѣрія къ себѣ; онъ первый изъ нихъ, которому я вѣрю. Вы очень хорошо сдѣлали, поставивъ на мой счетъ издержки по переводу денегъ Скородумова: за это я заставлю его жену заняться миніатюрою. Я да-

---

[12]) Гувернеръ Якова Дмитріевича Ланскаго. См. выше стр. 72.

[13]) Парижской тюрьмѣ.

ла имъ денегъ на наемъ помѣщенія. Полагаю, что его печатальщикъ также имѣетъ все чтò ему нужно.

7 Декабря. Господинъ фактотумъ доложилъ мнѣ, что курьеръ отправится черезъ недѣлю, стало быть надо спѣшить окончаніемъ этого письма. Лучше, чѣмъ посылать съ сыномъ Бюффона, который повезетъ мое письмо къ своему отцу, и я боюсь, что дать ему письмо къ вамъ, онъ его не доставитъ. Здѣсь говорятъ, что этотъ молодой человѣкъ часто напивается и въ такомъ видѣ приходитъ въ общества. Надѣюсь, что это неправда. Покамѣстъ въ немъ не замѣтно батюшкина ума. Но онъ еще дитя.

Самойловъ, которому Щедринъ писалъ и прислалъ своего Эндиміона, ѣздилъ въ Крымъ, оттуда пріѣхалъ сюда, и за тѣмъ отправился опять въ Москву. Слѣдовательно мнѣ трудно будетъ узнать отъ него о письмахъ Щедрина и объ его Эндиміонѣ. И такъ заставьте Щедрина писать Геркулеса для генерала Каменскаго, покамѣстъ я освѣдомлюсь объ Эндиміонѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отнюдь не бралъ этого генерала за образецъ Геркулеса. Ей, ей, я не могу держать г-на Щедрина на одинакомъ положеніи съ г-номъ Скородумовымъ, потому что и сего послѣдняго очень трудно удовольствовать. Я велѣла ему сказать, что, если онъ ничѣмъ недоволенъ, я его не удерживаю, и онъ можетъ странствовать по бѣлу свѣту. То, другое не по немъ, слишкомъ холодно, слишкомъ жарко. Нѣтъ ничего несноснѣе художниковъ на жалованьи.

Вы мнѣ столько говорите о границахъ имперіи. Надо, чтобъ я вамъ сказала о восьмидесяти и больше народахъ, населяющихъ эту имперію. Здѣсь объ этомъ вышла книга профессора Академіи Георги, отмѣнно любопытная. Въ ней описаны жители отъ мраморнаго дворца до пещеры, всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ и спрашивать чего вамъ угодно по части строеній, языковъ и вѣрованій: все отыщется.

8 Декабря. Послушать васъ, скажешь, что вы одни овладѣли истиною. Чтò бы тамъ вы съ братіею ни толковали, а я не больше того, чтò я есмь, т. е. по вкусу однимъ и не по вкусу другимъ.

Я вовсе не буду рада отъѣзду дюка Санъ-Николо. Онъ сдѣлался близкимъ другомъ генерала Ланскаго. Уходя онъ запираетъ его на ключъ у себя въ библіотекѣ, съ тѣмъ чтобы по возвращеніи съ нимъ видѣться. Санъ-Николо говоритъ порусски какъ Русскій, и онъ перевелъ съ Русскаго на Итальянскій Александрову библіотеку. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Неаполитанскій дворъ не отзывалъ его отсюда. Не думаю, чтобъ можно было переводить съ Русскаго на Французскій съ точностью: строй языковъ слишкомъ различенъ. Появилось нѣсколько новыхъ выпусковъ этой библіотеки.

9 Декабря. Я велѣла для васъ перевести ихъ понѣмецки, и пришлю, если поспѣютъ, съ этимъ письмомъ. Ну хорошо, выдайте вашему любимцу Щедрину, на Геркулеса и Эндиміона, пятьсотъ червонцевъ, чтобы ѣхать ему, если хочетъ, въ Римъ или пожалуй оставаться и работать въ Парижѣ.

Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо. Я тщательно ста-

ралась развѣдать, кто изъ нихъ виноватъ, мужъ или жена, и повидимому мужъ могъ бы вести себя помягче. Впрочемъ въ настоящее время они, кажется, живутъ лучше прежняго. «Brave femme» понѣмецки, я думаю, надо перевести «eine tüchtige Frau». Ей ей, я очень довольна этою похвалою графа Шомберга; что можно сказать больше! Остерегайтесь вашего друга, застегнутаго: это онъ, онъ наговорилъ мнѣ самой про Зельмиру такого, что ее мало повѣсить; онъ уподоблялъ ее во всемъ тетушкѣ ея, пребывающей въ мѣстѣ моего рожденія [14]). Знайте, что этотъ застегнутый лжетъ, безъ всякаго стыда, и каверзы дѣлаются его ремесломъ. Гдѣ замѣшаны его выгоды, тамъ онъ не скупится на жолчную клевету, такъ что даже товарищи смѣются надъ нимъ. При этомъ онъ pedantesco Tudesco (педантъ-Нѣмецъ). Я думаю, что супругъ Зельмиры, живучи здѣсь, поумѣритъ себя. Поступая иначе, онъ ничего себѣ не выиграетъ, и малюткѣ будетъ оказано покровительство гораздо больше, нежели она можетъ быть ожидала, и тѣмъ еще лучше.

Генералу Ланскому смерть какъ хочется имѣть головку Грёза; если вы ему достанете съ нея маленькую копію на эмали, онъ станетъ прыгать какъ коза, и цвѣтъ лица его, всегда прекрасный, оживится еще болѣе, а изъ глазъ, и безъ того подобныхъ двумъ факеламъ, посыплятся искры.

10 Декабря. Не знаю, будетъ ли множество Екатеринъ въ Россіи; но если страна эта должна обиловать только памятниками мнѣ, то скажу навѣрное, что объ этомъ я вовсе не стану заботиться и охотно предоставляю эту честь господину Александру, который, когда ему страшно, говоритъ своимъ нянькамъ: «боюсь, но ничего, останавливаться не нужно». Мнѣ кажется, онъ созданъ природою, чтобы вносить послѣдовательность и неустрашимость въ дѣла, которыя онъ предприметъ. Предпріятія же его, я думаю, не будутъ вредить ближнему; потому что коль скоро онъ видитъ или думаетъ, что ближній находится въ бѣдѣ, у него выступаютъ слезы. Въ Петрѣ Великомъ, когда онъ совсѣмъ открылся, показалося намъ выраженіе подвижности и величія. Скажешь, что онъ таки доволенъ своимъ твореніемъ. Я долго не рѣшалась его разсматривать, по чувству умиленія, и когда оглянулась кругомъ, то увидала, что всѣ тутъ бывшіе прослезились. Лицомъ онъ обращенъ къ сторонѣ противуположной Черному морю; но выраженіе головы свидѣтельствуетъ, что онъ не смотритъ ни въ какую сторону. Онъ былъ слишкомъ далеко, чтобы говорить со мною; но онъ мнѣ показался доволенъ, что побуждаетъ меня стараться дѣйствовать впередъ, если могу, лучше.

Господинъ Александръ не получалъ никакого кирасирскаго полка. Онъ учится читать и писать, чтобы получить шарфъ и отвороты, которые польстятъ его честолюбію. Отъ этого онъ такъ примѣрно учится уже два года. Честолюбіе господина Константина покамѣстъ состоитъ только въ томъ, чтобы хорошо ѣсть, подражать брату и

---

[14]) Въ Штетинъ была сослана въ 1769 году первая супруга наслѣдцаго Прусскаго принца, урожденная принцесса Брауншвейгская.

весело дурачиться. Въ городѣ Гриммѣ меня критикуютъ. Пусть ихъ говорятъ, разбираютъ и судачатъ. Надо этимъ людямъ предоставить свободу рѣчи, какъ и городу Москвѣ.—Не бойтесь, я не проболталась и не проболтаюсь на счетъ намѣренія Каменскаго, и Щединъ можетъ для него работать съ полною надежностью; Каменскій же далеко отсюда, въ своихъ губерніяхъ, Тамбовской или Пензенской, между Рязанью и Воронежемъ.

18 Декабря. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ судьба словно тѣшится тѣмъ, чтобы доставлять мнѣ огорченія. Теперь въ добавокъ Александръ и Константинъ заболѣли. Вчера встрѣчаю перваго изъ нихъ у двери его комнаты завернутаго въ плащъ. Спрашиваю, къ чему эта церемонія? Онъ отвѣчаетъ: это часовой, умирающій отъ холода. Какъ такъ? А вотъ видите: у него лихорадка и, чтобъ позабавиться и разсмѣшить меня, онъ во время озноба завернулся въ плащъ и представляетъ изъ себя часоваго. Каковъ больной, не правда ли? Совсѣмъ бодръ и веселехонекъ!

1783 годъ.

1.

5-го Января 1783.

Что̀ вамъ угодно, чтобы я сдѣлала изъ чертежа Константинополя? Это дѣло султана. Я ничего не покупаю, ни чертежей. Не знаю, на что̀ жалуется Рейфенштейнъ. Скажите ему, что мнѣ по опыту извѣстно, какъ честный человѣкъ можетъ быть обманутъ, и по чести я рѣшительно не имѣла понятія объ открытой войнѣ между нимъ и княгиней Дашковой. Я узнала о томъ только изъ письма Рейфенштейна. Вотъ какъ мало свѣдущи бываютъ владыки сего міра! Никто не чернилъ и не очернилъ Рейфенштейна въ моихъ глазахъ; но если у него голова пошла кругомъ, козлу-то отпущенія изъ-за чего волноваться? Убирайтесь вы оба съ вашими завѣщаніями и отчетами; въ жизнь мою я васъ ни въ чемъ не подозрѣвала, ни того, ни другаго; за чѣмъ же вы мнѣ надоѣдаете подобною дрянью и мелочью? Образумьтесь оба; а чтобъ наказать васъ, посылаю новую сказку Февей, сочиненную для Александра на Александровской фабрикѣ, и отъ всего сердца желаю, чтобы надъ чтеніемъ ея вы зѣвали до боли въ челюстяхъ. Въ письмѣ Ваньера [1]) я встрѣтила Вольтерово выраженіе, доставившее мнѣ большое удовольствіе: «умъ хорошій и неподдѣльный». Надѣюсь, что таковой образуется у Александра. Это называется кончить восхожденіемъ на свой треножникъ. Прощайте, козелъ отпущенія! Милостью небесъ будьте здоровы.—Князю Орлову все хуже и хуже. Онъ уже подъ опекою у братьевъ своихъ. Генералъ Бауеръ тоже не выздоравливаетъ какъ бы слѣдовало, а я изнемогаю отъ работы и отъ болѣзни людей, которыхъ люблю и ува-

---

[1]) Ваньеръ былъ секретаремъ Вольтера, по смерти котораго пріѣзжалъ въ Россію. См. письмо его къ графу А. Р. Воронцову въ V-й книгѣ Архива Князя Воронцова.

жаю. Стало быть, не надо болѣть. Имѣющій уши да слышитъ. Слышите?

2.

Спб., 3-го Марта 1783.

Я была очень огорчена кончиною генерала Бауера. Чертъ побери этихъ докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ: это скоты, жрать имъ сѣно. Они мнѣ еще погубили человѣка, находившагося при мнѣ 33 года; словомъ, не кончишь, если разсказывать вамъ все что̀ я отъ нихъ вытерпѣла этотъ годъ. Томъ между тѣмъ здоровъ, а доктора къ нему никогда не зовутъ.

Не знаемъ, о комъ говоритъ Екатерина въ этомъ письмѣ, что былъ при ней 33 года Генералу Бауеру, передъ его смертью, она послала орденъ Св. Владиміра 1-й степени и написала слѣдующее сохранившееся въ спискѣ между письмами ея къ Гримму письмо.

Письмо Екатерины II-й къ генералу Бауеру.

Господинъ генералъ Бауеръ! Я получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, которое вы мнѣ послали и которое я прочту прежде, чѣмъ отвѣчать вамъ въ подробности. Но мнѣ удивительно, какъ вы такъ прилежно работаете послѣ столь сильной болѣзни. Вы знаете, что я принимаю большое участіе въ вашемъ здоровьи, и потому я прошу васъ убѣдительнѣйше позаботиться о вашемъ выздоровленьи. Признаюсь, что я обрадовалась, увидавъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе увидать васъ вскорѣ совершенно поправившимся. Прощайте. 5 часовъ, 18 Января (1783).

3.

Спб., 9-го Марта 1783.

Господинъ фактотумъ любезнѣйше извѣстилъ меня, что въ Субботу, можетъ быть, отправится курьеръ въ Парижъ, а потому берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что третьяго дня пріѣхалъ Рибасъ и привезъ мнѣ множество писемъ, на которыя должна я написать отвѣты въ три дня, если могу. Срокъ конечно очень короткій въ виду столь обширныхъ депешъ, не считая размышленій, отступленій, диссертацій, примѣчаній и пр., которыя загородятъ мнѣ дорогу; но есть ли возможность удерживать въ сердцѣ что̀ приходитъ на кончикъ пера? Чтобы помочь этому, я рѣшилась послать вамъ что̀ до Субботы окажется положеннымъ на бумагу. Да и для этого мнѣ приходится покинуть вторую эпоху Россійской исторіи, сочиняемую для употребленія Александра и Константина. А читавшіе первую эпоху этой исторіи нашли, что это въ своемъ родѣ сочиненіе озарительное; въ числѣ ихъ князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, господинъ фактотумъ и многіе другіе, люди требовательные. Таковое одобреніе умножаетъ любовь нашу къ сему любезному труду, и мы уже набросали жизнь и подвиги Святаго Владиміра, который, наперекоръ вамъ и людямъ невѣрующимъ, былъ человѣкъ нерядовой. Ахъ, господинъ козелъ отпущенія, не правда ли, что вы уже пронюхиваете, какъ бы достать перевода? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я ста-

новлюсь довольна эпохою по мѣрѣ того какъ подвигаюсь въ обработкѣ слѣдующихъ.

Послѣ этого вступленія, благодарю васъ за румяны, которыми вы желаете, чтобы я расцвѣчивала себѣ лицо. Я хотѣла попробовать, но нашла, что они слишкомъ красны и что пожалуй выду похожа на злючку. Стало быть, не прогнѣвайтесь, не могу послѣдовать этой прекрасной модѣ и одобрить ее, не смотря на то, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы, я теперь въ большой чести, что̀, полагаю, не будетъ продолжительно. Русскія барыни должны быть весьма польщены вниманіемъ и почетомъ, которые имъ расточаются въ Версали. Мнѣ ихъ перепортятъ, и по возвращеніи это будутъ барыни притязательныя.

Я давно знала, что нѣтъ для васъ больше счастія, какъ если подлѣ васъ, по близости, съ боковъ, впереди или позади какое нибудь Германское высочество. Богъ вѣсть, откуда вы умѣете ихъ выкапывать, и они безпрерывно такъ къ вамъ и лѣзутъ. Эта принцесса Мекленбургъ-Шверинская могла сдѣлаться моею невѣсткою. Она стояла третья въ спискѣ; но какъ я знала ея отца и ея дядей, то признаюсь, не пожелала ея. Вѣроятно, она непохожа на нихъ, потому что вы ее находите любезною.

....Что касается до моихъ святыхъ, я беру ихъ [2]) изъ моихъ святцевъ. Когда мнѣ понадобится, я ищу кто между ними послужилъ государству или человѣчеству. Господъ новыхъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра выбрала я изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства, и лишь въ семъ качествѣ они пойдутъ въ рай, если могутъ. Разсердите вы меня, и я вамъ доложу, что Св. Владиміръ былъ дѣдъ королевы Французской, шуринъ императора Оттона II-го, зять императора Константинопольскаго Романа. Одна изъ дочерей его была за Венгерскимъ королемъ Стефаномъ, другая за королемъ Богемскимъ. Стало быть, вы видите, что родство у него было не дурное и, не смотря на то, вы меня все-таки спрашиваете, откуда я взяла его. Стоитъ ли угодить небу и землѣ, чтобы черезъ 900 лѣтъ оставаться въ неизвѣстности? Но за чѣмъ вы безпрестанно говорите мнѣ о Константинополѣ, о муфтіи Абдулъ-Гамида? Скажите г-ну Фаготу, пусть обращается съ грузомъ своимъ къ Французскому посланнику въ Константинополѣ, а не ко мнѣ. И такъ, мой указъ о перемѣнѣ одежды, о прическѣ и побрякушкахъ, изъ-за котораго забыли даже о мирѣ [3]), пришелъ какъ разъ кстати, когда кошельки были пусты, а счеты велики, и вызвалъ лишь философическія разсужденія. Увѣряю васъ, я этого и не воображала. Я такъ привыкла къ злорѣчію относительно меня и страны моей, что не предполагала, что могли думать иначе.—Говорятъ, что Бретёль займетъ мѣсто Верженя; это называется спокойную голову замѣстить горячею. Зельмира ле-

---

[2]) Т. е. для наименованія внучатъ и для учрежденныхъ кавалерственныхъ орденовъ Св. Георгія и Владиміра. Уху иностранца имена эти звучали странно.

[3]) Говорится о мирѣ, заключенномъ между Франціею и Англіею. Рѣчь идетъ о томъ, какъ толковали въ Парижѣ по поводу Екатерининскаго указа о сокращеніи при дворѣ роскоши въ нарядахъ.

житъ, и очень трудно сказать что̀ она такое, потому что она не разжимаетъ зубовъ. Я всячески старалась удовольствовать ее, но мнѣ это не удалось. Подождемъ лѣта; можетъ, она будетъ сообщительнѣе.

На прошлой недѣлѣ я васъ увѣдомляла по почтѣ о пріѣздѣ г-дъ Ланскаго и Лагарпа. Генералъ Ланской бываетъ радъ какъ дитя, когда получаетъ письма отъ васъ; онъ ими хвастаетъ передо мною и говоритъ: ко мнѣ пишетъ, а къ вамъ нѣтъ! Я должна воздать ему справедливость: онъ проникнутъ признательностію и уваженіемъ къ вамъ. Я ему сказала, чтобы впередъ онъ диктовалъ письма къ вамъ[4]), и увѣрена, что вы останетесь довольны его образомъ мыслей и его умомъ. Хорошо сдѣлали, что выпустили на волю Фонтена, который теперь не опасенъ. Критикуйте: «Petro Primo Catharina Secunda» [5]). Я пожелала, чтобы было такъ, потому что мнѣ хотѣлось, чтобы знали, что это я, а не его супруга.—Пожалуста, сдѣлайте милость, купите для Александра карманную печатальную машинку; надо также, чтобъ были буквы и нѣсколько дюжинъ досокъ для отпечатыванія гравюръ. Это будетъ ему великимъ угощеніемъ. Онъ и безъ того бѣгаетъ по фабрикамъ, гдѣ только объ нихъ прослышитъ.

4.

Спб., 19 Апрѣля 1783.

Вы содрогнетесь отъ ужаса, когда узнаете, что для васъ переводится понѣмецки первая эпоха Россійской исторіи, т. е. съ сотворенія міра до 862 года. Въ ней одной около 40 страницъ, и она составляетъ часть Александро-Константиновской библіотеки. Стало быть козлу отпущенія надобно имѣть ее. Кромѣ того вашему превосходительству представится Февей, буквально переведенный пофранцузски, какъ вы того желаете. Вторая эпоха, по крайней мѣрѣ вдвое больше первой, можетъ быть, будетъ кончена и переведена до отправки сего посланія. Она начинается съ 862 года и оканчивается въ серединѣ двѣнадцатаго вѣка. Все это набросано въ теченіи приблизительно трехъ мѣсяцевъ. Это выдетъ противоядіе негодникамъ, уничижающимъ Россійскую исторію, каковы Леклеркъ и учитель Левекъ; оба—скоты и, не прогнѣвайтесь, скоты скучные и гнусные. Заранѣе прошу вашего извиненія за весь этотъ ворохъ. Можете бросить его въ огонь, и также поступить и съ тремя послѣдними эпохами, которыя непосредственно послѣдуютъ за двумя первыми, потому что всѣхъ будетъ пять. Вы скажете, что ея величество стала скучна и нелѣпа. Какъ быть? Тонъ и умъ всякаго человѣка обусловлены его положеніемъ. Таково мое. Не пожалѣете ли вы моихъ мальчугановъ, что имъ придется переваривать такіе большіе куски? Покамѣстъ они принялись учиться, писать и рисовать. Учителя говорятъ про Александра, что успѣхи его удивительны по его возрасту, что другія дѣти бѣгаютъ отъ учителей, а ему все

---

[4]) Позднѣе Екатерина ради шутки писала Гримму, яко бы отъ имени Ланскаго, который будто бралъ ее себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку.

[5]) Петру Первому Екатерина Вторая—извѣстная надпись на памятникѣ.

мало, сколько бы они ни сидѣли съ нимъ; но они старательно наблюдаютъ, чтобы не засиживаться. Нынѣшнею зимою мы открыли въ Александрѣ странное желаніе. Однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ женщинъ, съ которою онъ любитъ возиться, и настойчиво просилъ ее сказать, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала, что повидимому у него черты матери. «Это не то», сказалъ онъ, «о чемъ я спрашиваю: нравомъ и обращеніемъ на кого я похожъ?» Женщина сказала ему: «Этимъ вы, мнѣ кажется, походите скорѣе на бабушку, чѣмъ на кого другаго». — «Ахъ, вотъ этого мнѣ хотѣлось узнать!» сказалъ онъ, бросился къ ней на шею и сталъ цаловать за то, что она ему сказала.

Генералъ Ланской готовитъ для васъ особую посылку, которая займетъ цѣлый уголъ вашей комнаты. Бромптонъ [6]) умеръ, не кончивъ начатаго портрета; но вы увидите, что выборъ генерала Ланскаго недуренъ. Богъ вѣсть, откуда онъ умѣетъ это выкапывать; каждое утро онъ рыскаетъ по всѣмъ мастерскимъ, и у него есть свои козлы отпущенія, которыхъ онъ заставляетъ работать словно каторжниковъ; въ моей галлереѣ ихъ слишкомъ полдюжины, и онъ ежедневно доводитъ ихъ до изступленія. Одного изъ нихъ онъ зоветъ Брудеръ; у остальныхъ тоже имѣются прозвища, но я готова биться объ закладъ, что онъ не знаетъ ихъ по имени.

5.

Царское Село, 20 Апрѣля 1783, въ 7 часовъ утра.

Вчера вступилъ въ дѣйствіе капитулъ Святаго Георгія. У него денегъ 260 тысячъ р., которые г-нъ гросмейстеръ позаботился собрать независимо отъ доходовъ ордена. Послѣ этого подвига я возвратилась сюда, гдѣ меня ожидало печальнѣйшее извѣстіе о кончинѣ князя Орлова. Онъ умеръ въ Москвѣ, въ ночь съ 12 на 13 число этого мѣсяца. Хотя горестное событіе это вовсе не было для меня неожиданностью, но признаюсь вамъ, я почувствовала живѣйшую скорбь. Въ немъ я теряю друга и общественнаго человѣка, которому я безконечно обязана и который оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Меня утѣшаютъ, и я сама говорю себѣ все что̀ можно сказать въ подобныхъ случаяхъ; но отвѣтомъ на эти доводы служатъ мои рыданія, и я страдаю жестоко съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе. Только занятія меня развлекаютъ и, не имѣя здѣсь съ собою бумагъ моихъ, я пишу къ вамъ для своего облегченія. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобы помочь мнѣ въ перенесеніи горя, но это только растрогиваетъ меня еще больше. Любопытно, что графъ Панинъ умеръ 14 или 15 дней прежде князя Орлова, и такимъ образомъ Панинъ не узналъ о смерти Орлова, а Орловъ не могъ узнать о смерти Панина. Они были совсѣмъ разныхъ мнѣній и вовсе не любили другъ друга: какъ они удивятся, встрѣтившись опять на томъ свѣтѣ! И то сказать, больше сходства у во-

[6]) Живописецъ, писавшій портретъ Екатерины.

ды съ огнемъ, чѣмъ у нихъ. И оба они столько лѣтъ были моими ближайшими совѣтниками! И однако дѣла шли, и шли большимъ ходомъ. За то часто мнѣ приходилось поступать, какъ Александру съ Гордіевымъ узломъ, и тогда противорѣчивыя мнѣнія приходили къ соглашенію. Одинъ отличался отвагою ума, другой мягкимъ благоразуміемъ, а ваша покорнѣйшая услужница слѣдовала между ними укороченнымъ скокомъ (kurz Galop), и ото всего этого дѣла великой важности принимали какую-то мягкость и изящество. Вы мнѣ скажете: «Какъ же быть теперь?» Отвѣтствую: «Какъ сможемъ». Во всякой странѣ всегда есть люди, нужные для дѣлъ, и какъ все на свѣтѣ держится людьми, то люди могутъ и управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; въ отвагѣ, по моему, онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что̀ могло окончательно направить дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ случаѣ нужды онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, которой никто не могъ противостоять, потому что онъ умѣлъ колебать умы, а его умъ не колебался никогда. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности по отношенію къ предметамъ, которые въ его глазахъ не стоили заботы, и лишь немногіе предметы удостоивалъ онъ своей заботы или скорѣе труда своего, ибо занятъ былъ однимъ предметомъ [7]. Отъ этого онъ казался небрежнымъ и неуважительнымъ больше, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и онъ былъ лѣнивъ ко всему, что̀ внезапно не приходило ему въ голову. Графъ же Панинъ былъ лѣнивъ по природѣ и обладалъ искусствомъ придавать этой лѣности видъ благоразумія и разсчитанности. Онъ не былъ одаренъ ни такою добротою, ни такою свѣжестью души, какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они были у него великіе.

28 Апрѣля 1783. Сегодня Александръ опять пришелъ просить книги. Вотъ завзятый читатель! Я поскорѣе сунула ему книгу для чтенія въ образцовыхъ училищахъ, чтобъ поскорѣе отъ него отдѣлаться, и посулила дать ему первую эпоху Россійской исторіи. Это сильно, и будетъ очень умно, и притомъ очень весело, и пятое слово всегда бабушка, такъ что дай ему волю. онъ уже давно поселился бы у меня въ комнатѣ. Но полно; нечего вамъ надоѣдать нашимъ хозяйствомъ, которое очень забавно и очень многихъ потѣшаетъ.

Слушайте однако: не слѣдуетъ вамъ болѣть, и когда вы больны, обращайтесь съ болѣзнью какъ я, т. е. не подбавляйте къ ней боли или доктора. Боль и докторъ стали у меня однозначущими словами. Эти дьяволы морили меня много разъ; по крайней мѣрѣ они никого не вылѣчили. Мѣсяца два назадъ, у меня начиналась горячка; семь дней я пролежала въ постели, но ни одинъ Эскулапъ не перешагнулъ порога моей комнаты.

---

[7]) Т. е. приверженностью къ Государынѣ.

6.

Царское Село, 1 Іюля 1783, въ 10 ч. утра.

Только что я возвратилась изъ саду (гдѣ оставила Александра и Константина, по шею въ ручьѣ, съ сѣтью, которою они ловятъ рыбу), какъ синьоръ фактотумъ возвѣстилъ мнѣ, что онъ отправляетъ нарочнаго вѣстника въ мѣсто вашего пребыванія и предписываетъ мнѣ имѣть на готовѣ депеши, долгія или короткія. И такъ хорошо, чтобъ вы узнали, что 8 числа сего мѣсяца я ѣду въ Финляндію на свиданіе въ Фридрихсгамъ съ братомъ и кузеномъ моимъ королемъ Шведскимъ. Прощаясь съ нимъ въ Петергофѣ, мы уговорились, что, если онъ пріѣдетъ въ свою Финляндію, я отправлюсь въ свою и что командующій въ томъ мѣстѣ войсками графъ Брюсъ помѣститъ насъ въ Фридрихсгамскихъ клѣтушкахъ. Когда вы получите эти строки, все это будетъ уже давнопрошедшимъ, потому что я останусь тамъ всего три дня.

По общему отзыву, Царское Село нынѣшнею весною сущій рай. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ отличнѣйшая погода, и я гуляю сколько могу. Оно мнѣ, правду сказать, и нужно послѣ всѣхъ горестей и понесенныхъ мною утратъ: съ 14 Октября я не знала покою, и смерть князя Орлова свалила меня въ постель; ночью у меня сдѣлалась такая сильная лихорадка съ бредомъ, что 1 Мая въ полдень принуждены были пустить мнѣ кровь. Я не говорю вамъ о вашей потерѣ, потому что не надо питать мрачныя мысли и подновлять ихъ. Будьте увѣрены, что я раздѣляла ваши горести, какъ убѣждена, что и вы принимали участіе въ моихъ [8]).

3 Іюня. Поговоримъ о пріятныхъ предметахъ. Если бы вы видѣли, какъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, ходитъ за плугомъ, боронуетъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощью Константина принимается за ловлю рыбы. Они отдѣляютъ щукъ особо, потому что, говоритъ онъ, щука ѣстъ другихъ рыбъ, стало быть надо ее удалить отъ нихъ. Чтобы отдохнуть, онъ отправляется къ своему учителю чистописанія или къ тому, кто его учитъ рисовать. Тотъ и другой обучаютъ его по методѣ образцовыхъ училищъ. Все это мы дѣлаемъ изъ собственной охоты, съ одинаковымъ усердіемъ и даже не замѣчая, что мы все это дѣлаемъ. Насъ ни къ чему не принуждаютъ; отъ этого мы веселы и живы какъ рыбка. Ни брани, ни дутья, ни упрямства, ни слезъ, ни криковъ. Беремся за чтеніе книги съ тѣмъ же расположеніемъ, какъ вскакиваемъ въ лодку, чтобы грести, и надо посмотрѣть на насъ, когда мы въ лодкѣ! У Александра удивительная сила и гибкость. Однажды генералъ Ланской принесъ ему панцырную рубашку, которую я едва могу поднять рукою; онъ схватилъ ее и принялся съ нею бѣгать такъ скоро и свободно, что насилу можно было его поймать.

---

[8]) 15 Апрѣля 1783 скончалась сожительница б. Гримма, г-жа д'Эпинэ.

7 Іюня. Вотъ моя поѣздка въ Фридрихсгамъ отложена или отсрочена, такъ какъ Шведскій герой, по неловкости и неискусству въ верховой ѣздѣ, упалъ съ лошади и разбилъ себѣ правую руку вкось между плечомъ и локтемъ. Съ этою прекрасною новостью онъ прислалъ ко мнѣ своего камергера. «Я могла бы обойтись безъ подобныхъ вѣстей», велѣла я сказать ему: «люблю добрыя вѣсти, а не дурныя».

10 Іюня. Сей часъ принесли мнѣ табакерку, которую покойный генералъ Бауеръ по моему приказанію велѣлъ сдѣлать для г-на Бюффона. Она изъ камня, которымъ мостятъ дорогу отъ Петербурга до Петергофа. Покойный Бауеръ увѣрялъ, что это тотъ же камень, что̀ открыли въ Лабрадорѣ; онъ принимаетъ всевозможные цвѣта, по мѣрѣ того, какъ его обтачиваютъ. Кто-то въ Академіи хвалился, что у него есть такой маленькій камень, и тогда Бауеръ обѣщалъ ему на другой день прислать телѣгу, нагруженную имъ. Ящичекъ, сдѣланный изъ него, я показывала графу Бюффону-сыну. Пожалуста, г-нъ козелъ отпущенія, пошлите отъ меня этотъ ящичекъ графу Бюффону-отцу, чтобы онъ рѣшилъ, имѣетъ ли камень какую важность.

7.

Царское Село, 16 Августа 1783.

Моя заздравная поминальная книжка на дняхъ умножилась барышней, которую, въ честь ея старшаго брата, назвали Александрою. По правдѣ сказать, я несравненно больше люблю мальчиковъ, нежели дѣвочекъ.

Когда генералъ Ланской узналъ, что вы не успѣли купить собраніе древнихъ камней, съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ, и онъ едва не задохся. Извѣстіе о томъ пришло черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ страшно ушибся, упавъ вмѣстѣ съ лошадью, отчего многіе дни пролежалъ въ постели. Теперь онъ совсѣмъ поправился, и хотя сдавилъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря отличному своему сложенію, повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій.

Кажется, я позабыла вамъ сказать, что видѣлась въ Фридрихсгамѣ съ любезнѣйшимъ братомъ моимъ донъ-Густавомъ и нашла его одѣтымъ поиспански, съ подвязанною рукою, которую онъ вывихнулъ или сломалъ, двѣ недѣли до нашего свиданія, въ своемъ лагерѣ при Тавастгусѣ. Изъ этого Шведскаго лагеря пріѣзжало въ Фридрихсгамъ множество офицеровъ, принадлежащихъ по большей части къ лучшимъ фамиліямъ Швеціи. Цѣлый день они ходили взадъ и впередъ передъ моими окнами, а надо сказать, что весь Фридрихсгамъ-то въ 260 туазовъ длиною. Это мнѣ показалось довольно страннымъ, и я сказала Шведскому королю: «Отчего вы не приведете ихъ ко мнѣ? Я бы очень желала поближе ихъ увидать». Онъ отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ приличнаго одѣянія, чтобы явиться передо мною; прилично же одѣться значило у него снять Шведскій мундиръ и надѣть Испанскій нарядъ чернаго и алаго цвѣта. Мнѣ надоѣли эти околичности, и я вздумала поступить по своему: когда они проходили мимо моихъ оконъ, я заговаривала съ ними въ его присутствіи (мое

помѣщеніе было внизу). Я видѣла графа Крейца, который пріѣхалъ въ Финляндію прямо изъ Парижа; у него не было кармана въ его Испанской накидкѣ, и онъ принужденъ былъ класть себѣ въ шляпу то, что̀ кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ страшно надоѣдало это Испанское чудно̀е убранство. Замѣтьте, что мои люди имѣли глупость не взять другаго платья кромѣ того, какое я обыкновенно ношу во время моихъ поѣздокъ, такъ что дворъ Россійскій и дворъ Шведскій совсѣмъ не походили одинъ на другой.

8.

Спб. 20 Сентября 1783.

Этотъ годъ былъ и для васъ, какъ для меня, роковымъ. Болѣзни и горести смѣнялись у меня по очереди: приходилось безпокоиться за каждаго изъ близкихъ мнѣ людей. Въ теченіи лѣтнихъ жаровъ я захватила кашель и думала, что у меня сдѣлается чахотка; князь Потемкинъ чуть не умеръ; генералъ Ланской едва не сломилъ себѣ шеи и шесть недѣль былъ боленъ. Вотъ при какихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна. Боюсь еще, чтобъ не умеръ фельдмаршалъ князь Голицынъ [9]). Состояніе его здоровья мнѣ вовсе не нравится. Это отличный и честный человѣкъ, къ которому я очень привыкла, котораго люблю и уважаю.

Надо полагать, что синьоръ Скородумовъ существо очень лѣнивое: съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, рѣшительно никому онъ ничего не сдѣлалъ. Да благословитъ Богъ дарованія г-на Щедрина и избавитъ его отъ всякаго пенсіона, убивающаго дарованія въ художникахъ.

Мнѣ досадно, что вы тратите время съ людьми въ родѣ Гюльзена: это отъявленный глупецъ. Представьте, что онъ бросался въ ноги къ покойному графу Панину, умоляя его открыть ему тайну Масонскаго всецѣлебнаго лѣкарства. Онъ думалъ, что Панинъ владѣлъ этою тайною. Тоже дѣлалъ онъ и со многими другими лицами.

21 Сентября. Я въ восхищеніи отъ довѣрія, которое вы мнѣ оказываете, и по истинѣ раздѣляю ваши печали и заботы, какъ вы раздѣляли мои по поводу незамѣнимыхъ понесенныхъ мною утратъ въ князѣ Орловѣ и Бауерѣ. Я не могу о нихъ вспомнить и не расплакаться, и передъ тѣмъ какъ ѣхать въ Фридрихсгамъ, я уговорилась съ Шведскимъ королемъ, чтобъ онъ со мною не заводилъ о нихъ рѣчи. Онъ такъ и сдѣлалъ; но я сама стала вспоминать ихъ.

Я передала генералу Ланскому про ваше желаніе, чтобъ кто нибудь изъ Ланскихъ всегда былъ въ дорогѣ. Онъ мнѣ выразилъ свое удовольствіе по поводу вашего отзыва, что Ланскіе отлично исполняли свои обязанности. Я ему ежедневно говорю, что все ихъ племя отъ природы доброе; самъ же онъ перлъ изо всего племени, потому что никто, даже Базиль, не стоитъ своего дяди [10])

---

[9]) Князь Александръ Михаиловичъ, покоритель Хотина. Екатерина говаривала, что онъ храбрѣе Румянцова.

[10]) Вѣроятно Екатерина описалась и хотѣла сказать: своего двоюроднаго брата.

13 Октября. Слушайте: сказать правду, Зельмира не слыветъ у насъ за умную женщину; но я знаю за нею умѣнье заставить другихъ хохотать, и повидимому она любитъ всякое живое упражненіе; поэтому я не раздѣляю общаго о ней мнѣнія. Мнѣ кажется, что она застращена своимъ медвѣдемъ, и этотъ страхъ поддержанъ невѣсткою во время поѣздки медвѣдя въ Херсонъ (онъ оттуда возвратился). Оттого Зельмира боится раскрыть ротъ. Впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ. Я подозрѣваю, что матушка, какъ и батюшка, не изъ орлиной породы. Зельмира не получила выдержки, какъ слѣдовало бы предполагать. У насъ ея не находятъ ни умною, ни любезною, потому что она постоянно задумчива и молчалива.

19 Декабря. Читали вы когда Индѣйскія басни Бидпая и Локмана? Знаете ли, что всѣ новые писатели, даже Монтескье и Вольтеръ, дѣлали оттуда похищенія? Вотъ великолѣпное открытіе, которое я сдѣлала нынѣшнею зимою. Кстати, поздравляю васъ съ воздушными колесницами, летающими вокругъ вашихъ головъ[11]). Когда они усовершенствуются, очень пріятно будетъ съѣздить отсюда въ Парижъ въ три дня. На всякій случай, я велю держать на готовѣ для васъ топленныя комнаты. Говорю: топленныя, потому что уже три дня нашъ градусникъ колеблется между 18 и 27°.

Я могла бы написать вамъ цѣлую книгу о прекрасныхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, сочиняя или портя вторую эпоху Россійской имперіи; но большую часть моихъ размышленій я помѣщу въ нѣкотораго рода обозрѣніи, которое послѣдуетъ за второю эпохою, и послѣ этого обозрѣнія я кончу свою работу, потому что въ Москвѣ, въ Архивѣ, подначальные покойнаго Миллера сочиняютъ для образцовыхъ училищъ Россійскую исторію гораздо лучше моей. Можетъ быть, я постараюсь къ каждой эпохѣ написать по обозрѣнію на мой ладъ. Что̀ вы объ этомъ думаете?

9.

Спб., наканунѣ Рождества Христова 1783.

Благодарю васъ за посмертныя сочиненія Монтескье и за превосходные раскрашенные эстампы съ изображеніемъ шара-аэростата. О небо! Даруй имъ поскорѣе перья, дабы ни одинъ изъ дѣлающихъ опыты не сломалъ себѣ шеи, падая съ высоты. Какъ вы ни прибудете, по землѣ, водѣ или воздуху, всегда будете желаннымъ гостемъ. Хотя Кельнскій газетчикъ и говоритъ, что императрица умерла, но она чувствуетъ себя лучше, чѣмъ во многія другія зимы; я же вовсе не лгу. Когда я приказывала просить Саксонскаго курфирста, чтобы онъ позволилъ графу Ангальту перейти ко мнѣ въ службу, онъ отказался на отрѣзъ; но графъ Ангальтъ, узнавъ о томъ, подалъ въ отставку, чего онъ и прежде желалъ и, уволившись отъ Саксонской службы, поступилъ въ мою. Вотъ стало быть здѣсь теперь однимъ другомъ прибыло козлу отпущенія.

---

[11]) Т. е. съ изобрѣтенными тогда аеростатами.

1784 годъ.

1.

28-го Марта 1784.

Я написала прекрасную инструкцію для воспитанія господъ Александра и Константина. Пришлю вамъ ее, когда мнѣ переведутъ ее какъ должно. Покамѣстъ, эти благородные господа забавляются, подъ руководствомъ Нѣмца-столяра, господина Майера, изученіемъ столярнаго искусства и добрую часть дня пилятъ, полируютъ и пр. Неправда ли, забавно, что будущіе государи воспитываются учениками столярнаго дѣла. Но игрушки прискучили Александру, и столярное искусство заступило мѣсто игрушекъ. Имъ занято наше время, и устранено бездѣлье. Лагарпъ будетъ въ числѣ состоящихъ при Александрѣ такъ, чтобы онъ говорилъ съ нимъ не иначе какъ по-французски. Другому поручено говорить съ нимъ понѣмецки. По англійски онъ уже говоритъ. Вообще наше маленькое дѣло въ ходу, сообразно нашимъ силамъ. Разскажу вамъ замѣчательную черту его. Братъ его простудился, и ему запретили подходить къ окну, которое выходитъ на балконъ и изъ котораго дуло. Малютка, очень шаловливый, безпрестанно подходилъ къ окну; на паркетѣ сдѣлали черту и приказали, чтобъ онъ не переступалъ за нее. Но тотъ все таки переступилъ. Тогда старшій говоритъ ему: «Братецъ! Когда мнѣ приказываютъ не ходить дальше, я, чтобы не забыть, нарочно провожу въ мысляхъ черту позади той, которая мнѣ назначена, и коль скоро изъ шалости я переступлю эту мою черту, тотчасъ припомню, что не надо переступать другую».

5-го Апрѣля. Если бы вы видѣли, какъ генералъ Ланской вскакиваетъ и хвастаетъ при полученіи вашихъ писемъ, какъ онъ смѣется и радуется при чтеніи! Онъ всегда огонь и пламя, а тутъ весь становится душа, и она искрится у него изъ глазъ. О, этотъ генералъ существо превосходнѣйшее. У него много сходнаго съ Александромъ. Этимъ людямъ всегда хочется до всего коснуться, и я страхъ какъ боюсь, чтобы любезный вашъ генералъ не сдѣлался аптекаремъ. Какой-то Англичанинъ прислалъ ему всевозможныхъ и самыхъ лучшихъ аптекарскихъ снадобьевъ, и у него такъ и чешутся руки, чтобы разлагать, соединять и смѣшивать эти вещества. Не ручаюсь, чтобъ въ эти три дня, безпрестанно разбирая свои снадобья, онъ уже собственноручно не попотчивалъ ими кого нибудь изъ своихъ Калмыковъ и Татаръ, живущихъ у него на заднемъ дворѣ. А поводъ прекрасный: съ наступленіемъ Пасхи немало бываетъ желудочныхъ болѣзней въ нашей благочестной странѣ.

2.

Царское Село, 8 Мая 1784.

Гоните, гоните печальныя мысли. Они годятся только на то, чтобы мучить людей. Я желаю, чтобъ вы одержали побѣду въ этой

борьбѣ [1]). Поглядите кругомъ себя и не предавайтесь ощущенію одиночества. Будьте увѣрены, что всякій разъ какъ вамъ приходитъ на умъ, что я васъ забыла или равнодушна къ вашей участи, вы ошибаетесь и набиваете себѣ голову вздоромъ. Я знаю, что возраженія эти не столь вѣжливы и лестны, сколько правдивы; но вѣдь всякій думаетъ и пишетъ какъ можетъ. Понимаете, козелъ отпущенія? Я очень рада, что въ вашихъ глазахъ я не мраморная статуя и что вы знаете, какъ, даже въ то время, какъ улаживались Крымскія дѣла, я не переставала сочувствовать вашему горю. 1783 годъ былъ несчастливъ для меня и для васъ; но вообще я замѣчала, что мои тяжкія горести сопровождаются событіями радостными и славными: госпожа Таврида стоила мнѣ много слезъ вслѣдствіе утратъ, мною понесенныхъ и мнѣ угрожавшихъ.—Зачѣмъ вы питаетесь печальными мыслями, и въ васъ замѣчается какое-то отшельничество? Къ чему это? Повѣрьте мнѣ, надо продолжать жить, какъ вы привыкли, безъ всякаго измѣненія; для здоровья нужно продолжать жить, какъ живешь.

3.

Письмо отъ имени А. Д. Ланскаго.

Царское Село, 10 Мая 1784.

Милостивый государь! Двоюродный братъ мой Иванъ Ланской доставилъ мнѣ письмо, которымъ вамъ угодно было снабдить его для меня, а равно и драгоцѣнную эмаль съ изображеніемъ дражайшей нашей Императрицы. Прошу васъ принять мою искреннѣйшую благодарность за таковое исполненіе моихъ желаній и за участіе вами выражаемое по поводу новыхъ милостей и отличій, коими Ея Императорское Величество меня удостоила. Изъ вниманія къ доброму вашему мнѣнію о секретарѣ моемъ [2]), который за излишнюю болтливость подвергся было моей немилости, я снова взялъ его къ себѣ, и онъ самолично чертитъ настоящія строки. Я велѣлъ ему засвидѣтельствовать вамъ, что мною ежедневно дѣлаются извлеченія изо всего что̀ я читаю. Сюда входитъ все что̀ мнѣ покажется полезнаго и пріятнаго, и секретарь мой утверждаетъ, что извлеченія сіи драгоцѣнны, представляя собою квинтъ-эссенцію полезнаго и пріятнаго изъ прочитанныхъ мною книгъ. Кромѣ того онъ говоритъ, что выборъ мой недуренъ и что сими извлеченіями я лучше всего изображаю себя самого. Такъ отзывается мой секретарь; я же тутъ не причемъ, не хвастаю и продолжаю идти своимъ путемъ. Я люблю то что̀ люблю, и любимое кажется мнѣ хорошимъ. Секретарь мой говоритъ, что оно въ самомъ дѣлѣ не только хорошо, но и превосходно, и само по себѣ и относительно вкуса и выбора.

Съ чувствами отличнаго почтенія и дружбы имѣю честь быть и пр.

Ланской.

---

[1]) Гриммъ передъ тѣмъ лишился своей г-жи д'Эпинэ, которая была въ теченіи долгихъ лѣтъ ему сожительницею и другомъ. На внучкѣ ея, такъ называемой Эмиліи, сосредоточились теперь сердечныя привязанности уже престарѣлаго Гримма.

[2]) Т. е. о самой Екатеринѣ.

4.

Царское Село, 10-го Мая 1784.

Что̀ бы тамъ ни говорилъ вамъ про меня графъ Гага [3]), для него я прескучная особа, скучная до смертельной зѣвоты; но онъ въ томъ не смѣетъ признаться, потому что у насъ есть страстишка придавать цѣну тому, что̀ цѣнится другими, а сами мы въ сущности остаемся къ тому безучастны; и потому еще, что мы вовсе не то, чѣмъ хотимъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы считали нужнымъ каждый день, съ четырехъ часовъ до шести, проводить время одинъ на одинъ съ вашей покорнѣйшей услужницей, Богъ знаетъ для какой радости; кажется, для того только, чтобы другіе видѣли. Ужъ мы, бывало, говоримъ, говоримъ, и, бывало, замѣтивъ, что онъ зѣваетъ и желая положить конецъ болтовнѣ, я, какъ скоро заслышу, что есть какая нибудь человѣческая душа въ пріемной, отворяю дверь, чтобы избавить ихъ Шведское и Россійское величества отъ этихъ скучныхъ и нелѣпыхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ. Отъ этого я смерть какъ потѣла, что̀ немало способствовало тому, что я простудилась прошедшимъ лѣтомъ, такъ какъ это продолжалось цѣлыхъ шесть дней.

В ѣ с т и, к о т о р ы х ъ в ы т р е б у е т е. Императрица въ текущемъ 1784 году въ Херсонъ не поѣдетъ, если только вы не добудете ей летучей колесницы, нарочно для этой цѣли [4]).

Въ Парижъ она не поѣдетъ никогда, даже для того, чтобы повидаться съ вами; опять развѣ добудете летучую колесницу. Меня туда ничто не манитъ: ни братецъ Гага, ни папа, кромѣ одного козла отпущенія.

Ну, полно вамъ хныкать: лѣто никогда еще не проходило безъ листьевъ, по сказанію Бюффона, а козелъ отпущенія не оставался безъ писемъ; они у него были, есть и будутъ. Кстати, надо вамъ знать, что ея величество, дражайшая императрица, вчера изобразила въ видѣ рисунковъ для медалей весь первый періодъ Россійской Исторіи, и что генералъ Ланской, увидавъ эти наброски, сказалъ мнѣ, что это прелестное произведеніе. Дѣло въ томъ, что этотъ генералъ начинаетъ исправлять должность вашего намѣстника, т. е. когда сдѣлаютъ что нибудь такое, чѣмъ хотятъ похвастать, то показываютъ ему.

---

[3]) Т. е. король Шведскій Густавъ III-й, ѣздившій въ этомъ году по Европѣ и находившійся передъ тѣмъ, какъ писано это письмо, въ Парижѣ. Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ Государыня назвала его пиковымъ королемъ и писала: «Теперь онъ у васъ. Хотите, чтобъ онъ зѣвалъ: говорите ему о дѣлахъ серьезныхъ и вызывайте на разсужденіе дѣльное; хотите заслужить полное его расположеніе: станьте, повернувши спину, передъ зеркаломъ и говорите съ нимъ про стихи, пѣсни, комедіи и уборы, и тогда, глядясь въ зеркало, онъ долго не уйдетъ отъ васъ. Если онъ вамъ говоритъ, что любитъ меня, не вѣрьте: мы съ нимъ сходимся, какъ кругъ съ четыреугольникомъ».

[4]) Намекъ на изобрѣтенные передъ тѣмъ аэростаты.

Какъ же не любить тѣхъ, кто насъ любитъ? Если меня любятъ, то и я люблю. Я полагаю, что Таврида имя Греческое, а Крымъ — Татарское. Если вы только этого ждали, чтобы помириться, то вамъ бы уже давно слѣдовало заключить мировую.

Посылаю вамъ писанные на фарфорѣ медальоны Александра и Константина: вы должны имѣть ихъ. Въ физіономіи младшаго вы замѣтите много сходства съ Петромъ I-мъ.

Большая фабрика въ Итальянскомъ стилѣ, которую господа Ланской и Гваренги вмѣстѣ строятъ, ломаютъ, перестроиваютъ, воздвигаютъ вновь, находится на площади противъ зимняго дворца [5]).

На Адмиралтейскую площадь будутъ переведены всѣ Коллегіи, Сенатъ и присутственныя мѣста, и набережная будетъ продолжена.

5.

19 Мая 1784. Царское.

Слушайте, козелъ отпущенія, что̀ я вамъ скажу. Вольтерова статуя, работы Гудона, выложена и поставлена въ Утренней залѣ [6]). Тамъ ее окружаютъ Антиной, Аполлонъ Бельведерскій и много другихъ статуй, модели которыхъ привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то буквально захватываетъ у тебя духъ и, о чудо! Вольтеръ работы Гудона не терпитъ изъяна отъ своего окруженія. Онъ помѣщенъ отлично и созерцаетъ все что̀ есть прекраснѣйшаго между древними и новыми статуями. Господинъ козелъ отпущенія припомнитъ, что въ залѣ этой одна дверь выходитъ на озеро, а другая на очень густую просѣку. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ Вольтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами.

Другая новость: сиръ Томъ Андерсонъ околѣлъ нынѣшнею зимою и положенъ съ своею надписью позади гранитной пирамиды. У меня не хватило еще духу пойти туда, и я объявила объ его смерти только нынче. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ.

6.

Царское Село, 7 Іюня 1784.

Я встала въ шесть съ половиною часовъ и занесла въ нѣкую записку, которую я веду и которая у насъ называется матеріалами, слѣдующія слова: «Монастыри и общины суть плохіе наслѣдники. Они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ чуръ хорошо, такъ что нарушаютъ справедливость». Прекрасное это умозаключеніе тотчасъ породило во мнѣ желаніе написать вамъ, что вчера во второй разъ я слышала пѣніе удивительной Тоди, и что пѣвица эта, по моему единственная въ своемъ родѣ, чрезвычайно какъ взбудоражила мнѣ голову. Она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства состоятъ

---

[5]) Говорится о домѣ, который строился для Ланскаго.

[6]) Такъ называется бесѣдка въ Царскосельскомъ саду, близъ озера. Знаменитая статуя Вольтера, послѣ разныхъ и знаменательныхъ перемѣщеній, находится нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ поднятіи душъ, какъ у людей ученыхъ, такъ и у невѣждъ. Сказавъ вамъ это, прошу васъ мнѣ сказать, какъ и почему первая и вторая мысль сцѣпились и послѣдовали другъ за другомъ въ моей головѣ; я же не вижу въ нихъ никакаго сродства, развѣ сроднило ихъ мое желаніе сообщить вамъ ту и другую.

2 Іюля Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мнѣ было весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются. Теперь уже не то: я погружена въ глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшаго друга, постигшей меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, дѣлалъ успѣхи, усвоилъ себѣ мои вкусы. Это былъ юноша, котораго я воспитывала, признательный, съ мягкой душой, честный, раздѣлявшій мои огорченія, когда онѣ случались, и радовавшійся моимъ радостямъ. Словомъ, я имѣю несчастіе писать вамъ рыдая. Генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ [7]). Злокачественная горячка, въ соединеніи съ жабой, свела его въ могилу въ пять сутокъ, и моя комната, въ которой мнѣ прежде было такъ пріятно, превратилась въ пустыню. Наканунѣ его смерти я схватила горловую болѣзнь и жестокую лихорадку; однако со вчерашняго дня я встала съ постели, но слаба и до такой степени болѣзненно разстроена въ настоящее время, что не въ состояніи видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ. Не знаю, что̀ будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшій и дорогой другъ покинулъ меня. Я открыла ящикъ письменнаго стола, нашла тамъ этотъ начатый листокъ, написала эти строки, но затѣмъ силы измѣняютъ мнѣ.

7.

Спб., 9-го Сентября 1784.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ послѣднее, отъ 11 (22) Августа, требуетъ спѣшнаго отвѣта.

Признаюсь, за все это время я была не въ силахъ писать вамъ, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ мое Іюльское письмо, ко мнѣ пріѣхали графъ Орловъ и князь Потемкинъ. До этой минуты я не могла выносить человѣческаго лица. Оба они взялись за дѣло, умѣючи. Они начали съ того, что принялись выть за одно со мною; тогда я почувствовала, что мнѣ съ ними по себѣ, но до конца еще было далеко. Отъ слишкомъ сильно возбужденной чувствительности я сдѣлалась безчувственной ко всему, кромѣ одного горя; это горе росло каждую минуту и находило себѣ новую пищу на каждомъ шагу, по поводу каждаго слова. Не подумайте впрочемъ, чтобы, не взирая на весь ужасъ моего положенія, я пренебрегла хотя бы по-

[7]) Скончался 25 Іюня 1784 года, въ Царскомъ Селѣ.

слѣдней малостью, для которой требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ обращались за приказаніями по всѣмъ дѣламъ, и я распоряжалась какъ должно и съ пониманіемъ дѣла, что̀ особенно изумляло генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ всякаго облегченія; наконецъ, стали наступать промежутки, сперва только часы, болѣе спокойные, потомъ и цѣлые дни. Такъ какъ начиналась осень и становилось сыро, въ Царскомъ Селѣ пришлось топить комнаты; въ моихъ стало дымить, и такъ сильно, что вечеромъ пятаго Сентября, не зная, куда дѣваться, я велѣла подать карету и пріѣхала нечаянно, когда никто не ожидалъ, сюда въ городъ, гдѣ высадилась въ Эрмитажѣ; вчера въ первый разъ выходила къ обѣднѣ и въ первый же разъ, стало быть, опять видѣла всѣхъ, и меня всѣ видѣли. Но, признаюсь, это стоило мнѣ такаго усилія, что, возвратясь къ себѣ въ комнату, я почувствовала упадокъ силъ, и всякій другой непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, чего со мною отродясь еще не бывало.

Теперь поговоримъ о главныхъ пунктахъ вашего письма. Когда Эмилія будетъ выходить замужъ, подарите ей отъ моего имени двѣнадцать тысячъ рублей, а если у васъ нѣтъ моихъ денегъ, трассируйте на насъ. Только чтобы это не попало въ газеты.

Выдайте вдовѣ Дидерота тысячу рублей; это составитъ пенсіонъ за пять лѣтъ впередъ, по двѣсти ливровъ въ годъ. На всѣ другіе пункты вашего письма дамъ отвѣтъ въ другой разъ; теперь вы извините: право, пишучи къ вамъ, дѣлаю усиліе надъ собой, потому что чувствую себя слабою послѣ Богъ знаетъ сколькихъ всякаго рода лихорадокъ, которыя я перенесла за послѣдніе два съ половиной мѣсяца. Въ это время я прочла полдюжины Русскихъ лѣтописей и три тома «Первобытнаго Міра». Знакомы вы съ этой книгой? Еще я добыла себѣ всякихъ словарей, какіе только можно было сыскать, между прочимъ Финскій, Черемисскій, Вотяцкій, и теперь всѣ мои столы завалены этимъ добромъ. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и скоро буду въ состояніи доказать, что Славянамъ обязаны своими названіями бо̀льшая часть рѣкъ, горъ, долинъ и мѣстностей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ.

Очень обязана вамъ за предложеніе пріѣхать сюда; но совѣтую не дѣлать этого, потому что или мнѣ будетъ суждено умереть на вашихъ глазахъ, или вамъ на моихъ, что̀ будетъ слишкомъ грустно для того изъ насъ, который переживетъ другаго. Не говорите мнѣ о покупкахъ, особенно извѣстнаго рода [8]). Уже очень давно я покупала не для себя.

8.

14-го Сентября 1784.

Все меня огорчаетъ, а я никогда не любила быть жалкою. Видно, отъ подобнаго состоянія не умираютъ, такъ какъ я вотъ осталась жива и только шесть дней пролежала въ постели.

---

[8]) Т. е. о покупкахъ художественныхъ произведеній, что̀ такъ напоминало Екатеринѣ недавнее ея прошлое.

Изо всѣхъ, окружавшихъ генерала въ продолженіи этой злокачественной пятнистой горячки (fièvre maligne et pourprée), которая началась болью горла 19-го Іюня въ три часа по полудни, я одна захватила горловую болѣзнь, отъ которой чуть было не умерла. Представьте, въ этотъ самый день онъ пришелъ ко мнѣ какъ у него разбаливалось горло, и объявилъ, что у него готовится опасная болѣзнь, отъ которой онъ не встанетъ. Я постаралась выбить у него эту мысль изъ головы, и мнѣ показалось даже, что онъ пересталъ думать о своей болѣзни. Въ половинѣ пятаго онъ ушелъ къ себѣ, въ шесть я вышла гулять въ садъ. Онъ пришелъ туда и вмѣстѣ со мною обошелъ вокругъ озера. Когда мы вернулись ко мнѣ въ комнату, онъ опять сталъ жаловаться, но попросилъ меня съиграть обычную партію въ реверси; игра продолжалась недолго, потому что я видѣла, что онъ страдаетъ. Когда всѣ ушли, я посовѣтовала ему пойти къ себѣ и лечь въ постель; онъ такъ и сдѣлалъ и послалъ за очень хорошимъ хирургомъ, который живетъ въ Царскомъ Селѣ. Врачъ нашелъ у него перемежающійся пульсъ и на другой день въ семь часовъ поручилъ сообщить мнѣ, что онъ желалъ бы имѣть кого нибудь изъ своей братіи для совѣщанія. Я послала ему Кельхена и отправила нарочнаго въ Петербургъ за Вейкардомъ. Къ полудню пріѣхалъ Вейкардъ; когда я узнала объ его пріѣздѣ, я пошла къ больному, котораго нашла въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Вейкардъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: это нехорошо. Я сказала ему: но что же это такое? Вейкардъ отвѣчалъ: злокачественная горячка, и онъ умретъ. На это я сказала: Неужели нельзя помочь? А молодость? А крѣпкое сложеніе?—Да, сказалъ онъ, это правда, конечно; но пульсъ-то перемежающійся, и я могу сказать напередъ, какъ это пойдетъ далѣе, часъ за часомъ. Я позвала Кельхена. Этотъ, хотя и болѣе политикъ, чѣмъ Вейкардъ, однако тоже не скрылъ своихъ опасеній. Между тѣмъ больной упорно не хотѣлъ ничего принимать: онъ далъ пустить себѣ кровь, поставилъ ноги въ воду, пилъ много воды и другаго питья, но не принялъ никакаго лѣкарства. Въ Четвергъ, цѣлые сутки, онъ много спалъ, все лице сильно опухло, и кончикъ носа побѣлѣлъ. Въ Пятницу пріѣхалъ докторъ Соболевскій, его пріятель; онъ заставлялъ его пить много холодной воды и давалъ ѣсть разваренныя винныя ягоды. Ни Вейкарда, ни другихъ онъ не хотѣлъ видѣть до самаго вечера, когда лихорадка усилилась съ жестокою тоскою. Въ Субботу ему, повидимому, стало немного легче; но къ полудню началась рвота, рвало весь день, послѣ чего онъ сталъ икать, и выступили багровыя пятна. Впрочемъ, въ Субботу вечеромъ Вейкардъ приходилъ сказать мнѣ, что, если не послѣдуетъ прилива къ мозгу, больной, быть можетъ, еще и оправится. Въ это время стояла сильная жара. Въ Воскресенье его перемѣстили въ болѣе прохладную комнату. Онъ перешелъ туда на своихъ ногахъ; въ три часа я пришла къ нему, и онъ говорилъ мнѣ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія, чувствуя себя очень худо наканунѣ. Въ это время онъ еще не заговаривался, но черезъ часъ у него начался бредъ. Онъ называлъ всѣхъ по имени и отчеству; но

между тѣмъ сталъ заговариваться и сердился на всѣхъ, что ему не хотятъ привести его лошадей и запрячь ихъ въ постель. Такое раздраженіе подало намъ надежду, что его вырветъ жолчью; но этого не случилось. Въ Понедѣльникъ онъ сталъ слабѣть съ каждой минутой. Я вышла отъ него въ одиннадцать часовъ, совсѣмъ ослабѣвъ, и скрывала мои собственныя страданія до Вторника утромъ. Забыла сказать вамъ, что въ Понедѣльникъ я посылала за Рожерсономъ, который тогда собирался уѣзжать на воды. Иванъ Чернышевъ [9]) напомнилъ мнѣ о Джемсовыхъ порошкахъ, которыхъ Нѣмецкіе доктора и хирурги будто бы не умѣютъ давать; Рожерсонъ далъ ему этихъ порошковъ, но безъ всякой пользы.

Теперь, послѣ того, какъ я вамъ высказала все это, у меня стало легче на душѣ, и я надѣюсь написать вамъ длинное письмо; между тѣмъ какъ, начиная, я могла писать только отрывочныя слова.

Посылаю вамъ опять медальонъ Константина, тутъ онъ нѣсколько похожъ на Петра I-го.

Вы, кажется, уже знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это тотъ Швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ обоими Ланскими, забулдыгой и Базилемъ [10]). Онъ признаетъ дарованія въ своемъ ученикѣ Александрѣ.

18 Сентября. Прошу васъ взглянуть на прилагаемые листы. Они написаны послѣ чтенія книги г-на Бальи объ исторіи астрономіи. Въ этомъ сочиненіи онъ много говоритъ о первоначальномъ народѣ, который могъ существовать въ Сибири. Я начала искать разъясненій этому мнѣнію, раздѣляемому и г-мъ Бюффономъ. Содержаніе моихъ листовъ можетъ быть занимательно для Бальи и Бюффона; въ такомъ случаѣ вы можете показать имъ сіи слабые опыты; и если господа эти захотятъ послать намъ вопросы, вы мнѣ ихъ доставьте. Но вотъ что для одного васъ, потому что это еще недостаточно обслѣдовано. Салійцы и Салическій законъ, Хильперикъ I-й, Хлорисъ и всѣ Меровинги были Славянскаго происхожденія, равно какъ всѣ Вандальскіе государи въ Испаніи: имена ихъ и походы на это указываютъ. Величайшими врагами Славянъ были Итальянскіе монахи. Они ненавидѣли ихъ какъ язычниковъ и какъ христіанъ не ихняго вѣроисповѣданія. Послѣ этого не удивляйтесь, что Французскіе короли, коронуясь въ Реймсѣ, присягаютъ на Славянскомъ Евангеліи. Хильперикъ I-й былъ лишенъ престола за то, что онъ желалъ, чтобы Галлы, получившіе свою азбуку отъ Римлянъ, прибавили къ ней три Грекославянскія буквы, именно: ч, х или херъ и пси.

---

[9]) Иванъ Львовичъ Чернышевъ (1736—1793), женатый на сестрѣ Ланскаго, Евдокіи Дмитріевнѣ (†1816), впослѣдствіи сенаторъ, отецъ военнаго министра Николаевскихъ временъ, князя А. И. Чернышева; а можетъ быть, здѣсь говорится о графѣ И. Г. Чернышевѣ, который былъ прежде посланникомъ въ Англія.

[10]) См. выше, стр. 70 и 93.

Если бы г. Куръ-де-Жебеленъ [11]) зналъ пославянски или порусски, то сдѣлалъ бы еще болѣе любопытныхъ открытій. Я считаю его всемірную граматику однимъ изъ превосходнѣйшихъ твореній, появившихся въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

21 Сентября. Скажу вамъ: что касается дѣлъ общественныхъ, то все пойдетъ своимъ чередомъ, по прежнему; но въ моемъ личномъ существованіи прежде я была очень счастлива, а теперь лишилась этого счастія. Я стараюсь утопить себя въ чтеніи и письмѣ, вотъ и все; у меня остается одна только крайняя чувствительность къ невознаградимой утратѣ, которую я испытала.

23 Сентября. Вскорѣ я вамъ сообщу новости объ Этрускахъ и о руническихъ древностяхъ. Вы увидите, что дѣло начинаетъ разъясняться. Писатели и историки не знали порусски и потому страшно напутали и затемнили истину. Я отдумала: не показывайте этихъ тетрадей ни Бальи, ни Бюффону. Это не ихъ дѣло, хотя они первые указали на существованіе народа, объ открытіи котораго, пожалуй, и не заботятся. Впрочемъ дѣлайте какъ хотите: это не охладитъ нашихъ розысканій. Замѣтьте, что я не даю себѣ полнаго отчета въ томъ, что̀ пишу въ этомъ письмѣ, и не имѣю духа перечесть его. Но оно для васъ, и вы лучше оцѣните состояніе моей головы.

26 Сентября. Сейчасъ получила вашъ № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьѣ; на это скажу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ моего письма отъ 2 Іюля, но до крайности огорчена. Да, я не въ состояніи обѣщать вамъ, что буду писать каждую недѣлю, потому что буду забывать обѣщаніе: я никогда не умѣла подчинить себя такому этикету; да и къ чему такъ аккуратно посвящать во все почтамтскихъ чиновниковъ [12]).

Относительно камей скажите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупа̀ла для себя лично, такъ какъ не знаю въ нихъ толку, а впередъ и совсѣмъ не буду покупать. Если вы желаете имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, скажу вамъ, что вчера исполнилось три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я не могу утѣшиться послѣ моей невознаградимой потери. Единственная перемѣна къ лучшему состоитъ въ томъ, что я опять привыкла къ человѣческимъ лицамъ; впрочемъ, сердце также обливается кровью, какъ и въ первую минуту. Долгъ свой исполняю и стараюсь исполнять хорошо; но моя скорбь велика, какой я еще въ жизни никогда не испытывала, и вотъ уже три мѣсяца, какъ я нахожусь въ этомъ ужасномъ состояніи и страдаю адски.

---

[11]) Court de Gébelin, сочинитель книги: «Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne, въ 9 частяхъ, вышедшихъ съ 1773 по 1781 г. См. о немъ въ статьѣ Я. К. Грота: Филологическія занятія Екатерины II-й, въ Р. Архивѣ 1877, I, 426. Онъ считался чудомъ учености и умеръ въ Маѣ этого 1784 г.

[12]) Какъ извѣстно, у Фридриха Великаго перечитывались письма, шедшія изъ Россіи во Францію и другія Европейскія государства.

1785 годъ.

1.

20 Февраля 1785.

За эту зиму я составила списокъ изъ 280 словъ, которыя велѣла перевести на сто восемьдесятъ языковъ и нарѣчій; мнѣ ихъ еще продолжаютъ доставлять всякій день: вотъ и все, чѣмъ я занималась [1]). Чувствуя себя неспособной ни къ чему, я полагала, что не къ чему писать. Русская исторія заснула; мои внуки подростаютъ; прекрасная Елена достойна этого имени, потому что этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ красавица, вотъ почему я и назвала ее Еленою. Мѣстоположеніе дачи, которую я купила, очень пріятно. Какъ видите, не смотря на всѣ газетные толки, я еще не умерла; у меня нѣтъ и признака какой нибудь болѣзни, но до сихъ поръ я была существомъ бездушнымъ, прозябающимъ, котораго ничто не могло одушевить. За это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей, и ихъ дружба часто мнѣ была въ тягость; между тѣмъ, уже во многомъ они съумѣли произвести поворотъ къ лучшему, и надо сказать правду, это уже немало, а затѣмъ баста. Вотъ все, что̀ я имѣю сказать вамъ. Будьте здоровы.

2.

5 Марта 1785.

Я успѣла глубоко убѣдиться въ томъ, что у меня есть друзья; самый могучій, самый дѣятельный, самый прозорливый изъ нихъ, безспорно, фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ приставалъ ко мнѣ, какъ не давалъ мнѣ покоя, какъ я его бранила, какъ на него сердилась! Но онъ не унывалъ, подступая то съ той, то съ другой стороны, пока вытащилъ меня изъ моего кабинета длиною въ десять саженъ, въ Эрмитажѣ, въ которомъ я поселилась. Надобно отдать ему справедливость: онъ умнѣе меня и все, что̀ онъ ни дѣлалъ, было глубоко обдумано. Я очень обязана вамъ за участіе, которое вы принимали въ моемъ положеніи. «Первобытный Міръ», первобытные языки, словари двухъ сотъ языковъ сдѣлали изъ меня совершенно нелѣпое существо. Я хотѣла утопить мое горе во всемъ этомъ хламѣ, между тѣмъ этотъ хламъ нагонялъ на меня тоску, и я наводила скуку на другихъ [2]). Тѣмъ временемъ господа Александръ и Константинъ перешли на руки мужчинъ; воспитаніе приняло опредѣленное направленіе на основаніи неизмѣнныхъ правилъ; они

---

[1]) Екатерина отовсюду получала матеріалы для составленія своего Словаря, о которомъ она говоритъ въ этомъ письмѣ. Но дворъ Неаполитанскій отказалъ ей въ присылкѣ словъ, отозвавшись, что Мексиканскій и Перуанскій словари составляютъ государственную тайну.

[2]) Точно такъ Гете, лишившись взрослаго сына, заперся у себя въ комнатѣ, никого рѣшительно не видѣлъ и утолялъ горе исправленіемъ своего почерка.

являются прыгать вокругъ меня, и мы поддерживаемъ подобающій тонъ. Смѣю утверждать, что эти дѣти подаютъ очень большія надежды. Барышни, ихъ сестрицы, здоровы; но старшая не въ моемъ вкусѣ; быть можетъ, я соблазнюсь красотою младшей [3]). Говорятъ впрочемъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость. Очень рада, что мы сходимся въ мнѣніяхъ; я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ никого не вылѣчиваетъ, но и уморить также никого не можетъ. Я думала, что одна я способна выть за чтеніемъ романовъ или во время представленія трагедій; теперь оказывается, что вы дѣлали тоже самое весь свой вѣкъ: вотъ отчего вы такъ хорошо понимаете меня, умѣете меня угадывать и истолковывать мое душевное состояніе лучше меня самой. Въ виду этого вы ужъ сдѣлайте милость, выносите меня пока во всемъ моемъ настоящемъ слабоуміи.

Я нахожу, что письмо дочери Дидерота написано превосходно и съ силой. Письмо Эмиліи прелестно, и такъ какъ вы производите ее въ мои фрейлины, то быть по сему. Желаю, чтобы это могло способствовать ея счастію. Пришлите мнѣ сочиненія Дидерота; заплатите за нихъ, что̀ спросятъ; разумѣется, я не выпущу ихъ изъ своихъ рукъ, такъ что они не могутъ повредить никому; пришлите мнѣ ихъ вмѣстѣ съ библіотекой Дидерота. Зачѣмъ вы хотите ѣхать въ Швейцарію? Если удаляться отъ дѣлъ, то пріѣзжайте сюда; къ тому времени, можетъ статься, и я опять нѣсколько поумнѣю.

3.

18 Марта 1785.

Надобно разсказать вамъ, что̀ сегодня затѣялъ Александръ. Онъ смастерилъ себѣ круглый парикъ изъ куска ваты и, пока мы съ генераломъ Салтыковымъ дивились тому, что его прекрасное личико не только не обезобразилось отъ этого наряда, но еще похорошѣло, онъ сказалъ намъ: «Пожалуста, смотрите не столько на мой парикъ, сколько на то, что̀ я буду дѣлать». И вотъ онъ беретъ комедію: Обманщикъ [4]), которая лежала на столѣ, и начинаетъ представлять одну сцену съ тремя дѣйствующими лицами; всю эту сцену онъ разъигрываетъ одинъ, придавая каждому лицу тонъ и тѣлодвиженія, свойственныя роли, которую онъ изображаетъ. Никогда еще ни Калифалькжерстонъ, ни Самбленъ, ни его дворецкій не были разъиграны лучше, съ бо̀льшою естественностію и правдой, и сверхъ того, съ той изящной граціей, которую этотъ ребенокъ умѣетъ придать всѣмъ своимъ затѣямъ. Мы просто глазамъ не вѣрили, глядя на то, что̀ онъ выдѣлывалъ, и при этомъ помирали со смѣху. Никогда никто не училъ его драматическому искусству; но этой зимой онъ бывалъ на представленіяхъ въ маломъ эрмитажномъ театрѣ. Онъ посѣщалъ театръ усердно и съ большимъ вниманіемъ, и передъ спектаклемъ охотно читалъ самъ или просилъ прочитывать себѣ піесу.

---

[3]) Великая княжна Елена Павловна род. 13 Декабря 1784.

[4]) Сочиненіе Екатерины.

Признаюсь, меня удивили способности, которыя выказалъ сегодня этотъ мальчуганъ. Не можетъ быть, чтобы онъ не удался; онъ идетъ себѣ самъ собою, и какъ еще!

3 Апрѣля. Сиръ фактотумъ объявилъ мнѣ, что это письмо пора отправлять; прилагаю экземпляръ Русской Флоры и Нѣмецкій переводъ Обманщика въ двухъ экземплярахъ. Если вы спросите, зачѣмъ я пишу такую пропасть комедій, я буду отвѣчать подобно г-ну Пэнсѐ: по тремъ причинамъ. Вопервыхъ, потому что это меня забавляетъ; вовторыхъ, потому что я желала бы поднять Русскій народный театръ, который, за неимѣніемъ новыхъ піесъ, находился въ нѣсколько заброшенномъ состояніи, и втретьихъ, потому что не лишнее было хлестнуть духовидцевъ, которые начинали задирать носъ; теперь, осмѣянные, они опять притихли и попрятались въ кусты. Обманщикъ и Обманутый имѣли успѣхъ чрезвычайный: Московская публика, подъ исходъ Масляницы, не хотѣла слышать о другихъ піесахъ, и какъ скоро объявляли какую нибудь другую, начинала кричать, чтобы давали ту или другую изъ двухъ выше названныхъ. Что̀ было особенно забавно, такъ это то, что на первомъ представленіи стали вызывать автора, который здѣсь, дома сохранялъ глубочайшее инкогнито, не смотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ піесъ въ Москвѣ дала содержателю театра, въ три представленія, десять тысячъ рублей [5]).

14 Апрѣля. Очень рада, что у васъ приходится натыкать публику носомъ на самыя интересныя вещи, потому что безъ этого на нихъ не догадались бы обратить вниманія. На это не было лучшаго мастера, какъ покойный графъ Панинъ: онъ, бывало, мигомъ состряпаетъ себѣ великолѣпный нарядъ изъ чужихъ перьевъ и, чѣмъ менѣе этотъ нарядъ былъ его собственностью, тѣмъ болѣе онъ его расхваливалъ, чтобы видѣли его родительскую любовь къ дѣтищу, надъ произведеніемъ котораго обыкновенно для него старался кто нибудь другой. Аттестатъ барона Гроссшлага не можетъ повредить графу Н. Румянцову. Это семейство недавно понесло чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, которая скончалась въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ [6]). Нельзя не пожалѣть о ней всякому, кто зналъ ее близко, потому что она стоила того, чтобы ее любили; лѣтъ шесть или семь тому назадъ, это огорчило бы меня еще болѣе, но съ тѣхъ поръ мы нѣсколько болѣе прежняго поотдалились одна отъ другой.

Скажите правду: роль Герцберга [7]) должна быть очень скучна? Аккуратно всякій годъ ему приходится усыплять свою Академію, и ни-

---

[5]) Этими представленіями Екатерина думала воспрепятствовать успѣхамъ Новиковскаго масонства въ Москвѣ, прежде чѣмъ приступить противъ него къ мѣрамъ крутымъ. Дѣятельность Новикова еще ждетъ безпристрастной оцѣнки.

[6]) Графиня Прасковья Александровна, ур. гр. Румянцова. Мужъ ея въ то время былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Екатерина была дружна съ нею съ самаго своего пріѣзда въ Россію.

[7]) Главный министръ Фридриха Великаго.

кто въ грошъ не ставитъ его нескончаемыхъ разсужденій. Кромѣ того, онъ старается затирать историческія истины: онъ утверждаетъ, что никогда Славяне не бывали во владѣніяхъ короля, его государя, между тѣмъ какъ всѣ ихъ города и селенія носятъ Славянскія названія; рѣки, озера и горы точно также. О, если я когда нибудь выложу передъ вами мои собственныя открытія по этимъ тремъ статьямъ, вы раскроете ротъ отъ удивленія; но такъ какъ это могло бы перейти въ зѣвоту, я поостерегусь ввергать васъ въ эти бездны премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ нагнали хандру на Густава съ сломленной рукой. Ну, это опять статья иная; еще можно поспорить, я ли придираюсь къ вамъ.

Что̀ это за дѣло Бобринскаго? Онъ остался и, такъ сказать, основался въ Парижѣ. Онъ юноша крайне безпечный; но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ; онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ очень дурныя общества; онъ вывелъ изъ терпѣнія тѣхъ, кто были при немъ; словомъ, ему захотѣлось пожить на своей волѣ, и ему дали волю. Впрочемъ, онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ рублей годоваго дохода, и деньги высылаются ему по востребованію. Вы обязали бы меня, если бы могли разузнать положеніе его дѣлъ въ Парижѣ. Получаетъ онъ свои деньги или не получаетъ? Есть ли у него долги? И постарайтесь, если можете, оградить его отъ исторій въ родѣ той, о которой вамъ сообщалъ г. де Жюиньé [8]). Думаю, было бы не дурно приставить къ нему кого нибудь, но если онъ догадается, то не знаю, недовѣрчивость не заставитъ ли его надѣлать новыхъ проказъ. Это немножко своеобразная голова; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но онъ не глупъ, не безъ образованія и даже не безъ дарованій.

Если хотите пріѣхать въ Херсонъ, то пріѣзжайте въ Апрѣлѣ 1787 года. Быть можетъ, мнѣ удастся прислать вамъ арію, которую Сарти написалъ на точки, разставленныя на удачу княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы проектируете, вѣроятно не будетъ поставлена на сцену въ Тавридѣ, потому что, вопреки всему что̀ болтаютъ въ газетахъ, я намѣрена ѣхать туда безъ всякой пышности. По требованіямъ краснорѣчія, на Русскомъ языкѣ всякій проповѣдникъ, всякій ораторъ говоритъ: ты. Вотъ въ чемъ дѣло относительно фельдмаршала Разумовскаго; догадываюсь, почему переводъ его рѣчи вышелъ дуренъ: у него былъ плохой переводчикъ, нѣкто Казьé, человѣкъ совершенно безтолковый. Онъ сдѣлалъ уморительный переводъ О б м а н щ и к а; такъ я знаю, на что онъ способенъ. Сегодня утромъ получила я письмо отъ вашего собрата, академика Циммермана; онъ пишетъ мнѣ, что, читая эту комедію въ Нѣмецкомъ переводѣ, онъ чуть не померъ со смѣху, особенно отъ: шю, шю, шю и пр. и по поводу котла, который разрывается въ піесѣ. Какое вамъ дѣло до Кронштадтской верфи? Развѣ господинъ Густавъ не выстроилъ въ четыре года двадцать кораблей на Французскія деньги? Я строю на свои собственныя.

---

[8]) Бывшій прежде Французскимъ посломъ въ Петербургѣ.

4.

22 Апрѣля 1785.

...Что̀ до меня касается, то скажу вамъ, что два мѣсяца какъ мнѣ легче, но что не надо говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Вотъ все что̀ я могу сдѣлать.—Знайте, милостивый государь, знайте, что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что̀ говоритъ сочинитель «Первобытнаго Міра».

«Всякая имперія имѣла свою причину, какъ всякое слово имѣло свой смыслъ».

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Эти событія всегда были необходимымъ и сознательнымъ дѣйствіемъ хорошаго или дурнаго примѣненія великихъ началъ всякаго общества. Мелкія страсти и случаи только пользовались состояніемъ дѣлъ и никогда не производили онаго. Вѣтры конечно могутъ опрокинуть зданіе, воздвигнутое на зыбкомъ основаніи; но то, которое хорошо осѣло, посмѣвается вѣтрамъ. Какъ! Люди, соединившіеся въ общество, государства, имперіи не могутъ разсчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться прочны, какъ почва, на которой они возникли! И потому только, что бывали имперіи, исчезавшія какъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ, думать, что такая же судьба неизбѣжна для всякаго государства, для всякой имперіи! Нѣтъ! У всего есть своя причина, свой смыслъ, свое неизмѣнное начало; есть то, чѣмъ навсегда обезпечивается благосостояніе народовъ и имперій: это соблюденіе обязанностей. Есть и одна причина, которая можетъ повести ихъ къ гибели: это нарушеніе обязанностей, извращеніе того, на чемъ основано ихъ возвышеніе и благосостояніе. Всѣ, пользовавшіеся благосостояніемъ, народы дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что внимали голосу порядка и подчинялись его предписаніямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи начинаютъ клониться къ упадку, коль скоро они заводятъ, такъ сказать, деревни въ городахъ и города въ обширной и громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе имперіи состоитъ въ томъ, чтобы быть великою и могущественною не въ одномъ только мѣстѣ, но во всѣхъ своихъ мѣстахъ, всюду проявлять силу, дѣятельность и порядокъ».

Я переписала все это мѣсто, потому что оно отмѣнно прекрасно [9]) Скажите, что вы этимъ довольны.

25 Апрѣля 1785.

И такъ Россійское государство не можетъ пасть, ибо мы любимъ порядокъ, добиваемся порядка, обрѣтаемъ и утверждаемъ порядокъ;

---

[9]) Мѣсто это, какъ Екатерина сама указываетъ въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ, находится въ VIII части сочиненія Куръ-де-Жебелена, на стр. LVIII-й.

оно пускаетъ корни, и пусть попробуютъ разрушить его. Надобно сознаться, что это государство стоитъ на прочныхъ основаніяхъ. Въ моихъ домашнихъ дѣлахъ возвратилась тишина, и горизонтъ прояснился, благодаря тому, что, при помощи нашихъ друзей, мы сдѣлали надъ собою усиліе. Мы теперь выступили съ комедіей, которую находятъ прелестной; это доказываетъ нѣкоторое возвращеніе веселости и прежняго размаха. Объ односложныхъ словахъ въ разговорѣ нѣтъ и помину, и я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня не было людей, которыхъ привязанность и усердіе весьма способны разсѣять и развлечь меня; но требовалось время, чтобы возвратилась охота замѣтить ихъ и еще болѣе, чтобы къ нимъ привыкнуть. Однимъ словомъ, у меня есть другъ, весьма способный и весьма достойный носить это имя [10]), и есть друзья, которые меня не покидаютъ.

Господа Александръ и Константинъ на рукахъ у генерала Салтыкова, который, равно какъ и всѣ окружающіе ихъ, во всемъ слѣдуетъ моимъ правиламъ и предписаніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, они оба восхитительно красивы собой, видны, сильны, здоровы, умны, послушны; словомъ, на нихъ можно любоваться. Я убѣждена, что Александромъ будутъ всегда совершенно довольны. Въ немъ съ чрезвычайной ровностью характера соединяется пріятность, удивительная въ его возрастѣ. Лице у него открытое, улыбающееся и привѣтливое; воля его всегда хорошо направлена; онъ желаетъ успѣвать и успѣваетъ во всемъ выше своихъ лѣтъ; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ, рисуетъ и все дѣлаетъ безъ принужденія; пишетъ онъ всегда что нибудь относящееся къ Исторіи или Географіи, или какія нибудь избранныя изреченія или что нибудь веселое; сердце у него превосходное.—Я уже говорила вамъ, что чрезъ каждые три мѣсяца я буду присылать вамъ курьера, вы же за то будете такъ добры постараетесь прожить на свѣтѣ какъ можно дольше. Папа не назначалъ епископа въ Ѳеодосію или въ какое другое мѣсто въ Тавридѣ, потому что я не потерпѣла бы никакаго другаго епископа, кромѣ моего Бѣлорусскаго господина; это единственный, котораго я выношу или терплю, потому что мы любимъ порядокъ и устраняемъ все, что̀ съ таковымъ несогласно.

Съ 16-го Февраля я уже болѣе не живу въ Эрмитажѣ; я перешла въ свои комнаты въ зимнемъ дворцѣ, о чемъ князь Потемкинъ велъ переговоры въ продолженіи большей части зимы. Но у насъ сохранилась большая нѣжность къ Эрмитажу, и въ особенности къ одной залѣ въ десять саженъ длины, которая въ продолженіи шести мѣсяцевъ служила намъ кабинетомъ.

Я не удивляюсь репутаціи г-на Сегюра; она, мнѣ кажется, вполнѣ заслужена и, безъ сомнѣнія, онъ—самое лучшее изъ всего, что̀ имѣется у насъ изъ вашихъ мѣстъ. Остается узнать, будутъ ли глаза его

---

[10]) Это былъ Александръ Петровичъ Ермоловъ, появившійся при дворѣ въ Февралѣ 1785.

зачарованы силою предубѣжденій, привычекъ, инструкцій и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ архивахъ, или онъ будетъ видѣть ясно и не будетъ возмущаться тѣмъ, чего у насъ вовсе не дѣлается, не думается и не говорится; убѣжденіе, что «умны одни мы, да наши пріятели»—это страшная цаца, которая болтается на носу у политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, и заставляетъ ихъ закидывать голову назадъ, подобно той кисти, которую въ Персидской и Турецкой упряжи вѣшаютъ между глазъ у лошадей. Англійская упряжь совершенно лишена этого украшенія, потому что въ Англіи сочли бы жестокимъ навязывать его лошадямъ; Англичанинъ слишкомъ любитъ свою лошадь, чтобы напутать ей на глаза нѣчто столь неудобное. Не правда ли, какое остроумное сравненіе?

Я получила портретъ Неккера и очень благодарна вамъ за этотъ подарокъ. Я до сихъ поръ не получала отъ Вейтбрехта сочиненія Неккера; онъ только увѣдомилъ меня, что его посылаетъ. Прошу васъ заранѣе поблагодарить Неккера; теперь я читаю пока экземпляръ, присланный вами, и скажу вамъ о немъ откровенно мое мнѣніе, когда прочитаю. Я вовсе не охотница до геніальности по фискальной части и до изобрѣтеній по части мелочныхъ доходовъ, корые только не даютъ покоя людямъ и въ дѣйствительности очень маловажны. Такъ какъ изъ бюллетеней видно, что король Французскій усердно читаетъ книгу Неккера, то я думаю, что все недоброжелательство противъ сего послѣдняго и его книги останется безъ послѣдствій. Вѣдь не всѣ же такіе, какъ Людовикъ XV, котораго покровительство не имѣло никакаго значенія. И такъ вы отрекаетесь, какъ отъ уголовнаго преступленія, отъ будто бы происходившихъ у васъ переговоровъ съ принцомъ Генрихомъ, между тѣмъ какъ политики этому повѣрили. Ваша защитительная рѣчь по этому поводу очень краснорѣчива; но вы могли безъ нея обойтись со мной, имѣющей честь знать васъ уже двадцать лѣтъ [11]) за человѣка вѣрнаго и вполнѣ полагающейся на вашу преданность.

Я чувствую себя отличнѣйше и не была больна съ Іюля мѣсяца, вопреки газетчикамъ и извѣстіямъ, которыя распускаются застегнутыми и незастегнутыми повѣренными Ирода [12]), которые приписываютъ мнѣ собственныя болѣсти; а такъ какъ я здорова, то очень мало забочусь о чужомъ здоровьи.

По поводу бронзоваго Геркулеса, котораго вы дарите господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что господинъ Александръ дня не можетъ прожить безъ того, чтобы не заняться разглядываніемъ эстамповъ, и особенно если онъ хоть чуточку не совсѣмъ здоровъ: тогда онъ бываетъ ими обложенъ и, пока самъ занимается ими, кому нибудь изъ находящихся при немъ велитъ взять книгу и читать ему вслухъ, потому что мы по собственной охотѣ и наклонности хотимъ быть постоянно заняты. Что̀ вы объ этомъ скажете?

---

[11]) И такъ сношенія Екатерины съ Гриммомъ начались съ 1765 г.

[12]) Т. е. престарѣлаго въ то время Фридриха Великаго. Екатерина успѣла тогда освободиться отъ сѣтей его политики, сближаясь съ Франціей и Австріей.

Избавьте меня, если можете, отъ появленія въ печати моихъ писемъ и вопросовъ Бюффону; все, что̀ я пишу, выходитъ очень нескладно, когда бываетъ напечатано на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ Русскаго. Достаньте мнѣ всѣ сочиненія Бальи, которыхъ, помнится, я не получала отъ Дидерота. Но что же вы дѣлаете съ библіотекой сего послѣдняго? Пришлете ли вы ее мнѣ когда нибудь?

Я отправлюсь въ Херсонъ, только не этимъ лѣтомъ; въ Маѣ я поѣду въ Боровичи обозрѣть каналы, по которымъ все доставляется въ Петербургъ, и вернусь сюда водою. Купленному мною помѣстью недостаетъ только дома для житья; тотъ, который тамъ есть, отвратителенъ. Оно находится между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на скверныхъ Невскихъ порогахъ; рѣка въ этомъ мѣстѣ образуетъ нѣчто въ родѣ залива, въ который, саженяхъ во ста отъ дома, впадаетъ Тосна, рѣчка также судоходная. Мѣстоположеніе прелестно, виды чрезвычайно разнообразны, и все вообще будетъ очень удобно убрать въ видѣ сада въ Англійскомъ вкусѣ [13]). Царское Село оттуда въ двадцати верстахъ.

5.

27 Апрѣля 1785.

Вы мнѣ писали о Зельмирѣ, рекомендуя ее отъ имени ея родителей моему участію. Прежде всего я должна сказать вамъ, что она ведетъ себя прекрасно и что ее не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ, съ которымъ нѣтъ возможности ужиться; онъ ведетъ себя съ нею такъ дико и безобразно, что изведетъ бѣдняжку, и я даже не знаю, можно ли при немъ не опасаться за самую ея жизнь и здоровье. У него съ нею на прошлой недѣлѣ произошла возмутительная сцена, которая сдѣлалась извѣстна всѣмъ: онъ билъ ее, таскалъ за волосы и потомъ заперъ на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, шуринъ и всѣ на сторонѣ жены. Какъ скоро я узнала объ этомъ, то, щадя жену и принимающихъ въ ней участіе, не подвергла этого дѣла огласкѣ и услала мужа въ его губернію подъ предлогомъ спѣшнаго дѣла. При отъѣздѣ его они кое-какъ помирились, но можно предвидѣть, что этотъ миръ будетъ непроченъ; она поѣдетъ со мной въ деревню, куда я отправляюсь послѣ завтра. Ея муженекъ ежечасно говоритъ ей, что онъ терпѣть ея не можетъ, и вотъ самое любезное привѣтствіе, которое ей приходится отъ него слышать. По моему, для бѣдной женщины было бы полезно, чтобы ея родители узнали о печальномъ положеніи, въ которомъ она находится безъ всякой вины съ ея стороны; но слѣдовало бы внушить имъ, чтобы они не подвергали этого огласкѣ. Ей совершенно неизвѣстно, что я пишу теперь, а пишу я потому, что придвижу, что рано или поздно ее придется развести съ мужемъ, если не хотятъ уморить ее. Вы сдѣлаете изъ этого употребленіе, какое найдется лучшимъ; если можно будетъ, мы постараемся устранить всякій случай, который могъ бы нарушить миръ; но съ такимъ полоумнымъ, какъ ея мужъ, это, повидимому, трудненько.

---

[13]) Говорится о загородномъ мѣстѣ Пеллѣ.

6.

Тверь, 1 Іюня 1785.

Я выѣхала изъ Петербурга (днемъ отъѣзда было 24 Мая), обозрѣвать водяныя сообщенія, по которымъ доставляются въ Петербургъ съѣстные припасы и товары. Посолъ императора, посланники Французскій и Англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились при мнѣ. По большой Московской дорогѣ, очень весело и въ наилучшемъ здоровьѣ, не смотря на газетные толки, направлялись мы въ Боровичи, гдѣ предполагалось пересѣсть на суда. Когда мы пріѣхали въ Вышній-Волочокъ, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ. Его никто не слушаетъ, а онъ все продолжаетъ свое. Какой вздоръ! Какъ въ Москву?—Да, въ Москву.—А гдѣ взять лошадей?—Это мое дѣло.—Но мы хотимъ обѣдать, ужинать, говорятъ путешественники.—Все будетъ, отвѣчаетъ онъ. Понемногу начинаютъ свыкаться съ этой мыслью, начинаютъ соблазняться ею; всѣ рѣшаютъ, что это было бы прелестно, и наконецъ не могутъ устоять противъ соблазна. Тогда графъ Брюсъ кидается въ свою коляску и у носится, какъ молнія. Мы вслѣдъ за нимъ, и вотъ мы ѣдемъ до Твери въ прекраснѣйшую погоду и краемъ, представляющимъ очень пріятныя на видъ мѣстоположенія. Посолъ и посланники Французскій и Англійскій, по очереди, ѣдутъ со мною въ моей шестимѣстной каретѣ; всѣ трое очень образованы и очень уживчивы, при этомъ (замѣтьте) очень веселы. Князь Потемкинъ, графъ Чернышевъ, оберъ-каммергеръ, оберъ-шталмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторыя другія лица, всего шестнадцать человѣкъ, состоятъ при мнѣ, и всѣ на перерывъ стараются занимать и смѣшить общество. Сегодня, Воскресенье послѣ обѣдни, мы выѣзжаемъ въ Москву, пробудемъ тамъ сутокъ двое или трое и вернемся, чтобы въ Боровичахъ пересѣсть на суда и выйти на берегъ въ Петербургѣ. Что̀ скажете вы объ этой шалости? И что-то будутъ говорить газеты и застегнутые, которымъ угодно утверждать, что я нахожусь при смерти.

14 Іюня. Вотъ я выѣхала изъ Москвы и уже двое сутокъ, какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая завтра или послѣ завтра доставитъ насъ въ Новгородъ, черезъ озеро Ильмень; оттуда мы вступимъ въ рѣку Волховъ, которая провезетъ насъ въ Ладо̀жскій каналъ, изъ котораго въѣдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургѣ. О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, можете судить по прилагаемому прекрасному литературному произведенію, которое родилось подъ вліяніемъ настроенія. Надобно отдать справедливость господину Сегюру: трудно быть любезнѣе и остроумнѣе; ему, кажется, пріятно съ нами, и онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ для насъ сочинялъ стихи и пѣсни, а мы ему платили плохой прозой. Князь Потемкинъ всю дорогу моритъ насъ со смѣху и, повидимому, всѣ изъ кожи лѣзутъ помогать ему. Мы пользуемся прекраснѣйшей погодой и любуемся прелестными мѣстоположеніями.

20 Іюня, изъ Петергофа. Третьяго дня мы доплыли на судахъ по Невѣ до Петербурга, а вчера я пріѣхала сюда сухимъ путемъ. Посолъ и Французскій съ Англійскимъ посланники были доставлены, каждый до своего дома въ городѣ. Ей, ей, пожелай я только, они, кажется, были бы готовы ѣхать со мной хоть на край свѣта. Можно поздравить Францію, если у нея много такихъ людей, какъ Сегюръ: съ личными достоинствами, съ умомъ, съ талантами и образованіемъ, онъ соединяетъ благородство чувствъ и любезность; надобно отдать ему эту справедливость. Кажется, онъ любитъ и уважаетъ маркиза Лафайета и надѣется, что маркизъ пріѣдетъ сюда; если маркизъ стòитъ его самого, то это будетъ очень пріятное знакомство.

Замѣтьте, пожалуста, что Англійскаго посланника мы увезли изъ Петербурга больнаго, что онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; опасались даже, что онъ совсѣмъ впадетъ въ мрачную меланхолію; назадъ же мы доставили его совершенно выздоровѣвшимъ: онъ ѣстъ, пьетъ, хохочетъ во все горло и думаетъ о томъ, какъ бы разсмѣшить другихъ; у него появился хорошій цвѣтъ лица, и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ, какіе будутъ толки о самой веселой поѣздкѣ, какая, думается мнѣ, когда либо бывала на свѣтѣ. Согласно съ вашими приказаніями, вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца [14]).

Надо вамъ сказать, что въ продолженіи всего моего путешествія, около 1200 верстъ сухимъ путемъ и 600 верстъ по водѣ, я нашла удивительную перемѣну во всемъ краѣ, который частію видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревни, мнѣ представились прекрасные города, съ кирпичными и каменными постройками; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ я встрѣтила большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе, далеко превысившія мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствія сдѣланныхъ мною распоряженій, которыя уже десять лѣтъ какъ исполняются буквально; а я, глядя на это, говорю: «очень рада». Это не особенно остроумно, за то правдиво.

Сегодня послѣ обѣда ожидаю моихъ внучатъ, которыхъ вызвала сюда; тяжелый багажъ [15]) прибудетъ лишь 26-го. Надо вамъ знать, если вы еще не знаете, что этой зимой я прочла книгу объ Уединеніи, которая совсѣмъ исцѣлила меня отъ этого недуга и внушила мнѣ столь отличное понятіе о сочинителѣ (г. Циммерманнѣ, медикѣ Англійскаго короля въ Ганноверѣ и пріятелѣ здѣшняго Вейкарда), что я ни съ того, ни съ сего вступила съ нимъ въ переписку, не для того, чтобы просить его совѣтовъ на счетъ болѣзни или здоровья, но чтобы потолковать съ нимъ объ умныхъ вещахъ и о вздорѣ, и

---

[14]) Въ Апрѣлѣ 1785 года Гриммъ и Екатерина уговорились, что черезъ каждые три мѣсяца курьеръ будетъ привозить въ Парижъ Екатерининскія письма и отвозить въ Петербургъ Гриммовскія.

[15]) Т. е. сынъ и невѣстка.

вотъ онъ пишетъ мнѣ письма, въ которыхъ буквально столько же ума, сколько и вздору. Это тоже голова, которая идетъ, сама не зная куда, но заходитъ всегда дальше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Я было желала, чтобы онъ пріѣхалъ сюда; онъ и самъ желалъ этого, но потомъ, послѣ того какъ онъ выразилъ такое желаніе, я ему отсовѣтовала, потому что онъ страдаетъ болѣзнью, которая не позволяетъ ему путешествовать. Онъ думалъ пріѣхать, даже не смотря на это; но я не хотѣла, чтобы онъ умеръ. Посмотрите, пожалуста, до какихъ дурачествъ эта поѣздка взбудоражила мою голову; письмо это лучше отправить съ курьеромъ: иначе всѣ почтамтскіе чиновники, особенно въ Германіи, будутъ соблазняться этимъ легкомысленнымъ тономъ [16]). Въ продолженіи всего путешествія мы читали въ газетахъ о состояніи моего слабенькаго здоровья. Я думаю, что люди, распускающіе подобные слухи, сами больны и очень заняты своимъ собственнымъ здоровьемъ; ибо людямъ въ добромъ здоровьѣ и въ голову не придетъ предполагать болѣзни у людей здоровыхъ. Я думаю, что «застёгнутые» бѣсятся отъ злости по поводу этого путешествія, которое доказываетъ, какъ дважды два четыре, ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній.

Въ Петергофѣ, 28 Іюня 1785. Вотъ и двадцать три года царствованія исполнилось. Однако я сегодня встала двумя часами позже, чѣмъ въ этотъ самый день, тому назадъ двадцать три года. Тогда я отсюда выѣхала въ шесть часовъ утра. Вчера пріѣхалъ къ намъ князь Барятинскій [17]), который, передавая мнѣ свои отзывныя грамоты, вручилъ и вашъ пакетъ. Письмо ваше показалось мнѣ очень короткимъ, потому что заключало въ себѣ всего только четыре биткомъ наполненныхъ страницы; развѣ такъ надо писать? Но послушайте, что̀ это вы такъ раскричались на мой десятисаженный кабинетъ и на мой словарь двухъ сотъ языковъ? Знаете ли, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета безъ того, чтобы у меня не явилось желаніе остаться въ немъ, и что въ этой залѣ

---

[16]) Екатерина написала въ шутку нѣсколько выдуманныхъ извѣстій объ этомъ путешествіи своемъ, на подобіе тѣхъ, какіе распускались за границею завистниками Россіи и ея славы: тутъ были и заговоры, и мятежи, и всякія другія бѣды, отъ которыхъ Россія должна развалиться. Столь ясное и твердое отношеніе къ общему мнѣнію иностранцевъ, которыхъ Екатерина всегда почитала зараженными безсознательнымъ Каинскимъ братоненавидѣніемъ къ Россіи и всему Славянству, служило однимъ изъ залоговъ Русскаго благоденствія; но въ тоже время умы высокіе и безпристрастные въ Западной Европѣ пользовались у Екатерины полнымъ, самостоятельнымъ признаніемъ, горячимъ сочувствіемъ и даже покровительствомъ, какъ это видно по самымъ этимъ письмамъ.

[17]) Князь Иванъ Сергѣевичъ, посланникъ въ Парижѣ, дѣдъ фельдмаршала князя Александра Ивановича. Екатерина его вспомнила въ день своего восшествія на престолъ, потому что 23 года назадъ онъ отрицательно участвовалъ въ устроеніи судьбы ея (см. Р. Архивъ сего года, II, 288).

я всего болѣе люблю бывать даже и до сихъ поръ? Нѣтъ того дня, чтобы, не взирая на вѣтеръ и погоду, я не проводила въ ней нѣсколько часовъ, когда бываю въ городѣ. Мой любезный словарь въ скоромъ времени имѣетъ появиться въ печати. Это, быть можетъ, самый полезный трудъ, какой когда нибудь былъ произведенъ для всѣхъ языковъ и словарей, и особенно для Русскаго языка, для котораго Россійская Академія задумала составить словарь, для чего она, сказать правду, совершенно не имѣла достаточныхъ свѣдѣній. Мое же произведеніе — лучезарный свѣтильникъ, о которомъ можно сказать: имѣющій уши слышать и очи видѣть услышитъ и увидитъ; а кто глухъ и слѣпъ отъ рожденія, тотъ такимъ и останется. Не знаю, какъ это вы только могли не догадаться, что Ф. кн. Пот. [18]) значитъ: фельдмаршалъ князь Потемкинъ. Это еще яснѣе моего словаря, подъ гнётомъ котораго вамъ казалось, что я задохлась. Въ прошломъ году, объ эту самую пору, мы были больны при смерти и почти безъ надежды; двѣ недѣли были мы между жизнью и смертью. Тогда къ намъ явились на выручку друзья: князь Потемкинъ изъ Крыма, графъ Ѳедоръ Орловъ изъ Москвы. Они взялись помогать; но я не выносила помощи, и никто не умѣлъ ни сказать, ни сдѣлать ничего намъ по мысли; на мысли же у насъ лежала печаль, а тутъ хотѣли сдѣлать ее веселою, по прежнему. Но этого было нельзя; надобно было ступать шагъ за шагомъ и каждый шагъ брать съ боя; приходилось каждый разъ выдерживать баталію, когда выиграть, когда проиграть. Время, между тѣмъ, не стояло; оно шло, тянулось медленно, и все было такъ тягуче и тоскливо. Но князь былъ очень ловокъ: онъ все бродилъ кругòмъ, крадучись словно кошка; не удается одинъ подходъ, онъ перевернется; глядишь, а ужъ у него готовъ другой; наконецъ, стало немножко веселѣе. Князь обрадовался и постарался поразвеселить еще. Такимъ-то образомъ онъ насъ воскресилъ изъ мертваго сна.

Послушайте однако, я писала вамъ о Зельмирѣ и объ ея печальномъ положеніи. На два мѣсяца я услала ея медвѣдя; но въ настоящее время у меня уже нѣтъ благовиднаго предлога, чтобы держать его вдали отсюда: онъ воротился сюда. Сестра и шуринъ ожидаютъ повторенія прежнихъ сценъ. Эта бѣдная женщина видимо чахнетъ. Сообщили ли вы отцу Зельмиры, что̀ я передавала вамъ о несчастномъ положеніи его дочери? Если же нѣтъ, то прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей, что̀ я писала вамъ и сверхъ того, что я предвижу, что скоро буду вынуждена, чтобы дать покой сестрѣ и шурину, къ отсылкѣ бездѣльника во свояси. Тогда что̀ станется съ бѣдной, неповинной Зельмирой? Какъ она поѣдетъ съ этимъ человѣкомъ, отъ котораго можетъ ожидать однихъ оскорбленій? Я желала бы, чтобы отцу Зельмиры угодно было условиться со мной насчетъ того, какимъ способомъ облегчить судьбу этой несчастной женщины. Отецъ грозилъ запереть ее на вѣкъ, если она осмѣлится не поѣхать за сво-

[18]) Въ письмѣ отъ 5 Марта 1785 (см. выше) о Потемкинѣ упомянуто съ этими сокращеніями.

имъ мужемъ; но не угодно ли папашѣ самому попробовать пожить съ нимъ? Онъ увидалъ бы, что тутъ можно ожидать однихъ только побоевъ, да ругательствъ. Зельмира, боюсь, не проживетъ долго съ нимъ; даже собственныя дѣти, какъ они ни малы, не могутъ видѣть его безъ ужаса. По мнѣ, остается сдѣлать и выбирать одно изъ трехъ, когда онъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и терпѣть не могутъ: 1) пусть Зельмира съ миромъ возвратится къ родителямъ, или 2) если это родителямъ неугодно, пусть она остается здѣсь, буде пожелаетъ, или поселится гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; 3) дѣтей не отдавать на руки отцу, сыновья должны поступить на попеченіе Виртембергскаго курфиршества, а дочери—остаться при матери, поведеніе которой безукоризненно. Коротко и ясно: я обѣщала Зельмирѣ мое покровительство и обязалась передъ ней честнымъ словомъ, что ея не покину. Я не прочь, чтобы ея папаша и мамаша знали это и не позволю, чтобы такъ или иначе ее сдѣлали несчастнѣе, чѣмъ она уже есть. Я хочу, чтобы, не имѣя возможности жить съ мужемъ, она не терпѣла нужды въ своемъ уединеніи, и объявляю вамъ на прямки, что запрещу Зельмирѣ рѣшительно выѣзжать изъ Россіи, пока не удостовѣрюсь формальнымъ и надлежащимъ образомъ, что она будетъ обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ. Слышите? Ясно ли все это, и станете ли вы говорить объ этомъ съ папашей, какъ слѣдуетъ, или не станете, чтобы въ случаѣ если вамъ нельзя будетъ переговорить, я могла бы поручить другому лицу? Но такъ какъ онъ поручилъ мнѣ свою дочь черезъ васъ, то я полагаю, вы могли бы передать ему то, что̀ я говорю вамъ для блага и пользы его дочери.

Царское Село, 4 Іюля. Наконецъ, я вернулась сюда вчера вечеромъ, пропутешествовавъ безъ одного дня цѣлыхъ шесть недѣль. Изъ Петербурга я ѣздила въ городъ, потомъ ночевала за рѣкой, въ Осиновой Рощѣ; изъ нея ѣздила въ Систербекъ, изъ котораго воротилась въ городъ; вчера обѣдала и ужинала съ своими карманными министрами, императорскимъ посломъ и Французскимъ и Англійскимъ посланниками, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда воротилась сюда. Если Сегюръ предпочтетъ мнѣ султана, то ему будетъ великій грѣхъ; ибо, право, я гораздо любезнѣе этого человѣка. Вотъ поглядите, пока этотъ неучъ цѣлыми дюжинами рубитъ головы, какія я сочиняю прекрасныя реляціи для газетъ [19]). Почитайте ихъ и потомъ рѣшайте выборъ между султаномъ Абдулъ-Гамидомъ и мною. Не правда ли, ужъ ради одного этого я заслуживаю предпочтенія?

14 Іюля. Смотрите, не подумайте, чтобы я стала ученѣе, потому что занималась языками и граматикою. Я сохраняю мое ненарушимое невѣжество. Прекрасная Елена процвѣтаетъ, и ей ей въ шесть мѣсяцевъ она уже умнѣе и живѣе старшей сестры, которой на той недѣлѣ будетъ два года.

---

[19]) Говорится объ упомянутыхъ въ 16-мъ примѣчаніи выдуманныхъ извѣстіяхъ. Въ подлинникѣ они напечатаны вслѣдъ за этимъ письмомъ къ Гримму.

Въ Пеллѣ, 18 Іюля. Вотъ я пріѣхала сюда, въ это мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія. Я теперь въ 26 верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32 отъ Петербурга, въ 35 отъ Царскаго Села. Я нахожусь въ изгибѣ, который Нева образуетъ выше пороговъ; въ настоящую минуту эти пороги у меня по правую руку, и на такомъ же разстояніи по лѣвой сторонѣ я вижу изъ своего окна впаденіе въ Неву рѣчки Тосны; отъ пороговъ до устья Тосны берегъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ срединѣ котораго находится Пелла. Нева проходитъ порогами и, образовавъ губу, въ которой я нахожусь, имѣетъ любезность продолжать свое теченіе, какъ разъ противъ моихъ оконъ, по направленію къ Петербургу, такъ что фасадъ Пеллы выходитъ совсѣмъ не на Сѣверъ, а какъ разъ на рѣку на Западъ, а лицевая сторона двора на Востокъ. По ту сторону, противъ Пеллы, есть мысокъ, за которымъ видны деревни, рощи, дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня въ этомъ помѣстьѣ будетъ прекрасный домъ; фундаментъ уже заложенъ, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца; домъ этотъ скорѣе великъ, чѣмъ изященъ. Нева въ этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большаго озера; тысячи лодокъ, словомъ, всѣ торговые грузы и весь строительный матеріалъ для Петербурга проходятъ передъ моими окнами, и въ эту минуту на водѣ и на берегахъ все—движеніе.

Между тѣмъ околѣла Земира, правнучка сира Тома, и графъ Сегюръ написалъ ей прилагаемую эпитафію.

Царское Село, 21 Іюля. Вчера въ Эрмитажѣ я распрощалась со всей моей путевой компаніей. На возвратѣ изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ, на одномъ креслѣ; ихъ прозвали королемъ Дагобертомъ и королевой Бертой, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и возня, которыя провожали насъ до самой высадки на берегъ. Что̀ вы объ этомъ скажете?

22 Іюля. Г-нъ фактотумъ увѣдомилъ меня, что курьеръ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду. Посему запечатываю этотъ толстый пакетъ, желая вамъ необходимаго терпѣнія, чтобы его перечитать и крѣпкаго здоровья для перенесенія всѣхъ подступовъ жолчи, которые могутъ быть вызваны этимъ чтеніемъ. Однако Кельхенъ дорогою увѣрялъ насъ, что невозможно умереть отъ смѣха. Вѣрю, такъ какъ всѣ живы, а хохотали мы съ утра до вечера.

7.

Царское Село, 10 Августа 1785.

Въ эту минуту г-да Александръ и Константинъ очень заняты: они бѣлятъ снаружи домъ въ Царскомъ Селѣ, подъ руководствомъ двухъ Шотландскихъ щикатуровъ. Увы! Сказать, не солгать, а я до сихъ поръ не прочла книги Неккера. Два раза принималась за нее, но столько было помѣхъ, что всего прочтено не болѣе 20 страницъ. Я очень рада, что вы довольны моими декларацiями. Я всегда стараюсь избѣгать двухъ вещей: вопервыхъ говорить слишкомъ много; вовторыхъ говорить сухо, что̀ никому не нравится и, слѣдовательно, не

можетъ предрасположить въ мою пользу. Многотомная книга Куръде-Жебелена наполнена такими мѣстами, которые я вамъ выписала и многимъ другимъ, любопытнымъ и драгоцѣннымъ, чего ни у кого инаго не встрѣтишь. Извѣстности сочинителя, мнѣ кажется, помѣшало то, что не всякому подъ силу прочитать 9 томовъ въ четвертку; но Францiя никогда не имѣла основательно-ученѣйшаго человѣка. Его всеобщая граматика, на мой взглядъ, есть совершенство въ своемъ родѣ. Кромѣ этого сочинитель одаренъ особенною способностью приводить въ движенiе голову своего читателя.

12 Августа. Двѣ недѣли, какъ у насъ очень страшные жары, и я не въ силахъ писать безъ передышки. Ну да, я была въ Москвѣ! Зачѣмъ дѣлать изъ этого столько шуму? Развѣ я не могу имѣть свои причуды, какъ и всякiй другой. Г-жа Тоди здѣсь и гуляетъ сколько можетъ съ любезнымъ своимъ супругомъ. Очень часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но не сталкиваемся. Я говорю ей: «Добрый день или добрый вечеръ, г-жа Тоди, какъ ваше здоровье?», и она цѣлуетъ у меня руку, а я цалую ее въ щеку. Собаки наши обнюхиваются; она беретъ свою собаку на руки, я зову моихъ собакъ, и каждый идетъ своею дорогою. Когда она поетъ, я ее слушаю и ей аплодирую, и мы обѣ того мнѣнiя, что отношенiя наши очень хороши [20]).

8.

Спб. 20 Августа 1785.

Я вчера переѣхала въ городъ совершенно также, какъ въ прошедшемъ году, невзначай. Я нахожу, что это премило: никто меня не провожаетъ, никто не встрѣчаетъ; я проѣзжаю воровски, незамѣтно, а когда узнаютъ вдругъ, что я прiѣхала, то повторяютъ цѣлыя сутки: она прiѣхала неожиданно! И вотъ пустые мечтатели и политики придумываютъ, для объясненiя, самыя тонкiя и мудрыя причины, а ваша покорнѣйшая услужница, между тѣмъ, разгуливаетъ по Эрмитажу, глядитъ на картины, играетъ съ своей обезьяной, смотритъ своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ Американскихъ птичекъ синяго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всѣмъ волю говорить, сколько угодно, точь въ точь какъ городу Москвѣ. Эта дурища до того доворчалась, что ей наконецъ пришлось въ послѣднiй разъ сдѣлать мнѣ такую встрѣчу, какой она еще никогда и никому не дѣлала, по свидѣтельству даже самыхъ древнихъ кумушекъ мужеска и женска пола.

Iосифу легче. Это Иродъ, самъ едва прозябающiй, распускаетъ всѣ эти слухи о плохомъ здоровьѣ.

22 Августа. Хотите знать мой образъ жизни? Вотъ онъ за послѣднiе три дня: утромъ я встаю въ шесть часовъ и тотчасъ послѣ кофею бѣгу въ Эрмитажъ, гдѣ въ своемъ десятисаженномъ кабинетѣ принимаюсь за свой винегретъ, который называется у меня экстрактомъ. Когда онъ мнѣ надоѣстъ, я гуляю и смотрю на картины или на Неву, сплошь покрытую судами; затѣмъ приходитъ фактотумъ;

---

[20]) Пѣвица Тоди была вызвана въ Петербургъ черезъ посредство Гримма.

когда я покончу съ нимъ и со всѣми утренними навожденіями, то возвращаюсь въ свои аппартаменты одѣваться и прихожу обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда назадъ къ себѣ и въ три часа иду опять въ Эрмитажъ, и тогда наступаетъ очередь камей, которыя мы раскладываемъ, перекладываемъ и т. д. Около шести возвращеніе во дворецъ; въ шесть пріемъ; къ восьми я возвращаюсь къ себѣ, и мы играемъ, болтаемъ до одиннадцатаго часа; около одиннадцати ложусь спать. По этому начертанію вы можете слѣдить за мной шагъ за шагомъ.

21 Сентября. Щедринъ пріѣхалъ. Мнѣ не хочется заказывать мой бюстъ. Становлюсь стара. Пусть лучше дѣлаютъ снимки съ тѣхъ бюстовъ, которые уже есть.

Зельмира съ своимъ медвѣдемъ поѣхала въ Финляндію, гдѣ ихъ дѣтямъ была привита оспа. Письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только тогда, когда увижу въ томъ надобность. Она пишетъ своей золовкѣ, что они теперь ладятъ и что если онъ будетъ продолжать обходиться съ ней также хорошо, какъ теперь, она будетъ довольна. Онъ намѣревается, какъ видно, будущей весной уѣхать во свояси: въ его губерніи его ненавидятъ и, по отзыву шурина и сестры, нельзя ни минуты положиться на это примиреніе.

22 Октября. Иду читать Гомерову Иліаду, въ Нѣмецкомъ переводѣ графа Стольберга. Переводчикъ теперь здѣсь. Я нахожу, что этотъ переводъ прелестенъ.

9.

28 Октября 1785.

По выходѣ изъ Эрмитажа я имѣла длинное совѣщаніе съ синьоромъ Гваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни было поручено мною заказать, для помѣщенія въ паркъ въ Пеллу, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ какая фантазія припала мнѣ вдругъ за послѣдніе три дня. Мной овладѣло просто какое-то лихорадочное нетерпѣніе видѣть эти три колонны, которыя мнѣ хочется имѣть выполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Что̀ вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ могутъ выйти и больше, но для пробы довольно и трехъ. Этотъ Гваренги строитъ намъ прелестныя вещи: уже весь городъ полонъ его построекъ; онъ строитъ Банкъ, Биржу, множество магазиновъ, лавокъ и частныхъ домовъ, и его постройки лучшія въ городѣ. Онъ построилъ мнѣ въ Эрмитажѣ театръ, который будетъ готовъ черезъ двѣ недѣли и который внутри представляетъ прекрасный видъ: въ немъ могутъ помѣститься отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, но не болѣе, что̀ для Эрмитажа и составляетъ самую крайнюю цифру.

Что касается до господина генералъ-прокурора, онъ ужъ не жалуется больше ни на какія выдачи; онъ такъ обтерпѣлся, что теперь выдаетъ съ величайшей любезностью и часто самъ даже придумываетъ способы для опорожненія своихъ сундуковъ. Но на это

есть кое-какія маленькія причины: такъ какъ его доходы чуточку повозросли, то и его затрудненія поубавились, потому что мы имѣемъ притязаніе считать себя чрезвычайно благоразумными, и всѣ уколы злоязычнаго пера и нашего козла отпущенія не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надобно дать ему, точно такъ какъ городу Москвѣ, полную волю: пусть себѣ говоритъ, сколько хочетъ, и дѣлаетъ по своему, сколько ему угодно. Никогда, никогда въ свѣтѣ мы не занимались ростовщичествомъ. Скажите, пожалуйста, развѣ христіаннѣйшій король становится ростовщикомъ для Голландцевъ, когда принимаетъ на себя половину долга, который они должны выплатить императору? Въ разсужденіяхъ безпристрастной публики бываетъ много непережеваннаго вздору.

Эта Систербекская фабрика—заводъ для приготовленія орудія и другихъ предметовъ изъ желѣза, какъ то: рѣшетокъ, желѣзныхъ кроватей и т. д. Она находится на новой Выборгской дорогѣ, за рѣкой. Чтобы сблизить Выборгъ съ Петербургомъ, мы строимъ второй понтонный мостъ черезъ Неву, выше литейнаго завода. Генералъ Миллеръ, начальникъ артиллеріи, завѣдуетъ этой фабрикой, которая всегда принадлежала къ артиллерійскому вѣдомству. Сынъ покойнаго Эйлера тамъ директоромъ.

10.

1-го Ноября 1785.

Около мѣсяца, какъ яслегрызъ[21]) убрался отъ насъ. Право, этотъ человѣкъ—олицетворенная желчь; онъ служилъ своему господину не съ усердіемъ, а съ бѣшенымъ остервенѣніемъ. Онъ задается тѣмъ, чтобы быть злымъ. Если это значитъ стараться быть пріятнымъ, то нѣтъ такой награды, которой бы онъ не заслуживалъ. Развѣ не онъ наговорилъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, ибо она всевозможными средствами старалась повредить ей въ глазахъ ея свекрови, и ужъ мой сынъ и моя невѣстка обличили эту гадкую женщину и добились, что ее уволили отъ Зельмиры.

2 Ноября. Еще разъ прошу васъ убѣдительно оставить мое невѣжество во всей его неприкосновенности. Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы завзятые невѣжды, и своимъ невѣжествомъ бѣсимъ оберъ-камергера Шувалова и графа Строгонова, которые, и тотъ другой, состоятъ членами по меньшей мѣрѣ 24 академій, и въ особенности Россійской. Вотъ, отчасти, чтобы побѣсить ихъ и показать имъ, что имъ приходится сообразовать свой Русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы и составили нашъ словарь на Богъ вѣсть сколькихъ языкахъ, и трудъ этотъ—произведеніе невѣжественныхъ младенцевъ.

Если я много разъѣзжала этимъ лѣтомъ, то и за нынѣшнюю осень тоже мало сижу на мѣстѣ, и съ того самаго дня, какъ возвратилась въ городъ, встаю каждое утро въ шесть часовъ, выпиваю чашку

---

[21]) Krippenbeisser. Такъ называетъ Екатерина Прусскаго посланника Гёрца, котораго прежде она звала застегнутымъ.

кофею, потомъ бѣгу въ Эрмитажъ, и тамъ отъ шести до девяти ворочаю и переворачивою винегретъ, который называется у меня экстрактомъ; за тѣмъ являются сиръ фактотумъ и всѣ фактотумы; въ одиннадцать возвращаюсь въ свои комнаты—одѣваться и шалить съ толпою внуковъ и внучекъ; одѣвшись, возвращаюсь въ Эрмитажъ обѣдать. Послѣ обѣда опять ухожу въ свои покои, а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣлку, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій на билліардѣ; затѣмъ иду разсматривать свои камеи или какіе нибудь эстампы, или брожу среди картинъ, послѣ чего дѣлаю визитъ прелестной обезьянѣ, которая у меня есть и которую я не могу видѣть безъ смѣха: до того она дурачится. Въ четыре часа возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю или пишу; въ шесть у меня бываетъ пріемъ, съ которымъ я теперь помирилась; въ восемь поднимаюсь на свои антресоли, гдѣ у меня собирается болѣе избранное общество; въ одиннадцать ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мной шагъ за шагомъ цѣлую зиму, буде пожелаете.

Господа карманные министры были выписаны въ Царское Село, для того, чтобы сдержать слово, данное имъ въ дорогѣ,—не только показать имъ Царское Село во всѣхъ подробностяхъ, но еще свозить ихъ посмотрѣть прекрасное и пріятное мѣстоположеніе Пеллы, при чемъ нельзя было избѣжать обѣдовъ и ужиновъ у Нарышкиныхъ. И такъ все это совершенно въ порядкѣ вещей, не смотря на всѣ вопли яслегрыза. Зельмира и ея медвѣдь возвратились изъ Выборга. Она утверждаетъ, что за это лѣто не можетъ пожаловаться на него. Уже три недѣли, какъ они пріѣхали. Сегодня она у меня обѣдала. Я не передавала Зельмирѣ писемъ ея родителей и передамъ, когда это будетъ необходимо. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна, но не столько робка, сколько придавлена; и такъ какъ они пока, кажется, ладятъ, то я не хочу будить черную кошку: благо заснула. Но если раздоры начнутся опять, я пущу въ ходъ письма, и ея родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Это лѣто она жила въ Царскомъ Селѣ безъ мужа, а осенью пробыла съ нимъ въ Выборгѣ шесть недѣль по собственному желанію, для привитія оспы дѣтямъ.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что страсть къ палочной расправѣ прирожденная въ семействѣ супруга; этимъ подтверждается моя собственная догадка. Дѣло въ томъ, что всѣ они очень дурно воспитаны; этимъ пристрастіемъ къ палкѣ они желаютъ заявить свои военныя способности, я и считаю ихъ всѣхъ записными капралами. Если братецъ Людвигъ не уймется колотить свою супругу, то его Полька [22]), думаю, долго съ нимъ не наживетъ. Польки не отличаются сносливостію, и онъ очутится безъ денегъ и безъ жены, совсѣмъ какъ его Датскій братецъ очутился безъ прислуги послѣ палочной расправы во Франк-

---

[22]) Урожденная княжна Радзивилъ.

фуртѣ. Не яслегрызъ чернилъ Зельмиру предъ отцомъ, а яслегрызка; эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, всѣмъ разсказывала на ухо ужасныя вещи о бѣдной Зельмирѣ, такъ что, какъ я уже сказала выше, шуринъ и золовка были до такой степени возмущены этимъ, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры.

5 Ноября. Еще не дальше, какъ въ Воскресенье, Зельмира увѣряла всѣхъ, что ея положеніе отличное; а въ Понедѣльникъ опять была ссора и драка; затѣмъ они помирились, то есть условились, по временному соглашенію, разъѣхаться послѣ родовъ великой княгини [23]), о чемъ Зельмира и писала мнѣ, а вчера просила меня сохранить все это въ тайнѣ. Сказать правду, она сама хорошенько не знаетъ, чего хочетъ, и неудивительно. Я бы рада была, если бы оба они убрались отсюда, потому что мало пріятнаго слушать всѣ эти похожденія. Я отослала ей письма ея родителей.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, графъ Гага и выудилъ денегъ на путевыя издержки изъ чьихъ нибудь чужихъ кошельковъ, только не изъ моего, и если онъ самъ это говорилъ, то скажите ему, что это неправда, и это ужъ не первый случай, на которомъ мнѣ приходится ловить его.

Въ Херсонъ я думаю ѣхать въ концѣ 1786 г., ну а о Константинополѣ гдѣ же думать? Туда отправляться надобно бы въ хорошей и многочисленной компаніи. Уже одна мысль объ этомъ, при всей своей несбыточности, поднимаетъ всю желчь у вашихъ политиковъ, безъ ума влюбленныхъ въ марабутовъ [24]), ихъ друзей и покровителей. Эти марабуты до того дороги ихъ сердцу, что нѣтъ случая, которымъ бы они не воспользовались для сообщенія мнѣ, что они во что бы то ни стало будутъ отстаивать своихъ прелестныхъ марабутовъ. Дай имъ Богъ имѣть ихъ когда нибудь своими сосѣдями, тогда они заговорятъ иначе; но къ чему дѣлать всѣ эти заявленія мнѣ? Думаютъ ли этимъ запугать меня, думаютъ ли помѣшать мнѣ сдѣлать то, что̀ могло бы потребовать благо моего государства? Что̀ они тамъ хитрятъ! Этимъ они только отдаляютъ отъ себя мое расположеніе, и пусть не прогнѣваются, если изъ этого выйдетъ что̀ придется. Говорить людямъ, что̀ способно ихъ раздражать, это значитъ—подливать въ масло огонь. И чего я могу ожидать отъ людей, которые мнѣ безпрестанно говорятъ: естественные враги вашего государства самые дорогіе, самые закадычные друзья наши? Мы ихъ любимъ, и жалуемъ и стоимъ за нихъ горой. У меня на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: кто другъ моимъ естественнымъ врагамъ, тотъ недругъ мнѣ, и затѣмъ мое имъ почтеніе.

8 Ноября. Съ недѣлю или дней съ десять тому назадъ Щедринъ началъ мой бюстъ для васъ.

Я прочла введеніе книги Неккера; только что окончила его. Такъ какъ онъ цѣнитъ чужое уваженіе, то увѣрьте его въ моемъ пол-

[23]) Великая княжна Марія Павловна родилась въ слѣдующемъ 1786-мъ году, 4 Февраля.

[24]) Т. е. въ Турокъ.

номъ уваженіи; видно, что онъ былъ на своемъ мѣстѣ и занималъ его съ страстной преданностью дѣлу, о чемъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ. Мнѣ нравятся эти слова: сдѣланное мной я готовъ повторить опять. Такъ не можетъ говорить недобрый человѣкъ, и надобно быть безъ памяти добрымъ, чтобы не растерять этой доброты послѣ столькихъ непріятностей. Я постараюсь прочесть остальное и скажу вамъ о немъ нѣсколько словъ до заключенія настоящаго посланія.

20 Ноября. Книга Неккера, которую я все продолжаю читать, внушила мнѣ мысль, что мнѣ необходимо сказать вамъ, если еще этого не знаете, что я очень не долюбливаю кропателей проектовъ, между которыми развѣ изо ста одинъ найдется хорошій или приложимый къ дѣлу. Кстати, надобно вамъ сказать еще, что Гваренги прервалъ меня на половинѣ фразы, явившись съ докладомъ о прелестномъ театрѣ, выстроенномъ имъ на краю Эрмитажа, который теперь идетъ аркой черезъ каналъ и соединяется съ старымъ дворцомъ Петра I, чтȯ иначе называется корпусомъ, гдѣ живетъ все принадлежащее къ Русскому театру. И такъ съ этой стороны я похожа на Густава III, съ тою только разницей, что онъ помѣшанъ на спектакляхъ, а я ими вовсе не занимаюсь; но вѣдь вы знаете, что и на Людовика XV я была тоже похожа, какъ двѣ капли воды.

23 Ноября. Въ каталогѣ библіотеки Дидерота я нашла тетрадь, озаглавленную: «Замѣчанія на Наказъ Е. И. В. Коммиссіи депутатовъ для составленія Уложенія». Это—настоящая болтовня, въ которой нѣтъ ни знанія дѣла, ни разсудительности, ни предусмотрѣнія. Если бы мой Наказъ былъ написанъ во вкусѣ Дидерота, онъ могъ бы все поставить вверхъ дномъ. Я же утверждаю, что мой Наказъ былъ не только хорошъ, но превосходенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами; ибо осмнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, онъ не только ни въ какомъ отношеніи не сдѣлалъ вреда, но еще все хорошее. Чтȯ произошло за это время и чтȯ признается всѣми, проистекло изъ основныхъ началъ, установленныхъ этимъ Наказомъ. Порицать легко, а дѣло дѣлать трудно: вотъ чтȯ можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, весь вѣкъ свой отличался такой разсудительностью, что не могъ прожить безъ опеки. Должно быть, онъ сочинилъ это послѣ возвращенія отсюда, ибо здѣсь онъ никогда объ этомъ мнѣ не говорилъ.

1786 годъ.

1.

17 Февраля 1786.

Надобно вамъ сказать, что съ курьеромъ Сегюра я отправила къ вамъ музыку Армиды и переводъ съ Русскаго на Нѣмецкій комедіи: Обманщикъ, съ приложеніемъ маленькаго письмеца отъ себя. Князь Потемкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ приказалъ сдѣлать для васъ эту копію Сартіевой оперы: Армида. За комедіей: Обманщикъ послѣдовала другая—Обольщенный [1]). И та и другая имѣли

[1]) Обѣ комедіи сочинены Екатериною II-ю.

успѣхъ изумительный и то превосходное послѣдствіе, что сдержали и остановили прыть обманщиковъ и обольщенныхъ. Теперь у насъ еще въ работѣ Февей, комическая опера, и Сибирскій Шаманъ, комедія. Все это будетъ по возможности весело: шаманъ—теозофъ, который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Справьтесь съ статьею: Теозофъ въ Энциклопедіи, и вы узнаете секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. На представленіи послѣдней комедіи присутствовалъ Св. Синодъ, но не въ одиночку, а въ полномъ составѣ; всѣ они очень хохотали и хлопали оглушительно. Вотъ описаніе нашихъ зимнихъ развлеченій.

2.

17 Апрѣля 1786.

Глядите, вотъ князь Потемкинъ осыпаетъ васъ подарками. Вопервыхъ, онъ посылаетъ вамъ свою большую Ораторію Сарти; вовторыхъ, Дуетъ; втретьихъ, Рондо. Точки въ нотахъ красными чернилами сдѣланы самимъ княземъ, и по нимъ Сарти сочинилъ эти двѣ піесы, т. е. Дуетъ и Рондо. Слышите же, козелъ отпущенія, ставлю вамъ на видъ, чтобъ вы поблагодарили князя: онъ для васъ выбивается изъ силъ. Прощайте; будьте здоровы, если можете. Я только что слушала Русскую комическую оперу Февей. Лишь отеческія и материнскія внутренности способны бываютъ къ столь великой нѣжности [2]).

3.

21 Апрѣля 1786.

Я узнала кое-какія обстоятельства, которыя мнѣ прежде не были извѣстны насчетъ молодаго человѣка, которымъ интересуется г. Жюинье и свое участіе къ которому онъ доказалъ письмомъ, которое вы мнѣ переслали. Вы ни за что не догадаетесь, что это продѣлка Ирода; между тѣмъ я имѣю въ рукахъ доказательства. Потому прошу васъ написать записочку господину Б. и сказать ему, что вы отъ меня имѣете приказаніе передать ему, что банкиръ Сутерландъ будетъ ежегодно кредитовать его на сумму въ тридцать тысячъ рублей и что онъ Б. совершенно воленъ оставаться, гдѣ онъ найдетъ за лучшее, воленъ также и возвратиться. Надо вамъ знать, что вышепомянутая проклятая шайка «застегнутаго» создала въ головѣ Б. несуществующій призракъ, который онъ считаетъ своимъ врагомъ, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничьимъ врагомъ не бывалъ. Еще лучше будетъ, если вамъ можно будетъ залучить его къ себѣ и поговорить съ нимъ. Посовѣтуйте ему, чтобы онъ обращался къ вамъ. Вы увидите, что онъ неглупъ, но что очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извинить за хлопоты, которые вамъ причиняю, и предоставляю вамъ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію: только бы тотъ зналъ, что онъ непремѣнно будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно.

---

[2]) Въ этой оперѣ много Русскихъ народныхъ пѣсенъ.

4.

Пелла, 18 Іюня 1786.

Не бойтесь: вы не будете забыты во время Таврическаго путешествія [3]); но какъ мой козелъ отпущенія есть человѣкъ самый исправный въ исполненіи моихъ порученій, то уставъ ордена Св. Владиміра дозволяетъ и требуетъ, чтобы онъ былъ причисленъ къ кавалерамъ онаго. По этимъ причинамъ посылаю вамъ ленту втораго класса. Продѣньте въ нее шею и носите ее на груди, а звѣзду приколите надъ самымъ сердцемъ. Да благословитъ васъ Богъ!

5.

Царское Село, 22 Іюля 1786.

Все, что вы пишете мнѣ объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ [4]), меня не удивляетъ. Онъ происходитъ отъ очень странныхъ людей и во многомъ уродился въ нихъ; но не надобно, чтобы молодой человѣкъ умиралъ съ голоду изъ-за прихоти людей, не имѣющихъ на него никакихъ правъ. Совершенно въ его волѣ оставаться или ѣхать назадъ, и какъ бы онъ ни рѣшился, деньги онъ будетъ получать. У него въ настоящее время свыше 37,000 рублей дохода; капиталъ лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Не понимаю, какимъ образомъ это могло остаться ему неизвѣстнымъ, такъ какъ въ 1782 году я увѣдомила его собственноручнымъ письмомъ, какъ великъ его капиталъ и доходъ. Его замѣчанія относительно Бецкаго очень вѣрны и правильны; не знаю, въ какомъ отношеніи сей послѣдній впредь могъ бы вмѣшиваться въ его дѣла, такъ какъ Опекунскій Совѣтъ обязанъ выдавать доходъ съ его капитала ему, то есть самому молодому человѣку, или его повѣреннымъ. При семъ посылаю письменное свѣдѣніе объ этомъ капиталѣ и копію съ моихъ приказовъ по этому предмету. Изъ прилагаемой записки Бецкаго видно, что онъ опять хотѣлъ вставить крючокъ; я сразу положила этому конецъ, написавъ ему, чтобы проценты высылались безъ всякихъ кляузъ и что всякій иной образъ дѣйствія будетъ несправедливъ и не будетъ мною одобренъ.

6.

23 Сентября 1786.

Не я дала Пеллѣ имя Пеллы: Пелла называлась Пеллою до меня и пофински значитъ пыль. Когда у васъ будетъ мой словарь всѣхъ языковъ, вы сдѣлаете много другихъ открытій. Сто словъ уже напечатано на двухъ стахъ языкахъ. Когда ихъ будетъ полтораста, выдетъ первый томъ въ четвертку.

---

[3]) Всѣ распоряженія къ этому путешествію были подписаны Екатериною еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 1786 года, и тогда же отъѣздъ назначенъ на Январь 1787 года.

[4]) Бобринскомъ. См. его бумаги и его путевой дневникъ въ третьихъ книгахъ Русскаго Архива 1876 и 1877 годовъ.

Потеря Бразинскаго [5]) невознаградима. Это былъ человѣкъ умный и достойный. Прочитавъ хорошую книгу, я отдавала ее ему на прочтеніе. Никто такъ не служилъ мнѣ какъ этотъ человѣкъ, и поэтому я считаю его кончину жестокою для себя потерею.

Циммерманъ не спасалъ Прусскаго короля: его нельзя было спасти[6]).

Извѣстный молодой человѣкъ вполнѣ можетъ распоряжаться своей судьбой. Такъ какъ теперь у насъ нѣтъ никакого дѣла для военныхъ людей, то онъ можетъ вернуться сюда, или оставаться тамъ, или дѣлать что̀ ему угодно. Если бы гдѣ нибудь была война, можно было бы посовѣтовать ему поступить волонтеромъ. Коли захочетъ побывать въ Англіи, на то его воля. Если онъ вернется сюда, то будетъ служить, пока придетъ его чередъ выйти въ армію.

Что странно въ судьбѣ Ирода, это, что на мѣстѣ никто не пожалѣлъ его кромѣ его жены, которой онъ не любилъ. Она одна искренне плакала по немъ.

5 Октября. Имѣю честь препроводить вамъ карту окрестностей Петербурга. Пеллу извольте искать надъ рѣкой. Какъ разъ противъ Пеллы найдете островки, дачу или, вѣрнѣе, имѣніе князя Потемкина, прелестное мѣстечко; а какъ разъ возлѣ Пеллы Петрушкино, помѣстье оберъ-шталмейстера Нарышкина. Надобно вамъ сказать, что, когда я ѣзжу въ Пеллу, въ двухъ этихъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ на самыхъ Невскихъ порогахъ, бываетъ очень шумно. Когда прочтете на картѣ Софію, то да будетъ вамъ извѣстно, что этотъ новый городъ находится прямо противъ Царскосельскаго сада или, вѣрнѣе, озера; но, чтобы вамъ лучше уяснить все это, дарю вамъ планъ Царскаго Села, даже для бо̀льшаго удобства, въ двухъ экземплярахъ; впрочемъ скажу вамъ, что всѣ мои загородныя резиденціи просто бѣдныя хижинки въ сравненіи съ Пеллою, которая воздвигается какъ Фениксъ.

7.

Спб. 17 Декабря 1786.

Черезъ двѣ недѣли мы ѣдемъ въ Кіевъ, и когда вы получите это, мы уже будемъ близко оттуда. Признаюсь мнѣ бы хотѣлось уже быть тамъ, потому что къ отъѣзду накопилось столько дѣлъ, что нѣтъ минуты свободной. Между прочимъ дѣла Зельмиры совсѣмъ въ отчаянномъ положеніи, и по всему видно, что мнѣ очень скоро придется обратиться прямымъ путемъ къ ея родителю. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ со мной каждый разъ, какъ я только вспомню объ ней, дѣлается лихорадка. Говорите послѣ этого, что я равнодушна къ чужому горю.

Далѣе въ подлинникѣ слѣдуетъ:

«Метафизическое, физическое и нравственное описаніе Краснаго Кафтана» (l'habit rouge).

---

[5]) Христіанъ Ермолаевичъ Бразинскій, камердинеръ Екатерины. У Храповицкаго, подъ 27 числомъ Февраля 1786: «Х. Е. Бразинскому давали читать въ будуарѣ комическую оперу, Февей». Онъ скончался 9 Мая этого года.

[6]) Фридрихъ Великій умеръ 17 (29) Августа этого 1786 года.

Подъ этимъ именемъ разумѣется графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19 Сент. 1758, въ одинъ годъ съ Ланскимъ, сконч. 29 Сент. 1803) близкій родственникъ Д. И. Фонвизина и сынъ дѣльца, издавна служившаго по дворцовому вѣдомству. Екатерина въ первый разъ упомянула о немъ Гримму въ письмѣ отъ 23 Іюля 1786, а 17 Сентября пишетъ: «Вы узнаете со временемъ, что̀ такое Красный Кафтанъ, если уже не знаете».

8.

26 Декабря 1786.

Въ нашемъ Эрмитажѣ вотъ уже десять дней витаетъ заколдованная принцесса: Зельмира убѣжала ко мнѣ, такъ какъ она рисковала бы жизнью съ такимъ недостойнымъ негодяемъ, каковъ ея супругъ. Не было дурнаго обращенія или оскорбленія, которыхъ бы ей не пришлось испытать или опасаться. Я воспользовалась удобнымъ случаемъ и приказала сказать этому дьяволу, чтобы онъ убирался отсюда. Онъ написалъ мнѣ бѣшеное письмо; но все-таки ему пришлось собраться въ дорогу, и во Вторникъ на прошедшей недѣлѣ онъ уѣхалъ, объявивъ, что ѣдетъ для свиданія съ тестемъ, и Зельмира боится, чтобы онъ не очернилъ ея въ глазахъ ея родителей. Общество все противъ негодяя; даже самые близкіе къ нему люди не оправдываютъ его. Они жалѣютъ только, зачѣмъ Зельмира не предупредила ихъ; но, говоря по совѣсти, она не могла этого сдѣлать. Думаю, что и на меня тоже дуются, но какъ себѣ хотятъ: посердятся, да и перестанутъ. Мое положительное и твердое намѣреніе отправить Зельмиру обратно къ ея родителямъ, и во всемъ этомъ дѣлѣ я поступала, поступаю и поступлю, какъ велитъ долгъ. Дожидаться отвѣта отъ родителей здѣсь я не могу, потому что уѣзжаю 2-го Января. Отправить Зельмиру наудачу я не могу, и потому пока рѣшилась услать ее отсюда, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Куда она поѣдетъ дожидать рѣшенія своей участи, въ эту минуту не могу вамъ сказать опредѣленно, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ выбрать для нея удобный и приличный пріютъ. Сверхъ того я ей дала слово, что, помимо ея собственной воли и не убѣдившись въ томъ, что судьба ея устроится къ лучшему, на сколько это возможно въ ея тяжкомъ положеніи, ея не заставятъ покинуть уединеніе или временный пріютъ, гдѣ она пока будетъ помѣщаться. Все это, кажется, почеловѣчески и пристойно. На сколько можно было, я постаралась закрыть молчаніемъ разные ужасы и на другой же день отправила курьера и написала родителю Зельмиры, прося его уладить это дѣло со мною дружески. Я нахожу, между прочимъ, что Зельмира отнюдь не глупа. Въ ней довольно мужества и твердости; она надѣется, что я ея не покину, и въ этомъ не ошибется. Ей бы очень хотѣлось остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но это наврядъ ли возможно, потому что у насъ будутъ рады забыть всю эту непріятную исторію. Надобно признаться, что Зельмирину роду никогда не было счастья въ Россіи: вотъ уже восьмой

или девятый человѣкъ изъ этого дома терпитъ здѣсь горе [7]). Сообщите мнѣ, что̀ узнаете о настроеніи Зельмирина батюшки, доволенъ ли онъ мною или не доволенъ? Не могу допустить, чтобы негодяю удалось заставить его забыть, какой онъ злой и дурной человѣкъ. Для этого я слишкомъ высокаго мнѣнія объ умѣ человѣка, принадлежащаго къ числу героевъ нашего вѣка [8]). Негодяй же, напротивъ, герой злости. Говорятъ, онъ намѣренъ поселиться въ Швеціи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ во враждѣ непримиримъ и не понимаетъ, какъ люди могутъ прощать. Не правда ли, премилый характерецъ?

*

Надѣемся, что читатели Русскаго Архива не посѣтуютъ на то, что весь настоящій выпускъ занятъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Предупреждаемъ ихъ, что мы далеко не исчерпали всего историческаго богатства, содержащагося въ письмахъ Екатерины къ Гримму за первыя двѣнадцать лѣтъ ихъ переписки, и увѣрены, что всякій занимающійся Русскою исторіею обратится къ подлинникамъ, которые изданы въ особой книгѣ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Въ книгѣ этой разсѣяно множество драгоцѣннѣйшихъ указаній и для общей Европейской исторіи; но для насъ, Русскихъ, образъ великой Государыни является въ этихъ письмахъ въ новомъ, еще болѣе противъ прежняго привлекательномъ и достославномъ, видѣ.

Извлеченія изъ писемъ за послѣдующее и послѣднее десятилѣтіе появятся также въ Русскомъ Архивѣ. П. Б.

Поправки.

Выше, на стр. 9-й, въ 2-мъ примѣчаніи вмѣсто: Василія Семеновича, слѣдуетъ Александра Васильевича.

На стр. 40, при первомъ письмѣ пропущены слова: 10-го Января 1778 года.

*

Во второй книгѣ Русскаго Архива сего года, на стр. 315, упомянуто нами о мятежѣ регулярныхъ войскъ во время Хивинскаго похода 1839 года и приведенъ разсказъ, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ графъ В. А. Перовскій. Мы получили отъ графа Бориса Алексѣевича Перовскаго положительное заявленіе, что ничего подобнаго онъ никогда не слыхалъ ни отъ брата своего, ни отъ участниковъ Хивинскаго похода, и что разсказъ этотъ онъ считаетъ неправдоподобнымъ. П. Б.

---

7) Кто эти восемь или девять лицъ изъ Брауншвейгскаго дома, мы доподлинно указать не можемъ; развѣ Екатерина считаетъ и дѣтей Антона Ульриха.

8) Отецъ Зельмиры отличился воинскими подвигами во время Силезскихъ войнъ и въ войну Семилѣтнюю.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1879 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.

1878.

ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ УЧЕБНЫЯ КНИГИ ПО АРИѲМЕТИКѢ,

составленныя **Еленевымъ** и допущенныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ число учебныхъ пособій для начальныхъ училищъ:

Ариѳметика для одноклассныхъ начальныхъ училищъ, а также для приготовительныхъ классовъ и 1-го класса гимназій. Ц. 45 к., вѣсов. за 1 ф.—**Руководство** для учителей къ преподаванію ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, а также въ приготовительныхъ классахъ и 1-мъ классѣ гимназій. Ц. 65 к., вѣсов. за 2 ф.—**Ариѳметика** для двуклассныхъ начальныхъ училищъ, съ приложеніемъ правилъ объ измѣреніи площадей и объемовъ. Ц. 70 к., вѣсов. за 2 ф.—**Руководство** для учителей къ преподаванію ариѳметики въ двуклассныхъ начальныхъ училищахъ. Ц. 1 р., вѣсов.за 2 ф.— Продаются въ книжныхъ магазинахъ **Глазунова**: въ Петербургѣ, Большая Садовая, д. Публичной Библіотеки; въ Москвѣ, на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста, д. Хомяковыхъ. Если требованія будутъ адресуемы **въ Петербургъ, въ складъ ариѳметикъ Еленева** (адресъ котораго извѣстенъ Почтамту), то учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка 20%, а книгопродавцамъ по соглашенію. Пересылка на счетъ покупателей.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

БОЛЬШОЕ СОЧИНЕНІЕ Н. П. БАРСУКОВА:

„ЖИЗНЬ И ТРУДЫ"

ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА СТРОЕВА.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

въ **Москвѣ**—въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (на углу Воздвиженки и Моховой) и у книгопродавца Васильева (Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина); а въ **С.-Петербургѣ**, у книгопродавца Реттгера (Шмицдорфъ) новое изданіе книги:

ДРЕВНІЯ РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

СОБРАННЫЯ

Киршею Даниловымъ,

по изданію графа Румянцова 1818 года, съ предисловіемъ Калайдовича и нотами.

Цѣна 2 рубля.

Письма Екатерины Второй къ барону Гримму.

1787 годъ.

1.

Спб. 1 Января 1787.

Сегодня канунъ моего отъѣзда. Завтра ѣду въ Царское Село и оттуда 7-го числа Января въ Кіевъ. Столъ у меня прибранъ и совсѣмъ чистъ. Остается только вамъ отвѣчать. Возвратившійся Роджерсонъ совѣтуетъ вамъ дѣлать больше движенія. Никогда еще не заваривалось такой каши, какъ за послѣднія три-четыре недѣли. Прилагаемое письмо познакомитъ васъ со сплетнями на счетъ Зельмиры. Мнѣ пришлось заняться этимъ дѣломъ не кое-какъ, а очень и очень серьезно. Невѣстка разъигрываетъ невиннаго ребенка; ей нельзя всего говорить; ну она, какова есть, такою и останется. Стало быть благоразумнѣе всего было поступить такъ, какъ я поступила, вотъ и все. Но это говорится для васъ однихъ. Гдѣ же писать вамъ обо всѣхъ дѣлишкахъ, которыми мы здѣсь занимаемся? Все это идетъ своимъ чередомъ, и когда что нибудь сдѣлано, о томъ перестаютъ и думать. Такимъ способомъ мы роемъ каналы и строимъ большія дороги и тридцать шесть гранитныхъ мостовъ между Петербургомъ и Москвой. Мои три карманные министра [1]) поѣдутъ со мною 7-го числа. Оказывается, что г-нъ фонъ-Герцбергъ [2])—Германскій Златоустъ; но, скажите пожалуста, приходилось ли вамъ читать что нибудь изъ его писаній? Я ничего не читала, сколько помнится, кромѣ развѣ объявленій въ газетахъ или журналахъ. Что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ Прусскимъ королемъ, очень странно; полагаю, вы передъ нимъ были вдвойнѣ виноваты: дружбой съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей услужницей; ну а онъ обоихъ насъ не долюбливалъ.

---

[1]) Т. е. посолъ Германскаго императора графъ Кобенцель, посланникъ Англійскій Фицъ-Гербертъ и посланникъ Французскій графъ Сегюръ. Екатерина и въ предъидущихъ письмахъ называла ихъ карманными, оттого что они часто бывали при ней и она передъ тѣмъ возила ихъ съ собою, путешествуя по Вышневолоцкой системѣ и въ Москву и въ поѣздкахъ на дачи.

[2]) Первый министръ новаго Прусскаго короля-масона Фридриха Вильгельма II-го, враждебно настроеннаго къ Россіи.

2 Января, въ семь часовъ утра. Уѣзжаю сегодня въ 11 часовъ въ Царское Село; но надо напередъ отвѣчать на ваше письмо. Прежде всего тутъ комплименты на комплиментахъ и извиненія съ вашей стороны, и затѣмъ увѣренія, что при Гриммовскомъ дворѣ я обрѣтаюсь все въ бо̀льшей милости. За это великое спасибо. И такъ я не похожу на принца Оранскаго, про котораго оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ презабавно говоритъ, что ему очень плохо при дворѣ. Надо вамъ знать, что я отмѣнно довольна, когда оберъ-шталмейстеръ заговоритъ о политикѣ, и великое удовольствіе предоставить ему Европейское устройство. Графъ Ангальтъ возвратился и послѣ всѣхъ своихъ разъѣздовъ отправляется со мною. Я ему отъ васъ кланялась. А! теперь очередь за Краснымъ Кафтаномъ. Не нынче-завтра, при первой удобной оказіи, онъ самъ возмется за перо и, чертъ побери, станетъ обороняться, потому что онъ на это мастеръ и, сверхъ того, вы ошибаетесь: первый наставникъ г-на Краснаго Кафтана былъ іезуитъ, къ которому онъ почувствовалъ довольно сильное отвращеніе, а затѣмъ ему дали прекраснѣйшаго наставника, котораго онъ полюбилъ всей душой и до сихъ поръ любитъ; подъ его руководствомъ онъ выучился читать классиковъ съ охотой и пользой. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду нашъ Красный Кафтанъ такъ пристрастился къ Гомеру, что его трудно было оторвать отъ него; онъ бралъ его съ собою въ постель, когда ему не давали читать его днемъ, и я могу засвидѣтельствовать предъ вами, что г. Красный Кафтанъ—личность далеко не рядовая. Въ насъ бездна остроумія, хотя мы никогда не гоняемся за остроуміемъ, мы мастерски разсказываемъ и обладаемъ рѣдкой веселостью; наконецъ, мы—сама привлекательность, честность, любезность и умъ; словомъ, мы себя лицемъ въ грязь не ударимъ. Я прочитала ему все, что̀ вы пишете касательно до него; онъ нашелъ, что это прелестно и кланяется вамъ, не будучи знако̀мъ съ вами.

2.

Въ Кричевѣ, помѣстьѣ князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между Смоленскомъ и Кіевомъ, въ Могилевской губерніи, 19 Января 1787.

По мѣсту, откуда пишу къ вамъ, вы видите, что, вопреки Амстердамской газетѣ, я ѣду, и все обстоитъ какъ нельзя лучше; но правда, что въ Смоленскѣ г-нъ Красный Кафтанъ изволилъ слечь въ постель, захвативъ не на шутку сильнѣйшую лихорадку съ страшной горловой болью; но мистеръ Рожерсонъ атаковалъ его Джемсовскимъ порошкомъ и Шпанской мушкой, которые живо поставили его на ноги. Во время моего четырехдневнаго пребыванія въ этомъ городѣ замѣчательно вотъ какое обстоятельство: такъ какъ нашей прислугѣ подъ рядъ трое сутокъ дулъ въ глаза вѣтеръ, то, когда мы пріѣхали въ Смоленскъ, почти у всѣхъ разболѣлись глаза; но пока я оставалась въ этомъ городѣ, всѣ выздоровѣли. Всѣ мои спутники очень веселы и здоровы. Мы въ восьми стахъ верстахъ отъ Петербурга и въ семи стахъ отъ Кіева, подъ 54 градусомъ долготы. Одна-

ко еще холодно. Вчера я получила письмо отъ князя Потемкина, который 7 Января былъ въ Тавридѣ и увѣряетъ, что тамъ уже зелень.

3.

Кіевъ, 8 Февраля 1787.

Я пріѣхала сюда 29 Января въ добромъ здоровьѣ, въ двадцатиградусный морозъ; не взирая на то, ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ не оказалось. Всѣ эти дни мы провели въ балахъ, праздникахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ Понедѣльникъ, слава Богу наступилъ постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ. Полъ-Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ Испанскій грандъ, принцъ Нассаускій, и еще одинъ Испанецъ, по фамиліи Миранда. Все это, когда разъѣдется, станетъ говорить, что не стоило пріѣзжать. Страненъ здѣшній городъ: онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій, да изъ предмѣстій, а самаго города я до сихъ поръ не могу доискаться; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ по крайней мѣрѣ съ Москву. Съ герцогомъ Брауншвейгскимъ мы ведемъ теперь очень разумные переговоры; мой курьеръ привезъ отвѣтъ отъ него, а вчера я отправила къ нему другаго курьера. Я выдамъ имъ мою принцессу только тогда, когда удостовѣрюсь, что происки мужа не повредили ей въ глазахъ ея родителей, чего она очень опасается; если разъ я взялась покровительствовать, то покровительствую не на шутку; я желаю обезпечить моей принцессѣ въ будущемъ, послѣ столькихъ страданій и разочарованій, возможность тихаго и спокойнаго существованія [3]).

4.

Кіевъ, 1 Апрѣля 1787.

Вчера я получила письмо отъ Зельмиры и вложенное въ немъ письмо отъ ея родителя. Изъ письма видно, что, не смотря на обѣщанія родителя, клеветы мужа не остались безъ впечатлѣнія. Этотъ бѣшеный на меня злится по крайней мѣрѣ столько же, сколько на жену, за покровительство, которое я ей оказала. У него теперь развязаны руки, благодаря тому, что я прикрыла его безобразія; но, если онъ выведетъ меня изъ терпѣнія, я заговорю въ свою очередь, и тогда увидимъ, кто изъ насъ будетъ болѣе правъ. Изъ послѣдняго письма отца Зельмиры ко мнѣ я очень хорошо вижу, что онъ сталъ со мной гораздо менѣе откровененъ, чѣмъ былъ по началу. Я, было, приписала это первому невольному впечатлѣнію послѣ шестичасовой бесѣды съ зятемъ; но письмо его къ дочери доказываетъ, что эта бесѣда пускаетъ прочные корни. Зельмира умираетъ отъ страха, какъ бы ея не выдали мужу. Всякій, кто знаетъ положеніе дѣла, какъ я его знаю, скажетъ, что это было бы безчеловѣчно. Буду молчать, пока будетъ можно, и никогда не заставлю Зельмиры покинуть свое теперешнее убѣжище, гдѣ она живетъ въ безопасности и на своей волѣ, до тѣхъ поръ пока она сама не убѣдится вполнѣ и совер-

---

[3]) Часть переписки между Екатериною и герцогомъ Брауншвейгскимъ напечатана въ XII книгѣ Архива Князя Воронцова.

9*

шенно въ томъ, что ея судьба измѣнится къ лучшему, и пока у нея не останется никакаго повода къ какимъ бы то ни было опасеніямъ. Послушайте, я покамѣстъ говорю и не договариваю, потому что рѣшилась сказать свое настоящее слово тогда только, когда увижу въ томъ необходимость. Постарайтесь воспользоваться настоящимъ сообщеніемъ возможно лучше, чтобы подѣйствовать на отца; я буду очень рада, если меня не вынудятъ заговорить.

Если бы я могла переговорить съ вами въ продолженіи четверти часа, вы сказали бы: она въ самомъ дѣлѣ права; и отецъ, и дочь и зять обязаны ей много, очень, очень много. У меня на это есть неопровержимый свидѣтель, который, въ случаѣ нужды, подтвердитъ все, что̀ мною сдѣлано и что̀ я теперь говорю.

2 Апрѣля. Сегодня пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ утвердила торговый трактатъ съ Франціей. Мнѣ нужно увѣдомить васъ о прибытіи ко мнѣ курьера-философа Паликучи. Это сынъ одного Грека-капитана, который состоялъ на нашей службѣ на своемъ собственномъ кораблѣ въ послѣднюю войну съ Турками и на нашей службѣ умеръ; сестра этого Паликучи—Гречанка-красавица, которая мнѣ служитъ и которую я очень люблю за то, что она ловка, какъ мартышка, и одѣваетъ меня, какъ ей вздумается, и всегда въ моемъ вкусѣ.

О, сколько бѣдъ понадѣлали нѣкоторымъ государствамъ добрые граждане! Видѣли мы, какъ превосходные граждане упустили цѣлыхъ пятнадцать провинцій. Фицъ-Гербертъ утверждаетъ, что для Англіи это истинное благополучіе. Отъ такаго благополучія упаси Богъ всякаго добраго человѣка! Вотъ еще одинъ отличнѣйшій гражданинъ скончался, не стяжавъ себѣ славы, бѣдняжка. Людская слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюбляется въ однихъ дураковъ. Въ теперешнюю пору помилуй насъ Богъ отъ государей-гражданъ. Немного чести, когда похвалятъ въ одномъ лишь надгробномъ словѣ: мало охотниковъ слушать эти слова, а читать и вовсе нѣтъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, онъ отправляется въ Женеву на долгое житье; видно, хвалёный-то Фридрихъ Вильгельмъ недостаточно часто обращается къ нему за совѣтомъ. И то сказать, куда неудобно всегда имѣть такихъ дядюшекъ, которые все хотятъ, чтобы у нихъ спрашивали совѣта, и уѣзжаютъ, какъ скоро у нихъ не просятъ совѣтовъ. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго, при жизни отца, выбралъ путь противоположный тому, которымъ шелъ отецъ, — все это совершенно въ порядкѣ вещей и меня нимало не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: точь въ точь, какъ у насъ дѣлается. Я впрочемъ этого не говорю прямо, но надѣюсь того же. Но, наконецъ, если герцогъ Орлеанскій и герцогъ Бурбонскій желаютъ предпочтительно, чтобы собраніе камей перешло въ мои руки въ полномъ составѣ, то я рѣшаюсь купить его за ту цѣну, въ которой вы успѣете сойтись, но ни въ какомъ случаѣ не свыше 480 тысячъ ливровъ; именно вы заплатите сперва часть покупной суммы изъ тѣхъ денегъ, которыя у васъ имѣются въ настоящее время, а срокомъ для уплаты остальнаго назначите

три первые мѣсяца 1788 года. Впрочемъ пожалуй, если будетъ возможность, я заплачу и прежде этого срока, а вы увѣдомите меня о томъ, какъ вамъ удастся уладить, и вò время предупредите меня. Но не покупайте съ аукціона, если таковой состоится, и постарайтесь выторговать побольше, чтобы съ княземъ Вяземскимъ не случилось удушья.

Вопервыхъ, невозможно же требовать, чтобы я постоянно отмѣчала и записывала всѣ сцены, которыя, къ соблазну цѣлаго Петербурга и всей Финляндіи, происходили между Зельмирой и ея мужемъ, пока они тамъ жили. Вовторыхъ, о многихъ изъ такихъ сценъ до моего свѣдѣнія доходило только уже спустя нѣкоторое время. Втретьихъ, я не всегда упоминала о нихъ, потому что мнѣ это надоѣло, и я вовсе не подряжалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе остановило мое вниманіе въ настоящую минуту, что отецъ пишетъ дочери, будто бы, до ея отъѣзда отъ мужа ко мнѣ, въ ея домѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ господствовали тишина и согласіе. Это пахнетъ упрёкомъ, и дочь задѣта этимъ за живое. На самомъ дѣлѣ Зельмира божилась мнѣ, что за всѣ семь лѣтъ ея супружеской жизни, она, общимъ счетомъ, не можетъ насчитать и шести недѣль спокойныхъ; да и тутъ еще двѣ недѣли насчитала я, потому что собственно по ея словамъ не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, сцены нерѣдко бывали за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что отъ приглашеній на ихъ обѣды бѣгали, какъ отъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она боится, что родитель ея выдастъ ее тирану. Впрочемъ все, чтò будетъ сдѣлано для блага Зельмиры, очень меня порадуетъ, потому что я принимаю искреннее участіе въ этой бѣдняжкѣ, участь которой могла бы быть совсѣмъ иною, если бы ея не выдали за этого полоумнаго, у котораго, повидимому, жолчь отнимаетъ разсудокъ, потому что онъ злится безъ исключенія на весь родъ человѣческій. Я не могу вмѣшаться прямо въ дѣло о разводѣ, потому что съ перваго же дня велѣла передать бѣшеному супругу, что не берусь быть его судьею, и счастье его, что это такъ. Таковой отзывъ мой я сообщила и герцогу Брауншвейгскому; но если бы сей послѣдній или владѣющій герцогъ Виртембергскій пожелали моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ, находящійся во Франкфуртѣ, уполномоченъ мною оказать имъ таковое. И такъ покамѣстъ я ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь, какъ только могу, быть полезною Зельмирѣ, которая въ своемъ уединеніи несетъ свое горе съ твердостію и мужествомъ философа, и которая гораздо умнѣе, нежели я предполагала въ то время, когда она была слишкомъ поражена. Желаю, чтобы молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать полтора года тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жены двухъ старшихъ братьевъ. Зельмира сказала мнѣ: они всѣ большіе охотники до женитьбы; причина понятна—бѣдность. Такъ какъ вы пишете, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ своихъ дѣтей, то при свиданіи постарайтесь узнать, извѣстны ли ей дѣянія старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіи

четырехъ лѣтъ наносилъ своей сестрѣ, и то вліяніе, которое, не смотря на то, онъ имѣетъ на свою сестру, которая, быть можетъ, боится его болѣе вблизи, чѣмъ въ отдаленіи. Впрочемъ, я не предполагаю и не требую, чтобы вы стали пускаться съ нею въ эти разъясненія въ ущербъ ея зарождающейся благосклонности къ вамъ. Ея наивное признаніе, сдѣланное вамъ, что она питала къ вамъ сильное отвращеніе, потому что считала васъ моимъ любимцемъ,—неоцѣненно.

Красный Кафтанъ, въ знакъ особой благосклонности, посылаетъ вамъ рисунокъ своей работы. Онъ соглашается самъ, что глазъ нарисованъ немножко выше, чѣмъ бы слѣдовало, а носъ вышелъ чуточку слишкомъ востеръ; но, въ виду того, что, занимаясь подобной работой уже нѣсколько дней къ ряду, онъ успѣлъ натрудить руку, что онъ съ самой любезной готовностью согласился нарисовать этотъ портретъ собственно для васъ, что у него съ руками рвутъ всѣ портреты, которые онъ только успѣваетъ сдѣлать, что принцъ Делинь и многіе другіе растащили у него экземпляры гораздо лучше этого; въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вы благоволите удовольствоваться этимъ отмѣннымъ знакомъ его расположенія. Впрочемъ этотъ Красный Кафтанъ такъ любезенъ, остроуменъ, веселъ, такой красавецъ, такой добрый и пріятный, такой милый собесѣдникъ, что вы очень хорошо сдѣлаете, если полюбите его заочно. Кромѣ того, онъ страстно любитъ музыку, о чемъ можете справиться у шевалье Деламета. Этотъ шевалье и Сегюръ вчера ужинали у него, и онъ угощалъ ихъ игрой превосходнаго скрипача, котораго мнѣ пришлось выписывать нарочно изъ Петербурга, въ силу того, что Красный Кафтанъ безъ музыки жить не можетъ. Можете быть увѣрены, что этотъ господинъ вездѣ, во всякой сферѣ, будетъ на мѣстѣ, и что всѣ наши путешественники любятъ его, потому что онъ необыкновенно милъ въ обществѣ.

4 Апрѣля. Князь Потемкинъ поручилъ сказать вамъ, что онъ готовилъ вамъ даръ, но что этотъ даръ не можетъ быть отправленъ съ настоящимъ курьеромъ, поелику даръ сей еще не готовъ. Я полюбопытствовала, что̀ бы это такое было, и онъ сказалъ мнѣ, что это музыка дервишей съ нотами и его, князя Потемкина, собственными примѣчаніями. Вамъ извѣстно, что я ненавижу посвятительныя посланія; потому всѣхъ этихъ господъ съ посвятительными посланіями извольте адресовать къ хваленому Фридриху Вильгельму: тамъ ихъ настоящее мѣсто.

Я, кажется, уже поздравляла васъ по случаю рожденія дѣвицы дю-Бюейль [4]); у ея кума Александра и у красавицы Елены, въ мое отсутствіе, была корь, равно какъ и у всѣхъ братцевъ и сестрицъ, и притомъ непосредственно вслѣдъ за летучей оспой; и такъ какъ можно опасаться, чтобы къ нимъ, т. е. дѣвочкамъ (мальчикамъ оспа была привита) не пристала настоящая оспа, то красавица Елена и ея сестрицы будутъ безотлагательно подвергнуты привитію.

[4]) Госпожа дю-Бюейль была внучка г-жи д'Эпинэ. Въ устройствѣ ея судьбы Екатерина приняла дѣятельное участіе.

Смерть Верженя—потеря для Франціи; я приказала выдать его наслѣдникамъ то, что̀ предназначалось ему; я его очень цѣнила и уважала. Г. Сенъ-При хорошо могъ бы замѣнить его; на мое довѣріе къ нему онъ можетъ вполнѣ разсчитывать. Г-на де-Монморена очень хвалятъ. Сочиненіямъ г. Байли я очень рада; еще не успѣла раскрыть ихъ, ни даже прочесть его письмо, но, при первой возможности, расквитаюсь съ нимъ. Красный Кафтанъ слишкомъ уменъ, чтобы даться въ обманъ шарлатанамъ; вообще его не такъ легко мистифировать: мы слишкомъ образованны, въ насъ слишкомъ много здраваго смысла и тонкаго такта, чтобы попасться на удочку.

4 Апрѣля послѣ обѣда. Вчера послѣдовалъ размѣнъ ратификацій торговаго трактата. Грустно, что Бобринскій входитъ въ долги. Ему хорошо извѣстна цифра его дохода; доходъ этотъ очень приличный; затѣмъ, кромѣ этого, у него ничего нѣтъ.

Шевелье Ламетъ сегодня прощался. Я думаю, что ему и всѣмъ пріѣхавшимъ сюда иностранцамъ приходилось не разъ раскаяваться въ томъ, что они предприняли это путешествіе; потому что прежде всего, городъ отвратителенъ: они съ трудомъ могутъ продовольствоваться въ мерзѣйшихъ клѣтушкахъ. Кромѣ того большая ихъ часть пріѣхала, повидимому, чтобы находиться въ моемъ сообществѣ, тогда какъ меня увѣряли, что цѣлью ихъ было увидѣть меня. Обманувшись въ своемъ намѣреніи, они разъѣхались. Но тѣмъ не менѣе, какая толпа! Я никогда не видала ничего подобнаго.

Что̀ до вашего собранія нотаблей, хотя оно дѣлаетъ честь благимъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ объ этомъ собраніи не высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восхищеніи по поводу Славянскаго Евангелія, на которомъ Французскіе короли присягаютъ въ свою коронацію.

5 Апрѣля. Вчера мнѣ принесли привезенное курьеромъ Трипольскимъ. Я засѣла читать до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того какъ я читала, хартіи все разростались. Потомъ является князь Потемкинъ, за нимъ Красный Кафтанъ. Они говорятъ мнѣ: да извольте же одѣваться; у васъ сегодня куртагъ. Встаю, одѣваюсь, отправляюсь на этотъ куртагъ, за которымъ слѣдуетъ балъ, играю въ карты, потомъ прощаюсь съ депутаціей отъ Крымскихъ Татаръ, которая прибыла мнѣ на встрѣчу звать меня пріѣхать къ нимъ; потомъ возвращаюсь въ свой кабинетъ, приподнимаю ваши хартіи, изъ нихъ выпадаетъ купидонъ съ двумя лебедями на привязи. Красный Кафтанъ поднимаетъ его съ полу. Это что такое? Я знать не знаю, ничего еще не успѣла прочесть; ну—искать, искать, что̀ бы это могло быть такое. Красный Кафтанъ, между тѣмъ, беретъ карандашъ и копируетъ для васъ этотъ рисунокъ, который ему очень понравился; но какъ я ни читала, какъ ни рылась и ни доискивалась, ни въ вашихъ письмахъ, ни въ приложеніяхъ къ нимъ не могла доискаться и помину объ этомъ купидонѣ, который такъ приглянулся Красному Кафтану. Благоволите объяснить намъ какъ нибудь въ другой разъ это обстоятельство, а покамѣстъ купидонъ будетъ покоиться въ портфелѣ у Краснаго Кафтана.

Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ два своихъ годовыхъ дохода и даже болѣе. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы войти въ соглашеніе съ заимодавцами относительно уплаты долга, и вотъ такимъ образомъ: ему извѣстно, сколько онъ имѣетъ годоваго дохода; пускай они (заимодавцы) оставятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай переведетъ на нихъ право на полученіе его доходовъ впредь до погашенія долга. Удивительно, какъ такой скряга далъ себя увлечь до того, что такъ разсорилъ свои средства. Я, пожалуй, прислала бы кого нибудь, чтобы вызвать его оттуда; но онъ такой недотрога и скрытникъ, что, пожалуй, не захочетъ довѣриться: скажется больнымъ и увернется. Мнѣ думается, всего лучше было бы вамъ вызвать его къ себѣ и сказать ему, что я поручила вамъ посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не держать пари на такія суммы, которыя превышаютъ его доходы и расплатиться съ долгами тѣмъ способомъ, какъ указано выше. Тогда видно будетъ, что онъ будетъ говорить. Потребуйте отъ него откровеннаго признанія и, если онъ признается, заставьте его изложить на бумагѣ, какъ онъ думаетъ уладить дѣло. Если же, напротивъ, онъ станетъ скрытничать и увертываться, въ такомъ случаѣ потрудитесь представить ему, какія изъ этого могутъ выйти послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили Бушуеву, что затѣмъ ему захотѣлось пожить на своей волѣ, что ему дали эту волю, и послѣдствіемъ было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что на будущее время онъ хорошо сдѣлаетъ, если постарается распоряжаться своими деньгами съ большей осмотрительностію; если, впрочемъ, онъ хочетъ раззориться, то пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Чтобы удалить его изъ Парижа, думаю, слѣдовало бы внушить ему съѣздить въ Англію: въ Англіи будутъ Русскіе корабли [5]), на которыхъ, можетъ быть, ему придетъ охота совершить морской походъ, за неимѣніемъ случая для сухопутнаго. Если увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ на дорогу, можете ссудить ему до тысячи червонцевъ, но никакъ не болѣе; потому что, мнѣ кажется, ему будетъ полезно испытать стѣсненіе такого рода. Должно вамъ сказать, что, при большомъ умѣ и отвагѣ, нашъ баринъ слыветъ за отъявленнаго лѣнтяя и даже нажилъ славу человѣка рѣдкой безпечности и распущенности; но на всѣ эти недостатки, которые могутъ разомъ измѣниться къ лучшему, не слѣдуетъ обращать вниманія. Нужда его, быть можетъ, исправитъ, потому что основа хороша; только мы не на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, Сутерландъ дѣлаетъ ему кредитъ въ счетъ его дохода и, переведя право полученія этого дохода на заимодавцевъ, какъ я сказала выше, полагаю, можно было бы удовлетворить тѣхъ, кому онъ задолжалъ.

Вы не можете себѣ представить, какъ я люблю, когда мнѣ говорятъ: ты. Я бы желала, чтобы вся Европа говорила: ты.

---

[5]) Это не сбылось тогда.

Цюрихскій Лафатеръ выводитъ, что королева Христина была несравненно лучше меня относительно физіономіи и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ; словомъ, что я ея башмака не стою и что моя физіономія выражаетъ ребячество и необдуманность. И такъ благоволите оставить въ покоѣ наши бѣдные носы, оберъ-шенковъ и мой, а вмѣсто нашихъ, извольте заняться носомъ королевы Христины, этого Александра Швеціи, и на сей конецъ обратиться съ своими разсужденіями къ Густаву-Антонину, ея преемнику, каковой въ настоящее время предается въ Упсалѣ глубокому изученію всѣхъ наукъ, и особенно той, въ которой онъ всего болѣе нуждается—науки дѣлать золото. Мнѣ она не нужна; я даю взаймы однѣми бумажками, но сама больше не занимаю.

Г-нъ де-Калонъ прислалъ мнѣ кучу разныхъ своихъ проектовъ, которые онъ выдаетъ за собственное произведеніе короля; я ничего еще не читала и очень опасаюсь, не вышло бы также скучно, какъ три тома Неккера; желаю, чтобы это не оказалось до такой же степени несбыточнымъ и безполезнымъ. Мысль—созвать нотаблей была чудесная. Если удалось мое собраніе депутатовъ, такъ это отъ того, что я сказала: «слушайте, вотъ мои начала; выскажите, чѣмъ вы недовольны, гдѣ и что у васъ болитъ? Давайте пособлять горю; у меня нѣтъ никакой предвзятой системы; я желаю одного общаго блага: въ немъ полагаю мое собственное. Извольте же работать, составлять проекты; постарайтесь вникнуть въ свои нужды». И вотъ они принялись изслѣдовать, собирать матеріалы, говорили, фантазировали, спорили; а ваша покорная услужница слушала, оставаясь очень равнодушной ко всему, что не относилось до общественной пользы и общественнаго блага.

Вы правы, говоря, что дѣло Зельмиры меня занимаетъ не на шутку, а очень и очень. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать къ ея отцу цѣлыя тетради бумаги по этому дѣлу и удержалась потому только, что сказала себѣ: развѣ ты забыла, что объявила сама, что не хочешь быть судьею въ этомъ дѣлѣ; или ты желаешь записаться въ стряпчіе и впутаться въ это дѣло больше, чѣмъ слѣдуетъ? Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ интересамъ Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя и что сей послѣдній далъ себя опутать ея полоумному супругу и намѣренъ ему выдать ее; и вотъ Зельмира въ такомъ смущеніи, что нельзя и выразить. Я думаю, что, если отецъ дастъ мнѣ честное слово никоимъ образомъ не вынуждать Зельмиру съѣхаться опять съ мужемъ, отъ котораго она, дѣйствительно, всего можетъ опасаться, то мнѣ легко удастся убѣдить ее возвратиться къ родителямъ, и срокомъ для этого, принимая въ разсчетъ всѣ обстоятельства, я полагаю время моего возвращенія въ Петербургъ; ибо думаю, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Обѣщаніе возвращенія дочери къ отцу могло бы послужить приманкой; но я вижу, что эта статья у нихъ уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я усматриваю, что онъ предлагаетъ ей 7000 гульденовъ

въ годъ, каковые, мнѣ думается, будутъ уплачиваться весьма плохо; ибо Петербургскіе заимодавцы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда ничего не платилъ. И такъ, если хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное будетъ считать доходъ съ дома, который я подарила ей въ Петербургѣ, если его удастся продать; да и то слѣдуетъ замѣтить, что супругъ запустилъ его страшно, какъ не принадлежащій ему, и не хотѣлъ никогда гроша истратить ни на какой ремонтъ.

Князь Вяземскій поѣхалъ въ Саратовъ на воды лѣчиться отъ своего удушья; онъ очень давно страдаетъ удушьемъ и не въ духѣ. Если г. де-Калонъ обрѣжетъ у владѣльцевъ государственной ренты проценты, которые онъ или его предмѣстники имъ обѣщали, то онъ уподобится аббату Террэ: это не дѣло. Но скажите пожалуста: чего хотятъ ваши нотабли? Я, съ своей стороны, ничего не понимаю. Я полагаю, что у нихъ просятъ денегъ; въ такомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія и очень естественно, что денегъ имъ нѣтъ охоты давать. Я скажу фактотуму, чтобы онъ выслалъ вамъ патентъ [6]), но на это потребуется время. Письмо ваше Рожерсону передано. Но я не могу подарить вамъ то, что̀ составляетъ собственность г-жи Фальконетъ, а эти люди до того жадны, что запросятъ съ васъ какую нибудь безумную цѣну, которой вы не захотите дать. Бюстъ работы Щедрина въ Петербургѣ: весною онъ собрался послать его вамъ; но въ немъ находятъ неестественность и натянутость, и посадка будто бы мнѣ вовсе несвойственна. Красный Кафтанъ находитъ этотъ бюстъ отвратительнымъ; впрочемъ, если смотрѣть издалека, на извѣстномъ разстояніи, онъ кажется не такъ плохъ. Я велю сказать Щедрину, чтобы онъ отправилъ его къ вамъ въ скорѣйшемъ времени. Вашъ поклонъ Польскому королю передамъ при свиданіи; онъ теперь въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я буду плыть мимо на судахъ, онъ пріѣдетъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ будемъ обѣдать.

5.

Кіевъ, 16 Февраля 1787.

Я получила здѣсь два письма отъ Бецкаго съ приложеніемъ двухъ писемъ отъ молодаго Бобринскаго; оба изъ Парижа, одно отъ 28 Декабря, другое отъ 11 Января. Бобринскій жалуется на нужду въ деньгахъ и проситъ ихъ у Бецкаго, а тотъ заявляетъ, что слѣдующая за текущій годъ сумма передана банкиру Сутерланду. Прежде всего прошу васъ не оставлять молодаго Бобринскаго безъ денегъ и добиться, чтобы онъ сосчиталъ самъ или велѣлъ сосчитать, что̀ онъ получилъ или чего не получалъ или что̀ ему остается дополучить; онъ долженъ разсчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые ему принадлежатъ и составляютъ его собственность, и кромѣ его самого, никто не можетъ и не долженъ распоряжаться ею.

---

[6]) На орденъ Св. Владиміра.

6.

Кіевъ, 2 Марта 1787.

Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего пріюта, что она никогда въ жизни не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ честными и добрыми людьми, которыхъ я къ ней приставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и, повидимому, здорова. Она, кажется, въ очень кроткомъ настроеніи, притомъ мужественна и тверда, и я сдѣлалась ея кумиромъ; за то и я съ своей стороры ея не покину. Мужъ дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы очернить ее передъ всѣми: въ самомъ дѣлѣ, не виновата ли она, что не обожаетъ такаго чудовища. Въ концѣ концовъ то, въ чемъ онъ обвиняетъ ее, было бы не болѣе, какъ весьма извинительная человѣческая слабость, между тѣмъ какъ проступки мужа гнусныя и преступныя мерзости.

7.

Съ галеры „Днѣпръ“, между Кіевомъ и Каневымъ, 24 Апрѣля 1787.

Я выѣхала изъ Кіева 22 этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плывемъ по Борисѳену на веслахъ, всѣ здоровёхоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество островов и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускать въ дѣло паруса; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: Польскій берегъ гористъ, а Русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра принимать Польскаго короля у себя на галерѣ.

26 Апрѣля. Король Польскій вчера провелъ девять часовъ на моей галерѣ; мы вмѣстѣ обѣдали. Почти тридцать лѣтъ, какъ я его не видала; можете судить, нашли ли мы одинъ въ другомъ перемѣну. Сегодня утромъ, съ разсвѣтомъ, я отплыла изъ подъ Канева, и мы проѣхали верстъ тридцать; послѣ полудня на насъ налетѣлъ здоровый шквалъ, и вотъ мы стоимъ на якорѣ, и пока моя галера покачивается на своемъ якорѣ и руль бездѣйствуетъ, какъ инвалидъ, я развлекаюсь тѣмъ, что пишу къ вамъ, передъ тѣмъ только что окончивъ письмо къ Брюсу, которому я отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два или три раза въ недѣлю, чтобы вызвать его на тоже самое, чего впрочемъ онъ никогда не пропускаетъ.

Сегодня утромъ мы узнали объ отставкѣ г-на де Калона; ну а нотабли, съ ними что же будутъ дѣлать? Я какъ разъ въ это время читала его докладныя записки и говорила про себя: опять красованіе на показъ. Но дѣйствительныхъ лѣкарствъ пріискать трудно, а почва очень скользкая, потому что всѣ скользятъ; проектъ чудесный, проектъ великолѣпный! Въ чемъ же дѣло? Въ какомъ же мѣстѣ давитъ башмакъ? Широкъ что-ли онъ слишкомъ или слишкомъ тѣсенъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ легко споткнуться. Спаси Богъ «бѣдныхъ людей!» Аминь.

Сего 3 Мая на моей галерѣ, въ 4 верстахъ отъ Кременчуга, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ, близь прекрасной дубовой рощи и сада, въ которомъ есть грушевыя деревья такой вышины и толщины, какихъ я не видывала отродясь, и всѣ въ цвѣту. Я думаю, что безспорно здѣсь прекраснѣйшій климатъ въ цѣлой Россійской имперіи; между тѣмъ здѣшніе жалуются на весну, что она въ этомъ году опоздала на три недѣли. Кременчугъ прелестнѣйшая мѣстность, какую мнѣ случалось видѣть; здѣсь все пріятно. Мы нашли здѣсь расположенныхъ въ лагерѣ 15 тысячъ человѣкъ превосходнѣйшаго войска, какое только можно встрѣтить; я здѣсь дала балъ, на которомъ было по меньшей мѣрѣ восемь сотъ человѣкъ. Сегодня мы отсюда уѣхали и обѣдали на судахъ, но вѣтры досаждаютъ намъ столько же, какъ проекты людей, контролирующихъ финансы христіаннѣйшаго короля. Кстати, чтò вы скажете объ избраніи барона Дальберга [7]) въ коадъюторы курфиршества Майнцскаго? Это, мнѣ кажется, дѣло хорошее: я люблю, когда достойному достается мѣсто по заслугѣ; ибо, Богъ свидѣтель, мы, люди тёмные, не питаемъ ни малѣйшаго сочувствія къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а такихъ куда какъ много на бѣломъ свѣтѣ и, мнѣ сдается, будто ихъ все прибавляется. А вы дураковъ любите? Признайтесь мнѣ по душѣ. Если бы вы вѣдали все, чтò каждый день творится у меня на галерѣ, вы бы со смѣху умерли. Весь этотъ людъ, который ѣдетъ со мной, такъ обжился у меня, что чувствуетъ себя какъ дома.

4 Мая, на моей галерѣ. Послушайте однако: чтò это Брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку? Бѣдняшка пишетъ мнѣ изъ своей Эстляндской резиденціи въ Лоде, что по письмамъ отца видно сильное неудовольствіе противъ нея. Скажите пожалуста, за что такая немилость? За то ли, что она не въ силахъ была болѣе выносить дурное обращеніе мужа? Зачѣмъ-же не позаботились дать ей мужа получше? Если хотятъ имѣть ее опять у себя, не надобно высказывать ей неудовольствія, иначе она ни за что не уѣдетъ изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей бы очень хотѣлось воротиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои разсчеты; къ моему пріѣзду ея дѣло, надѣюсь, успѣетъ вполнѣ уладиться, и тогда я желала бы отправить ее, ибо что же ей дѣлать у меня? Если же ее у меня будутъ морить страхами и опасеніями, какъ мнѣ уговаривать ее уѣхать добровольно? А, говоря правду, безъ ея собственной доброй воли и не будучи увѣрена въ спокойной ея участи, я сама не рѣшусь посовѣтовать ей рисковать этой поѣздкой. Такимъ образомъ моя малютка, у которой на свѣтѣ только одна я и которая держится за меня, какъ павилика, вовсе не глупо дѣлаетъ, что замокъ Лоде, гдѣ ей покойно, предпочитаетъ новымъ непріятностямъ. Мнѣ сдается еще, что папаша и на меня также немножко изволитъ дуться, ибо съ Февраля отъ него ни слуху, ни духу; все это

---

7) См. выше стр. 65.

за то, что я не разболтала всего, что̀ мнѣ было извѣстно, и дѣйствовала съ удивительной осторожностію, такъ что, право, даже и сама на себя дивлюсь. Этимъ, быть можетъ, пользуется ея отвратительный супругъ, который, сдается мнѣ, завладѣлъ ушами папаши и набиваетъ въ нихъ Богъ вѣсть чего. Между тѣмъ, захоти только я показать свой товаръ на лице, вѣтеръ бы перемѣнился, такъ что не поздоровилось бы супругу, мерзости котораго я схоронила и котораго судьею отказалась быть. Замѣтьте, вотъ чему подвергаешься, когда говоришь, какъ оракулъ, и дѣйствуешь съ удивительной осмотрительностью и осторожностью. Мужья прячутся въ кусты, родители принимаются дуться, а бѣдняжки-жены никакъ не могутъ добиться спокойнаго существованія. Ну что же вы? Извольте дѣйствовать вы съ вашей высокой логикой и даромъ убѣжденія; извольте дѣйствовать и направить все это на такую дорогу, чтобы всѣ остались довольны. Тогда и мы съ моей маленькой Зельмирой будемъ довольны.

Херсонъ, 15 Мая. Послѣ того, какъ я написала предшествующія страницы, я получила письмо отъ Брауншвейгскаго папаши. Письмо это показалось мнѣ благодушнымъ и разсудительнымъ; я его и отправила тотчасъ же въ Лоде, чтобы успокоить Зельмиру. Седьмаго этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалкенштейнъ скачетъ ко мнѣ на встрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему на встрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ-де въ какой просакъ попались всѣ дипломаты: ни одинъ не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ Делинь, Красный Кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но, проскакавъ такимъ образомъ одни одинёшеньки по полю (при чемъ онъ разсчитывалъ обѣдать у меня, я же разсчитывала найдти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города) мы нашли князя Потемкина только что возвратившагося изъ своей поѣздки, и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не случалось имѣть такой блистательной прислуги и такаго плохаго обѣда. Не взирая на то, кушали исправно, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ пополамъ съ грѣхомъ. На другой день обѣдали получше и ѣздили въ Екатериноградъ[8]), гдѣ и былъ заложенъ первый камень этого самаго города; оттуда въ три дня доѣхали сюда, гдѣ обрѣтаемся четвертый день; сегодня спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый по-

[8]) Т е. въ Екатеринославъ.

строенные здѣсь. Но какъ пересказать вамъ все, что̀ мы здѣсь видимъ и дѣлаемъ?

Херсону нѣтъ еще и осми годовъ отъ роду, между тѣмъ онъ уже можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ военныхъ и торговыхъ городовъ Имперіи; всѣ дома выстроены изъ тесаныхъ камней; городъ имѣетъ шесть верстъ въ длину; его положеніе, почва, климатъ безподобны; въ немъ по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй; въ немъ можно достать все что̀ угодно, не хуже Петербурга. Словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, гдѣ при заключеніи мира не было ни одной хижины, сдѣлались цвѣтущимъ городомъ и краемъ, и ихъ процвѣтаніе будетъ возрастать изъ года въ годъ.

Послѣ завтра мы отправляемся въ Тавриду вмѣстѣ съ графомъ Фалкенштейномъ. Я пошлю настоящее письмо изъ Севастополя, курьера ради. Черезъ двѣ недѣли мы будемъ назадъ. Всѣ здоровы, особенно графъ Сегюръ, въ чемъ вы можете удостовѣрить его семью. Увѣряютъ, будто отецъ графа Сегюра и г. де-Кастръ тоже имѣютъ получить отставку; это называется поновить или повычистить домъ.

8.

Въ Бахчи-сараѣ, прежней резиденціи хановъ и въ ихъ дворцѣ, гдѣ помѣщается весь багажъ обоихъ императорскихъ величествъ, 21 Мая 1787.

Третьяго дня мы перебрались черезъ Перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали Татары, а въ нѣскольких верстахъ отсюда мы нашли все, что̀ только есть лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и остановились прямо въ дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! Кто? Гдѣ? Принцъ Делинь говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, не прерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ не виданныхъ, и какихъ нигдѣ болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ Делинь! Но, быть можетъ, онъ и не совсѣмъ неправъ.

Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь. Дня два-три тому назадъ я получила еще письмо отъ Брауншвейгскаго папаши съ приложеніемъ въ копіи окончательныхъ условій соглашенія, подлинникъ которыхъ онъ, какъ говоритъ, отправилъ къ дочери для подписи. Онъ проситъ меня давать ей совѣты по этому поводу; но когда уже все улажено, когда посылается для подписи, какаго же еще нужно совѣта? Я въ Крыму, Зельмира въ Лоде; чтобы намъ съ ней снестись и

договориться, потребуется еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Стану ждать, чтобы она откровенно по душѣ высказала мнѣ, что̀ она объ этомъ думаетъ, и тогда буду имѣть болѣе возможности и удобства сказать ей мое мнѣніе. Но и отсюда на угадъ предвижу, что супругъ ей гроша не дастъ, не взирая на всѣ обѣщанія, и что если папаша тоже не дастъ ничего, то она останется ни съ чѣмъ. Надо же узнать, рада ли будетъ остаться ни съ чѣмъ моя Зельмира, которая въ настоящее время пользуется полнымъ довольствомъ. Если она сама выскажется въ этомъ же смыслѣ, я право не буду знать, что̀ отвѣчать ей; развѣ папаша заблагоразсудитъ обѣщать намъ, что, буде супругъ окажется неисправнымъ, то онъ будетъ за него выплачивать намъ содержаніе; наконецъ вѣдь, умереть съ голода, послѣ того какъ не удалось умереть съ горя,—жребій, право, очень грустный и непріятный, и меня не удивитъ, если Зельмира захвораетъ отъ одной мысли о такой участи, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась слабогрудой.

9.

Севастополь, 23 Мая 1787.

Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ: гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Турецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шести стахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда, сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалкенштейнъ, повидимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ Делинь говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ.

10.

Коломенское, въ 10 в. отъ Москвы, 25 Іюня ст. ст. 1787.

Останавливаюсь пока на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ очутился молодой человѣкъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей. Чтобы не связываться съ его бывшимъ любезнымъ опекуномъ и не имѣть дѣла съ невыносимыми пререканіями и придирками, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, самодурства и недостатка доброй воли, я приказала моему фактотуму отправить къ вамъ 23.000 рублей, въ которыхъ молодой человѣкъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ капитала, который имѣется для него въ запасѣ, но о которомъ онъ ничего не знаетъ и знать не долженъ. Потому извольте дать этому какой угодно оборотъ; только уплатите или поручите кому другому уплатить, что̀ уплатить необходимо. Прощайте! Я возвратилась совершенно здоровая изъ своего путешествія, которымъ имѣю полное основаніе быть совершенно довольною. На недѣлѣ располагаю выѣхать отсюда въ Петербургъ.

11.

Москва, 29 Іюня 1787.

Подите вы съ вашими нотаблями: у васъ не знаешь, на что и положиться. Ни г. де-Калонъ вашъ и никто изъ другихъ не прельщаютъ меня; берегите ихъ про себя. Всѣ они знаютъ въ десять разъ больше моего, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже, чѣмъ я и мои служащіе, хотя мы и говоримъ громкихъ фразъ меньше. Не вѣрьте тому, что̀ пишутъ въ газетахъ о моихъ путевыхъ расходахъ. Выдумали, будто бы графиня Браницкая была моей поставщицей, будто въ Кіевѣ ей выдавалось на мой столъ по 500 рублей въ сутки, и она продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все одна пошлая ложь, но она доставила намъ случай вдоволь подразнить поименованную графиню, которая сама вмѣстѣ съ нами хохотала по этому поводу.

Надѣюсь, теперь молодой человѣкъ выпутается изъ бѣды, такъ какъ сверхъ посланныхъ ему 23,000 рублей я письменно приказала Бецкому выслать ему еще просимые имъ 51,426 рублей, которые онъ прежде успѣлъ прикопить къ его капиталу. Такимъ образомъ онъ имѣетъ 51,426 + 23,000 = 74,426 рублей, помимо его третнаго дохода. Онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если (подъ опасеніемъ окончательно разориться) поудержится отъ такого рода рѣзкихъ поступковъ, которые не сдѣлаютъ ему ни чести, ни радости. Аминь.

12.

13 Сентября 1787.

Поговоримте о дѣлахъ Зельмиры. Какъ я ни старалась до сихъ поръ, она не выказываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ, вопервыхъ, что тамъ ей ждать нечего, кромѣ непріятностей и каверзъ, что такъ какъ ея содержаніе должно будетъ зависѣть отъ мужа, то она считаетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ не будетъ давать ей ничего, что она только будетъ въ тягость своимъ родителямъ, которые притомъ каждый Божій день будутъ приставать къ ней, требуя, чтобы она вернулась къ мужу, а въ такомъ случаѣ она опасается за самую жизнь, изъ чего слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она теперь, гдѣ она избавлена отъ всякихъ преслѣдованій и живетъ очень скромно, но совершенно покойно. Если хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ ее объясню и скажу мое собственное мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ помѣстье, которое у меня есть въ Эстляндіи и называется Лоде, за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться тамъ окончательнаго рѣшенія своего дѣла, которое и я и она предоставили на благоусмотрѣніе ея батюшки, къ которому я отправила курьера. Родитель ея, по пріѣздѣ курьера, заблагоразсудилъ имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Довольно странно, конечно, что отецъ несчастной и оскорбленной дочери видится съ бѣшенымъ человѣкомъ и допускаетъ отводить себѣ глаза. Зельмира думаетъ и убѣждена, что ея родитель дастъ полную вѣру всему,

чтò любезному супругу угодно было на нее взвести. Вѣрно, что письма ея родителя, и особенно присылка нѣкоего Шрёдера, который въ настоящее время состоитъ на службѣ у супруга, котораго онъ самъ даже присылалъ къ ней въ Лоде въ мое отсутствіе, достаточно доказываютъ, что папаша и супругъ за одно, что папаша въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не съ тѣмъ благородствомъ и прямотою, которыя свойственны человѣку возвышеннаго характера, какой я за нимъ всегда предполагала. Я бы даже имѣла право жаловаться на недостатокъ откровенности герцога со мною. Я дала ему это почувствовать, и онъ вывернулся довольно неловко, слегка коснувшись этого мѣста моего письма. Представьте себѣ, что, въ то самое время, какъ батюшка отправляетъ этого самаго Шрёдера въ Лоде съ грознымъ письмомъ къ дочери, въ которомъ приказываетъ ей подписать, въ присутствіи Шрёдера, разные пункты соглашенія, для дочери весьма невыгодные, въ тоже самое время онъ пишетъ мнѣ въ Кіевъ письмо, которымъ проситъ меня подать ей совѣтъ. По моему, это значитъ смѣяться надъ добрыми людьми. Дочери онъ приказываетъ что-то такое подписывать въ Лоде, въ то время, когда я болѣе чѣмъ за тысячу верстъ оттуда; а меня онъ проситъ совѣтовать. Ясно, что или она должна подписать безъ моего совѣта, или же должна ослушаться отца и обратиться ко мнѣ за совѣтомъ; а я, ничего не зная, какія ей тамъ присланы приказанія, изволь совѣтовать. Но—коса нашла на камень. Шрёдера къ Зельмирѣ не допустили. Мой пріятель г-нъ Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, человѣкъ осторожный и предусмотрительный, озабоченный единственно интересами Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланца, объявивъ, что безъ моего особаго приказанія никого не можетъ допустить видѣться съ Зельмирой. Тогда Шрёдеръ показалъ письмо отца, и оно было передано Зельмирѣ. Это громоносное писаніе повергло Зельмиру въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Тѣмъ временемъ я возвратилась сюда. Извѣстившись объ ея грустномъ настроеніи, я обмѣнялась съ нею нѣсколько разъ письмами и, высказавъ ей все, чтò могла резонно высказать ради того, чтобы склонить ее воротиться къ родителямъ, наконецъ, право, сжалилась надъ ея положеніемъ, и вы можете быть увѣрены, что впредь не сдѣлаю болѣе ни шага въ этомъ направленіи какъ въ отношеніи Зельмиры, такъ и ея почтеннаго батюшки. Зельмира останется въ Лоде, какъ долго сама того пожелаетъ, или возвратится къ родителямъ, тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада жить въ Эстляндіи, то и я этому рада, и такъ какъ любезный папаша предпочитаетъ слушать урода-супруга, которому онъ вѣритъ больше, чѣмъ намъ съ Зельмирой, то пусть себѣ слушаетъ его на здоровье, сколько ему будетъ угодно. Такъ какъ Зельмирѣ не къ кому прибѣгнуть на свѣтѣ, кромѣ меня одной, то я клянусь и беру васъ въ свидѣтели, что я ея не покину. Въ Лоде она держитъ себя съ кротостію ягненка и заставила обожать себя тѣхъ немногихъ людей, которые ее окружаютъ. Польманъ сдѣлался ея преданнымъ другомъ; мадамъ Вильде—тоже. Они въ ней души не чаютъ. Время проводитъ

она въ чтенiи, въ занятiи музыкой или въ прогулкахъ; притомъ она добра и тверда духомъ.

Что̀ касается до изданiя сочиненiй Вольтера, которое попало въ руки Фигаро, то намъ оно не требуется; тоже самое можно сказать и объ его собратѣ—Гольдони; тѣмъ не менѣе все это оказалось доставленнымъ намъ съ вашими хартiями въ одно время. Г. Красный Кафтанъ удостоиваетъ васъ милѣйшимъ отвѣтомъ, который онъ опять вынулъ изъ пакета, чтобы приписать къ нему еще бездну всякихъ дурачествъ. Не правда ли, что онъ прекрасно пишетъ: и умно, и свободно? Словомъ, прошу васъ полюбить его, потому что онъ безконечно любезенъ. Беру въ свидѣтели графа Сегюра и принца Делиня, которые проводятъ очень прiятныя минуты въ его обществѣ. Онъ собирается послать вамъ пословицу въ лицахъ, на половину его собственное, на половину мое творенiе. У насъ на нихъ большой урожай, и мы порѣшили, что это единственное средство возстановить на театрѣ настоящую комедiю. Что̀ до юнаго путешественника, вы скажете или напишете ему, что рѣшено въ армiю не принимать никого волонтерами, ни своихъ, ни чужихъ, и что слѣдовательно онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ онъ теперь, выплачивать свои долги и проживать свои доходы, и я премного вамъ благодарна за хлопоты по устройству его дѣлъ. Развѣ только онъ вздумаетъ отплыть изъ Англiи въ предстоящемъ году на нашихъ корабляхъ, которые имѣютъ отправиться въ Средиземное море.

7 Октября. Предупреждаю васъ, что Красный Кафтанъ больше моего помѣшанъ на камеяхъ и на медаляхъ: сегодня мнѣ стоило великаго труда вытащить его, послѣ двухъ часовъ, проведенныхъ въ разглядыванiи, изъ минцкабинета, гдѣ онъ такъ обставилъ себя со всѣхъ сторонъ ящиками и ящичками, что наконецъ черезъ комнату стало невозможно пройти, и потомъ кончилъ тѣмъ, что унесъ съ собой ключъ отъ комнаты, чтобы кто нибудь не нарушилъ отличнаго порядка, который онъ устроилъ и благодаря которому входъ и доступъ въ комнату до такой степени загромождены, что я считаю невозможнымъ пробраться туда для кого бы то ни было, даже и безъ этой предосторожности, которая на мои глаза совершенно безполезна, а по его мнѣнiю составляетъ дѣло высокаго благоразумiя и мудрой предосторожности.

22 Окт. Сейчасъ только подали мнѣ вашъ № 92, въ которомъ вы много говорите о дѣлѣ сторожеваго фрегата въ Днѣпровскихъ устьяхъ. Вотъ исторiя этого дѣла. Не успѣло еще прiйти извѣстiе объ объявленiи войны Турцiей, какъ Турецкiй флотъ изъ трехъ линейныхъ и четырнадцати двухмачтовыхъ судовъ вышелъ изъ Очакова и затѣялъ атаковать этотъ самый фрегатъ, при которомъ находилось еще другое маленькое судно. Названiе фрегата: Скорый. Этимъ фрегатомъ командовалъ одинъ лейтенантъ, по фамилiи Обольяниновъ; онъ оборонялся храбро и въ три часа времени выпустилъ, помнится, 580 пушечныхъ зарядовъ; во время самаго боя отрубилъ якорь, чтобы выйти въ открытое море, и прошелъ подъ укрѣпленiями Очакова, выдержавъ ихъ огонь; пустилъ ко дну нѣсколько Турецкихъ судовъ,

съ другими велъ ружейную перестрѣлку и, потерявъ убитыми и ранненными всего десять человѣкъ, пришелъ обратно на свое мѣсто съ поврежденіями въ снастяхъ. Его дѣло ставятъ выше дѣла фрегата Бельпуль, нѣкогда надѣлавшаго столько шума. Такъ какъ вы интересуетесь такого рода подвигами, я угощу васъ еще нѣсколькими, въ которыхъ судьба порадѣла намъ также, какъ и въ этомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣла, этотъ самый Очаковскій флотъ отправился обстрѣливать и бомбардировать Кинбурнскій фортъ; на Днѣпрѣ вооружили суда, которыя прибыли туда вмѣстѣ со мной и которыя представляютъ нѣчто въ родѣ галеръ. Турки сдѣлали двѣ высадки подъ Кинбурномъ, были отброшены и сильно побиты сухопутными войсками; но такъ какъ Турецкій флотъ безпокоилъ портъ, то отдѣлили одну изъ этихъ галеръ, по имени Десна, ту самую, на которой, бывало, мы обѣдали; эта-то галера принялась въ свою очередь обстрѣливать Турецкій флотъ изъ пушекъ, пробилась сквозь Турокъ и стала подъ выстрѣлами форта. Этой галерой командовалъ одинъ Мальтійскій кавалеръ, 25 лѣтъ отъ роду, по фамиліи Ломбардъ, который поступилъ на мою службу не далѣе какъ со времени моего путешествія въ Кіевъ. Генералъ Суворовъ доставилъ Ломбарду на его галеру до двадцати орудій, съ которыми онъ держитъ въ почтеніи весь Турецкій флотъ и сжегъ у нихъ Богъ вѣсть сколько судовъ. Съ Кинбурнскаго форта у нихъ были взорваны военный корабль и два фрегата, а господинъ Ломбардъ и его галера раззорили, потопили и сожгли по крайней мѣрѣ шесть канонирокъ. Наконецъ, 1 Октября, Турки опять высадили на косѣ, гдѣ стоитъ Кинбурнъ, болѣе 5.300 человѣкъ, изъ коихъ въ Очаковъ не вернулось и пяти сотъ.

13.

25 Ноября 1787.

Я боялась, что Красный Кафтанъ съ ума сойдетъ отъ радости по поводу кабинета герцога Орлеанскаго. Извольте, пожалуста, замѣтить, что, послѣ занятій рисованіемъ, Красный Кафтанъ мѣсяцъ тому назадъ принялся гравировать на камнѣ. Учитель изумляется его успѣхамъ. Онъ уже успѣлъ вырѣзать шлемъ съ перьями, знамя, кадуцей и еще Богъ знаетъ сколько разныхъ разностей; но, отъ усиленныхъ занятій гравированіемъ, у него немножко заболѣли глаза, и коллекція поспѣла очень кстати, чтобы вытащить насъ изъ мастерской. Онъ самъ будетъ отвѣчать вамъ скоро.

Со времени объявленія войны крупныхъ дѣлъ еще не было. Турки нѣсколько разъ собирались захватить у насъ Кинбурнскій фортъ, каждый разъ бывали отбиты и въ послѣдній разъ потеряли около пяти тысячъ человѣкъ. Севастопольскій флотъ пострадалъ отъ бури, нѣсколько кораблей лишились мачтъ, а Марія Магдалина, не знаю, какими судьбами, какъ была, безъ мачтъ и съ течью, очутилась на якорѣ въ Константинопольскомъ проливѣ, откуда и была отведена въ Терапійскій арсеналъ. Капитанъ этого корабля былъ не Русскій, а Англичанинъ. За то Турецкій флотъ подъ Очаковымъ потерялъ два военныхъ корабля и нѣсколько фрегатовъ, затоплен-

ныхъ или взорванныхъ на воздухъ нашимъ Днѣпровскимъ флотомъ или съ Кинбурнскаго форта. На Кубани генералъ-лейтенантъ Потемкинъ разбилъ, въ семи отдѣльныхъ стычкахъ, Ногайскихъ Татаръ. Чтобы отбить у нихъ охоту впредь переходить къ намъ за Кубань, онъ проникъ внутрь ихъ собственнаго края. Нападающая сторона Турки; они захватили насъ въ расплохъ, но до сихъ поръ, мы слава Богу, не потеряли ни одного вершка земли. Вы будете аккуратно получать извѣстія обо всемъ, что̀ произойдетъ. У насъ есть фрегатъ, который оборонялся, какъ дьяволъ, противъ всей Очаковской эскадры; есть у насъ галера, которая подъ Кинбурномъ держала въ почтеніи всю эту самую эскадру; наконецъ, вообще все идетъ хорошо, и я имѣю поводъ быть довольной, но до рѣшительныхъ ударовъ дѣло не могло еще дойти. Я убѣждена, что два мои фельдмаршала справятся очень хорошо; я вполнѣ вѣрю въ ихъ способности и искусство и льщу себя надеждой, что и они въ меня вѣрятъ. Люди остались тѣже, что̀ и въ прежнія войны; средства тѣже самыя; а если что̀ и измѣнилось, то надѣюсь только къ лучшему, а потому и не вижу, отъ чего бы намъ много хандрить; можетъ быть, Туркамъ и есть отъ чего, а намъ не отъ чего. Мука вздорожала, но это не мѣшаетъ вездѣ ѣсть хлѣбъ и курить вино.

Послушайте: это нагло, что Бомарше напечаталъ мои письма безъ моего позволенія. Если это однѣ лишь письма, писанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ до этого дѣла нѣтъ, лишь бы не напечатали моихъ собственныхъ; если же онъ напечаталъ мои, то прошу васъ устроить такъ, чтобы они не появлялись въ свѣтъ. Хотя, конечно, въ нихъ нѣтъ ничего способнаго возбудить непріятности, но его слѣдуетъ проучить за то, что онъ забылся по отношенію ко мнѣ.

Донъ Феросъ де Монбельяръ [9]) заявилъ мнѣ, что, по пламенной привязанности къ Русской арміи, онъ желаетъ продолжать службу; а я отвѣчала, что, такъ какъ обстоятельства, вызвавшія его удаленіе отсюда, не могутъ измѣниться, то я не могу согласиться на его желаніе. На это онъ сообщилъ мнѣ, что выходитъ въ отставку, послѣ чего я приказала не считать его долѣе на службѣ Россійской Имперіи. Что̀ до Зельмиры, то лѣтомъ она будетъ жить въ своемъ помѣстьѣ, Лоде, а по зимамъ въ Ревелѣ. Сегюръ пляшетъ отъ радости, что его дворъ отозвалъ у Турокъ Французскихъ инженеровъ.

14.

26 Ноября 1787.

Прошу извинить и благодарю васъ за всѣ хлопоты, которыя вамъ пришлось испытать по дѣламъ юнаго путешественника. Не правда ли, что вотъ тоже голова, которая вѣчно умираетъ отъ страха, какъ бы кто нибудь не присвоилъ себѣ права руководить ею, и которая изъ боязни какъ бы ея не повели по прямой дорогѣ, вѣчно сбивается съ настоящаго пути, и потомъ говоритъ про себя: «я таки никому

[9]) Т. е. супругъ Зельмиры; въ Монбельярѣ жилъ его родитель, въ то время еще не владѣтельный герцогъ.

не позволилъ себя учить; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть». Слава Богу, что онъ заплатилъ свои долги и что вы съ нимъ раздѣлались. Мнѣ кажется, будетъ хорошо, если уплативъ остальныя 15 тысячъ ливровъ, вы, согласно вашему предложенію, векселя перешлете мнѣ. Что странно въ этомъ дѣлѣ, такъ это то, что юноша въ сущности-то большой скряга. Вашъ отчетъ въ суммахъ, израсходованныхъ по этому дѣлу, будетъ спеціально утвержденъ. Но какъ вы хотите, чтобы я довѣрила командованіе полкомъ такому разгильдяю? У него нѣтъ еще ни опытности, ни простаго здраваго смысла.

27 Ноября, въ Эрмитажѣ, за двѣ комнаты отъ камей, въ пяти отъ Рафаэлевскихъ ложъ, въ шести отъ прелестнѣйшаго театра, какой только можетъ быть, въ чемъ согласны всѣ очевидцы.

Теперь восемь часовъ утра. Если мнѣ дадутъ время, я буду отвѣчать на вашъ № 93-й; но прежде скажу вамъ, что эти Рафаэлевскія ложи одно изъ самыхъ изящныхъ и прелестнѣйшихъ произведеній, какія только можно видѣть. Вашъ № 93 помѣченъ изъ Констанца; будь онъ изъ Константинополя, онъ доставилъ бы мнѣ еще больше удовольствія. Да, да, есть столь ясныя доказательства, что пути Божіи и Его Промыселъ о Своихъ чадахъ неизслѣдимы. Предоставьте только дѣламъ идти своимъ естественнымъ ходомъ, и они пойдутъ хорошо. Ну, вотъ нашли чему удивляться, что я въ точности исполнила задуманное за годъ впередъ! Отчего бы и не такъ? Если меня разсердятъ, я задумаю и выполню въ назначенный срокъ и день въ день... вступленіе... для балета... Но еще не пришла пора... Ну, а колдовать я не умѣю: я не вызываю духовъ, предоставляя это Фридриху Вильгельму. Полагаю только, что мы имѣемъ право на нѣкоторую опытность. Шутки въ сторону, вы очень хорошо сдѣлали, что вздумали попутешествовать лѣтомъ; въ самомъ дѣлѣ, это здорово, и я сама на себѣ испытала это. Вы спрашиваете, отчего это я не скучаю? Извольте я вамъ скажу: отъ того, что я страстно люблю быть занятой и нахожу, что человѣкъ тогда только и счастливъ, когда бываетъ занятъ. Впрочемъ, жизнь моя очень однообразна. Графъ Сегюръ, вблизи видѣвшій и видящій это однообразіе, говоритъ, что, жизнь, правда, однообразна, но что въ это однообразіе входитъ довольно содержанія, чтобы для скуки не оставалось ни минуты. Ни онъ, ни принцъ Делинь моимъ однообразіемъ, кажется, не скучали; Красный Кафтанъ тоже. Если въ Швейцарскомъ государственномъ сеймѣ, который вамъ довелось видѣть въ Фрауэнфельдѣ, происходили одни только разумныя, осмысленныя пренія, притомъ не лишенныя соли, то сеймъ этотъ, стало быть, не походилъ на сеймы другихъ свободныхъ странъ, на которыхъ большинство мелетъ изумительный вздоръ.

27 Ноября, послѣ обѣда. Возвращаюсь изъ Эрмитажа, гдѣ Красный Кафтанъ обмиралъ отъ радости надъ четвертымъ ящикомъ, разглядывая его съ каталогомъ въ рукахъ. Онъ считаетъ это пріобрѣтеніе за дешевую покупку. Я ему сказала, что сообщу вамъ объ его обмираніяхъ по поводу этихъ камей; онъ отвѣчалъ, что, если я это сдѣлаю, вы опять станете его бранить, на что я объявила, что и это будетъ доведено до вашего свѣдѣнія. Теперь вѣдайтесь съ нимъ, какъ

знаете, а я возвращаюсь къ Фрауэнфельдскому сейму, который былъ прерванъ приходомъ моего фактотума, явившагося съ кучей бумагъ. И такъ, стало быть, послѣ этого сейма вы мокли подъ Іюльскими дождями; у насъ этотъ мѣсяцъ былъ точно также холоденъ и дождливъ, какъ почти повсемѣстно въ Европѣ. Очень рада, что этотъ дождь помѣшалъ вамъ путешествовать пѣшкомъ въ мелкіе кантоны, гдѣ нечего видѣть, и что вмѣсто того вамъ вздумалось писать ко мнѣ. Всѣ подробности, которыя вы сообщили о Швейцаріи, чрезвычайно интересны. Геснера я знаю только по имени и по двумъ его картинкамъ, которыя у меня есть. Съ Лафатеромъ я болѣе знакома: мнѣ извѣстно, что моя физіономія ему не по душѣ, и что онъ вообще не жалуетъ Русскихъ физіономій. Я нарочно послала принести его книгу изъ моей библіотеки и приведу вамъ страницу за страницей, чтобы вы убѣдились, что я говорю правду. Терпѣніе, сударь! Вы увидите, что мы имѣемъ доказательства на лицѣ и что его настоящая героиня— королева Христина. Клянусь вамъ, что нимало не завидую ей. Берлинскій Николаи обвиняетъ Лафатера въ томъ, что онъ папистъ, и приводимыя имъ доказательства весьма убѣдительны. Ну, вотъ и книга: томъ III, въ большую четверку, изданная въ Лейпцигѣ и Винтертурѣ, страница 328, строка девятая; потрудитесь взглянуть, что̀ онъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ о своей королевѣ, героинѣ его сердца. Никакъ не могла отыскать страницы, гдѣ онъ поноситъ Петра I-го и князя Орлова; но несомнѣнно, что такая страница существуетъ.

Что̀ до вашего свиданія въ Делисахъ съ Донъ-Феросъ-Монбельяромъ, то оно меня много насмѣшило. Это была такая сцена, которую бы стоило нарисовать.

Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю все, что̀ самъ поручалъ вамъ передать мнѣ относительно своей дочери; право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ до того, что станутъ повѣрять другъ другу, что̀ до сихъ поръ скрывали одинъ отъ другаго? Если хотите знать правду, я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое вынесла о немъ теперь изъ всего этого дѣла. Онъ человѣкъ фальшивый и безъ сердца: ибо если бы оно у него было, сталъ ли бы онъ обращаться съ тираномъ родной дочери, какъ съ близкимъ другомъ? А по отношенію ко мнѣ онъ поступалъ съ такимъ двоедушіемъ, какаго я не могла ожидать. Замѣтьте, что дочь мало вѣрила въ правдивость батюшки и часто говорила: о, онъ обманываетъ мою мать! А собственно это совсѣмъ не такъ. Но объ этомъ, пожалуста, никому ни слова, чтобы не поставить ихъ на ножи.

Можетъ быть, дѣти Зельмиры стали очень милы. Мнѣ извѣстно, что здѣсь они за такихъ не слыли и что наши господа Александръ и Константинъ находили ихъ общество до такой степени скучнымъ, что бѣгали ихъ, какъ огня. Что̀ касается благосклонности, которой якобы вы пользуетесь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обрѣтаются, я, клянусь вамъ, за эту благосклонность не дала бы гривенника. Я готова допустить, что мать не всегда оправдываетъ своихъ дѣтокъ, но все это такой сентиментальный народъ, у котораго разсу-

докъ разведенъ въ цѣлой лужѣ гиперболъ, и въ нихъ трудно понять что нибудь, или по крайней мѣрѣ только вы одни способны понять что нибудь. Мнѣ извѣстно все, что̀ вы пишете мнѣ на счетъ моей золовки [10]). Небо и землю призывала я въ свидѣтели, чтобы убѣдить ея мужа позволить ей возвратиться во свояси; я дѣйствовала въ этомъ смыслѣ даже чрезъ Вѣнскій дворъ, который на него имѣетъ нѣкоторое вліяніе; но ничто не могло заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Вотъ тоже головка: въ сумасшедшемъ домѣ лучше бываютъ.

30 Ноября. Если черезъ мѣсяцъ отъ сего числа вамъ скажутъ, что я сегодня была больна, потому что не выходила на праздникъ, извольте знать, что это произошло чисто отъ одной лѣни и что я такъ мало больна, что сейчасъ только изъ Эрмитажа, гдѣ мы съ Краснымъ Кафтаномъ разбирали седьмой ящикъ съ рѣзными камнями, который вы намъ добыли и которыми я очень довольна. Красный Кафтанъ утверждаетъ, что коллекція не полна, что одного отдѣла не прислано, что онъ его знаетъ по эстампамъ, что онъ готовъ дать Богъ знаетъ что̀, чтобы ее можно было отдать назадъ. На все это я сказала, что ему бы лучше замолчать; но его не образумишь. О! говоритъ онъ, нашъ козелъ отпущенія все можетъ. Я говорю: замолчи, я не хочу слышать объ этомъ; не хочу, чтобы стали говорить, будто я покупаю вещи, которыя съ рукъ нейдутъ, или отказываюсь отъ купленнаго. О, сказалъ онъ, знай я только, къ кому обратиться! Не знаю, съ чего онъ взялъ, будто подобное предложеніе было дѣйствительно сдѣлано; тогда, я наконецъ, сказала: перестань ворчать; я ничего подобнаго не напишу нашему козлу отпущенія; но если онъ захочетъ столковаться съ тобой, то уговаривайтесь, какъ знаете вдвоемъ; для того же, чтобы вамъ столковаться и чтобы я въ это дѣло не вступалась, все, что̀ я могу сдѣлать, это написать нашему козлу отпущенія, чтобы мое имя было тутъ ни при чемъ, ни посредственно, ни непосредственно, чтобы потомъ изъ этого не вышло газетныхъ толковъ, вотъ и все тутъ.

Почтеніе царицѣ, сударь! Впередъ, говоря объ Аннѣ Степановнѣ [11]), извольте называть ее царицей; ибо уже два года, какъ она признана царицей въ лото и въ силу этого раздаетъ почетныя званія. Я имѣю честь состоять при царицѣ въ качествѣ осенней гоняльщицы мухъ, Красный Кафтанъ—привилегированный критиканъ царицына двора. Наконецъ, я успѣла перезабыть половину всего штата, какой состоялъ при отъѣздѣ въ Кіевъ; отъ всего этого осталось одно званіе царицы за самой царицей, а всѣ ея подданные разбѣжались отъ лото. Признаюсь, что эти безконечныя хартіи отъ добрыхъ людей изъ города Гриммы читаются очень пріятно, и никогда еще онѣ не казались мнѣ слишкомъ длинными, только прошу васъ спасти ихъ отъ напечатанія до истеченія ста лѣтъ.

---

[10]) Братъ Екатерины Фридрихъ Августъ († 1793) проживалъ тогда въ Базелѣ, занимаясь поставкою рекрутовъ въ разныя арміи и особенно въ Австрію.

[11]) Протасовой.

Принцъ Делинь уѣхалъ въ армію фельдмаршала князя Потемкина; впрочемъ, я отпишу ему, какую ссору «на Нѣмецкую стать» вы затѣваете съ нимъ за выраженія, употребляемыя имъ въ изображеніи или описаніи моего путешествія. Знаете, я вовсе не люблю ссоръ на Нѣмецкую стать; развѣ только ссора Фламандцевъ съ своими повелителями мнѣ еще болѣе не по вкусу. Одного въ этой ссорѣ я не могу взять въ толкъ: какимъ образомъ этотъ государь, который разговаривалъ со всякимъ, и съ самымъ мелкимъ, и съ самымъ крупнымъ людомъ, не имѣлъ даже подозрѣнія о томъ, что̀ происходило въ Нидерландахъ; какимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда вспыхнуло неповиновеніе, онъ ничего не зналъ о настроеніи умовъ; какимъ образомъ могло совершиться это поголовное соглашеніе, въ которомъ оказались за одно рѣшительно всѣ: знатные, незнатные, всѣ состоянія, всѣ промыслы! Это превосходитъ мое пониманіе. Какимъ образомъ этотъ поголовный насморкъ могъ охватить подданныхъ и правительство, безъ малѣйшаго предварительнаго признака? Если же онъ зналъ, то какъ же не взять никакихъ мѣръ осторожности? [12]) Вотъ мы, люди темные, надо сознаться въ этомъ (хотя вы и оспориваете это) мы—люди темные, потому что не учились въ университетѣ, это фактъ неоспоримый. Ахъ, какое святотатство! Вы, вы дерзаете причислять брата Гу. и брата Вил. къ глупцамъ! Какъ? Брата Гу. и хваленаго брата Вил.! [13]) Я не желаю себѣ счастія перваго: онъ упустилъ 15 провинцій; я считаю это преступленіемъ противъ государства, достойнымъ строгаго наказанія; но Туркамъ желаю подобнаго счастья. Если другой довольно простъ, чтобы тѣшиться призрачными надеждами, тѣмъ хуже для него. Хотите пари, что онъ въ этомъ рано или поздно раскается?

Что̀ до моей Зельмиры, то она окончательно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и очень хорошо дѣлаетъ; недавно я получила отъ нея письмо, и она мнѣ кажется спокойной и довольной. Донъ-Феросъ хотѣлъ было опять пріѣхать и поступить въ армію, но я сказала: «nego, не желаю», а когда его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что онъ получилъ отказъ, она сказала, что и за сто миль отъ нея онъ все еще будетъ казаться ей слишкомъ близкимъ.—О! «бѣдные люди» [14]), вездѣ-то они дѣлаютъ вздоръ, и внутри, и во внѣшнихъ дѣлахъ; не уладитъ попъ дѣла, придется на поклоны стать. У «бѣдныхъ» давно нѣтъ хорошей, здоровой головы, потому что вѣдь что же за радость? Голова хоть и на плечахъ, а все-таки не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣ-

---

[12]) Говорится объ Австрійскихъ Нидерландахъ, возмутившихся противъ Іосифа II-го во имя своей старины и противъ его безпрерывныхъ нововведеній, предпринятыхъ съ благодѣтельными намѣреніями, но не спросясь страны.

[13]) Fr. Ge, Fr. Gu—т. е. Frère Georges, Frère Gustave: этими сокращеніями Екатерина означала королей Георга Англійскаго и Густава Шведскаго. Иногда она соединяла эти сокращенія и говорила G e g u. Братъ Вил.—король Прусскій.

[14]) «Бѣдными людьми» Екатерина называетъ тогдашнее Французское правительство, вѣроятно, вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ, понудившаго созвать государственные чины.

дуетъ быть, а на другомъ? Сами-то они пусты, и головенка-то у нихъ закружилась. Какъ только изъ вашихъ мѣстъ услышу что нибудь о парламентѣ, такъ у меня уши вянутъ. Что̀ касается до Европы, то съ тѣхъ поръ, какъ написано ваше письмо, въ ней много было разнаго хотѣнья и нехотѣнья. Я никогда ни на минуту не сомнѣвалась, что у шевалье Гарриса больше ума, чѣмъ у маркиза де-Верака, у котораго совсѣмъ онаго не имѣется; но шевалье Гаррисъ смутникъ и каверзникъ, вотъ и все, а когда ему нельзя ни мутить, ни каверзничать, то у него разливается желчь, что̀ съ нимъ и случилось здѣсь. О «бѣдные люди», и хотятъ они быть моими друзьями! Мнѣ истинно очень, очень жаль, что и внутри, и снаружи они такіе больные и разбитые. Вы правы: разныя нужны бываютъ снаровки, чтобы иной разъ имѣть удачу въ дѣлахъ на бѣломъ свѣтѣ, и какъ можно меньше слѣдуетъ рисоваться на показъ; доказательство—отчетъ Неккера.

1 Декабря. Я совсѣмъ не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ глупцовъ: я ими вовсе не восхищаюсь, а нахожу, что всякій глупецъ смѣшенъ, и по мнѣ глупецъ и смѣшной синонимы. Извольте спорить, сколько угодно, а я иду своей дорогой и, подобно вамъ, до страсти люблю оригиналовъ. Ну вотъ принцъ Нассаускій, который 19 (30) Іюля къ вамъ точно съ неба свалился и сюда, къ намъ, опять тоже будто съ неба упалъ, тому будетъ скоро мѣсяцъ. Очень рада, что онъ сообщилъ вамъ, что среди Татарской гвардіи можно вести бесѣду совершенно также хорошо, какъ и среди не-Татаръ. За Перекопомъ въ Крыму мы первую ночь ночевали въ палаткахъ, разбитыхъ на этотъ конецъ. Графъ Фалкенштейнъ, который имѣетъ привычку вставать всегда рано, вышелъ въ четыре часа утра изъ своей палатки и нашелъ на ногахъ графа Ангальта, который встаетъ не позже. Они вздумали до шести часовъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ моей палаткой; а я себѣ спала. И вотъ первый, которому, очевидно, надоѣлъ мой долгій сонъ, говоритъ другому: «Представьте, что она спитъ себѣ очень спокойно въ своей палаткѣ, среди необозримой степи, подъ охраною двухъ часовыхъ, какъ разъ посреди Татаръ, точно у себя во дворцѣ въ Петербургѣ». Когда я проснулась, меня угостили этими размышленіями, а я сказала: «Отчего же нѣтъ? Я и здѣсь на людяхъ, точно также, какъ и вездѣ». Вотъ вы такъ настоящій волканъ [15]) и мещете огнь и пламя со времени прибытія пр. Нассаускаго, Тутолмина и пр. и полученія писемъ Краснаго Кафтана, принца Делиня, графа Сегюра и фактотума. Принцъ Делинь признался мнѣ, что въ первое свое путешествіе онъ ожидалъ увидѣть во мнѣ женщину большаго роста, неподвижную, какъ желѣзная спица, выражающуюся не иначе, какъ сентенціями и требующую, чтобы ей постоянно удивлялись, что онъ былъ очень радъ, что ошибся и нашелъ существо, съ которымъ можно разговаривать и которое само умѣетъ болтать.

---

[15]) Намекъ на аббата Гальяни, который сравнивалъ Екатерину съ огнедышащею горою Этною.

Весьма радуюсь впечатлѣнію, произведенному на васъ чертою, которую вы приводите изъ одного двадцатипятилѣтняго царствованія, отысканною въ нѣкоей рукописи, которой вы не указываете ни названія, ни года. Надѣюсь, что Александръ будетъ такого покроя. Это превосходнѣйшая личность. Его наставникъ, Лагарпъ самъ возлагаетъ на него наилучшія надежды; а этотъ Лагарпъ Швейцарецъ, который вовсе не изъ льстецовъ и заставляетъ его въ большихъ пріемахъ глотать всякія горькія истины изъ исторіи и другаго рода. Онъ мальчикъ добрый, прекрасно и счастливо одаренный отъ рожденія; братъ его тоже очень неглупъ, но у него есть недостатки, которыхъ нѣтъ у брата. Оба они исполнены благороднаго честолюбія и желанія быть изъ лучшихъ. Они рождены со всѣми задатками успѣха, потому что это головы свѣтлыя, а у старшаго столько чутья, сколько только возможно.

1 Декабря, въ пять часовъ вечера. То, что̀ вы пишете о маркизѣ Лафайетѣ, вовсе не удивляетъ меня. Какъ видно, это голова революціоннаго склада; это онъ, говорятъ, первый поднялъ тревогу противъ управленія де-Калона. Что̀ касается до его диверсіи въ Средиземное море, то мнѣ не совсѣмъ понятно, чего онъ хочетъ. Онъ все собирался пріѣхать сюда; если онъ намѣренъ пріѣхать и пріѣдетъ при настоящихъ обстоятельствахъ, тогда можно будетъ поближе и поточнѣе узнать, объ чемъ онъ хочетъ повести рѣчь. Впрочемъ, приготовляются значительныя вооруженія. Такъ какъ онъ запретилъ вамъ сообщать мнѣ объ этомъ, то вы тоже потрудитесь не говорить о томъ, что̀ я вамъ пишу, чтобы не подать виду, что я вызвала его на что нибудь, что̀ могло бы навлечь ему какія либо непріятности въ настоящемъ или въ будущемъ. Ну, вотъ и опять братъ Ге. у васъ съ пера не сходитъ. Эти Ге и Гу являются всюду, точно трюфли въ кушаньѣ.

15.

11 Декабря 1787.

13 Октября генералъ-аншефъ Текели съ четырьмя колоннами перешелъ за Кубань и обратилъ въ бѣгство (вдоль рѣкъ Лабы, Зеленчука, Кефита и Урупа) Татаръ различныхъ ордъ, населяющихъ эти мѣстности и часть которыхъ собралась подъ знаменемъ имама Мансура; изъ него Порта сдѣлала свое орудіе еще до нарушенія мира. Все это было поколочено, прогнано, разсѣяно, перебито или забрано въ плѣнъ. Добыча нашихъ казаковъ должна быть громадна; они захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Все остальное покорилось и прислало депутатовъ; другіе выдали заложниковъ, чтобы ихъ не трогали. Словомъ, отъ Кубани до Кавказа, преслѣдованіе удалось вполнѣ. Самъ имамъ Мансуръ, потерявъ все, бѣжалъ на Суджакъ. Вотъ все, что̀ на этотъ разъ я имѣю сообщить вашему превосходительству. Вы ни за что не повѣрите, если я скажу вамъ, что за эту экспедицію мы потеряли всего только 7 человѣкъ убитыми, и ранеными—9; а между тѣмъ это фактъ, который можно подтвердить документами.

16.

28 Декабря 1787.

Я поручила графу С. Воронцову написать юному путешественнику, чтобы онъ возвращался сюда и назначила надъ нимъ опекуна, чтобы спасти, если можно, остатки очень порядочнаго состоянія. При такой умной головѣ и такой готовности слушаться полезныхъ совѣтовъ, я считаю его почти ни на что негоднымъ, хотя и говорятъ, что никогда не слѣдуетъ отчаяваться въ молодыхъ людяхъ. Теперь ужъ дѣло г. Завадовскаго, опекуна надъ молодымъ человѣкомъ, позаботиться, какъ выпутать его изъ бѣды.

Относительно Вольтеровой переписки я уже сообщала вамъ мое мнѣніе. Постарайтесь, пожалуста, устроить такъ, чтобы Фигаро не выпустилъ въ свѣтъ ни одного изъ моихъ писемъ. Для этого скупите все, что дò сихъ поръ напечатано изъ этого тома и киньте все въ огонь; но постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы у этого негодяя не сохранилось ни одного экземпляра, чтобы, продавъ мнѣ, онъ не вздумалъ проданное напечатать съизнова: ибо этотъ плутъ на все такое способенъ, какъ меня увѣряли. Очень рада, что посѣщеніе генерала Левашева доставило вамъ удовольствіе; толковалъ ли онъ съ вами о рѣзныхъ камняхъ? Онъ знаетъ мои не хуже самой меня, а пасты Талье—еще лучше.

1788 годъ.

1.

22 Февраля 1788.

Прошу васъ не называть меня болѣе Екатерина Великій [1]; вопервыхъ, потому что я не люблю прозвищъ; вовторыхъ, мое имя Екатерина Вторая; втретьихъ, я не желаю, чтобы про меня кто нибудь сказалъ, какъ про Людовика XV, что прозвище не соотвѣтствуетъ лицу; вчетвертыхъ я не велика и не мала ростомъ. Представьте кому надлежитъ, что я уступаю всякое прозвище лицамъ, оное заслуживающимъ, какъ напр. господамъ Жегю (Gégu) съ товарищи [2].

2.

27 Апрѣля 1788.

Молодой человѣкъ прибылъ въ Ригу, откуда я отправила его въ Ревель; туда же отправился и его опекунъ [3], чтобы уладить съ нимъ его дѣла и добиться отъ него прямаго толка. Теперь мы идемъ на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что раззорился; я отвѣчала, что, если только осталось съ чѣмъ, пусть ѣдетъ въ армію.

---

[1]) Извѣстная острота принца Делиня.
[2]) См. выше, примѣч. 13-е на стр. 152.
[3]) Графъ П. В. Завадовскій.

3.

28 Мая 1788.

Вотъ мой многоуважаемый братъ и сосѣдъ, тупица, затѣваетъ вооруженія противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ сказалъ своему сенату рѣчь, въ которой изложилъ, что я вызываю его на войну, что-де въ томъ удостовѣряютъ всѣ донесенія его здѣшняго посольства. Эти донесенія онъ приказалъ прочесть, и его сенатъ сказалъ своему барину, что его величество всегда правъ; по выходѣ же изъ сената, каждый говорилъ, что его величество дѣлаетъ отчаянныя натяжки изъ донесеній своего посланника, который говоритъ какъ разъ противное тому, что̀ ему приписываетъ его величество. Между тѣмъ его величество, по выходѣ изъ сената, отдалъ приказаніе вооружить галерный флотъ и двинуть въ Финляндію семь полковъ; надобно думать, что они теперь уже выступили въ походъ. Если онъ меня аттакуетъ, я, надѣюсь, съумѣю оборониться и, оборонясь, буду говорить, что его слѣдуетъ посадить въ сумашедшій домъ; если же не атакуетъ, то скажу, что онъ еще болѣе полоумный, поступая такъ, какъ онъ поступаетъ, съ цѣлію оскорбить меня.

Вамъ, думаю, уже извѣстно, что великая княгиня родила, слава Богу, четвертую дочь, что̀ приводитъ ее въ отчаяніе. Въ утѣшеніе матери, я дала новорожденной мое имя.

31 Мая. Каневское свиданіе продолжалось двѣнадцать часовъ и далѣе не могло продолжаться, потому что графъ Фалкенштейнъ скакалъ во весь карьеръ къ Херсону, гдѣ было назначено свиданіе, но куда противные вѣтры не допустили меня прибыть во время, отчего и произошло, что мы встрѣтились въ Кайдакахъ. Я весьма сожалѣла, что не могла простоять на якорѣ трое сутокъ, какъ того желалось его Польскому величеству; но это оказалось совершенно невозможнымъ. Надо согласиться, что разсужденіе Лафатера о деревянной физіономіи (что̀, полагаю, равносильно болвану, на который надѣваются парики) васъ очень занимаетъ; между тѣмъ, что̀ ни говорите, Лафатеръ также мало сочувствуетъ моей физіономіи, какъ я восторженнымъ людямъ.

Ахъ, милостивый государь, если бы мириться приходилось намъ съ вами, то мировая состоялась бы очень скоро; но такъ какъ объ этомъ мирѣ хлопочетъ вся Европа, то желательно и необходимо, чтобы Европа перестала хлопотать о мирѣ, для того чтобы онъ могъ состояться. Видали вы, какъ маленькія дѣти тащатъ въ разныя стороны какую нибудь тряпку, пока не разорвутъ ея? Ну, вотъ таже исторія и съ этимъ миромъ. Вопервыхъ, ни кампанія еще не начиналась, ни мой посланникъ не выпущенъ изъ заключенія, а уже гг. Энсли и де-Шуазель условились утверждать, изъ нихъ каждый отдѣльно, что его именно посредничествомъ посланникъ освобожденъ изъ Семибашеннаго замка, гдѣ, не смотря на этотъ споръ, онъ сидитъ и до сихъ поръ. Это, безъ сомнѣнія, доказываетъ большую ловкость. Мнѣ также очень нравится этотъ нейтралитетъ безъ нейтралитета и это отреченіе отъ марабутовъ и предоставленіе ихъ соб-

ственной судьбѣ, которыя однако вѣчно сводятся къ тому, чтобы, сколько возможно, спасать и выручать ихъ. О Господи! Какъ это ловко не знать, чего хочешь, или хотѣть морочить людей; видно, это большая честь давать людямъ чувствовать, что ихъ считаютъ за пошлыхъ дураковъ.

Красный Кафтанъ въ теченiи двухъ недѣль возведенъ въ графское Римской имперiи достоинство Iосифомъ II, сердце котораго онъ полонилъ, и въ генералъ-адъютанты Екатериной II. Великiе умы встрѣчаются, какъ изволите видѣть; онъ собирается писать вамъ. Посылаю вамъ алькоранъ, напечатанный въ Петербургѣ; съ нимъ извольте дѣлать, что̀ знаете.

4.

21-го Iюня 1788.

Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь моремъ въ Финляндiю, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то, что графъ заявилъ ему письменно, что я не питаю никакихъ непрiязненныхъ замысловъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ выставилъ предлогомъ, что его чести противно, когда называютъ его народъ рядомъ съ нимъ самимъ; онъ, стало быть, хочетъ совсѣмъ вычеркнуть изъ употребленiя имена народовъ, которыя однако помѣщаются въ грамматикахъ и въ словаряхъ. Видно, по его мнѣнiю, народностей болѣе не существуетъ; существуютъ только одни короли. Вотъ величайшiй деспотъ изъ королей, какаго когда либо видано! Садясь на суда, чтобы плыть въ Финляндiю, онъ самъ сказалъ, что затѣваетъ бѣдовое дѣло; позвольте спросить: къ чему же и затѣвать его въ такомъ случаѣ? Тѣмъ временемъ я получила извѣстiе, что принцъ Нассаускiй и Поль Джонсъ дрались въ Лиманѣ съ шестьюдесятью Турецкими кораблями, три изъ нихъ взорваны на воздухъ, а остальные прогнаны. Я еще не получала подробностей, но знаю, что мы не потеряли ни одного корабля.

Сэръ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость по отношенiю ко мнѣ нѣчто неслыханное: я передъ нимъ никогда ни въ чемъ не была виновата; я кормила его Финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндiи былъ голодъ; онъ никогда ни на что не жаловался, и теперь, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакаго повода жаловаться. Его величество доказываетъ, что, незаконно завладѣвъ неограниченною властью, пользуется ею на горе своимъ подданнымъ, для того чтобы навязать имъ ссору съ сосѣдями. Всякiй король, всякiй государь первое лице своего народа, но одинъ король не составляетъ всего народа. Неужели упомянуть о Шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить Русскаго посланника? Онъ высылаетъ его за то, что онъ упомянулъ о Шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленiя къ другому: по его приказанiю Шведская эскадра потребовала салюта отъ трехъ нашихъ судовъ, что̀ противно 17 статьѣ трактата 1743, которымъ выговорено не салютовать. Далѣе, содержанiе ноты, адресованной Шведскимъ королемъ ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ,

крайне оскорбительно и наполнено клеветами. Въ ней говорится, между прочимъ, объ основныхъ законахъ Шведскаго королевства; повидимому, это законы, сочиненные и изданные Густавомъ III. Онъ жалуется въ этой нотѣ на дурные принципы и на происки посланниковъ, бывшихъ до графа Разумовскаго. Я могла бы сказать тоже самое о Шведскихъ посланникахъ; но такъ какъ я знаю, что мои подданные не имѣютъ повода жаловаться на меня, такъ какъ я не посягаю на ихъ свободу, такъ какъ я не употребляю по отношенію къ нимъ ни хитрости, ни притворства, ни двоедушія, такъ какъ я не позволяю себѣ затѣвать несправедливой войны: то я и не боюсь, чтобы какіе нибудь иностранцы могли отклонить моихъ подданныхъ отъ долга вѣрности, съ которой равно тѣсно связано ихъ благосостояніе, и ихъ собственныя, существенныя и истинныя выгоды. Вы скажете: вотъ такъ филиппика! Какъ быть? Она вылилась однимъ почеркомъ пера; замѣтьте, пожалуста, что Шведскій король всегда казался доволенъ графомъ Разумовскимъ. Помнится, у меня есть письмо, въ которомъ онъ отзывается о немъ съ особой похвалой, и онъ никогда не жаловался ни на графа, ни на его предшественниковъ.

25 Іюня. Сейчасъ кладу въ пакетъ письмо. Шведскій король началъ враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможню и схватить таможеннаго чиновника съ его помощниками въ окрестностяхъ Нейшлота, въ Финляндіи. Вотъ самый благородный способъ для начала военныхъ дѣйствій! Я приказала дать знать капитану округа, чтобы онъ наказалъ, какъ разбойниковъ, тѣхъ, кого онъ успѣетъ захватить на такихъ достославныхъ подвигахъ; до сихъ поръ не сдѣлано еще ни одного выстрѣла.

5.

5 Іюля 1788.

Вторая филиппика противъ Шведовъ. Вотъ мы въ открытой войнѣ съ Шведскимъ королемъ. Вамъ уже извѣстно, полагаю, что когда его величество прикинулся, что мои вооруженія, назначавшіяся въ Средиземное море, принимаетъ за вооруженія, направленныя противъ него и, подъ этимъ предлогомъ, началъ вооружаться самъ, яко бы для собственной обороны, то предварительно открылся въ этомъ Даніи. Когда это сдѣлалось извѣстно, графу Разумовскому было приказано передать Шведскому министру, что мое намѣреніе жить въ мирѣ и согласіи съ его величествомъ и Шведскимъ народомъ. Въ отвѣтъ на это Шведскій король выслалъ изъ Стокгольма графа Разумовскаго подъ тѣмъ предлогомъ, что посланникъ въ своей нотѣ отдѣлилъ-де короля отъ народа. По полученіи этого извѣстія, не оставалось болѣе сомнѣнія насчетъ намѣреній Шведскаго короля; черезъ десять дней онъ высадился въ Финляндіи со всѣмъ своимъ войскомъ; за нимъ послѣдовалъ флотъ. Его посланнику было приказано выѣхать. Какъ скоро сдѣлалось извѣстно, что его флотъ потребовалъ салюта отъ трехъ нашихъ кораблей, ему объявили осмидневный срокъ,

точь въ точь, какъ было поступлено съ графомъ Разумовскимъ; но Нолькенъ еще не успѣлъ выѣхать отсюда, какъ изъ Финляндіи пришли вѣсти, что король Шведскій распорядился снять одну таможню, вмѣстѣ съ ея начальникомъ и его помощниками, на границѣ близь Нейшлота, что лодка, которая везла дрова для гарнизона Нейшлотской цитадели и на которой были двое старыхъ инвалидныхъ солдатъ и одинъ пассажиръ, была захвачена и находившіеся на ней убиты, и что Шведы атаковали и обстрѣливали Нейшлотъ. Тѣмъ временемъ секретарь Шведскаго посольства, еще не получившій приказанія выѣхать, испросилъ у вице-канцлера часъ срока для представленія ноты, написанной по повелѣнію его государя. Вице-канцлеръ, по моему приказанію, его принялъ и выслушалъ; онъ прочелъ ему ноту съ довольно длиннымъ, многословнымъ, нелѣпымъ вступленіемъ, въ которой не постыдились даже припомнить бунтовщика Пугачева. Но все это ничто предъ мирными условіями, которыя предлагалъ Россіи его Шведское величество:

1. Подвергнуть примѣрному наказанію графа Разумовскаго невѣдомо за что, такъ какъ его величество никогда не жаловался на графа и даже въ той самой нотѣ, которой ему предписывалось выѣхать, воздалъ ему пространную и весьма напыщенную похвалу. Я думаю, въ первый еще разъ на свѣтѣ, высылаютъ посланника, который является съ мирными и дружескими увѣреніями, и требуютъ наказать представителя иностранной державы, котораго сами же осыпали безконечными похвалами.

2. Чтобы я возвратила Швеціи Финляндію до Систербека, включая Нейшлотъ и Кексгольмъ.

3. Чтобы я приняла посредничество его Шведскаго величества для заключенія мира съ Турками.

4. Чтобы я уполномочила его предложить Туркамъ Крымъ и что, если они не захотятъ мириться на этихъ условіяхъ, предоставила ему право заявить имъ, съ моей стороны, готовность возстановить границы въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ 1768.

5. Чтобы я приступила къ разоруженію на сушѣ и на морѣ и отодвинула свои войска отъ вышеупомянутыхъ границъ какъ со стороны Швеціи, такъ и со стороны Турокъ, а ему бы предоставила не разоруживаться впредь до окончательнаго выполненія сего мирнаго трактата.

Вице-канцлеру эта нота показалась такъ хороша, что онъ ее принялъ, а черезъ два часа г. Шлаффъ получилъ черезъ графа Брюса предписаніе выѣхать вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ, и въ слѣдующее же затѣмъ Воскресенье здѣсь въ Петербургѣ было обнародовано объявленіе войны съ Швеціей. Покамѣстъ Шведскій флотъ грабитъ на Балтійскомъ морѣ суда, но не наши, а нейтральныхъ державъ, а именно онъ захватилъ одно Португальское судно, одно Прусское, одно Французское, и влѣпилъ два ядра въ бортъ одному Англійскому кораблю, который они собирались взять. Его Шведское величество высадившись въ Финляндіи, нашелъ однако, что пылъ его войскъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его собственному; тогда, дабы поднять ихъ

духъ, онъ велѣлъ объявить имъ, что пускай они только слѣдуютъ за нимъ, что онъ имъ обѣщаетъ превзойти и затмить славу Густава-Адольфа и довершить начатое Карломъ XII-мъ (т. е. повидимому, окончательную гибель Швеціи). Сообразно съ симъ, онъ велѣлъ приготовить себѣ полное вооруженіе, въ которое намѣренъ облекаться для сраженій,—латы, набедренники, наручники и шлемъ съ великимъ множествомъ перьевъ. Прощаясь съ Стокгольмскими дамами, онъ приглашалъ ихъ завтракать съ нимъ въ Петергофѣ. Адмиралъ Грейгъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, 1-го сего мѣсяца находился съ флотомъ на разстояніи 12 морскихъ миль отъ Шведскаго флота; по всему надо думать, что сей послѣдній не станетъ его дожидаться. Такъ по крайней мѣрѣ надо полагать по обыкновеннымъ разсчетамъ житейскаго опыта и здраваго смысла; но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ все поставлено на ходули, то можетъ случиться и иначе, что̀ надо будетъ видѣть, подождать и услышать. И такъ, стало быть, сэръ Джонъ Фальстафъ впутался въ скверную исторію. Посмотримъ, что-то изъ этого выйдетъ. Но, что̀ очень странно и очень гадко во всемъ этомъ, это то, что его Шведское величество, чтобы заставить свой призрачный сенатъ одобрить наступательныя мѣры, принимаемыя противъ меня, самъ въ полномъ собраніи сената читалъ донесенія, которыми якобы Нолькенъ, его посланникъ, извѣщаетъ его, что я вооружаюсь противъ него, Шведскаго короля. Теперь Нолькенъ отпирается и отрекается отъ подобныхъ донесеній, и клянется, и божится, что никогда не писалъ ничего подобнаго, и что если его величество читалъ что нибудь похожее на это, то эти донесенія не имъ, Нолькеномъ, измышлены. Говорятъ, король пошелъ еще дальше и въ полномъ же присутствіи сената читалъ какія-то письма очень оскорбительнаго содержанія, которыя онъ, повидимому, сочинилъ самъ, а выдалъ за полученныя якобы отъ меня. Между тѣмъ, я съ 1785 не написала ему ни единаго письма и нарочно приказала принести себѣ писанныя прежде, чтобы справиться, что̀ въ нихъ могло заключаться обиднаго, и убѣдилась, что эти письма хоть сейчасъ отдавай въ печать, что̀ я, быть можетъ, и сдѣлаю когда нибудь. Предоставляю вамъ судить, что̀ послѣ этого слѣдуетъ думать о государѣ, прибѣгающемъ къ такимъ низкимъ и гнуснымъ средствамъ, чтобы затѣять ссору съ державой, противъ которой онъ задумалъ безумную войну. Обманъ собственныхъ подданныхъ и клевета на сосѣдку и родственницу — вотъ средства, за которыя онъ прежде всего хватается. Между тѣмъ онъ самъ лично, и устно, и письменно, не увѣрялъ ли меня сколько разъ въ вѣчной дружбѣ, въ томъ, что почтетъ величайшимъ несчастіемъ для себя и для Швеціи, если когда либо измѣнитъ этой дружбѣ? Я не просила у него этихъ увѣреній. Кто же заставлялъ его говорить все это? Слѣдовательно, онъ такой же лукавецъ, какъ и глупецъ и лгунъ. Вотъ по истинѣ качества достойныя героя, и развѣ истинная отвага когда нибудь являлась въ союзѣ съ подобными свойствами? Его Нолькенъ здѣсь задолжалъ по уши; какъ же бы, вы думали, распорядился Густавъ-Фальстафъ? Онъ прислалъ ему кредитивъ, съ подписью: Густавъ.

Нолькенъ посылалъ его во всѣ здѣшнія банкирскія конторы, но сіе священное имя не внушило никому никакаго довѣрія: ему не повѣрили ни копѣйки, и онъ увезъ съ собою своего Густава, въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ. Есть весьма сильныя основанія подозрѣвать, что онъ очень золъ на меня лично. За что, право, не знаю; потому что я ему никогда ничего, кромѣ любезностей, не оказывала. Ну, чтò же вы скажете или чтò говорятъ тамъ, въ вашихъ мѣстахъ, о семъ Антонинѣ? У насъ ходятъ слухи, что, въ случаѣ неудачи, онъ намѣревается отправиться въ Римъ, принять Римскую вѣру, къ которой онъ будто бы весьма склоненъ ради ея пышныхъ обрядовъ, чтò мнѣ случалось слышать отъ него самого, и что въ Римѣ онъ будетъ жить, на подобіе королевы Христины. О! чтò касается сей послѣдней, то я всегда считала ее за отпѣтую дуру.

7 Іюля. Вотъ такъ король, который думаетъ, добыть себѣ ложью и обманомъ много чести! Не бывать, сударь, этому, а будетъ то, что онъ сдѣлается притчей и посмѣшищемъ у потомства: ложью и обманомъ ни славы, ни чести не добудешь.

8 Іюля. Просто неслыханныя вещи разсказываютъ про Шведскаго короля. Представьте, говорятъ, будто онъ хвастаетъ, что пріѣдетъ сюда въ Петербургъ, велитъ низвергнуть конную статую Петра I, а на ея мѣсто поставить свою. Посылаю вамъ наше объявленіе войны и копію съ пресловутой ноты, которая, мнѣ кажется, можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ нелѣпости и горячечнаго бреда. Чѣмъ далѣе останавливаешься надъ вступленіемъ, тѣмъ безумнѣе оно кажется; онъ, напримѣръ, хочетъ, чтобы ему было причтено въ заслугу, что онъ не зарѣзалъ меня во время Пугачевскаго бунта и не явился союзникомъ разбойника съ большой дороги; между тѣмъ онъ упоминáетъ о немъ съ очевиднымъ самодовольствомъ. У насъ простой народъ такъ озлобленъ противъ его Шведскаго величества, что прозвалъ его вторымъ Пугачевымъ. Вовторыхъ, онъ обвиняетъ моихъ посланниковъ въ Швеціи въ проискахъ противъ его новой формы правленія, между тѣмъ какъ на послѣднемъ сеймѣ самъ же онъ говорилъ иностраннымъ посланникамъ и всякому, кто хотѣлъ слушать, что его удивляетъ оппозиція, встрѣченная имъ на сеймѣ, въ то время какъ онъ совершенно увѣренъ, что эта оппозиція не имѣетъ поддержки ни въ одной иностранной державѣ, а съ тѣхъ поръ какъ онъ въ 1772 г. незаконно захватилъ неограниченную власть, я Шведамъ не давала ни гроша. Такимъ образомъ всѣ его жалобы пустыя, ложныя, клеветническія, а самъ онъ—государь очень дурнаго сердца и о которомъ у насъ всѣ увѣрены, что онъ помѣшался. Замѣтьте еще, пожалуста, выраженіе о двухъ имперіяхъ; это очень курьозно и указываетъ на какіе-то виды, которые еще не успѣли окончательно развиться. Мнѣ также очень нравится это хвастанье средствами великой державы: точно неизвѣстно, что у его Шведскаго величества всего четыре милліона дохода и что съ этимъ далеко не уѣдешь. Онъ ведетъ себя совсѣмъ какъ какой нибудь выскочка. Турки дали ему два-три милліона піастровъ, и онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ этого

вздора, воображая, что имъ и конца не будетъ; употреби онъ ихъ для блага своей страны, я бы ему завидовать не стала.

14 Августа. У меня два дня была колика, заставившая меня пролежать въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я велѣла принести себѣ Нѣмецкихъ книгъ и, въ числѣ прочихъ, мнѣ принесли одинъ журналъ подъ заглавіемъ das graue Ungeheuer[4]), гдѣ помѣщенъ яко бы мой портретъ. Въ этомъ изображеніи мнѣ думаютъ оказать великую честь, не признавая всѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже самые враги мои успѣли увѣрить лишь очень немногихъ людей. Затѣмъ мнѣ отводится мѣсто прямо послѣ Маріи-Терезіи; этимъ я, безъ сомнѣнія, не могу не быть довольна, и совершенно убѣждена, что есть стороны, въ которыхъ я должна уступить ей. Она, напримѣръ, находила своего мужа очень достойнымъ любви; я о своемъ этого по совѣсти сказать не могла, а для лжи, какъ вы знаете, я не рождена. Но вотъ что: это Ungeheuer требуетъ, чтобы вы, г-нъ козелъ отпущенія, изволили написать мое изображеніе съ натуры; тамъ сказано, что въ Парижѣ живетъ одинъ человѣкъ (это, конечно, никто иной, какъ вы), у котораго въ портфелѣ хранятся доказательства того, что я не кровожадна. Представьте себѣ! Вотъ какъ судятъ о людяхъ, вотъ какъ знаютъ ихъ! Вотъ какъ пишутся съ нихъ портреты! Авторъ говоритъ, что во мнѣ скорѣе много хитрости, чѣмъ разсудительности или ума. Такъ ли это? Предоставляю вамъ судить о томъ. Наконецъ, онъ даетъ понимать, что во мнѣ есть всѣ женскіе недостатки. Опять отдаю себя на вашъ судъ.

18 Августа. Лукавый унесъ Шведскаго короля: говорятъ, онъ убрался обратно въ Швецію. Въ Финляндіи его розыскиваютъ, какъ иголку, и никакъ не могутъ розыскать. Финляндскія войска отступили отъ Нейшлота, и такъ какъ имъ надобно было плыть водой мимо крѣпости, то они прислали просить коменданта не стрѣлять по нимъ, пока они будутъ удаляться. Прямо, невиданное дѣло! Комендантъ согласился, и вотъ они убрались потихоньку ночью. Шведскій король объявилъ въ газетахъ, что послѣ морскаго сраженія 6 Іюля его братъ отправился блокировать Кронштатъ. Да, какъ бы не такъ! Адмиралъ Грейгъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Кронштата, еще не бывалъ назадъ, и въ виду Свеаборга, гдѣ Шведскій флотъ застрялъ послѣ битвы, сжегъ 64-хъ пушечный корабль, по имени Густавъ Адольфъ, и ни одна собака не явилась на помощь этому кораблю, хотя это и происходило въ виду сказанной гавани. Они насъ бьютъ на бумагѣ, а мы ихъ колотимъ на самомъ дѣлѣ. Герцогъ Зюдерманландскій, по отзывамъ нашихъ моряковъ, не только не выказалъ особенной храбрости, но первый улизнулъ изъ сраженія; ихъ вице-адмиралъ, который у насъ въ плѣну, чтобы прикрыть трусость герцога, выдавалъ его раненымъ, но онъ, слава Богу, здоровехонекъ. На пятый день послѣ того какъ всѣ ихъ корабли, безъ мачтъ и въ самомъ жалкомъ состояніи, воротились въ гавань, точно собаки, выгнанныя съ кухни, они вздумали пѣть благодарственный молебенъ и до сегодня

[4]) Сѣдое чудовище.

не высунули носа изъ этой ямы, со всѣхъ сторонъ окруженной скалами и подводными камнями. Увидимъ, что-то изъ этого выдетъ и какимъ образомъ и когда они вернутся во свояси. Въ Финляндіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Шведы стоятъ теперь, крестьяне вынуждены прятать свой хлѣбъ, потому что голодные солдаты хотятъ его отнимать у нихъ силой. Никогда не видано ничего подобнаго этой войнѣ. Увидите, что наконецъ намъ же, изъ человѣколюбія, придется спасать ихъ отъ голодной смерти. Попутай Богъ короля Фальстафа!

4 Сентября. Что за удивительный мѣсяцъ выдался этотъ прошедшій Іюль. Въ послѣдній день Іюня я переѣхала въ городъ, чтобы не терять въ проволочкахъ понапрасну по три часа на каждомъ дѣлѣ, что̀ въ общей сложности могло составить много потерянныхъ даромъ часовъ, и въ тоже время, чтобы успокоить переполохъ этой чопорницы—моей столицы. Здѣсь я очутилась въ обстановкѣ военнаго города, среди оружія и вооруженій всякаго рода. Все это двигалось и тянулось водой и по сушѣ у меня передъ окнами; я однимъ этимъ только и была занята; домъ мой превратился въ главную квартиру, и я сама находилась въ немъ безотлучно для полученія вѣстей во всякій часъ дня и ночи, и всякую минуту размышляя, думая, придумывая разнаго рода проекты и ресурсы. Хотите, чтобы я сказала вамъ чистую правду? Среди всего этого я чувствовала себя отлично по себѣ, удивительно довольная собою и другими, вездѣ, на каждомъ шагу встрѣчая одно пламенное усердіе и готовность дѣйствовать для общаго блага. Изъ деревень, безъ всякаго указа и требованія, мнѣ слали десятаго для войска; горожане и города вызывались жертвовать и жертвовали огромныя суммы. Извощики на почтовыхъ доставляли полковые обозы, и вмѣсто двухъ сотъ лошадей на станцію выставляли до пяти и семи сотъ. Иностранцы распускали слухъ, будто я собираюсь уѣхать въ Москву; но коренные жители, и особенно простой народъ, говорили: она ни за что не покинетъ Петербурга при теперешнихъ обстоятельствахъ. Въ эту самую пору Фальстафъ высаживался въ Финляндіи, и производилось нападеніе на Нейшлотъ. 6 (17) Іюля, говорятъ, въ Петербургѣ въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ пороха, что̀ очень можетъ быть. Я въ этотъ день была нездорова и лежала въ одной изъ большихъ Эрмитажныхъ залъ на диванѣ; вся компанія играла въ карты, а неигравшіе забавлялись тѣмъ, что ругали Фальстафа. Черезъ два дня я получила извѣстіе о морскомъ сраженіи. Это было несравненно болѣе, чѣмъ въ данную минуту требовалось: ибо, по всѣмъ соображеніямъ, мы предполагали, что какъ скоро будетъ опрокинутъ первый Шведскій отрядъ, то послѣдуетъ, что сперва Финляндскія войска, а потомъ и Шведы перестанутъ слушаться и не станутъ далѣе поддаваться невообразимымъ сумасбродствамъ своего полоумнаго (повелителя), который, вѣроломствуя относительно насъ, въ тоже время обманывалъ собственный народъ и велъ его къ конечной гибели. Съ этой самой минуты все именно такъ пошло, какъ мы предвидѣли. 31 Іюля я получила извѣстіе, что послѣ отпаденія Финляндцевъ сэръ Фальстафъ поручилъ своимъ приближеннымъ начать переговоры. Я запретила отвѣчать. По настоящую ми-

нуту вся Финляндія очищена отъ непріятеля, кромѣ одного поста въ Гегфорсѣ, откуда ихъ тоже не замедлятъ выжить. Слѣдовательно извольте успокоить свои страхи.

18-го Сентября. Смѣшно, что вы вѣрите его выдумкамъ и тревожитесь ими: ничего подобнаго съ нами не случится. У насъ никого не осталось изъ его людей: отягченные недоумѣніемъ, полумертвые отъ голода и страха, безъ денегъ и почти безъ одежды, они отправились во свояси пасти гусей. Просто умора, если разсказать все что̀ было: они словно заразились безуміемъ одного человѣка. Прощайте, будьте здоровы; готовлю вамъ огромное посланіе, со множествомъ приложеній.

3-го Октября. Съ одной стороны графъ Пушкинъ подступалъ со всѣми своими силами, а съ другой Финляндцы потребовали отъ Шведовъ, чтобы они отступили отъ Гегфорса, и теперь во всей Россійской Финляндіи нѣтъ ни единаго Шведа. Адмиралъ Грейгъ заперъ Шведскій флотъ въ Свеаборгѣ и будетъ его держать въ блокадѣ, покуда время года благопріятствуетъ плаванію нашихъ кораблей. Теперь Фальстафъ далъ знать королямъ Прусскому и Англійскому, Голландскимъ Статамъ, Датскому двору, королямъ Французскому и Испанскому, каждому порознь, что онъ бросается къ нимъ въ объятія и проситъ посредничества при заключеніи мира. Всѣ дворы, кромѣ Датскаго, тотчасъ сообщили мнѣ о просьбѣ Фальстафа. Датчане же сказали, что Шведскій король опоздалъ и что они, будучи въ союзѣ съ Россіей, не могутъ принять на себя посредничество. Теперь всѣ ждутъ моего отвѣта, а я спѣшить не буду. Представьте, какая выходитъ все-Европейская смѣсь! Коль много поваровъ, плохая квашня, говорится у Нѣмцевъ. Но нѣтъ никакаго сомнѣнія, что зачинщики всему дѣлу г. Гаррисъ и Герцбергъ.

Посылаю вамъ двѣ пословицы, написанныя въ Августѣ для Краснаго Кафтана. Произведенія театральныхъ авторовъ Эрмитажа могли бы уже теперь составить по меньшей мѣрѣ два тома. Можно подумать, что у этихъ пяти бѣдняковъ инаго дѣла нѣтъ; они раздѣляютъ работу между собою и говорятъ другъ другу: «ты вотъ это сдѣлай», а тотъ отвѣчаетъ: «а вотъ работа тебѣ». Точно имъ деньги за это платятъ! Теперь заразъ готовятся четыре пьесы, да готовыхъ ужъ почти столько же.—Адмиралъ Ванъ-Дезинъ давно уже соединился съ адмираломъ Повалишинымъ, который вернулся изъ Архангельска. Я не получала еще извѣстій о взятіи Хотина или Очакова. Какъ только будетъ оконченъ отвѣтъ на ужасныя обвиненія и клеветы, которыя Фальстафъ публично взвелъ на насъ 21-го Іюля, я вамъ его пришлю; онъ заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, а такъ какъ Фальстафъ въ безуміи своемъ осмѣлился клеветать на насъ и всячески насъ оскорбляетъ, то пусть и поплатится теперь за это въ глазахъ всей Европы. Этотъ безхарактерный злодѣй недостоинъ мѣста, которое онъ занимаетъ; въ подданныхъ своихъ онъ возбуждаетъ скорѣе презрѣніе, чѣмъ ненависть. Думаю, что теперь онъ станетъ посмѣшищемъ всей Европы и возбудитъ всеобщее негодованіе. У насъ и свои, и чужіе говорятъ,

что онъ совсѣмъ не имѣетъ военныхъ дарованій: трусъ и хвастунъ, голова у него безпорядочная и неспособная. Датчанами я весьма довольна. О Георгѣ и Фридрихѣ Вильгельмѣ ничего не могу сказать; вижу только, что имъ сильно хочется надѣлать дерзостей; но удастся имъ или нѣтъ, а я надѣюсь, что дѣла наши пойдутъ хорошо.

Посылаю вамъ Русскую комическую оперу, Иванъ Царевичъ, музыка сочиненія барона Ванжуры. Скажите пожалуста, гдѣ находится маркизъ Лафайетъ. Если онъ въ немилости, если онъ тамъ лишній, пусть пришлютъ его къ намъ: мы ему найдемъ дѣло.

6.

17 или 18 Декабря 1788.

Имѣю честь объявить вамъ новость, которую вы уже, можетъ быть, и знаете, именно о взятіи штурмомъ Очакова. Фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ мнѣ донесеніе съ подполковникомъ Бауеромъ, котораго я тотчасъ же произвела въ полковники. Въ Николинъ день, 6-го Декабря ст. с., на разсвѣтѣ, шесть колоннъ, подъ начальствомъ трехъ генералъ-лейтенантовъ, овладѣли въ полтора часа ретраншаментами г-на Лафита, Гассанъ-пашинскимъ зàмкомъ и крѣпостью Очаковымъ. Генералъ-лейтенанты, принцъ Ангальтъ-Бернбургскій и Самойловъ, каждый съ своей стороны, были изъ первыхъ и за это получили по большому Георгіевскому кресту 2-й степени. Фельдмаршалъ получилъ Георгія 1-й степени. Извѣстія дошли до насъ 15-го Декабря вечеромъ. Въ этотъ день я хворала отъ простуды и лежала въ постели, но на другой же день присутствовала при молебнѣ, во время котораго былъ сдѣланъ 101 пушечный выстрѣлъ; стояло 25° и до 28° мороза. Въ народѣ большая радость; побѣды для насъ дѣло привычное. Я точно, какъ и въ прошлую войну, всегда больна въ тѣ дни, когда получаются хорошія и важныя извѣстія; это очень странно, но это такъ. Плѣнныхъ взято множество: более 12000 чел., въ томъ числѣ трехъ-бунчужный паша. Ждемъ подробностей.

Завадовскому я прикажу покончить съ вами; чтоже касается до денегъ, которыя вы заплатили за состоящаго подъ его опекою, то по справедливости ихъ слѣдуетъ занести въ мой счетъ.

1789 годъ.

1.

23-го Января 1789.

Сочиненія Прусскаго короля уже давно получены здѣсь, но я прочла только еще 30 страницъ, на которыя написала 27 примѣчаній [1]). У насъ говорятъ, что его величество въ очень многихъ мѣстахъ своей книги наговорилъ неправды безъ зазрѣнія совѣсти. Я еще не знаю навѣрное, я прочла только нѣсколько страницъ; однако мнѣ кажется, что онъ ради остраго словца жертвуетъ иногда вѣрностью событій.

---

[1]) Гдѣ эти примѣчанія? Или, не заключаются ли они въ примѣчаніяхъ на сочиненіе Аббата Денины, служащее введеніемъ къ собранію твореній Фридриха Великаго? См. Р. Архивъ сего года, II, 283 и далѣе.

Попадается также весьма много хорошаго. Братецъ Густавъ могъ бы съ пользою прочесть книгу, но дуракамъ ничто не въ помощь. Я еще не дошла до того мѣста, гдѣ говорится о принцѣ Генрихѣ и объ его пребываніи у насъ; но вѣрно то, что король погрѣшалъ иногда противъ истины: онъ говоритъ, что принцъ Генрихъ ходилъ съ ума зимою послѣ похода, окончившагося Тешенскимъ миромъ. Мнѣ разсказывалъ графъ Панинъ и увѣрялъ, что самъ читалъ объ этомъ въ собственноручной припискѣ короля. Я часто придумывала, что̀ могло заставить короля прибѣгнуть къ подобной выдумкѣ, и полагаю, что онъ это сдѣлалъ изъ бережливости и съ цѣлью помѣшать принцу въ третій разъ къ намъ пріѣхать. Но пожалуста, чтобъ это осталось между нами: другаго употребленія сдѣлать нельзя. Впрочемъ, мнѣ было весьма пріятно слышать отъ васъ о добрыхъ намѣреніяхъ принца; не могу того же сказать о поведеніи его племянника: оно насквозь проникнуто двуличіемъ и полнѣйшимъ макіавелизмомъ.

24-го Января. Конечно я не забыла, что имѣла честь въ 1762 г. возвратить Фридриху II-му его королевство Пруссію и часть Помераніи. Не сомнѣваюсь также, что если племянничекъ не измѣнитъ своего поведенія, то ему, можетъ быть, грозятъ еще бо̀льшія потери, чѣмъ дядюшкѣ, который и при своемъ геніальномъ умѣ съ великимъ трудомъ выпутался изъ бѣды. Радуюсь, что Сенъ-При сдѣланъ членомъ Совѣта; я хорошо знаю, чѣмъ бы желала его видѣть [2]). Вы напрасно стараетесь уничтожить Польскую націю: она сама къ тому стремится. Не такъ давно они уничтожили Постоянный Совѣтъ, который одинъ только могъ понуждать къ исполненію законовъ. Не бойтесь: пустая, безумная нація все будетъ сумасбродствовать, пока, наконецъ, придетъ минута, что она убѣдится въ своихъ глупостяхъ и раскается.

27-го Января. Сказываютъ, что князь Потемкинъ, котораго мы ждемъ съ часу на часъ, очень доволенъ присланнымъ отъ васъ хирургомъ. Маркизъ Лафайетъ нашелъ обширное поприще для своего усердія и, судя по ходу дѣлъ, ему предстоитъ много дѣла.

29-го Января. Если въ нотабляхъ или государственныхъ чинахъ проявится излишній пылъ, то я бы посовѣтывала дать имъ политическое развлеченіе ударомъ на партію штатгальтера въ Голландіи. Тогда всѣ горячія головы ринутся туда, а между тѣмъ хладнокровныя заплатятъ долги и установятъ подати. Такимъ образомъ всѣ были бы довольны и, можетъ быть, только этимъ способомъ и возможно успокоить волненіе, охватившее у васъ умы.

2.

19 Марта 1789.

Вы говорите, что по отзывамъ безумцевъ нѣтъ болѣе Екатерины. Но если бы ея не было, Россійская имперія не перестала бы суще-

---

[2]) Т. е. первымъ министромъ Людовика XVI-го.

ствовать, и ея конечно не разрушатъ ни Фальстафъ, ни Фридрихъ Вильгельмъ, даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ-Гамидомъ. У насъ прибываетъ силы отъ самаго времени. Кромѣ того, повѣрьте, что всѣ эти узлы могли бы распутаться въ четверть часа; но нѣтъ сомнѣнія, что если бы «бѣдные люди» [3]) соблаговолили заговорить погромче съ Голландцами, дабы не совсѣмъ погибли сторонники ихъ въ этой республикѣ, то для меня это было бы отмѣнною услугою. Поговорите объ этомъ дружески съ Сенъ-При и обсудите сообща, нѣтъ ли возможности склонить тотъ дворъ, гдѣ вы находитесь, къ какому нибудь дѣйствію, которое бы показало, что Франція еще въ числѣ значительныхъ державъ и что, владѣя 80-ю военными кораблями, она не обрекла ихъ на гніеніе въ портахъ, безо всякой пользы для государства. Значеніе этого двора совсѣмъ пропадаетъ, благодаря его бездѣйствію. Меня никогда не обвиняли въ пристрастіи къ нему; но выгоды мои и всей Европы требуютъ, чтобы онъ, елико возможно скорѣе, занялъ снова подобающее ему мѣсто, что̀, по уплатѣ долговъ, и должны посовѣтывать королю государственные чины. Вся Европа зарукоплещетъ, и нація прославится въ настоящемъ вѣкѣ и на будущее время. Французы любятъ честь и славу. Сто̀итъ имъ указать на требованія чести и отечественной славы, и они все сдѣлаютъ; а всякій Французъ долженъ согласиться, что чести и славы нѣтъ въ этомъ политическомъ бездѣйствіи, во время котораго безпрестанно питаются, расширяются, растутъ и накопляются смуты внутреннія. Пусть напряженіе перельется за предѣлы королевства, и тогда прекратится это разложеніе, похожее на то, какъ черви точатъ основу корабля. Если бы Франція возвысила голосъ и заняла прежнее мѣсто, миръ состоялся бы скоро; за чѣмъ она для того не отправитъ своего флота въ Архипелагъ?

1790 годъ.

1.

24 Января (1789).

Повидимому г. Феронсу [1]) любопытно узнать, что̀ я вамъ написала о смерти Зельмиры. Да чтожъ я могла сказать кромѣ того, что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Фактотумъ навѣдывался въ Лоде. Докторъ сказалъ, что Зельмира нѣсколько разъ посылала за нимъ, чтобъ посовѣтоваться насчетъ здоровья, что онъ ей приготовлялъ лѣкарства отъ той болѣзни, отъ которой она умерла; что его не было при ней въ минуту смерти: за нимъ послали, но она уже умерла, такъ какъ болѣзнь продолжалась всего нѣсколько часовъ. Теперь

---

[3]) Die armen Leuten—такъ Екатерина называла тогдашнее, запутавшееся въ долгахъ Французское правительство.

[1]) Феронсъ, первый министръ герцога Брауншвейгскаго. См. Hist. secr. de la cour de Berlin, стр. 21.

папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался спасти для внучатъ то немногое, что̀ осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубіянъ требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни гроша, потому что онъ дырявый мѣшокъ и по уши въ долгахъ.

Столь часто упоминаемая Екатериною подъ именемъ Зельмиры принцесса Виртембергская Августа (род. 3 Декабря 1764) была старшею дочерью владѣтельнаго герцога Виртембергскаго Карла Вильгельма Фердинанда, извѣстнаго полководца и масона. По матери своей Зельмира приходилась племянницею королю Англійскому Георгу III-му, а по отцу племянницею первой разведенной жены короля Прусскаго Фридриха Вильгельма II-го (которая была удалена въ Штетинъ и тамъ скончалась лишь въ 1840 году). Этимъ родствомъ и связями отчасти объясняется то участіе, которое приняла въ ней Екатерина. Заботы о Виртембергской принцессѣ могли служить какъ бы противовѣсомъ Прусскому двору, который вмѣшивался въ домашнія дѣла Екатерины (мы видѣли, что «Иродъ» не оставлялъ въ покоѣ даже и молодаго Бобринскаго, см. выше). Судьба Зельмиры видна изъ Екатерининскихъ писемъ къ Гримму, которыми опровергаются безчисленныя клеветы, до сихъ поръ по этому поводу распускаемыя въ произведеніяхъ Нѣмецкой исторіографіи и словесности и подрывающія наше довѣріе къ Нѣмецкой добросовѣстности. Приводимъ относящіяся сюда выдержки изъ Дневника Храповицкаго. Въ исходѣ 1786: «Посыланъ къ Стрекалову, отъ него привезъ 1000 р., которая отдана Вильдшѣ. Говорено о принцѣ, что заслужилъ онъ кнутъ, ежели бы не закрыли мерзкихъ его дѣлъ. 30 Декабря: Отпра̀влена принцесса Виртембергская съ Г. П. Польманомъ и Вильдшею. 5 Іюня 1788: Писали къ Польману и къ принцессѣ и послали Французскія книги. Она любитъ чтеніе и время проводитъ съ Польманомъ и его семьею. Ежели бы не было ему 60-ти лѣтъ, то бы сочли его ея любовникомъ. «Не говорятъ ли сего»?—«Я не слыхалъ». 21 Сентября 1788: Послано на дачу къ гр. Безбородкѣ по случаю полученнаго на штафетѣ увѣдомленія отъ Польмана о смерти принцессы. Сказывали, что она умерла отъ остановившихся кровей; съ ней и прежде то случалось. Жаль ея! Осмѣлился сказать, что она въ несчастіи своемъ кромѣ вашего величества иной защиты не имѣла. 22 Сентября 1788: Приказано Рылѣеву (Петербургскому оберъ-полицеймейстеру) запечатать у купца Ариста принцессины бриліанты, на продажу высланные; ихъ по оцѣнкѣ отъ 15-ти до 20 тысячъ. Когда донесъ онъ объ исполненіи, то велѣно привезть бриліанты во дворецъ. 23 Сентября 1788: Бриліанты принцессины, запечатавъ въ ящикъ, отослалъ для храненія въ кабинетскую кладовую. Сказано: «Ихъ надобно отдать, но до времени пусть не знаютъ, что̀ такое». 10-го Октября 1788: Разговоръ о смерти принцессы Виртембергской, 16 Сентября приключившейся, и что нѣтъ отвѣта отъ Польмана на письмо ея величества отъ 21 Сентября. Я сказалъ, что начинаютъ говорить о томъ въ городѣ, чаятельно, по слухамъ изъ Ревеля. Написали письмо къ отцу ея и къ матери, поставя 23 Сентября. 19 Ноября 1788: Спрошенъ послѣ обѣда для отправленія курьера къ Польману съ тѣмъ, дабы онъ, по желанію родителей покойной принцессы, прислалъ обстоятельное описаніе о всемъ, относящемся къ болѣзни ея и рановременной смерти. Тутъ говорено о обоюдной ихъ другъ къ другу привязанно-

сти, очень похожей на любовь. Вопросъ у меня.—«Здѣсь не было слышно, развѣ были рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, кои ближе, и притомъ г-жа Вильде знать должна».—Она не смѣетъ говорить и мнѣ только сказала, что когда онъ не велитъ, то и гулять не поѣдетъ».—Приморскій зàмокъ Лоде, позднѣе владѣніе Буксгевдена (можетъ быть того, чтò былъ женатъ на дочери князя Орлова Софьѣ Григорьевнѣ) находится близъ Ревеля. Туда впослѣдствіи удалена была Е. И. Нелидова. Принцесса Виртембергская была еще жива, когда прибылъ въ Ревель молодой Бобринскій.

2.

12 Февраля 1790.

Ужасно чтò вы разсказываете про ваше житье въ теперешнія пріятныя времена. Я знала, что какой-то г. Бельзэнсъ погибъ, но не знала, что это братъ г-жи дю-Бюэль; мнѣ грустно за нее. Теперь такія времена, что приходится жалѣтъ о прошломъ. Здоровье ваше очень меня тревожитъ. Такъ вамъ нравятся совѣты г. Рожерсона? Слѣдуйте имъ, если находите ихъ полезными; но вы не прославите этимъ ни аптеки, ни Эскулапа въ моихъ глазахъ. Правда, для васъ вовсе не заманчиво путешествовать во время возрожденія, по милости котораго страна стала походить на лѣсъ, населенный дикарями.

Такъ какъ я не люблю, когда умираютъ люди достойные, то смерть г-жи Бухвальдъ [2]) меня весьма огорчила; мнѣ извѣстно было, что она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Я нахожу, что у васъ грустныя мысли. Видно, что вы страдаете и тѣломъ и душою; старайтесь развлечься, и если я могу облегчить ваше горе, то разскажите мнѣ все откровенно, съ тонкостью и умѣньемъ. Къ чему этотъ король Французовъ? Зачѣмъ отнимать у него Наварру, наслѣдіе отцовъ? Зачѣмъ, когда восемь сотъ лѣтъ всегда говорили «Франція», теперь вмѣсто того говорить «Французы»? Значеніе, которымъ пользовалось государство, должно было повидимому предохранить его отъ такихъ перемѣнъ, относительно которыхъ опытъ еще не указалъ, чтò хорошо и чтò дурно, чтò полезно и чтò вредно. Съ какихъ это поръ сумасбродство, легкомысліе, безпорядокъ, всевозможныя крайности цѣнятся выше опытности, благоразумія, порядка и закона? Ничего не зная и не понимая, могу только задавать вопросы, когда на моихъ глазахъ рушится все чтò было такъ дорого человѣку въ началѣ и въ срединѣ этого столѣтія, чтò руководило въ жизни, и безъ чего живется лишь изо дня въ день.

3.

21 Іюня 1790, Царское Село.

Повидимому вы несчастнѣе насъ, хотя мы заразъ ведемъ двѣ войны. Одна изъ нихъ такъ близко ведется отъ Петербурга, что въ

---

[2]) Это была пріятельница Гримма, см. Р. Архивъ сего года I, 395.

городѣ, а еще больше здѣсь, ужъ цѣлый мѣсяцъ слышенъ громъ пушекъ и, не смотря на это, мы всѣ очень веселы. Я думаю, это происходитъ отъ того, что у насъ всѣ убѣждены, что если бываютъ войны правыя, то это именно мои войны, такъ какъ мы сражаемся противъ несправедливости и измѣнниковъ.

Отъ искренняго сердца желаю, чтобъ несчастія Франціи окончились и чтобъ она вновь пріобрѣла утраченное значеніе въ Европѣ. Живѣйшее участіе, которое я принимаю въ королевѣ, заставляетъ меня въ особенности желать улучшенія въ ея положеніи. Для преодолѣнія великихъ опасностей нужно имѣть и мужество великое.

Въ настоящую минуту г. Фальстафъ можетъ выказать свою храбрость. Возьмите пожалуста карту Балтійскаго моря и отыщите Выборгъ. Онъ находится въ углу залива на Финскомъ берегу; заливъ этотъ ближе всѣхъ другихъ къ Кронштату. Ну такъ, послѣ трехдневной битвы, которая начиналась всякій день на зарѣ и оканчивалась съ закатомъ солнца, флотъ подъ начальствомъ герцога Зюдерманландскаго, вслѣдствіе Шведскихъ соображеній, соединился передъ этимъ заливомъ съ галернымъ флотомъ, подъ начальствомъ самого короля. Выборгскій заливъ весь усѣянъ островами, между которыми стоятъ тридцать нашихъ галеръ; за островами находится городъ Выборгъ. Оба Шведскіе флота стоятъ между нашими тридцатью галерами и двумя эскадрами Ревельской и Кронштатской, которыя имъ отрѣзываютъ сообщеніе съ моремъ и Шведскими берегами; со стороны же Кронштатскаго залива стоитъ принцъ Нассау съ флотиліей галеръ, шебековъ и другихъ весельныхъ судовъ, которымъ нѣтъ числа. Ну, что же онъ дѣлаетъ, т. е. я разумѣю Фальстафа? И онъ, и всѣ, кто съ нимъ, умираютъ съ голоду, потому что всѣ бѣгутъ: пошлютъ кого за чѣмъ нибудь, хоть за водой, тотъ больше не возвращается. Въ Выборгскомъ заливѣ, между рифами и камнями, теперь находится съ обѣихъ сторонъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, дѣло будетъ покончено.

22 Іюня. О Лафайетѣ я ничего не скажу, но вижу, что и вы тоже думаете, что̀ я. Что касается до г. Неккера, то я уже давно съ нимъ раскланялась и думаю, что для счастія Франціи было бы хорошо, если бы онъ никогда и не вмѣшивался въ ея дѣла. Мальтійскій орденъ не напрасно чувствуетъ ко мнѣ влеченіе: я болѣе чѣмъ кто либо уважаю и горячо люблю храбрыхъ, благородныхъ рыцарей, и всякій Малтійскій рыцарь всегда возбуждалъ во мнѣ почитаніе. Я готова сдѣлать все, что̀ потребуется, только бы знать, чѣмъ я могу имъ быть полезна. Св. Іоаннъ Креститель пользуется у насъ весьма большимъ почетомъ, и въ особенности чтитъ его ваша покорная услужница съ того памятнаго дня 24-го Іюня с. ст., который мы всякій годъ празднуемъ, когда Оттоманскій флотъ былъ разбитъ при Чесмѣ. Можетъ быть, и Шведскій флотъ будетъ разбитъ въ тотъ же день, т. е. послѣ завтра. Аминь.

Что̀ это за удушье, которое является у васъ, какъ только вы принимаетесь за письмо? По правдѣ, меня это очень огорчаетъ.

Вижу, что мои потери въ Вѣнѣ [3]) вамъ причиняютъ столько же огорченія, какъ и мнѣ, и теперь еще мнѣ тяжело о нихъ говорить. Я долго не могла видѣть посла; и онъ, и я едва могли удержаться отъ рыданій. Тысячу разъ пожалѣла я о Французской королевѣ, которая въ такое короткое время понесла столько различныхъ потерь; но она обладаетъ мужествомъ, какъ и мать ея, и неустрашимостью, отличающею весь ихъ родъ. До какой степени доходила неустрашимость Іосифа (иногда, какъ я смѣю думать, вредившая ему самому) видѣла я сама въ Тавридѣ, когда мы получили первое извѣстіе о смутахъ въ Голландіи. Онъ сталъ говорить со мной объ этомъ, и я рѣшилась откровенно высказать свое мнѣніе; признаюсь вамъ, его отвѣтъ испугалъ меня. Но я замолчала, видя, что онъ остроумнѣе и рѣчистѣе меня; однако все-таки дала ему понять, какъ бы я стала разсуждать въ подобномъ случаѣ. Больше я ничего не могла сказать, такъ какъ онъ вѣроятно зналъ мѣстныя условія, которыя мнѣ были неизвѣстны, а мои мысли по обыкновенію были приложимы только къ моей странѣ.—Не знаю, что̀ называетъ Дидотъ моими записками, но по истинѣ я никогда не писала таковыхъ, и если это грѣхъ съ моей стороны, то я и сознаюсь въ немъ.

23 Іюня. Очень рада, что вы отдали справедливость Іосифу II: я къ нему чувствовала искреннее расположеніе, и онъ тоже любилъ меня. Я не могу о немъ вспомнить безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо; я отвѣчала тотчасъ же, но мое письмо опоздало. Я многаго ожидаю отъ его наслѣдника, который на первыхъ порахъ оказывается человѣкомъ осторожнымъ, благоразумнымъ, твердымъ, достойнымъ уваженія. Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ.

4.

25-го Іюня 1790.

Большія дороги заростутъ терніемъ, которое было уничтожилъ Генрихъ IV, къ великой радости Сюллія. Никогда я такъ часто не перечитывала Ганріады и записокъ того времени какъ нынѣшнею зимою. Національное Сеобраніе должно бросить въ огонь всѣ лучшія произведенія Французскихъ авторовъ и все, что̀ способствовало распространенію ихъ языка въ Европѣ, потому что все это служитъ осужденіемъ отвратительной теперешней неурядицѣ. До сихъ поръ думали, что слѣдуетъ вѣшать всякаго, кто замышляетъ гибель своей родинѣ, а вотъ теперь это дѣлаетъ цѣлая нація или, лучше сказать, тысяча двѣсти представителей націи. Я думаю, еслибы повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные бы образумились. Для начала слѣдовало бы уничтожить жалованье въ восемнадцать ливровъ, которое выдается каждому депутату (и тогда эта голь для своего пропитанія должна была бы вернуться къ своимъ ремесламъ), а потомъ запретить

---

[3]) Кончина императора Іосифа II-го, 9 Февраля этого 1790 года; за два дни передъ нимъ умерла Австрійская эрцгерцогиня Елисавета, супруга будущаго императора Франца и старшая нашей императрицы Маріи Ѳеодоровны,

закономъ принятіе адвокатовъ въ члены собранія. Противъ ябедниковъ существуютъ во всѣхъ земляхъ законы, иногда очень строгіе; а во Франціи этимъ шавкамъ дали законодательную власть. Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что онъ отлично зналъ про себя, какой онъ злодѣй. Недавно еще эти самые адвокаты, смотря по тому за что платили больше, защищали равно истину и ложь, справедливость и беззаконіе. Я бы однимъ разомъ разогнала людей, а не стала бы по клочкамъ уничтожать что̀ они сдѣлали или дѣлаютъ. Это придетъ само собою. Но сказываютъ, что повелителю нравится эта игра въ гражданство (bourgeoiserie), а такимъ образомъ не уничтожишь зла. Можно пожалѣть о государствѣ и о всѣхъ благоразумныхъ людяхъ! Что̀ же касается до толпы и до ея мнѣній, то имъ нечего придавать большаго значенія.

5-го Августа 1790 г.

Спѣшу сообщить г-ну козлу отпущенія, что 3 Августа 1790 г. генераломъ Игельштромомъ съ нашей стороны и любимцемъ короля Армфельдомъ съ другой подписанъ миръ между Шведскимъ королемъ и его сестрой императрицей Россійской, безъ всякаго посредничества. Однимъ зломъ стало меньше. Сегодня утромъ у меня отвалились на ногахъ четыре мозоли, которыя меня очень безпокоили; изъ сего слѣдуетъ, что этотъ день можетъ быть причисленъ къ благопріятнымъ.

5.

12 Сентября 1790, послѣ обѣда.

У меня голова идетъ кругомъ отъ мирныхъ празднествъ, начавшихся 8 числа сего мѣсяца. Это плодъ мира. Слава Богу, что она у насъ не кружилась въ продолженіе войны. Это надо будетъ переносить съ терпѣніемъ и самоотреченіемъ. Вотъ небольшое предисловіе къ отвѣту на ваше письмо отъ 1-го (12-го) Августа, привезенное мнѣ Павловымъ. Оно начинается словами: «Обо мнѣ можно пожалѣть». Жалобный тонъ приличенъ человѣку, живущему въ столицѣ государства, которое стремится къ перерожденію и уже два года мучается родами, а все не можетъ ни родить, ни доносить: то родится выкидышъ, умирающій въ туже минуту, то является на свѣтъ сгнившій и зловонный уродецъ.... [1]) Но лучше отвернуться отъ такихъ ужасныхъ и отвратительныхъ вещей, каковы преступленія этой гидры о тысячѣ двухъ стахъ головахъ. Вы хорошо дѣлаете, что ѣдете путешествовать для развлеченія. Во Франкфуртѣ вы найдете Николая Румянцова; можете обниматься съ нимъ, сколько угодно. Принцъ Нассау потерпѣлъ пораженіе не отъ Шведскаго короля съ его флотиліей, а просто вслѣдствіе сильнаго вѣтра и излишней пылкости моряковъ, которые считали себя непобѣдимыми. Онъ хотѣлъ поддержать смѣльчаковъ, бросившихся впередъ, а тутъ поднялась буря, и онъ потерпѣлъ неудачу. Но, не смотря на это, онъ все-таки оказался сильнѣе Шведовъ. Въ то время, какъ подписывали миръ, онъ снова заперъ Шведовъ. Имъ грозило неминуемое истребленіе,

[1]) Точки въ подлинникѣ.

каковое обстоятельство сильно подѣйствовало на заключеніе мира, такъ что Шведы потребовали ратификаціи по истеченіи шести дней, потому что люди ужасно страдали. Они были заперты отвсюду посреди обломковъ разрушенія, послѣдовавшаго 22-го Іюня, въ тотъ день, когда принцъ сдѣлалъ промахъ и пошелъ къ Гогланду, вмѣсто того чтобъ лавировать между шкерами. Я полагаю, что его уговорили капитаны, потому что имъ понравилось брать большіе Шведскіе корабли, которые сдавались въ плѣнъ гребнымъ судамъ, чему, я думаю, мало было еще примѣровъ на морѣ. Если бы, вмѣсто того, чтобъ гоняться за военными кораблями, они отрѣзывали и преслѣдовали гребныя суда, что̀ составляло ихъ обязанность: то каждый бы сдѣлалъ свое дѣло, и уцѣлѣвшія суда не могли бы повредить принцу, какъ это случилось. Но сдѣланнаго не воротишь, и нечего объ этомъ толковать.

Сегодня 12-го Сентября, народный праздникъ, а дождь льетъ какъ изъ ведра. У меня подъ окнами стоятъ два жареныхъ быка съ разными дополненіями, и соусъ изъ дождевой воды тутъ не кстати. Вино, которое бьетъ изъ двухъ фонтановъ, рядомъ съ господами быками, тоже будетъ пополамъ съ дождемъ. Видите, какъ я вѣжливо выражаюсь даже о жареныхъ быкахъ, не то, что Страсбургскіе жители, которые, по слухамъ, не хотятъ, чтобъ даже на письмахъ писали: «милостивый государь». Надо говорить правду: у васъ во Франціи теперь преобладаетъ тонъ грубой разнузданности. Однакоже Франція прославилась не этимъ тономъ, а изящнымъ языкомъ, которымъ говорили при дворѣ Людовика XIV-го.

Общественное мнѣніе дорожило этимъ блескомъ цѣлыя полтора столѣтія, и вотъ все это три года тому назадъ вдругъ исчезло. Вотъ на какія размышленія навели быки! Я бы еще многое могла сказать по этому поводу, но мнѣ принесли сейчасъ какой-то громадный пакетъ, и я должна васъ избавить отъ дальнѣйшихъ размышленій. Однако, прежде чѣмъ примусь за чтеніе бумагъ, я непремѣнно должна вамъ сдѣлать вопросъ: а какъ же поступятъ Французы съ своими лучшими сочинителями, которые почти всѣ жили въ царствованіе Людовика XIV? Всѣ они, не исключая даже Вольтера, приверженцы королевской власти и проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, что̀ прямо противоположно ученію гидры о тысячѣ двухъ стахъ головахъ. Можетъ быть, они ихъ предадутъ сожженію? Если же нѣтъ, то это послужитъ къ опроверженію ихъ системы, коли у нихъ есть какая нибудь система.

12-го Сентября, послѣ обѣда.

Народный праздникъ кончился; у насъ каждый празднуетъ миръ по своему. Это пора увеселеній, прощенія, помилованій, наградъ и празднествъ. А вотъ сосѣдъ мой, какъ вернулся въ Стокгольмъ, первымъ дѣломъ началъ рубить головы. Господи Боже мой, какъ разно понимаются вещи на семъ свѣтѣ!

13-го Сентября 1790, во время сильнаго тумана.

Разнообразіе людскихъ мнѣній, туманъ и, можетъ статься, мѣстныя условія, все вмѣстѣ произвело—что? Перо мое само собой пи-

шетъ: «Рейхенбахскій договоръ»; пожалуй, но тревожиться, лихорадочно волноваться вамъ не слѣдуетъ отъ этого. Принцъ Генрихъ правъ, что не обращаетъ вниманія на надутаго педанта [5]), который такъ неумѣло управляетъ дѣлами его племянника; нѣтъ хуже тѣхъ людей, которые изъ своей среды попадаются въ среду имъ чуждую и по физическимъ, и по нравственнымъ условіямъ жизни. Волченка хотѣли сдѣлать руководителемъ Европы, онъ и принялъ всѣ ухватки выскочки. Замѣтьте, пожалуста: подобные люди губятъ себя тѣмъ, что дѣлаютъ зло безъ всякой пользы.

Но какъ вамъ не стыдно. Можно ли бояться еще четвертой войны? Мы бы ее вели точно также какъ остальныя войны противъ, противъ, противъ...., и всѣмъ бы имъ пришлось помѣряться силами съ нами. Теперь правая рука у насъ свободна; вы понимаете, мы увидимъ что̀ увидимъ. Въ письмѣ, которое князь Потемкинъ написалъ, какъ только получилъ извѣстіе о заключеніи мира, есть нѣсколько словъ чрезвычайно мѣткихъ, которыя неожиданно вырвались у него; я не могу не перевести ихъ вамъ. Онъ въ туже минуту схватилъ перо и началъ письмо такимъ образомъ: «Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости» [6]). Я люблю геніальные порывы, и мнѣ кажется, что подобную черту можно назвать геніальной. Я не могу этого не признать, хотя можетъ показаться, что въ словахъ много лести. Я отвѣчала ему, что Русская императрица, у которой за спиной шестнадцать тысячъ верстъ, войска въ продолженіи цѣлаго столѣтія привыкшія побѣждать, полководцы отличаются дарованіями, а офицеры и солдаты храбростью и вѣрностью, не можетъ, безъ униженія своего достоинства, не выказывать «неустрашимой твердости».

14 Сентября 1790.

Древніе всегда старались съ мужествомъ переносить невзгоды и боролись съ ними: тутъ и выказывались истинное величіе ихъ душъ, сильный умъ и закаленная доблесть. Герои новыхъ временъ должны бы имъ подражать; они должны бы питать свой духъ чтеніемъ древнихъ писателей, которое развило бы въ нихъ и укрѣпило всѣ свойства необходимыя для совершенія великихъ дѣяній. Хотите знать, чѣмъ въ свободные часы мы занимались съ генераломъ Зубовымъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, когда вблизи гремѣли пушки? Ну, мы вамъ повѣримъ свою тайну: мы переводили томъ сочиненій Плутарха на Русскій языкъ. Благодаря этому, мы, не смотря на передрягу, оставались спокойны и были счастливы. Кромѣ того онъ еще читалъ Полибія.

Вашъ разсказъ о несчастномъ положеніи Французской королевы подтверждаетъ то, что̀ я уже знала. Въ настоящее время ей можно только посовѣтывать величайшую осторожность въ дѣйствіяхъ. Впрочемъ, она можетъ быть увѣрена, что я сочту за долгъ быть ей полезной всячески какъ только могу; другъ и вѣрная союзница ея

---

[5]) Графа Герцберга, перваго Прусскаго министра.

[6]) Въ подлинникѣ слова эти приведены и порусски, и въ Нѣмецкомъ переводѣ.

братьевъ не можетъ думать иначе. Желаю отъ искреннѣйшаго сердца, чтобъ эти критическія обстоятельства перемѣнились въ возможно скоромъ времени.

15-го Сентября 1790.

Сегодня не знаю что̀ бы вамъ сказать; развѣ то, что у меня большой обѣдъ на 288 человѣкъ, т. е. для офицеровъ всѣхъ четырехъ гвардейскихъ полковъ. Они превосходно исполняли свое дѣло и на сушѣ и на морѣ, оттого-то обѣдъ этотъ занимаетъ видное мѣсто между торжествами по случаю мира. Въ этой войнѣ гвардейскіе полки отличались, какъ рвеніемъ, такъ и дисциплиной и храбростью, и по истинѣ служили примѣромъ для всей арміи. Всѣ генералы отзываются о нихъ съ одинаковою похвалою; между прочимъ, они дѣлали неслыханные до сихъ поръ восьмидесяти-верстные переходы, и если иногда останавливались отдыхать на походѣ, то только ради обозныхъ лошадей; солдаты же не хотѣли отдыхать и только просили, чтобъ ихъ вели на враговъ: они боялись, чтобъ тѣ не убѣжали до ихъ прихода, и оттого-то такъ стремились впередъ. Кто изъ моихъ сосѣдей можетъ похвастать, что у него есть десять тысячъ солдатъ, проникнутыхъ подобнымъ единодушіемъ? Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ своей дорогой: враги не застанутъ насъ врасплохъ.

18 Сентября 1790.

Вотъ вамъ, г-нъ козелъ отпущенія, двѣ гравюры съ шестью ребятами. Эта ребятежь ростетъ наглядно. Г-нъ Александръ, телѣсно, сердечно и умственно—рѣдкій образецъ красоты, доброты и смышлености. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и обдумчивъ, съ глубокими, своебытно-простыми идеями, и всякое дѣло у него спорится, словно онъ вѣкъ имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своего возраста, и притомъ гибокъ и легокъ. Словомъ, мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего отмѣнно любимъ окружающими. Сверстники легко сходятся съ нимъ въ понятіяхъ и охотно за нимъ слѣдуютъ. Одного боюсь: женщинъ; потому что за нимъ будутъ гоняться, и нельзя чтобъ этого не было, такъ какъ у него наружность самая завлекательная. Впрочемъ онъ не знаетъ, что прекрасенъ и до сихъ поръ не придаетъ значенія своей красотѣ. Вы понимаете, что отнюдь нежелательно сдѣлать изъ него фата. Кромѣ того, онъ очень свѣдущъ для своихъ лѣтъ: говоритъ на четырехъ языкахъ, основательно знакòмъ со всеобщей исторіей, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ празденъ. Онъ охотно предается всякимъ удовольствіямъ своего возраста. Когда я съ нимъ заговорю о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ понимаетъ, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также. Воспитатель его Лагарпъ находитъ, что онъ—личность замѣчательная. Теперь онъ занимается математикой, которая ему также легко дается, какъ и все прочее. Короче сказать, я представляю вамъ Александра какъ личность, замѣчательную между ему подобными, и если ожиданія наши не сбудутся, то я и не знаю, кто же послѣ того можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Замѣтьте еще, что, когда Александръ боленъ или утомленъ, когда ему скучно, онъ обращается къ изящнымъ искусствамъ, и тогда картины, медали, рѣзные камни доставляютъ ему немалое развлеченіе.

Второе мѣсто на эстампѣ занимаетъ Константинъ. Живость его характера иногда переходитъ въ дерзость; но онъ очень уменъ, и сердце у него предоброе. У него все выражается порывами, и нѣтъ въ характерѣ той послѣдовательности, какою отличается старшій братъ; но онъ заставитъ говорить о себѣ. Владѣетъ онъ также четырьмя языками, но вмѣсто Англійскаго, на которомъ говоритъ старшій, онъ изучилъ всѣ діалекты Греческаго. Недавно онъ замѣтилъ брату: «Что̀ это ты читаешь плохіе Французскіе переводы? Я такъ читаю все въ подлинникахъ». Увидалъ онъ у меня Плутарха и говоритъ мнѣ: «Такое-то и такое-то мѣсто очень дурно переведено; я лучше переведу и принесу вамъ». Дѣйствительно, онъ мнѣ принесъ нѣсколько страницъ, которыя онъ перевелъ по своему; внизу стояло: «переведено Константиномъ». Я чрезвычайно люблю бесѣдовать съ Константиномъ; онъ очень воинственъ по природѣ и болѣе всего любитъ морское дѣло. Въ началѣ этой войны случилось, что нѣкто капитанъ Сакенъ, на Черномъ морѣ, видя себя окруженнымъ Турками, взорвался на воздухъ съ своимъ кораблемъ; Сакенъ этотъ тотчасъ же сталъ его героемъ. Нѣсколько разъ я уже замѣчала, что геройскіе поступки возбуждаютъ въ насъ удивительную охоту поступать также: въ такихъ случаяхъ онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Вообще личность радующая.

Третій портретъ представляетъ дѣвицу Александру. До шести лѣтъ она ничѣмъ не отличалась особеннымъ, но года полтора тому назадъ вдругъ сдѣлала удивительные успѣхи: похорошѣла, выросла и приняла такую осанку, что кажется старше своихъ лѣтъ. Говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо пишетъ и рисуетъ, играетъ на клавесинѣ, поетъ, танцуетъ, учится безъ труда и выказываетъ большую кротость характера. Меня она любитъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и я думаю, что она готова кинуться въ огонь, чтобъ только понравиться мнѣ или хоть на минуту привлечь мое вниманіе.

Четвертая головка—Елена. Она, кажется, будетъ красавицей въ полномъ смыслѣ слова: у ней необыкновенно правильныя черты лица; она стройна, легка, ловка и граціозна отъ природы; характеръ у ней очень живой и шаловливый, сердце доброе. Всѣ сестры любятъ ее за ея веселый нравъ. Вотъ все, что̀ можно о ней сказать.

Пятая головка—Марія. Ей бы слѣдовало быть мальчикомъ: привитая натуральная оспа ее совсѣмъ изуродовала, всѣ черты огрубѣли. Она сущій драгунъ, ничего не боится, у нея и наклонности, и игры мужскія; не знаю, что̀ изъ нея выйдетъ. Обыкновенно она ходитъ подпершись кулаками въ бока: это ея любимая привычка.

Шестой [7]) только два года. О ней еще нечего говорить: она слишкомъ мала и далеко не то, что̀ были братья и сестры въ ея лѣта.

---

[7]) Великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, родившейся передъ самою Шведскою войною 10 Мая 1788.

Она толста, бѣла, глазки у нея хорошенькіе, и сидитъ она цѣлый день въ углу съ своими игрушками, болтаетъ безъ умолку, но не говоритъ ничего достойнаго замѣчанія [8]).

Кромѣ этого эстампа дарю вамъ также работу г-на Жаркова [9]): портретъ въ мѣховой шапкѣ, который вы видѣли у г-на Сегюра. Вмѣстѣ съ эстампомъ, изображающимъ ребятишекъ, найдете еще голову въ каскѣ, которую великая княгиня вздумала выгравировать на крѣпкомъ камнѣ. Вотъ еще пріобрѣтеніе для вашего музея. Мой музей въ Эрмитажѣ состоитъ, кромѣ картинъ и Рафаелевыхъ ложъ, изъ 38 тысячъ книгъ. Четыре комнаты полны книгами и гравюрами, 10 тысячъ рѣзныхъ камней, почти столько же рисунковъ, и въ двухъ большихъ залахъ кабинетъ естественной исторіи. Ко всему этому прелестный театръ, въ которомъ смотришь и слышишь чудесно, съ удобнымъ сидѣньемъ и безъ сквознаго вѣтра. Мое маленькое убѣжище таково, что пройти туда и назадъ изъ моей комнаты составляетъ три тысячи шаговъ. Я въ немъ гуляю посреди многихъ вещей, которыя люблю и которыя доставляютъ мнѣ удовольствіе. Отъ этихъ прогулокъ по зимамъ я на ногахъ и здорова.

1791 годъ.

1.

13-го Января 1791.

Послѣдніе два года я стала къ вамъ писать и рѣже, и меньше, но это происходитъ не отъ того, что не о чемъ писать, а отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ: не люблю я посылать къ вамъ письма во время страшной кутерьмы, которая происходитъ вокругъ васъ. Никогда не знаешь, живы ли вы еще въ этомъ вертепѣ разбойничьихъ смутъ, грабежей и убійствъ. Злодѣи захватили власть и превратятъ скоро Францію въ Галлію временъ Цезаря. Но Цезарь ихъ усмирилъ. Когда же придетъ Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь; онъ появится! Еслибы я была на мѣстѣ гг. Артуа и Конде, я бы съумѣла употребить въ дѣло эти триста тысячъ Французскихъ рыцарей. Честное слово: или бы я погибла, или бы они спасли отечество, вопреки всѣмъ вашимъ слѣдственнымъ коммиссіямъ. Но не сообщайте никому, чтò я думаю, потому что я не хочу этимъ повредить въ Парижѣ королю и королевѣ, которыхъ мнѣ отъ души жалко.

2.

3 Марта 1791.

Коцебу, можетъ быть, отличный человѣкъ и писатель; но, правду сказать, онъ не думаетъ о своихъ обязанностяхъ: беретъ жалованье, а другіе дѣлаютъ за него дѣло. Онъ находится подъ непосредствен-

---

8) Сличи у Храповицкаго, подъ 27 Декабря 1787 года отзывъ Екатерины о трехъ старшихъ ея внучкахъ: «Первая ни рыба, ни мясо; вторая sera, je crois, jolie (будетъ, кажется мнѣ, красива); а третья paraît avoir de l'esprit (умна повидимому) и всегда меня смѣшитъ».

9) Екатерина пишетъ его имя въ одномъ мѣстѣ Garkoy, въ другомъ Jarkoy. По каталогамъ гравюръ Ровинскаго и Васильчикова имя этого художника нами не найдено.

нымъ покровительствомъ Циммермана, который его хвалитъ; но за всѣмъ тѣмъ я предвижу минуту, когда Сенатъ ему пришлетъ отставку за то, что онъ не исполняетъ своей должности, и Сенатъ поступитъ законно, и нечего будетъ противъ этого возразить.

3.

15 Апрѣля 1791.

У насъ третій день послѣ Пасхи, а погода стоитъ почти такая же, какъ въ половинѣ Апрѣля бываетъ въ Кадиксѣ: отъ 19 до 20° въ тѣни, дѣло неслыханное и небывалое во всю мою жизнь. Все зеленѣетъ, листъ развертывается, всѣ окна выставлены, и мы не знаемъ куда дѣваться отъ жару. Письмо ваше подтверждаетъ мнѣ что̀ я знала. 16 Апрѣля, возвратившись изъ Франкфурта въ это гнѣздилище разбойниковъ, вы были угощены зрѣлищемъ разрушенія. Вотъ что̀ производится правительствомъ адвокатовъ, прокуроровъ и людей полоумныхъ, которыхъ въ былыя времена выставляли на посмѣшище въ театрѣ. Подумаешь, что они теперь мстятъ публикѣ за насмѣшки, которымъ подвергались. Во всякой странѣ имѣются законы противъ кляузы и кляузниковъ, а у васъ ихъ поставили во главу управленія. Но полно, я напишу сочиненіе о демократіи обширнѣе всего, что̀ о ней было писано.

21-го Апрѣля 1791.

Въ Лондонѣ народъ писалъ меломъ на домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Послѣ этого во мнѣ воскресла вся прежняя нѣжность къ Англійскому народу. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда отправляли въ тюрьму лорда-мера, этотъ самый народъ кричалъ на улицахъ, чтобъ отослали все дѣло къ императрицѣ Россійской, и она рѣшитъ по справедливости безконечный процессъ [1]). Вы, конечно, понимаете, что моя нѣжность не простирается на министерство, потому что оно ея не заслуживаетъ. Великій Герцбергъ, не отличающійся вѣжливостью, совсѣмъ не великій человѣкъ и не великій писатель; онъ просто тупой, упрямый Померанецъ, еще не отдѣлавшійся отъ школьныхъ привычекъ; онъ всячески старается раззорить своего повелителя, безъ всякой выгоды тратитъ его деньги, которыхъ и такъ не особенно много, и губитъ его въ общемъ мнѣніи. Теперь хлопочутъ какъ бы заставить Герцберга выдти въ отставку; а тотъ, лишившись довѣрія своего государя, переноситъ всевозможныя униженія, подъ предлогомъ, что онъ принимаетъ мученія ради общаго блага. Подчиненные ободряютъ его и совѣтуютъ перенести мученія, потому-де, что государству нужна его бездарность: должно быть, у нихъ тамъ совсѣмъ нѣтъ даровитыхъ людей, если первенствуетъ человѣкъ, который только умѣетъ сѣять раздоры. Я вамъ сказала сущую правду, что въ день заключенія мира у меня свалилась большая мозоль съ ноги: эта мозоль все лѣто мѣшала мнѣ ходить, а въ этотъ день она сама собою свалилась, и я была очень рада, потому что люблю ходить, особенно по саду, который я сама развела.

---

[1]) Объ этомъ, сколько намъ извѣстно, въ Русской печати еще ничего не было.

Графъ Штакельбергъ отправляется въ Швецію, и я надѣюсь, что мы не замедлимъ придти къ соглашенію; вы узнаете объ этомъ, можетъ быть, прежде чѣмъ получите мое письмо. Что касается до Франціи, то я, не смотря на дружбу, начинаю думать, что у моего друга нѣтъ ни ума, ни характера, необходимыхъ въ его званіи и положеніи: боюсь, что это такъ. Зачастую бываетъ въ домѣ частнаго лица, что все несчастіе происходитъ отъ того, входитъ ли хозяинъ въ управленіе дѣлами или нѣтъ, и тогда они идутъ или хорошо или дурно, смотря потому, какова голова у хозяина. У васъ тоже самое.

Я попробую истолковать драгоцѣнную переписку принца Генриха, за которую я васъ отмѣнно благодарю. Католическій любимецъ покойнаго короля [2]) могъ нравиться своимъ остроуміемъ и своими познаніями; но въ Польшѣ онъ такъ много путалъ, каверзничалъ и такъ часто противорѣчилъ самому себѣ, что всѣ извѣрились въ него. Что касается до нѣкоторой знатной дамы, то, конечно, она не могла желать, чтобъ Гу поступалъ такимъ образомъ, такъ какъ это было противно и ея интересамъ. Что у дядюшки совѣта не спрашивали и теперь не спрашиваютъ, это мы тоже знаемъ. Кто сознаетъ въ душѣ, что онъ глупъ, тотъ всегда опасается умныхъ людей. Это относится къ отрывку отъ 22-го Января 1790. Затѣмъ слѣдуетъ извлеченіе отъ 6-го Февраля, гдѣ онъ себя называетъ безполезнымъ и лишнимъ человѣкомъ. Это и досадно, и горько; общество измѣнилось, оно уже не то, что̀ было въ 1740 г.; нѣтъ прежняго блеска, остроумія, исчезъ геройскій духъ. Конечно, когда никто не знаетъ, чего онъ хочетъ или не хочетъ, то невозможно разсуждать ни о мирѣ, ни о войнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ люди хорошіе радуются, что остались въ сторонѣ. Это похоже на оберъ-камергера Шувалова: онъ всегда сдѣлаетъ шагъ впередъ и сейчасъ же раскаевается, зачѣмъ не сдѣлалъ шага назадъ. Отрывокъ отъ 18-го Февраля гласитъ, что труппа составлена изъ плохихъ актеровъ. Въ этомъ всѣ согласны. Отрывокъ отъ 1-го Марта признаетъ, что война была бы несчастіемъ для страны: стало быть, было бы лучше и не начинать ея, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой необходимости. Касательно моего покойнаго задушевнаго друга [3]) я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ, будучи созданъ, рожденъ, воспитанъ для своего званія, съ умомъ, дарованіями и знаніями, онъ ухитрился управлять такъ плохо! Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Наслѣдникъ его держится другихъ правилъ; онъ единственный человѣкъ, которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то мнѣ его жалко. Но, вѣроятно, онъ достигнетъ своей цѣли, и тогда на его долю выпадетъ блестящая и славная роль. Если только въ него не вселится дьяволъ, то онъ останется другомъ друзей своего покойнаго брата. Альбіонъ такъ милъ, съ своимъ помѣшаннымъ глупцомъ, что едва ли пріобрѣтетъ себѣ

---

[2]) Бенуа? — [3]) Іосифа II-го?

друзей. Отрывкомъ отъ 7-го Марта великій Герцбергъ причисляется къ безумцамъ: и по дѣломъ ему, тамъ его настоящее мѣсто; по моему мнѣнію, его бы слѣдовало послать на мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ Мирабо. Безъ сомнѣнія, спокойствіе водворится, если вмѣсто того чтобы вынимать шпагу, мы ее оставимъ въ ножнахъ. Принцъ Генрихъ хотѣлъ покинуть свое отечество, но милый племянникъ не позволилъ ему уѣхать. Пусть кормчіе управляютъ кораблемъ и вымѣряютъ глубину, какъ имъ угодно; но если нѣтъ ни попутнаго вѣтра, ни веселъ, судно все-таки не двинется съ мѣста, все равно какъ тѣло безъ души и безъ силы, необходимой для приведенія его въ движеніе. 2-го Апрѣля. Невеселый былъ день. Повидимому, Пруссаки не имѣютъ большаго довѣрія къ своимъ кормчимъ. Сравненіе того, что̀ они видятъ, съ Національнымъ Собраніемъ, ясно обрисовываетъ положеніе дѣлъ, и конечно хуже этого ничего не можетъ быть. Миръ повидимому исчезъ съ лица земли. Знакомцу нашему [4]) не нравится быть нулемъ, и это весьма простительно. Итальянецъ, сумашедшій и простофиля [5]) заварили пиво слишкомъ кислое, и дай Богъ, чтобы имъ же долго пришлось его расхлебывать. Въ отрывкѣ отъ 5-го Апрѣля онъ говоритъ, что въ рукахъ иныхъ людей политика обращается въ путаницу; происходитъ это отъ того, что дураки всегда поступаютъ глупо, и иначе поступать не могутъ, что̀ бы тамъ ни толковали! Послѣднее заимствовано изъ Ученыхъ Женщинъ [6]), и весьма кстати. Большая пріятельница [7]) не податлива, дѣла свои она поведетъ не иначе какъ по своему разумѣнію и, конечно, никакіе Жегю [8]) на свѣтѣ не заставятъ ее поступить иначе, чѣмъ какъ она поступаетъ. Объясненія по поводу ума безсердечнаго герцога [9]) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи о немъ; я видѣла, какъ онъ обращался съ своей дочерью: очень фальшивый, очень двуличный и очень мелочный человѣкъ, такъ что тутъ является очень много на его счетъ разныхъ но...; объ остальномъ и упоминать не стоитъ. Я не прочла ни одного сочиненія великаго и взбалмошнаго Герцберга, но чутье мнѣ уже давно подсказало, что его литературныя достоинства равняются его искусству въ политикѣ; какъ видите, распознать это чутьемъ было не легко. Отъ 16-го Апрѣля. Я никому не мѣшала заключать миръ, и миръ былъ заключенъ; но правда, что имъ онъ стоилъ милліоны. О Систовскомъ же мирѣ еще не слышно, хотя они и носятся съ нимъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ; дѣтище ихъ что-то медлитъ появленіемъ на свѣтъ, а можетъ появиться и выкидышъ. Да это и случится, если дѣла пойдутъ такъ, какъ они теперь идутъ.

---

[4]) Т. е. принцу Генриху.

[5]) Т. е. Лукезини, Георгъ III-й и Фридрихъ Вильгельмъ II-й.

[6]) Комедія Мольера: Femmes Savantes.

[7]) Т. е. сама Екатерина.

[8]) Мы уже знаемъ, что подъ этимъ словомъ Екатерина разумѣла Георга III-го, Густава III-го, а иногда Прусскаго Фридриха Вильгельма.

[9]) Герцога Брауншвейгскаго.

22-го Апрѣля. Я остановилась на отрывкѣ отъ 30-го Апрѣля. Внутреннія невзгоды удручаютъ его; онъ непричастенъ политической и военной неурядицѣ, господствующей въ странѣ. На это истолковательница замѣчаетъ, что, благодаря этому двойному бѣдствію, Бранденбургскіе пески останутся песками; но при первой войнѣ все остальное улетучится какъ дымъ. Глупость есть хроническая болѣзнь, противъ которой не устояла даже Франція, и знаете ли отчего? Оттого что глупость заставляетъ дѣлать именно то, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Въ отрывкѣ отъ 3 Мая говорится, что Франція въ ужасномъ положеніи, съ чѣмъ согласна истолковательница. Авторъ прибавляетъ, что у нихъ тоже плохо, но въ иномъ родѣ. Истолковательница замѣчаетъ на это, что Франція уже въ судорогахъ, между тѣмъ какъ у нихъ онѣ еще подготовляются, благодаря глупости, которую излѣчить еще труднѣе, нежели судороги. Прекратится глупость, исчезнутъ и судороги; но дѣло въ томъ, что дураковъ излѣчиваетъ только могила, а лѣкарства отъ глупости еще не найдено. Разсудокъ и здравый смыслъ не то что оспа: привить нельзя.

Прогулка по Силезіи кончилась вздоромъ. Рейхенбахскій конгрессъ не лучше. Посмотрите что изъ этого вышло! Гдѣ же миръ и Систовскій конгрессъ? Все это чепуха. Я докажу, какъ дважды-два—четыре, что глупѣе этого ничего не могли сдѣлать. Кажется, довольно ясно? Объ остальномъ было бы слишкомъ долго писать; да къ тому же, вамъ все это также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, если не лучше. Авторъ сожалѣетъ, что не имѣетъ голоса. Я была бы рада, еслибъ онъ его имѣлъ; потому что гораздо лучше имѣть дѣло съ умными людьми, чѣмъ съ такими, у кого ума ни на грошъ.

До сихъ поръ, благодаря моему природному чутью относительно книгъ, я не прочла болѣе семнадцати страницъ изъ выдумокъ г. Люк(езини). 27-го Мая послужило поводомъ къ сочиненію похвальнаго слова великому Герцбергу, который, по моему, просто une grande misère, а grande misère въ играхъ, изобрѣтенныхъ Франклиномъ въ Бостонѣ, означаетъ сдачу, состоящую только изъ младшихъ картъ, съ которыми надо не брать ни одной взятки; слѣдовательно, когда на рукахъ такая сдача, то гораздо чаще приходится проиграть, нежели выиграть.

Венгерскій король выигралъ время: Венгерцы обѣщаютъ ему 60,000 войска, которое они обязуются содержать на свой счетъ, съ условіемъ, что онъ не откажется отъ своихъ завоеваній. Вотъ Пруссія не дѣлаетъ своему королю подобныхъ блестящихъ и въ тоже время основательныхъ предложеній. По моему мнѣнію, если Венгерской кавалеріи дать въ подкрѣпленіе Русскую пѣхоту, то противъ такихъ войскъ не устоятъ искусственные корпуса. Истолковательница восторгается Венгерцами еще больше прежняго, съ тѣхъ поръ, какъ они сказали своему королю: «Ваше величество, не отдавайте ничего, на этомъ условіи мы вамъ дадимъ все что будетъ нужно». Когда въ рукахъ такая сила, спрашиваю я у васъ, не является ли желаніе помѣряться въ борьбѣ съ дерзостью и неразуміемъ?

23-го Апрѣля. Въ отрывкѣ отъ 1-го Іюля говорится, что императрица Россійская очень несговорчива. Слѣдуетъ добавить, что она не потерпитъ, чтобъ ей предписывали законы и что, конечно, она бы давно заключила миръ, если бы смутники сидѣли смирно и не мѣшали Туркамъ мириться, а на это дѣло они тратятъ попусту огромныя суммы. Русскіе такъ и останутся Русскими, а г. Герцбергъ все тѣмъ же грубымъ Померанцемъ, который даетъ такой видъ всѣмъ поступкамъ своего государя, что по его милости король слыветъ за человѣка жестокаго и двоедушнаго. Какъ видите, истолковательница выражается довольно невѣжливо; она однако зачеркнула слово олухъ (benet), которое было тутъ не кстати и портило фразу. Правда подчасъ колется; оттого-то, можетъ быть, ей и не счастливится, и не всѣмъ она нравится. Но истолковательницѣ можно извинить рѣзкость, такъ какъ она пишетъ въ защиту истины и справедливости. Конечно, лучше бы было воздерживаться отъ эпитетовъ; но что̀ прикажете съ нею дѣлать? Она говоритъ, что пишетъ то слово, какое ей подвернется на языкъ. На это я могу замѣтить, что если кто не дуракъ, то отъ слова ему ничего не станется, онъ не поглупѣетъ, но тогда отвѣтственность ляжетъ на толковательницу. Въ отрывкѣ отъ 11-го Іюля говорится о крохотномъ тщеславіи, которое я хорошо знаю, и я могла бы даже привести такую черту, что хоть сейчасъ въ комедію; толковательница говоритъ, что она убѣждена, что глупостямъ конца не будетъ, что любезный дядюшка не раззорялся на многочисленныя арміи для угожденія своимъ тщеславнымъ министрамъ, и что племяннику они достались неизбалованными, а смущенными. Мнѣ очень нравится, какъ чиновникъ князя Кауница сидитъ противъ великаго Герцберга. Императрица не изъ таковскихъ, чтобъ посылать туда кого нибудь своего. Пришлось рѣшителю судебъ Европы ѣхать на конгрессъ съ кѣмъ попало; Голландца нужно было тянуть за уши, а Англичанина толкать въ спину.

Въ отрывкѣ отъ 8-го Сентября авторъ спрашиваетъ, какъ онъ записанъ у вашей героини—въ бѣлой книгѣ или въ черной? Такъ какъ толковательница увѣряетъ, что ей отчасти извѣстно, кто такая эта героиня, то и ручается за ея уваженіе къ автору, такъ какъ нельзя не уважать одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, единственнаго человѣка въ государствѣ, который остался вѣренъ стариннымъ правиламъ и никогда не подчинялся вліянію газетныхъ писакъ. Но миръ я заключу только на тѣхъ условіяхъ, которыя уже объявила. По поводу записки 10-го Октября, толковательница выражаетъ ту мысль, что съ хитростью бываетъ тоже что̀ съ ученостью: человѣкъ самый ученый все-таки ничего не знаетъ, а тотъ, кто себя считаетъ очень хитрымъ, совсѣмъ не хитеръ. 17-го Февраля,—сильная выходка противъ Англичанъ; толковательница только что передъ тѣмъ прочла рѣчи оппозиціи, и потому замѣчаетъ, что то, что̀ въ настоящую минуту не нравится однимъ, нравится другимъ. Она права, потому что, благодаря этому, люди привыкаютъ размышлять; а вы должны сознаться, что подобная привычка вещь крайне необходимая. И такъ толковательница проситъ Небо ниспослать свое бла-

гословеніе на тѣхъ, кто силою краснорѣчія борется противъ писакъ. Въ отрывкѣ отъ 8-го Ноября снова говорится о бѣлой книгѣ и о черной: но толковательница говоритъ, что она разъ уже отвѣчала на этотъ вопросъ, и отвѣтъ ея можетъ считаться рѣшительнымъ. 19-го Ноября авторъ, по словамъ толковательницы, выказалъ много скромности, когда поздравлялъ себя съ тѣмъ, что не находится въ числѣ плохихъ дѣятелей; потому что тѣ, кого онъ называетъ великими дѣятелями, въ сущности жалкіе дѣятели, и всѣ ихъ дѣянія крайне нелѣпы. По поводу отрывка отъ 15-го Декабря, толковательница восклицаетъ: честное слово, мнѣ досадно, что авторъ не имѣетъ никакаго вліянія на государственныя дѣла; это доказываетъ, что тамъ не умѣютъ распознавать достоинство людей. Онъ любитъ свою племянницу, но эта особа извѣстная фурія, самая неумолимая изо всѣхъ фурій, когда либо существовавшихъ на свѣтѣ. Я ей ничего не сдѣлала; не знаю, почему она себѣ вообразила, что я ей буду вредить, хотя я никогда не вмѣшивалась въ ея дѣла, и съ тѣхъ поръ она натравливаетъ на меня не только брата, но и Англичанъ, и Голландцевъ. Она и отецъ Зельмиры злятся на меня такъ, что я и разсказать вамъ не могу. Толковательница добавляетъ, что планъ вѣчнаго мира— прекрасная мечта, отъ которой посредственнымъ умамъ немудрено и опьянѣть; но если кто господинъ у себя и есть у него своя собственная шапка, то онъ не позволитъ, чтобъ впихнули его голову въ такую шапку, гдѣ ужъ есть еще головы, которыя давятъ одна другую. Толковательница увѣряетъ, что она помнитъ то время, когда его королевское высочество занимался политической экономіей; потомъ онъ, по ея словамъ, возымѣлъ большое довѣріе къ графу Мирабо. Наконецъ, толковательница говоритъ, что его планы слишкомъ отвлеченны и не соотвѣтствуютъ ни естественному ходу вещей, гдѣ все такъ просто и вмѣстѣ величественно, ни стремленіямъ человѣческимъ; слѣдовательно это пустыя выдумки. По поводу 28-го Декабря толковательница говоритъ: «Имѣю страхъ Господень, любезный Абнеръ, и нѣтъ у меня инаго страха». Англичане напрасно грозятъ намъ; меня имъ не испугать: мы ихъ приемемъ какъ надо; да и что̀ они намъ могутъ сдѣлать? Развѣ они будутъ забирать свои собственные корабли и корабли своихъ союзниковъ или, можетъ статься, захватятъ нейтральные? Наши же суда не въ состояніи ихъ вознаградить за издержки на вооруженіе. Тогда-то можно будетъ сказать съ Вольтеромъ: «Какимъ неразумнымъ тиранамъ вручилъ Ты вселенную!» Угроза Англичанъ новая глупость съ ихъ стороны, вотъ и все. Отрывокъ отъ 10 Января 1791 г., по мнѣнію толковательницы, отличается мрачнымъ характеромъ и доказываетъ, какъ и все остальное, что у автора не спрашиваютъ совѣта, а онъ сожалѣетъ объ этомъ, такъ какъ, что̀ ни говори, а онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. 24-го Января говорится, что актеры безъ рѣчей играютъ глупую роль. Толковательница замѣчаетъ, что когда люди ничтожные захотятъ блеснуть, то всегда бываютъ глупы. Объ отрывкѣ 31-го Января таже толковательница, о которой уже столько разъ упоминалось, замѣчаетъ, что въ немъ заключается драгоцѣнное изло-

женіе политическихъ мнѣній великаго человѣка, Герцберга, котораго потомство назоветъ грубымъ и безтолковымъ, и только. Къ отрывку отъ 23-го Февраля относятся слѣдующіе комментаріи: хорошо бы было поручить дядюшкѣ высѣчь кое-кого изъ его племянниковъ, кого онъ захочетъ, чтобъ и другіе знали, что за двоедушіе и глупость бьютъ, а за честность и благородство хвалятъ и современники, и потомство. Но при этомъ не должны страдать неповинные ни въ чемъ простаки; бѣдный простофиля, котораго водятъ окружающіе его интриганы, достоинъ сожалѣнія. И по правдѣ, мнѣ его жалко; но надѣюсь, что ему никогда не придется относиться ко мнѣ съ такимъ же чувствомъ. Въ отрывкѣ отъ 10-го Марта говорится о такъ называемой главѣ; вотъ это мило! Да вѣдь это все равно что нуль, замѣчаетъ толковательница и потомъ добавляетъ: никакія разумныя слова не проникнутъ въ эту безформенную мозговую массу: авторъ самъ потерялъ всякую надежду. Это просто баранья голова!

24-го Апрѣля. Сегодня идетъ снѣгъ, и мнѣ нельзя сидѣть на воздухѣ въ саду Эрмитажа, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Видите, мнѣ нужно было вамъ это сказать: иначе нельзя было продолжать письма. Я перечла семь листовъ, которые уже исписала; изъ нихъ составилось бы недурное письмо, если бы я постаралась: они представляютъ обильный матеріялъ, но мнѣ недосугъ.

Снова возвращаюсь къ драгоцѣннымъ отрывкамъ. Я остановилась на 14-мъ Марта. Толковательница говоритъ: не нужно доказывать, что въ депешахъ иногда заключаются противоположныя приказанія. Въ иныхъ государь говоритъ: не исполняйте приказаній начальниковъ, потому что я не раздѣляю ихъ мнѣній; а начальники говорятъ: не обращайте вниманія на его слова; онъ думаетъ о многомъ не такъ, какъ бы слѣдовало; дѣлайте свое дѣло. Затѣмъ приходитъ приказаніе остановиться. Представьте же себѣ положеніе подчиненныхъ, получающихъ подобныя предписанія? А у этихъ подчиненныхъ есть опять свои подчиненные, которые сносятся съ своими товарищами.

Конецъ комментарія.

Затѣмъ благодарю васъ за все что̀ вы пишете о вашемъ довѣріи ко мнѣ; я очень тронута и видите, какъ отвѣчаю вамъ.

25-го Апрѣля. Слава Богу, до сихъ поръ еще въ Ливоніи не замѣтно признаковъ благотворительности короля надъ королями, великаго и великодушнаго Герцберга. Но онъ снова подстрекаетъ Шведскаго короля, и меня нимало не удивитъ новое нападеніе съ этой стороны, такъ какъ онъ готовъ служить тому, кто больше дастъ, а конечно трое дадутъ больше, чѣмъ можетъ дать одинъ. Пусть приходитъ, я ему пущу навстрѣчу стрѣлу, которая всегда прямо попадаетъ въ цѣль. Посмотримъ, можетъ быть, графъ двухъ имперій, Суворовъ Рымникскій еще поукоротитъ одежду у Шведскаго короля, а она и безъ того коротка. Но пусть будутъ прокляты всѣ Жегю съ ихъ шайкой и всѣ подстрекатели! Они—царство сатаны на землѣ. Девятнадцатый вѣкъ, по словамъ генерала Зубова, не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ. Ему это не нравится; онъ молодъ и еще успѣетъ увидать этотъ вѣкъ во всемъ великолѣпіи. Какая разница со второю

половиною восемнадцатаго! Половина тѣхъ, кто еще въ живыхъ, или дураки, или сумашедшіе; попробуйте, коли можете, пожить съ такими людьми! У меня теперь страсть на все писать комментаріи. Я начну съ декретовъ Національнаго Собранія, преимущественно съ того, который присуждаетъ къ каторгѣ всѣхъ министровъ короля за тьму проступковъ, которые имъ даже и въ голову не приходили; если хоть одинъ изъ нихъ останется послѣ того при королѣ, то придется сказать, что министры его величества упрямѣе даже самого г. Питта.

26-го Апрѣля. Г. Коцебу мнѣ надоѣлъ [10]). Я не имѣю чести его знать, но знаю одно, что онъ всѣхъ заставляетъ ко мнѣ писать, а самъ вездѣ, только не тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало быть. Конечно, если у него такой нравъ, что онъ не можетъ сидѣть смирно на мѣстѣ, то онъ воленъ ѣхать, куда угодно. У насъ онъ слыветъ завзятымъ Пруссакомъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ Густавомъ; полагаю, что тотъ глупецъ, въ качествѣ всесвѣтнаго покровителя, обласкалъ и его, какъ человѣка даровитаго и литератора. Письмо его прочту и, если можно будетъ, напишу комментарій на него.

29-го Апрѣля. Да будетъ извѣстно моему козлу отпущенія, что вчера фельдмаршалъ князь Потемкинъ далъ намъ великолѣпный праздникъ, на которомъ я пробыла отъ семи часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Разстояніе между моимъ домомъ и его, который рядомъ съ конногвардейскими казармами, будетъ версты четыре; но такъ какъ я привыкла вставать въ шесть часовъ, то и проснулась какъ всегда въ этотъ часъ, и теперь пишу къ вамъ, чтобъ отдѣлаться отъ легкой головной боли, которую чувствую. Праздникъ начался народнымъ угощеніемъ, но я застала уже остатки, такъ какъ народъ въ минуту все растащилъ; почтенная публика долго дожидалась, стоя на дождѣ, который лилъ съ двѣнадцати часовъ, и потому съ великою поспѣшностью бросилась на угощеніе. Потомъ, вѣроятно, тѣ, кому удалось что нибудь захватить, отправились восвояси, чтобъ тамъ насладиться плодами своихъ трудовъ. Публика же, приглашенная по билетамъ во дворецъ князя, прошла черезъ великолѣпныя сѣни и первую залу въ другую громадную залу, которая по размѣрамъ и по красотѣ постройки уступаетъ, какъ говорятъ, только Св. Петру въ Римѣ. Въ залѣ два ряда колоннъ; за колоннами съ одной стороны обширный зимній садъ, украшенный статуями и вазами, которыя кажутся очень маленькими. По этому вы можете судить о размѣрахъ. Я набросала вамъ рисунокъ залы, а вы постарайтесь себѣ представить, какъ все было [11]).

Большая зала въ длину имѣетъ, я думаю, саженъ 35; она построена изъ кирпича, но удивительно изящна и величественна. Какъ только я вошла въ залу, князь подвелъ меня къ стульямъ, стоявшимъ рядами, на мѣстѣ, означенномъ буквою д; я усѣлась посреди публики, которая была безъ шапокъ и не промокла подъ дождемъ, и тог-

---

[10]) См. стр. 177 и 191. Это извѣстный драматургъ.—[11]) Къ подлинному письму приложенъ сдѣланный Екатериною чертежъ Таврическаго дворца.

да изъ саду, гдѣ я поставила значки ††, появились двѣ кадрили, одна розовая, другая голубая; въ первой былъ великій князь Александръ, во второй великій князь Константинъ. Каждая кадриль состояла изъ двадцати четырехъ паръ: тутъ была самая красивая Петербургская молодежь обоего пола, и всѣ они, и женщины, и мущины, были съ головы до ногъ залиты брильянтами: тутъ были всѣ брильянты, какіе только нашлись въ городѣ и въ предмѣстіяхъ. Различные танцы были превосходно исполнены: я никогда ничего не видала разнообразнѣе, красивѣе и блестящѣе этихъ танцевъ, которые продолжались почти три четверти часа. Послѣ того князь повелъ меня и все остальное общество въ театръ, гдѣ была представлена комедія. Когда представленіе кончилось, мы опять вернулись въ большую залу, и начался балъ. Посреди бала молодежь наша вздумала вмѣсто контреданса опять повторить свою кадриль, и присутствующіе во второй разъ буквально пришли въ восторгъ. По окончаніи танцевъ я ушла во внутреннія комнаты, которыя также великолѣпны, какъ и все въ этомъ волшебномъ замкѣ, и тамъ отдыхала; въ двѣнадцать часовъ ночи доложили, что ужинъ готовъ въ театральной залѣ; обѣ кадрили ужинали на сценѣ. Всѣ мущины, участвовавшіе въ кадриляхъ, были одѣты Испанцами, всѣ дамы Гречанками. Остальными столами наполнялся амфитеатръ. Зрѣлище было чудное. Послѣ ужина въ первой залѣ былъ вокальный и инструментальный концертъ, послѣ котораго я и уѣхала въ два часа утра. Вотъ какъ, государь мой, проводятъ время въ Петербургѣ, не смотря на шумъ, и войну, и угрозы диктаторовъ!

30-го Апрѣля. Великій князь Александръ совершенно покорилъ сердце князя Потемкина. Онъ его называетъ царемъ души своей и находитъ, что онъ съ красотою Аполлона соединяетъ большую скромность и умъ. Это юноша разсудительный, вѣжливый, обходительный и образованный; однимъ словомъ, если бы пришлось выбирать на его мѣсто изъ тысячи, трудно бы было найти подобнаго ему; лучше же его найти невозможно. Нынѣшнею зимою онъ пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ, кто только приближался къ нему, и я не поручусь, чтобъ онъ не внушилъ нѣкоторымъ особамъ своего возраста чувства болѣе нѣжнаго, чѣмъ простое расположеніе. Обыкновенно въ его лѣта мальчики бываютъ несносны, но ему уже четырнадцатый годъ, а онъ все милъ. Я ему какъ-то разъ сказала, что онъ не очень красивъ собою; онъ скромно улыбнулся на мои слова. Я поспѣшила прибавить, что красота не зависитъ отъ нашей воли, стало быть, нечего о ней и заботиться. Я теперь дѣлаю такъ: когда невозможно удержаться, чтобъ не похвалить его, я принимаюсь изо всѣхъ силъ хвалить его костюмъ; я принуждена была такъ поступить въ день моего рожденія: шалунъ былъ очаровательно красивъ въ этотъ день.

Мирабо былъ колоссъ, чудовище нашего времени. Живи онъ не теперь, его бы всѣ избѣгали, ненавидѣли, держали бы взаперти, повѣсили бы, четвертовали и т. п. Нужно бы почитать всемірную исторію, и тогда будетъ видно, что для спасенія всякой страны не-

обходимъ дѣйствительно великій человѣкъ, и я бы могла предсказать что̀ будетъ съ Франціей. Въ Персіи еще не явился этотъ великій человѣкъ, и государство въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ все близится къ разрушенію. Когда въ Россіи прекратился родъ Рюрика, междоусобная война продолжалась около сорока лѣтъ [12]), покуда наконецъ явились три человѣка и спасли отечество: у одного изъ нихъ было богатство, у другаго храбрость, третій же былъ искусный политикъ, и у всѣхъ троихъ были именно тѣ качества, которыя были необходимы для успѣха въ тѣ времена. Какъ только вступилъ на престолъ первый изъ Романовыхъ, всѣ смуты прекратились: ссориться стало не изъ за чего, такъ какъ мѣсто было занято. Царю было тогда шестнадцать лѣтъ; отецъ его, патріархъ, правилъ отъ его имени; онъ-то и былъ этотъ политикъ чрезвычайно искусный для своего времени. Знаете-ли, что̀ будетъ во Франціи, если удастся сдѣлать изъ нея республику? Всѣ будутъ желать монархическаго правленія. Вѣрьте мнѣ: никому такъ не мила придворная жизнь, какъ республиканцамъ. Однако, если я буду такъ продолжать, то вмѣсто письма выйдетъ цѣлая книга. По всему, что̀ я вижу во Франціи и по всѣмъ слухамъ, я считаю ее одержимою душевною болѣзнію; но, благодаря природному легкомыслію, болѣзнь эта должна была бы пройти скорѣе, чѣмъ у всякаго другаго народа. Кажется, съ ними этотъ недугъ приключается черезъ каждыя двѣсти лѣтъ; прочтите ихъ исторію. Сколько времени продолжался онъ прежде? Отвѣчайте, пожалуста.

Царское Село, 2-го Мая (1791).

Вчера, не говоря худаго слова, я во всю прыть прискакала сюда, и такъ какъ, въ ожиданіи тяжелаго обоза, дѣлать мнѣ нечего, то я и продолжаю свое посланіе.

Не нравятся мнѣ почести, воздаваемыя Мирабо, и я не постигаю, къ чему это, развѣ только чтобъ онѣ служили поощреніемъ нечестію и всевозможнымъ порокамъ. Мирабо заслуживаетъ уваженія Содома и Гоморры. Я начала брошюрку о коалиціи. Когда вы мнѣ пришлете сцену братца Ге съ министромъ Прусскимъ, то я пришлю другую сцену, подъ стать къ вашей; въ ней участвуютъ братецъ Гу и еще нѣкто, съ кѣмъ онъ былъ въ сношеніяхъ. Сцена эта—верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваши демократы на жалованьи и у ограниченныхъ, и у неограниченныхъ. Будемъ надѣяться, что падучая болѣзнь, наконецъ, когда нибудь избавитъ насъ отъ величайшаго изъ политиковъ, Герцберга, прежде чѣмъ онъ успѣетъ сдѣлать намъ все то зло, которое замышляетъ.

Я бы желала, чтобъ вы никогда не были больны. Благодарю васъ отъ всего сердца за предлагаемый вами планъ; частію онъ уже приведенъ въ исполненіе. Что̀ жъ касается до Густава Фальстафа, кто можетъ за него поручиться? Впрочемъ, я думаю, что и онъ ограничится только угрозами въ видахъ наживы, такъ какъ онъ долженъ же знать, что его всѣ покинутъ. Если Англичане не сунутся въ Балтійское море, то, полагаю, и тотъ не захочетъ вновь начинать войну; но вѣдь онъ такой негодникъ, что на него никогда нельзя

---

[12]) Число лѣтъ преувеличено.

положиться. Кажется, въ настоящую минуту въ Англіи происходитъ перемѣна министерства, и можетъ быть и политики, судя по отвращенію, выражаемому Англійскимъ народомъ; тамъ пишутъ на всѣхъ домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Но придутъ они, или не придутъ, мы все-таки съ вами запоемъ: «Иванъ ушелъ съ чѣмъ пришелъ; нѣтъ у него ни капитала, ни процентовъ». Но пожалуста, не вздумайте отъ того проводить ночи безъ сна: право, не стоитъ труда.

Г. Машковъ привезъ мнѣ поклонъ отъ г-жи дё-Бюэль; радуюсь весьма, что она не перемѣнила имени; прошу поклониться ей отъ меня. Надѣюсь, что и Катинька, и Като оправились послѣ прививной оспы. Эта прививка оспы страшно дѣйствуетъ на тѣхъ, которымъ грозила смерть отъ натуральной оспы въ случаѣ, если бы имъ ея не привили; мою третью внучку узнать нельзя: до привитія оспы она была прелестна, какъ ангелъ, теперь же всѣ черты лица огрубѣли, и она стала пребезобразная. Что̀ касается до Катиньки и до Като, то поступайте такъ, какъ сочтете для нихъ болѣе полезнымъ; повѣрьте мнѣ, красота вещь совсѣмъ не лишняя; я ее всегда очень и очень цѣнила, и хотя сама никогда не была очень красива, но всегда поклоняюсь красотѣ. Крестный отецъ [13]) Александръ переросъ меня на цѣлую ладонь; онъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ. На вопросъ Катиньки: «что̀ значитъ императрица», вы могли бы отвѣчать, что объясните ей это, когда она выростетъ, потому что теперь она ничего не пойметъ; если же она будетъ настаивать, то объясните ей со всѣми подробностями, что̀ такое императрица, и тогда она сама увидитъ, что ничего не понимаетъ. Я всегда такъ дѣлаю съ моими сорванцами, и всегда выходитъ удачно. Я не принимаю участія въ спорѣ по поводу названій Таврическаго или Таврійскаго; а вы, если хотите, можете сцѣпиться съ фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ. Я же, какъ только заходитъ рѣчь о какой нибудь наукѣ, прикрываюсь своимъ незнаніемъ, какъ плащемъ и храню молчаніе: это самое удобное для насъ невѣждъ, такъ я думаю. О теперешнемъ герцогѣ Ришелье [14]) всѣ отзываются одинаково и говорятъ: «Хорошо, если бы онъ когда нибудь сдѣлался для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ кардиналъ Ришелье, но безъ его недостатковъ». Я люблю достойныхъ людей и потому желаю ему много успѣха, хотя и незнакома съ нимъ. Я ему написала отличное письмо, вполнѣ рыцарское и послала Георгіевскій крестъ. На зло Національному Собранію, хочу, чтобъ онъ оставался герцогомъ дё-Ришёлье и содѣйствовалъ возстановленію монархіи; слышите ли, козелъ отпущенія? Такова моя воля. Но вотъ человѣкъ, которому я не могу простить его продѣлокъ: это Сегюръ. Фи! Онъ фальшивъ, какъ Іуда. Меня ничуть не удивляетъ, что во Франціи его никто не любитъ; жить на свѣтѣ, такъ нужно имѣть какое нибудь свое мнѣніе, а у кого его нѣтъ, тотъ заслуживаетъ презрѣнія. Какую роль будетъ онъ играть передъ папою? Туже, какую играетъ передо мной послѣ своего отъѣзда? А между тѣмъ, здѣсь ему совали подъ носъ всякія правила старин·

---

[13]) Т. е. заочный крестный отецъ дѣтей г-жи дё-Бюэль. — [14]) Устроителѣ Одессы.

наго Французскаго рыцарства и заставили сознаться, что онъ въ отчаяніи отъ всего, что̀ происходитъ въ Парижѣ, а теперь онъ попалъ туда, и что̀ же онъ дѣлаетъ?

3-го Мая. У иныхъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и наконецъ онъ первый бѣжитъ въ ратушу принимать прекрасную присягу, а потомъ отправляется въ Римъ, вѣроятно для того, чтобъ наглядно показать папѣ лицо человѣка, отлученнаго отъ церкви. Я очень рада, что онъ сюда не вернется. Онъ написалъ мнѣ длиннѣйшее письмо и требуетъ, чтобъ я ему отвѣчала, потому что, говоритъ онъ, вы удостоиваете этой чести и принца Деліня и принца Нассау. Мнѣ очень хочется ему отвѣчать, что Делинь не шелъ за колесницей Ванъ-деръ-Ноота, что онъ не измѣнилъ своему законному королю, а что, если я пишу къ Нассау, то мнѣ нужно это дѣлать, потому что онъ состоитъ у меня на службѣ. Но такъ какъ я желаю высказать ему все, чего онъ стоилъ бы, то нужно, чтобъ кто нибудь отвѣчалъ ему вмѣсто меня.

9-го Мая. Я не отступаюсь отъ своего пророчества: если революціей вашей заразятся и другія государства (чего впрочемъ не будетъ, благодаря всѣмъ нелѣпостямъ, которыя у васъ творятся), то я поздравляю Турокъ. Но я нисколько не оспариваю того мнѣнія, что Россія будетъ всеобщей спасительницею. Если Англійскія эскадры появятся въ Балтійскомъ морѣ, Американцамъ будетъ раздолье: они возмутъ Русскія каперскія свидѣтельства и примутся забирать и уводить съ собою Англійскія торговыя суда; а это послужитъ къ усиленію ихъ могущества. Нисколько неудивительно, что Французскіе рыцари превратились въ конюховъ и жокеевъ: говорятъ, у всѣхъ у нихъ отцы были лакеями.

Выписка изъ сочиненія Жанъ-Жака-Руссо.

(Размышленія о Польскомъ правленіи, ч. 2-я, по изданію 1783, стр. 264): «Гордая и святая свобода! Если бы эти жалкіе люди могли уразумѣть тебя, если бы они знали, какою цѣною ты покупаешься и сохраняешься, если бы они чувствовали, что законы твои неумолимѣе самаго тяжкаго ига тирановъ: слабыя ихъ души, увлекаемыя страстями, которыя должны быть подавляемы, страшились бы тебя во сто разъ больше, чѣмъ рабства; онѣ бы съ ужасомъ бѣжали отъ тебя, какъ отъ громады, которая готова раздавить ихъ».

Утрите этими строками курносыхъ!

13-го Мая. Отрывокъ изъ письма герцогини Саксенъ-Готской. Толкованіе на этотъ отрывокъ.

Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать большую услугу ея двоюродному брату Филипсталю, который смертельно раненъ. Вопервыхъ, онъ разсказываетъ, что при этомъ потерялъ свой обозъ, а это чистѣйшая ложь. Вовторыхъ, онъ опять солгалъ, будто у него пропало жалованье, полученное имъ за шесть мѣсяцевъ: онъ деньги не потерялъ, а вѣрнѣе проигралъ и такъ какъ онъ игрокъ и мотъ, то у него не бываетъ никогда ни гроша; потому-то и невозможно ему довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но хозяинъ

очень плохой. Рана его зажила, и онъ теперь здѣсь. Когда онъ еще служилъ въ гвардіи, то каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбу о выдачѣ ему денегъ и страшно надоѣдалъ этимъ. Теперь я ему дала тысячу червонцевъ въ видѣ милости, но я увѣрена, еслибъ ему дать десять тысячъ червонцевъ, то и тогда бы онъ все-таки нуждался въ деньгахъ. Мальчишка страшно мотаетъ, и герцогиня хорошо бы сдѣлала, еслибъ посовѣтовала ему меньше играть и меньше лгать. Я очень была бы рада сдѣлать удовольствіе герцогинѣ, но молю Бога (говоритъ толковательница), чтобы ея свѣтлость не вздумала намъ присылать подобныхъ молодцовъ дюжинами. Она, вѣроятно, испугала ее (толковательницу), когда сказала, что желала бы имѣть двѣнадцать сыновей, чтобъ всѣхъ прислать къ намъ: это было бы черезъ-чуръ накладно для кассы ея величества. Истолковательницѣ уже чудится, какъ всѣ двѣнадцать то и дѣло приходятъ съ просьбами и просятъ денегъ для того, чтобъ въ тотъ же день ихъ проиграть. Если же имъ отказать, то они завопятъ, что о нихъ не хотятъ позаботиться, и пойдутъ жаловаться двоюроднымъ сестрицамъ, герцогинямъ и т. д. и т. д. Пусть козелъ отпущенія проститъ толковательницѣ ея выходку противъ одного изъ князей священной Римской имперіи.

Слѣдуетъ извлеченіе изъ депеши графа Ріокура. Толкованіе.

14-го Мая, въ семь часовъ утра, сижу въ колоннадѣ, въ Царскомъ Селѣ, и простымъ глазомъ вижу отсюда Пеллу, хотя она по крайней мѣрѣ за 35 верстъ отсюда, а кромѣ Пеллы еще видно верстъ на сто въ окружности. Колоннада эта имѣетъ то удивительное свойство, что на одной сторонѣ въ холодъ не такъ холодно, а на другой въ жаръ не такъ жарко. Длиною она въ 37 саженъ, по серединѣ стеклянная, и выходитъ въ цвѣтникъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщаются прислуживающія мнѣ женщины; онѣ живутъ какъ нифмы среди цвѣтовъ. Въ колоннадѣ стоятъ бронзовыя изображенія великихъ людей древности: Гомера, Демосѳена, Платона и др. Есть также и другія статуи. Фарнезскій Геркулесъ и Флора украшаютъ лѣстницу, которая ведетъ къ террасѣ у пруда. Св. Николай [15]) могъ бы вамъ все это разсказать, еслибъ празднества и особенно Франкфуртскіе свѣтлѣйшіе принцы не помѣшали разговорамъ, говоритъ истолковательница письма Ріокурова, возвращаясь снова послѣ длиннаго отступленія къ тому же письму. По моему мнѣнію это доказываетъ, что въ головѣ вышеупомянутаго лица имѣется нѣкоторая послѣдовательность, хотя, конечно, мысль его порхаетъ съ предмета на предметъ; но, должно быть, тутъ виноваты боги: они окружили насъ такимъ обиліемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, что невольно перебѣгаешь отъ письма къ колоннадѣ и прекрасному виду передъ нашими глазами, а оттуда снова къ тому же письму. Впрочемъ, письмо графа Ріокура не представляетъ для васъ ничего интереснаго, по той причинѣ, что Французскіе революціонеры сломаютъ себѣ шею, не выходя изъ Франціи, а тогда всѣ ихъ дѣянія расплывутся какъ вода въ морѣ.

---

[15]) Графъ Н. П. Румянцовъ.

4.

Въ Царскомъ Селѣ, 3-го Іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1791-е.

Г. Сенакъ дё-Мельянъ пріѣхалъ къ намъ въ качествѣ литератора, желающаго заняться исторіею. До сихъ поръ онъ еще не поступилъ ко мнѣ на службу; но это такой человѣкъ, съ которымъ разговаривать весьма пріятно. Кажется, въ настоящую минуту онъ работаетъ надъ планомъ исторіи. Что̀ же до вашего Коцебу, о которомъ я постоянно слышу, то по правдѣ сказать, я къ нему совершенно равнодушна: слышала, что двѣ изъ его театральныхъ пьесъ были запрещены въ Вѣнѣ, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ. Графа Форстемберга я видѣла разъ или два; онъ вступилъ въ нашу службу, и князь Потемкинъ помѣстилъ его къ себѣ въ полкъ. Немудрено, что отецъ любитъ его болѣе своихъ законныхъ сыновей, которые, какъ онъ самъ сознается, всѣ дураки. Но почему отецъ запретилъ ему въѣздъ въ Силезію и въ Берлинъ? Признаюсь, я была нѣсколько удивлена его пріѣздомъ, но разъ онъ пріѣхалъ, мы ему рады. Принцъ де Краонъ все еще сбирается къ намъ. Теперь вошло въ моду, чтобъ всѣ ваши праздношатающіеся пріѣзжали къ намъ, точно также какъ прежде наши отправлялись къ вамъ.

Я пишу это 3-го Іюня послѣ обѣда, сидя у стеклянной двери, которая изъ моихъ комнатъ ведетъ въ цвѣтникъ. Нужно вамъ еще сказать, что трое изъ потомковъ Томаса лежатъ около меня на зеленомъ кожаномъ диванѣ, на открытомъ воздухѣ. Св. Николай разскажетъ вамъ, если вы только полюбопытствуете у него спросить, что диванъ этотъ стоитъ въ полуоткрытыхъ сѣняхъ противъ сада, и я тамъ сижу, точно Крымскій ханъ въ кіоскѣ, или какъ попугай въ клѣткѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ хорошо въ Царскомъ Селѣ въ хорошую, теплую погоду!

Что̀ касается до принца Виртембергскаго, то вѣдь я не прихожу въ восторгъ отъ всякаго Нѣмецкаго принца какъ иные люди, то и не завидую, что вы имѣли удовольствіе его видѣть, хотя па̀па и одобрилъ его бракъ съ чужой женой, отъ живаго мужа, и не получившей еще развода. Желала бы я знать, получилъ ли герцогъ Ришелье мое письмо, посланное вмѣстѣ съ Георгіевскимъ крестомъ. На другой день послѣ штурма Измаила, онъ все спрашивалъ у младшаго Зубова (юноши, подающаго большія надежды: его первые опыты показали въ немъ мастера своего дѣла, и графъ обѣихъ имперій называетъ его храбрость безпримѣрною, за что я и произвела его въ майоры Измайловскаго гвардейскаго полка): «Скажите, другъ мой, какъ вы думаете, дадутъ мнѣ Георгія?» Онъ не разъ задавалъ ему этотъ вопросъ. Зубовъ, который стремился къ тому же и зналъ статуты ордена наизусть, увѣрялъ его, что ему должны дать крестъ. Оба храбрые воина почти ровесники, они познакомились на батареѣ на одномъ изъ Дунайскихъ островов и такъ полюбили ее, что не разставались съ ней двѣнадцать дней сряду.

Радуюсь, что г. дё-Ришельё видѣлъ на Лондонскихъ домахъ многозначущую надпись: «Не хотимъ войны съ Россіей». Послѣ

того мы посмотримъ, достанетъ ли у г. Питта храбрости начать съ нами войну, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста. Благодарите Бога, что Юсуфъ-паша опять сдѣлался визиремъ: такъ какъ онъ началъ войну, то ему остается единственное средство для спасенія жизни—это заключить миръ и оставить всякія глупости. Вы увидите, что онъ такъ и сдѣлаетъ; впрочемъ онъ человѣкъ не глупый, а, конечно, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми умными, чѣмъ съ прирожденными дураками. Пускай г. Шуленбургъ и вся прочая братія, дѣйствующая и бездѣйствующая, толкуютъ все, что̀ имъ угодно, а вы оставайтесь невозмутимо спокойны. Хотите биться объ закладъ, что изъ бумагъ покойнаго короля и изо всѣхъ его плановъ, которые такъ нелѣпо приводятся въ дѣйствіе, ничего не выйдетъ кромѣ вздору.

Истолкованіе Рейнсбергскихъ [16]) отрывковъ.

9-го Апрѣля. Онъ старался свалить всю вину на Англичанъ, а тѣ сваливаютъ ее на Пруссаковъ. Шведскій король уѣхалъ на воды въ Спа и раньше осени не примется за прежнее. Англійскіе корабли не отправляются ни въ Черное море, ни въ Балтійское; число ихъ далеко не доходитъ до 60 и, право, не стоитъ такъ хлопотать о status quo. Въ это столѣтіе Россія не понесла убытковъ ни отъ какой войны и не позволитъ управлять собою, какъ малымъ ребенкомъ. Его королевское величество хотѣлъ на этотъ разъ только васъ попугать немного. 11-го Апрѣля. Онъ очень сердитъ на Англичанъ; въ добрый часъ! Не смотря на его предсказаніе, отвѣтъ мой дойдетъ до нихъ, прежде чѣмъ они дойдутъ въ Балтійское море; да они туда совсѣмъ и не пойдутъ. Хотите побиться объ закладъ? Онъ находитъ, что говорить объ этомъ предметѣ и грустно, и непріятно; въ этомъ онъ правъ. 17-го Апрѣля. Въ словахъ его больше досады, чѣмъ истины; императрицѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, но она будетъ защищаться, какъ демонъ; нападать на status quo не стоитъ: для этого надо быть сумашедшимъ. Мнѣ очень нравится, что Герцбергъ плачетъ; ну и пускай плачетъ, а я тутъ не при чемъ. Онъ довольно-таки злобствовалъ и натворилъ достаточно глупостей и грубостей; когда наплачется, пусть тогда утретъ себѣ носъ.

5.

27-го Августа 1791 года, въ шесть часовъ вечера.

Всѣ окна отворены, словно я ожидаю пришествія Мессіи. Странная погода у насъ стоитъ все лѣто. Начиная съ Апрѣля мѣсяца у насъ неизмѣнное вёдро, и мы подписываемъ одинъ миръ за другимъ: предварительныя условія съ Турками подписаны 31-го Іюля, а три дня тому назадъ я получила огромную связку писемъ отъ васъ, и фактотумъ хочетъ, чтобъ я тотчасъ же отвѣчала на нихъ. Ну такъ, постараемся отвѣчать на все, коли можно. Кстати: когда уже предварительныя условія были подписаны, къ намъ дошло чрезъ Турец-

[16]) Въ Рейнсбергѣ жилъ принцъ Генрихъ.

кій лагерь странное извѣстіе, будто адмиралъ Ушаковъ свирѣпствуетъ, и гдѣ же? Передъ самымъ Константинополемъ. Для усмиренія его, фельдмаршалъ князь Потемкинъ долженъ былъ послать одного подполковника къ визирю, съ тѣмъ, чтобъ передать контръ-адмиралу приказъ умѣрить его воинственный пылъ. Не рѣшаюсь разсказать вамъ все, что̀ онъ тамъ надѣлалъ; вы все это узнаете изъ другаго источника. Вы не повѣрите, какъ всѣ завистники изъ себя выходили отъ того, что у насъ было много баловъ прошлую зиму. Нужно быть крайне мелочнымъ, чтобъ обращать вниманіе на подобныя вещи. Они обвиняли насъ, будто мы изъ-за страсти къ баламъ пренебрегали важными дѣлами. Я давала также балъ въ Царскомъ Селѣ для г. Фокнера[17]). Я еще никогда не видала такаго сговорчиваго до приторности уполномоченнаго; если его всегда будутъ уполномочивать на то, чтобъ онъ соглашался съ мнѣніемъ противника, конечно, переговоры его будутъ имѣть такой же успѣхъ вездѣ, какъ и у насъ: не мы согласились съ его мнѣніемъ, но онъ съ нашимъ. Теперь спрашивается, зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ? Да хотѣлъ, чтобъ люди подумали, что онъ пріѣзжалъ за дѣломъ, что ему нужно что-то такое здѣсь совершить важное; и дѣйствительно, все совершилось весьма быстро, потому что тутъ и совершаться было нечему. Однако, разсуждая такимъ образомъ, можно писать до скончанія вѣка, между тѣмъ фактотумъ очень спѣшитъ отправкой; но что же дѣлать, пускай подождетъ, покуда я передамъ весь этотъ вздоръ козлу отпущенія. Весьма сожалѣю, что здоровье г-жи дё-Бюэль пострадало по милости этой преступной революціи: Іюньскія событія не могли имѣть благотворныхъ дѣйствій на чувствительную душу монархистки. Въ особенности поразительна неблагодарность, съ которою нація или, лучше сказать, чернь Французская относится къ королю. Удивительно, отчего король или правительство не назначили себѣ адвокатовъ: я думаю, вначалѣ это было бы нетрудно сдѣлать. Я отъ природы чувствую большое презрѣніе ко всякимъ движеніямъ толпы; бьюсь объ закладъ, что только бъ овладѣть открытою силою хоть двумя крѣпкими мѣстами, то можно бы всѣхъ барановъ заставить плясать по своей дудкѣ: самые ярые, самые безумные изъ нихъ покорятся прежде всѣхъ и будутъ съ жаромъ опровергать то, что̀ прежде защищали. Это вѣрно какъ дважды два четыре. Я думаю, что самая большая помѣха бѣгству короля была въ немъ самомъ, и это крайне досадно. Королева хорошо знаетъ своего супруга и не хочетъ его покинуть; она права, но отъ этого явилось новое затрудненіе для побѣга. Я думаю, что коронованныя главы должны вступиться за короля: этотъ вопросъ касается ихъ всѣхъ и также всѣхъ установленныхъ правительствъ, потому что преступное Національное Собраніе своими нелѣпыми дѣйствіями наноситъ имъ всѣмъ оскорбленіе. Мнѣ кажется, что вы важничаете тѣмъ, что васъ, судя по вашимъ разсказамъ, чуть не повѣсили въ Миркурѣ; должно быть, теперь это въ модѣ во Франціи, вѣдь тамъ на все мода. Но я думаю,

[17]) Пріѣзжавшаго изъ Англіи подогрѣвать происшедшую остуду.

вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ вывезли изъ адской бездны, называемой Франціей, вашу воспитанницу съ мужемъ и дѣтьми. Когда мнѣ случается видѣть Французовъ, я имъ всѣмъ проповѣдую объединеніе во имя вѣрности къ королю и монархіи, чтобы всю жизнь положить на ихъ защиту и даже умереть, если будетъ нужно, и потомъ отсылаю ихъ назадъ, говоря: «Я буду другомъ и опорою тѣхъ, кто будетъ держаться такаго образа мыслей». Такимъ образомъ я спровадила много подобныхъ горячихъ головъ къ братьямъ короля; они воспользуются моими совѣтами, когда найдутъ удобнымъ. Я бы желала, чтобъ они больше всего разсчитывали на свои собственныя силы, и если они таковы какъ имъ слѣдуетъ быть, то станутъ во главѣ королевскаго двора, который долженъ состоять исключительно изъ Французскихъ дворянъ, и силы ихъ учетверятся. О, дѣло пойдетъ на ладъ, ошибки не будетъ; я отправлю къ нимъ всѣхъ головорѣзовъ, и они поборятъ всякія препятствія. Шевалье дё Бельзэнсъ справедливо полагаетъ, что нельзя ждать пощады и милосердія отъ людей, которые теперь стоятъ во главѣ правленія, отъ этихъ виновниковъ ужасовъ, уже два года совершающихся на его родинѣ. Это все висѣльники, которымъ не миновать висѣлицы; да они и сами на нее напрашиваются. Послѣдуйте его совѣту, увезите изъ Франціи его сестру съ мужемъ и дѣтьми: это единственное средство спасти имъ жизнь.

Сегодня, 30-го Августа, имянины великаго князя Александра, а онъ некстати вздумалъ захворать именно въ этотъ день. Богъ знаетъ что̀ у него. Все жалуется на головную боль, на лихорадку или скорѣе на ознобъ и колику. Надѣюсь, что изъ этого ничего не выйдетъ. Шалунъ переросъ меня на три пальца.—Письма мои пишутся не для потомства, въ особенности такія длинныя, какъ то, число листовъ котораго вы мнѣ не хотите назвать. Почти всегда я пишу къ вамъ въ торопяхъ, лѣвою рукою придерживая ваши хартіи, а правою марая отвѣтъ, слѣдя глазами по хартіямъ и набрасывая мысли, которыя вы вызываете во мнѣ. — Не сомнѣваюсь, что вы въ восторгѣ отъ пріѣзда во Франкфуртъ: вопервыхъ нѣтъ Французской сумятицы, и потомъ вы въ средоточіи высочествъ всей Германіи, съ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ во главѣ. Вотъ увидите, они помѣшаютъ мнѣ получить отвѣтъ въ 8 томовъ въ 8-ю долю листа, на который я имѣю полное право; но вѣдь мы и такъ никогда не отвѣчаемъ другъ другу на письма: мы пишемъ все, что̀ взбредетъ на умъ. Не прогнѣвайтесь, вы увлеклись воображеніемъ, представляя себѣ, будто я думаю, что вы даете читать отрывки изъ моихъ писемъ; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я имѣю удовольствіе вамъ писать, и ни разу подобная мысль не пришла мнѣ въ голову [18]). Вы стали очень подозрительны, съ тѣхъ поръ какъ вамъ пришлось жить среди слѣдственныхъ комитетовъ; пожалуста, въ другой разъ этого

[18]) Слѣдовательно, если память на этотъ разъ не обманула Екатерину, Гриммъ вступилъ съ нею въ переписку еще за три года до своего перваго пріѣзда въ Россію.

не говорите. Съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ мнѣ ваше письмо изъ Франкфурта, я получила очень непріятное извѣстіе, что Симолинъ [19]) сталъ ярымъ демагогомъ и теперь восхищается всѣми нелѣпостями, которыя совершаетъ негодное Національное Собраніе. Я думаю, что его совратилъ съ пути истиннаго г. д'Отэнъ (d'Autun); впрочемъ, сей посланецъ не везъ съ собою ничего важнаго, и вы бы могли задержать его на нѣсколько мѣсяцевъ безъ малѣйшаго для меня ущерба.

1-го Сентября 1791.

У г. де Мельяна очень плохое здоровье. Я нахожу, что у него болѣе хотѣнья, чѣмъ умѣнья: долгіе сборы кончаются пустяками. Если онъ и напишетъ исторію, чего я не думаю, то она будетъ въ томъ же родѣ. Я съ нимъ говорила раза два-три: онъ любитъ поучать, и когда начинаетъ говорить, то напередъ знаешь все чтò онъ скажетъ. Кромѣ того, онъ, какъ и всѣ его друзья, самъ не увѣренъ, чтò онъ такое, демагогъ или роялистъ согласно своей прежней должности; но я думаю, это все равно. Онъ пишетъ хорошенькіе стишки. Два мѣсяца или недѣль шесть тому назадъ, онъ уѣхалъ отсюда черезъ Москву; тамошніе архивные ученые пришли въ негодованіе отъ его легкомыслія; вообще я никого еще не видала здѣсь, кто бы такъ мало съумѣлъ понравиться. Говорятъ, въ Москвѣ онъ сказалъ, что въ Россіи только и видишь, что бороду да ленту черезъ плечо, и что гораздо почтеннѣе не имѣть ленты, чѣмъ ее имѣть. Судите по этому, могъ ли онъ понравиться. Здѣсь онъ бывалъ только у одной Щербининой, съ которой всѣ женщины прекратили знакомство. Это дочь княгини Дашковой, но ведетъ такую жизнь, что мать и слышать о ней не хочетъ. Въ Москвѣ онъ разсказывалъ, что только у нея собирается пріятное общество, а здѣсь говорятъ, что онъ почти постоянно засыпалъ на креслѣ въ ея гостиной. Когда нибудь вы узнаете, зачѣмъ я приглашала г. де Мельяна. Онъ мнѣ не годился, какъ я потомъ увидала; но довольно объ этомъ, и прошу не болтать: это должно остаться между нами.

Я отдала генералу Зубову сочиненіе объ артиллеріи Поля Джонса; самой мнѣ недосугъ прочитывать всѣ книги, какія мнѣ присылаютъ. Я согласна съ вами и очень боюсь за Булье; на него долженъ сильно подѣйствовать неудачный побѣгъ короля, но онъ воленъ поступить на службу къ кому хочетъ: я отъ этого ничего не выиграю и не проиграю, потому что у меня все пойдетъ также, какъ шло безъ него до сихъ поръ. Я думаю, что ему лучше всего въ настоящее время служить тамъ, гдѣ есть надежда возвратить Людовику XVI отнятый у него престолъ. Господи! Кто бы могъ подумать, что я, врагъ Людовика XV или скорѣе его министровъ, окажусь въ числѣ самыхъ сильныхъ приверженцевъ его внуковъ? Если революція охватитъ всю Европу, тогда явится опять Чингизъ или Тамерланъ и усмиритъ ее: это непремѣнно случится, будьте увѣрены. Но этого не бу-

---

[19]) Русскій посланникъ въ Парижѣ.

детъ ни въ мое царствованіе, ни, надѣюсь, въ царствованіе Александра. Коль скоро всѣ государи согласятся издать воззваніе, я приму участіе; но нужно подкрѣпить слова̀ дѣломъ. Я утверждаю, что стоитъ только захватить двѣ или три крѣпостцы во Франціи, и все остальное исчезнетъ само собою.

Англія обѣщаетъ остаться нейтральной, но она столько разъ отрекалась отъ своихъ словъ, что положиться на нее мудрено. Князь Потемкинъ пишетъ, что миръ съ султаномъ будетъ въ скоромъ времени подписанъ. Онъ былъ очень боленъ, но 24-го Августа ему было уже гораздо легче: я нарочно называю число, чтобъ вы не вѣрили ложнымъ слухамъ. Увидимъ, что̀ произойдетъ изъ свиданія между императоромъ и т. д. и дастъ ли войско братецъ Вильг.; я повѣрю, когда увижу своими глазами: лгунамъ я на слово не вѣрю. Покорить Францію нельзя: завистники помѣшаютъ, и вознагражденія за понесенные расходы не скоро дождешься. Густавъ явится первый: онъ уже велѣлъ готовить свои яхты и пр. Вы видите, что все дѣлается такъ, какъ вы предполагали съ г. Грошлагомъ. Конечно, жаль, что у государей нѣтъ денегъ, а ихъ понадобится много. Всѣ согласны, что г. д'Артуа поступаетъ, какъ слѣдуетъ. Я знаю, что тамъ теперь маршалъ дё Кастри, и мнѣ кажется, что братьямъ короля не нужно лучшаго сопутника и совѣтчика. Навѣрное, Симолинъ одинъ изъ первыхъ покинетъ Парижъ, такъ какъ вице-канцлеръ посовѣтовалъ бывшему королевскому повѣренному въ дѣлахъ не являться болѣе ко двору. Тотъ сказалъ, что протестуетъ противъ такаго насилія и будетъ все-таки являться при дворѣ, не смотря на совѣтъ вице-канцлера. Тогда графъ Остерманъ сказалъ, что если онъ такъ думаетъ, то онъ, Остерманъ, запрещаетъ ему отъ моего имени бывать при дворѣ; повѣренный пришелъ въ ярость и отправился съ жалобою ко всѣмъ другимъ министрамъ, которые старались его образумить, но безъ успѣха. Король въ темницѣ и лишенъ власти; стало быть, по моему, неприлично для коронованной особы принимать людей, которые свои полномочія получили отъ бунтовщиковъ или отъ короля, лишеннаго свободы. И потомъ, Симолинъ не видитъ Французскаго короля; и какъ моего посланнаго не принимаютъ, зачѣмъ же у насъ принимать посланнаго отъ бунтовщиковъ или отъ короля-заключенника? Имя этого человѣка Жене (Genet); онъ ярый демагогъ. Онъ послалъ протестъ вице-канцлеру и курьера во Францію. Теперь онъ разсказываетъ всѣмъ и каждому, что вооружаетъ на свой счетъ двухъ человѣкъ для защиты границъ отъ внѣшнихъ враговъ. Г. дё Сенъ-При говоритъ про него: «онъ дуракъ и притомъ еще бѣшеный дуракъ»[20]. Берегитесь, если вернетесь во Францію, чтобъ къ вамъ не придрались за то, что вы, какъ извѣстно, привязаны ко мнѣ: васъ повѣсятъ за переписку со мной. Письма мои, по вашему желанію,

---

[20]) Объ этомъ Жене Екатерина позднѣе (13 Августа 1792) писала Гримму, что онъ братъ г-жѣ Кампанъ, камеръ-фрау Маріи Антоанеты и что, уѣзжая изъ Петербурга, онъ вздѣлъ на голову красный шерстяной колпакъ.

будутъ посыланы къ Св. Николаю; но противъ этихъ людей и такой предосторожности мало. Надо избѣгать ихъ: единственное средство отъ нихъ избавиться.

2-го Сентября. Я писала къ князю Потемкину, чтобъ узнать, отчего герцогъ дё Ришелье не получилъ до сихъ поръ ни моего письма, ни Георгіевскаго креста; должно быть, онъ отослалъ ихъ въ Вѣну, не зная, гдѣ находится герцогъ, и теперь письмо и крестъ ждутъ его тамъ. Я получила его благодарственное письмо въ вашемъ конвертѣ; онъ хорошо дѣлаетъ, что остается съ принцами и старается возстановить Французскую монархію: этимъ онъ и мнѣ сослужитъ службу. Двадцать тысячъ казаковъ растянулись бы слишкомъ большой зеленой полосой отъ Стразбурга до Парижа; достаточно двухъ тысячъ казаковъ и шести тысячъ Кроатовъ. Извѣстно навѣрное, что Сегюръ вообразилъ, будто имѣетъ вліяніе на Лафайета, и это было отчасти причиною его отъѣзда во Францію [21]). Издаваемыя имъ статьи написаны хорошо, но не думаю, чтобъ онѣ много значили. Своими дѣйствіями онъ, конечно, не могъ внушить о себѣ особенно хорошаго мнѣнія, всего же болѣе своей присягой: онъ этимъ измѣнилъ самому Небу, всему свѣту, самому себѣ, какъ говоритъ Альзира.

6.

16 Сентября 1791.

Г. д'Артуа прислалъ ко мнѣ изъ Дрездена графа Эстергази. Когда мнѣ попадается въ руки кто нибудь изъ ихъ братіи, я всячески стараюсь вдохнуть въ нихъ мужество; всѣ, кто пріѣзжаютъ сюда, ниже своего назначенія. Не знаю, каковы они, когда возвращаются къ себѣ; но я стараюсь ихъ начинить, указывая имъ на Генриха IV, у котораго противниковъ было больше чѣмъ у нихъ, а за него не стояла вся Европа, какъ теперь за нихъ; я толкую имъ, чтобъ они изъ его примѣра учились, какъ дѣйствовать и какими средствами. Изо всѣхъ, кого я здѣсь видѣла, умнѣе всѣхъ графъ Сенъ-При: онъ чрезвычайно проницателенъ, дѣйствуетъ всегда съ разсудкомъ, притомъ человѣкъ опытный и храбрый.

25-го Сентября. Ну что же это такое? Людовикъ XVI подписываетъ сумазбродную конституцію, спѣшитъ дать присягу, а самъ нимало не желаетъ ее выполнять. Да и никто не требовалъ отъ него присяги. Кто же эти белтолковые люди, которые заставляютъ его дѣлать такія глупости? Вѣдь это подло и низко: словно они забыли и вѣру, и нравственность, и честь. Я страшно разсердилась, топнула даже ногой, когда прочла про всѣ эти... эти... гадости. Фи, мерзкіе! Когда вы вернетесь въ Парижъ, и если ихъ еще не повѣсятъ до тѣхъ поръ, то возьмите розгу и хорошенько высѣките мальчишекъ, совѣтчиковъ Французскаго короля, за то, что онъ по ихъ совѣтамъ надѣлалъ столько глупостей: вѣдь этимъ онъ лишился всякаго уваженія, унизился и отдалъ себя на посмѣяніе и презрѣ-

[21]) Бывшій при Екатеринѣ Французскій посланникъ графъ Сегюръ уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи, раннею осенью 1789.

ніе; однимъ словомъ, надавайте имъ пощечинъ, если возможно. Я вамъ все позволяю, только бы ихъ отколотить хорошенько.

Renoncer aux dieux que l'on croit dans son coeur,
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur [22]).

30-го Сентября. Вамъ, я думаю, покажется смѣшно, что я такъ разсердилась; но это все оттого, что я не люблю глупостей. Если бы король не далъ согласія, тогда бы онъ не былъ причастенъ банкротству, а теперь онъ во главѣ.

7.

13-го Октября 1791, въ $2^1/_2$ часа утра.

Снова страшный ударъ разразился надъ моей головой. Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой выученикъ, мой другъ, можно сказать мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій, умеръ въ Молдавіи, отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его всегда были направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли; какой онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать словцо кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя военныя дарованія: вездѣ была ему удача и на сушѣ, и на морѣ. Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственный человѣкъ: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ его и выполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если по его мнѣнію дѣло было сдѣлано не такъ какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣзжалъ сюда, три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна, и что въ немъ не замѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ, и вотъ къ несчастію мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими людьми: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что̀ былъ въ состояніи сдѣлать.

22-го Октября 1791.

Въ письмѣ отъ 20 (31) Августа вы прежде всего говорите о мирѣ съ Турками, который еще не заключенъ. Я послала въ Яссы фактотума недѣлю тому назадъ, чтобы поскорѣе покончить съ ними, но

[22]) Отречься отъ боговъ, которымъ вѣруешь въ душѣ, не есть заблужденіе, но подлое преступленіе.

онъ до сихъ еще въ дорогѣ. Князь Потемкикъ своею смертію сыгралъ со мной злую шутку. Теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ. Я было хотѣла попросить васъ помолиться обо мнѣ. Ну какъ же быть? Надо дѣйствовать. Представьте себѣ, есть у меня здѣсь князь Вяземскій, который уже два года какъ заговаривается отъ старости, потомъ еще во флотѣ графъ Чернышевъ, съ нимъ былъ ударъ нынѣшней весной, онъ опять отправился путешествовать: оба они живы, а тотъ, кто обѣщалъ долго прожить, скончался!

Ну вотъ, не смотря на шесть сотъ тысячъ рублей, истраченныхъ на укрѣпленіе Финляндіи, третьяго дня, я получила извѣстіе о заключеніи союза между Густавомъ III и мной: желанія ваши исполнились, онъ вырвался изъ когтей Жегю. Новый союзникъ не стыдится просить, чтобы ему позволили явиться сюда, хотя мы всячески стараемся отклонить его отъ этого намѣренія. Какъ же вы хотите, чтобы я ему поручила войска [23]), когда онъ не умѣетъ ими управлять? Какъ видите, условія, подписанныя въ Пильницѣ, не имѣютъ ни силы, ни значенія; я дѣлаю все возможное, чтобы ихъ одушевить на дѣло: писала къ обоимъ по просьбѣ принцевъ; отвѣта еще не было. Но я надѣюсь, новое Законодательное Собраніе натворитъ такихъ глупостей, что король принужденъ будетъ или опять протестовать или бѣжать: тогда мы посмотримъ. Но главное дѣло, нужно, чтобы королева присоединилась къ партіи принцевъ, и чтобы она считала эту партію самою многочисленною и самою преданною королевской власти, чтѝ и есть на самомъ дѣлѣ, и тогда пусть она присоединится ко мнѣ, чтобы заставить дѣйствовать ея брата. Какъ только онъ двинется, Вильгельмъ поневолѣ послѣдуетъ за нимъ.

Ахъ, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой дѣлать. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что двое Зубовыхъ подаютъ болѣе всего надеждъ; но подумайте, вѣдь старшему только 24-й годъ, а младшему нѣтъ еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старшій обладаетъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Умъ его отличается послѣдовательностію, и по истинѣ, онъ человѣкъ даровитый. Очень рада, что вы одобряете мои дѣйствія относительно потомковъ Святаго Людовика: клянусь вамъ, я принимаю въ нихъ живѣйшее участіе. Мнѣ мило это дворянство, эти истинные Французскіе рыцари вокругъ нихъ. Они мнѣ написали прекрасное письмо, и я имъ отвѣчала. Но, да будетъ вамъ извѣстно, что я всегда чувствовала нѣжность къ милэди Мальмсбэри, не смотря на то, что она жена вздорнаго Гарриса. Очень мнѣ нравится составленная вами смѣсь изъ женской проницательности, мужскаго ума, женской кротости и мужской твердости: да развѣ не у всѣхъ тоже самое? Это встрѣчается сплошь и рядомъ.

23-го Октября 1791 г.

Сказываютъ мнѣ, что королева не любитъ парламентовъ, а я говорю, что такъ какъ король самъ ихъ возстановилъ, то теперь, вознамѣрившись ихъ уничтожить, онъ станетъ въ противорѣчіе съ самимъ

---

[23]) Т. е. для дѣйствія противъ Французскихъ мятежниковъ.

собою. Парламенты тѣсно связаны съ монархіей; безъ нихъ или Франція будетъ республикой, или король сдѣлается деспотомъ.

8.

12-го Декабря 1791 г., въ день рожденія Александра, когда ему минуло 14 лѣтъ.

Я здорова, и дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, не смотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ туже ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что нужно родиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, а конецъ нынѣшняго столѣтія не представляетъ геніальныхъ людей. Станемъ надѣяться, что у насъ будутъ по крайней мѣрѣ умѣлые люди; нужно время, стараніе, опытъ. Что̀ касается до меня, будьте увѣрены, что я останусь неизмѣнной; я всѣмъ проповѣдую постоянство и, конечно, сама не стану мѣняться.

1792 годъ.

1.

4-го Апрѣля 1792, Свѣтлое Воскресенье.

Г-нъ Бельзэнсъ привезъ мнѣ ваши пакеты съ Сентября по 4 (15) Марта. Его самого я не видала, потому что онъ прибылъ вечеромъ въ Великій Четвергъ, а въ этотъ день, въ Пятницу, Субботу, а равно и въ самое Воскресенье на Пасху, не совсѣмъ удобно дѣлать новыя знакомства, потому что въ эти четыре дни мы безпрестанно бываемъ на церковныхъ службахъ и устаемъ чрезмѣрно.

Я очень рада, что вы можете шутить послѣ всѣхъ ужасовъ, которыхъ были очевидцемъ; я же боюсь одурѣть по милости событій, которыя такъ сильно потрясаютъ нервы, какъ, напримѣръ, неожиданная смерть императора [1]), убійство Шведскаго короля, ежедневныя опасенія о томъ, что̀ произойдетъ во Франціи. А бѣдная Португальская королева сошла съ ума! Правда, что она внучка Филиппа V, а въ семьѣ Анжу, кажется, сумашествіе—наслѣдственная болѣзнь. Но что-же дѣлать, тутъ не ихъ вина. Орлеанскому же дому непростительно стать въ ряды безумцевъ, руководить ими и принимать участіе во всѣхъ творимыхъ ими ужасахъ. И какая была необходимость этому презрѣнному Филиппу Капету посылать свою дочь въ Англію, чтобы она тамъ научилась самому низкому изо всѣхъ ремеслъ?

14 Апрѣля 1792. Якобинцы всюду разглашаютъ, что они меня убьютъ, и ужъ отправили троихъ или четверыхъ людей для этой цѣли. Мнѣ съ разныхъ сторонъ присылаютъ ихъ примѣты. Думаю, что еслибы они дѣйствительно имѣли это намѣреніе, то не кричали бы о немъ такъ, что слухи доходятъ и до меня. Въ Варшавѣ Маззей побился объ закладъ, что 3-го Мая меня не будетъ въ живыхъ, а меръ Петіонъ увѣрялъ, говорятъ, что къ 1-му Іюня я уже буду на томъ свѣтѣ. По долгу совѣсти считаю нужнымъ сообщить вамъ числа, чтобы вы

[1]) Леопольда.

знали, что я все еще жива [2]). Какъ только будетъ можно, я попрошу отколотить хорошенько этихъ мошенниковъ и проучить ихъ какъ слѣдуетъ. Въ концѣ XVIII-го вѣка, должно быть, убійство человѣка стали считать дѣломъ похвальнымъ, а потомъ увѣряютъ меня, будто Вольтеръ проповѣдывалъ такое ученіе. Вотъ какъ клевещутъ на людей! Думаю, что Вольтеру было бы пріятнѣе находиться тамъ, гдѣ его похоронили, нежели очутиться въ храмѣ Св. Женевьевы въ обществѣ съ Мирабо. Когда же положатъ конецъ всѣмъ этимъ мерзостямъ? Странно, что въ этомъ случаѣ всѣ дворы согласуютъ свои дѣйствія съ намѣреніями Французскаго короля и королевы и подчиняются ихъ руководству, тогда какъ оба они постоянно поступали самымъ безпутнымъ образомъ. Я знаю, откуда все это идетъ, но не одобряю причинъ, побуждающихъ такъ дѣйствовать [3]).

2.

9 Мая 1792, послѣ обѣда.

Ничего не читаю, кромѣ относящагося къ XIII вѣку Россійской исторіи. Около сотни старыхъ лѣтописей составляютъ мою подручную библіотеку. Пріятно рыться въ этомъ старомъ хламѣ. Остальное время уходитъ на дѣла, которыя съ каждымъ днемъ умножаются. Вы объ насъ услышите, и Французскія дѣла отнюдь не будутъ забыты; но я не сдѣлаю шагу безъ тѣхъ, кому покровительствую и безъ Французскаго дворянства, которое поддержу во что̀ бы ни стало.

Генералъ Зубовъ отличается трудолюбіемъ, безкорыстіемъ, усердіемъ и замѣчательнымъ складомъ ума; о немъ скоро заговорятъ. Отъ меня опять зависитъ, чтобы изъ него вышелъ фактотумъ. Гваренги совершенно здоровъ; онъ только что окончилъ прекрасную большую залу въ Зимнемъ дворцѣ. Живописецъ Лампи, пріѣхавшій къ намъ изъ Вѣны, недавно списалъ большущій портретъ съ вашей покорнѣйшей услужницы, и всѣ говорятъ, что никогда не видали ничего подобнаго. За то же и мучили меня въ восемь пріемовъ.

Вы разсказываете о баронѣ Бретейлѣ и о намѣреніяхъ, которыя ему приписывали; на это я вамъ скажу въ свою очередь, что новомодныя шарлатанства лишь сгубили Францію, и я думаю, что новая форма правленія только усилитъ сумятицу; а можно бы изъ прежней повытащить гвозди, отъ которыхъ страдало политическое тѣло. Но дѣйствовать нужно не спѣша, съ осторожностью и съ разсудкомъ. Къ несчастію, зло коренится въ Тюильри, и между нами будь сказано, исключительно тамъ. Къ чему эти двойные, тройные, четверные ходы? Къ чему противорѣчивыя письма? Чего они хотятъ, чего не хотятъ, я, право, не знаю; да и никто ничего тутъ не понимаетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то, по словамъ своей половины, онъ даетъ согласіе, то опять отрекается. Не говорите объ этомъ никому, но это истинная правда.

---

[2]) Изъ Дневника Храповицкаго видно, что Парижскій «легіонъ цареубійцъ» посылалъ въ Россію Бассевиля съ умысломъ на жизнь Екатерины, и у насъ удвоены были дворцовые караулы.

[3]) Есть указанія, что все это шло изъ Англіи, и Екатерина вѣроятно ее разумѣетъ.

3.

14-го Августа 1792, въ 7 часовъ утра.

Благодарю васъ за прекрасное поздравленіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія моего царствованія. Года черезъ два или три надѣюсь имѣть правнучатъ отъ Александра. Какъ бы вы удивились и пришли въ восхищеніе, при видѣ этого высокаго, красиваго, славнаго юноши. О, какъ много въ немъ хорошаго! Онъ олицетворенное чистосердечіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубина, какая послѣдовательность мысли! У него твердыя правила и безпримѣрное желаніе во всемъ поступать хорошо. Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей? Мнѣ это не по вкусу (écoutez: je n'aime pas les couronnements en poste). Соломонъ сказалъ: «Всему свое время». Сперва мы женимъ Александра, а тамъ со временемъ и коронуемъ его со всѣми церемоніями, и будутъ при томъ всякія торжества и всевозможныя народныя празднества. Все будетъ блестяще, величественно, великолѣпно. О какъ онъ самъ будетъ счастливъ, и какъ съ нимъ будутъ счастливы! При всемъ томъ онъ чрезвычайно скроменъ и естественъ: въ немъ нѣтъ ничего дѣланнаго. Ахъ какой онъ славный! Всѣ отъ него безъ ума, да и немудрено. Онъ нашъ любимецъ, и очень хорошо знаетъ это, и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько напередъ; красивая голова! Когда на нее посмотришь, забываешь, что онъ ее держитъ недовольно прямо и немного наклоняетъ впередъ. Его уже часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову прямо надъ плечами и напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать сего послѣдняго. У него совершенно такой же величественный видъ. Для 14-ти лѣтъ онъ таки толстенекъ; но полно: объ томъ не слѣдуетъ говорить слишкомъ много.

16 Августа 1792.

Возвращаюсь изъ моей колоннады, гдѣ прогуливалась между бронзовыми бюстами, которыя тамъ уже поставлены. Если вамъ любопытно знать, кто эти достойные люди, я для васъ сдѣлала, гуляя, списокъ имъ. Не повѣрите, какія прелестныя мысли рождаются въ подобномъ сообществѣ! Я поистинѣ нахожу въ томъ удовольствіе. Юлій Цезарь, Ахиллесъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосѳенъ, Сенека, Овидій, Софоклъ, Теокритъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Теофрастъ, Питтакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ.

Это бронзовыя головы, находящіяся нынѣ въ Царскомъ Селѣ, въ колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82.

4.

7-го Декабря 1792.

Скажите пожалуста, гдѣ вы теперь? [1]) Такъ какъ вы бѣжите, преслѣдуемые Кюстиномъ и Дюмурье, то можетъ въ одинъ прекрасный день и согласитесь исполнить мою просьбу, бросите въ огонь мои письма, чтобъ они не попались въ руки демонамъ, которые, какъ видите, отлично умѣютъ идти впередъ куда имъ нужно, не смотря на

[1]) Въ началѣ этого 1792 года Гриммъ снова былъ въ Парижѣ.

дожди, грязь, недостатокъ припасовъ и фуража, а наши увальни никакъ не могутъ попасть куда имъ слѣдуетъ.

Кстати, скажите на милость, что же это дѣлаетъ вашъ отчасти ученикъ, преславный ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій? У него въ Гиссенѣ 4000 солдатъ, а онъ ничего не предпринимаетъ для своей собственной защиты противъ Французовъ? Право, только въ Германіи и можно найти такое образцовое неразуміе. Ему слѣдовало бы дать себя изрѣзать на куски за свое правое дѣло, вмѣсто того онъ умираетъ со страху вмѣстѣ съ своимъ никому ненужнымъ войскомъ въ Гиссенѣ. Вотъ такъ достойный герой нынѣшняго вѣка!

Ну чтоже? Если васъ такъ занимаетъ музыка въ нынѣшнія бѣдственныя времена, ступайте въ Мюнхенъ: тамъ можете слушать наиученѣйшую музыку вмѣстѣ съ княземъ Изембургомъ, военнымъ министромъ Баварскаго курфюрста. А этотъ самый князь Изембургъ, военный министръ курфюрста Баварскаго, съ кѣмъ вы будете слушать наиученѣйшую Нѣмецкую музыку, разскажетъ вамъ, можетъ быть, между прочимъ, какъ его высочество въ чинѣ полковника оставилъ нашу службу, гдѣ его всѣ знали за труса, какъ онъ два мѣсяца тому назадъ писалъ мнѣ, что желаетъ вновь вернуться къ намъ въ качествѣ полнаго генерала, на что я отвѣчала самымъ вѣжливымъ образомъ, что такъ какъ я въ мирѣ съ всѣми, а Германской имперіи угрожаетъ война, то пусть его высочество и посвятитъ лучше своему отечеству блестящія свои дарованія, которыми конечно добудетъ себѣ славы.

Меня радуетъ, что вы убѣждены въ вѣрности моего взгляда и сужденія относительно современныхъ событій; но при всемъ томъ слушатели мои остаются глухи: всякъ полагаетъ, что понимаетъ больше меня въ этомъ дѣлѣ. Спросите у вашего Св. Николая: онъ вамъ скажетъ, что никто меня не слушаетъ, не смотря на все мое краснорѣчіе. Небо на всѣхъ наслало ослѣпленіе. Вы очень сердитесь на графиню Шувалову за то, что она увезла двухъ Нѣмецкихъ принцессъ? Вы ихъ берегли для дѣятельныхъ гражданъ, сопутниковъ Дюмурье, для сыновъ равенства? Впрочемъ благодарю за довѣріе, которое вы мнѣ оказываете, поручая передать ваше письмо графинѣ Шуваловой; порученіе ваше исполнено. Послушай, козелъ отпущенія, всѣ эти дни я такъ много писала о современныхъ событіяхъ, что тебѣ ни напишу о нихъ ни слова; дай Богъ, чтобъ меня послушали; но къ несчастію задача не подъ силу тѣмъ, кто за нее взялся.

1793 годъ.

1.

13-го Апрѣля 1793.

Въ послѣднее время событія слѣдуютъ одно за другимъ съ такой быстротой, что я за ними не поспѣваю, и у меня постоянно недосугъ. Отъ этого-то вы получите лоскутокъ бумаги, на которомъ не наберется столько строчекъ, сколько я вамъ писывала прежде страницъ или листовъ. Послушайте, иногда бывало, что государственная власть становилась дряблою, но чтобы она переходила въ руки злодѣевъ, этого, кажется, еще никогда не бывало. Удовольствіе это

предназначалось XVIII-му вѣку, который когда-то хвастался, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ среди города, славнѣйшаго между всѣми когда либо существовавшими городами, такихъ жестокосердыхъ людей. Ахъ, какія отвратительныя существа! Мнѣ нравится что сказалъ Ирландскій священникъ Людовику XVI-му: «Сынъ Людовика Святаго, гряди на Небо!» Помните, вы мнѣ когда-то говорили, что видѣли отъ людей только добро, а я вамъ отвѣчала: «Въ какомъ тѣсномъ кружкѣ жили вы до сихъ поръ!»

Знаете ли вы, что̀ происходитъ на вашихъ глазахъ во Франціи? Галлы силятся изгнать Франковъ; но, вы увидите, Франки вновь вернутся, и тогда дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе человѣческую кровь, будутъ или истреблены, или принуждены скрываться, гдѣ попало. Я велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ, кто хочетъ оставаться въ Россіи, и представьте, что̀ случилось? Всѣ, кто присягнули, превратились въ ревностныхъ роялистовъ. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать графъ д'Артуа, который живетъ здѣсь уже пять недѣль. Съ нимъ здѣсь всѣ обращаются какъ съ королевскимъ сыномъ. Завтра онъ уѣзжаетъ. Надѣюсь, что онъ доволенъ своимъ пребываніемъ у насъ: по крайней мѣрѣ онъ могъ видѣть, что всѣ старались облегчить его несчастное положеніе и не подбавлять горечи, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ необходимымъ пріучать ихъ къ этому; но это жестоко. Наконецъ, я надѣюсь, что онъ отдастъ справедливость нашему честному и откровенному образу дѣйствій относительно его. Я нашла въ немъ всѣ качества, которыя желала видѣть: онъ одаренъ яснымъ пониманіемъ, душею возвышенною, сердцемъ добрымъ и великодушнымъ. Какихъ имъ еще нужно принцевъ? Епископъ Аррасскій—человѣкъ умный, съ которымъ пріятно вести разумную бесѣду. Касательно вашихъ проэктовъ можно сказать, что умные люди всегда согласны: придетъ пора, проученные эмигранты соединятся съ принцами. Это ихъ назначеніе. Мы получили извѣстіе объ отпаденіи Дюмурье; отчего онъ этого не сдѣлалъ на мельницѣ Вальми? Король былъ бы теперь живъ; если онъ тогда же предлагалъ это, а проклятый герцогъ Брауншвейгскій не воспользовался предложеніемъ, то онъ дѣйствительно очень виновенъ. Я передала графу д'Артуа ваше письмо.

2.

Въ С.-Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, 22-го Апрѣля 1793.

Вчера, въ Великій Четвергъ и въ день моего рожденія, я причащалась. Я здѣсь съ Воскресенья. Домъ стоитъ въ саду. Вы знаете, что и домъ, и садъ принадлежали князю Потемкину. Расположеніе и убранство прелестны. Такъ какъ всю недѣлю стояла чудная погода, то мы постоянно гуляли, на сколько это возможно при говѣньи; я говорю мы, потому что со мной тутъ мои три внучки. Великіе князья Александръ и Константинъ остались въ зимнемъ дворцѣ съ отцемъ, матерью, двумя младшими сестрами и Баденскими принцессами. Константинъ по этому поводу замѣтилъ: «Понятно, что брата оставили съ невѣстой, а я-то чтожъ буду тамъ дѣлать?» Говоря по правдѣ,

они оба завидуютъ тремъ старшимъ сестрамъ, которыя переѣхали сюда говѣть со мной.

Графъ д'Артуа недѣлю тому назадъ уѣхалъ въ Ревель; тамъ онъ сядетъ на фрегатъ, который и доставитъ его или въ Гулль въ Англію, или въ какой нибудь другой портъ Англіи или Голландіи, куда ему будетъ угодно высадиться. Онъ уже знаетъ объ отпаденіи Дюмурье и что тотъ уѣхалъ къ ученику графа Суворова-Рымникскаго, къ принцу Кобургскому, этому Іосіи, который одинъ не остается въ бездѣйствіи. Такая его судьба, что ему облегчаютъ побѣду, а это не со всѣми бываетъ; но мнѣ не нравятся воззванія его высочества. Для насъ постороннихъ зрителей ясно, что такой взглядъ на дѣло поведетъ не къ миру, а къ продолженію волненій, чтобъ удобнѣе было въ мутной водѣ рыбу ловить. Графъ д'Артуа, епископъ Аррасскій, и др., кажется, остались довольны нашимъ пріемомъ и своимъ пребываніемъ въ Россіи. Г. д'Артуа любитъ меня какъ родную мать. Онъ всѣмъ понравился; у него горячее сердце, быстрое соображеніе и здравый умъ; онъ охотно выслушиваетъ добрые совѣты и, я увѣрена, будетъ имъ слѣдовать. Мнѣ кажется, что у него есть мужество и неустрашимость. Епископъ Аррасскій человѣкъ умный и разсудительный; я бы желала, чтобъ при графѣ д'Артуа былъ какой нибудь опытный хорошій генералъ; но во всякомъ случаѣ лучшихъ людей желать нельзя, и разъ онъ будетъ регентомъ королевства, я увѣрена, что дѣло у него пойдетъ отлично. Несчастіе лучшій наставникъ въ свѣтѣ, и право, я думаю, Генрихъ IV не былъ опытнѣе его. Чтобъ совершить великія дѣла, нужно знаніе четырехъ или пяти неоспоримыхъ истинъ, и все зависитъ отъ этого: если онъ ихъ будетъ держаться, будетъ и удача. Здѣшніе Французы, очищенные принесенной присягой, всѣ выражали ему достодолжныя чувства.

3.

Царское Село, 14-го Мая 1793.

Представьте, какое подозрѣніе пало на Александра! Кто бы могъ это подумать? Одинъ изъ приставленныхъ къ нему кавалеровъ вздумалъ прошлое лѣто перевести на Русскій языкъ съ Англійскаго комедію Шеридана «Школу Злословія». Она была представлена въ Эрмитажѣ, и всѣ нашли, что Русскій переводъ гораздо лучше Французскаго, сдѣланнаго во Франціи, и что въ немъ бездна остроумія. Переводъ такъ хорошо принаровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ, и сдѣланъ такимъ своеобразнымъ языкомъ, что всѣ пришли въ восторгъ. Александръ тоже не отставалъ отъ другихъ въ громкихъ изъявленіяхъ одобренія. Я просто думала, что онъ изъ дружбы къ переводчику придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу стали давать въ городѣ, но тамъ публику было не такъ легко провести какъ меня. Всѣ заговорили, что, должно быть, Александру принадлежитъ большая часть мнимаго перевода съ Англійскаго, что онъ этотъ языкъ знаетъ лучше своего кавалера, и что напрасно онъ скромничаетъ: всѣ знаютъ, что удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня и я ему про нихъ сказала. Онъ сталъ отрекаться, но

покраснѣлъ и объяснилъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи, можетъ быть, иногда высказывалъ свое мнѣніе, а кавалеръ его воспользовался этимъ и кое-что измѣнилъ въ переводѣ. Но какъ болѣзни-то прилипчивы! Вотъ что значитъ дурной примѣръ!

4.

Царское Село, 28 Іюня 1793.

Помните ли вы маскарадъ въ Петергофѣ, когда два сѣверные тирана [1]) повстрѣчали философа и такъ надоѣли ему? И все-таки, не смотря на всѣ наши недостатки, мы, тираны, болѣе чѣмъ когда либо необходимы на семъ свѣтѣ. Посмотрите, какъ плохо безъ насъ. Графъ Панинъ, который произносилъ въ носъ и при каждой остановкѣ дѣлалъ гм, гм, обыкновенно говаривалъ: «Короли, короли — это необходимое зло, безъ него обойтись нельзя». А когда я ему жаловалась, что не все дѣлается такъ, какъ бы хотѣлось, онъ говорилъ: «На чтожъ вы жалуетесь? Если бъ на свѣтѣ все было совершенство или способно къ совершенству, тогда бы васъ совсѣмъ не нужно было». Ну чтожъ, развѣ Франція или нынѣшняя Галлія не подтверждаютъ истины его словъ? Когда я говорю Галлія, я знаю, что я понимаю подъ этимъ словомъ; потому что кто же не видитъ (любимое выраженіе Лафатера), что изгнаніе дворянства это изгнаніе Галлами Франковъ-побѣдителей. (Одинъ изъ критиковъ Лафатера, которому надоѣло безпрестанно повторяющееся восклицаніе: «Ктожъ не видитъ, когда у него на носу то и то», возражаетъ ему: «Да вотъ я не вижу»). Я послала графа д'Артуа, или лучше сказать посовѣтовала ему ѣхать въ Англію. Безъ меня онъ не могъ бы высадиться во Франціи; и намъ бы, можетъ быть, удалось вдвоемъ положить конецъ неурядицѣ. Но въ Англіи воспользовались тѣмъ предлогомъ, что у принца много долговъ и отправили его въ Гаммъ. Ни тамъ и нигдѣ не желаютъ, чтобъ смуты окончились, а между тѣмъ жалуются на двойные и тройные расходы, которые приходится нести; а все оттого, что не принимаютъ такихъ мѣръ, которыя бы сразу пресѣкли зло. Благодаря противорѣчію во взглядахъ и стремленіяхъ, образовалась политическая разнородная смѣсь: вы видите, какія отъ этого жалкія послѣдствія. Всѣ хотятъ мира, а договариваться не съ кѣмъ, и мѣръ никакихъ для этой цѣли не принимается; напротивъ, судя по тому, что творится, очевидно, что войнѣ конца не будетъ.

5.

5 Августа 1792. Въ день отъѣзда изъ Царскаго Села принцессы Фредерики Баденской.

Отвѣчать на ваше письмо мнѣ некогда, потому что я составляю второй томъ родословника для Россійской исторіи. До сихъ поръ всѣ, кто принимались за Исторію Россіи, постоянно впадали въ ошибки, потому что не слѣдовали тому родословному порядку, который мы составили. Первый томъ уже напечатанъ и считается классическимъ руководствомъ для справокъ по Россійской исторіи.

---

[1]) Т. е. Екатерина и Густавъ III-й въ 1777 г., когда Гриммъ жилъ въ Россіи.

6.

19 Ноября 1793.

Усмотрѣвъ изъ вашего послѣдняго письма отъ Октября мѣсяца, что вы находитесь въ нищетѣ по милости злодѣевъ-цареубійцъ, которые захватили власть во Франціи и обращаютъ ее въ пустыню, населенную самыми лютыми звѣрями, когда либо осквернявшими собою землю, посылаю вамъ при семъ три векселя—денежку на черный день: всего на двадцать тысячъ рублей. Если вы поѣдете въ Вѣну, или вздумаете пріобрѣсти дачу, я вамъ въ будущемъ году пришлю еще пятьдесятъ тысячъ.

7.

4 Декабря 1793.

Catharina in ihrer Thaten (Екатерина въ ея дѣяніяхъ): таково заглавіе книги, которую вы мнѣ прислали въ тройной оберткѣ. Я ее сію минуту развернула. Слушайте, козелъ отпущенія, развѣ можно такъ расхваливать людей? Вы прослывете за отъявленнаго льстеца, да оно и похоже! Если вѣрить книгѣ, то я на старости лѣтъ вдругъ сдѣлалась образцовой правительницей. Ахъ, Господи, Господи! Обо мнѣ столько говорили дурнаго, да и теперь еще говорятъ, что образцовою меня назвать отнюдь нельзя, коли всему вѣрить. Знаете ли вы, что похвалы мнѣ никогда не приносили пользы; но когда начинали меня злословить, я съ гордою самоувѣренносію говорила про себя въ насмѣшку хулителямъ: «Отмстимъ имъ, уличимъ ихъ во лжи!» Но къ чему такая хвалебная рацея? Какая отъ нея польза? Кромѣ длинноты и скуки ничего нѣтъ.

5 Декабря.

Французскіе философы, которыхъ считаютъ подготовителями революціи, ошиблись въ одномъ: въ своихъ проповѣдяхъ они обращались къ людямъ, предполагая въ нихъ доброе сердце и таковую же волю, а вмѣсто того ученіемъ ихъ воспользовались прокуроры, адвокаты и разные негодяи, чтобъ подъ покровомъ этого ученія (впрочемъ они и его отбросили) совершать самыя ужасныя преступленія, на какія только способны отвратительнѣйшіе въ мірѣ злодѣи. Они своими злодѣяніями поработили себѣ Парижскую чернь: никогда еще не испытывала она столь жестокой и столь безсмысленной тиранніи какъ теперь, и это-то она дерзаетъ называть свободой! Ее образумятъ голодъ и чума, и когда убійцы короля истребятъ другъ друга, тогда только можно надѣяться на перемѣну къ лучшему. Господи Боже мой! Еслибъ слушались меня, многое было бы иначе; но Вѣнскій дворъ съ своими вожаками, барономъ Брейтелемъ и графомъ Мерси, воображалъ, будто мнѣ издали ничего не видно, что̀ дѣлается, и продолжалъ упорствовать въ своемъ мнѣніи, будто королева будетъ въ большей безопасности среди Якобинцевъ, чѣмъ подъ покровительствомъ братьевъ короля. Я ничего не выдумываю: это фактъ. За этотъ ложный принципъ пришлось поплатиться жизнію. Таковы были послѣдствія ошибки.

Теперь дворы Вѣнскій и Англійскій начинаютъ, кажется, соглашаться съ тѣмъ, что̀ я имъ безпрерывно проповѣдываю вотъ уже три года; но, послушайся они меня раньше, не совершилось бы такъ много преступленій, да и тратъ было бы меньше. Въ ту минуту, какъ они приходятъ въ разумъ, короля Прусскаго подучаютъ предъявить самыя несообразныя, чрезмѣрныя требованія. Посмотримъ, что̀ изъ этого будетъ? Если онъ не образумится, тѣмъ хуже для него.

6-го Декабря. Наши новобрачные [2]), повидимому, очень заняты другъ другомъ, а шаловливый Константинъ вертится около нихъ. Вы не можете себѣ представить, какой это чудакъ: онъ совсѣмъ некрасивъ, чрезвычайно живъ, уменъ и остеръ, притомъ легкомысленъ какъ Майскій жукъ; но у него превосходное сердце, сильное стремленіе къ добру, и въ своихъ проступкахъ онъ всегда сознается откровенно. На мой взглядъ, онъ милый мальчикъ и далеко не дюжинная личность; дѣлаетъ онъ все порывами. Въ публикѣ братъ его пользуется несравненно большею любовью. Не смотря на все это, я предсказываю ему блестящую будущность. Въ дѣтствѣ онъ былъ нескладенъ, точно медвѣженокъ, но теперь совсѣмъ не то.

1794 годъ.

1.

12 Января 1794.

Должно быть, само Небо предназначало этотъ день для того, чтобъ я могла васъ поздравить съ новымъ годомъ, такъ какъ до него у меня все былъ недосугъ, благодаря дѣламъ и стариннымъ лѣтописямъ. Дошедши до 1321 года, я остановилась и отдала переписывать около восьми сотъ страницъ, нацарапанныхъ мною. Представьте, какая страсть писать о старинѣ, до которой никому нѣтъ дѣла и про которую, я увѣрена, никто не будетъ читать кромѣ двухъ педантовъ: одинъ изъ нихъ переводчикъ мой Фолькнеръ, другой библіотекарь Академіи Буссе. Онъ старается изо всѣхъ силъ хвалить мою точность въ журналахъ, у которыхъ едва ли наберется четыре читателя во всей Европѣ. А между тѣмъ я очень довольна, что привела въ порядокъ все относящееся до исторіи, и сдѣлала это лучше всѣхъ, кто брался за эту работу до сихъ поръ. Я тружусь точно за деньги: такъ корплю, такъ стараюсь, кладу въ дѣло весь свой умъ и сообразительность и, всякій разъ какъ напишу страницу, восклицаю: «Ахъ, какъ это хорошо, мило, восхитительно!» Но конечно, я никому объ этомъ не говорю, кромѣ васъ; вы понимаете: надо мной стали бы смѣяться. Елагинъ умеръ, и исторія его, вѣроятно, останется неоконченною; но послѣ него остались сочиненія о масонствѣ—удивительная чепуха, изъ которой явствуетъ, что онъ сходилъ съ ума.

Скажите, получена ли вами черезъ братьевъ Ливіо и Франкфуртскаго корреспондента моя записка съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ

---

[2]) Т. е. Александръ Павловичъ и Елисавета Алексѣевна.

бумажекъ [1]), Я послала ихъ, чтобы не простывалъ кипятокъ въ котелкѣ козло-отпущенскомъ (la marmite souffre-douleurienne). Смерть какъ боюсь, чтобъ ихъ не украли на пути. Ничего больше не покупаю; хочу платить свои долги и копить деньги. Стало быть, отказывайте всѣмъ, кто вамъ будетъ предлагать.

2.

10 Февраля 1794.

Я получила, какъ и вы, безъименное письмо въ 12 страницъ, въ которомъ меня убѣждаютъ послать войска на Рейнъ. Но какъ туда посылать? Послать немного и связаться съ пачкунами, войска будутъ побиты, какъ и другія. Много же посылать я не могу, потому что съ часу на часъ жду разрыва съ Турками, которыхъ подзадориваютъ милордъ Энсли и Декоршъ. Отдѣлите теперь пожалуста немножечко милорда Энсли отъ Англійскаго министра. Сей послѣдній желаетъ, чтобы Турки напали на меня въ томъ случаѣ, когда нельзя удержать ихъ отъ войны съ Вѣнскимъ дворомъ, и тутъ имъ проповѣдуютъ войну съ Россіею. Декоршъ проповѣдуетъ войну съ обоими императорскими дворами вмѣстѣ. Ради этой путаницы я должна быть на стòрожѣ и не могу въ большомъ числѣ отправлять мои войска въ дальнюю сторону. Впрочемъ вы знаете, что прошлою весною я предлагала Англіи переправить значительное число ихъ на помощь Вандейцамъ или вѣрнѣе приверженцамъ королевской власти, и графъ д'Артуа долженъ былъ принять участіе въ этомъ предпріятіи; но въ Англіи не захотѣли меня послушаться.

11 Февраля 1794.

Русская пословица говоритъ: чтобъ не было скучно, мѣшай дѣло съ бездѣльемъ. Поэтому скажу вамъ, вопервыхъ, что третьяго дня, 9 Февраля, въ Четвергъ, исполнилось 50 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я съ матушкою пріѣхала въ Россію. Было это въ Четвергъ, 9-го Февраля, слѣдовательно, вотъ уже 50 лѣтъ какъ я живу въ Россіи, и изъ этихъ пятидесяти я по милости Божіей царствую уже тридцать два года. Вовторыхъ, вчера было при дворѣ за разъ три свадьбы. Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я застала въ то время. Да, я думаю, что здѣсь въ Петербургѣ едва ли найдется десять человѣкъ, которые бы помнили мой пріѣздъ. Вопервыхъ слѣпой, дряхлый Бецкій: онъ сильно заговаривается и все спрашиваетъ у молодыхъ людей, знали-ли они Петра I-го. Потомъ 78 лѣтняя графиня Матюшкина, вчера танцовавшая на свадьбахъ. Потомъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, который былъ тогда камеръюнкеръ и его жена. Далѣе его братъ оберъ-шталмейстеръ; но онъ не сознается въ этомъ, чтобъ не казаться старымъ. Потомъ оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по дряхлости уже не можетъ выѣзжать изъ дому и, наконецъ, старуха моя горничная, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ каковы мои современники! Это очень странно: всѣ

---

[1]) См. выше письмо отъ 19 Ноября 1793.

остальные годились бы мнѣ въ дѣти и внуки. Вотъ какая я старуха! Есть семьи, гдѣ я знаю уже пятое и шестое поколѣнія. Все это доказываетъ, какъ я стара; самый разсказъ мой, можетъ быть, свидѣтельствуетъ тоже самое, но какъ же быть? И все таки я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю смотрѣть, какъ играютъ въ жмурки и во всякія дѣтскія игры. Молодежь, мои внуки и внучки, говорятъ, что я непремѣнно должна быть тутъ, чтобъ имъ было весело, и что со мной они себя чувствуютъ гораздо смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ безъ меня.

Уже давно толковали, что южныя Европейскія государства въ упадкѣ, и однако всѣ продолжали туда ѣздить (я думаю, чтобы нагрѣть руки); и однако этотъ упадокъ было бы такъ легко предотвратить! На каждомъ шагу всѣ удивляются, какъ это могло случиться. Я думаю, тутъ много помогло нерадѣніе. Если Франція справится съ своими бѣдами, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, будетъ послушна и кротка какъ овечка; но для этого нуженъ человѣкъ недюжинный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, можетъ быть, свой вѣкъ. Родился онъ, или еще не родился? Придетъ ли онъ? Все зависитъ отъ того. Если найдется такой человѣкъ, онъ стопою своею остановитъ дальнѣйшее паденіе, которое прекратится тамъ, гдѣ онъ станетъ, во Франціи, или въ иномъ мѣстѣ.

Скажите кстати, знавали вы когда нибудь этого противнаго аббата Сіейса, одного изъ главныхъ дѣятелей во Франціи? Помните, какъ въ Петергофѣ два капуцина обвиняли васъ въ принадлежности къ нѣкоему обществу? Помните ли вы также, что покойный король Прусскій увѣрялъ, будто Гельвецій признавался ему, что у философовъ было намѣреніе ниспровергнуть всѣ троны въ Европѣ и что Энциклопедія имѣла единственною цѣлію уничтоженіе всѣхъ властей и всякаго вѣроученія. Помните также, какъ вы никогда не хотѣли, чтобъ васъ причисляли къ философамъ. Вы правы, что не хотѣли быть въ числѣ фанатиковъ, иллюминатовъ и философовъ, потому что всѣ они, какъ доказываетъ опытъ, стремятся только къ разрушенію. Но что̀ они ни говори и что̀ ни дѣлай, всеже міру не обойтись безъ повелителя, и ужъ конечно лучше неразуміе одного человѣка, которое и продолжается-то недолго, чѣмъ неразуміе многихъ. По ихъ милости, двадцать милліоновъ людей приходятъ въ бѣшенство отъ одного только слова свобода; а между тѣмъ у нихъ и тѣни ея нѣтъ, и безумцы все бѣгутъ за ней и никакъ не могутъ поймать.

Не знаю почему, но кажется, Константинъ слыветъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ жениховъ въ Европѣ: не проходитъ дня, чтобы его не женили на какой нибудь изъ Европейскихъ принцессъ, и потомъ всѣ наперерывъ награждаютъ его всякими владѣніями, тогда какъ онъ и въ помышленіи того не имѣетъ, да и ничего подобнаго не желаетъ. Онъ становится премилый юноша, живой и пылкій, какъ и слѣдуетъ быть въ его лѣта; притомъ у него сильное стремленіе ко всему доброму и горячее сердце. Учитель его Швейцарецъ не любитъ льстить, но и онъ говоритъ, что великій князь и уменъ, и понятливъ.

13 Февраля 1794.

Надѣюсь, что теперь уже ни одинъ изъ Бурбоновъ не захочетъ называться Орлеанскимъ, судя по отвращенію, которое возбуждаетъ послѣдній изъ носившихъ это имя. Благодарю васъ за сообщенныя подробности о немъ и объ этой гадкой женщинѣ, которая его погубила. Но мудрено, чтобы въ ея поступкахъ была такая послѣдовательность, какъ вамъ разсказывалъ эмигрантъ и какъ ему потомъ показалось впослѣдствіи. Очень можетъ статься, что они оба, какъ люди злые и порочные по природѣ, совершили много проступковъ и злодѣяній, сами того не сознавая и не думая о послѣдствіяхъ. Конечно, они были не высокаго ума, иначе умъ бы остался при нихъ; но несомнѣнно, что, благодаря ихъ содѣйствію, умножились пороки, злоба и всякія преступленія: все это мы видѣли своими глазами. Каково начало, таковъ и конецъ. Счастье и несчастье зависятъ отъ характера человѣка; характеръ опредѣляется нравственными правилами, а успѣхъ зависитъ отъ умѣнья найти надлежащія средства для достиженія цѣли. Какъ скоро у человѣка нѣтъ твердыхъ убѣжденій, и онъ ошибся въ средствахъ, тотчасъ пропадаетъ всякая послѣдовательность въ поступкахъ.

14 Февраля 1794.

Весьма сожалѣю, что сочувствіе къ общественнымъ бѣдствіямъ такъ вредно отразилось на здоровьи г-жи дё Бюэль. Не нужно постоянно думать объ одномъ и томъ же, и я согласна съ мнѣніемъ княг. Голицыной, что поѣздка въ Россію могла бы ей принести большую пользу. Вы мнѣ совѣтуете ѣхать путешествовать въ ваши края, но вѣдь этотъ совѣтъ внушенъ вамъ вашею лѣнью: я думаю, что вамъ хотѣлось бы со мной повидаться, но васъ пугаетъ длинная дорога. Знайте же, что если я двинусь въ путь, то никакъ не въ вашу сторону; прежде чѣмъ я отправлюсь на тотъ свѣтъ, я должна увидать плодородныя страны, лежащія между Борисѳеномъ, Днѣстромъ и устьемъ Буга: отъ тамошняго воздуха излѣчиваются сами собою всѣ болѣзни. Туда-то спѣшилъ князь Потемкинъ, когда почувствовалъ приближеніе смерти, но умеръ въ дорогѣ.

3.

Сегодня 27 Августа, погода ужасная, а я все еще въ Таврическомъ дворцѣ. Лѣта совсѣмъ не было, ни одного жаркаго дня, и вотъ уже два съ половиною мѣсяца по крайней мѣрѣ, что у насъ постоянные дожди. На дворецъ этотъ пошла мода; онъ въ одинъ этажъ, съ огромнымъ прекраснымъ садомъ; вокругъ же все казармы по берегу Невы: направо Конногвардейскія, налѣво Артиллерійскія, а позади сада Преображенскія. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшаго. Я живу направо отъ галлереи со столбами; такаго подъѣзда, я думаю, нѣтъ еще нигдѣ на свѣтѣ; Александръ помѣщается налѣво. Правда, что прежде въ этомъ дворцѣ было не немного, а чрезвычайно сыро, такъ что изъ подъ колоннъ въ залѣ текла вода, и на полу стояли лужи; происходило это отъ того, что фундаментъ залы былъ ниже уровня

воды въ пруду. Но я помогла горю, приказавъ вырыть между домомъ и прудомъ сточную трубу и выложить ее камнемъ; труба идетъ вокругъ всего дома и такъ хорошо отводитъ воду, что теперь совсѣмъ нѣтъ сырости въ домѣ и не пахнетъ гнилью, какъ прежде.

28 Августа 1794, въ Таврическомъ дворцѣ.

Вы пишете, что императоръ уѣхалъ, чтобы принять начальство надъ войскомъ; мы видѣли, что онъ выигрывалъ побѣду за побѣдой, а дѣло все не подвигалось впередъ, и затѣмъ внезапно уѣхалъ въ Вѣну, и вслѣдствіе этого Нидерланды были оставлены и т. д. и т. д. Вслѣдъ за этимъ вы дѣлаете нѣсколько вопросовъ насчетъ обязанностей государя, что̀ имѣетъ видъ какъ бы проповѣди, которою я всеконечно постараюсь воспользоваться. Но скажите мнѣ одно, кто же больше Людовика XVI сообразовался съ общественнымъ мнѣніемъ при выборѣ министровъ и другихъ должностныхъ лицъ? И мы видѣли, что̀ изъ этого вышло. По моему мнѣнію, во всякомъ государствѣ найдутся люди, и искать ихъ нечего; нужно только употребить въ дѣло тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно твердятъ, что у насъ неурожай на людей; однако, не смотря на это, дѣло дѣлается. У Петра I-го были такіе люди, которые и грамотѣ не знали, а всетаки дѣло шло впередъ. Стало быть, неурожая на людей не бываетъ, ихъ всегда многое множество; нужно только ихъ заставить дѣлать что̀ нужно, и какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно. Что̀ дѣлаетъ твой кучеръ, когда ты сидишь въ закрытой каретѣ? Была бы добрая воля, такъ всѣ дороги открыты. Пускай одинъ ограниченъ, другой ограниченъ, но государь отъ этого не будетъ глупѣе. Францъ II совсѣмъ не глупъ; напротивъ, это государь храбрый и честолюбивый: онъ слушаетъ другихъ, потому что положеніе его теперь затруднительно, а онъ еще молодъ и неопытенъ. Но онъ ни на кого не посмотрѣлъ, когда задумалъ ѣхать къ войску; тутъ былъ его собственный починъ, и это хорошо: онъ пойдетъ далеко и безъ чужой помощи, какъ только пойметъ и убѣдится, что умнѣе другихъ. Въ молодости на первыхъ порахъ хорошо послушать другихъ, а дальше видно будетъ. Былъ у нихъ орелъ, да они его не оцѣнили.

29-го Августа 1794, въ Зимнемъ дворцѣ.

Холодъ выгналъ меня изъ Таврическаго дворца; конецъ Августа точно Октябрь. Я пріѣхала въ свою зимнюю лачужку, поднялась по мраморной лѣстницѣ и прошла въ залы, которыя вновь отдѣланы подъ мраморъ къ свадьбѣ Александра, по рисункамъ и указаніямъ Гваренги. Эти три прелестныя залы ведутъ въ комнаты Александра; прошлый годъ онѣ были роскошно убраны; теперь уничтожили всю роскошь, мѣшавшую удобству, и вышли очень пріятныя комнаты, хотя прежней роскоши въ нихъ нѣтъ. Оттуда я прошла въ комнаты, назначаемыя для восьмаго ребенка великой княгини Маріи Ѳеодоровны, который, вѣроятно, явится на свѣтъ или въ концѣ нынѣшняго года или въ началѣ 1795-го. Невѣстка ея еще не въ такомъ положеніи. Оттуда я прошла коридорами въ комнаты Александры, которой уже минуло одинадцать лѣтъ, и она съ нынѣшняго лѣта считается взрослой дѣ-

вицей; отъ нея я отправилась къ Еленѣ: ея спальня такъ мило убрана, что она навѣрное не заснетъ въ эту ночь отъ удовольствія. Оттуда я прошла въ церковь посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, потомъ въ знакомую вамъ галлерею, а оттуда въ свои комнаты, потомъ въ Эрмитажъ, въ тамошній театръ, изъ театра въ ложи Рафаэля, прошла три залы, гдѣ помѣщается кабинетъ естественной исторіи, и вернулась къ себѣ въ комнату, гдѣ и сѣла вамъ писать, послѣ того какъ обошла весь дворецъ и Эрмитажъ, что̀ составитъ версты съ двѣ или три. Я вамъ все это разсказываю для того, чтобы вы подивились, какъ ваша покорная услужница до сихъ поръ еще проворна.

1-е Сентября. Церковный годъ начинается отличнѣйше. Вы конечно знаете, что годъ этотъ начинается 1-го Сентября. И вотъ годъ этотъ отлично знаменуется: генералъ-маіоръ князь Цыціановъ, имѣя при себѣ людей вчетверо меньше своего противника, послѣ четырехчасоваго боя взялъ въ плѣнъ генерала Грабовскаго, со всѣмъ его войскомъ, пушками и пр. и со множествомъ женщинъ, находившихся въ обозѣ. По взятіи Вильны, куда Польскія войска сбѣгались съ трехъ сторонъ, Грабовскій устремился къ Минску и какъ бѣшеный бѣжалъ до Лубани къ нашей цѣпи. Тутъ князь Цыціановъ побилъ его и, обезоруживъ все войско его, захватилъ ружья, пики, косы и пушки. Теперь можно сказать, что вскорѣ будемъ держать ихъ за уши. Надо вамъ сказать, что этотъ князь Цыціановъ родомъ Грузинъ, родившійся и воспитавшійся здѣсь. Онъ храбръ какъ его шпага, исполненъ ума и познаній. Мнѣ радостно думать, сколько теперь въ арміи молодыхъ людей, подающихъ блестящія надежды. Это не увальни (Passgänger), но люди съ огнемъ и пламенемъ. Благослови и сохрани ихъ Богъ!

Екатерина тотчасъ угадала что̀ за человѣкъ былъ князь Павелъ Дмитріевичъ Цыціановъ, которому ранновременная кончина (1806) помѣшала вполнѣ проявить геніальныя его дарованія. Князь М. С. Воронцовъ, будучи намѣстникомъ на Кавказѣ, говаривалъ, что старается только привести въ дѣйствіе предначертанія князя Цыціанова относительно тамошняго края. Это былъ закадычный другъ графа Ростопчина (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. 2), который, въ своемъ подмосковномъ селѣ Вороновѣ (нынѣ владѣніи графа А. Д. Шереметева) почтилъ его память слѣдующими, выбитыми въ большомъ камнѣ и до сихъ поръ уцѣлѣвшими стихами:

Сей честнымъ быть хотѣлъ,
Искалъ пути Христова
И смертью лишь дошелъ
До счастія прямаго.

3 Сентября. Сегодня утромъ я получила извѣстіе, что его величеству королю Прусскому благоугодно было снять осаду Варшавы, по той причинѣ, что въ его собственныхъ владѣніяхъ вспыхнуло возмущеніе. Еслибъ я была на его мѣстѣ, я бы тотчасъ овладѣла Варшавой и тѣмъ задушила бы бунтъ въ самомъ началѣ. О Господи! Я не смѣю говорить всего, что̀ думаю; но, къ несчастью, четыре года тому назадъ, я уже предсказывала принцу Нассау и многимъ другимъ все, что̀ потомъ случилось съ Людовикомъ XVI-мъ. Иногда бываетъ, что взглядъ мой съ быстротой ракеты пронизываетъ будущее и тамъ провидитъ яркія черты какаго-нибудь явленія. Но лучше молчать; между

окружающими короля нѣтъ ни одной умной головы. У насъ всѣ возмущены и осыпаютъ ихъ всевозможными ругательствами. Польскіе разбойники отбили у его величества два обоза, одинъ съ пушками на Вислѣ, а другой съ военными запасами, шедшій изъ Силезіи. Дорого бы я дала, чтобъ захватили также его маркиза Лукезини, который ѣдетъ къ нему назадъ изъ Вѣны; но я увѣрена, что этого не будетъ: онъ имъ слишкомъ полезенъ, и потомъ онъ Итальянецъ, а Итальянцы, что̀ Греки, всегда съумѣютъ вывернуться.

4 Сентября. Сегодня съ утра, какъ только я встала, у меня такъ болитъ шея, что я совсѣмъ не могу повернуть голову налѣво. Думаю, это все отъ того, что меня разозлили. Принцъ Нассау прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о снятіи осады Варшавы очень молодаго человѣка, котораго я расправшивала о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о доблестномъ Манштейнѣ, который хотѣлъ вступить въ переговоры съ Костюшкой, воображая, что Костюшко тоже что̀ Дюмурье. Я спросила, что̀ за человѣкъ Манштейнъ; тотъ отвѣчалъ въ двухъ словахъ: «онъ дуракъ». Отвѣтъ мнѣ понравился, и я сообщаю его вамъ. Можетъ быть, вы прежде этого не знали; такъ знайте: онъ дуракъ.

4.

1-го Октября 1794, въ 5 часовъ вечера.

Отобѣдавъ, я взяла съ собою господина Константина и отправилась въ Таврическій дворецъ съ нимъ и съ четырьмя его сестрами. Я обошла кругомъ обширный тамошній садъ, послѣ чего сѣла въ коляску и по Англійской набережной доѣхала до параднаго подъѣзда, откуда поднялась къ себѣ въ комнату нѣсколько усталая, сказать правду; но какъ тѣ, кто меня помоложе, тоже устали, то этимъ я утѣшаюсь. Съ восьмаго Сентября у насъ опять лѣто. Но послушайте, козелъ отпущенія, васъ въ Германіи чтутъ какъ оракула; растолкуйте же герцогу Веймарскому, что если послѣ брата не остается иныхъ наслѣдниковъ кромѣ сестры, то сестра прямая наслѣдница всего братняго имѣнія, и тогда нечего разыскивать еще какихъ-то потомковъ прабабушки, если существуетъ самая близкая родственница послѣдняго владѣльца. Представьте себѣ, его свѣтлость пишетъ мнѣ, что посылаетъ длиннѣйшую диссертацію, въ которой доказывается, что владѣніе Іеверъ, оставшееся послѣ моего брата, должно перейти къ нему, а не ко мнѣ. Но владѣніе это совсѣмъ не ему принадлежитъ; это также вѣрно какъ то, что его тамъ не любятъ, и жители желаютъ быть моими подданными: они уже вездѣ ставили Россійскіе гербы и хотѣли одѣться въ красные и въ зеленые кафтаны; но я имъ посовѣтовала оставить у себя прежній владѣльческій гербъ. Я поручила управленіе моей невѣсткѣ [2]), а имъ послала свой пор-

---

[2]) Невѣстка эта, вторая жена Екатеринина брата, урожд. Ангальтъ-Бернбургская, родившаяся 28 Августа 1744 и получившая Іеверъ въ пожизненное владѣніе, должна была уступить его въ 1807 году Франціи, но по Тильзитскому миру пользовалась доходами съ него (60 т. Голл. гульд.) до самой своей кончины, 12-го Апрѣля 1827 года. Іеверъ находится въ Ольденбургѣ.

третъ во весь ростъ, котораго они у меня настоятельно потребовали. Ихъ ужасно огорчитъ, когда они узнаютъ, что его свѣтлость хочетъ ихъ у меня оттягать. Мнѣ показалось изъ письма, которое графъ Гёрцъ, застегнутый, бывшій воспитатель его свѣтлости, передалъ отъ герцога Саксенъ-Веймарскаго моему повѣренному въ Регенсбургѣ, что его свѣтлость не прочь бы уступить мнѣ свои мнимыя права на владѣніе за извѣстное вознагражденіе. Не можете ли вы разузнать черезъ герцога Саксенъ-Готскаго, въ чемъ приблизительно должно состоять вознагражденіе. Я бы желала, чтобъ это мнимое право перешло лучше ко мнѣ, чѣмъ къ кому нибудь другому. Въ сущности, оно столько же принадлежитъ герцогу Саксенъ-Веймарскому, сколько самому герцогу Саксенъ-Готскому, который тоже потомокъ сестры одного изъ принцевъ Ангальтъ-Цербтскихъ, Іеверскаго владѣльца, которому наслѣдовали мой дядя и отецъ, стало-быть также и мой братъ, а по кончинѣ его законная наслѣдница я. Однакоже только одинъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій заявляетъ о своихъ правахъ, домъ же Саксенъ-Готскій не говоритъ ни слова. Я почти готова думать, что тутъ замѣшанъ Берлинскій кабинетъ; это его низкая политика: онъ нарочно выставилъ мнѣ соперника, съ цѣлью купить у него право на владѣніе въ случаѣ, если я не пойду на сдѣлку, и потомъ при первомъ удобномъ случаѣ присоединить Іеверъ къ восточной Фрисландіи. Люди эти такъ дурны, такъ коварны, что право отъ нихъ можно ожидать самыхъ безнравственныхъ поступковъ.

Не изъ того же ли источника шли увѣренія, будто Екатерина тайнымъ завѣщаніемъ предоставила Іеверъ Бобринскому. Нѣмецкіе проходимцы брали съ сего послѣдняго много денегъ для отысканія этихъ мнимыхъ правъ. См. Р. Архивъ 1876, книга III-я.—Герцогъ С. Веймарскій (позднѣе свекоръ нашей Маріи Павловны) вѣроятно ссылался на такъ называемый Салическій законъ, не допускающій женщинъ къ державнымъ правамъ наслѣдованія.

5.

8 Декабря 1794.

Не могу кончить письма, потому что у меня что-то въ родѣ рожи на головѣ: боль ужасная, и я ничѣмъ не могу заниматься. Вотъ уже двѣнадцать дней, какъ я почти ничего не ѣмъ и совсѣмъ не сплю, а доктора глупы. Я изъ силъ выбиваюсь, толкуя имъ, что это просто спазмы. Наконецъ, сегодня я потеряла всякое терпѣніе и начала сама лѣчить себя отъ спазмовъ, стала употреблять самое сильное лѣкарство отъ этой болѣзни, какое я только знаю, именно Бестужевскія капли, и вотъ я спала послѣ того цѣлый часъ, и вотъ доктора всѣ дураки, а я права, и вотъ не мѣшало бы также полѣчить Прусскаго короля, если онъ будетъ продолжать также поступать какъ теперь, а на это нѣтъ лучше фельдмаршала, графа обѣихъ имперій [3]): онъ ему такъ отдуетъ бока, что тотъ сейчасъ же поздоровѣетъ, какъ только нужно будетъ дѣйствовать [4]).

---

[3]) Т. е. Суворовъ.

[4]) Т. е. противъ Французовъ.

6.

15 Декабря 1794—11 Января 1795.

Пріятелю нашему Валеріану [5]) ядромъ расшибло ногу, и при этомъ случаѣ онъ выказалъ твердость души несовсѣмъ обыкновенную: лошадь его убило тѣмъ же ядромъ, онъ упалъ вмѣстѣ съ нею, хотѣлъ слѣзть и тутъ только замѣтилъ, что у него сломана нога, потому что не могъ на нее стать. Офицеры, бывшіе съ нимъ, тотчасъ же соскочили съ лошадей и унесли его за занавѣску; привели хирурга, и раненый велѣлъ ему отрѣзать ногу на четыре пальца выше раны, что̀ и было тотчасъ же исполнено при громѣ непріятельскихъ пушекъ и подъ ядрами, которыхъ было такъ много, что два раза во время операціи пришлось перемѣнить мѣсто. Потомъ его положили на носилки и понесли мимо второй линіи нашихъ войскъ, наступавшихъ на непріятеля. Валерьянъ говорилъ съ солдатами, шутилъ съ ними; многіе солдаты при видѣ его плакали; наконецъ, его отнесли въ господскій домъ, недалеко отъ переправы черезъ Бугъ, гдѣ шло сраженіе. Всѣ окружавшіе его не могли удержаться отъ слезъ, онъ же заботился только о нихъ и о томъ, какъ огорчатся его родные, когда узнаютъ объ его бѣдѣ. Надобно вамъ сказать, что всѣ храбрецы и вся военная молодежь непремѣнно хотѣли служить вмѣстѣ съ нимъ; его любятъ одинаково и начальники, и подчиненные; да онъ и самъ замѣчательно храбръ и уже пріобрѣлъ себѣ воинскую славу. На него возлагаютъ большія надежды. Въ письмѣ къ роднымъ онъ завѣряетъ, что все тотъ же и останется такимъ же, что будетъ продолжать служить и жалѣетъ, что не могъ участвовать во взятіи Праги. Однимъ словомъ, онъ выказалъ себя героемъ, а между тѣмъ герою только 24 года. Его перевезли, по его желанію, въ Варшаву; теперь онъ начинаетъ уже ходить на костыляхъ. Графъ обѣихъ имперій проводитъ съ нимъ все свободное время, а фельдмаршалъ Румянцовъ просто влюбился въ него и все присылаетъ курьеровъ узнавать объ его здоровьи. Словомъ, еще никто у насъ не пользовался такою любовью, такимъ почетомъ, такимъ уваженіемъ, какъ онъ. Въ подробномъ донесеніи о взятіи Праги, фельдмаршалъ графъ обѣихъ имперій, въ числѣ прочихъ, расхваливаетъ одного инженернаго поручика, воспитанника Артиллерійскаго Кадетскаго Корпуса, который, по его словамъ, составлялъ планы атакъ Измаила и Праги, а онъ фельдмаршалъ только выполнялъ ихъ, вотъ и все. Молодому человѣку отъ 24 до 25 лѣтъ, зовутъ его Глуховъ. Прощайте. Спѣшу: сегодня вечеромъ концертъ, въ которомъ трое нашихъ поютъ, двое играютъ на скрипкѣ, одинъ на клавесинѣ. Это насъ тѣшитъ. Вы знаете или узнаете, что число увеличилось дѣвицею Анною, великаншею по длинѣ и толщинѣ; но эта не поетъ и не кричитъ еще.

---

[5]) Графу Валерьяну Александровичу Зубову.

1795 годъ.

1.

16 Января 1795.

Вотъ 16 дней полнехоньки. 1-го Января, новый годъ, праздникъ. 6-го Января, Богоявленіе, праздникъ и водоосвященіе. 7-го Января явилась на свѣтъ великая княжна Анна. 13-го Января праздникъ по случаю дня рожденія великой княгини Елисаветы. 14-го Января крестины новорожденной. 15-го Января скончалась великая княжна Ольга. Представьте, что за болѣзнь такая! Недѣль осмнадцать тому назадъ проявился у ней такой голодъ, что она всякую минуту просила ѣсть, и вслѣдствіе этого выросла необыкновенно для своихъ лѣтъ: ей два года съ половиной. Въ тоже самое время появилось у ней множество коренныхъ зубовъ, затѣмъ сдѣлалась изнурительная лихорадка, сухотка, продолжавшаяся 16 недѣль, и вчера часу въ восьмомъ вечера она скончалась въ страшныхъ страданіяхъ, продолжавшихся 24 часа. Въ Пятницу или въ Субботу будутъ похороны.

2.

1 Февраля 1795.

Я пришлю вамъ десять тысячъ рублей, для раздачи неимущимъ; но прошу васъ, на сколько возможно, не говорите, откуда эти деньги. Поэтому лучше разсылать деньги просящимъ, о которыхъ вы мнѣ говорили, въ письмахъ, не говоря отъ кого; вы можете даже скрыть и свое имя, чтобъ не могли подозрѣвать меня.

3.

5 Апрѣля 1795.

Скотину Герцберга слѣдовало бы хорошенько отколотить за то, что онъ исторію знаетъ столько же, какъ мой попугай. Онъ дерзаетъ говорить, что Россія овладѣла Полоцкомъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, тогда какъ слѣдовало бы сказать, что Россія всегда забывала о своихъ древнихъ правахъ, такъ какъ Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I-мъ своему старшему сыну, Изяславу. Онъ былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I-го, между которыми отецъ раздѣлилъ государство, послѣ того, какъ женившись на дочери Греческаго императора, Аннѣ, принялъ христіанскую вѣру и отослалъ своихъ шестерыхъ женъ съ ихъ дѣтьми въ назначенные имъ удѣлы. Вотъ отъ этого-то старшаго сына Владиміра и произошли князья Полоцкіе. Потомъ, будучи великимъ княземъ Литвы, Владиміръ I-й отдалъ Литву сыну своему Святославу, который умеръ бездѣтнымъ. Въ 1386-мъ году Ягайло или Яковъ, пятый сынъ Ольгерда, принялъ Латинскую вѣру, женился на Польской королевнѣ Гедвигѣ, наслѣдницѣ престола, и сталъ царствовать подъ именемъ Владислава,

соединивъ такимъ образомъ Литву съ Польшей въ одно государство. Но государственный министръ, дуралей и неучъ, ничего этого не знаетъ; отъ чванства онъ сталъ грубъ и глупъ какъ Померанскій волъ, котораго мало кормятъ (покойный король, по его собственному признанію, морилъ его съ голоду). Поэтому онъ и не знаетъ, что вплоть до семнадцатаго столѣтія не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ всѣ рѣшительно дѣла велись на Русскомъ языкѣ, что во всѣхъ Литовскихъ архивахъ бумаги писаны порусски, что всѣ акты писаны порусски и Русскими буквами, что годъ сотворенія міра тотъ же, какой признается Греческою церковью, и даже до сихъ поръ Греческій церковный индиктъ служитъ для этого указателемъ. Все это доказываетъ, что до семнадцатаго столѣтія Греческая вѣра была господствующею не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ, и ее исповѣдывали всѣ великіе князья и весь княжескій родъ; во всѣхъ церквахъ тамошнихъ, и въ особенности въ соборныхъ, вездѣ алтарь обращенъ на Востокъ по обычаю Восточной церкви. Если вамъ мало этихъ доказательствъ, можете потребовать еще: истину доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ разъ двадцать переходилъ изъ рукъ въ руки, и нѣтъ ни одного договора, гдѣ бы та или другая сторона не требовали какой нибудь части страны, а то и цѣлой страны, смотря по обстоятельствамъ. Можно бы этого дурака министра и побольнѣе отхлестать за его невѣжество относительно тѣхъ народовъ, которыхъ онъ хочетъ присоединять. Оселъ! Мнѣ такъ хотѣлось васъ разсмѣшить, что я, какъ видите, отбросила всякую вѣжливость въ своемъ ученомъ разсужденіи. Впрочемъ, вы и сами знаете: когда педанты бываютъ одержимы гнѣвомъ или хотятъ выказать усердіе, то не всегда соблюдаютъ правила вѣжливости въ своихъ разсужденіяхъ; я же, какъ вамъ тоже небезъизвѣстно, такъ много возилась съ архивами и лѣтописями, что теперь меня мудрено сбить съ толку.

6 Апрѣля. Ну теперь начинается отвѣтъ или, лучше сказать, долженъ начаться; но такъ какъ уже полдень, а на первой страницѣ денежные отчеты, то пусть полежитъ такъ до послѣ-обѣда, а я пойду одѣваться, ибо вечеромъ я отправлюсь на любительскій концертъ. Александръ и графъ Платонъ Зубовъ будутъ играть на скрипкѣ, Елисавета, Александра и Елена будутъ пѣть, а акомпанировать имъ на фортепьяно будетъ великая княжна Марія, которая удивительно любитъ музыку; ей девять лѣтъ, а она уже кончила съ Сарти изученіе генералъ-баса. Сарти говоритъ, что у ней замѣчательный музыкальный талантъ, и кромѣ того она очень умна, имѣются способности ко всему, и будетъ современемъ преразумная дѣвица. Она любитъ чтеніе и проводитъ за книгой цѣлые часы, по словамъ генеральши Ливенъ; притомъ она очень веселаго, живаго нрава и танцуетъ какъ ангелъ. Вообще довольно красивая семья. Тяжелый обозъ три дня тому назадъ уѣхалъ въ Гатчину. Довольно. Кошки дома нѣтъ, мышкамъ воля, радость и счастье.

7 Апрѣля. Вчерашній концертъ вполнѣ удался; были тамъ и Литовскіе депутаты. Я имъ сказала, что пригласила ихъ для того, чтобъ они ознакомились со мной и съ моей семьей. Между ними одинъ ста-

рикъ (котораго, кажется, Александръ и его супруга совсѣмъ очаровали) сказалъ мнѣ, что отъ нихъ должны родиться ангелы. Великая княгиня Елисавета настоящая сирена: у нея голосъ такъ и проникаетъ вамъ въ душу; я ее полюбила всею душою. Мужъ ея съ младенчества старался быть ко мнѣ какъ можно ближе, и все ему казалось мало, такъ что ребенкомъ онъ всегда тихонько прижимался ко мнѣ плечомъ; теперь онъ жену толкаетъ ближе ко мнѣ, чтобъ и она прижалась покрѣпче, потому что ему кажется, что ей тогда будетъ хорошо, когда она будетъ какъ можно ближе ко мнѣ. Онъ и самъ всячески старается объ этомъ; да, онъ дѣйствительно мой любимецъ. Вчера пѣніе и музыка продолжались три часа, и мамзель Марія такъ играла на фортепьяно, что теперь она во всей Литвѣ прослыветъ за необыкновенную музыкантшу.

Такъ вотъ какъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я только третьяго дня узнала, что вы въ 1740 году принимали участіе въ органистѣ большаго монастыря Базилѣ. Помню, что зима тогда была очень суровая, и я страшно мерзла въ Штетинѣ, сидя у ногъ матери, а она любила сидѣть на ступенькѣ возлѣ задѣланнаго окна и всегда ставила тамъ себѣ стулъ.

Конечно, въ замѣчательныхъ людяхъ никогда не бываетъ недостатка, такъ какъ люди зависятъ отъ обстоятельствъ, а обстоятельства зависятъ отъ людей. Мнѣ никогда не приходилось отыскивать людей; но у меня всегда подъ рукой находились люди, которые мнѣ служили и всегда служили хорошо. Кромѣ того, я по временамъ люблю новыхъ людей: работа идетъ хорошо, когда они работаютъ вмѣстѣ и рядомъ съ прежними. Это все равно, какъ когда въ пьесѣ кстати и во время вводятъ новое лицо для оживленія дѣйствія: благодаря имъ, машина не ржавѣетъ.

8-го Апрѣля, въ 7 часовъ утра. По моему мнѣнію, Кобленцскій съѣздъ сдѣлалъ одинъ только промахъ, именно не съумѣлъ лучше употребить громадныя суммы, которыя были у него въ распоряженіи. Еслибъ только онъ вооружилъ десять тысячъ Французовъ и подъ начальствомъ принцевъ овладѣлъ какимъ нибудь укрѣпленіемъ, у него тотчасъ бы явилась точка опоры во Франціи, особенно въ то время, когда злодѣи еще не успѣли сформировать ни одного полка какъ слѣдуетъ; но они вмѣсто того захотѣли взять Страсбургъ, чтобъ тамъ провести зиму и увѣряли, что у нихъ есть соумышленники въ городѣ. По мнѣ, это не то. Я имъ твердила о крѣпости. Я не согласна съ принцемъ Генрихомъ [1]) и утверждаю, что Французы любятъ неограниченную власть и что только при такомъ образѣ правленія и возможно будетъ потушить внутреннія смуты во Франціи. Франція дошла до изнеможенія, благодаря республикѣ, которая ей надѣлала столько зла. Да потомъ вѣдь республика всегда въ концѣ концовъ превращается въ монархію. Почитайте всемірную исторію, присмотритесь къ играмъ дѣтей и животныхъ: развѣ у нихъ всѣ равны по силѣ? Развѣ не всегда сильные покоряютъ слабыхъ?

---

[1]) Близкое знакомство съ Мирабо сильно подѣйствовало на принца Генриха,

9 Апрѣля. Какъ хорошо, что вы обратились съ своими задачами на преміи къ Петербургскому Экономическому Обществу! Оно съ самаго начала своего существованія отличалось геніальностью. Началò оно съ того, что шесть мѣсяцевъ продумало, гдѣ бы достать денегъ и наконецъ додумалось до остроумной мысли, что денегъ можно попросить у меня. Прошлый годъ я узнала, что ловкое общество ухитрилось, не знаю какъ, выхлопотать позволеніе печатать на мой счетъ издаваемыя имъ Записки, на что требовалось сто рублей въ годъ. Затѣмъ всякій годъ, подъ предлогомъ умноженія расходовъ, оно очень ловко вытягивало изъ моего собственнаго кармана до четырехъ тысячъ рублей, и это нѣсколько лѣтъ сряду, а деньги мои раздавало направо и налѣво и предлагало разные вопросы, одинъ пустѣе и глупѣе другаго. Я посмѣялась надъ первой геніальной выдумкой общества, также какъ смѣялась надъ снятіемъ осады Варшавы, но потомъ просто на просто разсердилась и сказала предсѣдателю, что подобные поступки называются мошенничествомъ, тѣмъ болѣе, что весь барышъ отъ продажи пресловутыхъ Записокъ, за которыя я и гривны не дамъ, шелъ въ ихъ же пользу. Тогда онъ отвѣчалъ, что онѣ совсѣмъ не раскупаются; а я на это сказала, что стало быть не къ чему ихъ и печатать и что отъ меня они уже не получатъ ни гроша на изданіе. Съ тѣхъ поръ не слышу объ обществѣ, ни объ ихъ экономіи; у меня же одной аксіомой прибыло, а именно: если какое нибудь экономическое общество не подаетъ примѣра, какъ существовать собственною экономіею, то не зачѣмъ ему и писать о способахъ къ умноженію чужаго благосостоянія.

10 Апрѣля. Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Калькскерѣ и подъ Ревелемъ (гдѣ онъ оказался большимъ трусомъ) прозвали въ насмѣшку Сидоромъ Ермолаичемъ, вздумалъ приплесть къ никогда не существовавшему заговору Неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя открыто упоминается въ его писаніяхъ и даже произносится на судебныхъ слѣдствіяхъ. Но еслибъ дѣйствительно былъ заговоръ, и я въ немъ участвовала, то ручаюсь вамъ, онъ бы удался. Армфельда, въ противность завѣщанію покойнаго короля, изгнали изъ совѣта регента за приверженность къ монархической власти, а на его мѣсто хотѣли посадить отъявленнаго якобинца, Рейтергольма. Армфельдъ уговорилъ покойнаго короля заключить миръ въ Верелѣ, и самъ составлялъ условія и подписывалъ вмѣстѣ съ генераломъ Игельштромомъ, чтò и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной кончины покойнаго короля. Онъ былъ страстно къ нему привязанъ и теперь перенесъ всю свою любовь на молодаго короля; онъ зналъ, что покойникъ, умирая, поручилъ мнѣ своего сына, зналъ, что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ всѣхъ его враговъ и что я говорила и покойному королю, и всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, что если отецъ признаетъ ребенка за своего сына, то никто уже не имѣетъ права оспаривать, тѣмъ болѣе, что король имѣетъ болѣе власти, чѣмъ всякой другой отецъ. Онъ видѣлъ, что всѣ дѣйствія регента шли въ разрѣзъ какъ съ убѣжденіями покойника, такъ

и съ интересами юнаго короля, и уѣхалъ изъ Швеціи. Но онъ писалъ слишкомъ откровенныя письма къ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ въ Швеціи, а потомъ къ этому еще присоединилась ревность съ стороны регента: по свѣту ходятъ два собственноручныя любовныя письма регента къ дѣвицѣ Руденскіольдъ, любовницѣ Армфельда. Регентъ вздумалъ приказать, чтобъ ее высѣкли, велѣлъ везти ее на эшафотъ и потомъ заперъ въ смирительный домъ, вѣроятно, за то, что она предпочитала Армфельда его королевскому высочеству. Кромѣ того, регенту вездѣ мерещатся заговорщики, а доказать существованіе заговоровъ онъ не можетъ. Убійца покойнаго короля былъ одинъ только наказанъ за свое преступленіе, но при этомъ многіе подверглись заточенію, другіе безъ всякаго суда были отставлены отъ должности. Неаполитанскому двору онъ объявилъ войну, а къ намъ придирается безпрестанно за пустяки. Мнѣ, конечно, все равно; еще неизвѣстно, кто будетъ въ проигрышѣ. Регентству скоро будетъ конецъ, и еслибъ я только вмѣшалась въ дѣло, то оно покончилось бы еще скорѣе; но въ Швеціи всѣ думаютъ, какъ и я, что изъ-за глупца не стоитъ заводить шуму. Правда, онъ задираетъ меня при всякомъ случаѣ, и теперь посланникъ его г. Стедингъ играетъ жалкую роль, тогда какъ прежде обязанности его были очень пріятныя, а въ будущемъ предполагалось еще нѣчто лучшее. Покойный король желалъ женить сына на старшей изъ моихъ внучекъ; онъ и сыну внушилъ такое сильное желаніе, что тотъ только объ одномъ и мечталъ. Дѣвица моя можетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей участи до совершеннолѣтія короля, такъ какъ ей всего одиннадцать лѣтъ. Если же дѣло разойдется, она можетъ утѣшиться; потому что тотъ будетъ въ убыткѣ, кто женится на другой. Я могу смѣло сказать, что трудно найти равную ей по красотѣ, талантамъ и любезности, не говоря уже о приданомъ, которое для небогатой Швеціи само по себѣ составляетъ предметъ немаловажный; кромѣ того бракъ этотъ могъ бы упрочить миръ на долгія лѣта. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: обидами да оскорбленіями мира имъ не купить, да кромѣ того еще нужно, чтобъ король ей самой понравился.

Депутаты отъ Литвы и отъ Курляндіи пріѣхали сюда не для того, чтобъ предъявлять свои условія, но просто чтобъ просить уравненія съ другими областями государства, т. е. учрежденія губерній. Я имъ сказала, что это само собой разумѣется и что тотчасъ же будетъ приступлено къ предварительнымъ распоряженіямъ, т. е. будутъ опредѣлены округи, дѣла раздѣлены на четыре разряда, будутъ приготовлены зданія для взиманія податей, присутственныя мѣста и установлено внутреннее ихъ распредѣленіе. Обыкновенно, для всего этого требуется не менѣе года, но такъ какъ тоже дѣло уже приходилось дѣлать разъ сорокъ или даже больше, то теперь есть много людей, вполнѣ съ нимъ освоившихся; мало по малу оно стало что̀ нотная бумага, и всѣ имъ довольны, и я тоже.

Палласъ отправился на житье въ Тавриду. Въ тотъ разъ онъ мнѣ сказалъ, что самыя выдающіяся событія моего царствованія были

война и миръ съ Швеціей. Видите, ученые и тутъ суются съ мнѣніемъ. Есть одна причина, почему всѣ такъ остались довольны мною: я была одна, почти безъ помощниковъ, и такъ какъ я постоянно боялась сдѣлать упущеніе по незнанію или по забывчивости, то и принялась за дѣло такъ ретиво, какъ и не ожидала отъ себя. Я вдавалась въ такія подробности, что взяла на себя даже заботы о продовольствіи войска, и по мнѣнію всѣхъ никогда еще солдаты не получали такаго хорошаго продовольствія въ такой мѣстности, которая и безъ того представляетъ мало средствъ къ существованію. Одинъ разъ графъ Пушкинъ пришелъ мнѣ сказать, что ему нужно четыреста телѣгъ и восемьсотъ лошадей. Это было въ полдень, я тотчасъ же послала въ Царское Село съ приказаніемъ спросить у крестьянъ, сколько телѣгъ и лошадей могутъ они пожертвовать добровольно; тѣ отвѣчали, что они жертвуютъ все требуемое количество, и къ шести часамъ вечера у графа Пушкина уже было четыреста двуконныхъ телѣгъ, которыя и остались въ Финляндіи при арміи до Октября. Въ другой разъ, я послала сказать казеннымъ крестьянамъ Петербургской губерніи, что мнѣ нужны рекруты, чтобъ они прислали, сколько сами хотятъ: они собрали 75 человѣкъ съ тысячи, что̀ составляетъ громадную цифру. У меня еще оставалось въ резервѣ 22,000 человѣкъ, которыхъ могъ поставить одинъ Петербургъ; но они не понадобились, хотя и были совершенно готовы и вооружены. Такимъ образомъ можно сказать, что воевала одна только Петербургская губернія. Но, надо быть, и остальныя губерніи тоже хотѣли принять участіе въ войнѣ, потому что онѣ мнѣ предложили поставить по батальону и по эскадрону съ каждой. Я отказалась, потому что не было въ томъ никакой необходимости, и по замиреніи распустила по домамъ всѣхъ здѣшнихъ рекрутъ съ медалью въ петлицѣ.

10 Апрѣля 1795, въ 4 часа послѣ обѣда.

Я не знаю, изъ чего дѣлаются Бестужевскія капли; знаю только, что въ составъ ихъ входитъ желѣзо, что ихъ даютъ вмѣсто хинины и отъ всякаго рода заваловъ; я ихъ даю и кстати и не кстати. Между прочимъ Константину они спасли жизнь, и всѣ окружающіе меня постоянно ихъ употребляютъ и всегда съ успѣхомъ. Моя горничная захворала въ одно время со мной; она лежала въ постели, а я нѣтъ, и я навѣщала ее по нѣскольку разъ въ день, чтобъ она меня видѣла, потому что она гораздо больше тревожилась обо мнѣ, нежели о себѣ самой; наконецъ, я же и ее вылѣчила Бестужевскими каплями. Но что̀ такое съ вами, и отъ чего вы все жалуетесь на здоровье? Если бы вы были здѣсь, я бы васъ заставила принимать Бестужевскія капли: онѣ помогаютъ отъ истерики, вѣтровъ и даже отъ судорогъ.

Насчетъ контръ-революціи положитесь на самихъ Французовъ: они это дѣло сдѣлаютъ лучше, чѣмъ всѣ союзные государи. Они уже усиленно принялись за него. По моему мнѣнію, когда вся эта сволочь, цареубійцы, будетъ истреблена, ихъ мѣсто займутъ иные люди, не такіе злодѣи какъ тѣ, и имъ уже не будетъ такой выгоды защи-

щать подлые парадоксы. Но чтобы съ успѣхомъ управлять ими, нужно короля очень и очень способнаго и очень и очень находчиваго. Между прочимъ онъ долженъ имъ сказать вотъ что: «Господа, я желаю блага всѣмъ и каждому въ отдѣльности; это моя страсть, и въ ней заключается и мое счастіе, и ваше; прошу васъ помогать мнѣ въ достиженіи этой цѣли». Потомъ нужно будетъ вытаскивать одинъ за другимъ изъ политическаго тѣла Франціи всѣ безпокоющіе его гвозди. Спѣшить не нужно, но нужно трудиться безъ отдыха и всякій день стараться понемногу устранять препятствія по мѣрѣ того, какъ они будутъ появляться; выслушивать всѣхъ терпѣливо и дружелюбно, во всемъ выказывать чистосердечіе и усердіе къ дѣлу, заслужить всеобщее довѣріе справедливостью и непоколебимою твердостью въ примѣненіи правилъ, которыя признаны необходимыми для возстановленія порядка, спокойствія, личной безопасности и законнаго пользованія собственностью; всѣ споры и процессы передать на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, оказывать покровительство всѣмъ угнетеннымъ, не имѣть ни злобы на враговъ, ни пристрастія къ друзьямъ. Если карманы пусты, то прямо такъ и говорить: «Я бы радъ вамъ дать, но у меня нѣтъ ни гроша». Если же есть деньги, то не мѣшаетъ при случаѣ быть щедрымъ. При подобномъ образѣ дѣйствій черезъ полгода все пойдетъ иначе.

11 Апрѣля 1795.

Валерьянъ здѣсь; онъ ходитъ очень проворно на костыляхъ, заказалъ себѣ удивительнѣйшую ногу, которую доктора запретили ему покуда показывать, потому что боятся, какъ бы онъ не надѣлъ ее прежде, чѣмъ закроется рана. Она уже почти зажила, но нашъ молодецъ разъ, въ пылу разговора, позабылъ, что у него недостаетъ полноги, вскочилъ со стула и растянулся на полу, отчего рана вновь открылась, и всѣ перевязки свалились. Но вообще онъ здоровъ и все такой же красавецъ какъ прежде.

16 Апрѣля 1795.

Послушай, козелъ отпущенія, друженъ ты съ герцогинею Мекленбургской, бывшей, кажется, принцессой Саксенъ-Готской, или нѣтъ? Если друженъ, то поручается козлу отпущенія, отложивъ въ сторону всякое пристрастіе къ Нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ, представить мнѣ правдивое описаніе всѣхъ на возрастѣ дочерей вышеупомянутой герцогини, и если возможно сообщить мысли отца, матери и дочерей насчетъ вѣроисповѣданія. До сихъ поръ всѣ они въ той странѣ слыли за строгихъ и ревностныхъ протестантовъ, не допускающихъ никакихъ измѣненій. Прошу мнѣ отвѣчать на это самымъ точнымъ образомъ. Сколько у нихъ въ семьѣ дочерей большихъ и маленькихъ? Одинъ долговязый юноша, при видѣ счастливаго супружества старшаго брата, и спитъ, и видитъ, чтобы и съ нимъ было тоже самое. Пылкій характеръ мальчика проявляется во всемъ. Ну, козелъ отпущенія, отвѣчай какъ можно скорѣе: что̀ знаешь, и чего не знаешь?

4.

Безъ года.

Печатано въ Академіи, больше я ничего не нашла. Но я вамъ могу все объяснить: такъ какъ я не осмѣлилась помѣстить въ исторію свои соображенія на счетъ Рюрика, потому что они основывались только на нѣсколькихъ словахъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Нестора и еще на одномъ мѣстѣ въ исторіи Швеціи Далина, а въ это время я читала Шекспира понѣмецки, то и вздумала въ 1786 году написать на это драму; драма была напечатана. Никто тогда не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было исполнено на сценѣ, а я уѣхала въ Тавриду. Въ 1792 году покойный Болтинъ прислалъ мнѣ съ Пушкинымъ, бывшимъ тогда прокуроромъ Синода, свои возраженія на Россійскую Исторію князя Щербатова. Такъ какъ они много занимались изученіемъ исторіи Россіи, я съ радостью представила свои историческіе наброски на строгій судъ Болтина и однажды сказала Пушкину, что помѣстила свои догадки въ драмѣ, но что никто не обратилъ на нее вниманія. Оказалось, что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда ея не видали и не читали. Когда драма попала въ руки къ Болтину, онъ придѣлалъ къ ней замѣчанія и просилъ позволенія напечатать вмѣстѣ съ замѣчаніями, что̀ и было имъ исполнено. Несторъ же говоритъ, что Гостомыслъ, Славянскій князь, княжившій въ Новгородѣ, умирая просилъ выбрать въ князья на свое мѣсто князей, снискавшихъ себѣ славу въ прошлыя войны, именно Рюрика, Синеуса и Трувора. Они были его внуки, дѣти его старшей дочери. Далинъ говоритъ, что въ древности на Сѣверѣ считалось за стыдъ не только для князя, но и для всякаго знатнаго человѣка, если онъ не бывалъ въ морской службѣ. Стало быть, нужно искать въ седьмомъ столѣтіи, когда происходили главнѣйшія морскія войны, и оказалось, что тамъ наши три князя занимаютъ почетное мѣсто. Къ вашимъ услугамъ, вотъ вамъ наша откровенная исповѣдь, хотя въ настоящую минуту я безъ духовника: мой духовникъ ослѣпъ и умеръ нынѣшнимъ лѣтомъ къ моему великому прискорбію и къ сожалѣнію всего Петербурга. Никто не запомнитъ такаго многолюдства, какое было на его погребеніи.

5.

Въ Царскомъ Селѣ, 11-го Іюня 1795.

Вотъ что я вамъ скажу касательно поѣздки г-жи Бюэль въ Россію, такъ какъ вы хотите, чтобы я рѣшила этотъ вопросъ и просите дать вамъ помѣщеніе при дворѣ. Вотъ теперь я и хлопочу, гдѣ бы васъ помѣстить. Въ настоящую минуту Зимній дворецъ не то, что̀ прежде, когда вы пріѣзжали ко мнѣ въ свитѣ покойной ландграфини: тогда насъ было только двое, я да сынъ; теперь же тутъ помѣщается женатый сынъ, семеро его дѣтей, изъ которыхъ одинъ сынъ уже женатъ, другой скоро женится, и весь необходимый штатъ. Второй сынъ долженъ будетъ помѣститься въ другомъ домѣ, рядомъ, который теперь передѣлываютъ и устроиваютъ для него; онъ будетъ примыкать

къ Эрмитажу. Стало быть, чтобы успѣть вамъ приготовить жилище въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ я провожу бо̀льшую часть года, я должна отложить удовольствіе васъ видѣть до будущей весны, когда вы отправитесь въ путь. Я тогда успѣю вамъ выслать денегъ, и вы поѣдете съ дѣтьми лѣтомъ, найдете меня на дачѣ и къ зимѣ переселитесь въ свое жилище.

12-го Іюня. Но послушайте, какая у меня пренепріятная исторія съ принцемъ Ксаверіемъ Саксонскимъ! Онъ помѣстилъ своего сына ко мнѣ на службу, я его произвела недавно въ полковники. Вдругъ онъ затѣялъ ссору съ маленькимъ княземъ Щербатовымъ, мальчикомъ лѣтъ 15-ти или 16-ти, не больше. Вмѣсто того, чтобы стараться ихъ помирить, нашлись вздорные люди, которые еще больше запутали все дѣло; наконецъ дошло до того, что разъ, выходя изъ театра, шевалье дё Саксъ публично далъ пощечину тому молокососу, а молокососъ въ отвѣтъ ударилъ его премаленькой, маленькой тросточкой по лицу. Полиція вступилась и задержала обоихъ; тогда нѣкто г. Макартней собралъ толпу молодежи и хотѣлъ ихъ отбить у полиціи, но та исполнила свою обязанность. Былъ составленъ актъ, и шевалье дё Саксъ и Макартней за противодѣйствіе закону и нарушеніе общественнаго спокойствія были высланы за границу съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію. Теперь принцъ Ксаверій проситъ меня простить его сына, но я этого сдѣлать не могу. Пятнадцатилѣтняго молокососа отправили къ отцу въ деревню; пусть отецъ выпоретъ его, коль хочетъ; но онъ мальчикъ очень тихій, между тѣмъ какъ шевалье дё Саксъ взрослый верзила, вдвое выше и сильнѣе его, и здѣсь онъ уже начиналъ нравиться болѣе женщинамъ, чѣмъ мущинамъ. Вообще, прескверная исторія. Я все сдѣлала, что̀ слѣдовало, и въ двадцать четыре часа дѣло было покончено и навсегда. Говоря по правдѣ, всѣ эти эмигранты—превздорные люди; но одно изъ двухъ: или они перемѣнятся въ Россіи, или должны будутъ выѣзжать.

6.

25-го Августа 1795, изъ Таврическаго дворца.

Ну чтожъ, козелъ отпущенія, вы поднимаете носъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались учителемъ графа обѣихъ имперій? Но вы, можетъ быть, не знаете, что онъ подписываетъ свое имя мельчайшими буквами, вопервыхъ, по своему смиренію, вовторыхъ, чтобъ всѣ знали, что онъ пишетъ безъ очковъ. Кромѣ того, когда онъ обращается къ кому нибудь съ вопросомъ, то нужно ему отвѣчать тотчасъ же, безъ малѣйшей запинки и никогда не говорить: «не знаю», потому что онъ тогда приходитъ въ ужаснѣйшій гнѣвъ; но отвѣтъ, какъ бы нелѣпъ ни былъ, никогда не разсердитъ его. Вообще онъ большой чудакъ, притомъ человѣкъ чрезвычайно даровитый и начитанный, но у него пропасть странностей, которыя ему иногда вредятъ.

31-го Августа, послѣ обѣда. Часа два тому назадъ скончался Бецкій 93-хъ лѣтъ отъ рожденія; уже почти семь лѣтъ, какъ онъ впалъ въ младенчество, иногда переходившее въ безуміе, и десять лѣтъ, какъ ослѣпъ. Когда кто нибудь навѣщалъ его, онъ всегда говорилъ:

«Если Императрица будетъ васъ спрашивать, что̀ я дѣлаю, скажите, что я занимаюсь съ своими секретарями». Онъ особенно отъ меня скрывалъ потерю зрѣнія, боясь, чтобъ я не отставила его отъ занимаемыхъ имъ должностей; но въ сущности, уже давно другіе правили дѣлами вмѣсто него, только онъ этого не зналъ.

11-го Сентября. Вчера я присутствовала при спускѣ 74-хъ пушечнаго корабля, названнаго Елисаветой. Онъ двинулся очень быстро, точь въ точь, какъ ходитъ сама великая княгиня. Барыня эта имѣетъ у насъ большой успѣхъ: она мила и кротка, какъ ангелъ. Кому угодно, пусть оказываютъ помощь марабутамъ; но я надѣюсь, что, когда бы намъ ни пришлось имѣть съ ними дѣло, Господь поможетъ намъ разрушить козни нашихъ враговъ явныхъ и тайныхъ; всѣ они занимаются вздоромъ. Будьте увѣрены, что Фоксъ также мало расположенъ къ Русскимъ, какъ и Питтъ; но Фоксъ былъ противъ войны съ Россіей, потому что нація не желала войны, а желалъ только одинъ дворъ, и Питтъ былъ на столько уменъ, что уступилъ, видя, что ему не переспорить. Какъ и многіе другіе, онъ полагалъ, что насъ можно запугать и заставить подписать что-то въ родѣ Рейхенбахской конвенціи, но они ошиблись: запугиванья никогда еще на насъ не дѣйствовали по той причинѣ, что бояться никогда не годится, да храбрая нація и не захочетъ дѣйствовать изъ страха, который всегда ведетъ за собой позоръ. Если интересы Великобританіи не заставятъ Питта быть въ дружбѣ съ Россіей, то конечно ужъ никакой другой интересъ не привлечетъ на мою сторону ни его, ни Фокса. Какому нибудь маленькому государству, можетъ быть, выгодно скрывать свои силы, но развѣ можно скрыть силы Россіи? И все-таки ихъ или совсѣмъ не знаютъ, или плохо еще знаютъ; у насъ въ Россіи есть такіе народы, которыхъ, явись только какой нибудь врагъ, разомъ можно поднять, и они пойдутъ съ оружіемъ и обозомъ противъ кого угодно; если же придется имѣть дѣло съ жалкими Китайскими войсками, то у насъ во всякомъ случаѣ больше войска, чѣмъ сколько нужно.

16-го Сентября. Выслушайте о Польшѣ историческое Евангеліе, подлинность котораго я могу доказать письменными свидѣтельствами. До 1386 года Польшу составляли воеводства Краковское, Сендомирское, Мазовецкое и страна по ту сторону Вислы, которая называется Великой Польшей. Въ 1386-мъ году Польская королевна Гедвига вышла замужъ за Ягайлу, великаго князя Литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, великаго князя Русскаго, который отдалъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому Литву, потомъ по наслѣдству перешедшую въ родъ этого Изяслава. При раздѣлѣ я не получила ни единой пяди Польской земли; но и Червонная Русь, Кіевское воеводство, Подолія, Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ и у Поляковъ носили тѣже названія. Владиміръ былъ основанъ княземъ Владиміромъ I-мъ въ 992-мъ году, а Литва и Самогитія никогда не составляли коренныхъ частей Польши. Если же мнѣ не принадлежитъ ни единой пяди Польской земли, то я не могу принять титула Польской королевы. Сверхъ то-

го, коль скоро у націи отнято даже самое имя, то по моему мнѣнію она это заслужила, потому что сама нарушала договоры, упрочивавшіе ея государственное существованіе, не принимала ничьихъ совѣтовъ и наконецъ дошла до такаго разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые бы въ чемъ нибудь согласились между собою. Продажный народъ, испорченный, легкомысленный, болтливый! Всѣ они притѣснители, мечтатели, имѣнія свои роздали въ управленіе Жидамъ, а тѣ высасывали кровь изъ народа, и господа получали отъ того немного выгоды. Вотъ вамъ Поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью Польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у Прусскаго короля сына, у Вѣнскаго двора эрцгерцога, и все это въ одно время, у Испанскаго короля инфанта, у дома Бурбоновъ одного изъ принцевъ, а у себя ставили законъ, чтобъ королю быть изъ рода Пястовъ. Вѣдь это безсмыслица, но въ Польской головѣ она прекрасно укладывается.

17-го Сентября. Я не могу содержать посланника въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, потому что до сихъ поръ еще не признала ихъ независимости. О возстановленіи Греческой имперіи тоже не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы съ Турціей въ мирѣ, и не ищемъ, и не желаемъ войны. Впрочемъ намъ извѣстно, что Селима подучаютъ объявить намъ войну, и что его величество усердно къ ней готовится: по его приказанію шесть сотъ солдатъ обучаются на Европейскій ладъ, къ негодованію Янычаръ, которые выражаютъ свой гнѣвъ тѣмъ, что поминутно поджигаютъ то ту, то другую лачугу въ Константинополѣ; кромѣ того, подъ предлогомъ усмиренія пашей, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ направлены къ берегамъ Дуная, гдѣ заготовляются огромные запасы продовольствія. Ну, чтожъ, на здоровье! Это не въ первый разъ. Kommt Zeit, kommt Rath (Придетъ время, образумятся).

Мы добыли изъ Голландіи отличныхъ инженеровъ и гидравликовъ.

В. к. Александръ поѣдетъ, можетъ быть, лѣчиться отъ глухоты въ Карлсбадъ, но никакъ не въ Англію: это черезъ чуръ далеко.

18-го Сентября. Изъ исторіи Россіи видно, что народы, жившіе на Сѣверѣ государства, легко подчиняли себѣ народы, жившіе на Югѣ; южные же жители, предоставленные самимъ себѣ, были всегда слабы и не имѣли прочнаго могущества, тогда какъ Сѣверъ легко обходился безъ Юга или безъ южныхъ странъ. Но по моему мнѣнію, настоящая столица имперіи еще не найдена, и по всей вѣроятности не мнѣ ее найти. Еслибъ въ Шведскую войну меня здѣсь не было, то потребовалось бы шестьдесятъ тысячъ лишняго войска для противодѣйствія стремительному нападенію Шведовъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ, 19-го Сентября послѣ обѣда. Если толстякъ Вильгельмъ выпуститъ на меня своего болвана Мадалинскаго, я выпущу на него своего простака Костюшку; онъ все хвораетъ, потому я и помѣстила его въ домѣ Штегельмана, гдѣ прежде жилъ покойный графъ Ангальтъ; при домѣ небольшой садикъ, и

тамъ онъ можетъ гулять. Онъ кротокъ какъ овечка, но я думаю, не прочь подраться съ толстякомъ.

20-го Сентября 1795.

Козелъ отпущенія и Шотландскій пэръ оба хвалятъ 33-хъ лѣтнее царствованіе, а вотъ какой-то секретаришка Саксонскаго посольства Гельбигъ [2]) то и дѣло бранитъ его и на словахъ, и на письмѣ, и даже на улицѣ толкуетъ въ томъ же духѣ съ прохожими. Онъ мой личный врагъ и ненавидитъ все Русское. Двадцать разъ я обращалась къ Саксонскому двору съ просьбою его отозвать отсюда; но, должно быть, тамъ его письма очень цѣнятся, потому что онъ все еще здѣсь. Недавно я сдѣлала послѣднюю попытку, и если послѣ этого все-таки не отзовутъ его, то я прикажу посадить его въ кибитку и отвезти на границу; право, бездѣльникъ становится черезъ чуръ дерзокъ. Если вы или Шотландскій пэръ имѣете тамъ какое нибудь вліяніе, то помогите мнѣ выпроводить отсюда ненавистника вашей любимицы и ея 33-хъ лѣтняго царствованія, которое вы находите столь исполненнымъ чудесъ.

7.

6 и 7-го Октября 1795.

Правду сказать, графъ Головинъ существо столь же способное, какъ и наклонное къ происканъ. Оттого во многихъ мѣстахъ, а именно въ Вѣнѣ ему перестали вѣрить. Тамъ онъ не кстати и безъ толку съекшался съ Лукезини. Вопервыхъ, онъ какъ пріѣхалъ, въ Неаполь, сейчасъ же присталъ къ Италинскому; они во всемъ сходятся, говоритъ Головкинъ: къ чему терять время, сейчасъ надо подружиться. Замѣтьте, Италинскій получаетъ такое же жалованье, какъ и всѣ другіе; по пріѣздѣ сюда, ему дадутъ мѣсто, если онъ выйдетъ изъ дипломатіи, безъ Головкина и безъ его рекомендаціи. Головкинъ никогда не бывалъ въ нашихъ Черноморскихъ губерніяхъ и говоритъ наобумъ о чиновникахъ, которыхъ не знаетъ; слѣдовательно все, что̀ онъ замѣчаетъ мимоходомъ о неспособности чиновниковъ, лишено всякаго основанія. Генералъ-губернатору графу Платону Александровичу Зубову постоянно приходится уличать во лжи господина посланника. Не знаю, про какихъ людей онъ говоритъ, которые окружаютъ меня и могутъ оскорбиться откровенностью г-на посланника. Самъ онъ, вѣрьте мнѣ, никогда не былъ въ такомъ положеніи, чтобъ ему приходилось жаловаться на неблагодарность облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Онъ уѣхалъ не по своей волѣ; но такъ какъ его считали за человѣка умнаго и способнаго къ выполненію новыхъ обязанностей, то и дали ему это мѣсто, чему онъ былъ крайне радъ. Особенными милостями онъ никогда не пользовался. Но вотъ вамъ достаточно яркая черта: получивъ все, что̀ дается обыкновенно людямъ въ его положеніи, онъ отправился къ графу Зубову съ просьбою передать мнѣ, что онъ не можетъ ѣхать, если ему не дадутъ еще восьми тысячъ кромѣ того, что̀ ему уже выдали. Я велѣла ему сказать, что не сдѣлаю для него больше, чѣмъ для другихъ. Послѣ

[2]) Авторъ книги Russische Günstlinge.

того онъ уже не былъ у графа Зубова, но еще долго оставался въ городѣ; кто-то повстрѣчалъ его и спросилъ: «Отчего вы перестали бывать у Зубова?» и Головкинъ отвѣчалъ: «Мы переписываемся раза по два или по три на дню, съ насъ довольно». Никакой переписки не бывало [3]). Мои принцессы пріѣхали вчера, 6-го Октября вечеромъ; онѣ прехорошенькія. Сегодня утромъ, 7-го Октября, генералъ Будбергъ передалъ мнѣ ваше письмо и посылки; отвѣчать буду завтра. NB. Это завтра протянулось до сегоднишняго дня, до 9-го Октября; кромѣ обычной суматохи пришлось такъ много заниматься Константиномъ и всѣмъ, что̀ до него касается, что у меня не было ни минуты свободной, и я устала до нѐльзя. Наслѣдная принцесса Саксенъ-Кобургская прекрасная, достойная уваженія женщина; дочки у нея хорошенькія. Жаль, что нашъ женихъ долженъ выбрать только одну, хорошо бы оставить всѣхъ трехъ; но, кажется, нашъ Парисъ отдастъ яблоко младшей: вотъ увидите, что онъ предпочтетъ Юлію сестрамъ. Всѣ кто ее видѣли, т. е. человѣкъ двѣсти, въ одинъ голосъ говорятъ: «Онъ выберетъ Юлію», и дѣйствительно шалунья Юлія лучше всѣхъ. Вы видите, насколько это согласно съ вашей запиской, которую я распѐчатала и прочла прежде письма, не смотря на ваше строгое запрещеніе.

Картины Терезины прелестны. Благодарю герцогиню Готскую за присылку сочиненія барона Тюммеля. Скажите, пожалуста, каковъ второй сынъ герцогини, красивъ ли, уменъ ли, добръ? Я хочу собрать справки о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ Германскихъ государей и когда у меня будетъ полный списокъ, я выберу сколько будетъ нужно для моихъ невѣстъ, а онѣ будутъ выбирать себѣ каждая мужа по сердцу, и которая кого выберетъ, выведетъ мужа въ люди. Я начинаю съ младшаго Готскаго; есть еще младшій сынъ въ Кётенѣ, его тоже можно залучить; если можете сообщить о немъ кое-какія свѣдѣнія, крайне меня обяжете. Но не говорите никому о моей погонѣ за женихами; я не хочу, чтобы о томъ разглашали до поры до времени. Царствующихъ принцевъ мнѣ не нужно, а только младшихъ, у которыхъ нѣтъ ничего кромѣ званія.

11-го Октября. Принцъ Генрихъ теперь хлопочетъ женить молодаго Шведскаго короля на принцессѣ Мекленбургской; онъ же устроилъ бракъ князя Радзивила съ дочерью принца Фердинанда. Умникъ нашъ на старости лѣтъ сталъ сводникомъ; если вамъ вздумается жениться, обратитесь къ нему.

14-го Октября. Всѣ, даже самъ Прусскій министръ, говорятъ, что принцъ Генрихъ во всемъ слѣдуетъ образу мыслей Филиппа Эгалите, оставившаго по себѣ такую позорную память.

14 Октября, послѣ обѣда. Дѣло сладилось: Константинъ женится на Юліи, и они въ восторгѣ другъ отъ друга. Глядя на милую парочку, мать и всѣ окружающіе то плачутъ, то смѣются; жениху

---

[3]) Этимъ свидѣтельствомъ подтверждаются отзывы графа Ростопчина въ осьмой книгѣ «Архива Князя Воронцова».

16 лѣтъ, невѣстѣ 14. Оба проказники! Вѣроятно, завтра отправится курьеръ въ Кобургъ.

8.

8-го Ноября 1795.

Въ царствованіе Людовика XIV Французская школа живописи отличалась благородствомъ въ изображеніяхъ, и можно было ожидать, что она сумѣетъ сочетать умъ съ благородствомъ и пріятностію. Теперь пріѣзжаетъ къ намъ г-жа Лебрёнъ, въ Августѣ, когда я перебралась въ городъ и увѣряетъ, что можетъ соперничать съ Анжеликой Кауфманъ, которая несомнѣнно умѣетъ придать благородство своимъ фигурамъ; даже больше: ея фигуры отличаются идеальной красотой. Соперница Анжелики для перваго опыта рисуетъ портретъ великихъ княженъ Александры и Елены; у первой изъ нихъ благородное, выразительное лицо и царственная осанка; вторая—красавица въ полномъ смыслѣ слова и смотритъ совершенною невинностью. Г-жа Лебрёнъ усаживаетъ обѣихъ на диванъ, заставляетъ младшую совсѣмъ вывернуть шею, и выходятъ точно двѣ обезьяны, которыя грѣются на солнцѣ, или, если хотите, двѣ отвратительныя маленькія Савоярдки, съ виноградными кистями въ волосахъ какъ у Вакханокъ, въ какихъ-то малиновыхъ съ фіолетовымъ туникахъ; однимъ словомъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но обѣ сестры такъ обезображены, что люди спрашиваютъ, которая изъ нихъ старшая и которая младшая. Приверженцы г-жи Лебрёнъ превозносятъ картину до небесъ; но на мой взглядъ это дрянь, потому что безъ всякаго вкуса и благородства, да и сходство-то отсутствуетъ; нужно большое тупоуміе, чтобы, имѣя передъ глазами такой оригиналъ, не сумѣть ничего изъ него сдѣлать: нужно было рисовать природу какъ она есть, а не придумывать такія положенія, что вышли обезьяны вмѣсто людей.

9.

12-го Декабря 1795.

Святой чудотворецъ вашъ, объ отъѣздѣ котораго вы такъ жалѣли, теперь здѣсь; онъ, кажется, утѣшаетъ свою двоюродную сестру [4]), неутѣшную вдову. При жизни мужа она двадцать разъ собиралась съ нимъ разводиться, потому что онъ былъ человѣкъ непріятный, невыносимый для нея и для всѣхъ, а теперь вотъ уже 7 мѣсяцевъ какъ она въ такомъ горѣ, какое я вижу за нею въ первый разъ: заперлась въ какомъ-то мезонинѣ на третьемъ этажѣ и не выходитъ даже подышать воздухомъ; все это отъ упрямства и по духу противорѣчія. Пусть дѣлаетъ, что̀ хочетъ; посмотримъ, что̀ будетъ дальше.—Такъ какъ г. Клерфельдтъ ѣдетъ впереди васъ, то вамъ нечего бояться разбойниковъ, и можно надѣяться, что вы зиму спокойно проживете въ Готѣ съ моими крестниками и съ ихъ матерью.

Германскому Солону [5]) не придется пировать на свадьбѣ у дочери фельдмаршала, потому что она уже вышла замужъ въ Апрѣлѣ и теперь скоро должна родить; фельдмаршалъ уже съ недѣлю какъ здѣсь

---

[4]) Екатерина хотѣла сказать: двоюродную тетку, т. е. А. Н. Нарышкину.

[5]) Т. е. королю Прусскому.

и завтра уѣзжаетъ въ Финляндію осматривать значительныя укрѣпленія, построенныя по его указаніямъ.

14-го Декабря 1795. 18 и 19 градусовъ мороза.

У насъ уже съ мѣсяцъ гоститъ знатный Персіанинъ, Муртаза-Кули-ханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его Ага-Мехметъ-ханъ выгналъ его изъ его владѣній. Онъ человѣкъ очень умный и притомъ вѣжливый и обходительный. Онъ просилъ позволенія осмотрѣть Эрмитажъ въ четвертый разъ. Онъ проводитъ тамъ часа по три, по четыре сряду и все осматриваетъ какъ настоящій знатокъ: отъ его взгляда ничто не ускользаетъ; его поражаетъ все выходящее изъ ряду вонъ. Ему хотѣлось видѣть, какъ гравируютъ, какъ пишутъ картины; ему доставили это удовольствіе, и онъ простоялъ нѣсколько часовъ возлѣ гравера и живописцевъ. Его водили въ ложи Рафаэля, онъ тотчасъ же призналъ на потолкѣ всюду исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и заговорилъ о Библіи. Когда онъ увидалъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, то замѣтилъ, намекая на ложи Рафаэля: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія выдумана, потому что здѣсь рай земной». Въ сравненіи съ Персіянами Турки настоящіе мужики, особенно всѣ эти чванные дураки, дураки набитые, посланники, которыхъ присылали къ намъ нѣсколько разъ. Намедни на балу я черезъ переводчика велѣла сказать Муртазѣ-Кули-хану, что вѣроятно наши обычаи ему кажутся очень странными; онъ на это отвѣчалъ мнѣ, что было бы желательно, чтобы во многомъ у нихъ стали намъ подражать. Отвѣты его всегда мѣтки и разумны. На Георгіевскомъ праздникѣ, видя, что я обѣдаю вмѣстѣ съ кавалерами ордена, онъ захотѣлъ узнать всѣ подробности объ этомъ учрежденіи и потомъ вскричалъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе!» [6]).

15-го Декабря. Великій князь Константинъ все утро проговорилъ со мной о своемъ положеніи, что вотъ онъ женится въ Февралѣ мѣсяцѣ и будетъ жить въ Мраморномъ дворцѣ. Такимъ образомъ мы и болтали съ нимъ, помирали со смѣху и въ тоже время говорили серьёзно. Съ Константиномъ говоришь обо всемъ, всегда перескакивая изъ пятаго въ десятое; онъ очень остеръ.

25-го Декабря.

Ваши оба письма къ фельдмаршалу Суворову прелестны. Вчера онъ вернулся изъ Финляндіи, куда ѣздилъ осматривать, все ли сдѣлано по его указаніямъ и вернулся вполнѣ довольный своей поѣздкой, такъ какъ тамъ не осталось ни одного уголка, куда бы Шведы могли проникнуть, не встрѣтивъ сильнаго сопротивленія. Великая княжна Елена все хорошѣетъ. Но вы, можетъ быть, равнодушны къ красотѣ? Солонъ требуетъ добродѣтелей, какъ будто красота не добродѣтель, и притомъ весьма привлекательная! Не презирайте ни единаго изъ даровъ Неба; я такъ очень люблю красивые личики.

---

[6]) Сличи въ Чертковской библіотекѣ, въ комнатѣ Д, во 2-мъ шкапу, на 3-й полкѣ, книгу 4-ю, на Персидскомъ и Русскомъ языкахъ.

1796 годъ.

1.

5-го Января. Вотъ уже три дня, какъ я немного прихрамываю отъ ревматизма въ колѣнѣ, но это значитъ только, что я три года тому назадъ упала съ лѣстницы въ 15 ступенекъ, когда шла въ ванну и съ тѣхъ поръ, какъ дурная погода, такъ у меня начинаетъ болѣть ушибенное колѣно; случилось это за два дня до пріѣзда графа д'Артуа.

2.

18-го Февраля 1796.

Свадьба вел. кн. Константина была назначена 13-го, но въ Воскресенье у невѣсты его сдѣлалась лихорадка и такая страшная зубная боль, что пришлось отложить до Пятницы 15-го Февр., такъ какъ у ней щека распухла и одинъ глазъ сталъ совсѣмъ маленькій. Наконецъ, въ Пятницу ихъ обвѣнчали; въ мраморной Георгіевской залѣ былъ обѣдъ, потомъ балъ, послѣ котораго новобрачныхъ отвезли въ Мраморный дворецъ, гдѣ они теперь живутъ. На другой день они обѣдали у меня, а вечеромъ были балъ и вечерній столъ въ большой залѣ, которую не нужно смѣшивать съ Георгіевской (та гораздо меньше). Вчера, Воскресенье 17-го, мы всѣ отдыхали. Сегодня въ двѣнадцать часовъ дня было народное угощеніе, гдѣ всѣ очень веселились, а потомъ я обѣдала въ Мраморномъ дворцѣ у в. к. Константина. Я думаю, трудно найти домъ красивѣе и удобнѣе, гдѣ бъ было все такъ раскошно, изящно и съ такимъ вкусомъ. До обѣда и послѣ обѣда мы все осматривали домъ, и я осталась очень имъ довольна, и в. к. Константинъ тоже.

До сихъ поръ я чувствую себя очень хорошо, весела и легка какъ птица, по выраженію Понятовскаго, который такъ сказалъ генералу Пассеку, а тотъ сегодня передалъ мнѣ его слова. Ну чтожъ? Для 67-ми лѣтней женщины аттестатъ весьма похвальный; я вамъ передаю что̀ слышала. Что̀ вы на это скажете? Теперь жениховъ у меня больше нѣтъ, но за то пять невѣстъ; младшей только годъ, но старшей пора замужъ. Она и вторая сестра—красавицы; въ нихъ все хорошо, и всѣ ихъ находятъ очаровательными. Жениховъ имъ придется поискать съ фонаремъ, днемъ съ огнемъ. Безобразныхъ намъ не нужно, дураковъ тоже; но бѣдность не порокъ. Хороши они должны быть и тѣломъ, и душою. Коль попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ.

25-го Февраля 1796.

Вчера на маскарадѣ, великія княжны Елисавета, Анна, Александра, Елена, Марія, Екатерина, придворныя дѣвицы, всего двадцать четыре особы безъ кавалеровъ, исполнили Русскую пляску подъ звуки Русской музыки, которая всѣхъ привела въ восторгъ, и сегодня только и разговору объ этомъ и при дворѣ, и въ городѣ. Всѣ онѣ были одна лучше другой и въ великолѣпныхъ нарядахъ. Какъ видите, у насъ то и дѣло пиры. На будущей недѣлѣ начинается великій

постъ. Графъ Валерьянъ Зубовъ уѣхалъ начальствовать надъ войскомъ въ Персіи; говорятъ, братъ Муртазы-Кули-хана, похититель Ага-Мехметъ, стоитъ уже въ шестидесяти верстахъ отъ Дербента; его подъучили Турки. Наши передовые отряды стоятъ тоже не далеко отъ Дербента. Дербентъ въ горномъ проходѣ. Мы скоро узнаемъ, что̀ изъ этого выйдетъ.

3.

11-го Марта 1796.

Головкина отозвали изъ Неаполя, потому что онъ осмѣлился надѣлать дерзостей Неаполитанской королевѣ и потомъ имѣлъ наглость самъ написать ко мнѣ длинное подробное письмо о томъ что̀ сдѣлалъ.

14-го Марта. Еслибъ вы слышали, какъ играетъ и поетъ великая княжна Марія, вы бы навѣрное расплакались. Она играетъ и поетъ еще лучше, чѣмъ ея сестры танцуютъ менуетъ; а это много.

4.

Въ Таврическомъ дворцѣ, въ 5 часовъ пополудни, 11-го Мая 1796.

Очень, очень вамъ благодарна за ваше посланіе къ графу Лоссу; оно возымѣло свое дѣйствіе, потому что бездѣльника Гельбига[7]) тотчасъ же отозвали отсюда. Въ этомъ случаѣ вліяніе козла отпущенія оказалось сильнѣе вліянія всего Русскаго посольства, включая сюда Местмахера и Фёлькерзама, здѣшняго Саксонскаго посланника, который очень хорошо зналъ о поведеніи секретаря посольства, но довольствовался тѣмъ, что вздыхалъ и отписывалъ своему двору. Этотъ Гельбигъ былъ большой любимецъ графа Герца застегнутаго; онъ-то и помѣстилъ его сюда, чтобъ употребить въ дѣло его дарованія.

13-го Мая. Вчера я провела цѣлый день у оберъ-шталмейстера Нарышкина. Я отправилась въ два часа пополудни въ каретѣ вмѣстѣ съ великими княжнами Александрой и Еленой; за мной ѣхали великіе князья Александръ и Константинъ съ своими супругами. Ѣхали мы (изъ Таврическаго дворца на конецъ Мойки, гдѣ находится новый домъ оберъ-шталмейстера, замѣняющій ему весной Таврическій дворецъ) почти цѣлый часъ, такъ какъ это совсѣмъ на другомъ концѣ города. Мы нашли прекрасный домъ, великолѣпный обѣдъ и прелестный садъ, въ которомъ изобиліе цвѣтовъ. За обѣдомъ всѣ были очень веселы, а послѣ обѣда молодежь начала прыгать и плясать, такъ какъ было слишкомъ вѣтряно для прогулки. Къ вечеру танцующихъ еще прибавилось, и они протанцовали до девяти часовъ. Тогда я уѣхала съ моими дѣвицами. Мы пріѣхали домой въ четверть одинадцатаго, и такъ устали (я, хотя и не танцовала, и онѣ, потому что много танцовали), что сейчасъ же легли спать, т. е. я и мои обѣ красавицы.

Господи, Боже мой! Если бы вы знали, какъ я ненавижу всѣхъ этихъ агрономовъ и сельскихъ хозяевъ, которые и сохи-то никогда въ руки не брали, вы бы не стали толковать со мной ни о г. Іенишѣ, ни о милордѣ Финдлатерѣ; а крестьяне Русскіе ихъ ненавидятъ еще больше моего, и они правы. Что̀ годится для клочка земли не

---

[7]) См. выше, стр. 228.

больше моей комнаты, не годится для необозримыхъ нашихъ полей; у насъ крестьяне привыкли съ небольшимъ трудомъ добывать все необходимое для жизни, и они же доставляютъ другимъ государствамъ рогатый скотъ и лошадей. Видали мы Англичанъ хозяевъ-хлѣбопашцевъ, но подражать имъ не станемъ: у насъ другой климатъ, другія условія жизни. Знаете, что̀ было бы съ мнимымъ хозяиномъ Іенишемъ, если бы ему дать управлять въ одномъ изъ казенныхъ имѣній? Крестьяне отправили бы его на тотъ свѣтъ и съ агрономіей, которая ни на что не годна, вотъ и все. Предоставьте насъ самимъ себѣ: мы производимъ и продаемъ больше хлѣба, чѣмъ всѣ остальныя государства Европы, взятыя вмѣстѣ; такъ какъ же вы хотите, чтобъ мы брали въ образецъ крохотную Англію? На великана не напялишь платье карлика. Кромѣ того, нигдѣ такъ не возрастаетъ сельское и городское народонаселеніе, какъ у насъ; я боюсь сказать, но вѣдь правда, что въ мое царствованіе оно удвоилось. У насъ не умираютъ отъ голода, а больше отъ отягощенія желудка. У насъ не видно худощавыхъ людей и нѣтъ нищихъ. Если у насъ кто проситъ милостыни, то отъ лѣни; сами крестьяне это говорятъ, а они такъ гостепріимны, какъ никто на свѣтѣ.

Хорошо, что вы не вѣрите всѣмъ слухамъ, которые распускаетъ въ Германіи ненавистный вамъ Сидоръ Ермолаичъ [8]); и онъ, и управляющій его Рейтергольмъ, отъявленные лгуны. Но истинная правда, что молодой человѣкъ ни за что не хочетъ жениться на рыжей, безобразной и горбатой принцессѣ Мекленбургской. Она ему написала четыре письма, онъ не отвѣчалъ ни на одно; она ему послала прядь своихъ рыжихъ волосъ, онъ ихъ положилъ въ шкафъ, и они до сихъ поръ тамъ лежатъ; свадьба отложена до совершеннолѣтія.

5.

15-го Іюня 1796.

Мы гуляемъ по два и по три раза въ день, и ждемъ, когда мамаша родитъ.

25-го Іюня 1796.

Объявляю козлу отпущенія, что сегодня, въ три часа утра, мамаша родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою, въ первый разъ вижу такаго великана [9]). Прощайте, будьте здоровы. Если онъ будетъ такъ продолжать, братья выдутъ передъ нимъ карлики.

2-го Іюля 1796.

Въ Воскресенье крестины великана Николая; онъ совершенно здоровъ.

---

[8]) Т. е. герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи король Шведскій Карлъ XIII-й.

[9]) Николай Павловичъ родился очень трудно. Екатерина, которая присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки и помогала повивальной бабушкѣ, немедленно по рожденіи ребенка, приказала вынести новорожденнаго на балконъ Царскосельскаго дворца и показать гуляющимъ третьяго своего внука. Дежурнымъ камеръ-юнкеромъ былъ въ этотъ день князь Сергѣй Михайловичъ

Я писала въ Вѣну и уговаривала императора оставить Людовика XVIII-го при арміи Конде, чтобъ они шли во Францію и тѣмъ отвлекли вниманіе отъ Италіи: коли побѣдить Карѳагенъ, нужно идти въ Карѳагенъ. Господь вѣдаетъ, какой я получу отвѣтъ. Я къ вамъ писала о вашемъ путешествіи, всякими путями. Если мнимое сокровище [10]) причиняетъ вамъ заботы и безпокойство, бросьте его въ печку; я вамъ это совѣтовала уже разъ двадцать; пожалуста, не стѣсняйтесь и будьте увѣрены, что я ему не придаю никакой цѣны.

5-го Іюля. Великанъ Николай поминутно проситъ ѣсть, такъ что вотъ уже три дня, какъ его стали кормить кашкой; это неслыханное дѣло для ребенка, которому всего недѣля. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется къ шести недѣлямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего.

16-го Іюля. Сегодня одиннадцатый день, что я беру ванны изъ морской воды, которую мнѣ привозятъ съ Гогланда, и онѣ мнѣ приносятъ большую пользу [11]).

Графъ Валерьянъ Зубовъ взялъ Кубань; въ ожиданіи взятіи Бакинскаго порта, не знаю, писала ли я вамъ, что въ день взятія Дербента, вечеромъ, когда ключи уже были принесены графу и гарнизонъ нашъ уже былъ въ городѣ, въ лагерь къ графу пріѣхала, въ сопровожденіи множества женщинъ, принцесса Переджи-Шанумъ, какъ говорятъ, первая красавица и умница между Персидскими принцессами. Она была вся закутана покрываломъ, и только были видны ея чудные глаза. Она велѣла старшей изъ женщинъ, бывшихъ съ нею, сказать переводчику, что она пріѣхала въ лагерь просить графа объ облегченіи участи ея брата, Дербентскаго хана, что онъ еще молодой человѣкъ и его сгубили дурные совѣтники. Графъ Валерьянъ обѣщалъ уважить ея просьбу. Тогда она попросила позволенія повидаться съ братомъ, Дербентскимъ ханомъ; ее отвели къ нему въ палатку, гдѣ она провела ночь; между тѣмъ графъ запретилъ кому бы то ни было приближаться къ палаткѣ. На другое утро принцесса уѣхала верхомъ обратно въ городъ съ своими подругами, а графъ Валерьянъ объявилъ ее правительницею владѣній брата, который остается у насъ въ лагерѣ, и назначилъ ей совѣтъ, по тамошнему диванъ. Вотъ теперь красавица и умница Переджи-Шанумъ— правительница, благодаря самому благородному и вѣжливому рыцарю, какаго только можно встрѣтить въ нынѣшнія времена.

Голицынъ (впослѣдствіи предсѣдатель Московскаго Опекунскаго Совѣта). Онъ разсказывалъ, что Екатерина выразилась при этомъ: Je n'ai eu d'enfants qui me donnât tant de fils à retordre (Ни съ кѣмъ изъ дѣтей у меня не было столько возни).

[10]) Т. е. Екатерининскія письма, которыя теперь напечатаны.

[11]) По свидѣтельству одного современника, эти ванны и были причиною удара, отъ котораго скончалась Екатерина.

19-го Іюля. Вчера получено извѣстіе о взятіи Баку, порта на Каспійскомъ морѣ. Бакинскій ханъ вручилъ графу Зубову ключи отъ города на границѣ своихъ владѣній. Нужно замѣтить, что гр. Зубовъ сдѣлалъ въ два мѣсяца то, для чего Петру I-му потребовались два похода, и притомъ онъ встрѣтилъ болѣе сопротивленія, чѣмъ императоръ, такъ какъ въ самомъ Дербентѣ было одинадцать тысячъ человѣкъ, которые твердо рѣшились защищаться, между тѣмъ какъ Петру ключи были поднесены прежде, чѣмъ онъ дошелъ до города. У насъ въ лагерѣ всѣ здоровы и находятъ, что жары довольно сносны; у насъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, установились правильныя сообщенія и сушею, и моремъ, и такъ какъ войска наши отличаются примѣрной дисциплиной, то ихъ всюду встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Говорятъ, Грузинскій царь Гераклій овладѣлъ Ганджей, но офиціальнаго извѣстія мы еще не получали. Въ такомъ случаѣ флангъ арміи будетъ защищенъ съ той стороны, а графъ Валерьянъ двинется во главѣ ея прямо на Шемаху; когда онъ тамъ будетъ, все теченіе рѣки Куры, которая сливается съ Араксомъ (обѣ впадаютъ вмѣстѣ въ Каспійское море) будетъ совсѣмъ очищено. На другомъ берегу Аракса соберутся, говорятъ, къ Сентябрю всѣ силы похитителя Персидскаго престола, Али-Мехметъ-хана. Братъ его Муртаза-Кули-ханъ уѣхалъ отсюда въ Астрахань, чтобъ оттуда на нашихъ судахъ переправиться къ себѣ; города Рештъ и Мазендеранъ принадлежатъ ему по праву наслѣдства, но его братъ захватилъ власть въ свои руки.

5-го Августа. Я думаю, если придется вамъ непремѣнно спасаться бѣгствомъ, то лучше искать убѣжища въ Магдебургѣ, гдѣ вы будете поближе къ намъ. Что же касается до путешествія, я сказала вчера вашему чудотворцу [12], чтобъ онъ позаботился пріискать вамъ помѣщеніе; вы отправитесь въ путь-дорогу будущей весной, а покуда ступайте жить гдѣ всего безопаснѣе.

13-го Августа. Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена Св. Владиміра, назначается въ Гамбургъ на мѣсто умершаго Гросса.

18 Августа 1796.

Графы Гагскій и Ваза съ огромной свитой въ 140 человѣкъ прибыли сюда тринадцатаго вечеромъ. На другой день, 14-го, они отдыхали и потомъ исходили и изъѣздили весь городъ и повстрѣчались носъ съ носомъ кое съ кѣмъ, кто даже и не подозрѣвалъ о возможности встрѣчи въ то время, какъ онѣ возвращались отъ меня въ свои комнаты. Чтобъ понять, какъ это случилось, нужно знать Таврическій дворецъ, смежныя съ нимъ зданія и проходъ между домомъ, гдѣ живутъ мои внучки, и дворцовыми оранжереями. 15-го Августа, въ шесть часовъ вечера, оба графа пріѣхали въ Эрмитажъ, гдѣ въ четверть часа перезнакомились со всѣми. Графъ Гага мало того что понравился всѣмъ, онъ сразу заставилъ всѣхъ полюбить

---

[12]) Графу Н. П. Румянцову.

себя, а замѣтьте, что у насъ этого никогда не бываетъ: онъ исключеніе. У него замѣчательная наружность, кроткая и вмѣстѣ величественная, и премилое выраженіе, умное и пріятное. Онъ рѣдкій молодой человѣкъ и, ужъ конечно, въ настоящее время никакое государство въ Европѣ не можетъ похвастаться подобнымъ наслѣдникомъ престола. Онъ добръ и чрезвычайно вѣжливъ, при этомъ осторожность и чувство мѣры въ немъ развиты не по лѣтамъ; однимъ словомъ, повторяю еще разъ, онъ очарователенъ. 16-го онъ снова провелъ вечеръ у меня въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, какъ и въ первый разъ, были балъ и ужинъ. Злые языки утверждаютъ, будто глаза стали смотрѣть поласковѣе, и величество засіяло отъ удовольствія. На бѣду случилось, что у моей дѣвицы пропала собачка 14-го вечеромъ, и она проплакала о ней весь вечеръ и все утро, такъ что воспитательница ея, генеральша Ливенъ, ужасно боялась, чтобъ у ней не были красны глаза. Вчера, 17-го числа, хотя собачка еще не нашлась, она уже была повеселѣе; послѣ обѣда графъ Гага долго съ ней разговаривалъ, и хотя оба стояли на солнцѣ, которое достаточно припекало, но они того не замѣчали, что̀ не укрылось отъ нашего вниманія. Но представьте себѣ, въ списокъ театральныхъ пьесъ, назначенныхъ къ представленію, помѣстили балетъ подъ названіемъ «Обманутый Опекунъ!» Къ счастію мнѣ показали списокъ, и я сейчасъ же приказала исключить пьесу. Это не годилось, не правда ли? Это было бы противно правиламъ благопристойности. О графѣ Ваза трудно сказать что нибудь новое; но въ свитѣ, которая все прибываетъ всякій день, есть люди всѣхъ партій, и между ними попадаются очень достойные и любезные люди. Прощайте, на сегодня довольно; вечеромъ будутъ балъ и ужинъ у великаго князя Александра: нужно, чтобъ гостямъ было весело. Кажется, имъ у насъ нравится: такъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ. Будьте здоровы; я весела и летаю какъ птица.

6.

30-го Августа 1796 г. въ день Александра Невскаго, въ 8 часовъ утра.

Начинаю письмо съ того, что у насъ съ 15-го Августа все пиры съ утра до вечера и съ вечера до утра, по случаю пребыванія здѣсь Шведскаго короля; кромѣ того у меня еще на рукахъ три или четыре дѣла крайне важныя, такъ что мнѣ невозможно было отвѣчать на ваши № 21 и 22, хотя и они тоже важны, но вѣдь во дню только двадцать четыре часа. У насъ всѣ, и старые, и малые, въ восторгѣ отъ молодаго короля: онъ чрезвычайно вѣжливъ, очень хорошо говоритъ; поболтать съ нимъ пріятно. Лицомъ онъ очень хорошъ: красивыя, правильныя черты лица, глаза большіе, живые; осанка величественная; онъ довольно большаго роста, но тонко и гибко сложенъ, любитъ прыгать, танцовать, и вообще во всякихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ очень ловокъ. Похоже, что ему здѣсь очень нравится; онъ пріѣхалъ только на десять дней, но живетъ уже три недѣли, и до сихъ поръ еще день отъѣзда не назначенъ, хотя осень близко. Адмиралъ его, большой чудакъ, говоритъ: «Я ему ручаюсь

за свободный проѣздъ до Января, но послѣ этого времени будетъ уже его дѣло, какъ выбраться отсюда до весны». Люди замѣчаютъ, что его величество все чаще и чаще танцуетъ съ вел. кн. Александрой, и что разговоръ у нихъ не прерывается. Говорятъ еще, будто его величество сказалъ своимъ: «Устроивайте дѣло поскорѣе, потому что я чувствую, что влюблюсь до безумія; а когда у меня закружится голова, я надѣлаю глупостей». Кажется, и дѣвица моя не чувствуетъ отвращенія къ вышеупомянутому принцу: она уже не имѣетъ прежняго смущеннаго вида и разговариваетъ очень свободно съ своимъ поклонникомъ. По правдѣ сказать, это парочка, какую рѣдко можно встрѣтить. Ихъ оставляютъ въ покоѣ, никто не мѣшаетъ и, повидимому, дѣло будетъ слажено или по крайней мѣрѣ условлено до отъѣзда его величества, которому уѣзжать не хочется, хотя 1-го Ноября н. с. онъ долженъ быть объявленъ совершеннолѣтнимъ. Кто-то спросилъ у одного изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ свитѣ короля, нравится ли в. княжна графу Гагскому; тотъ отвѣчалъ рѣзко: «Нужно быть дуракомъ, чтобъ не влюбиться въ нее».

1-го Сентября. Говорятъ, будто уже курьеръ готовъ отправиться съ формальнымъ отказомъ къ Меклембургской дѣвицѣ. Прежде этого я, конечно, не могла и слышать о предложеніи. Но нужно сказать правду: онъ не можетъ скрыть своей любви. Молодой человѣкъ пріѣхалъ сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнаешь: все существо его проникнуто радостью и счастіемъ. Завтра три недѣли, какъ онъ здѣсь, и Богъ знаетъ, когда онъ уѣдетъ; но осень близко.

3-го Сентября. Вчера былъ балъ у императорскаго посланника; было очень весело, потому что ходили слухи, что все уже рѣшено на словахъ. Не знаю, какъ это случилось, отъ сильной радости, или отъ чего другаго, но только нашъ женихъ, танцуя съ своей будущей невѣстой, осмѣлился слегка пожать ей руку. Та поблѣднѣла какъ смерть и побѣжала разсказать своей воспитательницѣ. «Представьте себѣ, онъ въ танцахъ пожалъ мнѣ руку; я ужасно смутилась». Та спросила: «что же вы тогда сдѣлали»? Она отвѣчала: «я такъ испугалась, что думала, упаду со страху».

4-го Сентября. Вчера вечеромъ былъ большой фейерверкъ, который очень удался. Сегодня графы Гага и Ваза отправились въ Царское Село, а оттуда въ Павловскъ, гдѣ они будутъ обѣдать у великаго князя, отца невѣсты, а мы, слава Богу, можемъ отдохнуть. Завтра Елисаветинъ день, и ровно три недѣли, что̀ мы безпрерывно веселимся. Объ отъѣздѣ еще ничего не слышно, и дня еще не назначено. Шведскій дворъ, который состоитъ изъ двадцати трехъ человѣкъ, находитъ, что въ Петербургѣ жить очень пріятно.

Я велѣла написать принцамъ Ангальтъ-Дессау и Бернбургскому, что по моему мнѣнію Людовикъ XVIII-й могъ бы жить въ Цербстѣ: пусть скажутъ королю Прусскому, что я имъ подала этотъ совѣтъ. Невѣсткѣ моей я написала, что Людовику XVIII-му мною дозволено поѣхать въ Іеверъ, когда ему вздумается, и тамъ поселиться. Но вмѣсто того чтобъ отмалчиваться, конечно лучше бы помѣститься

тамъ, откуда бы онъ могъ скорѣе прибыть къ арміи фельдмаршала Суворова, которой ему и не покидать, какъ скоро она переправится за Краковъ или въ Богемію. Ему надо быть при арміи и, по моему, всякое другое пребываніе менѣе для него прилично. Я потребую, чтобы корпусъ принца Конде присоединился къ нашему; но покамѣстъ молчите объ этомъ. Курьеры у меня отправлены въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ. Приказано держать на готовѣ 60 тысячъ человѣкъ. Въ замѣну имъ, по первому приказу, произведу двойной наборъ, такъ чтобы не произошло ни малѣйшаго разстройства и было чѣмъ поколотить зложелателей. Это называется говорить, не правда ли? Что̀ скажете? Теперь Журданъ разбитъ, Моро также. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось.

Слушайте, козелъ отпущенія: общее замѣшательство въ Европѣ много дѣлаетъ помѣхи и нашей перепискѣ. Вы безпрестанно пишете мнѣ безсмыслицу, а я молчу, чтобъ вамъ не противорѣчить; но въ одинъ прекрасный день намою вамъ голову, какъ скоро придетъ охота и сыщется время.

5 Сентября, въ 8 часовъ утра. Говорю и повторяю, что по моимъ правиламъ отнюдь не слѣдовало покидать армію. Царствовать или умереть, вотъ нашъ кличъ. Эти слова надо бы съ самаго начала выгравировать на нашемъ щитѣ. Теперь уже слишкомъ поздно. Дѣло не въ пышныхъ выраженіяхъ, и нечего съ ними носиться. Дѣло въ томъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Слѣдовало одинаково относиться къ удачѣ и невзгодѣ. За чѣмъ ѣхать въ Россію? За чѣмъ и въ Русскую армію, коль скоро не умѣешь дѣйствовать погеройски, раздѣлять всѣ опасности и заслуживать уваженіе арміи? Тамъ скорѣе себя выдашь, нежели въ другомъ мѣстѣ. Все это для васъ однихъ: читайте и молчите. Не нужно вовсе дуться, особливо у насъ. За чѣмъ давать мнѣ отчетъ? Убѣждаютъ дѣйствія, а не писанія. Это пахнетъ оправданіемъ.

Сыновья ихъ, привлекательные по внѣшности, либо ничтожны, либо очень не значительны. Это все только обороты рѣчи, а они не годятся никуда. Благодаря имъ, повсюду одна неудача. Поглядите: вся Франція хочетъ короля; но хотятъ ли ихъ, говорятъ ли о нихъ. Между тѣмъ, если не будетъ государя прирожденнаго, возникнутъ безконечныя партіи, пока, наконецъ, явится опять государь по праву, слѣдовательно будетъ государь, но... [13]) это страшная задача! О Боже мой! За чѣмъ надо мечтать вслухъ? Лучше молчать. Остальное, можетъ быть, вызовется на свѣтъ нуждою. Служить имъ однако слѣдуетъ, сколько можешь: это требуется долгомъ и настойчивостью. Отмалчиваться! Смотрите, чтобъ не прошла о немъ такая молва. Я этого не понимаю, и если молчу, то развѣ для того, чтобъ сильнѣе нанести ударъ, потому что съ природы мы шумливы и не любимъ вовсе отмалчиваться.

Если онъ не будетъ по близости отъ Франціи, какъ ему вступить въ нее? Повидимому этимъ господамъ хочется, чтобы прямо въ ротъ

---

[13]) Точки въ подлинникѣ.

летѣли къ нимъ жаворонки совсѣмъ жареные [11]). Дай Богъ, чтобы все это не оказалось просто плутнею, о чемъ зложелатели уже и разносятъ слухи. Ну съ этимъ, мой другъ, далеко не уйдешь.

Въ настоящую минуту всякому нужны запасы. У нихъ они были огромные; а что̀ они изъ нихъ сдѣлали? Они жили величаво, широко и все успѣли съѣсть, а отъ дѣятельности ихъ одна болтушка. На первыхъ порахъ у нихъ было 8 милліоновъ; я одна доставила имъ слишкомъ полтора милліона рублей, на первый годъ.

7.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ БАРОНУ ГРИММУ.

20-го Октября 1796.

Вчера и третьяго дня получила я ваши письма съ Колычевымъ и Яковлевымъ. Не имѣю времени отвѣчать на нихъ, потому что пришли еще письма изъ Англіи и Персіи, весьма удовлетворительныя, но не менѣе требующія занятій. Прусскій король вооружается. Что̀ вы объ этомъ думаете? Противъ кого? Противъ меня. Въ угоду кому? Цареубійцамъ, друзьямъ своимъ, на которыхъ ему нельзя положиться ни въ чемъ. Надо согласиться, что роняютъ страннымъ образомъ честь и славу этого государя, подавая ему столь коварные совѣты. У чести и славы одна дорога. Идти по ней осмѣлилась я предложить ему; но его отводятъ въ сторону и влекутъ въ лабиринтъ, унижая его силу. Онъ окажется покорнѣйшимъ слугою наглыхъ злодѣевъ, которые, въ сущности, замышляютъ погубить его. Если этими вооруженіями думаютъ отвлечь меня и остановить походъ моихъ войскъ, подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова, то очень ошибаются; потому что я все-таки останусь обезпечена со всѣхъ возможныхъ сторонъ, безъ исключенія. Вотъ вамъ довольно, чтобы дать знать, что я получила ваши письма. Прощайте, будьте здоровы. Я сказала вамъ, что̀ подвернулось подъ перо. Хорошо, чтобы вы знали мой образъ мыслей и какъ я смотрю на дѣла.

Письмо это писано Екатериною за 16 дней до ея кончины.

---

[11]) На этотъ разъ Екатерина сходилась во мнѣніи съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, который герцогу д'Артуа сказалъ напрямикъ, что нечего побираться, а когда въ жилахъ течетъ кровь Генриха IV-го, надо мечемъ добывать своего пра̀ва.

Четыре письма императрицы Екатерины II-й къ графу Н. И. Салтыкову.

1.

Николай Ивановичъ! Изъ Псковскаго карабинернаго полка, о которомъ послѣднія были извѣстія изъ Валдая, прикажите одинъ полный эскадронъ, выбравъ лошадей полегче, но надежныхъ и подъ начальствомъ самаго исправнаго штабъ-офицера, отправить прямо съ мѣста, гдѣ застанетъ повелѣніе, ближайшею дорогою въ Петрозаводскъ; а правящему должность генерала губернатора Олонецкаго генералъ-поручику Тутолмину предписано отъ насъ о расположеніи сего эскадрона. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ
4 Іюля 1788 года.

2.

Николай Ивановичъ! Сверхъ полковыхъ пушекъ, имѣющихся при трехъ баталіонахъ гвардіи нашей въ походъ отправляемыхъ, повелѣваемъ послать вообще при семъ отрядѣ полевой артиллеріи шесть орудій и именно пушекъ двѣнадцати фунтовыхъ и шести фунтовыхъ по двѣ каждаго калибра, да полукартаульныхъ единороговъ два, съ потребнымъ количествомъ снарядовъ, отдавъ все то въ команду генералъ-маіора и гвардіи Преображенскаго полка преміеръ-маіора Татищева, къ начальству означенными баталіонами и эскадронами конной гвардіи отъ насъ опредѣленнаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
7 Іюля 1788 года.

3.

Николай Ивановичъ! Въ разсужденіи надобности въ порохѣ, прикажите селитру, сколько можно болѣе, закупить въ Малороссійскихъ и другихъ губерніяхъ, не дѣлая излишнихъ переписокъ и затрудненій въ цѣнѣ и оную доставлять на пороховые заводы на почтѣ, снесясь съ губернаторами; на пороховыхъ же заводахъ велите умножить работу, прибавивъ наймомъ хотя до двухъ сотъ человѣкъ и приложить всемѣрное стараніе, чтобъ потребное число пороху для сухопутныхъ войскъ, флота и крѣпостей, съ довольнымъ сверхъ того

запасомъ, какъ наискорѣе, отдѣлано было, въ чемъ имѣть вамъ надзираніе и настоять за непремѣннымъ сего исполненіемъ. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
10 Іюля 1788 года.

4.

Николай Ивановичъ! По настоящему военному времени, доколѣ оное продлится, позволяемъ генералу кригсъ-коммисару, для скорѣйшаго снабженія полковъ мундирными и аммуничными вещами, подряжать и покупать оныя не держась предписанныхъ обрядовъ, но употребляя способы самые краткіе, наблюдать колико возможно выгоду казенную и то уваженіе, по которому поспѣшность въ доставленіи означенныхъ вещей въ настоящихъ обстоятельствахъ есть всего нужнѣе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ,
12 Іюля 1788 года.

Подлинники хранятся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Оп. 205, св. 1-я, изъ дѣлъ графа Мусина-Пушкина.

Примѣчаніе. Всѣ эти четыре рескрипта послѣдовали на имя бывшаго президента Военной Коллегіи, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Н. И. Салтыкова, въ самый разгаръ войны Россіи со Швеціею. Они замѣчательны по энергіи Великой Екатерины, которая отлично понимала, что выиграть время и въ извѣстныхъ случаяхъ заранѣе подготовить къ войнѣ необходимыя вещи, дороже денегъ, и поэтому она нерѣдко избѣгала формальностей, тормозящихъ нерѣдко ходъ самыхъ важныхъ событій въ дѣлахъ войны и мира.

Григорій Александровъ.

12 Іюля 1878 г.
Г. Москва.

Изъ бумагъ генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

1.

(По поводу кончины князя Потемкина).

Все письмо писано собственноручно Императрицею.

Александръ Николаевичъ! О общей нашей печали теперь распространяться не буду: вы несумнѣнно знаете, что я оную раздѣляю съ вами чистосердечно и погружена въ глубокую самую печаль. Ради Бога, продолжайте и кончите мирные договоры на томъ же основаніи, какъ они при князѣ ведены были, и я васъ прошу быть ко мнѣ надежну, какъ на каменную стѣну. Лишь продолжайте поступать съ равной вѣрностью и ревностью, какъ при немъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Октября 14 ч. 1791.

Къ вамъ отправляю графа Безбородка; но пока пріѣдетъ, продолжайте переговоры и окончайте, буде къ концу пришло.

2.

Пол. 17 Ноября. Все письмо писано рукою Императрицы.

Александръ Николаевичъ! Письмо ваше отъ 15 Октября до рукъ моихъ доставлено, изъ котораго вижу, что при глубокой печали вы находитеся и нездоровы еще, и что усердіе ваше и упованіе на меня, преодолѣвая то и другое, готово на всякое служеніе. Сіе расположеніе вижу съ удовольствіемъ, о печали же распространяться никакъ не могу по великой моей чувствительности. Я писала къ вамъ уже, что мое желаніе есть, чтобы вы продолжали мирныя условія, и по благополучномъ окончаніи оныхъ возвратитеся сюда и можете быть увѣрены о моемъ непремѣнномъ добромъ къ вамъ расположеніи и что я съ тою же довѣренностію пребываю доброжелательна

Екатерина.

Ноября 4 ч. 1791.

3.

Все письмо писано собственноручно Императрицею.

Александръ Николаевичъ! Получивъ письмо ваше отъ 10 Декабря съ приложеніемъ извѣстнымъ, любовалась я честности и безкоры-

16*

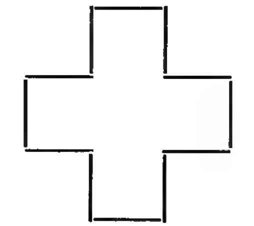
стію вашему; но сіе дѣло есть исшедшее и прошедшее, и какъ я о семъ изъ устъ князя въ бытность его здѣсь ни слова не слыхала, почему думаю, что вѣрнѣйшее и приличнѣйшее будетъ оставить вещь въ законномъ и естественномъ теченіи, тѣмъ паче, что изъ письма того никакаго употребленія дѣлать не можно по его слогу и содержанію. Присланное отъ васъ письмо чрезъ Михаила Сергѣевича [1] я получила съ курьеромъ отъ Кречетникова изъ Кіева и съ письмами моими послѣ нечаянной кончины Михаила Сергѣевича, о которой всѣмъ сердцемъ жалѣю. Усердіе ваше вижу съ большимъ удовольствіемъ; я объ ономъ и не сумнѣвалась, какъ вы изъ писемъ моихъ усмотрѣть могли. Еще вамъ и того скажу, что я не вижу, для чего бы предпочитать одного неизвѣстнаго и сумнительнаго нѣсколькимъ заслуженнымъ и ко мнѣ усерднымъ. Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ непремѣнно доброжелательна

Екатерина.

Декабря 24 ч. 1791.

4.

Неизвѣстно кѣмъ сдѣлана надпись, вѣроятно графомъ А. Н. Самойловымъ, а крестъ Императрицею.

собственноручно

28-го Мая 1795.

5.

Записка писана Императрицею, а помѣта внизу вѣроятно графомъ Самойловымъ.

Какъ Нефедьевъ предо мною оправдался, то указы объ немъ разосланные возвратить.

Получено 7 Декабря
1795 года.

6.

На клочкѣ бумаги вѣроятно рукою графа Самойлова.

Письмо сіе отъ Гавр. Романов. Державина Ея Имп. Вел. поданное; съ гнѣвомъ дѣло изорвано.

ПИСЬМА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

7.

Гатчино, Ноября 3 дня 1795.

Управлявшій Гатчинскою волостью и Каменнымъ Островомъ и имѣвшій въ вѣдѣніи своемъ всѣ по онымъ производимыя строенія стат-

[1]) Потемкина.

ской совѣтникъ баронъ Борхъ, сдѣлавъ во всемъ совершенное упущеніе и растроя всѣ части, какъ-то несодержаніемъ никакаго порядка какъ въ приходѣ и расходѣ по хозяйству, такъ и по получаемымъ отъ меня денежнымъ суммамъ, не ведя ничему книгъ и записокъ и не имѣя никакихъ документовъ и счетовъ, да и по строеніямъ оказавъ таковоежъ нерадѣніе, не соблюдая ни малѣйшаго порядка ни въ заключеніи контрактовъ, ни въ пріемѣ и отпускѣ матеріаловъ, что̀ все нынѣ при смѣнѣ его ясно и доказывается тѣмъ, что онъ ни по хозяйству, ни по другимъ дѣламъ не могъ отдать никакаго отчету, ниже предъявить какое письменное объясненіе, за что отрѣшивъ его отъ порученныхъ ему дѣлъ, даю вамъ, графъ Александръ Николаевичъ, какъ въ замѣчаніе, такъ и въ предостереженіе, о семъ знать. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Подписано собственноручно.

8.

Гатчино, 6 Ноября 1795.

Самой смыслъ письма моего къ вамъ, графъ Александръ Николаевичъ, показываетъ, что по дѣламъ своимъ долженъ былъ я барона Борха слѣдовать уже, гдѣ онъ и изобличенъ, о чемъ я нужнымъ почелъ вамъ знать дать; слѣдственно съ моей стороны и почитаю уже все конченнымъ. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Подписано собственноручно.

9.

Графъ Александръ Николаевичъ! По желанію вашему, для поправленія здоровья вашего, позволяемъ вамъ на годъ отъ дѣлъ отлучиться, пребывая вамъ благосклонный

Павелъ.

Подписано собственноручно на траурной бумагѣ.

С.-Петербургъ
Декабря 4, 1796 года.

10.

ПИСЬМО ГРАФА БЕЗБОРОДКИ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Объ оставшихъ послѣ покойнаго генерала-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго и находящихся у вашего сіятельства гетманскихъ булавахъ, всего пятнадцать штукъ, Его Императорское Величество высочайше указать мнѣ изволилъ сообщить вамъ, милостивый государь мой, чтобы вы оныя приказали ко мнѣ доставить для отсылки въ Московскую Мастерскую Оружейную Палату; что-жъ ка-

сается до одной пары литавръ серебрянныхъ, которыя также у вашего сіятельства остались, Государь указать изволилъ отдать оныя господину оберъ-маршалу графу Николаю Петровичу Шереметеву, о чемъ сообщивъ вамъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ
Генваря 17-го 1797.

Писано на траурной бумагѣ. Подпись собственноручная.

11.

ПИСЬМО ГРАФА ГУДОВИЧА.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства получить удостоился и тотъ же часъ приложенныя письма къ Николаю Николаевичу, находившемуся тогда въ Тарщѣ въ 60 верстахъ, но теперь же онъ здѣсь. Мнѣ самому совершенно неизвѣстно, за что онъ изъ службы исключенъ, какъ и въ высочайшемъ приказѣ не сказано. А жалѣю о томъ искренно, знавши его всегда достойнымъ офицеромъ: но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Сдачу полка, по объясненію его мнѣ, безъ всякаго затрудненія окончить онъ полагаетъ. Впрочемъ, сколько мнѣ возможно будетъ, я помогать ему готовъ. Милостивыя одолженія, ко мнѣ оказанныя, меня обязываютъ навсегда къ чувствительной благодарности, которыя сохраняя, пребываю навсегда съ особеннымъ къ вамъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшимъ слугою графъ Иванъ Гудовичъ.

4 Іюля 1797 года.
Крѣпость Георгіевская.

Все письмо собственноручное. Вѣроятно, рѣчь идетъ о Н. Н. Раевскомъ, племянникѣ гр. Самойлова, впослѣдствіи героѣ 1812 года. Онъ участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, во время котораго и родилась у него, въ Дербентѣ, дочь Екатерина, нынѣ вдова достопамятнаго М. Ѳ. Орлова. П. Б.

12.

ПИСЬМО ГРАФА В. П. КОЧУБЕЯ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Пріемля съ чувствами искренней признательности изъявляемое вашимъ сіятельствомъ участіе по случаю происшедшаго вчерась непріятнаго приключенія съ женою моею отъ неосторожности кучера вашего и открывая въ изъясненіяхъ вашихъ, милостивый государь мой, образъ мыслей, свойственный благовоспитанію вашему, я побуждаюся притомъ увѣрить васъ, что показаніе людей вашихъ есть совершенно неосновательное. Заняты, можетъ быть, будучи разговоромъ или другими предметами, ваше сіятельство могли конечно не видѣть, какъ все происходило и что̀, будучи самъ въ каретѣ съ женою моей, подало мнѣ поводъ принести вамъ жалобу. Экипажъ нашъ находился въ линіи, изъ которой ему выѣхать не можно было, и мы ѣхали въ слѣдъ за другими, какъ извощики ваши внѣ ряду и одни на сторонѣ находившіеся хотѣли отрѣзать мою карету, что̀ не только я смѣло утвердить могу, но даже сослаться могу и на

полицейскаго офицера, тутъ случившагося и коему не оставилъ я принести жалобы и спросить, чья была карета. Впротчемъ, изъясняя обстоятельства сіи, я отнюдь не имѣю намѣренія безпокоить ваше сіятельство, чтобъ дали вы слѣдствіе сему приключенію. Объясняя истину, я считаю сдѣлать вамъ угодность, доставляя вамъ случай приказать для переду болѣе осторожности людямъ вашимъ.

Пріимите впротчемъ увѣренія отличнаго почтенія, съ коимъ честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга.

графъ В. Кочубей.

Апрѣля 20, 1802. Все письмо собственноручно.

13.

ПИСЬМО КАНЦЛЕРА ГРАФА Н. П. РУМЯНЦОВА.

Милостивый государь мой графъ Александръ Николаевичъ!

Поставляя себѣ въ обязанность изъявить вашему сіятельству благодарность мою за ту довѣренность, съ которою вы, милостивый государь мой, поручать мнѣ изволите быть ходатаемъ въ пользу племянника вашего, я въ тоже время принимаю съ большою признательностію, что ваше сіятельство изволите тѣмъ отдавать справедливость моему къ вамъ уваженію. Я не могу однакоже показать, сколько бы мнѣ пріятно было сдѣлать вамъ услугу, потому что не прошу и за тѣхъ, кои мнѣ съ родни, и хотя бы я не менѣе имѣлъ усердія въ разсужденіи племянника вашего, но при нынѣшнемъ случаѣ не могу отступить отъ своего правила.

Впрочемъ съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ честь имѣю быть всегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга.

графъ Николай Румянцовъ.

Подпись собственноручная.

Ноября 10 дня 1806.

Племянникъ, о которомъ рѣчь, вѣроятно Николай Николаевичъ Раевскій.

14.

ПИСЬМО А. Л. ДАВЫДОВА.

Гродно, 12 Генваря 1807 года.

Милостивый государь дядюшка.

Сейчасъ имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 3 сего мѣсяца, на которое спѣшу отвѣчать вамъ, потому что 15 переходимъ мы границу и соединяемся съ главной арміею.

Писать изволите, что удивляетесь, что я жену свою оставилъ въ Митавѣ, а не въ Каменкѣ, и что, казалось бы вамъ, сходнѣе ее мнѣ оставить у матушки. Резоны мои, казалось мнѣ, вамъ уже извѣстны; но я вижу, что вы позабыли, что̀ я вамъ говорилъ въ коляскѣ вашей, когда провожать меня изволили прошлаго года. Въ такомъ случаѣ спросите вы у брата и друга моего Николая Николаевича и ежели послѣ того что̀ онъ вамъ откроетъ, найдете вы меня виновнымъ: тогда я, согласясь съ вами, самъ себя упрекну. Но мнѣ кажется, что моей женѣ въ Каменкѣ жить безъ меня никакъ не можно.

Жену же я оставилъ въ Митавѣ во дворцѣ у Louis XVIII. Комнаты ея подлѣ королевиныхъ, которая, сохраняя нѣжную память къ покойной матери жены моей, любитъ жену мою, какъ она заслуживаетъ, доказываетъ свою привязанность во всякой минутѣ и благодарила меня за удовольствіе что̀ я ей въ ея несчастіи доставилъ. Отецъ же Аглаіевъ недалеко отъ ея комнатъ живетъ, и какъ сущій дворецкій управляетъ ея дѣлами и любитъ ее чрезвычайно. Дочь Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, примѣрная, святая, безпорочная женщина, также на всякомъ шагу доказываетъ женѣ моей свою дружбу; однимъ словомъ сказать, дворецъ сего несчастнаго короля наполненъ примѣрными людьми, храбростью, честностью и привязанностью къ несчастному ихъ монарху; а женщины всѣ украшены добродѣтелями свойственными ихъ полу.

Теперь оставляю, милостивый государь дядюшка, разсудить вамъ, въ какомъ кругу я ее оставилъ. Армія наша такъ отдалена отъ Кіева и такъ близка къ Митавѣ, что и это служить резономъ можетъ. Случится, что наши дѣла пойдутъ хорошо, жена моя за мной поѣдетъ; случится, что я тяжело раненъ буду, отвезутъ меня въ Митаву, и я опять воскресну. Однимъ словомъ вамъ скажу, что сердце мое съ разсудкомъ несогласно: оно хочетъ, чтобъ моя жена жила тамъ, гдѣ любезнѣйшая и добрѣйшая мать живетъ, а разсудокъ мой мнѣ не позволяетъ сіе сдѣлать. Вспомните, дядюшка, что матушка не одна живетъ, и вспомните, что я вамъ въ коляскѣ говорилъ, когда вы меня изъ Смѣлы провожать прошлаго года изволили.

Теперь примите увѣреніе моей благодарности; милостивый государь дядюшка, я не говорю за 500 рублевъ; нѣтъ, за все, за драгоцѣннѣйшую вашу милость и дружбу, за совѣты, которыми вы меня не оставляете и которые доказываютъ мнѣ, сколь я васъ интересую. Будьте увѣрены, что я буду стараться вашу милость всячески заслужить, а больше любить васъ, какъ люблю, не могу. Поручаю вамъ, дядюшка, жену мою; не оставьте ея, попросите матушку, чтобъ она прежде 4 или 6 мѣсяцевъ денегъ мнѣ не посылала; я и жалованьемъ государевымъ проживу, а все то, что̀ мнѣ назначено будетъ, чтобъ пересылала къ женѣ въ Митаву: ей нужны очень деньги, я ей почти ничего не оставилъ. Ежели же случится, что у ей (sic) накопится тысячи двѣ или три лишнихъ денегъ, то послѣ кампаніи онѣ нужны намъ будутъ, чтобы къ вамъ пріѣхать, ибо это мое первое желаніе. Прощайте, дядюшка, дай Богъ вамъ быть такъ здорову, какъ и есть.

Письмо это безъ подписи писано Александромъ Львовичемъ Давыдовымъ, сыномъ Екатерины Николаевны, сестры графа Самойлова. Онъ былъ женатъ на Аглаѣ Граммонъ (de Grammont).

Каменка—мѣстечко въ 35 верстахъ отъ Смѣлы въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, мѣстопребываніе матери Давыдова. Принадлежитъ теперь дѣтямъ Василія Львовича Давыдова.

Смѣла—мѣстечко въ 25 верстахъ отъ города Черкасска, того же уѣзда Кіевской губерніи, мѣстопребываніе графа Самойлова. Принадлежитъ теперь внукамъ его графамъ Бобринскимъ.

Сынъ Александра Львовича Давыдова и Аглаи Граммонъ занимаетъ въ настоящее время мѣсто предводителя дворянства Гродненской губерніи, д. с. с. Владиміръ Александровичъ

Давыдовъ. Сестра сего послѣдняго, жена маркиза Габріакъ; другая сестра Адель (воспѣтая Пушкинымъ) въ монастырѣ Sacré Coeur въ Парижѣ.

15.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Милостивый государь Александръ Николаевичъ!

Сего мѣсяца 6 числа будетъ въ моей домовой церкви, какъ и ежегодно бываетъ, панихида блаженныя памяти по покойной Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ. И такъ какъ у меня будутъ оную слушать всѣ тѣ, кои принадлежали къ ея высочайшей особѣ, то я долгомъ счелъ увѣдомить ваше сіятельство, неугодно ли и вамъ пожаловать съ нами вмѣстѣ помолиться о ея душѣ.

Панихида начнется въ одинадцать часовъ поутру.

Примите увѣреніе истиннаго высокопочитанія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

4 Ноября 1813 года.
С.-Петербургъ.

Князь А. Н. Голицынъ жилъ на Фонтанкѣ въ домѣ, нынѣ занимаемомъ министромъ Императорскаго Двора, а въ то время, когда писано это письмо, пріобрѣтенномъ у Ѳ. Ѳ. Вадковскаго. П. Б.

16.

ПИСЬМО КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ.

За прекрасную табакерку, а паче за дружеское письмо вашего сіятельства душевно васъ благодарю. Извините, естли я замедлила васъ увѣдомить, также что и деньги я свои чрезъ братца вашего получила. Онъ меня видѣлъ и можетъ вамъ сказать, въ какомъ послѣ опасной болѣзни я разслабленіи, и теперь еще ни читать, ни писать много не могу безъ нервозной боли въ головѣ. Сдѣлайте одолженіе, доставьте включенное письмо племянницѣ моей Катеринѣ Николаевнѣ Кочетовой и будьте увѣрены, что я къ вамъ искренно привязана, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорная услужница княгиня Дашкова.

Сынъ мой вамъ почтеніе свое свидѣтельствуетъ.

У графа Самойлова братьевъ не было, такъ что рѣчь идетъ вѣроятно объ одномъ изъ двоюродныхъ братьевъ.

17.

ПИСЬМО ГРАФА САМОЙЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНѢ II-Й.

Всемилостивѣйшая Государыня
Премилосердая мать!

При разобраніи вещей покойнаго дяди моего, Михайла Сергѣичъ Потемкинъ присутствуя, объявилъ словесно высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы всѣ письма собственной руки вашей, какія найтиться могутъ, отданы были ему для поднесенія ихъ Вашему Императорскому Величеству.

Принявъ повелѣніе сіе съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, собралъ я всѣ сколько могъ найтить и, не касаясь до нихъ чтеніемъ, положилъ ихъ въ записную книжку, которую въ присутствіи Михаила

Сергѣича запечаталъ я своею и брата моего Энгельгарда печатью, а потомъ и отдалъ ему, о чемъ долгомъ моимъ поставленъ Вашему Императорскому Величеству донести.

Въ тоже самое время между разными бумагами найдено мною въ одномъ изъ сундуковъ, гдѣ находились вещи, приложенное письмо въ семъ же пакетѣ безъ надписи запечатанное, и которое, какъ извѣстно, писано было послѣ Бендерской кампаніи. Не входя въ смыслъ письма сего и не судя объ обстоятельствахъ какъ тогдашнихъ, въ которыя оно писано было, такъ и о тѣхъ, которыя имъ послѣдовали, но увидя только, что относилось оное къ Вашему Императорскому Величеству, поставляю себѣ священнымъ долгомъ никогда и ничего предъ вами не скрывать, и письмо сіе осмѣлился представить вамъ, всемилостивѣйшая Государыня.

Вы, премилосердая всѣмъ мать, а паче покойному дядѣ моему, должны быть свѣдомы отъ него самого о всѣхъ намѣреніяхъ, какія могъ онъ при жизни своей имѣть; по неограниченной преданности своей къ Вашему Императорскому Величеству, не имѣлъ онъ ничего отъ васъ сокровеннымъ, а потому какъ о семъ письмѣ ежели было по оному какое ни есть намѣреніе у него, такъ и о распоряженіяхъ его къ особѣ, въ письмѣ упоминаемой, не оставилъ онъ въ послѣднюю бытность свою въ Петербургѣ открыть Вашему Императорскому Величеству, какъ матери толико ему милосердой.

Я же, повергнувъ себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, вновь осмѣливаюсь испрашивать милостивѣйшаго покровительства и призрѣнія, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и преданнѣйшій Александръ Самойловъ.

1 Декабря 1791 г. Собственноручно.
Яссы.

18.

МАСОНСКАЯ КЛЯТВА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ РЕПНИНА.

Je Nicolas Repnin atteste devant l'Etre Suprême de ne jamais nommer le nom de l'Ordre, qui me sera dit par le très-respectable frère Schröder, et de ne jamais dire, que c'est lui, qui a pris de moi une supplique aux Supérieurs de cet Ordre pour m'y recevoir, avant que j'y sois reçu et avant que je recoive une permission expresse de me découvrir aux frères de cet Ordre.

Nicolas P-ce Repnin, général en chef au service de Russie.

Переводъ. **Я Николай Репнинъ** клянусь Всевышнимъ Существомъ, что никогда не назову имени Ордена, которое мнѣ будетъ сказано почтеннѣйшимъ братомъ Шредеромъ и никому не выдамъ, что онъ принялъ отъ меня прошеніе къ предстоятелямъ сего Ордена о вступленіи моемъ въ оный, прежде чѣмъ я вступлю и получу особое позволеніе открыться братьямъ Ордена. Князь Николай Репнинъ, полный генералъ Россійской службы.

Подчеркнутыя слова написаны одною рукою, а остальныя—другимъ почеркомъ.

Подлинники этихъ бумагъ принадлежатъ родному внуку графа Самойлова графу Александру Алексѣевичу Бобринскому, любезно сообщившему ихъ въ Русскій Архивъ.

Воспоминаніе о князѣ А. Н. Волконскомъ.

2-го Апрѣля нынѣшняго 1878 года скончался въ Римѣ князь Александръ Никитичъ Волконскій. Онъ безспорно принадлежалъ къ числу лучшихъ и образованнѣйшихъ Русскихъ людей, и я полагаю, что нѣсколько словъ о немъ отъ лица, знавшаго его съ дѣтства, будутъ нелишними.

Отецъ его князь Никита Григорьевичъ, офицеръ Измайловскаго полка, служилъ адъютантомъ у дѣда своего по матери фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина, въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Лубяновскимъ, который оставилъ послѣ себя извѣстныя Записки *). Когда князя Репнина постигла опала при императорѣ Павлѣ, то оба его адъютанта отставлены за замѣченный въ нихъ «Репнинскій духъ», какъ сказано въ высочайшемъ приказѣ. Въ царствованіе Александра Павловича, князь Н. Г. Волконскій служилъ адъютантомъ при Михельсонѣ, который былъ главнокомандующимъ въ войну противъ Турокъ и по кончинѣ Михельсона назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю. Въ этомъ званіи онъ состоялъ до производства въ генералъ-маіоры и находился до кончины Императора при немъ, будучи близкимъ родственникомъ извѣстнаго князя Петра Михаиловича Волконскаго, супруга котораго была родная сестра Никиты Григорьевича.

Мать князя Александра Никитича, знаменитая кн. Зинаида Александровна, была дочь кн. Бѣлосельскаго, бывшаго посланника въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ, и по своей матери внучка Марьи Дмитріевны Татищевой, сестры извѣстнаго Петра Дмитріевича Еропкина, усмирившаго бунтъ въ Москвѣ, во время чумы 1771 года. Княгиня Волконская была женщина умная и образованная; ее не даромъ называли la Corinne du Nord (Сѣверная Коринна). Вмѣстѣ съ мужемъ своимъ она сопровождала главную квартиру Государя во время славныхъ походовъ 1813—1814 годовъ. Съ нею ѣздилъ и единственный ея сынъ, тогда еще младенецъ (онъ родился въ Августѣ 1811 г.). Малютка находился при главной квартирѣ и въ сраженіи подъ Лейцигомъ, и во Франціи, и даже сопровождалъ Александра Павловича въ Англію. Княгиня сама занималась воспитаніемъ и ученіемъ сына до 15-ти лѣтняго его возраста. Она старалась развить въ немъ охоту ко всему изящному. Княгиня Зинаида жила въ Москвѣ съ 1824—1829 годъ, въ домѣ мачихи своей княгини Анны Григорьевны Бѣлосельской и принимала у себя отборное общество. У нея были вечера, на которые собирались Пушкинъ, князь Вяземскій, Давыдовъ, Веневитиновъ, А. Н. Муравьевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Вечера проходили въ чтеніи и музыкѣ; здѣсь собирались лучшіе музыканты и пѣвцы Итальянской оперы. Княгиня сама отлично пѣла, знала хорошо музыку и всегда участвовала въ исполненіи музыкальныхъ піесъ. Вечера эти имѣли благотворное

*) Напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года

вліяніе на молодость князя Александра и впослѣдствіи предохранили его отъ вредныхъ увлеченій. Во время коронаціи императора Николая въ 1826 году, находясь съ эскадронами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка въ Москвѣ, я часто посѣщалъ эти вечера, но никогда не видалъ, чтобы тамъ играли въ карты. Многіе знакомые просили у княгини позволенія составить партію виста, но она положительно заявила, что никогда не дозволитъ, чтобы у нея въ домѣ играли въ карты. У князя Александра Никитича съ пятилѣтняго возраста былъ товарищемъ Владиміръ Дмитріевичъ Павей. Княгиня Зинаида, будучи въ Англіи въ 1815 году, нашла Павея круглымъ сиротой, взяла и воспитала вмѣстѣ съ сыномъ. Впослѣдствіи Павей былъ истиннымъ другомъ князю Волконскому и сдѣлалъ ему много добра. Во время служенія князя за границей, всѣ имѣнія его и матери до того были разстроены безпорядочнымъ управленіемъ, что не только съ нихъ не получались надлежащіе доходы, но даже не платились проценты въ Опекунскій Совѣтъ, и едва было не поступили въ продажу съ публичнаго торга. Объ этомъ я нѣсколько разъ писалъ княгинѣ въ Римъ, и наконецъ она рѣшилась послать въ Россію Павея съ полною довѣренностью. Павей пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ же отправился по всѣмъ имѣніямъ. Разными оборотами по хозяйству, онъ въ два года успѣлъ уплатить всѣ долги и впослѣдствіи привелъ въ порядокъ дѣла и доходы по имѣніямъ.

По достиженіи княземъ Александромъ 17-тилѣтняго возраста, матерью его былъ приглашенъ для усовершенствованія его въ наукахъ, извѣстный впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета С. П. Шевыревъ, котораго княгиня упросила ѣхать съ нею и съ сыномъ въ Римъ, гдѣ князь и окончилъ свое воспитаніе. Еще прежде, 18 лѣтъ отъ роду, онъ опредѣленъ былъ по высочайшему повелѣнію на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ причисленіемъ къ Римской миссіи сверхъ штата. Въ 1833 году князь возвратился въ Россію вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ Шевыревымъ, выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и послѣ того былъ причисленъ къ департаменту внутреннихъ сношеній и назначенъ камеръ-юнкеромъ. Здѣсь уже начинается дѣйствительная служба князя Александра Никитича: въ 1834 году онъ былъ откомандированъ къ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго дѣйствующею арміею фельдмаршала князя Паскевича въ Варшавѣ, гдѣ въ званіи чиновника особыхъ порученій VIII класса, состоялъ до 1853 года. Живучи въ Варшавѣ, князь успѣлъ снискать себѣ, какъ расположеніе князя Паскевича, такъ и любовь всѣхъ сослуживцевъ, исполняя свою обязанность примѣрно и добросовѣстно, что не всегда дѣлалось окружавшими князя Паскевича. Въ 1849 году онъ участвовалъ въ Венгерской компаніи, находясь при главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Въ 1856 году, уже въ званіи камергера, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну. Бывшій въ то время посланникъ баронъ Будбергъ поручилъ ему занятія по дѣламъ Славянскихъ народовъ, вслѣдствіе чего князь былъ хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ этой должности, князь былъ переведенъ въ Дрезденъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Саксонскомъ.

Доброта сердечная, умъ и ласковое обхожденіе со всѣми, кто только имѣлъ до него дѣло, заставили всѣхъ, отъ короля до послѣдняго человѣка, любить и уважать его. Въ 1860 году онъ переведенъ посланникомъ при королѣ Неа-

политанскомъ, находился при немъ во все время революціи и былъ въ Гаэтѣ, когда этотъ городъ подвергался блокадѣ и бомбардированію. По уничтоженіи Неаполитанскаго королевства въ 1862, князь назначенъ и отправленъ въ Мадридъ посланникомъ ко двору Испанской королевы, гдѣ и пробылъ болѣе пяти лѣтъ. Послѣ случившагося тамъ переворота и отъѣзда королевы изъ Испаніи, въ 1867 году, князь по высочайшему повелѣнію, находился въ Парижѣ, а въ 1870 году, не имѣя возможности, по разстроенному здоровью, продолжать дѣйствительную службу, былъ назначенъ состоять при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

Покойный князь все время служилъ по дипломатической части и поэтому болѣе половины жизни провелъ за границей. Но онъ любилъ свое отечество, слѣдилъ за Русскою литературою, писалъ статьи во многихъ журналахъ, и былъ въ душѣ Русскій человѣкъ. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Луизѣ Лиліенъ, отъ которой у него была дочь, умершая въ Варшавѣ 6-ти лѣтъ отъ роду. По высочайшему разрѣшенію, онъ удочерилъ родственницу свою изъ рода Еропкина, дочь мою Надежду (ей было тогда нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія). Князь любилъ ее какъ собственную дочь, и она была ему единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни. Надя находилась при немъ безотлучно, во время болѣзни и до самой кончины не отходила отъ него. Онъ оставилъ ей по духовному завѣщанію всѣ имѣнія рода Еропкиныхъ и всѣ наличныя деньги.

Покойный князь Волконскій имѣлъ наслѣдственную подагру, которая по временамъ появлялась то въ рукахъ, то въ ногахъ. Болѣзнь усиливалась отъ частыхъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ и отъ перемѣнной пищи, и впослѣдствіи достигла до такой степени развитія, что князю трудно было ходить безъ посторонней помощи. Въ 1877 году, во время путешествія изъ Парижа въ Римъ, онъ заболѣлъ въ городѣ Пизѣ, гдѣ и пробылъ около шести недѣль и, уже по нѣкоторомъ облегченіи, его съ трудомъ могли довезти до Рима, гдѣ онъ поселился въ собственной виллѣ вблизи города. Покойная жизнь, здоровый климатъ и хорошій докторъ значительно облегчили болѣзнь князя, такъ что весною онъ уже всталъ съ постели, а въ Іюлѣ, хотя не совершенно здоровый, имѣлъ довольно силъ, чтобы, по обычаю возвратиться въ Россію. 20 Іюля князь отправился въ свою Веневскую деревню, село Урусово. Въ Сентябрѣ онъ возвратился въ Москву и жилъ тамъ до отъѣзда своего за границу въ Мартѣ 1878 года.

Князь Александръ Никитичъ былъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ; никто изъ близкихъ знакомыхъ не видалъ его не только сердитымъ, но даже скучнымъ. Онъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Если уже кто нибудь сильно ему не правился, то о такомъ лицѣ говорилъ онъ только съ усмѣшкой. Онъ былъ очень образованъ и имѣлъ память необыкновенную. Съ нимъ весьма пріятно было бесѣдовать. Не было происшествія въ дальнемъ или въ настоящемъ времени, котораго бы онъ не зналъ и не разсказалъ подробно и ясно. Большая часть людей имѣютъ измѣнчивый характеръ, или настроеніе духа, смотря по обстоятельствамъ, отъ разныхъ неудачъ въ жизни; покойный же князь всегда былъ въ хорошемъ расположеніи и одинаковъ въ обращеніи, особенно съ людьми, ниже его поставленными въ обществѣ. Онъ умѣлъ ихъ такъ принимать и обласкать, что имъ всегда пріятно было проводить у него время. Онъ любилъ людей не по чинамъ, а по достоинству: поѣдетъ бывало съ визитомъ къ вы-

сокому сановнику, а отъ него къ мелкому лицу; у него это было безразлично. Многіе думали, что князь былъ католикомъ. Я зналъ очень хорошо князя, пользовался его довѣріемъ и дружбою и утвердительно могу сказать, что онъ никогда не измѣнялъ своему исповѣданію. Когда онъ пріѣзжалъ въ свое Веневское имѣніе, то каждый разъ въ Успенскій постъ говѣлъ и причащался; а какъ я всегда проводилъ съ нимъ все лѣто въ имѣніи, то и былъ свидѣтелемъ этого. Скажутъ, что у католиковъ это позволительно, чтобы скрыть въ Россіи истинную свою религію; но въ Римѣ, гдѣ князь кончилъ жизнь, не затруднились бы похоронить его по обряду Римско-Католической церкви и даже настояли бы на томъ; а извѣстно, что для отпѣванія и погребенія покойнаго былъ вызванъ изъ Флоренціи священникъ Сенъ-Донатской церкви, отецъ Владиміръ съ причтомъ, который и совершилъ надъ тѣломъ его обрядъ отпѣванія. Я счелъ священнымъ долгомъ заявить объ этомъ, чтобы не было никакаго нареканія или осужденія памяти покойнаго князя Александра Никитича, который въ продолженіе всей жизни своей никому не дѣлалъ зла и никого не осуждалъ.

В. Ильинъ.

Историко-литературная замѣтка.

Нельзя не пожалѣть, что труды по исторіи Русской литературы составляютъ теперь рѣдкое явленіе и что число лицъ, занимающихся этимъ предметомъ, кажется, теперь меньше, чѣмъ было, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ; поэтому всякое новое имя, подписанное подъ историко-литературною статьею, тѣмъ больше обращаетъ на себя вниманіе. Къ числу такихъ именъ принадлежитъ и имя П. В. Быкова, сотрудника «Древней и Новой Россіи», спеціально занимающагося біографіями Русскихъ женщинъ-писательницъ. Такихъ біографій уже явилось четыре *); въ послѣдней («графиня Е. П. Ростопчина») авторъ даетъ намъ возможность познакомиться съ его личными взглядами и вкусами. Авторъ біографій является послѣдователемъ книги Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» и годъ ея выхода въ свѣтъ (1855) считаетъ эрою, отъ которой нужно вести литературное лѣтосчисленіе. Хотя подобный взглядъ изслѣдователя невыгоденъ для писателей, жившихъ въ до-Чернышевскую эпоху, и едва ли удобенъ для самого біографа; но во всякаго рода историческихъ изслѣдованіяхъ главное не въ личныхъ взглядахъ автора, а въ знакомствѣ его съ дѣломъ и въ добросовѣстномъ отношеніи къ источникамъ. Что же мы находимъ у г. Быкова? Естественно, что составитель біографій Русскихъ женщинъ-писательницъ, смотрящій на литературу съ точки зрѣнія «Эстетическихъ отношеній», долженъ относиться не совсѣмъ благосклонно къ Пушкину, а къ поэту, каковъ г. Фетъ, непремѣнно отнесется даже враждебно; но подобныя отношенія не снимаютъ съ него обязанности добросовѣстно ссылаться (если встрѣтится надобность) на этихъ писателей, а не передавать ихъ творенія своими словами, т. е. не извращать смысла ихъ. Если г. Быковъ считалъ излишнимъ заглянуть въ Фета и полагалъ неважнымъ стихъ его: «Трели Соловья» измѣнить въ

*) „Древн. и Новая Россія“ 1877 г. №№ 7, 9 и 10 и 1878 г., № 7.

«Трескъ Соловья»; то Пушкинъ, уже по одному тому, что онъ писатель старый, давно умершій, казалось бы, долженъ остановить на себѣ большее вниманіе нашего ученаго автора. Ни чуть не бывало! Г. Быковъ съ бойкою нецеремонностію приписываетъ Пушкину то, чего онъ никогда не говорилъ. Сказавъ о пробужденіи нашего общества въ концѣ 50-хъ годовъ, авторъ біографіи графини Ростопчиной, между прочимъ, выражается слѣдующимъ образомъ: большинство начало понимать всю нелѣпость тѣхъ стиховъ, гдѣ говорится, будто бы мы лишь

...рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. .
(„Др. и Нов. Россія", 1878, № 7, стр. 241).

Пощадите, г. Быковъ! Эта нелѣпость принадлежитъ всецѣло вамъ, а не Пушкину,—вамъ, повидимому, не знающему даже, гдѣ отыскать это двустишіе. Въ этихъ, ненавистныхъ вамъ, стихахъ Пушкинъ говоритъ вообще о поэтахъ, о поэтахъ лирическихъ, а не о себѣ, тѣмъ менѣе не о насъ съ вами, не о публикѣ, вообще о людяхъ, о человѣческомъ обществѣ. Подобной нелѣпости, что люди (или, по г. Быкову,—мы) «рождены для вдохновенья» не только Пушкинъ, но ни одинъ здравомыслящій писатель, сказать не могъ и не скажетъ.

Г. Мордовцевъ въ статьѣ о Некрасовѣ («Древ. и Нов. Россія», 1878 г., № 2, стр. 142) также останавливается на приведенномъ выше двустишіи Пушкина (приводя его своими словами) и хотя не считаетъ его, какъ г. Быковъ, нелѣпостью, но тоже неодобрительно къ нему относится именно на томъ основаніи, что Некрасовъ, даже шутя, не говоритъ ничего подобнаго. Но то, что извинительно, до извѣстной степени, г. Мордовцеву, какъ литератору другой спеціальности, непростительно г. Быкову, занимающемуся составленіемъ историко-литературныхъ статей. Послѣдній обязанъ знать, что приведенные стихи Пушкина вложены имъ въ уста поэта и что поэтъ высказываетъ ихъ Черни (т. е. подонкамъ общества, а не обществу, не народу), требующей отъ него проповѣди, наставленія, исцѣленія ея недуговъ.

Принявъ выходъ въ свѣтъ «Эстетическихъ отношеній» за эру новаго литературнаго лѣтосчисленія, нѣкоторые писатели ведутъ основателей новой эстетической или реальной школы по прямой линіи отъ Бѣлинскаго, предполагая, что знаменитый критикъ, поживи онъ больше, былъ бы тѣмъ же, чѣмъ стали потомъ Добролюбовъ, Писаревъ и др. Грубое заблужденіе! Бѣлинскій прежде всего былъ превосходный критикъ и отличный знатокъ поэтическихъ произведеній и инымъ, позднѣйшимъ реалистомъ, быть не могъ, какъ бы ни измѣнялись его соціальные взгляды. Бѣлинскій не допустилъ бы глумленія и паясничества надъ Пушкинымъ и безпощадно преслѣдовалъ бы дикіе литературные взгляды и выходки, невозбранно гуляющіе теперь по нивѣ Россійской словесности. Но теперь и самого Бѣлинскаго называютъ только «Великорусскимъ критикомъ». Это курьёзное изрѣченіе мы встрѣтили въ статьѣ извѣстнаго писателя, помѣщенной 3—4 года тому въ одномъ распространенномъ журналѣ. Остается величать Пушкина Псковскимъ поэтомъ, Лермонтова—Пензенскимъ, а Гоголя—Полтавскимъ. Эстетическій учитель оказывается нужнымъ для реалистовъ-литераторовъ, а иначе они забудутъ самыя азбучныя истины, какъ это доказываетъ наша современная критика, не только

литературная, но даже историческая. Богъ знаетъ, до чего можно договориться, и договариваются. Нѣтъ голоса, нѣтъ силы, которые держали бы подъ страхомъ (какъ держалъ Бѣлинскій) эстетическое невѣжество, натворившее столько литературныхъ бѣдъ, извратившее литературный вкусъ и пониманіе въ нашемъ обществѣ.

М. Де-Пуле.

22 Августа 1878.

Письмо архимандрита Антонія къ Московскому городскому головѣ князю В. А. Черкасскому.

Ваше сіятельство
Милостивый государь!

Весьма въ странное положеніе привела меня просьба господъ К—хъ, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ, просящихъ моего письма къ вашему сіятельству.

Г-жа К., заботясь о доставленіи мѣста службы мужу своему, призвала ходатайство въ семъ дѣлѣ не только живыхъ, но и отошедшихъ съ земнаго поприща и дважды видѣла чрезъ сонъ святителя Филарета, указывающаго ей просить меня написать къ вамъ, прося пристроить К—ва, какъ человѣка способнаго добросовѣстно исполнять волю начальства своего.

Не имѣю довѣрія къ сновидѣніямъ; но привычка нравственная въ теченіи 40 лѣтъ исполнять волю святителя Филарета, въ должности намѣстника Лавры, невольно увлекла мои мысли исполнить просьбу К—ыхъ отъ имени святителя Филарета.

Прошу ваше сіятельство простить мнѣ, что затрудняю васъ чтеніемъ моего письма.

Призываю вамъ благословеніе преподобнаго отца нашего Сергія.

Вашего сіятельства покорный слуга и богомолецъ, Лавры намѣстникъ

Архимандритъ Антоній.

Августа 18 дня
1872 года.

Поправки.

Во 2-й книгѣ Р. Архива сего года, въ статьѣ Я. К. Грота: «Гриммъ и г-жа д'Эпинэ», слѣдуетъ поправить:

Стр. 464. Не Mesdames, а Madame, при чемъ подразумѣвается vient или voici.
» 465. Сентъ-Бэвъ, а не Сенъ-Бэвъ (Sainte-Beuve).
» 466. Міровоззрѣній, а не міра воззрѣній.
» 470. д'Аламберъ, а не Дидро.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Открыта подписка на Русскій Архивъ 1879 года (годъ семнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 11.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1878.

Къ исторіи пріобрѣтенія Амура.

Сношенія съ Китаемъ съ 1848 по 1860 годъ.

Въ Апрѣлѣ 1846 г. было поручено командиру брига «Великій Князь Константинъ», корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручику Гаврилову 2-му (состоявшему на службѣ въ Россійско-Американской Компаніи) производство гидрографическихъ работъ въ Охотскомъ морѣ, при чемъ замѣчено, что экспедиція эта предназначается по высочайшему повелѣнію и что Государю Императору угодно, чтобы въ исполненіи ея была избѣгаема всякая гласность. Поэтому Гаврилову предписано было взять все на себя и устранить даже помощниковъ своихъ отъ извѣстности, въ какомъ мѣстѣ онъ будетъ плавать. Въ инструкціи Гаврилову сказано было, что отъ Тунгусовъ, скитающихся по берегамъ Охотскаго моря, правительство наше извѣстилось, что многіе изъ Русскихъ перебѣжчиковъ или бродягъ-бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ закономъ, пробрались на устье Амура и основали тамъ свои поселенія точно такъ, какъ подобные же имъ люди основали когда-то Албазинъ. Поэтому Гаврилову велѣно было соблюдать строжайшее инкогнито, выдавая себя за не-Русскаго рыболова, со всѣми малѣйшими предосторожностями, имѣя на суднѣ даже табакъ Виргинскій, а не Русскій. Ему было предписано войти такимъ образомъ въ лиманъ Амура и отыскать его устье; а въ случаѣ встрѣчи Русскихъ поселенцевъ говорить имъ, что порусски научился на берегу Охотскаго моря отъ Русскихъ, гдѣ ловилъ рыбу.

Гавриловъ встрѣтилъ мели, и изслѣдованія его не только не привели ни къ какимъ результатамъ, но скорѣе, если можно такъ выразиться, закрыли Амуръ.

Начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура принадлежитъ вполнѣ одному графу Муравьеву-Амурскому.

Императоръ Николай Павловичъ, назначая его генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, говорилъ съ нимъ о развитіи различныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства и объ отношеніяхъ нашихъ къ Китаю, и изволилъ прибавить слѣдующія замѣчательныя слова: «Что̀ же касается до Русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди».

Генералъ Муравьевъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь, не теряя времени началъ знакомиться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилось въ то время дѣло объ Амурѣ. Хаосъ свѣдѣній, мнѣній и предположеній объ этой рѣкѣ, въ концѣ 1847 г., только возбудилъ энергію и настойчивую силу воли Муравьева. Онъ вполнѣ понялъ сказанный ему покойнымъ Императоромъ полунамекъ—à bon entendeur peu de paroles *).

---

*) Для смышленаго слушателя не нужно много словъ.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, генералъ Муравьевъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ, находившимся въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ» для періодическаго обыкновеннаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Онъ сообщилъ г. Невельскому свое мнѣніе о необходимости болѣе правильнаго изслѣдованія устья Амура, гдѣ по словамъ, сказаннымъ ему Государемъ, будто бы только три фута глубины при входѣ *).

Послѣ отъѣзда генерала Муравьева, г. Невельской сталъ хлопотать какъ о назначеніи своемъ командиромъ судна, идущаго въ Камчатку (что̀ не было еще рѣшено въ бытность Муравьева въ Петербургѣ), такъ и о скорѣйшемъ окончаніи строющагося транспорта и вооруженіи его, чтобы имѣть возможность придти весною 1849 г. въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ и остающееся время навигаціи употребить на опись и изслѣдованіе юговосточныхъ береговъ Сибири и Амурскаго лимана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Иркутскъ къ генералу Муравьеву, въ Февралѣ 1848 г., письмо, въ которомъ прямо сознавался, что безъ его ходатайства въ Петербургѣ никто объ Амурѣ и думать не хочетъ, а безъ предписанія самъ собою онъ дѣйствовать не посмѣетъ.

По высочайшему повелѣнію назначенъ былъ Комитетъ, 29 Января 1849 г., въ которомъ обсуждался вопросъ объ Амурѣ. Въ 8-й день Февраля высочайше утверждено положеніе Комитета о морской экспедиціи для изслѣдованія устьевъ этой рѣки. На счетъ ея изслѣдованія и плаванія по ней съ этою цѣлью, рѣшено было воздержаться отъ подобнаго предпріятія, могущаго встревожить Китайцевъ. А какъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по высочайшему повелѣнію, составлялось предположеніе установить сношенія съ Гиляками, обитающими на сѣверной сторонѣ устьевъ Амура и наблюдать въ тѣхъ мѣстахъ за дѣйствіями и происками иностранцевъ: то Комитетъ выразился, что желательно, чтобы лѣвый берегъ устья Амура и находящаяся противъ него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою. Но, чтобы предупредить это, не давъ повода къ притязаніямъ или разрыву съ Китаемъ, графъ Нессельроде полагалъ отправить въ тѣ мѣста изъ Аянскаго порта моремъ небольшую экспедицію, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, поручивъ начальство надъ нею лицу, заслуживающему довѣрія и на благоразуміе и осторожность котораго можно бы вполнѣ положиться, снабдивъ его разными вещами для торговли съ Гиляками и съ прочими обитателями тѣхъ мѣстъ и наставленіями, въ видахъ привлеченія къ намъ Гиляковъ, тѣснѣйшаго съ ними сближенія и упроченія тамъ нашего вліянія. Въ этомъ же Комитетѣ постановлено, чтобъ, для наблюденія за могущими появиться въ Охотскомъ морѣ иностранными судами, учредить въ тѣхъ мѣстахъ временное крейсерство, которое могло бы содѣйствовать также и къ поддержанію торговыхъ и пріязненныхъ связей съ тамошними жителями.

Въ случаѣ какихъ либо со стороны Англичанъ или другаго народа покушеній на островъ Сахалинъ или прилегающую къ устью Амура мѣстность, предоставлено генералу Муравьеву, немедленно по полученіи о томъ извѣстія и не ожидая разрѣшенія отъ высшаго правительства, сообщить о замѣченномъ чрезъ Иркутскаго губернатора Ургинскимъ пограничнымъ правителямъ, дабы такимъ образомъ об-

*) Такъ донесло Государю Правленіе Россійско-Американской Компаніи.

ратить вниманіе Китайцевъ на подобныя покушенія иностранцевъ и отклонить всякія на нашъ счетъ подозрѣнія.

Приведеніе въ исполненіе этихъ предварительныхъ мѣръ полагалъ Комитетъ предоставить морскому вѣдомству или, лучше того, возложить на Россійско-Американскую Компанію, принявъ на счетъ казны потребные на то расходы, а между тѣмъ отстраняя явное участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Чтобы все это привести въ исполненіе «безъ шума и съ должною осторожностью», графъ Нессельроде находилъ удобнѣйшимъ—отправленному въ 1848 г. къ берегамъ Охотскаго моря, съ военнымъ судномъ, капитанъ-лейтенанту Невельскому поручить сдѣлать осмотръ береговъ отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура; а также осмотръ сѣверныхъ береговъ Сахалина и отысканіе, на означенномъ пространствѣ и по возможности въ недальнемъ разстояніи отъ устья Амура, удобнаго и выгоднаго пункта для занятія, если бы въ послѣдствіи найдено было своевременнымъ приступить и къ сему предпріятію. Если морское начальство признаетъ возможнымъ возложить на капитанъ-лейтенанта Невельскаго подобное порученіе, то предписать ему, при произведеніи осмотра, не возбуждать подозрѣній и вниманія Китайцевъ; свѣдѣнія же, какія онъ соберетъ, укажутъ дальнѣйшій планъ дѣйствія. Въ видахъ установленія сношеній съ Гиляками рѣшено было предоставить Американской К°, чтобы она сдѣлала опытъ подобныхъ съ ними сношеній сухимъ путемъ изъ Аяна, собравъ подробныя свѣдѣнія о Гилякахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю и чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній, которыя будутъ собраны предполагаемою сухопутною экспедиціею, можно было потомъ сообразить дальнѣйшія средства упроченія нашего вліянія надъ этимъ народомъ. Издержки, которыя должны быть весьма незначительны, графъ Нессельроде полагалъ принять на счетъ казны.

Въ Февралѣ 1849 года графъ Нессельроде обо всемъ этомъ сообщилъ Главному Правленію Россійско-Американской К°, прося обратить особенное вниманіе на выборъ лицъ, которымъ будетъ поручено завязать сношенія съ Гиляками; привлекать послѣднихъ выгодами и приласкать тѣхъ, которые имѣютъ надъ ними вліяніе и такимъ образомъ облегчать пути къ дальнѣйшимъ и тѣснѣйшимъ сношеніямъ, избѣгая всякихъ столкновеній съ Китайцами и вообще храня порученіе это въ особенной тайнѣ.

Обо всемъ этомъ государственный канцлеръ увѣдомилъ въ тоже время и генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева, прося оказывать компаніи зависящее содѣйствіе. Такъ какъ зимняя Камчатская почта изъ Охотска въ Петропавловскій портъ въ это время уже ушла, то генералъ Муравьевъ, получивъ отъ Комитета инструкцію капитану Невельскому, отправилъ ее со своими секретными наставленіями изъ Иркутска съ нарочнымъ курьеромъ, штабсъ-капитаномъ Карсаковымъ, который, бывъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до Іюня, вышелъ въ началѣ этого мѣсяца на ботѣ «Кадьякъ» въ море и направился прямо къ сѣвернымъ берегамъ Сахалина: онъ расчитывалъ, что въ это время не можетъ уже застать транспорта «Байкалъ» въ Петропавловскомъ портѣ. Разошедшись съ нимъ у сѣверныхъ береговъ острова Сахалина и выдержавъ здѣсь нѣсколько свѣжихъ вѣтровъ, ботъ «Кадьякъ», крейсировалъ между этимъ и матерымъ берегомъ, два раза заходилъ въ Константиновскую гавань, но, не отыскавъ транспорта «Байкалъ», отправился въ обратный путь и при-

шелъ въ Аянъ. Между тѣмъ въ Маѣ капитанъ Невельской былъ уже въ Петропавловскѣ, гдѣ нашелъ письмо отъ генерала Муравьева, въ которомъ онъ предлагаетъ ему идти къ описи устья Амура, увѣдомляя, что по всѣмъ вѣроятіямъ объ этомъ скоро послѣдуетъ высочайше утвержденная инструкція изъ Петербурга.

Капитанъ Невельской рѣшился дѣйствовать, не ожидая этой инструкціи. Чтобы не терять времени, онъ сдалъ въ Петропавловскѣ грузъ и 31-го Мая 1849 года направился со своимъ транспортомъ «Байкалъ» къ восточному берегу острова Сахалина, съ цѣлью оттуда начать свои изслѣдованія; обогнулъ сѣверную оконечность острова и за тѣмъ направился съ Сѣвера въ проливъ между матерымъ берегомъ и островомъ; заходилъ въ заливъ Обмана, назвалъ его именемъ своего транспорта и, продолжая путь далѣе къ Ю. З., 24 Іюня встрѣтилъ у мыса Головачева отмели, сталъ на якорь, спустилъ шлюпку и послалъ на нихъ мичмана Грота и подпоручика Попова отыскивать фарватеръ. Но поиски были неудачны. Отъ мыса Головачева онъ поворотилъ на С. З. вдоль песчаной отмели къ матерому берегу. Здѣсь при прочистившемся туманѣ увидали гористый берегъ Маньчжуріи; не доходя до него около 4-хъ миль, обогнули банку *) и, слѣдуя въ дальнемъ разстояніи отъ этого берега къ Югу, между имъ и банкою, 28 Іюня вошли въ лиманъ Амура. Здѣсь капитанъ Невельской сталъ на якорь и на шлюпкахъ началъ промѣръ и изслѣдованіе сѣверной части лимана. Мичманъ Гротъ пошелъ вдоль Сахалинскаго берега, а лейтенантъ Казакевичъ вдоль матераго. Послѣдній открылъ устье Амура, вошелъ въ рѣку и, слѣдуя лѣвымъ ея берегомъ, присталъ къ Гиляцкой деревнѣ Чадбахъ. Потомъ самъ капитанъ Невельской заходилъ въ устье Амура и, слѣдуя изъ него далѣе по лиману на Югъ, черезъ нѣсколько дней подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ матерой берегъ сближается съ противуположнымъ западнымъ берегомъ о. Сахалина и здѣсь, у мысовъ, названныхъ имъ Лазаревымъ и Муравьевымъ, вмѣсто воображаемаго Лаперузомъ, Броутономъ, Крузенштерномъ и Гавриловымъ перешейка, оказался проливъ, въ которомъ глубина была 5 саженъ. Пройдя южнѣе паралели, до которой въ прошломъ столѣтіи доходилъ капитанъ Броутонъ, отъ мыса матераго берега (м. Невельскаго), капитанъ Невельской поворотилъ обратно на Сѣверъ. Пройдя тѣмъ же открытымъ имъ проливомъ, а послѣ того слѣдуя вдоль Сахалинскаго берега по глубокому каналу, возвратился послѣ 30 дней отсутствія на транспортъ «Байкалъ» (который въ это время занимался изслѣдованіемъ лимана) и послѣ 45-ти дневныхъ тщетныхъ усилій войти съ транспортомъ въ Амуръ, направился обратно къ Сѣверу въ Охотское море. Въ это время Россійско-Американская К° отправила прапорщика корпуса штурмановъ Орлова на двухъ байдаркахъ изъ Аяна къ Югу, вдоль берега моря. Ему, между прочимъ, поручено было отыскать транспортъ «Байкалъ», который, между тѣмъ, выйдя изъ лимана и слѣдуя матерымъ берегомъ около Гиляцкой деревни Искай, открылъ заливъ, закрытый съ моря песчаною низменною косою. Капитанъ Невельской назвалъ его заливомъ Счастія. Заштилѣвъ у мыса Мухтеля, онъ былъ найденъ г. Орловымъ, который, слѣдуя вдоль берега, доходилъ до деревни Коль, лежащей въ 20 миляхъ къ С. З. отъ залива Счастія, и вступилъ въ сношенія съ туземцами.

*) Банкою называется подводная отмель, мѣшающая плаванію.

1-го Сентября [1]) транспортъ «Байкалъ» завидѣлъ Аянъ и въ глубинѣ залива трехмачтовое судно (транспортъ «Иртышъ») съ адмиральскимъ флагомъ на стеньгѣ. При входѣ въ заливъ, 2-го Сентября, транспортъ былъ встрѣченъ катеромъ, на которомъ прибылъ на транспортъ генералъ Муравьевъ [2]) со своимъ штабомъ, нетерпѣливо желавшій узнать результатъ порученія. Передавъ капитану Невельскому свои соображенія и наставленія, генералъ Муравьевъ отправился въ Иркутскъ, куда приказалъ прибыть и капитану Невельскому.

Эти изслѣдованія и открытія капитана Невельскаго обратили на себя вниманіе высшаго правительства въ С.-Петербургѣ, куда онъ былъ командированъ генералъ-губернаторомъ. По представленію сего послѣдняго, была утверждена особая Амурская Экспедиція, и съ возвратившимся изъ Петербурга капитаномъ Невельскимъ [3]) дано генералу Муравьеву разрѣшеніе основать зимовье въ заливѣ Счастія для установленія сношеній и торговли съ Гиляками и для развѣдыванія края, не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура.

Капитанъ Невельской отправился въ Апрѣлѣ 1850 года въ Аянъ, а оттуда на транспортѣ «Байкалъ» 21-го Іюня прибылъ въ гавань Счастія. Тамошніе жители приняли его съ радушіемъ и лаской. По тщательномъ изслѣдованіи мѣстности, онъ нашелъ наиболѣе удобнымъ для устройства зимовья пунктъ противъ острова Лутковскаго.

При этомъ принято было въ соображеніе, чтобы подходъ судна къ селенію былъ простъ и безопасенъ; чтобы изъ селенія во всякое время можно было подать помощь входящему съ моря судну; чтобы у селенія можно было грузиться и наливаться водою и въ случаѣ нужды зимовать судну и, наконецъ, чтобы изъ селенія можно было достигнуть сухопутьемъ береговъ р. Амура. Избранное мѣсто удовлетворяло всѣмъ этимъ потребностямъ, земля была доброкачественная.

Жители селенія Гинель-во, находившагося въ 200 саженяхъ отъ нашего зимовья, предложили добровольно для устройства поста свои услуги; лѣсъ къ первоначальной закладкѣ тотчасъ былъ приготовленъ, и 29-го Іюня, помолясь Богу, Русскіе заложили первое въ преддверіи р. Амура заселеніе, которое, во имя св. апостола, и въ священную память Петра Великаго, названо «Петровское Зимовье» Россійско-Американской Компаніи.

Между тѣмъ въ Петербургѣ все было вооружено противъ г. Муравьева. Министръ финансовъ Вронченко писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что изъ Москвы графъ Закревскій передалъ ему, что Маймачинскіе Китайцы сообщили нѣкоторымъ проживающимъ на Кяхтѣ торговцамъ нашимъ, будто бы усилія Муравьева къ открытію плаванія по Амуру возбудили ропотъ и неудовольствіе Китайскаго правительства. Объ этомъ подана была Государю всеподданнѣйшая докладная записка, на которую, къ счастію, Его Величество не обратилъ особеннаго вниманія. Генералъ-губернаторъ Западной

---

[1]) Замѣчательно, что въ перепискѣ съ г. Невельскимъ, генералъ-губернаторъ назначилъ ему свиданіе именно 1-го Сентября.

[2]) Генералъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска 15 Мая 1849 года съ супругою, проѣхалъ отъ Якутска до Охотска 1100 верстъ верхомъ, оттуда отправился на транспортѣ «Иртышъ» въ Петропавловскъ и обратно въ Аянъ.

[3]) Назначеннымъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ.

Сибири князь Горчаковъ тоже выразилъ свои опасенія за будущность ввѣреннаго ему края. Онъ конфиденціально сообщилъ князю Чернышеву, что Амуръ для Россіи лишнее, что неизмѣримыя дебри отъ Якутска до Камчатки и къ Охотскому прибрежью являютъ собою границу, не требующую охраненія и, что̀ всего важнѣе, отстраняютъ жителей Сибири отъ непосредственнаго прикосновенія къ иностранцамъ, которое легко могло бы обратиться въ дѣло пагубной пропаганды и въ путь существеннаго вспомоществованія безпорядку. Положеніе это князь Горчаковъ считалъ тѣмъ опаснѣе, что жители Сибири отнюдь не питаютъ къ Россіи той привязанности, которою льститъ себя генералъ Муравьевъ. Одно уже то, что въ Сибири Петрашевскій, убѣждало князя Горчакова въ сомнительномъ состояніи Зауралья. Но что̀ будетъ, спрашивалъ онъ, если народонаселеніе сблизится съ Англичанами и Американцами, которые примутъ на себя легкій трудъ внушить народу, что ему за свое золото удобнѣе получать отъ нихъ то, что̀ понынѣ доставлялось изъ Россіи, и что въ случаѣ нужды они поддержатъ эту сдѣлку оружіемъ? Князь сослался на современную и даже древнюю исторію, свидѣтельствующую, что «духъ крамолы принимаетъ всякія формы и сверхъ ожиданія заводитъ людей далеко». Онъ кончаетъ письмо желаніемъ, чтобы все, сказанное имъ, сохранилось въ тайнѣ, предоставляя впрочемъ сдѣлать изъ письма то употребленіе, которое потребуетъ служба.

Князь Чернышевъ не преминулъ воспользоваться этимъ нелѣпымъ пугаломъ и доложилъ письмо Государю, прося учредить комитетъ для обсужденія вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи. Государь Императоръ, прочитавъ письмо, изволилъ сдѣлать слѣдующую резолюцію: «Будемъ имѣть въ виду, по пріѣздѣ генералъ-лейтенанта Муравьева. 22-го Октября 1850 года».

Въ этомъ же 1850 году, капитанъ Невельской плавалъ верстъ на сто вверхъ по Амуру и въ 25 верстахъ отъ устья заложилъ 6-го Августа Николаевскій Постъ. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, онъ не засталъ тамъ генералъ-губернатора, при которомъ онъ назначенъ былъ состоять, и отправился въ Петербургъ, гдѣ и сдѣлалъ донесеніе генералу Муравьеву, который, вмѣстѣ съ запискою маіора Карсакова, лично доложилъ о томъ Государю 20-го Ноября, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія, присовокупивъ, что Невельской поставилъ на Амурѣ флагъ и пушку.

Вслѣдствіе этого донесенія и доклада назначенъ былъ «Гиляцкій Комитетъ», въ которомъ участвовали: графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, князь Меньшиковъ, графъ Перовскій, графъ Бергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и генералъ Муравьевъ.

Въ комитетѣ этомъ господствующею мыслью графа Нессельроде было не допускать занятія устья Амура; гавань Счастія совершенно его удовлетворяла, соотвѣтствуя его видамъ, такъ какъ устье Амура оставалось свободнымъ. Графъ Нессельроде находилъ, что возводить постройки въ Гиляцкой землѣ опасно и рановременно. Касательно же пункта, занятаго на Амурѣ, онъ полагалъ, что торжественное занятіе это не можетъ не встревожить Китайцевъ, и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому предмету вопросовъ и жалобъ отъ Китайскаго правительства, «чѣмъ избѣгнемъ крайней опасности» (!). Кто можетъ поручиться, заявлялъ по-

сѣдѣлый дипломатъ, что Китайцы не придутъ туда въ значительной силѣ, не вытѣснятъ горсть нашихъ людей, не раззорятъ въ глазахъ Гиляковъ наши постройки и не попрутъ самаго флага? Все это, по словамъ его, произведетъ вреднѣйшее для насъ вліяніе на Гиляковъ, нежели добровольное оставленіе нами поста. И такъ, для сохраненія чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше, говорилъ онъ, теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этотъ пунктъ на Амурѣ въ ожиданіи, что̀ напишетъ Китайское правительство.

Генералъ-губернаторъ доказывалъ необходимость этого занятія, чтобы предупредить иностранцевъ, которые могли занять это пустынное мѣсто. Въ особенности были противъ занятія устья Амура, послѣ графа Нессельроде, г. Сенявинъ и князь Чернышевъ. Послѣдній имѣлъ даже неосторожность обратиться къ генералу Муравьеву съ упрекомъ, сказавъ ему: «вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ!»

Засѣданіе кончилось безъ всякаго опредѣленнаго заключенія; но графъ Перовскій, уходя вмѣстѣ съ генераломъ Муравьевымъ, сказалъ ему, что постановленіе вѣроятно будетъ неблагопріятно для занятія Амура. Такъ и случилось. Черезъ нѣсколько дней прислали генералу Муравьеву подписать журналъ, который прежде уже былъ подписанъ всѣми членами, исключая г. Сенявина. Въ журналѣ этомъ доказывалось неудобство занятія устья Амура, выражены опасенія о разрывѣ съ Маньчжурами, и въ заключеніе сказано было, «что призванный въ засѣданіе генералъ-губернаторъ согласился съ этимъ мнѣніемъ». Курьеръ, привезшій протоколъ для подписи къ генералу Муравьеву, объявилъ ему отъ имени графа Нессельроде, что его просятъ только подписать и требуютъ немедленно журналъ возвратить. Это было вечеромъ; у г. Муравьева были гости. Онъ не рѣшился исполнить этого настоятельнаго требованія графа Нессельроде и, предложивъ курьеру стаканъ чаю, поспѣшилъ написать особое свое мнѣніе, покуда тотъ пилъ чай, такъ что, не задерживая курьера, онъ однакожъ въ весьма краткихъ выраженіяхъ и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій въ отношеніи сановитыхъ подписей, изъявилъ рѣшительное свое несогласіе на содержаніе этого протокола. Князь Чернышевъ былъ страшно недоволенъ и выразилъ даже это неудовольствіе г. Муравьеву на другой день въ Комитетѣ Министровъ, но тѣмъ не менѣе журналъ съ мнѣніемъ г. Муравьева былъ доложенъ Государю Николаю Павловичу, и Его Величество велѣлъ собраться комитету вновь, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и изъ всѣхъ прежнихъ членовъ.

Государь Наслѣдникъ, прежде назначенія засѣданія, призвалъ генералъ-губернатора Муравьева и взялъ отъ него пояснительную записку по всему этому дѣлу; а въ засѣданіи, которое состоялось 19 Января 1851 года, рѣшительнымъ Своимъ мнѣніемъ въ пользу занятія устья Амура, убѣдилъ нѣкоторую часть членовъ; но графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, гг. Сенявинъ и Вронченко остались при прежнемъ своемъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе Государь Императоръ, прочитавъ это новое постановленіе, повелѣлъ военный постъ, постановленный капитаномъ Невельскимъ на устьѣ Амура, оставить тамъ и еще усилить содѣйствіемъ одного морскаго судна въ лѣтнее время. Постъ этотъ долженъ былъ быть въ видѣ торговаго склада Россійско - Американской К°.; за тѣмъ постановлено продолжать дальнѣйшія дѣйствія чрезъ эту же компанію, въ указанныхъ видахъ, на Гиляковъ.

Такъ рѣшено было, послѣ немалыхъ затрудненій и борьбы, занятіе нами устья Амура. Брандвахту на Амурѣ, какъ рѣкѣ намъ не принадлежащей, учреждать нашли излишнимъ; съ Китайскимъ правительствомъ положено было снестись обычнымъ порядкомъ, съ приглашеніемъ войти съ нами въ объясненія касательно обезпеченія устьевъ Амура отъ всякихъ покушеній иностранныхъ державъ, предоставивъ въ тоже время Россійско-Американской К° и нашему крейсеру, въ случаѣ появленія близъ устья Амура иностранныхъ судовъ и обнаруженія ими намѣренія занять какой либо тамъ пунктъ, дѣлать имъ объявленіе, что, безъ согласія Россійскаго и Китайскаго правительствъ, никакія распоряженія въ тѣхъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы и что послѣдствія такихъ самовольныхъ поступковъ могутъ пасть на нихъ отвѣтственность.

5-го Февраля была написана отъ Сената въ Китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній слѣдующая бумага: «До свѣдѣнія нашего дошло, что съ нѣкотораго времени у устья Амура стали появляться иностранныя суда, и мы имѣемъ причины думать, что появленіе тамъ сихъ иностранныхъ судовъ, изъ коихъ нѣкоторыя были военныя,— не безъ цѣли. Вѣковыя, дружественныя наши съ Китаемъ сношенія побуждаютъ насъ довести до свѣдѣнія Китайскаго правительства о семъ важномъ обстоятельствѣ. Овладѣніе устьемъ Амура или занятіе въ тѣхъ мѣстахъ пункта какою либо морскою державою не можетъ быть нами терпимо, такъ какъ Амуръ вытекаетъ изъ нашихъ предѣловъ и притомъ самыя земли, отъ р. Уди къ Востоку лежащія и слѣдовательно примыкающія къ устью Амура, по трактату нашему съ Китайскою имперіею, оставлены неразграниченными. Поэтому существенныя выгоды какъ Китая, такъ и Россіи требуютъ, чтобы никакія иностранныя суда не могли имѣть входъ въ Амуръ и плавать по этой рѣкѣ, и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державѣ. Все это дружески сообщается Китайскому правительству на дальнѣйшее его размышленіе, и не признаетъ ли оно полезнымъ войти съ нами въ соглашеніе на счетъ обезопасенія устья помянутой рѣки и противолежащаго острова отъ всякихъ покушеній на сіи мѣста иностранцевъ, чего, повидимому, требовала бы взаимная безопасность нашихъ и вашихъ въ тѣхъ мѣстахъ предѣловъ».

Между тѣмъ изъ донесеній капитана Невельскаго, посланныхъ въ Ноябрѣ 1851 года изъ Петровскаго Зимовья, генералъ Муравьевъ усмотрѣлъ, что, при постепенномъ распространеніи нашего вліянія и заселенія въ землѣ Гиляковъ, открываются и новыя потребности въ командахъ и каботажныхъ средствахъ; а съ другой стороны изъ отзывовъ Россійско-Американской К° онъ заключилъ, что экспедиція эта, особенно послѣ крушенія около зимовья барка «Шелеховъ», уже отяготительна для нея. Имѣя притомъ въ виду, что по важности этого государственнаго дѣла должно воспользоваться успѣшными послѣдствіями двухлѣтнихъ тамъ нашихъ дѣйствій и болѣе всего заботиться, чтобъ при занятіи этихъ мѣстъ соблюдался строгій порядокъ, безъ котораго самое лучшее начало можетъ быть испорчено, г. Муравьевъ полагалъ необходимымъ дать этой экспедиціи слѣдующее правильное образованіе: 1) въ землѣ Гиляковъ имѣть одну изъ четырехъ ротъ 46-го флотскаго экипажа съ приличнымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и мастеровыхъ, священника, доктора и отдѣленіе Камчатскаго госпиталя; 2) имѣть тамъ же полсот-

ни казаковъ съ офицеромъ; 3) всѣмъ этимъ командамъ предоставить преимущества и содержаніе по особо имъ составленному проэкту штата и подчинить непосредственно особому начальнику экспедиціи, изъ состоящихъ при генералъ-губернаторѣ морскихъ штабъ-офицеровъ; 4) Россійско-Американскую К⁰. освободить отъ всѣхѣ обязанностей, которыя на нее возложены въ отношеніи къ описанію и заселенію тамошнихъ мѣстъ и, принявъ въ вѣдѣніе казны всѣ находящіяся тамъ заведенія и строительные матеріалы, предоставить компаніи продолжать торгъ съ мѣстными жителями на общихъ правахъ, помѣщая товары ея въ казенныхъ уже зданіяхъ, тамъ возведенныхъ и возводимыхъ; 5) вознаградить компанію за понесенные ею убытки нынѣ же, какъ это имѣлось въ виду въ 1855 году, еслибъ она отказалась тогда отъ сего предпріятія. Учрежденіе это не представляло никакихъ особыхъ значительныхъ для правительства издержекъ, исключая справедливаго единовременнаго вознагражденія компаніи за понесенные ею убытки, вмѣсто 1855 г., въ 1852 году. Содержаніе 4-й роты 46 флотскаго экипажа могло быть отнесено на счетъ этого экипажа, а содержаніе полсотни казаковъ на счетъ Забайкальскаго казачьяго войска. Безъ правильной отчетности экспедиціи и безъ надлежащаго утвержденія высшаго начальства объ употребленіи тамъ морскихъ и воинскихъ чиновъ и обезпеченіи ихъ всѣми потребностями, г. Муравьевъ нашелъ для себя затруднительнымъ удовлетворять справедливымъ и необходимымъ требованіямъ капитана Невельскаго; а между тѣмъ права Россійско-Американской К⁰. на всѣ занятыя тамъ мѣста и возводимыя зданія могли бы впослѣдствіи сдѣлаться отяготительны для правительства.

Вышеизложенное образованіе, облекая экспедицію въ правильные размѣры и давая ей стройное утвержденіе, не представляло въ тоже время и никакихъ неудобствъ и измѣненій въ отношеніи политическомъ: ибо двухлѣтнее пребываніе командъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ извѣстно было уже какъ Китайцамъ, такъ и другимъ иностранцамъ; ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали даже, что команды эти числились компанейскими, а не правительственными. Между тѣмъ дружественныя наши сношенія съ Китаемъ на тамошнихъ границахъ укрѣплялись болѣе и болѣе, что̀ ясно обозначалось всѣми переговорами съ ними въ 1851 г. и даже при посылкѣ курьеровъ нашихъ въ Ургу въ началѣ Января 1852 года. Впрочемъ Китайское правительство было предупреждено еще листомъ отъ 5 Февраля 1851 г. о причинахъ, которыя насъ побуждали обращать особое вниманіе на тѣ мѣста, и хотя г. Муравьеву не было извѣстно, былъ ли отвѣтъ на этотъ листъ изъ Китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній, но и самое молчаніе въ этомъ случаѣ, при продолженіи дружескихъ на границѣ отношеній, убѣждало его, что дѣйствія наши при устьяхъ Амура Китайскимъ правительствомъ не оспариваются. Муравьевъ понималъ, что дѣло Амурское, начатое по высочайшей волѣ и продолжавшееся успѣшно, достигло уже той степени, въ которой неудобно было оставлять его безъ надлежащихъ средствъ и непосредственнаго руководства правительственнаго, какъ для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія его, такъ и во избѣжаніе столкновеній, которыя бы могли произойти отъ преждевременнаго стремленія къ полученію матеріальныхъ отъ него выгодъ.

Поспѣшая удовлетворить требованія капитана 1-го ранга Невельскаго, г. Муравьевъ въ тоже время распорядился объ отправкѣ къ

нему медикаментовъ и прочаго на 12-ть больничныхъ кроватей и съ открытіемъ навигаціи 1851 года распорядился командировать къ нему изъ Охотска нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства и казаковъ въ дополненіе къ находившимся уже въ Петровскомъ Зимовьѣ, сколько могло оказаться изъ Охотска возможнымъ, и на всѣхъ продовольствіе до навигаціи 1853 года.

Обо всемъ этомъ г. Муравьевъ представилъ въ Петербургъ. Ему отвѣчали, что, «при постоянномъ желаніи Государя, чтобъ въ распространеніи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами восточнаго Азіатскаго края соблюдалась крайняя осторожность и неспѣшность, предлагаемыя нынѣ генералъ-губернаторомъ по этому предмету мѣры и распоряженія признаются при настоящихъ обстоятельствахъ рановременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены». Вопросъ же о вознагражденіи Россійско-Американской К°. вмѣсто 1855 г. въ 1852-мъ велѣно было передать на рѣшеніе Комитата о Гилякахъ.

Все, на что рѣшились въ Петербургѣ, это послать на устье Амура священника.

Энергическая дѣятельность капитанъ-лейтенанта Невельскаго подробно выяснена въ напечатанныхъ его посмертныхъ запискахъ. Патріотъ въ душѣ, ободряемый настойчивостью генерала Муравьева, онъ съ твердостію шелъ впередъ и, не взирая ни на какія противудѣйствія, основалъ нѣсколько военныхъ постовъ въ устьѣ Амура, въ гаваняхъ Татарскаго берега и на островѣ Сахалинѣ.

Теперь мы обратимся снова къ постановленію Комитета 8 Февраля 1849 года, которымъ, вмѣстѣ съ экспедиціею капитанъ-лейтенанта Невельскаго, разрѣшена была сухопутная экспедиція къ устьямъ Амура.

Въ концѣ 1848 года, безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ генераломъ Муравьевымъ, составлена была секретная экспедиція подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Агте, подъ видомъ изслѣдованія Забайкальскаго края. Въ бумагѣ, по этому случаю, отъ генералъ-адъютанта князя Долгорукова къ генералъ-квартирмейстеру Бергу сказано было, что Государь Императоръ, имѣя въ виду не довольно точное опредѣленіе нашей границы съ Китайскими владѣніями, полагалъ бы необходимымъ, для подробнаго означенія ея, составить коммиссію изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ и путей сообщенія подъ руководствомъ одного штабъ-офицера генеральнаго штаба, присоединивъ къ коммиссіи одного или двухъ офицеровъ корпуса топографовъ и нѣсколькихъ топографовъ. Экспедиціи этой поручалось изслѣдовать пограничный край и въ минералогическомъ отношеніи для открытія тамъ драгоцѣнныхъ металловъ и другихъ ископаемыхъ.

Въ Январѣ 1849 года департаментъ генеральнаго штаба представилъ всѣ соображенія объ экспедиціи и между прочимъ свѣдѣнія о границѣ нашей съ Китаемъ, изъ которыхъ убѣдились, что о мѣстности отъ р. Горбицы, впадающей въ Шилку, до Охотскаго моря нѣтъ никакихъ положительныхъ топографическихъ свѣдѣній и все показанное по картамъ на этомъ пространствѣ не заслуживаетъ никакаго довѣрія. На счетъ этой неизвѣстной границы, названной въ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ предварительною, сообщены были академикомъ Миддендорфомъ, посланнымъ Академіею Наукъ въ Сибирь въ 1844 и 1845 годахъ, кое-какія смутныя свѣдѣнія. Возвра-

щаясь изъ Удскаго края, онъ видѣлъ четыре столба, поставленные Китайцами и принялъ ихъ за пограничные на основаніи послѣдняго пункта трактата 1689 года. Какъ должно полагать, г. Миддендорфъ говоритъ о столбахъ, разграничивающихъ Хейлунцзянскую провинцію отъ Циринской, поставленныхъ отъ рѣки Науна по лѣвую сторону Сунгари до соединенія ея съ Амуромъ, а отсюда по хребту Янь-Шань и Доусэ къ Становому хребту, что явственно показано на картѣ іезуита Дю-Гальда, приложенной къ описанію Китая. Становой хребетъ составляетъ естественную границу съ Китаемъ, и Китайцамъ не для чего было ставить пограничные столбы гораздо южнѣе отъ хребта и признавать этимъ мѣста, лежащія отъ него къ Югу, принадлежащими Россіи. Да и въ послѣднемъ пунктѣ Нерчинскаго трактата, на который ссылался академикъ Миддендорфъ, ничего вообще не говорится о границахъ и о постановленіи какихъ либо пограничныхъ знаковъ; самые знаки эти иначе не могли бы быть поставлены, какъ обоюдными коммисарами, а поэтому нельзя было допустить, чтобы открытые г. Миддендорфомъ столбы дѣйствительно въ глазахъ правительства означали границу съ Россіею.

Описывая за тѣмъ богатства Пріамурскаго края по всѣмъ царствамъ природы, записка, составленная въ генеральномъ штабѣ, упоминаетъ о выгодахъ, какихъ должно ожидать отъ учрежденія свободнаго судоходства по Амуру, какъ единственному пути сообщенія Сибири съ Востокомъ, необходимаго намъ для упроченія владѣнія Охотскимъ краемъ, Камчаткою и Сѣверо-Американскими колоніями. Приведено было указаніе того же академика Миддендорфа на необходимость рекогносцировки теченія рѣки Амура и на опасное соперничество Англичанъ, которые могли предупредить насъ на устьѣ Амура основаніемъ твердаго пункта въ землѣ Гиляковъ и тѣмъ захватить въ свои руки всѣ выгоды отъ сообщенія по Амуру, что подтверждалось попытками Англичанина Остена, который, подъ предлогомъ геогностическихъ изслѣдованій и пользуясь гостепріимствомъ Россіи, занимался изслѣдованіемъ р. Амура и ея притоковъ. Что же касается до Гиляковъ, то они считали себя отъ Китая независимыми и охотно, какъ надо думать, уступятъ за безцѣнокъ часть своей земли, для основанія, при самомъ устьѣ Амура, складочнаго торговаго мѣста.

Докладъ, съ представленными департаментомъ генеральнаго штаба свѣдѣніями, по высочайшей волѣ переданъ былъ государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ, который донесъ Государю Императору, что осмотръ пространства между Горбицею и Удью, по отдаленности отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая, можетъ быть допущенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, но съ однимъ условіемъ, чтобъ осмотръ этотъ былъ сдѣланъ съ осторожностію и чтобы начальнику экспедиціи постановлено было въ непремѣнную обязанность не приближаться къ рѣкѣ Амуру и избѣгать всякихъ столкновеній съ Китайцами; отъ дѣйствій же по изслѣдованію р. Амура, какъ могущихъ встревожить Китайцевъ, должно воздержаться до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Такъ какъ предназначавшаяся экспедиція имѣла связь съ составлявшимся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ предположеніемъ объ установленіи сношеній съ Гиляками, обитающими близъ устья Амура, и о наблюденіи въ тѣхъ мѣстахъ за движеніями и происками иностранцевъ: то государственный канцлеръ испрашивалъ повелѣнія о

разсмотрѣніи обоихъ дѣлъ въ особомъ комитетѣ, который и былъ составленъ изъ графа Нессельроде, князя Чернышева, князя Меньшикова, графа Перовскаго и генералъ-адъютанта Берга, и 8 Февраля 1849 г. подписано высочайшее повелѣніе отправить сухопутную экспедицію подъ начальствомъ подполковника Агте съ прикомандированіемъ къ ней двухъ ученыхъ, одного по горной части, а другаго для метеорологическихъ наблюденій. Экспедиціи велѣно было ограничиться точнымъ опредѣленіемъ той части границы нашей съ Китаемъ по трактатамъ, которая оставлена безъ ближайшихъ изысканій, отнюдь не посягая на земли, намъ не принадлежащія, дабы на основаніи точныхъ свѣдѣній можно было ясно опредѣлить, по какому именно направленію горъ должна слѣдовать наша съ Китаемъ граница на основаніи Нерчинскаго трактата. При этомъ начальнику экспедиціи поставлено въ непремѣнную обязанность производить изслѣдованія съ крайнею осторожностію и избѣгать всего того, что̀ можетъ встревожить Китайцевъ и подать поводъ къ какимъ либо съ ними столкновеніямъ. Въ инструкціи сказано, что осторожность въ дѣйствіяхъ въ сихъ видахъ должна быть главнымъ и первымъ его правиломъ. Графъ Нессельроде до того простеръ свою мнительность, что даже самыя изслѣдованія по горной части предписалъ лучше производить на сѣверной покатости горъ, т. е. въ мѣстахъ, неоспоримо принадлежащихъ Россіи; что же касается до земель южной покатости, то положительно воспрещено было приближаться къ Амуру и къ населеннымъ мѣстамъ Китая. Дабы самыя распоряженія объ отправленіи экспедиціи не могли подать повода къ толкамъ, ей велѣно было именоваться «экспедиціею для изслѣдованія Забайкальскаго края». Въ случаѣ встрѣчи съ Китайцами (чего, какъ сказано было, впрочемъ никакъ ожидать нельзя) велѣно было на спросы ихъ отвѣчать, что люди зашли съ промышленною цѣлію для отысканія звѣриныхъ промысловъ. И предъ туземцами, состоящими въ Русскомъ подданствѣ, приказано было выдавать себя за частныхъ промышленниковъ. Срокъ дѣйствій экспедиціи опредѣленъ былъ на три года; Китайскіе пограничные столбы, которыми настращалъ академикъ Миддендорфъ, поручено осмотрѣть лишь на третій годъ, и то въ такомъ случаѣ, если начальникъ экспедиціи успѣетъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія, что совершить это можно съ успѣхомъ, не возбуждая подозрѣнія Китайцевъ.

Вся эта экспедиція была слѣдствіемъ записки, поданной въ 1845 г. академикомъ Миддендорфомъ на высочайшее воззрѣніе. Указывая на необходимость рекогносцировки всего теченія Амура, г. Миддендорфъ самъ вызывался спуститься въ сопровожденіи двухъ топографовъ и четырехъ казаковъ на лодкѣ, особенно для этой цѣли устроенной, внизъ по теченію Амура въ море, намѣреваясь выплыть къ Аянскому порту Охотскаго моря. Но, какъ мы видѣли, объ Амурѣ графъ Нессельроде не хотѣлъ и слышать. Военнаго же министра, князя Чернышева, экспедиція вовсе не интересовала, что̀ ясно видно изъ того, что онъ, въ концѣ Іюля 1849 года, спрашивалъ собственноручной запиской департаментъ генеральнаго штаба, что̀ послужило началомъ къ секретной экспедиціи Агте, было ли дѣло это разсмотрѣно въ Азіатскомъ Комитетѣ и гдѣ теперь подполковникъ Агте? Онъ позабылъ, что дѣло это было кончено уже въ Мартѣ комитетомъ, въ которомъ самъ же присутствовалъ.

Генералъ-адъютантъ Бергъ предлагалъ послать коллежскаго совѣтника Миддендорфа черезъ Якутскъ и Аянъ моремъ къ Гилякамъ для дипломатическихъ съ ними переговоровъ объ уступкѣ намъ земли за нѣсколько пудовъ табаку, утверждая, что никто лучше г. Миддендорфа не въ состояніи исполнить этого порученія: ибо ему одному извѣстна мѣстность, онъ уже свелъ съ Гиляками знакомство, былъ со многими изъ нихъ въ дружескихъ отношеніяхъ и сверхъ того знаетъ (?) ихъ языкъ. Генералъ Бергъ видѣлъ даже возможность, по пріобрѣтеніи отъ Гиляковъ земли за весьма недорогіе подарки, поселить на ней, для удержанія ея за нами, два или три семейства, по мѣрѣ возможности увеличивая это поселеніе.

Не такъ и не то думалъ въ это время генералъ Муравьевъ, лично собиравшійся на устье Амура.

Сухопутная экспедиція состояла изъ начальника оной, подполковника генеральнаго штаба Агте, назначеннаго по высочайшей волѣ, астронома Пулковской обсерваторіи Шварца, двухъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло минералоговъ, изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ, штабсъ-капитана Кованько и поручика Меглицкаго, назначенныхъ министромъ финансовъ; 2 штейгеровъ, двѣнадцати горныхъ мастеровыхъ, 2 топографовъ, 4 казаковъ, 4 Тунгузовъ и 2 человѣкъ прислуги. На издержки экспедиціи назначено по 10,000 р. сер. въ годъ. Въ Апрѣлѣ 1849 года, военный министръ увѣдомилъ генерала Муравьева, что экспедиція отправляется въ Иркутскъ и просилъ его объ оказаніи ей возможнаго содѣйствія, а такъ какъ планъ дѣйствій экспедиціи можетъ по обстоятельствамъ измѣниться, то, не упуская изъ виду главной цѣли, дальнѣйшее исполненіе предоставлено ближайшему усмотрѣнію подполковника Агте, по предварительному обсужденію и сношенію съ нимъ, генералъ-губернаторомъ, если по мѣсту нахожденія экспедиціи будетъ это возможно.

15-го Мая 1849 года генералъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Камчатку. Но едва успѣлъ онъ доплыть до Якутска, какъ получилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи экспедиціи подъ начальствомъ подполковника Агте. Какъ мы видѣли выше, объ экспедиціи не было никакихъ предварительныхъ сношеній съ г. Муравьевымъ; ей строго вмѣнялось въ обязанность не доходить, не касаться Амура, что̀ одно и могло бы быть полезно, и наконецъ, ей назначено было дѣйствовать именно въ то время, въ то самое лѣто, въ которое генералъ-губернаторъ отправлялся въ Камчатку, что̀ въ Петербургѣ давно было извѣстно.

Генералъ Муравьевъ, предусматривая помѣху, которую могла экспедиція эта сдѣлать въ настоящихъ видахъ на Амуръ и въ то самое время, когда безъ огласки производилось изслѣдованіе его устья, рѣшился не исполнить высочайшаго повелѣнія и предписалъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ въ Иркутскѣ остановить въ этомъ городѣ экспедицію до возвращенія своего изъ Камчатки, и изъ Якутска же донесъ о томъ Императору Николаю Павловичу въ собственныя руки. Онъ убѣждалъ Государя, что, если съ нашей стороны имѣются какіе либо виды на занятіе устьевъ р. Амура, то всякое секретное предпріятіе по ту сторону р. Горбицы неумѣстно до тѣхъ поръ, покуда не будетъ занято устье Амура и не возбуждено будетъ съ Китайцами приличныхъ переговоровъ о возвращеніи въ наше

владѣніе лѣваго берега этой рѣки; что изслѣдованіе неопредѣленныхъ нашихъ границъ съ Китаемъ за рѣкою Горбицою неоднократно было предпринимаемо; и что послѣ путешествія академика Миддендорфа въ этомъ отношеніи едва ли болѣе представляется надобность, тѣмъ болѣе, что единственною цѣлію нашихъ предпріятій въ этой странѣ можетъ быть обладаніе р. Амуромъ, какая бы ни была почва земли на лѣвомъ ея берегу; что простое изслѣдованіе сѣверной покатости Становаго хребта до Олекмы и Якутска, а также Удскаго края можетъ быть сдѣлано изъ Иркутска съ несравненно меньшими издержками и людьми, гораздо опытнѣйшими въ краѣ; что движеніе экспедиціи за Горбицу непремѣнно дойдетъ до свѣдѣнія и возбудитъ вниманіе Китайцевъ, тѣмъ болѣе для насъ неудобное, что мы не можемъ представить имъ никакой уважительной причины этому дѣйствію, а потому генералъ Муравьевъ, по лежащей на немъ отвѣтственности, не смѣя скрыть своихъ опасеній въ этомъ дѣлѣ (особенно когда долговременное и отдаленное отсутствіе лишаетъ его всякой возможности наблюдать за ходомъ экспедиціи, поставленной въ независимое отъ него положеніе) просилъ Государя повелѣть отложить изслѣдованіе, по крайней мѣрѣ до возвращенія его изъ Камчатки, присовокупляя, что онъ принялъ смѣлость пріостановить экспедицію въ Иркутскѣ до полученія дальнѣйшихъ повелѣній.

Князь Чернышевъ и графъ Вронченко, задѣтые за живое, употребляли всѣ усилія, чтобы доказать неосновательность самовольныхъ распоряженій генерала Муравьева по дѣлу экспедиціи; но Государь Императоръ 30-го Сентября 1849 г. положилъ высочайшую резолюцію: «оставить дѣло это до прибытія въ С. Петербургъ генералъ-лейтенанта Муравьева».

Въ ожиданіи разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе пріостановленной въ Иркутскѣ экспедиціи, г. Агте, съ согласія предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, въ Іюлѣ 1849 г., сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: двухъ офицеровъ, штабсъ-капитана Ковanько и поручика Меглицкаго, командировалъ въ Нерчинскій округъ на тамошніе золотые промыслы для подробнаго изученія мѣстности оныхъ, такъ какъ данныя, представляемыя этою мѣстностію и направленіе горъ заставляло предполагать, что пространство, предстоявшее обзору экспедиціи, заключаетъ въ себѣ одинаковыя условія съ пространствомъ Нерчинскаго округа; при чемъ офицерамъ этимъ поручено было составить полное геогностическое описаніе Нерчинскихъ золотыхъ розсыпей. Астронома Шварца съ топографами подполковникъ Агте послалъ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и производства наблюденій въ уѣздахъ Иркутской губерніи и на Байкалъ. Гг. Ковanько и Меглицкій окончили занятія свои въ Октябрѣ 1849 года, при чемъ послѣдній, сравнивая золотоносную долину р. Кары и ближайшихъ рѣчекъ съ долиною пограничной рѣки Малой Горбицы, вывелъ то замѣчательное заключеніе, что и на другихъ рѣчкахъ, текущихъ паралельно Горбицѣ и впадающихъ ниже ея въ Шилку съ лѣвой стороны, должно искать, съ вѣрною надеждою на успѣхъ, новыхъ, доселѣ еще неоткрытыхъ золотыхъ розсыпей.

По возвращеніи въ Иркутскъ, генералъ Муравьевъ нашелъ тамъ подполковника Агте съ другими членами экспедиціи и, чтобъ извлечь изъ нея хоть нѣкоторую пользу безъ вреда, который бы могъ произойти отъ первоначальнаго ея направленія, рѣшилъ, что признаетъ

возможнымъ и полезнымъ съ наступленіемъ весны 1850 г. направить дѣйствія экспедиціи для обозрѣнія и описанія пространства между р. Удью, Охотскимъ моремъ, Амурскимъ лиманомъ и рѣкою Амуромъ, не смотря на то, что въ инструкціи г. Агте запрещено было и приближаться къ этой рѣкѣ.

Не желая отрѣшаться отъ первоначально возложеннаго на него въ Петербургѣ порученія, подполковникъ Агте изложилъ въ поданномъ генералу Муравьеву проэктѣ, будто бы подробный и основательный осмотръ вышеупомянутой мѣстности можетъ представить возможность разъяснить обстоятельства о границѣ нашей съ Китаемъ. Генералъ Муравьевъ не могъ понять, какъ можно искать границы тамъ, гдѣ ея по трактату нѣтъ и доказывалъ всю ошибочность взгляда подполковника Агте: и дѣйствительно, во всѣхъ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ пространство между Удью и Охотскимъ моремъ было оставляемо неразграниченнымъ, и конечно съ благонамѣренною цѣлію со стороны Россійскихъ уполномоченныхъ, которые всегда уклонялись отъ Китайскихъ предложеній въ этомъ отношеніи. А потому всякое покушеніе частнаго лица или даже экспедиціи, правительствомъ отправленной, искать границу въ неразграниченномъ пространствѣ было неумѣстно, неблагоразумно и противно государственнымъ пользамъ. Не слѣдовало даже и вмѣнять въ обязанность экспедиціи разъяснять вопросъ о несуществующей границѣ, дабы не подавать повода въ послѣдствіи къ какимъ либо превратнымъ толкованіямъ о какихъ либо пограничныхъ знакахъ, кѣмъ либо насыпанныхъ и кѣмъ либо видѣнныхъ, но не могущихъ имѣть никакаго значенія, когда все это пространство не разграничено.

Въ дополненіе къ занятіямъ экспедиціи, какія предполагалъ подполковникъ Агте, генералъ Муравьевъ находилъ полезнымъ и необходимымъ поручить экспедиціи самое подробное изслѣдованіе и съемки отъ устья р. Амура вверхъ по обоимъ ея берегамъ на всемъ пространствѣ, обитаемомъ Гиляками, а также и сѣверной части острова Сахалина, куда переѣздъ черезъ лиманъ въ Гиляцкихъ лодкахъ незатруднителенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выборъ и съемку въ большомъ масштабѣ пунктовъ для укрѣпленій, какъ при устьѣ Амура, такъ и на Сахалинѣ. Что̀ касается до возвращенія экспедиціи, то если бы въ продолженіе ея занятій на вышеозначенномъ пространствѣ не было никакой перемѣны въ пограничныхъ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ, должно возвратить ее опять черезъ Удской край; а оттуда, занявшись изслѣдованіемъ пространства по сѣверному склону Становаго хребта до вершинъ Алдана (по которымъ въ древнія времена предпріимчивые казаки наши направлялись къ Амуру) направить ее въ Якутскъ. Кромѣ того генералъ Муравьевъ полагалъ, что по его мнѣнію прежде, чѣмъ приступить къ утвержденію проэкта о занятіяхъ экспедиціи, должно было бы рѣшиться, въ случаѣ претензій, могущихъ возникнуть отъ Китайцевъ, отвѣчать имъ положительно, что мы признаемъ то пространство, гдѣ будетъ дѣйствовать экспедиція, принадлежащимъ Россіи. Если же всякій сомнительный въ этомъ отношеніи вопросъ будетъ разрѣшаться уступкою съ нашей стороны, или трусливою отговоркою, что намъ неизвѣстно, какіе люди тамъ были, то лучше никого не посылать за Удской край и совсѣмъ отложить такъ называемую Забайкальскую экспедицію, которая, за Горбицею, непремѣнно бы возбудила вниманіе Китайцевъ и родила бы означенные вопросы, а въ предназначенномъ ей нынѣ направленіи

могла бы возбудить ихъ лишь случайно; уступчивый же отвѣтъ нашъ только отодвинулъ бы назадъ исполненіе всякаго полезнаго для государства предпріятія въ тѣхъ странахъ.

На живыя и разумныя предложенія генерала Муравьева Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отвѣчало робкими, мертвыми, казенными бумагами. Оно повторяло избитую фразу Китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній, что «наше государство и Китайское государство съ давнихъ поръ находятся въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ», поэтому мы не должны подавать повода къ справедливымъ со стороны Китайцевъ жалобамъ; что существующіе съ Китаемъ трактаты должны служить основаніемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій въ отношеніи къ Китаю, такъ что самая осторожность, которую рекомендовали подполковнику Агте, въ особенности нужна относительно Удскаго пространства, не столько изъ опасенія сдѣлать непріятности Китайцамъ, сколько изъ лежащей на насъ священной обязанности не поступать въ противность трактатамъ, не нарушать условій, ими постановленныхъ, не подавать, слѣдственно, повода къ справедливымъ и законнымъ со стороны Китая жалобамъ; а потому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ осталось при прежнемъ мнѣніи своемъ и полагало нужнымъ подполковнику Агте подтвердить, чтобы онъ при научныхъ изслѣдованіяхъ своихъ не выходилъ изъ границъ осторожности и отнюдь не простиралъ этихъ изслѣдованій въ Пріамурскій край. Графъ Нессельроде назначалъ даже предѣломъ изысканій г. Агте верховья рѣкъ Тугура и Уди, что̀, по его мнѣнію, составило бы немалую пользу, если ихъ надлежащимъ образомъ изслѣдовать.

Обо всемъ этомъ графъ Нессельроде составилъ всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ покойный Государь, 5-го Сентября 1850 г., собственноручно написать изволилъ: «рѣшить по пріѣздѣ генералъ-лейтенанта Муравьева».

Еще въ Февралѣ того же 1850 года генералъ-лейтенантъ Муравьевъ былъ вызываемъ Государемъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ его вопросъ о Забайкальской экспедиціи обсуживался въ Азіатскомъ Комитетѣ *). Засѣданіе назначено было 30-го Ноября въ квартирѣ министра иностранныхъ дѣлъ.

26-го Декабря высочайше утвержденъ журналъ этого комитета, которымъ измѣнялся первоначальный планъ занятій экспедиціи; ей поручались разныя изысканія по горной части и прослѣдованіе направленія хребта горъ, идущаго отъ Горбицы къ Востоку и составляющаго нашу умственную границу съ Китаемъ, держась при этомъ, разумѣется, только нашего сѣвернаго склона, чтобы не нанести оскорбленія замкнутому Китаю.

Въ комитетѣ этомъ, кромѣ генерала Муравьева, засѣдали графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, князь Меньшиковъ, графъ Вронченко, графъ Перовскій, генералъ Бергъ и Сенявинъ.

Въ концѣ 1852 г., подполковникъ Агте возвратился въ Иркутскъ и доставилъ весьма важныя и полезныя свѣдѣнія по пограничному съ Амуромъ вопросу, почерпнутыя имъ и членами его экспедиціи какъ на сѣверной, такъ и на южной покатости Становаго хребта, и согласно этимъ свѣдѣніямъ составилъ даже карту, на которой было

*) Учрежденномъ еще въ Январѣ 1849 г. для разсмотрѣнія предположеній объ изслѣдованіи восточной части границы нашей съ Китаемъ.

обозначено, какое именно пространство на лѣвомъ берегу Амура мѣстные жители, подданные Китайской имперіи, называютъ имъ принадлежащимъ и съ какаго мѣста считаютъ земли, на Амурѣ же, принадлежащими Россіи. Подполковникъ Агте привезъ также нѣкоторыя свѣдѣнія и о теченіи р. Амура и о возможности плаванія по всему ея протяженію, о чемъ до того времени послѣднія свѣдѣнія почерпаемы были лишь изъ показанія ссыльнаго бѣглеца, Гурія Васильева, проплывшаго черезъ весь Амуръ.

Генералъ Муравьевъ, предположивъ отправиться самъ опять въ Петербургъ въ началѣ 1853 г., нашелъ однакожъ нужнымъ, чтобъ подполковникъ Агте съ подробными донесеніями своей экспедиціи отправился въ Петербургъ прежде и отпустилъ его съ наступленіемъ зимы 1852 г., а въ концѣ Марта 1853 г. пріѣхалъ и самъ въ Петербургъ.

Покойный Государь Николай Павловичъ, по прибытіи подполковника Агте, приказалъ доложить себѣ всѣ эти дѣла, когда пріѣдетъ генералъ Муравьевъ, и по пріѣздѣ его докладъ этотъ былъ назначенъ 22 Апрѣля 1853 г. въ присутствіи Наслѣдника Престола, Великаго Князя Константина Николаевича и военнаго министра.

Къ докладу потребованы были генералъ-губернаторъ и полковникъ Агте. Въ тоже время представлены Государю Императору всѣ съемки и карты Восточной Сибири, составленныя какъ экспедиціею полковника Агте, такъ и другими членами генеральнаго штаба Восточной Сибири.

Государь принялъ очень милостиво полковника Агте, разсматривалъ всѣ карты, распрашивалъ его подробно о его путешествіи и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ и по разсмотрѣніи той карты, о которой выше упомянуто, и соображеніи ея съ Нерчинскимъ трактатомъ, изволилъ сказать о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ рѣки Буреи къ морю: «И такъ это наше!». Обратившись къ военному министру, Николай Павловичъ сказалъ: «Такъ и снестись объ этомъ съ Китайцами».

Потомъ, подозвавъ къ общей картѣ Амура генералъ-губернатора, говоритъ ему: «Все это хорошо, но я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштата» (указывая на устье Амура). Тогда Муравьевъ сказалъ ему: «Кажется, нѣтъ надобности, Государь, такъ изъ далека» и, проводя рукою по теченію Амура изъ Забайкальскаго края, прибавилъ: «Можно и ближе подкрѣпить».

Государь при этихъ словахъ положилъ ему руку на голову и сказалъ: «Эхъ, Муравьевъ, ты право когда нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!» Муравьевъ отвѣчалъ: «Государь! Сами обстоятельства указываютъ этотъ путь». Николай Павловичъ, ударивъ его по плечу, сказалъ: «Ну такъ пусть же обстоятельства къ этому и приведутъ: подождемъ».

Что Государь былъ очень доволенъ докладомъ и всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя онъ тутъ получилъ, ясно было: потому что на другой же день, 23 Апрѣля, генералъ Муравьевъ, полковникъ Агте и всѣ члены экспедиціи были осыпаны наградами.

Разсматривая 22 Апрѣля 1853 года подробную карту, составленную полковникомъ Агте, Государь Императоръ, какъ мы знаемъ, сказалъ военному министру, чтобы снестись съ Китайцами о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ р. Буреи къ морю.

Но въ Азіатскомъ департаментѣ это приказаніе, въ томъ смыслѣ и направленіи какъ думалъ Государь, было замято; тамъ тянули и тянули отправлять это сношеніе до тѣхъ поръ, покуда генералъ Муравьевъ уѣхалъ въ отпускъ за границу для излеченія болѣзни, и отправили свою ноту въ Пекинъ въ то время, когда уже его не было въ Петербургѣ и въ такомъ смыслѣ, который могъ только вредить Амурскому дѣлу. Нота эта, отъ 16-го Іюня 1853 года, была слѣдующая:

«По трактату, существующему между Россійскою и Китайскою имперіями, границею отъ вершинъ р. Горбицы къ Востоку положенъ хребетъ горъ такимъ образомъ, что всѣ рѣки, текущія на сѣверную сторону отъ сихъ горъ, должны состоять во владѣніи Россійскаго государства, а рѣки, текущія на полуденную сторону тѣхъ же горъ, должны быть во владѣніи Китайскаго государства. Изъ донесенія главнаго нашего начальства Восточной Сибири намъ извѣстно *), что съ вашей стороны были въ свое время поставлены на означенномъ протяженіи пограничные знаки, могущіе служить для вашихъ подданныхъ указаніемъ границы, между тѣмъ какъ съ нашей стороны таковыхъ знаковъ доселѣ не было поставлено. Поэтому и вслѣдствіе представленія генералъ-губернатора Восточной Сибири, что постановленіе подобныхъ знаковъ было бы полезно въ видѣ учрежденія бóльшаго порядка по границѣ и для отвращенія всякихъ незаконныхъ черезъ оную переходовъ, Всемилостивѣйшему нашему Государю Императору благоугодно было высочайше повелѣть: чтобы безъ дальнѣйшаго отлагательства было приступлено къ таковому распоряженію и чтобы мы предварили о семъ ваше правительство на тотъ конецъ, что, можетъ быть, оному желательно будетъ, дабы пограничные знаки, для бóльшей ясности и правильности дѣла сего, были поставлены по обоюдному соглашенію съ присланными отъ васъ довѣренными лицами, каковому справедливому желанію мы съ своей стороны готовы удовлетворить, и по нашему мнѣнію всего лучше было бы прислать вашихъ уполномоченныхъ въ Кяхту или въ Иркутскъ, гдѣ они могли бы предварительно условиться съ нашимъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, яко главнымъ начальникомъ въ томъ краѣ. Мѣра эта, т. е. присылка къ намъ уполномоченныхъ отъ вашего правительства, была бы тѣмъ полезнѣе, что тогда можно бы было также войти въ переговоры и о пространствѣ, прилегающемъ къ морю, которое, какъ вамъ извѣстно, по трактатамъ оставлено вовсе неразграниченнымъ впредь до усмотрѣнія. Такимъ образомъ и пограничный сей вопросъ могъ бы дружелюбнымъ соглашеніемъ быть приведенъ къ желаемому окончанію, сообразуясь съ потребностями обоихъ государствъ. На все сіе будемъ ожидать вашего отвѣта».

Возвратившись изъ-за границы въ Октябрѣ мѣсяцѣ, генералъ Муравьевъ поспѣшилъ переговорить съ директоромъ Азіатскаго департамента Сенявинымъ и спрашивалъ его, что нѣтъ ли ему надобности по сношеніямъ съ Китаемъ отправиться поскорѣе въ Восточную Сибирь? Сенявинъ ему отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ особыхъ сношеній съ Китайцами и что по ихъ вѣдомству ему нѣтъ никакой надобности спѣшить теперь возвращаться въ Восточную Сибирь, и генералъ Муравьевъ, имѣвъ другія дѣла, которыхъ рѣшенія должно было дождаться въ Петербургѣ, — остался. Но въ

*) Никогда подобнаго донесенія не было.

концѣ Декабря мѣсяца прискакалъ къ нему изъ Иркутска курьеръ съ весьма экстреннымъ донесеніемъ изъ Кяхты, что Китайскіе уполномоченные собираются въ Ургѣ и будутъ на дняхъ въ Маймачинъ близъ Кяхты для трактованія о дѣлахъ Амура, вслѣдствіе ноты Русскаго правительства. Генералъ Муравьевъ послалъ это донесеніе прямо къ Сенявину. Тогда только сей послѣдній сказалъ ему, что дѣйствительно было подробное сношеніе, что они имѣли уже отвѣтъ изъ Пекина, и что трактованіе это съ Китайцами возлагается на него, генералъ-губернатора.

Недобросовѣстность вышеизложеннаго листа въ Китайскій трибуналъ очевидна, и цѣль Министерства Иностранныхъ Дѣлъ была достигнута. Листъ этотъ далъ поводъ Китайскому правительству уклоняться отъ мысли, которую генералъ Муравьевъ постоянно внушалъ Китайскимъ пограничнымъ властямъ, что лѣвый берегъ Амура долженъ намъ принадлежать; въ листѣ этомъ указывалось преимущественно на необходимость постановки пограничныхъ столбовъ по лѣвому берегу Амура; а объ опредѣленіи границъ въ восточныхъ оконечностяхъ, вовсе неразграниченныхъ, говорится какъ о вопросѣ второстепенномъ.

Китайское пограничное начальство, пользуясь этимъ оборотомъ нашей ноты, вызвалось послать своихъ чиновниковъ для постановки столбовъ по лѣвому берегу Амура, начиная отъ р. Горбицы и приглашало выслать туда же нашихъ уполномоченныхъ; но такъ какъ это основаніе было совершенно противно пользамъ Россіи и какъ постановка столбовъ на лѣвомъ берегу отъ Горбицы добровольно съ нашей стороны положительно заперла бы для насъ Амуръ, то генералъ Муравьевъ отъ этого уклонился и просилъ трибуналъ разъяснить недоразумѣнія и разнорѣчія, «въ этой перепискѣ возникшія». Подробныя обстоятельства дѣла были слѣдующія.

Пекинское правительство, получивъ нашъ листъ отъ 16-го Іюня 1853 г., поручило предварительное разсмотрѣніе этого предмета старшему Ургинскому правителю амбаню Бэйссе съ тѣмъ, чтобъ онъ затребовалъ всѣ нужныя свѣдѣнія о мѣстности по Амуру и вызвалъ Амурскаго амбаня изъ Сахалянъ-Ула-Хотона, подъ предсѣдательствомъ котораго коммисія должна была отправиться сперва въ Кяхту, для разъясненія требованій нашего правительства.

Въ Ноябрѣ 1853 года Китайская коммисія для разсужденія по вопросу о разграниченіи съѣхалась въ Ургѣ. Кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, ничего объ этомъ дѣлѣ не знавшій, немедленно донесъ въ Иркутскъ и, желая вѣроятно поиграть въ дипломаты, просилъ поскорѣе прислать ему всѣ дѣла, планы и документы по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ командировать къ нему полковника генеральнаго штаба Заборинскаго. Не ограничиваясь этимъ, Ребиндеръ, помимо г. Муравьева, донесъ прямо отъ себя графу Нессельроде, что происшествія въ Китаѣ могутъ отразиться волненіями въ Монголіи и что какой-то лама Наванъ-Чонжинъ, подвыпивъ, проболтался ему о сочувствіи Монголовъ къ Русскимъ и желаніи ихъ принять Россійское подданство. Обстоятельство это было принято министромъ иностранныхъ дѣлъ за дѣло великой важности, и графъ Нессельроде затѣялъ объ этомъ веселомъ дѣлѣ съ г. Ребиндеромъ серьезную переписку.

Предсѣдательствующій же въ совѣтѣ главнаго управленія въ Иркутскѣ, генералъ Венцель, считалъ гораздо благоразумнѣе послать

курьера къ генералу Муравьеву въ Петербургъ. Курьеръ поскакалъ 6-го Декабря.

Дѣло состояло въ томъ, что Китайскій императоръ, получивъ листъ нашъ, велѣлъ немедленно приступить къ разграниченію на Востокѣ земель. Трибуналъ предписалъ Амурскому джанжуну собрать подробныя свѣдѣнія о теченіи р. Амура, въ особенности о лѣвомъ его берегѣ. Амурскій джанжунъ донесъ, что по лѣвому берегу Амура нѣтъ никакихъ ни Русскихъ, ни Маньчжурскихъ селеній, исключая немногихъ инородцевъ Тунгусскаго племени, подъ названіемъ Орочонъ, которые, ведя бродячую жизнь, занимаются звѣроловствомъ и часто переходятъ въ Русскую сторону; что мѣстность лѣваго берега камениста, лѣсиста и гориста, такъ что вовсе неудобна къ проѣзду и ни къ какому заселенію и если потребуется положить границу, то это можно сдѣлать только сплавомъ по рѣкѣ и не прежде, какъ по вскрытіи оной. Донесеніе свое Амурскій джанжунъ заключилъ тѣмъ, что требованіе Русскихъ умѣренное и что уступка со стороны Китайцевъ не принесетъ никакой потери. Гиринскій джанжунъ говорилъ противное.

Заключеніе это очень не понравилось Ургинскому амбаню Бэйссе. Трибуналъ внѣшнихъ сношеній, получивъ донесеніе амбаня Бэйссе, предписалъ Амурскому джанжуну выслать въ Ургу людей, знающихъ хорошо эту мѣстность, а амбаню Бэйссе предписано, собравъ подробныя и точныя свѣдѣнія о берегахъ Амура, согласно желанію Русскаго сената, избрать достойныхъ чиновниковъ и послать на Кяхту, стараясь скоро и дружески окончить это дѣло разграниченія.

Вслѣдствіе сего Амурскій джанжунъ послалъ въ Ургу Солонскаго чиновника, по имени Джирга-шаня и при немъ до 15-ти человѣкъ Солонъ. Люди эти не могли вполнѣ объяснить всего пространства лѣваго берега Амура, а доставили только свѣдѣніе о мѣстахъ ими занимаемыхъ, что̀ заставило амбаня Бэйссе обратиться съ новымъ требованіемъ къ Амурскому джанжуну, чтобъ онъ сдѣлалъ сношеніе съ Гиринъ-оланскимъ джанжуномъ и, истребовавъ отъ него полныя свѣдѣнія о цѣломъ пространствѣ Амура, поспѣшилъ бы доставить ихъ въ Ургу. (Декабрь 1853 года).

Пока Ребиндеръ готовился приступить къ вырѣшенію дипломатическаго вопроса, генералъ Муравьевъ написалъ ему изъ Петербурга, что такъ какъ никакіе вопросы о разграниченіи съ нашей стороны не могутъ быть не только рѣшаемы, но даже и начинаемы безъ высочайшаго повелѣнія, то если бы Китайскіе коммисары изъ Урги пріѣхали въ Кяхту, то отвѣчать имъ, что, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ вопросовъ Ребиндеръ не можетъ, не получивъ приказанія отъ высшаго начальства, что генералъ Муравьевъ самъ еще не получилъ по означенному предмету никакихъ распоряженій, а потому Ребиндеру нѣтъ причины къ особой поспѣшности. Генералъ Муравьевъ совѣтовалъ ему въ разговорахъ съ Китайскими чиновниками ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ либо предположеніяхъ нашего правительства. Въ Январѣ 1854 г. генералъ Муравьевъ написалъ еще Ребиндеру съ цѣлью дать знать Китайцамъ неофиціальными путями, что для приступленія къ разсужденіямъ по предмету границъ, трибуналу ихъ необходимо отнестись листомъ къ генералу Муравьеву, т. е. къ главному начальнику края и войскъ въ Восточной

Сибири и сообщить ему, куда они намѣрены выслать своихъ уполномоченныхъ, въ Иркутскъ ли, или въ другое мѣсто Забайкальской области и къ какому именно времени. Предположенія же Ребиндера ѣхать по этому предмету въ Ургу генералъ Муравьевъ не одобрилъ, не находя причины въ этомъ случаѣ и въ настоящихъ обстоятельствахъ идти на встрѣчу Китайскому правительству. Для пользы дѣла какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, генералъ Муравьевъ призналъ совершенно необходимымъ сохранить существующія издревле пограничныя сношенія между нашимъ губернаторомъ и Ургинскими правителями; но считалъ полезнымъ, въ тоже время, учредить сношенія о предметахъ болѣе важныхъ между Китайскимъ трибуналомъ и генералъ-губернаторомъ, а не Сенатомъ, какъ по отдаленности центральнаго правительства, такъ и по уваженію тѣхъ полномочій, какія правительство предоставляетъ генералъ-губернатору и чтобъ Китайцы отнюдь не смѣшивали званія губернатора со званіемъ генералъ-губернатора, которое они до сихъ поръ знали только по наслышкѣ; онъ желалъ, чтобъ они знали, что лицу этому подчинены и всѣ сухопутныя, и морскія войска отъ отдаленныхъ западныхъ границъ до Восточнаго океана и что ему же подчиненъ непосредственно губернаторъ. Мысль эта была высказана впервыя, достигнута впослѣдствіи Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ вполнѣ и послужила главнымъ основаніемъ успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ.

По тогдашнему положенію дѣлъ въ Китаѣ, всѣ эти обстоятельства принимали особенную важность и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій отъ высшаго правительства, генералъ Муравьевъ просилъ Ребиндера сдѣлать объ этомъ кому слѣдуетъ надлежащія внушенія и излишнею поспѣшностію не испортить въ самомъ началѣ такаго дѣла, которое обдумывалось и приготовлялось многіе годы.

Въ началѣ Марта генералъ Муравьевъ писалъ изъ Красноярска г. Венцелю, что на дняхъ долженъ быть листъ въ Китайскій трибуналъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, то чтобы этотъ листъ задержать въ Иркутскѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

Въ листѣ этомъ, отъ 6-го Февраля 1854 года, было сказано, что еще прошлаго 1853 года Іюня 16-го писано въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній, что по дѣлу объ опредѣленіи границъ предоставлено со стороны Россіи войти въ надлежащія объясненія съ Китайскими уполномоченными, и что нынѣ Государь Императоръ разрѣшилъ генералу Муравьеву лично отъ себя по этому дѣлу сноситься съ трибуналомъ. Въ этомъ же 1854 г. назначенъ къ генералу Муравьеву секретарь по дипломатической части и переводчикъ Китайскаго и Маньчжурскаго языковъ для переписки съ Китайскимъ правительствомъ.

Послѣ объявленія войны Турціи и явной уже непріязни къ намъ Англіи и Франціи, генералъ Муравьевъ, находя необходимымъ принять особыя мѣры для защиты прибрежныхъ нашихъ владѣній въ Охотскомъ морѣ и Восточномъ Океанѣ, еще въ концѣ 1853 года лично представилъ Великому Князю Генералъ-Адміралу подробную записку объ этихъ мѣрахъ, въ числѣ коихъ главнѣйшее было сплавить войско, продовольствіе и снаряды по р. Амуру. Записка была разсмотрѣна въ особомъ Комитетѣ, гдѣ и разрѣшено г. Муравьеву плыть по Амуру. Государь Императоръ изволилъ утвердить постановленіе Комитета, и такимъ образомъ настала та минута, которой Россія ожидала полтораста лѣтъ.

Г. Муравьевъ тотчасъ же отправилъ въ Иркутскъ подполковника Карсакова курьеромъ, съ порученіемъ приготовить окончательно Амурскій сплавъ, который уже заранѣе подготовленъ былъ въ Шилкинскомъ заводѣ капитаномъ 2 ранга Казакевичемъ, гдѣ построенъ имъ былъ пароходъ «Аргунь». Вскорѣ за отъѣздомъ подполковника Карсакова, самъ генералъ-губернаторъ въ началѣ 1854 года выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ, откуда увѣдомилъ Китайское правительство о томъ, что онъ отправляется по Амуру для сплава войскъ и различныхъ военныхъ снарядовъ. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь подробности первой по Амуру экспедиціи. 14 Мая экспедиція, послѣ напутственнаго молебна предъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной изъ Албазина и при салютаціи изъ древней Албазинской пушки, отвалила отъ берега и пустилась въ дальній путь. Впереди плыла лодка г. Муравьева. Подъ нимъ флотиліей командовалъ капитанъ 2 ранга Казакевичъ, а сухопутными войсками подполковникъ Карсаковъ. Съ Муравьевымъ былъ баталіонъ пѣхоты, сотня конныхъ казаковъ и два горныхъ орудія, всего до тысячи человѣкъ. Въ свитѣ его были горный офицеръ Аносовъ, чиновники Свербеевъ и Бибиковъ, капитанъ 1 ранга Арбузовъ, полевые инженеры Рейнъ и Мровинскій, естествоиспытатель Герстфельдъ, потомственный почетный гражданинъ, Кузнецовъ и чиновникъ отъ Кабинета Е. И. В. Пермякинъ. 17 числа экспедиція подошла къ Усть-Стрѣлкѣ и 18-го вошла въ Амуръ. Трубачи заиграли «Боже царя храни», всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и крестились. Генералъ зачерпнулъ въ стаканъ Амурской воды и поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру. Въ отвѣтъ раздалось громкое ура!

20 Мая экспедиція подошла къ бывшему Албазинскому острогу. Причаливая къ пустынному мѣсту, священному по преданіямъ, музыка играла «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»; по всѣмъ судамъ скомандовали на молитву, за которой слѣдовалъ народный гимнъ. Первымъ взошелъ на Албазинскій валъ генералъ-губернаторъ.

28 Мая экспедиція подошла къ Маньчжурскому городу Сахалянъ-Улахотонъ, или Айгуню. Г. Муравьевъ остановился на ночлегъ на у. Зеи, пославъ впередъ на лодкѣ чиновниковъ, которые передали правителю города Маньчжурскую копію съ посланнаго имъ 14 Апрѣля въ Китайскій трибуналъ листа, въ которомъ между прочимъ было сказано, что, по случаю открывшихся у насъ военныхъ дѣйствій съ другими державами, генералъ-губернаторъ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, отправляется съ приличнымъ числомъ войска на судахъ по р. Амуру на подкрѣпленіе нашихъ приморскихъ владѣній. Комендантъ города, не получившій отъ своего правительства никакихъ извѣстій, затруднился было пропускать Русскихъ, но видя огненную лодку и множество судовыхъ людей, выразилъ желаніе, чтобъ Русскій отрядъ какъ можно скорѣе миновалъ ихъ городъ.

Продолжая путь далѣе къ устью Амура, экспедиція 30 Мая достигла устья р. Буреи, проплыла устье р. Сунгари, 2 Іюня и 5 числа миновала устье Усури.

За неимѣніемъ никакихъ картъ р. Амура, длину пути считали по генеральной картѣ Азіи и 9 Іюня, находясь 200 верстъ ниже Усури, полагали, что подходятъ къ озеру Кызи, по сходству мѣстности, какъ увѣряли бывалые тамъ. Въ этотъ день внезапно налетѣла буря, въ нѣсколько минутъ затопила суда, и экспедиція едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня сушили провіантъ у низменнаго острова, на-

званнаго островомъ Св. Кирилла, празднуемаго въ этотъ день. 10 числа вечеромъ завидѣли на встрѣчу плывшую лодку съ мичманомъ Разградскимъ, который сообщилъ, что до Маріинска еще 500 верстъ. Разградскій вручилъ генералу письмо отъ капитана Невельскаго, въ которомъ онъ указывалъ на необходимость оставить на устьѣ Хунгари конную сотню казаковъ, чтобы войти оттуда въ сношеніе съ Императорскою Гаванью.

До сихъ поръ экспедиція находила большую часть прибрежныхъ деревень пустыми, потому что жители бѣжали отъ страха; но отсюда экспедиція встрѣчала расположеніе мѣстныхъ жителей. Изъ числа ихъ явились лоцманы и проводники, приготовленные Разградскимъ, которыхъ до того времени нельзя было достать нигдѣ, что сильно затрудняло плаваніе по названной рѣкѣ.

Жители прибрежныхъ деревень получали отъ генералъ-губернатора подарки, серебряные слитки и монеты.

Продолжая свое плаваніе по Амуру, г. Муравьевъ, не доходя Маріинскаго Поста, отправилъ впередъ пароходъ «Аргунь»,который и прибылъ туда 12 Іюня. Въ 7 верстахъ отъ поста капитанъ Невельской встрѣтилъ экспедицію и донесъ генералу Муравьеву о благополучномъ состояніи нашихъ постовъ на Амурѣ и островѣ Сахалинѣ.

Къ полудню 14 Іюня, экспедиція прибыла въ Маріинскій Постъ, гдѣ всѣ барказы и лодки вошли въ заливъ Амурской протоки. На берегу стояли тогда только двѣ избы. Въ этотъ день за обѣдомъ у Николая Николаевича собрались всѣ его спутники и поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой Русской экспедиціи.

Для усиленія защиты Петропавловскаго Порта, 350 ч. нижнихъ чиновъ, сплывшихъ по Амуру на укомплектованіе 47-го флотскаго экипажа, немедленно отправились изъ Маріинскаго Поста черезъ оз. Кызи въ заливъ Декастри, а оттуда на транспортахъ «Иртышъ» и «Двина» направились въ Петропавловскій Портъ.

Сотня казаковъ при двухъ горныхъ орудіяхъ была оставлена въ Маріинскомъ Посту; остальные чины отряда спустились внизъ по Амуру въ Николаевскій Постъ.

Генералъ-губернаторъ пѣшкомъ прошелъ просѣкой въ Декастри и откуда на шкунѣ «Востокъ» отправился въ Императорскую Гавань для свиданія съ адмираломъ Путятинымъ.

Подполковникъ Карсаковъ былъ посланъ на шкунѣ «Востокъ» съ донесеніемъ къ Государю.

Между тѣмъ (какъ мы уже упомянули) въ Апрѣлѣ 1854 г. посланъ былъ отъ генерала Муравьева листъ въ трибуналъ съ извѣщеніемъ, что онъ, Муравьевъ, ѣдетъ съ войскомъ къ устью Амура для защиты нашихъ восточныхъ острововъ отъ непріятелей и проситъ его увѣдомить, къ какому времени и куда именно будутъ посланы уполномоченные сановники Дайцынскаго государства для опредѣленія восточныхъ границъ двухъ великихъ имперій, доселѣ остающихся неразграниченными.

Въ Февралѣ 1855 года Ургинскій амбань писалъ г. Ребиндеру, предупреждая его, чтобы Русскій посолъ и чиновники прибыли къ Іюню мѣсяцу на Горбицу для постановки пограничныхъ знаковъ, вслѣдствіе просьбы нашего Сената.

Въ Маѣ того же года тотъ же абмань увѣдомилъ Кяхтинскаго градоначальника, что въ Кяхту прибудутъ чиновники для взаимнаго соглашенія съ нашими на счетъ постановки столбовъ. Градоначальникъ

отозвался, что безъ разрѣшенія генерала Муравьева, проплывшаго въ низовья Амура, онъ ничего сказать не можетъ.

Китайскіе чиновники пріѣхали 7 Мая въ Кяхту. Изъ писемъ находившагося при миссіи нашей въ Пекинѣ, о. Палладія, видно было, что трибуналъ ничего не смыслитъ въ дѣлѣ переговоровъ и положился во всемъ на амбаня Бэйссе-Ургинскаго.

Между тѣмъ генералъ Муравьевъ, еще въ Февралѣ 1855 года, предложилъ трибуналу отсрочить время переговоровъ до осени по тому случаю, что продолжающіяся военныя дѣйствія наши съ Англіей обнаружили замыселъ Англичанъ завладѣть нашими приморскими восточными мѣстами, а также, прорвавшись чрезъ приморское устье Амура, совершенно проникнуть въ рѣку. Для достиженія сего своего намѣренія, продолжаетъ генералъ Муравьевъ въ отзывѣ трибуналу, они лѣтомъ минувшаго (1854) года, пріѣхавъ на шести военныхъ кораблях, уже нападали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны. Великій нашъ Государь Императоръ, не только пекущійся о своихъ владѣніяхъ и своемъ народѣ, но и желающій сохранить выгоды сосѣдней Дайцынской державы, болѣе 200 лѣтъ съ нами въ дружбѣ состоящей, недавно изданнымъ указомъ повелѣлъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, взявъ достаточное количество войска, большихъ и малыхъ пушекъ и прочихъ припасовъ, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ отправиться къ морю и истребить коварныхъ и своекорыстныхъ Англичанъ. Исполняя волю Монарха, генералъ Муравьевъ обязанъ отправиться въ экспедицію на устье Амура и возвратиться оттуда можетъ только въ Октябрѣ. Если трибуналу угодно будетъ прислать отвѣтъ на сіе къ устью Амура, то Муравьевъ съ радостію займется тамъ этимъ важнымъ дѣломъ.

Въ это время посланъ былъ и изъ Пекина листъ, съ требованіемъ, чтобы весною Китайскіе и Русскіе уполномоченные сошлись на Ургинской границѣ и отправились къ Горбицѣ. Генералъ Муравьевъ отвѣчалъ 8 Мая трибуналу, что листъ этотъ онъ получилъ нынѣ на Амурѣ и, чтобъ не было замедленія, отвѣчаетъ черезъ городъ Сахалянъ-Ула-Хотонъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ упоминалъ, что переговариваться съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи предоставлено великимъ нашимъ Государемъ ему, Муравьеву; а онъ, какъ увѣдомлялъ ихъ въ Февралѣ, плыветъ теперь съ войсками на устье Амура для защиты его отъ непріятелей; но желая, сколь можно, поспѣшить совѣщаніями о разграниченіи, готовъ принять Китайскихъ уполномоченныхъ для предварительныхъ о томъ переговоровъ на устьѣ Сунгари-Ула, гдѣ онъ пробудетъ до Сентября. Генералъ Муравьевъ кончаетъ листъ тѣмъ, что онъ совершенно согласенъ съ трибуналомъ, что по дружескимъ обоихъ государствъ отношеніямъ, въ этомъ важномъ дѣлѣ медленности и проволочки допускать не должно.

Слѣдуя по р. Амуру, близъ Камарскаго караула, встрѣтилъ Муравьевъ 12 Мая четыре джонки; на нихъ было нѣсколько Китайскихъ чиновниковъ, отправленныхъ отъ правительства изъ прибрежныхъ Амурскихъ областей на Горбицу для постановленія столбовъ и совѣщаній съ нами о разграниченіи. Муравьевъ объявилъ имъ, что ему необходимо плыть поспѣшно къ устьямъ Амура и предложилъ чиновникамъ плыть обратно въ Сахалянъ-Ула-Хотонъ, гдѣ и дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій изъ Пекина вслѣдствіе листа, посланнаго имъ въ трибуналъ; на что они отозвались, что не смѣютъ не исполнить указанія богдыхана и не плыть въ Горбицу, при чемъ

однако полагаютъ получить вскорѣ повелѣніе слѣдовать для совѣщаній на устье Амура. Предоставивъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію и долгу своему и снабдивъ ихъ охранительнымъ билетомъ къ нашимъ начальникамъ, генералъ Муравьевъ отправился далѣе по Амуру.

15 Мая чиновники, состоявшіе при генералъ-губернаторѣ послали мейрень-джангину города Сахалянъ-Ула листъ, которымъ сообщили, что въ настоящее время генералъ-губернаторъ ѣдетъ къ Восточному морю на устье Амура для защиты его отъ Англичанъ, что при немъ слѣдуютъ 104 большихъ судна, въ числѣ коихъ одинъ пароходъ, что съ Амура обратно вверхъ пойдутъ три парохода; что малыхъ судовъ къ устью Амура идетъ 50; что на большихъ судахъ 300 слишкомъ лошадей, 300 головъ рогатаго скота и слишкомъ 8000 людей обоего пола. На большихъ же судахъ помѣщаются пушки, ружья, порохъ и всякое военное оружіе и припасы. Суда, имѣющія билеты, просили не задерживать.

Можно себѣ представить, какое сдѣлало это впечатлѣніе на Китайцевъ.

Графъ Нессельроде видѣлъ, что дѣло Амурское ушло изъ его рукъ. Онъ написалъ 31 Мая 1855 г. Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, что ему сомнительно, чтобы Китайцы уступили лѣвый берегъ Амура безъ войны, а война къ добру не поведетъ. Но генералъ Муравьевъ взялся исправить дипломатическую ошибку графа Нессельроде; онъ твердо рѣшился, если Китайцы, основываясь на нашемъ листѣ 16 Іюня 1853 года, будутъ требовать постановки столбовъ отъ р. Горбицы, имъ объявить, что не имѣется на это полномочія Государя Императора; что подобное разграниченіе совершенно безполезно, когда р. Амуръ представляетъ естественную границу и что если въ листѣ 16-го Іюня и упомянуто о постановкѣ столбовъ отъ Горбицы, то ему, Муравьеву, предоставлено было прежде удостовѣриться о возможности исполненія сего и что, найдя это по мѣстности совершенно невозможнымъ, онъ, Муравьевъ, такъ и донесъ Государю и ожидаетъ высочайшаго повелѣнія трактовать о разграниченіи возможномъ и удобномъ для обоюдныхъ пользъ Россійскаго и Дайцынскаго государствъ, особенно въ видахъ защиты рѣки Амура отъ вторженія иностранцевъ.

Въ Іюнѣ Его Высочество Генералъ-Адмиралъ писалъ къ Муравьеву, что Государь Императоръ соизволилъ признать необходимымъ, въ видахъ развитія Сибирскаго края, «утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура» и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи. Поэтому Государь поручаетъ генералу Муравьеву вступить съ Китаемъ въ сношенія и заключить формальный договоръ.

12-го Августа Дайцынскаго государства охраняющій всѣ мѣста по р. Амуру генералъ, приближенный къ государю сановникъ, князь 6-й степени И, послалъ генералу Муравьеву письмо, которымъ извѣщалъ, что посланные Китайскіе чиновники имѣютъ прибыть на Сунгари-Ула для переговоровъ. По требованію Муравьева трибуналъ приказалъ имъ быть на устьѣ Сунгари-Ула къ 3-му Сентября.

8-го Сентября Китайскіе уполномоченные прибыли къ Маріинскому Посту. Четверо изъ нихъ были тѣже самые, которыхъ генералъ Муравьевъ встрѣтилъ у Камарскаго караула въ Маѣ мѣсяцѣ. Они были на Горбицѣ, гдѣ долго ожидали повелѣній отъ своего двора и потомъ, получивъ таковыя, пошли въ городъ Сахалянъ-Ула, гдѣ къ нимъ присоединились еще четыре чиновника изъ Урги.

9-го Сентября въ Маріинскомъ Посту составленъ протоколъ перваго засѣданія по случаю совѣщанія съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи земель. Генералъ Муравьевъ, по случаю болѣзни, предоставилъ предсѣдательствовать вмѣсто себя Камчатскому военному-губернатору контръ-адмиралу Завойкѣ.

Китайскимъ чиновникамъ выставлены на видъ быстрыя завоеванія Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта, распространившей свои виды и на здѣшнія владѣнія, вовлекшей съ собою и Францію и угрожающей Россіи, которая должна принимать всѣ мѣры противъ соединенія вражескихъ силъ.

Китайскимъ уполномоченнымъ сказано было, что еще въ 1851 году правительство наше, вслѣдствіе появленія военныхъ иностранныхъ судовъ у устья Амура, писало въ Китайскій трибуналъ, что оно не потерпитъ, чтобъ устье Амура было занято какою бы ни было иностранною державою, такъ какъ вершины этой рѣки находятся во владѣніяхъ Россіи и земли, къ Востоку по Амуру лежащія, доселѣ остаются неразграниченными. Имъ объявили, что Государь Императоръ повелѣлъ генералъ-губернатору Восточной Сибири образовать во ввѣренномъ ему краѣ до 100,000 постояннаго войска, имѣя въ виду съ одной стороны необходимость охраненія и защиты р. Амура отъ вторженія иностранцевъ; а съ другой—возникшія въ то время въ дружескомъ Дайцынскомъ государствѣ смуты, произведенныя конечно тѣми же иностранцами. Чиновникамъ Китайскимъ внушено, что защита Амура, дѣятельно и съ огромными издержками предпринятая Россіей, не можетъ быть временной мѣрой. Сосредоточенныя на устьяхъ Амура военныя наши силы и воздвигнутыя укрѣпленія на вѣчныя времена должны еще усиливаться и охранять эту страну отъ всякаго чуждаго вторженія, а потому генералъ Муравьевъ требовалъ слѣдующаго:

1. Всѣ мѣста, для этой цѣли занятыя нами тамъ, и весь приморскій край должны окончательно остаться во владѣніи Россіи.

2. Для необходимаго и безпрерывнаго лѣтомъ и зимою сообщенія войскъ и крѣпостей нашихъ, на устьѣ Амура находящихся, со внутренними областями нашими (такъ какъ сообщеніе горами, по всѣмъ изслѣдованіямъ, рѣшительно невозможно ни зимою, ни лѣтомъ) намъ должно имѣть свои поселенія на всемъ лѣвомъ берегу Амура, который вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самую естественную и безспорную границу между обоими государствами. Такимъ только образомъ внутреннія области Восточной Сибири будутъ вполнѣ обезпечены отъ всякаго покушенія иностранцевъ со стороны моря, и такимъ только разграниченіемъ оба государства, Китайское и Россійское, устранятъ всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между собою, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени возникнуть могущимъ.

Засѣданіе окончилось въ 8 часовъ вечера. Китайскіе уполномоченные просили дать имъ прочтенный протоколъ письменно, такъ какъ иначе они упомнить не могутъ и не могутъ поэтому сдѣлать своихъ замѣчаній.

Второе засѣданіе было 11-го Сентября. Уполномоченные явились въ $12^1/_2$ часовъ. По докладѣ о томъ, на засѣданіе прибыли генералъ Муравьевъ и контръ-адмиралъ Завойко.

Генералъ Муравьевъ спросилъ уполномоченныхъ, все ли сказанное въ первомъ засѣданіи находится въ бумагѣ, вчера имъ переданной и имъ подписанной? На это уполномоченные заставили младшаго

чиновника прочесть на Маньчжурскомъ языкѣ бумагу: это оказался знаменитый листъ нашего Сената отъ 16 Іюня 1853 года.

Генералъ Муравьевъ сказалъ имъ, что единовременно съ отправленіемъ вышепрочтеннаго листа въ Китайскій трибуналъ, ему, Муравьеву, было повелѣно Государемъ сначала имѣть совѣщаніе о земляхъ неразграниченныхъ и уже послѣ того приступить къ самому разграниченію. Генералъ Муравьевъ кончилъ слѣдующими словами: «Сообщая мысли мои, вамъ прочитанныя, прошу представить ихъ Китайскому правительству и быть увѣренными, что главною мыслію нашего правительства есть сохраненіе мира для обоюдныхъ пользъ двухъ великихъ сосѣдственныхъ державъ, Дайцынской и Россійской, на вѣчныя времена».

Генералъ Муравьевъ просилъ поспѣшить отвѣтомъ изъ трибунала, такъ какъ время военное, и будущею весною онъ снова долженъ былъ сплавить по Амуру значительное количество орудій и войска для подкрѣпленія крѣпостей; а также учредить постоянное лѣтомъ и зимою сообщеніе крѣпостей и войскъ нашихъ на рѣкѣ Амурѣ съ внутренними областями.

Генералъ Муравьевъ, послѣ совѣщанія, послалъ о томъ листъ въ Китайскій трибуналъ отъ 12-го Сентября, и просилъ въ тоже время ходатайства Его Высочества Генералъ-Адмирала, чтобы Сенатъ немедленно отнесся въ трибуналъ, что генералъ-губернатору дано повелѣніе, по военнымъ обстоятельствамъ, еще значительнѣе усилить въ будущемъ году защиту устьевъ Амура и снабдить продовольствіемъ тамошнія войска изъ внутреннихъ областей Восточной Сибири. Генералъ Муравьевъ просилъ сообщить Китайцамъ, что все, доводимое до свѣдѣнія ихъ нашимъ генералъ-губернаторомъ, основано на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ.

Генералу Муравьеву хотѣлось, чтобы Сенатъ подтвердилъ Китайскому трибуналу все то, что̀ сообщено ему генералъ-губернаторомъ. Листъ 5 года, 4 луны, 25 дня говоритъ, что плаваніе судовъ могло быть не иначе, какъ по взаимному соглашенію съ Сенатомъ, то чтобъ не оставить 4000 человѣкъ, защитниковъ устьевъ Амура, безъ продовольствія, отъ Сената долженъ былъ быть отзывъ: иначе, имѣя въ виду листъ 16 Іюня 1853 г., Китайское правительство могло думать, что Сенатъ имѣетъ не одни съ Муравьевымъ виды, и особенно въ отношеніи разграниченія.

12-го Ноября Китайскій главнокомандующій великій хуанди писалъ Сахалянъ-Уласкому джангину (помощнику дивизіоннаго командира) Фулхунгѣ о томъ, что вышелъ указъ богдыхана, чтобы въ будущемъ 1856 году не дозволялось Русскимъ судамъ спускаться по рѣкѣ.

Генералъ Муравьевъ не сомнѣвался, что мѣра эта измѣнится вслѣдствіе переговоровъ его, бывшихъ въ Маріинскомъ Посту съ Китайскими уполномоченными. Дружескій тонъ послѣднихъ листовъ доказывалъ, что Китайское правительство, не смотря на изложенное въ нихъ запрещеніе, отнюдь не желаетъ поставить себя во враждебное отношеніе съ нами и, говоря о неприкосновенности р. Амура, какъ своего достоянія, защищаетъ его (какъ полагалъ генералъ Муравьевъ) только потому, что доселѣ ясно и опредѣленно нами не была высказана необходимость, заставляющая Русское правительство постановить Амуръ граничною чертою между двумя государствами.

Въ послѣднемъ листѣ 25 числа, 4-й луны, трибуналъ обѣщалъ намъ, въ случаѣ нужды, позволить плаваніе по Амуру послѣ взаимной

переписки обоихъ правительствъ. Причина такой явной уступки Китайскаго правительства заключалась единственно въ опасеніи разрыва съ Россіей, которое, при безпокойствахъ внутреннихъ и энергическихъ настояніяхъ генерала Муравьева, безъ всякаго сомнѣнія должно было дать уступчивое направленіе Китайской политикѣ съ нами.

Относительно же вышеупомянутаго указа о недозволеніи намъ плаванія въ 1856 году, Фулхунга, изъ личнаго уваженія къ генералу Муравьеву, рискуя на себя навлечь гнѣвъ своего начальства, оказывалъ содѣйствіе и пособіе нашимъ запоздавшимъ лицамъ и командамъ, поднимавшимся вверхъ по Амуру, снабжалъ ихъ лошадьми и провизіей, отказываясь отъ всякой за то платы и вознагражденія. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го Ноября къ генералу Муравьеву, онъ ему пишетъ: «Вы, почтеннѣйшій, великій главнокомандующій Муравьевъ, своею справедливостью, точностью и необыкновенною твердостію навсегда оставили такую по себѣ славу, что обитатели нашей Черной рѣки вѣчно будутъ превозносить васъ похвалами».

12 Января 1856 г. генералъ Муравьевъ увѣдомилъ Китайскій трибуналъ о новыхъ приготовленіяхъ къ сплаву того года, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Государь Императоръ повелѣлъ пріостановиться всякими сношеніями съ Китайскимъ трибуналомъ до полученія отъ него отвѣта на листъ Сената отъ 14 Декабря 1855 года. Тотъ листъ, который проектировалъ генералъ Муравьевъ, велѣно было оставить, не предъявляя Китайцамъ никакихъ новыхъ домогательствъ.

Все это было слѣдствіемъ представленій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое испугалось листа, полученнаго въ Петербургѣ въ началѣ Февраля 1856. Листъ этотъ былъ отъ трехъ главныхъ начальниковъ Китайскихъ пограничныхъ областей, амбаней Гиринскаго, Амурскаго и Ургинскаго. Они ссылались на Нессельродовскій листъ 16 Іюня 1853 года о постановкѣ столбовъ. «Мы, говорятъ они, выслали чиновниковъ; но вашъ генералъ-губернаторъ, для защиты отъ нападенія Англійскаго флота, занялъ на р. Сунгари отъ моря нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева».

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ считало крайнимъ предѣломъ дипломатическаго искусства «испросить у Китайцевъ права плаванія по Амуру и учрежденія на сей рѣкѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, станцій для склада нужныхъ заготовленій провизіи и топлива».

Къ счастію въ это время прибылъ въ Петербургъ самъ генералъ Муравьевъ. Онъ доказалъ необходимость дарованія ему формальнаго уполномочія для переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ при заключеніи новаго трактата, опровергъ всѣ доводы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и убѣжденія его до того были ясны и сильны, что Государь Императоръ повелѣлъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ снабдить генерала Муравьева полномочіемъ для переговоровъ съ Китайцами и заключенія съ ними условій, по тѣмъ требованіямъ, которыя уже были сообщены имъ отъ него; плаваніе по Амуру велѣно продолжать и Китайцамъ, за требуемыя уступки, предложить артиллерію въ томъ числѣ орудій, какое заранѣе будетъ опредѣлено; воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, употребляя открытую силу только для освобожденія изъ плѣна Русскихъ

въ случаѣ задержанія ихъ Китайцами, имѣя въ виду, что въ подобномъ случаѣ нужны скорыя и рѣшительныя мѣры, и что всякая переписка, которая, по Китайскимъ обычаямъ, продолжается цѣлые годы, была бы вредна. Полномочіе получилъ генералъ Муравьевъ 30 Марта и немедленно отправилъ въ Иркутскъ курьера съ предписаніемъ полковнику Карсакову энергически стоять въ отношеніи сплава экспедиціи 1856 года.

Въ половинѣ Мая полковникъ Карсаковъ спустился по Амуру.

21-го числа, около 9 часовъ утра, Русскій отрядъ изъ 10 барказовъ, одной канонирской лодки и парохода «Надежды», имѣвшаго на буксирѣ лодку губернатора Забайкальской области полковника Карсакова, подходилъ къ лѣвому берегу противъ города Айгуна и былъ встрѣченъ Маньчжурскими чиновниками, которые просили губернатора отъ имени трехъ амбаней пристать къ городу въ томъ мѣстѣ, гдѣ приготовлена палатка, и что тамъ его ожидаютъ Чернорѣцкій (Айгунскій) мэйрень-джангинъ Куйфу, хулунъ Буирскій мэйрень-джингинъ Дзираминга и изъ Чичигара гусайда Фунянга. Губернаторъ приказалъ поблагодарить амбаней за вниманіе ихъ и велѣлъ сказать, что сначала пристанетъ противъ города къ лѣвому берегу рѣки, чтобъ видѣть свой отрядъ, который приставалъ къ берегу противъ города, а потомъ пріѣдетъ къ амбанямъ. Чиновники отправились. Осмотрѣвъ на пароходѣ суда отряда, полковникъ Карсаковъ присталъ къ берегу и тотчасъ же послалъ чиновника и переводчика въ Айгунь, на пароходѣ, дать знать амбанямъ о пріѣздѣ своемъ и сказать, что онъ спустя нѣсколько времени будетъ къ нимъ самъ. Подойдя къ городу наши бросили якорь и, сѣвъ на шлюпку, съѣхали на берегъ. На берегу въ городѣ была раскинута палатка и окружена разнаго званія народомъ; впереди по обѣимъ сторонамъ входа въ палатку стояли Маньчжурскіе чиновники. Начальникъ города, старикъ лѣтъ 60 слишкомъ, стоялъ въ палаткѣ (прочихъ амбаней тутъ не было); чиновникъ и переводчикъ подошли къ нему и засвидѣтельствовали почтеніе отъ лица своего губернатора. Спустя немного времени, пришли одинъ за другимъ хулунъ Буирскій мэйрень-джангинъ Дзираминга и Гиринскій гусайда Фунянга, который былъ въ прошломъ году, въ числѣ прочихъ коммисаровъ отъ Китайскаго правительства, на устьѣ Амура по дѣлу о разграниченіи. Начальникъ города просилъ ихъ передать губернатору, что они (три амбаня) будутъ ожидать его тутъ въ палаткѣ, и что они особо пошлютъ своихъ чиновниковъ поздравить его съ пріѣздомъ и просить къ себѣ.

Чиновники Маньчжурскіе были у полковника Карсакова, поздравили его отъ имени амбаней съ пріѣздомъ и просили въ городъ. Спустя часъ, губернаторъ отправился въ Айгунь въ сопровожденіи своей свиты. Амбани встрѣтили его при входѣ въ палатку, спрашивали о здоровьѣ, благополучно ли совершаетъ путь, просили сѣсть по лѣвую руку Куйфу, подали вина, чаю и конфектъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій полковникъ Карсаковъ объявилъ амбанямъ, что онъ прибылъ сюда по распоряженію генералъ-губернатора Муравьева проводить наши суда, идущія на устье Амура, и встрѣтить у города Айгуня нашъ большой пароходъ, который долженъ быть съ устья Амура и, передавъ для него разныя распоряженія генерала Муравьева, возвратиться въ Читу. Онъ предупредилъ ихъ, кромѣ того, что будутъ ходить въ теченіе всего лѣта, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, наши суда и пароходы, а также и команды воз-

вращаться съ устьевъ Амура, для чего генералъ-губернаторъ приказалъ оставить на нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Амура продовольствіе съ людьми для храненія онаго и оказыванія, въ случаѣ нужды, помощи проходящимъ нашимъ судамъ и командамъ.

Амбани, подумавъ, сказали, что о пропускѣ Русскихъ плавать по рѣкѣ они никакаго разрѣшенія не имѣютъ отъ своего начальства, но, уважая дружбу двухъ государствъ, пропускаютъ насъ и боятся не получить бы за это отъ правительства своего непріятности; поэтому, по мнѣнію ихъ, не слѣдовало бы оставлять продовольствіе и команды.

Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ это дѣлаетъ по приказанію высшаго своего начальства, предоставивъ амбанямъ, во избѣжаніе отвѣтственности, донести объ этомъ въ Пекинъ.

На вопросъ сколько у насъ войска на устьѣ Амура, полковникъ Карсаковъ отвѣчалъ: около десяти тысячъ, и въ нынѣшнемъ году пройдетъ еще тысячъ пять; а когда онъ сказалъ, что на Зейскомъ посту будетъ около 500 человѣкъ, то амбани и чиновники съ безпокойствомъ значительно переглянулись между собою.

Амбани просили дать имъ записку о числѣ чиновниковъ, находящихся при губернаторѣ, имена ихъ, о числѣ проходящихъ въ теченіе лѣта внизъ и вверхъ нашихъ судовъ и пароходовъ, а также о количествѣ людей. При этомъ амбани просили внушить нашимъ людямъ, чтобы они не обижали ихъ людей, равно какъ и они внушаютъ своимъ не обижать нашихъ.

Простившись съ губернаторомъ, амбани провожали его до того мѣста, откуда онъ сѣлъ на шлюпку.

Въ Августѣ генералъ Муравьевъ имѣлъ намѣреніе писать въ трибуналъ, чтобы уполномоченные отъ Китайскаго правительства были отправлены въ Кяхту, къ бѣлому мѣсяцу, для трактованія съ нимъ и окончанія всѣхъ дѣлъ и чтобъ, во избѣжаніе безполезной траты времени, чиновники сіи были снабжены полными уполномочіями, какъ и Муравьевъ на этотъ предметъ уполномоченъ отъ великаго Государя своего.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ добилось, что листъ этотъ не былъ посланъ.

Въ Декабрѣ генералъ Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ 1857 году, въ Январѣ, Его Высочество Генералъ-Адмиралъ писалъ изъ Гановера князю Горчакову о необходимости послать довѣренное лицо въ Китай для окончательнаго разрѣшенія возникшаго вопроса о границахъ нашихъ, дабы непремѣнно предупредить прибытіе въ Пекинъ Англійскаго и Французскаго резидентовъ. Его Высочество указывалъ на графа Путятина, который заявилъ въ Японіи свои способности и выговорилъ выгодный для насъ трактатъ.

Изъ Дрездена онъ же сообщилъ генералу Муравьеву, отъ 24 Января, что Англичане и Французы намѣрены послать въ Китайскія моря значительныя силы и резидентовъ въ Пекинъ, и что изъ Петербурга думаютъ послать графа Путятина для выговоренія лѣваго берега Амура и прибрежнаго края.

Въ Февралѣ назначеніе графа Путятина полномочнымъ въ Китай состоялось, и отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ послано съ фельдъегеремъ офиціальное о томъ извѣщеніе къ Китайскому правительству, которому написали, что, желая поскорѣе кончить всѣ возникшіе между Россіею и Китаемъ вопросы и не желая, чтобы внутрен-

нее волненіе въ Китаѣ и нападенія на него извнѣ отразились на нашихъ границахъ, какъ сухопутныхъ, такъ особенно морскихъ, Государь Императоръ призналъ за благо послать немедленно лицо, пользующееся полною довѣренностью Его, собственнаго генералъ-адъютанта графа Путятина, предоставивъ ему полную власть условиться и рѣшить по всѣмъ дѣламъ, до Россіи и Китая относящимся.

Такъ какъ это дѣлалось тайно, то предлогомъ поѣздки графа Путятина избрано было порученіе—осмотръ береговъ Восточной Сибири и избраніе мѣста для новаго порта. При этомъ нашли неудобнымъ заселеніе лѣваго берега Амура казаками, такъ какъ оно могло отразиться на переговоры, имѣя на нихъ вредное вліяніе; въ случаѣ же успѣха переговоровъ, переселеніе казаковъ должно было опредѣлиться трактатомъ.

21 Февраля графъ Путятинъ, снабженный надлежащими инструкціями, выѣхалъ изъ Петербурга.

Петербургскія распоряженія не парализировали настойчивой дѣятельности генерала Муравьева; онъ видѣлъ, что Китайское правительство становится тѣмъ неразумнѣе, чѣмъ затруднительнѣе его положеніе и убѣждался все болѣе, что много разговаривать съ нимъ безполезно; а всѣ сомнительные вопросы надобно намъ разрѣшать самимъ, ибо дѣйствіямъ нашимъ оно препятствовать не смѣетъ и не препятствуетъ. Онъ помнилъ слова покойнаго Государя, сказанныя ему въ 1853 году: «Китайцы должны исполнять справедливыя наши требованія и если не захотятъ, то у тебя теперь есть войска, мы можемъ ихъ заставить». И дѣйствительно, если бы переговоры повели къ пушечнымъ выстрѣламъ, генералъ Муравьевъ былъ готовъ и къ нимъ.

Князь Горчаковъ писалъ въ Маѣ графу Путятину, что Англійское правительство, желая содѣйствія нашего въ дѣлахъ Китая, поручило пребывающему въ Петербургѣ посланнику своему конфиденціально узнать, встрѣтитъ ли оно въ насъ готовность вступить съ нимъ въ соглашеніе по сему предмету. Князь отвѣчалъ лорду Вудгоузу, что не только по Китайскимъ дѣламъ, но по всякому вопросу Европейской важности мы готовы войти въ предварительныя соглашенія съ Англійскимъ правительствомъ, что однакоже, какъ графъ Путятинъ отправился въ Пекинъ въ самыхъ миролюбивыхъ видахъ, то и содѣйствіе лорду Эльгину можетъ онъ лишь оказывать въ путяхъ миролюбія. О видахъ своего правительства лордъ Вудгоузъ сообщилъ князю Горчакову, что Англійскій уполномоченный лордъ Эльгинъ прибудетъ къ устью р. Пейхо и объявитъ Пекинскимъ властямъ о готовности своей вступить въ переговоры съ лицомъ, которое для сего назначено будетъ со стороны Китайскаго императора для окончанія возникшей между Англіею и Китаемъ распри, чтобы добиться прямыхъ сношеній съ правительствомъ и дозволенія иностранцамъ свободнаго сообщенія съ большими городами, находящимися внутри Китая; а также о предоставленіи всѣмъ христіанамъ, живущимъ въ Китаѣ, свободы вѣроисповѣданія.

Въ Апрѣлѣ графъ Путятинъ былъ уже въ Кяхтѣ, гдѣ полученъ былъ отъ 15 Апрѣля изъ Китайскаго трибунала листъ, въ которомъ на счетъ отправки посла сказано, что и въ прежнее время, когда Англичане возбудили безпорядки, Китайское государство само принимало мѣры обороны отъ ихъ нападеній, не пользуясь содѣйствіемъ постороннихъ державъ (взаимныя же распри между иностранными

государствами до Китайскаго государства не касаются); что, наконецъ, между Китаемъ и Россіею нѣтъ секретныхъ и важныхъ дѣлъ для обсужденія, поэтому «нѣтъ и нужды въ назначеніи особаго посла въ Пекинъ, а лучше во всемъ сообразоваться со смысломъ листовъ палаты» (?)

Графъ Путятинъ, видя, что въ Кяхтѣ ему долѣе дѣлать нечего, послалъ министру иностранныхъ дѣлъ депешу, предлагая взять Китайскій городъ Айгунь, и отправился затѣмъ на Амуръ съ генераломъ Муравьевымъ, куда тотъ поѣхалъ съ двумя баталіонами пѣхоты и дивизіономъ полевой артиллеріи. Графъ Путятинъ хотѣлъ остановиться въ городѣ Сахалянъ-Ула (Айгунѣ) и спросить, получено ли тамъ разрѣшеніе принять его черезъ Маньчжурію. Ген. Муравьевъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ. Оно такъ и оказалось, а потому графу Путятину оставалось только отправиться къ устью Амура, а оттуда, сѣвъ на пароходъ «Америка», плыть въ Печелійскій заливъ.

Генералъ Муравьевъ расчиталъ остаться на Зейскомъ посту, чтобъ прикрывать переселеніе казаковъ на лѣвый берегъ рѣки; ибо, послѣ бывшей о посольствѣ переписки и неблагопріятнаго результата оной, необходимо было принять нѣкоторыя военныя предосторожности.

Генералъ Муравьевъ никакъ не ожидалъ, чтобы Китайцы были до такой степени упрямы и невѣжливы; онъ думалъ, что посольство будетъ принято, хотя и не ожидалъ, что оно въ Пекинѣ достигнетъ своей цѣли.

На случай, еслибъ въ Печелійскомъ заливѣ или въ Пекинѣ возбужденъ былъ вопросъ о плаваніи нашемъ и владѣніяхъ на Амурѣ, генералъ Муравьевъ сообщилъ графу Путятину для свѣдѣнія, слѣдующія свои соображенія.

Въ началѣ 1851 года правительство наше, озабочиваясь охраненіемъ устья Амура и острова Сахалина отъ занятія иностранцами, обращалось по этому предмету къ Китайскому правительству въ Февралѣ того же года изъ нашего Сената, такъ какъ мѣста эти, по прежнимъ трактатамъ, остались между нами и Китайскою имперіей неразграниченными, и приняло съ своей стороны надлежащія мѣры къ укрѣпленію устьевъ рѣки; но отъ Китайскаго правительства никакаго на этотъ листъ отвѣта не воспослѣдовало, и мы семь лѣтъ занимаемъ тѣ мѣста безспорно и безпрепятственно, безъ всякаго со стороны Китайцевъ протеста и противодѣйствія, употребляя значительныя силы и денежныя средства для укрѣпленія входа въ рѣку Амуръ и острова Сахалина.

Очевидно и положительно, что Китайское правительство молчаніемъ своимъ признало за нами право владѣнія и обязанность защиты устьевъ Амура и острова Сахалина; въ систему защиты входитъ восточный берегъ Маньчжуріи, гдѣ заливъ Декастри и Императорская Гавань заняты и укрѣплялись нами съ того же времени.

Впослѣдствіи, для снабженія войскъ и укрѣпленій нашихъ на устьѣ Амура продовольственными и военными припасами, открыто нами на судахъ нашихъ съ вершинъ этой рѣки, находящихся въ Забайкальской области, и до устьевъ оной, вновь плаваніе, которое до 1854 г. прекращено было лишь потому только, что мы не имѣли въ немъ надобности; а отнюдь не какимъ либо трактатомъ, въ которыхъ нигдѣ о плаваніи по этой рѣкѣ, издревле намъ принадлежавшей, по всему ея протяженію, не упоминается.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 4 Іюня 1855 года возложено на генерала Муравьева, при переговорахъ о разграниченіи съ Китаемъ, утвердить за Россіей весь лѣвый берегъ Амура и потому, при переговорахъ съ Китайскими уполномоченными, прибывшими въ Маріинскій Постъ съ листомъ къ Муравьеву отъ приближеннаго къ богдыхану сановника, князя И, объявлено имъ было и сообщено письменно его, Муравьева, мнѣніе о таковомъ разграниченіи 10 Сентября 1855 г. и сообщено трибуналу 12 Сентября; а 14 Декабря того же года посланъ изъ С.-Петербурга отъ нашего Сената въ трибуналъ листъ, въ которомъ объяснено, что все, сообщенное генераломъ Муравьевымъ Китайскому правительству, основано на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ. Какъ на этотъ листъ изъ Сената, такъ и на переговоры генерала Муравьева съ Китайскими уполномоченными въ Маріинскомъ Посту изъ трибунала внѣшнихъ сношеній до сихъ поръ, въ теченіи полутора года, никакаго отвѣта и опроверженія не воспослѣдовало, и хотя мѣстные пограничные начальники писали къ намъ въ Сенатъ отъ 20 Января 1856 года, что они не считаютъ себя вправѣ докладывать высшему своему правительству мнѣніе Муравьева о разграниченіи; но по высочайшей волѣ, объявленной ему Его Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, предоставлено ему отвѣчать симъ мѣстнымъ Китайскимъ пограничнымъ начальникамъ, что онъ, Муравьевъ, пріостановилъ докладъ ихъ листа Сенату, который ожидаетъ отъ трибунала отвѣта на вышеупомянутый свой листъ отъ 14 Декабря 1855 года, о чемъ Муравьевъ ихъ и увѣдомилъ изъ С.-Петербурга 3 Марта 1856 года.

Новая эта продолжительная безотвѣтность Китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній на наши листы о разграниченіи не можетъ быть иначе принята, какъ за знакъ согласія на сдѣланныя генераломъ Муравьевымъ предложенія, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ навигаціи прошлаго 1856 года разставлены были казачьи посты наши по всему лѣвому берегу Амура, начиная отъ Усть-Стрѣлочнаго караула; а главнѣйшій изъ этихъ постовъ находится на Усть-Зеѣ, близъ самаго города Сахалянъ-Ула (Айгуня), и начальники этого поста находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Китайскими властями этого города. Въ нынѣшнемъ же 1857 году предназначено усилить всѣ эти посты и переселить туда семейства казаковъ, которыя ихъ занимаютъ, что̀ и будетъ Муравьевымъ сдѣлано въ теченіе настоящаго Іюня мѣсяца, во исполненіе того, что̀ уже имъ сообщено трибуналу еще 12 Сентября 1855 года относительно учрежденія лѣтняго и зимняго по Амуру сообщенія нашего.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, а также изъ послѣднихъ отношеній къ графу Путятину Китайскаго трибунала и Ургинскихъ пограничныхъ начальниковъ, гдѣ они рѣшительно ничего объ Амурѣ не упоминаютъ, не смотря на весьма ясное занятіе лѣваго его берега нашими постами и даже говорятъ, что кромѣ Чугучакскаго дѣла никакихъ другихъ дѣлъ съ нами для переговоровъ не имѣютъ, генералъ Муравьевъ вывелъ графу Путятину прямое заключеніе, что Китайское правительство полагаетъ Амурское дѣло конченнымъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ Муравьевымъ было предложено ихъ уполномоченнымъ 10 Сентября 1855 г. въ Маріинскомъ Посту и, что послѣ всей позднѣйшей съ ними переписки, оно даже потеряло всякое право протеста на бо̀льшее или меньшее занятіе нами лѣваго берега Амура.

Что же касается заключенія новаго съ Китаемъ пограничнаго трак-

тата, то весьма естественно, что Китайское правительство, не препятствуя намъ занимать лѣвый берегъ Амура и всѣ приморскія мѣста, не желаетъ заключать поэтому новаго трактата, опасаясь гласности передъ собственными своими подданными.

Генералъ Муравьевъ могъ настойчиво идти къ цѣли уже и потому, что на границахъ Маньчжуріи и Монголіи у него было достаточное количество войска.

Графъ Путятинъ проплылъ городъ Сахалянъ-Ула 5 Іюня. Въ городѣ онъ посылалъ спрашивать у амбаня, не имѣетъ ли онъ отъ высшаго Китайскаго правительства повелѣнія провезти его въ столицу чрезъ Маньчжурію, но отвѣтъ былъ отрицательный, и, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій черезъ чиновниковъ, графъ Путятинъ отплылъ далѣе. Генералъ Муравьевъ, съ двумя канонирскими лодками, проводилъ его нѣсколько верстъ за городъ и на другой день, 6 Іюня, отправившись на этихъ же лодкахъ вверхъ по Амуру, возвратился 7 числа на Усть-Зейскій постъ, куда въ тоже время прибыли сверху рѣки главныя силы сосредоточеннаго имъ здѣсь военнаго отряда.

Завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи генералъ Муравьевъ далъ инструкцію, какъ держать себя относительно Китайцевъ. Онъ просилъ сохранять дружескія отношенія съ властями города Айгуня (Сахалянъ-Ула-Хотонъ) и вообще со всѣмъ народонаселеніемъ осѣдлымъ и кочующимъ, находящимся на берегахъ Амура; посѣщать по временамъ амбаня и принимать всегда ласково его самого и чиновниковъ, которые отъ него присылаемы будутъ и поручить одному изъ казачьихъ офицеровъ при отрядѣ принимать также тѣхъ чиновниковъ, которые будутъ пріѣзжать для мѣстныхъ сношеній. Сотенныя команды обязалъ онъ также ласково принимать чиновниковъ, которые будутъ пріѣзжать къ нимъ въ штабы и приказалъ посылать въ городъ офицеровъ для наблюденія, не производятъ ли тамъ какихъ либо военныхъ приготовленій.

Генералъ Муравьевъ приказалъ оказывать жителямъ во всѣхъ случаяхъ покровительство и даже помощь, внушая обращеніемъ нашимъ полное къ намъ довѣріе и тѣмъ доказывая, что наше владычество въ этихъ странахъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ нынѣшнее ихъ правительство.

Въ разговорахъ съ чиновниками и жителями велѣно объявлять, что жители, остающіеся на лѣвомъ берегу, поступятъ съ будущей навигаціей совершенно въ наше распоряженіе; а потому тѣ, которые этого не пожелаютъ, должны вовремя перейти на правый берегъ Амура. Во всѣхъ разговорахъ съ амбанемъ или присланными отъ него чиновниками генералъ Муравьевъ приказалъ завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи сообщать имъ и стараться внушить, что, имѣя отъ него приказаніе сохранять съ ними по всей линіи дружбу и согласіе, онъ въ тоже время обязанъ, въ случаѣ малѣйшаго вида недружелюбія съ ихъ стороны или скопленія военныхъ силъ, перейти на правый берегъ рѣки, забрать все ихъ оружіе и расположиться въ самомъ городѣ съ войсками и артиллеріею, внушая имъ вообще, что мѣстный начальникъ во всемъ исполняетъ лишь волю Государя и что если они имѣютъ какія либо неудовольствія противъ дѣйствій мѣстнаго начальника на Усть-Зеѣ, то могутъ жаловаться генералъ-губернатору въ Иркутскъ или Сенату нашему въ Петербургъ. Еслибы жители лѣваго берега Амура стали, по распоряженію своего на-

чальства, переходить на правый, то генералъ Муравьевъ велѣлъ имъ объявить, чтобъ они не безпокоились за свои дома, что они будутъ сохранены въ цѣлости и что съ открытіемъ навигаціи они могутъ продать ихъ нашимъ переселенцамъ; если такимъ образомъ опустѣютъ цѣлыя деревни, то велѣлъ занять ихъ постами для охраненія отъ огня; а еслибъ опустѣли всѣ селенія противъ города, то послать цѣлую роту, которая и должна расположиться въ селеніяхъ противъ города, имѣя съ Усть-Зейскимъ постомъ ежедневное сообщеніе. Еслибъ амбань или чиновники его стали входить въ разсужденія о правахъ своихъ на лѣвый берегъ Амура, то генералъ Муравьевъ приказалъ объявить имъ разъ на всегда, что это до начальника линіи не касается и что они обо всемъ этомъ могутъ объяснять генералу Муравьеву.

*

Въ Іюлѣ полученъ на Амурѣ листъ отъ Китайскаго трибунала отъ 12 Іюня, въ которомъ сообщается Сенату, что ему писано уже, что въ дѣлѣ усмиренія смутъ, производимыхъ злоумышленниками, серединное государство никогда не пользовалось помощію иностранныхъ державъ и что поэтому нашему высокому посланнику нѣтъ нужды слѣдовать къ нимъ въ Пекинъ. Нынѣ же, получивъ отъ посла нашего другія сообщенія, что онъ намѣренъ прибыть къ Тянь-цзину, трибуналъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что Тянь-цзинъ тѣмъ болѣе не мѣсто для переговоровъ между подданными обѣихъ имперій.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга еще разъ написали Пекинскому двору о принятіи нашего посла. Графъ Путятинъ 1-го Іюля вышелъ изъ Николаевска и 24 числа прибылъ къ устью р. Пей-хо, или правильнѣе Хай-хэ, впадающей въ заливъ Джилійскій, или Печели. 4-го Августа прибылъ Китайскій сановникъ и былъ принятъ съ почетомъ, слѣдующимъ его сану. Послѣ привѣтствій онъ объявилъ, что хотя не обязанъ, но изъ пріязни и подъ большою отвѣтственностію приметъ бумагу съ тѣмъ, что отвѣтъ на нее будетъ присланъ въ Кяхту или на Амуръ къ генералу Муравьеву. Узнавъ же, что графъ Путятинъ этого условія не допускаетъ, онъ отказался принимать дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ; но объявилъ, что сообщитъ обо всемъ генералъ-губернатору приморскихъ областей, отъ котораго отвѣтъ можетъ быть полученъ черезъ 8 дней. 12-го Августа дѣйствительно прибылъ товарищъ генералъ-губернатора и принялъ пакетъ съ условіемъ доставить отвѣтъ въ Печели; но принялъ не прежде, какъ употребивъ всѣ усилія, чтобы отклониться отъ этого.

Между тѣмъ трибуналъ жаловался Сенату, что «Путятинъ прислалъ листъ изъ Кяхты, увѣдомляя о намѣреніи прибыть въ Пекинъ для совѣщаній о важныхъ дѣлахъ; что посланники, слѣдующіе въ Пекинъ, обыкновенно имѣютъ цѣлію доставить дань и лично представиться богдыхану. Если же случатся дѣла, требующія взаимныхъ совѣщаній, то эти совѣщанія непремѣнно должны производиться на границѣ; а допустивъ посла въ столицу, затруднительно было бы принимать его. Поэтому изъ палаты отправленъ былъ листъ въ Кяхту о томъ, что Путятину нѣтъ нужды ѣхать въ Пекинъ. Вопреки ожиданію Китайскаго правительства, Путятинъ, хотя и получилъ отвѣтный листъ, но все таки прибылъ въ Тянь-цзинъ и передалъ листъ, въ которомъ жалуется, что въ серединной имперіи не оказываютъ ему должнаго пріема. Но надо вспомнить, что въ дѣлѣ пере-

говоровъ между двумя имперіями необходимо съ той и съ другой стороны условиться о мѣстѣ свиданія: тогда только можно приготовить все необходимое для пріема. Въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не условились назначать мѣстомъ совѣщанія Тянь-цзинъ: какимъ же образомъ мѣстныя власти могли сдѣлать къ тому приготовленія? Въ помянутомъ мѣстѣ нельзя принимать собственно и бумагъ изъ иностранныхъ державъ; но такъ какъ Путятинъ прибылъ издалека и находился тамъ уже долгое время, то тамошнее начальство приняло отъ него листъ и доставило къ намъ. Палата въ общемъ собраніи вскрыла листъ и прочла его содержаніе. Въ семъ листѣ вы говорите, что нашъ отвѣтный листъ прибылъ къ вамъ позже назначеннаго срока. По расчету условный срокъ не былъ промедленъ, и отвѣтъ прибылъ въ 5 лунѣ, какъ желалъ и ожидалъ Путятинъ. Но онъ, по полученіи сего листа, прибылъ въ Тянь-цзинъ, который не есть проѣздное мѣсто, и тамошнія власти никакъ не могли знать о его пріѣздѣ; слѣдовательно нельзя говорить, что посланнику оказано невниманіе. Но у Путятина нѣтъ грамоты отъ вашего высокаго правительства, то и нѣтъ надобности дѣлать ему пріема, какъ посланникамъ, пріѣзжающимъ съ данью и для представленія нашему государю. Притомъ онъ самъ именуетъ себя сановникомъ высшей степени, графомъ,—тѣмъ болѣе нельзя обойтись съ нимъ, какъ съ простымъ человѣкомъ, пріѣзжающимъ по дѣламъ неважнымъ: въ случаѣ какаго либо невниманія къ нему могло бы нарушиться наше доброе согласіе. Потомъ, такъ какъ Путятинъ не объяснилъ предмета требуемыхъ совѣщаній, то мы при отвѣтѣ своемъ еще не могли понимать сущность дѣла. Теперь же изъ вновь полученнаго листа оказывается, что дѣло идетъ о взаимныхъ переговорахъ касательно еще неопредѣленной границы. Границы обоихъ государствъ опредѣлены въ правленіе Канъ-хи; границами постановлены р. Горбица и большой Хинганскій хребетъ. Тогда поставили пограничные столбы на вѣчныя времена нерушимо. Посему объ этомъ ненужно трактовать. Остаются неразграниченныя только мѣста, прилегающія къ р. Уди и бывшія издавна промежуточнымъ пространствомъ между обѣими государствами. Въ третьемъ году настоящаго правленія, по желанію вашего высокаго правительства, мы поручили Гиринскому, Амурскому и Ургинскому правителямъ командировать чиновниковъ для освидѣтельствованія границъ вмѣстѣ съ вашими полномочными; съ тѣхъ поръ прошло много времени, а результатовъ никакихъ еще не было. Въ настоящее время, пользуясь присутствіемъ здѣсь сановника вашего, Путятина, палата можетъ испросить у великаго нашего государя повелѣніе назначить особаго сановника, который вмѣстѣ съ Путятинымъ осмотритъ Удскую страну и сообща съ нимъ опредѣлитъ тамъ границу. Хайланъ-Омо, поселеніе Котунь и Цзинкари суть пограничныя мѣста серединной имперіи; а Муравьевъ, во главѣ множества людей, объявляя, что они всѣ отправлены вашимъ правительствомъ, завладѣлъ тѣми мѣстами и построилъ тамъ зданія. Вѣроятно, это было безъ вѣдома вашего государя. Такъ какъ Путятинъ прибылъ въ первый разъ и издалека, то палата сдѣлала отвѣты на всѣ пункты листа посланника; повелѣно также Тянь-цзинскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, при отправленіи посланника, лично проводить его по морскому берегу для совершеннаго исполненія закона гостепріимства и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить листъ въ высокій Сенатъ для предупрежденія, что если кто снова

прибудетъ въ Тянь-цзинъ или другой приморскій портъ, палата, согласно установленному порядку, не иначе будетъ имѣть письменныя сношенія, какъ черезъ Ургинскихъ правителей и не будетъ сноситься съ посланникомъ».

Китайское правительство, должно быть, было въ то время въ храбромъ настроеніи. Оно рѣшилось протестовать противъ занятія нами лѣваго берега Амура. Генералъ Муравьевъ получилъ листъ отъ мейренъ-джангина города Сахалянъ-Ула, въ которомъ, послѣ обычныхъ напоминаній о двухсотлѣтней дружбѣ Россіи съ Китаемъ, говорится, что суда, пропущенныя на устье Амура якобы для отраженія Англичанъ, достигнувъ до мѣста Хотонь, стали тамъ домà строить и поселились. Муравьевъ спускался на многихъ судахъ и при проплытіи Сахалянъ-Ула помогаемо было исправить разбившееся судно. Послѣ того, зимою, болѣе ста человѣкъ Русскихъ, возвращаясь изъ мѣстечка Хотонь, достигли до Сахалянъ-Ула, снабжены были провизіей и лошадьми отъ города. Нынѣ генералъ-губернаторъ Муравьевъ, прибывши съ судами и людьми, не имѣлъ свиданія взаимнаго, говоря, что спѣшитъ и проплывши городъ, на другой день возвратился, остановился въ мѣстечкѣ Хайлань-Омо, при устьѣ Зеи. Были посланы чиновники спросить о причинѣ построекъ, но ничего положительнаго не узнали. «Изъ этого предвидимъ, что вы завладѣваете насильственно мѣстами серединнаго государства и, какъ кажется, вовсе не для отраженія Англичанъ, и кажется, нѣтъ повелѣнія вашего Императора. Что же касается до торговыхъ сношеній, то пункты для этого опредѣлены трактатами. Мѣста наши Гиринскія и Сахалянъ-Уласкія холодныя и бѣдствующія, ничего не производятъ, самимъ едва хлѣба и овощей достаетъ: гдѣ же взять для продажи? Кромѣ того, люди здѣшніе крѣпкаго сложенія и надменны, къ спорамъ и дракамъ охотники, по этому вамъ слѣдуетъ пораньше возвратить всѣхъ людей и поддержать этимъ дружеское согласіе съ нами. Генералъ-губернаторъ! Ты, нарушивши дружественныя отношенія, сряду четыре года отъ Сахалянъ-Ула ѣздилъ вверхъ и внизъ и построилъ много домовъ въ мѣстечкѣ Хайлань-Омо. Какая этому непремѣнная причина? Объяснить надо для донесенія высшему правительству и для рѣшенія по обстоятельствамъ. Просимъ тебя, генералъ - губернаторъ, тщательно размысливши высокими мыслями твоими, не разрушать добраго согласія двухъ государствъ, но разъяснивши настоящее истинное дѣло, написать листъ на Маньчжурскомъ языкѣ и прислать намъ, по разсмотрѣніи котораго, мы бы посовѣтовались и рѣшили и тѣмъ избавили бы отъ хлопотъ и безпокойства войско двухъ государствъ».

Генералъ Муравьевъ отвѣчалъ, что изъ листа этого онъ усматриваетъ, что амбанямъ вовсе неизвѣстна переписка его еще съ 1855 года съ высокимъ трибуналомъ. На всю нашу переписку отъ высшаго Китайскаго правительства никакаго противорѣчія не было и когда въ нынѣшнемъ году, по высочайшей волѣ нашего Великаго Государя, посланъ былъ въ Пекинъ посланникъ, то онъ трибуналомъ туда пропущенъ не былъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы нѣтъ предмета для переговоровъ. «По всему этому, почтенные амбани, продолжаетъ генералъ Муравьевъ, и я не считаю себя вправѣ принять вашъ листъ и входить по оному въ какіе-либо переговоры и вынужденъ листъ вашъ при семъ возвратить. Посланникъ же нашъ теперь въ Печелійскомъ заливѣ, и правительство ваше можетъ обо

всемъ съ нимъ переговорить въ Пекинѣ, куда ему назначено было отправиться. По дружественнымъ же отношеніямъ обоихъ государствъ, прошу васъ обращаться со всѣми словесными объясненіями къ г. Языкову, назначенному на Усть-Зею и по всему лѣвому берегу Амура начальникомъ, равностепеннымъ съ амбанемъ. Письменныхъ же листовъ онъ принимать отъ васъ не можетъ, ибо не имѣетъ при себѣ переводчика, который бы умѣлъ читать и писать».

Затѣмъ осенью генералъ Муравьевъ отправился въ Петербургъ.

Внѣшній трибуналъ послалъ въ Сенатъ листъ въ томъ же духѣ, какъ былъ листъ амбаней, прося о своевольныхъ распоряженіяхъ Муравьева доложить Властителю нашего высокаго государства.

Въ Ноябрѣ полученъ листъ изъ Пекина, которымъ увѣдомляли, что военнымъ и гражданскимъ чинамъ Тянъ-цзина велѣно было проводить посланника съ честію во исполненіе долга гостепріимства, и что вслѣдъ за симъ получено донесеніе, что посланникъ Путятинъ, получивъ отвѣтный листъ и усмотрѣвъ сообщеніе палаты, изъявилъ свое особенное удовольствіе и выразился, что, по возвращеніи въ отечество, онъ испроситъ у своего Государя новаго способа рѣшенія дѣла, послѣ чего онъ немедленно отправился. Трибуналъ кончаетъ увѣдомленіемъ, что богдыханъ уже отправилъ сановниковъ въ Сахалянъ-Ула для ожиданія посланника Путятина, дабы вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть взаимныя границы на р. Уди.

Черезъ недѣлю пришелъ еще листъ въ Сенатъ съ жалобой, что Муравьевъ заселяетъ Амуръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты мѣстныхъ Китайскихъ властей, что серединное государство съ нами въ давнишней дружбѣ, а потому нисшія лица не должны были бы произвольно занимать земли серединнаго государства, и потому хорошо было бы, еслибы Русское правительство поспѣшило приказать Муравьеву отвести обратно людей и суда и тѣмъ предотвратить большія непріятности.

Обиженный графъ Путятинъ, получивъ отказъ отъ трибунала, послалъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ изъ Шанхая въ Петербургъ рапортъ Генералъ-Адмиралу, предлагая остановить Кяхтинскую торговлю. Онъ писалъ, между прочимъ, что увѣренность Китайскаго правительства въ необходимости этой торговли для Россіи есть одна изъ главныхъ причинъ неудачи нашихъ политическихъ сношеній съ Пекиномъ, что если бы правительство наше не пожалѣло ассигновать отъ 3 до 5 милліоновъ на взятку, то посольство имѣло бы полный успѣхъ. Далѣе онъ сообщалъ отъ 2-го Ноября, что страхъ и смятеніе произведены во всей прибрежной странѣ до самаго Пекина появленіемъ нашего парохода при устьяхъ р. Бай-хэ, основывая достовѣрность этой вѣсти на разсказахъ католическихъ миссіонеровъ. Онъ успокоивалъ Россію тѣмъ, что надменный тонъ, принимаемый Китайскимъ правительствомъ въ офиціальныхъ своихъ сношеніяхъ, есть только одна уловка, чтобъ прикрыть внутреннее свое безсиліе.

Между тѣмъ Англичане приняли рѣшительное намѣреніе овладѣть Кантономъ и ожидали только прибытія нѣкоторыхъ судовъ, отправленныхъ изъ Англіи съ морскими солдатами, чтобъ сдѣлать нападеніе на этотъ городъ. Баронъ Гро, пріѣзжавшій въ Гонконгъ изъ Макао для совѣщанія съ лордомъ Эльгиномъ, посѣтилъ графа Путятина на пароходѣ «Америка» и сообщилъ ему, что Французская эскадра объявитъ блокаду Кантонской рѣки за нарушеніе трактата, заключающееся въ сильныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Франціи въ ли-

цѣ ея миссіонеровъ. Адмиралъ Риго-де-Женульи прислалъ графу Путятину съ письмомъ оффиціальную декларацію блокады Кантонской рѣки. Американскій министръ, г. Ридъ, просившій свиданія съ генералъ-губернаторомъ Иэ, получилъ на это отказъ, и сказалъ поэтому, что Соединенные Штаты принуждены будутъ употребить силу противъ Китайцевъ, если имъ будутъ отказывать въ привилегіяхъ, которыя будутъ предоставлены Европейцамъ.

Сношенія наши съ Американцами, какъ писалъ графъ Путятинъ, доселѣ весьма дружелюбны и откровенны; съ Англичанами же и Французами весьма вѣжливы, пріязненны, но ограничиваются нѣкоторою осторожностію.

Неудавшееся посольство графа Путятина не подавало и въ будущемъ никакой особенной надежды. Депешею изъ Гонъ-Конга, отъ 17-го Декабря, онъ извѣщалъ, что вышелъ декретъ богдыхана для отраженія вторженія Русскихъ въ Амурскій край, что одни дипломатическія настоянія недостаточны для убѣжденія Китайцевъ измѣнить образъ сношеній съ другими государствами и что безъ сильныхъ понудительныхъ мѣръ нельзя достигнуть никакаго результата. Какъ самое дѣйствительное средство, графъ Путятинъ полагалъ учредить блокаду обоихъ устьевъ р. Пейхо, ограничивая оную недопущеніемъ Китайскихъ джонокъ входить въ рѣку, пока не будетъ высланъ министръ Пекинскій въ Печелійскій заливъ, уполномоченный для переговоровъ объ опредѣленіи границъ, дарованныхъ Россіи и преимуществъ, равныхъ съ прочими націями. Эту блокаду графъ Путятинъ считалъ весьма удобоисполнимою судами шедшаго туда отряда, и остановка подвоза риса и другаго зерноваго хлѣба въ Пекинъ скорѣе всего, какъ онъ полагалъ, заставитъ Китайцевъ бросить свое упорство. Въ случаѣ же перенесенія союзниками войны на Сѣверъ, графъ Путятинъ признавалъ выгоднымъ и полезнымъ своевременно предложить Франціи и Англіи содѣйствіе нашихъ морскихъ силъ въ здѣшнихъ моряхъ для достиженія и общихъ цѣлей, и частныхъ, касающихся одной Россіи. Иначе, такъ кончаетъ свою депешу графъ Путятинъ, трудно предвидѣть, какими путями дипломатическими можно достигнуть рѣшенія нынѣшнихъ нашихъ споровъ съ Китаемъ.

Генералъ Муравьевъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ изъ Парижа, куда онъ отправился для поправленія разстроеннаго здоровья и, по совѣщаніи съ нимъ, графу Путятину написали, въ концѣ Декабря 1857 года, что такъ какъ званіе посланника въ Китаѣ дѣлается уже безполезнымъ, то онъ, по волѣ Государя Императора, назначается начальникомъ отдѣльной эскадры и императорскимъ комисаромъ, дабы имѣть возможность слѣдить за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи къ Китаю.

Генералъ Муравьевъ настоялъ, чтобы продолжать заселеніе Амура и вести переговоры въ миролюбивомъ духѣ, что̀ и было ему предоставлено.

Китайцамъ же написали, что они напрасно послали своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ въ Сахалянъ-Ула, между тѣмъ какъ посланникъ нашъ, графъ Путятинъ, не получивъ никакаго удовлетворительнаго отвѣта, отправился въ другія страны на встрѣчу нашей флотиліи, которая идетъ къ устьямъ Амура. Въ заключеніе Китайцевъ извѣстили, что самъ генералъ Муравьевъ вызванъ Государемъ Императоромъ въ первопрестольный градъ для особыхъ погра-

ничныхъ дѣлъ, гдѣ и получитъ всѣ приказанія отъ Его Величества относительно того, какъ ему переговариваться и какъ дѣйствовать на границѣ.

Мѣры, которыя предлагалъ графъ Путятинъ, повели бы за собою вызовъ миссіи, закрытіе Кяхтинской торговли и прервали бы всѣ сношенія съ Китайцами, что̀ вполнѣ согласовалось бы съ видами и желаніями Китайскаго правительства.

Насталъ 1858 годъ. Графъ Путятинъ, ревнуя на дипломатическомъ поприщѣ, писалъ ноты въ верховный государственный совѣтъ въ Пекинѣ, выражая въ нихъ общія требованія для всѣхъ государствъ и для Россіи въ особенности, отвергая, въ дѣлѣ разграниченія, Хинганскій хребетъ и предлагая рѣку Амуръ границею, болѣе приличною, для чего вызывалъ въ Шанхай полномочныхъ изъ Пекина. Между тѣмъ Амурскій Комитетъ обсудилъ и заключилъ въ Февралѣ, что графъ Путятинъ долженъ оставаться въ Китайскихъ моряхъ въ наблюдательномъ положеніи, не принимая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо Англія и Франція торжественно объявили, что всѣ выгоды, которыя будутъ выговорены для нихъ въ мирномъ трактатѣ съ Китаемъ, должны простираться и на прочія Европейскія государства.

Немало надѣлало страху въ Петербургѣ донесеніе графа Путятина, что Китайцы заготовляютъ порохъ для нападенія на насъ; но прозорливый генералъ Муравьевъ успокоилъ встревожившихся. Хотя въ Маньчжуріи и производились сборы войскъ, но онъ приписывалъ всѣ эти приготовленія тревожному состоянію, въ которомъ находилось Китайское правительство по случаю войны съ Англо-Французами и естественному опасенію, что и мы можемъ предпринять противъ нихъ враждебныя дѣйствія. Генералъ Муравьевъ ждалъ только минуты, чтобъ вслѣдъ за льдами поплыть къ устью Зеи, предварительно предписавъ генералъ-маіору Карсакову поспѣшить приготовленіемъ къ сплаву частей войскъ, слѣдующихъ на Амуръ и въ особенности обратить вниманіе на поспѣшный сплавъ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ принадлежностей для возведенія батарей. Немедленно по возвращеніи своемъ изъ С.-Петербурга, генералъ Муравьевъ послалъ въ Ургу Кяхтинскаго пограничнаго коммисара для подробнѣйшихъ объясненій съ тамошними правителями, и чтобы сообщить имъ, что графъ Путятинъ приметъ на себя даже посредничество между Китайскимъ правительствомъ и западными державами, если Пекинскій кабинетъ будетъ объ этомъ просить графа и что если онъ этого пожелаетъ, то долженъ послать къ графу Путятину начальника или одного изъ членовъ Пекинской духовной миссіи. Въ отношеніи же заселеній нашихъ на Амурѣ генералъ Муравьевъ предупредилъ Ургинскихъ правителей, что будетъ продолжать и въ нынѣшнемъ году заселять различныя мѣста по Амуру и Усури, на основаніи данныхъ ему высочайшихъ повелѣній; но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ нимъ не заключаютъ, а напротивъ клонятся къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ.

Въ тоже время отправилъ онъ на устье Зеи курьера, приказавъ ему, когда будетъ въ Айгунѣ, сказать амбаню, что Муравьевъ будетъ на Амурѣ тотчасъ по вскрытіи льдовъ, но что не можетъ медлить въ верховьяхъ рѣки, а долженъ спѣшить къ устью и что если онъ желаетъ съ Муравьевымъ переговариваться, то это будетъ удобнѣе на возвратномъ его пути отъ устья Амура. Предупрежденіе это

онъ сдѣлалъ вопервыхъ въ надеждѣ, что на устьѣ Амура получитъ извѣстіе отъ графа Путятина, а вовторыхъ, чтобъ показать Китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особаго стремленія съ ними переговариваться.

3-го Апрѣля 1858 полученъ былъ въ Иркутскѣ листъ изъ Пекинскаго трибунала, въ которомъ жаловались, что графъ Путятинъ, вопреки ожиданій Китайскаго правительства, вовсе не отправился на Амуръ для переговоровъ, а выразилъ намѣреніе прибыть въ Шанхай и вмѣстѣ съ Американцами поставилъ Китайцамъ на видъ событія въ Кантонѣ, чѣмъ, изъ-за дѣлъ другихъ государствъ, нарушаетъ законы взаимной пріязни; онъ проситъ отправить чиновника въ Шанхай для переговоровъ о важныхъ дѣлахъ, но въ настоящее время нѣтъ другихъ дѣлъ, требующихъ переговоровъ, кромѣ разграниченія на Амурѣ, гдѣ есть для этого уполномоченный главнокомандующій. Шанхай далеко отъ Амура, и трудно въ этомъ городѣ уяснить обстоятельства, касающіяся раздѣленія границы. «Посему», кончаетъ трибуналъ, вашему великому правительству слѣдуетъ приказать посланнику не медлить въ Шанхаѣ, изъ опасенія нарушить правила дружбы, существующія между обѣими имперіями».

1-го Апрѣля графъ Путятинъ прибылъ въ Печели прежде судовъ иностранныхъ эскадръ. Переговоры не удались, и 17 Мая послѣдовалъ онъ за барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ въ Тянъ-цзинъ; а 16-го Мая генералъ Муравьевъ заключилъ Айгунскій трактатъ и по совершеніи благодарственнаго молебствія въ Усть-Зейскомъ посту отдалъ 18 числа слѣдующій приказъ:

«Товарищи, поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы: Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая церковь молится за васъ, Россія благодаритъ! Да здравствуетъ Императоръ Александръ и да процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!»

21 Мая генералъ Муравьевъ донесъ о заключеніи договора Государю Императору и въ тотъ же день заложилъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, переименовавъ въ тоже время Усть-Зейскій постъ въ станицу Благовѣщенскую.

*

Приступая къ описанію бывшихъ въ Айгунѣ переговоровъ, мы ограничимся указаніемъ только самыхъ главныхъ обстоятельствъ. Передать всѣ подробности невозможно; каждый день приходилось повторять, что̀ было говорено наканунѣ.

Китайскіе чиновники встрѣтили генерала Муравьева еще за 80 верстъ выше устья Зеи съ вопросомъ, долго ли онъ можетъ пробыть въ этихъ мѣстахъ и съ просьбою обождать хотя нѣсколько дней прибытія въ Айгунь ихъ главнокомандующаго изъ Цицигара. На другой же день послѣ прибытія генерала Муравьева въ Усть-Зею, пріѣхалъ къ нему изъ Айгуня амбань съ извѣстіемъ, что главнокомандующій ихъ уже прибылъ въ городъ и проситъ его хоть на нѣсколько дней отложить дальнѣйшее плаваніе, чтобъ поговорить о разграниченіи на Амурѣ, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ своихъ занятій. Генералъ Муравьевъ согласился и пошелъ въ Айгунь съ 2-мя канонирскими лодками и въ 6 дней заключилъ договоръ.

На первомъ свиданіи, бывшемъ 11 Мая, генералъ Муравьевъ, изложивъ на словахъ все, что̀ неоднократно было уже писано Китайскому правительству о необходимости опредѣлить границу обоихъ

государствъ по теченію р. Амура, объ обоюдной пользѣ окончанія этого дѣла, присовокупилъ, что въ настоящее время Китайскому правительству тѣмъ болѣе должно бы кончить это дѣло, что Китай въ войнѣ съ Англичанами, которые могутъ обнаружить желаніе завладѣть устьемъ Амура и мѣстами отъ него къ Югу, вдоль морскаго берега, лежащими; что мы можемъ имъ въ томъ воспрепятствовать только въ случаѣ, если, на основаніи заключеннаго договора, мы можемъ показать означенныя мѣста намъ принадлежащими.

На это Китайскій главнокомандующій возразилъ также въ смыслѣ преждеписанныхъ изъ трибунала по этому дѣлу листовъ, поднялъ всѣ трактаты, Горбицу, Удь и неразграниченныя земли. За тѣмъ послѣдовали съ той и другой стороны прѣнія, которыя не подвигали дѣла, а какъ засѣданіе продолжалось уже 4 часа, то генералъ Муравьевъ прекратилъ оное, передавъ Китайскому уполномоченному заранѣе изготовленный проектъ трактата и просилъ по разсмотрѣніи онаго объявить его мнѣніе въ засѣданіи на слѣдующій день.

Проектъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ:

1. Границѣ между обоими государствами быть по р. Амуру такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ Россійскому, а правый, до р. Усури, Китайскому государству; за тѣмъ по р. Усури до ея истоковъ, а отъ оныхъ до полуострова Кореи.

2. Плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ двухъ государствъ.

3. По симъ рѣкамъ свободная торговля.

4. Китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу, переселиться на правый въ теченіи трехъ лѣтъ.

5. Пересмотръ (чрезъ нарочно назначенныхъ для сего съ обоихъ сторонъ лицъ), прежнихъ трактатовъ для постановленія новыхъ правилъ по всѣмъ предметамъ, касающимся до пользы и славы обоихъ государствъ и

6. Настоящій договоръ считать дополненіемъ прежнихъ трактатовъ.

Изъ этого перваго засѣданія было вынесено убѣжденіе такаго рода, что Китайское правительство хотя и желаетъ непремѣнно сохранить дружбу съ нами (ибо объ этомъ уполномоченный нѣсколько разъ упоминалъ), но что оно упорно будетъ придерживаться прежнихъ, столь часто выраженныхъ имъ мнѣній о пограничномъ дѣлѣ и что переговоры могутъ такимъ образомъ продолжаться весьма долго.

Мы, напротивъ того, желали привести дѣло къ окончанію какъ можно скорѣе; однако, чтобъ не высказать этого желанія, а также съ цѣлію имѣть въ сбереженіи высшій авторитетъ, къ окончательному рѣшенію котораго можно было бы прибѣгнуть на случай какихъ либо недоразумѣній, положено было отправить на другой день переводчика нашего объявить, что генералъ Муравьевъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ продолжать переговоры, а поручаетъ оные г. Перовскому, котораго онъ представилъ, какъ служащаго въ томъ самомъ Сенатѣ, изъ котораго пишутся наши листы и что въ предвидѣніи могущихъ быть переговоровъ, на основаніи послѣдняго листа изъ трибунала, поручено г. Перовскому сопровождать генерала Муравьева до Айгуня.

Начавшіяся за тѣмъ ежедневныя свиданія г. Перовскаго то съ амбанями, то съ главнымъ переводчикомъ и другими лицами, продолжались по 3 и по 4 часа утромъ и вечеромъ. Трудно передать всѣ хитрости, всѣ уловки Китайскихъ чиновниковъ съ цѣлію передать

слушателю убѣжденіе о ихъ славѣ, о неоспоримомъ превосходствѣ ихъ надъ другими народами; но трудно было имъ выдерживать постоянно эту роль и скрыть собственное сознаніе о своемъ безсиліи, о шаткомъ положеніи дѣлъ въ ихъ государствѣ, о страхѣ, чтобы мы не дѣйствовали противъ нихъ вмѣстѣ съ Англичанами, которыхъ они столько же не любили, сколько боялись.

Генералъ Муравьевъ просилъ г. Перовскаго не упускать удобнаго случая дать имъ почувствовать, что положеніе ихъ вполнѣ намъ извѣстно. Когда же, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, г. Перовскій замѣтилъ, что упорство ихъ не ослабѣваетъ, то объявилъ имъ, по приказанію генералъ-губернатора, что только великодушію нашего Монарха обязаны они сохраненіемъ дружественныхъ сношеній между обоими государствами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали бы намъ полное право дѣйствовать иначе; что напрасно они упираются на прежніе трактаты для опредѣленія границъ къ Востоку отъ рѣки Горбицы и въ мѣстахъ около р. Уди лежащихъ, ибо при заключеніи трактата въ 1689 году они поступили недобросовѣстно: изъ Пекина было писано, что свита ихъ уполномоченныхъ будетъ немногочисленна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ къ мѣсту переговоровъ выслали цѣлую армію; съ нашей же стороны нашему посланнику дана была только необходимая свита; что, наконецъ, Китайцы сами нарушили трактаты тѣмъ вопервыхъ, что брали ясакъ съ жителей въ мѣстахъ неразграниченныхъ, на что они не имѣли никакаго права, а вовторыхъ тѣмъ, что нынѣ не приняли посланника, отправленнаго по повелѣнію Государя Императора съ дружескимъ привѣтствіемъ къ ихъ богдыхану и что таковое обстоятельство между всѣми просвѣщенными государствами влечетъ за собою обыкновенно разрывъ и непріязненныя дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перовскій упомянулъ, что они возбудили еще одно непріятное дѣло, въ которомъ поступили несправедливо, а именно дѣло о сожженіи и разграбленіи факторіи нашей въ Чугучакѣ.

Эти слова произвели на Китайцѐвъ сильное впечатлѣніе: они согласились на заключеніе договора, между тѣмъ какъ первоначально отказывались отъ сего подъ разными предлогами; но просили измѣнить переданный первый проэктъ. Главныя измѣненія относились до опредѣленія границы по Усури и до статьи о пересмотрѣ прежнихъ трактатовъ; ихъ уполномоченный главнокомандующій (дзяньдзюнь) объявилъ рѣшительно, что переговариваться и упоминать о сихъ двухъ статьяхъ онъ не имѣетъ никакаго права, поэтому необходимо было съ нимъ согласиться. За тѣмъ они просили не упоминать, что р. Амуръ составляетъ границу между обоими государствами. Отчего именно они опасались этого слова, трудно объяснить: выраженіе, употребленное въ подлинномъ договорѣ, что лѣвый берегъ рѣки доустья въ море составляетъ владѣніе Россійскаго государства безъ сомнѣнія равносильно слову граница; надобно полагать, что уполномоченные, которые неоднократно упоминали, что они не знаютъ, какъ для нихъ это дѣло окончится въ Пекинѣ и имѣли въ виду представить въ свое оправданіе какое либо хитрое поясненіе этой статьи. Въ тѣхъ же, вѣроятно, видахъ просили они о помѣщеніи словъ «для защиты отъ иностранцевъ», словъ, не имѣющихъ впрочемъ особой силы, такъ какъ отдѣльною статьею постановлено, что плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ обоихъ государствъ.

Не имѣя уполномочія на опредѣленіе границы по Усури, Китайскій дзянь-дзюнь предлагалъ вовсе не упоминать о сей рѣкѣ и о мѣстахъ, по ней лежащихъ, или сказать: «мѣста же отъ Усури къ морю лежащія остаются, какъ и нынѣ, неразграниченными».

Когда, наконецъ, всѣ статьи договора, послѣ упорнаго оспариванія, были опредѣлены, Китайскіе уполномоченные, желая испытать послѣднее средство сопротивленія, объявили, что подписать они его не могутъ, а должны предварительно послать на утвержденіе въ Пекинъ, и что для этого потребно, по малой мѣрѣ, сорокъ дней.

Убѣдившись, что уступчивости съ нашей стороны надобно положить конецъ, мы рѣшились также прибѣгнуть къ окончательному способу убѣжденія, до послѣдней минуты нами отложенному, т. е. генералъ-губернаторъ отправился къ дзянь-дзюню и объявилъ ему, что измѣненій въ договорѣ онъ больше никакихъ не можетъ сдѣлать, что онъ удивляется нерѣшительности его подписать документъ, въ которомъ Китайцы въ особенности нуждаются и что ежели за тѣмъ для нихъ послѣдуютъ какія либо непріятности отъ предпріятій Англичанъ на неопредѣленныхъ мѣстахъ, то должны пенять на себя.

Эта мѣра имѣла желаемый успѣхъ: противорѣчій съ ихъ стороны уже не было никакихъ и договоръ подписанъ. Но при этомъ дзянь-дзюнь повторилъ, что хотя это дѣло между ими и нами уже кончено, но онъ не знаетъ, какъ оно кончится для него въ Пекинѣ, куда онъ отправится съ представленіемъ договора. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ разстался съ Китайскими властями въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Относительно торговыхъ и почтовыхъ сообщеній нашихъ съ Китаемъ, генералъ Муравьевъ предложилъ приставу нашей духовной миссіи, статскому совѣтнику Перовскому, во время пребыванія его въ Пекинѣ, войти съ тамошними властями въ переговоры.

*

И такъ Амуръ, съ милліономъ квадратныхъ верстъ и приморскимъ берегомъ, составилъ однимъ почеркомъ пера генерала Муравьева законную собственность Россіи. Въ письмѣ своемъ къ Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, онъ между прочимъ пишетъ: «если же господа невѣрующіе станутъ и теперь еще утверждать, что договоръ не облеченъ всѣми дипломатическими формами, то ошибутся, какъ ошибались и прежде въ сношеніяхъ своихъ съ Китаемъ».

Отъ 6-го Іюня князь Горчаковъ писалъ графу Путятину, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ вопросъ объ опредѣленіи границъ съ Китаемъ оставить въ исключительномъ завѣдываніи генералъ-адъютанта Муравьева; а 17-го Іюля писалъ г. Перовскому, чтобъ онъ предупредилъ графа Путятина о заключеніи Айгунскаго трактата, и ежели бы онъ заключилъ и съ своей стороны, то объявилъ бы таковой недѣйствительнымъ. А между тѣмъ графъ Путятинъ 7-го Іюня донесъ Его Высочеству Генералъ-Адмиралу, что заключилъ трактатъ въ городѣ Тянь-цзинѣ 1-го Іюня.

Графъ Путятинъ совершенно напрасно требовалъ открытія переговоровъ въ Шанхаѣ по вопросу о границѣ, относящемуся исключительно до Россіи; ибо въ Шанхаѣ труднѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно было избѣжать вмѣшательства другихъ державъ, которое намъ необходимо было отклонить. Вообще же, не предвидя успѣховъ въ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ и не имѣвъ въ виду удачнаго окончанія переговоровъ въ Айгунѣ, князь Горчаковъ рѣшился продолжать

занятіе Амура, пока самыя обстоятельства не дозволятъ обезпечить нашего права формальнымъ договоромъ.

Заключая съ графомъ Путятинымъ трактатъ въ Тянь-цзинѣ, Китайцы знали уже объ Айгунскомъ договорѣ и 3-го Іюня извѣстили графа, что богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генерала Муравьева съ Хейлунцзянскимъ главнокомандующимъ соглашеніе о проведеніи границы отъ Усури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли на Амурѣ.

Повелѣвая увѣдомить объ этомъ графа Путятина, Китайскій императоръ поручилъ своимъ полномочнымъ сказать ему, что послѣ всего, что теперь сдѣлано серединнымъ государствомъ для Россіи, нужно, чтобъ она съ своей стороны оказала услугу Китаю, усовѣстивъ Англичанъ и Французовъ и положивъ предѣлъ ихъ несправедливымъ требованіямъ. Въ отвѣтъ на это графъ Путятинъ написалъ, что Китайскому правительству уже извѣстны старанія его по возможности помогать его сановникамъ совѣтами въ настоящихъ дѣлахъ Китая съ союзниками; но что дѣйствительную помощь Россія можетъ оказать только въ будущемъ, такъ какъ для устройства теперешнихъ дѣлъ, безъ важныхъ уступокъ со стороны Китайскаго правительства, время упущено не по винѣ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Путятинъ предложилъ вновь Китайскому правительству о присылкѣ ему оружія для устройства войска и укрѣпленій, на что богдыханъ согласился.

19 Іюня генералъ-маіоръ Карсаковъ увѣдомилъ генерала Муравьева, что Айгунскій амбань прислалъ къ нему полковника съ формальнымъ увѣдомленіемъ объ утвержденіи богдыханомъ договора, заключеннаго Муравьевымъ съ Амурскимъ главнокомандующимъ, княземъ И-шань; при чемъ сообщилъ частный слухъ, будто богдыханъ приказалъ Маньчжуръ, живущихъ на лѣвомъ берегу Амура, отъ устья р. Зеи и ниже, переселить на правый берегъ рѣки.

Въ Іюлѣ Амурскій главнокомандующій, князь И-шань и генералъ Муравьевъ при свиданіи постановили, что находящіяся на лѣвомъ берегу Сахалянъ-Ула, начиная отъ устьевъ р. Зеи и до Кармольдзинъ, прежнія деревни оставить вѣчно по прежнему на тѣхъ мѣстахъ; а прочія за тѣмъ пустыя мѣста всѣ да составляютъ владѣніе Россійскаго государства, въ чемъ и обмѣнялись взаимно листами за подписаніемъ ихъ. Кромѣ того производить торговлю съ живущими по лѣвому берегу рѣки Русскими людьми. На докладъ объ этомъ богдыхану, его величество повелѣлъ: согласно взаимно обмѣненнымъ листамъ, лѣвый берегъ р. Сахалянъ считать границею и согласно просьбѣ открыть взаимную торговлю, на особо установленныхъ для сего правилахъ.

Въ это самое время Министерство Иностранныхъ Дѣлъ выразило статскому совѣтнику Перовскому свои опасенія, какъ бы графъ Путятинъ не заключилъ трактата менѣе выгоднаго, чѣмъ Айгунскій и просило его, въ такомъ случаѣ, заявить въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній, поколику это отъ него будетъ зависѣть, недѣйствительность трактата графа Путятина, какъ послѣдовавшаго отъ неизвѣстности положенія, въ которое былъ поставленъ графъ Путятинъ противорѣчащими одно другому распоряженіями Китайскаго правительства.

Въ Іюлѣ же посланъ въ Пекинъ листъ изъ Сената съ извѣщеніемъ, что генералъ Муравьевъ доставилъ договоръ, заключенный имъ въ

Айгунѣ 16 Мая 1858 года. Обнародовавъ этотъ договоръ въ извѣстность пограничнымъ людямъ, Сенатъ выразилъ увѣреніе нашего Государя Императора, что договоръ сей скрѣпитъ еще болѣе взаимную дружбу двухъ государствъ и послужитъ къ вящшему благу обоюдныхъ подданныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Горчаковъ предписалъ статскому совѣтнику Перовскому остаться въ Пекинѣ до прибытія его преемника. Къ нему же послана изъ С.-Петербурга ратификація Тянь-цзинскаго трактата и на него возложенъ обмѣнъ. Китайскимъ должностнымъ лицамъ посланы въ подарокъ собольи и лисьи мѣха, серебряный сервизъ, золотыя вещи и оружіе.

3-го Декабря въ Амурскомъ Комитетѣ принимали участіе графъ Путятинъ и генералъ-маіоръ Карсаковъ. Рѣшено было посольства въ Пекинъ не посылать, такъ какъ дано уже полномочіе статскому совѣтнику Перовскому для ратификаціи трактата. Первый пунктъ Айгунскаго трактата и девятая статья Тянь-цзинскаго договора побудили генерала Муравьева принять энергическія дѣйствія къ разграниченію по Усури, куда посланъ былъ офицеръ генеральнаго штаба Венюковъ. Въ 9-мъ пунктѣ Тянь-цзинскаго трактата сказано, что неопредѣленныя части границъ между Россіею и Китаемъ будутъ безотлагательно изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ и проч. Генералъ Муравьевъ толковалъ, что намъ слѣдовало отнести эти выраженія къ пространству, оставленному по Айгунскому трактату въ общемъ владѣніи, т. е. отъ Усури и до моря; а потому онъ и просилъ г. Перовскаго, на основаніи даннаго ему уполномочія, предложить Китайскому правительству назначить, не теряя времени, коммисію для изслѣдованія пространства отъ р. Усури до морскихъ портовъ и сообщить ему, что Муравьевъ отправляетъ въ тѣ мѣста для тойже цѣли экспедицію, сознавая вполнѣ, что проведеніе пограничной черты должно быть окончено сколь возможно поспѣшнѣе въ видахъ взаимныхъ пользъ Китая и нашихъ, дабы имѣющіе прибыть въ Пекинъ для размѣна ратификацій иностранные посланники не воспрепятствовали этому дѣлу, что̀ въ особенности вредно было бы для Китая: ибо Англичане или Французы вѣроятно пожелали бы занять какой либо заливъ между Корейскими и нашими владѣніями. Онъ полагалъ это тѣмъ болѣе возможнымъ, что мѣста эти были уже осмотрѣны и тѣми, и другими. Руководствуясь этими опасеніями, онъ во всякомъ случаѣ предписалъ нашей коммисіи отъ р. Усури поставить посты, еслибы даже коммисія наша и не встрѣтила Китайской. Начальникомъ коммисіи для установленія границы назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Будогоскій.

Статскому совѣтнику Перовскому очень трудно было дѣйствовать въ Китаѣ и ожидать успѣховъ. Для совершеннаго опредѣленія новыхъ отношеній нашихъ къ серединному государству, пополненія пропусковъ Тянь-цзинскаго трактата и измѣненія того невыгоднаго заключенія, которое Китайцы могли вывести изъ сравненія обстановки нашего коммисара съ обстановкою представителей Англіи и Франціи, необходимо было прислать въ Пекинъ посланника съ большими матеріяльными средствами. Полумѣра, къ которой сочли нужнымъ прибѣгнуть, переименовавъ пристава духовной миссіи въ уполномоченнаго Россійскаго Императора, никуда не годилась. Поправить эту ошибку было нелегко, но можно было лишь присылкою посланника.

Г. Перовскому, кромѣ размѣна ратификацій, велѣно было войти съ Китайскими властями въ соглашеніе касательно опредѣленія границъ по Усури, купеческихъ нашихъ каравановъ и устройства почтъ.

При ратификаціи Тянь-цзинскаго трактата положеніе г. Перовскаго было самое затруднительное. Ошибка, сдѣланная графомъ Путятинымъ, подписавшимъ два Маньчжурскихъ текста того же трактата, разнящіеся между собою,—необъяснима. Графъ Путятинъ донесъ 31 Августа 1858 года министру иностранныхъ дѣлъ, что Маньчжурскіе тексты подписаны обѣими договаривавшимися сторонами въ двухъ экземплярахъ, но что разницы между обоими экземплярами нѣтъ; вѣроятно вслѣдствіе этого донесенія въ министерствѣ ихъ и не свѣряли. Китайскіе чиновники, предъявивъ г. Перовскому отъ имени уполномоченныхъ копію съ Маньчжурскаго текста трактата, объявили, что при размѣнѣ ратификацій ему можетъ быть переданъ такой точно текстъ, ибо онъ одинъ подписанъ и скрѣпленъ въ Тянь-цзинѣ печатями уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, а текста, какой получили отъ г. Перовскаго, у Китайскаго правительства вовсе нѣтъ.

По сравненіи переводчикомъ нашимъ обоихъ Маньчжурскихъ текстовъ, оказалась разница въ нѣкоторыхъ статьяхъ въ словахъ; а потому г. Перовскій не могъ не заподозрить Китайцевъ въ желаніи, при размѣнѣ ратификацій, передать ему экземпляръ трактата, передѣланный по ихъ усмотрѣнію и предоставляющій имъ право толковать смыслъ трактата съ выгодной для нихъ стороны, при могущихъ встрѣтиться случайностяхъ. Отъ этого Перовскій поручилъ передать Китайскимъ уполномоченнымъ, что онъ не можетъ допустить возможности, чтобъ у нихъ не было Маньчжурскаго экземпляра, одинаковаго съ тѣмъ, который присланъ изъ С.-Петербурга; что объ экземплярѣ, съ котораго они предъявили копію, онъ не имѣетъ никакого понятія. Г. Перовскій изъявилъ желаніе видѣть подлинникъ, дабы убѣдиться, что разница происходитъ не отъ ошибки переписывавшаго копію. Китайцы уклонились отъ этого подъ тѣмъ предлогомъ, что подлинникъ хранится у императора. Тогда Перовскій изъявилъ желаніе видѣться съ уполномоченными, которые прислали ему сказать, что у нихъ такъ много занятій, что имъ нѣтъ времени пріѣхать къ нему, а что подлинный трактатъ увезенъ въ Шанхай съ ихъ сановниками Гуй-лянъ и Хуа-шанъ. Недобросовѣстность Китайскихъ чиновниковъ вынудила обратиться въ верховный совѣтъ; но Китайское правительство по обыкновенію медлило ходомъ дѣлъ въ безполезной перепискѣ и церемоніяхъ; духовныя лица нашей миссіи трусили, по свойственной имъ привычкѣ, и г. Перовскій лишенъ былъ всѣхъ способовъ имѣть какія-либо свѣдѣнія о происходящемъ въ Китаѣ, такъ какъ миссія наша рѣшительно ничего не знала о томъ, что нужно было ей знать; такъ напр. никто въ миссіи не зналъ, что лордъ Эльгинъ поднялся по Янце-Кіангу; они даже не знали 3 Февраля, что 11 Января отправленъ былъ изъ Китайскаго трибунала листъ въ нашъ Сенатъ о присылкѣ оружія и пушекъ, вмѣсто береговъ Печелійскаго залива, въ Монголію. Естественно, что этотъ порядокъ дѣлъ, издревле существовавшій, не могъ быстро измѣниться, но и продолжаться ему не слѣдовало бы. Хорошо еще, что г. Перовскій пугалъ Китайцевъ Муравьевымъ; онъ писалъ ему, между прочимъ: «Vous savez, que dans mes papiers aux Chinois j'use de la permission que vous m'avez accordée d'employer votre nom comme épouventail. Je crois que cela a produit son effet, mais la difficulté de rompre leur entêtement

vous persuadera sans doute qu'il est impossible d'aller avec eux promptement en affaires, и страхомъ этимъ слѣдовало воспользоваться во всѣхъ случайностяхъ».

Насталъ 1859 годъ. Въ Январѣ князь Горчаковъ сообщилъ графу Муравьеву-Амурскому, что для временнаго исполненія обязанности нашего дипломатическаго агента въ Пекинѣ, по отбытіи оттуда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго, избранъ былъ Государемъ Императоромъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Игнатьевъ. Графъ Муравьевъ выразилъ мнѣніе свое министру иностранныхъ дѣлъ, что, съ назначеніемъ Игнатьева въ Пекинъ политическимъ агентомъ нашимъ, необходимо дать ему званіе посланника для того, чтобы въ глазахъ Китайцевъ по крайней мѣрѣ степень его не была ниже степени Брюса, и конечно весьма полезно, чтобъ свита его состояла преимущественно изъ военныхъ офицеровъ, но не для обученія Китайской арміи, какъ думалъ графъ Путятинъ, ибо Китайцы вовсе этого не желаютъ. Графъ Амурскій просилъ упомянуть въ листѣ, что ему даны отъ Государя Императора надлежащія приказанія на всѣ случайности, и что посланникъ нашъ въ Пекинѣ долженъ находиться съ нимъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ. Графъ полагалъ, что мы въ настоящихъ обстоятельствахъ Китая должны быть очень осторожны, чтобы преждевременнымъ какимъ распоряженіемъ не заставить Пекинскій дворъ обратиться къ другой помощи вмѣсто нашей, а потому энергическія мѣры съ своей стороны онъ счелъ несвоевременными до полученія новыхъ извѣстій отъ г. Перовскаго и до соображенія съ видами высшаго правительства.

Главное назначеніе генералъ-маіора Игнатьева состояло въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности вспомоществовать разрѣшенію вопросовъ въ Пекинѣ, которые неизбѣжно должны были возродиться при проведеніи границы нашей отъ Усури до моря. Г. Игнатьеву поручено было продолжать дѣйствія г. Перовскаго, принявъ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застанетъ и вполнѣ соображаясь съ тѣми инструкціями, которыя ему даны; не касаясь вопросовъ, которые будутъ приведены къ окончанію г. Перовскимъ, дать движеніе другимъ, если по какимъ-либо причинамъ они остановились, и попытаться возобновить требованія по тѣмъ, по которымъ правительство богдыхана уклоняется въ исполненіи; а главное объ окончательномъ опредѣленіи границы отъ Усури до моря, соображаясь съ инструкціями, данными г. Перовскому, а также съ указаніями и личными объясненіями графа Муравьева.

Въ Мартѣ князь Горчаковъ писалъ старшему члену верховнаго совѣта въ Пекинѣ о назначеніи вмѣсто г. Перовскаго г. Игнатьева на основаніи 2 статьи Тянь-цзинскаго трактата. Въ Мартѣ же Ургинскій амбань Бэйссе увѣдомилъ нашего Кяхтинскаго градоначальника, что богдыханъ запретилъ пропускъ большихъ особъ кромѣ миссіонеровъ; а поэтому, имѣя въ виду, что посланникъ Игнатьевъ есть значительное лицо, амбань до разрѣшенія трибунала пропустить его не можетъ, и пусть Игнатьевъ подождетъ въ Кяхтѣ.

Графъ Муравьевъ и оставилъ тамъ г. Игнатьева, а самъ 2 Мая уѣхалъ на Амуръ. Отъ 13 Мая пришло отъ министерства военныхъ дѣлъ предписаніе, которымъ, по случаю размѣна ратификацій, г. Игнатьеву разрѣшенъ проѣздъ въ Пекинъ, куда онъ прибылъ 15 Іюня, выхавъ изъ Кяхты 24 Мая. Г. Перовскій не замедлилъ выѣздомъ

тотчасъ по прибытіи г. Игнатьева, ничѣмъ не вырѣшивъ разницы въ Маньчжурскихъ текстахъ Тянь-Цзинскаго трактата. Такъ какъ оба экземпляра подписаны нашимъ полномочнымъ, слѣдовательно находившійся при графѣ Путятинѣ драгоманъ Маньчжурскаго языка самъ виноватъ, что не обратилъ вниманія въ свое время на это разногласіе. Вообще же разнорѣчія эти были весьма неважны и состояли преимущественно въ словахъ, а не въ смыслѣ, а потому Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, не обращая вниманія на формы и слова, стараться сколь возможно поспѣшить размѣномъ ратификацій трактата.

Каковы бы ни были впослѣдствіи обстоятельства Китая, измѣнится ли существующій въ немъ порядокъ, для насъ всего необходимѣе было имѣть свидѣтельства юридическія на право обладанія тѣмъ, чѣмъ мы владѣли въ то время въ самомъ дѣлѣ (de facto).

26 Марта Пекинскій трибуналъ протестовалъ противъ посылки чиновниковъ на Усури и Суйфунъ, такъ какъ рѣки эти принадлежатъ къ губерніи Цзиринь-Ула (Гиринской) и несмежны съ границами Россіи. Поэтому трибуналъ, полагая, что Государь нашего высокаго государства не знаетъ о таковыхъ необдуманныхъ дѣйствіяхъ Муравьева, нарушающихъ правду и возобновляющихъ уже рѣшеныя дѣла, просилъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи людей и судовъ.

Графъ Муравьевъ отвѣчалъ, что ему странно, что трибуналъ сталъ посылать въ Сенатъ листы, неизвѣстные нашему уполномоченному въ Пекинѣ, что первый листъ отъ 11-го Января на счетъ оружія, онъ, Муравьевъ, послалъ въ С.-Петербургъ; а этотъ обращаетъ въ Пекинъ къ свѣдѣнію г. Перовскаго, при чемъ проситъ скорѣе кончать всѣ дѣла по трактатамъ и выслать для проведенія граничной черты на Усури чиновниковъ, куда онъ, Муравьевъ, уже послалъ г. Будогоскаго.

Наконецъ, г. Перовскій 12 Апрѣля размѣнялъ ратификаціи Тяньцзинскаго трактата. При размѣнѣ ихъ сдѣлано одно только дополнительное условіе въ отношеніи проѣзда посланниковъ нашихъ въ Пекинъ изъ Печелійскаго залива; объ Айгунскомъ же договорѣ не упомянуто, а также и о новой границѣ нашей по Усури. Графъ Муравьевъ пришелъ къ прежнему заключенію, что утвержденіе новой нашей границы по Амуру и Усури должно совершиться въ Пекинѣ утвержденіемъ тѣхъ пограничныхъ картъ, которыя будутъ доставлены нашему уполномоченному въ Пекинѣ по прибытіи графа Муравьева въ Печелійскій заливъ. Утвержденіе это требовалось 9-мъ пунктомъ Тянь-цзинскаго трактата; а для составленія этихъ картъ на мѣстахъ отправленъ въ Январѣ 1859 года оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

Въ концѣ Мая графъ Муравьевъ былъ уже въ Николаевскѣ, 4 Іюня въ Декастри, откуда осматривалъ прибережье, лежащее между мысомъ Горнетъ (онъ назвалъ его Поворотный) и устьемъ р. Тюмень-Ула, составляющей границу Маньчжуріи съ Кореей. Все это пространство на 120 морскихъ миль онъ назвалъ заливомъ Петра Великаго (42° широты). Въ заливѣ Посьета, составляющемъ южную оконечность залива Петра Великаго, онъ нашелъ одну изъ лучшихъ въ свѣтѣ гаваней—Новгородскую. Тамъ графъ Муравьевъ встрѣтилъ Будогоскаго, который проложилъ границу до Тюмень-ула. Оставалось ожидать утвержденія этой границы въ Пекинѣ, куда должна

была быть отправлена составленная Будогоскимъ карта, а описаніе къ нашему посланнику.

Чтоже касается Айгунскаго трактата, то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, при самомъ полученіи его, уже вступившаго въ законную силу указомъ богдыхана, не считало нужнымъ прибѣгать къ размѣну ратификацій, что̀ неизбѣжно повлекло бы къ новымъ затрудненіямъ со стороны Китайскаго правительства. Государь Императоръ соизволилъ съ Своей стороны утвердить договоръ Айгунскій, и министерство этимъ ограничило всѣ формальности. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ имѣло тогда въ виду, соглашаясь съ мнѣніемъ графа Муравьева, подтвердить этотъ договоръ размѣномъ обоюдно утвержденныхъ картъ разграниченія, что̀ придало бы полную законность акту и по Европейскому праву, а потому министерство полагало вести къ окончанію дѣло по принятому уже въ самомъ началѣ предположенію, чѣмъ и долженъ былъ руководствоваться уполномоченный нашъ въ Пекинѣ.

Наиболѣе слѣдовало ожидать затрудненій въ утвержденіи карты въ Пекинѣ, гдѣ Китайцы не имѣютъ понятія о нашихъ картахъ. Съ другой же стороны представлялось необходимымъ составить эту карту новой границы и требовать ея утвержденія въ Пекинѣ, потому что 9-я статья Тянь-цзинскаго трактата (на основаніи ея «условія, которыя будутъ заключены о граничной чертѣ, составятъ дополнительную статью этого трактата») осталась невыполненною, а Айгунскій договоръ не былъ въ Петербургѣ внесенъ въ высочайше-ратификованный Тянь-цзинскій трактатъ.

По всему этому графъ Муравьевъ снарядилъ экспедицію на Усури, какъ мы видѣли выше.

Если бы въ Тянь-цзинскомъ трактатѣ не было включено никакихъ статей, относящихся до Амура и границъ нашихъ,—не возникло бы болѣе никакихъ вопросовъ по этому дѣлу, ибо вслѣдствіе заключенія Айгунскаго договора, богдыханъ указомъ своимъ увѣдомилъ графа Путятина, что по трактату, который 16 Мая 1858 г. заключенъ на Амурѣ съ Русскими, границею между двумя государствами назначается р. Усури до морскихъ портовъ; а въ тоже время трактатъ уже приводился въ исполненіе на мѣстахъ по Амуру еще съ 1857 года, а по правому берегу Усури съ 1858 года учреждались казачьи заселенія.

Графъ Муравьевъ, предусматривая всѣ затрудненія къ быстрому окончанію пограничной экспедиціи по Усури, а въ особенности къ утвержденію пограничной карты въ Пекинѣ безъ особаго личнаго его содѣйствія и настоянія, рѣшился отправиться къ южнымъ гаванямъ въ Маньчжуріи, куда должна была выйти Усурійская экспедиція, пролагая новую пограничную черту; а затѣмъ въ Печелійскій заливъ для того, чтобъ доставить кратчайшимъ путемъ въ Пекинъ къ посланнику нашему пограничную карту, которая должна была быть составлена экспедиціею во время самаго похода.

Отдѣлку карты полковникъ Будогоскій оканчивалъ во время плаванія въ Печелійскомъ заливѣ на пароходѣ «Америка» и 2 Іюля пароходъ этотъ, на которомъ генералъ-губернаторъ имѣлъ свой флагъ, бросилъ якорь при устьѣ р. Пей-хо, подлѣ Американскаго пароходофрегата «Паграттанъ».

Но здѣсь получено было неожиданное извѣстіе, что Китайцы отразили нападеніе Англо-французской экспедиціи и потопили нѣсколь-

ко канонирскихъ ея лодокъ. Хотя по нѣкоторымъ соображеніямъ событіе это и не должно было чрезмѣрно тревожить Русское посольство; но, зная хорошо Китайское правительство, можно было безошибочно предусмотрѣть, что упоенное этимъ успѣхомъ, оно будетъ упорствовать противъ всѣхъ предложеній нашего посланника въ Пекинѣ, какъ бы справедливы и малозначущи они ни были.

Тѣмъ не менѣе графъ Муравьевъ вошелъ въ сношеніе съ мѣстными Китайскими властями объ отправленіи въ Пекинъ къ нашему посланнику полковника Будогоскаго; онъ прибылъ въ Пекинъ 12 Іюля, не испытавъ тѣхъ препятствій и стѣсненій, которымъ подвергался на этомъ же пути и въ тоже время Американскій посланникъ.

Соображая, что послѣ пораженія многочисленной Англо-французской экспедиціи, имѣвшей въ Печелійскомъ заливѣ до 20 судовъ, въ числѣ коихъ нѣсколько фрегатовъ, присутствіе тамъ нашей маленькой эскадры не произвело бы никакаго впечатлѣнія на Китайцевъ, графъ Муравьевъ предпочелъ не вводить туда этой эскадры и оставилъ ее на сборномъ пунктѣ при входѣ въ Печелійскій заливъ, въ бухтѣ Вей-хай-вей и имѣлъ съ собою только пароходъ «Америка» и клиперъ «Джигитъ». Во время стоянки въ Печелійскомъ заливѣ онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Американскимъ посланникомъ г. Уардомъ, и сношенія ихъ были самыя предупредительныя и дружескія. Г. Уардъ предоставлялъ намъ нѣсколько разъ маленькій пароходъ, при немъ бывшій, для входа въ р. Бейтонъ, куда «Америка», по мелководію, проникнуть не могла; а графъ Муравьевъ снесся съ посланникомъ нашимъ въ Пекинѣ объ оказаніи г. Уарду всевозможнаго содѣйствія и предоставилъ Американскому командору отправить на клиперѣ «Джигитъ» депеши въ Шанхай съ своимъ адъютантомъ. Затѣмъ графъ Муравьевъ отправился прямо въ Хакодате.

На возвратномъ пути изъ Японіи по Амуру, въ Благовѣщенскѣ онъ послалъ казачью сотню объявлять сущность Айгунскаго трактата во всѣ Маньчжурскія селенія, оставленныя по этому трактату на лѣвомъ берегу Амура, чтобы жители ихъ знали, что живутъ на Русской землѣ и подъ нашимъ покровительствомъ.

Во время шестинедѣльнаго пребыванія графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ, при неоднократныхъ переговорахъ съ Айгунскимъ амбанемъ, который старался вызвать его на нѣкоторыя уступки въ отношеніи границы по р. Усури, объявлено амбаню, что противъ заключеннаго въ Айгунѣ трактата никакихъ уступокъ и измѣненій дѣлать не будемъ, и что всякое нарушеніе этого трактата съ ихъ стороны прерветъ дружественныя наши отношенія, двѣсти лѣтъ существующія. По всей Амурской и Усурійской границѣ показана была Маньчжурамъ военная готовность наша отразить силу силою, и все пришло въ обычный порядокъ, не смотря на значительныя военныя приготовленія, которыя дѣлалъ уже весною Айгунскій амбань, какъ послѣ оказалось, опасаясь нашего наступательнаго движенія.

Для окончательнаго приведенія въ исполненіе Айгунскаго договора и вслѣдствіе обозрѣнія генералъ-губернаторомъ южныхъ портовъ Маньчжуріи, имъ признано полезнымъ занять военными постами двѣ лучшія гавани въ заливѣ Петра Великаго, а именно Владивостокъ и Новгородскую. Устройствомъ постовъ въ этихъ гаваняхъ окончилось занятіе всѣхъ пунктовъ новой нашей границы отъ Усури, а населеніе казаковъ на этой рѣкѣ выражало достаточное ручательство для охраненія границы.

Теперь мы обратимся къ генералу Игнатьеву. 15 Іюня прибылъ онъ въ Пекинъ, гдѣ не обратили никакаго вниманія на пріѣздъ его, не смотря на настоянія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго о встрѣчѣ посла Китайскими чиновниками. На другой же день онъ послалъ въ верховный государственный совѣтъ бумагу, въ которой извѣстилъ о прибытіи своемъ въ Пекинъ для замѣщенія отъѣзжающаго обратно въ Россію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перовскаго, а для окончанія переговоровъ по разнымъ дѣламъ, до пользы обоихъ государствъ относящимся, просилъ о назначеніи уполномоченныхъ.

Г. Перовскій уѣхалъ 18 числа, а 19—четыре Китайскихъ чиновника прибыли на подворье, чтобы объяснить генералъ-маіору Игнатьеву, что главноуправляющій трибуналомъ внѣшнихъ сношеній Су-шунь и президентъ уголовной палаты Жуй-чанъ, тѣже, которые вели переговоры съ г. Перовскимъ, назначены вновь уполномоченными.

Здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть, что г. Перовскій предложилъ Китайскому правительству заключить новый трактатъ изъ 8 статей, утверждающій за нами морской берегъ до Кореи, опредѣляющій границу нашу на Востокѣ и на Западѣ, дающій намъ право сухопутно торговать въ Китаѣ и имѣть консуловъ во многихъ городахъ и проч. Уполномоченные въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ опровергали доводы г. Перовскаго и наконецъ письменно три раза отказали въ принятіи его предложеній. Наконецъ, Китайское правительство стало не только отвергать все вновь предложенное, но даже и разграниченіе пространства между р. Усури и моремъ и уступку намъ новой границы, опредѣленной по Айгунскому договору, говоря, что и лѣвый берегъ они дали только взаймы для поселенія Русскихъ, и вообще стали отрекаться отъ трактата.

Первое свиданіе г. Игнатьева съ уполномоченными было 28 Іюня. Послѣ обычныхъ привѣтствій и предъявленія обоюдныхъ полномочій, Су-шунь тотчасъ же спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Пекинъ, выражая удивленіе Дайцынскаго правительства о его пріѣздѣ, присовокупивъ, что всѣ дѣла съ Россіею окончены и предмѣстнику г. Игнатьева даны уже такіе отвѣты на предложенныя имъ новыя требованія, что о нихъ и говорить болѣе не слѣдуетъ, и что вѣроятно генералъ-маіоръ Игнатьевъ пожелаетъ поскорѣе возвратиться въ отечество.

Во время этихъ приготовительныхъ совѣщаній все было такъ обставлено фактами и доказано логически, что генералъ-маіоръ Игнатьевъ надѣялся поколебать Китайскихъ сановниковъ; но 5 Іюля чиновники привезли отъ уполномоченныхъ записку, въ отвѣтъ на объясненія г. Игнатьева и доложили на словахъ, что на развитіе сухопутной торговли богдыханъ не соглашается, потому что наши торговые люди станутъ безчинствовать въ Монголіи и Китаѣ и породятъ важныя несогласія между двумя государствами; что о восточной границѣ до Кореи и говорить нечего, что даже въ Айгунскомъ трактатѣ, на который мы ссылаемся, упоминается не о пространствѣ между Усури и Кореею, а только о правомъ берегѣ р. Амура, который отъ Усури до моря оставленъ въ общемъ владѣніи впредь до разграниченія, и что на указъ богдыхана, объявленный графу Путятину, не слѣдуетъ ссылаться, потому что богдыхану неправильно тогда доложили и указъ вышелъ ошибочный, вслѣдствіе чего виноватые чиновники уже наказаны.

Опровергнувъ всѣ эти доводы и сдѣлавъ чиновникамъ внушеніе, г. Игнатьевъ отправилъ 6 числа Іюля къ Су-шуню и Жуй-чану новую объяснительную записку при офиціальной бумагѣ и просилъ ихъ пріѣхать на конференцію не позже 9 Іюля. Конференція 9 числа была шумная и бурная. Г. Игнатьевъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку окончить дѣло о восточной границѣ до выхода графа Муравьева изъ Печелійскаго залива.

Относительно восточной границы Китайцы снова отрицали дѣйствительность Айгунскаго трактата, право И-шаня заключать подобное условіе и утвержденіе трактата богдыханомъ. Подъ конецъ они однако сознались, что лѣвый берегъ Амура уже нашъ неотъемлемо и сказали, что можно бы согласиться, еслибы Муравьевъ занялъ одни лишь морскіе порты на Маньчжурскомъ берегу, не проникая внутрь края. О сухопутной торговлѣ и назначеніи консуловъ они и слышать не хотѣли.

Жаркій споръ съ Китайскими уполномоченными продолжался $2\frac{1}{2}$ часа. Не имѣя возможности объяснить причины несогласія своего на наши предложенія, Китайцы объявили, что богдыханъ просто не хочетъ принять предложеній Русскаго посла и самовольное занятіе нами предлагаемой восточной границы почтетъ за нарушеніе дружбы между обоими государствами.

На возраженія генералъ-маіора Игнатьева Су-шунь позволилъ себѣ нѣсколько разъ сказать, что богдыханъ готовъ воевать съ Россіею скорѣе, чѣмъ согласиться на наши требованія. Г. Игнатьевъ отвѣчалъ ему, что если онъ такъ выражается по приказанію богдыхана, то въ такомъ случаѣ войска наши тотчасъ же вступятъ въ Монголію, Маньчжурію, Дзюнгарію и начнутъ дѣйствія въ Туркестанѣ. На вопросъ, видны ли Русскіе суда въ Печелійскомъ заливѣ, Су-шунь отвѣчалъ, что Муравьевъ прибылъ съ судами и видѣлся съ Американскимъ посланникомъ.

13 Іюля Китайскіе уполномоченные прислали г. Игнатьеву отвѣтъ на проектъ добавочныхъ статей къ прежнимъ трактатамъ. Они писали, что мѣста по Усури принадлежатъ вѣдѣнію Гиринскаго, а не Пріамурскаго генералъ-губернатора И-шаня, что за превышеніе власти богдыханъ съ И-шаня снялъ чинъ, а помощника его, Цзи-ламин'га велѣлъ отправить на Усури, тамъ надѣть на него деревянный ошейникъ, канъ-гу, и показывать мѣстнымъ жителямъ въ примѣръ и острастку другимъ; что высокій уполномоченный Муравьевъ въ то время зналъ объ этомъ и не позволитъ себѣ занять такую землю, о которой ясно еще не произнесено сужденія. Бумага кончалась словами: «мы полагаемъ, что высокій уполномоченный, услыхавъ сіе, возрадуется и охотно согласится съ нами».

Съ 18 Іюня ходили уже въ народѣ слухи, что 10 числа подошла Англійская эскадра къ устьямъ Бэй-хе и требовала, чтобы батареи, построенныя Монгольскимъ княземъ Сенъ-ваномъ, родственникомъ богдыхана, были срыты въ теченіи 5 дней для свободнаго прохода иностранныхъ судовъ въ Тянь-цзинъ. Сенъ-ванъ далъ знать о томъ въ Пекинъ и получилъ положительное приказаніе уступить Англичанамъ и снять всѣ преграждения въ рѣкѣ. Онъ же не увѣдомилъ о томъ Англичанъ, а тѣ 15 числа начали стрѣлять по батареямъ, и Сенъ-ванъ сталъ отвѣчать на ихъ огонь. Китайцы потеряли убитыми коменданта и до 1,000 солдатъ. Сенъ-ванъ рѣшился защищаться въ Да-чу небывалымъ у Китайцевъ образомъ и для предупрежденія бѣг-

ства своего войска снялъ съ тылу лагеря всѣ мосты чрезъ водяной ровъ, окружавшій укрѣпленный лагерь.

29 Іюня генералъ-маіоръ Игнатьевъ получилъ извѣстіе, что изъ Шанхая пришло донесеніе отъ Гуйляна и Хуа-шана о разрывѣ съ Англичанами. Англійскій посланникъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ сухимъ путемъ въ Пекинъ, а моремъ въ Тянь-цзинъ, и затѣмъ отправился съ эскадрою въ Печелійскій заливъ. Французскій уполномоченный и Американскій посланникъ послѣдовали за Англійскимъ со своими эскадрами. Изъ Тянь-цзина пришло извѣстіе, что Англичане дѣлали нѣсколько попытокъ къ высадкѣ, но неудачно. Этимъ извѣстіемъ частію объясняется самоувѣренность и воинственный жаръ Сушаня во время конференцій съ г. Игнатьевымъ.

Положеніе послѣдняго было весьма неутѣшительное. Мы не имѣли никакаго вліянія въ Пекинѣ и въ сравненіи съ Англичанами пользовались только тѣмъ преимуществомъ, что Китайцы насъ не боялись и считали за невойнолюбивыхъ и несильныхъ, но безпокойныхъ и коварныхъ сосѣдей. Безпослѣдственныя и слишкомъ частыя угрозы поселяли въ Китайцахъ убѣжденіе только въ нашемъ безсиліи и нисколько не были соотвѣтственны достоинству Россіи, а напротивъ того поощряли въ Китайцахъ смѣшныя воинственныя выходки. Продолжать настаивать на новыхъ уступкахъ въ нашу пользу, угрожая пустозвонными фразами, а не пушками, какъ Англичане, — значило играть самую жалкую, недостойную Россіи роль.

Не имѣя никакаго опредѣленнаго дипломатическаго званія, а считаясь въ глазахъ Китайцевъ между тѣмъ за посланника, какой долженъ былъ г. Игнатьевъ принять титулъ въ отношеніи къ представителямъ другихъ державъ? И если бы Китайцы, послѣ пораженія въ Тянь-цзинѣ, прибѣгли къ посредничеству Игнатьева, то неимѣніе опредѣленнаго дипломатическаго званія могло поставить его въ затруднительное положеніе въ отношеніяхъ къ Англичанамъ, Французамъ и Американцамъ.

Г. Игнатьевъ доказывалъ Китайцамъ, что имена Викторія, Брюсъ, Наполеонъ, данныя уже портамъ на восточномъ Маньчжурскомъ берегу, всеконечно свидѣтельствуютъ о намѣреніи завладѣть помянутыми портами. Онъ далъ имъ для бо́льшей ясности составленную на этотъ случай общую карту границы Россіи съ Китаемъ отъ Коканскихъ предѣловъ до Кореи, съ надписями на Русскомъ и Китайскомъ языкахъ и съ соотвѣтствующими нашимъ видамъ условными знаками. На это уполномоченные Су и Жуй отвѣчали 20 Іюля, что они не хотятъ приступить къ немедленному разграниченію по картѣ, составленной Будогоскимъ и «что Китайскій великій государь, вездѣ любя все живое, не хотѣлъ, чтобы простой народъ Русскаго государства терпѣлъ лишенія и стѣсненія и далъ пустыя земли по лѣвому берегу р. Амура и земли, гдѣ находятся Котунь-тунь (Маріинскъ) и Ци-цзи (Кизи) для житья безпріютному народу. Это показываетъ, что ихъ государь печется о иностранномъ народѣ, какъ о своемъ. Однимъ словомъ, мѣста по Усури и Суфынъ не могутъ быть уступлены. Въ случаѣ упорства со стороны Россіи, Китайское правительство прекратитъ торговлю въ Маймачинѣ, Чугучакѣ и Кульджѣ и доведетъ до свѣдѣнія всѣхъ другихъ государствъ несправедливость Русскихъ дѣйствій».

На это г. Игнатьевъ сказалъ Китайскимъ уполноченнымъ, что вслѣдствіе этой дерзкой бумаги онъ отказывается вести личныя пере-

говоры съ Китайскими чиновниками. Послѣ сего они сдѣлались несравненно вѣжливѣе, и уполномоченные Су и Жуй увѣдомили его, что Гиринскому генералъ-губернатору Цзинъ-чуню поручено ожидать на мѣстѣ Русскаго посланника для устройства дѣлъ по взаимному соглашенію, признавая такимъ образомъ, въ противность прежнихъ своихъ увѣреній, что Гиринская область смежная съ нами и что разграниченіе должно произвести въ этой области, а не въ Амурской, какъ прежде утверждало Китайское правительство.

Въ Сентябрѣ г. Игнатьевъ написалъ въ верховный совѣтъ бумагу. Выставивъ неприличность дѣйствій уполномоченныхъ Су и Жуй, всю неосновательность ихъ доводовъ противъ нашихъ предложеній и справедливость нашего образа дѣйствій, онъ просилъ сдѣлать главному уполномоченному Су надлежащее внушеніе отъ богдыхана о назначеніи для переговоровъ, на основаніи 2 статьи Тянь-цзинскаго договора, вмѣсто Су кого нибудь изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Черезъ пять дней государственный совѣтъ прислалъ ему черезъ палату церемоній письменный отвѣтъ. Защищая довольно слабо уполномоченныхъ, совѣтъ ссылается на 9-ю статью Тянь-цзинскаго трактата, въ силу которой слѣдуетъ разграниченіе земель произвести по предварительному осмотру мѣстности и взаимному соглашенію, и утверждаетъ, что въ столицѣ этого сдѣлать съ должною аккуратностію нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховный совѣтъ увѣдомляетъ г. Игнатьева, что разграниченіе поручено Гиринскому и Амурскому генералъ-губернаторамъ и проситъ поспѣшить распоряженіемъ объ отправленіи на Амуръ Русскаго чиновника для совѣщанія съ мѣстными властями.

Г. Игнатьевъ отвѣчалъ, что онъ готовъ отправить изъ Пекина въ Айгунь немедленно и кратчайшею дорогою черезъ Маньчжурію двухъ чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы они вступили въ соглашеніе о проведеніи граничной линіи съ мѣстными властями. Онъ предлагалъ отправить въ Айгунь генеральнаго штаба подполковника Будогоскаго и переводчика Шишмарева, которымъ генералъ Муравьевъ уже прежде поручалъ сношенія съ мѣстными Китайскими чиновниками о проведеніи восточной границы нашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Игнатьевъ имѣлъ въ виду, что графъ Муравьевъ, возвращаясь поздно осенью изъ Николаевска въ Иркутскъ, могъ имѣть возможность, при перенесеніи переговоровъ въ Айгунь, лично оными распорядиться и своимъ вліяніемъ на пограничное Китайское начальство придать быстрѣйшее теченіе и болѣе рѣшительное направленіе переговорамъ о восточной границѣ. Но Китайское правительство не согласилось пропустить нашихъ коммисаровъ черезъ Маньчжурію, и верховный совѣтъ опять объявилъ г. Игнатьеву, что границы наши уже опредѣлены во время императора Канъ-хи Нерчинскимъ трактатомъ и что богдыханъ позволилъ намъ изъ снисхожденія и въ знакъ особой дружбы плавать по Амуру на Востокъ до моря, давая такимъ образомъ замѣтить, что это только позволеніе, а не право и что слѣдовательно низовье Амура и устье намъ не принадлежатъ. Относительно Усури и Суйфуна верховный совѣтъ положительно объявилъ, что на проведеніе тамъ границы Дайцынское правительство никакъ не можетъ согласиться, гдѣ бы ни разсуждать объ этомъ, въ столицѣ или внѣ оной, что мѣстному главнокомандующему поручено устроить по взаимному соглашенію дѣло о плаваніи нашихъ судовъ по нижней части р. Амура (Сунгари-Ула) и объ уступкѣ намъ Маріинска и Кизи.

Возвращеніе въ Пекинъ Гуй-ляна и Хуа-шана имѣло для насъ непріятныя послѣдствія. Англичане не потеряли времени, чтобы вооружить Китайцевъ противъ предлагаемаго нами разграниченія, вселить въ нихъ крайнее недовѣріе къ намъ и распространить въ Китаѣ весьма ложныя свѣдѣнія о Россіи.

10-го Сентября Су-шань пріѣхалъ къ г. Игнатьеву, который ему сказалъ, что значительныя силы будутъ направлены изъ Европы и Индіи для наказанія Китайцевъ за пораженіе, нанесенное при Да-чу Англійской эскадрѣ и что потому для Китая необходимо сохранить дружественныя отношенія къ Россіи и окончить какъ можно скорѣе пограничныя дѣла наши. Су-шань старался убѣдить г. Игнатьева, что Китайское правительство нисколько не опасается возобновленія военныхъ дѣйствій съ Англичанами, не нуждается ни въ руководителяхъ, ни въ войскахъ, ни въ оружіи, ни въ боевыхъ снарядахъ и что Китайцы будутъ драться упорно съ Европейцами. Въ заключеніе продолжительнаго разговора, Су просилъ Игнатьева не настаивать на требованіяхъ, замѣчая при этомъ, что всѣ другія государства будутъ надъ ними смѣяться, если узнаютъ, что двухсотлѣтняя дружба между нашими государствами нарушится отъ подобныхъ причинъ. Онъ просилъ Игнатьева непремѣнно довести до свѣдѣнія нашего Государя, что богдыханъ рѣшительно не можетъ согласиться на уступку предлагаемой нами границы на Востокѣ и предложилъ для продолженія переговоровъ ожидать отвѣта изъ С. Петербурга.

Г. Игнатьевъ полагалъ, что предъявленіе энергическаго листа изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ верховный совѣтъ и выѣздъ его изъ Пекина на границу произведутъ, можетъ быть, желаемое впечатлѣніе на Китайское правительство, и за тѣмъ думалъ возобновить наши предложенія въ Кяхтѣ и на Амурѣ и поддержать ихъ, въ случаѣ надобности, занятіемъ Урги, Айгуня, Санъ-Сина и движеніемъ къ Цицикару пароходовъ. Г. Игнатьевъ находилъ это время самымъ благопріятнымъ для нашихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Война Китая съ Англіею должна была, по его мнѣнію, способствовать быстрѣйшему достиженію желаемаго нами результата.

Но графъ Муравьевъ думалъ иначе. Онъ полагалъ, что для насъ не существуетъ настоятельной необходимости добиваться рѣшенія этого вопроса непремѣнно въ этомъ году и даже посредствомъ военныхъ дѣйствій. Хочетъ ли, или не хочетъ Китайское правительство признавать Айгунскій договоръ, мы съ своей стороны отъ него не должны отступаться и удержимъ за собою все, что̀ пріобрѣли въ силу этого договора. Графъ былъ убѣжденъ, что умышленныя превратныя толкованія значенія условій не перемѣнятъ фактовъ и не заставятъ насъ отказаться отъ нашихъ правъ; онъ рѣшился продолжать дѣйствовать на Амурѣ, основываясь на своемъ пониманіи условій Айгунскаго договора, а не на Китайскомъ лжетолкованіи его и если вслѣдствіе этого извѣстное пространство останется на время неразграниченнымъ между Россіею и Китаемъ, то невыгода отъ этого едва ли не будетъ вся на сторонѣ Китая. Другое дѣло, еслибъ вмѣсто словъ Китайцы вздумали перейти къ дѣйствію и силою осмѣлились помѣшать намъ пользоваться тѣмъ, на что̀ мы пріобрѣли право вслѣдствіе Айгунской конвенціи: тогда безъ сомнѣнія на силу мы отвѣтили бы силою. Но графъ Амурскій видѣлъ, что со стороны Китайцевъ все ограничится однимъ словопрѣніемъ, и г. Игнатьеву онъ совѣтовалъ категорически объявить въ Пекинѣ, что Китайское лже-

толкованіе Айгунскаго трактата не можетъ быть нами принято, что мы складываемъ съ себя отвѣтственность за всѣ непріятныя послѣдствія и столкновенія, которыя въ будущемъ могутъ произойти отъ неразграниченія нашихъ владѣній отъ вершины Усури до моря; прекращеніе торговыхъ сношеній мы будемъ считать нарушеніемъ существующихъ договоровъ, а обращенія къ суду иностранныхъ народовъ мы не страшимся, потому что наши дѣйствія основаны на строгомъ исполненіи трактатовъ.

На вопросъ г. Игнатьева, долженъ ли онъ выѣхать въ мѣсто дѣйствія союзныхъ посланниковъ, если они будутъ вести переговоры не въ Пекинѣ, ему отвѣчено было изъ министерства, что виды и стремленія наши въ Китайской политикѣ были совершенно другія, чѣмъ Европейскихъ державъ; содѣйствія ихъ къ достиженію нашей цѣли мы ожидать не могли, противодѣйствовать имъ однимъ своимъ вліяніемъ или оказать существенную пользу Китаю едва ли Игнатьевъ въ состояніи: а потому въ такомъ только случаѣ, еслибы иностранные представители дѣйствительно пожелали присутствія Игнатьева и личнаго его участія въ сношеніи съ Китайскимъ правительствомъ, ему разрѣшено было отправиться въ тотъ приморскій пунктъ, гдѣ будутъ ведены переговоры.

Китайцы исполнили одно изъ желаній г. Игнатьева, выслали въ Айгунь для переговоровъ съ графомъ Муравьевымъ, во время его проѣзда, Гиринскаго дзянь-дзюня *); но онъ самъ къ графу не являлся, а выслалъ въ Благовѣщенскъ амбаня Айжинъ-щая, который сообщилъ графу, что богдыханъ запретилъ Русскимъ плавать по Сунгари и Усури и старался узнать, будетъ ли онъ разговаривать съ дзяньдзюномъ, если тотъ поведетъ рѣчь о разграниченіи около Кизи. Графъ отвѣчалъ, что о разграниченіи у насъ рѣчь можетъ быть только относительно страны на Югъ отъ озера Ханка до моря, что объ этомъ трактуетъ нашъ посланникъ въ Пекинѣ; а что относительно какъ плаванія по рѣкамъ, такъ и всего остальнаго, графъ строго и въ точности будетъ исполнять Айгунскій трактатъ, что̀ ему приказано Государемъ.

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ и медленный ходъ переговоровъ генералъ-маіора Игнатьева въ Пекинѣ понудили Министерство Иностранныхъ Дѣлъ написать въ Октябрѣ графу Муравьеву, что если онъ убѣдится изъ дальнѣйшихъ донесеній нашего полномочнаго въ Пекинѣ, что Китайцы никакъ не соглашаются на проведеніе границъ, указанныхъ богдыханомъ въ повелѣніи, сообщенномъ графу Путятину въ Тянь-цзинѣ Китайскими полномочными,—то графъ Муравьевъ долженъ приступить къ фактическому занятію этихъ границъ, нашими войсками праваго берега Усури, а судами портовъ Маньчжуріи, коль скоро время года и мѣстныя соображенія допустятъ, каковое занятіе есть «неизбѣжное послѣдствіе упорства и неисполненія принятыхъ на себя обязательствъ Пекинскимъ кабинетомъ».

Повелѣвая генералъ-маіору Игнатьеву оставаться въ Пекинѣ, Государь Императоръ приказалъ графу Амурскому имѣть неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы, на случай какихъ либо крайнихъ или непредвидимыхъ обстоятельствъ, одно изъ судовъ было въ распоряженіи его у устьевъ Пей-хо.

---

*) Тэ-пу-цына.

Въ половинѣ Ноября графъ Муравьевъ былъ въ Благовѣщенскѣ. Значительныя приготовленія, дѣлаемыя въ Англіи и Франціи къ новой войнѣ съ Китаемъ, поставляли и насъ въ необходимость имѣть въ готовности всѣ суда Амурской флотиліи къ выступленію въ море немедленно по вскрытіи льда въ лиманѣ, подъ личнымъ начальствомъ контръ-адмирала Казакевича. Эскадрѣ этой графъ Муравьевъ велѣлъ занять и укрѣпить два пункта для небольшихъ командъ въ гаваняхъ Новгородской и Владивостокѣ въ заливѣ Петра Великаго, крейсировать около него и описать всѣ берега его отъ границы Кореи съ Юга до бухты Ольга къ Сѣверу со всевозможною точностію и подробностію. По всей Амурской и Усурійской линіи, графъ Муравьевъ предписалъ быть регулярнымъ войскамъ и казакамъ въ военной готовности и построить двѣ канонирскія лодки. Всѣ военныя приготовленія дѣлались не скрытно, а напротивъ открыто въ виду Китайцевъ и Маньчжуровъ.

Въ Айгунѣ опасались военныхъ дѣйствій съ нашей стороны и объясняли враждебно пребываніе графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ. Тэ-пу-цынъ уѣхалъ въ Цицикаръ, чтобъ сообщить о своихъ опасеніяхъ въ Пекинъ. Графъ Муравьевъ находилъ полезнымъ дать замѣтить Китайскому правительству, что Тэ-пу-цыну легко поссорить оба государства своими ложными донесеніями богдыхану и безконечными отступленіями отъ исполненія трактата. Онъ считалъ полезнымъ, чтобы Тэ-пу-цына смѣнили и не возвращали въ Гиринъ, о чемъ сообщилъ генералу Игнатьеву.

Въ Забайкальѣ и Иркутскѣ графъ приказалъ распустить слухъ о вѣроятномъ движеніи нашихъ войскъ весною за границу, такъ что свѣдѣнія объ этомъ съ разныхъ сторонъ должны были достигнуть до Пекина, что̀ онъ считалъ полезнымъ для переговоровъ г. Игнатьева.

Генералъ Игнатьевъ, со времени прекращенія съ его стороны переговоровъ съ Китайскими полномочными, вслѣдствіе невозможности соглашенія по вопросу о границахъ, не имѣлъ никакихъ сношеній съ Пекинскимъ кабинетомъ, не видѣлъ исхода бездѣйственному положенію, въ которомъ находился и считалъ необходимостью принятіе нашимъ правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ указывалъ на вредное для насъ въ этомъ дѣлѣ вліяніе Англіи, когда представитель ея будетъ находиться въ Пекинѣ, и предлагалъ два средства для удовлетворительнаго окончанія разграниченія, а именно: ждать въ Пекинѣ исхода войны съ Англо-Французами и воспользоваться пораженіемъ Китайцевъ для склоненія ихъ къ уступкамъ, или же, сдѣлавъ послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата, оставить въ случаѣ отказа Пекинъ и перенести переговоры на Амуръ, подкрѣпляя наши домогательства понудительными мѣрами и движеніемъ войскъ на границахъ.

Графъ Муравьевъ предлагалъ согласиться по Китайскимъ дѣламъ съ Европейскими державами, снабдить генералъ-маіора Игнатьева инструкціями на случай возможнаго посредничества съ его стороны въ Китайскихъ дѣлахъ и предписать ему выѣхать изъ Пекина вмѣстѣ съ Китайскими уполномоченными на мѣсто, гдѣ будутъ ведены переговоры между Китайцами и Англо-Французами, если послѣдніе откажутся отъ занятія Пекина. Въ случаѣ же паденія Маньчжурской династіи, властвующей въ Китаѣ, принять рѣшительныя мѣры къ огражденію сосѣднихъ намъ Монголіи и Маньчжуріи отъ вліянія новаго Китайскаго правленія.

Неопредѣленность положенія генералъ-маіора Игнатьева вызвала изъ С.-Петербурга въ Январѣ 1860 года повелѣніе ему выѣхать изъ Пекина и отправиться въ Бей-танъ на Русское судно, которое будетъ тамъ находиться по примѣрному соображенію въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Прежде окончательнаго выѣзда г. Игнатьевъ долженъ былъ сдѣлать послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата относительно разграниченія вверхъ по р. Усури и отъ истоковъ ея къ морю, какъ сказано въ инструкціи графу Муравьеву-Амурскому отъ 13 Октября 1859 г. Въ предложеніи своемъ генералъ-маіоръ Игнатьевъ долженъ былъ упомянуть, что ежели за симъ Китайское правительство не согласится утвердить находящіеся у него планы и карты обоюдныхъ границъ, то онъ оставитъ Пекинъ, а Сибирскій генералъ-губернаторъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата. Расчитывая на вѣроятность отказа, генералъ-маіору Игнатьеву предписали соображать подачу предложенія съ приходомъ нашего судна въ Бейтанъ для того, чтобъ имѣть возможность немедленно привести въ исполненіе объявленіе свое относительно выѣзда изъ Пекина.

Если же Китайское правительство согласится на наши предложенія, то онъ долженъ былъ объявить министрамъ богдыхана, что останется нѣкоторое время съ Русскою эскадрою въ заливѣ Печели на тотъ конецъ, чтобъ въ случаѣ нужды оказать дружеское содѣйствіе свое въ пользу богдыхана во время переговоровъ его уполномоченныхъ съ уполномоченными союзныхъ державъ.

Что же касается до командированія военнаго судна въ Бейтанъ, то рѣшили немедленно отправить курьеромъ морскаго офицера черезъ Суецъ и Шанхай въ Хакодате къ командиру находящагося тамъ крейсера съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно отправился къ указанному ему мѣсту и по приходѣ своемъ увѣдомилъ генералъ-маіора Игнатьева. Съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлось въ виду распоряженіе объ отправленіи военной нашей эскадры, въ Николаевскѣ находящейся, въ Печелійскій заливъ въ распоряженіе нашего полномочнаго, который, пересѣвъ на Русское судно, долженъ былъ сообразовать свои дѣйствія съ положеніемъ Англо-Французской эскадры и если найдетъ въ Печелійскомъ заливѣ Американскія военныя суда, то имѣетъ пригласить ихъ къ совмѣстному съ нами миролюбивому дѣйствію. Въ подкрѣпленіе Сибирской эскадрѣ командированъ былъ въ распоряженіе уполномоченнаго нашего въ Пекинѣ капитанъ 1-го ранга Лихачевъ; въ составѣ эскадры, имъ командуемой, находились фрегатъ Свѣтлана, корветъ Посадникъ, клипера Разбойникъ и Наѣздникъ, отправленные въ Восточный Океанъ въ 1859 году и клиперъ Джигитъ со станціи въ Хакодате. Затѣмъ были командированы въ составъ эскадры капитана Лихачева изъ портовъ Восточнаго Океана корветы Бояринъ и Воевода и клиперъ Опричникъ. Капитану Лихачеву поручено было какъ можно поспѣшнѣе, съ раннею весною, занять одну изъ самыхъ южныхъ гаваней въ заливѣ Посьета,—обстоятельство весьма важное, какъ одна изъ мѣръ фактическаго подкрѣпленія нашихъ требованій. Кромѣ того назначеніе эскадры имѣло ту важность, что представляло первый фактъ единодушнаго и согласнаго дѣйствія Петербургскихъ распоряженій съ мѣстными усиліями генералъ-губернатора и Пекинскаго посланника.

Не участвуя въ военномъ движеніи, Игнатьевъ долженъ былъ на-

ходиться въ наблюдательномъ положеніи до того времени, когда Китайскіе полномочные войдутъ въ переговоры съ начальниками морскихъ и военныхъ силъ союзныхъ державъ. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ, подобно графу Путятину въ 1858 г., слѣдить, чтобъ державы, ведущія переговоры, не коснулись условій, противныхъ нашимъ интересамъ, и если найдетъ возможнымъ, то вновь предложить Китайскимъ уполномоченнымъ объ утвержденіи и размѣнѣ картъ разграниченія, что должно было замѣнить самый размѣнъ ратификацій Айгунскаго трактата. Новыя же права и преимущества, которыя Китайцы должны будутъ уступить Англичанамъ и Французамъ въ политическомъ и торговомъ отношеніи, сами собою, по силѣ 12 ст. Тянь-цзинскаго трактата, распространяются и на Россію.

Графу Муравьеву-Амурскому подтверждены прежнія инструкціи касательно занятія Усури и портовъ Маньчжуріи, и если бы Китайскіе полномочные выѣхали для переговоровъ въ Айгунь или на Усури, то поручить оные генералъ-маіору Карсакову.

Генералъ-маіоръ Игнатьевъ продолжалъ получать на свои бумаги сухіе отказы верховнаго совѣта, который писалъ ему, что изъ прежнихъ сообщеній усматривается, что Игнатьевъ въ Пекинѣ не имѣетъ такихъ дѣлъ, которыя можно было бы рѣшить по возможному соглашенію и что слѣдовательно ему не о чемъ здѣсь совѣщаться.

Г. Игнатьевъ сообщилъ съ своей стороны причины, заставляющія его желать назначенія вмѣсто Су и Жуй новыхъ уполномоченныхъ и препроводилъ засвидѣтельствованную копію съ Китайскаго текста указа, сообщеннаго министромъ Гуйляномъ графу Путятину. Въ этомъ указѣ отъ 5 числа 5-й луны, Сянъ-фынъ 8 года (3-го Іюня 1858 г.) именно сказано, что р. Усури назначена пограничною между двумя государствами до морскихъ портовъ и что Айгунскій трактатъ утвержденъ богдыханомъ. Указъ этотъ играетъ весьма видную роль въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ этой эпохи. Генералъ Игнатьевъ выразилъ убѣжденіе, что, по сличеніи этого документа съ копіею, хранящеюся въ государственномъ совѣтѣ, члены онаго согласятся съ законностію объявленія Игнатьева, что Айгунскій трактатъ мы считаемъ уже утвержденнымъ богдыханомъ и рѣку Усури пограничною между Китаемъ и Россіею, и что ежели Китайское правительство будетъ отрекаться отъ прежнихъ трактатовъ и данныхъ обѣщаній, то ни одно государство не можетъ имѣть къ нему довѣрія и подобное расположеніе породитъ нескончаемую войну и безчисленныя затрудненія.

Государственный совѣтъ, желая выдержать до послѣдней возможности разъ принятый способъ дѣйствія, вручилъ отвѣтъ свой Су и Жуй и увѣдомилъ о томъ г. Игнатьева, предлагая назначить день свиданія. Отвѣтъ совѣта былъ придуманъ довольно ловко для того, чтобы согласить законное требованіе нашего посланника съ назначеніемъ уполномоченными Су и Жуй: не отвергая доводъ г. Игнатьева и не говоря, что Су и Жуй останутся по прежнему уполномоченными, или что имъ сдѣлано внушеніе для болѣе примирительнаго и уступчиваго образа дѣйствій, совѣтъ доставилъ случай Су и Жуй пріѣхать къ Игнатьеву для примиренія подъ предлогомъ доставки бумаги и далъ ему возможность принять этихъ сановниковъ, не отступая отъ объявленнаго рѣшенія. Г. Игнатьевъ готовъ былъ *принять у себя* каждое изъ лицъ, назначенныхъ правительствомъ, но *вести переговоры и переписываться* рѣшился только съ государственнымъ совѣтомъ.

Въ бумагѣ совѣта Су и Жуй не были даже названы, какъ прежде, уполномоченными, а просто президентами.

На этомъ основаніи г. Игнатьевъ изъяснилъ, что приметъ Су и Жуй только какъ подателей бумаги государственнаго совѣта. Тѣмъ болѣе ему слѣдовало на это согласиться, что изъ числа высшихъ сановниковъ тогда почти некого было назначить, кромѣ этихъ двухъ лицъ, такъ какъ изъ министровъ одинъ Гуй-лянъ не былъ занятъ особеннымъ порученіемъ; да и тотъ, когда только услышалъ въ государственномъ совѣтѣ о необходимости удовлетворить настоятельныя требованія г. Игнатьева, заболѣлъ и просилъ увольненія.

Не желая однакожъ, чтобы верховный совѣтъ объяснилъ согласіе на личное свиданіе съ Су и Жуй внезапною сговорчивостію и ослабленіемъ настойчивости, г. Игнатьевъ воспользовался тѣмъ, что Су-шунь не прислалъ своихъ чиновниковъ въ подворье условиться о днѣ и часѣ свиданія, какъ это дѣлалось прежде, и написалъ новую бумагу въ верховный совѣтъ, въ которой вкратцѣ снова изложилъ свои требованія и намекнулъ (вслѣдствіе бывшаго за нѣсколько дней въ подворьѣ разговора съ Китайскими чиновниками) на ту пользу, которую могла бы оказать Россія въ настоящихъ обстоятельствахъ участіемъ своимъ къ положенію Китая, въ случаѣ если бы богдыханъ согласился на предложенія Игнатьева.

Въ тотъ же самый день, 3-го Января 1860 года, явились чиновники отъ Су-шуня съ извиненіями, говоря, что онъ потому не присылалъ спросить о днѣ свиданія, что крайне былъ занятъ въ палатѣ финансовъ; но что теперь онъ, не смотря на обремененіе дѣлами, проситъ Игнатьева избрать по произволу день свиданія. Г. Игнатьевъ поручилъ драгоману передать чиновникамъ, что если Су-шунь намѣренъ вести себя также, какъ въ предшествовавшія свиданія или привезетъ неудовлетворительный отвѣтъ, то лучше бы не безпокоился пріѣзжать. Чиновники вздумали предложить г. Игнатьеву принять Су и Жуй безъ бумаги совѣта. Тогда имъ объявлено было рѣшительно, что они будутъ приняты какъ сановники, которымъ поручено доставить лично отвѣтъ верховнаго совѣта, или, ежели они желаютъ, какъ частные знакомые; но что безъ бумаги государственнаго совѣта Игнатьевъ ихъ для личныхъ объясненій по дѣлу переговоровъ не приметъ и не намѣренъ съ ними тратить время въ пустыхъ спорахъ, ни къ чему не ведущихъ.

Часа два прошло въ напрасныхъ настояніяхъ чиновниковъ; видно было, что разгадали намѣреніе Су-шуня пріѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ, но безъ положительнаго отвѣта. Вечеромъ пріѣхалъ другой чиновникъ съ извѣстіемъ, что Су и Жуй привезутъ въ назначенный Игнатьевымъ день и часъ обстоятельный отвѣтъ государственнаго совѣта.

4-го Января, въ полдень, пріѣхали президенты Су и Жуй. Г. Игнатьевъ принялъ ихъ вѣжливо, но холодно и серьезно. Передъ ними несли бумагу изъ совѣта, которую они подали г. Игнатьеву запечатанною. Бумага эта въ сущности признавала за нами права относительно восточной границы, которыя Игнатьевъ доселѣ тщетно отстаивалъ, но отличалась своею наивностію. Сознавшись въ томъ, что Айгунскій трактатъ былъ утвержденъ богдыханомъ, т. е. что указъ, на который г. Игнатьевъ постоянно ссылался, существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его представляли, Китайскіе сановники однакоже не высказали положительно этого

поздняго сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они думали объявить дѣйствія И-шаня самовольными и глупыми на томъ только основаніи, что уступленныя имъ земли принадлежатъ вѣдомству не Амурскаго губернатора, а Гиринскаго, и что И-шань не приложилъ къ своему донесенію карты мѣстности (!!). Стараясь объяснить происшедшее послѣ того измѣненіе и намѣреніе богдыхана уклониться отъ исполненія постановленій Айгунскаго трактата, они высказали, что причиною тому было донесеніе Гиринскаго главнокомандующаго и доносъ его на И-шаня. Въ бумагѣ Китайцы полагали скрыть отъ Игнатьева имя главнокомандующаго подъ именемъ «одного военнаго чиновника Гиринской области»; но извѣстно, что оттуда имѣетъ право посылать донесенія никто другой, какъ одинъ главнокомандующій; притомъ изъ собранныхъ подъ рукою свѣдѣній предположеніе это вполнѣ подтвердилось. Далѣе въ бумагѣ своей совѣтъ увѣдомляетъ, что богдыханъ, собственно ради взаимной дружбы обоихъ государствъ, опасается уступкою Усури поставить насъ въ невыгодное положеніе, произвести неудовольствіе въ мѣстныхъ жителяхъ и возбудить споры и несогласія между ими и поселенцами нашими, которыхъ, по увѣренію Гиринскаго генералъ-губернатора, жители рѣшились, во что бы то ни стало, не пускать на р. Усури.

Въ заключеніе верховный совѣтъ высказываетъ неслыханную въ Китайской офиціальной перепискѣ мысль, что «гнѣвомъ народа трудно управлять и что богдыханъ не въ состояніи принудить мѣстныхъ жителей быть довольными».

Такимъ образомъ для опроверженія доводовъ, представленныхъ г. Игнатьевымъ, верховный совѣтъ, по истощеніи всѣхъ обыкновенныхъ уловокъ Китайской дипломаціи, не нашелъ, наконецъ, другаго средства, какъ сослаться на глупость своего уполномоченнаго, на недостатокъ пограничной карты и на гнѣвъ мѣстныхъ жителей.

Прочитавъ переводъ бумаги государственнаго совѣта, г. Игнатьевъ сказалъ Су и Жуй, что не можетъ считать отвѣтъ верховнаго совѣта ни удовлетворительнымъ, ни достаточнымъ, но будетъ возражать письменно. Су и Жуй хотѣли было возобновить съ нимъ прежнія прѣнія и сказали, что они собственно присланы для того, чтобы, пополнить и объяснить бумагу совѣта. На словахъ они снова начали отвергать утвержденіе Айгунскаго трактата, объясняя указъ богдыхана незнаніемъ мѣстности и проч. Г. Игнатьевъ прекратилъ всѣ подобныя разсужденія, сказавъ, что все это онъ уже не разъ слышалъ и все это неоднократно и достаточно опровергнулъ, а потому находитъ излишнимъ продолженіе спора; притомъ онъ ведетъ переговоры съ верховнымъ совѣтомъ, а они какъ не присутствующіе въ этомъ совѣтѣ, могутъ только передать ему то, что имъ поручено добавить на словахъ къ переданной бумагѣ; что же касается до незнанія мѣстности, то нельзя допустить, чтобы земля, принадлежащая Дайцынскому государству и столь важная, какъ они говорятъ, была вполнѣ неизвѣстна и богдыхану, и Гуйляну, и государственному совѣту и, судя по ихъ словамъ, мы должны скорѣе придти къ заключенію, что земли, находящіяся на правомъ берегу Усури, никогда не принадлежали Китайской имперіи.

На предложеніе Су и Жуй донести еще разъ въ С.-Петербургъ о встрѣченныхъ затрудненіяхъ и ожидать оттуда отвѣта и новыхъ инструкцій, г. Игнатьевъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря,

что правительству нашему уже извѣстно все происходившее здѣсь въ теченіи прошлаго лѣта, что онъ получилъ достаточно полную инструкцію, не дѣйствуетъ иначе, какъ сообразно съ точною волею и указаніями правительства и снабженъ полномочіемъ на всѣ случаи. На замѣчаніе Су и Жуй относительно того, что для переговоровъ посланъ къ графу Амурскому Тэ-пу-цынъ, г. Игнатьевъ сказалъ имъ, что по полученнымъ имъ съ послѣднею почтою отъ графа извѣстіямъ, Тэ-пу-цынъ сдѣлалъ такія же неумѣстныя предложенія для проведенія граничной линіи, каковыя были сдѣланы и ему, что поэтому графъ Амурскій и не намѣренъ былъ входить въ обсужденіе предложеній Тэ-пу-цына, и что, слѣдовательно, ожидать какаго-либо результата отъ этихъ переговоровъ во всякомъ случаѣ нельзя.

Затѣмъ г. Игнатьевъ прекратилъ офиціальную бесѣду съ Китайскими уполномоченными. Подали угощенія и начали говорить объ общихъ предметахъ: о наступающихъ здѣсь праздникахъ новаго года, объ извѣстіяхъ изъ Европы, о газетахъ и журналахъ, о телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, о способѣ выдѣлыванія у насъ и у Китайцевъ пороха, объ Англіи и Франціи, о минувшей войнѣ нашей съ четырьмя Европейскими государствами, объ оборонѣ Севастополя и разсуждали о будущихъ дѣйствіяхъ союзниковъ въ Тянь-цзинѣ. Су и Жуй, озадаченные сначала отвѣтами г. Игнатьева, старались однакоже быть чрезвычайно любезными, и вообще какъ они, такъ и ихъ чиновники были вѣжливы и вели себя очень чинно. Въ обращеніи Су-шуня произошла значительная перемѣна; онъ не позволилъ себѣ ни одной неумѣстной выходки и ни разу не возвысилъ голоса. По всему видно было, что Су-шунь получилъ замѣчаніе за свой прежній образъ дѣйствія и приказаніе быть осторожнымъ и избѣгать ссоры.

Во время разговора, продолжавшагося около двухъ часовъ, и Су, и Жуй старались допытаться, правда ли, что мы помогаемъ и деньгами и людьми Англичанамъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Китая и подъ конецъ объяснили, что слухи о нашей двуличности и о тайной помощи, данной Англичанамъ, получены изъ Шанхая, гдѣ разсказывали это Китайскимъ чиновникамъ иностранцы, утверждая даже, что въ Да-чу были въ числѣ десанта Русскіе, переодѣтые въ Англійскую военную форму. Хотя это, можетъ быть, была и чисто Китайская выдумка и сообщено было для того, чтобы вывѣдать дѣйствительныя наши намѣренія; но можетъ статься, что подобные слухи распространялись въ Шанхаѣ съ цѣлію поколебать предполагаемыя довѣріе и расположеніе къ намъ Китайскаго правительства. Г. Игнатьевъ объяснилъ Су и Жуй, что мы не только не помогаемъ Англичанамъ въ настоящее время, но изъ дружескаго расположенія къ Китаю старались отговорить Американцевъ и Французовъ отъ оказанія помощи Англіи; что Англичане такъ убѣждены въ превосходствѣ и искусствѣ нашихъ войскъ и въ добромъ расположеніи нашемъ къ Китаю, что, встрѣтивъ отпоръ въ Да-чу, воображали себѣ, что на батареяхъ находились Русскіе офицеры и опасались вторично подступить къ Тянь-цзину, пока не убѣдились, что Русскіе не помогаютъ Китайскимъ войскамъ на этомъ пунктѣ. При этомъ г. Игнатьевъ сослался на извѣстныя Китайцамъ статьи Шанхайской газеты, въ которыхъ упоминается о предположеніи, что на батареяхъ въ Да-чу находились Русскіе офицеры и Китайскія войска были вооружены Русскимъ оружіемъ.

Су и Жуй сообщили подъ конецъ г. Игнатьеву, что они понимаютъ, что Англія боится Россіи, а потому желаетъ различными внушеніями поссорить Китайцевъ съ Русскими. На это г. Игнатьевъ замѣтилъ Су-шуню, что, не соглашаясь съ нашими справедливыми требованіями и не исполняя данныхъ обѣщаній, Китайскіе сановники дѣйствуютъ совершенно въ видахъ Англіи, старающейся, по ихъ же словамъ, разорвать наши дружественныя связи, чтобы легче одолѣть Китайскую имперію.

Въ продолженіе разговора Су-шунь высказалъ убѣжденіе, что Французы потому только посылаютъ войска свои противъ Китая, что Англичане наняли ихъ за недостаткомъ собственныхъ войскъ. Всѣ старанія г. Игнатьева разувѣрить въ этомъ отношеніи Китайскихъ уполномоченныхъ были, повидимому, напрасны; но Су проговорился также, что, хотя Американцы несравненно лучше, нежели Англичане и даже Французы, но и они довольно ненадежный народъ, и сознался, что между Китаемъ и Америкою произошли въ послѣднее время новыя затрудненія по исполненію Тянь-цзинскаго трактата. Какъ кажется, эти недоразумѣнія произошли по тому же поводу, по которому Китайское правительство обратилось къ г. Игнатьеву въ Августѣ 1859 г. съ требованіемъ, чтобы онъ призналъ недѣйствительнымъ Тянь-цзинскій трактатъ въ отношеніи къ открытію портовъ и морской торговли, до ратификаціи Англійскаго и Французскаго трактатовъ.

Увлекаясь разговоромъ, Су-шунь сознался, что всѣ недоразумѣнія относительно Айгунскаго трактата произошли потому только, что Гиринскаго главнокомандующаго не было при переговорахъ и что въ его отсутствіе Амурскій главнокомандующій уступилъ мѣста, не подвѣдомственныя ему; что вообще Китайское правительство мало знакомо и съ пограничною мѣстностію и съ пограничными дѣлами, и потому, если бы прошлою зимою Гиринскій главнокомандующій и мы сами въ Пекинѣ не возбудили сего дѣла, то Айгунскій трактатъ прошелъ бы незамѣченнымъ до извѣстнаго времени. Эта черта вполнѣ характеризуетъ Китайское правительство и объясняетъ, почему пограничные начальники могутъ до времени дѣлать все, что̀ имъ вздумается на границѣ, но за то никогда не смѣютъ доносить правительству о положеніи дѣлъ во ввѣренномъ имъ краѣ въ истинномъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, по распоряженію графа Амурскаго выведенъ за рѣку Амуръ караулъ Маньчжурскій, находившійся до того времени въ Улусу-Модонѣ, на лѣвомъ берегу рѣки; Тэ-пу-цынъ, донося объ очищеніи этого караула, объяснилъ, что караулъ сожженъ по неосторожности начальника онаго и что за небрежное обращеніе съ огнемъ сей послѣдній долженъ быть преданъ суду; о Русскихъ же и о переводѣ караула съ лѣваго берега Амура—ни слова.

Су-шунь былъ любезенъ и очень вѣжливъ до конца свиданія, неоднократно повторяя, что отношенія Россіи къ Китаю нельзя сравнивать съ отношеніями другихъ государствъ и что намъ не слѣдуетъ воевать между собою, потому что другія государства будутъ смѣяться тогда надъ нашею дружбою. Г. Игнатьевъ замѣтилъ ему, что если Китайское правительство не приметъ нашихъ предложеній, то можно будетъ придти къ заключенію, что невыгодно быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Китайскимъ правительствомъ, такъ какъ оно не принимаетъ въ расчетъ ни добраго нашего расположенія, ни справедливости и законности требованій, и вообще уступаетъ

только тогда, когда объявляется война; что на этомъ основаніи выгоднѣе быть въ войнѣ съ Китаемъ, нежели въ дружбѣ. Относительно Англичанъ, не смотря на все сказанное для поселенія въ Китайскихъ сановникахъ убѣжденія въ невозможности для Китая бороться съ Англіею, Су-шунь продолжалъ утверждать, что правительство здѣшнее не боится Англичанъ, зная, что на сухомъ пути они ничего предпринять не могутъ противъ Китая и что они опасны только на судахъ и на морскомъ берегу. Самонадѣянность и самообольщеніе Китайскихъ сановниковъ изумительны были бы, еслибъ можно было еще чему нибудь изумляться относительно Маньчжурскаго правительства и его представителей: они не выражали даже малѣйшаго желанія ознакомиться съ новѣйшими открытіями наукъ и искусствъ и съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, упорно утверждая, что все имъ уже вполнѣ извѣстно.

Су-шунь спросилъ г. Игнатьева передъ самымъ выходомъ, въ какихъ отношеніяхъ мы теперь съ Англіею. Онъ отвѣчалъ, что въ хорошихъ, и что если Китайцы отвергнутъ всѣ наши предложенія, совершенно законныя, то можетъ случиться, что мы будемъ поставлены въ необходимость удалиться отъ Китайцевъ и согласиться дѣйствовать вмѣстѣ съ Англичанами.

По собраннымъ свѣдѣніямъ Игнатьевъ убѣдился, что верховный совѣтъ не докладываетъ его бумагъ богдыхану; а потому и спросилъ бумагою у совѣта, имѣетъ ли онъ право не доводить до свѣдѣнія богдыхана его сообщеній и просилъ непремѣнно доставить положительный и ясный отвѣтъ на его предложенія. Г. Игнатьевъ старался оправдать дѣйствія И-шаня и доказать, что заключеніе Айгунскаго договора нельзя назвать самовольнымъ и необдуманнымъ поступкомъ Китайскаго уполномоченнаго, и что трактатъ этотъ утвержденъ какъ нашимъ Государемъ, такъ и богдыханомъ, приведенъ съ нашей стороны въ исполненіе и объявленъ всѣмъ пограничнымъ жителямъ, и что, стало-быть, объ измѣненіи постановленій Айгунскаго договора и непризнаніи его Китайскимъ правительствомъ и рѣчи быть не можетъ. Относительно р. Усури г. Игнатьевъ объявилъ Китайскому правительству, что правый берегъ уже заселенъ нашими военными поселенцами, а прибрежье Маньчжуріи уже совершенно нами занято и въ портахъ, нѣсколько лѣтъ сряду, помѣщаются на зиму наши военныя суда. Вмѣстѣ съ этимъ онъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы обвинить Гириньскаго главнокомандующаго за его доносы противъ И-шаня, явное къ намъ недоброжелательство и постоянное противодѣйствіе распоряженіямъ графа Амурскаго и попытался удалить его отъ нашей новой границы или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать для насъ безвреднымъ. Чтобы возбудить въ Китайскомъ правительствѣ желаніе скорѣйшимъ окончаніемъ пограничнаго вопроса предупредить новыя недоразумѣнія, г. Игнатьевъ позволилъ себѣ сдѣлать извѣстнымъ верховному совѣту, что если не прекратятся споры по разграниченію, то графъ Амурскій вѣроятно поставленъ будетъ въ необходимость отправиться на пароходахъ въ Гиринь съ цѣлью лично уговорить тамошняго главнокомандующаго соблюдать правила добраго сосѣдства съ нами и заключенные трактаты, объясняя, что поѣздка эта не состоялась въ нынѣшнемъ году только въ увѣренности, что Китайское правительство исполнитъ ходатайство г. Игнатьева сдѣлать надлежащее внушеніе Гириньскому главнокомандующему. Въ заключеніе г. Игнатьевъ объявилъ

верховному совѣту, что вопросъ теперь состоитъ только въ томъ, хочетъ или не хочетъ Пекинское правительство заключить съ нимъ предложенныя дополнительныя условія къ Тянь-цзинскому и Айгунскому трактатамъ и утвердить карту граничной линіи для предупрежденія недоразумѣній на будущее время.

Нелишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ. Въ Декабрѣ 1859 г. умеръ въ Пекинѣ скоропостижно Хуа-ша-на, бывшій вторымъ уполномоченнымъ при заключеніи Тянь-цзинскаго трактата. Министръ Гуй-лянъ и президентъ Хуа-ша-на представляли свои переговоры съ иностранными посланниками, въ 1858 и 1859 годахъ, въ превратномъ видѣ, и даже нѣкоторыя статьи Англійскаго и Французскаго Тянь-цзинскихъ трактатовъ не были доведены до свѣдѣнія богдыхана въ томъ смыслѣ, въ какомъ они выражены въ Европейскихъ текстахъ. Богдыханъ потребовалъ обоихъ къ себѣ и началъ распрашивать въ подробности о переговорахъ и трактатахъ съ Англіею и Франціею. Неизвѣстно, что происходило на этой аудіенціи; но Хуа-ша-на, по возвращеніи изъ дворца, простился со своею семьею, заперся въ своей комнатѣ и отравился. Гуй-лянъ подалъ просьбу объ увольненіи отъ службы, во вниманіе къ престарѣлымъ его лѣтамъ; но богдыханъ отказалъ ему въ этомъ и приказалъ остаться министромъ впредь до разъясненія дѣла по сношенію съ иностранцами.

Въ это же время навелъ страхъ на богдыхана и на всѣхъ Маньчжуровъ долетѣвшій въ Пекинъ изъ Шанхая слухъ, будто бы Англичане привезутъ съ собою въ Тянь-цзинъ одного изъ начальниковъ южныхъ инсургентовъ Ши-да-кая (желѣзоѣда) съ тѣмъ, чтобъ посадить его на Китайскій престолъ, въ случаѣ побѣды надъ Сенъ-Ваномъ.

Пока въ Пекинѣ шли переговоры, графъ Амурскій, въ Январѣ 1860 г., издалъ объявленіе всѣмъ людямъ, которые за установленіемъ Усурійской границы будутъ находиться на земляхъ Русской державы, что, къ какому бы они племени или роду ни принадлежали, могутъ свободно жить на Россійскихъ земляхъ и заниматься своими промыслами безпрепятственно. Всѣмъ, проживающимъ на Россійской землѣ, оставляются въ полное ихъ владѣніе обработываемыя ими земли и пастбища. Никакихъ податей или сборовъ въ казну производиться съ нихъ не будетъ, а равно никто не имѣетъ права чинить имъ обиды, либо какія притѣсненія. Торговля всѣмъ и всякими товарами разрѣшается свободная какъ съ людьми Россійскаго государства, такъ и сосѣдями. Въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій, обиженные или нуждающіеся въ чемъ-либо имѣютъ обращаться къ Россійскимъ начальникамъ, постановленнымъ на р. Усури, при Усури, при устьѣ Суйфуна и близъ р. Гаоли-дзянъ. Въ случаѣ же, когда сіи начальники не окажутъ желаемаго правосудія, то обращаться къ губернатору всей области, живущему на устьѣ Амура.

Г. Игнатьевъ, думавшій, что дѣла наши въ Пекинѣ приняли довольно благопріятное направленіе, ошибся въ разсчетѣ. Послѣ двухъ совѣщаній въ государственномъ совѣтѣ, на коихъ присутствовали и Сенъ-Ванъ и Су-шунь, переговоры наши не только не подвинулись, но возвратились къ тому же положенію, въ какомъ были въ прошлую осень.

Совѣтъ утверждалъ, что И-шань былъ принужденъ страхомъ подписать договоръ, что онъ согласился на свободное плаваніе нашихъ судовъ по рѣкамъ Маньчжуріи, не имѣя на то уполномочія. Нѣкото-

рые сановники говорили, что было бы безразсудно сдѣлать важныя уступки Россіи, отдать часть Маньчжуріи, не зная еще, каковъ будетъ исходъ предстоящей борьбы съ западными Европейскими державами и не удастся ли отразить новую попытку на Тянь-цзинъ или помириться съ Франціею и Англіею, избѣгнувъ необходимости сдѣлать уступки Россіи или обязываться намъ? По ихъ мнѣнію было бы опасно согласиться на наши предложенія, потому что всѣ другія государства будутъ смѣяться надъ уступчивостью Маньчжурскаго правительства, и возбужденныя примѣромъ и изъ зависти къ Россіи, увеличатъ свои требованія непомѣрнымъ образомъ. «Россія не будетъ воевать съ нами», говорили и Сенъ-Ванъ, и Су-шунь; она не въ состояніи послать войска на Пекинъ чрезъ Гоби: въ этомъ отношеніи она несравненно менѣе опасна и страшна для Китая, нежели Франція и Англія, которыя при каждой ссорѣ готовы идти на столицу; еще будетъ время сойтись съ Русскимъ уполномоченнымъ, ежели впослѣдствіи это сдѣлается совершенно необходимымъ. Русскіе и такъ забрали у Маньчжуръ лучшіе соболиные участки, такъ, что въ нынѣшнемъ году (1860) получено изъ Маньчжуріи только половинное число противъ прежняго соболей; ежели же уступить Россіи еще правый берегъ Усури, то, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ мѣстныхъ начальниковъ, всѣ соболи будутъ попадаться въ руки Русскимъ».

При этомъ въ доказательство, что неудовлетвореніе требованій Россіи не можетъ быть опасно, наши противники сослались на свидѣтельство амбаня Дэ-Бэйцзы, бывшаго Ургинскимъ правителемъ, который говорилъ многимъ, что Восточная Сибирь мало населена, что тамъ мало войска, а «собственная Россія отстоитъ очень далеко отъ Китайскихъ предѣловъ» и что пройдти черезъ Монгольскія степи конечно войска Русскія не могутъ. На этомъ основаніи совѣтъ 24 Января доложилъ богдыхану, что полагаетъ ненужнымъ соглашаться на наши требованія.

По пріѣздѣ курьера изъ С.-Петербурга, г. Игнатьевъ, отвѣчавъ коротко на вышеупомянутый отзывъ государственнаго совѣта, еще разъ выразилъ удивленіе, что по сіе время предложенія его не доложены богдыхану и ему не сообщено рѣшеніе его величества, и сказалъ, что явное намѣреніе Китайскаго правительства не признавать святости договоровъ и не исполнять данныхъ обѣщаній можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Въ заключеніе объявлено совѣту, что, получивъ различныя свѣдѣнія изъ Россіи съ прибывшимъ курьеромъ, г. Игнатьевъ предупреждаетъ Китайское правительство, что графу Муравьеву-Амурскому дано высочайшее повелѣніе принять всѣ зависящія отъ него мѣры для неослабнаго и точнаго исполненія Айгунскаго договора и что вслѣдствіе сего нынѣшнею весною вся мѣстность, уступленная намъ, на основаніи трактата и сообщенія министра Гуй-ляна, будетъ занята нашими военными поселенцами, въ портахъ же и на рѣкахъ, на которыхъ дозволено по договору плаваніе нашихъ судовъ, будутъ находиться наши военныя суда.

Государственный совѣтъ отвѣчалъ г. Игнатьеву 8 Февраля повтореніемъ своихъ прежнихъ отказовъ; а 18 Февраля посланникъ нашъ получилъ изъ совѣта бумагу о томъ, что, по донесенію изъ Гириня, въ прошломъ Декабрѣ мѣсяцѣ множество людей Русскаго государства самовольно вышли на берегъ р. Усури и произвели тамъ безпорядки. Вслѣдствіе сего совѣтъ обратился къ г. Игнатьеву съ прось-

бою извѣстить о томъ «Россійскаго государства сановника Муравьева, полагая, что о семъ ему еще ничего неизвѣстно, дабы онъ привелъ все это въ порядокъ»; въ противномъ случаѣ «мы опасаемся, чтобы мѣстные жители, военные и поселяне, не пришли въ негодованіе и не нарушили тѣмъ добраго согласія обоихъ государствъ».

Видя безполезность всѣхъ мирныхъ усилій нашихъ, г. Игнатьевъ рѣшился выжидать приближенія къ Да-чу Англо-французской экспедиціи или какихъ нибудь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ для возобновленія дѣятельныхъ переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ; но такъ какъ послѣднюю бумагу совѣта нельзя было оставить безъ возраженія, то онъ написалъ ему, что уже давно предсказывалъ Китайскому правительству тѣ непріятности, которыя могутъ произойти отъ неразграниченія земель, и что графу Муравьеву должно быть извѣстно происходившее на Усури тѣмъ болѣе, что онъ въ началѣ нынѣшней зимы нѣсколько времени жилъ въ Благовѣщенскѣ для того, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія для устройства новой границы нашей. При этомъ снова повторено было, что нынѣшнею весною вся мѣстность, уступленная намъ богдыханомъ, будетъ занята нашими войсками, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія привести въ точности въ исполненіе постановленное въ 1858 году.

Между тѣмъ Сенъ-Ванъ написалъ изъ Шанъ-хай-гуаня, что принялъ какъ тамъ, такъ и въ Тянь-цзинѣ всѣ надлежащія мѣры для встрѣчи враговъ и надѣется прикрыть доступы къ столицѣ. Не смотря на то, всѣ зажиточные люди изъ числа жителей Тянь-цзина начали удаляться изъ города и воинственный пылъ, одушевлявшій мѣстныхъ жителей, послѣ побѣды въ Да-чу, уже сталъ исчезать: мирные граждане стали открыто поговаривать, что нельзя держаться противъ варваровъ нѣсколькихъ государствъ, а лучше заключить миръ.

Получивъ предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ (отъ 13 Января 1860 г.) о высочайшемъ повелѣніи выѣхать съ открытіемъ навигаціи изъ Пекина въ Бэй-танъ, г. Игнатьевъ долженъ былъ войти какъ можно скорѣе въ сообщеніе съ начальникомъ нашей эскадры въ водахъ Тихаго Океана и условиться съ нимъ относительно принятія мѣръ для переѣзда изъ Пекина на военное судно въ Бэй-танѣ. Имѣя это въ виду, г. Игнатьевъ попытался переслать письмо въ Шанхай на имя нашего консульскаго агента для передачи капитану 1-го ранга Лихачеву. Всѣ его попытки не удались. Сначала онъ обратился къ Китайскому правительству съ просьбою доставить его письмо въ Шанхай; но ему было въ томъ отказано подъ предлогомъ, что о пересылкѣ писемъ нашихъ на Югъ не упоминается въ Тяньцзинскомъ трактатѣ. Верховный совѣтъ увѣдомилъ г. Игнатьева, что наши суда не должны приходить въ Бэй-танъ преимущественно потому, что Англичане могутъ ими воспользоваться, чтобы приблизиться, подъ Русскимъ флагомъ, къ Китайскимъ укрѣпленіямъ.

Г. Игнатьевъ отвѣчалъ, что, не имѣя возможности быть въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нашими судами, онъ не можетъ отвѣчать за тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ случиться, по мнѣнію верховнаго совѣта, на устьѣ рѣки Хай-хэ и что, видя озабоченность Китайскихъ сановниковъ по поводу ожидаемыхъ ими случайностей, онъ намѣренъ послать чиновника въ Бэй-танъ и письмо къ начальнику нашей эскадры собственно для предупрежденія непріятностей.

Съ 8 Марта письменныя сношенія посланника нашего съ Китайскимъ правительствомъ снова прекратились.

Всѣ собранныя подъ рукою свѣдѣнія утверждали, что правительство опасается чрезвычайно сношеній г. Игнатьева съ судами и выѣзда его, такъ сказать, на встрѣчу союзниковъ. Инсургенты въ послѣднее время стали снова усиливаться и одержали верхъ надъ войсками богдыхана; но правительство продолжало весьма часто объявлять въ Пекинской газетѣ о мнимыхъ побѣдахъ надъ инсургентами, ожидая, между тѣмъ, со страхомъ и трепетомъ, въ весьма непродолжительномъ времени появленія Англо-французской экспедиціи въ Да-чу. Монгольскіе ламы передали г. Игнатьеву извѣстіе, что послано въ Ургу приказаніе, изъ числа собраннаго съ Халхасцевъ пятидесятитысячнаго войска оставить въ окрестностяхъ Урги 2.500 человѣкъ на случай разрыва съ нами.

Въ концѣ Марта отъ торгующихъ въ Айгунѣ Китайскихъ купцовъ и нѣкоторыхъ Маньчжурскихъ чиновниковъ получено въ Благовѣщенскѣ свѣдѣніе, что въ деревнѣ Алинь, находящейся въ 70 верстахъ отъ Айгуня, по Цицикарской дорогѣ, назначенъ сборъ войскъ изъ Маньчжурскихъ и Монгольскихъ племенъ въ 20,000 человѣкъ и что на р. Сунгари строются суда для сплава 10,000 чел. на Усури для воспрепятствованія Русскимъ селиться на этой рѣкѣ. До какой степени вѣрны были эти свѣдѣнія, конечно, тогда нельзя было опредѣлить: и при занятіи Амура распространялись слухи о сборѣ большаго числа войскъ Маньчжурскихъ, и эти слухи оказывались впослѣдствіи несправедливыми. Можно было только утвердительно сказать, что у Маньчжуръ дѣлались военныя приготовленія; что приготовленія эти имѣли цѣль чисто оборонительную, по крайней мѣрѣ на границѣ Амурской области и что они вызваны распространившимся слухомъ, что Русскіе предполагаютъ, по открытіи навигаціи, начать военныя дѣйствія противъ Китая. Военныя приготовленія Маньчжуръ высказывались въ томъ, что въ теченіе зимы доставлены въ Айгунь 2,000 ружей, а въ концѣ Февраля привезены крѣпостныя ружья на пяти повозкахъ. Въ Мартѣ пріѣхалъ въ Айгунь амбань города Мергеня принимать рогатый скотъ и провіантъ для продовольствія войскъ на мѣстѣ сбора, при чемъ весь рогатый скотъ, не употребляемый жителями на полевыя работы, отбирался у нихъ силою за ничтожную плату.

Графъ Муравьевъ-Амурскій находился въ это время въ С.-Петербургѣ. Возвратившись въ половинѣ Іюля въ Иркутскъ съ личными повелѣніями Государя Императора, онъ подтвердилъ всѣ тѣ предписанія, которыя были даны разнымъ лицамъ въ теченіи прошедшей зимы какъ имъ, такъ и свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Карсаковымъ, такъ какъ предписанія эти были совершенно согласны съ высочайшею волею, объявленною графу. Онъ получилъ извѣстіе отъ Игнатьева, что Китайскіе христіане передали письмо его капитану Лихачеву чрезъ торговый домъ Росселя въ Шанхаѣ, и 29 Апрѣля посланникъ нашъ получилъ чрезъ нихъ же предложеніе дома Росселя своихъ услугъ на будущее время нашей Пекинской миссіи и письмо отъ капитана Лихачева, который передалъ отношеніе г. Игнатьева командиру Русскаго судна. Капитанъ Лихачевъ прибылъ 21 Марта въ Шанхай, 26 числа былъ намѣренъ отправиться на нанятомъ пароходѣ отыскивать суда, находящіяся въ Японіи и надѣялся съ однимъ изъ нихъ быть въ концѣ Апрѣля въ Печелійскомъ заливѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ нашего посланника, что хотя Французскій главнокомандующій уже въ Шанхаѣ, но войскъ Француз-

скихъ тамъ еще нѣтъ; что Англійскія войска собираются въ Гонконгѣ; что въ Шанхаѣ ожидаютъ, въ первыхъ числахъ Апрѣля, отвѣта Китайскаго правительства на посланный въ Пекинъ ультиматумъ и что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Англичане намѣрены занять тотчасъ же о. Чу-санъ, а въ началѣ Іюня начать военныя дѣйствія въ Печелійскомъ заливѣ.

7 Мая, вечеромъ, явились на подворье Китайскіе чиновники съ извѣстіемъ, что Русскія суда пришли къ Бэй-тану; они доставили посланнику письмо отъ капитана 1 ранга Лихачева, который, по изготовленіи транспорта «Японецъ» къ выступленію въ море, отправился въ заливъ Петра Великаго, высадилъ въ бухтѣ Посьета десантскую партію изъ 2 офицеровъ, 25 нижнихъ чиновъ при 1 полевомъ единорогѣ и, занявъ такимъ образомъ самый необходимый пунктъ новаго приморскаго края, прибылъ 29 Апрѣля въ Бэйтанъ, а 30 пришелъ туда клиперъ «Джигитъ».

На случай разрыва съ нами Су-шунь дѣйствительно предлагалъ послать къ нашей границѣ до 20,000 Китайскаго войска, выведя въ Китай, въ замѣнъ ихъ, 2000 Халхасцевъ, ненадежныхъ (по мнѣнію его), если воевать съ нами. Министръ Пынъ возсталъ противу незаконной, по Китайскимъ понятіямъ, мѣры, и предложеніе Су-шуня не приведено въ исполненіе. Чтобы выразить свое неудовольствіе, онъ сказался больнымъ.

Недостатокъ въ деньгахъ ощущался въ казнѣ постоянно. Правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ для усиленія своихъ доходовъ и уменьшенія расходовъ. Такъ, напримѣръ, собственный дядя богдыхана лишенъ на 15 лѣтъ впередъ жалованья по поводу неправильнаго рѣшенія дѣла по изданію жизнеописанія покойнаго богдыхана Дао-Гуана; обвиненный въ лихоимствѣ Пекинскій оберъ-полиціймейстеръ Сенъ-Ванъ пожертвовалъ изъ награбленныхъ имъ прежде денегъ 1,000,000 руб. сер. и оставленъ по этому безнаказаннымъ; для постройки дополнительныхъ укрѣпленій въ Шанъ-хай-гуанѣ посланъ туда одинъ изъ нажившихся чиновниковъ, завѣдывавшій прежде соляными сборами въ Тянь-цзинѣ, и этому чиновнику пришлось строить укрѣпленія на собственный счетъ. Англичане же, не смотря на запрещенія Китайскаго правительства, покупали безпрепятственно въ Шанхаѣ, для предстоящей экспедиціи, все, что̀ имъ нужно: вьючный скотъ, лошадей (изъ Монголіи), крупу и проч.

По полученіи извѣстія о приходѣ нашихъ двухъ судовъ въ Бэйтанъ, г. Игнатьевъ, на другой же день, 8 Мая, отправилъ чрезъ палату церемоній отношеніе въ государственный совѣтъ, сдѣлавъ послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата утвержденіемъ и размѣномъ пограничныхъ картъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта къ 11 Мая, предваривъ верховный совѣтъ, что обязанъ будетъ выѣхать изъ Пекина въ случаѣ отрицательнаго отзыва и сѣсть на пароходъ, ожидающій его у Бэй-тана. Выѣздъ изъ Пекина онъ назначилъ чрезъ 8 дней и просилъ сдѣлать благовременныя распоряженія по дорогѣ для проѣзда къ морю.

Верховный совѣтъ не счелъ нужнымъ даже доложить богдыхану объ этомъ послѣднемъ предложеніи, надѣясь завлечь нашего посланника въ безплодные переговоры и выиграть время до разъясненія дѣлъ.

На другой день, 12 Мая, г. Игнатьевъ отправилъ въ верховный

совѣтъ бумагу, въ которой повторялъ, что требуетъ положительнаго отвѣта на сдѣланные имъ въ послѣдней бумагѣ вопросы: «да или нѣтъ».

Въ этотъ же день, одновременно съ отправленіемъ нашей бумаги, пріѣхали чиновники и передали, между прочимъ, что Су-шунь говорилъ имъ, что Китайское правительство не пуститъ г. Игнатьева въ Бэй-танъ. Однакожъ 15 Мая, вечеромъ, прислали чиновниковъ на подворье объявить, что такъ какъ посланникъ намѣренъ былъ выѣхать 16 Мая, то сдѣлано распоряженіе о нарядѣ повозокъ и лошадей и присылкѣ чиновника для сопровожденія и что затѣмъ верховному совѣту нечего отвѣчать на его бумаги. 16 Мая 1860 г. посланникъ нашъ выѣхалъ изъ Пекина, о чемъ членъ миссіи, архимандритъ Гурій сообщилъ въ Иркутскъ.

Хотя выѣздъ посланника нашего изъ Пекина вовсе не долженъ былъ имѣть никакаго непріязненнаго значенія въ отношеніи къ Китайскому правительству, но такъ какъ предъ отъѣздомъ своимъ Игнатьевъ получилъ окончательный отказъ объ утвержденіи пограничной карты: то, можетъ быть, Китайское правительство само могло видѣть въ этомъ выѣздѣ нашего посланника угрозу разрыва. Графъ Муравьевъ счелъ нужнымъ командировать чиновника къ Айгунскому амбаню, чтобъ объяснить ему, что Русское правительство, по давнишней своей дружбѣ съ Китайскимъ, ни въ какомъ случаѣ не помышляетъ обременять положеніе Китая въ то время, когда противъ него дѣйствуютъ двѣ сильныя морскія державы и что, не смотря на отказы Китайскаго правительства, данные нашему посланнику, сей послѣдній и на морѣ будетъ стараться во всѣхъ случаяхъ смягчить дѣйствія союзниковъ противъ Китая. Поэтому они могутъ совершенно покойно смотрѣть на всѣ наши военныя приготовленія, которыя имѣютъ только цѣлію поддержать точное исполненіе Айгунскаго трактата, а не какія-либо наступательныя дѣйствія. Чиновникъ этотъ долженъ былъ предупредить амбаня, что въ отношеніи исполненія трактата даны всѣмъ пограничнымъ начальникамъ на Амурѣ и Усури рѣшительныя повелѣнія, а именно: 1) въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ со стороны Маньчжурскихъ жителей и чиновниковъ, обратиться къ ближайшему ихъ начальству о немедленномъ наказаніи виновныхъ и, въ случаѣ неисполненія сего, послать вооруженныхъ людей, чтобъ самимъ отыскать, взять и наказать этихъ виновныхъ; 2) въ случаѣ сплава Китайскихъ военныхъ судовъ по Сунгари съ вооруженными людьми, тотчасъ занять то мѣсто на устьяхъ Сунгари, гдѣ находится Китайскій караулъ и не допускать артиллеріею выходить вооруженнымъ судамъ изъ Сунгари въ Амуръ; 3) по р. Усури послать вооруженныя суда до оз. Ханка для устраненія всѣхъ могущихъ произойти тамъ между жителями обоихъ государствъ безпорядковъ, о которыхъ такъ часто упоминали Китайскіе сановники. При этомъ поручалось сказать амбаню, что всѣ эти вооруженныя мѣры и строгія распоряженія происходятъ лишь оттого, что Китайскіе сановники въ Пекинѣ упрямились утвердить пограничную карту, согласно Айгунскому трактату, и что мѣстныя Китайскія власти постоянно и въ разныхъ случаяхъ старались возбуждать въ жителяхъ непріязненныя къ намъ отношенія; что конечно не въ его, Муравьева, власти заставить ихъ дѣйствовать иначе, но что не дурно бы имъ поспѣшить разграниченіемъ отъ оз. Ханка до моря сколь возможно скорѣе; что если амбань найдетъ возможнымъ, или самъ, или

черезъ генералъ-губернатора командировать нынѣ же на оз. Ханка чиновниковъ для того, чтобы пройти вмѣстѣ съ нашими до морскихъ портовъ, то осмотръ этой мѣстности ясно укажетъ Китайскому правительству, что нѣтъ никакаго для него вреда утвердить предложенную нашимъ посланникомъ карту и тѣмъ положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ, прибавивъ, что впрочемъ собственно для Россіи особенной въ этомъ надобности нѣтъ, ибо въ Айгунскомъ трактатѣ мѣста эти впредь до разграниченія оставлены въ общемъ владѣніи и слѣдовательно, такъ какъ мы располагаемъ тамъ бо̀льшими силами, то скорѣе люди наши могутъ захватить лишнее у нихъ, чѣмъ они у насъ въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ, покуда не сдѣлано будетъ рѣшительнаго разграниченія.

Поручивъ высказать все это амбаню, графъ Муравьевъ въ тоже время предупреждалъ нашего военнаго губернатора Амурской области, что противу Маньчжуръ съ нашей стороны никакихъ военныхъ дѣйствій въ виду не имѣется, и что въ случаѣ еслибы Айгунское начальство вздумало вооружить жителей своихъ, на лѣвомъ берегу Амура находящихся, то не медля устроить на островѣ противъ Айгуня батарею; а у жителей лѣваго берега отобрать все розданное имъ оружіе, сообщивъ амбаню, что по трактату имъ дозволено жить на этомъ берегу не для того, чтобы дѣйствовать противъ насъ оружіемъ, и что они живутъ тамъ подъ покровительствомъ нашимъ; однимъ словомъ, кромѣ этихъ полицейскихъ мѣръ, никакихъ другихъ предпринимать графъ не разрѣшилъ.

Что же касается нападенія со стороны Маньчжуръ въ большихъ силахъ, то графъ положительно былъ убѣжденъ, что этого никогда и ожидать нельзя; но еслибъ, паче чаянія, подобное покушеніе могло случиться съ ихъ стороны, то приказалъ вездѣ и на всякомъ пунктѣ отражать силу силою, не уступая ни одного шагу.

Для нравственнаго поддержанія силы и значенія нашихъ постовъ и заселеній на границѣ, графъ Муравьевъ приказалъ держать на готовѣ на Усури двѣ канонирскія лодки и перевезти горный дивизіонъ Забайкальской бригады изъ Маріинска на оз. Ханка. Самъ же онъ остался въ Иркутскѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ для полученія извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій между Англо-французами и Китайцами.

Союзники ждали прибытія своихъ послѣднихъ судовъ и 17 Іюля построились, въ числѣ болѣе 200 Англо-французскихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ, въ 7 линій, впереди Русской эскадры, на которой находился нашъ уполномоченный Игнатьевъ, посѣтившій, по выѣздѣ своемъ изъ Пекина, Шанхай.

Мы не станемъ описывать военныхъ дѣйствій союзниковъ. Знакомецъ нашъ Гуй-лянъ еще въ концѣ Августа лишенъ былъ званія уполномоченнаго; богдыханъ бѣжалъ въ Монголію съ пріятелями нашими Сенъ-Ваномъ и Су-шунемъ, и 22 Сентября загородный дворецъ императора разграбленъ союзниками.

Между тѣмъ нашъ посланникъ оставался въ Тянь-цзинѣ, пославъ оттуда Китайскому правительству увѣдомленіе о своемъ прибытіи изъ Шанхая и о намѣреніи прибыть въ Пекинъ послѣ Англійскаго и Французскаго уполномоченныхъ. Получивъ на то согласіе Китайскаго правительства и извѣстясь о мнимомъ окончаніи переговоровъ съ союзниками, генералъ Игнатьевъ 6 Сентября выѣхалъ изъ Тянь-цзина, а 16 прибылъ въ Тунь-чжоу. Здѣсь онъ оставался, въ ожиданіи

рѣшенія участи Пекина, до 3 Октября, получая ежедневно отъ союзныхъ уполномоченныхъ увѣдомленія о ихъ дѣйствіяхъ.

Послѣдній срокъ, данный Китайцамъ для сдачи города, кончился въ полдень 1-го Октября. Въ случаѣ добровольнаго открытія сѣверо-восточныхъ воротъ союзные главнокомандующіе обѣщали пощадить городъ. Остававшаяся въ Пекинѣ наша духовная миссія, при штурмѣ и бомбардированіи города, подвергалась большой опасности, которая увеличилась въ особенности тѣмъ, что начальники войскъ не могли бы предохранить городъ отъ совершеннаго раззоренія и разграбленія. По ходатайству нашего посланника, оба уполномоченные и главнокомандующіе обѣщались принять нашу миссію подъ особое свое покровительство, не направлять выстрѣловъ къ сторонѣ нашего подворья и при самомъ началѣ штурма отрядить тотчасъ особые караулы для охраненія миссіонеровъ и ихъ имущества. Сообщенія съ нашею миссіею имѣть было нельзя, потому что всѣ городскіе ворота были заперты.

Наконецъ 1-го Октября Китайцы, не заключивъ никакаго условія съ союзниками, открыли сѣверо-восточные ворота, и войска Англійскія и Французскія тотчасъ заняли ихъ, обративъ пушки на городъ. Но въ Пекинѣ не оказалось никого, съ кѣмъ бы можно было вести переговоры: богдыханъ бѣжалъ, все государственное управленіе разсѣялось.

При такомъ оборотѣ дѣлъ нашъ посланникъ, желая лично удостовѣриться, существуетъ ли еще Маньчжурское правительство и находятся ли въ Пекинѣ какія нибудь власти,—3-го Октября выѣхалъ изъ Тунь-чжоу и, приблизившись къ Пекину, остановился на Русскомъ кладбищѣ. Въ этотъ же день онъ видѣлся съ барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ. 4 Октября онъ въѣхалъ въ Пекинъ, и на другой же день къ нему явились всѣ оставшіеся въ городѣ старшіе чиновники просить совѣта, что̀ имъ дѣлать въ настоящихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Въ числѣ посѣтителей былъ нашъ знакомецъ Жуй, теперь исправляющій должность генералъ-губернатора Пекина. Генералъ Игнатьевъ выразилъ Китайскимъ чиновникамъ негодованіе свое, по случаю варварскаго обращенія съ плѣнными Европейцами, и увѣрилъ ихъ, что поступокъ этотъ возбудитъ сильное неудовольствіе Русскаго правительства и подниметъ на Китай всю Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако увѣрилъ ихъ въ нашемъ участіи и желаніи вывести изъ настоящаго бѣдственнаго положенія, въ которое поставило ихъ недовѣріе къ нашимъ совѣтамъ и предостереженіямъ и упрямство нѣкоторыхъ сановниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 6 Октября, самъ Гунъ-Цинъ-Ванъ, младшій братъ богдыхана, оставшійся правителемъ государства, прислалъ нашему посланнику письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ съ удовольствіемъ выслушалъ докладъ разныхъ степеней сановниковъ о томъ, что Русское почтенное государство согласно принять участіе, въ качествѣ примирителей, въ распрѣ, возникшей у Китая съ Англіей и Франціей, и что это служитъ для нихъ сильнымъ доказательствомъ взаимной дружеской пріязни и расположенія. Въ заключеніе Гунъ-Цинъ-Ванъ просилъ устроить примиреніе самымъ лучшимъ образомъ, по совершенной справедливости, чтобы ни той, ни другой сторонѣ не было никакихъ поводовъ къ разномыслію, и чтобы, размѣнявшись трактатами, они могли сохранить взаимное согласіе. Нашъ посланникъ отвѣчалъ ему, что онъ душевно желаетъ помочь имъ и готовъ содѣйствовать къ примире-

нію Китая съ Англіею и Франціею; но озабочивается неоконченными между нашими двумя государствами дѣлами и желалъ бы въ непродолжительномъ времени получить сообщеніе, какъ доказательство того, что Китайское правительство строго соблюдаетъ договоръ и проч. На другой же день, 8 Октября, Гунъ-Цинъ-Ванъ снова писалъ нашему посланнику, что какъ только устроится примиреніе между ними и Англіею и Франціею, то неоконченныя между нашими государствами дѣла весьма легко и скоро можно будетъ устроить по взаимному соглашенію, почему и проситъ не слишкомъ о томъ безпокоиться.

Во время открывшихся, такимъ образомъ, прямыхъ сношеній между правителемъ Китайскаго государства и Русскимъ уполномоченнымъ, лордъ Эльгинъ и баронъ Гро, 6-го Октября, послали князю Гуну свои ультиматумы, въ которыхъ требовали денежнаго вознагражденія для лицъ, пострадавшихъ въ плѣну и для семействъ умершихъ, всего около 1.000.000 р. сер.; сверхъ того требовали наказанія Китайскихъ чиновниковъ, виновныхъ въ захватѣ лицъ подъ парламентерскимъ флагомъ и немедленнаго подписанія конвенціи, составленной въ Тянь-цзинѣ, съ добавленіемъ разрѣшенія союзнымъ войскамъ зимовать въ Тянь-цзинѣ. Въ заключеніе Гунъ-Цинъ-Вану объявлялось, что если 8 Октября, къ 10-ти часамъ утра, послы не получатъ отъ него увѣдомленія о томъ, что всѣ условія, безъ изъятія, Маньчжурскимъ правительствомъ приняты, что деньги 1 милл. рубл. будутъ 10 Октября уплачены и что 11-го онъ готовъ подписать конвенцію и размѣнять ратификацію трактатовъ 1858 г.: то военныя дѣйствія немедленно возобновятся. Лордъ Эльгинъ прибавилъ къ тому, что пока союзникамъ не дано удовлетворенія за поступокъ съ плѣнными, миръ между Англіею и существующею Маньчжурскою династіею невозможенъ.

Присланные Гунъ-Цинъ-Ваномъ на Русское подворье, для совѣщаній, Жуй-чанъ и другіе откровенно высказали нашему посланнику свое положеніе, объяснили затрудненія, встрѣчаемыя ими въ мирныхъ переговорахъ съ союзниками и представили, въ чемъ именно заключаются требованія послѣднихъ и желанія Маньчжурскаго правительства. Давъ имъ надлежащіе совѣты и поручившись за личную безопасность Гунъ-Цинъ-Вана, еслибы онъ выѣхалъ въ Пекинъ для переговоровъ, генералъ Игнатьевъ отправился, 7 Октября, къ барону Гро и лорду Эльгину и, узнавъ, въ чемъ именно заключаются рѣшительныя требованія, виды и предположенія ихъ, возвратился въ тотъ же день въ городъ, созвалъ вечеромъ къ себѣ знатнѣйшихъ сановниковъ и убѣдилъ ихъ послать завтра, къ 7-ми часамъ утра, удовлетворительные отвѣты, обѣщая, что въ такомъ случаѣ городъ будетъ пощаженъ. По приказанію Гунъ-Цинъ-Вана нашему посланнику привезли, поздно вечеромъ, для предварительнаго просмотра, бумаги къ лорду Эльгину и барону Гро и обоимъ главнокомандующимъ. Въ ту же ночь г. Игнатьевъ успѣлъ предупредить барона Гро, что Гунъ принимаетъ предложенія союзниковъ, а съ разсвѣтомъ послалъ о томъ же записку и лорду Эльгину. Отвѣтъ Китайцевъ былъ доставленъ въ назначенное имъ время.

На другой день, 8-го Октября, начались непосредственные переговоры между Китайцами и союзниками. Уклонившись отъ прямаго въ нихъ участія и открытаго посредничества, нашъ посланникъ принялъ только косвенное участіе совѣтами. Китайскіе чиновники приходили

къ нему на подворье по нѣскольку разъ въ день и не предпринимали ничего, не спрося предварительно его мнѣнія и указанія, какъ поступать.

Уладивъ такимъ образомъ сношенія Китайцевъ съ союзниками, нашъ посланникъ продолжалъ предъявлять свои настоятельныя требованія объ окончаніи дѣлъ Россіи съ Китаемъ.

9 го Октября онъ отвѣчалъ на письмо Гунъ-Цинъ-Вана, что, не смотря на то, что къ его совѣтамъ обратились поздно, онъ надѣется, что мирные переговоры съ союзниками могутъ устроиться скоро; для окончанія же нашихъ дѣлъ онъ предлагалъ прислать два или три довѣренныхъ лица, съ которыми бы можно было пересмотрѣть проектъ условій и подготовить все для того, чтобы на другой день послѣ размѣна договоровъ между Англіею, Франціею и Дайцынскимъ правительствомъ, и мы могли бы окончательно рѣшить дѣла наши.

На другой день Гунъ-Цинъ-Ванъ отвѣчалъ, что изъ всего этого онъ видитъ искренность и глубокое расположеніе къ нимъ и, будучи не въ состояніи высказать сего, цѣнитъ оное въ сердцѣ. Что же касается до неоконченныхъ дѣлъ Русскаго почтеннаго государства, то тотчасъ будутъ назначены сановники, которые явятся на подворье для совѣщаній, чтобы въ скорѣйшемъ времени устроить все то, что̀ окажется полезнымъ для того и другаго государства.

Послы оставались съ войсками въ сѣверномъ предмѣстьѣ, не рѣшаясь перейти за стѣну, въ городъ. Союзныя войска занимали одни сѣверовосточные ворота: всѣ другіе, за исключеніемъ югозападныхъ, были заперты. Такимъ образомъ нашъ посланникъ восемь дней оставался въ Пекинѣ одинъ, съ своею свитою изъ 14 казаковъ, на скромномъ Русскомъ подворьѣ.

Наконецъ, 12 Октября, баронъ Гро переѣхалъ въ Пекинъ, и въ тоже время лордъ Эльгинъ съ большимъ конвоемъ до 2.000 чел. вступилъ въ городскіе ворота и отправился въ палату церемоній (Ли-бу), гдѣ Гунъ-Цинъ-Ванъ уже ожидалъ его. Во время окончательныхъ переговоровъ Гунъ нѣсколько разъ посылылъ къ нашему посланнику за совѣтомъ, какъ поступить и что̀ отвѣчать. Наконецъ, въ 4 часа пополудни подписана была дополнительная конвенція, условіе уплаты 15 мил. рубл. сер., открытіе для торговли Тянь-цзина и проч. Кромѣ того уступленъ участокъ земли противъ Гонконга, на материкѣ. На другой день подписана барономъ Гро и Гунъ-Цинъ-Ваномъ дополнительная конвенція, подобная Англійской. Послѣ того произошелъ размѣнъ ратификацій. Въ тотъ же день представитель нашъ послалъ Гунъ-Цинъ-Вану письменное поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

По удаленіи Англо-Французскихъ войскъ изъ Пекина нашъ посланникъ остался тамъ снова одинъ, въ той же обстановкѣ, что̀ и до отъѣзда своего въ Шанхай, съ тою же духовною миссіею и тѣми же 14 казаками, которые составляли всю матеріальную поддержку его значенія. Не смотря на то, на другой день послѣ удаленія иностранныхъ пословъ изъ Пекина, 29 Октября, самъ Гунъ-Цинъ-Ванъ, братъ богдыхана, прибылъ къ нему на подворье, извинялся, что не могъ быть ранѣе, по случаю множества дѣлъ и хлопотъ, благодарилъ за участіе, оказанное въ трудныхъ обстоятельствахъ Маньчжурскому правительству и лично ему, за совѣты и помощь нашего посланника, прибавивъ притомъ, что только въ такое смутное время познаются истинные друзья. Предварительно Гунъ-Цинъ-Ванъ по-

слалъ спросить, увидится ли съ нимъ Русскій посланникъ и когда послѣдній отвѣчалъ, что онъ помогалъ Китайцамъ по порученію своего правительства, а что лично ему нѣтъ никакой надобности видѣться съ Гунъ-Цинъ-Ваномъ, то онъ тотчасъ же прибылъ на Русское подворье, изъясняя, что онъ спрашивалъ это только для того, чтобы не разъѣхаться съ посланникомъ.

На другой день, 2-го Октября, г. Игнатьевъ возвратилъ визитъ брату богдыхана, принявшему его какъ нельзя лучше. Въ этотъ же день Жуй-чанъ доставилъ нашему посланнику экземпляръ напечатаннаго, по его требованію, Тянь-цзинскаго нашего договора съ Китаемъ, 1858 г., который до сего времени не былъ сообщенъ и объявленъ въ приморскихъ портахъ, а хранился подъ спудомъ.

При всемъ томъ, не смотря на письменное удостовѣреніе князя Гуна, «что дѣла наши могутъ быть устроены легко и скоро», въ первыхъ же совѣщаніяхъ было встрѣчено весьма упорное сопротивленіе со стороны уполномоченныхъ сановниковъ относительно разграниченія на Востокѣ и сухопутной караванной торговли нашей. Только 22-го Октября успѣли окончательно условиться по всѣмъ предметамъ и рѣшили отложить подписаніе заключенныхъ условій до представленія проекта договора богдыхану и полученія княземъ Гуномъ разрѣшенія приложить печать.

31-го Октября явились на подворье три Китайскіе сановника, неся надъ головой желтый ящикъ, въ которомъ находилась копія съ указа богдыхана, утверждающаго проектъ договора, составленный по соглашенію между нами и довѣренными отъ Гунъ-Цинъ-Вана чиновниками. Копія съ указа была вручена нашему посланнику при бумагѣ Гуна. Условившись относительно дня и порядка подписанія договора, приступили къ переписыванію его.

2 Ноября, въ четвертомъ часу по полудни, князь Гунъ съ участвовавшими въ переговорахъ Китайскими сановниками и ихъ свитою, прибыли на наше подворье въ парадныхъ костюмахъ. Въ 4 часа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, равно какъ и протоколъ размѣна этого договора. Послѣдній актъ необходимъ былъ для того, чтобы Китайцы не могли потомъ отказаться отъ указа богдыхана и сказать, что князь Гунъ подписалъ договоръ по ошибкѣ или по принужденію. Новый договоръ былъ утвержденъ и скрѣпленъ печатями тѣмъ же порядкомъ и въ той степени, какъ и договоры, заключенные Англіею и Франціею.

Въ Январѣ 1861 года Муравьевъ командировалъ полковника Будогоскаго въ Хабаровку, гдѣ назначенъ былъ съѣздъ коммисаровъ въ Апрѣлѣ, а 16 Іюня въ постѣ Турій Рогъ, на оз. Ханка, оконченъ съ Китайскими коммисарами размѣнъ граничныхъ картъ и описаній. Протоколъ подписанъ контръ-адмираломъ Казакевичемъ, полковникомъ Будогоскимъ, директоромъ хлѣбныхъ магазиновъ Ченъ-ци и Гириньскимъ главнокомандующимъ Цзинъ съ тѣмъ, что протоколъ этотъ будетъ составлять дополнительную статью къ Пекинскому дополнительному договору 1860 г.

Граница поставлена отъ устья р. Усури до оз. Ханка по р. Сунгача. Затѣмъ граничная линія между двумя государствами отъ истока р. Сунгача пересѣкаетъ оз. Ханка и идетъ къ р. Беленхе (Турьбира); отъ устья сей послѣдней по горному хребту къ устью р. Хубиту; оттуда по горамъ, лежащимъ между р. Хунь-чунь и моремъ до р. Тумень. Граничная линія упирается въ Тумень на 20 Китай-

скихъ ли, выше впаденія ея въ море. На картѣ граница проведена красной чертой, а въ натурѣ въ разныхъ мѣстахъ поставлены столбы съ Русскими и Китайскими надписями.

Географическое положеніе бывшихъ границъ Восточной Сибири, замкнутой съ Сѣвера берегами Ледовитаго Океана, недоступнаго для свободнаго плаванія съ Востока, хотя прилегающей къ двумъ морямъ, Камчатскому и Охотскому, но также затруднительнымъ для морскаго пути и наконецъ на Югѣ огражденной пустынными степями Монголіи и Маньчжуріи,—было между прочимъ виною того бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ находилась эта страна при многихъ своихъ условіяхъ щедрой производительности.

Международныя сношенія наши съ Китаемъ приняли, со времени возбужденія графомъ Муравьевымъ вопроса о рѣшительномъ возвращеніи бывшихъ владѣній на Амурѣ, характеръ болѣе твердый и правильный.

До назначенія графа Муравьева генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, въ международныхъ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ достоинство Россіи приносилось въ жертву вѣковому убѣжденію о необходимости уважать невозмутимую замкнутость Китайской имперіи и избѣгать всего, что̀ могло бы ее встревожить. Графъ Муравьевъ блестящимъ образомъ вырѣшилъ всѣ спорные вопросы и увѣнчалъ рядъ многолѣтнихъ, настойчивыхъ домогательствъ Россіи къ возвращенію владѣній ея на Амурѣ. Безспорно и навсегда утверждены права Россіи на владѣніе прекрасною страною, щедро надѣленною богатствами природы и ожидающею лишь бо̀льшаго населенія, которое бы воспользовалось ея богатствами и благопріятными географическими и климатическими условіями для прочнаго и успѣшнаго развитія.

*

Обстоятельства, сопроводившія заключеніе Айгунскаго трактата, такъ интересны, что считаемъ не лишнимъ изложить ихъ со всѣми подробностями. 10-го Мая 1858 года генералъ-губернаторъ, на своемъ катерѣ въ сопровожденіи двухъ, такъ называемыхъ канонирскихъ лодокъ, отправился въ Айгунь на обѣдъ къ амбаню. Маньчжуры еще заранѣе просили позволенія генерала принять его съ почестями и пушечными выстрѣлами, на что онъ изъявилъ свое согласіе. По этому при выступленіи его на берегъ, показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ нѣсколько разъ: пушекъ не было видно, но судя по звуку, можно было судить, что это были небольшія мортирки подобно какъ въ Маймачинѣ. Наши канонирскія лодки отвѣчали имъ 3-мя выстрѣлами изъ полевыхъ орудій, громкій звукъ которыхъ озадачилъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, не понравился Маньчжурамъ. Генералъ-губернатора посадили вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку амбаня, свитѣ его предложили приготовленныхъ на берегу верховыхъ лошадей, и такимъ порядкомъ всѣ въ парадной формѣ слѣдовали чрезъ городъ и крѣпость при большомъ стеченіи народа. Амбань встрѣтилъ генералъ-губернатора какъ почетнаго гостя у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутренніе дворы его дома. Въ дверяхъ дома встрѣтилъ генералъ-губернатора дзянь-дзюнь, главнокомандующій Амурскими силами и краемъ князь И-шань, родственникъ богдыхана и ввелъ генералъ губернатора въ комнаты вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ

Перовскимъ, оберъ-квартирмейстеромъ подполковникомъ Будогоскимъ, переводчикомъ Маньчжурскаго языка Шишмаревымъ и завѣдывающимъ путевою канцеляріею Карповымъ. Съ ними помѣстились дзяньдзюнь И-шань и амбань Дзираминга. Секретарь Маньчжуровъ, ротный командиръ Айжиндай стоялъ за столомъ. Остальные члены свиты генералъ-губернатора помѣстились въ другой комнатѣ, служившей сѣнями въ двѣ половины дома, и были угощаемы сидѣвшими вмѣстѣ съ ними Маньчжурскими штабъ-офицерами съ синими прозрачными шариками на шапкахъ. Началось угощеніе, состоявшее изъ чаю и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столѣ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ; потомъ подавали жареную баранину, жаренаго поросенка, нарѣзанныхъ мелкими кусочками, которые приходилось класть въ ротъ поманьчжурски двумя палочками, и въ заключеніе подобіе супа. Во время обѣда неоднократно подавали теплую рисовую водку (майгула) въ крошечныхъ чашечкахъ фарфоровыхъ, а генералу въ серебряной, съ соблюденіемъ строгаго чинопочитанія,— т. е. начиная всегда съ генерала, потомъ поднося г. Перовскому и тѣмъ, которые или по своей тучности, или по своей презентабельности казались имъ старше другихъ. Обѣдъ прошелъ весьма весело: говорили любезности, сообщали другъ другу новости, но о главномъ дѣлѣ не упоминали ни слова. Послѣ обѣда дзянь-дзюнь предложилъ генералъ-губернатору переговорить о дѣлѣ, но Николай Николаевичъ отклонилъ это, говоря, что сегодня будемъ пировать, а всѣ дѣла отложимъ до завтра. Этимъ генералъ Муравьевъ, между прочимъ, хотѣлъ показать Маньчжурамъ, что онъ не слишкомъ дорожитъ и вовсе не торопится переговорами съ ними. Обѣдъ кончился въ седьмомъ часу вечера, послѣ чего генералъ-губернаторъ и его свита отправились въ свои катера и вмѣстѣ съ канонирскими лодками перешли къ противоположному берегу, гдѣ стали на якорь у песчанаго острова.

На другой день, 11-го Мая, генералъ-губернаторъ съ своимъ штабомъ, въ парадной формѣ, перешелъ въ катерѣ къ противоположному берегу. Таже одноколка и верховыя лошади ожидали ихъ въ Айгунѣ, но на этотъ разъ генералъ-губернаторъ отправился верхомъ, съ своею свитою, въ домъ амбаня, гдѣ дзянь-дзюнь ожидалъ его къ 10-ти часамъ утра. Предварительно было условлено, чтобы при переговорахъ присутствовали съ обѣихъ сторонъ только необходимыя лица: съ Китайской стороны дзянь-дзюнь, амбань и Айжиндай; съ нашей— генералъ-губернаторъ, статскій совѣтникъ Перовскій и переводчикъ Шишмаревъ; но въ первое же засѣданіе потребовали съ картами оберъ-квартирмейстера Будогоскаго. Всѣ эти лица помѣстились въ той же комнатѣ, въ которой наканунѣ обѣдали, такимъ образомъ, что налѣво отъ входа на широкихъ нарахъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ стола дзянь-дзюнь и направо отъ него амбань; направо отъ входа на такихъ же нарахъ сидѣлъ за столомъ генералъ-губернаторъ; справа отъ него статскій совѣтникъ Перовскій, а слѣва подполковникъ Будогоскій, когда его потребовали. Переводчикъ Шишмаревъ и секретарь Айжиндай стояли по бокамъ, каждый у стола своей стороны. Остальные члены свиты находились въ другой комнатѣ.

Сначала генералъ-губернаторъ изложилъ съ историческою послѣдовательностію наши дѣйствія на Амурѣ, причины и цѣль этихъ дѣйствій, клонящіяся къ пользѣ обоихъ государствъ. Генералъ-губернаторъ Муравьевъ указывалъ въ особенности на то обстоятельство, что, при настоящемъ распространеніи въ Тихомъ Океанѣ иностран-

ныхъ владѣній и Англійскихъ завоеваній, нельзя долѣе оставлять прилегающія къ устью Амура страны и моря безъ разграниченія, какъ то считалось по Нерчинскому трактату, и нельзя не распространять въ этихъ странахъ заселенія, способнаго защищать ихъ; что Россія не потерпитъ, чтобы устье рѣки, вершины которой протекаютъ по ея владѣніямъ, было занято какою либо иностранною державою, и что, напротивъ, занявъ и укрѣпивъ это устье, она защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Маньчжурію отъ вторженія въ нее какой бы то ни было иностранной силы, какъ это уже и было доказано минувшею войною. Кромѣ того, какъ на Маньчжурскомъ берегу находятся удобныя морскія гавани, теперь безлюдныя и никому не принадлежащія, то иностранцы могутъ занять ихъ, основать тамъ пристанища своимъ судамъ и потомъ, въ случаѣ разрыва, произвести вторженіе внутрь Маньчжуріи и Россіи. Поэтому, принимая на себя защиту Маньчжуріи отъ непріятельскаго вторженія со стороны моря, Россія должна имѣть въ своемъ владѣніи часть приморской страны, а для сообщенія этой страны со внутренностью Сибири, должна основать свои поселенія на берегу Амура, какъ удобнѣйшаго водянаго пути, единственно возможнаго для правильнаго передвиженія огромныхъ массъ грузовъ. Поэтому, чтобы не допустить иностранцевъ къ занятію приморскаго берега и вторженію въ рѣки, намъ нужно занять весь Маньчжурскій берегъ до Кореи, для чего необходимо опредѣлить границу по Амуру и Усури, составляющую удобнѣйшую естественную черту между обоими государствами.

По окончаніи своего изложенія генералъ-губернаторъ представилъ Китайскому уполномоченному заблаговременно написанный на бумагѣ проэктъ граничной черты по Амуру, Усури и чрезъ верхніе протоки ея на протоки рѣки Тумень-ула и по теченію послѣдней до моря. Но чтобы еще болѣе объяснить Маньчжурамъ направленіе этой черты, онъ потребовалъ изъ другой комнаты Будогоскаго, который указалъ эту черту на картѣ Маньчжуріи.

За тѣмъ генералъ-губернаторъ предъявилъ свое полномочіе, написанное на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, которымъ объявлялось, что ему, генералъ-губернатору Восточной Сибири, поручено отъ Русскаго правительства вести переговоры съ Китаемъ какъ о разграниченіи, такъ равно и о всѣхъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ клониться ко взаимнымъ пользамъ обоихъ государствъ. На вопросъ его, какое имѣетъ дзянь-дзюнь полномочіе отъ Китайскаго правительства, послѣдній отказался показать его, говоря, что оно писано на Китайскомъ языкѣ и здѣсь нѣтъ человѣка, который бы могъ перевести его на Русскій языкъ. Такимъ образомъ съ самаго начала предстояло выпытать отъ дзянь-дзюня степень предоставленнаго ему полномочія, и для этого генералъ Муравьевъ, излагая, что всѣ недоразумѣнія мѣжду обоими государствами возникли отъ несоблюденія прежнихъ договоровъ, предложилъ пересмотрѣть эти договоры, дабы тѣмъ яснѣе опредѣлить взаимныя отношенія. Китайскій уполномоченный отказался отъ этого рѣшительнымъ образомъ, говоря, что онъ не имѣетъ никакаго права касаться прежнихъ договоровъ и можетъ только трактовать о границѣ на Амурѣ. Для этой же цѣли генералъ-губернаторъ предложилъ сначала разобрать дѣла и несогласія, возникшія у насъ въ послѣднее время на Западной границѣ Китая, въ Чугучакѣ, на томъ основаніи, что для полученія

согласія на уступку Амура, онъ былъ уполномоченъ отказаться отъ претензіи, которую имѣло Русское правительство на Китайцевъ за сожженіе нашей факторіи въ Чугучакѣ и уступить имъ право на двоеданниковъ, обитающихъ по западной границѣ Китая. Но при самомъ началѣ этого вопроса, дзянь-дзюнь положительно отклонилъ всякія о немъ прѣнія, говоря, что ему дано только право трактовать о Пріамурскихъ странахъ, состоящихъ въ его завѣдываніи; о дѣлахъ же на Западной границѣ Китая имѣетъ право трактовать только мѣстный дзянь-дзюнь (главнокомандующій) въ Или, который и получаетъ по этому предмету всѣ инструкціи изъ Пекина.

Тогда генералъ-губернаторъ снова началъ доказывать необходимость уступки намъ лѣваго берега Амура и Пріамурской страны, на что Маньчжуры отвѣчали, что для нихъ это невозможно, потому что они издревле владѣютъ ими, собираютъ съ жителей ясакъ и что иностранцы не могутъ высадиться на морской берегъ и проникнуть внутрь страны, потому что у нихъ на этомъ пространствѣ вездѣ есть свои караулы, такъ что при появленіи иностранцевъ пусть Русскіе только дадутъ знать о томъ Маньчжурамъ, и они ихъ прогонятъ. Генералъ Муравьевъ возразилъ имъ, что въ томъ-то и состоитъ ихъ вина, что они собирали ясакъ, не имѣя никакаго права на жителей неразграниченныхъ странъ; что же касается до иностранцевъ, то они подходятъ къ берегамъ на такихъ большихъ корабляхъ и съ такими большими пушками, что ихъ можно прогнать только подобными же большими пушками. Кромѣ того генералъ объяснилъ имъ, что едва ли Китайское правительство будетъ въ состояніи защищать морское прибрежье Пріамурскаго края, столь удаленное отъ центра государства; что если уже ближайшій къ нему и многолюдный городъ Кантонъ не могъ устоять противъ ничтожныхъ силъ Англичанъ и Французовъ, то еще труднѣе для нихъ будетъ удержать за собою отдаленную, дикую и ненаселенную страну, съ которой они не имѣютъ никакихъ сообщеній. Дзянь-дзюнь отвѣчалъ, что онъ главнокомандующій Цицигарской провинціи, и поэтому не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о Пріусурійскомъ краѣ, который принадлежитъ къ провинціи Гиринь, управляемой особымъ дзянь-дзюномъ, главнокомандующимъ, поэтому и не считаетъ себя вправѣ говорить о разграниченіи этой провинціи. Остальныя требованія генерала Муравьева оспаривались весьма слабо и нелогично: Маньчжуры нѣсколько разъ принимались доказывать, что караулы ихъ всегда могутъ наблюдать за моремъ и успѣютъ предупредить и извѣстить о покушеніяхъ иностранцевъ. Впрочемъ они выразились, что не мѣшаютъ Русскимъ занимать незаселенныя мѣста и гавани морскаго берега, но съ тѣмъ, чтобы мы имѣли съ ними сообщеніе не по Амуру, а внѣшнимъ морскимъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ генерала Муравьева о Кантонѣ особенно непріятно выразился на лицахъ Маньчжуровъ.

Генералъ-губернаторъ, предложивъ обсудить всѣ его предположенія о границахъ, обѣщалъ прислать на бумагѣ проэктъ договора и сказалъ, что вѣроятно дзянь-дзюнь утомленъ уже продолжительнымъ прѣніемъ (ибо былъ уже 3-й часъ послѣ полудня) и, можетъ быть, привыкъ въ это время обѣдать. Потомъ просилъ посѣтить его и для этого назначить часъ. Условились, что дзянь-дзюнь прибудетъ на катеръ въ 4 часа по полудни.

Такъ кончилось первое засѣданіе. Всѣ переговоры велись на Маньчжурскомъ языкѣ; но не смотря на то, что дзянь-дзюнь былъ род-

ственникъ богдыхана, слѣдовательно истый Маньчжуръ,—онъ по видимому лучше зналъ природный Китайскій языкъ (какъ у насъ Французскій), нежели свой родной Маньчжурскій. Рѣчь г. губернатора къ дзянь-дзюню, г. Шишмаревъ переводилъ амбаню поманьчжурски, а тотъ переводилъ ее дзянь-дзюню по-китайски. Когда же г. губ. адресовался къ амбаню, то слова Шишмарева на Маньчжурскомъ языкѣ передавались амбаню особымъ переводчикомъ по-китайски.

Около половины 4-го часа стали подтягиваться къ катеру генералъ-губернатора двѣ огромныя джонки, назначавшіяся, по словамъ Маньчжурскихъ чиновниковъ, для переѣзда дзянь-дзюня на катеръ. Ихъ поставили по сторонамъ катера, но Николай Николаевичъ послалъ г. Шишмарева просить дзянь-дзюня переѣхать къ нему на вельботѣ. Ровно въ 4 часа показалось изъ города шествіе дзянь-дзюня съ огромною свитою, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катеръ генералъ-губернатора были впущены: дзянь-дзюнь, амбань, Айжиндай, личный секретарь дзянь-дзюня, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, Шампанскаго и, наконецъ, ликера. Хоръ трубачей Иркутскаго коннаго полка игралъ на одной изъ канонирскихъ лодокъ. Музыка, какъ видно, очень нравилась дзянь-дзюню, въ особенности веселые мотивы Русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно между веселымъ разговоромъ и изобильнымъ угощеніемъ. Наконецъ, дзянь-дзюнь, согрѣтый виномъ, снялъ даже свою курму (родъ кофты съ широкими рукавами) и пожелалъ выйти на чистый воздухъ, чтобы нѣсколько освѣжиться, послѣ чего уѣхалъ на берегъ къ себѣ домой.

Наслѣдующій день, 12 Мая (1858), генералъ-губернаторъ, сказавшись больнымъ, отправилъ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и переводчикомъ Шишмаревымъ проектъ договора, состоящій изъ 5 пунктовъ. Въ первомъ опредѣлялась точная граничная черта между Россіею и Маньчжуріею отъ сліянія Шилки съ Аргунью по Амуру до устья Усури, далѣе вверхъ по Усури и по верхнимъ ея притокамъ до водораздѣльнаго хребта, чрезъ который переваливала на лѣвые притоки рѣки Тумень-ула и по сей послѣдней до моря; во второмъ назначалось свободное плаваніе по всѣмъ рѣкамъ, составляющимъ границу; въ третьемъ дозволялось свободное переселеніе жителей обоихъ государствъ съ земель, отошедшихъ во владѣніе другаго государства, въ теченіе одного года; въ четвертомъ учреждалась взаимная торговля по Амуру и Усури для жителей обоихъ береговъ этихъ рѣкъ; а потомъ назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній, сообщеній съ Пекиномъ, отправленія миссій, пословъ, курьеровъ и прочаго, могущаго доставить пользу и славу двумъ дружественнымъ государствамъ. По предъявленіи этого проекта договора, Маньчжуры снова возобновили предъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ свои односторонніе доводы и опроверженія всѣхъ пунктовъ, а о послѣднемъ рѣшительно отказались разсуждать, говоря, что дзянь-дзюнь не имѣетъ на то полномочія и что ему поручено трактовать только о здѣшнихъ дѣлахъ на Амурѣ, а если мы желаемъ сверхъ того коснуться нашей торговли съ Китаемъ, то должны будемъ начать отдѣльные переговоры, совершенно особо отъ настоящихъ. О словѣ «граница», употребленномъ въ нашемъ договорѣ, Маньчжуры на хотѣли и слышать, ссы-

лаясь на то, что граница Россіи съ Китаемъ уже утверждена прежними трактатами. Айжиндай указалъ на то мѣсто договора, гдѣ было сказано: ради большей славы и пользы обоихъ государствъ, говоря: зачѣмъ тутъ упомянуто слово слава? «Наше государство и безъ того такъ славно, что большей славы ему желать нельзя». По его желанію это выраженіе было замѣнено: ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и проч.

Вечеромъ, въ этотъ же день, пріѣхалъ Айжиндай для подробнѣйшихъ объясненій съ г. Шишмаревымъ и привезъ свой проектъ договора, утверждая, что дзянь-дзюнь и амбань никакъ не согласятся измѣнить его, такъ что если генералъ не согласится уступить и измѣнить свой проектъ, то они должны будутъ разойтись. Проектъ этотъ состоялъ въ томъ, что для защиты Амура отъ иностранцевъ Русскіе могутъ поставить свои войска на лѣвомъ берегу отъ Аргуни до устья Усури, гдѣ пожелаютъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть Маньчжурскія деревни. О приморскомъ же краѣ ничего не упоминалось, и Айжиндай утверждалъ, что объ этомъ дзянь-дзюнь даже не имѣетъ права и переговариваться; что они и безъ того зашли уже далѣе, нежели сколько имъ слѣдовало; что ихъ дѣло переговариваться только о рѣкѣ Сахалянъ-ула, т. е. о верхней половинѣ Амура до устья рѣки Сунгари, а они дошли уже до устья рѣки Усури, тогда какъ тамошнею страною управляетъ другой Гириньскій дзянь-дзюнь. Всѣ эти разсужденія съ Айжиндаемъ производились на этотъ разъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и г. Шишмаревымъ въ каютѣ катера. Въ другой каютѣ, отдѣленной отъ первой тонкой перегородкой, находился генералъ-губернаторъ, слѣдившій за ходомъ переговоровъ и, когда нужно было, принимавшій въ нихъ участіе или посредствомъ записокъ, передаваемыхъ г. Перовскому, или посредствомъ громкаго разговора, заставляя подполковника Будогоскаго говорить громко, какъ бы въ разговорѣ съ нимъ, ту мысль или то выраженіе, которыя нужно было чтобы слышали въ другой каютѣ гг. Перовскій и Шишмаревъ. Между различными своими доводами и убѣжденіями Айжиндай говорилъ статскому совѣтнику Перовскому, что мы, предъявляя подобныя требованія, какъ бы пользуемся несчастнымъ ихъ положеніемъ. Г-нъ Перовскій отвѣчалъ: развѣ вы не пользовались нашимъ подобнымъ же положеніемъ во время заключенія Нерчинскаго договора въ 1689 году? Тогда вы привели къ Нерчинску 12,000 войска, не смотря на то, что было условлено имѣть съ обѣихъ сторонъ только по 1,200 человѣкъ, и силою заставили насъ подписать договоръ; теперь настала наша очередь. На это Айжиндай отвѣчалъ въ смущеніи, что если вы хотите брать силою, то мы ничего не будемъ подписывать: берите что̀ хотите. Между тѣмъ вслѣдствіе этихъ пренiй генералъ-губернаторъ согласился нѣсколько измѣнить свой проектъ договора, а именно: оставивъ граничную черту отъ слiянія Шилки съ Аргунью до устья Усури опредѣленною по теченію Амура, дальнѣйшее направленіе оной не означать съ точностію, выразивъ это обстоятельство такимъ образомъ: «мѣста же отъ Усури и до моря да останутся подъ защитою Россійскаго государства, какъ и нынѣ находились». О жителяхъ лѣваго берега было сказано оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ, не упоминая ничего о землѣ, находящейся въ ихъ владѣніи. Пятый пунктъ о пересмотрѣ трактатовъ былъ вовсе уничтоженъ.

13 Мая утромъ г. Шишмаревъ отправился въ Айгунь и предложилъ измѣненный проектъ договора на разсмотрѣніе дзянь-дзюня и амбаня. Прежнія доказательства и опроверженія снова возобновились съ ихъ стороны, такъ что г. Шишмаревъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, успѣлъ только согласить амбаня на допущеніе обоюдной торговли по Амуру, но съ тѣмъ, чтобы мы измѣнили первый пунктъ договора. Послѣ этого прибылъ Айжиндай, который въ силу новыхъ соглашеній вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ составилъ новый проэктъ договора и повезъ его въ Айгунь. Но вечеромъ Айжиндай снова прибылъ на катеръ и съ отчаяніемъ увѣрялъ, что онъ не досмотрѣлъ первой статьи договора о земляхъ отъ Усури до моря, и при чтеніи не вникнулъ въ смыслъ этой статьи, а потомъ уже, по пріѣздѣ въ Айгунь, вмѣстѣ съ амбанемъ разсмотрѣлъ ее. При этомъ Айжиндай со слезами умолялъ г. Шишмарева измѣнить эту статью, утверждая, что его ожидаетъ тяжкое наказаніе за этотъ недосмотръ, такъ что если не согласятся измѣнить этотъ параграфъ, то онъ сейчасъ же въ виду ихъ утопится въ Амурѣ. Г. Шишмаревъ упрекнулъ его, говоря, что нельзя безпрерывно измѣнять одно и тоже, что вѣроятно ихъ дзянь-дзюнь не имѣетъ полномочія, если отпирается отъ своихъ предложеній. На это Айжиндай отвѣчалъ г. Шишмареву, что хорошо вамъ такъ разсуждать, когда вы хотите отъ насъ брать, тогда какъ нашему дзянь-дзюню приходится уступать; вотъ если бы вашъ дзянь-дзюнь уступалъ что нибудь, то вѣроятно онъ разсуждалъ бы на переговорахъ иначе. Г. Шишмаревъ повелъ Айжиндая къ генералъ-губернатору, предъ которымъ онъ снова возобновилъ свои просьбы о томъ, чтобы выраженіе о земляхъ отъ Усури до моря было вовсе исключено изъ договора. Генералъ вмѣсто этого приказалъ зачеркнуть слова, о которыхъ говорилъ Айжиндай, и написать, что «объ этомъ генералъ и дзянь-дзюнь завтра будутъ разсуждать».

Убѣдившись безуспѣшнымъ ходомъ переговоровъ, длившихъ только время, что обыкновеннымъ путемъ нельзя добиться отъ Маньчжуровъ никакаго толка, генералъ-губернаторъ рѣшился, по совѣту г. Перовскаго, измѣнить характеръ переговоровъ. Для этого 14 Мая онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Будогоскимъ и г. Шишмаревымъ прибылъ въ Айгунь и предложилъ окончательный проектъ договора. Маньчжуры снова начали приводить свои одностороннія и шаткія доказательства на право владѣнія этими странами, собираемый ими ясакъ съ жителей и проч. Главное затрудненіе предстояло въ уступкѣ Пріусурійской страны, прѣнія о которой теперь уже болѣе не отклонялись Маньчжурами, подъ предлогомъ, что они не имѣютъ на это права. Кромѣ прежнихъ доказательствъ, что у нихъ по берегу моря вездѣ есть свои караулы, Маньчжуры приводили, что на Югѣ Пріусурійской страны находится родина ихъ императорской фамиліи, и что по этому уступка этой страны была бы съ ихъ стороны государственною измѣною. На это имъ возражали, что родина ихъ царствующей династіи есть Индень, что въ Пріусурійскомъ краѣ у нихъ нѣтъ никакихъ учрежденій, что они объ этой странѣ, какъ и сами сознались, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній и что тамъ живутъ только одни бѣглые, отъ которыхъ Китайцы не получаютъ никакой пользы, даже не получаютъ отъ нихъ и свѣдѣній объ иностранцахъ; какъ напримѣръ имъ, вѣроятно, до сихъ поръ еще неизвѣстно, что въ заливѣ св. Владиміра уже устроенъ нами городъ, а во многихъ пунктахъ морскаго прибрежья поставлены не Маньчжурскіе караулы,

22*

а Русскіе посты. Вмѣстѣ съ тѣмъ приводили Маньчжурамъ, что все, что̀ Россія ни предпринимала въ Пріамурскомъ краѣ съ 1854 года, все это клонилось къ пользамъ ихъ имперіи, и что, употребивъ уже на осуществленіе подобной цѣли столько трудовъ и издержекъ, Россія не можетъ отказаться отъ своихъ благодѣтельныхъ для Китая намѣреній, не приведя ихъ къ окончательному результату и т. п. Дзянь-дзюнь возражалъ, что онъ не сомнѣвается въ высокой цѣли Русскихъ относительно защиты Китая отъ рыжихъ варваровъ, но въ случаѣ если бы для подобной цѣли пришли Китайцы въ Нерчинскій край, то дозволило ли бы имъ Русское правительство перейти чрезъ Аргунь и прогнать варваровъ? Время шло въ подобныхъ отклоняющихъ отъ цѣли разговорахъ; Маньчжуры не убѣждались никакими доводами и тянули только время, не смотря на то, что генералъ-губернаторъ предупреждалъ ихъ, что онъ не можетъ оставаться долго у Айгуня, а спѣшитъ на устье Амура на встрѣчу Англичанъ и Французовъ [1]). Наконецъ, истощивъ всѣ убѣжденія на соглашеніе дзянь-дзюня и амбаня, генералъ Муравьевъ, обратясь съ сердитымъ видомъ къ г. Шишмареву, поручилъ ему передать имъ, что онъ лично съ дзянь-дзюнемъ останутся друзьями; но что такъ переговариваться нельзя, что онъ имъ сказалъ все, что̀ отъ него зависѣло, и теперь ихъ дѣло обсудить это и согласиться на его предложенія, для чего онъ даетъ имъ сроку до завтра. Не дождавшись пока г. Шишмаревъ успѣлъ перевести это, генералъ быстро вышелъ изъ комнаты, у воротъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи Будогоскаго и Шишмарева поѣхалъ къ пристани, гнѣвно посматривая на толпы народа.

Вскорѣ генерала догналъ Айжиндай съ мрачной физіономіей и, подъѣхавъ къ г. Шишмареву, спрашивалъ его, куда генералъ такъ спѣшитъ: теперь поднялся такой сильный вѣтеръ и на рѣкѣ волненіе, что дзянь-дзюнь говоритъ, лучше бы немного обождать. Но г. Шишмаревъ слѣдовалъ молча за генералъ-губернаторомъ, который, подъѣхавъ къ берегу, быстро соскочилъ съ коня, бросилъ въ сторону нагайку, сѣлъ въ катеръ, въ которомъ оставалась вся его свита и, приказавъ поставить парусъ, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ, быстро пошелъ вверхъ по рѣкѣ къ противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу Маньчжуровъ выпучили глаза отъ удивленія, привыкнувъ видѣть генерала всегда привѣтливо посматривающаго на толпящійся по улицамъ Айгуня народъ, а теперь видя его нахмуреннымъ, разсерженнымъ и уходящимъ прочь отъ Айгуня [2]). Отойдя вверхъ по рѣкѣ до 7 верстъ, генералъ остановился у Маньчжурской деревни лѣваго берега, обѣдалъ здѣсь съ своею свитою и къ вечеру возвратился въ своемъ катерѣ къ канонирскимъ лодкамъ, стоявшимъ по прежнему напротивъ Айгуня у противоположнаго берега. Вскорѣ сюда прибыли чиновники отъ дзянь-дзюня спросить о здоровьи генерала и о причинѣ его гнѣва; а вмѣстѣ съ тѣмъ просили извинить ихъ, утверждая, что впередъ они будутъ себя вести такъ, чтобы генералъ не сердился.

---

[1]) Въ это время ожидали прихода въ Николаевскъ Англійскихъ и Французскихъ судовъ изъ Китайской эскадры, намѣревавшихся производить въ этихъ моряхъ опись береговъ.

[2]) Во время этого проѣзда по улицамъ Айгуня генералъ потерялъ брилліантовую звѣзду Св. Александра Невскаго, которая и послѣ не отыскалась.

Вслѣдствіе этого на другой день, 15 Мая, прибылъ на катеръ генерала гусайда (баталіонный командиръ) Маншань съ Айжиндаемъ для окончательнаго соглашенія всѣхъ договорныхъ статей. Слово «граница», которое Маньчжуры никакъ не соглашались употребить въ договорѣ, было вычеркнуто и замѣнено выраженіемъ, что лѣвый берегъ р. Амура отъ р. Аргуни до морскаго устья да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства. Право обоюднаго плаванія по пограничнымъ рѣкамъ Амуру и Усури въ Маньчжурскомъ текстѣ вышло: по рѣкамъ Сахалянъ-ула, Сунгари-ула и Усури-ула [1]). Айжиндай возразилъ, что, стало быть, вслѣдствіе этого пункта Русскіе могутъ плавать по рѣкѣ Сунгари внутрь Маньчжуріи и торговать въ лежащихъ по берегамъ этой рѣки городахъ. Ему отвѣчали на это утвердительно и доказывали всю пользу этого какъ для самыхъ Маньчжуровъ, такъ и для всей ихъ страны, съ чѣмъ онъ и согласился.

Въ заключеніе генералъ выразилъ, что такъ какъ теперь они уже окончательно согласились во всѣхъ пунктахъ, то онъ намѣренъ подойти съ канонирскими лодками ближе къ городу и салютовать въ честь заключенія трактата. Айжиндай, предлагая подойти къ ихъ берегу, если генералу это угодно, просилъ только не стрѣлять, прибавивъ: мы, чиновники, не боимся; а наши военные люди не любятъ выстрѣловъ. Это желаніе Маньчжуровъ было исполнено и затѣмъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій никакихъ выстрѣловъ произведено не было. Для окончанія разныхъ мелкихъ недоразумѣній Шишмареву приходилось еще два раза ѣздить на берегъ въ Айгунь къ амбаню.

Наконецъ наступилъ и достопамятный день 16-го Мая. Трактатъ назначено было подписывать въ 12 часовъ, но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ время протянулось до вечера. Въ 6 часовъ генералъ-губернаторъ съ своею свитою, въ парадной формѣ, вышелъ на берегъ Айгуня и пѣшкомъ отправился къ дзянь-дзюню, гдѣ по его приходѣ тотчасъ же началось подчиванье чаемъ и сластями. Послѣ краткаго привѣтствія генералъ Муравьевъ сказалъ дзянь-дзюню, что онъ очень радъ, что наконецъ они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутора столѣтія и давно заботившее ихъ правительство, послѣ чего приступили къ чтенію и повѣркѣ текста на Маньчжурскомъ языкѣ. За тѣмъ началось подписываніе трактата на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ Муравьевымъ, дзянь-дзюнемъ, амбанемъ, г. Шишмаревымъ и Айжиндаемъ [2]). Послѣ подписи Муравьевъ и дзянь-дзюнь взяли каждый въ одну руку по два подписанныхъ экземпляра на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, обмѣнялись ими и передали другъ другу со взаимными поздравленіями.

Окончивъ весь церемоніалъ заключенія трактата, генералъ Муравьевъ вскорѣ оставилъ дзянь-дзюня, поцѣловался съ нимъ на прощаньи и отправился на своемъ катерѣ въ обратный путь къ Благовѣщенску. По прибытіи Николая Николаевича спутники его, по Русскому обычаю, съ Шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, которое доставило Россіи болѣе милліона квадратныхъ верстъ богатой земли, открыло для Сибири удоб-

---

[1]) Рѣка Амуръ у Маньчжуровъ и Китайцевъ раздѣляется на двѣ части: верхняя называется Сахалянъ-ула, а нижняя Сунгари-ула.

[2]) Перо, которымъ Н. Н. Муравьевъ подписалъ возвращеніе Амура, взялъ къ себѣ на сохраненіе оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

ный водяной путь къ Океану, оправдало блестящимъ образомъ дальновидныя соображенія и предположенія Муравьева и увѣнчало достойнымъ образомъ его десятилѣтніе труды и усилія.

Заключенный трактатъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Великаго Россійскаго государства главнокомандующій надъ всѣми губерніями Восточной Сибири, Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича г.-адъютантъ, г.-лейтенантъ Николай Муравьевъ и великаго Дайцынскаго государства г.-адъютантъ, придворный вельможа, Амурскій главнокомандующій князь И-шань, по общему согласію, ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и для охраненія отъ иностранцевъ, постановили»:

«I. Лѣвый берегъ р. Амура, начиная отъ р. Аргуни до морскаго устья р. Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, начиная внизъ по теченію до р. Усури,—владѣніемъ Дайцынскаго государства. Отъ р. Усури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцынскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ Амуру, Сунгари и Усури могутъ плавать только суда Дайцынскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся на лѣвомъ берегу р. Амура, отъ Зеи на Югъ до деревни Хирмолдзинь, Маньчжурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ вѣдѣніемъ Маньчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы Русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали».

«II. Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по Усури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, и начальствующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ».

«III. Что̀ уполномоченный Россійскаго государства, г. губ. Муравьевъ и уполномоченный Дайцынскаго государства, Амурскій главнокомандующій, И-шань, по общему согласію постановили,—да будетъ исполнено въ точности и ненарушимо на вѣчныя времена, для чего Россійскаго государства г. губ. Муравьевъ, написавши трактатъ на Русскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, передалъ Дайцынскаго государства главнокомандующему князю И-шань, а Дайцынскаго государства главнокомандующій князь И-шань, написавши на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ языкахъ, передалъ Россійскаго государства г. губ. Муравьеву. Все здѣсь написанное распубликовать въ извѣстіе пограничнымъ людямъ двухъ государствъ. Городъ Айгунь, 1858 года, Мая 16 дня».

Подлинный подписали: «Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего г. адъютантъ, г. лейтенантъ Николай Муравьевъ. Службы Его Императорскаго Величества по Мин. Ин. Д. с. сов. П. Перовскій. Амурскій главнокомандующій И-шань. Помощникъ дивизіоннаго начальника Дзираминга».

Скрѣпили: «состоящій при г. губ. Восточной Сибири переводчикъ губ. секр. Шишмаревъ. Ротный командиръ Айжиндай».

Петръ Шумахеръ.

Мазепа.

(Изъ Записокъ Яна Хризостома Пассека).

Исторія молодости Мазепы оставалась до сихъ поръ неизвѣстною. Преданіе о томъ, что онъ за любовь къ прекрасной Полькѣ былъ привязанъ ея мстительнымъ мужемъ къ спинѣ дикой лошади, которая занесла его на Украйну, гдѣ онъ потомъ сдѣлался гетманомъ, это преданіе, разсказанное Вольтеромъ въ Исторіи Карла XII и потомъ внушившее Байрону чудную его поэму, считалось нелѣпымъ вымысломъ. Записки Пассека, товарища и сослуживца Мазепы при дворѣ короля Польскаго Яна Казимира, показываютъ, что это не было вымысломъ. Пассекъ разсказываетъ про этотъ случай во всей его прозаической дѣйствительности. Дѣйствительность иногда сходится съ поэзіей, но это случается очень рѣдко; по большей же части одна противоположна другой, и тоже самое событіе, плѣнявшее насъ въ поэтическомъ преданіи, подъ вѣяніемъ истины лишается своихъ поэтическихъ красокъ. Но за то и Исторія не должна отвергать преданій, которыя съ перваго раза кажутся однимъ поэтическимъ бредомъ. Разсказъ Пассека относится къ поэмѣ Байрона, какъ дѣйствительность относится къ поэзіи.

Авторъ Записокъ не любитъ Мазепы и иногда, кажется, непрочь прихвастнуть; но онъ передаетъ со всею откровенностію все что́ видѣлъ и слышалъ. Пассекъ велъ свои Записки въ царствованія королей Яна Казимира, Михаила Вишневецкаго и Яна Собѣсскаго съ 1656 по 1688 годъ. Дядя нашего автора Пассекъ, какъ видно изъ Записокъ, былъ судьею Смоленскимъ; ему также, какъ и его племяннику, поручались проводы пословъ Русскихъ. Не отъ нихъ ли произошелъ родъ Пассековъ, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, какъ напр. извѣстнаго писателя-этнографа Вадима Васильевича и его брата, храбраго Кавказскаго генерала Діомида Васильевича Пассековъ?

Записки Пассека имѣли нѣсколько изданій и очень извѣстны въ Польской литературѣ. Подлинная ихъ рукопись находится въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Х.

1662 годъ.

Король велѣлъ мнѣ всякій день приходить къ нему для приказаній и давалъ мнѣ деньги на содержаніе. Денегъ у меня было въ волю: оставалось у меня и отъ Датскаго похода, и король недавно пожаловалъ мнѣ 500 червонцевъ, а провожая пословъ [1]), я получилъ 17,000.

---

[1]) Пассекъ былъ посланъ встрѣтить и проводить отъ Польской границы Русское посольство, отправленное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году въ Варшаву на сеймъ для переговоровъ о мирѣ. Главный посолъ былъ царскій стольникъ Аѳанасій Ивановичъ Нестеровъ.

Легко они доставались и также легко уходили. Мы часто гуляли съ придворными; извѣстное дѣло, въ Варшавѣ скоро найдется и знакомство, и компанія. Мазепа уже повинился передъ королемъ въ своихъ Гродненскихъ плутняхъ и снова бывалъ при дворѣ [2]). Мы встрѣчались съ нимъ, и хотя его обвиненіе не причинило мнѣ никакаго зла (напротивъ того, оно доставило мнѣ и хлѣбъ, и добрую славу, такъ что самые сообщники его, одни завидовали мнѣ, а другіе меня поздравляли); но мнѣ на него бывало досадно, особенно выпивши, когда, какъ извѣстно, всякая обида лѣзетъ въ глаза. Однажды я пришелъ въ залу, находившуюся передъ комнатой, въ которой былъ король; тамъ я засталъ Мазепу и нѣсколько человѣкъ придворныхъ. Я былъ хорошо выпивши и, подойдя къ нему, сказалъ: «Челомъ бью пану эсаулу!» Гордая тварь, онъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Челомъ бью пану капралу!» Такъ назвалъ онъ меня потому, что я былъ подъ стражею у Нѣмцевъ въ Гроднѣ. А я, недолго думая, какъ хвачу его въ лицо, и тотчасъ отскочилъ назадъ. Онъ за саблю, и я тоже. Придворные вскочили и кричатъ: «Стойте! Стойте! Король за дверью». Но никто изъ нихъ не подалъ ему помощи, его не очень-то любили: вопервыхъ онъ былъ плутоватъ, а къ тожуже былъ казакъ, недавно получившій шляхетство. Они видѣли также, что я имѣлъ право считать себя обиженнымъ и уважали меня, потому что я успѣлъ уже съ ними покумиться и не скупился на угощеніе. Поднялся гвалтъ, и одинъ изъ бывшихъ тутъ вошелъ въ комнату короля и говоритъ: «Ваше величество! Панъ Пассекъ ударилъ въ лицо Мазепу». А король тотчасъ его самого по лицу и сказалъ: «Не говори пустяковъ, когда тебя не спрашиваютъ». Находившійся съ нами епископъ ужаснулся, видя тутъ большое преступленіе и полагая, что меня ожидаетъ страшная кара. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я не знаю васъ, но ради Бога спасайтесь скорѣе: въ королевскихъ покояхъ ударить въ лицо придворнаго человѣка—это уголовное преступленіе». Я отвѣчалъ ему: «Ваша милость не знаетъ, какъ виноватъ передо мною этотъ бездѣльникъ». Епископъ на это: «Какъ бы то ни было, но въ здѣшнемъ мѣстѣ не подобаетъ давать волю рукамъ. Спасайтесь, пока еще есть время и пока не узналъ объ этомъ король».— «Не пойду!» возразилъ я.

Мазепа вышелъ изъ комнаты чуть не со слезами; ему не такъ чувствителенъ былъ мой ударъ, какъ то, что никто изъ придворныхъ не заступился за него, какъ за товарища. Я сталъ разсказывать епископу про мою обиду, какъ вдругъ вошелъ коронный подкоморій и объявилъ, что епископъ можетъ войти къ королю. Проходя мимо, подкоморій погрозилъ мнѣ, приложивши палецъ къ носу: я догадался, что тамъ уже объ этомъ знаютъ. Они вошли къ королю, а я воротился домой.

На другой день была Суббота, и я не пошелъ въ зàмокъ: меня тревожило опасеніе, а особенно потому, что трезвый уже иначе смо-

---

[2]) Въ Запискахъ Пассека не достаетъ начала, и потому неизвѣстно, въ чемъ именно Мазепа повинился передъ королемъ.

тритъ на вещи. Спрашиваю издалека: не дошло ли дѣло до короля? Говорятъ мнѣ, что король все знаетъ, но не гнѣвается, и даже въ шутку ударилъ въ лице пажа, который доложилъ ему объ этомъ и сказалъ: «Вотъ и тебѣ тоже самое, если тамъ тебѣ ничего не досталось; не говори мнѣ пустяковъ». Въ Воскресенье пошелъ я къ подкоморію и спрашиваю, могу ли я показаться королю? Онъ отвѣчалъ, что король и не думаетъ сердиться и даже отозвался такъ: «Не удивляюсь: клевета больнѣе раны; хорошо еще, что они не встрѣтились гдѣ нибудь на дорогѣ. Счастливъ Мазепа, что этимъ отдѣлался! Пусть въ другой разъ знаетъ, какъ дурно распускать ложныя вѣсти».

Я вошелъ въ то самое время, когда король и королева сидѣли за столомъ. Увидя меня, король сказалъ: «Чтò это значитъ, что вы такъ загордѣли; я васъ уже не вижу четвертый день. Надо бы васъ съ господами послами построже содержать, тогда бы вы почаще являлись къ намъ». Я отвѣчалъ: «Милостивый король, и такъ уже послы скучаютъ, хоть у нихъ всего въ волю, благодаря вашему величеству, а иначе никто бы не высидѣлъ съ ними». Потомъ король разговаривалъ съ разными лицами о другихъ предметахъ. Я былъ радъ, что онъ и не намекнулъ о Мазепѣ. Въ покоѣ находилось много изъ сеймовыхъ депутатовъ и людей военныхъ. Между тѣмъ подали на столъ десертъ. Былъ у короля медвѣженокъ или скорѣе человѣкъ походившій на медвѣдя, лѣтъ около 13-ти [3]). Мартинъ Огинскій въ Литвѣ, велѣлъ охотникамъ загнать его живаго въ сѣти; они исполнили это съ большимъ трудомъ: медвѣди не допускали подходить къ нему, а болѣе всѣхъ защищала его большая медвѣдица, словно его мать. Когда медвѣдицу убили, то взяли и мальчика. Онъ былъ совершенно такой какъ человѣкъ; даже на рукахъ и на ногахъ были у него не когти, какъ у медвѣдя, а ногти какъ у человѣка. Онъ только тѣмъ и отличался отъ людей, что какъ медвѣдь весь обросъ длинными волосами; все, даже лицо было у него въ волосахъ, только свѣтились одни глаза. Были о немъ разные толки: одни говорили, что это помѣсь человѣка съ медвѣдемъ; другіе же, что, должно быть, медвѣдица гдѣ нибудь похитила его маленькимъ ребенкомъ и выкормила своею грудью, и что отъ того онъ сдѣлался похожъ на звѣря. Мальчикъ этотъ не могъ говорить, и всѣ ухватки у него были не какъ у человѣка, а какъ у животнаго. Королева подала ему кожицу съ груши, посыпавши ее сахаромъ; онъ съ большимъ удовольствіемъ положилъ ее въ ротъ, но попробовавши выплюнулъ на руку и въ такомъ видѣ бросилъ въ глаза королевѣ. Король громко захохоталъ. Королева сказала что-то пофранцузски, а король еще болѣе сталъ смѣяться. Марія Людовика разгнѣвалась и вышла изъ комнаты. Король приказалъ всѣмъ намъ подать вина, велѣлъ пить, музыкѣ играть, позвалъ придворныхъ дамъ и сталъ веселиться. Тогда онъ приказалъ позвать и Мазепу, велѣлъ намъ поцаловаться и извиниться другъ передъ дру-

---

[3]) Юлія Пастрана и нашъ Костромской мужикъ, недавно показывавшій себя публикѣ, допускаютъ возможность существованія подобнаго человѣка.

гомъ. «Вы должны простить другъ другу, сказалъ онъ, потому что теперь вы оба виноваты одинъ передъ другимъ».

И такимъ образомъ между нами настало согласіе, и потомъ мы сиживали и пивали вмѣстѣ; но на другой годъ Мазепа по прежнему со стыдомъ оставилъ Польшу, и вотъ по какой причинѣ.

На Волыни была у него деревушка, въ сосѣдствѣ съ Фальбовскимъ, котораго, не знаю почему, онъ сталъ часто навѣщать. Онъ любилъ бывать у него, когда Фальбовскій уѣзжалъ изъ дому; домашніе, особенно тѣ что̀ носили записки и слышали кое-что изъ разговоровъ, довели о томъ до свѣдѣнія своего господина. Однажды Фальбовскій собрался куда-то въ далекій путь, простился съ женою и, выѣхавъ изъ дому, остановился на дорогѣ, по которой ѣзжалъ къ нему Мазепа. Вдругъ ѣдетъ съ письмомъ посланецъ, тотъ самый что̀ всегда исполнялъ такія порученія и самъ же донесъ о томъ своему господину. Фальбовскій взялъ письмо. Въ немъ извѣщали, что его милость выѣхалъ изъ дому и просили пожаловать въ гости и пр. Отдавши обратно письмо посланцу, Фальбовскій сказалъ ему: «Ступай и проси отвѣта; скажи, что госпожа велѣла поторопиться». Посланецъ уѣхалъ, а Фальбовскій остался ожидать, пока онъ воротится съ отвѣтомъ, потому что разстоянія было двѣ мили. Исполнивъ порученіе, посланецъ поспѣшилъ обратно и отдалъ своему господину письмо, въ которомъ Мазепа изъявлялъ готовность къ услугамъ и обѣщалъ немедленно пріѣхать. Черезъ нѣсколько времени ѣдетъ Мазепа. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Фальбовскій спрашиваетъ: «Куда ты ѣдешь?» Мазепа назвалъ какое-то другое мѣсто. Фальбовскій: «Милости прошу ко мнѣ». Мазепа извиняется, что не можетъ, имѣя крайнюю надобность. «Вы сами тоже, кажется, куда-то ѣдете?»—«О нѣтъ! сказалъ Фальбовскій, и тутъ же схватилъ его за воротъ и спрашиваетъ: «А что это за письмо?» Мазепа замеръ отъ страха и давай просить: говоритъ, что онъ ѣдетъ въ первый разъ и что никогда не былъ прежде. Фальбовскій зоветъ посланца и спрашиваетъ: «Много ли разъ онъ былъ безъ меня?» Тотъ отвѣчаетъ: «Столько разъ, сколько у меня на головѣ волосъ». Тогда Фальбовскій велѣлъ связать Мазепу и дорогою сказалъ ему: «Избирай родъ смерти!» Мазепа сознался во всемъ и просилъ, чтобы его не лишали жизни. Фальбовскій, натѣшившись надъ нимъ и, измучивъ его, раздѣлъ до нага, привязалъ на собственнаго его коня, снявъ сѣдло и оборотивъ лицомъ къ хвосту, а ногами къ головѣ, руки связалъ на спинѣ, а ноги подвязалъ подъ брюхо коню; а потомъ коня, и безъ того горячаго, стали бить нагайками, подзадоривать и, чтобы еще болѣе разгорячить, нѣсколько разъ выстрѣлили у него надъ ухомъ. Конь какъ бѣшеный помчался домой, не по большой дорогѣ, а чрезъ густой кустарникъ, черезъ заросли, колючій терновникъ, узкими дорожками, по которымъ привыкъ возить своего господина, какъ обыкновенно ѣздятъ, когда хотятъ проѣхать незамѣтно. И въ обыкновенномъ положеніи, держа въ рукахъ поводья, часто бываетъ нужно наклоняться въ густомъ лѣсу и объѣзжать дурныя мѣста; и не безъ того, чтобы иногда не доставалось вѣтвями по головѣ, или не разорвать платья. Каково же

было теперь нагому, съ головою обращенною къ хвосту лошади, на такомъ быстромъ и необузданномъ конѣ, который отъ страха и боли несся куда попало! Сколько надобно было вынести мученій, пока конь выбрался изъ лѣсу!

Двухъ-трехъ слугъ, которые сопровождали Мазепу, Фальбовскій задержалъ и не позволилъ имъ ѣхать за нимъ, чтобы они не могли подать ему помощи.

Примчавшись къ воротамъ своего дома, еле живой, Мазепа зоветъ сторожа. Сторожъ узналъ его голосъ и отворяетъ ворота; но, увидя страшное зрѣлище, скорѣе опять затворяетъ ихъ, бѣжитъ прочь и зоветъ всѣхъ дворовыхъ. Тѣ заглядываютъ въ ворота и крестятся. Мазепа кричитъ имъ, что онъ ихъ господинъ, они не вѣрятъ; когда же, прозябшій и избитый, онъ уже почти не могъ говорить, они его наконецъ впустили. Фальбовскій, пріѣхавши къ женѣ, сообразилъ какъ ему надо поступать: онъ постучалъ въ окно, чрезъ которое входилъ Мазепа; окно открыли и приняли его какъ желаннаго гостя. Но что̀ вытерпѣла жена, то неприлично здѣсь и разсказывать; а особенно отъ шпоръ нарочно для этого приготовленныхъ и привязанныхъ какъ-то къ колѣнямъ. Довольно сказать, что это былъ славный примѣръ наказанія и обузданія людей своевольныхъ. Мазепа едва не погибъ, но вытершись мазью и вылѣчившись, выѣхалъ изъ Польши, гдѣ было ему позорно оставаться.

Далѣе слѣдуютъ стихи, въ которыхъ авторъ читаетъ мораль Мазепѣ и въ довольно свободныхъ выраженіяхъ обращается къ г-жѣ Фальбовской, ставя ее въ примѣръ другимъ и превознося премудрость ея мужа.

Окончу разсказъ о двухъ знатныхъ королевскихъ придворныхъ: казакъ, какъ я уже сказалъ, бѣжалъ изъ Польши; но что̀ сталось съ медвѣдемъ? Сдѣлался ли изъ него человѣкъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что его отдали въ науку Французамъ и что онъ уже началъ учиться говорить.

Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой *).

Конецъ 1831 года.

Хотя въ письмахъ нашихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя уцѣлѣли, не упоминается болѣе о Каподистріи, я однако очень помню скорбный интересъ, съ которымъ мы слѣдили въ газетахъ за подробностями, относящимися къ его смерти и какъ я опять впала въ уныніе, которое у меня всегда соединялось съ омерзѣніемъ къ выѣзду въ большой свѣтъ. 3 (15) Ноября 1831 года я писала батюшкѣ:

«Сколько ужъ прошло почтъ, что̀ я пишу къ вамъ не по страницамъ, а по строчкамъ, и всему виновны визиты, страшные зимніе, безпрерывные визиты, которыхъ кругъ похожъ на тѣ кольцеобразные круги, коими представляютъ вѣчность: имъ нѣтъ конца, да и начало вспомнить невозможно. Прошлую недѣлю мы всю провели въ разъѣздахъ, а на нынѣшней неумолимые Нѣмцы отплачиваютъ намъ avec usure [1]). Я нападаю на Нѣмцевъ; но, вѣроятно, было-бъ тоже самое и въ Петербургѣ: всякое счастіе, всякое веселье зависитъ отъ насъ самихъ, отъ расположенія нашего духа, а мой духъ...... что-то все мраченъ. Я однакожъ не хочу жаловаться, вопервыхъ потому, что, не смотря на мнимо-веселыя лица, могу часто замѣтить, что на глаза другихъ людей, какъ и на мои, навертываются слезы. Вотъ еще сегодня графиня Бутурлина (предобрая, милая женщина) была у насъ и разговаривала, и смѣялась, а ужъ какъ у нея глаза были красны: ея братъ Понятовскій въ гусарскомъ полку, и семейство не имѣетъ о немъ никакихъ вѣстей. Бѣдная! Я счастливѣе ея. Не буду жаловаться, напротивъ буду стараться съ благодарностію принимать все печальное, что̀ Богу будетъ угодно послать. Кромѣ вѣрныхъ утѣшеній вѣры, я имѣю другое великое утѣшеніе, которое немногимъ дается: я имѣю драгоцѣнныя ваши письма. То, что̀ вы пишете о сестрахъ misses Burney и все-все, что̀ вы пишете къ намъ..... Знаете ли, я было попыталась, по примѣру сестры и братьевъ, писать стихи; но это вышло такъ смѣшно и неудачно, что я должна придерживаться

---

*) См. Р. Архивъ 1875, II, 182. Читатели припомнятъ, что графиня А. Д. Блудова, въ то время, къ которому относится эта часть ея воспоминаній, находилась съ матерью своею, сестрою и братьями въ Берлинѣ, а отецъ ея (впослѣдствіи графъ) Д. Н. Блудовъ оставался въ Петербургѣ, въ должности статсъ-секретаря. П. Б.

[1]) Съ лихвою.

à la vile prose [2]), какъ говоритъ Вольтеръ. Мнѣ кажется однако, что онъ ошибается: есть такая прекрасная проза! Напримѣръ, конечно, стоитъ его стиховъ проза Шатобріана. Я думаю, Вольтеръ такъ говорилъ, впрочемъ, въ пророческомъ предчувствіи прозы Луи-Филиппа. Читали-ли вы его вялое письмо къ Жерарду? Оно напечатано въ Gazette de France, какъ нарочно въ столбцѣ противъ вашего манифеста [3]). Признаюсь, это польстило моему самолюбію, какъ дочери и какъ Русской; мнѣ было дорого читать эти прекрасныя, благородныя слова, писанныя отцемъ моимъ отъ имени Государя. Послѣ взятія Варшавы, я про себя сочиняла манифестъ, разумѣется, мысленно только. По слогу онъ конечно не подходилъ къ вашему, но мысли были почти тѣже: только я говорила очень ясно и откровенно Полякамъ, что имъ слѣдуетъ остерегаться и не довѣрять иностранцамъ, которые всегда стараются поселять раздоръ между Славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составилась бы изъ нашихъ воинственныхъ племенъ, если бы они всѣ дружно соединились».

Я тогда воображала, что Славяне въ самомъ дѣлѣ воинственны; но, исключая Сербовъ и, можетъ быть, Поляковъ, между нами драчуновъ нѣтъ, и хотя въ случаѣ нужды мы, всѣ Славяне, храбро сражаемся и стойко защищаемъ нашу землю и вѣру, но мы въ сущности самое смирное и кроткое племя, и именно отъ того (Стурдза увѣряетъ) мы такъ расширяемъ свои владѣнія, «что кроткіе наслѣдятъ землю».

Возвращаюсь къ письмамъ отца моего. «7 (19) Ноября 1831. Государь все еще въ Москвѣ; къ завтрему, какъ слышно, готовятъ большой балъ и ожидаютъ имянинника, великаго князя Михаила Павловича. Великій Князь Наслѣдникъ долженъ выѣхать изъ Москвы во Вторникъ и слѣдственно въ будущую Пятницу или Субботу будетъ здѣсь. Вскорѣ послѣ 20-го мы надѣемся увидѣть и Государя, и Императрицу. Между тѣмъ они оба продолжаютъ быть очень довольны своимъ пребываніемъ въ древней нашей столицѣ, и она отъ нихъ въ восторгѣ. Тамъ была выставка Русскихъ издѣлій и, какъ сказываютъ, прекрасная. Ты, вѣроятно, уже знаешь по газетамъ или слухамъ, что генералъ Ермоловъ принятъ въ службу: это очень порадовало Москву, коей онъ былъ почти постояннымъ жителемъ со времени своей отставки. Да вотъ еще вѣсть оттуда-же: Государь купилъ домъ, принадлежащій вмѣстѣ графу Юрью Головкину (новому оберъ-камергеру) и вашей пріятельницѣ графинѣ Брюжъ, не знаю, за какую цѣну; но слышалъ, что этотъ домъ великолѣпный и красивый, хотя деревянный, назначается въ подарокъ, вѣроятно завтра, великому князю Михаилу Павловичу, которому онъ очень полюбился прошлаго года, когда онъ пилъ въ Москвѣ искусственныя Карльсбадскія воды».

«14 (26) Ноября 1831. Надѣюсь, что гр. Брюжъ доѣхала благополучно, не смотря на Самогитскихъ разбойниковъ, которыхъ она сильно боялась. Благодаря бывшимъ смятеніямъ, лѣса въ сѣверной части

---

[2]) Презрѣнной прозы.

[3]) Т. е. манифеста послѣ усмиренія Польскаго возстанія. Большинство манифестовъ въ царствованіе Николая Павловича было писано графомъ Блудовымъ.

Литвы доселѣ наполнены шайками вооруженныхъ бродягъ: они иногда врываются и въ Курляндію, и не очень давно разбили мызу графа Петра Палена. Это chouannerie, только не въ пользу законнаго государя. Новый временный губернаторъ князь Долгорукій теперь объѣзжаетъ Самогитскій уѣздъ Виленской губерніи, чтобы принять мѣры для прекращенія безпорядковъ. Балъ князя Голицына, попечителя Московскаго Университета и Воспитательнаго Дома, остановилъ Наслѣдника въ Москвѣ на два лишніе дня. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что домъ графини Брюжъ купленъ; вѣроятно, что за него заплатили щедро, да ужъ конечно не ту цѣну, которой онъ стоилъ своему первому хозяину, чудаку графу Головкину [4]). Вы узнаете изъ газетъ, что въ Москвѣ сдѣлана новая статсъ-дама, Муханова, и еще нѣсколько фрейлинъ, въ томъ числѣ одна Петербургская и будущая Берлинская, Аглая Рибопьеръ».

«18 (30) Ноября 1831. Новаго у насъ только пріѣздъ Великаго Князя Наслѣдника, который возвратился изъ Москвы четвертаго дня ввечеру. Государя и Государыню мы ожидали къ 25 нынѣшняго мѣсяца. Государь возвращается черезъ Ярославль и Тихвинъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ сказывалъ вчера пріѣзжій изъ Москвы, графъ Орловъ».

«Есть еще новость, которая здѣсь никого не удивила, вѣроятно не удивитъ и васъ, какъ всѣми давно ожидаемая. Княгиня Ловичь, послѣ страданій, которыя продолжались почти безпрестанно нѣсколько лѣтъ и безпрестанно же усиливались въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ столь для нея горестныхъ, наконецъ вчера 17 (29) Ноября, ровно черезъ годъ послѣ Варшавскаго бунта, скончалась въ Царскомъ Селѣ. Сказываютъ, что она погребена въ тамошней Римско-Католической церкви. Перевезти ее въ городъ, куда она нѣсколько разъ собиралась, было невозможно за совершеннымъ изнеможеніемъ силъ ея. Съ Сентября она, такъ сказать, ежеминутно умирала. Князь Долгорукій объявилъ мнѣ на сихъ дняхъ, что онъ скоро поѣдетъ въ Берлинъ; надѣюсь отправить съ нимъ что-нибудь, а вы par contre пришлите ко мнѣ le Nouveau diable boiteux, который уже вышелъ и, кажется, перемѣнилъ имя: его называютъ, если не ошибаюсь, Paris или l'ouvrage des 121».

Это точно былъ сборникъ сочиненій сто одного или 121 извѣстнѣйшихъ Французскихъ литераторовъ. Онъ послужилъ образцомъ, или подалъ мысль къ составленію Русскаго Сборника въ пользу книгопродавца Смирдина подъ названіемъ: Сто Русскихъ литераторовъ.

Это письмо разъѣхалось съ моимъ отъ 22 Ноября (4 Декабря) изъ Берлина.

«Мы наконецъ получили 1-й томъ Diable boiteux; все это время не могли его добиться, потому что г-нъ Шлезингеръ [5]), выписавъ только одинъ экземпляръ, изволилъ его перепечатывать прескверно; но, не пустивъ Парижскихъ въ продажу, продастъ свои такъ дешево,

---

[4]) Недавно домъ этотъ сгорѣлъ; рядомъ съ нимъ воздвигнутъ Лицей Цесаревича Николая.

[5]) Одинъ изъ главныхъ Берлинскихъ книгопродавцевъ.

что, того гляди, самъ Луи-Филиппъ, изъ страсти къ экономіи, станетъ выписывать всѣ Французскія книги изъ Берлина, запасшись однако терпѣніемъ: ибо Шлезингеръ не скоро ихъ перепечатываетъ. Разсказавъ про наружную форму книги, остается поговорить и про внутреннія ея достоинства. Я еще не успѣла всего прочесть, но до сихъ поръ мнѣ кажется, что это въ родѣ басни о горѣ и мыши. Le palais royal de m-r Roch такъ скучно, что мы и окончить не могли, потомъ слѣдують Беранже стихи: «Châteaubriand, pourquoi partir?» и Шатобріановъ отвѣтъ. За этимъ слѣдуетъ «Политическая неблагодарность» г-на Жуи; начинается она банальными фразами о неблагодарности народовъ. Это впрочемъ справедливо, но вдругъ онъ называетъ Шарлотту Корде героинею, совершившею дѣло прекрасное, превосходное, добродѣтельное, свыше всякой похвалы, и сердится, что ей не поставили еще статуи съ надписью: «plus grande que Brutus». Я конечно Марата не долюбливаю, но еслибъ онъ еще вдесятеро злѣе былъ и жилъ бы также долго, какъ самъ Лафайетъ (у котораго, я право, думаю, жизней девять, какъ у кошекъ, состоящихъ на службѣ у вѣдьмъ, по старинному повѣрію), и тогда бы убійство мнѣ казалось убійствомъ, т. е. преступленіемъ, а Шарлотта Корде и Брутъ достойными жалости, а не благоговѣнія».

«Г-нъ Жуи продолжаетъ выставлять другіе примѣры неблагодарности народной и, переходя отъ одной революціи (1793) къ другой новѣйшей (1830), отъ умершихъ къ живымъ, защищаетъ всѣхъ главныхъ приверженцевъ Орлеановъ, и совсѣмъ неожиданно оканчиваетъ статью краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ самому себѣ!»

«Есть еще описаніе славнаго праздника, даннаго королю Неаполитанскому тогдашнимъ герцогомъ Орлеанскимъ (Луи-Филиппомъ), и Сальванди такъ подло льститъ ему въ этой статьѣ, что хочется сказать, какъ mr de Montalivet, Французскій министръ, выразился намедни въ камерѣ: «Cela me fait mal au coeur», что̀ кажется не совсѣмъ изящно̀ для говорящаго съ каѳедры».

Около этого времени случились какіе-то безпорядки довольно серьезные въ Бристолѣ, не припомню, что̀ именно; но матушка писала:

«28 Октября ст. ст. 1831. Ты увидишь вѣроятно изъ газетъ, что̀ происходитъ въ Бристолѣ; пришла очередь и Англіи, Англіи, которая вмѣстѣ съ Франціею хотѣла управлять и давать законы всей Европѣ. Я сегодня ввечеру видѣла Чадда (Chadd, Англійскій министръ) у Люксбурговой, и хотя онъ старался, по обыкновенію, смѣяться и шутить, однако скоро уѣхалъ. Какъ бы Англичанамъ не пришлось сочинять протоколы о самихъ себѣ».

Вѣроятно это было не болѣе серіозно, какъ то что̀ сегодня (27-го Сент. 1874 г.) происходитъ въ Northampton'ѣ, гдѣ была свалка между избирателями, и радикалы атаковали дома консерваторовъ, при чемъ многіе были ранены, какъ говорится въ телеграммѣ.

«18 (30) Ноября 1831. Если у васъ такая же погода, какъ у насъ, то немудрено простудиться: морозы не болѣе 6-ти градусовъ, но вѣтеръ прехолодный и пронзительный; отъ окошекъ, даже отъ тѣхъ, гдѣ я вставила двойныя рамы, ужасно несетъ, отъ половъ тоже, а

печи какъ ни натопишь, послѣ обѣда уже остыли, и вечеромъ холодныя. Всѣ принуждены топить два раза въ день, и я намѣрена дѣлать тоже. Однако говорятъ, что сегодня вся королевская фамилія переѣзжаетъ въ городъ; понемножку вообще съѣзжаются, и начались вечера: доказательство, что уже не боятся холеры; даже мало объ ней говорятъ». «Принятію Ермолова опять въ службу здѣсь Русскіе весьма обрадовались, между прочими Мансуровы, которые впрочемъ въ большомъ огорченіи о смерти матери. Это несчастное извѣстіе они получили только въ Пятницу. George Трубецкой ужасно огорченъ, очень много плакалъ въ Воскресенье у обѣдни и, кажется, не поѣдетъ въ Италію».

«Берлинъ, 21 Ноября (3 Декабря) 1831. Вчера мы Русскіе праздновали въ церкви восшествіе на престолъ, слушали обѣдню и молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и были пѣвчіе: семь студентовъ, пріѣхавшихъ сюда недавно изъ Петербургскаго Университета, которые намѣрены пѣть на клиросѣ каждое Воскресенье. Я тоже познакомилась съ двумя другими молодыми людьми, Лифляндцами; одинъ Петерсонъ, а другой, не помню фамиліи, родня князю Ливену, у котораго онъ тебя видалъ; да, вспомнила, Липгардъ; его отецъ предводитель дворянства. Они оба слушаютъ лекціи правъ. Вѣроятно, ты увидишь въ газетахъ ужасы, происходящіе въ Ліонѣ. Да вотъ хорошія извѣстія: В. К. Елена Павловна возвращается въ Россію и недѣли черезъ три будетъ сюда проѣздомъ на нѣсколько дней; надѣюсь, что я ее увижу. Напомни пожалуста кн. Мещерскому [6]) о дьячкѣ, чтобы скорѣе прислалъ. Здѣшній бѣдный одинъ, принужденъ и читать, и прислуживать священнику въ алтарѣ; ты можешь вообразить, что̀ это такое,—просто неприлично. Анна Блудова».

Когда я вспомню нашу убогую посольскую церковь въ Берлинѣ, убогую безвкусіемъ и небрежностію богослуженія, мнѣ становится больно даже и теперь; но таковы были почти всѣ посольскія церкви тогда. Какая разница съ теперешними, часто изящными и даже великолѣпными и всегда приличными церквами Русскими въ чужихъ краяхъ! Надобно жить долго за границей, жить не для своего удовольствія, но по стеченію разныхъ обстоятельствъ, задерживающихъ васъ въ чужихъ краяхъ, чтобы понять, какое это утѣшеніе своя церковь, какъ чувствуешь себя въ ней дома, въ отечествѣ, и какъ больно и какъ будто нѣсколько стыдно, когда нѣтъ въ ней благолѣпія и порядка, когда претензіи на художественную иностранную отдѣлку и далеко неграмоническій голосъ одного дьячка, коекакъ небрежно припѣвающаго, то шепотомъ, то вдругъ вскрикивая, раздражаютъ вашъ слухъ столько же, какъ живопись иконостаса колетъ глаза и вся обстановка смущаетъ.

Неудивительно, что матушка настаивала на пріѣздѣ втораго причетника. Это чувство привязанности къ своему храму, къ обряду церковному, кажется, особенно сильно у насъ Славянъ право-

---

[6]) Оберъ-прокурору Св. Синода.

славныхъ. Помню, съ какимъ умиленіемъ молились и говорили о богослуженіи здѣшнемъ православные и уніаты, бывшіе здѣсь на Славянскомъ съѣздѣ, Головацкій, Ковачевичъ, Милетичъ, Коларджъ; помню, какъ Милетичъ залился слезами, когда услышалъ «Христосъ Воскресе» Сербскаго напѣва за всенощной въ церкви графа Шереметева. Правда, пѣлъ хоръ почти ангельскій, и Ламакинъ управлялъ имъ. На дняхъ съ такимъ же восторгомъ и умиленіемъ говорилъ мнѣ о службѣ въ Исакіевскомъ соборѣ пріѣзжій изъ Угорской Руси извѣстный Добрянскій; онъ не могъ удержаться отъ слезъ: «отъ умиленія ли, что у васъ такъ хорошо, или отъ жалости, что дома нѣтъ этого благолѣпія», сказалъ онъ.

Изъ Петербурга не получали мы политическихъ извѣстій. Батюшка говорилъ только о маленькихъ событіяхъ свѣтскихъ или о литературныхъ новостяхъ.

«25 Ноября (7 Декабря) 1831. Можетъ быть, завтра я буду принужденъ поставить себѣ піявицы къ лопаткѣ или къ боку и потому отказался отъ намѣренія ѣхать въ Царское Село на погребеніе княгини Ловичъ, которое назначено въ будущую Пятницу, и для котораго я уже отправилъ отсюда Римско-Католическихъ епископа и поповъ. Кстати о погребеніяхъ, знаешь ли, кого хоронили третьяго дня? Бѣдную княжну Елену Трубецкую, которую я по ошибкѣ пожаловалъ въ невѣсты. У нея была уже нѣсколько мѣсяцевъ изнурительная лихорадка, fièvre lente; наконецъ, сдѣлалось воспаленіе, и въ прошлую Субботу она умерла не только къ ужасной горести, но и къ удивленію отца и матери, которые совсѣмъ не подозрѣвали опасности положенія ея. Отъ той же болѣзни умираетъ, если не умерла уже, также молодая дѣвушка, графиня Толстая, дочь бывшей Анеты Протасовой, и также родители не знаютъ, что̀ имъ грозитъ. Д. Б.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ батюшки пришло письмо отъ Телешева, нашего учителя Русской Исторіи, исправлявшаго должность директора канцеляріи, такъ сказать личной, у батюшки, и искренняго друга нашего. Я уже объ немъ говорила; онъ былъ такой честный и вѣрный, ему можно было довѣрить всѣ самыя секретныя дѣла по службѣ, а въ семейныхъ горестяхъ и радостяхъ онъ принималъ участіе, какъ родной. Благоговѣніе его къ памяти Карамзина еще сближало насъ; разстаться съ нимъ было очень тяжело батюшкѣ, но Телешевъ, кромѣ службы, не имѣлъ никакихъ средствъ, а по смерти отца и матери у него осталась на рукахъ незамужняя сестра, которая пріѣхала къ нему въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого пришлось ему искать мѣста въ губерніи, гдѣ бъ жизнь была подешевле. Ему посчастливилось; онъ женился на Пр. Гр. Сколковой, любимицѣ и воспитанницѣ старой княгини Грузинской, которая позаботилась о ея матеріальныхъ средствахъ; и счастливая семейная жизнь, и скромный достатокъ замѣнили для него пріятное положеніе и болѣе блистательную карьеру, на которыя онъ могъ надѣяться въ Петербургѣ. Я уже упоминала о клеветѣ, которая обрушилась на него и отравила послѣдніе годы его жизни послѣ смерти жены. Не я одна, но и батюшка, и всѣ знавшіе его близко въ провинціи, никогда не

вѣрили гнуснымъ сплетнямъ, которыхъ онъ былъ жертвою. Невольно вспомнишь простонародное выраженіе: «уши вянутъ», слушая, какъ люди толкуютъ вкривь и вкось, собственно изъ празднословія. То-ли дѣло вымышленныя лица въ романѣ или поэмѣ, которыхъ и любишь, и ненавидишь безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

За то съ какой радостію писала я къ батюшкѣ: «Вчера какъ хорошо провели мы время; мы играли съ Лидіей концертъ Бортнянскаго. Какъ очаровательно музыка пробуждаетъ въ нашей памяти лучшія воспоминанія прошлаго! Особенно концерты Бортнянскаго напоминаютъ мнѣ все, что для меня дорого: васъ, Россію, нашу святую вѣру, семейство, друзей, за которыхъ молилась въ церкви Шереметева въ Петербургѣ. Вечеромъ же мы читали нашего Данте, а потомъ... вообразите, какая радость! новый романъ Вальтеръ-Скотта, который и посылаемъ къ вамъ завтра съ курьеромъ».

По правдѣ сказать я теперь забыла этотъ романъ и даже его названіе, но всякая литературная новинка была для насъ кладомъ.

«С.-Петербургъ 28 Ноября (10 Декабря) 1831 г. Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо, что ты заботишься объ удовлетвореніи моей давнишней и доселѣ неизлечимой слабости покупать книги. И прежде, во время почти праздной моей жизни, я не успѣвалъ читать всѣхъ тѣхъ, которыми меня снабжали книгопродавцы и добрые пріятели: теперь и подавно, ибо могу читать почти только въ тяжелыя ночи безсонницы, но тѣмъ не менѣе, все хочется имѣть если не передъ глазами, такъ по крайней мѣрѣ подъ рукою все новое и старое интересное. Барнавъ и Записки князя Гарденберга, 3 и 4 томы, здѣсь уже получены и есть у меня. La peau de chagrin и другія сказки Бальзака, кажется, также получены, но ихъ мнѣ не надобно: я не люблю этого автора и его неестественный, натянутый слогъ. Пришли мнѣ прибавленіе къ новому Шатобріанову памфлету, подъ названіемъ: au lecteur, если оно напечатано особо. Я съ своей стороны также составлю къ вамъ посылки и также большею частію изъ книгъ. Государь вчера поутру пріѣхалъ въ Царское Село и былъ на погребеніи княгини Ловичъ. Наслѣдникъ также. Сегодня мы ожидаемъ Государя и Государыню въ Петербургъ. Между тѣмъ публика занимается разными, одинъ другому противорѣчащими слухами о перемѣнахъ въ министерствѣ. Да, вотъ вѣсть, которая для васъ можетъ быть интересна: Берлинскій Долгорукій [7]), хотя и возвращается къ своему мѣсту, но помолвленъ здѣсь на своей двоюродной племянницѣ графинѣ Апраксиной, дочери бывшаго камеръ-юнкера. Ей только пятнадцать лѣтъ, и потому свадьба ихъ отложена, кажется, на два года. Говорятъ, что невѣста очень хороша собой и сверхъ того будетъ богата: ея тетка Баранова отдаетъ ей свое имѣніе. Д. Б.»

Долгорукій воротился въ Берлинъ съ портретомъ своей невѣсты. Что это была за красавица! Мы не могли налюбоваться на этотъ портретъ, хотя помню, что часто просили Долгорукаго показывать

[7]) Князь Сергѣй Алексѣевичъ, нынѣ предсѣдатель Комиссіи Прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя.

его намъ. Онъ по своему обычаю былъ спокойно и нешумно счастливъ, но добрая улыбка чаще появлялась на его лицѣ, и мы по прежнему почти ежедневно дружески видались съ нимъ.

«Спб. 2 (14) Декабря 1831 г. Ты спрашиваешь, кто мой докторъ? Теперь Отсолигъ, котораго, за отсутствіемъ Арендта, я взялъ по рекомендаціи двухъ покойниковъ, Ремана и Филиповскаго: послѣдній былъ его соученикомъ и товарищемъ и умеръ на его рукахъ».

Ѳеодоръ Мартыновичъ Отсолигъ остался нашимъ докторомъ и другомъ 32 года. Въ то время, когда батюшка былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Отсолигъ оставался въ Медицинскомъ Департаментѣ, гдѣ прежде служилъ. Въ это время случились злоупотребленія по части аптекарскихъ запасовъ. Отсолигъ счелъ долгомъ обнаружить ихъ; разумѣется, вышли непріятности, и многіе сердились на Отсолига, а у насъ въ это время была собака, красавица Испанской породы, умная, какъ всѣ собаки этого рода, вѣрная, трогательно привязанная къ отцу моему, къ которому она добровольно пошла въ подданство и отъ котораго не отходила ни на шагъ, хотя собственно была подарена сестрѣ и мнѣ. Къ своимъ хорошимъ собачьимъ качествамъ она однако присоединяла недостатокъ не по своему росту (она была большая), недостатокъ маленькихъ злыхъ собаченокъ: она ворчала, лаяла и даже бросалась, хватала за фалды, за подолъ платьевъ. Много комическихъ записокъ писалъ Жуковскій объ ней, увѣряя, что нужно предпосылать каждому своему визиту прошеніе объ удержаніи Медорки на цѣпи. Она сдѣлалась весьма извѣстна между всѣми нашими знакомыми и посѣтителями, и когда случилась вышеупомянутая исторія въ Медицинскомъ Департаментѣ, тѣ, которые отъ нея пострадали, стали говорить, что министръ внутреннихъ дѣлъ напускаетъ на встрѣчнаго и поперечнаго двухъ собакъ: Медора и Отсолига. Если Отсолигъ вѣрно и крѣпко сторожилъ казенное добро отъ расхищенія, онъ не менѣе вѣрно и справедливо смотрѣлъ на обязанности казенныхъ учрежденій въ отношеніи къ народу вообще, народу всѣхъ званій и къ бѣднымъ людямъ особенно. Онъ считалъ, что министерства и департаменты установлены правительственною властію, какъ орудія благодѣтельнаго управленія въ пользу управляемыхъ, а не для того только, чтобы получать награды и чины. Когда онъ сдѣлался директоромъ департамента, его главная забота обращена была на аптеки и больницы. И тутъ опять досталось ему за строгость въ выборѣ аптекарей; говорили о подкупѣ, примѣшали и національность. Отсолигъ считалъ слишкомъ важнымъ ограждать больныхъ отъ невѣжества или плутовства, пагубныхъ въ этомъ родѣ торговли, и не смущался толками. Онъ относился съ теплотою душевной, съ любовію христіанской къ свомъ больнымъ и, когда оставилъ практику, туже теплоту и любовь перенесъ въ свою служебную дѣятельность. Никогда не забуду его безпрерывныхъ стараній, его постоянной заботы и душевнаго соболѣзнованія къ тѣмъ страждущимъ отъ недостатковъ нашихъ больницъ или недостатка помѣщенія для несчастныхъ чернорабочихъ. Помню, съ какой горестью и горечью онъ разсказывалъ о состояніи палатъ, наполнен-

ныхъ и переполненныхъ несчастными прачками, кухарками, женами рабочаго люда, изнуренными чрезмѣрными усиліями для прокормленія своихъ семействъ, между тѣмъ какъ модная филантропія устроивала самую удобную и даже изящную лечебницу для заразительныхъ болѣзней совершенно другаго происхожденія. Десять лѣтъ и болѣе стучался онъ во всѣ двери, пробовалъ всякіе извороты, чтобы добиться постройки или хоть временнаго найма хорошаго дома, приспособленнаго къ здоровому помѣщенію больныхъ. Одно его утѣшеніе были тѣ палаты, въ которыхъ ходили за больными Крестовоздвиженскія сестры, хотя иногда онъ ссорился съ ними за то, что̀ онъ называлъ баловствомъ больныхъ, когда онѣ не имѣли духу отказать имъ въ какомъ нибудь лакомствѣ. Особенно благоговѣлъ онъ передъ Елисаветой Петровной Карцевой. Въ разныхъ комитетахъ, коммиссіяхъ, совѣщаніяхъ онъ ратовалъ за устройство или пріобрѣтеніе хорошаго большаго дома, въ которомъ можно бы было ввести вновь изобрѣтенныя системы вентиляціи и другіе способы для очищенія воздуха и для удобства и лѣченія больныхъ; онъ представлялъ о необходимости такихъ мѣръ въ виду ужасающихъ размѣровъ, принимаемыхъ тифозными болѣзнями, и недостатка помѣщенія даже плохаго для чернорабочихъ людей, съ которыхъ однакоже бралась пошлина именно на этотъ предметъ съ каждаго паспорта. Наконецъ, кажется въ 1862 году, казалось, что онъ скоро достигнетъ своей цѣли; помню, съ какимъ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ пришелъ онъ ко мнѣ въ мундирѣ съ какаго-то торжественнаго засѣданія. На этотъ разъ было обѣщано полное, скорое содѣйствіе. Увы! Мѣсяца черезъ два опять все рушилось. Онъ не вынесъ этого удара и рѣшился выдти въ отставку. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ хроническою болѣзнію. Разрушеніе всѣхъ его плановъ, надеждъ, стремленій окончательно погубило его здоровье; уже силъ не хватило на борьбу съ болѣзнію, и около года спустя онъ скончался. Но сѣмя посѣянное взошло; другіе исполнили по крайней мѣрѣ отчасти его мысль, и на этотъ разъ, какъ столько и столько разъ на моемъ вѣку, подтвердилось изрѣченіе Евангельское: «иный сѣяй, иный жняй». Для меня же лично такаго вѣрнаго, честнаго и добраго друга врядъ ли когда нибудь найти.

Война совсѣмъ кончилась, всѣ возвращались и, припоминая разныя мелкія обстоятельства и частные случаи, я нахожу еще нѣсколько строкъ, не выписанныхъ мною изъ письма 22 Апрѣля (4 Мая) этого же года, которыя служатъ тоже характеристикой того времени: ...«Мы поѣхали въ театръ, чтобъ видѣть дебютъ Французской актрисы m-lle Constance Dechanel. Она пріѣхала недавно изъ Варшавы, откуда ее выгнали за то, что она всячески помогала Русскимъ плѣннымъ, давала имъ деньги, посылала деньги для нихъ въ лазареты и многимъ помогла убѣжать. Озерову между прочими она дала деньги на дорогу, когда онъ искалъ по всей Варшавѣ гдѣ нибудь въ займы, чтобы выѣхать на Польскую границу».

«С.-Петербургъ, 9 (21) Декабря, 1831. Не смотря на состояніе моего здоровья, я продолжаю и выѣзжать и работать, потому что и

выѣзды мои также ничто иное, какъ работа; дѣлаю сколько могу все, что̀ дѣлаютъ другіе и въ прошедшее Воскресенье на балѣ отвѣчалъ Государю, когда онъ спросилъ меня, здоровъ ли я: «Какъ будто, Ваше Величество». Онъ засмѣялся и по прежнему не хотѣлъ вѣрить, чтобы я былъ боленъ. Оставимъ меня, чтобы поговорить о другихъ. Ты, конечно, уже знаешь изъ газетъ Русскихъ или Берлинскихъ, что 6 Декабря было поутру представленіе или, лучше сказать, поздравленіе, а ввечеру большой балъ въ бѣлой залѣ, что въ этотъ же день издано новое Положеніе о дворянскихъ выборахъ, почти то самое, котораго составленіемъ я занимался, помнишь, нѣсколько ночей въ Павловскѣ. Въ этотъ же день пожалованы Кочубей княземъ (безъ свѣтлости), а Васильчиковъ графомъ».

«6 Декабря (24 Ноября). Берлинъ. Сейчасъ принесли намъ Gazette de France съ одной статьей, которую перепишу для васъ, если успѣю, и на которую хочу сообщить вамъ мои возраженія. Она называется Réponse à un Russe, который писалъ въ Gazette de France о Польшѣ. Начинаю мои комментаріи. Въ 4-мъ параграфѣ говорится: «Il fut un temps où les Polonais étaient maîtres de la Moscovie et de sa capitale; un élan patriotique de la part des Russes les en chassa. Les Russes furent-ils les rébelles?»[8]). Какъ невѣжественны должны быть Французы по нашей исторіи, чтобъ сравнивать событія 1612 г. съ событіями 1830 года! «Поляки владѣли Московіей»—т. е. Поляки завладѣли Москвой, но они по всей остальной Россіи встрѣчали вооруженное сопротивленіе. А Троицкая Лавра? А Шеинъ въ Смоленскѣ, а всѣ низовыя земли, которыя и Владислава даже не признавали совсѣмъ? Развѣ все это не Московія? Развѣ Поляки не были принуждены занимать войсками своими или наемными всякій взятый ими городъ? А теперь, т. е. два года назадъ, какія Русскія войска занимали Царство Польское? Нѣсколько полковъ почетной (по старому — потѣшной) гвардіи для Великаго Князя, а остальное народная, превосходно вооруженная и дисциплинированная Польская армія. Впрочемъ всѣ, даже самые рьяные Поляки, принуждены сознаться, что простой народъ былъ доволенъ, счастливъ и не хотѣлъ возставать противъ правительства, которое покровительствовало ему. А въ 1612 году кто у насъ первые возстали, кто составлялъ большее число войска, кто отдавалъ свое достояніе и жизнь за земское дѣло, въ сознаніи, что это дѣло ихъ именно, а не чужое? Кто? Крестьяне, мѣщане, бѣдные горожане, равно какъ и богатые, отозвавшіеся единодушно на кличъ Минина. Да и самъ Мининъ былъ мясникъ (гуртовщикъ). Вмѣсто того, въ 1830 году только высшіе классы, отчасти изъ властолюбія, отчасти, можетъ быть, изъ обезъянства, чтобъ подражать Французамъ, довели до войны. Тѣже дворяне, таже Польская шляхта своимъ неугомоннымъ духомъ, ненасытнымъ властолюбіемъ и ненавистью ко всякому правленію и порядку, которые во всѣ времена прошлаго

[8]) Было время когда Поляки владѣли Московіей и столицею ея. Они были выгнаны оттуда, благодаря патріотическому взрыву Русскихъ. Что̀ жъ, Русскіе были мятежниками?

содѣлали безплодными и храбрость народа, и геніальность ихъ государей, и даровитость ихъ ученыхъ, словомъ, все хорошее, все, что̀ могло спасти ихъ край; они же и теперь обрушили на отечество новыя развалины и бѣдствія. Впрочемъ Gazette de France все проповѣдуетъ великодушіе Государю, и конечно я съ нею согласна; но должно бы проповѣдывать Полякамъ искреннее примиреніе съ нами и союзъ какъ Славянъ съ Славянами противъ друзей-предателей, которые только стараются насъ ссорить для того, чтобы ослабить и тѣхъ, и другихъ. Ахъ, увѣряю васъ, я такъ пламенно желаю этого примиренія и единства, что, не взирая на мою трусливость, я бы, кажется, дала себя убить безъ страху, если бы смертію своею могла купить миръ между нами!»

«P. S. Послѣ волненій въ Ліонѣ, увѣряютъ, что Луи Филиппъ, который принимаетъ на содержаніе правительства такихъ же виновниковъ безпорядковъ, Поляковъ, тысячами и водворяетъ ихъ во Франціи, однако хочетъ сослать до 40 тысячъ рабочихъ съ Ліонскихъ фабрикъ. Надѣюсь, что не на каторгу онъ ихъ сошлетъ, а просто за границу, и вотъ бы Государю принять ихъ и водворить въ Россіи, выдавъ имъ, также какъ Французы Полякамъ, 300 тысячъ на содержаніе! Par là nous rendrons aux Francais ce qu'ils ont fait pour les Polonais, et ces b r a v e s ouvriers de Lyon fabriqueront de si belles étoffes, qu'en France on fera venir les soieries de Russie» [9]).

«Спб. 12 (24) Декабря 1831. У насъ комитеты слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ ружейные выстрѣлы въ парадной пальбѣ, бѣглыми огнями, и не даютъ мнѣ времени ни поставить себѣ піявицъ, ни вырвать или инымъ образомъ порядочно полечить свой больной зубъ. Сегодня въ одиннадцать часовъ я назначилъ свиданіе Сосероту, и вдругъ получаю записку, что надобно быть на с о в ѣ щ а н і и о д ѣ л а х ъ и пр. Какъ же быть? Тянуть свою лямку, пока или она не порвалась, или я не упаду отъ непомѣрнаго усилія. Во всякомъ случаѣ пусть будетъ, что̀ угодно Тому, Который не по нашему знаетъ, что̀ намъ нужно и полезно. Скажи нашимъ мальчикамъ, что объ нихъ спрашивалъ очень милостиво и, по обыкновенію, очень мило Великій Князь Наслѣдникъ. Онъ прибавилъ, что ужъ очень давно объ нихъ не слышитъ. Не успѣю я отвѣчать на милыя письма Антуанеты и Лидиньки. Только скажу первой изъ нихъ, что ея опроверженіе статьи: Réponse à un Russe оченъ хорошо, кажется мнѣ, но не совсѣмъ полно. Видя, какъ Французы въ своихъ книгахъ и газетахъ ошибаются, или нарочно врутъ на счетъ Россіи, она не должна вѣрить извѣстіямъ о дѣлаемыхъ будто бы притѣсненіяхъ Царству Польскому и Западнымъ губерніямъ Россіи. Все это ложь. Въ Царствѣ доселѣ вышелъ одинъ только важный указъ или манифестъ о всеобщемъ прощеніи, но изъ сего общаго прощенія исключены нѣкоторые главнѣйшіе или виновнѣйшіе мятежники. Можно-ль было

[9]) Этимъ мы заплатимъ Французамъ, за то, что̀ они сдѣлали для Поляковъ, и отличные Ліонскіе рабочіе станутъ приготовлять такія прекрасныя ткани, что Франція будетъ выписывать шелковыя матеріи изъ Россіи

поступить иначе? Не думаю. Правосудіе должно быть умѣряемо, а не уничтожаемо милосердіемъ, и великодушіе не есть слѣпота. У возвращенныхъ отъ Польши губерній не отнимаютъ никакихъ привилегій. Велѣно одному развратному и вредному классу людей, которые называютъ себя дворянами, шляхтою, не имѣвъ на то доказательствъ и правъ, наконецъ, приписаться къ какому-нибудь состоянію гражданъ, платить подати, нести повинности, но безъ запрещенія каждому изъ нихъ документами доказать свое дворянское происхожденіе, если онъ можетъ, и быть настоящимъ, а не самозванцемъ-дворяниномъ. Велѣно также предсѣдателямъ уголовныхъ судовъ нѣкоторое время быть не по выборамъ, какъ прежде, а по назначенію правительства. Но какъ же въ землѣ, которая только что освободилась отъ насилія мятежниковъ, дозволить участвовавшимъ въ мятежѣ и еще не заслужившимъ полученнаго ими прощенія дозволить самимъ назначать своихъ судей въ дѣлахъ уголовныхъ, слѣдственно, между прочимъ, быть можетъ, и въ новыхъ проискахъ или замыслахъ противъ общаго порядка? Но Государь такъ мало намѣренъ навсегда отнимать у Западныхъ губерній ихъ привилегію избирать предсѣдателей палатъ гражданскихъ и даже уголовныхъ, что, напротивъ, даровалъ сіе право и другимъ Великорусскимъ губерніямъ. А временныя предосторожности и мѣры для того, чтобъ сблизить съ Россіею въ нравственномъ смыслѣ этотъ древній Русскій, подъ владычествомъ Польши нѣсколько измѣнившійся край, совершенно необходимы. «Лежачаго непріятеля не бьютъ», конечно, но обезоруживаютъ для того именно, чтобы можно было дозволить ему встать, безъ опасности для другихъ, даже и для него самого. Д. Б.»

«Берлинъ (9 21) Декабря 1831. Твое письмо отъ 28 Ноября я получила на 12-й день, а за разлитіемъ рѣкъ, вѣроятно, еще дольше буду безъ извѣстій объ твоемъ здоровьѣ. Я въ этомъ грустномъ расположеніи духа ѣздила вчера къ Великой Княгинѣ [10]), съ Антуанетой, которую ей представила. Она очень хорошо приняла насъ. Были только мы двѣ, Мансуровы и четверо господъ нашей миссіи. Великая Княгиня, войдя, почти подбѣжала ко мнѣ, обняла и сказала, что она очень рада меня видѣть, что ей было хорошо въ Англіи, но (прибавила она со слезами на глазахъ) qu'elle n'avait personne des siens, au milieu des évènements qui se sont passés! [11]) Она спрашивала о твоемъ здоровьѣ, упрекала меня, что я тебя оставила одного на такое долгое время и такъ меня тронула, что я не могла удержаться отъ слезъ. Вечеромъ я возила дѣтей въ оперу Muette de Portici, гдѣ и она была со всей королевской фамиліей. Король хотѣлъ дать балъ, но она не пожелала по причинѣ траура по княгинѣ Ловичъ. Сегодня сказывали, что она отправилась въ путь, въ часъ. Жаль, что ей будетъ, вѣроятно, очень дурная дорога, и задержатъ рѣки; вчера она еще не знала, гдѣ находится Великій Князь, который хотѣлъ ее встрѣтить на границѣ. Анна Блудова».

---

[10]) Еленѣ Павловнѣ.

[11]) Посреди происходившихъ событій она оставалась безъ своихъ близкихъ.

Сколько свѣтлыхъ, сколько грустныхъ, сколько дорогихъ воспоминаній проснулось въ душѣ моей, когда я перечитывала это письмо матушки! Какой длинный рядъ годовъ и событій проходитъ вереницею въ моей памяти при этихъ словахъ: «Великая княгиня почти подбѣжала ко мнѣ!» Тогда, 8-го Декабря 1831 г., 45 лѣтъ назадъ, я въ первый разъ увидѣла ее и эту стремительность походки ея, которая поражала какъ особенность внѣшняя, привлекательная, какъ живое радушіе. Эта стремительность, такая знакомая мнѣ и симпатичная, была лишь вѣрнымъ выраженіемъ стремительности характера и ума ея, стремительности, которою она увлекала всѣ мало-мальски живые умы, которая ее самую иногда увлекала и приводила за собой немало разочарованій, но сама по себѣ была очаровательна въ ней. Ни лѣта, ни болѣзнь, ни горе не измѣнили этой особенности, и только въ самый послѣдній разъ праздничнаго пріема у нея, въ самый послѣдній разъ, когда я ее видѣла живою, 28-го Декабря 1872 г., за 12 дней до ея кончины, измѣнилась эта походка, и какое-то неопредѣленное, смутное чувство недоумѣнія и безпокойства охватило меня. Еще прекрасная, но блѣдная, какъ будто надломленная, подходила она къ намъ въ пріемной, что̀ передъ домовой церковью ея, опираясь на руку фрейлины; она, которая никогда не нуждалась въ такой помощи, которая, бывало, свѣжая и веселая, какъ бы окрыленная своимъ живымъ умомъ, переходила отъ одного къ другому изъ собранныхъ у нея гостей, съ улыбкой и привѣтливыми словами для каждаго! Улыбка была еще на ея блѣдномъ лицѣ и слова привѣта въ устахъ, но утомленные глаза и слабая походка непохожи были на нее и болѣзненно поражали сердце. Но, Боже мой! Какъ однако далеко было отъ мысли о скорой кончинѣ!

Между этими двумя днями 1831 и 1872 годовъ, днями придворнаго пріема, сколько прошло близкихъ, задушевныхъ, искреннихъ отношеній, сколько радости, горя, тревогъ пережито вмѣстѣ, сколько дружнаго обмѣна мысли, иногда и открытаго, честнаго противорѣчія другъ другу, иногда и охлажденія мимоходнаго; но никогда не было сомнѣнія ни съ ея стороны, ни съ нашей (ибо говоря о ней, я никакъ не могу отдѣлить себя отъ батюшки) въ непреложной честности, правдивости и сердечномъ сочувствіи между нами. Она имѣла даръ, рѣдкій у столь высокопоставленныхъ лицъ, сохранять вполнѣ человѣческія отношенія духовнаго равенства, соблюдая однако постоянно достоинство своего сана, то мягкое, привѣтливое, безобидное достоинство, которое истекаетъ изъ высоты моральной, соединенной съ высотою свѣтскаго положенія и которое такъ охотно признается всѣми, потому что чувствуется, въ его основаніи, сознаніе своихъ высокихъ обязанностей болѣе, чѣмъ своихъ правъ.

Любознательность ея была изумительная, но далекая отъ того празднаго любопытства, которое незамѣтно переходитъ въ мелочныя свѣтскія сплетни, прикрываемыя только забавнымъ или язвительнымъ блескомъ остроумія. Одна изъ главныхъ язвъ вообще великосвѣтской жизни, безъ сомнѣнія, замкнутость въ маломъ кружкѣ людей одинаковыхъ мыслей, воззрѣній и привычекъ, людей, которые, невольно и

безсознательно, кормятъ другъ друга самой ядовитой лестію, лестію искренняго поклоненія вашимъ страстямъ и предразсудкамъ, потому что ихъ страсти и предразсудки тѣже и никогда не провѣряются ни противорѣчіемъ, ни дѣйствительностію. Между тѣмъ этотъ заколдованный кругъ такъ убаюкиваетъ и усыпляетъ, что невольно втягиваешься въ него и незамѣтно становишься адептомъ старой секты m-me Guyon, квіэтизма, къ которой, кажется, принадлежитъ огромное множество великосвѣтскихъ людей, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Цѣлый міръ кругомъ хранитъ,
....Всѣ киваютъ и молчатъ.
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ....
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ.
Ужъ не лучше ли заснуть
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

Есть же прелесть въ квіэтизмѣ, если такой умъ и такая душа, какъ у Фенелона, плѣнялись имъ въ свое время. И я,—именно въ молодости, когда живость характера доходила у меня до серьезнаго недостатка,—склонялась очень и очень къ исключительности такъ называемой coterie. Правда, нашъ кружокъ былъ многочисленный и довольно разнообразный: служебныя отношенія батюшки и старые пріятели его частнаго круга, артистическій элементъ въ домѣ Оленина и блистательный кругъ В. К. Елены Павловны, все это составляло конечно не узкій горизонтъ; но все же чаще и ближе и больше сходились всѣ въ одномъ направленіи умственномъ, если не въ одномъ положеніи житейскомъ, и мало бывало серіознаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ и въ сужденіяхъ. Мнѣ казалось безполезнымъ знакомство съ людьми новыми, не блистательными ни по уму, ни по образованію или, по просту, я находила ихъ скучными. Въ этомъ отношеніи какъ во многихъ другихъ, Великая Княгиня мнѣ открыла глаза наставленіемъ своимъ: «Un petit cercle, la coterie, fait un grand mal; il retrécit l'horizon, il développe les préjugés; au lieu de fermeté il inspire l'entêtement. Pour le coeur on peut s'en tenir aux amis; mais pour l'intelligence il faut des éléments nouveaux, il faut la contradiction, il faut savoir ce qui se passe au delà de votre maison. Croyez moi, il n'y a pas d'homme si stupide ni si ignorant dont on ne puisse pas apprendre quelque chose d'utile, si on veut se donner la peine de s'instruire[12]). Какъ это справедливо, я убѣ-

---

[12]) Маленькій кругъ, la coterie, дѣлаетъ большой вредъ; онъ съуживаетъ горизонтъ, онъ развиваетъ предразсудки; изъ твердости правилъ онъ зарождаетъ упрямство. Для сердца нужно водиться только съ друзьями, но для ума нужны элементы новые, нужно противорѣчіе. Надобно знать, что́ дѣлается и внѣ вашего дома. Повѣрьте, нѣтъ такаго тупаго или невѣжественнаго чело-

дилась опытомъ жизни; какъ она умѣла воспользоваться такими людьми, я часто видала. Самое замѣчаніе это такъ вѣрно, что я его сразу поняла и запомнила и, по мѣрѣ силъ, держалась этого правила. Великая Княгиня принадлежала къ тому царственному дому, которому Россія столько обязана своими воспитательными и благотворительными учрежденіями. Князья Монбельярскіе приняли наслѣдство Виртемберга, когда одна изъ ихъ принцессъ уже была за мужемъ за наслѣдникомъ Русскаго Престола, при великой Екатеринѣ, въ то время, когда блистательнѣйшіе умы Европы, особенно Франціи, распространяли въ литературѣ тѣ такъ называемыя либеральныя идеи, которыя плѣнили тогдашнія поколѣнія и еще не успѣли попасть въ руки вѣтренныхъ эгоистовъ, сдѣлавшихся сумазбродными злодѣями, и самолюбивыхъ невѣждъ, опьянѣлыхъ въ дикомъ корыстолюбіи и властолюбіи и вообразившихъ, что они проводники самыхъ возвышенныхъ и благодѣтельныхъ политическихъ теорій. Въ сущности, помимо блистательнаго слога и истаго Французскаго самолюбія, все стремленіе философской школы XVIII-го столѣтія было безсознательной попыткой ввести въ политику и гражданское управленіе ничто иное какъ христіанское начало. Но невѣжество, гордость и обособленіе, такъ сказать, Французско-европейскаго міра должны были привести ихъ не къ изученію Евангелія, а къ борьбѣ съ папизмомъ и съ замкнутостію религіознаго міра, которыя исказили ученіе Христа отчасти по невѣжеству племенъ первоначально крещеныхъ на Западѣ, отчасти по тому языческому строю ума и жизни, которые они наслѣдовали отъ Рима. Civis Romanus sum [13]) есть тотъ аристократическій лозунгъ, который перешелъ и въ церковь, и въ политическую жизнь у Франковъ, у Англо-Норманновъ, у Тевтоновъ. А изрѣченіе вольнолюбиваго Руссо: «для того чтобы граждане могли быть совершенно вольными, рабы должны быть совершенно безправны», опять таки чисто-классическое правило, я хочу сказать, Греческое и Римское политическое начало языческаго устройства, пресловутой вольности древнихъ республикъ. Жестокость законовъ, презрѣніе ко всему, что̀ не принадлежитъ къ избранному или наслѣдственному кругу, были основою языческаго строя жизни; они перешли въ средневѣковое христіанство и остались увы! доселѣ идеаломъ большей части аристократическихъ народовъ, особенно Англіи, и партій, величающихъ себя прозваніемъ консервативныхъ. Императрица Марія Θеодоровна не такъ поняла модное направленіе XVIII столѣтія и, увлекаясь прелестію слога и добрыми намѣреніями многихъ изъ выдающихся тогда во Французской литературѣ лицъ, которыя при дворѣ Екатерины были въ чести, она однако примѣняла ихъ мысли къ своей дѣятельности въ Россіи, только на твердомъ основаніи вѣры и церкви, и на этомъ камнѣ построила всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, которыя донынѣ носятъ названіе «Учрежденій Императрицы Маріи».

вѣка, отъ котораго бы нельзя было узнать чего нибудь полезнаго, если хочешь дать себѣ трудъ поучиться.

[13]) Я Римскій гражданинъ.

Изъ Виртемберга же, изъ того же владѣтельнаго дома, но младшаго поколѣнія, была великая княгиня Елена Павловна, умомъ и образованіемъ гораздо выше ея, но съ тѣми же преданіями, съ тѣмъ же благороднымъ и высокимъ воззрѣніемъ на обязанности своего званія. Весь секретъ переустройства политической жизни въ жизнь христіанскую содержится въ словахъ Спасителя: «Аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣмъ слуга», и въ изреченіи Апостола Павла: «Повинуйтесь не яко раби, но яко свободни». Эти святыя правила Великая Княгиня Елена Павловна понимала какъ нельзя лучше и примѣняла ко всѣмъ общественнымъ предпріятіямъ, во главѣ которыхъ она стала. Она не сваливала на другихъ труда и дѣятельности, но и не завладѣвала одна всѣмъ дѣломъ, какъ бываетъ со многими, и не теряла такимъ образомъ дорогой помощи тѣхъ скромныхъ силъ, которыя въ совокупности составляютъ сильнѣйшій двигатель великаго предпріятія. Она умѣла воодушевлять своихъ сотрудниковъ и собственною неутомимостію, и увѣренностію, что они полезны и нужны, что имѣютъ свою долю въ достиженіи цѣли. За то, бывши постоянно слугою дѣла, она находила дѣлателей, повиновавшихся ей радостно и самоотверженно и не яко раби, но яко свободни.

Особенно близко видѣла я ее въ такомъ дѣлѣ во время Крымской войны, и всѣ заботы ея о сестрахъ въ эти, вѣчной памяти, 54 и 55-й годы. Пока большинство хорошихъ людей волновалось, негодовало, плакало о злоупотребленіяхъ, о недостаткахъ, о гибели людей, и бранило безполезно мошенниковъ, она прямо и безотлагательно принялась за дѣло: отворила настежь двери своего дворца, открыла сокровищницу своей казны и сокровищницу еще богатѣйшую своего дѣятельнаго, практическаго ума, своего свѣтлаго, положительнаго разума, своей благородной, пылкой души,—пригласила всѣхъ знатоковъ дѣла, всѣхъ опытныхъ врачей и послала воззваніе ко всѣмъ Русскимъ женщинамъ, не связаннымъ обязанностями семейными: вдовамъ и дѣвушкамъ, желающимъ принести свою долю жертвы и добра въ великомъ жертвоприношеніи Россіи. Нижній этажъ дворца сдѣлался большимъ складочнымъ мѣстомъ для вещей и медикаментовъ, покупаемыхъ ею, или присылаемыхъ со всѣхъ угловъ Петербурга. И прежде того, корпія и бѣлье посылались со всѣхъ краевъ Россіи, но они не доходили до назначенія, они лежали упакованныя въ канцеляріяхъ, или гнили валяясь въ грязи на площадяхъ и дорогахъ, или продавались (какъ увѣряли) даже непріятелю. Елена Павловна не принадлежала къ тѣмъ обыкновеннымъ у насъ въ Россіи добрымъ душамъ, которыя готовы до послѣдней копѣйки, до послѣдней рубашки отдать бѣдному или отдать отечеству, въ порывѣ любви и жалости, безъ оглядки, великодушно, на авось,—не подумавъ, пойдетъ ли въ прокъ. Она была безгранично щедра, но щедра разумно и, не довольствуясь удовлетвореніемъ собственнаго добраго чувства, пеклась о томъ, чтобъ это чувство принесло помощь и утѣшеніе предмету ея жалости. Она печалилась о страждущихъ въ простонародномъ значеніи этого слова. Ея печаль была дѣятельная забота о нихъ. И такъ, взявшись подать

помощь раненымъ и больнымъ, она позаботилась о томъ, чтобъ все было доставлено вѣрно, и скоро и сохранно. Подрядчики, провожатые, пересыльщики были выбираемы людьми толковыми и, рекомендованные, являлись къ ней самой, для условій и приказаній, такъ что кромѣ спеціальнаго избранія знатоковъ дѣла, еще сообщалась избраннымъ та нравственная поддержка, которую сочувствіе и здравое воззрѣніе ея и прелесть ея обращенія и красоты сообщали незамѣтно всякому, къ кому она обращалась. Всѣ отправленія транспортовъ были такимъ образомъ матеріально обезпечены, и нравственно, такъ сказать, застрахованы ея заботливыми распоряженіями. Первые транспорты были отправляемы вмѣстѣ съ отрядами сестеръ, потомъ посылались прямо къ нимъ и къ врачу, отправленному съ ними. Эти госпитальныя принадлежности уже не гнили и не залеживались на пути. Хины у насъ было слишкомъ мало (вообще плутовство по части хины и ревеню было давно въ нашихъ обычаяхъ). Великая Княгиня воспользовалась сношеніями своими за границей и, черезъ брата своего принца Августа, выписала въ это время громадное количество хины изъ Англіи. Вездѣ, гдѣ была потребность, она узнавала о лучшемъ способѣ удовлетворенія и къ этому способу прибѣгала съ неутомимой дѣятельностію и умѣніемъ. Всѣ въ ея дворцѣ работали по ея примѣру. Внизу тюки принимались, разбирались, уставлялись, распредѣлялись; вверху у фрейлинъ—свои и посторонніе шили, кроили, примѣряли, дѣлали образцы чепцовъ, передниковъ, воротниковъ для сестеръ, записывали ихъ имена. Въ конторѣ, съ ранняго утра и до поздней ночи, принимали отвѣты, посылали отзывы, писали условія съ подрядчиками, съ врачами, съ аптекарями. У самой Великой Княгини являлись лица, нужныя для этой новой дѣятельности, составлялся уставъ и инструкціи для Общины сестеръ милосердія Воздвиженія Креста.

По присоединеніи Великой Княгини къ православной церкви, ея ангеломъ сдѣлалась Св. Елена, отыскавшая и воздвигнувшая Крестъ Господень въ IV вѣкѣ. Вѣроятно поэтому, Елена Павловна сроднилась, такъ сказать, съ этимъ праздникомъ нашей церкви. Особенно сочувственно относилась она къ церкви на Ямской, куда подарила великолѣпную икону и, когда пришлось выбрать названіе и, такъ сказать, посвятить новую общину празднику или угоднику, она опять выбрала Воздвиженіе Креста. Впрочемъ, для такаго дѣла лучше и выбрать нельзя было. Она тоже сама выбрала для креста, который носятъ сестры, Андреевскую ленту въ память просвѣщенія Россіи Св. Апостоломъ Андреемъ, именно на берегахъ Крыма, у самаго Севастополя.

Когда заговорили о надписи на крестѣ этомъ, одна изъ фрейлинъ (барон. Раденъ) настаивала на которое либо изъ побѣдоносныхъ изрѣченій въ отношеніи ко Кресту; но Великая Княгиня выбрала слова Спасителя, вырѣзанныя на крестѣ снаружи:

„Возьмите иго Мое на себе“.

а на оборотѣ:

„Ты, Боже, крѣпость моя“

и сказала: «только въ смиренномъ терпѣніи крѣпость и силу получаемъ мы отъ Бога».

Кромѣ доктора Тарасова, который выѣхалъ съ первымъ отрядомъ сестеръ и оставался при общинѣ даже послѣ войны, до крайняго предѣла силъ своихъ, Елена Павловна послала еще на помощь Тарасову пять врачей: Реберга, который потомъ поселился въ Ниццѣ и до сихъ поръ, кажется, тамъ живетъ, Мецлера, Оберъ-Миллера [14]), Бекерса [15]) и Пабо [16]). Какъ трогательно было первое собраніе передъ отправленіемъ сестеръ подъ начальствомъ сестры Стаховичъ! Въ домовой церкви (архистратига Михаила), во дворцѣ Великой Княгини, сестры произнесли обѣты свои, и на каждую возложенъ золотой крестъ, столь явственный въ этомъ случаѣ символъ ихъ тяжелаго христолюбиваго подвига. И онѣ, и всѣ присутствующіе со слезами на глазахъ молились такъ усердно, какъ рѣдко бываетъ на церемоніяхъ въ придворной церкви. Великая Княгиня, можетъ быть, болѣе всѣхъ была тронута. Это была первая попытка въ Россіи такаго женскаго служенія на полѣ битвы. Выдержатъ ли онѣ? Достанетъ ли терпѣнія, умѣнія и физическихъ силъ на ихъ подвигъ любви и патріотизма? Многія сами сомнѣвались и боялись за свои нервы при ужасномъ зрѣлищѣ ампутацій. Чтобы испытать ихъ силы, ихъ посылали нѣсколько разъ въ больницы присутствовать и помогать при операціяхъ, и Великая Княгиня сама подала примѣръ, поѣхала въ одну изъ больницъ, помогала при перевязкахъ и оставалась въ продолженіи длинной опасной ампутаціи ноги у одного паціента. Это былъ бѣдный человѣкъ: его хлороформировали и даже съ трудомъ разбудили. Великая Княгиня не отходила во все время; а когда уже положили больнаго на койку, и онъ пришелъ въ себя, она потихоньку вынула деньги изъ бумажника и положила ему подъ подушку, говоря съ улыбкой: «Когда отдохнешь хорошенько, посмотри подъ подушкой, тамъ найдешь что нибудь». Лице бѣдняка просіяло радостію, и свѣтлымъ взглядомъ онъ поблагодарилъ ее; а она еле-еле добралась до корридора,—такъ ей сдѣлалось дурно отъ виду. Однако черезъ нѣсколько минутъ ужъ она опять явилась съ бодрымъ видомъ и улыбкой участія въ другой палатѣ, у другаго страдальца. И все это не было минутнымъ увлеченіемъ, преходящимъ возбужденіемъ чувства. Она не измѣнила себѣ во все время устроенія общины, искуса и отправленія сестеръ, сперва въ Крымъ, потомъ въ Финляндію, и наконецъ, по окончаніи войны, когда основала постоянную общину съ перевязочнымъ отдѣленіемъ и лечебницей, куда и понынѣ столько бѣдныхъ и изувѣченныхъ машинами фабричныхъ работниковъ прибѣгаютъ для операцій, за помощію и уходомъ.

---

[14]) Хирурга, котораго многіе въ Севастополѣ считали не менѣе Пирогова искуснымъ, но болѣе счастливымъ, т. е. что меньше умирали у него отъ операцій.

[15]) Который въ послѣдствіи отравился.

[16]) Менѣе извѣстный, нежели другіе.

Не только для Россіи, но для человѣчества вообще, не прошло безслѣдно начинаніе Великой Княгини. Она положила основаніе женской христіанской помощи раненымъ на полѣ битвы. Женевская Конвенція въ послѣдствіи распространила это дѣло. Въ Россіи же доброе сѣмя, посѣянное умѣлой рукой Елены Павловны, взлелѣянное сердечной заботой Императрицы Маріи Александровны, взошло нынѣ сторицею и богатою жатвою надѣлило насъ. Русскія сестры Краснаго Креста соревнуютъ сестрамъ Воздвиженскимъ и всюду смягчаютъ страданія, залѣчиваютъ раны, освящаютъ своею христіанскою любовію страшныя послѣдствія людской злобы и людскихъ страстей и рука объ руку съ христолюбивыми Русскими солдатами вносятъ милосердіе, всепрощеніе и благотворительность въ самую среду отчаянно-борющихся враговъ.

Другой близко знакомой мнѣ общественной дѣятельности ея во время Редакціонной Коммиссіи по освобожденію крестьянъ здѣсь не мѣсто мнѣ описывать. Съ тѣмъ же свѣтлымъ взглядомъ и тою же сердечною теплотою относилась она къ дѣлу воспитанія въ тѣхъ училищахъ, которыя были отданы въ ея вѣдѣніе, или которыя она взяла сама въ свое распоряженіе, вслѣдствіе различныхъ случайностей, какъ напримѣръ училище Святой Елены. До послѣднихъ дней ея жизни она заботилась объ обезпеченіи этихъ учрежденій, которыя только отчасти могла снабдить капиталомъ изъ богатыхъ доходовъ, оставленныхъ въ ея пожизненное пользованіе послѣ кончины Вел. Кн. Михаила Павловича. Русскія деньги ею употреблены были на Русскія нужды: на помощь бѣднымъ, на развитіе умственное, на поддержку искусства (какъ Консерваторія), на облегченіе трудностей жизни учащихся (дешевыя столовыя по близости учебныхъ заведеній), не говоря о ея частной, личной, такъ сказать, благотворительности. Вскорѣ послѣ ея кончины мы какъ-то сошлись, человѣкъ до десяти близкихъ къ ней людей, и стали вспоминать съ удивленіемъ, какъ она могла при огромныхъ размѣрахъ, принятыхъ лѣчебными учрежденіями своими, удѣлять столько мелкихъ суммъ, раздаваемыхъ съ рукъ на руки. Никто изъ насъ не помнилъ, чтобъ она когда либо отказала въ такой помощи по просьбѣ кого либо изъ насъ. Иногда скажетъ: «теперь не могу, подождите», и непремѣнно черезъ нѣсколько дней или недѣль дастъ просимое, т. е. какъ скоро сама получитъ деньги. Говоря объ этомъ, одна близкая къ ней личность замѣтила очень мѣтко: «Она могла не отказывать никому, потому что себѣ отказывала во многомъ». Однако она жила открыто, болѣе нежели всѣ другія Великія Княгини, давала не часто, но великолѣпные большіе праздники, одѣвалась, по своему положенію въ свѣтѣ, всегда богато, считая долгомъ часть своего достатка употреблять въ поощреніе Русской торговлѣ и гостепріимному Петербургскому обществу или Московскому, когда ей случалось быть въ Москвѣ. Но баловства самой себя она себѣ не позволяла, фантазій разныхъ не имѣла. Даже въ то время, когда поѣздка за границу всѣхъ членовъ Императорской фамиліи уплачивалась казной, она отказывалась не разъ отъ требуемыхъ докторами поѣздокъ, по экономиче-

скимъ и фамильнымъ соображеніямъ, исполненнымъ добросовѣстности и сердечности. Такое же чувство обязанности и благоразумной сдержанности въ своей щедрости вносила она и въ ту личную, частную благотворительность, о которой я упомянула. Начинающимъ жизнь или дѣятельность, человѣку ли, предпріятію ли, она умѣла помочь стать на ноги и пройти первые трудные, рѣшающіе ихъ будущее, шаги, предоставляя ихъ потомъ собственнымъ окрѣпшимъ силамъ. Разумѣется, не всѣ были довольны, и много несправедливыхъ нареканій навлекало на нее это твердое, разумное дѣйствіе. Постоянная неограниченная помощь слабымъ людямъ или предпріятіямъ, не имѣющимъ жизненной силы, отнимала бы у нея средство на то своевременное пособіе другимъ, которое дороже и плодотворнѣе милліоновъ, въ данныя минуты для людей и предпріятій, имѣющихъ истинную силу и полезную будущность.

Въ своихъ истинныхъ дружескихъ отношеніяхъ она была замѣчательно вѣрна и до конца осталась искреннимъ другомъ друзей своей молодости, какъ напримѣръ графа Петра Петровича Палена, графа Киселева, Либермана, моего отца и другихъ, о которыхъ не упоминаю, или потому, что я ихъ менѣе знала, или потому, что это были не столь долговременныя дружескія отношенія. Искренность ея и истинная дружба, уравнивающая морально отношенія съ нею, не смотря на неравенство званія, такъ трогательно выразились въ ея письмахъ и запискахъ, что лучше всего рисуютъ эту дорогую и рѣдкую черту ея характера и когда нибудь послужатъ лучшимъ отвѣтомъ на клеветы о ея холодности, о ея безсердечіи и нелюбви къ Россіи и Русскимъ, которыхъ мы немало наслушались. Здѣсь не мѣсто и не время для полнаго біографическаго очерка Елены Павловны. Довольно мысль уносилась далеко въ прошедшее, такое далекое по времени, и такое близкое по сердцу. Для меня на минуту ожилъ тотъ блестящій, благородный кругъ, котораго она была центромъ и, вспоминая ее и ихъ, мнѣ приходятъ на умъ и на уста слова, проникнутыя одинаковою мыслію, одинаковымъ духомъ, и Русскаго и Американскаго поэтовъ:

„О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію: были!“

Жуковскій.

O! though oft depressed and lonely
All my fears are laid aside,
If y but remember only
Such as these have lived and died.

Longfellow.

*

«С.-Петербургъ 30 Дек. (11 Генв. 1831). Дѣла у насъ, какъ древніе Египетскіе прузи и нынѣшняя саранча, безпрестанно умножаются, пожираютъ все наше время, отнимаютъ всѣ силы, по крайней мѣрѣ у меня. Прибавь къ тому балы, вечеринки, обѣды, на ко-

торые надобно хоть иногда являться или изъ учтивости, или изъ повиновенія, прибавь необходимые визиты, и что же останется для самого себя, для ума и сердца? И послѣ того, какъ удивляться, что свѣтскіе и такъ называемые государственные люди рѣдко отличаются огнемъ сердца или живостію умственныхъ способностей. Кстати о балахъ, въ прошедшее Воскресенье былъ небольшой, но и не совсѣмъ маленькій балъ у Государя въ концертной залѣ, которая перемѣнила свой цвѣтъ темнаго мрамора на яркій бѣлый и отъ того сдѣлалась не только вдвое свѣтлѣе, красивѣе, но даже, какъ кажется, и вдвое больше; я возвратился и не послѣдній съ этого бала въ половинѣ третьяго. Сегодня званъ на другой къ молодымъ Дурновымъ, и между сими двумя балами были или будутъ засѣданія Государственнаго Совѣта и три Комитета; я ужъ не говорю о работѣ домашней, которая однакоже требуетъ больше времени и больше вниманія, нежели мнимыя наши веселыя и самыя невеселыя совѣщанія о дѣлахъ».

«Что еще скажу тебѣ? Здѣсь новая свадьба: графъ Нессельроде выдаетъ дочь свою Елену за молодаго Хрептовича. Говорятъ, но только еще говорятъ, и о другой свадьбѣ: фрейлины и красавицы княжны Щербатовой съ Александровымъ, флигель-адъютантомъ, не очень давно пріѣхавшимъ изъ Варшавы. Онъ вѣроятно будетъ не такъ богатъ, какъ Хрептовичъ, однакожъ, какъ сказываютъ, имѣетъ два или три милліона чистаго капитала. Д. Б.»

*

На этой свадьбѣ, которая точно состоялась, и на этихъ милліонахъ мы и остановимся.

Война съ Польшей кончилась, все возвратилось къ прежнему мирному положенію, и картина того времени, хотя не писана мастерскою кистью, но полная и особенно правдивая, окончена. Князь Вяземскій говоритъ совершенно справедливо, что письма современныя всего живѣе рисуютъ духъ и впечатлѣнія времени; и въ отданной мною Русскому Архиву перепискѣ, кажется, довольно ясно рисуются мысли, ощущенія, воззрѣнія на жизнь, на семейныя отношенія, на политическіе и воспитательные вопросы въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ только и могутъ представить нѣкоторый интересъ эти письма, а для меня дорого было правдиво и вѣрно представить тѣ личности историческія, о которыхъ упоминалось здѣсь и которыя такъ часто являются искаженными (можетъ быть и неумышленно) въ статьяхъ и книгахъ, писанныхъ людьми другаго поколѣнія, не знавшаго ни этихъ личностей, ни подробныхъ обстоятельствъ ихъ времени и судящаго только по какимъ нибудь сухимъ оффиціальнымъ документамъ или по клеветамъ враговъ, въ другихъ же случаяхъ даже не враговъ, а пустослововъ, повторяющихъ сплетни «огорченныхъ людей».

Возмутительныя воззванія.

Составленіе и распространеніе возмутительныхъ воззваній и прокламацій не есть явленіе новое въ нашей общественной жизни.

Любопытно прослѣдить, какъ относились къ симъ воззваніямъ и къ способамъ ихъ преслѣдованія различныя царствованія.

Еще въ законодательствѣ древнихъ царей, напр. Ѳедора Алексѣевича, встрѣчаются постановленія противъ возмутительныхъ воззваній, которыя назывались тогда прелестными письмами [1]), а также причинными и затѣйными письмами [2]).

При императорѣ Петрѣ I-мъ, преобразованія котораго и измѣненія нѣкоторыхъ коренныхъ государственныхъ основъ, какъ напр. порядка престолонаслѣдія, вызывали неудовольствія многихъ и заговоры противъ его правительства, возмутительныя воззванія начали доставляться въ Россію изъ-за границы, гдѣ завелась для сей цѣли типографія, именно въ Данцигѣ. Петръ писалъ въ Москву своимъ боярамъ 24 Февраля 1708 г., что непріятель (т. е. Шведскій король) имѣлъ «цѣлой друкъ словъ Славенскихъ, которыми печаталъ въ Амстердамѣ Славенскія книги Тесингъ, и по смерти его тотъ мастеръ, не имѣя чѣмъ кормиться, ѣхалъ къ намъ и съ онымъ друкомъ, которой нынѣ у него въ Гданскѣ отъ непріятеля взятъ. Тѣми словами множество всякихъ возмутительныхъ писемъ напечатано во Гданскѣ, которыя хочетъ черезъ шпіоновъ посылать въ наши края. Чего для надлежитъ вездѣ сіе объявить всѣмъ и накрѣпко заказать, дабы сего зѣло смотрѣли вездѣ, гдѣ такія письма явятся, чтобы приносили, а паче и тѣхъ ловили, которые оныя приносить будутъ». И бояре, на совѣщаніи своемъ, приговорили: «На Москвѣ къ воротамъ прибить о томъ листы, буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя Славенскими (т. е. Русскими) словами и складомъ Славенскимъ же, къ возмущенію народа или хотя подъ какимъ ни есть лестнымъ образомъ, приводя къ томужъ, чтобъ тѣмъ обманомъ народъ привести къ возмущенію. И такимъ письмамъ отнюдь не вѣрить, и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатаны. А гдѣ и у кого такія письма явятся, такихъ людей ловить и распрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ. А за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщетъ, будетъ имъ его госу-

---

[1]) 31 Декабря 1682 г., 22 Марта 1683 (П. С. З. т. II, № 978 и 1002).

[2]) 21 Мая 1683 (П. С. З. т. III, № 1014).

рева милость. И о тѣхъ возмутительныхъ письмахъ въ городахъ прибить листы на торжкахъ и гдѣ пристойно, а поиманныхъ возмутителей и письма присылать для розыска въ Преображенскій Приказъ» [3]).

Кромѣ того, изъ указовъ Петра и Екатерины I-й видно, что, за неимѣніемъ въ то время правильныхъ органовъ гласности, въ Россіи въ большомъ количествѣ распространялись подметныя письма, въ которыхъ люди недовольные правительствомъ не только подвергали критикѣ его дѣйствія, но и возбуждали къ его ниспроверженію.

Всѣ мѣры строгости къ преслѣдованію сочинителей и распространителей подметныхъ писемъ оказывались безсильными, и наконецъ въ 1715 г. Петръ I повелѣлъ не доносить болѣе о подметныхъ письмахъ, а приказалъ, чтобы всѣ лица, которыя найдутъ таковыя, при свидѣтеляхъ ихъ сожигали. «Понеже, сказано въ указѣ Января 25-го 1715 года [4]), многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничныхъ вымышленій, которыми, подъ видомъ добродѣтели, ядъ свой изливаютъ: того ради повелѣвается всѣмъ, кто какое письмо подниметъ, тотъ бы отнюдь не доносилъ объ немъ, ни же челъ, ни распечатывалъ, но объявя постороннимъ свидѣтелямъ жгли на томъ мѣстѣ, гдѣ подыметъ».

Этотъ мудрый указъ измѣнилъ разомъ самый характеръ преступленія, которымъ опредѣлялась виновность лица, не донесшаго о полученномъ или найденномъ имъ возмутительномъ воззваніи или сочиненіи. Изъ преступленія государственнаго оно обратилось въ проступокъ менѣе тяжкій, почти полицейскій, легко обнаруживаемый дознаніемъ и наказуемый справедливымъ примѣненіемъ наказанія за неисполненіе закона предписаннаго.

При Петрѣ III наше правительство пошло еще далѣе въ измѣненіи тогдашняго строго-розыскнаго порядка производства политическихъ дѣлъ. Указомъ 21 Февраля 1762 г. закрыта вовсе тайная розыскная канцелярія, при чемъ правительство объясняло, «что къ открытію ея и слѣдовательно къ установленію такаго тайнаго производства побудили Петра I-го тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы».

Указъ этотъ подтвержденъ былъ указомъ императрицы Екатерины II-й отъ 19 Сентября 1762. Но такъ какъ въ царствованіе этой императрицы недоброжелатели ея продолжали смущать общество разнаго рода возмутительными воззваніями, то императрица манифестами увѣщевала свой народъ не «прибѣгать къ дерзостнымъ воззваніямъ, но смотрѣть, сколько она принимаетъ заботъ для счастія страны».

Приведемъ одинъ изъ подобнаго рода замѣчательныхъ манифестовъ.

«Нѣтъ въ свѣтѣ государства, о благополучіи котораго не прилагали бы владѣтели и правительства ихъ всевозможнаго старанія и трудовъ, къ возстановленію въ высшую степень благоденствія всѣхъ живущихъ въ оныхъ обитателей. Нѣтъ такихъ и подданныхъ, кои бы,

---

[3]) 24 Февраля 1708 (П. С. З. т. IV, 2189).

[4]) Полн. Собр. Зак. т. V, 3877.

имѣя благоразумныя мысли, не желали себѣ всякаго добра, тишины и спокойствія, тѣмъ, что благополучіе подданныхъ есть истинное и прямое благополучіе самихъ государей; а единодушное и неразвратное попеченіе прямыхъ сыновъ отечества о пользѣ общей—непоколебимое тому утвержденіе. Мы, со дня самаго вступленія нашего на Всероссійскій Престолъ, сему правилу послѣдуемъ и, Богу содѣйствующу въ сердцѣ нашемъ, никогда о пользѣ и всеобщемъ добрѣ нашихъ подданныхъ пещись (яко мать о дѣтяхъ своихъ) не оставимъ, въ чемъ да управитъ и укрѣпитъ насъ Его жъ рука святая. Въ слѣдствіе сего равное же желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждой изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но, противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самымъ Божественнымъ узаконеніямъ, не воображая знатно себѣ нимало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подверждены предосужденіямъ и опасностямъ. И хотя таковые зловредные истолкователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, яко спокойствію нашему и всеобщему вредные; но мы, прежде употребленія въ семъ случаѣ всей строгости, по природному нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ зараженныхъ неспокойными мыслями матерински увѣщеваемъ удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежа единственно званію своему, и препровождая время не въ праздности или невѣжествѣ и буянствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражненіяхъ, на пользу свою и ближняго. А если сіе наше матернее увѣщаніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства: то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что мы тогда поступимъ уже по всей строгости законовъ, и неминуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли. Однакожъ мы надѣемся прежде отъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, что они, видѣвъ нашу къ себѣ материнскую любовь и попеченіе, взаимною другъ другу помощію и съ Христіанскою любовію поживутъ въ спокойствѣ и тишинѣ, и истребятъ всякую вредность и непристойныя званію ихъ развращенныя истолкованія и конечно всѣхъ таковыхъ рѣчей и неприличныхъ выраженій удалятся, къ особенному своему спокойствію, а тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ себѣ щедроту и благословеніе Божіе и нашу монаршую милость, довѣренность и благоволеніе, ко умноженію всеобщаго благоденствія».

Не менѣе замѣчателенъ въ этомъ отношеніи манифестъ императрицы Екатерины отъ 24 Октября 1762 г., извѣщавшій о замыслахъ Хрущева и Гурьева. Вотъ его вступительныя слова:

«Всѣмъ вѣрно намъ подданнымъ объявляемъ. Каждый вѣдаетъ разумный и благонамѣренный сынъ отечества, что власть надъ нимъ предержащая для его же добра установлена отъ Бога, которой онъ повиноваться долженъ для своего и ближняго своего благоденствія. Почему и оскорбители оныя, яко противляющіеся Богу и яко нарушители общаго покоя, суть такіе преступники, которыхъ слово Божіе и законъ гражданскій осуждаютъ быть не только извергами своего отечества, но и въ родѣ человѣческомъ нетерпимыми. Мы можемъ, не похвалившися предъ Богомъ, цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли Всероссійскій Престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ и о добрѣ общемъ ежедневно печемся, едино полагая то въ намѣреніи, чтобъ радостію, удовольствіемъ и порядкомъ нашихъ подданныхъ, принимая себѣ оныя воздаяніемъ, видѣть внутреннюю тишину и благосостояніе нашей имперіи. Таковымъ средствомъ мы желаемъ прославить Бога, и таковымъ путемъ мы ищемъ достигнуть вѣчнаго себѣ отъ Него воздаянія. Но при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, къ чувствительному нашему сожалѣнію, нашлися въ самомъ нашемъ здѣшнемъ столичномъ городѣ такіе неспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство и будто бы не токмо прилежные изобрѣтатели своего злоключенія, но и живота своего отчаянные злодѣи, презрѣвъ страхъ Божій и не помышляя о потеряніи временнаго и вѣчнаго своего живота, покусилися и дерзнули дѣлать умыселъ къ испроверженію Божія о насъ Промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрилися похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ» и т. д.

Императоръ Александръ Павловичъ 2 Апрѣля 1801 г. вновь отмѣнилъ тайный розыскной порядокъ производства политическихъ дѣлъ слѣдующимъ достопамятнымъ манифестомъ.

«Нравы вѣка и особыя обстоятельства временъ протекшихъ побудили государей предковъ нашихъ между прочими временными постановленіями учредить тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины II-й существовала. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ ея толико противнымъ, въ 1762 г. изданнымъ манифестомъ, она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ имя сей канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однакоже, по уваженію обстоятельствъ, признано было нужнымъ продолжить ея дѣйствіе подъ названіемъ тайной канцеляріи со

всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона: мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ Департаментѣ Сената и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя».

«Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему и что пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли».

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ I-й подъ вліяніемъ графа Аракчеева во многомъ измѣнилъ взглядъ свой, и сердце его утратило вѣру въ охрану закона отъ прикосновеній невѣжества или злобы. Въ этотъ періодъ времени нѣтъ слѣдовъ какихъ либо прокламацій или возмутительныхъ воззваній; не менѣе того обнаружившееся 14 Декабря возстаніе свидѣтельствуетъ, что не одни жалкія прокламаціи ожесточенныхъ и сбитыхъ съ толку юношей могутъ служить мѣриломъ общественнаго спокойствія и выраженіемъ общественнаго настроенія. Ужасной рѣзнѣ во время бунта въ военныхъ поселеніяхъ также не предшествовали никакія прокламаціи; и однако достаточно было одного ничтожнаго предлога, чтобы вызвать наружу все затаенное неудовольствіе несчастныхъ жертвъ Аракчеевскаго благоустройства.

Въ наши дни, печатавшіяся въ Лондонѣ изданія Герцена и Огарева немедленно утратили политическую ядовитость свою и за тѣмъ прекратились, какъ скоро подвергнуты были обсужденію и разбору въ Русской повременной печати.

Изъ приведеннаго историческаго очерка видно, что возмутительныя воззванія въ Россіи дѣло давно бывалое и что существованіе ихъ всегда съ пользою было оглашаемо самимъ правительствомъ, которое не напрасно полагалось на дружное содѣйствіе самаго общества въ необходимомъ отпорѣ зловреднымъ ученіямъ.

Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ.

Соболевскій давно былъ извѣстенъ не только библіофиламъ и библіографамъ, но и многимъ изъ читателей періодическихъ изданій, въ которыхъ онъ помѣщалъ, по временамъ, свои замѣтки или небольшія статьи о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ. Имя Соболевскаго встрѣчается нерѣдко въ письмахъ и біографіяхъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ, литераторовъ и композиторовъ. Хотя Соболевскій и не принадлежалъ къ числу такихъ общественныхъ дѣятелей, о которыхъ еще при жизни ихъ помѣщаютъ біографіи въ словаряхъ и лексиконахъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ полезнымъ членомъ общества и своими библіографическими познаніями оказалъ немало услугъ не только библіотекамъ частныхъ лицъ, но и общественнымъ книгохранилищамъ, которыхъ онъ былъ почетнымъ членомъ.

С. А. Соболевскій родился въ Ригѣ 10 Сентября 1803 года и скончался въ Москвѣ 6 Октября 1870 года, на 68 году отъ рожденія. Онъ нѣсколько разъ бывалъ за границею, имѣлъ обширное знакомство и связи со многими болѣе или менѣе извѣстными личностями, постоянно находился въ кругу представителей литературы, искусствъ и художествъ, велъ дѣятельную переписку съ Русскими и иностранными учеными, библіографами и библіофилами,—словомъ, жилъ умственною дѣятельностію и сочувствовалъ всему полезному въ наукѣ.

Подробная и полная біографія такаго замѣчательнаго въ многихъ отношеніяхъ человѣка могла бы быть не только весьма интересною, но и доставить немало, еще неизвѣстныхъ, эпизодовъ изъ жизни Пушкина́, Грибоѣдова, Глинки, Брюлова, Мицкевича и другихъ знаменитостей, съ которыми Соболевскій имѣлъ дружескія сношенія.

Я давно былъ наслышанъ о Соболевскомъ, какъ о библіофилѣ и знатокѣ книгъ, но лично его не зналъ до 1868 года. Съ этого только времени у меня началась переписка съ Соболевскимъ, которая, впослѣдствіи, доставила мнѣ возможность познакомиться съ нимъ лично и пользоваться его дружескимъ расположеніемъ. Въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ мы вели постоянно библіографическую переписку, въ которой съ откровенностію и безпристрастіемъ высказывали свои мнѣнія и сужденія о разныхъ книгахъ, о ихъ достоинствахъ и рѣдкости, а иногда писали и о другихъ предметахъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ библіографіи. Такихъ писемъ Соболевскаго у меня находится около ста, и я сохраняю ихъ какъ драгоцѣнный для меня памятникъ взаимной дружбы и душевнаго расположенія.

Моя переписка съ Соболевскимъ началась весьма оригинальнымъ образомъ. Въ 1868 году я началъ печатаніе составленнаго мною каталога книгъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для библіографіи». Это описаніе книгъ должно было состоять изъ восьми или десяти книжекъ, изъ которыхъ первыя четыре книжки уже были отпечатаны къ Маю мѣсяцу и поступили въ продажу. Въ первой изъ этихъ книжекъ, на 5-й страницѣ, было помѣщено заглавіе одной весьма рѣдкой иностранной книги, напечатанной въ Нюренбергѣ, въ 1508 году, Нѣмецкими готическими буквами. При книгѣ находился небольшой лоскутокъ бумаги съ надписью, сдѣланною кѣмъ-то карандашемъ: «Старинная масонская книга на Нѣмецкомъ языкѣ». Разсматривая эту старинную книгу, я съ трудомъ могъ прочитать въ ней нѣсколько строкъ и, не обративъ надлежащаго вниманія на ея содержаніе, основался на словахъ приложенной къ ней записки и напечаталъ въ своихъ «Матеріалахъ для библіографіи», что означенная книга мистическаго содержанія о масонствѣ. Въ началѣ Іюня, а именно 5 числа, я неожиданно получаю, изъ типографіи Глазунова, гдѣ печатались мои книжки, письмо отъ Соболевскаго. Въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ меня, что у него находится точно такая же книга, какая означена у меня въ первой книжкѣ моихъ матеріаловъ, но только его книга Нѣмецкая, а моя — Голандская; въ его книгѣ содержится собраніе древнихъ путешествій въ Америку, а въ моей будто-бы мистика, что̀ ставитъ его въ недоумѣніе, и потому, пишетъ онъ, «я предполагаю слѣдующее:

А) что вы ошиблись, называя вашу книгу Нѣмецкою: она Голандская.

В) Что это переводъ моей книги на Голандскій языкъ съ Нѣмецкаго или прямо съ Итальянскаго (ибо моя книга есть переводъ съ Итальянскаго подлинника, Vicenza, 1507).

С) Что слѣдовательно она есть не мистическаго содержанія, а собраніе путешествій. Прошу васъ почтить меня немедленнымъ отвѣтомъ. Готовый къ услугамъ С. Соболевскій. Москва, 3 Іюня 1868».

По полученіи этого письма, я со вниманіемъ разсмотрѣлъ загадочную для меня книгу и, убѣдясь въ своей ошибкѣ, тотчасъ же написалъ Соболевскому отвѣтъ на его письмо, приложивъ къ нему и факсимиле съ заглавнаго листа книги. Съ этого времени у меня началась чуть не каждодневная переписка съ Соболевскимъ о заинтересовавшей его книгѣ; онъ увѣрялъ меня, что книга моя Голандская, а я утверждалъ, что она на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ, platt-deutsch. Каждый изъ насъ, разумѣется, старался отстаивать свое мнѣніе и, въ слѣдствіе этого, С. А. прислалъ мнѣ пространное письмо, въ которомъ съ подробностію выписалъ изъ библіографій, грамматикъ и лексиконовъ тридцать Нѣмецкихъ мѣстностей, имѣющихъ свои особыя нарѣчія и грамматики, чѣмъ старался убѣдить меня, что нарѣчія platt-deutsch или nieder - deutsch употреблялись въ Голандіи въ 1508 году: почему и слѣдуетъ книгу мою назвать Голандскою. «Если, пишетъ онъ, опредѣлить ея нарѣчіе съ строгою точностію, то слѣдуетъ сказать, что она написана на древне-Голандско-Марко Меклем-

бурго - Померано - Прусско - Саксонскомъ!!! Хотя я поголандски знаю лишь на столько, чтобы читать свободно прозу (а не поэтическія произведенія), но я всего болѣе по этому моему недостаточному познанію догадался, что книга Нѣмецкая (hoh-deutsch), а вовсе не потому, что я знаю хорошо понѣмецки; а Нѣмецкій языкъ можетъ назваться моимъ роднымъ: ибо я родился въ Ригѣ, и онъ былъ мною употребляемъ прежде Русскаго и всякаго другаго».

Въ одномъ письмѣ я выразился, что весьма было бы полезно для исторіи библіографіи, если бы каждый имѣющій библіотеку издавалъ описаніе своихъ книгъ. На такое заявленіе я получилъ отъ Соболевскаго письмо слѣдующаго содержанія:

....«Вы очень справедливо замѣчаете, что описаніе библіотекъ составляетъ лучшій матеріалъ для библіографіи; я же прибавлю, что таковыя описанія, какъ составленное вами, есть драгоцѣнный матеріалъ для исторіи словесности; что̀ же касается собственно библіографіи (то-есть наружной исторіи и описанія книгъ), то на этотъ счетъ смѣю вамъ замѣтить нѣкоторые недостатки и ошибки. Если бы спросили у меня, какое право я имѣю на это, то я отвѣчу слѣдующее: 1) мнѣ 64 года; 2) я въ теченіи 35 лѣтъ собралъ библіотеку въ 25000 томовъ, за которую мнѣ книгопродавцы, нарочито пріѣзжавшіе сюда изъ-за границы, предлагали 50000 талеровъ (вѣроятно, разсчитывая на барышъ, а не на убытокъ); 3) что я рыскалъ многажды по всей Европѣ для закупокъ; 4) что я почетный членъ Императорской Библіотеки и здѣшняго Музея и, наконецъ, 5) что о моей библіотекѣ часто упоминаетъ и послѣднее изданіе Manuel de Brunet, въ которомъ послѣднее слово 1-го тома—мое имя, какъ сотрудника. Кромѣ того, библіотека Черткова и Голицына *) здѣсь поручались владѣльцами моему надзору, и устройство ихъ въ нынѣшнемъ видѣ сдѣлано мною. Пріобрѣтя такимъ образомъ нѣкоторую опытность въ библіографіи, подкрѣпленную знаніемъ большой части Европейскихъ языковъ, я, кажется, имѣю право говорить о дѣлѣ этомъ, какъ о близко мнѣ знакомомъ... Изъ доставленной мнѣ копіи послѣсловія я вижу, что ваша Голандская (platt-deutsch) книга есть переводъ съ того подлинника, который указанъ мною (въ первомъ письмѣ) какъ напечатанный въ Vicenza 1507, многажды перепечатаннаго въ первой половинѣ XVI столѣтія и переведеннаго тогда же на многіе языки; у меня есть переводы на Французскій, на Латинскій, но вашего на Голандскій у меня нѣтъ. Если бы вы вздумали разстаться съ этой книгою для пополненія моего собранія, то я приму такое предложеніе съ радостію.... ибо главныя спеціальности моей библіотеки суть книги о путешествіяхъ и библіографіи»....

На предложеніе Соболевскаго я поспѣшилъ заявить ему, что, дорожа своею книгою, какъ замѣчательною библіографическою рѣдкостію, не могу уступить ее ни за какія деньги, и вообще не разстаюсь ни съ какою книгою, поступившею въ мою библіотеку. Въ отвѣтъ на это Соболевскій писалъ.... «Касательно того, что вы не разстаетесь ни съ какою книгою, я не вашего мнѣнія; напротивъ того: я

*) Князя С. М. Голицына. П. Б.

всегда радъ услужить специалисту въ его специальности и дать ему способъ пополнить свой отдѣлъ такою книгою, которая не входитъ въ мои главные отдѣлы и только сохраняю ее потому, что она представляетъ нѣкоторую рѣдкость. Мнѣ случалось, даже часто, покупать книги для другихъ, безъ ихъ спросу, но только потому, что имъ это должно быть пріятно. Ежели же дѣло идетъ до публичныхъ библіотекъ, то я пополненіе считаю долгомъ; такъ напримѣръ, я считалъ бы грѣхомъ не снабдить СПБ. библіотеку книгою о Россіи, въ ней не имѣющеюся, хотя бы даже она меня сильно интересовала и служила пополненіемъ которой нибудь изъ моихъ любимыхъ серій. Съ частными людьми я поступаю иначе: свою спеціальность предпочитаю ихъ спеціальности; но, какъ сказано выше, всегда готовъ пожертвовать капризомъ ихъ справедливому желанію.... Я уже имѣлъ честь вамъ писать, что и милліонеру-библіофилу слѣдуетъ не тратить времени и денегъ безъ опредѣленныхъ спеціальностей, а опредѣлить спеціальность болѣе или менѣе обширную и по карману, и по другимъ отношеніямъ. Если бы я не имѣлъ случая, изъ важныхъ торговыхъ дѣлъ, безпрестанно ѣздить съ одного конца Европы на другой, то я бы вѣрно не достигъ ничего порядочнаго по собранію книгъ о географіи и библіографіи. Чтò скажу объ этихъ отдѣлахъ у себя?? Они въ глазахъ знатоковъ чрезвычайно полны, не хуже любыхъ публичныхъ библіотекъ; но въ моихъ глазахъ—мнѣ бы нужно прожить еще не менѣе 25 лѣтъ, чтобы попасть по случаю на многое и истратить еще болѣе того, чтò потрачено мною, сотни тысячъ, чтобы быть довольнымъ ихъ полнотою».

Такъ продолжали мы вести переписку до конца Іюня мѣсяца, оставаясь знакомыми незнакомцами. Я весьма заинтересовался перепискою съ Соболевскимъ и очень желалъ познакомиться съ нимъ лично, ожидая къ тому удобнаго случая. Въ концѣ Іюня мѣсяца, намѣреваясь съѣздить въ нѣкоторые старинные Русскіе города, а въ томъ числѣ и въ Москву, я написалъ къ Сергію Александровичу о своемъ намѣреніи и желаніи съ нимъ познакомиться и лично побесѣдовать о библіографіи, но при этомъ просилъ увѣдомить меня, въ какое время можно явиться къ нему, чтобы не отвлечь его отъ занятій, не быть гостемъ хуже Татарина. На мое письмо Соболевскій отвѣчалъ 20 Іюня.... ....«Хотя я всегда занятъ, но никакъ не бойтесь быть у меня Татариномъ: мнѣ всегда пріятно будетъ васъ видѣть, и я не называю оторваться отъ дѣла—бесѣду съ собратомъ-библіофиломъ... Ожидаю васъ въ концѣ мѣсяца и поэтому откладываю свой отъѣздъ (въ Петербургъ). Fac-simile съ предисловія (Голандской книги) для меня очень желательно, но если вы привезете и самую книгу, то мнѣ пріятно будетъ посмотрѣть на нее для точнаго описанія и внести оное въ Bibliotheca vetustissima Americana, которая великолѣпно издана нѣкіимъ г-мъ Hanisse въ Нью-Іоркѣ и которую вы увидите у меня».

27 Іюня, пріѣхавъ въ Москву, я отправился къ Соболевскому. Онъ жилъ на Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ кн. Волконскаго. Скоро оты-

skалъ я этотъ домъ и, въѣхавъ на дворъ, усыпанный пескомъ, остановился у подъѣзда двухэтажнаго дома. Вышедъ изъ кабріолета и подойдя къ дверямъ, я увидалъ на нихъ двѣ мѣдныя дощечки съ надписями, на одной: В. Ѳ. Одоевскій, а на другой: С. А. Соболевскій. Въ это же самое время изъ сосѣдняго флигеля вышелъ ко мнѣ человѣкъ въ черномъ фракѣ и, узнавъ, что я пріѣхалъ къ Соболевскому, поспѣшилъ отпереть мнѣ двери у подъѣзда. Только что я успѣлъ войти въ переднюю и снять съ себя пальто, какъ въ ту же минуту вышелъ ко мнѣ мужчина преклонныхъ лѣтъ, высокаго роста, съ сѣдыми, довольно длинными волосами и небольшою Наполеоновскою бородкою. Онъ былъ одѣтъ по домашнему, въ коломенковомъ пиджакѣ и такихъ же брюкахъ свѣтло-гороховаго цвѣта. Опросивъ мою фамилію, онъ дружески протянулъ мнѣ руку и просилъ войти. Это былъ Сергій Александровичъ Соболевскій, которому я тотчасъ же рекомендовался и поднесъ экземпляръ «Матеріаловъ для библіографіи», прося его принять въ знакъ моего искренняго расположенія.—«Благодарю васъ, сказалъ Соболевскій, и весьма радъ съ вами познакомиться». Послѣ этихъ словъ онъ повелъ меня въ кабинетъ, чрезъ комнаты, уставленныя шкафами съ книгами.

Войдя въ кабинетъ, Соболевскій попросилъ меня сѣсть поближе къ нему, а самъ сѣлъ въ волтеровское кресло съ высокою спинкою и съ пульпитромъ, на которомъ лежали раскрытыми мои «Библіографическіе Матеріалы». У насъ сей-часъ же начался разговоръ о книгахъ и о моемъ изданіи. Замѣтивъ, что я обращаю вниманіе на его комнату, Соболевскій сказалъ: «Я живу, какъ старый холостякъ, совершенно одинъ, и эта комната служитъ мнѣ и кабинетомъ, и спальною; книги, которыя вы здѣсь видите, относятся всѣ къ библіографическому отдѣлу; тутъ вы найдете всѣ каталоги и все необходимое для библіофила. Такъ какъ эти книги мнѣ очень часто требуются для справокъ. то и размѣщены не въ шкапахъ, а на полкахъ, нарочно для нихъ сдѣланныхъ, безъ стеколъ и безъ дверей». Я спросилъ: есть ли между этими книгами рѣдкое изданіе Палатъ Академіи? Соболевскій, тотчасъ же вставъ съ креселъ, досталъ означенную книгу и съ улыбкою передалъ мнѣ; потомъ показалъ еще нѣсколько замѣчательныхъ библіографическихъ сочиненій на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ.—«Какъ вамъ уже извѣстно, сказалъ Соболевскій, моя библіотека состоитъ преимущественно изъ двухъ отдѣловъ: путешествій и библіографіи, которыя содержатъ въ себѣ все, что̀ есть лучшаго по этимъ предметамъ; но, кромѣ этихъ сочиненій, у меня есть немало и другихъ, почему либо замѣчательныхъ или рѣдкихъ. Пойдемте, я покажу вамъ всю свою библіотеку и ея рѣдкости».

Соболевскій повелъ меня чрезъ всѣ комнаты своей довольно обширной квартиры, находившейся въ нижнемъ этажѣ; одна половина ея состояла изъ комнатъ, расположенныхъ окнами въ садъ, а другая—во дворъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ окна были закрыты ставнями отъ палящихъ лучей солнца, а потому въ нихъ было довольно темновато. Въ каждой комнатѣ, вдоль стѣнъ, стояли небольшой величины книжные шкафы, а на срединѣ длинные письменные столы

съ атласами и ландкартами. При обозрѣніи комнатъ, я замѣтилъ Соболевскому, что такое удобное помѣщеніе для библіотеки, какое у него, рѣдко найдется въ частныхъ домахъ, и въ случаѣ переѣзда на другую квартиру встрѣтится большое затрудненіе. «Мнѣ никуда не придется переѣзжать, сказалъ Соболевскій; я условился съ владѣльцемъ дома, чтобы эта квартира принадлежала мнѣ до конца жизни, и потому размѣстилъ въ ней свою библіотеку какъ въ собственномъ своемъ домѣ. Всѣ мои книжные шкафы сдѣланы по моему образцу и въ моей квартирѣ, по расположенію комнатъ. Во всѣхъ шкафахъ ввинчены одинаковые замки, которые отпираются однимъ ключемъ, что̀ очень удобно и не отнимаетъ времени на отыскиваніе ключей».

По обозрѣніи всѣхъ комнатъ и книжныхъ шкафовъ, мы возвратились въ прежній кабинетъ и, черезъ нѣсколько времени, перешли изъ него въ сосѣднюю комнату. Тутъ я занялся разсматриваніемъ разныхъ книгъ, между которыми видѣлъ весьма рѣдкія изданія Юрналовъ и Камеръ-Фурьерскихъ Журналовъ; неоконченный печатаніемъ пятый томъ Грамотъ и Договоровъ, слѣдующій къ изданію графа Румянцова; сочиненія Карамзина, напечатанныя въ двухъ небольшихъ томикахъ въ Венеціи; полную 39-ю часть Россійскаго Ѳеатра; собраніе масонскихъ пѣсенъ и нѣсколько другихъ книгъ.

Отсюда мы пошли въ слѣдующія комнаты, гдѣ помѣщались книги относительно путешествій по Россіи, географіи, этнографіи, топографіи и проч. Здѣсь я въ особенности обратилъ вниманіе на рѣдкій атласъ, изданный къ путешествію Сарычева и на иностранныя изданія Герберштейна, Олеарія и Мейерберга.

Потомъ Сергѣй Александровичъ повелъ меня въ небольшую комнату съ двумя окнами, расположенную во дворъ. Въ ней находились разныя рукописи Соболевскаго и письма къ нему отъ разныхъ лицъ. По срединѣ комнаты стоялъ высокій стативъ съ подвижными полками, а за нимъ помѣщался шкафъ, выкрашенный черною краскою и особеннаго устройства со съемнымъ ящикомъ. Въ этомъ ящикѣ сохранялись у него особенно рѣдкія книги, которыя, въ случаѣ пожара, легко было вынести и спасти. Позади шкафа помѣщалась переписка Соболевскаго съ разными лицами; она была съ тщательностію переплетена въ прекрасные переплеты большаго формата и разставлена на полкѣ въ алфавитномъ порядкѣ и по годамъ. Вдоль стѣны, на полкахъ, стояли картоны съ рукописями и разными бумагами Соболевскаго.

Съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ я многотомную библіотеку Соболевскаго и до того былъ занятъ его разговорами, что совершенно позабылъ о времени. Бесѣда моя съ Соболевскимъ продолжалась до пяти часовъ и окончилась только потому, что мы оба вздумали объ обѣдѣ. Карета Соболевскаго уже давно ожидала его, чтобы везти къ обѣду въ Англійскій клубъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ и завѣдывалъ библіотекою. Прощаясь съ Соболевскимъ, я сказалъ, что мнѣ очень желательно доставить нѣсколько экземпляровъ моихъ «Матеріаловъ для библіографіи» нѣкоторымъ лицамъ и библіо-

текамъ въ Москвѣ, но не знаю, какъ это исполнить. Соболевскій съ удовольствіемъ вызвался принять на себя этотъ трудъ и просилъ привезти къ нему предназначаемые экземпляры въ Субботу, часу въ первомъ; при прощаніи онъ подарилъ мнѣ каталогъ библіотеки г. Черткова, надписавъ на оберткѣ его: «за прилежаніе и успѣхи въ библіографіи» и три тома Записокъ Туманскаго о Петрѣ Великомъ, не достававшихъ въ моемъ экземплярѣ и купленныхъ имъ нарочно для меня.

Такъ происходило мое первое свиданіе и началось знакомство съ библіофиломъ и библіографомъ С. А. Соболевскимъ.

Въ Субботу, 29 Іюня, былъ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла. Желая воспользоваться прекрасною погодою, я отправился утромъ въ Симоновъ монастырь къ обѣднѣ, а оттуда прошелъ на Старое Симоново, чтобы поклониться праху славныхъ въ исторіи иноковъ Пересвѣта и Ослябя и обозрѣть ихъ могилу. День былъ чрезвычайно жаркій, и я немало утомился, пройдя полемъ разстоніе версты въ двѣ или болѣе, подъ лучами палящаго солнца. По возвращеніи моемъ въ гостинницу, не смотря на свое утомленіе и усталость я тотчасъ же отправился къ Соболевскому съ нѣсколькими экземплярами моихъ Матеріаловъ.

Сергѣй Александровичъ уже давно ожидалъ меня, сидя въ своемъ обычномъ креслѣ. Въ рукахъ у него были книжки Матеріаловъ, закрѣпленныя шнурами къ особому переплету. Послѣ перваго привѣтствія, я разсказалъ ему о своей поѣздкѣ въ Симоново и о видѣнной мною могилѣ иноковъ. При этомъ у насъ начался разговоръ о нѣкоторыхъ Московскихъ древностяхъ и о знатокѣ ихъ Иванѣ Михайловичѣ Снегиревѣ. «Да, сказалъ Соболевскій, у насъ, Москвичей, онъ одинъ изъ замѣчательныхъ знатоковъ Русской археологіи, въ особенности церковной; но, къ общему сожалѣнію, въ настоящее время онъ находится въ весьма болѣзненномъ состояніи и, кажется, на всегда потерянъ для науки».... Затѣмъ мы перешли къ библіографіи, разговоръ о которой Соболевскій началъ словами: «Я почти не разстаюсь съ вашими книжками и уже много выучилъ изъ нихъ наизусть, а все же не могу находить желаемыхъ мною сочиненій. Очень жаль, что вы напечатали ихъ безъ оглавленій и безъ послѣдовательной нумераціи страницъ; безъ этихъ двухъ необходимыхъ принадлежностей каждой справочной книги въ нихъ ничего нельзя отыскать». На замѣчаніе Соболевскаго я отвѣчалъ, что это затрудненіе временное, и что при послѣдней книжкѣ приложу два алфавитныя оглавленія какъ сочиненій, такъ и фамилій авторовъ. «Готовъ словамъ я вашимъ вѣрить и терпѣливо ждать конца», сказалъ, улыбаясь, Соболевскій. Ваши слова, замѣтилъ я ему, напомнили мнѣ стихи Баратынскаго, вырѣзанные на его могильномъ памятникѣ. Заговоривъ о поэзіи, я коснулся А. С. Пушкина, друга и сотоварища Соболевскаго, при чемъ замѣтилъ, что стихи Пушкина я полюбилъ почти съ дѣтства, заучивалъ наизустъ цѣлыя его поэмы и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произношу имя безсмертнаго поэта. «И такихъ почитателей Пушкина, какъ вы, найдется не одна тысяча

людей въ Россіи, сказалъ Соболевскій. Да, Александръ Сергѣевичъ былъ ко мнѣ весьма расположенъ и, какъ другу, повѣрялъ свои задушевныя мысли. Его стихотвореніе «Братья разбойники» было издано мною, да и въ изданіи Руслана и Людмилы я также принималъ большое участіе вмѣстѣ съ Львомъ Сергѣевичемъ. Въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія Пушкинъ напечаталъ одинъ экземпляръ своей поэмы Цыганы на пергаментѣ и преподнесъ его мнѣ; въ послѣдствіи я отдалъ этотъ экземпляръ князю Николаю Ивановичу Трубецкому. Съ братомъ Пушкина Львомъ Сергѣевичемъ я вмѣстѣ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ, а впослѣдствіи былъ опекуномъ надъ его дѣтьми. Если вы такой восторженный почитатель Александра Сергѣевича, то пойдемте, я покажу вамъ подлинныя его письма къ этому Льву Сергѣевичу. Они были напечатаны въ Библіографическихъ Запискахъ въ 1858 году и, вѣроятно, у васъ имѣются; но я вамъ подарю экземпляръ въ отдѣльномъ оттискѣ, которыхъ отпечатано 110 экземпляровъ». Послѣ этихъ словъ Сергій Александровичъ повелъ меня въ ту комнату, гдѣ сохранялись его рукописи и переписка съ разными лицами. Вошедъ въ эту комнату, онъ досталъ небольшую тетрадь въ 4 д. л. въ синемъ бархатномъ переплетѣ и подалъ ее мнѣ, съ улыбкою говоря: «Съ благоговѣніемъ пересмотрите листы этой тетради, исписанной рукою обожаемаго вами поэта».—Я съ осторожностію принялъ отъ Соболевскаго тетрадь Пушкина и, подошедъ къ окну, со вниманіемъ сталъ разсматривать находящіяся въ ней письма, переплетенныя въ хронологической послѣдовательности; въ концѣ тетради была и картинка, нарисованная Пушкинымъ карандашемъ и предназначавшаяся для Невскаго Альманаха.

Разсматривая тетрадь Пушкина, я припоминалъ себѣ годы своей юности и то невыразимое удовольствіе, какое доставляло мнѣ чтеніе неподражаемыхъ стиховъ безсмертнаго поэта. Обозрѣвъ тетрадь, я возвратилъ ее Соболевскому, и затѣмъ мы занялись обзоромъ рѣдчайшихъ книгъ. Эти книги находились въ томъ самомъ съемномъ ящикѣ, сдѣланномъ на случай пожара, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Соболевскій отодвинулъ наружную доску ящика и вынулъ изъ него книгу, на заглавномъ листѣ которой была точно такая же виньетка, какъ на моей книгѣ, напечатанной въ Нюренбергѣ въ 1508 году. «Вотъ, сказалъ Соболевскій, то самое сочиненіе, какое есть у васъ, т. е. описаніе древнихъ путешествій въ Америку, но только на Нѣмецкомъ языкѣ, а ваше на Голандскомъ». За тѣмъ, вынувъ другую книгу, прибавилъ: «Вотъ еще такое же сочиненіе въ подлинникѣ на Итальянскомъ языкѣ; у меня есть также переводы съ него на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, напечатанные въ началѣ XVI столѣтія и очень рѣдкіе. Мнѣ было бы весьма желательно присоединить къ нимъ и вашу Голандскую книгу, которой у меня недостаетъ. Напрасно вы не привезли ея въ Москву и лишили меня удовольствія посмотрѣть на вашу рѣдкость; но я вполнѣ увѣренъ, что вы уступите мнѣ вашу книгу и пополните ею пробѣлъ въ моемъ собраніи. Въ замѣнъ ея я готовъ уступить вамъ не менѣе рѣдкую книгу, съ которою разстаюсь только потому, что у меня она въ двухъ

экземплярахъ». Сказавъ это, онъ досталъ изъ ящика предлагаемую книгу и началъ мнѣ объяснять библіографическую ея рѣдкость. Книга эта была Географія Птоломея, напечатанная на Итальянскомъ языкѣ въ стихахъ, въ 1478—80 годахъ, съ 27 географическими картами, на которыхъ впервыя явились гравированныя, а не тисненыя имена мѣстностей. Хотя предлагаемая на обмѣнъ книга была весьма рѣдкая и немало соблазняла меня, однакоже я предпочелъ ей свою книгу и не рѣшился съ нею разстаться, а потому и сказалъ Соболевскому, что не могу тотчасъ же согласиться на его предложеніе и долженъ объ этомъ нѣсколько подумать. «Подумайте, сказалъ Соболевскій, и полюбуйтесь на вашу книгу, если вы еще не довольно на нее насмотрѣлись, но потомъ уступите мнѣ именно потому, что я имѣю спеціальное собраніе сочиненій объ Америкѣ и почти всѣ изданія Сборника древнихъ путешествій, кромѣ Голандскаго перевода». Окончивъ на этомъ переговоры о Голландской книгѣ, Соболевскій досталъ изъ ящика два прекрасно переплетенные тома сочиненій императора Людовика Наполеона. Къ сожалѣнію, я не могу припомнить теперь, какое именно это было сочиненіе, но если только не ошибаюсь, кажется, Исторія Юлія Цезаря. «Эти книги, сказалъ Соболевскій, я получилъ въ подарокъ отъ императора Наполеона, съ которымъ познакомился еще бывши въ Италіи. Вотъ и его собственноручная надпись, сдѣланная для меня на экземплярѣ». Я со вниманіемъ прочелъ надпись Наполеона и пересмотрѣлъ нѣсколько листовъ прекрасно изданной книги. «Кстати, я покажу вамъ еще одинъ рѣдчайшій экземпляръ сочиненія Аделунга: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde».—«У меня есть эта книга, замѣтилъ я Соболевскому и даже съ собственноручною на экземплярѣ надписью Аделунга». «Мой экземпляръ, сказалъ Соболевскій, тоже принадлежалъ Аделунгу, но онъ несравненно дороже вашего». Затѣмъ Соболевскій досталъ книгу въ 4 д. л. и, показывая находящіяся въ ней записки, спросилъ: «узнаете ли по этому почерку руки, кѣмъ онѣ писаны». «Такимъ почеркомъ, отвѣчалъ я, писала императрица Екатерина II, и у меня есть нѣсколько факсимиле съ ея писемъ». «А это, сказалъ Соболевскій, собственноручныя замѣтки императрицы Екатерины, почему и можно назвать мой экземпляръ рѣдчайшимъ».

Окончивъ обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ, мы снова возвратились въ кабинетъ, гдѣ я отдалъ Соболевскому пять экземпляровъ библіографическихъ матеріаловъ и просилъ передать одинъ изъ нихъ князю М. А. Оболенскому, другой князю П. А. Вяземскому, третій М. П. Погодину, четвертый въ библіотеку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и пятый въ библіотеку Г. А. Черткова.

Соболевскій съ готовностію взялся исполнить мое порученіе и просилъ пріѣхать къ нему дня черезъ три; но я объяснилъ Соболевскому, что не могу такъ скоро воспользоваться его приглашеніемъ, потому что черезъ два дня отправлюсь изъ Москвы въ Сергіевскую Лавру, а оттуда намѣренъ проѣхать въ Переяславль-Залѣсскій и Ростовъ, и поэтому не могу быть у него ранѣе какъ по возвращеніи своемъ въ Москву, недѣли черезъ двѣ. Соболевскій пожелалъ мнѣ

счастливаго странствованія и, прощаясь, подарилъ купленныя имъ прежде пять книжекъ Матер. для Библ. съ разными своими замѣтками на поляхъ страницъ и съ пространною надписью на оборотѣ заглавнаго листа. На оберткѣ первой книжки былъ наклеенъ фотографическій портретъ Соболевскаго съ надписью подъ нимъ словъ: «строгъ, но справедливъ». На портретѣ Соболевскій изображенъ безъ бороды и съ коротко обстриженными на головѣ волосами, сидящимъ у стола въ креслахъ, въ застегнутомъ двухбортномъ сертукѣ и съ лорнеткою въ правой рукѣ. Этотъ портретъ имѣетъ большое сходство, хотя и былъ снятъ съ Соболевскаго за нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кромѣ этого экземпляра Соболевскій подарилъ мнѣ съ своими надписями въ отдѣльныхъ оттискахъ письма Пушкина къ брату и Оглавленіе статей Каммеръ-Фурьерскихъ журналовъ, составленное Соболевскимъ и отпечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1868 г. на веленевой глазированной бумагѣ.

На другой день, Соболевскій прислалъ мнѣ по городской почтѣ письмо, написанное къ нему княземъ М. А. Оболенскимъ, который изъявлялъ мнѣ въ своемъ письмѣ благодарность за доставленныя ему книжки Матеріаловъ.

По возвращеніи въ Москву, 7-го числа Іюля, въ Воскресенье, въ первомъ часу, я отправился къ Сергію Александровичу и засталъ его по обыкновенію сидящимъ въ своихъ покойныхъ креслахъ, съ книгою въ рукахъ. Соболевскій, не предполагая свидѣться со мною раньше двухъ недѣль, весьма удивился, увидавъ меня въ своемъ кабинетѣ. Я пояснилъ ему причину моего скораго возвращенія въ Москву и разсказалъ вкратцѣ о своей поѣздкѣ въ Сергіевскую Лавру, во Владиміръ и Боголюбовъ. Разговаривая о Владимірѣ и его памятникахъ старины, мы коснулись древнѣйшаго Дмитріевскаго собора и его описанія, составленнаго и изданнаго графомъ Строгоновымъ. «У васъ, сказалъ Соболевскій, есть эта рѣдкая книга и упоминается въ Матеріалахъ, но у меня ея нѣтъ; она напечатана въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ и не поступала въ продажу. Теперь, скажу вамъ относительно вашего порученія, что я его почти исполнилъ. Книжки библіографическихъ матеріаловъ розданы мною согласно съ вашимъ предназначеніемъ, кромѣ одного экземпляра, опредѣленнаго для князя Вяземскаго; этотъ экземпляръ остается еще у меня, но, при первомъ случаѣ, я постараюсь передать его князю, который теперь живетъ въ Москвѣ, кажется, въ Ильинскомъ У меня находится для васъ нѣсколько книгъ, присланныхъ вамъ отъ разныхъ лицъ въ знакъ благодарности за ваши Матеріалы, а именно: отъ князя М. А. Оболенскаго: Грамота, утверждающая санъ царя Іоанна Васильевича, Лѣтописецъ Суздальскій и давно желаемый вами рѣдчайшій пятый томъ Румянцовскихъ грамотъ и договоровъ; отъ М. П. Погодина: пятый томъ его лекцій и замѣчаній о Русской Исторіи, недостающей въ вашей коллекціи; отъ Г. А. Черткова, чрезъ посредство П. И. Бартенева: Путешествіе по Сициліи, съ атласомъ рисунковъ, который вы считаете рѣдкимъ и два прибавленія къ описанію древнихъ русскихъ монетъ Черткова». Всѣ означенныя книги лежали на подвиж-

номъ стативѣ и были вручены мнѣ Соболевскимъ, котораго я весьма благодарилъ за его благосклонное участіе. Передавъ мнѣ книги, Соболевскій снова началъ разговоръ о Голандскомъ переводѣ древнихъ путешествій въ Америку и просилъ уступить ему эту книгу. Жалѣя разстаться съ своею книгою, я подъ разными предлогами отклонялся отъ его просьбы, и мои неопредѣленные и уклончивые отвѣты, замѣтно, встревожили и разсердили Соболевскаго. Хотя я обѣщалъ уступить ему книгу, когда достаточно на нее насмотрюсь, однакоже слова мои не могли возвратить ему прежняго спокойствія и веселости.

Узнавъ, что я завтра уѣзжаю въ Петербургъ, Соболевскій, при прощаніи со мною, пожелалъ мнѣ счастливаго пути и обѣщался непремѣнно посѣтить меня въ Петербургѣ. Если-же, прибавилъ онъ, придется вамъ быть въ Москвѣ раньше моего пріѣзда, то пріѣзжайте ко мнѣ, какъ къ своему собрату по библіографіи, но не позабудьте привезти мнѣ на показъ своего Голандца, котораго, будьте вполнѣ увѣрены, я отъ васъ не отжилю. Это слово обоихъ насъ разсмѣшило, и мы довольно весело распрощались другъ съ другомъ. Я уѣхалъ отъ Соболевскаго въ 5 часовъ, совершенно не предполагая, что разстался съ нимъ навсегда, и что третья наша библіографическая бесѣда была и послѣдняя.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я вскорѣ написалъ Соболевскому письмо, въ которомъ благодарилъ его за радушный пріемъ и за оказанное ко мнѣ вниманіе, а въ заключеніи письма просилъ его забыть то минутное неудовольствіе, которое я причинилъ ему своими отвѣтами при разговорѣ о Голандской книгѣ, въ послѣднее наше свиданіе. На это письмо я не получилъ отъ него никакаго отвѣта и, предполагая, что онъ все еще на меня сердится, отправилъ къ нему другое письмо. 17 числа Августа я получилъ отъ него такое увѣдомленіе.... «Я вчера возвратился изъ Казани (куда отправился 1 числа) и письмо ваше отъ 4 числа нашелъ у себя на столѣ. Удивляюсь, какъ вы 4 числа не получали письма моего, отправленнаго къ вамъ до моего отъѣзда, которымъ я извѣщалъ васъ объ исполненіи вашихъ комиссій, касательно передачи вашихъ Матеріаловъ.... Въ Нижнемъ и въ Казани я искалъ и не нашелъ ничего хорошаго по части насъ интересующей, хотя въ Казани и есть старинная Русская книжная лавка. Я видѣлъ мало интереснаго вообще и ничего, способнаго войти въ мою библіотеку. Даже нѣтъ Казанскихъ изданій, напечатанныхъ въ послѣдніе годы!!!.... Извѣстную Голандскую книгу мнѣ изъ Лондона предлагаютъ за 10 фунт. стерл. (что̀ составитъ по теперешнему курсу около 70 рубл.), но я не рѣшаюсь оной взять за эту цѣну, ибо жду, не будетъ ли мнѣ сдѣлано другаго предложенія изъ Парижа, Лейпцига и т. д.».

Съ этого времени у насъ по прежнему возобновилась переписка о библіографіи, рѣдкихъ книгахъ и библіотекахъ. 20 числа Августа Соболевскій извѣщалъ меня о распродажѣ книгъ, принадлежавшихъ покойному библіофилу М. П. Полуденскому и просилъ пріѣхать, хотя на денекъ, въ Москву, но я не могъ воспользоваться его приглашеніемъ.

1 числа Сентября Соболевскій прислалъ мнѣ письмо съ пространнымъ сужденіемъ о книгахъ; часть изъ этого письма считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь.

....«Повѣрьте мнѣ: библіофилъ, даже библіофилъ-милліонеръ (къ коимъ ни я, ни вы—мы, вѣроятно, не принадлежимъ) долженъ обратить вниманіе и деньги на спеціальность, ибо только спеціальность можетъ быть доступна не только частнымъ лицамъ, но даже и правительственнымъ заведеніямъ. Взгляните на отдѣлъ Rossica въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Сколько настойчивости, труда и денегъ потрачено, а все еще не достигнуто настоящей полноты. Всякая спеціальность въ собраніи—дѣло жизни собирателя! И такъ, у частныхъ людей цѣлью собирательства должна быть спеціальность, которая по средствамъ можетъ быть обширнѣе и уже, хотя, по моему мнѣнію, и самая узкая спеціальность доходитъ до обширныхъ размѣровъ. Моя библіотека, кромѣ спеціальностей, составлена иначе: она есть отраженіе моей умственной жизни, то-есть, я покупалъ тѣ книги, кои мнѣ были нужны для изучаемаго въ извѣстный моментъ предмета, и отъ того происходитъ въ ней совершенное отсутствіе всякой непросмотрѣнной книги. (Не говорю: непрочитанной, потому что есть тысячи книгъ, которыхъ никогда не читаютъ, но которыя держатъ для какой нибудь справки). Просмотрѣть книгу—у меня значитъ познакомиться съ ея содержаніемъ на столько, чтобы узнать, чего мнѣ въ ней искать можно.... Кстати о рѣдкости книгъ. Русскія книги, вообще, дѣлаются скоро рѣдкими, и потому что имъ нѣтъ складочныхъ торговыхъ мѣстъ, и потому что онѣ разбросаны на огромномъ пространствѣ, и потому что мы Россіяне вообще безпорядочны и не-скопидомы. Особенно же всякая книжка, не стоющая при появленіи расхода на переплетъ, дѣлается рѣдкостью, потому что рвется скоро; эти-то книги и составляютъ цвѣтъ нашей коллекціи, потому что въ нихъ частехонько бываетъ больше сущности, чѣмъ въ толстыхъ томахъ. И притомъ, такъ какъ онѣ не сберегаются, то нѣтъ возможности ихъ имѣть въ извѣстный часъ надобности».

Отправивъ къ Соболевскому VI книжку «Матеріаловъ для библіографіи», я получилъ отъ него письмо 17 Сентября съ нѣкоторыми на нее замѣчаніями и, между прочимъ, онъ писалъ: «Единственный способъ библіофильствовать съ успѣхомъ—помогать другъ другу, пользоваться обстоятельствами и помнить и о пользѣ другихъ. Напримѣръ, вы мнѣ сообщили, что разпрерѣдкой книжицы Шлецера нѣтъ въ Импер. Публ. Библіотекѣ; теперь она уже тамъ есть по вашей милости *). Я также поступалъ часто и за границею; вотъ почему я во всѣхъ библіотекахъ и у всѣхъ библіофиловъ свой человѣкъ, другъ и благодѣтель».

По полученіи отъ меня VIII книжки «Матеріаловъ для библіографіи», отпечатанной въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца 1869 года, Собо-

*) Книга Шлецера имѣетъ заглавіе: Краткое изображеніе Россійской Исторіи; она переведена съ Французскаго языка и издана въ 36 д. л. со многими гравированными портретами.

левскій замѣтилъ въ ней неполные экземпляры Вѣнской и Флорентинской картинныхъ галлерей и написалъ слѣдующее.... «На что вамъ онѣ? Зачѣмъ онѣ въ вашей библіотекѣ? Что̀ въ нихъ Русскаго? А если это для пополненія книгъ о художествахъ, то знайте, что и Ротшильду не собрать чего нибудь полнаго по отдѣлу галлерей.... Многажды повторялъ я вамъ: человѣку, библіофилу, не имѣющему капиталовъ Ротшильда, слѣдуетъ избрать спеціальность болѣе или менѣе обширную, а не пускаться во всѣ отрасли. Да и Ротшильду нельзя брать нѣкоторыхъ спеціальностей (наприм. галлерей). На это или публичныя библіотеки, куда время все сноситъ, или библіотеки Англійскихъ лордовъ, у коихъ собранія составляются многими поколѣніями, сохраняются чрезъ многія поколѣнія въ однихъ и тѣхъ же домахъ, съ тѣми же, чрезъ многія поколѣнія, непрекращаемыми богатыми средствами. А у нашей братіи нѣтъ ни своего дома, ни семейства для передачи; куда намъ собирать въ большихъ размѣрахъ! Мои собранія (Путешествія и Библіографія) огромны, когда сравниваю ихъ съ такими же собраніями у другихъ; но ничтожны, если вспомнить, чего въ нихъ недостаетъ. А мнѣ благопріятствовало многое: связи, путешествія, торговыя корреспонденціи, собственное помѣщеніе (въ деревнѣ и Питерѣ), знаніе языковъ, отличная память и проведенные на свѣтѣ и въ свѣтѣ многіе годы»....

Относительно прочихъ сочиненій, описанныхъ мною въ VII книжкѣ Матеріаловъ, онъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку о Дельвигѣ и Грибоѣдовѣ,—къ стр. 38 и 53.... «Другъ мой Дельвигъ не зналъ погречески, но понималъ инстинктивно духъ Греческихъ писателей. ...Горе отъ ума — врядъ ли писалось въ Тифлисѣ: Грибоѣдовъ въ Москвѣ читалъ мнѣ кое-что изъ него, по мѣрѣ и въ день написанія».... О рѣдкомъ изданіи Руссова: «Воспоминанія на 1832 годъ» (стр. 101) онъ замѣтилъ: «Для библіографіи важно то, что Руссовъ издалъ не одни замѣчанія на Герберштейна, а полный переводъ его; чтобы не придралась цензура, онъ будто-бы опровергаетъ его»... На 50 страницѣ, гдѣ говорится о мѣстѣ погребенія Гоголя, сдѣлана важная опечатка: вмѣсто Данилова монастыря напечатано Демидовъ. Соболевскій, замѣтивъ эту ошибку, написалъ: «Вѣкъ живи—вѣкъ учись! Узнаю, что существуетъ Демидовъ монастырь! Есть Донской, Даниловъ, а объ этомъ не слыхалъ»... Онъ долго шутилъ и смѣялся надъ этою ошибкою въ своихъ письмахъ, что̀ заставило и меня написать къ нему такое восьмистишіе:

Бѣги въ лѣса, творецъ Ежей *),
Покинь на вѣки берегъ Невскій:
Не то сатирою своей
Тебя погубитъ Соболевскій.

*

Доколь, какъ дождевой пузырь,
Ты не погибъ съ семью Ежами:
Бѣги въ Демидовъ монастырь
И скройся за его стѣнами...

*) Ежами и недотрогами называлъ Соболевскій мои книжки Матеріаловъ, потому что при нихъ не было алфавитныхъ оглавленій, и по этой причинѣ они были неудобны и недоступны для справокъ.

Въ одномъ изъ писемъ Соболевскій, заявляя мнѣ о своемъ сожалѣніи, что я не слѣдую его указаніямъ и совѣтамъ, говоритъ: ...«Я надѣялся, что мои совѣты по библіографіи (что̀ не говори кто, а въ ней я дока) будутъ приняты не хуже тѣхъ совѣтовъ, кои испрашивали у меня по словесности (въ которой не считаю себя далеко докою) Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, Дельвигъ и многіе другіе. Судите-же о моемъ огорченіи!»...

До 27 числа Февраля между нами была еженедѣльная переписка о рѣдкости старопечатныхъ книгъ и о ихъ стоимости, но она вдругъ прекратилась, и отъ Соболевскаго я получилъ письмо не ранѣе 22 Марта; оно начиналось слѣдующими словами: «Любезнѣйшій Я. Ф. Цѣлый вѣкъ не писалъ къ вамъ. Вы знаете мое горе: самый старый и лучшій другъ мой Одоевскій вдругъ скончался, прямо надъ моею головою. До библіографіи ли мнѣ было?»...

Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій жилъ въ домѣ кн. Волконскаго, во второмъ этажѣ, надъ самою квартирою Соболевскаго, и скончался 27 числа Февраля 1869 года. Онъ былъ сверстникъ Соболевскаго и въ продолженіи всей жизни былъ съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Одоевскій родился въ 1803 году Іюля 30 дня и былъ только двумя мѣсяцами старше Соболевскаго.

Въ Майской книжкѣ Р. Архива 1869 г. Соболевскій помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Новыя явленія въ Русской Библіографіи»; въ этой статьѣ онъ высказалъ свое мнѣніе о вышедшихъ тогда каталогахъ Глазунова и Базунова, а также коснулся и моихъ книжекъ «Матеріалы для библіографіи», о которыхъ между прочимъ написалъ: «Въ нихъ читатели найдутъ много полезныхъ свѣдѣній о книгахъ, пропущенныхъ или упомянутыхъ только вкратцѣ у Сопикова и другихъ, замѣчательную точность описаній, бездну трудолюбія въ исчисленіи статей каждаго сборника, но съ тѣмъ вмѣстѣ тьму странностей, н е р я ш е с т в ъ и излишествъ».... Прочитавъ эту статью, я написалъ Соболевскому, что слово н е р я ш е с т в ъ непримѣнимо къ описанію книгъ и употреблено имъ совершенно не у мѣста. Соболевскій всѣми средствами старался убѣдить меня, что это слово имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и слово безпорядочность и для доказательства приводилъ выписки изъ разныхъ словарей. Не смотря на всѣ его старанія убѣдить меня, я не соглашался съ его мнѣніемъ и заявлялъ, что такое слово не слѣдовало бы помѣщать ему въ прекрасной своей статьѣ. Вслѣдствіе нашего филологическаго диспута, Соболевскій прислалъ мнѣ два оттиска своей статьи, одинъ напечатанный на бѣлой веленевой бумагѣ, а другой на розовой, въ которомъ слово н е р я ш е с т в ъ было замѣнено точками. На оборотѣ заглавнаго листа этого оттиска напечатано: «Въ книжное сборище Якова Федуловича Березина - Ширяева. Единственный экземпляръ б е з ъ н е р я ш е с т в ъ». Эту именную брошюрку, напечатанную на розовой бумагѣ въ одномъ только экземплярѣ, Соболевскій прислалъ мнѣ въ подарокъ, какъ библіографическую рѣдкость.

Въ половинѣ Мая мѣсяца я переѣхалъ на дачу въ Царское Село, но это нисколько не препятствовало нашей библіографической пере-

пискѣ, которая съ особенною дѣятельностію продолжалась цѣлое лѣто, по случаю пріобрѣтенія мною разныхъ книгъ прошедшаго столѣтія. Между этими книгами было немало изданій рѣдкихъ и замѣчательныхъ, о которыхъ я сообщалъ Соболевскому. Въ это же время я занимался описаніемъ библіографическихъ сочиненій и каталоговъ для восьмой книжки «Матеріаловъ», которою и намѣревался закончить свое изданіе. Соболевскій, узнавъ, что у меня недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ по этому отдѣлу, поспѣшилъ пополнить его своими дублетными экземплярами и выслалъ мнѣ съ почтою въ Царское Село порядочный тюкъ книгъ, между которыми были рѣдкіе каталоги библіотекъ: Демидова, Норова, Власова и Ширяева. Вмѣстѣ съ этими каталогами онъ прислалъ мнѣ инкунабулъ на Латинскомъ языкѣ, напечатанный въ Венеціи въ 1480 году. Эта рѣдкая книга, имѣющая заглавіе: Fasciculus temporum, содержитъ въ себѣ сокращенную всемірную исторію отъ сотворенія міра до 1480 года; она напечатана въ листъ со многими въ текстѣ рисунками и весьма хорошо сбережена.

Интересуясь библіографическимъ отдѣломъ восьмой книжки «Матеріаловъ», подготовляемой мною къ печати, Соболевскій нерѣдко обращался ко мнѣ съ вопросами о ней: «Что же восьмой Ежъ,—когда онъ явится?» По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я не могъ окончить этой книжки въ 1869 году, и потому отвѣчалъ Соболевскому, что ожидаемый имъ Ежъ родится на свѣтъ не ранѣе будущаго года. Продолжая вести со мною дѣятельную переписку, Соболевскій нерѣдко повторялъ мнѣ въ своихъ письмахъ, что библіографы должны помогать другъ другу и при этомъ упоминалъ иногда о моей Голандской книгѣ. Хотя эта книга уже давно была предназначена мною Соболевскому, но я не заявлялъ ему о своемъ намѣреніи и до времени старался отклонять о ней вопросъ. Съ окончаніемъ года Соболевскій вдругъ прекратилъ со мною сношенія и не сталъ болѣе присылать писемъ. Въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ я писалъ къ нему нѣсколько разъ, но ни на одно письмо не имѣлъ отвѣта. Меня до крайности удивляло такое внезапное прекращеніе переписки, тѣмъ болѣе, что оно не зависѣло отъ болѣзни или отсутствія Соболевскаго, который въ продолженіи этого времени прислалъ мнѣ нѣсколько брошюръ. Желая разгадать таинственную причину его продолжительнаго молчанія, я написалъ къ нему нѣсколько писемъ, на которыя только 26 Марта 1870 года получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ.

«Милостивый государь Я. Ф. Вы желаете знать причину моего молчанія, вотъ она».

«Переписка наша завелась по случаю книги, изданной въ 1508 году, которою я заинтересовался. Вскорѣ послѣ этого, узнавъ, что вы собираетесь въ Москву, я просилъ васъ захватить эту книгу съ собою на показъ мнѣ; вы не исполнили моей просьбы, какъ бы въ страхѣ, чтобы я у васъ оной не отжилилъ. Впослѣдствіи я лично просилъ васъ мнѣ ее уступить. Просьба моя была вовсе не неумѣстная, ибо дѣло шло о вещи, не имѣющей для васъ никакой важности; для меня же о пополненіи спеціальности. Это такая библіофильская учтивость, что и предложить уступку, и поспѣшить

на оную—вещь обыкновенная, простое дѣло, когда кто увѣренъ, что при этомъ не потерпитъ въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ, я просилъ васъ позволить мнѣ написать въ вашемъ каталогѣ исправленное свѣдѣніе объ этой книгѣ въ пользу науки, которою—и вы и я—мы занимаемся. И этой просьбы вы не уважили. Такое неуваженіе къ тремъ моимъ просьбамъ, не имѣющее другаго основанія кромѣ чистаго каприза, показало мнѣ, что я ошибся на счетъ дружескаго расположенія, которое я предполагалъ въ васъ ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я рѣшился прекратить интимность, которой я было предался въ отношеніяхъ моихъ къ вамъ; считаю ее излишнею. Честь имѣю пребыть покорнѣйшимъ слугою вашимъ.

С. Соболевскій».

„25 Марта 1870".

Въ слѣдствіе этого письма я написалъ Соболевскому нѣсколько писемъ, въ которыхъ просилъ не сердиться на меня и доказывалъ, что не разстаюсь съ своею Голандскою книгою не потому что не расположенъ къ нему или по капризу, но единственно по той причинѣ, что дорожу ею, какъ необыкновенною библіографическою рѣдкостію и не могу достаточно на нее наглядѣться. Однакоже, не смотря на всѣ мои убѣжденія, Соболевскій не хотѣлъ согласиться съ моими доводами и не возобновлялъ переписки, а только по временамъ присылалъ ко мнѣ краткія замѣтки о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и брошюры. Видя, что слова мои не могутъ убѣдить Соболевскаго въ моемъ истинномъ къ нему расположеніи, я не сталъ болѣе докучать ему своими письмами. Такія библіофильскія неудовольствія, возникшія между нами изъ-за Голандской книги, прекратили наши сношенія на довольно продолжительное время, такъ что въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ мы, кажется, вовсе не писали другъ къ другу.

1-го числа Іюля вышла изъ печати восьмая и послѣдняя книжка «Матеріаловъ для библіографіи», которой я немедленно послалъ нѣсколько экземпляровъ къ Соболевскому. Въ этой книжкѣ, на страницѣ 8-й, было помѣщено мною болѣе точное и подробное свѣдѣніе о рѣдкой Голандской книгѣ, при чемъ указывалось и на разныя ея изданія. Такое заявленіе снова возбудило въ Соболевскомъ библіофильскую страсть къ обладанію книгою и послужило поводомъ къ возобновленію переписки. 4-го числа Іюля онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ увѣ млялъ о полученіи имъ моихъ книжекъ, а 6-го числа прислалъ другое письмо, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ о возобновленіи со мною переписки на такихъ условіяхъ: ...«Я предлагаю вамъ возобновить прежнія отношенія слѣдующимъ образомъ. Я вамъ вышлю: 1) Отличный экземпляръ Ровинскаго съ атласомъ, библіофически переплетенные, 2) ваши Матеріалы — тоже въ особомъ переплетѣ по моему, 3) кое-что изъ Русской библіографіи. Вы мнѣ вышлите путешествіе platt-deutsch (т. е. Голандскую книгу), въ исполненіе обѣщанія. Послѣ этого, кто вспомнитъ старое, тому глазъ вонъ».

Прочитавъ такое письмо, я тотчасъ же написалъ въ отвѣтъ Соболевскому, что съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю его пред-

ложеніе и немедленно пришлю къ нему своего Голандца, на котораго достаточно уже насмотрѣлся.

11 числа Іюля 1870 г. я получилъ отъ Соболевскаго письмо, начинавшееся такими словами: «Сейчасъ я былъ обрадованъ вашимъ письмомъ. Давно бы такъ, и изъ дружбы ко мнѣ (въ которой я долженъ былъ сомнѣваться), и изъ библіографическаго соображенія. Библіофилы должны помогать другъ другу; одинъ ничего порядочнаго не сдѣлаетъ. Вы наглядѣлись на своего путешественника, а у меня онъ принесетъ пользу библіографіи; вы знаете, что я человѣкъ не корыстный, и такъ я вамъ поспѣшу выслать такія вещи, что вамъ придется сейчасъ же напечатать добавочный листокъ къ Матеріаламъ».

16 числа Іюля я отправилъ съ почтою къ Соболевскому свою Голандскую книгу и, кажется, въ этотъ же самый день получилъ изъ почтамта присланный мнѣ атласъ гравюръ къ сочиненію Ровинскаго, отпечатанный только въ числѣ 23 экземпляровъ. Книга моя весьма обрадовала Соболевскаго, который 21 Іюля писалъ мнѣ между прочимъ слѣдующее:

«Только сейчасъ.... я получилъ вашу посылку изъ почтамта.... Очень радуюсь книгѣ, что она моя, но болѣе того радуюсь, что она не ваша. Вотъ почему: въ случаѣ вашей смерти или чего либо другаго, она прошла бы незамѣтною, въ родѣ старыхъ газетъ или афишекъ—и была бы неизвѣстна въ библіографіи. Рѣдкость ея не въ томъ, что она напечатана въ 1508 году (ибо изданій инкунабуловъ до 18.000 извѣстно прежде 1500 года), а тѣмъ она рѣдка, что не описана и не упомянута никѣмъ изъ спеціалистовъ по части книгъ путешествій, коихъ много (т. е. спеціалистовъ). Это оттого, вѣроятно, произошло, что она по наружному виду, по рисунку заглавія, по формату, по шрифту, по числу тетрадей и листовъ—совершенно похожа на Рюмахера, напечатаннаго въ томъ же году и тѣмъ же типографщикомъ, такъ что всякій каталографъ, видѣвшій разъ Рюмахера и получившій въ руку вашу книгу, не дастъ себѣ и труда прочесть заглавіе или взглянуть въ текстъ, будучи увѣренъ, что это знакомый ему давно Рюмахеръ. Я увѣренъ, что ваша книга существуетъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ Германіи, но въ оныхъ считается просто Рюмахеромъ и ничѣмъ инымъ, а platt-deutsch переводъ неоглашенъ по нынѣ»....

Отправивъ книгу, я написалъ Соболевскому, что не замедлю сообщить ему всѣ подробности, какимъ образомъ была пріобрѣтена мною эта Голандская книга, случайно найденная между старыми газетами, въ сараѣ у одного рыночнаго торговца. «Опишите мнѣ подробно, писалъ Соболевскій, какъ, гдѣ и у кого куплена эта книга, надѣлавшая мнѣ тьму хлопотъ и заставившая томиться около двухъ лѣтъ библіофильскою лихорадкою. Авось ли доберемся до того, какимъ манеромъ она попала въ наши Гиперборейскія страны!»... Начавъ по прежнему вести частую переписку, я сообщилъ Соболевскому подробное описаніе о томъ, какъ досталась мнѣ Голандская книга и по какому случаю; а 24 Августа онъ извѣстилъ меня, что въ одной изъ книжекъ Русскаго Архива будетъ заявлено имъ о моей Го-

ландской книгѣ, поступившей въ спеціальную его библіотеку, при чемъ печатно изъявится благодарность г-ну N. N. за Голандца и принесется раскаяніе въ словѣ: «Ежи» на томъ основаніи, что алфавитъ все исправилъ и сдѣлалъ мои «Матеріалы для библіографіи» полезною справочною книгою.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Соболевскаго нѣсколько писемъ, и въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщалъ меня, что 10 Сентября былъ день его рожденія и ему минуло 67 лѣтъ. При этомъ онъ написалъ: «Я родился въ Ригѣ 10 Сентября 1803 года, о чемъ во-второмъ изданіи Ежей или въ добавочномъ Ежѣ придется вамъ упомянуть, говоря объ умершемъ благопріятелѣ».

Послѣднее письмо отъ Соболевскаго я получилъ 29 Сентября; оно заключало въ себѣ мнѣніе его о цѣнности и достоинствѣ старинныхъ иностранныхъ книгъ, продававшихся по случаю въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Всѣмъ этимъ книгамъ былъ напечатанъ краткій каталогъ, который Соболевскій видѣлъ въ Москвѣ у графа Орлова-Давыдова и просилъ меня немедленно выслать ему экземпляръ такаго каталога. Я на другой же день исполнилъ просьбу Соболевскаго, пославъ къ нему каталогъ и письмо, въ которомъ сообщилъ кое-что о продававшейся библіотекѣ.

Въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца, я со дня на день ожидалъ письма отъ Соболевскаго, но къ крайнему моему удивленію не получалъ ни одной строки. 12 числа Октября, бывъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, я, совершенно неожиданно, услыхалъ отъ А. Ѳ. Бычкова, что Сергій Александровичъ Соболевскій скончался на дняхъ. Такое прискорбное извѣстіе опечалило меня до крайности; оно было столь для меня неожиданно, что казалось даже невѣроятнымъ. Не буду распространяться о томъ, какъ чувствительна была для меня столь внезапная потеря человѣка, котораго я истинно любилъ и уважалъ. Вскорѣ я прочелъ въ 11-й книжкѣ Русскаго Архива 1870 года подробныя свѣдѣнія о жизни и кончинѣ Соболевскаго. Въ этой же книжкѣ была помѣщена небольшая статья его о моихъ восьми книжкахъ «Матеріаловъ для библіографіи», при чемъ упомянуто и о Голандской книгѣ, поступившей отъ N N въ его спеціальную библіотеку. Съ грустію въ сердцѣ прочиталъ я статью Соболевскаго, которая напомнила мнѣ о началѣ нашего знакомства и о трехлѣтней дружеской перепискѣ. Эта статья обо мнѣ была послѣднимъ печатнымъ словомъ Соболевскаго, который какъ бы закончилъ ею навсегда свою дружескую переписку со мною.

Яковъ Березинъ-Ширяевъ.

*

Отсылая читателей къ указанной статьѣ 1870 года содержащей въ себѣ краткій очеркъ жизни Соболевскаго, прибавимъ къ ней нѣсколько словъ. Участь многолѣтняго и самаго тщательнаго книжнаго собранія, оставшагося послѣ Соболевскаго, была самая печальная. Старый холостякъ, любившій устроивать дѣла друзей своихъ, онъ не успѣлъ устроить свои собственныя. Онъ слылъ богачемъ, а между тѣмъ не оставилъ въ наличности, чѣмъ

похоронить себя, и похороны справлялъ на свой счетъ душеприкащикъ его А. А. Ратцигъ. Дѣло въ томъ, что деньги его (впрочемъ не особенно большія), завѣщанныя ему его матерью и пріумноженныя его участіемъ въ устройствѣ и управленіи Мальцовской бумагопрядильной мануфактуры (что̀ въ Петербургѣ у Самсонія), находились въ акціяхъ Французскихъ желѣзныхъ дорогъ, а дороги эти, вслѣдствіе погрома Франціи въ 1870 году, перестали приносить доходъ, такъ что Соболевскій, не задолго до кончины, долженъ былъ прибѣгать къ займамъ. Еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, желая обезпечить одно дорогое ему семейство, онъ рѣшился было продать свою библіотеку и велъ о томъ переговоры съ графомъ Корфомъ и съ иностранными книжными торговцами. Изъ Берлина нарочно пріѣхалъ для того въ Москву одинъ Еврей, и дѣло было сладилось; но наличныхъ денегъ, полнотою, Соболевскому не дали, и онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что, показывая Еврею Московскія достопримѣчательности, водилъ его въ церкви и заставлялъ класть крестное знаменіе, о чемъ потомъ преуморительно разсказывалъ.—Послѣ скоропостижной кончины Соболевскаго, вскрыто было его духовное завѣщаніе, по которому онъ отказалъ все свое состояніе Софьѣ Николаевнѣ Львовой. Она уѣхала въ скоромъ времени за границу и тамъ продала библіотеку Соболевскаго за 25 тысячъ талеровъ Лейпцигскому книгопродавцу Листу, который немедленно запродалъ многія книги Британскому Музею. Въ Лейпцигѣ появился печатный каталогъ библіотеки со статьею о Соболевскомъ, и за тѣмъ послѣдовала прибыльная распродажа или аукціонъ. Такимъ образомъ разбрелось по рукамъ, и преимущественно по рукамъ чужимъ, такъ долго подбираемое и заботливо лелѣянное Русское книжное сокровище.

Вмѣстѣ съ книгами книгопродавецъ Листъ увезъ изъ Москвы за границу вышеупомянутыя и переплетенныя тетради рукописей Соболевскаго, которыя, почти въ полномъ составѣ своемъ, были куплены однимъ Русскимъ человѣкомъ. Они, сколько намъ извѣстно, не представляютъ собою особенной важности. Изъ числа множества писемъ, полученныхъ и сбереженныхъ Соболевскимъ, приводимъ на первый разъ четыре письма А. С. Пушкина и нѣсколько писемъ брата его, знаменитаго Левушки, черезъ котораго собственно и произошло сближеніе Соболевскаго съ великимъ поэтомъ: Левъ Сергѣевичъ и Соболевскій были товарищами по такъ называемому Благородному Пансіону при Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ, гдѣ однимъ изъ преподавателей былъ только что начинавшій свое поприще Плетневъ. Сосланный на Югъ въ Маѣ 1820 года, Пушкинъ не успѣлъ допечатать первую свою поэму и поручилъ изданіе Руслана и Людмилы своему брату и Соболевскому, который тогда началъ и стихотворствовать; но замѣчательно, что первые его опыты отличались сантиментальностью и были противоположны по содержанію своему позднѣйшимъ стихотвореніямъ, коими онъ прославился въ нашемъ обществѣ и образчики которыхъ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1874 года.

Письма А. С. Пушкина къ С. А Соболевскому.

1.

Четыре письма Александра Сергѣевича относятся къ тому времени, когда Соболевскій, будучи такъ называемымъ «архивнымъ юношей», проживалъ въ Москвѣ въ полнѣйшемъ раздольѣ, богатымъ шалуномъ, балуемый своей матерью и преданный всѣмъ прихотямъ образованности и просвѣщеннаго матеріализма. Пушкинъ, какъ извѣстно, поселился у него, осенью 1826 года, по возвращеніи изъ ссылки. Отъ него онъ уѣзжалъ на короткое время въ Псковскую деревню, и изъ Пскова писалъ ему нижеслѣдующее:

Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожъ, прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ.—Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ, покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ: чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

2.

Пока Пушкинъ ѣздилъ въ деревню, Соболевскій въ Москвѣ печаталъ вторую главу Онѣгина. Между тѣмъ Погодинъ собирался издавать Московскій Вѣстникъ, который и началъ выходить съ 1827 года и въ которомъ Пушкинъ преимущественно помѣщалъ свои стихи. — Пушкинъ забавлялся словомъ альманашникъ, и позднѣе въ Петербургской Гражданской Палатѣ совершилъ довѣренность на имя Плетнева, препоручая ему вести денежные счеты вмѣсто него «съ альманашниками обѣихъ столицъ». — Василій Петровичъ Зубковъ, замѣтное лицо въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, человѣкъ образованный и занимавшійся зоологіею (въ которой извѣстенъ жукъ его имени, Carabus Zubkovius), былъ женатъ на родственницѣ Пушкина, который въ то время влюбился въ сестру ея (впослѣдствіи Панину) и проводилъ безпрестанно время у Зубковыхъ. У нихъ написалъ онъ свои знаменитые стансы: «Въ надеждѣ славы и добра», въ Декабрѣ 1826 года.

Слѣдующее письмо должно относиться къ 1827 году, когда Пушкинъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и вышла въ свѣтъ третья глава Евгенія Онѣгина.

Еслибы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-го главу, то я безъ хлопотъ ее бы перепе-

чаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что̀ изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный.

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полеваго и проч. [1]).

Хорошъ!

3.

Третье письмо писано вслѣдъ за кончиною матери Соболевскаго, которая во всю его жизнь была ему святынею. Избалованный юноша очутился только съ тѣми деньгами, которыя мать записала на его имя еще при его рожденіи, и долженъ былъ прекратить широкую жизнь и барскія затѣи. Богатыя помѣстья его матери достались законнымъ наслѣдникамъ Давыдовымъ и Апраксинымъ, а сыну любви пришлось подумать, какъ упрочить свое благосостояніе, для чего онъ и занялся Самсоніевскою бумагопрядильнею въ Петербургѣ, предварительно побывавъ въ чужихъ краяхъ и выучившись фабричному производству и порядкамъ управленія. Когда умирала старуха-мать, друзья Соболевскаго уговаривали его, чтобъ онъ напомнилъ ей о своемъ обезпеченіи; но огорченный Соболевскій не рѣшился побезпокоить умиравшую. Узнавъ объ этомъ, А. С. Пушкинъ написалъ ему очень сочувственное, горячее письмо, которое мы читали у Соболевскаго, но котораго теперь въ его бумагахъ не оказалось; въ этомъ письмѣ Пушкинъ говорилъ, что до тѣхъ поръ только любилъ его, а теперь и уважаетъ.

15 Іюля (1828).

Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ и получилъ твои два письма. Что̀ тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальныя 2500 получишь вслѣдъ.—Цыганы мои не продаются вовсе, деньги-же эти—трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго [2]). Пріѣзжай въ П. Б., если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то-есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелится, будетъ мука. Ты видишь, что, кромѣ пословицъ, ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай, мой другъ.

4.

Послѣднее изъ сохранившихся писемъ должно относиться къ 1829 году. Пушкинъ называетъ своего пріятеля именемъ Шекспировскаго Калибана (въ «Бурѣ»), разумѣя его непомѣрную чувственность. Четвертая и пятая главы Онѣгина вышли вмѣстѣ въ Петербургѣ, въ самомъ началѣ 1829 года. Кто «мудрецъ» написавшій разборъ ихъ въ Атенеѣ, намъ неизвѣстно.

---

[1]) Ольдекопъ издалъ Нѣмецкій переводъ «Кавказскаго Плѣнника» въ одной книжкѣ съ Русскимъ подлинникомъ, не спросясь Пушкина. А. Ѳ. Воейковъ живалъ часто на счетъ людей, которыхъ оглашалъ друзьями своими и которые не прогоняли его отъ себя только изъ уваженія къ его женѣ. П. Б.

[2]) Извѣстнаго библіофила С. Д. Полторацкаго.

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мнѣ о 2,100 рубляхъ мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Моск. Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2,100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что̀, душа моя Калибанъ? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV—V главу? Зубаревъ, или Ив. Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всякомъ случаѣ въ П. Б. не остаюсь.

Есть еще пятое письмо Пушкина съ извѣстными стихами, въ которыхъ онъ даетъ наставленіе молодому сибариту, какъ ѣхать въ Петербургъ: «У Гальяни или Кольони», и т. д. Письмо это напечатано въ Исаковскомъ изданіи Сочиненій А. С. Пушкина, 1859 года I, 357. Оно должно быть отнесено къ 1828 году. Кстати замѣтить, что въ первомъ стихѣ заключена игра словъ.

Письма Льва Сергѣевича Пушкина къ С. А. Соболевскому.

1.

Вопервыхъ, благодарю тебя за письмо твое. Вовторыхъ, имѣю честь тебя увѣрить, что, если бы твои уши были довольно длинны для того, чтобы я ихъ отсюда досталъ, то я бы ихъ выдралъ чрезвычайно усердно за дурную твою шутку въ отношеніи къ О. С. [1]). Тебѣ впрочемъ, можетъ быть, неизвѣстно, что я сдѣлался человѣкомъ весьма моральнымъ, и по сей-то причинѣ предоставляю тебѣ на съѣденье одного С. Л. Только, кушая его, не подавись сморщеннымъ его мясомъ; мнѣ же оно такъ пріѣлось, что послѣ каждаго нашего свиданія у меня отъ одного его запаха бываетъ тошнота и индижестія. Теперь утро, и на тощахъ объ этихъ вещахъ говорить не должно. Что̀ тебѣ вздумалось мнѣ давать препорученія къ Циціанову? Знаешь ли, что̀ онъ и гдѣ онъ. Вотъ тебѣ вся его исторія. Пріѣхавши въ Петербургъ, его свѣтлость князь Циціановъ, наслѣдникъ Имеретинскаго престола, остановился въ Большой Мѣщанской, въ трактирѣ Парижъ, подъ № 27. Мы же, темные дворяне, каждый день у него обѣдывали, ужинали, завтракали, и каждый день ему обходился около 200 и 300 рубл. Между тѣмъ, Циціановъ игралъ въ карты и проигралъ 50 тысячъ; не въ состояніи будучи уплатить ихъ и не намѣреваясь давать векселя, онъ началъ укладывать въ узелки бѣлье свое и тихомолкомъ надѣялся ускользнуть восвояси; но Луи, содержатель и заимодавецъ Циціанова, остановилъ его силою полиціи. Какой-то изъ Грузинскихъ царей поручился за него; но Циціановъ, находящійся уже не въ состояніи продолжать роскошную жизнь свою, удалился въ Ямскую, гдѣ и живетъ уже около

---

[1]) Ольгѣ Сергѣевнѣ, сестрѣ Пушкина.

двухъ мѣсяцевъ, и никто его не видаетъ. «Аминь, аминь, тѣмъ кончу я разсказы!» [2]).

2.

Я чрезвычайно радъ, что мы возобновили съ тобой никогда впрочемъ незаводимую переписку; пиши же самъ объ Москвѣ, объ ея глупостяхъ и объ В. Л. Увѣрь эту скотину, что «Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна» не брата и никого изъ семейства; развѣ, можетъ быть, С. А. хотѣлъ подшутить, да и поддѣлался подъ брата. Поклонись отъ меня Вяземскому и скажи ему слѣдующее: «Вы спрашивали Льва Пушкина, чрезъ сестру его Ольгу, какія именно пьесы его брата надобно помѣстить, помнится, въ Телеграфѣ. Левъ же Пушкинъ сего не знаетъ и знать объ этомъ больше васъ самихъ никто не можетъ. Можетъ быть, Ольга Сергѣевна, съ непривычки, дурно объяснила ваше препорученія; а вы спрашивали только, что нѣтъ ли у него, вышеупомянутаго Льва, какой либо пьесы, то на сіе послѣднее онъ говоритъ слѣдующее: помнится, я князю Вяземскому вручилъ всѣ новыя пьесы моего брата; но однако въ послѣдствіи оказалось, что одна изъ нихъ ускользнула, почему я и препровождаю ее на его благорасположеніе:

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
. . . .
Тоску любви забуду я.

Перепиши эту пьесу для кн. Вяземскаго или, если лѣнь, то оторви ее для него отъ другой половины письма; во всякомъ случаѣ, уничтожь первую страницу, писанную какой-то свиньей, а не вашимъ покорнымъ

Л. Пушкинымъ.

3.

Вчера получилъ еще письмо отъ тебя, на которое гораздо больше разсердился, нежели на первое, потому что разсердился не въ шутку. Что за своевольное распоряженіе пьесой, мною присланной не къ тебѣ, а къ Вяземскому. Почему ты знаешь, что Вяземскій, единственный и полный ея хозяинъ, отдалъ бы ее въ Телеграфъ? Что же до меня, ты меня противъ брата поставилъ въ очень непріятное положеніе. Теперешнія наши отношенія, тебѣ неизвѣстныя, требуютъ чрезвычайной деликатности, а ты заставляешь меня ее нарушить. Можетъ быть, ты всего этого не поймешь; но я отъ тебя требую, какъ отъ пріятеля и отъ честнаго человѣка, чтобъ пьеса, присланная мною къ Вяземскому, никоимъ образомъ не была бы напечатана безъ вѣдома Вяземскаго. Прощай, въ другой разъ напишу тебѣ письмо повеселѣе; вольно тебѣ было разбѣсить меня.

Левъ Пушкинъ.

10 Ноября
1825. Спб.

---

[2]) Стихъ А. С. Пушкина.

4.

Отвѣчать мнѣ на всѣ письма или сослать меня на каторгу: для меня почти одно и тоже; однакоже со всѣмъ тѣмъ я виноватъ передъ тобой; давно сбираюсь отвѣчать на твои письма и наконецъ отвѣчаю слѣдующее.

1) Благодари Полевова за присылку билета.

2) Растолкуй Полевому слѣдующее: я не могу и даже мнѣ невыгодно его предложеніе на счетъ пьесъ брата. Сдѣлавши съ нимъ предлагаемое имъ условіе, я обязываюсь ему ежемѣсячно доставлять пьесы брата; не всегда пьесы подъ рукой; къ тому я, продавая ихъ другимъ журналистамъ, получаю 10 и болѣе рублей за стихъ; вся годовая сумма Полевова равняется съ платой, которую предлагаетъ мнѣ Аладьинъ за одну пьесу брата. Вотъ моя невыгода; невыгода же Полевова въ томъ, что онъ будетъ платить за стихи, которые теперь, хотя не регулярно и не ежемѣсячно, но будетъ получать даромъ. Братъ рѣшился, сколько можно, поддерживать Телеграфъ. Наконецъ, рѣшительный мой отказъ, на который нѣтъ возраженій, имѣетъ причиною то, что у брата мелкихъ пьесъ мало, а у меня въ моемъ распоряженіи ихъ вовсе нѣтъ.

3) Присланная мной пьеса не оглавлена, — иди къ Вяземскому и окрестите ее какъ угодно. Дѣло въ томъ, что пьеса эта прелесть; Москвитяне, судя по тебѣ, не чухаютъ красоты поэзіи. Прости имъ Боже!

5.

(1826)

Здравья желаю Соболевскому!

Не взыскивай на мнѣ, что я не пишу тебѣ по три мѣсяца; ты долженъ знать мою лѣнь, она изъ меня дѣлаетъ чортъ знаетъ какую скотину; я же, думаю, тебѣ сказалъ, чему я уподобляю регулярную переписку. Къ тому же все это время я проклиналъ тебя, Москву, Московскихъ, судьбу и Б. Нужно было вамъ, олухамъ и сводникамъ, женить его! Чему вы обрадовались? Для того, чтобы заняться сватовствомъ, весьма похвальнымъ препровожденіемъ времени, вы ни за грошъ погубили порядочнаго человѣка. Б. въ теченіи трехъ лѣтъ былъ тридцать разъ на шагъ отъ женидьбы; тридцать разъ она ему не удавалась; en était-il plus malheureux? [1]). Онъ ни минуты, никогда не жилъ безъ любви, и отлюбивши женщину, она ему становилась противна. Я все это говорю въ доказательство непостояннаго характера Б., котораго молодость не должна бы быть обречена семейственной жизни. Ты скажешь, что онъ счастливъ. Вѣрю, mais attendons la fin [2]), говоритъ басня, а тяжело заплатить цѣлымъ вѣкомъ скуки и отвращенія много много за годъ благополучія. Б. вѣчно преслѣдовала мысль, что жениться ему необходимо; но кто же изъ порядочныхъ

---

[1]) Былъ ли онъ оттого несчастливѣе?

[2]) Подождемъ конца.

вѣрилъ ему? Не говоря объ характерѣ Б., спрашиваю тебя, обстоятельства его допускали ли его до этой глупости. Какую онъ выбралъ себѣ дорогу? Какъ онъ хочетъ себя устроить? Я не разумѣю подъ этимъ денежныхъ его обстоятельствъ; онъ можетъ быть Шереметевымъ, но долженъ на чемъ нибудь утвердиться. Для поэзіи онъ умеръ; его родъ т. е. эротическій, не къ лицу мужу; а теперь изъ издаваемаго собранія своихъ сочиненій онъ выкидываетъ лучшія пьэсы по этой самой причинѣ; а исключить Б. изъ области поэзіи, это штука Эрострата, и тебѣ подобаетъ слава сія—радуйся! Что жъ ему остается? Быть помѣщикомъ, и въ этомъ случаѣ нужно было очень подождать вступать въ бракъ. Да чортъ возьми, дѣло или бездѣлье (но не бездѣлка) сдѣлано, и говорить нечего. Довольно трехъ страницъ, которыми морю тебя. Я этимъ заставилъ тебя искупить грѣхъ твоего сводничества.

Что ты обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ, да и не думаешь. Хорошъ! Пора бы тебѣ, хотя на время, оставить Москву. То-то я заболтаю и заругаю тебя, когда Богъ приведетъ паки свидѣться. Оно бы было мнѣ большимъ утѣшеніемъ въ моей мизантропіи.

Leon Puchkin.

Синопскій бой.

18-го Ноября настоящаго года минетъ двадцать пять лѣтъ со дня знаменитаго Синопскаго боя. Двадцать пять лѣтъ, какой небольшой повидимому промежутокъ времени, а между тѣмъ много ли осталось изъ того, что̀ принимало участіе въ этомъ послѣднемъ торжествѣ Русскаго военнаго флота? Самаго флота не существуетъ: онъ погибъ въ волнахъ роднаго моря, уничтоженный родными руками; главные участники сложили головы на Севастопольскихъ бастіонахъ, и въ настоящую минуту къ порѣдѣвшему кругу Синопскихъ героевъ примѣняются слова Пушкина:

„Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарились и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой“....

Говорить о Синопскомъ боѣ, какъ объ отдѣльномъ событіи, прославившемъ морскія лѣтописи, и невозможно, и несправедливо. Синопскій бой не былъ обыкновеннымъ сраженіемъ: онъ только блистательно завершилъ собою двадцатилѣтнюю эпоху Лазаревскаго Черноморскаго флота.

Тридцать - сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда отсутствіе путей сообщеній и недостатокъ общественной критики давали людямъ возможность дѣйствовать почти безконтрольно, въ отдѣльныхъ углахъ Русскаго царства самостоятельно работали довѣренные царской власти. Послѣдствія указали на несостоятельность подобнаго порядка дѣлъ. Безнаказанность вела къ злоупотребленіямъ и горькимъ опытомъ понудила искупать случавшуюся нерѣдко ошибочность выбора; но рядомъ съ этимъ обширная самостоятельность, вытекавшая изъ названныхъ условій, рождала и воспитывала замѣчательныхъ дѣятелей и администраторовъ. Теперешнимъ намѣстникамъ и генералъ-губернаторамъ даже мысленно недоступна почти неограниченная власть, которою пользовались въ свое время Воронцовы, Перовскіе, Лазаревы....

Въ это-то время, на далекой окраинѣ, при устьяхъ Буга и въ Севастопольской бухтѣ, развивалась жизнь морскаго сословія, почти отрѣзаннаго отъ остальнаго отечества. Въ Петербургѣ, подтянувшемся въ струнку и приведенномъ къ одному знаменателю, мало понимали эту своеобразную жизнь, не связанную по рукамъ и ногамъ военнымъ артикуломъ, а полную своеобразной свободы, съ однимъ только кодексомъ словъ адмирала. «Адмиралъ сказалъ, адмиралъ

приказалъ», и кончено. А тамъ, въ свободное время, можно и сюртукъ растегнуть, и говорить по душѣ, и веселиться въ смѣшанномъ кругу начальниковъ и подчиненныхъ. «Безпардонная команда», говорилъ Петербургъ про недоступную ему сферу, покровительствуемую самимъ Государемъ. «Пьяницы, разнузданная, распущенная ватага», говорили услужливые пройдохи, и нужны были одинадцать мѣсяцевъ Севастопольской обороны, одинадцать мѣсяцевъ трезваго стоянія на часахъ у томившейся родины, на глазахъ цѣлаго міра, чтобы опровергнуть недостойную клевету.

Но въ то самое время, когда зловредная сплетня силилась подорвать значеніе непонятной, нравственной силы, въ тиши уединенія, на просторѣ величественной стихіи, происходила незамѣтная работа служенія отчизнѣ. Будучи поставленъ во главѣ Черноморскаго сословія, М. П. Лазаревъ, самъ прошедшій суровую школу практическаго моряка, знакомый съ порядками Англійскаго флота, совершившій кругосвѣтное плаваніе, участникъ Наварина, признанный за лучшаго командира, заводилъ новые порядки и питалъ въ подчиненныхъ страсть къ благородной службѣ, соревнованіе и опытность, возбуждавшія чувство затаенной злобы въ сердцахъ нашихъ злѣйшихъ ненавистниковъ. Подпольная работа разрушалась сама собою, когда предъ глазами покойнаго Императора гордо проходили эти безукоризненно вооруженные корабли, блиставшіе изумительною исправностью и смѣлостью морскихъ маневровъ. Черноморскій флотъ молча отвѣчалъ на брошенные ему упреки и, нестѣсняемый, продолжалъ свою работу.

Вокругъ Лазарева росла школа, беззавѣтно преданная своему дѣлу, влюбленная въ свою стихію. Сосредоточенная въ одномъ направленіи, она всѣ силы души, всѣ благородные порывы самолюбія направляла къ одной цѣли—заслужить одобреніе адмирала. Тутъ не было вопросовъ о карьерѣ въ общепринятомъ смыслѣ; карьера заключалась въ довѣріи адмирала и въ той самостоятельности, которую онъ давалъ избраннымъ. Знатокъ человѣческой природы, Лазаревъ занимался усиленною постройкою судовъ мелкаго ранга и, на замѣчаніе о непригодности этихъ судовъ на случай военнаго времени, отвѣчалъ, что они ему нужны для командованія молодыми офицерами. «Тотъ, кто въ лейтенантскомъ чинѣ былъ командиромъ», думалъ адмиралъ, «никогда не разстанется съ моремъ». Всякая мелочь въ смыслѣ морскаго совершенствованія обращала на себя его вниманіе; не только управленіе какимъ либо судномъ, но обыкновенное катаніе на шлюпкахъ подъ парусами представляло обильную тему для разговоровъ и замѣчаній. Адмиралтейство, то есть судостроительство, доведено было до замѣчательнаго совершенства; входя въ разборъ малѣйшей мелочи, Лазаревъ пріучилъ подчиненныхъ ко всему относиться съ самымъ строгимъ вниманіемъ, и жизнь Черноморскихъ моряковъ, всегда исполненная интереса, протекала среди вѣчныхъ усилій и стараній довести Черноморскій флотъ до перворазряднаго состоянія.

Домъ Лазарева пріобрѣлъ значеніе высшей школы: попасть въ кругъ его приближенныхъ считалось не только честью, но счасть-

емъ. Здѣсь, за воскресными обѣдами, происходили тѣ осмысленныя, спеціальныя бесѣды, которыя воспитывали фанатиковъ. Изъ этой школы выходили люди, считавшіе для моряка семейную жизнь невозможною. «Одинаково любить море и семью», говорили они, «нельзя: остается выборъ». Разъ излюбивши человѣка, Михаилъ Петровичъ относился къ нему не въ качествѣ подчиненнаго, а друга, и разница служебнаго положенія не мѣшала ему, главному командиру и адмиралу, вести обильную задушевную переписку съ лицами, едва начинавшими самостоятельное служеніе. Если величіе души и способность угадывать людей служатъ мѣриломъ начальническаго дарованія, то доказательствомъ сего послѣдняго является Лазаревская школа съ Нахимовымъ, Корниловымъ, Истомиными, графомъ Путятинымъ, Новосельскимъ, Уньковскимъ и многими другими. А если способность возбудить обожаніе къ своему искусству и фанатическому выполненію долга опредѣляетъ значеніе учителя, то Севастопольскіе бастіоны представляютъ лучшій памятникъ Лазаревской дѣятельности.

Но сложившіяся обстоятельства не дали Лазареву возможности еще при жизни видѣть блистательное подтвержденіе своихъ стараній. Мирная эпоха его управленія составляла періодъ подготовки, и только чрезъ два года послѣ его смерти набѣжавшая гроза выказала въ полномъ блескѣ весь скрытый смыслъ двадцатилѣтнихъ усилій. Еще разъ оправдалось предвидѣніе покойнаго адмирала. Озабоченный будущностью своего созданія, онъ всегда придерживался той мысли, что для практическихъ результатовъ необходимо имѣть на Черномъ морѣ флотъ болѣе сильный, чѣмъ тотъ, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. Восточная война 1853—1856 годовъ подтвердила это мнѣніе. Лазарева уже не было въ живыхъ, онъ скончался въ 1850 году. Томимая опасеніемъ за развитіе Русскаго вліянія па Востокѣ, съ завистливымъ чувствомъ наблюдавшая за развитіемъ Черноморскаго флота, Англія радостно протянула руку вѣнчанному авантюристу и въ соединеніи съ послѣднимъ возбудила извѣстныя Турецкія замѣшательства. Громадная коалиція собралась на Россію; Черноморскій флотъ, обреченный вынести первые удары, спокойно готовился выполнить свой долгъ, завѣщанный преданіями. Вступленіе Русскихъ войскъ въ предѣлы Молдо-Валахіи и вслѣдъ затѣмъ появленіе соединенныхъ флотовъ въ предѣлахъ Турецкихъ водъ близили развязку. Разжигаемые союзниками, увѣренные въ собственной безнаказанности и подготовляя намъ затрудненія, Турки обратили вниманіе на Кавказское побережье. Они дерзко завладѣли пограничнымъ постомъ Св. Николая на Кавказской границѣ и направили свои эскадры съ оружіемъ и военными снарядами на помощь уже изнемогавшимъ, но не покорявшимся горцамъ. Въ это время съ нашей стороны въ Черномъ морѣ крейсировали эскадры адмираловъ Нахимова и Новосельскаго, обязанныя отвѣчать въ случаѣ нападенія, но еще лишенныя свободы дѣйствій, такъ какъ объявленія войны не послѣдовало.

Тринадцатаго Ноября на эскадрѣ вице-адмирала Нахимова получено было офиціальное увѣдомленіе объ открытіи военныхъ дѣйствій

и немедленно сообщено въ приказѣ по эскадрѣ. «Война объявлена! Отслужить молебенъ и поздравить команду!» писалъ Нахимовъ. Въ ночь на 16 Ноября къ Нахимову присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосельскаго и, не отлагая дѣла, на другой же день, Нахимовъ отдалъ приказъ о намѣреніи атаковать непріятельскій флотъ, укрывшійся въ Синопской бухтѣ.

Соединенныя силы двухъ Русскихъ адмираловъ, подъ общимъ начальствомъ Павла Степановича (какъ старѣйшаго въ чинѣ), состояли изъ кораблей: Императрица Марія подъ флагомъ Нахимова (командиръ, капитанъ 2-го ранга Барановскій), Чесма (командиръ, капитанъ 2-го ранга Микрюковъ), Ростиславъ (командиръ, капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ), Парижъ подъ флагомъ контръ-адмирала Новосельскаго (командиръ, капитанъ 1-го ранга Истоминъ), Великій князь Константинъ (командиръ, капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ), Три Святителя (командиръ, капитанъ 1-го ранга Кутровъ) и фрегатовъ: Кагулъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Спицына и Кулевча-капитанъ-лейтенанта Будищева.

Силы непріятельскаго флота, стоявшаго въ Синопѣ, на пути къ западнымъ берегамъ Кавказа, состояли изъ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Отдавая свой приказъ о предстоящемъ боѣ (приказъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся образцомъ точности распоряженій), Нахимовъ предусматривалъ разнообразныя случайности боя и говорилъ между прочимъ въ 7-мъ пунктѣ: «Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ *), первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь». Но, не смотря на такую предусмотрительность, Нахимовъ не хотѣлъ связать подчиненныхъ строгостью инструкцій, а усматривая залогъ успѣха въ разумной находчивости и примѣненіи къ обстоятельствамъ, заканчивалъ приказъ словами: «Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія».

Точно дѣйствуя, согласно полученныхъ приказаній, 18 Ноября въ полдень Русскіе корабли направились къ Синопу. Въ 20 минутъ 1-го часа раздался первый выстрѣлъ, а въ четвертомъ часу пополудни все затихло, и Турецкаго флота уже не существовало.

Одушевляемая испытанными командирами, руководимая любимымъ вождемъ, Черноморская семья работала какъ на ученьи; одинъ за однимъ взлетали на воздухъ или выбрасывались на берегъ избитыя

*) Морское выраженіе, значитъ завести якорь съ кормы.

Турецкія суда; а береговыя батареи, не смотря на преимущество положенія, смолкали, засыпанныя мѣткими прицѣльными выстрѣлами. Интересна между прочимъ слѣдующая случайность. Кораблю Императрица Марія въ началѣ боя пришлось обратить огонь на Турецкій фрегатъ Фазли-Аллахъ взятый у насъ Турками въ 1829 году и называвшійся Рафаиломъ. Огорченный столь безпримѣрнымъ случаемъ въ лѣтописяхъ Русскаго флота, покойный Государь тогда же издалъ высочайшее повелѣніе: «Предать огню фрегатъ Рафаилъ, какъ недостойный носить Русскій флагъ, когда возвращенъ будетъ въ наши руки». Эта царская воля въ точности была исполнена черезъ 24 года на Синопскомъ рейдѣ. Зажженный выстрѣлами съ корабля Императрица Марія, Фазли-Аллахъ сгорѣлъ на виду у всей Русской эскадры.

Русскіе корабли буквально выполняли инструкцію и, очищая предъ собою пространство, торопились оказывать помощь другъ другу. Корабль Парижъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Истомина, заслужилъ особое благоволеніе начальствующаго, и въ донесеніи о ходѣ боя вице-адмиралъ Нахимовъ доносилъ между прочимъ: «Нельзя было довольно налюбоваться прекрасными и хладнокровно-разсчитанными дѣйствіями корабля Парижъ; адмиралъ приказалъ было изъявить ему свою благодарность, во время самаго сраженія, но къ сожалѣнію не на чемъ было поднять сигнала: всѣ фалы *) были перебиты».

Три непріятельскихъ фрегата, два корвета и одинъ пароходъ взорваны на воздухъ, и три фрегата и корветъ сожжены, по окончаніи сраженія, какъ совершенно избитые и къ дальнѣйшей службѣ непригодные.

Только одному Турецкому пароходу удалось избѣгнуть общей участи. Пользуясь преимуществомъ хода, пароходъ Таифъ, еще въ началѣ дѣла, оставилъ злополучный рейдъ и направился къ Константинополю съ цѣлью сообщить объ участи захваченной эскадры; обмѣнявшись выстрѣлами съ карауливпими выходъ изъ бухты фрегатами Кагулъ и Кулевча и оставивъ ихъ далеко за собою, Таифъ неожиданно подвергся новому преслѣдованію.

Начальникъ штаба Черноморскаго флота генералъ-адъютантъ В. А. Корниловъ, соображая возможность столкновенія Нахимовской эскадры съ непріятелемъ, во главѣ трехъ пароходовъ отправился изъ Севастополя по направленію къ Югу. Судьбѣ было угодно, чтобы онъ подошелъ къ Синопской бухтѣ передъ самымъ окончаніемъ боя. Усмотрѣвъ удалявшійся непріятельскій пароходъ, онъ немедленно сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ его преслѣдованію, но лучшій ходокъ Таифъ успѣлъ уйти изъ-подъ выстрѣловъ, и генералъ-адъютантъ Корниловъ повернулъ къ сторонѣ уже смолкавшихъ выстрѣловъ. Въ минуту его прибытія на Синопскій рейдъ, дѣло было кончено; ему оставалось только первому привѣтствовать счастли-

*) Веревки, на которыхъ подымается флагъ.

выхъ сотоварищей и оказать имъ другую важную услугу: избитые до нельзя, къ тому же въ бурную погоду, корабли едва-ли могли бы благополучно добраться до Севастополя безъ помощи Одессы, Крыма и Херсонеса, захватившихъ ихъ на буксиры.

Такимъ образомъ закончился Синопскій бой, возбудившій всеобщій восторгъ Россіи и еще болѣе распалившій ненависть союзниковъ.

Въ Синопскомъ сраженіи уже намѣчены были главнѣйшіе дѣятели предстоявшей Севастопольской обороны, ихъ имена сдѣлались народными; но, руководимые чувствомъ безусловной скромности, они, въ лицѣ вождя, приписали свой успѣхъ любимому учителю. По окончаніи сраженія и возвращеніи въ Севастополь, вице-адмиралъ Нахимовъ въ письмѣ на имя вдовы покойнаго адмирала Лазарева весь успѣхъ боя приписалъ незабвенному благодѣтелю и учителю, тѣнь котораго невидимо носилась среди сражавшихся.

Синопскій бой былъ лебединою пѣснью Черноморскаго флота; черезъ годъ ему суждено было погибнуть. Но духъ Черноморскихъ моряковъ, истребленныхъ почти поголовно въ теченіи одиннадцатимѣсячной осады, снова проявилъ себя уже въ наши дни, при болѣе скромныхъ условіяхъ.

Въ Севастополѣ, близъ стараго адмиралтейства, поставленъ памятникъ Михаилу Петровичу Лазареву, обращенный къ сторонѣ моря. Входящія на рейдъ суда направляютъ свой путь, «держа на адмирала». Такихъ судовъ, къ сожалѣнію, еще очень мало; но надо надѣяться, что бронзовый адмиралъ дождется въ концѣ концовъ исполненія своей завѣтной мысли видѣть на Черномъ морѣ флотъ способный не только геройски умирать, но и повторить великія преданія Синопскаго боя.

В. Ф. Святловскій и А. П. Хрущовъ.

(По поводу наступающаго столѣтняго юбилея Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса).

Мы не ошибемся, если скажемъ, что воспитанники Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса изъ числа своихъ старшихъ начальниковъ за періодъ времени съ 1830 по 1850 годъ, доселѣ съ особою любовію и признательностію воспоминаютъ преимущественно о двухъ директорахъ: генералъ-лейтенантѣ Николаѣ Петровичѣ Анненковѣ (1836—1842) и генералъ-маіорѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Брадке (1845—1850) и объ ихъ достойныхъ помощникахъ, баталіонныхъ командирахъ: полковникѣ Викентіѣ Францовичѣ Святловскомъ (1828—1840) и полковникѣ Александрѣ Петровичѣ Хрущовѣ (1844—1848).

Викентій Францовичъ Святловскій происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи Бердичевскаго уѣзда; онъ получилъ воспитаніе во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ, изъ коего былъ выпущенъ въ артиллерію; службу по военноучебнымъ заведеніямъ началъ въ дворянскомъ полку и оттуда въ 1828 году былъ назначенъ въ чинѣ подполковника баталіоннымъ командиромъ Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса, за 4-е года передъ тѣмъ перемѣщеннаго въ Москву изъ Костромы. Завѣдывая при трехъ директорахъ (Ренненкампфѣ, Статковскомъ и Анненковѣ) въ теченіи 12 лѣтъ хозяйственною, воспитательною и фронтовою частями корпуса, онъ былъ, такъ сказать, душею цѣлаго заведенія и сообщилъ ему то нравственное направленіе, которое на долго опредѣлило характеръ цѣлаго заведенія; укрѣпленію же этого направленія много содѣйствовалъ и вообще религіозно-патріотическій духъ Московскаго общества въ тогдашнее время. Директора, зная опытность, честность и энергію В. Ф. Святловскаго, не мѣшали ему посвящать свои способности и дѣятельность пользѣ ввѣреннаго имъ заведенія, поддерживали честнаго труженика своимъ вѣсомъ у высшаго начальства, и въ этомъ нельзя не признать ихъ главной заслуги. Но особенно цѣнилъ и уважалъ В. Ф. Святловскаго послѣдній изъ трехъ директоровъ, при которыхъ протекла его служба, именно Н. П. Анненковъ, самъ пользовавшійся вполнѣ заслуженною милостію и высокимъ довѣріемъ Государя Императора Николая Павловича, который въ глаза и заочно называлъ его «мой добрый Анненковъ». Его глубокое христіанское благочестіе, душевное благородство и неисчерпаемое добродушіе на всегда останутся памятны всѣмъ его подчиненнымъ и современнымъ ему воспитанникамъ перваго Московскаго Кадетскаго корпуса, которыхъ онъ, человѣкъ безсемейный, любилъ

всею силою прекрасной души своей, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ. До самой его кончины, въ день своего Ангела (6 Декабря) Николай Петровичъ, продолжавшій службу въ званіи инспектора военноучебныхъ заведеній, имѣлъ утѣшеніе видѣть свою Петербургскую квартиру на Васильевскомъ острову наполненною офицерами всѣхъ родовъ войска, пріѣзжавшихъ поздравить бывшаго любимаго начальника съ имянинами.

Московскіе кадеты чтили В. Ф. Святловскаго, какъ человѣка многоопытнаго, начальника строгаго (по духу того времени), но справедливаго и внимательно относившагося къ ихъ быту и нуждамъ, управлявшаго заведеніемъ на основаніи всесторонняго знакомства съ каждымъ изъ своихъ воспитанниковъ—по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Въ назначеніи фельдфебелей и отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ изъ кадетъ, которые имѣли въ тогдашнемъ строѣ корпусовъ большое вліяніе на своихъ товарищей, В. Ф. Святловскій обыкновенно принималъ во вниманіе ту репутацію, которой назначаемый пользовался въ кругу своихъ товарищей, и потому выборъ бывалъ всегда удаченъ. При выпускахъ каждому воздавалось по заслугамъ: ни протекція, ни фаворитизмъ не имѣли при немъ мѣста, что̀ составляетъ лучшую сторону его педагогической дѣятельности и вмѣстѣ неотъемлемое право на вѣчную признательность въ душахъ его воспитанниковъ. Въ 1840 году В. Ф. Святловскій съ производствомъ въ генералъ-маіоры былъ назначенъ первымъ директоромъ вновь открытаго Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго корпуса и приложилъ свою многолѣтнюю опытность къ устройству этого заведенія на твердомъ основаніи; но къ сожалѣнію смерть отъ горловой чахотки вскорѣ пресѣкла его многополезную дѣятельность († 1844 г.). Святловскій былъ отличный семьянинъ, женатъ на Москвичкѣ, вдовѣ г-жѣ Масловой и имѣлъ отъ нея одного сына Владиміра, которому далъ твердое воспитаніе; онъ пошелъ по стопамъ своего родителя и долго съ честію управлялъ Московской Военной Прогимназіей. Будучи католикомъ по вѣроисповѣданію, Святловскій питалъ глубокое уваженіе къ православной церкви и личнымъ своимъ примѣромъ поддерживалъ въ кадетахъ благочестіе, опираясь въ этомъ отношеніи на опытнаго законоучителя отца-протоіерея Александра Николаевича Шаврова, имѣвшаго самое благодѣтельное вліяніе на умы и сердца воспитанниковъ.

Полковникъ Александръ Петровичъ Хрущовъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, также получилъ воспитаніе во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, изъ коего былъ выпущенъ въ 1825 году въ Піонерный батальонъ. Въ 1831 году онъ былъ вытребованъ начальствомъ 2-го Кадетскаго Корпуса на службу въ оный; оттолѣ былъ переведенъ сперва въ Орловскій, а потомъ въ Полтавскій корпусъ, а въ 1844 г. въ чинѣ подполковника назначенъ баталіоннымъ командиромъ въ 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ, и въ слѣдъ за симъ директоромъ Корпуса былъ назначенъ генералъ-маіоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Брадке, о которомъ А. П. Хрущовъ въ своихъ запискахъ оставилъ такой отзывъ: «Я рѣдко встрѣчалъ людей съ такою теплою душею и съ такимъ благороднымъ характеромъ. Онъ полюбилъ меня какъ брата

и оказывалъ полную довѣренность. Всѣ подчиненные и кадеты любили его какъ отца, и въ его управленіе Московскій Кадетскій Корпусъ сдѣлалъ большіе успѣхи». М. Ѳ. Брадке скончался въ 1850 году и не смотря на то, что онъ былъ лютеранинъ, высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, зная лично и уважая его какъ человѣка глубоконравственнаго, разрѣшилъ по просьбѣ воспитателей и кадетовъ почтить память его служеніемъ православной панихиды о упокоеніи души его.

Въ 1848 году Александръ Петровичъ Хрущовъ, не смотря на общую любовь къ нему начальства и воспитанниковъ, рѣшился выйти въ отставку, съ тою цѣлью, чтобы, послѣ краткаго отдыха, вступить на службу въ дѣйствующую армію по случаю предвидѣвшейся кампаніи.

По сему поводу онъ обратился съ письмомъ къ уважаемому имъ и уважавшему его взаимно начальнику Штаба Военноучебныхъ заведеній генералъ маіору Я. И. Ростовцеву, и получилъ отъ него отвѣтъ, который лучше всякихъ похвалъ свидѣтельствуетъ, какъ понимало и цѣнило его высшее начальство. «Съ большимъ огорченіемъ я прочелъ письмо ваше (пишетъ къ нему Я. И. Ростовцевъ), любезный Александръ Петровичъ; довольно долго не отвѣчалъ вамъ, колеблясь: убѣждать ли васъ остаться и отложить свое намѣреніе? Наконецъ, я остановился на той мысли, что если даже Михаилъ Ѳеодоровичъ, который любилъ васъ какъ друга и котораго вы всѣмъ сердцемъ любите, не могъ успѣть въ этомъ, какъ самъ онъ ко мнѣ пишетъ,—то мои попытки остались бы безполезны и только, по деликатности вашей, поставили бы васъ на нѣкоторое время въ безпокойное расположеніе духа. Все я понимаю и очень сокрушаюсь. Если вы сами рѣшитесь остаться, я буду чрезвычайно этому радъ; если же нѣтъ, то какъ мнѣ ни прискорбно, но съ теплымъ чувствомъ уваженія, благословляю васъ на путь новый—и все, чѣмъ я могу быть вамъ пріятнымъ или полезнымъ, все предлагаю въ ваше распоряженіе. Отчисляться по арміи вамъ не совѣтую: или выходить въ отставку, потому что войска приводятся вновь въ мирное положеніе, или перейти въ армейскій полкъ. Я знаю, что вы давно уже хотѣли оставить корпусъ; безъ командованія полкомъ вы долго не останетесь. Всѣмъ и я буду радъ служить вамъ, какъ человѣкъ, душевно васъ уважающій. Обнимаю васъ, почтеннѣйшій А П., и прошу васъ вѣрить въ искренность моихъ чувствъ, чувствъ истиннаго уваженія къ вамъ и преданности».... Вслѣдъ за симъ А. П. подалъ просьбу объ отставкѣ и получилъ ее 4 Декабря 1848 г. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, въ честь отъѣзжающаго, было дано два обѣда: одинъ отъ директора, другой отъ г-дъ офицеровъ, а 20 Декабря А. П. выѣхалъ въ Тулу. Послѣдующая его служба и геройскіе подвиги въ Крымскую кампанію при осадѣ Севастополя и за тѣмъ во время Польскаго возстанія, извѣстны всей Россіи и ставятъ высоко имя бывшаго баталіоннаго командира 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, указывая воспитанникамъ онаго настоящій путь къ славѣ: быть честнымъ человѣкомъ и быть готовымъ вездѣ и всюду на борь-

бу со зломъ въ его разнообразныхъ видахъ, помня и вѣря въ завѣтную Русскую пословицу: «служить такъ не картавить, а картавить такъ не служить». Кто зналъ свѣтлую личность А. П. и кто знакомъ съ правдивой исторіей жизни и службы этого истиннаго Русскаго человѣка, тотъ не можетъ не сказать, что корпуса наши честно сослужили свою службу Отечеству и въ день столѣтія одного изъ нихъ, слава Богу, есть о комъ вспомнить и кого помянуть какъ изъ бывшихъ начальниковъ, такъ и изъ товарищей, оставшимся въ живыхъ участникамъ готовящагося торжества.

А. Л—ъ.

Октябрь 1878 года.

ВЪ 1879 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12 рублей.**

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ пер. **10** руб.

II. **Воспитаніе и обученіе** (отдѣлъ для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ Іюня и Іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 50 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ пер. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ «Педагогическою хроникою» содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). *«Педагогическая хроника»* даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Спб. Васильевскій остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и Школа» (адресъ почтамту извѣстенъ), — съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1879 ГОДУ.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, д. 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Открыта подписка на Русскій Архивъ 1879 года (годъ семнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1878.

Дидеротъ къ графу Миниху.

Знаменитый писатель Дидеротъ (1713—1784), другъ Фальконета, работавшаго статую Петра Великаго, прожилъ въ Россіи около полугода, въ теченіи котораго чуть ли не ежедневно бывалъ въ Зимнемъ дворцѣ. Наши читатели имѣютъ превосходную статью М. Ѳ. Шугурова объ этомъ пребываніи Дидерота въ Россіи (въ первой книгѣ сборника: «Осмнадцатый Вѣкъ»). Депеша Англійскаго посланника при Русскомъ дворѣ Роберта Гуннинга, отъ 12 (23) Ноября 1773 года, недавно обнародованная Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ (томъ 19-й), свидѣтельствуетъ, что не одни общія философскія идеи служили предметомъ вечернихъ бесѣдъ Екатерины съ Дидеротомъ и что милостями къ нему Государыни захотѣлъ воспользоваться Французскій король, поручавшій Дидероту передать Екатеринѣ предложеніе посредничества своего въ войнѣ нашей съ Турками. Какъ извѣстно, Людовикъ XV-й любилъ подобныя тайныя сношенія и дѣятельно велъ ихъ безъ вѣдома своего министерства и своихъ представителей при другихъ державахъ. Но Екатерина сразу пресѣкла эти сношенія: она сожгла бумагу, переданную ей Дидеротомъ и объявила напрямикъ, что проститъ ему такое вмѣшательство въ несвое дѣло, если онъ передастъ королю о сожженіи поданной имъ бумаги. Такимъ образомъ Дидероту пришлось возвратиться въ свою колею и ограничиться разсужденіями объ общихъ правахъ человѣчества, объ успѣхахъ просвѣщенія, о враждѣ къ предразсудкамъ и т. п. Однако, будучи истиннымъ Французомъ, т. е. что̀ называется человѣкомъ себѣ-на-умѣ, Дидеротъ не захотѣлъ уѣхать изъ Россіи, не заручившись нѣкоторыми свѣдѣніями, полезными для Франціи въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею. Онъ выпросилъ у Государыни позволеніе отобрать у тогдашняго президента Коммерцъ-Коллегіи графа Миниха отвѣты на свои дѣловые вопросы.

Нижеслѣдующее подлинное письмо Дидерота сохранилось въ архивѣ графа С. Д. Шереметева и сообщено имъ въ наше изданіе. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны отвѣты графа Миниха, вызванные назойливымъ любопытствомъ Французскаго философа. П. Б.

I.

Monsieur le comte.

Voilà les principales questions sur les quelles je vous supplie de m'instruire. Quand vous m'aurez appris ce que vous en savez, personne

n'en saura plus que moi. Pardonnez cette importunité à un étranger qui voudroit bien ne pas s'en retourner tout-à-fait ignorant. Songez que je serai assailli d'interrogations et qu'il faudra pourtant satisfaire à quelques unes. Si vous avez écrit quelque chose sur l'administration politique, civile, militaire etc. et que vous m'estimassiez assez pour me confier vos réflexions, je vous jure que je n'aurais aucune repugnance à me parer de vos plumes. Je suis avec un profond respect,

Monsieur le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Diderot.

Ce 31 Janvier
1774.

Переводъ. Милостивый государь графъ! Вотъ главные вопросы, разъяснить которые я васъ умоляю. Никто кромѣ меня не узнаетъ вашихъ отвѣтовъ. Простите эту назойливость иностранцу, которому не хотѣлось бы возвращаться домой въ полномъ невѣдѣніи. Представьте себѣ, что меня осыпятъ вопросами, а на нѣкоторые изъ нихъ необходимо же будетъ отвѣчать. Если у васъ что-либо написано о политическомъ, гражданскомъ, военномъ и пр. управленіи, и если вы достаточно меня уважаете, чтобы довѣрить мнѣ ваши соображенія, то я клянусь, что мнѣ будетъ пріятно убраться вашими перьями. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, м. г. графъ, остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Дидеротъ. 31 Января 1774.

Questions renvoyées par Sa Majesté Impériale à monsieur le comte de Munick *)

A combien peut s'évaluer la production annuelle de grains de toute la Russie, année commune? Cela se sait-il?

A combien peut s'évaluer le produit annuel du chanvre et du lin, année commune?

Quelle quantité l'étranger en tire-t-il?

Sur les détails du tabac, renvoyé à m-r le comte de Munick.

Quel était le prix du bail de la douanne en 1749?

Quelle quantité de chaque sorte de bois sort-il annuellement des ports de Russie?

Sur la poix, le goudron et le brai renvoyé à m-r le comte de Munick.

Ce qu'il pouvra savoir sur la production, la manière de recue, le transport et la vente de la rubarbe?

Quelle est la quantité de chevaux tirée de l'étranger, année commune?

Ce qu'il sait sur le commerce du miel et de la cire?

---

*) Писано рукою Дидерота.

La quantité de l'exportation annuelle des pelleteries et des cuirs, celle des cuirs verds est-elle permise?

La population à peu-près de l'empire, de Pétersbourg, de Moscou, des principales villes de l'empire.

Je lui serai bien obligé de me débrouiller le dédale du commerce des eaux de vie.

Quelle quantité d'huile tirée de l'étranger, année commune?

A combien s'évalue l'exportation du poisson et du caviar, anneé commune?

Quel est le rapport du salaire du journalier au prix des denrées nécessaires, ou combien un ouvrier journalier pourrait-il acheter de pain avec son salaire, ce qui vaut la livre du pain qu'il mange?

Que paye-t-on pour avoir le droit d'exercer librement son métier de tailleur, de perruquier e. t. c., et à qui ce droit se paye-t-il?

Saurait-on le nombre à peu-près de métiers-battants de l'empire?

Où sont les fabriques de savon?

Y-a-t-il plurieurs manufacture de glaces? Où en est celle qui a été établie par Pierre le-grand?

Quel est le salaire des matelots. Quel est le fret? Quel est le cabotage de port à port? Employe-t-il beaucoup de navires?

Y-a-t-il quelques banques ou compagnies d'assurances? Quel en est le cours dans les tems de paix? Y-a-t-il quelques usages de jurisprudence sur ce point?

Sa Majesté Impériale prie (oui, prie) m-r le comte de Munich de tâcher de me procurer un tableau, le plus complet qu'il se peut, des poids et mesures, longueur, largeur et profondeur, itinéraires, de solide, de fluide e. t. c.

Même prière sur les monnaies (autre tableau). Les espèces d'or et d'argent.

Quel est le révenu total de l'empire?

Quelle est la dette publique?

Pour combien de papiers?

Comment est ou se fait l'échange des espèces étrangères? Y-a-t-il des changeurs en titre et privilégiés?

Les tributaires de la couronne payent-ils en argent ou en denrées? Si en denrées, que deviennent-elles?

Переводъ. Вопросы, съ которыми Ея Императорское Величество поручила обратиться къ графу Миниху.

На какую сумму производитъ вся Россія ежегодно зерноваго хлѣба, считая годъ обыкновенный? Извѣстно ли это?

На какую сумму производится въ обыкновенный годъ конопли и льну?

Какое изъ того количество уходитъ въ чужіе края?

За подробностями о табакѣ велѣно обратиться къ графу Миниху.

По какой цѣнѣ нанимались таможенныя помѣщенія въ 1749 году?

Сколько какаго лѣса ежегодно отпускается изъ Русскихъ портовъ?

О смолѣ, дегтѣ и варѣ велѣно спросить у графа Миниха.

Что̀ можно узнать объ урожаѣ, способѣ добыванія, перевозкѣ и продажѣ ревеню?

Какое количество лошадей отправляется въ обыкновенный годъ за границу?

Что̀ ему извѣстно о торговлѣ медомъ и воскомъ?

Количество ежегоднаго вывоза мѣховъ и кожи. Дозволено ли вывозить сырую кожу?

Приблизительное населеніе имперіи, Петербурга, Москвы, главныхъ городовъ.

Я былъ бы ему очень обязанъ за разъясненіе спутанныхъ подробностей въ торговлѣ водкою.

Въ какомъ количествѣ получается изъ-за границы деревянное масло, принимая годъ обыкновенный?

На какую сумму вывозится въ обыкновенный годъ рыбы и икры?

Какова бываетъ ежедневная заработная плата соотвѣтственно цѣнѣ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, или сколько рабочій можетъ на получаемую имъ плату ежедневно купить себѣ хлѣба и что̀ стоитъ фунтъ потребляемаго имъ хлѣба?

Что̀ платится за право заниматься свободно ремесломъ портняжничьимъ, парикмахерскимъ и пр., и кому взносится эта плата?

Извѣстно ли приблизительно, сколько въ имперіи въ ходу ремеслъ?

Гдѣ мыльныя фабрики?

Много ли стеклянныхъ заводовъ? Гдѣ учрежденный Петромъ Великимъ?

Сколько получаютъ жалованья матросы?

Какая плата за наемъ судна?

Каково прибрежное плаваніе изъ порта въ портъ? Много ли употребляется кораблей?

Есть ли банки и страховыя общества?

Каковъ ихъ курсъ въ мирное время?

Имѣются ли по этому предмету какіе либо юридическіе обычаи?

Ея Императорское Величество проситъ (да, проситъ) графа Миниха постараться о доставленіи мнѣ елико возможно полной таблицы вѣса и мѣры, долготы, ширины и глубины, путей, твердыхъ веществъ, жидкостей и пр.

Таже просьба о монетахъ (другая таблица) золотыхъ и серебряныхъ.

Какъ великъ ежегодный доходъ имперіи?

Какъ великъ общественный долгъ?

На сколько имѣется бумажекъ?

Сколько и гдѣ мѣняется иностранной монеты?

Есть ли привилегированные и заявленные мѣнялы?

Казенныя подати взимаются ли деньгами или произведеніями?

Если произведеніями, то что̀ изъ нихъ дѣлается?

Графъ Моцениго.

Эпизодъ изъ первой Турецкой войны при Екатеринѣ II-й.

Разсказъ этотъ писанъ С. Р. Воронцовымъ, который послѣ Турецкой войны (въ которой принималъ онъ отличное участіе), вышелъ въ отставку и для поправленія здоровья ѣздилъ въ Италію, гдѣ и встрѣтился съ графомъ Моценигою. Судьбу его графъ Воронцовъ изложилъ въ собственноручномъ письмѣ - тетради, которое сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, посреди Венеціанскихъ дѣлъ, въ картонѣ 1784 года. Къ кому именно писано письмо, положительно сказать нельзя; но можно догадываться, что оно было обращено къ закадычному другу графа Воронцова, графу П. В. Завадовскому, который состоялъ въ великой силѣ при Екатеринѣ. Письмо помѣчено: «Пиза, 29 Мая (10 Іюня) 1777 года». Лѣтомъ этого года Завадовскій утратилъ придворное значеніе и уже не могъ передать Государынѣ содержаніе письма о графѣ Моценигѣ, а отдалъ его вѣроятно графу Безбородкѣ, чѣмъ и можетъ быть объяснено, отчего оно сохранилось въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

Плачевное положеніе графа Моцениги, происшедшее отъ привязанности его, вѣрныхъ и знаменитыхъ услугъ имперіи нашей, заслуживаетъ несумѣнно вниманія Государыни. Онъ не токмо не награжденъ по мѣрѣ заслугъ своихъ, но еще потерялъ оными большую часть своего имущества и претерпѣваетъ по сіе время немалый ущербъ въ чести, принадлежащей знатности его имени. Въ семъ дѣлѣ не Государыня виновна, конечно. Всѣ знаютъ ея великодушіе, щедрость и сколь она ревнительно (какъ и должно) уважаетъ на достоинство свое и имперіи ей подвластной и какъ вслѣдствіе сего наградила Кантакузина, Аргирія и многихъ тому подобныхъ, коихъ заслуги были велики, но никакъ не равняются съ оказанными г. Моценигою. Несчастіе сего человѣка произошло отъ того, что не во время онъ былъ въ Россіи; что тотъ, который его употреблялъ къ великой выгодѣ нашей и больше всѣхъ былъ въ состояніи объяснить его службу и страданія и испросить, наконецъ, достойно-должное ему награжденіе, былъ съ пріѣзду своего въ Москву не въ состояніи или (думая, что не въ состояніи быть за кого нибудь заступникомъ) отрекся помогать ему. Потомъ тотъ же въ Петербургѣ, дѣльно или недѣльно (ибо я судить о семъ не могу), почитая себя огорченнымъ, сказалъ ему напрямикъ, что онъ «помнитъ весьма, коль велики его заслуги, коль много онъ потерялъ и страдалъ за оныя и коль достоинъ помѣрнаго награжденія; но что онъ въ такомъ поло-

женіи, что никакъ ни за кого заступить не можетъ; что если о немъ спросятъ, онъ отдастъ ему справедливость, но въ самое то время ничего за него просить не можетъ»[1]). Къ бо̀льшему несчастію г. Моцениги, во все время его у насъ пребыванія, графъ Микита Ивановичъ[2]) сначала былъ не въ силахъ, а потомъ былъ боленъ. Итакъ онъ попалъ въ руки Григорія Александровича[3]) и вицъ-канцлера: первой ему не доброжелательствовалъ, а другаго ты самъ знаешь. Позволь, мой другъ, чтобъ я изъяснилъ теперь для собственнаго твоего свѣдѣнія прошедшее и настоящее положеніе сего несчастнаго человѣка, состояніе его фамиліи и все, что̀ онъ для Россіи дѣлалъ, почему и пропалъ.

Фимилія Моцениго—наипервѣйшая въ Венеціанской республикѣ какъ древностію своею, такъ знаменитостію великихъ дѣлъ; что̀ оная учинила, всѣми историками прославляется. Нынѣшній дожъ есть восьмой, что̀ она дала республикѣ, и ни которая другая столь бо̀льшаго числа дожей у себя не имѣла. Во время второй Крестовой войны[4]), когда Французы и Венеціанцы измѣннически овладѣли Цареградскимъ престоломъ, симъ послѣднимъ достались на долю большая часть Мореи, Кандія, Негропонтъ и всѣ почти острова, что̀ мы въ прошедшую войну имѣли въ Архипелагѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Греки, выгнавъ Французовъ изъ столицы, изъ Ѳракіи и отвсюду изъ земель Греческихъ, съ Венеціею помирились, уступя ей все ею заграбленное. Тогда она, дабы вѣрнѣе удержать сіи земли, отдѣлила туда часть своихъ гражданъ и дворянство, учредя вездѣ, по примѣру древнихъ Римлянъ, колоніи. Между дворянствомъ, въ Морею переселеннымъ, былъ одинъ Моцениго. Потомки сего, а предки нашего, получили въ той странѣ великія маетности, кои не токмо что въ старыхъ ландкартахъ именемъ сей фамиліи означены, но и понынѣ еще тако тамъ называются, и множество домовъ въ Коронѣ и Медонѣ стоятъ съ ихъ гербами, чему свидѣтели суть гр. Ѳедоръ Григорьевичъ[5]) и генералъ Анибалъ. Сначала первые переведенцы сохраняли законъ свой Римскій, но въ продолженіи времени многіе стали брать въ супружество знатныхъ дѣвицъ той земли и Греческаго исповѣданія; умирая, оставляли иногда дѣтей малолѣтнихъ, коихъ матери перекрестили въ свою вѣру. Республика сему не мѣшала, желая какъ наиболѣе привязать къ себѣ тогда Греческую націю, отчего произошло, что одной фамиліи одни въ Венеціи Западной церкви, другіе въ Греціи Восточной поклонялися. Сіе точно случилось съ Моценигами. Одинъ изъ предковъ нашего, будучи уже въ нашей вѣрѣ, по вышеозначеннымъ случаямъ, женился на дочери князя Токи, владѣтеля острова Занта. Сей князь умеръ, не имѣя сыновей и оставилъ наслѣдство дочери; но сей изобильной островъ прельстилъ Венецію. Затѣмъ она (какъ сіе изпредавна между правленіями водится) овла-

[1]) Кого тутъ разумѣетъ графъ Воронцовъ, мы не знаемъ.
[2]) Графъ Панинъ.
[3]) Потемкина.
[4]) Т. е. во время втораго Крестоваго похода.
[5]) Орловъ.

дѣла онымъ, оставя законной наслѣдницѣ нѣсколько собственныхъ мастностей покойнаго князя, чѣмъ и понынѣ владѣетъ тотъ, о которомъ пишу и отъ чего онъ получалъ, до его аресту, отъ 9 до 10 тысячъ рублей доходу, а теперь ничего. Когда султанъ Баязетъ выгналъ совсѣмъ Венеціанцовъ изъ Мореи, республика наградила всѣхъ, кои потеряли тамъ земли, другими въ Кандіи, гдѣ Моцениги получили знаменитыя около Ретимо, коими владѣли до завоеванія Турками сего острова, послѣ чего переселились въ Зантъ. Тѣ изъ дворянъ Венеціанскихъ, кои сохранили законъ Римской, возвратились въ Венецію, гдѣ потомки ихъ пользуются преимуществами и правомъ соправленія республики. Моцениги Венеціанскіе повторительно уговаривали однофамильцовъ своихъ Зантскихъ, дабы возвратились къ прежней ихъ вѣрѣ, но безъ успѣху. Сіи послѣдніе, хотя потеряли владѣнія свои въ Греціи, но сохранили привязанность, почтеніе и довѣренность въ земляхъ и островахъ того народа, такъ что безпрестанно надлежало республикѣ употреблять ихъ какъ во времена разрывовъ съ Портою, для диверсіевъ въ Греціи, такъ и во времена мира для сохраненія непрерывной связи съ несчастною сею землею, почему уважала и ласкала Моцениговъ Зантскихъ паче всѣхъ фамиліевъ въ Левантскихъ островахъ ея владѣнія. Отецъ нашего, въ послѣднюю войну между республикою и Портою, командовалъ двумя Венеціанскими военными кораблями, что̀ никогда не случалось человѣку другаго закона: ибо сухопутныя свои силы она поручаетъ иностраннымъ и иногда людямъ не-Римскаго исповѣданія, но морскія— никому кромѣ своихъ патриціевъ, кои всѣ Западной церкви, не ввѣряетъ. При рожденіи нашего былъ ему отцемъ крестнымъ однофамилецъ его нынѣшній дожъ, а тогда кавалеръ Saviogrande и прокураторъ св. Марка, т. е. имѣя наипервѣйшія достоинства того правленія. Онъ испросилъ его отъ отца къ себѣ въ домъ для воспитанія и взялъ въ Венецію о 14-ти мѣсяцахъ, имѣлъ попеченіе какъ о сынѣ и держалъ до 20 лѣтъ, доколѣ окончилъ свое ученіе; между тѣмъ всячески старался уговорить его къ перемѣнѣ закона, но всуе. Въ ребячествѣ г. Моцениго отрицался, боясь отца своего; а пришедъ въ совершенный возрастъ, когда уже и отецъ умеръ, отрекся то учинить не для суевѣрія, но почитая весьма гнуснымъ перемѣнить законъ своихъ предковъ, оставляя сіе разбирать Богу, чья мольба Ему угоднѣе. Воспитатели не переставали любить его за то; ибо болѣе для собственной его выгоды на землѣ, нежели для спасенія его души въ небѣ проповѣдывали. Живучи въ Венеціи, онъ былъ, по причинѣ однофамильцовъ своихъ, всегда въ обществѣ наипервѣйшихъ членовъ сей республики, почему и знаетъ ее совершенно.

Видя, наконецъ, что по причинѣ закона надлежитъ ему остаться навсегда въ праздности и безъ мѣста сходственнаго съ достоинствомъ его фамиліи, вознамѣрился онъ принять чужую службу, имѣвъ сему примѣръ въ своемъ домѣ, гдѣ дядя его родной былъ въ службѣ курфирста Гановерскаго (которой послѣ былъ королемъ Англійскимъ), у коего былъ подъ конецъ тайнымъ совѣтникомъ и министромъ въ Венеціи, гдѣ въ сей должности и умеръ. По причинѣ

вѣры онъ весьма желалъ служить Россіи, но, не имѣвъ ни малаго у насъ знакомства, опасался не успѣть и сдѣлать предальнее путешествіе втунѣ. И такъ былъ въ нерѣшимости. Однакожъ, для всякаго случая, взялъ дозволеніе у штатскихъ инквизиторовъ принять иностранную службу и получилъ его формально. Онъ бы могъ и безъ того обойтись, поелику всѣ дворяне подданства республики, лишь бы не были патриціи и соправители оной, вольно могутъ брать иную службу; почему Австрійской домъ множество ихъ имѣетъ между своими генералами, какъ то Пелегрини и т. п. Но онъ сіе сдѣлалъ изъ уваженія къ сродственникамъ своимъ въ Венеціи. Скоро потомъ необходимыя нужды не дозволяли ему помышлять о семъ дѣлѣ, а надлежало ѣхать въ Зантъ и пробыть тамъ нѣсколько лѣтъ сряду. Потомъ, за годъ до войны нашей, былъ онъ въ Венеціи, помышляя пуще прежняго искать нашей службы; но въ самое то время возвратился изъ Россіи Маруци съ знатнымъ чиномъ и лентою. Тогда началъ онъ размышлять, что естьли, поѣхавъ въ Петербургъ, возвратится менѣе отличенъ чѣмъ Маруцій, которой весьма далекъ отъ него породою и прочимъ, сіе оскорбитъ сродственниковъ и однофамильцовъ его и нанесетъ ему въ Зантѣ и во всей Греціи стыдъ и посмѣяніе. Онъ отложилъ свое намѣреніе, уважая и на то, что уже былъ тогда въ такихъ лѣтахъ, что метаться, какъ молодому человѣку, неприлично; положилъ возвратиться въ домъ свой, упражняться воспитаніемъ своего сына и послать онаго, какъ придетъ въ возрастъ, къ намъ для принятія службы.

Въ Зантѣ будучи, свѣдалъ онъ о разрывѣ нашемъ съ Портою и, какъ не приготавливалъ себя никогда къ военному ремеслу, то и не считалъ, чтобы сіе приключеніе завело его къ Россійской службѣ, тѣмъ наипаче, что ни онъ и никто вообразить себѣ не могъ, чтобы флотъ нашъ появился въ Левантѣ; за тѣмъ и жилъ спокойно, какъ вдругъ, по несчастію его, можно сказать, присталъ къ острову, противъ самыхъ его владѣніевъ, первый Россійскій фрегатъ, нагруженный военными припасами, необходимо нужными для флота и Морейскаго предпріятія. Оной потерялся отъ флота около Магона и занесенъ былъ впередъ, въ страны неизвѣстныя нашимъ мореплавателямъ, безъ должныхъ картъ тѣхъ морей, безъ лоцмановъ, знающихъ тѣ гавани, ни къ кому не адресованый, имѣя нужду во всемъ и вмѣсто помощи видя всевозможныя себѣ препятствія (ибо Венеціанской губернаторъ съ фрегата на берегъ никого пустить не дозволилъ и своимъ къ судну подъѣзжать запретилъ). На другой день фрегатъ сей попалъ на камень и погибъ бы несумнѣнно, ибо наполнялся уже водою. Тогда г. Моцениго, изъ жалости, изъ усердія къ вѣрѣ и имперіи нашей, не смотря на запрещеніе, послалъ болѣе 300 человѣкъ своихъ подданныхъ въ разныхъ баркахъ съ искусными лоцманами, кои, работая полторы сутки, съ трудомъ и противъ чаянія, судно спасли и привели въ портъ, гдѣ тотъ же Моцениго удовольствовалъ экипажъ всѣми потребностями и склонилъ губернатора просьбами и подарками, дабы онъ позволилъ сему судну исправиться въ Зантѣ. Капитанъ, всѣ офицеры и матросы не иначе признавали г. Моценигу

какъ ихъ спасителя. При отправленіи изъ Занта онъ снабдилъ ихъ картами и искусными лоцманами.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ [6]), увѣдомясь отъ офицеровъ того фрегата о семъ происшествіи и узнавъ отъ всѣхъ Грековъ, коль великой кредитъ имѣетъ г. Моцениго въ Греціи, Албаніи и Далмаціи, написалъ къ нему письмо преблагодарное, прося при томъ, дабы принялъ Россійскую службу и остался бы въ Зантѣ для пользы оной, помогая флоту всячески и подавая ему нужныя извѣстія о всемъ, что̀ происходитъ въ областяхъ непріятельскихъ смежныхъ съ мѣстомъ, гдѣ онъ находится, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣетъ сношеніе, обнадеживая его объ отличности и награжденіяхъ, что̀ Государыня не преминетъ ему сдѣлать, и между тѣмъ посылая ему патентъ подполковничій. Онъ сему весьма удивился и хотѣлъ патентъ отослать назадъ, какъ человѣкъ въ семъ ремеслѣ не упражнявшійся и желающій служить въ штатскомъ или политическомъ, да и не съ такимъ малымъ чиномъ, помня особливо Маруція. Сей подполковничій чинъ польстилъ бы его въ 25 лѣтъ, а не въ 43, кои онъ тогда имѣлъ. Но, размышляя, что огорчитъ невиннаго человѣка, котораго, можетъ быть, и сила далѣе не простиралася; надѣясь при томъ, что гр. Алексѣй Григорьевичъ не оставитъ о немъ предстательствовать и что, отказавъ, самъ у себя отъиметъ способъ оказать ревностную свою службу къ государству, къ коему онъ уже издавна усердствовалъ, отвѣчалъ графу Алексѣю Григорьевичу, что благодаритъ его не за патентъ (поелику онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что, не служа доселева въ войскѣ, теперь поздно сему ремеслу учиться), но за то, что подаетъ ему случай оказать свое усердіе толь великой Государынѣ, для которой онъ готовъ жертвовать себя и свое имущество, и что съ сей поры онъ всѣ свои дѣла оставитъ, чтобъ упражняться порученными ему отъ графа. Тутъ стали давать ему какъ оба графа, такъ и Спиридовъ безпрерывныя комисіи, поручили ему снабжать всѣ приставающія суда наши, стали требовать лоцмановъ, карты морей и острововъ, описанія разныхъ мѣстъ непріятельскихъ, желали имѣть обстоятельныя извѣстія о пріуготовленіяхъ Турецкихъ въ тамошнихъ округахъ, для чего онъ долженъ былъ содержать шпіоновъ въ Мореѣ, въ Дульциніи, въ Кандіи и Тунисѣ, принужденъ былъ возобновить старыя свои переписки въ Цимарѣ, въ Албаніи и Далмаціи, гдѣ его предки великой кредитъ имѣли, которой онъ и по сіе время, не смотря на несчастное свое положеніе, сохраняетъ. Изъ сихъ трехъ провинціевъ онъ болѣе 5 тысячъ солдатъ вооруженныхъ въ разныя времена подговорилъ и доставилъ къ флоту, такъ наблюдая интересъ казенный, что сіе отправленіе ничего не стоило и что имъ жалованье началось по прибытіи въ Паросъ, когда прочіе господа ни одного человѣка не поставили Грека, Албанца или Далмата, чтобъ оной въ 60 рублей не сталъ еще до прибытія.

Извѣстія, кои онъ давалъ о вооруженіяхъ непріятельскихъ, были толь вѣрны и обстоятельны, что никто прежде его не зналъ и вѣрить не

---

[6]) Орловъ.

хотѣлъ, чтобъ во время перемирія Дульциніоты и Тунисcкое правленіе могли бы переслаться и уговориться между собою вооружить какъ можно болѣе фрегатовъ и шембековъ и, соединясь съ третьею эскадрою, чтò ожидали изъ Кандіи, идтить прямо въ Аузу, портъ при Паросѣ, гдѣ наши спокойно стояли, надѣясь на перемиріе и гдѣ бы были сожжены несумнѣнно, какъ Турки въ Чесмѣ. Но графъ Моцениго тотчасъ извѣстилъ какъ о намѣреніи, такъ и о силахъ, чтò въ вышеозначенныхъ мѣстахъ приготовлялися и представилъ, что неотмѣнно надлежитъ идтить въ Дульциньо, гдѣ наибольшая часть силъ непріятельскихъ собирается и разбить оную до соединенія съ прочими. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сперва не вѣрилъ, потомъ опасался войтить или послать кого въ Адріатическое море, думая, какъ и многіе, что въ оное кромѣ Венеціанскихъ военныхъ судовъ прочимъ военнымъ судамъ другихъ державъ входить не можно для мнимаго владычества сей республики надъ симъ моремъ; но онъ ему доказалъ, что сіе мнимое право неосновательно, не всѣми признано, и что коли есть авторы, кои оное утверждаютъ, есть столько же, кои торжественно его опровергли; представилъ ему примѣръ Французскихъ кораблей, кои какъ при Людовикѣ XIV-мъ, такъ и при правительствѣ герцога Орлеанскаго, входили въ Адріатику; наконецъ, представилъ, что когда Дульциніоты, непріятели наши, живущіе на берегу сего моря, противу насъ вооружаются, мы имѣемъ неоспоримое право искать ихъ въ ихъ гнѣздѣ и истребить, поколику сіе возможно будетъ. Онъ убѣдилъ сими доказательствами. Послана была эскадра, и велѣно ей зайтить въ Зантъ для полученія подробныхъ объясненіевъ отъ г. Моцениги. Онъ снабдилъ ее всѣмъ потребнымъ, далъ лоцмановъ, знающихъ тѣ берега и пристани и увѣдомилъ, что надлежитъ спѣшить (ибо Дульциніоты уже вышли въ море), что надлежитъ ихъ встрѣтить до выходу изъ Адріатики и что, упустя сіе, въ Средиземномъ трудно будетъ помѣшать соединенію непріятеля. Эскадрѣ удалось счастливо; ибо, встрѣтя Дульциніотовъ въ морѣ, дралася съ оными, гнала до Патроса, подъ коимъ городомъ было другое сраженіе, въ коемъ 17 наибольшихъ непріятельскихъ судовъ сожжено, остальныя 11 успѣли завернуть (хотя весьма поврежденныя) въ портъ того города, подъ защиту крѣпости. Тунисцы, услышавъ о семъ несчастіи, не смѣли войтить въ море, и какъ они, такъ и Кандійское вооруженіе и Дульциніоты во всю войну нигдѣ болѣе ужъ не показывались.

Вотъ какія полезныя извѣстія онъ подавалъ по флоту! Онъ увѣдомлялъ нашихъ не только чтò дѣлается въ пограничныхъ областяхъ непріятеля, но и о томъ, чтò въ Царѣ-градѣ происходило; ибо всегда имѣлъ, способомъ вѣрныхъ друзей въ Венеціи, реляціи баила или по нашему посла Венеціанскаго при Портѣ. Онъ имѣлъ способъ сообщать и о томъ, чтò въ Венеціанскомъ Сенатѣ происходило. Затѣмъ онъ получалъ благодарныя письма отъ графа и Спиридова, въ коихъ точно сіе изображено (ибо я ихъ читалъ): ты нашъ спаситель, ты нашъ вѣрный сторожъ; мы за твоею прозорливостію пребываемъ спокойны; не сумнѣвай-

ся о награжденіяхъ, помѣрныхъ [7]) отличности службъ твоихъ.

Венеціанцы (опасаясь Турокъ по привычкѣ, а насъ еще болѣе по причинѣ, что всѣ подданные ихъ въ Левантѣ и Далмаціи суть нашего исповѣданія и такъ намъ суевѣрно преданы, что, явно пренебрегая повелѣнія республики, къ нашимъ приставали, подавали всевозможную помочь и воевали противу Турокъ, не смотря на то, что многіе претерпѣли за сіе казнь прежестокую) стали подозрѣвать гр. Моценигу и привязываться къ оному. Но сіе было трудно, поелику онъ объявилъ уже предъ тѣмъ губернатору, что онъ находится въ Россійской службѣ, показалъ патентъ свой и что имѣетъ повелѣніе пребывать въ Зантѣ неотлучно для исправленія нуждъ флотскихъ, для чего и оставленъ былъ на время въ покоѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ поручилъ ему примать въ свое покровительство тѣхъ несчастныхъ Мореотовъ, кои, спасаясь отъ мщенія и меча Турецкаго, въ Зантъ приставали. Тутъ онъ вздумалъ первой и послалъ о томъ проектъ къ графу, чтобъ забрать дѣтей отъ наипервѣйшихъ изъ сихъ несчастныхъ и отправить ихъ въ Россію для воспитанія, чѣмъ возстановится наипаче въ будущія времена связь межъ Россіею и Греками, что̀ и учинилось. Но, не довольствуясь малымъ числомъ тѣхъ дѣтей, кои были тогда въ Зантѣ, онъ посылалъ еще вѣрныхъ людей въ Морею и Албанію, гдѣ, способомъ довѣренности, что̀ христіане тамо живущіе къ нему и его фамиліи имѣютъ, удалось ему украсть множество сихъ несчастныхъ ребятъ изъ самыхъ рукъ Турецкихъ, что̀ паши вмѣсто залогу при себѣ держали. Сіе надмѣрно [8]) взбѣсило тѣхъ пашей и Порту, которые съ угрозою требовали отъ республики выдачи уведенныхъ и наказанія графа Моцениги, какъ Венеціанскаго подданнаго; но онъ успѣлъ укрыть несчастныхъ сихъ отъ пагубы, отправя ихъ заблаговременно на судахъ нашихъ, а Венеціанцамъ отвѣчалъ, что, будучи въ службѣ Россіи, которая въ войнѣ съ Портою, онъ дѣлаетъ что̀ ему приказано, и имъ за него отвѣчать не надлежитъ.

Венеціанцамъ онъ столь несносенъ сталъ, что всячески избавиться отъ него желали и возрадовались сему случаю, какъ способному для его изгнанія; но, боясь флота нашего, не смѣли то учинить явно. Правленіе сдѣлалось какъ будто невѣдомо, что онъ въ нашей службѣ, якобы Зантской губернаторъ о томъ оное не увѣдомилъ, и разглашать стало, что графъ Моцениго бунтуетъ, не слушается губернатора въ Зантѣ и заводитъ вражду межъ республикою и Турками. Губернаторъ началъ подъ рукою стращать его и что, если онъ не спасется бѣгствомъ, то предстоятъ ему великія напасти; наконецъ, видя, что графъ Моцениго съ мѣста не трогается, сталъ онъ подсылать къ нему людей, кои, уговаривая его къ оставленію острова, объявили ему, что правленіе негодуетъ на его тамъ пребываніе и что неизбѣжно будетъ несчастливъ. Онъ отвѣчалъ на сіе, что онъ не

---

[7]) Т. е. соразмѣрныхъ.

[8]) По нынѣшнему—чрезмѣрно.

въ своей волѣ, что безъ посрамленія и достойнаго наказанія онъ не можетъ, презрѣвъ данныя ему повелѣнія, оставить свое мѣсто изъ малодушія, что всякая напасть ему гораздо менѣе оскорбительна безчестія, что онъ писалъ къ графу Алексѣю Григорьевичу, прося дозволенія выѣхать изъ Занта, что до полученія онаго онъ никакъ самъ собою не поѣдетъ, развѣ губернаторъ пришлетъ къ нему письменное повелѣніе оставить островъ: тогда онъ конечно противиться не будетъ, имѣя симъ оправданіе у своихъ начальниковъ; что онъ дивится при томъ, для чего (если онъ такъ неповинно сдѣлался несноснымъ правленію) уже давно ему не послали сіе письменное повелѣніе вмѣсто словесныхъ совѣтовъ, кои ничего не значутъ и отъ коихъ всегда отпереться можно, а онъ въ дуракахъ останется. Онъ дѣйствительно увѣдомилъ уже графа, что дѣло дойдетъ до крайности и что въ положеніи, въ коемъ находится, его въ Зантѣ пребываніе не можетъ ужъ быть полезно службѣ. Но долго не получалъ отвѣта; а Венеціанцы, потерявъ терпѣніе и позабывъ должное къ Россіи уваженіе, арестовали его, что̀ произошло слѣдующимъ образомъ. Какъ всѣ жители города и острова Занта суть Греческаго исповѣданія и всѣ весьма привязаны къ графу Моценигѣ, то губернаторъ, опасаясь возмущенія отъ обывателей въ пользу онаго, послалъ подполковника съ 400 солдатъ вооруженныхъ для взятія его подъ караулъ; но, не смотря на число сихъ воиновъ, народъ, который тамъ всегда вооруженъ бываетъ и гораздо храбрѣе никуда негодныхъ Итальянскихъ солдатъ, что̀ республика тамъ держитъ, окружилъ тотчасъ домъ графа Моцениги съ тѣмъ чтобы, разбивъ солдатъ, выручить плѣннаго. Подполковникъ былъ внѣ себя отъ страху; а плѣнный, видя, что онъ окруженъ солдатами, кои во время бою его бы застрѣлили, принужденъ былъ выйтить на балконъ и уговорить народъ, чтобъ правленію не мѣшали и чтобъ о немъ не сумнѣвались: ибо, какъ въ службѣ ея императорскаго величества, онъ на защиту ея уповаетъ. Съ трудомъ, но уговорилъ онъ обывателей. Въ благодарность сего, подполковникъ съ офицерами и всѣмъ причетомъ разграбили весь домъ, разломали кладовыя, вытащили серебро, деньги, женины брильянты; къ сему несчастію соединилось то, что при арестѣ жена его такъ оному испугалась, что въ тужъ минуту пала въ параличъ, отъ котораго по сіе время ходить не можетъ и только что въ церковь, съ помощію двухъ человѣкъ, кои ее поддерживаютъ, разъ въ мѣсяцъ таскается.

По взятіи перевезли его на островъ Корфу и посадили въ цитаделѣ въ темницу, гдѣ пробылъ 8 мѣсяцевъ и гдѣ бы удавили его конечно, и онъ самъ ежечасно ожидалъ своей кончины, и для того сдѣлалъ свою духовную, препоручая бѣдныхъ своихъ дѣтей призрѣнію Государыни и попрося попа, котораго ему отказать не могли, вручилъ ему оную для пересылки ея по смерти его въ Россію. Но спасъ его адмиралъ Спиридовъ (ибо графъ былъ тогда въ Петербургѣ).

Надо знать, что графъ Моцениго, предвидя свое несчастіе, всѣ бумаги свои успѣлъ за нѣсколько времени тайно перевезти въ одинъ отдаленный свой загородный домъ и наканунѣ ареста получилъ письмо

отъ адмирала весьма дружеское и въ коемъ онъ ему даетъ множество коммисіевъ, касающихся до службы. Сіе письмо схвачено было подполковникомъ и переслано въ Венецію, гдѣ стали опасаться слѣдствія сего дѣла; затѣмъ Сенатъ повелѣлъ генералу своему въ Левантѣ Реньеро, чтобъ онъ послалъ къ Спиридову того же подполковника съ письмомъ слѣдующаго содержанія: Графъ Моцениго, подданный республики, впадшій въ непослушаніе и почти явный бунтъ, посаженъ оною въ темницу; но какъ слухъ носится, якобы онъ находится въ Россійской службѣ, то, если сіе неложно и господинъ адмиралъ его потребуетъ, онъ возвращенъ будетъ безъ задержанія.

Адмиралъ, который увѣдомилъ уже дворъ о семъ арестѣ и думая, что оной конечно съ твердостью, сходною съ достоинствомъ имперіи, не токмо потребуетъ его возвращенія съ честью (наблюдая, чтобы по выдачѣ не раззоренъ былъ въ имуществѣ), но что потребуетъ должную сатисфакцію или извиненіемъ республики, или наказаніемъ губернатора,—не смѣлъ принять графа Моценигу и за тѣмъ отвѣчалъ весьма благоразумно, что хотя дошелъ до него слухъ о семъ страшномъ происшествіи, но онъ вѣрить тому не хочетъ, чтобъ республика, столь мудростью издавна прославляемая, допустила, чтобъ мимо оной господинъ генералъ повелѣлъ подкомандующему своему, губернатору острова Занта арестовать, противъ права народнаго, уполномоченнаго штабъ-офицера Россійской императрицы, который, по публичнымъ повелѣніямъ ея, исправлялъ Россійскія дѣла въ Зантѣ; что онъ паче всего дивится, что теперь какъ будто сумнѣваются о бытности его въ службѣ императорской, когда уже нѣсколько лѣтъ сряду сами губернаторы Зантійскіе чрезъ него, какъ повѣреннаго отъ флота, доставляли въ оной разныя свои представленія; что онъ его принять теперь не можетъ, поелику извѣстилъ о семъ уже Государыню, которая конечно съ республикою объяснится о семъ необычайномъ дѣлѣ, а между тѣмъ надѣется, что графъ Моцениго будетъ сохраняемъ съ честью и почтеніемъ, принадлежащимъ его имени и особливо величеству Государыни, которой онъ служитъ. Но какъ адмиралъ опасался, чтобы арестантъ не былъ отравленъ ядомъ (что̀ въ Венеціи нерѣдко бываетъ, когда инако ей отъ кого отдѣлаться не можно), то повелѣлъ нашимъ судамъ всячески привязываться къ Венеціанскимъ купеческимъ и арестовавъ приводить въ Паросъ, аки бы доставляющихъ непріятелю нашему припасы. Генералъ Левантскій Реньеро писалъ къ нему о семъ жалобы, на кои онъ ничего не отвѣчалъ, сказавъ только словесно, что онъ сіе дѣло и разбирать не станетъ, пока не окончено будетъ дѣло графа Моцениги. При томъ, какъ онъ опасался отравы сего несчастнаго, то и разгласилъ умышленно, такъ что сіе дошло до Венеціи, что все что̀ приключится съ арестантомъ нашимъ, тожъ самое будетъ съ Венеціанцами, взятыми на корабляхъ, что̀ испугало Сенатъ и спасло при томъ того, о комъ пишу.

Наконецъ, пока изъ флота дошло извѣстіе ко двору и отъ онаго хотя незамедленно послано требованіе въ Венецію, прошло 8 мѣся-

цевъ, республика тотчасъ выпустила графа Моценигу, объявя ему при томъ, что подъ смертною казнію запрещается ему показываться во владѣніяхъ оной. Спиридовъ принужденъ былъ его принять, послѣ того какъ дворъ такъ кончилъ. Но, ежели бы дворъ нашъ, требуя усильно арестанта, заключилъ тѣмъ, что окончаніе сего дѣла адмиралу препоручаетъ, сей бы принудилъ Венеціанцовъ отступиться отъ запрещенія, сдѣланнаго арестанту толь безчестно и разорительно. Онъ, и въ темницѣ будучи, усердіемъ, разумомъ и не щадя своего разореннаго имущества, нашелъ способъ служить флоту, какъ будто находился въ Зантѣ и на волѣ: ибо, подкупя стерегущихъ его офицеровъ, сталъ сначала переписываться съ знакомыми ему богатыми Корфіотами, кои давали ему взаймы денегъ, коими онъ награждалъ офицеровъ и чрезъ то имѣлъ способъ продолжать всѣ старыя свои переписки и по онымъ увѣдомлять о всемъ адмирала, который теперь въ Петербургѣ и можетъ о всемъ засвидѣтельствовать.

Ты видѣлъ всю его службу. Знай же теперь все, что̀ онъ потерялъ оною. Въ семь лѣтъ, что̀ онъ былъ въ оной, не получалъ ни полушки ни жалованья, ни награжденія; за шпіоновъ, коихъ онъ содержалъ въ Мореѣ, во многихъ мѣстахъ Румеліи, въ Кандіи и Тунисѣ и коимъ платилъ богато (поелику сіе ремесло водитъ на висѣлицу), ему ничего не заплатили; за почту, по пространной его перепискѣ по дѣламъ нашимъ въ Левантѣ, ничего же не дано. Трижды призывали его въ Пизу, куда надлежало изъ Занта ѣздить моремъ до Неапольскаго королевства, а оттоль чрезъ всю Италію до Пизы и тако назадъ; дважды посылали его въ Венецію, не давъ никогда ничего на дорогу. Домъ его разграбленъ болѣе какъ на 20,000 рублей. Чтобъ содержать жену, сына и дочь въ Италіи, чтобъ съ чѣмъ ѣхать въ Россію, чтобъ заплатить долгъ, что̀ онъ по причинѣ аресту, подкупленія офицеровъ и пересылки въ разныя стороны и къ адмиралу, сдѣлалъ въ Корфу, онъ принужденъ былъ истратить остатокъ своего имущества, ибо вынулъ изъ Венеціанскаго банка 5000 своихъ червонныхъ, кои ходили въ процентѣ. Въ Россіи проволочили его 15 мѣсяцевъ, въ кои онъ такъ прожился, что еслибъ Государыня не пожаловала ему 2000 рублей на дорогу, ему бы выѣхать не съ чѣмъ было. Какъ ему запрещено въѣзжать въ Венеціанскія области и какъ онъ подъ явнымъ негодованіемъ того правленія, то всѣ тамошніе отъ него отступились. Ни одинъ адвокатъ не примается стряпать по дѣламъ его, отчего онъ и потерялъ ужъ много процессовъ; должники ничего ему не платятъ, прикащики его отъ смотрѣнія за деревнями отказались. Сіи деревни всячески раззоряются, и онъ ни полушки доходу съ нихъ не получаетъ и, слѣдовательно, безъ конфискаціи оныя дѣйствительно конфискованы. И такъ онъ потерялъ, служа намъ, все что̀ дошло ему отъ предковъ. Сравни же, прошу, его съ Кантакузинымъ, съ Аргиріемъ, съ Маруціемъ. Первые два служили конечно, и воздаяніе имъ надлежало; но ихъ услуги не равняются съ тѣми, что̀ оказалъ графъ Моцениго. Они ничего не претерпѣли и, какъ ты самъ знаешь, себя не позабывали, и всякій изъ нихъ, не въ зачетъ будущаго награжденія, сами себя награждали, такъ что, при оконча-

ніи войны, они очутились гораздо богаче, какъ при началѣ оной. Я никакъ не порочу то, что̀ для Маруція сдѣлано; ибо Россіи неотмѣнно должно привязывать къ себѣ Греческую націю, а чины и ленты въ той странѣ сильнѣе, какъ у насъ дѣйствуютъ. Фортуна, что̀ сдѣлалъ у насъ Рагузинскій, подѣйствовала сильно во всемъ Левантѣ. Отличности, что̀ получилъ Маруцій, сугубую возжгли надежду на призрѣніе Россіи къ народамъ одновѣрнымъ съ нею. Но что̀ учинилось съ графомъ Моценигою, удивляетъ всѣхъ неизобразимо: ибо никто понять не можетъ, отчего произошло, что человѣкъ, который во всѣхъ тѣхъ странахъ знатностію породы и кредитомъ ни съ кѣмъ не равняется, который не искалъ въ насъ нужды, который изъ усердія служилъ отлично, жертвовалъ жизнію, потерялъ все имѣніе, брошенъ пуще всѣхъ. Я его и съ славнымъ Кантемиромъ не равняю, ибо что̀ тотъ сдѣлалъ? Развѣ онъ или какой господарь Молдавскій или Волоской могъ бы, когда Турокъ нѣтъ въ землѣ ихъ (какъ то тогда случилось) выгнать собственными своими силами сильное и регулярное войско, которое полтора года предъ тѣмъ разбило славную и страшную Шведскую армію; отъ него ничего другаго не требовалъ фельдмаршалъ Шереметьевъ (который за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Государя вступилъ въ Молдавію и зимовалъ въ Яссахъ) какъ провіанту для будущаго лѣта. Но, провождая всю зиму въ винѣ и въ банкетахъ, онъ за Кантемиромъ не смотрѣлъ, а тотъ или не въ состояніи былъ, или самъ былъ обманутъ, провіанту не собралъ, что̀ главною причиною было къ тому Прутскому безчестію: ибо хотя Петръ I имѣлъ дѣйствительно (какъ то видно по журналамъ) 40 тысячъ пѣхоты, кромѣ кавалеріи; но, не имѣвъ духа общаго нашего благодѣтеля [9]), который смѣло повелъ 17 тысячъ голодныхъ отнять обѣдъ у 150 тысячъ непріятеля, принужденъ былъ за недостаткомъ провіанта учинить миръ безчестный и возвратиться во свояси съ Турецкими сухарями, кои даны были изъ милосердія. Вотъ дѣло Кантемира, и за что̀ потомки его пребогаты, когда прочихъ господарей дѣти безъ хлѣба часто въ Цареградѣ шатаются?

Разсуди пожалуй, справедливо ли, что графъ Моцениго, котораго для тысячи причинъ отличить бы надлежало, служа болѣ и претерпѣвъ болѣ какъ Кантакузинъ, и раззоренъ совершенно, однакожъ не награжденъ и не отличенъ по сіе время.

Онъ въ Петербургѣ просилъ вицеканцлера: 1) о удовлетвореніи за претерпѣнные убытки и за службу не награжденную; 2) о истребованіи отъ Венеціанцовъ разрѣшенія отъ запрещенія ему сдѣланнаго; ибо, хотя онъ не хотѣлъ жить въ областяхъ республики, но надлежало ему хоть изрѣдка свидѣтельствовать своихъ повѣренныхъ и учреждать свою экономію; 3) о полученіи мѣста министерскаго въ Тосканѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ Италіи или гдѣ бы то ни было, съ чиномъ и жалованьемъ сходнымъ съ его должностью. Онъ мнѣ божился, что естлибъ онъ получилъ равное награжденіе съ Кантакузинымъ, онъ бы тотчасъ натурализировалъ себя Русскимъ и переселился бы и со всею фамиліею въ Россію. Вицеканцлеръ ему отвѣчалъ только, что онъ въ первые два артикула не входитъ, а на третье ему сказываетъ, что о

---

[9]) Т. е. графа П. А. Румянцова-Задунайскаго.

семъ и докладывать не хочетъ, ибо въ Италіи нигдѣ у насъ нѣтъ министровъ, а въ Тосканѣ нельзя имѣть затѣмъ, что Тосканской дворъ у насъ своего не имѣетъ. Сей отвѣтъ неоснователенъ, поелику великій герцогъ нигдѣ ихъ не держитъ, ниже во Франціи, въ Гишпаніи и Неаполѣ, съ коими онъ въ толь тѣсномъ сродствѣ, за тѣмъ, что всѣ дѣла его дѣлаютъ во всѣхъ дворахъ министры брата его императора; все же сіи дворы и Англицкой съ ними имѣютъ министровъ своихъ во Флоренціи. Графъ Моцениго, какъ не былъ еще въ нашей службѣ, когда бывалъ во Флоренціи, былъ допущенъ, по причинѣ знатной своей породы, во внутренніе покои великаго герцога, куда только наипервѣйшее дворянство Тосканское и министры дворовъ впущаются; а нынѣ, съ чиномъ комисара (котораго съ консулами равняютъ) онъ ужъ не впускается. Двѣ тысячи жалованья, что̀ онъ имѣетъ, никакъ ему недостаетъ съ семьею, что̀ онъ имѣетъ. Естьлибъ онъ предвидѣлъ, что нашъ дворъ (какъ-то теперь случилось), разъ трактуя о немъ съ Венеціанцами, по отказѣ оныхъ отступится: онъ бы не просилъ инаго, а занявъ тысячъ 7 или 8 червонныхъ, деньгами бы досталъ свое разрѣшеніе; ибо лучше потерять оныя, нежели 10 тысячъ рублей доходу. Но онъ на дворъ надѣялся, и ему казалось, что неблагопристойно для онаго и для себя стыдно искать милости у своихъ враговъ и тѣмъ доказать, что онъ у насъ въ презрѣніи. Естьлибъ, при требованіи, что̀ еще можно сдѣлать, была бы какая угроза, какъ-то что дворъ нашъ не можетъ сіе такъ оставить и что онъ не преминетъ вспомнить сіе дѣло при случаѣ: Венеціанцы, угнетаемые Турками, еще болѣе дворомъ Вѣнскимъ, боясь всего и страшась насъ всякой разъ что̀ флотъ нашъ гуляетъ по Леванту, не смѣли бы отказать нашему требованію, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ, что еще не рѣшено, имѣть ли намъ опять войну, которая, естьли будетъ, неотмѣнно надлежитъ флоту нашему быть въ Левантѣ. Теперь уже ему и деньгами того достать нельзя: ибо, отказавъ Государынѣ, кромѣ какъ ей опять въ угодность, для него самого теперь безъ двора нашего не сдѣлаютъ.

Представь себѣ, ради Бога, все злополучіе сего пренесчастнаго человѣка и подумай, кто послѣ толь жестокаго примѣра отважится намъ служить! Я никакъ не сумнѣваюсь, и онъ самъ того же мнѣнія, что естьлибъ Государыня, которая столько же милостью, правосудіемъ, какъ мудростью преисполнена, была обстоятельно увѣдомлена о его службѣ и разореніи, то конечно не оставила бы его безъ воздаянія.

Вотъ, мой другъ, что̀ побудило меня обременить тебя письмомъ безконечнымъ. Надѣюсь, что ты, изъ правосудія и изъ преданности къ Государынѣ, не оставишь учинить должное изъ сего употребленіе.

Прощай и помни, что коли есть рай, то въ оной только тѣ войдутъ, кои невиннымъ и несчастнымъ помогаютъ.

*

Графъ С. Р. Воронцовъ подружился съ графомъ Моценигою живучи въ Пизѣ, въ 1777 году, и черезъ пять лѣтъ, когда его назначили посланникомъ въ

Венецію (1783), и частнымъ образомъ защищалъ дѣло графа Моцениги передъ Венеціанскими властями, и писалъ въ Петербургъ, склоняя наше правительство настойчиво потребовать у Венеціанъ возвращенія графу Моценигѣ его имущества. Но кажется, что всѣ старанія графа Воронцова были въ этомъ отношеніи напрасны. Графъ Моцениго въ продолженіи долгаго времени оставался въ скромной должности нашего повѣреннаго при Тосканскомъ дворѣ. При Павлѣ, когда возымѣлъ значеніе графъ Ростопчинъ, ревностный приверженецъ графа Воронцова, сей послѣдній возобновилъ свое ходатайство, но также безуспѣшно [10]). Мало вѣроятія, чтобы графъ Моцениго былъ удовлетворенъ послѣ паденія Венеціанской республики, хотя въ царствованіе Александра Павловича графъ Н. П. Панинъ писалъ графу Воронцову изъ Петербурга въ Лондонъ: «Графу Моценигѣ воздана будетъ полная и совершенная справедливость. Его незаслуженныя страданія обращаютъ на себя милостивое вниманіе Государя съ самыхъ первыхъ дней его воцаренія, и рѣшено, что ему дадутъ первое открывшееся посланническое мѣсто» [11]). Строки эти писаны 7 Іюля 1801 года, а вскорѣ за тѣмъ графъ Моцениго скончался, и 12 (24) Сентября того же года графъ Воронцовъ писалъ своему брату: «Ты часто отъ меня слышалъ о дружбѣ моей съ покойнымъ графомъ Моценигою. Онъ сдѣлалъ мнѣ великія одолженія во время втораго моего путешествія по Италіи, послѣ войны. Я тогда заболѣлъ тяжко въ Пизѣ, и онъ ходилъ за мною, какъ за роднымъ. Съ той поры онъ еще болѣе доказалъ мнѣ свою дружбу. Отправившись въ Пизу по кончинѣ жены, я былъ болѣнъ, и болѣзнь дошла до того, что докторъ Рицци въ теченіи нѣсколькихъ дней считалъ, что я уже больше не встану. Тогда графъ Моцениго необыкновенно какъ заботился обо мнѣ и о моихъ бѣдныхъ дѣтяхъ; онъ обращался съ ними, словно съ родными дѣтьми» [12]).

Имя графа Моцениги должно сохраняться признательно въ историческихъ преданіяхъ Русскаго народа. Онъ пострадалъ за свою приверженность къ православной вѣрѣ и къ Россіи. Что касается до погубившей его Венеціанской республики, тогдашнее состояніе ея превосходно изображено С. М. Соловьевымъ въ новомъ (28) томѣ его Исторіи Россіи (стр. 49): «Это былъ разлагавшійся трупъ. Венеціанское правительство боялось всякаго движенія, ибо всякое движеніе могло болѣзненно потрясти и даже разрушить дряхлое государственное тѣло».

Сынъ графа Моцениги находился также въ Русской дипломатической службѣ.

П. Б.

---

10) Архивъ Князя Воронцова VIII, 250.
11) Архивъ Князя Воронцова XI, 139.
12) Архивъ Князя Воронцова X, 129.

Изъ бумагъ графа Никиты Ивановича Панина.

Бумаги эти, состоящія изъ черновыхъ писемъ знаменитаго графа Панина и изъ писемъ, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ, сохранились въ семейномъ архивѣ княгини Маріи Александровны Мещерской (урожд. графини Паниной). Мы разсмотрѣли покамѣстъ 1770 годъ и съ дозволенія владѣлицы сообщаемъ сдѣланныя нами извлеченія. П. Б.

А. Убійство генералъ-аншефа Леонтьева.

Генералъ аншефъ Н. М. Леонтьевъ (отецъ котораго приходился двоюроднымъ братомъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ) имѣлъ въ супружествѣ сестру графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, графиню Екатерину Александровну; она не захотѣла жить съ нимъ и уѣхала обратно къ знаменитой своей матери (урожд. графинѣ Матвѣевой). Славный Еропкинъ былъ женатъ на сестрѣ убіеннаго Леонтьева, Елисаветѣ Михаиловнѣ. Другая его сестра Анастасія Михаиловна была свекровью княгини Дашковой; третья была за кн. Гагаринымъ, четвертая за Нарышкинымъ. Убійство человѣка въ такомъ чинѣ и съ такими связями было крупнымъ событіемъ въ жизни тогдашняго Русскаго общества; графамъ же Панинымъ убіенный Леонтьевъ приходился двоюроднымъ братомъ (матери ихъ, племянницы князя А. Д. Менщикова, урожд. Еверлаковы, были родныя сестры). Леонтьевъ, въ Семилѣтнюю войну, въ Цорндорфскомъ сраженіи, былъ взятъ въ плѣнъ Прусаками. По размѣнѣ плѣнныхъ, Екатерина произвела его въ генералъ-аншефы, въ день своего коронованія въ 1762 году, послѣ чего онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ своей Тульской губерніи, Крапивненской уѣзда. Прославившійся въ скоромъ времени усмиреніемъ Московскаго мятежа Еропкинъ, стало быть, не могъ быть расположенъ къ мягкому обращенію съ чернью. Къ нижеслѣдующему письму его приложенъ краткій экстрактъ изъ дѣла объ убійствѣ его шурина. Оказывается, что въ 1769 году Леонтьева застрѣлилъ спящаго, ночью, Матвѣй Садовскій, крѣпостной человѣкъ помѣщика Вонлярскаго. Убійцу подговорили къ тому дворовые люди и крестьяне Леонтьева, который жилъ въ деревнѣ, окруженный крѣпостными гусарами, кофишенками, скороходами и пр. Обращеніе его съ людьми видно изъ того, что по ночамъ у него привязывали къ солнечнымъ часамъ какаго-то мальчика. Еропкинъ (тоже служившій въ Семилѣтнюю войну), во время убійства Леонтьева завѣдывалъ въ Москвѣ Главною Соляною Конторою и былъ сенаторомъ.

1.

Письмо къ графу Н. И. Панину изъ Москвы отъ П. Д. Еропкина.

Не поставьте себѣ, милостивый государь, за безпокойство высмотрѣть тѣ обстоятельства, въ каковыхъ состоитъ нынѣ тотъ самый ужасный случай, который произвелъ чрезвычайную кончину покойнаго Николая Михаиловича. Я, ихъ подносся вашему сіятельству, признаюсь въ томъ, что не хотѣлъ бы я самъ при непрестанныхъ вашихъ, милостивый государь, важныхъ упражненіяхъ утруждать ваше сіятельство; но съ одной стороны, данное отъ вашего сіятельства на то позволеніе есть мнѣ предводителемъ, съ другой же и разсѣявшіеся здѣсь ложные слухи о томъ, будто бы всѣ дворовые люди покойнаго въ розыскной экспедиціи перепытаны, обязали меня упреждать сіи плевелы тѣмъ, чтобъ иногда и при отзывѣ у двора ваше сіятельство имѣли

способъ о существовательномъ состояніи сего дѣла подать истинную идею; донося при томъ, что кромѣ шести человѣкъ, совершенно подозрительныхъ, въ числѣ которыхъ и самый убица, никто изъ взятыхъ подъ караулъ двадцати трехъ человѣкъ не только пытаны, но и съ побоями не допрашиваны; а и помянутымъ шести человѣкамъ, яко то убійцѣ и двумъ прикащикамъ, умершему Агаѳонову и другому Шебанову и сыну Агаѳонову, сотскому и одному малому, дѣланы только были распросы съ сѣченіемъ плетьми. Изъ сего вашему сіятельству способно будетъ совершенное сдѣлать заключеніе, что разглашеніе о семъ, въ превратномъ видѣ производимое, безъ сумнѣнія стараніемъ вѣдомой особы, въ наслѣдство вступающей *), произведено.

Правда, что по дошедшимъ по слѣдствію обстоятельствамъ отъ розыскной экспедиціи, представлено о пыткѣ убійцы, согласно съ постановленными на то законами, но еще резолюціи на произведеніе того не дано. Реестръ о принявшихъ отъ своихъ людей мучительную смерть въ одной только Московской губерніи имѣю честь прилагать при семъ. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ не престану никогда быть и называться вашего высокографскаго сіятельства вѣрнымъ и всепокорнѣйшимъ слугою Петръ Еропкинъ.

Ч. 14 Генваря
1770-го года
Москва.

2.

ВѢДОМОСТЬ, СКОЛЬКО ОТЪ 1764 ГОДА ДО СЕГО 1769 ГОДА ПОНЫНѢ СОСТОИТЪ ДѢЛЪ ВЪ УБИВСТВѢ ЛЮДЬМИ И КРЕСТЬЯНЫ ПОМѢЩИКОВЪ ИХЪ ПО МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, А ИМЕННО:

1764.

Помѣщицы Елисаветы Горчаковой и съ дочерью ея Анной.

1765.

Титулярнаго совѣтника Ѳедора Васильева.

1766.

Капитана Никиты Грязева,
Титулярнаго совѣтника Алексѣя Лаптева,
Подпоручика Ивана Лопырева,
Маіорши Катерины Карташевой.

1767.

Прапорщика Андрея Кондаурова,
Капитана князь Ивана Мещерскаго,
Артиллеріи подпоручика Ивана Дмитріева,
Лейбъ-гвардіи поручика Ивана Шеншина съ женою его Елисаветою Семеновой.

1768.

Отставнаго секретаря Андрея Рогожина,
Дворянина Якова Трегубова,

*) Не княгини ли Дашковой?

Вахмистра Ефрема Тверитинова,
Помѣщика Михайлы Муромцова,
Помѣщицы Марьи Нестеровой,
Морскаго флота констапеля *) Петра Зиновьева,
Поручика Петра Семенова,
Поручика Прохора Погонина,
Поручика Щукина.

1769.

Отставнаго прокурора Василья Новокщенова и жены его,
Капитаньши Анны Атуевой,
Прапорщика Давыда Болдырева,
Подполковницы Аксиньи и дочери ея дѣвицы Натальи Вяткиныхъ,
Лейбъ-гвардіи отставнаго каптенармуса Якова Коробова,
Адъютанта Андрея Воейкова,
Флота поручицы Елены Зиновьевой,
Генералъ-аншефа и кавалера Николая Леонтьева.

*

Сверхъ того сколько на помѣщиковъ своихъ люди и крестьяне умышляли къ убивству смертному, а именно:

1766.

Инженеръ-совѣтника Раевскаго.

1767.

Прапорщика Семена Спѣшнева,
Отставнаго капитана Кириллы Яновскаго,

1769.

Надворнаго совѣтника Ѳедора Маевскаго,
Артиллеріи генералъ-поручика Матвѣя Григорьева сына Мартынова.

3.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ОТЪ МОСКОВСКИХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Безчеловѣчное варварство и едва примѣрное въ благоустроенныхъ христіанскихъ государствахъ, Сенатъ несчастіе имѣетъ Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе донести.

Въ 1764 году открылося злодѣйство, что собственные домашніе люди помѣщицу свою и съ дочерью мучительски умертвили, а въ слѣдующемъ 1765 такое же повторилося; но съ того времени понынѣ каждаго года въ одной Московской губерніи такъ сильно тоже варварское злодѣйство отъ домашнихъ людей къ помѣщикамъ своимъ, а иногда и къ фамиліямъ ихъ умножилося, что въ послѣднихъ четырехъ годахъ двойнымъ и тройнымъ больше числомъ, отъ собственныхъ своихъ людей многіе помѣщики и помѣщицы въ домахъ своихъ мучительски пострадали.

---

*) Констапель—нынѣ упраздненный чинъ прапорщика въ морской артиллеріи.

Предъ нѣсколькими до сего числами генералъ-поручикъ Еропкинъ Сенату представилъ, что шуринъ его родный генералъ-аншефъ Леонтьевъ по заговору домашнихъ своихъ людей отъ одного изъ нихъ ружейнымъ выстрѣломъ въ деревнѣ своей умерщвленъ. Такое, наконецъ, неслыханное злодѣйство и усугубленная дерзость навели страхъ и ужасъ на каждаго изъ помѣщиковъ, до кого только слухомъ оное дошло. Кольми паче Сенатъ, какъ и всѣ вѣрноподданные, въ сокрушеніе сердца пришли, вѣдая сколь много оскорбить долженствуетъ важное сіе происшествіе нѣжное въ человѣколюбіи сердце Вашего Величества, которое неусыпный трудъ прилагаетъ внѣдривать благонравіе въ подданныхъ своихъ не страхомъ и мучительнымъ за преступленіе наказаніемъ, но кроткими и милосердыми учрежденіями.

А какъ всѣ вѣрноподданные рабы Вашего Императорскаго Величества, подъ Богомъ врученною Вашему Величеству державою, вкусили уже того блага, котораго подданные отъ своей Самодержицы, милосердой и человѣколюбивой, ожидать естественное желаніе имѣли: то непосредственно и отъ всякаго вреда всѣ (во)обще и каждый особенно безопасность свою въ монаршей Вашего Величества особѣ полагаютъ. Слѣдовательно и уповаютъ, что неповинно пострадавшіе отъ руки злодѣевъ домашнихъ (отъ которыхъ никто предохраниться въ домѣ своемъ не можетъ) безъ праведнаго за нихъ отмщенія не останутся.

Сенатъ не осмѣлился, всемилостивѣйшая Государыня, видя столь великое въ народѣ зло, годъ отъ году двойнымъ и тройнымъ числомъ умножающееся, оставить безъ доношенія Вашему Величеству; а исполняя оное, находитъ себя непремѣнно обязаннымъ поднесть сей всеподданнѣйшій докладъ, дерзая имъ представить, что Сенатъ Вашего Императорскаго Величества признаётъ нынѣ въ сихъ столь въ короткое время умножившихся убивствахъ особливую черезвычайность варварскаго зараженія въ сердцахъ слугъ противъ ихъ помѣщиковъ и что умноженіе сего злодѣйства едва ли уже можетъ прекращаемо быть обыкновеннымъ въ человѣколюбивыхъ монаршихъ законахъ наказаніемъ. И оная не требуетъ ли особливаго предписанія и власти Вашего Императорскаго Величества, дабы по такой черезвычайности настоящаго государственнаго случая слѣдующіе нынѣ къ наказанію по симъ преступленіямъ особливо же и наказаны были, столько же для примѣра и воздержанія страхомъ другихъ, какъ и во исправленіе примѣчаемой очевидно заразы въ сердцахъ людей, не имѣющихъ въ душахъ своихъ воспитаннаго благонравія, ни въ христіанскомъ законѣ, ниже въ гражданской жизни ихъ природнаго состоянія, дабы тѣмъ всѣ вѣрноподданные рабы Вашего Императорскаго Величества впредъ не колебались въ безопасности отъ своихъ домашнихъ?

Всемилостивѣйшая Государыня! Сенатъ все сіе съ должнымъ подобострастіемъ предаетъ просвѣщенному, мудрому и проницательному усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества и ожидаетъ на оное высочайшаго повелѣнія въ учиненіи симъ послѣднимъ злодѣямъ смертной по законамъ казни, и сію божественными и гражданскими во всѣхъ народахъ уставами праведную месть не соизволите ли хотя на сей только случай повелѣть исполнить къ устрашенію злодѣевъ и къ удержанію отъ столь свирѣпаго и умножающагося человѣкоубійства?

Бумага съ помарками и неизвѣстно, была ли въ этомъ видѣ доложена графомъ Панинымъ Государынѣ и состоялся ли Сенатскій докладъ чрезъ генералъ-прокурора. Не знаемъ также наказанія, которое потерпѣли убійцы Леонтьева.

Б. Письма графа Н. И. Панина къ графу А. Г. Орлову, во время Морейской экспедиции.

1.

Панины и Орловы представляютъ собою въ царствованіе Екатерины двѣ противоположныя силы, охранительную и начинательную. Братья Панины, по своему общественному положенію, глядѣли не совсѣмъ доброжелательно на предпріятія братьевъ Орловыхъ, казавшіяся имъ какимъ-то опаснымъ молодечествомъ. Мысль о Морейской экспедиціи принадлежала вполнѣ Орловымъ. Графъ Григорій могъ возымѣть ее вслѣдствіе бесѣдъ съ Греческими и Славянскими выходцами, которые являлись къ нему, такъ какъ подъ его управленіемъ находилась такъ называемая „Контора опекунства иностранныхъ"; а графъ Алексѣй, поѣхавшій лѣчиться въ Италію и посѣтившій Венецію, тотчасъ открылъ у себя прибѣжище тамошнимъ православнымъ людямъ. Государыня была, разумѣется, на сторонѣ Орловыхъ, и графу Никитѣ Ивановичу, управлявшему Иностранною Коллегіею, пришлось помогать дѣлу, которому первоначально самъ онъ не особенно сочувствовалъ.

Спб. 13 Генваря 1770.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ $^{8}/_{19}$ Декабря произвело во мнѣ крайнее удовольствіе увѣреніемъ, что драгоцѣнная ваша дружба непремѣнно ко мнѣ продолжается. Какъ въ чистосердечное ей соотвѣтствіе, по персональной моей къ вамъ преданности, такъ и по долгу сына отечества, усердно радуюсь я, что прибытіе эскадры нашей въ Средиземное море приближаетъ и открытіе дѣлъ вашихъ, толь благоразумно предустроенныхъ.

Въ рескриптѣ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, которой ваше сіятельство съ симъ же курьеромъ получаете, находятся въ полной мѣрѣ всѣ тѣ предписанія, кои вамъ по разнымъ обстоятельствамъ нужны быть могутъ. Теперь остается намъ въ радостной нетерпѣливости ожидать счастливаго открытія вашихъ операцій. Они всемѣрно удивятъ не однихъ враговъ нашихъ, невѣждъ Турковъ, но и всю Европу, потому что до самаго событія никто не воображалъ себѣ и возможности оныхъ. Правда, надобно было вопервыхъ спорить съ стихіями; но, слава Богу, и тутъ уже большая часть трудностей преодолѣна, и мы надѣемся, что скоро и всѣ они прекращены будутъ прибытіемъ къ вамъ отставшихъ кораблей эскадры адмирала Спиридова, а по нихъ и Эльфинстоновой эскадры. Будутъ еще по огромности подвига нашего настоять естественно и другія препоны; но тѣ, коихъ преодолѣніе будетъ моральнымъ образомъ вовсе невозможно, не возмогутъ конечно остановить теченія вашего; а тѣ напротивъ, которыя могутъ еще тѣмъ или другимъ образомъ отвращены и пересилены быть, не устоятъ же равномѣрно, напередъ увѣренъ я, противъ мужества, прозорливости и великости духа вашего.

Въ Константинополѣ находится теперь нѣкто именемъ Лефортъ. Онъ былъ прежде во Французской морской службѣ, потомъ перешелъ въ Гишпанскую, а въ прошломъ году оставилъ оную по неустойкѣ Мадритскаго двора въ учиненныхъ ему обѣщаніяхъ. Баронъ Стакельбергъ, министръ Ея Императорскаго Величества въ Гишпаніи, нашелъ средство склонить его въ нашу службу съ чиномъ мор-

скаго порутчика, ибо онъ въ званіи своемъ дѣйствительно отъ всѣхъ признаваемъ былъ за офицера достойнаго, храбраго и искуснаго, а особливо весьма знающаго всѣ Турецкія воды и гавани; почему еще, да и по бывалости его въ Константинополѣ, отправилъ онъ его туда секретнѣйшимъ образомъ для исправленія дѣлъ службы нашей, адресуя къ Прусскому тамъ министру Цегелину, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ, какъ Французъ и какъ партикулярной человѣкъ, жилъ подъ протекціею Французскаго посла.

Сей Лефортъ, осмотрясь чрезъ нѣкоторое время въ Царѣ-градѣ и распространя еще и далѣе на другія мѣста примѣчанія свои, явится потомъ съ оными къ вашему сіятельству или во флотъ, гдѣ уже и можете вы, милостивый мой государь, употребить его съ пользою въ настоящей морской службѣ: ибо баронъ Стакельбергъ, какъ выше сказано, особливо выхвалялъ искусство его въ навигаціи, а наипаче совершенную знаемость всѣхъ Турецкихъ на твердой землѣ и въ Архипелагѣ береговъ, гаваней и водъ.

При семъ имѣю честь приложить три ко мнѣ изъ Царя-града дошедшія піесы съ ихъ переводами. Первые два состоятъ въ прошеніяхъ къ Ея Императорскому Величеству за руками нѣкіихъ Греческихъ епископовъ и капитановъ, а третья—въ меморіалѣ одного въ Константинополѣ живущаго Грека. Хотя они всѣ и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; но я не хотѣлъ однакожъ оставить ихъ безъ сообщенія вашему сіятельству: авось либо что̀ по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію и пригодится, по крайней мѣрѣ, къ познанію подписавшихся людей и къ употребленію ихъ во свое время. Въ меморіалѣ есть, правда, много такаго, что̀ за основательное почтено быть можетъ; но какъ оной еще при началѣ войны писанъ былъ и прежде нежели о нашихъ резолюціяхъ гдѣ либо знать было можно, то и найдете, ваше сіятельство, что нужная и возможная его часть вся предварена уже собственными нашими мѣрами и распоряженіями.

2.

(Безъ числа).

Препровождая симъ высочайшій именной къ вашему сіятельству рескриптъ, долженъ я испросить вашего мнѣнія по поводу предмета, связаннаго отчасти съ порученнымъ вамъ дѣломъ.

Изъ разныхъ мѣстъ представляются намъ теперь охотники вооружить на своемъ иждивеніи нѣсколько каперовъ, для поисковъ въ Средиземномъ морѣ и около Архипельскихъ острововъ надъ навигаціею нашего непріятеля. Они единственно требуютъ обыкновенныхъ отъ насъ патентовъ къ аутризаціи ихъ разъѣздовъ и предпріятій. Сей весьма для насъ дешевой способъ безпокоить и обезсиливать нашего непріятеля и съ самой ему чувствительной стороны, встрѣчаетъ единственно то неудобство, что ауторизуемые отъ насъ каперы, изыскивая только свою пользу и прибытокъ, станутъ иногда безъ разбору атаковать и грабить не только собственныя Турецкія, но и употребляющія ихъ флагъ христіанскія суда, между коими могутъ натурально случаться и принадлежащія жителямъ разныхъ христіанскихъ про-

винцій, кои только имя Турецкихъ подданныхъ носятъ, да можетъ быть и вступили уже, или еще вступить могутъ, въ соглашеніе съ вашимъ сіятельствомъ о услугахъ ихъ въ нашу пользу.

Все сіе заставляетъ меня просить ваше сіятельство сообщить мнѣ, безъ потерянія времени, ваши по сему мысли, а особливо не можно ли будетъ предупредить опасаемое неудобство такихъ отъ насъ патентовъ предписаніемъ каперамъ, какія и именно христіанскія провинціи и ихъ кораблеплаваніе почитать и не трогать.

P. S. Я за нужно почелъ доставить вашему сіятельству при настоящемъ случаѣ нѣсколько экземпляровъ публикованнаго здѣсь о разрывѣ нашемъ съ Портою манифеста съ Греческимъ переводомъ. Въ немъ ясно изображено все противъ насъ вѣроломство Турковъ, а потому и удобнѣе будетъ вашему сіятельству вводить въ оное людей, съ коими вы дѣло имѣть будете, раздачею тѣхъ экземпляровъ.

Не хотя трудить ваше сіятельство маловажными матеріями, которыя обыкновенно чрезъ почту письмамъ ввѣряются, я ожидалъ отправленія отъ братцовъ вашихъ къ вамъ курьера для засвидѣтельствованія вамъ, милостивой мой государь, искренной моей благодарности за два ваши письма отъ 8-го Февраля и 9-го Марта, а притомъ и служить моими отвѣтами на оныя. Чистосердечно и по самой истинѣ я увѣряю ваше сіятельство, что я, какъ министръ и какъ вашъ вѣрной другъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ видѣлъ въ оныхъ столь вами благоразумно уважаемыя обстоятельства и принятіе по онымъ вашихъ намѣреній касательно до учрежденія отъ васъ консуловъ въ тѣхъ мѣстахъ, коихъ дворы частію разнствуютъ, а частію безпрестанно колеблются въ своей политикѣ. Я удостовѣрительно вижу, что ваше сіятельство попали на истинное правило вашего съ ними обращенія. Когда наше поведеніе не будетъ казистымъ образомъ притѣснять и усиливать каждаго изъ нихъ разностороннія политическія виды и уваженія, то надѣюся, можно будетъ навсегда сохранить однихъ по частямъ болѣе или менѣе намъ полезными, а другихъ гораздо меньше вредными, нежели бъ они намъ быть могли и хотѣли, какъ по политической ихъ къ намъ ненависти, такъ и по локальному ихъ земель положенію. Сіе самое и производитъ то политическое прекословіе, которое мы теперь видимъ въ поведеніяхъ противъ насъ дворовъ, существительными интересами между собою раздѣленныхъ. Англія и ея политикѣ свойственныя державы съ одной стороны не хотятъ и запрещаютъ, чтобъ въ ихъ службѣ находящіеся подданные принимали отъ насъ консульскія коммиссіи, когда въ тоже время всѣми образами стараются служить и помогать намъ въ нашихъ снабдѣваніяхъ противъ непріятеля, лишь бы только оное не имѣло ни титула, ни формы публичныхъ. Съ другой же стороны Франція, со всѣми своими Бурбонскими и къ нимъ привязанными дворами, конечно бы желала, не отлагая до завтра, всѣхъ насъ потопить хотя въ ложкѣ воды, если бъ только въ томъ возможность была. Но при всей таковой злобѣ, не дерзнули ни одинъ самопроизвольно постановить явныя препятствія вашему предпріятію, которое тѣмъ чувствительнѣе пронзаетъ ихъ къ намъ

ненависть, чѣмъ болѣе они видятъ причиняемое тѣмъ внутреннее потрясеніе нашему непріятелю, котораго они столь легкомысленно противъ насъ возбудили. Ваше сіятельство, изъ слѣдующихъ при семъ письмѣ достовѣрныхъ извѣстій изъ Царя-града, достаточно увидите, въ какой упадокъ и смущеніе вѣроломная Оттоманская Порта приведена вашими начальными дѣйствіями въ Мореѣ, съ чѣмъ я васъ, милостивой мой государь, вседушно поздравляю. По описанію о тамошней, частію заготовляемой и частію уже отправленной, противъ васъ обороны, кажется, и настоящія ваши морскія силы немного оною упражнены будутъ. Съ стороны же твердой земли будетъ дѣло самихъ Грековъ, желающихъ освободить себя изъ подъ ига нечестія; но какъ они, по своему состоянію, конечно требуютъ только добраго устройства и разумнаго предводительства, то мы и можемъ спокойны въ томъ оставаться, что тотъ, кто умѣлъ возбудить въ нихъ къ тому желаніе и предпріятіе, будетъ умѣть ихъ поставить и вести въ порядкѣ. Позвольте мнѣ себѣ сказать, м. м. г., что я въ правду увѣренъ, что вамъ нерѣдко будетъ приходить нужда въ Петергофскихъ вашихъ доказательствахъ, о которыхъ вы издѣвкою въ своемъ письмѣ ко мнѣ упоминаете, чтобы настраивать и содержать во всегдашнемъ порядкѣ духи, въ раболѣпствѣ рожденные, а неограниченною надеждою и убѣжденіями вѣры своей въ волненіе приведенные.

3.

Въ Сарскомъ Селѣ, 19 Мая 1770.

Его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ, сообща мнѣ послѣднее ваше къ нему письмо, просилъ меня въ тоже время, чтобъ я въ дружеской откровенности изъяснилъ вашему сіятельству мысли мои о томъ, что̀ вы писали о желающихъ въ нашу службу Голандскихъ морскихъ офицерахъ.

Конечно, не можетъ быть никакаго сумнѣнія въ существѣ принятія въ службу нашу Голандскихъ офицеровъ, ибо они люди совершенно свободные и властны служить тамъ, гдѣ похотятъ, развѣ когда гдѣ добровольными капитуляціями на срочные годы обязаны, въ которомъ случаѣ надобно прежде ихъ выжить. Такимъ образомъ и можете ваше сіятельство безъ всякаго сумнѣнія принимать на обыкновенномъ основаніи въ службу Ея Императорскаго Величества изъ Голандской тѣхъ морскихъ офицеровъ, которые, имѣя абшиды, въ оную добровольно представляться, да и хорошія способности имѣть будутъ, по мѣрѣ той нужды и недостатка, которой на эскадрахъ нашихъ въ наличномъ числѣ собственныхъ офицеровъ оказываться можетъ; ибо инако излишество офицеровъ было бы безъ всякой пользы, въ напрасную кораблямъ тягость. Совсѣмъ напротивъ того, другое обстоятельство въ разсужденіи тѣхъ же Голандскихъ офицеровъ, когда они на собственныхъ республики Голандской корабляхъ въ дѣйствительной службѣ или должностяхъ находятся; ибо принятіе таковыхъ, безъ полученія ими должныхъ абшидовъ, можетъ по справедливости имъ самимъ въ дезерцію, а намъ въ непозволен-

ной подговоръ почтено быть, что̀ впрочемъ ни съ достоинствомъ двора нашего, ни съ пользою самой службы сходствовать не можетъ; да и я отнюдь не сумнѣваюсь, чтобъ ваше сіятяльство цѣлили на людей сего рода.

Съ другой стороны, можетъ быть и то, что представлялись вамъ иногда къ службѣ нашей самые судовые хозяева и командиры, между коими извѣстнымъ образомъ много есть дѣйствительныхъ офицеровъ, съ тѣмъ чтобъ имъ съ людьми и кораблями ихъ быть употребленнымъ въ арматоры подъ Россійскимъ флагомъ, въ чемъ ихъ никто уже, какъ людей вольныхъ, нимало зазрить не можетъ. Надобность или ненадобность сего рода людей долженствуетъ быть вашему сіятельству на мѣстѣ больше видна и извѣстна, нежели намъ, здѣсь въ удаленіи обо всемъ наугадъ почти судящимъ. Посему и не входя въ разсмотрѣніе того, но оставляя оное натурально собственному вашему проницанію и благоизволенію, удовольствуюсь я только примѣтить, что какъ посторонній арматоръ не имѣетъ въ предпріятіи своемъ другаго вида, кромѣ одного своего обогащенія подъ протекціею воюющаго флага, не разбирая впрочемъ, полезенъ ли онъ взаимно сему флагу или же больше вреденъ: то по сей причинѣ и надобно употребленіе ихъ распоряжать съ крайнею осторожностію, чтобъ вмѣсто выгоды не имѣть неудобствъ и хлопотъ, а потому и ограничивать даваемую имъ свободу въ точныхъ и строгихъ предѣлахъ, что̀ въ нашихъ обстоятельствахъ тѣмъ нужнѣе, чѣмъ болѣе мы должны имѣть менажементовъ ко всѣмъ вообще державамъ въ разсужденіи ихъ торговли и навигаціи и чѣмъ болѣе сіе самое нынѣ вновь обоимъ эскадрамъ подтверждается.

Французскій дворъ и министры его вездѣ отзываются, что король ихъ отнюдь не намѣренъ дѣлать и малѣйшее какое либо предпріятіе противу нашего флота безъ справедливой причины, а только-де ручаться нельзя, чтобъ одинъ или другой изъ нашихъ корабельныхъ командировъ или другихъ офицеровъ лишнею рюмкою рума не могъ быть подвигнутъ на какое либо самовольство, грубость и насильство. Посему изъ сихъ отзывовъ и нужно не безъ основанія заключать, что Французы придираются только къ казистому претесту, дабы послѣ выслать свою или Гишпанскую эскадру для примѣчанія за нами, а можетъ быть и для безпосредственнаго препятствованія операціямъ нашимъ.

Ваше сіятельство, сами будучи на мѣстѣ и имѣя въ управленіи своемъ всю махину, можете, напротивъ того, на мѣстѣ жъ разсудить, сколько бъ такой Версальскаго двора беззаконной поступокъ вреденъ былъ для успѣха дѣлъ нашихъ въ вашей сторонѣ. Пускай и то будетъ правда, что мы не удержимъ его отъ онаго скромностію и менажементами и самымъ выступленіемъ изъ военнаго въ непріятельскихъ водахъ права, буде тотъ дворъ рѣшительно уже опредѣлилъ нарушить нейтралитетъ свой; но по крайней мѣрѣ тогда, сдѣлавъ все уже возможное, будемъ мы имѣть справедливость всю на нашей сторонѣ, а по ней, можетъ быть, и Англія проснется отъ глубокаго своего сна и воздастъ Франціи достойную мзду.

На семъ основанiи, не сумнѣваюсь, изволите ваше сiятельство, согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества рескриптомъ, распорядить вездѣ собственныя ваши мѣры, дабы отъ употребляемыхъ иногда партикулярныхъ арматоровъ ничего предосудительнаго послѣдовать не могло.

Изъ рескрипта къ г. Елфинстону усмотрите вы, милостивый государь мой, что въ Ливурнѣ у Аглинскаго купца Рудерфорта находится въ готовости достоинство девяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Сiи деньги переведены туда изъ Англiи, и вексель на оную былъ уже въ рукахъ г. Елфинстона; но онъ при отъѣздѣ своемъ возвратилъ его г. Пушкину *). Ея И. В-во повелѣла нынѣ дать знать Рудерфорту, чтобъ онъ изъ сей суммы принималъ и исполнялъ требованiя и асигнацiи какъ вашего сiятельства, такъ и г. Елфинстона, почему во взаимномъ ихъ съ двухъ сторонъ употребленiи и надобно будетъ снестись съ помянутымъ контръ-адмираломъ, дабы инако не послѣдовало тутъ какаго затрудненiя.

P. S. Въ крайнѣйшемъ секретѣ и для вашего, яко главноуправляющаго морскiя наши дѣла, одного собственнаго свѣдѣнiя, имѣю удовольствiе сообщить вашему сiятельству, что, въ соотвѣтствiе Французской эскадры въ вашихъ моряхъ, подъ предлогомъ покровительства ея собственной коммерцiи, Англинской дворъ высылаетъ такую же изъ своихъ портовъ для охраненiя общаго нейтралитета. Командиръ сей послѣдней эскадры однакожъ имѣетъ особливой отъ двора своего секретной указъ, чтобъ онъ особливо остерегалъ, дабы для перевѣсу между нами воюющими державами никакая третья и посторонняя сила не вмѣшалась; а если сiе увидитъ, то бы по первому пушечному выстрѣлу отъ оной ее атаковалъ и билъ, помогая той воюющей сторонѣ, которая ею атакована будетъ въ помощь другой. Вы, милостивой государь мой, изъ сего сами несомнѣнно заключить изволите, что Лондонской дворъ принялъ сiю политическую мѣру единственно противъ Францiи, чтобъ она не вмѣшалась въ пользу Турокъ; а потому и изволите надежно въ такомъ случаѣ полагаться на Аглинскую эскадру, сообщая при востребованiи надобности командиру оной, что вамъ его инструкцiи извѣстны, лишь бы только корабли вашей команды во всемъ поступали какъ противъ Французовъ, такъ и противъ другихъ по самой точности послѣднихъ отъ Ея Императорскаго Величества вамъ предписанiй.

4.

6 Октября 1770.

Съ отправленнымъ изъ Ливорны отъ кавалера Дика курiеромъ Христенекомъ имѣлъ я честь получить дружеское вашего сiятельства письмо отъ 20 Iюня, за которое приношу должное мое благодаренiе. Я признаюсь вамъ, милостивый государь мой, что худой оборотъ въ Мореѣ и несогласiе господъ адмираловъ привели насъ сначала въ нѣкоторое размышленiе; но вы его очень скоро и славно рѣшили,

*) Графу Мусину-Пушкину, нашему посланнику въ Англiи.

принявъ сами команду надъ соединеннымъ флотомъ и произведя съ нимъ немедленно такое дѣло, которое чаяніе Европы всей превышаетъ и останется на всегда въ дѣяніяхъ свѣта эпохомъ нашего вѣка. Я разумѣю тутъ совершенное Турецкимъ морскимъ силамъ въ первыхъ числахъ минувшаго Іюля мѣсяца отъ васъ нанесенное пораженіе и истребленіе онымъ всего мореходнаго стана гордыхъ Оттомановъ. Мы получили сію радостную и важную вѣсть изъ Мальты отъ маркиза Кавалькабо; а вскорѣ потомъ пріѣхалъ сюда отправленный изъ Ливурны отъ кавалера Дика курьеромъ Англичанинъ съ депешами, посланными отъ вашего сіятельства съ княземъ Долгоруковымъ. Сверхъ же того вѣдаемъ мы, что ваши славныя дѣла извѣстны уже и въ самомъ Царѣ-градѣ, гдѣ ужасъ и трепетъ объемлютъ и народъ, и правленіе, ожидая въ сосѣдство свое побѣдителей. Ваше сіятельство можете сами по себѣ судить о великости обрадованія нашего. Я не описываю вамъ здѣшняго торжества вашей побѣды, не сумнѣваясь, что все оное вамъ мимо меня сообщено будетъ; а остается мнѣ засвидѣтельствовать какъ вамъ, м. г. м., такъ и любезному братцу вашему Ѳедору Григорьевичу, то искренное и чистосердечное участіе, которое въ успѣхахъ и славѣ вашей я пріемлю и принести вамъ усерднѣйшее поздравленіе въ полученіи милости монаршей, толь много вами заслуженной.

О знаменитомъ Чесменскомъ дѣлѣ графъ Орловъ такъ писалъ въ Москву.

Письмо графа А. Г. Орлова о Чесменской побѣдѣ.

1770 года, Іюня 27, изъ подъ острова Хіо, изъ канала, что между Анатоліею.

Государь братецъ, здравствуй! Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи. Морею принуждены были оставить. Зажегши вездѣ огонь, съ флотомъ за непріятелемъ пошли, до него дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили. А я, вашъ слуга, здоровъ и братъ мой также, чего вамъ оба желаемъ и остаюсь графъ А. Орловъ.

P. S. Со всѣмъ вышеписаннымъ васъ поздравляю, а что впредъ Богъ дастъ, не знаю. Вотъ этотъ камышекъ у меня на шеѣ былъ, о которомъ я къ вамъ изъ Италіи прежде писалъ шутя. Мнѣ стало полегче, какъ онъ у меня свалился. Не знаю, каково-то теперь тебѣ.

Письмо это здѣсь напечатано съ подлинника, сохранившагося у Бориса Сергѣевича Шереметева. Писано оно, вѣроятно, къ графу Ивану Григорьевичу Орлову.

5.

25 Декабря 1770 года.

Въ слѣдующемъ здѣсь высочайшемъ рескриптѣ, за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества, найдете ваше сіятельство повелѣнія по случаю начавшихся съ нѣкотораго времени первыхъ поступей къ миру. Хотя въономъ, какъ самое сего дѣла происшествіе, такъ и предварительная резолюціи всемилостивѣйшей Государыни съ довольною ясностію изображены, однакожъ я, по

имѣющей моей къ вамъ безпредѣльной откровенности не могу оставить, чтобъ не войти еще и здѣсь въ нѣкоторыя ближайшія изъясненія о той части негоціяціи, которая нынѣ собственно руководству вашему ввѣряется, чрезъ требованіе для коммерціи и навигаціи нашей въ Средиземномъ морѣ свободы и этаблисемента, кои чаятельно народу Турецкому тѣмъ меньше противны будутъ, чѣмъ болѣе оной нынѣ раздраженъ скоропостижнымъ и безразсуднымъ нарушеніемъ мира: ибо сія новая между обѣими имперіями связь можетъ для переду цѣну сохраненія его на обѣ стороны гораздо увеличить и важнѣе сдѣлать, и чрезъ предварительное отосланіе сей частной негоціяціи къ вашему сіятельству (какъ запасно снабденному уже на оную достаточною полною мочью) изволила Ея Императорское Величество имѣть при расположеніи мирнаго плана такое намѣреніе, чтобъ подъ симъ видомъ и пользу такъ славно вами произведенной диверсіи надежнымъ образомъ утвердить, и вамъ со флотомъ на всякой случай предуготовить путь и средство къ безопасному выведенію себя изъ дѣла, еслибъ того обстоятельства и самое состояніе флота неминуемо востребовали. Ваше сіятельство властны потому, примѣняясь къ однимъ и другому, дать негоціяціи, если изъ оной что выйдетъ и Турки къ намъ отзовутся съ первымъ предложеніемъ, такой оборотъ и теченіе, какіе вы сами на мѣстѣ за полезнѣйшіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества признать изволите. Если силы и ресурсы ваши будутъ дозволять продолженіе диверсіи и военныхъ дѣйствій, въ семъ случаѣ можно, да и нехудо для выигранія времени, дѣлать такіе запросы, на кои бы Порта по самому существу ихъ поступить и согласиться не могла; инакоже, при внутреннихъ своихъ недостаткахъ, собственное вашего сіятельства благоразуміе и прозорливость откроютъ вамъ путь къ размѣру по онымъ снисходительнѣйшихъ требованій съ вашей стороны, дабы было временно еще тамошнія дѣла вывесть изъ зависимости отъ перемѣнныхъ обстоятельствъ. Открывая вашему сіятельству сіи мои чистосердечныя мысли, увѣряюсь я, что вы ихъ признать изволите и сходственными съ содержаніемъ вышеупомянутаго рескрипта, и новымъ опытомъ моей къ вамъ преданности и дружбы, по которымъ не могу я еще оставить, чтобъ, при ввѣренной нынѣ вамъ толь важной и тѣсной негоціяціи, не возжелать полныхъ успѣховъ къ увѣнчанію персональной вашей славы и славы оружія нашего.

Состояніе дѣлъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи таково, какъ лучше желать нельзя и конечно съ своей стороны способствуетъ къ озабоченію Турковъ, а особливо если начатая братомъ моимъ съ Крымомъ негоціяція о сложеніи Турецкаго ига достигнетъ желаемаго совершенства, и обитающія внѣ сего полуострова Татарскія орды, Буджацкая, Едисанская, Едичкульская и Джелибулуцкая подали уже тому примѣръ: ибо они дѣйствительно отреклись Турецкаго подданства и, принявъ, въ качествѣ вольнаго и независимаго народа, протекцію всемилостивѣйшей нашей Государыни, перепущены уже нами изъ прежнихъ своихъ мѣстъ на Крымскую степь здѣшняго берега рѣки Днѣпра.

Есть довольныя причины думать, что и Крымцы внутренно склонны тоже учинить; но, будучи люди поселенные и окруженные Турецкими гарнизонами, въ крѣпостяхъ ихъ не смѣютъ явно подняться, прежде нежели наше оружіе очиститъ оныя крѣпости. Нынѣ вторая армія, подъ командою князя Василія Михайловича Долгорукова, дѣйствительно къ тому назначена, а потому и нужно же со многою вѣроподобностію предполагать, что будущая кампанія развяжетъ Татаръ съ Турками и, обезпечивая тѣмъ съ одной стороны границы отечества на будущія времена, поставитъ съ другой Порту въ сущую невозможность безпосредственнаго впредъ воеванія съ Россіею и по крайней мѣрѣ отниметъ у нея легчайшіе и вреднѣйшіе способы не только противу насъ, но и противу другихъ ея сосѣдей.

В. Письма графа Н. И. Панина къ фельдмаршалу графу Румянцову, во время Турецкой войны.

Въ 1770 году, къ которому относятся эти письма, графъ Румянцовъ командовалъ первою и передовою арміею, а вторая армія, дѣйствовавшая къ сторонѣ Крыма, находилась подъ командою графа Петра Ивановича Панина, бывшаго генералъ-губернаторомъ Восточной Пруссіи въ то время, какъ графъ Румянцовъ начиналъ заявлять блестящія военныя дарованія свои въ Семилѣтнюю войну. Съ Паниными онъ находился въ родствѣ черезъ Леонтьева.

1.

Спб. 1 Генваря 1770.

Единое ваше свидѣтельство довольно бы и предовольно было къ признанію достойнымъ офицеромъ г. барона Штейна; покровительство, вами ему оказуемое, привлекаетъ меня упражнить все мое стараніе къ тому, чтобъ сдѣлать пребываніе его здѣсь ему пріятнымъ, вспомоществуя ему въ исполненіи видовъ, пріемлемыхъ имъ на будущую кампанію; и я могу заранѣе васъ увѣрить, что Ея Величеству конечно будетъ угодно продолженіе его волонтерской службы и въ будущую кампанію.

Вслѣдствіе втораго дружескаго письма вашего ожидаю я сюда Волоскаго господаря, а между тѣмъ и сообщенія объ его состояніи и обстоятельствахъ.

Милостивое обѣщаніе отпустить маіора Левашова на нѣкоторое время въ домъ его почитаю я себѣ особливымъ отъ васъ одолженіемъ.

Въ заключеніе всего на третіе письмо ваше я безъ лести могу вамъ, милостивый мой другъ, сказать, что я отъ душевныхъ вашихъ качествъ не менѣе и ожидалъ какъ того, что̀ сдѣлали вы въ облегченіе наказанія винныхъ по дѣлу Нѣжинскаго общества. Я погрѣшилъ бы предъ должною справедливостію и чувствами добродѣтельнаго вашего сердца, еслибъ хотѣлъ отдѣлить на счетъ моего за нихъ у васъ заступленія хотя малое что, въ чемъ конечно собственное ваше человѣколюбіе весь подвигъ составляло. Я доставилъ до рукъ всемилостивѣйшей Государыни включенное о томъ письмо ваше и могу предварительно васъ увѣрить, что высокія свойства Ея Величества несумнѣнно не оставятъ безъ достойнаго уваженія такое ваше заступленіе.

2.

14 Генваря 1770.

Принося мою наичувствительнѣйшую благодарность за описаніе состоянія и качествъ князя Гики съ его свитою, я оставляю болѣе распространяться по сей матеріи, а спѣшу васъ, моего милостиваго друга, увѣдомить о полученіи здѣсь реляціи вашей. Я, искренно и всѣмъ сердцемъ раздѣляю участіе во всякомъ до васъ касающемся происшествіи, чувствуя во всемъ пространствѣ вашу заботу и смущеніе отъ оказавшейся заразительной болѣзни въ мѣстахъ вашего завоеванія. Испрашиванное вами отъ Ея И. В-ва повелѣніе о введенныхъ въ тѣ мѣста войскахъ, на случай еслибъ сіе злоключеніе, преодолѣвая все предохраненіе, распространяться стало, будетъ конечно къ вашему сіятельству отправлено съ будущимъ курьеромъ; а между тѣмъ, во исполненіе воли и желанія вашего сіятельства, за долгъ себѣ поставляю не оставить въ молчаніи мои собственныя по тому мнѣнія. Спеціальныя средства и способы, которыми прекращаютъ сей бичъ человѣческаго истребленія, довольно извѣстны въ нашемъ жизненномъ обращеніи. Я же имѣю твердое удостовѣреніе, что свойство великости вашего духа откроетъ вамъ все нужнѣйшее и достаточное къ свойственнѣйшему, лучшему и надежнѣйшему на настоящій случай и особливыя его обстоятельства.

Настоящее зимнее время и безъ всякихъ предохраненій между самими Турками часто истребляетъ ихъ повѣтренную заразу, да и весьма рѣдко она въ сіи мѣсяцы оказывается; а можетъ статься, что и теперешнее извѣстіе тамъ на мѣстѣ въ первый моментъ больше увеличено, нежели оно въ себѣ было. По послѣдней мѣрѣ сіе гаданіе свойственно желанію тому, которое мы имѣть должны. Со всѣмъ же тѣмъ, м. г. мой, вамъ самимъ довольно извѣстно, что ни которая война съ сими варварами не миновалася безъ подобной злоключительной въ войскахъ опасности, да и мы сами въ послѣднюю войну съ ними тому же подвержены были; но употребляемыми извѣстными тогда средствами отъ всякой потери войскъ охранилися. Всевышній, покровительствуя столь очевиднымъ образомъ справедливости оружія нашего, несомнѣнно оградитъ васъ отъ такой крайности, чтобъ вы принуждены были избрать и рѣшиться между неизбѣжнаго истребленія знатной части арміи или добровольнаго отступленія отъ всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній. Вотъ, м. г. мой, искреннія мнѣнія, происходящія по самой истинѣ отъ чистосердечной моей къ вамъ дружбы и безпредѣльной конечно преданности. Ваше сіятельство весьма благоразумно предписать изволили господину ген.-порутчику фонъ Штофельну касательно до Аустрійскихъ дезертировъ. Съ одной стороны уничижительно-бъ было, если-бъ мы съ оказательствомъ большаго ампресіемента ихъ военныхъ людей выдавали, когда они нашихъ нескрытно принимаютъ; съ другой же, политическое дѣлъ положеніе требуетъ однакожъ избѣгать всякую съ ними остуду. Потому мое мнѣніе, которое я единственно предаю на собственное ваше проницательное благоусмотрѣніе, полагаю: еслибъ Цесарскій

генералъ адресовался къ вашему сiятельству съ жалобами, что ихъ дезертиры удерживаются въ вашей армiи, не возможноли бы вамъ было, яко главнокомандующему армiею, отъ собственнаго вашего лица ему представить, чтобъ, въ разсужденiи близости войскъ дружелюбныхъ и камеральными интересами столь связанныхъ государствъ, поставить вамъ между собою военный картель о взаимной выдачѣ перебѣжчиковъ, дабы тѣмъ взаимно же охранить оба высочайшiе двора отъ непрiятныхъ жалобъ? Впрочемъ, я сердечно сожалѣю, видя, что вы еще сверхъ необходимыхъ вашихъ великихъ трудовъ и заботъ принуждены исправлять правила жизни господина Штофельна въ его ихъ употребленiи. Люди, которые не сами шли къ счастью, но счастье ихъ влекло, по большей части остаются на вѣкъ съ привычкою ползть, а не ходить во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

3.

Спб. 22 Генваря 1770.

Касательно пребыванiя Польскихъ войскъ, подъ командою региментаря Стемпковскаго, въ близости армiи вашей, донесу чрезъ сiе въ отвѣтъ съ обыкновенною моею откровенностiю.

Весьма согласенъ я со мнѣнiемъ в. с—ва, что близость неустроенной команды господина Стемпковскаго можетъ имѣть разныя свои неудобства; но и то съ другой стороны должно не меньше почитать за правду, что оная, при всей своей распускности, оставаясь однакожъ по сю пору въ полномъ и ненарушимомъ повиновенiи сохраняемой еще тѣни законнаго правленiя республики, не отважится, конечно, дерзнуть ни на какiя намъ противныя шалости, доколѣ сiя тѣнь, маскою ли искренности, или же страхомъ мщенiя нашего, обуздываема оставаться будетъ.

Вашему сiятельству извѣстны тѣ резоны, коими Польскiй дворъ отклонилъ первое наше требованiе объ удаленiи команды Стемпковскаго изъ нынѣшнихъ ея мѣстъ, то-есть невозможность содержать ее индѣ, а съ оною и справедливое опасенiе, чтобъ люди, опредѣленнаго себѣ содержанiя не получающiе, лишась къ оному и другихъ всѣхъ способовъ, не были тѣмъ самымъ принуждены разбрестись и умножить собою и безъ того уже многочисленныя толпы мятежниковъ. Сiи резоны настоятъ и теперь неотмѣнно; но сколь они ни важны, долженствуютъ однакожъ уступить въ свое время мѣсто другимъ большей важности. Сего ради, при востребованiи обстоятельствъ, когда войсками нашими для прикрытiя на пути тяжелой артилерiи нужные посты заниматься станутъ, и можно уже будетъ командирамъ оныхъ предписывать, чтобъ они при входѣ своемъ въ такiе, гдѣ Польскiя команды случатся, сихъ послѣднихъ доброю манерою и сколько можно безъ всякаго вида насильства далѣе отъ себя во внутрь земли отсылали подъ предлогомъ военнаго резона, яко оной войскамъ разныхъ службъ въ одномъ мѣстѣ быть не позволяетъ.

Чтò касается до причиняемыхъ единовѣрнымъ нашимъ обидъ и утѣсненiя, принятыя нами политическiя правила взыскиваютъ непремѣнно дѣлать различiе между тѣми, кои издревле въ нашемъ законѣ

родились и тѣми, кои съ нѣкотораго времени Унію, родясь въ ней, оставили. Первые заслуживаютъ по всему охраненіе наше; а послѣдніе, напротивъ, должны въ молчаніи, слѣдовательно же и въ подчиненіи универзаламъ какъ региментаря Стемпковскаго, такъ и Уніятскаго епископа Щептицкаго, безъ всякаго съ нашей стороны вниманія оставляемы быть. По симъ между собою разнымъ усмотрѣніямъ надобно прежде опредѣлить, къ которому изъ обоихъ классовъ принадлежитъ новое, подъ уѣзднымъ региментаремъ Мисевичемъ произведенное насильство, дабы по разнотѣ ихъ размѣрить и пріемлемыя наши на тотъ или другой случай мѣры. Можетъ быть, дѣло послѣдовало въ такомъ мѣстѣ и въ такой церкви, гдѣ прежде Унія принята была и гдѣ, слѣдовательно, священникъ закона нашего не могъ имѣть права, подходя точно подъ строгость законовъ Польскихъ.

Дознанное в. с-ва просвѣщеніе удостовѣряетъ меня, что вы надобность предварительнаго въ томъ разсмотрѣнія сами признать изволите, дабы намъ инако не начать такаго дѣла, отъ котораго послѣ отступиться собственная наша политика заставить могла бы.

Между тѣмъ, сходственно съ собственнымъ в. с-ва къ князю Волконскому отзывомъ, пишу я нынѣ къ сему послу, чтобъ онъ вновь сдѣлалъ пристойное въ своемъ мѣстѣ представленіе объ удаленіи команды господина Стемпковскаго, какъ по тому, что военной резонъ не можетъ сносить толикой ея близости отъ арміи нашей и чинимыхъ въ оной приготовленій, такъ и потому еще, что мы сами интересованы, да и способовъ имѣемъ больше сохранять въ той сторонѣ тишину и не допущать черни до новаго волненія *).

4.

11 Февраля 1770.

Ваше сіятельство, по свойству своего духа, сколь великодушно извинять ни изволите военную неудачу предпріятія на Браиловъ господиномъ Штофельномъ; однакожъ я, по существу вещи, воображаю себѣ во всемъ пространствѣ и искренно соучаствую въ той чувствительности, которую въ васъ натуральнымъ образомъ произвесть оное долженствовало, когда вы видѣть принуждены, сколь недостаточно исполненіе толь благоразумно и съ такимъ военнымъ искусствомъ отъ васъ опредѣляемымъ мѣрамъ. Господинъ Штофельнъ, будучи главнымъ командиромъ въ той провинціи, слѣдовательно имѣвъ способы, казалося бы невозможно заранѣе не развѣдать о точномъ состояніи оной крѣпости, а знавъ оное, лучше, по моему мнѣнію, не подходить къ ея палисадамъ, когда заранѣе не могъ принять рѣшительной резолюціи противъ непріятеля передъ городомъ вломиться въ крѣпость онаго съ нимъ вдругъ. Но какъ ужъ то ни есть, милостивой государь мой, всякое искусство, а военное можетъ быть и паче другаго, насъ научаетъ, что, не дѣлавъ погрѣшности, едва можно ли, по послѣдней же мѣрѣ очень рѣдко, производить хорошія

*) Разумѣется бывшая два года тому назадъ Коліевщина или избіеніе кольями Польскихъ помѣщиковъ въ Кіевской губерніи.

и знатныя дѣла. Можетъ быть, и господинъ Штофельнъ намъ сіе подтвердитъ лучшимъ своимъ успѣхомъ подъ Бухарестомъ.

О путешествіи отправленныхъ отъ вашего сіятельства депутатовъ я никакаго извѣстія не имѣю. Волоской же господарь въ Москву уже пріѣхалъ, и надѣюсь чрезъ нѣсколько дней его здѣсь увидѣть.

Картина Цареградскаго положенія отъ 18-го и 19-го Декабря въ разныхъ трехъ тетрадяхъ здѣсь слѣдуетъ. Послѣдующія же за тѣмъ четыре копіи писемъ отъ 3-го Генваря нов. ст. объяснятъ вашему сіятельству непріятельскія силы, по Дунаю собранныя, съ ихъ намѣреніемъ и предпріятіемъ. Я не сумнѣваюсь, чтобъ оное не послужило вамъ, милостивый другъ, къ точнѣйшему усмотрѣнію ихъ подвиговъ и къ вашему противъ того ополченію, особливо къ отверстію будущей кампаніи, для главнаго намѣренія закрытія Бендерской осады и недопущенія непріятеля занять Молдавію и въ ней опять утвердить себя.

5.

18 Февраля 1770

Въ началѣ сей недѣли прибылъ сюда Волоской господарь благополучно. Я теперь занятъ распоряженіемъ о пребываніи и содержаніи сего гостя и могу вашему сіятельству засвидѣтельствовать, что князь Мещерской *) своей расторопностію въ его препровожденіи и добрымъ своимъ поведеніемъ заслуживаетъ особливую отъ меня похвалу и что имѣю я въ немъ добраго помощника въ произведеніи въ дѣйство моихъ распоряженій, которыя какъ скоро единожды въ порядокъ приведутся, то я, по желанію князя Мещерскаго, и не умедлю его обратно къ в. с-ву отправить. Господарь представленъ будетъ въ Воскресенье Ея И. В-ву, а сегодня былъ онъ у меня. Описаніе в. с-ва о его качествахъ весьма много послужило мнѣ при настоящемъ случаѣ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ сходственнѣе съ самой истиною. О прибытіи въ Москву Молдавскихъ депутатовъ я еще не имѣю извѣстія; но въ томъ не сомнѣваюся, что и они скоро сюда прибудутъ.

Приложеніе.

Письмо князя С. В. Мещерскаго къ графу Н. И. Панину.

Особливою себѣ честью и долгомъ поставляю покорнѣйше донести в. с-ву, что я, по отправленіи моемъ 17 числа прошедшаго Генваря отъ графа Петра Александровича съ Волоскимъ господаремъ и со всею его свитою, изъ 28 человѣкъ состоящею, сегодня пріѣхалъ въ здѣшній городъ. Для исправленія собственныхъ его нуждъ и для его отдохновенія пробылъ въ Кіевѣ и Нѣжинѣ нѣсколько дней.

Въ продолженіе дороги, разными своими разсужденіями, открылъ онъ какъ подробное свое знаніе политической системы Оттоманской Порты, ея силъ и недостатковъ, такъ и то желаніе, которое онъ имѣетъ

---

*) Это былъ князь Сергѣй Васильевичъ, двоюродный братъ фельдмаршала графа Румянцова (матери ихъ Матвѣевы), отецъ оберъ-прокурора Св. Синода (при Николаѣ Павловичѣ) и прадѣдъ князя Н. П. Мещерскаго, нынѣ попечителя Московскаго учебнаго округа.

сообщеніемъ нѣкоторыхъ своихъ до нынѣшнихъ обстоятельствъ касающихся совѣтовъ быть полезнымъ Россіи и подать ясные опыты, сколь велика его усердность и преданность къ ея интересамъ. Порядокъ мыслей его показываетъ въ немъ, сколько я примѣтить могъ, человѣка разумнаго, тонкаго, замысловатаго и твердаго.

Въ Москвѣ
14 Февраля 1770.

6.

Отправлено 26 Марта 1770.

Препровождающее Волоскихъ депутатовъ почтенное письмо вашего сіятельства отъ 8-го Генваря мнѣ отъ нихъ подано на прошедшей недѣлѣ; а какъ между тѣмъ по долговременной остановкѣ въ дорогѣ Молдавскихъ депутатовъ за болѣзнію г. Палладія, которая кончилась въ Нѣжинѣ его смертію, и сіи послѣдніе на сихъ дняхъ сюда прибыли, то обѣ депутаціи имѣютъ быть допущены предъ очи Ея И. В-ва послѣ завтра въ день Вербнаго Воскресенья. Съ какимъ же обрядомъ по пристойности обстоятельствъ сіе учинено будетъ, я не премину въ свое время сообщить в. с-ву.

Ваше сіятельство отдадите мнѣ справедливость, удостовѣряясь совершенно, что я чистосердечно раздѣляю съ вами вашу славу и удовольствіе въ пораженіи непріятельскихъ предпріятій въ настоящую зиму и что теперь вы себѣ доставили свободныя руки къ снабдѣнію войскъ всѣмъ нужнымъ и къ пріуготовленію выступить въ поле. Въ должной же мой отвѣтъ вамъ, милостивому другу, имѣю честь сказать на приносимыя вамъ жалобы отъ Польскихъ помѣщиковъ о выдачѣ имъ крестьянъ, кои во время настоящихъ смятеній переселились въ наши границы: я для бо̀льшаго обнадеживанія поведенія в. с-ва касательно до сего, яко политическаго предмета, не оставилъ объ ономъ представить Ея И. В-ву и получилъ высочайшую резолюцію, чтобы убѣгшихъ отъ внутреннихъ замѣшательствъ подъ покровительство Ея И. В-ва не выгонять, слѣдовательно и не выдавать въ смутную область, какова есть теперь Польша. Господа Поляки, и при спокойномъ своемъ положеніи, худое право имѣютъ требовать отъ насъ выдачи своихъ подданныхъ, когда они нашими публично у себя населили цѣлыя мѣста и деревни. Настоящій же ихъ обывателей выходъ не только въ нашу одну сторону, но и во всѣ другія пограничныя съ ними области, они должны приписывать единственно неспокойству ихъ собственныхъ духовъ, чѣмъ они привели свое отечество въ такое неустройство и замѣшательство; ибо право человѣчества, яко верховнѣйшее всѣмъ другимъ людскимъ правамъ, какъ съ одной стороны даетъ свободу искать въ другомъ мѣстѣ спокойнаго пребыванія тѣмъ людямъ, которые въ своемъ обществѣ онаго лишены и отъ которыхъ по ихъ званію и состоянію другаго не требуется, какъ только спокойнаго бытія и исправленія принадлежащихъ къ тому должностей, такъ и съ другой стороны тоже самое право, конечно, воспрещаетъ лишать такихъ людей имъ естественныхъ выгодъ и выгонять ихъ въ мѣста, ихъ невинное бытіе раззоряющія. Я, конечно, увѣренъ, м. г. мой, что сіи усмотрѣнія сами

по себѣ не скрылися отъ собственнаго вашего проницанія; а теперь, познавъ высочайшую резолюцію Ея Величества, вы изволите ихъ употребить по пристойности персонъ въ убѣжденіе господъ Польскихъ помѣщиковъ, которые васъ своими представленіями и просьбами безпокоятъ, чтобъ они съ бо̀льшимъ восчувствованіемъ признали истинное существо ихъ бѣдственнаго положенія и обратили бъ свои мысли къ прямому его исправленію.

Относительно до нашихъ раскольщиковъ, поселившихся въ Молдавіи, скажу я вамъ, м. г. мой, въ дружескую откровенность мои собственныя мнѣнія. Мнѣ видится, не надобно теперь ничего располагать о будущемъ ихъ жребіи. Положеніе дѣлъ при мирной негоціаціи должно произвесть рѣшительныя объ нихъ намѣренія, а теперь нужно искать довольствоваться ихъ настоящимъ тамъ бытіемъ въ пользу подкрѣпленія и усиливанія нашихъ военныхъ операцій; ибо вывозъ ихъ и преселеніе нынѣ въ наши границы могли бы, конечно, еще нѣсколько больше ослабить ресурсы той земли, столь для насъ нужные на настоящее время.

P. S. При семъ здѣсь имѣю честь включить собственноручное письмо Ея И. В-ва; а сегодня получилъ ваше почтенное отъ 3-го Марта и приложенное къ оному съ кинжаломъ поднесъ Государю Цесаревичу. Его Императорское Высочество предоставилъ себѣ самъ съ будущимъ курьеромъ имѣть удовольствіе благодарить в. с-ву за напамятованіе и любопытный для него вашъ ему подарокъ.

7.

Въ С.-Петербургѣ, 9 Апрѣля 1770.

Простите мнѣ, в. с-во, что я съ послѣднимъ курьеромъ не писалъ и тѣмъ остался вамъ долженъ отвѣтомъ на дружеское ваше письмо отъ 18 Марта. Обыкновенной день отправленія того курьера случился въ Великой Четвергъ, а законъ нашъ и мое особливое званіе при воспитываніи молодаго государя къ престолу требовали въ оной исполненія духовныхъ должностей, которыя упразднили все мое время.

Теперь принесу вамъ, м. г. мой, искреннее мое благодареніе за дружеское ваше испрашиваніе отъ меня увѣдомленія о настоящемъ нашемъ политическомъ сопряженіи съ Вѣнскимъ дворомъ, по которому бы вашему сіятельству возможно было судить и уважать получаемыя вами съ Трансильванскихъ границъ вѣдомости о тамошнихъ военныхъ движеніяхъ. Я уповаю, что на реляцію вашу по сей же матеріи ваше сіятельство съ будущимъ курьеромъ достаточно наставлены будете имяннымъ рескриптомъ Ея И. В—ва. Здѣсь же я для предварительнаго вамъ свѣдѣнія сообщаю въ дружескую конфиденцію министеріальное мое письмо въ Вѣну къ князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну. Оно, милостивой мой другъ, вамъ откроетъ, въ какомъ политическомъ сопряженіи мы состоимъ съ тѣмъ дворомъ, въ чемъ по здравому разсудку на него мы полагаться можемъ при его настоящей системѣ, изъ времени и посторонних политическихъ резонахъ составленной и какое, размѣряя и тѣмъ и другимъ, Ея И.

В—во предписать указала поведеніе своему тамъ министру, дабы съ твердѣйшимъ удостовѣреніемъ отъ той стороны мы могли вести наши дѣла и принимать по тому благовременныя мѣры.

Мы вѣрно знаемъ, м. г. м., что Версальской дворъ, или лучше сказать, его остервенившійся министръ дюкъ Шуазель не ставитъ мѣры никакимъ противъ насъ распаленіямъ. Онъ конечно бы не сберегъ, я чаю, ни неба, ни земли, если бы только то было въ его возможности. Правда же и Вѣнской дворъ, а особливо князь Кауницъ, яко зиждитель политической системы, на однихъ нѣжныхъ интересахъ своей государыни и ея собственной фамиліи устроенной, тѣсно сопряженъ съ Версальскимъ, да и такъ, что можетъ быть больше нежели въ одномъ мѣстѣ стѣсняются до самаго уничиженія непремѣнные статскіе интересы Аустрискаго дома; но однакожъ и то, съ другой стороны, не меньшею правдою быть должно, что тотъ министръ не можетъ предъ собою скрывать, сколь коварно дюкъ Шуазель возбуждаетъ другихъ противъ насъ, самъ же сберегаетъ свои силы и главные ресурсы для безпосредственныхъ дѣлъ и собственныхъ политическихъ видовъ своего двора. Онъ намъ злобствуетъ и злобствуетъ до отчаянія, но съ употребленіемъ только другихъ и постороннихъ; свой же дворъ на то безпосредственно не отваживаетъ, но паче сберегаетъ для всякаго случая позадь себя путь вмѣститься къ намъ въ медіацію: ибо инако могъ бы онъ конечно самъ своимъ однимъ дворомъ намъ поставить превеликія препятствія въ Средиземномъ морѣ. Напротивъ же того, мы достовѣрно знаемъ, что ни Франція, ни Гишпанія не дѣлаютъ никакихъ вооруженій въ тамошнихъ своихъ портахъ.

Изъ сихъ обоюднаго разсужденія предметовъ невозможно безвременно и безъ ощутительныхъ доказательствъ заключать, чтобъ тутъ, гдѣ Франція сберегаетъ еще такъ очевидно свое собственное политическое положеніе и интересъ, Вѣнской бы дворъ жертвовалъ всѣмъ своимъ въ угодность одного своего настоящаго политическаго соединенія съ нею и, забывъ непремѣнной интересъ цѣлости и безопасности своихъ областей, захотѣлъ вмѣшаться въ дѣло, поспѣшествующее дерзости и вѣроломству такаго сосѣда, который обладаетъ ко всегдашнему его уничиженію провинціями и землями, по всѣмъ качествамъ свойственнѣйшими его владѣнію.

Объясня такимъ образомъ вашему сіятельству политическія наши разсужденія о Вѣнскомъ дворѣ, скажу теперь и собственное мое мнѣніе о Трансильванскихъ у васъ извѣстіяхъ. Могли въ самомъ дѣлѣ оныя произойти отъ пріуготовленій для тѣхъ семи баталіоновъ, которые при перемѣнѣ въ Вѣнѣ гарнизона туда наряжены были; а такое войскъ движеніе легко народною молвою такъ увеличило число оныхъ и для нихъ заготовленій. Князь Дмитрій Михайловичъ достаточно у того двора свѣдущій министръ, и потому на его увѣреніе положиться можно, что какъ съ одной стороны перемѣна гарнизона въ Вѣнѣ есть дѣло ежегодно обыкновенное, такъ съ другой прибавленіе кордона въ Венгріи и Трансильваніи сдѣлано для бо̀льшаго обузданія и воспрепятствованія тамошнихъ подданныхъ нашего и про-

тестантскаго законовъ выходить изъ ихъ жилищъ. При семъ однакожъ можетъ и то статься, что князь Кауницъ въ нѣкоторую угодность Версальскому двору, а потому и для политическаго мерита себѣ у Турокъ, пропустилъ тотъ увеличивающій слухъ на границу. И такъ мнѣ видится, ваше сіятельство еще можете спокойно взирать на тотъ край и распоряжать свои операціи съ однимъ обыкновеннымъ уваженіемъ къ правамъ неутральства и къ той дружбѣ и доброму согласію, которыя изъ естественнаго положенія земель происходятъ и сохраняться должны между Россіею и Аустрійскимъ домомъ, независимо отъ всѣхъ временныхъ конъюнктуръ и сопряженій.

Недавно я свѣдалъ, что была учреждена почта изъ Бухареста чрезъ Браиловъ въ Вѣну и въ Царьградъ; покорно прошу в. с—во приказать меня увѣдомить, не продолжается ли она теперь или пресѣклась по вступленіи нашихъ войскъ въ тотъ городъ, и можетъ ли и какимъ образомъ она нынѣ возстановлена быть для скорѣйшаго полученія писемъ изъ Царяграда и туда оныхъ доставленія.

Генералъ-губернаторъ [1]) Өедоръ Матвѣевичъ Воейковъ реляціею своею ко двору доноситъ, что по ходатайству у васъ г. старосты Черкаскаго [2]) ген.-лейтенанта и кавалера князя Сангушка изволите требовать возвращенія въ Польшу бывшихъ въ конфедераціи взятыхъ въ плѣнъ шляхтичей княжества Заславскаго пятидесяти одного человѣка, и что онъ, генералъ-губернаторъ, писалъ уже о присылкѣ ихъ въ Кіевъ къ Казанскому губернатору. Я конечно увѣренъ, м. г. м., что вы, по уваженію пользы дѣлъ Ея И. В--ва, изволили снизойти на заступленіе того знатнаго Поляка; однакоже я себя счелъ бы неисправнымъ предъ долгомъ моимъ въ обязательствѣ дружбы къ в. с—ву, еслибы по сему случаю оставилъ безъ точнѣйшаго васъ увѣдомленія о предположенномъ здѣсь нашемъ поведеніи касательно до плѣненныхъ нами Польскихъ возмутителей. У насъ положено въ разсужденіи ихъ дѣлать различіе и не поступать съ ними по обыкновеннымъ правиламъ военнаго плѣна, дабы они и ихъ собратія въ Польшѣ больше были удостовѣрены, что мы ихъ предпріятія пріемлемъ и считаемъ сущимъ внутреннимъ возмущеніемъ и разбоемъ, а не войною противъ насъ. Почему, м. г. м., и всякое снисхожденіе къ кому-либо изъ нихъ самихъ или къ заступленію объ нихъ отъ кого-либо другаго долженствуетъ ими быть воображаемо гораздо цѣннѣе освобожденія другаго какаго военноплѣннаго.

8.

Спб. 16 Апрѣля 1770.

Препровождая здѣсь в-му с-ву письмо Государя Цесаревича, не могу оставить безъ засвидѣтельствованія по самой истинѣ, что оно собственныхъ мыслей и собственнаго сочиненія Его Императорскаго Высочества, такъ что ни я и никто ни единаго слова въ немъ не перемѣнили.

---

[1]) Кіевскій.

[2]) Т. е. староста города Черкасска (за Кіевомъ).

Я в-му с-ву здѣсь открою мое мнѣніе съ совершенною искренностію, касательно до открывшейся съ стороны Крымскаго хана переписки. Вамъ, м. м. другъ, извѣстно, что братъ мой отозвался отъ себя письмами отверстными ко всѣмъ Татарамъ вообще и особливыми къ предмѣстнику сего хана, какъ и къ нѣкоторымъ Крымскимъ и кочующимъ Татарскимъ начальникамъ, о возбужденіи въ нихъ желанія отложиться отъ Турецкаго подданства. Легко можетъ статься, что происшедшая изъ того молва между Татарами была нѣкоторымъ случаемъ, а можетъ быть и самою причиною паденія того хана; но какъ по обстоятельствамъ сей въ ханахъ настоящей перемѣны, такъ и особливо по содержанію отвѣтнаго письма, сумнѣваться уже невозможно, чтобъ оное не у Порты новому хану составлено было. А посему и открывается въ немъ достаточно намѣренія Порты истребить наше мнѣніе о возможности отвлечь Татаръ отъ ея подданства и, съ оказаніемъ варварскаго самохвальства о своихъ преимущественныхъ предъ нами силахъ и ресурсахъ, предоставить однакоже намъ отворенный нами самими путь къ мирнымъ предложеніямъ, которыхъ, при всемъ султанскомъ звѣрствѣ, онъ самъ и все его министерство весьма желаютъ, что̀ со всѣхъ сторонъ единогласно намъ подтверждается. Особливаго, м. г. мой, примѣчанія заслуживаетъ содержащееся въ письмѣ ханскомъ сравненіе ресурсовъ на продолженіе войны. Сія мысль самая та, которую Французскій дворъ наиусильнѣйше султану вперяетъ, о чемъ я наивѣрнѣйшимъ образомъ извѣстенъ.

Ваше с-во желаете имѣть отъ меня заблаговременно средство узнать, въ какомъ бы видѣ вамъ отвѣтствовать сему хану, еслибъ случай впередъ больше открылъ его намѣреніе вступить въ негоціацію. Основываясь на вышеписанномъ моемъ вамъ сообщеніи, я, по настоящему расположенію дѣлъ нашей всемилостивѣйшей Государыни, не могу, милостивый другъ, вамъ инаго совѣтывать, какъ простое принятіе на доношеніе Ея И. В-у всего того, что̀ можетъ быть вамъ представляемо отъ хана ли Крымскаго, или съ стороны самого визиря, касательно до соглашенія о мирѣ или же и о временномъ ружья удержаніи. Что̀ же касается до предложеній, могущихъ быть съ Татарской стороны, независимо отъ Турецкаго примиренія, но относительно къ ихъ отложенію отъ Турокъ: въ томъ ваше с-во, имѣя теперь вѣрное свѣдѣніе о семъ Ея И. В-ва желаніи, конечно можете и отъ своего лица подать имъ въ отвѣтъ точное обнадеживаніе высочайшимъ именемъ Ея В-ва, что ихъ освобожденіе и вольность навсегда защищаемы будутъ, какъ скоро они отложатся отъ настоящаго своего подданства и останутся въ разсужденіи насъ въ покоѣ въ своихъ жилищахъ, защищая оныя отъ насильствъ и нападеній Турецкой сволочи.

Я выше упомянулъ о случаѣ предложенія временно удержать оружіе. Ваше с-во изъ приложенныхъ здѣсь разныхъ Константинопольскихъ извѣстій сами усмотрѣть изволите, съ какими многими затрудненіями и недостатками сопряжено Турецкое снаряженіе къ настоящей кампаніи, и что дѣйствительно тамъ помышляютъ объ изъ-

исканіи на всякой случай способовъ къ удержанію оружья. Сей случай ихъ нужды инако настоять не можетъ какъ тогда, когда они увидятъ себя въ существительной слабости и совсѣмъ въ несостояніи продолжать кампанію. Слѣдовательно я и удостовѣренъ, что ваше с-во не восхотите сами тогда удержать свой мечъ на ихъ доскональное пораженіе.

Теперь, м. г. мой, позвольте мнѣ продолжить здѣсь съ вами дружеское разсужденіе о представляющихся видахъ къ отверстію кампаніи. Я, воображая себѣ невѣжество нашего непріятеля, остаюсь еще при томъ мнѣніи, что онъ, какъ превысшая скотина, къ одной стезѣ можетъ имѣть прямое намѣреніе—переходить черезъ Дунай по Исакческому мосту, если ему удастся оной въ скоромъ времени навести. Особливо, знавъ всѣ произведенные вами подъ нимъ послѣдніе поиски вокругъ Бухареста и далѣе, легко по своему невѣжеству счесть онъ можетъ, что и главнѣйшія ваши силы въ туже сторону по Дунаю собираются; а потому можетъ онъ и такъ разсудить, что ему отъ Исакчи ближе будетъ дорога къ защищенію Бендеръ отъ второй нашей арміи, что̀ тому же его невѣжеству было бы свойственно. Находящійся здѣсь депутатъ князь Кантакузинъ мнѣ сказывалъ, что онъ былъ самъ главнымъ комисаромъ отъ провинціи при устроеніи вышепомянутаго Исакческаго моста, и что оставшій конецъ на здѣшнемъ берегу, послѣ разведенія Турками судовъ сего моста, есть такаго великаго и твердаго зданія, что новое его состроеніе конечно требуетъ по послѣдней мѣрѣ двумѣсячнаго времени, хотя бы и всѣ къ тому матеріалы, а особливо лѣсъ (котораго бревны должны быть самой большой толщины), могли на сей сторонѣ рѣки также скоро сысканы быть, какъ въ прошедшемъ году при заготовленіи къ войнѣ. Естьли все оное правда, то невозможно ль, м. г. мой, принять такія мѣры, чтобъ ту къ наведенію мостовыхъ судовъ пристань заблаговременно истребить?

9.

4 Мая 1770.

Предъ нѣсколькими часами прибылъ сюда отправленной отъ в. с-ва курьеръ съ подробною реляціею о полученныхъ при Журжѣ авантажахъ господиномъ Штофельномъ. Принося искренную благодарность за дружеское в. с-ва письмо, не имѣю я времени служить вамъ на оное пространнымъ отвѣтомъ, ниже справиться въ архивѣ о томъ митрополитѣ Русскомъ Володкевичѣ, о которомъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ вы упоминать изволите. Кажется мнѣ, что онъ тотъ же самый, который въ Барскую конфедерацію ограбилъ обозъ и послѣ того имѣлъ многіе коварные и хищные умыслы противъ нашего войска. Сіе не для того сообщаю я в. с-ву, чтобъ съ нимъ поступлено было за то съ бо̀льшимъ угнетеніемъ, а особливо если имѣетъ еще онъ отъ нашего посла рекомендацію; но примѣчаю симъ то только, сколь мало на слова Поляковъ и на ихъ о себѣ самихъ и другъ противъ друга увѣренія полагаться возможно. Слѣдственно остается съ сими людьми дѣлать то, что̀ велитъ благоразуміе по настоящему

положенію дѣлъ и обращенію каждаго, съ чѣмъ совершенно ваше сіятельство сообразоваться изволили въ своемъ отвѣтѣ бискупу Львовскому.

10.

Петергофъ, 12 Іюля 1770.

Изъ слѣдующихъ здѣсь двухъ за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ высочайшихъ рескриптовъ усмотрите ваше сіятельство, въ какомъ намѣреніи и на какомъ основаніи отправленъ нынѣ къ вамъ Волосской господарь Гика. Сверхъ того, что мы сами собою могли спознать о истинной его къ интересамъ имперіи преданности, упоминаемая въ одномъ изъ рескриптовъ рекомендація объ немъ г. тайнаго совѣтника Обрѣзкова дошла нынѣ сюда ко мнѣ изъ настоящаго его заключенія; онъ его представляетъ намъ человѣкомъ многихъ уже заслугъ и вѣрности, почему всему наипаче надѣяться можно, что онъ, господарь, въ бытность свою при вашемъ сіятельствѣ, охотно и ревностно будетъ себя употреблять во все ему поручаемое.

Между тѣмъ позвольте мнѣ, милостивый мой другъ, открыть вамъ здѣсь собственное мое изъ одного долга персональной къ вамъ дружбы и почтенія происходящее мнѣніе, что данныя вамъ повелѣнія не связываютъ вамъ рукъ въ употребленіи господаря въ то или другое политическое дѣло свыше собственнаго вашего разсужденія и вами самими усматриваемой надобности: ибо опредѣленіе въ томъ момента и точной мѣры долженствуетъ зависѣть отъ локальныхъ обстоятельствъ и времени. По такому же моему собственному разсужденію равномѣрно можетъ оставаться въ собственномъ вашемъ благоизобрѣтеніи, при себѣ ли всегда въ арміи содержать господаря или же опредѣлять ему позади оной способныя къ пребыванію мѣста, дабы онъ васъ инако отягощать не могъ. Первая польза изъ отправленія его къ вашему сіятельству представляется мнѣ та, что онъ, по совершенному своему свѣдѣнію о состояніи и ресурсахъ княжества Молдавскаго и всей тамошней стороны, можетъ вамъ подавать удобнѣйшія средства къ подкрѣпленію вашей арміи какъ вооруженными людьми, такъ и всѣми другими снабженіями.

P. S. Господарь усильно просилъ меня о заступленіи у вашего сіятельства, дабы Каргапольскаго карабинернаго полку поручикъ Данилевской, къ которому онъ здѣсь привычку сдѣлалъ, и въ арміи при немъ оставленъ, а если можно и чиномъ по милости вашей повышенъ былъ, что я предаю собственному вашему лучшему разсмотрѣнію.

11.

9 Сентября 1770.

Милость, которую ваше с—во племяннику моему князю Репнину *) сдѣлать намѣрены увольненіемъ его сюда, я по истинѣ принимаю собственнымъ мнѣ одолженіемъ, тѣмъ для меня чувствительнѣйшимъ, что разстроица его домоваго состоянія необходимо требуетъ его собственнаго присутствія, дабы не лишиться ему, наконецъ, всего

*) Знаменитому князю Николаю Васильевичу, который послѣ своего посольства въ Польшѣ отправился на войну съ Турками.

его имѣнія, о чемъ я не упустилъ предупредить Ея И. В—во, и всемилостивѣйшая Государыня несумнѣнно снизойти изволитъ на его просьбу, какъ скоро ваше с—во онную реляціею вашею представите, съ таковою объ немъ вашею апробаціею, какову онъ заслужить могъ подъ повелѣніями вашими.

По содержанію слѣдующаго здѣсь проекта письма отъ в. с—ва къ верховному визирю, сего числа апробованному Ея И. В—вомъ, будетъ въ началѣ будущей недѣли отправлено къ вамъ въ надлежащей формѣ то настоящее письмо при имянномъ рескриптѣ, съ предписаніемъ о доставленіи онаго отъ вашего лица. Я теперь предварительно сіе вамъ, м. г. мой, сообщаю съ тѣмъ, чтобы сократить сколько возможно то время, которое для переводу его на Турецкой языкъ употребить будетъ надобно, въ чемъ я здѣсь на нашихъ переводчиковъ положиться не могу; надѣюсь же, что въ вашихъ предѣлахъ найдутся способные къ тому люди. Покорно прошу между тѣмъ приказать о заготовленіи сего перевода. Я думалъ бы, м. г. мой, чтобъ господарь Гика для исправленія онаго могъ быть способнѣе другихъ, какъ въ разсужденіи знанія Турецкой грамоты, такъ особливо и потому, что онъ въ дѣлахъ сего рода довольное время обращался и имѣетъ въ нихъ хорошую оріентальную практику; но я не знаю, гдѣ вы опредѣлить изволили его пребываніе и не пропадетъ ли нужное время, если его нарочно оттуда къ вамъ привозить.

12.

Въ С.-Петербургѣ, 4 Октября 1770.

Учиненныя въ Польшѣ распоряженія противу мороваго повѣтрія были уже мнѣ извѣстны по доношеніямъ генералъ-порутчика Веймарна; но я не могъ себѣ никогда вообразить, какъ то между тѣмъ сверхъ чаянія случилось, чтобъ оныя кромѣ внутренняго въ землѣ распорядка и осторожностей могли въ исполненіи своемъ относиться до затрудненія или остановки предписанныхъ вашимъ с—вомъ мѣръ къ пропитанію арміи; ибо сей пунктъ, какъ крайній и ничѣмъ инымъ незамѣняемой нужды, долженствовалъ натурально вамъ однимъ предоставляемъ и отъ васъ однихъ зависимъ быть.

Коль велико удостовѣреніе мое о искренности участія, которое в. с—во принимать изволите въ счастливомъ по столь многихъ трудахъ преодолѣніи Бендерской крѣпости *), столько же много и почитаю я себя вамъ обязаннымъ за ласкательное изъявленіе онаго.

Для лучшаго пониманія этихъ писемъ напомнимъ читателю, что начавшаяся осенью 1768 года (по Французскимъ проискамъ) первая Екатерининская война съ Турціею долгое время шла безъ особенной удачи и весьма озабочивала Россію, которая едва успѣла отдохнуть отъ войны Семилѣтней и имѣла новое правительство, въ военномъ отношеніи еще ничѣмъ себя не ознаменовавшее. Мы заняли Молдавію и Валахію, но рѣшительныхъ успѣховъ не имѣли, и въ 1769 году взятіе Хотина стоило великихъ жертвъ. Правительство успѣло выдти изъ бѣды лишь благодаря своей настойчивости, и лѣтомъ 1770 года, можно сказать, нежданно-негаданно, завистливая Европа потрясена была удивительными побѣдами при Чесмѣ (24 и 25 Іюня), при Ларгѣ (7 Іюля) и Кагулѣ (21 Іюля). Распоряженія были тверды и

*) Взятой графомъ П. И. Панинымъ.

дальновидны. Еще въ Октябрѣ 1769 года графу П. И. Панину поручено отвлекать Татаръ отъ Турецкаго подданства. Первоначальное порученіе это, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ лишь въ 1783 году, описано въ нижеслѣдующей запискѣ. Надо замѣтить, что графъ Панинъ (бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи) началъ боевое свое поприще подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, съ которымъ дѣйствовалъ въ Крыму, участвуя во взятіи Перекопа и Бакчисарая (1736).

ЗАПИСКА, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ ВТОРОЙ АРМІИ ГЕНЕРАЛОМЪ-ГРАФОМЪ ПАНИНЫМЪ НАЧАТО ПРОИЗВОДИТЬСЯ ПРЕДПРИНЯТОЕ РОССІЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИМЪ ДВОРОМЪ И ЕМУ ПОРУЧЕННОЕ НАМѢРЕНІЕ, КЛОНЯЩЕЕСЯ КЪ ПОКОЛЕБАНІЮ ТАТАРСКИХЪ ОРДЪ ПРОТИВЪ НЫНѢШНЯГО ИХЪ ПОДДАНСТВА (1770).

Великая Екатерина, будучи побуждена наглостію вѣроломной Оттоманской Порты вести съ нею войну, была, сказать можно, спобораема десницею Всевышняго. Войски ея, куда ни обращали оружіе, вездѣ къ новому мужества своего прославленію прогоняя непріятеля, новыя пріобрѣтали Самодержицѣ своей завоеванія. Но и при самыхъ сихъ воинскихъ успѣхахъ ея человѣколюбіе, всѣмъ великимъ душамъ сродное, скорбѣло о пролитіи крови не только вѣрныхъ своихъ подданныхъ, но и непріятелей своего государства; и потому, взирая бодрственнымъ окомъ на всѣ предметы, могущіе доставить благоденствіе роду человѣческому и будучи еще спомоществуема совѣтниками въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ искусными, препоручила свои арміи въ походѣ 1769 г. въ предводительство искусствомъ и мужествомъ испытанныхъ полководцевъ, на которыхъ колико полагалась ихъ Государыня, толико надѣялось ихъ отечество. Графъ Румянцовъ, бывшій предводителемъ второй арміи, получилъ повелѣніе отбыть къ первой, на мѣсто командовавшаго ею князя Голицына, а сію отдать князю Долгорукову до прибытія опредѣленнаго къ ней главнымъ командиромъ графа Панина, которому еще поручено было произвести въ дѣйство Ея Императорскаго Величества намѣреніе, отъ начальныхъ ея видовъ неотклонное, состоящее во освобожденіи разныхъ Татарскихъ ордъ отъ поработительнаго ига Оттоманской Порты, ухищреніемъ оною пріобрѣтенныхъ. Вслѣдствіе сего получилъ сей главнокомандующій за рукою Ея Величества рескриптъ отъ 16 Октября 1769 года, состоящій въ томъ, что Ея Величество заблагоразсудить изволила сдѣлать испытаніе, не можно ли будетъ, при настоящихъ войны обстоятельствахъ, Крымъ и всѣ Татарскіе народы отвлечь отъ Оттоманской Порты внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя ни отъ кого независимаго правительства, обѣщавая съ своей стороны подавать имъ дѣйствительныя къ тому вспоможенія.

Онымъ же рескриптомъ позволено было графу взять для перевода на Турецкой языкъ писемъ, которымъ при рескриптѣ образцы приложены были, къ Крымскому хану, такъ и вообще ко всѣмъ Татарамъ, изъ Кіева Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ секретаря Равича, равно какъ и находящагося тамъ же при заграничныхъ дѣлахъ канцеляріи совѣтника Веселицкаго *), если бы онъ графъ за нужное

---

*) Веселицкій-Божидаровичъ, отецъ извѣстнаго генерала 1812 года и дѣдъ современнаго намъ дѣятеля по освобожденію Босніи и Герцеговины.

нашелъ отъ сего послѣдняго (какъ отъ примѣнившагося по его долгой при дѣлахъ бытности къ Татарскимъ поступкамъ и обычаямъ) получить какое либо изъясненіе о мѣрахъ, къ производству предпріятія сего способствовать могущихъ. Впрочемъ, въ рескриптѣ предлагаются способы, коими достигать до вожделѣннаго предмета возможно, а наконецъ предписывается предводителю составить планъ своихъ операцій, соотвѣтствующій образу поведенія Татарскихъ народовъ.

Содержаніе же приложенныхъ двухъ писемъ, одного къ хану Крымскому, а другаго отверстаго къ нему же хану и ко всѣмъ Татарамъ, находящимся въ Турецкомъ подданствѣ, есть слѣдующее. Главный предводитель, давъ ему титулъ свѣтлѣйшаго хана, увѣдомляетъ его, что его Государыня, будучи убѣждена принять оружіе противъ Турецкаго двора, вѣроломно нарушившаго миръ, свято и торжественно на вѣки утвержденный, имѣетъ съ своей стороны справедливѣйшія къ произведенію настоящей войны причины; напротивъ чего Порта, не только не взирая на дружественныя съ Россійской стороны обнадеживанія, но не уважая и самыя оной доказательства, по всей высокомѣрности алкая къ похищенію чужихъ земель, нарушила сей на вѣки утвержденный миръ и, будучи нечувствительна къ пролитію человѣческой крови, предпочла сумнительный жребій войны толь вождѣленному человѣческимъ родомъ мирному спокойствію; увѣдомляетъ его, что Всероссійская Императрица не имѣетъ намѣренія распространять свои границы, но отомщевая несправедливому и клятвопреступному непріятелю, желаетъ привести его къ раскаянію, а притомъ показываетъ, каковы освобожденные Всероссійскимъ оружіемъ, но предъ симъ утѣсняемые непріятелемъ вольные народы, находятъ уже отраду подъ защищеніемъ Ея Императорскаго Величества.

Потомъ показываетъ ему, что Порта, присовокупя къ своей державѣ Крымцовъ и всѣ Ногайскіе народы не по праву войны или наслѣдства, но своими ухищреніями, возлагаетъ на нихъ тягостное иго, уничижаетъ ихъ частою и по своимъ единственно прихотямъ смѣною хановъ и, получая отъ нихъ истинныя услуги и вспоможенія, оставляетъ ихъ безъ помощи, когда при военныхъ обстоятельствахъ они сами принуждены опасаться непріятельскаго въ свои земли нашествія.

Въ окончаніи подаетъ ему главнокомандующій совѣтъ воспользоваться обстоятельствами войны, свергнуть съ себя иго подданства, сдѣлаться независимою ни отъ кого областію, и обнадеживаетъ торжественно именемъ Ея Величества, что она не имѣетъ намѣренія употреблять Крымскія силы противъ Порты, но по врожденному ея человѣколюбію желаетъ утѣсненнымъ даровать свободу.

Содержаніе втораго и отверстаго письма къ хану и ко всѣмъ Крымскимъ и прочимъ Ногайскаго поколѣнія народамъ во всемъ сходно съ первымъ, только писано обще къ хану, къ ширинбеямъ и прочимъ Крымскимъ и Ногайскимъ мурзамъ съ прибавленіемъ, что предложеніе сіе дѣлается имъ въ такое время, въ которое Россійское оружіе вездѣ пріобрѣтаетъ побѣды и въ кое Хотинъ взятъ, визирь разбитъ и прогнанъ, Яссы и Букурешты заняты, знатные корпусы непріятельскіе при Галацѣ, Фокшанахъ, Браиловѣ и Юрьевѣ въ разныя времена побиты, что слѣдовательно служитъ яснымъ доказательствомъ единственнаго Россійской Императрицы попеченія

о соблюденіи неповинной человѣческой крови, а не желанія расширять свои границы, и что имъ Крымцамъ и Ногайцамъ насталъ свободный часъ свергнуть съ себя поносное иго рабства.

Вслѣдствіе сего намѣренія главнокомандующій, истребовавъ къ себѣ господина Веселицкаго, взялъ отъ него изъясненіе о состояніи и склонностяхъ Крымскихъ и прочихъ народовъ, чтобъ, получа отъ него нужное свѣдѣніе, употребить надежнѣйшіе способы къ вѣрнѣйшему исполненію предпринятаго намѣренія.

Содержаніе же изъясненія, даннаго господиномъ Веселицкимъ, есть.

1) Крымскіе Татары народъ поселенной, живущій домами и, по удобному положенію своего полуострова и плодоносію земли, упражняется въ домостроительствѣ, въ торговлѣ, скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, въ чемъ находя корысть свою, обыкъ безропотно повиноваться всѣмъ налогамъ правительства, за что отъ прочихъ Ногайскихъ Татаръ презирается.

2) Едичкульская на Крымской степи кочующая орда, хотя начинаетъ съ нѣсколькихъ лѣтъ привыкать къ хлѣбопашеству, однако главное оной упражненіе состоитъ въ скотоводствѣ, въ ловлѣ звѣриной и въ грабежѣ смежныхъ народовъ.

3) Едисанская орда, многолюдствомъ своимъ всѣхъ прочихъ превосходившая, кочуетъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра къ Очакову и по Бугу къ Днѣстру, а промыслы имѣетъ тѣже самые что̀ и Едичкульская.

4) Чюмбулуцкая всѣхъ прочихъ Ногайскихъ ордъ малолюднѣе, кочуетъ на степяхъ къ Кинбурну, промыслы имѣетъ равные съ Едичкульскою и Едисандскою ордами.

5) Буджацкая или Бѣлогородская поселена большими слободами, селами и деревнями по правому берегу Днѣстра къ Дунаю, образъ жизни имѣетъ равной съ Крымскими Татарами.

Главное правительство надъ сими ордами ввѣряется отъ Порты возводимому ею на ханской престолъ князю. Въ военномъ правленіи первой по ханѣ есть калга-султанъ, который имѣетъ начальство надъ одними Крымцами. Въ земскомъ правленіи, когда ханъ въ своей столицѣ, присутствуетъ съ нимъ изъ духовныхъ казаскеръ, нѣсколько мулловъ и кадій, а изъ свѣтскихъ визирь, диванъ-эфендій, ширинъ-мурзы, нѣсколько султановъ и прочихъ мурзъ; въ отсутствіи же хана управляетъ намѣстникъ съ прочими сочленами.

Каждый ново-возведенный ханъ имѣетъ власть опредѣлять во всемъ правительствѣ новые чины по своему произволенію.

Надъ Ногайскими ордами опредѣляются султаны главными начальниками съ титуломъ сераскеръ-султановъ, кои съ помощію мурзъ правятъ подчиненныя имъ орды.

Всѣ упомянутыя Ногайскія орды почитаютъ Едисанскую за то, что она и многолюдна, и предпріимчива, чему господинъ Веселицкой приводитъ въ свидѣтельство поступокъ умершаго Крымъ-Гирея - хана, который, преклонивъ сію сильную орду на свою сторону, былъ возведенъ ею противъ воли Порты въ ханское достоинство.

Потомъ господинъ канцеляріи совѣтникъ воспоминаетъ, что сія орда съ Буджацкою двоекратными отзывами показывала склонность свою предаться Россійской державѣ, что и предъ начатіемъ настоящей войны, за частыя перемѣны хановъ, явно негодовала и роптала противъ правительства, оказывая желаніе свое отдаться Россіи.

Въ окончаніи онъ Веселицкой совѣтуетъ послать осторожнаго повѣреннаго въ Яссы, которой бы отправилъ отъ себя искуснаго и Татарской языкъ довольно знающаго человѣка къ Едисанской сперва ордѣ, какъ уже хотѣвшей предаться Россіи, съ такимъ наставленіемъ, чтобъ оной старался развѣдать, кто изъ сераскеръ-султановъ предпріимчивѣе и народомъ любимѣе, и того уловляя всѣмъ возможнымъ отправить къ нему свои письма, а потомъ, когда уже сіе желаннаго не возъимѣетъ успѣха, писать какъ во всѣ прочія орды, такъ и къ самому хану.

Его сіятельство графъ Панинъ, собравъ сіи объясненія, приказалъ присланныя письма перевести на Турецкой языкъ; но какъ по достовѣрнымъ извѣстіямъ увѣдомлено было, что ханъ съ Ногайскими Татарами, препроводя кампанію 1769 года при Турецкой арміи, обрѣтался тогда въ городѣ Аккерманѣ, то и опредѣлилъ отправить письма къ ханскому намѣстнику казаскеру и первенствующему ширинъ-мурзѣ. И къ сему пріисканы были 4 человѣка изъ нововышедшихъ Молдавцевъ, которые клятвою порученное имъ дѣло вѣрно исправить обязались. Трое изъ сихъ назначены были для врученія писемъ вышеозначеннымъ начальникамъ, и точно въ одно время, для того, чтобы одинъ кто-либо изъ нихъ, ожидая отъ Порты награжденія, не задержалъ другихъ посланныхъ, и тѣмъ бы не изпровергъ предпріятыхъ къ производству дѣла сего способовъ; четвертый же имѣлъ повелѣніе примѣчать и развѣдывать, какъ письма приняты, выходитъ ли содержаніе ихъ въ народъ, и какое дѣйствіе оныя причиняютъ. И такъ, давъ имъ довольное наставленіе, приказано было отъ Архангельскаго шанца въѣхать въ Польшу и, пробираясь оною къ Волоскимъ по берегу Днѣстра поселеннымъ слободамъ, гдѣ имъ удобнѣе усмотрится, переѣхать Днѣстръ и вступить въ Молдавію, отколѣ, оставляя Бендеры въ лѣво, слѣдовать до Ханкешла, откуда посредствомъ своихъ знакомыхъ и свойственниковъ чрезъ Очаковъ и Кинбурнъ до Перекопа и Бакчисарая. Въ сей городъ приказано было имъ въѣхать въ сумерки и тремъ подателямъ стать на одной квартирѣ, а четвертому вблизи ихъ.

Чрезъ три недѣли по ихъ отправленіи, предводитель второй арміи, въ чаяніи, что первые до назначенныхъ имъ мѣстъ доѣхали и порученное дѣло исправили, вознамѣрился отправить прямо въ Крымъ съ таковыми же письмами, какъ ко всему Крымскому народу, къ переселившимся съ давнихъ временъ изъ подъ Россійской державы Калмыкамъ, изъ коихъ одинъ плѣнный отзывался, что они при немъ еще изъявляли желаніе возвратиться подъ Россійскій скипетръ, такъ и въ Едисанскую орду согласную съ Буджацкою. Къ сему выбранъ былъ одинъ плѣнный, отъ Запорожскаго войска въ подарокъ главному командиру присланный, Едисанецъ. Господинъ Веселицкой внушалъ сему Татарину нѣсколько дней сряду о важномъ отправленыхъ съ нимъ писемъ содержаніи, кое можетъ доставить всѣмъ Татарамъ совершенное благоденствіе; ему жъ особливо обѣщано было награжденіе, естьли онъ вѣрно вручитъ письма къ тремъ главнымъ мурзамъ и привезетъ отъ нихъ отвѣты. Сей плѣнникъ, обязавшись клятвою по своему закону, отправился изъ главной квартиры 3 Генваря сего 1770 года; ѣхать же ему приказано было чрезъ Яссы въ томъ разсужденіи, что Едисанская орда расположена была за Днѣстромъ къ Дунаю, а для препровожденія его посланъ маіоръ Бастевикъ, которому приказано было везти при себѣ онаго Едисанца до Яссъ, гдѣ

ему маіору явиться у находящагося тамъ главнаго командира, коему данъ былъ ордеръ, повелѣвающій подавать всѣ вспоможенія по его требованіямъ, касательно какъ до отправленія сего Татарина за форпосты, такъ и по другимъ въ бытность его въ Яссахъ случаться могущимъ по порученной ему коммисіи надобностямъ.

По отправленіи онаго Татарина изъ Яссъ, повелѣно было господину Бастевику пріискать изъ тамошнихъ обывателей двухъ человѣкъ, кои бы по единовѣрію обязались (подъ видомъ или торговли или другихъ приличныхъ причинъ) слѣдовать за симъ Татариномъ въ Едисанскую орду и тамъ развѣдывать, какое повелѣнныя письма между народомъ произвели движеніе, а узнавъ увѣдомить о томъ господина Бастевика. О семъ отправленіи въ Яссы увѣдомленъ былъ графъ Румянцовъ.

Вноспѣдствіе сихъ двухъ отъ 3 Генваря отправленій, главнокомандующій разсудилъ за нужно отпустить въ Яссы самого господина Веселицкаго, котораго и графъ Румянцовъ для правленія тѣхъ провинцій требовалъ, и препоручить ему стараться склонять кого-либо изъ Татарскихъ султановъ къ возведенію себя силою Едисанской орды въ ханское достоинство, подойти подъ покровительство Россіи и учинить себя не только независимымъ отъ Порты, но и колѣно свое навсегда наслѣдственнымъ сдѣлать.

Потомъ главнокомандующій помышлялъ отправить еще въ Едичкульскую орду, а къ сему способнымъ признанъ былъ попавшійся въ плѣнъ начальникъ всѣхъ Киргизцовъ, кои въ прошлую съ Турками войну послѣ взятія Азова изъ Россіи бѣжали; плѣнникъ же сей сказывалъ, что онъ съ главнымъ Едичкульской орды мурзою обязанъ дружбою, объявлялъ, что Едичкульцы и Чамбулуки, въ разсужденіи наносимыхъ войною обстоятельствахъ, терпятъ утѣсненія и раззоренія, за которыя они ропщутъ, а къ тому жъ прибавлялъ, что, вѣдая склонности ихъ, надѣется онъ ввѣряемое ему дѣло исправить благополучно, въ вѣрности жъ по своему закону учинилъ присягу, а вслѣдствіе такаго увѣренія главнокомандующій положилъ:

1) Отправить сего плѣнника по желанію его чрезъ Никитинскую заставу къ мурзѣ Мамбету, главному Едичкульскому начальнику съ письмомъ, къ которому приложить объявительной всему народу листъ, а съ нимъ до оной заставы послать переводчика, которому явиться у находящагося у той заставы командира съ ордеромъ предводителя, повелѣвающимъ подавать ему переводчику для отправленія того Киргизца потребныя вспоможенія; переводчику жъ приказано было пробыть на заставѣ три или четыре недѣли съ тѣмъ, чтобъ отправлять къ главнокомандующему тѣхъ, кои съ отвѣтами присыланы быть могутъ; естьли же въ сей срокъ не будетъ отвѣта, тогда повелѣвалось ему возвратиться въ Харьковъ.

2) Для безопаснаго степью отъ Днѣпра до Едичкульской орды проѣзда и оттолѣ съ отвѣтомъ отправляемымъ Татарамъ, посланный плѣнникъ снабженъ былъ двумя открытыми ордерами, которыми предписывалось всѣмъ командирамъ, на ихъ наѣзжать могущимъ, не чинить имъ ни малой остановки, ниже какаго-либо озлобленія.

3) Ему жъ приказано было для прикрытія ввѣреннаго ему дѣла сказываться на Татарскихъ форпостахъ или при встрѣчѣ ихъ партіи ушедшимъ изъ плѣна.

4) По прибытіи жъ къ Мамбетъ-мурзѣ, вручить ему письмо наединѣ и стараться обще съ нимъ, естьли сей на то согласенъ будетъ, о успѣхѣ ввѣреннаго ему дѣла.

На семъ основанiи помянутой плѣнникъ Булатъ-ага отправленъ отъ 31 Генваря къ главному Едичкульской орды мурзѣ Мамбету, и къ мурзинскому сыну съ письмомъ.

9 Февраля главнокомандующiй получилъ изъ Яссъ отъ маiора Бастевика отъ 29 генваря рапортъ, въ которомъ онъ Бастевикъ доносилъ, что въ продолженiи дороги не оставлялъ онъ подкрѣплять посылаемаго Татарина въ совершенiи предпрiятаго имъ дѣла, а по прибытiи ихъ за ненастливымъ тогдашнимъ временемъ 20 того-жъ мѣсяца въ Яссы, отправилъ плѣнника 22; вслѣдствiе жъ даннаго ему повелѣнiя сысканы имъ посредствомъ Молдавскаго боярина Аргирибана, рекомендованнаго ему господиномъ генералъ-маiоромъ Черноевичемъ, два надежные и Турецкой языкъ знающiе человѣка, кои подъ приличнымъ видомъ отправлены отъ него одинъ къ Буджацкимъ Татарамъ, другой къ Едисанскимъ, при которыхъ находится старшiй Крымъ-Гирея-хана сынъ Бахти-Гирей султаномъ, съ тѣмъ, чтобы они развѣдывали, какое между Татарами посланныя письма движенiе производятъ. Потомъ, увѣдомляя о нѣкоторыхъ Турецкаго войска пораженiяхъ, доноситъ, что Крымской ханъ находится въ Каушанахъ, что носится слухъ, будто бы ханъ соединится съ Бендерскими Турками для нападенiя на Молдавiю, что бывшiй визирь смѣненъ, а новой находится въ Бабадагѣ, что слухъ прошелъ, будто ханъ съ Едисанскимъ султаномъ въ ссорѣ, почему сей послѣднiй, забравъ своихъ женъ, дѣтей и всю Едисанскую орду со всѣмъ скотомъ, перешелъ Днѣстръ и приближился къ Россiйскимъ границамъ.

Вторымъ рапортомъ отъ 15 Февраля, полученнымъ же 1-го Марта, господинъ Бастевикъ доноситъ, что посланный съ письмами къ своимъ начальникамъ Едисанецъ, не знавъ, что сiя орда, поссорясь съ Буджацкими Татарами, перешла вся на здѣшнюю сторону Днѣстра и расположилася между сею рѣкою и Бугомъ по выпровожденiи его за послѣднiй Россiйской форпостъ взятъ встрѣтившимися Буджацкими, отведенъ въ Каушаны и представленъ къ хану, которой, по прочтенiи бывшихъ съ нимъ писемъ, созвалъ къ себѣ всѣхъ мурзъ и начальниковъ для совѣта.

Изъ сего происшествiя было видно, что Едисанская орда о содержанiи тѣхъ писемъ была неизвѣстна; къ тому жъ и съ Крымской стороны изъ посланныхъ къ тамошнему правительству никто не возвратился.

Главнокомандующiй положилъ: исполнить намѣренiе свое писать въ Крымъ на общее лицо всего народа. Къ сему выбраны были два плѣнника, Крымскiе Татары, обязавшiеся по своему закону присягою исправить вѣрно возлагаемое на нихъ дѣло; съ ними же посланы были письма къ тремъ начальникамъ особливо, а между сими къ Девлетчибею, которой Татарами первымъ по ханѣ почитается, въ достоинствѣ своемъ по смерть пребываетъ безсмѣнно и которой въ небытность хана управляетъ народомъ Крымскимъ съ ханскою властiю. Сiи плѣнные поручены до крѣпости Святаго Димитрiя господину полковнику Нащокину, возвращавшемуся изъ главной квартиры въ Азовъ, куда 10 Марта они и отправились.

По прибытiи ихъ въ сiю крѣпость, приказано господину оберъ-коменданту Потапову ихъ отправить за послѣднiй къСивашу Россiйской форпостъ и на всѣхъ своего вѣдомства форпостахъ Крыму наикрѣпчайше подтвердить, если кто изъ Татаръ явится на оныхъ съ письмами, то бъ, благопрiятно ихъ принимая, препровождать до крѣ-

пости Святаго Димитрія, а оттуда съ исправнымъ офицеромъ доставлять въ Харьковъ.

2) Для посылки въ Едисанскую орду равномѣрно два человѣка плѣнныхъ Едисанцевъ пріуготовить повелѣно, кои клятвою по ихъ закону обязались порученное имъ дѣло вѣрно исполнить. Симъ двумъ Едисанцамъ дано письмо для доставленія Едисанскимъ главнымъ начальникамъ. Вслѣдствіе сего 11 Марта изъ Харькова отправлены въ провожденіи толмача Кутлубицкаго прямѣйшимъ путемъ чрезъ Кременчугъ въ Сѣчу, гдѣ приказано было толмачу явиться у коменданта, которому предписывалось, не задерживая ихъ, отправить за Россійской ближній къ Едисанской ордѣ форпостъ, и для большей ихъ безопасности, данъ имъ изъ главной квартиры открытой ордеръ, предохраняющій ихъ отъ несчастія, случиться могущаго при встрѣчѣ разъѣздовъ; на форпосты же, противъ сей орды разставленные, посланы приказы, чтобъ въ случаѣ прибытія на оные Едисанцовъ съ письмами приниманы они были благопріятно и провождаемы до Сѣчи, а оттоль до Харькова. Отправя такимъ образомъ во всѣ Татарскія орды къ Крымскому хану, къ тремъ первенствующимъ Крымскаго правительства членамъ, къ знатнѣйшимъ тремъ ихъ начальникамъ на общее лице Татаръ Крымскихъ письма, главнокомандующій опредѣлилъ въ непродолжительномъ времени отправить господина Веселицкаго въ Яссы, какъ то выше сего сказано.

12 Марта главнокомандующій получилъ отъ отправленнаго 1 Февраля съ плѣннымъ Киргизскимъ начальникомъ Джіенъ-Булатъ-агою возвратившагося въ Харьковъ переводчика Черкеса рапортъ, которымъ онъ доносилъ, что, по выпровожденіи посланнаго съ нимъ плѣнника на Татарскую степь, ожидалъ онъ въ Ново-сѣченскомъ ретраншементѣ четыре недѣли возвращенія Киргизца, но не получа никакого извѣстія и будучи долженъ ѣхать въ Харьковъ, просилъ господъ кошеваго и маіора Микульшина о благопріятномъ пріемѣ и о безопасномъ до Харькова препровожденіи отправленнаго ли плѣнника или другаго Татарина, когда сіи съ письмами къ нимъ явятся.

Рапортуетъ также, что въ бытность свою въ Сѣчѣ слышалъ отъ кошеваго, будто бы между ханомъ, калга-султаномъ и прочими Нагайскими ордами произошло несогласіе, которое хотя учиненнымъ отъ хана удовольствіемъ въ Татарскихъ требованіяхъ прекращено, но однакожъ ханъ, опасаясь, чтобы Едичкульская орда не покорилась Россіи, повелѣлъ оной съ женами, съ дѣтьми и съ большею частью имущества, перейти въ Перекопъ, оставя на своихъ степяхъ небольшое число скота и для прикрытія онаго людей, и будто наслано отъ хана повелѣніе всѣмъ Татарамъ готовиться идти къ Бендерамъ.

Его сіятельство вознамѣрился возвратившагося маіора господина Бастевика вторично отправить въ Яссы, почему 27 Марта и данъ ему ордеръ съ такимъ точно повелѣніемъ: пріискать надежныхъ людей для доставленія Едисанской орды сераскеръ-султану Бахти-Гирею, Кримъ-Гирея-хана сыну письма, препровожденнаго по знакомству его господина маіора съ нимъ, особымъ отъ имени его письмомъ же съ тѣмъ однакожъ, буде сей султанъ смѣненъ или при ордѣ не находится, то писемъ никому не отдавать, но привезти обратно, и для отправленія въ Каушаны, въ Бендеры и Очаковъ, приказалъ всѣмъ имъ развѣдывать, какое посылаемыя письма движеніе въ народѣ производятъ, а при томъ объявлять, что полководецъ, назначенный къ

покоренію Бендеръ, есть братъ перваго министра и человѣкъ хотя искусной и мужественной, но притомъ и благосклонной, почему щадя человѣческую кровь, намѣренъ требовать, подступя къ Бендерамъ и Очакову, добровольной сдачи, чтобъ тѣмъ не допустить жителей до конечной ихъ погибели, въ случаѣ же упорства, предать ихъ ярости раздраженнаго побѣдителя.

Впрочемъ поручалось ему Бастевику рапортовать какъ о достовѣрныхъ движеніяхъ непріятельскихъ, такъ и о всемъ къ свѣдѣнію главнаго командира потребномъ.

Еще приказано ему было отправить вѣрнаго человѣка въ Бендеры извѣдать, правда ли, что Французскій инженеръ вошелъ въ Турецкую службу, и ежели правда, то описать его примѣты, а съ нимъ же господиномъ маіоромъ были отправлены въ Яссы два Турка, шкиперъ Османъ-ага и его товарищъ, задержанные при начатіи войны въ крѣпости Святаго Димитрія, но потомъ въ размѣнъ отпущенные въ свое отечество.

30 Марта главнокомандующій получилъ отъ кошеваго Запорожской Сѣчи рапортъ, которымъ доносимо было, что Едисанцевъ, при толмачѣ присланныхъ, отправить чрезъ Сѣчу за Бугъ за чрезмѣрнымъ разлитіемъ сея рѣки невозможно, для чего препровождены они до крѣпости Святыя Елисаветы къ генералъ-маіору господину Лебелю.

Употребивъ всевозможные способы ко благополучному окончанію сего предпріятія, ожидалъ главнокомандующій на свои письма отвѣтовъ, изъ которыхъ отъ хана Капланъ-Гирея, сына Селимъ-Гирея-хана, 8 Апрѣля и получилъ.

Письмо сіе писано слогомъ Азіатскимъ, то есть горделивымъ и надменнымъ. Въ началѣ ханъ, отрицая истинныя доказательства нашего предводителя въ нарушеніи Портою мирныхъ положеній и разрыва самаго мира, возлагаетъ сіе на Россійской дворъ, а превращая защищеніе съ Россійской стороны вольности Польской на истребленіе оной, какъ по сему такъ и по завладѣнію Кабардинцовъ, приписываетъ начатіе войны Россіи, выхваляетъ храбрость народовъ Магометанской вѣры, входитъ въ богословскія разсужденія, упоминая о ниспосланіи трехъ первыхъ пророковъ (Моисея, Иліи и Христа) на землю, описываетъ непослушаніе къ нимъ невѣрныхъ народовъ и, поставляя сіе причиною посланія послѣдняго пророка Магомета, утверждаетъ истину его ученія и Турецкаго могущества тѣмъ, что при началѣ его поученій нѣсколько человѣкъ, всходя одинъ за другимъ на площадь, помощію сабли очищали свѣтъ отъ невѣрныхъ и, почитая себя послѣдователями сего пророка, возлагаетъ свое упованіе на обѣщанную имъ отъ Бога помощь. Пораженіе войскъ своихъ и покореніе Молдавіи и Валахіи приписываетъ онъ 30-ти лѣтнему миру и Божескому за грѣхи ихъ наказанію, полагаетъ свою впредъ надежду на Бога и Турецкія силы, воспоминаетъ 23 годъ, описываетъ могущество Порты, какъ на морѣ такъ и на сухомъ пути; говоритъ, что число войскъ ихъ, къ продолженію войны назначенныхъ, превосходитъ всякое чаяніе, изъявляетъ вѣрность свою султану и называя тѣ времена, въ которыя Крымскій народъ не подлежалъ Портѣ, бѣдственными для сего народа, почитаетъ счастіемъ быть подъ Турецкою властію; возражаетъ на нѣкоторыя слова, говоря, что ихъ отъ сна возстаніе инаково быть не можетъ какъ съ саблею. Потому, оказывая ревность свою къ вѣрѣ, преданность къ султану и несогласіе

къ предлагаемому имъ дѣлу, пишетъ онъ, что естьли главнокомандующій имѣетъ какіе либо обѣимъ сторонамъ полезные виды, то бъ немедленно о томъ съ разумнымъ человѣкомъ его увѣдомилъ.

Въ концѣ письма своего хотя опять и входитъ онъ въ исчисленіе силъ своихъ, однако заключаетъ повтореніемъ: естьли есть въ видахъ главнокомандующаго польза обѣихъ воюющихъ державъ, то бы о семъ увѣдомить его немедленно.

По содержанію сего, надменными возраженіями наполненнаго, отвѣтнаго письма, господинъ Веселицкой поднесъ предводителю арміи слѣдующее объясненіе: 1) Ханъ Крымской безъ повелѣнія Порты не можетъ отважиться, особливо же въ военное время, на отправленіе письма подобнаго содержанія; но, какъ видно, оное сочинено ея министерствомъ, а по повелѣнію скрѣплено и отъ имени его отправлено. 2) Политика Порты, по подчиненіи себѣ Крымскаго хана съ Татарскимъ народомъ (ради лучшаго утвержденія онаго на будущія времена въ ея подданствѣ безъ истребованія въ разсужденіи единовѣрія обыкновенныхъ изъ знатныхъ породъ особъ въ залогъ) изобрѣла сіи способы: ханскихъ поколѣній принцамъ и низверженнымъ ханамъ жаловать за рѣкою Дунаемъ, въ Романіи, на Архипелагскихъ островахъ и въ другихъ ближнихъ къ Константинополю провинціяхъ особенные удѣлы, называемые чифлики, во владѣніе, и на пребываніе съ фамиліями, отъ коихъ чифликовъ получаютъ они доходы на достаточное по ихъ Азіатскому обыкновенію продовольствіе; а нѣкоторымъ изъ нихъ по примѣченнымъ способностямъ и къ воинскимъ упражненіямъ склонностямъ, сверхъ тѣхъ доходовъ производится особливая пенсія. На такомъ основаніи они въ своихъ чифликахъ живутъ и безъ дозволенія Порты за Дунай и въ Крымъ отлучиться не могутъ. Всѣ ханы, а по нихъ принцы ханскихъ поколѣній, называемые гиреями и салатинами, то есть принцами крови, ожидающіе возведенія въ ханы, либо опредѣленія въ сераскеръ-султаны, или просто въ султаны надъ ордами, или же въ калга-султаны надъ Крымцами, какъ воспитанные по Татарскому обыкновенію въ невѣжествѣ и подлости, по знатности своей породы льстятъ себя мнимою надеждою когда нибудь Турецкимъ овладѣть скипетромъ, утверждаясь на преемническомъ разсказѣ, будто Порта, во время подверженія Крыма, ханскихъ поколѣній потомкамъ, по пресѣченіи потомства Турецкихъ султановъ, въ разсужденіи единовѣрія и знаменитой породы, наиторжественнѣйше особливымъ письменнымъ актомъ право наслѣдства уступила и присвоила. Сею политикою, усердіемъ къ магометанству и недовѣркою къ христіанамъ, ханы не только прельщены, но и убѣждены будучи, ни въ какіе не входятъ резоны, благоденствіе Татарскаго общества поспѣшествовать могущіе, а остаются Портѣ вѣрными и преданнѣйшими. Слѣдовательно всякая прямымъ образомъ по сему важному дѣлу хану чинимая попытка отъ легкомысленнаго вышеупомянутаго убѣжденія безплодною останется, и для того надежнѣйшимъ способомъ къ достиженію по сему столь важному дѣлу высочайшаго намѣренія признается посылка искуснаго повѣреннаго въ Яссы съ достаточнымъ наставленіемъ для отправленія въ Едисанскую и Буджацкую орды съ письмами изъ тамошнихъ обывателей отъ такихъ людей, кои въ тѣхъ ордахъ не только знакомы, но и у Ногайцевъ и ихъ начальниковъ кредитъ имѣютъ, дабы своими пристойными внушеніями и сильнѣйшими увѣреніями стараніе употребили къ поколебанію въ вѣрности къ

Туркамъ и къ избиранію себѣ новаго хана, подражая примѣру Крымъ-Гирея-хана, хотя бы то, по алчности къ сребролюбію Азіатскаго народа, и обѣщаніемъ нѣкоторой суммы денегъ въ дѣйство произвесть.

Предводитель *), ожидая на прочія свои письма отъ начальниковъ Татарскихъ и Ногайскихъ ордъ отвѣтовъ и отъ господина Бастевика извѣстій, упражнялся въ снабдеваніи порученной ему арміи и въ приведеніе ея въ готовность выступить въ походъ, какъ скоро полевой къ прокормленію многочисленнаго скота (подъ тяжелую артиллерію, кавалерію и полковыя повозки) кормъ поспѣетъ; когда жъ оный въ желаемое возрастеніе приходить началъ, тогда по повелѣнію главнокомандующаго полки, еще находящіеся въ Харьковѣ, выступили въ походъ 17 Апрѣля.

30-го Апрѣля отправленные въ Крымъ для доставленія тамошнимъ тремъ въ правительствѣ главнымъ чинамъ (а именно: каймакану, казаскеру и знатнѣйшему изъ ширинъ-мурзъ) писемъ, четыре Волоха возвратясь объявили: 1) что они предписаннымъ имъ путемъ слѣдовали до Молдавскаго мѣстечка Оргей, гдѣ двое изъ нихъ съ лошадьми остались, а другіе два пошли въ Каушаны, и свѣдавъ, что тѣ правительства знаменитые чины прибыли въ сей городъ для поздравленія нововозведеннаго хана, то единъ изъ нихъ, явясь у ширинъ-мурзы Джелилибея, подалъ оному на одинѣ письмо, препроводивъ словеснымъ по повелѣнію объясненіемъ; но онъ, по прочтеніи услышавъ, что и къ другимъ такія же письма посланы, приказалъ оныя такимъ же образомъ вручить, а потомъ объ ихъ отзывѣ его увѣдомить, что̀ и исполнено; кои по прочтеніи отпустили его отъ себя, не давъ ему никакаго по онымъ отвѣта и не вступя ни въ какіе отзывы, о чемъ сей реченному Джелилибею и объявилъ, который приказалъ ему, никому о томъ не разглашая, возвратиться во свояси; 2) что новый ханъ при немъ въ Каушаны прибылъ, коимъ повидимому Татары весьма недовольны; 3) примѣчали они, что Татары имѣютъ намѣреніе къ примиренію съ Россіею, но опасаясь Турковъ, въ томъ еще удерживаются.

2 Маія и самъ предводитель почтою въ путь отправился.

3-го того мѣсяца встрѣтилъ его изъ Яссъ курьеръ съ рапортомъ отъ 27 Апрѣля, которымъ Бастевикъ доносилъ: Турецкій шкиперъ и съ его товарищемъ отпущены къ Бендерамъ, для препровожденія же оныхъ наняты два Молдавца, коимъ приказано было, прибывъ въ Бендеры, развѣдать по возможности обстоятельно, въ надлежащее ли оборонительное состояніе приведенъ городъ, довольно ли снабденъ войскомъ, артиллеріею, порохомъ и хлѣбомъ, все ли назначенное къ оборонѣ войско собралось или еще ожидается, въ количествѣ оное числѣ, кто главный командиръ и какаго онъ свойства извѣдать, и какое мнѣніе имѣютъ Турки о Татарахъ и Татары о Туркахъ; гарнизонъ и жители твердое ль намѣреніе имѣютъ оборонять городъ, или склонны къ сдачѣ; разгласить какъ о многолюдствѣ войска и артиллеріи, такъ и о великодушіи командующаго онымъ, которой при добровольной города сдачѣ сохранитъ жителямъ не только жизнь, но и все ихъ имѣніе, въ случаѣ жъ упорства предастъ всѣхъ въ волю побѣдоноснаго воинства. Таковое наставленіе дано въ Бендеры же отправленному Ясскому жителю Греку съ прибавленіемъ, чтобъ онъ (по объявленному имъ знакомству съ нѣкоторыми Бендерскаго гарнизона Янычарами)

*) Т. е. графъ П. И. Панинъ.

старался всячески чрезъ нихъ узнать, нѣтъ ли въ городѣ вступившаго, съ перемѣною или безъ перемѣны закона, въ Турецкую службу инженернаго Французскаго офицера, и ежели оный есть подлинно, то разсмотрѣть обстоятельно примѣты онаго, а самому явиться въ Россійской арміи при ея къ городу приближеніи. Доносилъ Бастевикъ, что въ Фокшанахъ и Букарештѣ по рапортамъ ген.-пор. князя Репнина было все спокойно, и какъ объ умноженіи непріятельскаго войска, такъ и о переходѣ его на сію сторону Дуная ничего не слышно, посылаемые разъѣзды нигдѣ непріятеля не видятъ; Татары съ Турецкимъ подкрѣпленіемъ бывшіе 8000 человѣкъ, послѣ разбитія своего маіоромъ Зоричемъ, нападеній дѣлать не отваживаются; изъ отправленныхъ генералъ - порутчикомъ Штофельномъ трехъ Волоховъ за Дунай одинъ возвратясь объявилъ, якобы при Исакчѣ чрезъ сію рѣку мостъ на судахъ дѣлается, и какъ чрезмѣрнымъ воды разлитіемъ всѣ близъ находящіяся лощины оною наполнены, то и чрезъ сіи на сваяхъ мостъ дѣлался. По объявленію тогожъ Волоха, съ визиремъ въ одномъ Бабадагѣ, исключая лежащіе по ту сторону рѣки города, находится войска 20000, но и всякой день умножается; онъ видѣлъ нѣсколько большихъ судовъ съ хлѣбомъ слѣдующихъ по Дунаю къ Исакчѣ, но господинъ генералъ-порутчикъ, не увѣряясь на сихъ извѣстіяхъ, еще двоихъ за Дунай отправилъ. По послѣднему рапорту генералъ-маіора Потемкина [1]) Никопольской паша, командированный въ состоящій по сію сторону рѣки городъ Журжу, хотѣлъ, соединясь съ тамошними Турками, напасть на Россійскіе въ Валахіи около Букарешта передовые форпосты; но сіи сказали, что онъ, востревожа Россіянъ, паки за рѣку уйдетъ, а они чрезъ то раззориться и женъ лишиться могутъ, и идти съ нимъ отказались. 2) Что напротивъ сего, онъ отъ Молдавскаго боярина Аргирія-бана и своихъ коммисіонеровъ увѣдомленъ, якобы мостъ при Исакчѣ уже построенъ, и визирь, переправивъ по оному нѣсколько войска, велѣлъ ему соединенно съ ханомъ слѣдовать къ Бендерамъ; что не малое жъ число непріятелей, перешедъ Дунай, вошли въ Браиловъ, отколѣ помышляли напасть на стоящія въ Фокшанахъ Россійскія войска; прочее жъ Турецкое войско, на сей сторонѣ находящееся, да и самъ визирь идти къ Бендерамъ намѣрены. 3) Что два изъ Бендеръ ушедшіе Волоха ему объявили, будто бы въ городѣ войска было уже до 10000, да и еще ожидалось; хлѣба, сказывали, хотя много, однако съ сбереженіемъ употребляется; сады въ предмѣстіяхъ вырублены, жители находятся во ожиданіи прихода Россійскаго войска въ великомъ страхѣ, и для того хотѣли съ женами и имѣніемъ выбраться въ безопасныя мѣста, но силою начальниковъ своихъ отъ того удержаны; что къ сему оттолѣжъ ушедшій Полякъ прибавлялъ: изъ Цесарской области провозится къ непріятелю много хлѣба, и съ пашею Абаза называемымъ (которой подъ Хотиномъ былъ) еще прибыло войска до 10000. 4) Что ханъ послѣ экспедиціи маіора Зорича, собравъ Буджацкую орду, выступилъ изъ Фокшанъ къ Буджаку для защищенія земель своихъ. Едисанцы стоятъ отъ Каушанъ къ Молдавіи верстахъ въ 50.

Еще Бастевикъ доноситъ: На посланные вновь продводителемъ съ двумя Едисанцами къ главнымъ тамошнимъ мурзамъ письма еще отзыва не имѣетъ, но токмо увѣдомленъ онъ, что посланный имъ чрезъ

---

[1]) Григорія Александровича, отличившагося въ этомъ году при Фокшанахъ.

Аргирія-бана въ первый его въ Яссы пріѣздъ Молдавецъ Стахій Рензой для развѣдыванія о собраніи ханомъ всѣхъ мурзъ Татарскихъ на совѣтъ, возвратясь изъ Каушанъ и не нашедъ его въ Яссахъ, явился къ Аргирію-бану, а симъ былъ представленъ къ генералу-порутчику Штофельну, коему объявилъ, что, принимая всѣ предосторожности, остановился онъ близъ Каушанъ въ селѣ Молокоши, гдѣ онъ отъ тамошняго жителя свѣдалъ, что когда ханъ Девлетъ-Гирей получалъ въ Едисанскую орду отправленныя письма, повелѣлъ всѣмъ мурзамъ собраться къ себѣ для совѣту, и какъ сіи собираться начали, то визирь, увѣдавъ о томъ и возъимѣвъ на всѣхъ подозрѣніе, призвалъ хана къ себѣ за Дунай, чѣмъ собраніе ихъ и было разорвано. Въ срединѣ жъ Февраля мѣсяца видѣлъ сей Молдавецъ, что въ Каушаны на мѣсто Девлетъ-Гирея прибылъ Капланъ-Гирей. Едисанскіе и Буджацкіе мурзы хотѣли съ Крымскими ширинъ-мурзами выѣхать ему навстрѣчу, но сіи послѣдніе допущены и благосклонно приняты были; первые жъ, будучи у него въ подозрѣніи, увидѣть его не могли. Сей ханъ перемѣнилъ въ Крыму калга-султана, Едисанцевъ же отдалялъ отъ Россійской стороны и, пресѣкая имъ всѣ къ отступленію отъ Порты способы, приказалъ имъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ перейти за Днѣстръ къ Буджацкой сторонѣ. Но какъ Едисанцы ослушались его повелѣнія, то ханъ послалъ при одномъ султанѣ нѣсколько сотъ сейменовъ (его гвардія), повелѣвая принудить Едисанцовъ къ переходу, почему сіи и были переведены. Въ то жъ время слышалъ онъ, якобы ханъ намѣревался собрать къ себѣ знатнѣйшее духовенство, всѣхъ мурзъ и сельскихъ старшинъ для учиненія имъ увѣщевательнаго наставленія. Еще прибавляетъ, что житель Молокоша, у котораго посланный въ бытность свою въ семъ селѣ стоялъ, сказывалъ, будто бы всѣ Татары, а особливо Едисанцы, будучи отягчаемы разными отъ Порты образами, ропщутъ и къ Россійской сторонѣ при приближеніи войскъ нашихъ преклониться намѣрены. Нѣкоторые старшины, призывая его, спрашивали, можетъ ли вѣдать, что Россіяне ихъ отягощать не станутъ, на что онъ по наставленію, данному посланному, обнадеживалъ ихъ, что они не токмо при своихъ правахъ останутся, но и вящую милость Россійской Самодержицы восчувствуютъ, на что сіи старшины объявили, что, возвратясь отъ хана, отправимъ его съ требованіемъ Россійской протекціи въ Яссы, почему онъ и ожидаемъ былъ въ сей городъ, и хотя онъ прибылъ, но вмѣсто желаемыхъ писемъ привезъ отъ самого хана къ генералъ-маіору князю Прозоровскому. Изъ сего заключаетъ господинъ Бастевикъ, что тѣ старшины по увѣщаніи ханскомъ намѣреніе свое отмѣнили. Содержаніе письма ханскаго состоитъ только въ томъ: что онъ требуетъ отпуску къ себѣ нѣкоему Французу именемъ Руфену, называя его консуломъ. Г-нъ Бастевикъ, оканчивая рапортъ свой, доноситъ, что онъ отправилъ надежныхъ людей 21 тогожъ мѣсяца за Дунай къ мѣстечку Бабадагу, гдѣ визирь стоитъ съ арміею, 22 въ Каушаны, 24 въ Очаковъ, 26 въ Бендеры (сему описаны примѣты) и снабдилъ ихъ всѣхъ потребными наставленіями. Въ неотправленіи же въ Едисанскую орду надежнаго человѣка извиняется тѣмъ, что при смѣнѣ новымъ ханомъ многихъ султановъ не вѣдалъ, гдѣ Едисанской находится, но обнадеживая, что спознать о томъ можетъ, и тогда уже къ нему писать будетъ; въ самомъ же заключеніи пишетъ, что въ Яссахъ зачинаетъ открываться язва.

Курьеръ, прибывши отъ господина Бастевика, вручилъ его сіятельству рапорты отъ генералъ-поручтика Штофельна, изъ которыхъ въ 1-мъ доносено, что для безопаснаго въ Бендеры проѣзда Турецкаго шкипера съ товарищемъ командиры на стоящихъ по сей сторонѣ форпостахъ снабжены нужными повелѣніями; во 2-мъ что полученныя предъ тѣмъ деньги для отданія господину Бастевику ему вручены.

Главнокомандующій, получа сіи извѣстія, послалъ 4-го тогожъ мѣсяца съ тѣмъ же курьеромъ господину Бастевику ордеръ, въ которомъ въ началѣ похваляетъ его въ службѣ усердіе; потомъ въ разсужденіи послѣдняго въ его рапортѣ пункта, предохраняя свою армію отъ сей угрожающей опасности, повелѣваетъ ему: 1) по возложеннымъ на него дѣламъ отправлять курьеровъ не прямо въ армію, но на имя генералъ-поручтика барона Елмпта на тотъ отъ его корпуса постъ, которой онъ предпишетъ; 2) самому господину маіору быть при генералъ-поручтикѣ Штофельнѣ, или тамъ, когда сей генералъ отбудетъ къ арміи, гдѣ учредится послѣдній коммуникаціонный съ Яссами постъ; 3) о слѣдствіяхъ сея болѣзни рапортовать господина генералъ-поручтика Елмпта, о позиціи котораго ему господину маіору знать давалось.

Съ симъ же курьеромъ посланы ордера господамъ генералъ-поручтику Элмпту и генералъ-маіору графу Пушкину. Первый слѣдующаго содержанія: Главнокомандующій, прилагая копію съ рапорта господина Бастевика, увѣдомляетъ его о отвѣтномъ ордерѣ, поручаетъ ему учредить впереди себя по Ясской дорогѣ въ способномъ мѣстѣ постъ, на которомъ бы присылаемые изъ Яссъ курьеры останавливаемы; а получаемые рапорты по окуреніи и омоченіи въ уксусъ съ другимъ отсылаемы къ нему, господину барону, а отъ него уже копіи въ армію доставляемы были; предписываетъ увѣдомить себя, гдѣ сей для переписки съ господиномъ Бастевикомъ постъ учрежденъ будетъ; также далъ ли онъ повелѣніе осадной артиллеріи изъ Умани слѣдовать, и выступила ль она оттолѣ; возбраняетъ ѣдущихъ изъ Яссъ всякаго званія людей впускать въ свои посты; въ окончаніи увѣдомляетъ, что скоро прибудетъ въ крѣпость Святыя Елисаветы. Къ графу Пушкину въ ордерѣ дано знать о появившейся заразѣ въ Яссахъ и о данномъ вслѣдствіе того барону Елмпту повелѣніи въ предпріятіи нужной предосторожности; ему жъ графу предписываемо было, принявъ оныя, повелѣть еще маіору Тырку чрезъ частые отъ своихъ легкихъ командъ разъѣзды развѣдывать и наблюдать, чтобы со стороны Яссъ и другихъ непріятельскихъ мѣстъ никто за учрежденные имъ посты пройдти не могъ.

14 Маія получены рапорты отъ господина Штофельна и маіора Бастевика. Первымъ доносимо было, что посланный Турецкій шкиперъ за Прутъ переправленъ, и нѣсколько времени конвоированъ былъ, что при послѣднемъ отъ конвоя его отпускѣ взята у него росписка въ безопасномъ его чрезъ всѣ Россійскіе форпосты проѣздѣ, и что тогдажъ открытый ордеръ предводителя, предохраняющій его отъ разъѣздовъ, наѣзжать на него могущихъ, ему отданъ.

Г-нъ Бастевикъ въ рапортѣ своемъ доносилъ: 1) что чрезъ отправленнаго имъ въ Каушаны 22 Апрѣля, а оттолѣ возвратившагося 3 Маія Ясскаго жителя извѣстился онъ какъ письменно, отъ нѣкоего ему знакомаго Волоха, такъ и словесно отъ посыланнаго, что ханъ, собирая всѣ свои силы, находится при рѣчкѣ Быкомъ называемой, въ разстояніи отъ Бендеръ верстахъ въ 40 къ Молдавскимъ границамъ; что

при немъ разныхъ ордъ Татаръ до 30,000. Турокъ 5,000, кромѣ вновь пришедшаго изъ Бендеръ Абазы-паши съ 600, да 6 пушекъ, и намѣреніе имѣетъ итти къ селу Чечу, какъ для раззоренія селеній лежащихъ надъ Днѣстромъ, между Прута и Хотина даже до Черноуцъ, такъ и для пресѣченія Прутомъ къ первой арміи идущаго провіанта; стоящему же противъ Фалчи Буджацкому съ 14,000 человѣкъ султану приказано, при началѣ своихъ движеній, итти вверхъ по Пруту и равняясь съ Ясами примѣчать движеніе войскъ Россійскихъ; 2) что Ясскіе жители, провождающіе подъ видомъ наемщиковъ шкипера Османа съ товарищемъ, возвратились и объявленіе ихъ письменно сообщая, прилагаетъ открытый ордеръ, данный имъ отъ хана для свободнаго ихъ назадъ возвращенія; 3) что какъ оный, такъ и въ Каушаны посланный объявляютъ за вѣрный слухъ, будтобы въ Бендерахъ войска 15,000 и болѣе не ожидается, а хлѣба хотя въ запасѣ достаточно, однако употребляется съ береженіемъ. 4) Что въ Очаковѣ войска весьма мало по причинѣ недостатка въ хлѣбѣ, отъ котораго не только жители большею частію выѣхали, но и военные люди разбѣжались. 5) Что получено извѣстіе, будтобы визирь прибылъ къ Исакчѣ, и будучи не въ состояніи переходить Дунай по мосту, за чрезмѣрнымъ сія рѣки разлитіемъ, началъ переправляться на дубахъ и на прибывшихъ съ хлѣбомъ судахъ, а переправясь намѣренъ стать лагеремъ у Рябой Могилы. Потомъ доноситъ о полученномъ 3 числа Маія извѣстіи о нападеніи Татаръ, въ 2000 состоящихъ, 30 Апрѣля на стоящій за Прутомъ въ селѣ Чечи форпостъ и какъ о разбитіи онаго, такъ и о плѣненіи Молдавцовъ, жившихъ подъ защитою сего форпоста, а къ сему прибавляетъ, что противу сихъ отъ непріятеля движеній господинъ генералъ-порутчикъ Штофельнъ приказалъ Хотинскому коменданту, наблюдая нужную предосторожность, выступить однакожъ при непріятельскомъ приближеніи съ нѣсколькими стами человѣкъ пѣхоты на недальнее отъ города разстояніе, къ деревнѣ Крывъ называемой, маіору Зоричу съ нѣкоторымъ числомъ пѣхоты и конныхъ перейти Прутъ, жителямъ же оной стороны на сію перебраться; въ Букарештѣ и Фокшанахъ стоящему войску, въ разсужденіи его безсилія противъ умножающагося непріятельскаго, изъ тѣхъ мѣстъ подъ видомъ мороваго повѣтрія выступя слѣдовать къ Берлату; самъ же господинъ генералъ-порутчикъ по собраніи всего корпуса, дождавшись сюда другихъ изъ арміи полковъ, намѣренъ выступя отсель стоять между Берлатомъ и рѣчкою Серетомъ. Для закрытія Молдавскихъ селеній опредѣленъ пѣхотный баталіонъ съ двумя пушками и нѣсколько легкаго войска, а для удобнаго оному мѣста посланъ выбрать оное между Серетомъ и Трансильванскими горами офицеръ. Увѣдомляетъ еще, что первая армія ожидаема была 9 сего мѣсяца къ Хотину, что предводитель оной былъ уже въ походѣ, а потомъ пронесся слухъ, якобы графъ Румянцовъ имѣетъ намѣреніе итти къ Исакчѣ; доноситъ о вторичномъ отправленіи нѣкоего Грека въ Бендеры, описывая его примѣты. Касательно жъ Бахти-Гирея пишетъ съ удостовѣрностію, что онъ и понынѣ надъ Едисанскою ордою сераскеръ-султаномъ, но по причинѣ присутствія его при ханѣ не можетъ доставить къ нему письма, ибо никто врученіе ему онаго на себя взять не отваживается. При семъ рапортѣ приложено письмо къ Аргирію-бану отъ того Волошанина, живущаго въ Каушанахъ, по коему посылается отъ него Ясской житель, и оное содержитъ тожъ, что и выше показано, то есть ханъ

стоитъ надъ рѣкою Быкомъ и намѣренъ дѣлать на Россійскія войска нападеніе, въ Бендерахъ новаго войска не прибываетъ, и совѣтуетъ Россійскому приближаться къ сему городу, говоря, что Татары, будучи строго содержаны ханомъ, хотя и намѣрены предаться Россіянамъ, но не видя отъ нихъ на себя нашествія, о томъ просить не будутъ.

Содержаніе жъ объявленія Ясскихъ жителей, провождающихъ Турецкаго шкипера съ его товарищемъ, есть.

1) Отправясь изъ Яссъ и пріѣхавъ въ Росскійскіе форпосты, ѣхали большою дорогою до Тодарешта, гдѣ нашли до 6000 Татаръ, коими будучи взяты, представлены своему султану, а симъ подъ присмотромъ отправлены къ хану, находящемуся уже въ Ботно, отъ Каушанъ въ 15 верстахъ.

2) По прибытіи ихъ въ Ботно, шкиперъ представленъ былъ къ хану и онымъ вмѣсто Бендеръ, къ визирю отправленъ.

3) Шкиперскій товарищъ и Волохи порознь разведены были, и на сихъ послѣднихъ ночью налагались оковы, а днемъ снимались; во время жъ ханскаго похода они при войскѣ везены были.

4) По прошествіи пяти дней, хотя и были представлены хану, но тамъ ничего имъ не сказано; но потомъ ханскій переводчикъ Якубей (сей до объявленія войны получалъ отъ Россіи пенсію), взявъ ихъ къ себѣ, приказалъ имъ, возвратясь въ Яссы, донести Россійскимъ генераламъ, чтобъ они вмѣсто присылаемыхъ къ Татарскимъ народамъ писемъ, писали, есть ли имѣютъ намѣреніе примириться, къ самому хану, который, усердствуя Портѣ и полагая за нее всѣ свои силы, приметъ однако въ семъ случаѣ отъ нихъ посланника; но чтобы впредъ Зоричъ не нападалъ на Татарскія жилища, за что ханъ обѣщался не чинить нападенія на Молдавію. Говорилъ имъ еще о превосходномъ числѣ Турецкаго войска предъ Россійскимъ, хотѣлъ увѣрять, что Хотинъ, Молдавія и часть Валахіи Турками нарочно оставлены для того, чтобы не изнурить наступленіемъ зимняго времени своего войска и, выхваляя настоящихъ хана и визиря, нарекалъ бывшихъ предъ тѣмъ измѣною.

5) При ханѣ, находящемся уже тогда въ Кишеневѣ, примѣтили они Едисанскихъ, Буджацкихъ и Бѣлогородскихъ Татаръ до 30000, Турковъ 5600, да 5 пушекъ; а отъ тамошнихъ Волоховъ слышали, якобы ханъ, намѣреваясь итти къ Хотину съ тѣмъ, чтобы на пути лежащія селенія раззорять, и Россійскимъ въ Молдавію транспортамъ препятствовать, приказалъ стоящему на рѣкѣ Кахельникѣ султану съ его Татарами примѣчать Россійскія движенія.

6) Слышали они, что въ Бендерахъ съ прибывшими туда передъ тѣмъ съ пашею тремя тысячами Турокъ считалось войска до 15000, на которое число провіанта въ городѣ находится довольно.

7) Въ бытность свою при Татарахъ слышали, будтобы мостъ чрезъ Дунай еще былъ не оконченъ, и визирь стоитъ на томъ берегу рѣки.

Въ окончаніи сказывали, что при нихъ была послана большая партія, но куда—они не знали; только при своемъ отпускѣ видѣли оную, возвратившуюся съ нѣсколькими плѣнниками.

На рапортъ господина Бастевика, предъ симъ изображенный, того жъ 14-го числа ордеръ былъ посланъ, что его рапортъ со всѣми приложеніями полученъ, похвалялось его ревность и усердіе къ службѣ, а потомъ предписывалось: 1) увѣдомлять о всемъ, что съ достовѣрностію спознаетъ, о непріятельскихъ противъ Россійскихъ армій оборотахъ; 2) приложить стараніе доставить, скрытнымъ

отъ хана образомъ, предводительское письмо къ Едисанскому сераскеръ-султану Бахти-Гирею; 3) стараться изыскать способы преклонить ханскаго переводчика Якуба, бывшаго предъ симъ преклонна къ Россійской державѣ, опять на нашу сторону и побудить его обѣщаніемъ награжденія склонять хана отступить отъ Порты и, бывъ подъ единою протекціею Россіи, доставить ханское достоинство своему колѣну въ вѣчное потомство, и содѣлать область свою ни отъ кого независимою; представлять ему, что Россійскія вооруженія суть не мнимыя, какъ то Турецкія, коими они угрожаютъ, но прямо какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути надъ непріятелями Государыни своей торжествующія, чему послѣдствія самъ онъ ханъ восчувствуетъ съ раскаяніемъ въ своихъ предѣлахъ.

27. Главнокомандующій получилъ на походѣ отъ ген.-поручика Элмпта рапортъ отъ 25, которымъ доносено, что съ полученнымъ къ господину Бастевику ордеромъ нарочнаго къ нему отправилъ, предложа и отъ себя о сысканіи и отправленіи надежнаго человѣка въ Очаковъ, для развѣдыванія, справедливо ли извѣстіе полученное предводителемъ о семъ городѣ; между жъ тѣмъ подаетъ надежду, что и онъ надѣется сыскать надежнаго къ сему дѣлу, котораго послать туда не преминетъ. На сіе предводитель арміи того жъ числа отвѣтствовалъ, что хотя онъ самъ для освѣдомленія въ Очаковъ послалъ и отъ Запорожцовъ послать приказалъ, но чтобы съ большею достовѣрностію на получаемыя извѣстія положиться, препоручилъ ему и отъ себя сыскавъ человѣка туда отправить.

29. Полученъ отъ барона Элмпта отъ 27 Маія рапортъ съ приложеніемъ копіи съ рапорта маіора Бастевика. Господинъ Бастевикъ пишетъ, что послѣ отправленнаго къ нему 15 числа рапорта извѣстился онъ тогожъ вечера, что непріятель въ четырехъ тысячъ Турокъ и Татаръ съ тремя пушками переправились чрезъ Прутъ и, оставя пушки на берегу, вознамѣрились подъ прикрытіемъ ихъ перейти залива третьяго, у коего въ удобномъ мѣстѣ поставлены были два офицера съ двумя стами человѣкъ регулярнаго, съ двумя пушками и съ тремя стами легкаго войска. Непріятель, подошедъ къ сему мѣсту съ обыкновенною при началѣ своихъ покушеній отвагою, бросался въ воду и, не взирая на производимый по немъ изъ пушекъ и ружья огонь, до половины залива дошелъ, но увидя лишеніе своихъ, начали отступать, а когда господинъ маіоръ Зоричъ приспѣлъ къ тому мѣсту съ нѣсколькими единорогами, тогда, въ совершенное обратясь бѣгство, паки за Прутъ ушли.

Извѣщеноcь [1]), что непріятельскій лагерь на томъ же за Прутомъ мѣстѣ, очевидно пріумножается, а партіи ихъ на Пруту до Рябой Могилы дѣлаютъ разъѣзды; посланные же отъ генералъ-поручика фонъ-Штофельна, для точнаго о непріятелѣ развѣдыванія, возвратясь объявили, что сей Турецкій корпусъ числомъ только до 12000, состоитъ большею частію изъ Татаръ, и поставленъ на томъ мѣстѣ для примѣчанія движеній войскъ Россійскихъ и ея второй арміи; такъ какъ и ханъ, кочующій съ знатнымъ числомъ Турокъ и Татаръ при рѣкѣ Быкѣ, примѣчающій слѣдованіе второй арміи къ Бендерамъ. Новый же слухъ прошелъ, что изъ онаго войска часть пошла

---

[1]) Вмѣсто: получено извѣщеніе.

вверхъ по Пруту, изъ чего заключаютъ въ Яссахъ, что они намѣрены прорваться на сю сторону.

Потомъ господинъ Бастевикъ рапортуетъ, что другія извѣстія дошли, будтобы визирь нѣсколько уже дней назадъ намѣренъ былъ со всѣмъ войскомъ перейти Дунай и слѣдовать на Браиловъ, Бокурешты и Фокшаны, хану жъ предписалъ до своего къ Молдавіи прихода примѣчать Россійскіе къ Бендерамъ и въ другія мѣста обороты, а потомъ слѣдовать къ Молдавіи съ нимъ въ соединеніе отъ Бендеръ. Для таковаго жъ примѣчанія, чрезъ Днѣстръ переправился одинъ Татарскій султанъ съ ѳремя тысячами Татаръ. Въ окончаніи рапорта объявляетъ, что повѣтріе утихать начинаетъ и извѣщаетъ, что генералъ порутчикъ Штофельнъ 19 выступилъ изъ Яссъ въ лагерь, при которомъ и онъ по данному повелѣнію изъ сего города выѣхалъ. При рапортѣ присланъ одинъ Молдавецъ, знающій, какъ онъ о себѣ сказывалъ, всѣ сдѣланныя вновь предъ Бендерами мины, который для выдержанія карантина въ Могилевѣ былъ удержанъ.

Къ сему прилагаетъ господинъ маіоръ извѣстіе, полученное имъ отъ посланнаго отъ него 24 прошедшаго Апрѣля, чрезъ Бендеры въ Очаковъ, Молдавца и 16 Маія назадъ возвратившагося, кое содержитъ слѣдующее.

Молдавецъ сей, достигнувъ до села Калфы, въ 10 верстахъ отъ Бендеръ отстоящаго, нашелъ на одного Молдавца и семь человѣкъ Турокъ, пасущихъ лошадей одного Бендерскаго старшины, которымъ объявилъ, что, будучи взятъ Россійскими въ плѣнъ, ушелъ и живъ 6 мѣсяцевъ въ Могилевѣ у Жида, возвращается на первое свое жилище. Молдавецъ сей объявилъ о томъ своему господину, который прежде бралъ его предъ себя, а потомъ водилъ и къ другимъ старшинамъ, коимъ по испрашиваніи о Россійскихъ силахъ объявилъ великое оныхъ число, (кои при запрещеніи подъ смертію сказывать то народу) дали ему 30 паръ, а потомъ взятъ онъ однимъ старшиною въ услуги.

О Бендерахъ же доноситъ: 1) войска въ нихъ до пятнадцати тысячъ, но носился предъ его уходомъ слухъ, будтобы визирь для защищенія сего города отрядилъ 60000 Турокъ; 2) командиръ Бендерскій Ахметъ-паша, прибывъ въ сей городъ и усмотрѣвъ неисправность городской артиллеріи, почелъ командовавшаго его измѣнникомъ и велѣлъ задавить; 3) городъ обнесенъ новымъ валомъ; 4) въ крѣпости противъ воротъ, называемыхъ Орду-Капысы, за мечетью, въ каменномъ погребѣ положенъ порохъ; 5) хлѣба въ городѣ для войска довольно, однако продается съ торгу весьма дорого; 6) хану предписано слѣдовать внизъ по Пруту до Рябой Могилы, гдѣ самъ визирь соединиться съ нимъ намѣренъ; 7) въ Очаковъ, по причинѣ вступленія въ службу къ означенному старшинѣ, итти не могъ, но слышалъ отъ своего господина, что войско и большая часть обывателей, за неимѣніемъ хлѣба оттолѣ вышли. Наконецъ, уходя изъ Бендеръ, подговорилъ съ собою того Молдавца, котораго въ селѣ Калфѣ нашелъ, и съ нимъ купно объявили, что въ Бендерахъ оказалось моровое повѣтріе.

Предводитель второй арміи, соображая всѣ сіи извѣстія и видя болѣе Азіатскаго ухищренія нежели истины, вслѣдствіе сего писалъ того же числа къ предводителю первой арміи графу Румянцову, что при наступленіи ожидаемаго для военныхъ движеній времени онъ за нужное почитаетъ по обязательствамъ взаимно возложенныхъ на нихъ отъ Ея Императорскаго Величества противу непріятелей дѣй-

ствій, увѣдомлять его чаще о своемъ положеніи, напротивъ чего надѣется и съ его стороны равное получать увѣдомленіе; потомъ сообщаетъ ему, что за истребленіемъ зашедшими въ сей край на поселеніе Молдавцами (изъ коихъ нѣкоторые и шпіонами признаны) лѣсу, отъ деревни Злынки до самаго Екатерининскаго ретрашамента, при которомъ имѣя намѣреніе перейти Бугъ, понтонные мосты уже наведены, нашелся принужденнымъ для ожиданія хотя одной передовой части подвижнаго магазеина и остальныхъ своихъ полковъ (еще до сихъ поръ соединиться съ нимъ не возмогшихъ) остановиться при сей деревнѣ на 4 дни, по прошествіи которыхъ самъ безостановочно оную рѣку перейдетъ совокупно всѣми имъ предводимыми силами, и дальнѣйшія свои движенія по обстоятельствамъ производить будетъ. Въ концѣ, сообщая ему предъ симъ изображенныя извѣстія, почитаетъ ихъ со стороны непріятеля покушеніемъ, не возможно-ли будетъ симъ отвести обѣ арміи на дальнѣйшее между ими разстояніе, и тѣмъ лишить ихъ взаимнаго вспоможенія и споспѣшествованія; заключаетъ тѣмъ, что въ случаѣ самой точности сихъ извѣстій не оставитъ онъ приложить всевозможныя силы къ преодолѣнію поставляемыхъ непріятелемъ препонъ и проситъ его, чтобъ со вручителемъ сего и впредь почасту ради пользы взаимныхъ ихъ движеній и къ большему укрѣпленію ихъ пріятства сообщалъ ему какъ о своемъ положеніи, такъ и о получаемыхъ объ непріятелѣ извѣстіяхъ.

Съ тѣмъ же курьеромъ къ генералъ-порутчику барону Элмпту главнокомандующій предложилъ: что онъ посыланнаго отъ маіора Бастевика чрезъ Бендеры въ Очаковъ подозрѣваетъ въ вымышленіи сихъ извѣстій, или еще и въ соглашеніи съ непріятелемъ, почему и выведенъ имъ другой Молдавецъ, которой бы, извѣдавъ что либо объ насъ, извѣстилъ бы непріятелей, чего для приказано ихъ содержать: перваго подъ присмотромъ, другаго подъ карауломъ, снабдѣвая однако нужною ихъ пищею, а между тѣмъ пріискавъ другихъ, отправить въ Бендеры; 2) пересланнаго отъ Бастевика и задержаннаго въ карантинѣ, по прошествіи потребнаго къ безопасности времени, взять его къ себѣ или присоединить къ деташаменту генералъ-маіора Бурмана, какъ человѣка, отъ котораго, можетъ быть, нѣкоторыя истинныя свѣдѣнія при Бендерахъ получить будетъ возможно; 3) причину, какъ выше къ графу Румянцову видно, своего при деревнѣ Злынкѣ остановленія; 4) съ позицій генералъ-маіора графа Пушкина о переходѣ Запорожцевъ чрезъ Бугъ, о своемъ намѣреніи переправясь чрезъ сію рѣку, дожидаться задняго провіанта; 5) рекомендуетъ изыскать способы, коими бы въ Сорокули, если она надежно занята будетъ, или еще лучше на позицію генералъ-маіора Бурмана доставить на обывательскихъ лошадяхъ изъ Ладыженскаго магазеина до 3000 четвертей муки и крупъ по пропорціи, а оттолѣ уже или на плотахъ съ деревянными матеріалами къ осадѣ идущими сплавить за арміею, или на опоражнивающихся фурахъ, чтобы имѣя болѣе въ близости хлѣба надежнѣе въ дальнихъ операціяхъ обращаться было возможно.

При семъ ордерѣ послано къ маіору Бастевику наставленіе, предписывающее: 1) содержать какъ посыланнаго въ Очаковъ, такъ и выведеннаго имъ изъ Бендеръ подъ присмотромъ, въ томъ разсужденіи, что одинъ, не дошедъ до желаемаго мѣста, могъ самъ сплести свои вѣдомости для полученія обѣщаннаго награжденія; другой, будучи слугою, не могъ слышать рѣчей посыланнаго со старшинами, а подтверждалъ слова его, можетъ быть, еще по наущенію непріяте-

лей, чтобы, увеличивая ихъ силы отвлечь отъ Бендеръ грозящій на него ударъ, а потомъ, разсмотрѣвъ въ нашей арміи, уйти обратно; 2) пріискивать еще надежныхъ людей къ развѣдыванію о числѣ непріятельскихъ при Бендерахъ, Очаковѣ и визирѣ войскахъ; 3) если опасность въ Ясахъ миновалась, переѣхать опять въ сей городъ и состоять въ вѣдѣніи оставленнаго предводителемъ первой арміи военнаго командира, или учрежденнаго имъ земскаго правительства.

1 Іюня полученъ рапортъ отъ господина генералъ-порутчика Элмпта, коимъ увѣдомляетъ, что моровая язва оказалась въ Польскомъ мѣстечкѣ Врошевѣ, разстояніемъ отъ Могилева въ 20 верстахъ, вслѣдствіе чего отъ него ко всѣмъ въ командѣ его состоящимъ воинскимъ начальникамъ для предосторожности надлежащія учинены подтвержденія.

5. Главнокомандующій второю арміею генералъ графъ Панинъ прибылъ къ Екатерининскому ретрашаменту, въ близости котораго для перехода армій въ непріятельскую землю чрезъ рѣку Бугъ понтонные наведены мосты.

6. Отъ господина генералъ-порутчика Элмпта получено извѣстіе о умножающемся въ Яссахъ повѣтріи, коимъ генералъ-порутчикъ Штофельнъ и находящійся при маіорѣ Бастевикѣ для курьерскихъ посылокъ сержантъ Стерлинговъ померли, что̀ и рапортомъ господина Бастевика подтверждено съ такимъ присовокупленіемъ: 1) расположенное пространнымъ лагеремъ за рѣкою Прутомъ Турецкое и Татарское подъ предводительствомъ хана Крымскаго всякой день съ корпусомъ подъ командою князя Репнина перестрѣлку имѣетъ; 2) за усилившимся въ Яссахъ повѣтріемъ и по причинѣ выступленія изъ онаго къ Рябой Могилѣ полковъ, большая часть обывателей, а бояра и чиноначалники кромѣ двухъ въ диванѣ присутствующихъ, въ разныя мѣста разъѣхались, чѣмъ великое ему причинено затрудненіе въ сысканіи надежныхъ людей для отправленія письма къ Едисанскому сераскиръ-султану Бахти-Гирею; а къ ханскому переводчику Якубъ-агѣ повелѣнное чрезъ одного Молдавца послалъ, коимъ напамятываетъ ему прежнюю его къ Россійской имперіи обязанность, усердіе и преданность, собственно къ нему довѣренность и дружбу во многихъ случаяхъ, особливо же въ Каушанахъ во время содержанія его подъ арестомъ, самимъ дѣломъ доказанныхъ, за что изъявляетъ свою признательнѣйшую благодарность, увѣщевая употребить у хана по пріобрѣтенному кредиту удобновозможное стараніе для преклоненія его на отторженіе себя со всѣмъ Татарскимъ народомъ отъ Турецкаго подданства и на составленіе, подъ протекціею Россійской Императрицы, особливой Татарской ни отъ кого независимой державы, на древнихъ Татарскихъ правахъ, узаконеніяхъ, преимуществахъ и вольности основанной; поощряетъ его къ сему предпріятію обѣщаніемъ знатнѣйшаго воздаянія, каковыми Россійская Императрица великая Екатерина знаменитыя каждаго заслуги награждать изволитъ; напослѣди, увѣряя о истинной къ нему преданности, проситъ отъ него дружескаго на все вышерѣченное отвѣта.

Сей день армія послѣ полудня чрезъ три наведенные на рѣкѣ Бугѣ моста перешла въ непріятельскую землю и маневрами занимала вышины къ лагерю принадлежащія.

10. Отправленъ съ нарочнымъ повелѣнной на письмо Капланъ-Гирея-хана отвѣтъ господину генералъ-порутчику Берху для вѣрнаго Крымскимъ обывателямъ доставленія.

11. Армія переходила рѣку Кодиму по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ. Присланы отъ князя Прозоровскаго плѣнные Запорожскими казаками при разбитіи подъ Хаджибеемъ форпоста Турецкихъ бешліевъ два Татарскіе мурзы и два Татарина.

12. Въ разсужденіи того, что Крымскій ханъ Капланъ-Гирей съ Турецкимъ и Татарскимъ войскомъ движеніе дѣлаетъ по Пруту противъ первой арміи, графъ Панинъ повелѣнное отвѣтное письмо отправилъ съ нарочнымъ къ главнокомандующему первою арміею генералу графу Румянцову, прося о вѣрномъ того по удобности хану доставленіи.

14. Полученъ отъ господина генералъ-порутчика Элмпта рапортъ и при ономъ копія съ рапорта изъ Яссъ отъ 6-го числа, коимъ доноситъ о продолжающемся повѣтріи, о выступленіи изъ Яссъ господина генералъ-маіора Черноевича съ послѣднею воинскою командою въ лагерѣ, о неотправленіи еще письма къ сераскеръ-султану Бахти Гирею: ибо надежнаго къ тому сыскать не можетъ человѣка. Возвратившійся изъ Бендеръ посланной для развѣдыванія Грекъ Антоній Ціонъ между прочимъ объявилъ, что на сдѣланномъ вновь вокругъ крѣпости валу 30 пушекъ, а на городовомъ валу до 70 и нѣсколько мортиръ, войска Турецкаго въ городѣ до 15,000, а къ тому въ прибавокъ отъ визиря присланъ Агметъ-паша съ 3000 Янычаръ и два султана съ 6000 Татаръ, въ крѣпости при сераскерѣ два паши, провіанта изобильно, и всякой аммуниціи множество.

19. Хотя 10 числа сего господину генералъ-порутчику Берху точная копія съ повелѣннаго отвѣтнаго письма къ Крымскому хану Капланъ-Гирею при ордерѣ и послана была для вѣрнаго доставленія Крымскимъ обывателямъ; но предводитель второй арміи графъ Панинъ, полагая, что содержаніе онаго по дѣйствительномъ въ народѣ разсѣяніи можетъ нѣкоторымъ образомъ поколебать мыслей онаго расположенія, а потому и немалое сдѣлать движеніе, приказалъ одного изъ плѣнныхъ мурзъ пріуготовить къ отправленію въ Крымъ съ упомянутымъ отвѣтомъ, что̀ господиномъ Веселицкимъ, признавъ Шахъ-мурзу къ сей посылкѣ способнымъ, и исполнено. Сей мурза (прельщенъ будучи обѣщаннымъ ему знатнымъ награжденіемъ, если онъ, по доставленіи письма, постарается своими внушеніями народъ поострить къ поспѣшествованію столь благому и полезному для всего Крымскаго общества дѣлу) учиненною по его закону клятвою увѣрять сталъ, что онъ надѣется посредствомъ своего пріятеля, яко знатнаго и въ великомъ кредитѣ въ народѣ состоящаго, чиноначальника Батыръ-аги въ томъ предуспѣть: то его сіятельство, предводитель второй арміи графъ Панинъ за удобно призналъ экземпляръ съ повелѣннаго отвѣта препроводить особливымъ къ реченному Батыръ-агѣ письмомъ, а сего мурзу, давъ ему на проѣздъ 30 рублевъ, отправить подъ присмотромъ порутчика Шахматова къ господину ген.-порутчику Бергу, съ такимъ предписаніемъ, чтобъ того по прибытіи немедленно съ пристойнымъ конвоемъ за послѣдніе къ Перекопу препроводить форпосты, и естьли отъ Крымцевъ по сей вновь попыткѣ какой воспослѣдуетъ письменной чрезъ нарочнаго отзывъ, то, не входя ни въ какія изъясненія, онаго немедленно съ письмомъ прислать къ предводителю по почтѣ съ однимъ исправнымъ офицеромъ, для продовольствія и сбереженія его дорогою отъ всякихъ встрѣтиться могущихъ непристойностей; а если какіе депутаты изъ чиновныхъ съ словеснымъ иногда представленіемъ по поводу отправленныхъ къ

нимъ писемъ у него явиться имѣли бъ, то таковыхъ принявъ съ приличною благопріятностію оставить при себѣ, увѣдомивъ тотчасъ чрезъ нарочнаго предводителя, а до полученія отъ онаго резолюціи оказывать имъ возможную благоугодность и гостепріимство, но не входя ни въ какія условія, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда они увѣрять сталибъ, что письменнымъ снабдены уполномочіемъ договориться о добровольной сдачѣ подчиненному ему войску Перекопской крѣпости и всей линіи оной, въ коемъ обстоятельствѣ подтверждено ему не только безъ упущенія и малѣйшаго времени чрезъ нарочнаго увѣдомить, но и сюда бъ съ возможнѣйшею поступать предосторожностію, наблюдая какъ истинную пользу Россійской имперіи, такъ и не меньше славу и честь побѣдоноснаго великой Екатерины оружія.

16 Іюня предводитель, по прибытіи наканунѣ съ ввѣренною ему арміею подъ крѣпость Бендерскую, хотя и упражнялся всякими по воинскому ремеслу до осады и до укрѣпленія лагеря принадлежащими распоряженіями, однако и возложенную на него отъ Ея Императорскаго Величества коммисію объ отторженіи Крыма со всѣмъ Татарскимъ обществомъ отъ подданства Отоманской Порты для составленія особливой вольной и ни отъ кого независимой Татарской области подъ протекціею Россійской Самодержицы, изъ виду не выпускалъ, чего ради и пріуготовлялся оставленной до излѣченія ранъ изъ присланныхъ отъ кошеваго атамана плѣнный Мурзаказы-Мегметъ на посылку съ письмомъ и въ Буджацкую орду.

17. Ради пріобрѣтенной первою арміею надъ непріятелемъ побѣды принесены были Всевышнему благодарственныя молитвы, при окончаніи коихъ изо всѣхъ пушекъ и мелкаго ружья въ виду и въ слухъ непріятеля учиненъ троекратной бѣглой огонь.

18. Вышепомянутому плѣнному Казы-Мегметъ-мурзѣ, содержанному чрезъ все въ полону время во всякомъ довольствіи, дана свобода съ тѣмъ однакожъ по его закону клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ отправляемое съ нимъ въ Буджацкую орду къ главнымъ начальникамъ письмо, вѣрно доставитъ и содержаніе онаго, яко ему извѣстное, Татарскому народу внушитъ, чего ради при отпускѣ и данъ ему на дорожніе расходы денежной подарокъ, а для препровожденія до перваго по Каушанской дорогѣ Татарскаго форпоста послана съ нимъ легкихъ войскъ команда.

20. Проводившая помянутаго мурзу команда возвратясь объявила, что при сближеніи къ Татарскимъ во околичности Каушанъ не въ дальнемъ разстояніи отъ стану ихъ разставленнымъ форпостамъ, чрезъ толмача дано знать объ увольненіи, по великодушію предводителя, изъ полону одного мурзы, а по возвратѣ толмача оной и отпущенъ, которой, сколько видѣть и примѣтить было можно, отъ форпоста отведенъ въ станъ къ султану тѣхъ Татаръ.

25. Явился у нашихъ на Каушанской дорогѣ форпостовъ Татарской ага со открытымъ за подписаніемъ и печатью предводителя ордеромъ, данномъ въ Харьковъ, при отправленіи Едисанца Иліюса съ письмомъ въ Едисанскую орду для безопаснаго его при возвратномъ оттуда съ отвѣтомъ въ пути проѣзда.

Сей ага по данному на форпостахъ предварительному повелѣнію въ главной станъ препровожденъ къ поставленной для него палаткѣ, гдѣ господиномъ канцелярій совѣтникомъ Веселицкимъ ласково принятъ, а потомъ окруженному генералами и знатными военными чиноначальниками предводителю представленъ, коему при засвидѣтель-

ствованіи высокаго почтенія отъ своихъ начальствующихъ поднесъ подписанное пятью знатными мурзами письмо. Сей ага, или земскій почтенный старшина, именуемой Тинай-ага, удостоенъ быть у стола предводителя, коимъ и всѣми прочими присутственными генералами, штабъ-офицерами и волонтерами былъ приласкаемъ и содержанъ въ бытность его во всякомъ довольствіи. Въ сей же день, по полученіи отъ графа Петра Александровича Румянцова о одержанной первою арміею 21 сего мѣсяца знаменитой надъ непріятелемъ побѣдѣ, принесены были Всевышнему, благословляющему оружіе Ея Императорскаго Величества, благодарственныя мольбы, послѣ которыхъ какъ изъ артиллерій, такъ и изъ мелкаго ружья троекратной произведенъ огонь.

29 Іюня. Вышереченной Тинай-ага присланъ былъ отъ Едисанской и Буджацкой ордъ знаменитыхъ мурзъ съ желанною предводителемъ давноожиданною на его письма отповѣдью, что сей народъ, возчувствовавъ благотворительную десницу нашей всемилостивѣйшей Государыни, отступаютъ отъ неправо всѣянной въ нихъ Турецкой вражды противъ Россіи, уклонясь отъ пагубнаго для нихъ съ нами воеванія, проситъ позволенія пройти въ Крымъ, показывая притомъ склонность принять и протекцію Россійскую. Ага обратно отправленъ съ отвѣтомъ на ихъ письмо, въ коемъ предводитель, подкрѣпляя ихъ впредь о пріемлемомъ намѣреніи, обѣщаетъ имъ высочайшую Ея Императорскаго Величества милость, и еще къ большему ощущенію предстоящаго ихъ благоденствія, давая имъ на размышленіе семидневный срокъ, требуетъ, чтобъ они прислали аманатовъ для подтвержденія предпріемлемаго ими намѣренія. Предводитель, получа подлинное извѣстіе, что помянутыхъ Едисанской и Буджацкой ордъ Татары къ правому берегу рѣки Днѣстра у городка Паланки и пониже онаго собираются (знатно для переправленія чрезъ сію рѣку и удобнѣйшаго въ Крымъ по желанію прохода), что нѣсколько тысячъ Турокъ изъ разбитой визирской арміи къ Киліи прибыли, а оттуда въ Бѣлгородъ идти намѣрены, да и что ханъ Капланъ-Гирей къ визирю за Дунай отлучился, предписалъ командующему особеннымъ корпусомъ, господину генералъ-маіору Каменскому знатную партію легкихъ войскъ и на подкрѣпленіе оныхъ карабинеръ отправить за Днѣстръ къ сторонѣ Акермана и Киліи, какъ для примѣчанія, такъ и для поиску надъ непріятелемъ, дабы тѣмъ въ разстройкѣ находящихся Татаръ болѣе понудить къ скорѣйшему принятію представленныхъ имъ мѣръ и способовъ. Сія отправленная знатная партія, наѣхавъ на Татарскій обозъ между Паланкою и Аккерманомъ, сдѣлала на оной сильное нападеніе и, разбивъ Татаръ положеніемъ на мѣстѣ до тысячи человѣкъ, возвратилась. Изъ сего происшествія воспослѣдовало то, что 2 Августа явился у форпоста съ Каушанской стороны отправленной съ письмомъ къ предводителю отъ Едисанскаго сераскеръ-султана, Бахти-Гирея, Исмаилъ-ага, который по повелѣнію препровожденъ въ главный станъ, и канцеляріи совѣтникомъ господиномъ Веселецкимъ представленъ былъ предводителю, коему онъ при приличномъ отъ своего султана привѣтствіи поднесъ отвѣтное такого содержанія письмо, что онъ, выразумѣвъ силу предводителева къ нему чрезъ Тинай-агу письма, увѣряетъ, что отъ князей, мурзъ и всего общества, чрезъ два или три дня, отправлены быть имѣютъ уполномоченные для постановленія договоровъ желаемой дружбы и полученія дозволенія къ переходу ихъ за

Днѣстръ въ Крымъ, прося, пока тотъ договоръ распорядится и состоится, запретить Россійскимъ императорскимъ войскамъ никакаго вреда Татарамъ не причинять, въ заключеніи же обѣщаетъ взятыхъ вновь казаковъ возвратить.

3 (Іюля). Присланный Исмаилъ-ага, по пристойномъ угощеніи и приласканіи учиненнымъ ему отъ предводителя вещами и деньгами подаркомъ, отпущенъ съ отвѣтомъ.

5. Прибыли къ форпосту ожидаемые отъ Едисанской и Буджацкой ордъ полномочные, а имянно: первой орды бегъ-Оглу-Мамбетъ-мурза, Салманша-Оглу-Мехметъ-мурза, старшины Тинай-ага, Чобанъ-ага и Мукай-ага; второй—ханъ Мамбетъ-Беинъ-Оглу-Джанъ-Мамбетъ-мурза, Али-Мурзининъ-Оглу-Чобанъ мурза; старшины Хаджрутунъ-Хаджи-эфенди и Курбадъ-Али-ага-Скои-баши. Подъ видомъ нѣсколькаго отдохновенія, отъ форпостнаго командира прошены въ Паланку, а между тѣмъ отправленъ господинъ канцеляріи совѣтникъ Веселицкой съ немалою свитою и экипажемъ предводителя для встрѣчи, принятія и препровожденія сихъ гостей въ главной станъ, которой, посадивъ съ собой перваго въ карету, везъ ихъ нарочно мимо всей для удобнѣйшаго обложенія города на разныя квартиры раздѣленной арміи, показавъ имъ паралели и за рѣкою Днѣстромъ расположенной особливой корпусъ. По прибытіи въ главный станъ, представлены всѣ предводителю, коему первой изъ нихъ по учиненіи чрезъ переводчика пристойнаго привѣтствія поднесъ за рукою обѣихъ ордъ знаменитыхъ 25-ти князей и мурзъ письмо. Сіи уполномоченные депутаты приняты отъ предводителя для вящаго ихъ приласканія съ особливою благосклонностію, и учинено имъ откровенное всего того повтореніе со внушеніемъ подлиннѣйшихъ причинъ, коими все Татарское общество совершеннаго достигнуть можетъ благоденствія.

6. Съ сими депутатами трактовано было чрезъ канцеляріи совѣтника господина Веселицкаго о прелиминарномъ актѣ утверждаемой между сими двумя знаменитыми ордами и Россійскою имперіею вѣчной дружбы и союза, подъ протекціею и ручательствомъ Россійской Самодержицы, съ отторженіемъ ихъ на вѣчныя времена отъ подданства Оттоманской Порты, которой актъ въ сей же день обѣими договаривающимися сторонами не только соглашенъ, постановленъ, подписанъ и печатями утвержденъ, но и для лучшей имовѣрности, по учиненіи съ ихъ стороны по магометанскому закону клятвы цѣлованіемъ Алкорана, подтвержденъ и размѣненъ. Депутаты въ доказательство своей благонамѣренности объявили предводителю, что ханъ Капланъ-Гирей, возвратясь отъ визиря, къ Паланкѣ прибылъ, куда изъ разбитой визирской арміи до 20,000 Турокъ къ нему присоединилось, усильно прося притомъ, чтобы, до переходу ихъ ордъ на лѣвый берегъ Днѣстра, не предпринимано было никакихъ противъ хана поисковъ и тѣмъ бы ихъ самихъ, еще не совершенно обезопасившихся, не попустить войти въ какое-либо непредвидѣнное огорчительное слѣдствіе. Предводитель, по полученіи еще перваго о семъ сборищѣ извѣстія, бодрственно взирая на сіи обстоятельства и не желая ни образъ облежанія города перемѣнить, ниже собравшагося непріятеля на ближнее допустить разстояніе, сдѣлалъ тотчасъ всѣ къ тому потребныя распоряженія и назначилъ генералъ-порутчика Элмпта съ его дивизіею къ отраженію и разбитію сего непріятеля; но, убѣжденный просьбою мурзъ Татарскихъ, хотя и отложилъ дѣйствительное нападеніе, но однакожъ отряженнымъ для того деташаментомъ

составилъ лагерь въ заду праваго фланга по дорогѣ, слѣдующей къ той сторонѣ.

9. Генералу-порутчику Берху и генералъ-маіору князю Прозоровскому посланы ордера съ увѣдомленіемъ о полезномъ съ Татарами постановленіи и о данномъ имъ потому дозволеніи со всѣмъ имуществомъ переходить чрезъ Днѣстръ и расположиться на лѣвомъ берегу онаго, за Желтыми Водами къ морю, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы отъ подчиненныхъ имъ войскъ, особливо же отъ корпуса князя Прозоровскаго, который въ той сторонѣ форпосты содержитъ и разъѣзды дѣлаетъ, противъ сихъ Татаръ отнюдь никакихъ не предпринимать непріятельствъ, но въ случаѣ встрѣчи всякое имъ оказывать благопріятство; касательно же до хана предписано: естьлибъ оный въ Крымъ пробираться похотѣлъ, то употребить всѣ мѣры къ опроверженію таковаго его предпріятія; естьли же оный адресоваться сталъ бы къ одному или другому изъ сихъ генераловъ съ преклоненіемъ себя въ протекцію Ея Императорскаго Величества, тогда, истребовавъ у него, чтобъ оставилъ собравшихся къ нему Турокъ, употребить всевозможное къ плѣненію или разбитію оныхъ.

10. Получено чрезъ нарочно присланнаго письмо отъ бывшаго при ханахъ переводчикомъ (а потомъ Дубасарскимъ гетманомъ, нынѣ же по ихъ службѣ называющимся стражемъ праваго крыла войска Порты Оттоманской) Якуба-аги, которымъ онъ, вспоминая о своей Россійскому двору издавна преданности и оказыванныхъ до начатія войны услугахъ, увѣдомляетъ, что изъ данныхъ Портою въ его команду двухъ тысячъ человѣкъ Турокъ большая половина отъ страху за Дунай побѣжали, а другая также разбѣжалась, и увѣряя, что онъ участвовалъ въ преклоненіи Едисанскаго сераскеръ-султана подъ Россійскую протекцію, испрашиваетъ себѣ и своимъ людямъ позволенія о безопасномъ прибытии въ Россійскую армію.

11. Предводитель, отвѣтствуя агѣ Якубу, удостовѣряетъ его, что, по высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и намѣренію, всегда клонящимся къ доставленію благоденствія человѣческому роду и къ избавленію утѣсненныхъ сильною властію отъ порабощенія, позволяетъ онъ прибыть ему къ арміи, ради чего отправленъ къ нему для безопасности открытой войскамъ, могущимъ съ нимъ повстрѣчаться, ордеръ; а присланный отъ него нарочный удержанъ.

12. Предписано князю Прозоровскому имѣть недреманное примѣчаніе на поступки какъ самаго хана съ его единомысленниками, такъ и подклонившихся Россійскому скипетру, но весьма легкомысленныхъ Татарскихъ ордъ, и котоировать [1]) ихъ своимъ деташаментомъ, къ усиленію котораго командированы двѣ пушки и Ямбургскій карабинерный полкъ, такимъ образомъ, чтобъ они ни въ границы наши впаденія сдѣлать, ниже безъ позволенія предводителя въ Крымъ войти могли, а поставить ихъ въ такое состояніе, которое бы удержало ихъ въ предпринятомъ ими иногда о томъ намѣреніи.

16. Полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, изъ его при Первомъ Куяльникѣ лагеря, съ оригинальнымъ къ нему отъ Едисанскаго сераскеръ-султана письмомъ, увѣщевающимъ, что и самъ ханъ Крымской въ принятію Россійской протекціи съ ними согласенъ, и съ словеснымъ къ сему письму (посланному съ маіоромъ Ангеловымъ) прибавленіемъ, что онъ Бахти-Гирей самъ видѣлся съ ханомъ,

---

[1]) Французское côtoyer, идти бокъ-о-бокъ.

который, приступая къ предпріятію ихъ, хочетъ отправить отъ себя къ предводителю второй арміи своего мурзу. Вслѣдствіе сихъ извѣстій князь Прозоровскій доноситъ, что онъ какъ съ регулярнымъ своего деташамента, такъ и съ Запорожскимъ войскомъ, немедленно выступя пойдетъ между Хаджибейскаго и Долницкаго лимановъ къ Черному морю, отъ лагеря своего 30 верстъ; ежели же тамъ не застанетъ хана, то отправится вслѣдъ за нимъ до Березанскаго лимана, и гдѣ съ нимъ сойдется, тамъ истребуетъ отъ него рѣшительнаго слова, пріемлетъ ли онъ протекцію Ея Императорскаго Величества, какъ о томъ сераскеръ-султанъ увѣряетъ; и если онъ на сіе согласенъ будетъ, то потребуетъ, чтобъ, не приближаяся болѣе къ Очакову, отправилъ къ предводителю отъ себя посланца; естьли жъ согласенъ не будетъ, тогда онъ князь Прозоровскій его атакуетъ, хотя бы онъ и въ превосходномъ былъ числѣ. Предводитель, предупреждая всѣ случиться могущія приключенія, вознамѣрился, въ случаѣ, если бы и Татары, наруша данныя свои обязательства, соединились съ ханомъ, или бы сей одинъ вознамѣрился пробираться въ Крымъ степью (для чего бы принужденъ былъ переходить рѣку Бугъ) опровергнуть сіе ихъ покушеніе, а для того отправилъ къ полковнику Чорбѣ ордеръ, которымъ прописывалъ, что Едисанская и Буджацкая орды отреклись отъ подданства Турецкаго подъ протекцію Россійскаго скипетра, но какъ по дошедшимъ извѣстіямъ и ханъ Крымскій, перешедъ за ними на тотъ же берегъ и не приступая къ общему съ ними союзу, старается еще и ихъ паки привлечь въ подданство Порты, и если въ томъ предуспѣетъ, то соединенно съ ними, въ противномъ же случаѣ, одинъ съ Крымскими Татарами намѣренъ пробираться въ Крымъ; то потому повелѣвалъ ему: 1) къ способствованію князю Прозоровскому изъ ротъ (содержащихъ въ Екатерининскомъ ретраншаментѣ, въ Павловскомъ редутѣ, въ Архангельскомъ и Самбурскомъ шанцахъ гарнизоны) оставя только по 40 человѣкъ, прочимъ приказать съ состоящими въ тѣхъ мѣстечкахъ легкими войсками и со всѣми имѣющимися при нихъ ради полевыхъ дѣйствъ пушками, идти къ Екатерининскому ретраншаменту, а оттолѣ ему полковнику, совокупя ихъ, сдѣлать самому съ ними внизъ по лѣвому берегу Буга два марша и тамъ расположиться; 2) изъ сего расположенія имѣть легкими войсками по обѣимъ берегамъ Буга частые разъѣзды, посылать въ степь партіи, для примѣчанія движеній Татарскихъ; а когда князь Прозоровскій, надъ оными жъ надзирая, приближится къ Бугу, тогда своими партіями и до его деташамента достигать и о примѣченныхъ непріятельскихъ движеніяхъ его рапортовать; когда жъ ханъ и другіе Татары похотятъ переходить Бугъ, а не будутъ снабдены ради того письменнымъ отъ предводителя или князя Прозоровскаго видомъ, тогда стараться всѣми способами сдѣлать надъ ними поискъ и ихъ разбить.

Сей же день отправленъ ордеръ и къ князю Прозоровскому, которымъ предводитель, апробуя его дѣйствія, прописываетъ мѣры къ воспрепятствованію хану пройти сухимъ путемъ въ Крымъ.

Сего жъ числа отправленъ ордеръ и къ генералъ-порутчику Берху, которымъ предводитель прописываетъ, что ханъ Крымскій, не приступая къ единомысленнымъ видамъ ордъ Едисанской и Буджацкой, перешедъ съ своими Татарами и съ нѣкоторымъ числомъ присоединившихся къ нему отъ разбитой визирской арміи Турковъ на лѣвой

берегъ Днѣпра (съ тѣмъ, чтобы чрезъ Кинбурнъ пробраться въ Крымъ, для чего и отправленъ отъ него нарочный къ калгѣ-султану, чтобъ сей со всѣмъ Крымскимъ войскомъ слѣдовалъ въ помощь ему къ Кинбурну) и приказывалъ ему генералъ-порутчику взять надежнѣйшія мѣры къ расположенію находящагося подъ командою его войска такимъ образомъ, чтобъ какъ калгѣ-султану изъ Крыма, такъ хану въ Крымъ путь загражденъ былъ; при покушеніи же котораго либо изъ нихъ къ произведенію своего намѣренія въ дѣйство, сдѣлать надъ ними поискъ.

Къ сему въ ордерѣ присовокуплено было, что, естьли бы они, желая употребить хитрость и подъ видомъ пріятельства получить только свободный себѣ проходъ, прислали къ нему генералъ-порутчику съ объявленіемъ, что и они согласны принять протекцію Всероссійской Императрицы, тогда учинить имъ рѣшительный отвѣтъ, что на требованіе ихъ безъ предводительскаго повелѣнія онъ согласиться не можетъ, но чтобы они въ знакъ такаго добраго намѣренія выбрали къ отправленію къ двору Ея Императорскаго Величества знаменитаго отъ Крыма посольства пять человѣкъ, также знатной породы, имѣющихъ быть до заключенія настоящихъ договоровъ аманатами и если они дадутъ оныхъ, тогда отправить ихъ къ арміи съ достаточнымъ конвоемъ, въ противномъ же случаѣ поступить съ ними какъ съ непріятелями.

Съ возвратившимся поручикомъ Завадовскимъ (чрезъ прибывшихъ вновь по требованію предводителя отъ Едисанской и Буджацкой ордъ въ посланцы къ высочайшему двору и въ аманаты, шести изъ знаменитѣйшихъ мурзъ и съ ними знатныхъ старшинъ 10 человѣкъ) получены письма: 1) за подписаніемъ обѣихъ ордъ начальствующихъ 21 мурзъ, коимъ представляютъ крайнюю свою опасность отъ раздраженныхъ Турокъ, по причинѣ отторженія ихъ отъ подданства Порты и вступленія въ дружбу съ Россійскою имперіею, подъ протекціею ея Самодержицы, естьли имъ дозволено не будетъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ податься вверхъ къ Бугу ближе къ селеніямъ, какъ для полученія пропитанія, въ коемъ крайнѣйшій они терпятъ недостатокъ, такъ и для отдаленія себя отъ Турокъ и воспоминая о своей прежней просьбѣ по постановленному условію, просятъ о обѣщанномъ дозволеніи за рѣку Днѣпръ переходить на прежнее ихъ жилище, гдѣ они, совокупясь съ Едичкульцами и Джамбулуками, будучи по близости границъ Россійскихъ, могли бъ защищены быть; 2) рекомендуютъ отправленіе посланцовъ къ высочайшему двору съ присяжнымъ письмомъ за руками и печатями 27 знаменитыхъ мурзъ, кое прислано незапечатанное и отдано на разсмотрѣніе предводителя; 3) отъ сераскеръ-султана Бахти-Гирея, который, упоминая о возстановленной съ Россійскою имперіею дружбѣ, заключаетъ, что должно имѣющихся у обоихъ сторонъ плѣнныхъ возвращать, вслѣдствіе чего и проситъ взятаго подъ Хотинымъ въ прошломъ году изъ Крымскихъ князей князя Халилъ Селамета, и въ нынѣшнемъ году у Рябой Могилы при урочищѣ Муйджирѣ изъ придворныхъ его людей Абды-Рахима освободить, увѣряя, что во взаимность тому съ ихъ стороны Россійскіе плѣнные, гдѣ бы ни были, безъ всякаго сомнѣнія сысканы и отпущены быть имѣютъ.

17. Полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ. Онъ, идучи внизъ по Куяльнику, приближился къ Хаджибею, у котораго нашелъ перешедшіе чрезъ поселеніе Куяльникъ великіе Татарскіе обозы, такъ

какъ и на Среднемъ Куяльникѣ, гдѣ лиманъ начинается, увидѣлъ множество Татаръ, къ которымъ онъ послалъ маіора Ангелова, дабы успокоить ихъ отъ могущей случиться между ними тревоги, и звать къ себѣ ихъ мурзъ. Посему и пріѣхали къ нему двое, кои объявляли ему (какъ они сказывали) слышанное отъ пришедшаго изъ Хаджибея, будто бы ханъ въ тотъ вечеръ съ находящимися при немъ 5000 Турокъ и съ нѣсколькими стами Крымскихъ Татаръ въ сіе мѣстечко былъ ожидаемъ съ тѣмъ, чтобы ему на приготовленномъ для него галіотѣ ѣхать въ Очаковъ, въ которой Турки при немъ находящіеся сухимъ путемъ отправлены будутъ. О себѣ жъ объявляли, что они свои движенія дѣлаютъ единственно для конскихъ кормовъ; а какъ онъ генералъ-маіоръ предложилъ имъ, чтобъ они для искорененія въ ихъ единомысленникахъ подозрѣній отъ движенія его деташамента произойти могущихъ, остались при немъ: то одинъ изъ нихъ самъ на то согласился, другой же прислалъ вмѣсто себя своего сына и 10 человѣкъ Татаръ. Князь Прозоровскій, по дошедшимъ до него слухамъ о разнообразныхъ мысляхъ сихъ Татаръ, будучи побужденъ въ искренности ихъ усумниться и опасаясь приближеніемъ къ Хаджибею стать у нихъ въ срединѣ и быть окружену двумя лиманами и моремъ, разсудилъ назадъ возвратиться и, выходя изъ среды ихъ, перейти Послѣдній Куяльникъ и у Телигула отъ ихъ обозовъ верстахъ въ четырехъ расположиться, почему къ полковнику Ямбургскаго карабинернаго полка Камеину, отъ арміи въ подкрѣпленіе его отряженному, къ казачьимъ полкамъ и къ Калмыцкому войску послалъ онъ повелѣніе, чтобы шли къ нему въ соединеніе.

Къ сему прибавляетъ князь Прозоровскій, что отъ сераскеръ-султана ѣхавшій мурза (съ тѣмъ, чтобъ вшедшіе подъ протекцію Россійской державы орды не тревожились отъ приближенія войскъ нашихъ) заѣхалъ къ нему, которому онъ объявилъ что естьли они далѣе впередъ идти похотятъ безъ предводительскаго позволенія, то такой ихъ поступокъ принудитъ его почитать ихъ непріятелями.

Въ заключеніи же доноситъ, что посыланной ротмистръ Роде, съ партіею изъ подъ Хаджибея возвратясь, рапортовалъ, что ханъ и при немъ (по увѣренію Татарскихъ мурзъ) Турокъ до 1000 человѣкъ съ нѣсколькими пушками 14 сего мѣсяца прибылъ въ Хаджибей, гдѣ къ его отъѣзду изготовлено пять галіотовъ.

Сего числа отправленъ къ князю Прозоровскому ордеръ, которымъ предводитель, увѣдомляя его о прибытіи къ арміи для отправленія ко двору Ея Императорскаго Величества посланцовъ и къ нему аманатовъ, предписываетъ поступать съ сераскеръ-султаномъ Бахти-Гиреемъ дружески, однако до новаго повелѣнія чрезъ Телигулъ его не перепускать, но только увѣдомить его, что посланцы ихъ къ арміи прибыли, что по переводѣ полученныхъ писемъ немедленно отповѣдь прислана, и что съ нимъ, такъ какъ съ обѣими ордами и со всѣми, кои отъ Турецкаго скипетра отступятъ, съ искреннимъ дружелюбіемъ по предводительскому приказанію поступаемо будетъ.

Впрочемъ предписывалось въ семъ ордерѣ стараться сдѣлать, гдѣ только позволитъ случай, удобовозможные поиски надъ ханомъ; когда же онъ отзовется, что согласно съ Едисанскою и Буджацкою ордами хочетъ и онъ принять покровительство Ея Императорскаго Величества, то не прежде увѣриться на ономъ какъ тогда, когда онъ въ залогъ вѣрности пришлетъ для отправленія къ предводителю нѣсколько знатнѣйшихъ своего поколѣнія мурзъ аманатами.

Сего же числа полученъ отъ него князя Прозоровскаго рапортъ съ приложеніемъ оригинальнаго отъ сераскеръ-султана Бахти-Гирея къ нему письма, коимъ рапортомъ генералъ-маіоръ доноситъ, что возвратившемуся отъ Бахти-Гирея маіору Ангелову словесно увѣрить приказано было, что ханъ въ Очаковъ ѣхать не намѣренъ, а между тѣмъ Татары тянутся къ Телигулу, и что онъ въ разсужденіи сераскеръ-султанова письма (къ которому маіора Ангелова обратно отправилъ) осмѣлился, дабы не разорвать иногда установляемаго согласія, до особливаго предводительскаго повелѣнія, оставить хана потому болѣе въ покоѣ, что на него, какъ находящагося въ срединѣ Татарскихъ ордъ, нельзя сдѣлать нападеніе, не причиня тѣмъ и симъ ордамъ вреда. Впрочемъ доноситъ, что по дошедшимъ до него изъ другихъ сторонъ слухамъ, будто бы ханъ дѣйствительно въ Очаковъ ѣхать намѣренъ, командированъ отъ него маіоръ Хорватъ съ нѣсколькими гусарскими и пикинерными эскадронами къ устью Телигулскаго лимана, представляетъ необходимость Татаръ перемѣнять для прокормленія находящагося при нихъ скота свои лагери, и проситъ снабдить его повелѣніемъ, на которыя мѣста ради показанной здѣсь причины пропустить ихъ позволено будетъ. Бахти-Гирей же въ своемъ письмѣ увѣряетъ князя Прозоровскаго, что доходящіе слухи будто бы при ханѣ много Турковъ суть неосновательны, что оныхъ только до 4 тысячъ. Въ семъ же письмѣ внесено, что ни отъ Татаръ, ни отъ Турокъ при ханѣ находящихся непріятельскихъ покушеній не воспослѣдуетъ, что по союзу крови и находящихся при нихъ соединенныхъ сродствомъ чиновныхъ людей, всякой на хана поискъ не можетъ онъ почесть инако какъ бы оной противу и его самого сдѣланъ былъ; впрочемъ, прося пропуску для сохраненія своего скота къ Бугу, Бахти-Гирей удостовѣряетъ, что на позволенныхъ имъ мѣстахъ болѣе пяти часовъ разстояніемъ отъ его деташамента находиться они не будутъ.

Сего жъ числа полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, которымъ доноситъ, что по достовѣрному извѣстію онъ увѣдомленъ, что ханъ, продолжая походъ свой, прибылъ къ устью Телигульскаго лимана, гдѣ оной въ море впадаетъ и у котораго предъ симъ командированному маіору Хорвату съ нѣсколькими гусарскими и пикинерными эскадронами съ нимъ сойтиться и ему переходъ чрезъ Телигулъ возбранить надлежало, но однако по полученіи послѣдняго извѣстія отряжены еще изъ Запорожскаго войска 1000 человѣкъ по дорогѣ Очаковской съ тѣмъ, чтобы его догнавъ остановить; въ случаѣ жъ его упорства, проситъ князь Прозоровскій къ лучшему вокругъ его обступленію командировать конную къ Большому Куяльнику команду. Вслѣдствіе сего гусарскаго Сумскаго полка полковнику Тутолмину данъ ордеръ, въ которомъ предводитель прописываетъ, что Татарская, Едисанская и Бѣлгородская орды, отшедъ отъ подданства Турецкаго, приняли покровительство Россійской имперіи, почему и позволено было имъ перейти на лѣвый берегъ Днѣстра и расположиться между Чернаго моря и Желтыхъ Водъ, но какъ на ту сторону ханъ съ Крымскими Татарами и съ присоединившимися къ нему изъ разбитой визирской арміи Турками перебрался и обращается между ими, не съ тѣмъ чтобы къ ихъ приступить намѣренію, но дабы ихъ развратить и вовлечь паки подъ иго Турецкое, а потомъ пробраться въ Очаковъ или Крымъ: то потому и предписано ему господину полковнику съ своимъ Сумскимъ гусарскимъ,

однимъ Донскимъ и однимъ Малороссійскимъ казачьими полками и четырьмя единорогами идти къ Большому Куяльнику и расположась при ономъ состоять въ командѣ князя Прозоровскаго, надзирая движенія хана и Бахти-Гирея и объ оныхъ рапортовать предводителю и князю Прозоровскому. Едисанцамъ и Буджакамъ приказано было оказывать знаки своего дружества и отвѣтствовать, естьли бы сіи о причинѣ прихода войскъ спросили, что оное прибыло, сколько къ искорененію враговъ Россійской державы, столько жъ и къ собственному ихъ защищенію, ежели бы несоглашающіеся съ ними Крымскіе Татары, надѣясь на превосходство своего числа, что-либо враждебное на нихъ, яко на союзниковъ Россійскихъ, предпринять вознамѣрились.

Сего же числа посланъ ордеръ къ князю Прозоровскому, въ которомъ приказано поступать съ ханомъ и сераскеръ-султаномъ Бахти-Гиреемъ согласно съ отправленными къ Бахти-Гирею отъ предводителя письмами. Предводитель, изобразивъ ему, что нынѣшнія обстоятельства подаютъ Татарскимъ народамъ совершенные способы сложить съ себя неправо ихъ отягощающее иго Оттоманской Порты, прописываетъ въ отвѣтъ на присланное къ себѣ и князю Прозоровскому отъ него Бахти-Гирея письмо, что онъ Россійскаго войска предводитель съ ханомъ и всѣми его единомысленниками, яко съ подданными Турецкаго скипетра, непріятельски поступать и вездѣ ихъ искоренять будетъ.

20. Отправленное чрезъ абшитованнаго значковаго Константина Мавроева Кантарджи къ Бахти-Гирею султану письмо, въ отвѣтъ на полученное отъ него о освобожденіи изъ плѣна двухъ знатныхъ Татаръ съ пространнымъ объясненіемъ всѣхъ справедливыхъ причинъ, коими предводитель, сообразуясь высочайшей волѣ и намѣренію своей Самодержицы Великой Екатерины, подалъ случай Татарскому народу къ избавленію себя отъ насильственнаго Оттоманской Порты ига и бѣдственнѣйшаго приключенія неправедно зачатой противъ Россіи войны съ доставленіемъ на все будущее время благоденственнѣйшаго имъ состоянія, съ сильнѣйшимъ увѣреніемъ, естьли онъ султанъ на томъ же точно основаніи съ благонамѣреннымъ Татарскимъ обществомъ подъ протекцію Ея Императорскаго Величества подвергается и равнымъ залогомъ вѣрности въ томъ обнадежитъ, что болѣе себя ни подданнымъ, ни зависящимъ отъ Оттоманской Порты и султана Турецкаго быть не поставляетъ: то въ такомъ случаѣ предводитель съ великою радостію готовъ всѣ его требованія и желанія удовольствовать, увѣдомляя притомъ, что о требованныхъ плѣнныхъ записка въ тѣ отдаленныя мѣста, гдѣ оные содержатся, послана и естьли сыщутся, возвращены будутъ. По второму къ князю Прозоровскому отъ него жъ султана письму предводитель отвѣчаетъ: когда жъ атакованіе нашими войсками хана поставляетъ за равной себѣ вредъ и требуетъ съ находящимися при немъ ордами скораго свободнаго перехода не только чрезъ Телигулъ, но и далѣе за другія рѣки, былъ бы извѣстенъ, что до тѣхъ поръ пока ханъ, хотя ему и братъ, не объявитъ себя освобожденнымъ отъ власти и правительства Оттоманскаго скипетра и не прибѣгнетъ подъ защищеніе Россійской императрицы съ присылкою въ залогъ изъ своей фамиліи знаменитой особы, то предводитель и всѣ его войска въ немъ самомъ и во всѣхъ окружающихъ его людяхъ, съ нимъ въ одномъ состоящихъ намѣреніи, почитать будутъ непріятеля и потому должны таковыхъ

вездѣ искать и побѣдоноснымъ орудіемъ ихъ атаковать. Вслѣдствіе сего, естьли султанъ усерднымъ къ Россійской имперіи и освобожденнымъ отъ Порты Оттоманской себя поставляетъ, то видится непристойно за враговъ Россійской имперіи вступаться, но паче атакованію оныхъ способствовать; по которой причинѣ и свободнаго чрезъ Телигулъ перехода дозволить нельзя, ибо таковымъ походомъ закрывается отъ предводителева оружія недоброжелательный ханъ съ находящимися при немъ военными людьми. Въ заключеніе предводитель требуетъ скораго и рѣшительнаго отвѣта.

Сего жъ числа чрезъ прибывшаго Крымскаго мурзу Абдурахмана получено отъ находящихся тамъ при ханѣ Капланъ-Гиреѣ за рукою двадцати шести человѣкъ военачальниковъ и прочихъ чиновъ письмо, коимъ они увѣдомляютъ, что, свѣдавъ изъ письма кн. Прозоровскаго къ Едисанцамъ и Буджакамъ причины недозволенія имъ прохода въ Крымъ, извиненіе свое приносятъ, оправдаясь, что за малымъ числомъ при ханѣ находящихся Крымскихъ старѣйшинъ они не осмѣлились письменною адресоваться о томъ просьбою, а когда собратья ихъ уже въ дружбѣ съ Россійскимъ дворомъ состоятъ, они объясниться должны, что сдѣланное ихъ собратьями къ тому положеніе не по одной ихъ склонности совершено, но общимъ побужденіемъ и наставленіемъ содѣйствовано, и потому заключить можно, что и у нихъ другихъ мыслей и намѣреній нѣтъ, какъ быть съ Россіею въ дружбѣ, обѣщая по прибытіи въ Крымъ немедленно о томъ условиться, чего ради просятъ ихъ собратьямъ и свойственникамъ дозволить свободный въ Крымъ походъ и о томъ князю Прозоровскому дать повелѣніе.

24. Вышереченной Крымской мурза отправленъ обратно съ отвѣтнымъ письмомъ. Сего жъ числа отправлены обратно въ Едисанскую и Буджацкую орду изъ присланыхъ посланцовъ два мурзака и шесть аговъ, въ препровожденіи поручика Заводовскаго съ отвѣтнымъ отъ предводителя письмомъ.

Сего числа полученъ отъ князя Прозоровскаго рапортъ, которымъ онъ доноситъ, что отправленному къ нему полковнику Тутолмину приказалъ онъ стоять у Куяльниковъ и дѣлать къ Бѣлгороду и Черному морю разъѣзды; самъ же, за недостаткомъ конскихъ кормовъ перемѣняя свой лагерь, пойдетъ сверхъ по Бугу и у рѣчки Еланца станетъ. Къ сему прибавляетъ онъ, что получилъ извѣстіе, будто бы ханъ Крымской объявилъ Татаръ Буджацкой и Едисанской ордъ измѣнниками.

Сего числа пришедшій изъ плѣна Донской Калмыкъ и одинъ Волошинъ согласно объявили, что Крымскій ханъ съ сераскеръ-султаномъ Бахти-Гиреемъ, по случившейся между ихъ мурзъ ссорѣ, побранились, и послѣдній, со всею своею свитою отъ хана отдѣлясь, уѣхалъ въ Румелію.

Сего числа вслѣдствіе полученнаго отъ князя Прозоровскаго рапорта о употребленномъ отъ Джанъ-Мамбетъ-бея стараніи во удержаніи обѣихъ Татарскихъ ордъ благонамѣренными (почему оный общимъ согласіемъ надъ народомъ обѣихъ сихъ ордъ и избранъ главнымъ начальникомъ) отправлено къ нему письмо, коимъ предводитель, похваляя его усердіе во увѣщаваніи Татаръ къ утвержденію ихъ въ преподанныхъ ему совѣтахъ, доставляющихъ Татарскому обществу совершеннаго благоденствія, поздравляетъ онаго въ новомъ достоинствѣ, и въ знакъ Ея Императорскаго Величества къ особѣ

его всевысочайшаго благоволенія, посылаетъ къ нему подарокъ, прося о увѣдомленіи, подъ какимъ названіемъ достоинство вышняго начальства онъ на себя, до утвержденія волею ихъ общества его въ ханствѣ, носить изволитъ.

1-го Сентября съ возвратившимся отъ Татаръ Константиномъ Мавроевымъ Кантарджіемъ получено письмо за руками главныхъ двухъ благонамѣренныхъ начальниковъ ордъ и восьми мурзъ, коимъ они, благодаря за посланные къ нимъ отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества имени подарки, увѣдомляютъ, что Бахти-Гирей-султанъ, не устоявъ въ данномъ имъ словѣ и предводителю обѣщаніи, по соглашеніи съ братомъ его Капланъ-Гирей-ханомъ, отъ нихъ отдѣлился; воспоминая жъ учиненныя имъ отъ предводителя сильныя обѣщанія о неоставленіи ихъ въ нынѣшней разстройкѣ своимъ воспоможеніемъ, представляютъ крайній свой въ пищѣ и одѣяніи недостатокъ, такимъ образомъ оный изъявляя, что не только живыхъ чѣмъ пріодѣть, но и на мертвыхъ, по обыкновенію, для погребенія не изъ чего саваны дѣлать; ради чего усильно просятъ дозволить имъ за рѣку Бугъ и Днѣпръ прохода, къ Джамбулукамъ и Едичкуламъ, гдѣ они помощію силъ родственниковъ свое состояніе исправить нѣсколько могли бъ, увѣряя, что если бы по ихъ переходѣ Крымскій народъ съ ними на соединеніе преклониться не хотѣлъ, то Едичкулцы и Джамбулаки неотмѣнно на равномъ съ ними основаніи къ тому присоединятся. Елико же принадлежитъ до совершеннаго и на будущія времена отторженія отъ Порты Оттоманской и до вступленія съ Россіею въ вѣчную дружбу, то они для лучшей въ томъ имовѣрности предводителю знать даютъ, что учиненною вновь по ихъ закону присягою оное подтвердили; въ заключеніи упоминаютъ, что осень сближается, и потому, опасаясь, чтобъ они и фамиліи ихъ, имѣя во всемъ недостатокъ, до послѣдней крайности доведены не были, отдаются на благоразсмотрѣніе предводителя.

Сентября 8-го получено письмо отъ благонамѣренныхъ ордъ за рукою начальствующихъ мурзъ: Джанъ-Мамбетъ-бея, Канъ-мурза-хаджи и Саламанша-мурзы, съ сильнѣйшимъ увѣреніемъ о ненарушимомъ сохраненіи утвержденной съ Россіею дружбы, которую Всевышній да благословитъ и да сотворитъ всѣмъ полезное, увѣдомляя, что когда они состояли подъ ханами, называли Джанъ-Мамбета мурзу беемъ, а нынѣ по отторженіи отъ Порты и совершенномъ подверженіи подъ протекцію Россійской Императрицы, народъ избралъ его надъ собою главнымъ, ни отъ кого независимымъ начальникомъ и владѣтелемъ, почему онъ по свойству ихъ языка называется беглеръ-бей—князь князей и пехливанъ-джеганъ—знаменитый рыцарь; что онъ всего Татарскаго, въ дружбѣ съ Россіею состоящаго, народа главный начальникъ, а по немъ надъ Буджацкою ордою второй Канъ-мурза-хаджи. Въ заключеніи, благодаря за посланный къ нему подарокъ, просятъ, дабы прежде Димитріева дня дозволеніе имъ дано было перейти на просимыя мѣста. Другимъ письмомъ Джанъ-Мамбетъ-бей отъ своего только имени увѣдомляетъ, что писанныя еще изъ Харькова письма къ нему доходили, но онъ, будучи тогда подъ властію Турецкою, отвѣтствовать на оныя не могъ; а нынѣ по устроенной Промысломъ Божіимъ дружбѣ открыта дорога на дружескую переписку, ибо о истинной его къ Россійской Имперіи преданности и малѣйшаго сумнѣнія имѣть не должно, потому-что и прежде сего онъ посылкою пріятельскихъ своихъ писемъ чрезъ Кутлукай-хаджія и Османъ-агу то доказалъ

Сего жъ числа прибылъ Буджацкой орды Оракъ-Оглійскаго поколѣнія Джанъ-Темиръ-мурза съ письмомъ, за рукою семи между ими первенствующихъ знаменитыхъ мурзъ, съ жалобою, что по заключеніи съ Россіею вѣчной дружбы условлено и постановлено, дабы одна сторона другой отнюдь ни въ чемъ никакихъ обидъ не причиняла, однако послѣ того, при Кишли и при Кормазъ урочищѣ у нихъ Россійскихъ войскъ людьми стада лошадей отогнаны. Проситъ объ отысканіи и возвращеніи, а потомъ и о наистрожайшемъ запрещеніи, чтобъ подобные вѣчной дружбѣ противные поступки впредь совсѣмъ пресѣчены были.

Въ слѣдующіе дни по сей коммиссіи ничего не происходило, а предводитель упражнялся распоряженіями къ штурмованію города Бендеръ, который великимъ духомъ предводителя, побуждающаго своимъ примѣромъ подчиненныхъ ему храбрыхъ воиновъ, въ ночь съ 15 на 16 сего, продолжавшимся чрезъ 12 часовъ сильнѣйшимъ съ обѣихъ сторонъ огнемъ, взятъ и гарнизонъ онаго плѣненъ. А потомъ упражненіе предводителя простиралось въ расположеніяхъ по сей крѣпости и въ отправленіи плѣнныхъ.

25. Господинъ канцеляріи совѣтникъ Веселицкій посланъ въ благонамѣренныя орды съ достаточнымъ наставленіемъ для вящшаго увѣренія всего общества о истинныхъ дружбы сентиментахъ и для подписанія вновь сочиненнаго письма, отъ Татарскаго общества къ Ея Императорскому Величеству съ посланцами отправляемаго. По исполненіи того именемъ предводителя дано онымъ позволеніе переходить чрезъ рѣки Бугъ и Днѣпръ, для расположенія на тѣхъ точно между Россійскими границами и Крымомъ степяхъ, гдѣ прежде сего Ногайцы кочевали, не касаясь отнюдь границы Россійской имперіи, ниже новоучрежденной отъ устья рѣки Московки по устье рѣки Берды линіи. По сему обстоятельству, предводитель во всѣ смежныя губерніи, Запорожскому и Донскому атаманамъ, пограничныхъ крѣпостей комендантамъ, господину генералъ-поручику Берху и князю Прозоровскому знать далъ, чтобъ сихъ двухъ благонамѣренныхъ ордъ Татарамъ, пріѣзжающимъ съ письменными видами въ селенія Россійской имперіи для покупки провизій и прочихъ надобныхъ вещей, отнюдь никто не осмѣлился какое либо огорченіе или обиду причинять, но напротивъ того, яко вступившимъ въ вѣчную дружбу и союзъ съ Россійскою имперіею, подъ протекцію и ручательство Ея Императорскаго Величества, всякое вспоможеніе подаваемо и гостепріимство оказываемо было, продавая имъ все потребное по обыкновенной цѣнѣ, подъ опасеніемъ за неисполненіе жесточайшей и неупустительной по государственнымъ законамъ казни и наказанія. Ему же господину Веселицкому даны 1,250 червонныхъ иностранныхъ на подарки тамошнимъ первенствующимъ мурзамъ, для конвою эскадронъ Днѣпровскаго пикинернаго полку, и Сѣвскаго полку капитанъ Заводовскій, который, по частой у Татаръ бытности, со всѣми знатными мурзами знакомство имѣлъ, для переводу и письма переводчикъ Дементьевъ и генеральный писарь Семеновъ.

Савва Текели въ Россіи.

(1787—1788).

Задолго до большаго переселенія Сербовъ изъ Венгріи въ Южную Россію, при Елисаветѣ Петровнѣ, выселялись къ намъ въ одиночку Австровенгерскіе Сербы, поступая большею частію на службу въ Сербскій гусарскій полкъ и получая земли въ Малороссіи. Такимъ былъ Петръ Аврамовичъ Текели, прославившійся впослѣдствіи уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи и дослужившійся до чина генералъ-аншефа. Другой Сербъ, тоже генералъ Русской службы Екатерининскихъ временъ, Семенъ Пишчевичъ въ своемъ рукописномъ «Извѣстіи о выходѣ Сербскаго народа въ Россію», такъ выразился о старомъ Текели: «Онъ служилъ столько, сколько и каждому повелѣваетъ его долгъ; но въ продолженіе всей своей жизни имѣлъ такое счастіе, что не только достигъ до великой старости, сохранивъ при этомъ крѣпкое здоровье, но еще на него сыпались чины, ордена и великое богатство; женатъ онъ не былъ и, стало быть, дѣтей законныхъ не имѣлъ, но оставилъ послѣ себя двоихъ побочныхъ, сына и дочь, которыхъ и назначилъ наслѣдниками большей части своего имѣнія, передавъ имъ и свою фамилію» [1]).

У этого Текели было нѣсколько братьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые также переселились въ Россію; но одинъ изъ нихъ, Райко, остался въ Венгріи, гдѣ имѣлъ домъ въ городѣ Арадѣ. У Райки былъ сынъ Савва (род. 17 Авг. 1761, ум. 21 Сент. 1842 г.), прославившійся въ нынѣшнемъ столѣтіи пожертвованіями на пользу народнаго образованія Венгерскихъ Сербовъ, для ихъ педагогическихъ и литературныхъ учрежденій и даже удѣлившій небольшія деньги Мадьярской академіи и реформатской коллегіи въ Дебречинѣ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, Старосербскій меценатъ и Венгерскій магнатъ. Онъ дожилъ до того времени, что день его имянинъ, въ который приходилась и память св. Саввы, просвѣтителя Сербіи, сталъ праздноваться во всѣхъ школахъ у Венгерскихъ Сербовъ. Имѣніями и капиталами его, завѣщанными на пользу народнаго образованія, управляетъ общество, пребывавшее сперва въ Пештѣ, а съ 1864 года въ Новомъ Садѣ, и называемое «Сербскою Матицею». Въ библіотекѣ этого общества хранится автобіографія Саввы Текели, и на основаніи ея, еще по поводу столѣтняго юбилея со дня его рожденія,

---

[1]) См. мою статью «Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г., кн. VI, стр. 604.

извѣстный Сербскій юристъ и драматургъ Іованъ Субботичъ составилъ очеркъ жизни Саввы (изд. въ Будимѣ въ 1862 г., на 73 стр.). Въ прошломъ 1877 году, въ 119 книгѣ «Лѣтописей Сербской Матицы» появилась въ свѣтъ самая автобіографія, впрочемъ только начало ея (стр. 1—81); окончаніе должно быть напечатано въ слѣдующихъ двухъ книгахъ. Помимо общаго интереса, который представляютъ біографическія свѣдѣнія о Саввѣ Текели, его жизнеописаніе интересно для насъ и потому еще, что въ немъ сохранены болѣе или менѣе подробныя извѣстія о трехъ путешествіяхъ Саввы въ Россію. Самое продолжительное и интересное по своимъ подробностямъ было первое, начавшееся въ Маѣ 1787 и окончившееся въ Сентябрѣ 1788 года. Оно совершено было по вызову дяди Петра Аврамовича Текели, который думалъ было назначить Савву своимъ наслѣдникомъ, но потомъ разошелся съ нимъ. Въ это путешествіе Савва проѣхалъ отъ южно-польской границы въ Новосербію, оттуда чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Тулу, Москву, Тверь и Новгородъ до Петербурга, и затѣмъ чрезъ Шкловъ, Могилевъ, Черниговъ, Кіевъ, Аксайскую станицу и Ставрополь въ Георгіевскую крѣпость, гдѣ была главная квартира Кавказской арміи, которою тогда командовалъ П. А. Текели. Второе путешествіе, начавшееся 10 Октября 1811 и окончившееся въ Февралѣ 1812 года, и третье, относящееся къ 1816 году, были кратковременны, имѣли цѣлію разрѣшеніе фамильныхъ споровъ о наслѣдствѣ и ограничивались посѣщеніемъ родственниковъ въ Миргородѣ, Елисаветградѣ и Херсонѣ. Мы остановимся только на первомъ путешествіи, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о молодыхъ годахъ Саввы.

Савва Текели съ дѣтства отличался находчивостью, смѣлостью и желаніемъ быть независимымъ отъ другихъ. Онъ рано понялъ, что лучшими средствами къ тому могутъ быть образованіе и богатство. Конечно, овладѣть обоими этими средствами помогли ему природныя дарованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано сталъ мечтать о военной службѣ въ Россіи. Въ 1773 году пріѣзжалъ въ домъ его родителей Русскій маіоръ, дядя Лазарь, раненый въ бояхъ съ Турками въ Валахіи, и подарилъ ему съ братомъ и сестрой 100 р. отъ имени Петра Текели. Въ слѣдующемъ году пріѣзжалъ изъ Россіи отъ другаго дяди, Константина, поручикъ Іованъ для принятія доходовъ съ его Венгерскихъ имѣній. Въ это время Савва прошелъ уже первоначальную и Латинскую школы въ городѣ Арадѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ своею семьей имѣлъ случай въ 1770 году быть представленнымъ императору Іосифу II, какъ потомокъ основателя этого города Іована Текели, послѣ котораго долгое время сохранялись въ ихъ семьѣ двѣ медали: серебряная съ изображеніемъ Петра Великаго, украшенная бриллiантами, и золотая на таковой же большой цѣпи, пожалованная императоромъ Іосифомъ I. Съ 1775 года Савва учился въ Будимской гимназіи, сперва въ классѣ поэзіи, потомъ риторики, который и окончилъ уже въ Арадѣ, куда переѣхалъ по болѣзни. Въ 1779 году и слѣдующемъ онъ слушалъ курсъ философскихъ наукъ при университетѣ, который тогда только что переведенъ былъ изъ Тирнавы въ Будимъ, а потомъ въ

Пештъ, и кромѣ того учился рисовать у извѣстнаго тогда профессора Вальтера. Едва только исполнилось Саввѣ 19 лѣтъ, какъ мать стала принуждать его къ женидьбѣ; но Савва на отрѣзъ отказался, объявивъ, что желаетъ окончить свое образованіе. Родители отпустили его изъ дому, но не дали на дорогу ни крейцера. Оказалось, что у Саввы были свои деньги. Въ 1779 году онъ получилъ отъ дяди Петра изъ Россіи 100 р. и сберегъ изъ нихъ значительную часть, а кромѣ того имѣлъ золотые часы, имъ самимъ пріобрѣтенные, и дорогой мѣхъ, присланный изъ Россіи. Расчитывая на эти средства, онъ отправился въ Вѣну, да еще захватилъ съ собой слугу, котораго одѣлъ прилично. Попытка поступить въ Вѣнскую инженерную академію не удалась, и Савва сталъ посѣщать университетъ, гдѣ слушалъ высшую математику у Зонненфельса, анатомію у Лебера, химію и ботанику у Жакмена, полицейское право у Бема, каноническое у Цейлера, естественное и всеобщее у Банхида. Кромѣ того у Саввы были большія способности къ изученію языковъ: зная уже Сербскій, Мадьярскій и Нѣмецкій, онъ въ теченіе двухлѣтняго своего пребыванія въ Вѣнѣ успѣлъ ознакомиться съ Французскимъ, Итальянскимъ и Испанскимъ, и при всемъ томъ не покидалъ уроковъ рисованія и игры на флейтѣ. Жилъ онъ, конечно, очень бѣдно: обѣды его стоили не болѣе 8 или 10 крейцеровъ (отъ $5^1/_2$ до 7 коп. сер.), а ужиновъ вовсе не было; и при всемъ томъ пришлось сперва отпустить слугу, потомъ продать Русскій мѣхъ за 36 дукатовъ и, напослѣдокъ, заложить золотые часы. Наконецъ, средства истощились и Савва написалъ родителямъ, что и самъ желалъ бы вернуться домой, но не дозволяютъ сдѣлать того долги. Родители прислали 50 дукатовъ. Съ полученіемъ денегъ у него возникла мысль докончить курсъ юридическихъ наукъ въ Пештѣ, а потому онъ написалъ отцу и матери, что присланныхъ ими денегъ недостаточно для покрытія долговъ. Въ отвѣтъ на это получены были еще 40 дукатовъ. Тогда только Савва отправился въ Арадъ, и хотя мать опять настаивала на женидьбѣ, но сынъ одержалъ верхъ и уѣхалъ доучиваться въ Пештъ, на этотъ разъ сопровождаемый благословеніями и деньгами отъ родителей. Такимъ образомъ, начавъ въ 1782 году слушаніе юридическихъ наукъ въ Пештскомъ университетѣ, Савва Текели въ 1785 году окончилъ его и затѣмъ, послѣ блестящаго публичнаго диспута, въ Маѣ того же года получилъ степень доктора правъ. Онъ былъ первый Сербъ, достигшій этой степени. Президентъ Намѣстническаго Совѣта не замедлилъ предложить ему мѣсто секретаря въ этомъ учрежденіи; но Савва отказался отъ столь лестнаго предложенія, мечтая о военной службѣ, и притомъ въ Россіи. Дѣйствительно, старый Петръ Текели прислалъ въ слѣдующемъ году письмо къ родителямъ Саввы, въ коемъ просилъ ихъ отправить къ нему своего сына, котораго онъ намѣренъ назначить своимъ наслѣдникомъ. Отецъ и мать не хотѣли отпускать Савву въ Россію; но братъ Петръ, не любившій Савву и надѣявшійся, что онъ навсегда останется въ Россіи, купилъ ему четыре лошади, нанялъ прислугу и снарядилъ его въ путь. Родители потребовали, чтобы онъ, повидавшись съ богатымъ и заслуженнымъ дядею, возвратился на родину.

Проѣхавъ Дебречинъ и Кошицу (Кашау), Савва Текели перебрался у Комарника черезъ границу между Венгріей и присоединенною къ имперіи Габсбурговъ за 15 лѣтъ предъ тѣмъ, послѣ перваго раздѣла Польши, Восточною Галиціей. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ грубаго обращенія Нѣмецкихъ чиновниковъ съ Поляками. Проѣзжій Нѣмецъ-канцеляристъ, остановившійся въ панскомъ домѣ, шумѣлъ и бранился за то, что не дали овса его лошадямъ. Текели разспросилъ по-латыни Поляка, къ которому относилась брань и, узнавъ о причинѣ ея, обратился къ проѣзжему на Нѣмецкомъ языкѣ за разъясненіями. Тотъ, хотя и отвѣчалъ, что иначе нельзя держать себя съ Поляками, которые не заслуживаютъ благороднаго обхожденія; но, замѣтивъ на Текели форменное платье, принялъ его за немаловажнаго чиновника изъ Венгріи и извинился предъ обиженнымъ. Въ предѣлахъ тогдашней Польши Савва имѣлъ случай наблюдать около Бердичева народные свадебные обычаи, при чемъ его вниманіе особенно остановили на себѣ постоянные выкупы, посредствомъ которыхъ провожатые жениха должны были овладѣвать сперва входомъ, а потомъ и почетными мѣстами въ домѣ родителей невѣсты. Подобные же обряды онъ имѣлъ случай наблюдать потомъ и въ Россіи, въ деревняхъ своего дяди, особенно въ селѣ Александровкѣ. Ему особенно нравилось, что всякій шагъ въ свадебномъ ритуалѣ сопровождался особою пѣснею. Онъ даже просилъ сельскаго писаря записать эти пѣсни, обѣщая заплатить за трудъ; писарь соглашался на то, но не исполнилъ своего слова.

Граница между Польшей и Россіей шла въ то время, между прочимъ, подъ самымъ Миргородомъ, на разстояніи четверти часа ѣзды отъ него. Съ Польской стороны расположено было имѣніе князя Любомирскаго, а на Русской—деревня Листопадово. Таможенный офицеръ, взглянувъ на паспортъ Саввы, велѣлъ немедленно пропустить его, а самъ послалъ гонца къ генералу Текели, жившему тогда въ Миргородѣ, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ его племянника. Дворъ Петра Текели находился на южномъ краѣ города. Во дворѣ стоялъ большой домъ. Большая дорога шла вдоль дворовыхъ службъ, и по ней поселено было 70 Черногорскихъ семействъ, между коими еще слышался Сербскій говоръ. Съ восточной стороны Текеліева двора построено было 16 хатъ, въ которыхъ жили крѣпостные генерала, переселенные изъ его Витебскихъ деревень и обязанные работать около дома и сада. Въ получасѣ ходьбы отъ города находилась большая пасѣка для пчелъ, также принадлежавшая Петру Текели, а подлѣ нея роща и до 2,000 десятинъ пашенъ и луговъ, спускавшихся къ рѣкѣ Бугу, которая составляла тогда границу съ Турціей. Здѣсь было большое село въ 300 дворовъ, называвшееся Михѣево, и водяная мельница о двѣнадцати колесахъ: и село, и мельница принадлежали тому же дядѣ Саввы, по замѣчанію котораго у Петра Текели было еще 25 деревень въ Витебской губерніи, пожалованныхъ ему за уничтоженіе Запорожской Сѣчи. Миргородскій домъ генерала Текели заключалъ въ себѣ до двадцати комнатъ съ паркетными полами и красивыми шпалерами; стѣны были изъ огромныхъ дубовъ, подаренныхъ кня-

земъ Любомирскимъ изъ его Листопадовскихъ лѣсовъ. Службы при домѣ были чрезвычайно обширны, конюшня о 70 стойлахъ. Тогда въ Миргородѣ были двѣ церкви: святаго Николая, построенная при содѣйствіи Петра Текели и небольшая церковь для Черногорцевъ. Въ Миргородѣ находились уѣздный и городской суды, полиціймейстеромъ былъ генералъ-маіоръ графъ Подгоричанинъ. Во время вторичной поѣздки Саввы въ Россію, Миргородскія владѣнія Петра Текели были уже въ сильномъ запустѣніи. Онъ оставилъ ихъ своему незаконному сыну, но тотъ промоталъ ихъ: домъ и дворъ поступили въ собственность губернскаго управленія, которое и назначило ихъ въ жительство епископу. Но когда епископская каѳедра переведена была въ Херсонъ, то все опустѣло, и только гробница Петра Текели въ Николаевской церкви напоминала о томъ времени, когда въ Миргородѣ преобладала шумная жизнь Сербскихъ милиціонеровъ.

Но, во время перваго путешествія Саввы, покоритель Запорожцевъ былъ въ полной своей славѣ. Начиналась новая война съ Турціей, и противъ нея выставлены были три арміи: самъ Потемкинъ имѣлъ непосредственное начальство надъ Молдавскою, а Крымскою и Кавказскою командовали Суворовъ и Текели, находясь лишь въ номинальномъ подчиненіи у Потемкина. Въ Кавказской арміи насчитывалось до 84,000 человѣкъ; ее поддерживали двѣ флотиліи, одна со стороны Каспійскаго моря, другая со стороны Чернаго. Однимъ изъ конныхъ полковъ ея командовалъ Селимъ-ханъ, сынъ послѣдняго Крымскаго владѣтеля, отдавшагося Россіи, а надъ однимъ изъ пѣхотныхъ полковъ имѣлъ начальство сынъ Грузинскаго царя. Оба они были молодые люди съ небольшимъ лѣтъ 20-ти, жили тогда при Петрѣ Текели, и Савва водилъ съ ними знакомство.

Первое свиданіе между дядею и племянникомъ было радушное. Едва только получено извѣстіе о пріѣздѣ Саввы, который остановился въ простой корчмѣ, какъ явился къ нему адъютантъ звать къ генералу. Переодѣвшись Савва поѣхалъ на генеральскій дворъ и былъ встрѣченъ дядею на крыльцѣ. Старикъ обнялъ и поцѣловалъ его. Изъ первыхъ разговоровъ Савва узналъ, что за 8 дней до его пріѣзда чрезъ Миргородъ проѣхалъ Іосифъ II, цѣлью котораго было видѣться съ Екатериною II, для взаимнаго уговора на случай Турецкой войны. Но, для прикрытія этой цѣли, свиданіе ихъ было устроено подъ видомъ большаго смотра войскамъ, для которыхъ и устроенъ былъ лагерь подъ Херсономъ и отдѣльныя стоянки по всѣмъ окрестностямъ. Во время смотра Херсонскимъ лагеремъ командовалъ. Петръ Текели, который разсказывалъ племяннику, что, когда онъ обѣдалъ у царицы, то она замѣтила, что черты его лица напоминаютъ портреты Петра Великаго, почему приказала снять съ него портретъ и взяла его съ собой для Эрмитажа. Окончивъ смотры и разставшись съ Іосифомъ, Екатерина возвратилась въ Петербургъ, а князь Потемкинъ остался въ Новой Сербіи для дальнѣйшихъ распоряженій и купилъ село Михайловку, какъ бы для сельскохозяйственныхъ занятій, но въ сущности имѣлъ въ немъ свою главную квартиру.

Ежедневно по вечерамъ били зорю, почти всегда въ присутствіи Петра Текели. Тутъ Савва насмотрѣлся на полки, расположенные тогда между Херсономъ и Миргородомъ. Это были легко-конные гусары, и прежде ихъ полки назывались Сербскимъ, Молдавскимъ, Черкескимъ и т. д.; но Потемкинъ далъ имъ названія по городамъ: Сербскій полкъ переименованъ былъ въ Ольвіопольскій и стоялъ тогда въ Миргородѣ. Петръ Текели нѣкогда былъ полковникомъ въ немъ. Савва разсказываетъ, что въ Петровъ день, когда старый Текели былъ имянинникъ, отъ названнаго полка присланъ былъ къ нему цѣлый эскадронъ со всѣми музыкантами въ богатомъ убранствѣ, отчасти сохранявшемъ память о Сербскихъ нарядныхъ одѣяніяхъ. Музыканты съиграли на своихъ серебряныхъ трубахъ три Сербскихъ пѣсни, и послѣ развода офицеры позваны были къ обѣду, къ которому были приглашены также нѣкоторые изъ жителей Миргорода и окрестныхъ селеній съ женами и дочерьми. Въ числѣ гостей былъ и Русскій консулъ изъ Молдавіи съ женою и двумя красивыми дочерьми, 15 и 16 лѣтъ, одѣтыми помолдавански съ открытымъ до соблазна (какъ замѣчаетъ Савва) станомъ. Всего охотнѣе говорили онѣ погречески, но могли также изъясняться порусски, понѣмецки и порумынски. Обѣдъ происходилъ въ залѣ и четырехъ боковыхъ комнатахъ; и посуда и приборы къ ней были серебряные. Послѣ обѣда начался балъ «Пока другіе плясали и танцовали, дядя взялъ Сербскихъ офицеровъ въ особую комнату и тамъ веселился съ ними, ибо никогда не хотѣлъ пускаться въ дружескія отношенія съ Москалями. Тутъ пѣлись Сербскія пѣсни и повторялись частыя обниманія. Особенно оберъ - лейтенантъ Ивановъ (вѣроятно называвшійся прежде Іовановичемъ) изъ Самбора зналъ много Сербскихъ пѣсенъ. Послѣ полудня прибылъ генералъ - маіоръ князь Любомирскій и зашелъ въ ту комнату. Ивановъ сказалъ ему: «На, князь, пей!» Князь, видя его уже пьянымъ, отвѣчалъ: «благодарю, не могу пить». Тогда Ивановъ сказалъ посербски: «а кой чортъ занесъ тебя въ пьяное общество, когда не можешь пить!» Князь замѣтилъ: «жажды нѣтъ», на что Ивановъ возразилъ: «а кто видалъ, чтобы вино пили отъ жажды? Пей-же, князь!» и заставилъ его выпить. «Въ другой комнатѣ было много дѣвицъ, съ которыми я любезничалъ; между ними была дочь городничаго, которую я и обнялъ однажды; но въ эту минуту вошелъ адъютантъ дяди, маіоръ Ольшавскій, который и пожаловался на меня дядѣ, ибо сей послѣдній сказалъ мнѣ, чтобы я не обходился такъ дерзко съ дѣвицами. Этотъ адъютантъ строилъ куры женѣ полковника того же полка Лисиневичевой, но она была благосклоннѣе ко мнѣ, нежели къ маіору; дядя и о ней замѣтилъ мнѣ, что она полковница и что я долженъ относиться къ ней съ великимъ почтеніемъ. Да, подумалъ я, еслибъ ты, дядюшка, зналъ, какъ она меня обнимаетъ и цѣлуетъ, когда никто насъ не видитъ, что̀ бы тогда сказалъ ты? И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было всего 26 лѣтъ, и всякой женщинѣ я нравился».

Проводя время въ такихъ забавахъ, среди новыхъ знакомствъ съ людьми, не забывшими еще Сербскихъ обычаевъ, Савва Текели воз-

буждалъ нерасположеніе къ себѣ въ нѣкоторыхъ людяхъ, окружавшихъ его дядю. Такъ онъ сдѣлался непріятенъ Иванову, который считалъ себя лучшимъ стрѣлкомъ, ибо могъ убить изъ ружья орла, сидящаго на высокомъ дубѣ. Савва сказалъ ему при другихъ, что это можетъ сдѣлать всякій, кто умѣетъ владѣть ружьемъ. Дядя послалъ ихъ вмѣстѣ на охоту, и хотя въ рощѣ не попалось имъ на этотъ разъ ни одного орла, ни зайца, но на обратномъ пути, идя полемъ, Савва подстрѣлилъ на лету перепела, жаворонка и ласточку. Ивановъ долженъ былъ признать въ немъ опаснаго для себя соперника. Само собою разумѣется, что съ опасеніемъ узнала о прибытіи Саввы и любовница стараго генерала, желавшая, чтобы все наслѣдство послѣ него досталось ея дѣтямъ, а не пріѣхавшему изъ Венгріи племяннику.

Вскорѣ послѣ имянинъ дяди Савва Текели сталъ проситься у него въ Москву и Петербургъ. Дядя повезъ его сперва къ князю Потемкину. «Пока дядя говорилъ съ княземъ (сказано въ автобіографіи), я былъ въ залѣ, гдѣ генералъ-аншефъ князь Репнинъ бесѣдовалъ со мной; но вотъ отворились двери, и дядя ввелъ меня въ комнату, гдѣ находились графиня Браницкая и еще двѣ дамы. Потемкинъ съ веселымъ видомъ сказалъ имъ обо мнѣ по-французски, а онѣ, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, не промолвили ни слова, что̀ возбудило во мнѣ досаду; затѣмъ мы вышли въ залу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ обѣдали и потомъ возвратились въ Миргородъ».

Отпуская племянника въ путь, Петръ Текели далъ ему двѣ тысячи рублей частію на дорожныя издержки, частію на покупку церковныхъ одѣяній для церкви въ Михѣевѣ, которыя могли стоить до 1,000 рублей. Кромѣ того дядя далъ Саввѣ рекомендательныя письма къ подполковнику Преображенскаго полка, генералу Петру Васильевичу *), къ графу Безбородкѣ и князю Потемкину, прибавивъ, что послѣдній также хотѣлъ дать ему рекомендательныя письма въ Петербургъ. Дядя наставлялъ племянника, чтобы на вопросъ Потемкина о томъ, скоро ли онъ отправится къ Кавказской арміи, давалъ такой отвѣтъ: обозъ уже отправленъ, а въ будущій Понедѣльникъ поѣдетъ и самъ дядя. Наконецъ, дядя распорядился, чтобы Саввѣ данъ былъ въ спутники стражмейстеръ, въ родѣ кондуктора. Съ нимъ и съ своимъ слугою Савва въ тотъ же день, какъ выѣхалъ изъ Миргорода, прибылъ къ вечеру въ село Михайловку, гдѣ жилъ Потемкинъ. За позднимъ временемъ онъ располагался уже спать, какъ къ нему явился адъютантъ съ приглашеніемъ немедленно явиться къ князю. Потемкинъ, распросивъ Савву о дядѣ и получивъ вышепомянутый отвѣтъ, оставилъ Савву на ужинъ, а адъютантъ князя баронъ Вейсъ объяснилъ ему, что для него приготовлено помѣщеніе въ одномъ изъ княжескихъ шатровъ; но Савва пожелалъ ночевать въ занятой имъ квартирѣ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ былъ разбуженъ стражмейстеромъ, доносившимъ, что князь и весь генеральный штабъ удалились ночью изъ Михайловки, ибо пріѣхалъ

*) Савва Текели не называетъ фамиліи.

курьеръ съ извѣстіемъ, что Турки перешли чрезъ Бугъ. Хотя мѣсто переправы находилось въ двѣнадцати миляхъ отъ Михайловки и весь край былъ занятъ многочисленными войсками, но князь поспѣшилъ удалиться за Днѣпръ, въ Кременчугъ. Всѣ лошади изъ Михайловки были взяты подъ вещи главной квартиры. Пришлось посылать за подводой въ ближнее село. Пока за ними ходили, Савва успѣлъ побывать на дворѣ у князя; но тамъ все было растворено и пусто, одни разодранныя письма валялись на полу. Возвращаясь къ себѣ, Савва встрѣтилъ на улицѣ генерала Давида Неранчича, который спросилъ его: «Что̀ пріятель? Охладѣлъ раскосый *)? Отчего это?» Савва, не отвѣчая, спросилъ въ свою очередь: «Какъ намъ быть?» Неранчичъ совѣтывалъ ждать возвращенія лошадей изъ-подъ главной квартиры и потомъ слѣдовать за ней. Но Савва предпочелъ заплатить десять рублей за трехъ лошадей, приведенныхъ стражмейстеромъ до первой станціи, и направиться инымъ путемъ, мимо главной квартиры, черезъ Крюковъ. Савва не ошибся въ разсчетѣ. Когда они выѣхали изъ Михайловки, то весь путь къ Кременчугу усѣянъ былъ конными бѣглецами съ женами, дѣтьми и скотомъ; но, свернувъ нѣсколько въ сторону, наши странники могли уже мирно продолжать путь, тѣмъ болѣе, что Савва запретилъ своимъ слугамъ распускать вѣсть о Туркахъ. Однако это происшествіе было причиною, что Савва такъ и не получилъ отъ Потемкина обѣщанныхъ рекомендательныхъ писемъ и много жалѣлъ о томъ. Въ Кременчугѣ Савва видѣлся съ другими своими родственниками, а также съ генераломъ Хорватомъ. Чрезъ нѣсколько дней получены были извѣстія, что Турки ударили на Кинбурнъ, гдѣ командовалъ Суворовъ. Всѣ военныя власти спѣшили на свои мѣста, и Савва рѣшился продолжать путь на Полтаву.

До сихъ поръ Савва Текели зналъ Россію только въ ея новыхъ поселеніяхъ. На сколько роскошно и беззаботно жилось среди разноплеменнаго военнаго люда, расположившагося вдоль окраинъ государства, на столько бѣдна необходимыми для путника удобствами была жизнь во внутреннихъ губерніяхъ. Въ Полтавѣ не нашлось гостинницы, гдѣ бы можно было остановиться, а только кофейня, гдѣ давали напиться чаю или кофе, но печенаго хлѣба и жаренаго мяса можно было купить только на рынкѣ. «Тутъ я впервыя увидалъ, замѣчаетъ Савва, что иное дѣло—Россія господская, иное—Россія внѣ господскаго двора: никакаго пристаница для путниковъ. Я пошелъ осматривать городъ, гдѣ было очень мало приличныхъ зданій и почти всѣ изъ дерева; тутъ былъ уѣздный судъ, городскія и прочія управленія; тутъ стоялъ столбъ, поставленный на память о побѣдѣ Петра I надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ. Не имѣя что̀ смотрѣть, я вернулся къ своей телѣгѣ, ожидавшей меня на рынкѣ, гдѣ сидѣли торговки, продававшія жареное мясо, хлѣбъ, сыръ и проч. Я спросилъ моего проводника: вездѣ-ли такъ въ Россіи? Онъ отвѣ-

*) «Твора», или какъ объясняетъ Савва Текели въ примѣчаніи къ этому мѣсту: на одинъ глазъ раскосый, какъ и называли Потемкина Сербы, когда хотѣли, чтобы Русскіе не понимали, о комъ идетъ рѣчь.

чалъ: ей Богу, такъ, и здѣсь надо купить и взять съ собой, что̀ намъ нужно. И такъ онъ купилъ четверть жаренаго барана, сыру, хлѣба, нѣсколько бѣлыхъ хлѣбцевъ и соли, ибо мясо ѣдятъ не соленое. А какой въ немъ вкусъ? Приходилось больше питаться сыромъ и бѣлымъ хлѣбомъ, чѣмъ чернымъ и тѣмъ жаренымъ мясомъ. А при томъ никакаго вина, одна водка, которой я не могъ пить». Въ Ахтыркѣ Савва Текели видѣлъ чудотворную икону Богородицы въ богатыхъ ризахъ и кіотѣ, увѣшанномъ серебряными изображеніями глазъ, ногъ, рукъ и другихъ исцѣленныхъ частей тѣла.

Пріѣхавъ въ Курскъ, Савва замѣтилъ, что это былъ первый Великорусскій городъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, попадались все Малороссіяне, люди высокаго роста, съ бритыми головами и оставленнымъ на макушкѣ клочкомъ волосъ, за что Великороссіяне называли ихъ хохлами; но все это былъ народъ простой, довольно глупый въ рѣчахъ своихъ и неловкій въ движеніяхъ, совершенно различный отъ Великороссіянъ, даже по языку и одѣянію; словомъ, во всемъ они казались людьми тяжелыми; а Великороссіянинъ скоръ, поворотливъ, быстръ, добръ, храбръ, обманщикъ, что̀ у Малороссіянъ бываетъ рѣдко».

Перемѣнивъ въ Курскѣ лошадей, Савва получилъ въ извощики парнишку лѣтъ 12-ти. При выѣздѣ изъ города имъ пришлось ѣхать по плотинѣ вдоль большаго пруда. Они догнали телѣгу, въ которой сидѣла молодая женщина лѣтъ 19, а лошадьми правилъ 10 или 11-лѣтній мальчикъ. Савва шутя сказалъ своему проводнику: отнимемъ молодуху у парнишки; но проводникъ возразилъ: да вѣдь это его жена. Савва удивился, что у мальчика можетъ быть женою такая баба. Проводникъ посовѣтовалъ Саввѣ спросить о томъ своего извощика, который не только подтвердилъ сказанное стражмейстеромъ, но еще спросилъ Савву: развѣ не видали мою жену, что̀ принесла въ котомкѣ хлѣба? Но Савва припомнилъ, что то была женщина лѣтъ подъ 40 и не повѣрилъ было розсказнямъ своего извощика. Но тотъ такъ просто передалъ ему объ отношеніи своего отца къ снохѣ, о двухъ дѣтяхъ, записанныхъ на его имя, и прибавилъ, что и онъ дождется своей очереди, когда женитъ своего парнишку, что Савва пришелъ въ ужасъ. Но въ послѣдствіи, вернувшись въ Венгрію, Савва долженъ былъ, въ примѣчаніи къ этому мѣсту своей автобіографіи, сказать, что и у Венгерскихъ Русняковъ существовалъ подобный же обычай, только обратный: тамъ выдавали замужъ дѣвочекъ лѣтъ 7 или 8 и принимали къ нимъ въ домъ взрослыхъ парней, права надъ которыми принадлежали тещамъ.

Проѣзжая на пути ко Мценску селомъ Долгимъ, которое состояло собственно изъ нѣсколькихъ селеній съ церквами, раскиданныхъ вдоль большаго озера, Савва едва было не подвергся нападенію отъ мѣстныхъ сельчанъ, которые занимались грабежомъ проѣзжавшихъ чрезъ ихъ лѣсъ путниковъ. Въ самомъ Мценскѣ Саввѣ не пришлось остановиться на почтовомъ дворѣ, откуда раздавались людскіе кри-

ки и женскіе вопли: оказалось, что пріѣхавшія не задолго предъ ними почтовыя лошади привезли убитыхъ почталіона и ямщика.

Тула удовлетворила Савву тѣмъ, что онъ встрѣтилъ въ ней первый трактиръ, но за то удивила его необычнымъ общественнымъ явленіемъ. Когда онъ вышелъ на площадь, то увидалъ до сорока дѣвицъ, стоявшихъ толпою, и спросилъ проводника, что̀ онѣ тутъ дѣлаютъ, о чемъ шумятъ? «Продаются», былъ отвѣтъ.—«Что? развѣ люди продаются какъ скотина?» спросилъ Савва. «А подите къ нимъ сами», отвѣчалъ стражмейстеръ. На вопросъ Саввы дѣвицы заговорили на перебой: «купи насъ, господинъ, купи!» Савву ошеломилъ веселый видъ, съ какимъ дѣвицы говорили о собственной продажѣ; но онъ попробовалъ спросить ихъ: «а пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?»—«Намъ все равно—вамъ или другому служить», былъ отвѣтъ. По поводу такой встрѣчи Савва Текели пустился сравнивать обычаи Русскіе и Венгерскіе. Но такъ какъ размышленія не объясняли мѣстныхъ обычаевъ, то пришлось удовлетворить свое любопытство разспросами проводника. Тотъ, какъ видно, былъ знатокъ Русской народной жизни и разсказалъ Саввѣ слѣдующее: «Эти дѣвки изъ крѣпостныхъ, которыхъ здѣсь называютъ крестьянами. Крѣпостные люди не имѣютъ ничего, кромѣ души, остальное все помѣщиково. Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, корову, даже и одежду ихъ можетъ продать. Однако же помѣщики умѣютъ оберегать и защищать крѣпостныхъ, которые такому помѣщику не пожалѣютъ ничего отдать; а бываютъ между крѣпостными и очень богатые люди. Разсказываютъ, что въ 1772 году къ графу Салтыкову пришли его крѣпостные въ Валахію, гдѣ онъ воевалъ, и поднесли ему въ даръ 2,0000 рублей. Отъ этого Россія такъ скоро успѣла въ фабрикахъ и разныхъ художествахъ: ибо помѣщикъ, взявъ сына отъ отца, отдаетъ его учиться разнымъ ремесламъ, пошлетъ его въ Петербургъ или въ чужія земли, къ Нѣмцамъ, либо во Францію, а не то въ Англію, и оттуда возвращаются обученые и послѣ по всему царству производятъ свои ремесла и другихъ имъ обучаютъ. Отъ того, какъ бы мало ни было село у помѣщика, онъ все-таки имѣетъ своего кузнеца, каретника, портнаго, скорняка, сапожника и др». Савва припомнилъ, что и самъ видѣлъ у маіора Марковича, владѣвшаго всего 70 дворами, не только ремесленниковъ всякаго рода, но 14 музыкантовъ, живописца, двухъ поваровъ и пр., все изъ крѣпостныхъ. Савва даже нашелъ, что такой порядокъ вещей въ экономическомъ отношеніи несравненно выгоднѣе, чѣмъ существовавшій въ Венгріи. Тамъ никто не заботится объ обученіи ремесламъ народа, а если и берутъ ребятъ изъ-за хлѣба для обученія чему нибудь, то, отслуживъ извѣстные годы, такой ученикъ отходитъ отъ своего хозяина и остается безпомощнымъ; а сколько средствъ, заботъ и времени употребляется въ Россіи на совершенное обученіе крѣпостныхъ ремесламъ и художествамъ. «По истиннѣ, разсуждалъ Савва, наивеличайшіе памятники воздвигнуты людьми посредствомъ рабства; чрезъ него же обогатился и самый народъ, чтобы потомъ чрезъ свободныхъ людей произ-

вести что либо великое». Но въ послѣдствіи Савва познакомился и съ другими сторонами крѣпостнаго быта и вотъ какъ записалъ о нихъ въ своей автобіографіи: «Правда, что бываютъ и такіе негодяи, которые ставятъ на карту своего крѣпостнаго и проигрываютъ его, или отпускаютъ красивыхъ дѣвицъ въ Москву и Петербургъ зарабатывать нечестнымъ трудомъ деньги съ условіемъ, чтобы платили своему господину по 100 и по 200 рублей въ годъ, и тогда могутъ свободно заниматься своимъ ремесломъ, чему я не вѣрилъ; но одинъ маіоръ познакомилъ меня съ такою, и когда я сказалъ ей: «слышу, что ты крѣпостная, хочу тебя купить и увезти съ собою», тогда она стала плакать и просить, чтобъ я ея не покупалъ, и готова была отдать все, чтобы только ея не брали изъ Петербурга; она сказывала, что платитъ своему господину 10 рублей, но и господинъ потратился на нее, научивши ее музыкѣ, шитью и другимъ занятіямъ».

Съ рынка Савва ходилъ осматривать оружейный заводъ. Самое зданіе ему не понравилось, но громадность производившихся на немъ работъ изумила его. По этому случаю онъ замѣтилъ, что и всѣ Русскіе полки похожи на движущійся городъ, въ которомъ можно найти мастера всякаго ремесла. Съ завода Савва отправился въ балаганы, гдѣ торговали стальными вещами. Онъ нашелъ, что цѣлый аршинъ нанизанныхъ стальныхъ дробинъ стоилъ въ Тулѣ не болѣе 30 крейцеровъ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ каждое зерно стоило не менѣе 10 крейцеровъ. Кромѣ того Савва купилъ изящно отдѣланную подушку для шитья, какихъ въ Вѣнѣ нельзя было найти.

Въ Москвѣ Савва остановился въ Донскомъ монастырѣ у архимандрита Миланковича, родомъ Серба, изъ Новаго Сада. Архимандритъ этотъ купилъ Саввѣ всѣ церковныя вещи, пріобрѣсти которыя поручилъ ему Петръ Текели. Покупка обошлась въ 800 рублей. Самъ же Савва, вмѣстѣ съ племянникомъ архимандрита, отправился осматривать достопримѣчательности Москвы: Кремль, колокольню Ивана Великаго, царь-колоколъ, въ который они и входили, другой колоколъ, о которомъ Саввѣ разсказали, будто въ него звонили стрѣльцы, возставши противъ Петра Великаго, соборныя церкви съ ихъ богатыми ризницами и мощами, патріаршую ризницу съ ея драгоцѣнностями, приведшими Савву въ изумленіе, царскія палаты съ ихъ сокровищами, которыя въ тоже время осматривалъ и Голандскій посланникъ. Савва зашелъ и въ Гостиный дворъ, хотѣлъ приторговаться къ мѣхамъ, но они оказались несравненно дороже, чѣмъ въ Вѣнѣ. Самый Кремль и видъ съ него на зарѣчную сторону города очень понравились Саввѣ. Поразило его также множество церквей, архитектуру которыхъ онъ однакожъ не хвалилъ, хотя и остался доволенъ позлащенными куполами. О другихъ постройкахъ онъ выразился такъ: «Городъ совсѣмъ не красивъ; можно увидѣть палаты, стоющія до ста тысячъ, и рядомъ съ ними избушку въ сто рублей». За то Савва съ большой похвалою отзывается о такомъ достоинствѣ Москвы, которымъ не обладала, по его словамъ, столица Австріи того времени и которымъ ужъ никакъ не можетъ похвалиться со-

временная Москва. Даже не вѣрится, когда читаешь въ его автобіографіи слѣдующія слова: «Но какъ хорошо, что при такомъ множествѣ церквей нѣтъ ни одного нищаго, да и въ цѣлой Россіи я нигдѣ не видалъ на улицахъ просящихъ милостыни, только кой-гдѣ отставные офицеры ходятъ по домамъ, прося пособія; а у насъ цѣлые цехи нищихъ, которые одѣваются въ разодранныя платья, а дома ѣдятъ и бражничаютъ».

Изъ жителей Москвы Текели познакомился только съ двумя, къ которымъ возилъ его архимандритъ Миланковичъ: это были Сабакинъ и фельдмаршалъ-лейтенантъ Милорадовичъ. Къ первому они сначала явились съ визитомъ, а на другой день обѣдали у него. Онъ былъ человѣкъ богатый, и хотя другихъ гостей не было, но за столомъ служили 13 лакеевъ въ красивыхъ ливреяхъ и въ теченіе обѣда играло 12 музыкантовъ. Сабакинъ былъ человѣкъ малорослый, вдовый и жилъ съ любовницей. Послѣ обѣда архимандритъ спросилъ Сабакина безъ околичностей: «Вы имѣли жену, а теперь живете съ любовницей; скажите мнѣ вправду, которою вы болѣе довольны?» Сабакинъ отвѣчалъ: «Скажу вамъ правду, у меня была добрая жена, но съ любовницей живу лучше; не удивляйтесь тому, батюшка! Эта должна мнѣ угождать, опасаясь, чтобъ я ея не отправилъ, а женѣ я угождалъ, ибо иначе было нельзя». Савва Текели по поводу этого разговора замѣтилъ въ своей автобіографіи, что въ Россіи въ то время «никто не стѣснялся имѣть любовницу, которая распоряжается въ домѣ какъ жена, и дѣти рождаются, которыхъ никто не скрываетъ, какъ у насъ, но держатъ ихъ явно, какъ и законныхъ». Посѣщеніе Милорадовича оставило въ Саввѣ только два воспоминанія: что хозяинъ не зналъ посербски, а только порусски, и что въ комнатахъ у него было холодно, такъ что заѣзжій гость получилъ ревматизмъ въ ногахъ, просидѣвъ у фельдмаршала вмѣстѣ съ архимандритомъ два часа въ штиблетахъ и натянутыхъ брюкахъ со штрипками. Уже только черезъ два года Текели вылечился отъ ревматизма въ холодныхъ купальняхъ Вилагоша.

Проживъ въ Москвѣ съ недѣлю, Савва выѣхалъ на Тверь, чрезъ которую проѣзжалъ ночью и записалъ, что, во время перемѣны почтовыхъ лошадей, на башнѣ прозвонили часы, и всѣхъ ударовъ насчиталъ онъ 19: оказалось, что въ Твери на городскихъ часахъ время считалось отъ одной утренней зари до другой на цѣлыя сутки. Новгородъ, гдѣ Савва переночевалъ, понравился ему своимъ «увеселительнѣйшимъ» видомъ и торговымъ характеромъ. Даже не останавливаясь въ Царскомъ Селѣ, нашъ путникъ прибылъ въ Петербургъ, проѣхавъ отъ Москвы 137 миль по мостовой, сдѣланной изъ круглыхъ, неотесанныхъ еловыхъ бревенъ, отъ которыхъ при шибкой ѣздѣ экипажъ такъ трясся, что спутники Саввы нерѣдко кричали отъ боли: почти вся дорога шла низменными лугами, только кой-гдѣ попадались сухія мѣста безъ деревянной настилки. Прибывъ въ Петербургъ, Текели не нашелъ хорошей гостинницы и остановился въ частномъ домѣ, гдѣ и нанялъ квартиру въ три комнаты. Въ томъ же домѣ жилъ нѣкій маіоръ изъ Новой Сербіи, большой мотъ, хлопо-

тавшій объ отдачѣ въ залогъ своего имѣнія въ Петербургскомъ банкѣ. Паспортъ и подорожную у Текели взяли въ полицейское управленіе и возвратили ему лишь тогда, какъ онъ собрался въ обратный путь. Помѣщеніе Саввы приходилось какъ разъ противъ Исакіевской церкви, которую начала строить Елисавета Петровна, но Екатерина велѣла разобрать и вновь строить изъ мрамора: архитектура ея не понравилась Саввѣ. Конная статуя Петра Великаго остановила на себѣ его одобрительное вниманіе. Адмиралтейство, мраморный и зимній дворцы, домъ Ланскаго, каналы, набережныя, Смольный монастырь, Невскій проспектъ, Александровская Лавра, домъ умалишенныхъ были осмотрѣны Саввою въ первые же дни по пріѣздѣ. Невскій проспектъ въ то время не достигалъ до Лавры, и на пути къ ней расположено было село, занятое гусарскимъ эскадрономъ, который былъ учрежденъ Зоричемъ во время его близости ко двору и въ которомъ еще находилось на службѣ немало Сербовъ: капитаномъ былъ Войновичъ, у котораго и бывалъ не разъ Текели. Между профессорами Александро-Невской Лавры также былъ одинъ Сербъ, преподававшій философію, имя котораго однакожъ Текели забылъ. Затѣмъ онъ побывалъ въ торговыхъ баняхъ и удивился смѣшенію въ нихъ посѣтителей обоего пола и обычаю парящихся кидаться зимой въ обнаженномъ видѣ въ снѣгъ. На Петербургскихъ театрахъ въ то время играли на многихъ языкахъ. Русская опера понравилась Саввѣ не менѣе Итальянской: такаго прекраснаго пѣнія, декорацій и машинъ, какими отличалась опера «Иванъ Царевичъ», онъ не слыхивалъ и не видывалъ даже и въ Вѣнѣ. На Нѣмецкомъ театрѣ онъ смотрѣлъ «Der Ring», который видалъ и въ Вѣнѣ, но къ удивленію своему замѣтилъ, что въ Петербургѣ Нѣмецкій выговоръ показался ему грубымъ, что̀ онъ объяснялъ привычкою своего уха къ плавному Русскому говору. Мимоходомъ Савва замѣтилъ, что и новыя моды проникали въ Петербургъ ранѣе, чѣмъ въ Вѣну.

На Васильевскомъ острову Текели посѣщалъ коллегіи или дикастеріи, царскую библіотеку, кунстъ-кабинетъ, Академіи Наукъ и Художествъ, при чемъ познакомился съ своимъ соплеменникомъ Янковичемъ-де-Миріево. Въ Петропавловской крѣпости онъ поклонился гробницамъ умершихъ царей, былъ въ Кронштатѣ и Петергофѣ, который ему чрезвычайно понравился; посѣтилъ Ораніенбаумъ, гдѣ вспоминалъ о паденіи Петра III. Наконецъ съѣздилъ и въ Царское Село, гдѣ осматривалъ дворецъ.

Жизнь свою въ Петербургѣ Текели устроилъ такимъ образомъ. Занимая постоянную квартиру, онъ не имѣлъ у себя стола. Отправился было онъ въ рыбный рядъ закусить, спросилъ семги, и она ему не очень понравилась, а въ добавокъ неопрятность рыбнаго ряда произвела въ немъ такое отвращеніе, что онъ никогда болѣе не заходилъ въ него. Онъ скоро отыскалъ Итальянскій трактиръ, имѣвшій большую общую залу и много отдѣльныхъ комнатъ. Савва сначала помѣстился въ первой, подлѣ громаднаго стола, на который хозяинъ разставилъ до 60 блюдъ. Неопытный Текели принялся за супъ; но пока онъ сидѣлъ за нимъ, остальные посѣтители, ходя вокругъ

стола, накладывали себѣ въ тарелки всего, чтò попадалось подъ руку, и въ нѣсколько минутъ всѣ кушанья были истреблены. Уже самъ трактирщикъ, замѣтивъ неловкость новаго посѣтителя, подсунулъ ему какую-то мясную порцію. А между тѣмъ за такое участіе въ общемъ обѣдѣ платилось по 60 копѣекъ съ человѣка. Тогда Савва, вмѣстѣ съ маіоромъ, квартировавшимъ въ одномъ съ нимъ домѣ, уговорился съ трактирщикомъ объ отдѣльномъ обѣдѣ для нихъ въ особой комнатѣ, такъ что за 15, 16 блюдъ имъ приходилось платить не болѣе рубля. Ни о какихъ другихъ расходахъ своихъ въ Петербургѣ Савва не упоминаетъ. Только однажды зашелъ онъ въ гостинный дворъ и въ мѣховомъ ряду купилъ себѣ шапку за 10 р., хотя купецъ и запросилъ за нее сначала въ четверо дороже.

Что касается личныхъ знакомствъ Саввы въ Петербургѣ, то они, хоть не были многочисленны, ограничивались избраннымъ обществомъ. Прежде всего онъ былъ у графа Безбородки. Въ пріемной онъ нашелъ множество посѣтителей и между ними немало людей, украшенныхъ отличіями. Хотя Безбородко и скоро принялъ Савву, но, взявъ отъ него письмо, едва удостоилъ нѣсколькими вопросами о дядѣ и путешествіи и затѣмъ отпустилъ. Представясь Австрійскому посланнику Іосифу Кобенцелю, онъ нашелъ въ немъ чрезвычайно любезнаго и предупредительнаго человѣка. Кобенцель предлагалъ ему помѣщеніе у себя въ дому, отъ чего впрочемъ Савва отказался, и звалъ къ себѣ обѣдать въ каждый свободный для него день. У Кобенцеля онъ познакомился съ посланниками: Французскимъ Сегюромъ, Итальянскимъ, который всегда цѣловался при встрѣчѣ съ Саввою за то, что послѣдній говорилъ съ нимъ на Итальянскомъ языкѣ, съ Испанскимъ Лимою, который также обнималъ его всякій разъ, какъ Савва пробовалъ говорить съ нимъ поиспански. Однажды, придя къ Кобенцелю обѣдать, Савва неожиданно попалъ въ совершенно новое для него общество. «Вижу, накрытъ большой столъ, писалъ онъ потомъ. Кобенцель объявилъ, что у него будутъ обѣдать актеры. Это было мнѣ необычно, ибо въ то время у насъ на актеровъ смотрѣли какъ на бродягъ. Но я еще болѣе удивился, когда къ обѣду пріѣхали Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Безбородко, Французскій посланникъ и другіе великіе господа; оказалось, что комедіанты здѣсь были въ чести. При этомъ Французскій посланникъ читалъ сочиненную имъ комедію, въ которой особенно понравилось всѣмъ, какъ удачно изобразилъ онъ характеръ горничной».

«Всякое Воскресенье я ходилъ въ придворную церковь. Тутъ были три-четыре комнаты, которыми царица шла въ церковь: первая для Русскихъ министровъ, другая для иностранныхъ посланниковъ и лицъ генеральскаго чина. Чрезъ эту комнату проходилъ и великій князь Павелъ съ своею супругою и дѣтьми, Александромъ и Константиномъ. Въ этой же комнатѣ, довольно большой, сидѣли съ одной стороны придворныя дамы и фрейлины, одѣтыя въ драгоцѣнныя платья; особенно красива была фрейлина Нарышкина, 16 или 17 лѣтъ. Я ходилъ въ эту комнату, хотя и не имѣлъ генеральскаго чина; но

многіе обращали на меня вниманіе, потому что Французскій и Неаполитанскіе послы, находясь чаще всего подлѣ дверей, куда входили важные господа, всегда здоровались со мной, при чемъ нашъ посланникъ называлъ меня своимъ землякомъ, и это кидалось другимъ въ глаза. Однажды министръ представлялъ царицѣ одного молодаго офицера, когда она проходила въ церковь; офицеръ палъ предъ нею на землю и, кажется, поцѣловалъ край платья; царица едва взглянула на него. Царица не высокая женщина, полна и еще красива; на головѣ была у ней малая корона съ бриліантами. Въ третьей, меньшей комнатѣ, толпились штабъ-офицеры, которые не могли входить во вторую комнату; въ четвертой остальные офицерскіе чины. И такъ всякій рангъ имѣлъ свою комнату. Когда царица выходила, то министры давали знакъ о томъ и шли впередъ, за ними дѣти великаго князя, потомъ самъ онъ, наконецъ царица и за нею придворныя дамы. Въ церкви на переднихъ мѣстахъ съ правой стороны становилась только царская фамилія, а съ лѣвой до 30 пѣвчихъ, одѣтыхъ въ длинныя темноголубыя платья. Дворъ стоялъ благоговѣйно, а тамъ за баллюстрадой шли разговоры съ дамами и фрейлинами. Одинъ священникъ служилъ обѣдню, другой говорилъ краткую проповѣдь; служившій выносилъ царицѣ просфору, она цѣловала у него руку, а онъ у нея, послѣ чего царица обыкновенно уходила другимъ путемъ; да и въ церковь она являлась иногда этимъ путемъ, а не вышеписаннымъ. Что̀ мнѣ не совсѣмъ обычно было видѣть въ церкви, это именно ангеловъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, точно въ католическихъ церквахъ». Далѣе Савва говоритъ о церемоніи освященія воды въ день Богоявленія и главнымъ образомъ останавливаетъ свое вниманіе на парадной формѣ кавалергардовъ, Преображенцевъ и другихъ гвардейскихъ, конныхъ и пѣшихъ, полковъ. Каски нѣкоторыхъ изъ нихъ показались ему такъ украшенными, что и самъ Тезей не являлся такимъ разодѣтымъ на театральной сценѣ. Съ наступленіемъ зимы Текели былъ свидѣтелемъ конскихъ скачекъ на Невскомъ льду. Иные рысаки цѣнились до двухъ тысячъ рублей. Бывала также ѣзда на оленяхъ. Наконецъ Текели видѣлъ о масляницѣ общенародное гулянье и большое катанье съ ледяныхъ горъ.

Проживая въ столицѣ Русской имперіи, Савва рѣшился поступить въ Россіи на службу и съ этою цѣлію подалъ Іосифу Кобенцелю просьбу на имя императора, ходатайствуя въ ней о разрѣшеніи остаться въ Россіи. Кобенцель отправилъ его просьбу въ Вѣну и кромѣ того далъ ему письмо къ принцу Делиню, находившемуся въ главной квартирѣ у Потемкина. Савва однакожъ не воспользовался этимъ письмомъ. Во время его пребыванія въ Петербургѣ получено было донесеніе отъ его дяди о побѣдѣ надъ Кавказскими Татарами: плѣнныхъ было до 15,000. Екатерина наградила Петра Текели большимъ крестомъ св. Владиміра.

Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, Савва Текели выѣхалъ къ дядѣ, но не чрезъ Москву, а чрезъ Шкловъ, для того чтобъ повидаться съ Зоричемъ и осмотрѣть Витебскія деревни дяди.

Санной путь не понравился ему: встрѣтивъ подъ Петербургомъ глубокіе ухабы, онъ не шутя принялъ ихъ за шанцы. вылѣзъ изъ саней и только, провалившись по поясъ въ необъѣзженномъ снѣжномъ сугробѣ, убѣдился, что предполагаемые шанцы и была настоящая дорога. Тутъ онъ познакомился и съ лыжами. На пути онъ повстрѣчался съ какимъ-то коллежскимъ ассесоромъ, которому знакомъ былъ Шкловъ. Оба они явились къ Зоричу и были любезно приняты. Домъ Зорича не былъ еще отдѣланъ въ то время, но уже вполнѣ отстроенъ былъ Кадетсій корпусъ на 30 человѣкъ, которыхъ онъ обучалъ и содержалъ на свой счетъ. Приближенные Зорича разсказывали Саввѣ, что его соплеменникъ. столь близкій незадолго предъ тѣмъ къ Екатеринѣ, лишился ея милости за то, что не хотѣлъ подчиняться Потемкину. Три дня прожилъ Савва у Зорича, выслушивая отъ него большею частію разсказы о недавнемъ путешествіи въ Венгрію, изъ коего тотъ возвратился за два мѣсяца предъ тѣмъ. Витебскихъ деревень дяди Савва не видалъ, ибо не могъ разузнать съ точностью, гдѣ онѣ находятся. На послѣдней станціи предъ Черниговомъ, онъ испыталъ въ довольно морозный день, что̀ такое значитъ, когда станціонное начальство не захочетъ дать лошадей. Дѣло доходило чуть не до драки и разрѣшилось уже въ Черниговской полиціи взаимными жалобами нашего путника и станціоннаго писаря другъ на друга. За Черниговомъ началась оттепель, и Савва переѣзжалъ Днѣпръ подъ Кіевомъ съ большимъ страхомъ. Въ Кіевѣ онъ, разумѣется, посѣтилъ прежде всего Печерскую Лавру и ея пещеры. Кромѣ преданій о почивавшихъ въ нихъ затворникахъ, Савва наслушался разсказовъ о перемѣнахъ, произведенныхъ Екатериною въ управленіи монастырскими имуществами и въ способѣ содержанія иноковъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ только церковь св. Екатерины и поспѣшилъ выѣхать изъ Кіева въ виду наступавшей весны. Переждавъ въ Миргородѣ, пока пути поправились, Савва выѣхалъ къ Кавказской линіи. Изъ Миргорода онъ долженъ былъ отпустить на родину слугъ, взятыхъ имъ изъ Венгріи, а вмѣсто нихъ выбралъ двухъ парней между крѣпостными людьми своего дяди. Изъ Кременчуга Савва поѣхалъ вмѣстѣ съ курьеромъ, который отправлялся на Кавказскую линію. Въ Бахмутѣ, по совѣту курьера, Савва посѣтилъ губернатора, который жилъ въ небольшомъ деревянномъ домѣ. Губернаторъ встрѣтилъ гостей въ разорванной бекешѣ, а за обѣдомъ, хотя и жилъ въ мѣстахъ кругомъ заселенныхъ Сербами, и хотя зналъ, что у него въ гостяхъ племянникъ Петра Текели, такъ дурно описывалъ Сербовъ, называя грубыми и непослушными и приписывалъ имъ такіе недостатки, что Савва едва удержался, чтобы не отплатить ему тѣмъ же и замѣтилъ, что Сербы—не Русскіе крѣпостные, имѣютъ свою душу и не привыкли къ рабству.

Земля войска Донскаго понравилась Саввѣ. Онъ сравнивалъ казаковъ съ Австро-венгерскими граничарами. Всѣ земли были раздѣлены между казаками, и послѣдніе не зависѣли отъ помѣщиковъ; но многіе изъ казацкихъ старшинъ, занявъ огромное пространство земли подъ пастбища для своихъ стадъ, построили на нихъ сперва шалаши

и мазанки, а потомъ мало по малу населили ихъ своими крѣпостными, чрезъ что и въ землѣ Донскихъ казаковъ завелось крѣпостное право. Прибывъ въ Аксайскую станицу, гдѣ въ то время находилось главное управленіе казаками, Савва увидалъ широко разлившійся Донъ. Казацкій генералъ, узнавъ о его прибытіи чрезъ курьера, пригласилъ къ себѣ его на обѣдъ. Генералъ жилъ въ хорошемъ одноэтажномъ каменномъ домѣ. Савва провелъ у него время очень весело, ибо у генерала были двѣ красивыя дочери, которыя болтали съ гостемъ по-французски, хотя и одѣты были въ народныя платья. Съ большимъ трудомъ Савва и курьеръ переправились черезъ Донъ. Отправляясь въ степь, онъ долженъ былъ купить двухъ верховыхъ коней,—одного для себя, другаго для вещей, ибо въ степи не было почтовыхъ станцій; курьера же перевозили отъ форпоста до форпоста линейные казаки на своихъ лошадяхъ. Подъ Аксаемъ Текели видѣлъ первыя Калмыцкія юрты, осмотрѣлъ ихъ, описалъ внѣшній видъ Калмыковъ и Калмычекъ, ихъ одежду, пищу и житейскую обстановку. Впослѣдствіи отъ одного изъ Калмыцкихъ родоначальниковъ онъ получилъ въ подарокъ красивый лукъ со стрѣлами.

Отъ Дона до Донской Слободы считалось около сорока миль, но на всемъ этомъ разстояніи не было ни одного села; только чрезъ каждыя 2 или 3 мили попадались небольшіе редуты, вооруженные одною или двумя пушками и занятые пѣхотными солдатами, отъ 20 до 50 человѣкъ, и казаками въ такомъ же количествѣ. Эти сторожевые редуты назначены были для охраны почтъ, курьеровъ и другихъ путешественниковъ. Еслибы какой путникъ, прибывшій въ одинъ изъ такихъ редутовъ вечеромъ, захотѣлъ продолжать свой путь, то не былъ бы выпущенъ до утра, когда возвращаются ночные патрули изъ степи или окрестнаго лѣса: только курьеры могли ѣздить и ночью. Такимъ образомъ Савва продолжалъ свое путешествіе уже одинъ, сопровождаемый отъ редута до редута очередными казаками. Для него и для вещей устроенъ былъ въ Донской Слободѣ самодѣльный экипажъ, собранный изъ разнокалиберныхъ колесъ, запасныхъ сидѣній и дышла съ крышей, плетеной изъ лыка и укрѣплявшейся на небольшихъ колышкахъ. Но казацкія лошади, непривычныя къ упряжи, неразъ грозили опасностію такому экипажу; при выѣздѣ изъ одного редута, стоявшаго на берегу рѣки, лошади, сведенныя внизъ подъ уздцы казаками, подымаясь въ гору, понеслись, выбросили сѣдоковъ и вещи и скрылись въ степь. Одни казаки кинулись ловить ихъ, другіе принялись за починку экипажа. Вышло такое изобрѣтеніе, что жители слѣдующихъ редутовъ съ изумленіемъ осматривали экипажъ Саввы, который объяснялъ имъ, что онъ ѣдетъ изъ Петербурга и тамъ такіе экипажи въ модѣ. Съ тѣхъ поръ Савва Текели странствовалъ по Россіи уже не иначе, какъ имѣя при себѣ запасные ремни, веревки, пару деревянныхъ брусьевъ, ось, буравъ и топоръ.

Прибывъ въ Георгіевскую крѣпость, Савва нашелъ дядю больнымъ. Незадолго предъ тѣмъ, получивъ въ даръ отъ одного Черкескаго князя красиваго скакуна, не привыкшаго къ удиламъ, онъ осѣдлалъ его по своему и когда, сѣвъ на него, хотѣлъ потянуть за узду, конь пере-

кинулся назадъ и повалился на упавшаго всадника. Петръ Текели долго провалялся въ постели, и только необычайно крѣпкая натура спасла его отъ смерти. Больной принялъ племянника сердито. Пока дядя былъ боленъ, Савва, познакомившись съ однимъ инженеромъ, обошедшимъ все предкавказье, срисовалъ у него многія карты,на которыя нанесены были тамошнія мѣстности. Другаго занятія не зналъ въ это время Савва, живя въ деревянномъ баракѣ, обитомъ снаружи полотномъ, а извнутри зеленымъ сукномъ и раздѣленномъ на спальню и столовую, съ стеклянным окномъ въ каждой. Онъ досталъ спеціальныя карты отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа, составленныя въ генеральномъ штабѣ, между коими были даже карты каждой горы, долины, рѣки и потока; онъ переносилъ ихъ на одну общую карту, доводя ее за Яикъ до Монгольскихъ предѣловъ. Начались и другія занятія. Такъ, онъ осмотрѣлъ развалины древняго города, находившіяся близъ Георгіевска внизъ по рѣкѣ Кумѣ. Онѣ назывались Маджары, и на ихъ мѣстѣ существовало маленькое сельцо. Савва рѣшилъ, что тутъ нѣкогда жило Мадьярское племя, ибо историки говорятъ, что оно переселилось въ Европу изъ-за Дона. Близость рѣкъ Терека и Кумы къ развалинамъ Маджаръ дали поводъ Саввѣ выводить отсюда Мадьяръ, Куманъ и Турокъ, какъ одноплеменные народы; ибо съ одной стороны Византійскіе историки называли Мадьяръ Турками, а съ другой—и въ лексическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніи Турецкій и Мадьярскій языки сходны между собою. Кавказскія горы Текели видѣлъ только издали: изъ Георгіевска они представлялись въ видѣ бѣлаго длиннаго полотна, протянувшагося по направленію отъ Чернаго къ Каспійскому морю; ибо эти горы покрыты были вѣчнымъ снѣгомъ, и среди этихъ снѣжныхъ вершинъ возвышалась, какъ копна въ полѣ, одна, которую Татары называли Шаръ, а Русскіе—Эльбрусъ (древняя Erberus). Тогда разсказывали, что до послѣдняго времени никто не восходилъ на вершину Эльбруса; но за три года предъ тѣмъ генералъ-поручикъ Эммануилъ, родомъ Сербъ изъ Вержца, пообѣщалъ отъ 100 до 200 р. тому, кто поднимется на эту вершину, и послѣ многихъ затрудненій одному Черкесу удалось достигнуть цѣли и поставить на горѣ изображеніе Русскаго орла съ крестомъ. Немало занимало Савву и самое населеніе Кавказа. Онъ вѣрилъ, что тамъ можно было насчитать до ста разноплеменныхъ родовъ, жившихъ по разнымъ законамъ и обычаямъ. Прежде всего онъ познакомился съ Нѣмецкими поселеніями, расположенными подъ Моздокомъ вдоль Терека. Затѣмъ онъ видѣлъ Ингушевцевъ, о которыхъ ему разсказывали, что они вѣрятъ въ св. Илію, и если случится, что молніей убьетъ какую женщину, то они радуются и принимаются за веселую пляску, говоря, что Илія взялъ ее себѣ въ жены, затѣмъ кладутъ трупъ на телѣгу, запряженную волами, и куда они двинутся, туда идетъ за ними и народъ, а гдѣ остановятся, тамъ и погребаютъ тѣло. Отъ Кавказскихъ племенъ безпрестанно пріѣзжали къ Петру Текели разные люди: одни, чтобъ посмотрѣть на генерала, другіе для переговоровъ. Въ то время Кабардинцы и Черкесы были въ союзѣ съ Русскими, и два князя ихъ, посѣтивъ

генерала, заходили въ шатеръ къ Саввѣ. На нихъ были надѣты кольчуги, а отъ ручныхъ сочлененій до локтя шла шина изъ отлично выдѣланнаго желѣза, которую они и подставляютъ, еслибъ кто захотѣлъ ударить ихъ саблей по головѣ. Оба они были высокаго роста, но ни станомъ, ни лицомъ не были красивы. Они были въ шапкахъ, имѣвшихъ форму срѣзанной дыни и обшитыхъ позументомъ; шея голая; одежда, какъ выражается Текели, на подобіе «нашихъ Аттилъ или Зриній» *); пояса шелковые съ золотомъ; на груди съ обѣихъ сторонъ по шести патроновъ; нижнее платье бѣлое, а на ногахъ изъ черной кожи башмаки. Они подарили Саввѣ другой лукъ со стрѣлами. Третій Черкесъ, постоянно жившій въ Георгіевскѣ, выучилъ Савву стрѣлять изъ лука. Тутъ же онъ ближе познакомился съ Селимъ-Гиреемъ, сыномъ бывшаго Крымскаго хана, и съ Грузинскимъ царевичемъ, котораго онъ называетъ Хираисіемъ. Съ первымъ Савва ѣздилъ иногда въ окрестныя Татарскія села, и жители падали ницъ предъ ханычемъ, а иные цѣловали подолъ его платья. Текели такъ описываетъ бытъ Кавказскихъ Татаръ: «Села ихъ состояли изъ избъ, разставленныхъ въ общій кругъ, дворы покрыты тростникомъ; на ночь скотина загонялась въ эти дворы; но Татары часто крали ее другъ у друга. Дѣвушки носили красную шапочку, бѣлую рубашку, перехваченную поясомъ и иногда украшенную шитьемъ, красные шаровары, а женщины одѣвались точно также съ тою лишь разницей, что голову покрывали бѣлымъ полотномъ, а верхнюю одежду носили изъ бумажной матеріи, преимущественно краснаго цвѣта. Женщины были толще, дѣвицы тоньше, ибо послѣднихъ нарочно кормили не до сыта; но тѣ и другія одинаково имѣли естественную бѣлизну и румянецъ на лицѣ и были несравненно красивѣе Ногайскихъ Татарокъ». Савва охотно водился и съ казаками, которые обучали его наѣздничеству, и знакомъ былъ съ нѣкоторыми изъ ихъ офицеровъ. Онъ былъ въ дружбѣ съ толмачами разныхъ языковъ, которыхъ было много въ Георгіевскѣ, и при помощи ихъ записывалъ разныя свѣдѣнія о туземныхъ нарѣчіяхъ. Зналъ онъ также одного Нѣмца штабъ-лѣкаря, который обыкновенно угощалъ Савву наилучшимъ Токайскимъ виномъ, какое только случалось пивать ему въ Венгріи. На вопросъ: откуда у него такое вино, лѣкарь отвѣчалъ, что царица отдала его въ аптеку для больныхъ солдатъ, но онъ уже почти все выпилъ съ пріятелями, а солдатамъ даетъ туземный чихирь, Татарское питье, которое приготовляется такъ: когда настоящее вино сцѣдятъ, то въ чанъ опять нальютъ воды, и она, смѣшавшись съ отстоемъ и простоявъ дней десять, приметъ винный вкусъ и запахъ,—пьется много, а напиться до пьяна нельзя.

Текели замѣчаетъ, что въ рѣчныхъ долинахъ на Кавказѣ, кромѣ винограда, росли смоква, яблоки, персики и т. п. плоды. Но все это росло единственно подъ покровомъ природы; обработанныхъ

*) Такія названія даны жителями Венгріи старинному національному одѣянію, въ память объ Атиллѣ и о знаменитомъ банѣ Зрини.

садовъ почти не было; около Кизляра разводился рисъ, фунтъ коего стоилъ 2 копѣйки. Изъ звѣрей водились рыси, леопарды, гіены и другіе хищники; для яствъ употреблялись олени, серны, кабаны, зайцы. Въ степяхъ къ Дону водился звѣрокъ байбакъ, въ родѣ кошки съ рыжею шерстью, жилъ въ норахъ какъ мышь; выходя изъ норы, онъ обыкновенно свисталъ какъ человѣкъ; а если кто нибудь приближался къ нему, то опять свиснувъ уходилъ въ нору. Однажды Савва провелъ нѣсколько часовъ за охотою на этого звѣрка: скроется въ одну нору, а появится потомъ гдѣ-либо въ сторонѣ; только-что обернешься къ нему, онъ опять въ нору. Такъ и не удалось убить ни одного; другое дѣло, если бы охотились вмѣстѣ человѣка три. Изъ птицъ водились дикіе гуси и утки, фазаны, тетерева, рябчики. Нѣкоторые изъ нихъ были такаго краснаго цвѣта, какъ сукно на гусарахъ. Особенно много было куропатокъ, которыхъ казаки били, подкрадываясь къ нимъ подъ прикрытіемъ, сдѣланнымъ изъ полотна на подобіе лошади; отъ краевъ такаго прикрытія шли длинныя крылья; ими ловецъ и охватывалъ часть пространства, на которомъ паслись куропатки. Послѣднія такъ глупы, что принимаютъ полотно за настоящую лошадь и даже клюютъ подошедшаго казака въ ноги. Иногда казаки ловятъ такимъ образомъ цѣлое стадо, которое, посоливъ какъ бѣлугу, посылаютъ далѣе на продажу. Драхвы также подпускали къ себѣ шаговъ до десяти. Въ рѣкахъ водилась рыба, похожая на селедь и появлявшаяся въ большомъ количествѣ дважды въ годъ. Бѣлуги, осетры, карпы, макрель водились во множествѣ; фунтъ лучшей икры стоилъ не болѣе 30 копѣекъ. Раковъ же никогда не видалъ столько на своемъ вѣку Текели. Всѣ берега усыпаны были остатками отъ нихъ, ибо ловцы вырывали только бѣлое мясо изъ нихъ, а остальное кидали на мѣстѣ. Отъ 30 до 40 раковъ можно было купить за копѣйку. Къ Саввѣ въ баракъ чрезъ каждые три дня приносили новую траву, и однажды ночью проснувшись онъ подумалъ, что его баракъ горитъ: такъ много было свѣтляковъ и въ травѣ, и по всей комнатѣ.

Хорошо жилось Саввѣ Текели въ тѣхъ мѣстностяхъ, но не было ладовъ у него съ дядею. Многіе думали, что Петръ Текели возметъ племянника къ себѣ въ адъютанты, но этого не сбылось. Съ каждымъ днемъ онъ показывалъ все болѣе и болѣе не только равнодушіе, но иногда и ненависть къ Саввѣ. Послѣдній пересталъ ходить на обѣды къ дядѣ и имѣлъ столъ у полковника Павлова, который также не пользовался расположеніемъ Петра Текели. Когда дядя совсѣмъ выздоровѣлъ, Савва сталъ мало по малу приготовляться къ отъѣзду; но въ тоже время разузнавалъ о причинахъ такой немилости со стороны дяди. Отчасти тогда же, отчасти впослѣдствіи, онъ узналъ, что виновниками такихъ отношеній къ нему Петра Текели были: любовница послѣдняго (который имѣлъ отъ нея сына и дочь), другой дядя, полковникъ Лазарь, у котораго было три сына и двѣ дочери, маіоръ Игнатій Степановичъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ генерала, завѣдывавшій его денежными дѣлами и надѣявшійся послѣ его смерти быть душеприкащикомъ его, что̀ и сбылось къ

ихъ несчастію, и маіоръ Островскій, первый адъютантъ Петра Текели, женатый на дочери Станковича. Они напѣли старику въ уши, будто-бы Савва, проживая въ Петербургѣ, подавалъ жалобу Государынѣ на дядю за то, что онъ ввелъ въ ихъ фамилію незаконныхъ дѣтей. Кажется, этой выдумкѣ вѣрилъ и дядя Лазарь, ибо самъ открылъ ее Саввѣ; но послѣдній объяснилъ ему, что, будучи юристомъ, не могъ подавать такой жалобы, ибо признаетъ за всякимъ право свободно располагать своимъ имуществомъ. Прощаніе дяди съ племянникомъ было сухое: не было ни вопроса о томъ, зачѣмъ уѣзжаетъ, ни приглашенія оставаться. Уже на другой день, предъ самымъ отъѣздомъ Саввы, Петръ Текели прислалъ ему 2000 рублей. Хотя у Саввы было и достаточно денегъ на путевыя издержки; но, не желая ссориться съ дядей, онъ принялъ подарокъ. Но когда онъ кормилъ лошадей на первой станціи, его догналъ курьеръ съ письмомъ отъ адъютанта, который требовалъ возвращенія двѣнадцати паръ ножей, полученныхъ имъ еще въ Миргородѣ чрезъ тамошняго адъютанта Петра Манойловича, которому онъ и хотѣлъ возвратить ихъ подъ росписку. Савва отвѣчалъ письмомъ къ Островскому, требуя, чтобы оно было показано Петру Текели. Въ письмѣ Савва жаловался, что дядя, во все время пребыванія его въ Георгіевскѣ, съ весны до Сентября, не требовалъ ножей, а теперь, отпустивъ уже въ дорогу, послалъ за ними какъ за украденною вещью, и что онъ готовъ возвратить теперь не только данныя деньги, но и подаренную нѣкогда казацкую сбрую, отдѣланную серебромъ, ибо дорожитъ своей честью болѣе, чѣмъ богатствомъ. Въ письмѣ было прибавлено, что Савва будетъ ждать отвѣта отъ дяди на той же станціи. Вмѣсто того дядя прислалъ Саввѣ приказъ ко всѣмъ властямъ давать ему въ проводники по два казака для безопасности, и Савва поѣхалъ далѣе.

До Ставрополя путники проѣхали покойно; тутъ повстрѣчались имъ казаки, которые спѣшили въ городъ въ вѣстію, что Татары прорвались сквозь кордонъ и захватили въ плѣнъ 13 женщинъ и дѣтей. Савва, разсудивъ, что Татары не будутъ долго держаться съ плѣнными за кордонной линіей, рѣшился продолжать путь; но ему пришлось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ укрываться въ одной рощѣ отъ группы всадниковъ, скакавшихъ въ сторонѣ по степи и показавшихся его проводникамъ Татарами. Савва и его спутники могли встрѣтить враговъ восемнадцатью выстрѣлами, но никто не нападалъ на нихъ, и къ полночи они прибыли въ станицу Московскую. На слѣдующій день Савва не успѣлъ доѣхать до села Донскаго и ночевалъ недалеко отъ него подъ стогомъ сѣна. Отъ Донской до Аксайской станицы не произошло ничего замѣчательнаго съ нашимъ путникомъ: онъ записалъ только, что въ огородахъ одной станицы онъ видѣлъ необыкновенной величины огурцы, до фута длины, встрѣчалъ въ поляхъ много дико растущаго хрѣна, тюльпановъ и пѣтушьихъ гребешковъ. «И такъ, прибавляетъ онъ, пройдя эту пустыню, я переѣхалъ чрезъ Донъ у Аксайской станицы и, оставивъ тутъ Азію, вступилъ въ Европу». На этотъ разъ Савва познакомил-

ся въ Аксаѣ съ мѣстными винами и нашелъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ Венгерскимъ. Съ еще меньшими приключеніями проѣхалъ Савва отъ Аксая до Кременчуга; только, проѣзжая чрезъ одно село бывшихъ Запорожцевъ, онъ побаивался, чтобъ мѣстные жители не узнали, что онъ племянникъ генерала, раззорившаго ихъ Сѣчь. Изъ Кременчуга онъ проѣхалъ къ другому дядѣ въ село Александровку. Здѣсь онъ размышлялъ о томъ, не отправиться ли прямо къ Потемкину и проситься къ нему въ службу; ибо въ Россіи въ то время ученую степень доктора приравнивали къ маіорскому чину; но разсудилъ, что Потемкинъ можетъ встрѣтить его замѣчаніемъ: если бы ты былъ годный къ службѣ человѣкъ, то зачѣмъ было бы родному дядѣ отпускать тебя? И такъ Савва рѣшился ѣхать на родину и отдалъ подаренные ему дядею Петромъ 2,000 р. дядѣ Лазарю, взявъ съ него квитанцію, по которой могъ получить равноцѣнную сумму изъ экономіи, управлявшей Венгерскими имѣніями дяди Петра.

Не такъ-то скоро отдѣлался Савва отъ гостепріимныхъ соплеменниковъ своихъ, засѣвшихъ въ Новосербіи. Цѣлая недѣля прошла въ обѣдахъ и ужинахъ, на которые пріѣзжали гости по сосѣдству, а въ промежуткахъ шли танцы и пляски. Затѣмъ дядя Лазарь собрался провожать племянника, и на пути заѣхали къ генералъ-порутчику Чорбѣ, дядиному тестю; тутъ снова пиры. Потомъ и съ цѣлымъ семействомъ Чорбы поѣхали къ генералу Хорвату. Тамъ ожидалъ ихъ балъ съ музыкой, а на другой день большой обѣдъ. Оттуда, всѣ, въ томъ числѣ и семья Хорвата, направились къ нѣкоему Димѣ, гдѣ послѣдовало новое пиршество, и за тѣмъ съ Димичами вся компанія собралась къ подполковнику Станковичу. Напировавшись и наплясавшись у него и опять-таки вмѣстѣ съ его домочадцами, выѣхали всѣ къ другому Хорвату, маіору, такъ что ему пришлось угощать уже 94 человѣка гостей, и при нихъ 96 лошадей. Такъ проводили время отцы и дѣды Гоголевскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Послѣ двухдневнаго пребыванія у Станковича удалось наконецъ Саввѣ, поблагодаривъ родню и новыхъ знакомцевъ своихъ за любовь и угощеніе, подняться въ Миргородъ. Однакожъ и въ Умани ему пришлось угощаться у тамошняго маіора, родомъ Серба. Здѣсь во время ужина такъ искусно играли на гитарѣ два крѣпостныхъ казачка, подплясывая подъ свою игру, что Савва хотѣлъ было купить одного изъ нихъ у маіора за 100 дукатовъ; но вспомнилъ, что въ Венгріи нѣтъ крѣпостнаго права, и купленный имъ можетъ, прибывъ туда, искать себѣ свободы. Охотниками до свободы оказались даже нанятые Саввою люди: едва онъ переѣхалъ за Польскую границу, какъ бѣжалъ отъ него кучеръ; остался при немъ только слуга-парнишка, но и тотъ впослѣдствіи спился.

У Тарнополя Савва подвергся осмотру Австрійской таможни: у него отобрали лукъ со стрѣлами, какъ военную контрабанду. Во Львовѣ ему удалось выхлопотать у главнаго начальника Галицкихъ таможенъ приказаніе возвратить отобранныя у него вещи; но такъ какъ Тарнопольская таможня подчинена въ средней инстанціи таможнѣ

Бродской, то и приказаніе должно было идти сперва въ Броды, а оттуда вмѣстѣ съ предписаніемъ отъ мѣстнаго начальства уже въ Тарнополь. Отвезти приказаніе и принять вещи вызвался Еврей факторъ. Путешествіе его обошлось Саввѣ въ 35 дукатовъ и кромѣ того задержало его на 4 дня во Львовѣ. Такимъ бюрократическимъ пріемомъ встрѣтила Австрія возвращавшагося на родину доктора правъ. Въ Венгріи же ему сказали о нашествіи Турокъ и мятежѣ Румынъ въ Трансильваніи. Въ Арадѣ Савва уже не нашелъ никого изъ своихъ родныхъ: всѣ бѣжали въ виду воинственныхъ слуховъ. Савва поспѣшилъ въ Пештъ, куда и прибылъ во время Рождественскихъ праздниковъ *).

Въ столицѣ Венгріи уже никто не говорилъ о блестящемъ докторскомъ диспутѣ Текели. Всѣ забыли молодаго свѣтскаго Серба. Савва рѣшился напомнить о себѣ оригинальнымъ способомъ. Онъ отправился на одинъ изъ общественныхъ баловъ, надѣвъ богатое Татарское платье, а на лицо маску, и перекинувъ за плечо лукъ со стрѣлами. Великосвѣтскія дамы, особенно графини Алмаши, Радаи и Гадекъ, стали распрашивать его; но онъ говорилъ только потурецки. Привели одного Грека, который понималъ потурецки и сталъ переводить имъ рѣчи Текели; но никто его не признавалъ за Турка, находя отвѣты его слишкомъ цивилизованными для поклонника Магомета. Графиня Гадекъ пригласила его на менуетъ, Текели не отказался; дошла очередь до l'ombre, Савва и тутъ отличился. Это собрало около него чуть не всѣхъ присутствовавшихъ на балу: одни разсматривали его одѣяніе, другіе—оружіе. Предъ разъѣздомъ дамы просили его быть и на слѣдующемъ балу. Текели, разумѣется, не отказался. Когда Татаринъ показался въ обществѣ, то познакомившіяся съ нимъ наканунѣ дамы стали рекомендовать его небывшимъ на вчерашнемъ балу, изъявляя при этомъ сожалѣніе, что представляемый говоритъ только потурецки. Но къ удивленію ихъ Татаринъ объявилъ, что, желая сдѣлать пріятное Пештскимъ дамамъ, онъ за ночь изучилъ всѣ языки, на которыхъ говорятъ въ ихъ городѣ. На него посыпались вопросы на Французскомъ, Итальянскомъ, Мадьярскомъ, Словацкомъ, Сербскомъ и Греческомъ языкахъ, и на всѣ получены были отвѣты. Вопрошавшія дамы рѣшили, что переодѣтый Татаринъ долженъ быть Австрійскій посланникъ въ Константинополѣ графъ Эстергази, и просили его продолжать свои посѣщенія общественныхъ баловъ. На слѣдующій разъ Текели явился въ костюмѣ Еврея и хотя безъ маски, но сильно загримированный, и опять никто его не узналъ. Общее любопытство росло и въ слѣдующіе дни, а между тѣмъ Савва сталъ одѣваться все проще и проще, пока не былъ узнанъ женою одного изъ членовъ «Септемберскаго стола». Такъ удалось Саввѣ Текели снова занять мѣсто въ общественной жизни своей родины и познакомиться съ аристократическимъ міромъ ея, послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Пешта.

*) Здѣсь оканчивается та часть автобіографіи, которая напечатана въ «Сербской Лѣтописи»; дальнѣйшій разсказъ заимствуемъ изъ брошюры Субботича (стр. 40—41).

Недолго жалѣлъ онъ о томъ, что ему не удалось остаться въ Русской службѣ: онъ посвятилъ свои силы и способности на служеніе Венгріи и въ особенности ея Сербамъ. Только спустя два года по пріѣздѣ изъ Россіи онъ столкнулся съ возвратившимся оттуда же Петромъ Стояновичемъ, который видѣлся съ его дядею и разсказалъ ему слѣдующее. Потемкинъ спрашивалъ старика Текели: «какъ вы, Петръ Абрамовичъ, ни одного изъ вашихъ двухъ племянниковъ, такихъ хорошихъ молодцовъ, не удержали при себѣ?» Старикъ извинялся, говоря, что у племянниковъ хорошія имѣнія въ Венгріи, которыхъ имъ не хотѣлось оставить. Потемкинъ, кажется, не повѣрилъ такому объясненію; не вѣрили и другіе. Но дядя распорядился хорошо: безъ его суроваго пріема, Венгерскіе Сербы лишились бы въ Саввѣ Текели одного изъ лучшихъ народныхъ дѣятелей своихъ, перваго покровителя школъ и возрождавшейся Сербской литературы.

Нилъ Поповъ.

Разсказы изъ недавней старины.

М. В. Велинскій [1]), служившій въ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи чиновникомъ IV класса, получилъ однажды записку отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой спрашивалось о днѣ высочайшаго пріема для прибывшихъ въ Петербургъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей. На запискѣ этой рукою Николая Павловича была сдѣлана отмѣтка: «завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». (Государь и дворъ въ это время имѣли пребываніе въ Петергофѣ). Повелѣніе это было передано Велинскимъ министру. Но затѣмъ Велинскій сообразилъ, что въ слѣдующій день приходилась Суббота, а пріемы губернаторовъ и предводителей (какъ онъ замѣтилъ) назначались всегда Государемъ по Воскресеньямъ, и потому онъ далъ знать министру, что «Государю Императору благоугодно назначить пріемъ не завтра, а послѣ завтра, въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ портфель Государю Велинскій вложилъ записку слѣдующаго содержанія: «В. И. В. изволили назначить пріемъ (такихъ-то) губернаторовъ и губернскихъ предводителей завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Принимая во вниманіе, что въ теченіи моей пятнадцатилѣтней службы не было примѣра назначенія Вашимъ Величествомъ пріема губернаторовъ и губернскихъ предводителей въ Субботу, а всегда въ Воскресенье, и полагая, не произошло ли здѣсь ошибки въ дняхъ, я извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ о назначеніи пріема въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Если же я сдѣлалъ ошибку, всеподданнѣйше прошу В. И. В-во меня простить». На другой день, въ Субботу, Государь прибылъ въ Зимній дворецъ, что̀ сдѣлало для Велинскаго предположеніе собственной ошибки болѣе вѣроятнымъ. Въ двѣнадцатомъ часу онъ посылаетъ во дворецъ своего курьера; но проходитъ часъ, другой, — курьеръ не возвращается. Велинскій остается въ самой томительной неизвѣстности, почти не отходитъ

[1]) Тайный совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Велинскій, Черниговскій помѣщикъ, былъ впослѣдствіи вице-директоромъ и директоромъ Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства. Это тотъ Велинскій, у котораго на рукахъ, во время пожара въ Зимнемъ дворцѣ, былъ домашній архивъ Государя и капиталъ въ 5 милліоновъ рублей. Послѣ пожара на вопросъ Государя: «что̀, Велинскій, все сгорѣло?» Велинскій имѣлъ счастіе, къ удовольствію Государя, отвѣчать: «все цѣло, Ваше Величество». Онъ лично самъ все спасъ.

отъ окна. Въ половинѣ третьяго пріѣхали курьеры и его, и дворцовый съ портфелемъ. Велинскій, трепещущій, высыпаетъ нетерпѣливо изъ портфеля всѣ бумаги и находитъ между ними свою записку съ надписью Государя карандашемъ: «А я и забылъ, что сегодня Суббота». Велинскій поцѣловалъ эту надпись, а записку сохранилъ на память.

Этотъ случай, какъ увидимъ, послужилъ въ пользу Велинскому. Когда учрежденъ былъ Инспекторскій Департаментъ гражданскаго вѣдомства, и статсъ-секретарь Танѣевъ представилъ на благоусмотрѣніе Государя—назначить вице-директоромъ Велинскаго, Государь ему сказалъ: «Ты хочешь разскасировать мою канцелярію? Къ Велинскому я привыкъ, и онъ изучилъ мои привычки».

Однако Государь уступилъ представленію Танѣева, и Велинскій былъ назначенъ вице-директоромъ.

Когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся Государю, онъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную. Я хочу знать всѣхъ моихъ чиновниковъ, какъ я знаю всѣхъ офицеровъ моей арміи. У насъ чиновниковъ болѣе, чѣмъ требуется для успѣха службы; я хочу, чтобы штатъ чиновниковъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности, какъ, напримѣръ, въ моей канцеляріи. У насъ есть много честныхъ тружениковъ, кои несутъ всю тягость службы, не пользуясь ея преимуществами; между тѣмъ есть такіе, кои, пользуясь службою другихъ, получаютъ всѣ преимущества по службѣ. Я не хочу, чтобъ было такъ!» Всѣ поклонились, а Велинскій присовокупилъ: «Постараемся исполнить волю Вашего Величества». Государь, взглянувъ на него, произнесъ задушевнымъ тономъ: «Что̀ тутъ моя воля? Тутъ надо думать о благѣ общемъ!»

Служба въ собственной Е. И. В. Канцеляріи была такова, что Велинскому пришлось прожить тяжкіе два года, въ теченіи коихъ онъ видѣлъ дѣтей своихъ только спящими: онъ возвращался домой, когда дѣти спали, обходилъ ихъ кроватки, осѣняя спящихъ крестнымъ знаменіемъ; уѣзжалъ же онъ, когда дѣти еще не вставали, и тѣмъ же порядкомъ съ ними прощался. Праздниковъ для него не существовало. Усердіе Велинскаго не укрылось отъ Государя, и Его Величество, говорятъ, указывалъ на него какъ на примѣрнаго или, вѣрнѣе сказать, безпримѣрнаго труженика. Однако служба эта отозвалась на здоровьи Велинскаго: онъ получилъ нервное трясеніе въ рукахъ и ногахъ, вслѣдствіе чего не могъ ходить безъ посторонней помощи, а потому долженъ былъ подать въ отставку. Вмѣсто отставки онъ получилъ отпускъ для излеченія и денежное пособіе. Не получая облегченія, Велинскій неоднократно возобновлялъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, но вмѣсто отставки, получалъ, какъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, такъ и при благополучно нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, отсрочку отпуска. Такимъ образомъ онъ два, если не три, года считался въ отпуску съ сохраненіемъ полнаго содержанія. Наконецъ, по настоятельной его просьбѣ, онъ уволенъ былъ въ отставку въ 1855 году съ пенсіономъ въ 5500

рублей, а въ слѣдующемъ году, во время коронаціи, о немъ вспомнилъ Государь Императоръ и изволилъ, отставному уже, прислать Владимірскую звѣзду.

*

Не припомню въ которомъ году, не припомню и именъ дѣйствующихъ лицъ (въ этомъ, полагаю, не заключается особой важности) былъ слѣдующій замѣчательный случай. Одинъ молодой человѣкъ, чиновникъ, получавшій отъ отца по 50 рублей 1-го числа каждаго мѣсяца, возымѣлъ крайнюю нужду въ такой суммѣ (кажется, вслѣдствіе карточнаго проигрыша). Отецъ его былъ человѣкъ аккуратный до странности: сынъ и наканунѣ 1-го числа никогда не имѣлъ права просить у него назначеннаго ему мѣсячнаго содержанія. Не расчитывая на отца (Петербургскія же улицы не украшались еще тогда вывѣсками «ссуда подъ залогъ»), молодой человѣкъ поспѣшилъ къ своему пріятелю, офицеру, у котораго всегда были свободныя деньги. Не заставъ его, онъ идетъ прямо въ спальню и въ знакомомъ ему мѣстѣ, гдѣ тотъ клалъ деньги, никогда не запирая, взялъ 50 рублей, расчитывая ему сказать при свиданіи. Между тѣмъ пріятель-офицеръ, возвратясь домой и не досчитавшись денегъ, заявилъ о томъ полиціи. При допросѣ, деньщикъ, утверждая, что онъ денегъ не бралъ, указалъ на г-на N, который одинъ входилъ въ спальню, когда его офицера не было дома. Такимъ образомъ N, быть можетъ, и безъ воли хозяина, привлеченъ былъ къ слѣдствію. Онъ, разумѣется, во всемъ сознался, объясняя, что не успѣлъ только предупредить объ этомъ пріятеля. Но тѣмъ не менѣе, какъ дѣло началось уже, его заключили въ арестантское помѣщеніе при полиціи. Отецъ, узнавъ объ этомъ, подалъ Государю прошеніе, коимъ, не оправдывая сына до окончанія дѣла, просилъ лишь о скорѣйшемъ рѣшеніи, такъ какъ люди, съ которыми вмѣстѣ заключенъ его сынъ, могли или совершенно растлить его, или произвести на него такое нравственное потрясеніе, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ бы оставаться полезнымъ членомъ общества, хотя и оказалась бы въ его поступкѣ одна необдуманность. Государь на этомъ прошеніи положилъ слѣдующую резолюцію: «Завтра въ 10 часовъ представить мнѣ на конфирмацію». Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ сутки времени дѣло должно было пройти по слѣдующимъ инстанціямъ: представлено въ Губернское Правленіе; въ Губернскомъ Правленіи составленъ журналъ о неимѣніи препятствій для преданія суду N, подписанъ всѣми членами, утвержденъ губернаторомъ, пропущенъ губернскимъ прокуроромъ, и за тѣмъ дѣло при указѣ отослано въ Уѣздный Судъ; въ Уѣздномъ Судѣ составленъ приговоръ (чего конечно нельзя было сдѣлать безъ знакомства съ дѣломъ), подписанъ членами, пропущенъ уѣзднымъ стряпчимъ; затѣмъ дѣло при рапортѣ представлено въ Уголовную Палату на ревизію; въ Уголовной Палатѣ составлено опредѣленіе, подписано членами, пропущено прокуроромъ и препровождено при отношеніи на заключеніе губернатора, а съ заключеніемъ при рапортѣ представлено въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ составлено опредѣленіе, подписано сенаторами, пропущено оберъ-прокуроромъ и препровождено на заключеніе министру внутреннихъ

дѣлъ (такъ какъ чиновникъ N служилъ по его вѣдомству), а съ его заключеніемъ черезъ министра юстиціи въ Комитетъ Министровъ, и черезъ сей послѣдній уже Государю Императору на конфирмацію.

Понятно, что ночь была проведена всѣми безъ сна, во всѣхъ этихъ мѣстахъ были чрезвычайныя засѣданія, всю ночь скрипѣли перья, летали курьеры, и высочайшая воля была исполнена. Конечно, при обыкновенномъ движеніи этого дѣла, потребовалось бы времени по меньшей мѣрѣ годъ. Не помню, какъ рѣшили Палата и Сенатъ, но N былъ Государемъ разжалованъ или сданъ въ рядовые и отправленъ на Кавказъ, а черезъ мѣсяцъ прощенъ. Въ настоящее время судъ вѣроятно оправдалъ бы N, и нынѣ скажутъ, что наказаніе было слишкомъ строго. Но здѣсь очевидно наказаніе исходило не отъ личной строгости, а отъ строгаго взгляда на понятіе чести.

*

На это указываетъ и слѣдующій случай.

Князь N, человѣкъ отмѣнно честный, бывъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и всегда нуждаясь въ деньгахъ вслѣдствіе безпечнаго хозяйства, подписалъ предложеніе Приказу Общественнаго Призрѣнія доставить ему извѣстную сумму (кажется, 20 т. р. ассигнаціями). Сумма эта оказалась только что внесенною въ Приказъ одною помѣщицею. Передъ отъѣздомъ князя изъ города, помѣщица, узнавъ о судьбѣ своего капитала, явилась къ нему съ требованіемъ ея денегъ. Князь ее обнадежилъ въ немедленномъ исполненіи ея законнаго требованія. Не получая однако денегъ, помѣщица обратилась къ преемнику князя N, князю Долгорукову, а послѣдній написалъ къ князю N. Не получая отвѣта, онъ написалъ вторично. На сей разъ былъ отвѣтъ, но очень рѣзкій. Князь Долгоруковъ представилъ все это Государю.

Государь получилъ почту съ этимъ роковымъ для князя N извѣстіемъ, бывши въ Красномъ Селѣ, передъ самыми маневрами, назначенными въ 4 часа утра. Князь N долженъ былъ туда же явиться. Онъ встрѣтилъ Государя со свитою на плотинѣ, возлѣ какой-то деревушки. Государь такъ грозно посмотрѣлъ на него, что, какъ говорилъ князь N графу Орлову, онъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, принимавшій въ своемъ домѣ коронованныхъ особъ, считалъ себя совершенно уничтоженнымъ и никогда въ жизни не испытывалъ такаго трепета и страха, какой испыталъ подъ вліяніемъ этого взгляда. Затѣмъ, кажется, графъ Бенкендорфъ, подъѣхавъ къ нему, объявилъ высочайшую волю: отправиться въ Петербургъ на свою квартиру и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Не зная причины, встревоженный князь пріѣхалъ къ графу Орлову въ Царское Село. Онъ засталъ его за завтракомъ и просилъ узнать о причинѣ гнѣва Государева. У графа Орлова завтракалъ въ это время д. с. с Шкляревичъ, со словъ котораго и передается настоящій разсказъ [2]). Спустя нѣкоторое время, при дворѣ былъ балъ. Опальный князь, не получая никакаго повелѣнія, явился на балъ какъ генералъ-адъютантъ. Къ нему

[2]) Д. с. с. Шкляревичъ, бывшій Минскій, а потомъ Смоленскій губернаторъ, Черниговскій помѣщикъ.

подошелъ графъ Бенкендорфъ и объявилъ, что онъ считается арестованнымъ. Это конечно смутило князя до крайности. На вопросъ его: что̀ ему дѣлать? графъ Бенкендорфъ посовѣтовалъ ѣхать за границу, что̀ тотъ и сдѣлалъ.

*

Слѣдующій случай даетъ намъ указаніе на то, какъ Государь былъ внимателенъ къ заслугамъ. Въ Енисейской губерніи въ 1843 году взбунтовались 22 тысячи раскольниковъ. Они выпороли исправника, чуть не убили губернатора. Сей послѣдній, не принявъ лично никакихъ мѣръ, ограничился донесеніемъ о случившемся и испрашивалъ высочайшаго повелѣнія, какъ поступить? Государь, объявивъ ему выговоръ, повелѣлъ двинуть войско, усмирить бунтовщиковъ, снести часовню, отобрать попа (отставнаго солдата), а виновныхъ подвергнуть строжайшему наказанію. При генералъ-губернаторѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій штабъ-ротмистръ Безносиковъ [3]), бывшій еще очень молодымъ человѣкомъ. Безносиковъ, желая уберечь народъ отъ несчастій, а казну отъ лишнихъ расходовъ, упросилъ генералъ-губернатора дозволить ему съѣздить и попробовать путемъ убѣжденій достигнуть желаемаго Государемъ результата.

Этотъ случай самъ по себѣ не безъинтересенъ, а потому я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторыми подробностями, какъ слышалъ отъ генерала Безносикова.

Ему дано было 36 казаковъ съ есауломъ и при нихъ чиновникъ Губернскаго Правленія. Съ этою силою онъ прибылъ въ первое взбунтовавшееся селеніе вечеромъ. Вскорѣ по пріѣздѣ его, хозяинъ дома, въ которомъ остановился Безносиковъ, выдававшій себя человѣкомъ, преданнымъ законному порядку, вошелъ, встревоженный, въ комнату и сообщилъ, что дворъ окруженъ народомъ и что Безносикова хотятъ убить. При этомъ онъ обязательно предложилъ проводить его за огородъ, гдѣ его сынъ на лихой тройкѣ готовъ къ услугѣ. Безносикову это показалось подозрительнымъ, такъ какъ казаки были возлѣ дома и во дворѣ и должны бы объ этомъ дать знать. Онъ поручилъ есаулу провѣрить слова хозяина; а когда есаулъ явился съ предложеніемъ связать хозяина, устроившаго Безносикову ловушку, послѣдняго уже не было. Онъ исчезъ.

Однако обстоятельство это немало встревожило пріѣзжихъ, и они легли спать не въ особенно спокойномъ настроеніи.

Здѣсь произошелъ странный случай съ Безносиковымъ. Едва онъ легъ въ постель и загасилъ свѣчу, какъ замѣтилъ подошедшую къ нему человѣческую фигуру, которая, нагнувшись къ нему, произнесла слѣдующія слова: «будь покоенъ, завтра до вечерни попостись, и все будетъ хорошо». Безносиковъ вскочилъ, окликнулъ есаула, тотъ зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ не оказалось никого. На другой день рано утромъ пріѣхали они въ другое селеніе, состоящее изъ 8 тысячъ душъ, средоточіе бунта, въ коемъ была сооружена часовня. Послали за выборными. Явилось нѣсколько тысячъ народа и стали шумѣть такъ,

---

[3]) Генералъ-маіоръ Константинъ Степановичъ Безносиковъ воспитывался въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, скончался 1876 года.

что нельзя было понять ихъ объясненій. Едва Безносикову удалось убѣдить ихъ, что толковать съ цѣлою толпою невозможно и что они должны выбрать человѣкъ шесть старѣйшихъ и разумнѣйшихъ домохозяевъ. Они выбрали 70 человѣкъ, которыхъ Безносиковъ и велѣлъ ввести во дворъ. А толпа на улицѣ гудѣла и увеличивалась отъ притока единомышленниковъ изъ другихъ селеній. Безносиковъ объяснилъ имъ, что Государь Императоръ повелѣлъ двинуть сюда 10 т. войска для усмиренія бунта, что здѣсь камня на камнѣ не останется и что черезъ нѣсколько дней не будетъ и признаковъ существованія селенія. Отвѣты выборныхъ были дерзки. Тогда Безносиковъ далъ имъ понять, что онъ лично за себя ничего не боится, что, еслибъ вздумали они и убить его, ничего не выиграютъ, такъ какъ онъ явился къ нимъ почти одинъ, въ расчетѣ подѣйствовать на ихъ разсудокъ, а если для вразумленія ихъ нужна сила, то она и явится и съ тяжкими для нихъ жертвами возстановитъ порядокъ; при этомъ онъ крикнулъ, что ему предоставлена неограниченная власть (это сказано было съ горяча) и что ни одинъ изъ нихъ не выйдетъ живымъ. Сказавъ это, онъ велѣлъ запереть ихъ въ сарай, а самъ вернулся въ комнату, гдѣ хозяинъ между тѣмъ накрылъ столъ для обѣда. Всѣ отказались отъ ѣды. Безносиковъ понималъ конечно, что слова его не имѣютъ никакаго значенія, а шумъ возлѣ дома усиливался, съ чѣмъ вмѣстѣ усиливалось и опасеніе за собственную жизнь. Въ такомъ положеніи онъ провелъ 2—3 часа. Наконецъ, выборные просили отпустить изъ нихъ 12 человѣкъ къ народу потолковать. Отпустить было рискованно, но и не исполнить ихъ требованія тоже не было возможнымъ. Безносиковъ велѣлъ отпустить 6 человѣкъ. Въ скоромъ времени онъ замѣтилъ на улицѣ пыль, а потомъ скачущую тройку. Когда тройка поравнялась съ воротами его квартиры, изъ телѣги выбросили какой-то тюкъ, который былъ подхваченъ казаками и внесенъ быстро во дворъ, ворота котораго сейчасъ же были заперты, тройка же умчалась. Оказалось, что это былъ не тюкъ, а раскольничій попъ, котораго громада рѣшилась выдать обманомъ. Затѣмъ явилась громада съ повинною. Безносиковъ объяснилъ имъ, какое несчастіе могли они навлечь на себя своимъ упорствомъ. Они отвѣчали ему, что имъ дѣлалась поблажка властями, съ вѣдома коихъ и часовня устроена, и попъ выписанъ, и что все это имъ очень дорого стоитъ. «И жаль намъ, говорили они, нашихъ затратъ». При этомъ они просили его обратить къ нимъ милосердіе Царя. Безносиковъ, похваливъ ихъ разсудительность, далъ слово просить генералъ-губернатора объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго прощенія (что̀ и было достигнуто). Тутъ же была разобрана часовня, снесены иконы, утварь, книги въ квартиру Безносикова, который сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ всего этого, вмѣстѣ съ попомъ, подъ охраною конвоя, по указанному имъ маршруту. Но маршрутъ этотъ секретно былъ измѣненъ. Такая предусмотрительность оказалась весьма умѣстною; такъ какъ въ 30 верстахъ сдѣлана была засада нѣкоторыми злоумышленниками, съ цѣлію отобрать драгоцѣнную для нихъ кладь.

Вернувшись въ квартиру, Безносиковъ нашелъ на столѣ супъ, поданный домовымъ хозяиномъ. Сѣли за столъ въ полномъ удовольствіи, и въ тоже время раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Всѣ перекрестились и вспомнили удивительное предсказаніе вчерашняго вечера.

Представляя дѣло это министру, генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о награжденіи Безносикова. Министръ на это представленіе отвѣчалъ, что въ прошедшемъ году Безносиковъ получилъ орденъ св. Владиміра (кажется, за описаніе р. Амура, по которой онъ первый проплылъ), а потому онъ не считаетъ возможнымъ исполнить желаніе генералъ-губернатора. Государь, интересуясь этимъ дѣломъ, потребовалъ подлинное производство. Разсмотрѣвъ его, онъ спросилъ: что̀ получилъ ротмистръ Безносиковъ за свой подвигъ? Министръ доложилъ о причинѣ, по которой онъ не смѣлъ представить его къ наградѣ. Тогда Государь на докладѣ написалъ: «Ротмистра Безносикова, *въ примѣръ прочимъ*, произвести въ слѣдующій чинъ». Разумѣется для Безносикова это было высшею наградою, нежели и самый чинъ [4]).

Интересно затѣмъ было распоряженіе провіантскаго вѣдомства. Безносиковъ, во время похода, своей командѣ (36 казакамъ), шедшимъ на опасный подвигъ, для подкрѣпленія и ободренія ихъ, выдавалъ мясную и водочную порціи. Провіантское вѣдомство нашло, что Безносиковъ допустилъ здѣсь произволъ, такъ какъ отпускъ мясной и водочной порцій не былъ ему разрѣшенъ, а потому израсходованные имъ на сей предметъ 136 рублей распорядилось вычесть изъ его жалованья. Такой вычетъ изъ ротмистрскаго жалованья, когда кромѣ его ничего не имѣлось, вѣроятно былъ очень чувствителенъ. Это, думаю, умалило и удовольствіе получить чинъ, за который тоже дѣлался вычетъ. А между тѣмъ, что̀ стоило бы правительству передвиженіе 10,000 войска и сколько сбережено здѣсь жертвъ?!

*

Говорятъ, Государь Николай Павловичъ считалъ Понедѣльникъ днемъ тяжелымъ и никогда не выѣзжалъ въ дорогу по Понедѣльникамъ, а обыкновенно въ Воскресенье послѣ литургіи. По дорогѣ къ Москвѣ приказывалось готовить обѣдъ въ Ижорѣ и непремѣнно два блюда: щи и кашу. Разъ мѣстное купечество поднесло свѣжія большія стерляди, усердно прося приготовить для Государя. По общему совѣту рѣшились подать уху. Государь, увидѣвъ уху, разгнѣвался и, обратясь къ А. Ѳ. Львову, сказалъ: «Такъ исполнена моя воля? Лошадей!!» и, не обѣдавъ, выѣхалъ, а обѣдалъ уже вечеромъ [5]).

Другой образчикъ простоты въ жизни покойнаго Государя. Проѣзжалъ онъ разъ черезъ Пропойскъ (Могилевской губерніи) и остановился на ночлегъ. Въ комнату внесли складное кресло. Потомъ

---

[4]) Здѣсь произошла оригинальная случайность: ротмистръ Безносиковъ получилъ о производствѣ его приказъ за подписью наказнаго атамана Безносикова и дежурнаго штабъ-офицера Безносикова (первый былъ его отецъ, а послѣдній братъ).

[5]) Отъ т. с. Велинскаго.

камеръ-лакей принесъ на маломъ подносѣ графинчикъ водки со стаканчикомъ, два ломтя чернаго хлѣба и соль. Государь выпилъ стаканчикъ водки, посолилъ ломоть хлѣба, закусилъ и показалъ графу Орлову. Тотъ сдѣлалъ тоже самое. Затѣмъ Государь, освѣдомившись, что офицеръ, стоящій въ той же комнатѣ на часахъ, не понимаетъ пофранцузски, съ четверть часа поговорилъ съ графомъ Орловымъ, потомъ пожалъ ему руку, пожелавъ покойной ночи. Государь легъ, не раздѣваясь, на походномъ креслѣ, а графъ Орловъ легъ на диванѣ [6]).

Государь скоро привыкалъ къ платью, экипажамъ и лошадямъ и не любилъ перемѣнъ. Если ему подавалась новая лошадь, онъ спрашивалъ: «Это что за лошадь?»—«Новая, Ваше Величество».—«Дрянь, слабосильна!» Затѣмъ Государь дѣлалъ такіе концы, что лошадь возвращалась совершенно мокрою. «Я говорилъ, что слабосильна», замѣчалъ Государь, выходя изъ саней. Также точно новый экипажъ всегда казался Государю съ недостатками: «коротокъ, негдѣ ногъ протянуть». По большей части новую лошадь или сани подавали въ первый разъ вечеромъ, когда Государь ѣхалъ въ театръ, а на другой день на вопросъ Государя: «это что за лошадь? это что за экипажъ?» ему отвѣчали: «Вчера изволили ѣздить въ театръ, Ваше Величество». Замѣчаній уже не было [7]).

Разсказы изъ ежедневной жизни покойнаго Государя умилительны. Государь занимался всегда до двухъ, а иногда до трехъ часовъ ночи. Камердинеръ его говаривалъ: «Засну иной разъ, а потомъ очнусь и подумаю: не пора ли Государю подавать одѣваться? Загляну, а онъ самъ раздѣлся и легъ. Иной разъ съ просонья слышу шорохъ; смотрю, а Государь, замѣтивъ, что я заснулъ, на носочкахъ проходитъ мимо меня».

Государь былъ набоженъ. Окончивъ занятія, онъ всегда колѣнопреклоненно молился передъ кіотомъ, прилѣпивъ восковую свѣчу къ спинкѣ стула. Разъ, по утомленію отъ трудовъ, позднею ночью, онъ задремалъ, склонивъ голову на стулъ. Между тѣмъ свѣча нагнулась, и воскъ сталъ капать на подушку стула, близъ самой головы. Камердинеръ, увидѣвъ это, разбудилъ Государя и позволилъ себѣ замѣтить: «Вѣдь вотъ, Ваше Величество, вѣрно не желаете, чтобы знали, что вы такъ молитесь?»—«Да», отвѣчалъ Государь. «А вотъ свѣча-то какъ наклонилась, и воскъ на стулъ капаетъ; еще бы немного нагнулась, на голову бы вамъ капнула, знакъ бы остался (Государь, какъ извѣстно, имѣлъ лысину), и догадались бы».—«Правду говоришь, старикъ», замѣтилъ Государь. «Не позволите-ли: я аналойчикъ сдѣлаю?»—«Нѣтъ, хуже будутъ знать». Такимъ образомъ старикъ устроилъ въ кіотѣ выдвижную дощечку, въ которую вставилъ металлическую трубочку для свѣчи [8]).

---

[6]) Отъ Могилевскаго старожила П. Г. Ганкевича, а онъ слышалъ отъ офицера, бывшаго на караулѣ.

[7]) Отъ полковника гвардіи Аполлона Ивановича Энгельмейера, а онъ слышалъ отъ покойнаго камердинера Государева.

[8]) Отъ т. с. Велинскаго.

Дошло до свѣдѣнія Государя, что его лейбъ-кучеръ раздаетъ деньги офицерамъ за проценты. Государь на другой день, сѣвъ въ сани, приказалъ ѣхать на Каменно-островскій проспектъ, затѣмъ повернуть въ какой-то переулокъ, гдѣ ни души зимою нельзя встрѣтить. Тутъ уже онъ далъ волю своему гнѣву. «Ты у меня ростовщикомъ сдѣлался!» крикнулъ онъ. «Офицерамъ за проценты деньги раздаешь!» и спина виновника почувствовала физическую силу Государя. «Я тебя туда сошлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ», прибавилъ въ заключеніи Государь. Но послѣ Государь никогда нн слова не говорилъ объ этомъ, хорошо понимая, что проступокъ, вызвавшій такой гнѣвъ Государя, не могъ повториться [9]).

*

Слѣдующіе случаи могутъ дать понятіе, какъ Государь чтилъ церковь и ея уставы.

У насъ распространено невѣрное сказаніе объ открытіи тріумфальныхъ воротъ въ Москвѣ, будто бы митрополиту Филарету, отказавшемуся освящать ихъ, такъ какъ на нихъ изображенъ «языческій богъ» (Марсъ на коняхъ), Императоръ приказалъ передать: «скажите Филарету, что я не Петръ и онъ не Митрофаній». Ничего этого не было. Напротивъ, Императоръ поступилъ какъ Петръ. Когда флигель-адъютантъ Государя пріѣхалъ къ Филарету и объяснилъ ему, что «Государю Императору благоугодно завтра освятить тріумфальные ворота, Филаретъ, устремивъ взоръ долу, отвѣчалъ «слышу». Флигель-адъютантъ продолжалъ: «Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освященіи». Филаретъ отвѣчалъ тѣмъ же «слышу,» также понуривъ голову и съ тою же задумчивостію. «Не будетъ ли какихъ распоряженій, ваше высокопреосвященство? Чтò прикажете доложить Государю Императору?» «А чтò слышите», отвѣчалъ тѣмъ же тономъ владыка. Когда Государь спросилъ: «А чтò Филаретъ?» флигель-адъютантъ доложилъ, что онъ его не понялъ и до-словно передалъ Государю свой разговоръ съ высокопреосвященнымъ. «А! такъ я понимаю», замѣтилъ Государь. «Приготовить лошадей: я сегодня уѣзжаю». Такимъ образомъ открытіе происходило въ отсутствіи Государя. Полковой священникъ отслужилъ передъ войсками молебенъ, и участіе церкви въ этомъ торжествѣ тѣмъ и кончилось [10]).

Многимъ памятно еще удаленіе митрополитовъ Московскаго Филарета и Филарета Кіевскаго отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Слухи о причинѣ этого удаленія ходили чудовищные. Хотя оно вызвано было интригою, но Государемъ руководила единственно ревность къ церкви: на Филаретовъ указывали какъ на либераловъ, вводящихъ въ церковь новшества.

Профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Павскій, читавшій Еврейскій языкъ, переводилъ на лекціяхъ Библію. Въ продолженіи семи лѣтъ она, такимъ образомъ, была переведена, и у воспитанни-

---

[9]) Отъ полковника Энгельмейера.

[10]) Со словъ одного почтеннаго іерарха нашей церкви, бывшаго тогда въ Москвѣ.

ковъ оказалась вся Библія въ Русскомъ переводѣ. Иногда записки ихъ поправлялись Павскимъ, иногда нѣтъ, что̀, быть можетъ, и было причиною появленія въ переводѣ нѣкоторыхъ ошибокъ. Воспитанники, желая имѣть возможно большее число экземпляровъ, отлитографировали записки свои. Эти экземпляры пошли на расхватъ. Одинъ экземпляръ какая-то Московская дама передала инспектору Московской Духовной Академіи Агаѳангелу [11]). Онъ нашелъ здѣсь что-то протестантское и написалъ замѣчанія на пяти листахъ. Замѣчанія преимущественно относились къ эпиграфамъ. Агаѳангелъ препроводилъ записку свою и литографированную Библію кому-то въ Петербургъ. Дѣло стало гласнымъ. Снарядили комиссію изъ слѣдующихъ лицъ: Венедиктъ, епископъ Ревельскій, викарій С.-Петербургскій, Войцеховичъ, директоръ Канцеляріи Св. Синода и Сербиновичъ, директоръ оберъ-прокурорской канцеляріи. Въ Академіи сдѣланъ былъ обыскъ, но нашли всего пять экземпляровъ. Государь Императоръ, чрезъ оберъ-прокурора, повелѣлъ передать дѣло на обсужденіе Св. Синода. Филареты Кіевскій и Московскій подали такое мнѣніе: «Если народъ жаждетъ читать слово Божіе на родномъ языкѣ, то задача высшаго церковнаго правительства должна состоять въ томъ, чтобы удовлетворить этой духовной потребности народа, а потому слѣдуетъ настоящимъ трудомъ воспользоваться, исправивъ готовый переводъ, а что̀ еще не переведено, перевести» [12]). Митрополитъ Серафимъ (бывшій тогда уже дряхлымъ старикомъ) высказался въ пользу безусловнаго воспрещенія перевода. Мнѣніе свое онъ поручилъ написать ректору Академіи Аѳанасію [13]). Такъ какъ это мнѣніе отвѣчало взглядамъ, т. е. вѣрнѣе сказать, видамъ оберъ-прокурора, то мнѣнія Филаретовъ никто не поддерживалъ. Государю же объяснено было, что это можетъ породить новый расколъ. Тогда на докладѣ Государь написалъ: «Благодарю преосвященнаго Серафима за его ревность къ Православной церкви, а митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго уволить на епархіи» [14]).

Строгость такой мѣры относительно святителей Филаретовъ созналъ и самъ Государь. Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена комиссія, и Синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолили» [15]).

Говорили мнѣ въ Кіевѣ, что въ первый затѣмъ пріѣздъ Государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ: «Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ».—«Кто ихъ училъ?» спросилъ Государь.

---

[11]) Извѣстный ревнитель церкви, архіепископъ Волынскій. † 1875 г.

[12]) Черезъ 30 лѣтъ это мнѣніе вошло въ сознаніе правительства.

[13]) Бывшій епископъ Астраханскій, нынѣ на покоѣ въ Москвѣ.

[14]) Отъ бывшаго тогда воспитанникомъ Петербургской Академіи Н. Г. Г.

[15]) Отъ него же. См. ниже письма Серафима. П. Б.

«Матерь Божія», отвѣчалъ простодушно владыка. «А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего», замѣтилъ Императоръ.

*

Покойный протопресвитеръ арміи и флота (или, какъ назывался тогда на церковно-русскомъ языкѣ, оберъ-священникъ) Кутневичъ перенесъ гоненіе. Его желали отдалить и создать новое званіе архіепископа арміи и флота. Эта мысль поддерживалась оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ. На мѣсто это имѣлось въ виду назначить Аѳанасія, ректора Петербургской Академіи. По довѣрію къ архимандриту Аввакуму [16]), жившему тогда на покоѣ въ Невской Лаврѣ, планъ этотъ былъ сообщенъ ему. Предлогомъ къ удаленію Кутневича былъ оказывавшійся у него недостатокъ въ переходящихъ суммахъ. Войцеховичу было поручено обревизовать его книги. Добрякъ Аввакумъ не вытерпѣлъ, отправился къ Кутневичу и все передалъ. Кутневичъ просто сказалъ Войцеховичу: «Да что̀ вы тутъ стараетесь? У меня недостаетъ десяти тысячъ. Да будетъ воля Божія и начальства; я готовъ принять наказаніе». Все это было доведено до свѣдѣнія Государя, кажется княземъ Гагаринымъ. Государь послалъ Кутневичу 10 т. для пополненія недочета, а когда черезъ два-три дня графъ Протасовъ представилъ докладъ, Государь его уничтожилъ. Кстати о Кутневичѣ. Онъ былъ уроженецъ Могилевской губерніи и воспитывался въ Могилевской Семинаріи. Когда, проѣздомъ на богомолье въ Кіевъ, Московскій митрополитъ Платонъ останавливался въ Могилевѣ, Кутневичъ, бывъ воспитанникомъ, произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Преосвященный Платонъ, подошедъ къ нему и погладивъ по головѣ, сказалъ: «Это будетъ человѣкъ извѣстный». Покойный Кутневичъ завѣщалъ сыну, въ бытность въ Могилевѣ, посѣтить Семинарію. «Въ актовомъ залѣ, отойдя отъ дверей на 6 шаговъ, ты будешь, говорилъ онъ, стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ я, произнося передъ митрополитомъ Платономъ рѣчь и слушалъ его одобреніе». Сынъ исполнилъ [17]).

*

Извѣстно, что Государь строго смотрѣлъ на дисциплину и при этомъ былъ внимателенъ къ положенію солдатъ. Разъ, во время Турецкой войны, въ лѣтній жаркій день, не помню, было ли сдѣлано передвиженіе войскъ или смотръ прибывшаго полка, знаю только, что полкъ былъ въ ранцахъ и полной походной формѣ. Когда Государь, осмотрѣвъ, ушелъ въ свою палатку, всѣ начальствующіе разошлись, а полкъ остался на томъ же мѣстѣ, подъ ружьемъ. Государь сидѣлъ въ своей палаткѣ у окна и занимался. Увидѣвъ въ окно Дибичева адъютанта Долинскаго, онъ далъ знать ему рукою, чтобы онъ подошелъ. «Гдѣ дежурный флигель-адъютантъ?» спросилъ онъ. «Здѣсь нѣтъ, Ваше Величество». Государь вышелъ быстро изъ палатки, схватилъ Долинскаго за руку и приказалъ вести себя въ чью-то палатку. Зашедъ къ Дибичу, онъ засталъ его обливающагося водою. Между тѣмъ, услыхавъ голосъ Государя, скоро собрались всѣ. Го-

[16]) Служившій 20 лѣтъ при Китайской миссіи.

[17]) Отъ Могилевскаго каѳедральнаго протоіерея о. Петра Ганкевича.

сударь съ большимъ гнѣвомъ говорилъ: «Всѣ предаются отдыху, а о бѣдныхъ людяхъ не подумали, что они въ ранцахъ, подъ ружьемъ въ жару стоятъ. Ложись!» крикнулъ затѣмъ Государь, и вся команда легла [18]).

*

Разъ, въ бытность въ Варшавѣ, Государь, проживая въ Лазенковомъ дворцѣ, замѣтилъ въ окно, что часовой сдѣлалъ проходившему мимо гауптвахты офицеру на караулъ, но офицеръ не отдалъ чести. Государь вышелъ изъ дворца и, подойдя къ часовому, спросилъ: «замѣтилъ ты, что офицеръ не отдалъ чести?»

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

— Знаешь ты его?

— Никакъ нѣтъ, В. И. В—во.

— А въ лицо можешь узнать?

— Могу, В. И. В—во.

— Такъ слушай: никогда этому офицеру не дѣлай на караулъ; а если онъ тебя спроситъ: почему? скажи, что Императоръ не приказалъ. Слышишь?

— Слушаю, В. И. В—во.

Въ тотъ же день было это извѣстно въ полкахъ и конечно послужило добрымъ предостереженіемъ [19]).

*

Въ 1845 году въ Вяткѣ были постоянные поджоги. Уголовною Палатою 48 человѣкъ оставлено было, по недостаточности уликъ, подъ подозрѣніемъ. Губернаторъ Тюфяевъ представилъ министру о необходимости сослать ихъ въ Сибирь, доказывая, что эти 48 человѣкъ суть единственные поджигатели, такъ какъ, когда производилось слѣдствіе и судъ и они были въ заключеніи, поджоговъ не было. Тюфяевъ просилъ объ этомъ доложить Государю Императору, какъ о крайне необходимой и даже единственной мѣрѣ для прекращенія зла. Министръ отвѣчалъ, что представленіе Тюфяева на столько выходитъ изъ области закона, что онъ не смѣетъ и доложить о томъ Его Величеству. Тюфяевъ тогда представилъ всеподданнѣйшій рапортъ того же содержанія, присовокупивъ, что, какъ на его обязанности лежитъ благосостояніе и спокойствіе края, ввѣреннаго его управленію, то онъ не можетъ скрыть отъ Его Величества, что безнаказанность, являющаяся лишь по неполнотѣ уликъ, увеличиваетъ дерзость преступленія.

Отправивъ рапортъ, Тюфяевъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ предложеніе Губернскому Правленію объ изготовленіи 48 паръ кандаловъ, а полиціи предписалъ этихъ 48 человѣкъ взять подъ стражу. Очень скоро было получено высочайшее повелѣніе «исполнить». Въ одинъ день Тюфяевымъ дано было предложеніе Губернскому Правленію объ отсылкѣ въ Сибирь этихъ 48 человѣкъ, сообщено въ Тобольскій

[18]) Отъ генералъ-маіора Егора Яковлевича Долинскаго.

[19]) Отъ генералъ-маіора Александра Вечеславича Листовскаго.

Комитетъ о ссыльныхъ, всеподданнѣйшимъ рапортомъ донесено Государю Императору объ исполненіи высочайшаго повелѣнія и сообщено обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ, для свѣдѣнія [20]).

Тюфяевъ вышелъ въ губернаторы изъ кантонистовъ. При императрицѣ Екатеринѣ II-й пріѣзжалъ въ Тобольскъ сенаторъ на ревизію и просилъ дать ему, для переписки бумагъ, четырехъ кантонистовъ изъ школы. Всѣ они ему понравились смышленностію. Онъ просилъ зачислить ихъ для военной службы неспособными и увезъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлилъ въ Сенатъ на службу. Изъ нихъ Тюфяевъ былъ губернаторомъ сначала въ Перми, а потомъ въ Вяткѣ; другой былъ губернскимъ прокуроромъ въ Перми, третій оберъ-секретаремъ. Бывъ въ Перми губернаторомъ, Тюфяевъ, къ чести его, не скрывалъ своего происхожденія и нерѣдко, шутя, упрекалъ бывшаго своего товарища, прокурора, въ жадности. При этомъ онъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ слѣдующее: «Получалъ я отъ матери на обѣдъ по копѣйкѣ, на которую покупалъ два калача; пойдутъ ребятишки купаться, хочется и мнѣ, а сапоговъ снять не могу: они на ногахъ ссохнутся. Прошу его снять, а онъ: давай, говоритъ, одинъ калачъ — сниму. Жаль и калача, и купаться хочется, глядя на другихъ. Ну, нечего дѣлать, калачъ отдашь. Пока купаешься, сапоги поставишь въ воду и надѣнешь ихъ безъ бѣды; а на другой день опять таже исторія. Такъ онъ, злодѣй, бывало все лѣто меня въ проголодь держитъ». «А кто тебѣ велѣлъ, ваше превосходительство, барничать, отвѣчаетъ старый товарищъ: самъ бы снималъ сапоги, и калачъ былъ бы при тебѣ».

Тюфяевъ былъ волокита. Отличая жену одного совѣтника, онъ украшалъ и мужа знаками отличія; такъ послѣдній получилъ, сначала Анну, а потомъ Владиміра на шею. Ознобишинъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ, на карточномъ столѣ написалъ мелкомъ, во время званаго вечера, слѣдующее четверостишіе:

Внемли, вселенная, внемли!
Се чудо новое явилось на земли:
Козелъ, за то что̀ онъ съ рогами,
Двумя украшенъ орденами!

Все это слышалъ я отъ покойнаго отца, лично знавшаго Тюфяева.

*

Въ Псковѣ былъ губернаторомъ Александръ Львовичъ Черкасовъ. Государь, зная его, какъ честнѣйшаго труженика, не имѣющаго никакаго состоянія и обремененнаго семействомъ, при замужествѣ каждой дочери, жаловалъ на приданое.

*

Въ Черниговѣ былъ 28 лѣтъ губернскимъ предводителемъ Степанъ Михайловичъ Ширай. Онъ имѣлъ крестъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, собственноручно пришпиленный ему императрицею Екатериною II-й, когда онъ явился отъ Суворова съ донесеніемъ о

[20]) Отъ Вятскаго уроженца, кол. сов. Виктора Михаиловича Тиманова, бывшаго въ этотъ день у Тюфяева.

взятіи какой-то крѣпости [21]). Во время коронаціи Государь Николай Павловичъ пожаловалъ ему Владиміра 3-й степени. Ширай привезъ этотъ крестъ министру и просилъ доложить Государю, что онъ не можетъ принять этой награды Министра это изумило. «Доложите Государю, настаивалъ Ширай, что я не могу разстаться съ крестомъ, собственноручно пришпиленнымъ мнѣ его бабкою, которую онъ самъ считаетъ Великою». Государь пожаловалъ ему Анненскую звѣзду [22]).

*

Въ первые годы царствованія Государя Николая Павловича былъ въ Перми слѣдующій случай. Управляющій имѣніями и заводами одного высокопоставленнаго лица убилъ человѣка, въ минуту раздраженія. Вообще онъ былъ жестокъ. Дѣло это, при вліяніи владѣльца и помощи подкупа, замяли и въ Судѣ, и въ Палатѣ. Въ палатѣ не согласился съ общимъ мнѣніемъ засѣдатель Копыловъ [23]), отказавшись отъ приношеній. О дѣлѣ дошло до свѣдѣнія Государя. Былъ посланъ флигель-адъютантъ, для секретнаго дознанія. Узнавъ отъ него обстоятельства дѣла, Государь повелѣлъ имѣть въ виду Копылова на должность губернатора. Копыловъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Тобольскаго Губернскаго Правленія, а черезъ годъ или два Енисейскимъ губернаторомъ [24]).

Государь Николай Павловичъ, бывъ великимъ княземъ, составилъ какое-то руководство для офицеровъ. Передавая его офицерамъ своего полка, онъ сказалъ: «не обращайте вниманія, господа, на ороографію: я долженъ сознаться, что на эту часть при моемъ воспитаніи не обращалось должнаго вниманія» [25]). Конечно, Государь могъ

*

---

[21]) Когда Ширай возвратился къ Суворову, и Суворовъ, увидѣвъ на немъ Владимірскій крестъ, спросилъ: «это что значитъ?» Ширай отвѣчалъ: «значитъ, что я храбръ, да не вельми» (а то дескать, получилъ бы Георгія).

[22]) Этотъ случай извѣстенъ всѣмъ Черниговскимъ старожиламъ.

[23]) Копыловъ началъ службу съ копіиста въ Земскомъ Судѣ, потомъ, разумѣется, былъ подканцеляристомъ, канцеляристомъ, повытчикомъ, затѣмъ засѣдателемъ Земскаго Суда, Уѣзднаго и наконецъ Уголовной Палаты.

[24]) Отъ д. с. с. Павла Ильича Маслова, лично знавшаго Копылова въ Красноярскѣ. Говорятъ, Копыловъ не измѣнилъ своихъ привычекъ, бывъ губернаторомъ; такъ ходилъ онъ въ нанковомъ платьѣ, кухарка ставила ему на столъ горшокъ щей, когда онъ садился обѣдать. Жена пережила его и жила на скудной тогда пенсіи въ Вяткѣ, гдѣ умерла отъ испуга: ночью у нея въ квартирѣ произведенъ былъ полиціею обыскъ, по подозрѣнію ея прислуги въ воровствѣ. Бывшая губернаторша перепугалась полиціи, заболѣла и черезъ два-три дня отдала Богу душу. Слышалъ объ этомъ отъ ст. сов. Нарциза Игнатьевича Ціонковскаго, который въ то время былъ полицмейстеромъ въ Вяткѣ.

[25]) Отъ тайн. совѣтн. князя Николая Николаевича Тѣнишева, бывшаго управляющимъ путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ.

поручить кому нибудь переписать, но это не отвѣчало прямому и честному его характеру.

Передъ Крымскою войною былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе транспортъ «Байкалъ». По настоянію Великаго Князя Генералъ-Адмирала, капитаномъ транспорта былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Невельской [26]).

Невельской, явившись разъ къ князю Меньшикову, управляющему морскимъ министерствомъ, просилъ дозволить ему изслѣдовать берега Охотскаго моря и устье Амура. (Было убѣжденіе, что Охотское море не имѣетъ удобныхъ гаваней, а устье Амура, по мелководью, не можетъ принимать и плоскодонныя суда). Меньшиковъ объяснилъ Невельскому, что такаго разрѣшенія онъ дать не можетъ, такъ какъ этимъ измѣнялись бы высочайше утвержденные инструкція и маршрутъ. Невельской настаивалъ, увѣряя, что онъ на это не потребуетъ ни времени, ни лишнихъ средствъ, что онъ, наконецъ, проситъ только ему не мѣшать. Кн. Меньшиковъ замѣтилъ ему, что его разжалуютъ за это въ матросы. При разговорѣ этомъ былъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій [27]). Послѣдній замѣтилъ Меньшикову: «Да что тебѣ за дѣло? Если у него двѣ головы, ну и пусть подставляетъ одну!» Князь Меньшиковъ тогда, махнувъ рукою, сказалъ Невельскому: «Какъ знаете, а я не мѣшаюсь».

Невельской исполнилъ свое намѣреніе и возвратился къ назначенному сроку въ Петербургъ съ добытыми имъ свѣдѣніями. Но тѣмъ не менѣе, какъ имъ допущенъ былъ произволъ въ измѣненіи высочайше утвержденнаго маршрута, его потребовали для объясненій въ Комитетъ Министровъ. Когда Невельской объяснилъ, что онъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался единственно пользою отечества, ему замѣтили: «это хорошо; на что̀ если всякій капитанъ 1-го ранга будетъ, руководствуясь пользою отечества, нарушать высочайшую инструкцію?» При этомъ присовокупили, что его ожидаетъ разжалованіе. Невельской оттуда прямо отправляется къ Его Высочеству, Генералъ-Адмиралу. Великій Князь доложилъ обо всемъ Государю, и Невельской потребованъ былъ къ Его Величеству. Когда Невельской вошелъ въ Кабинетъ Государя, Государь всталъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ на маленькую и худенькую фигуру Невельскаго, сказалъ: «Такъ это ты сочиняешь экспедиціи и измѣняешь высочайше утвержденныя инструкціи? А что—матросъ?! Матросъ! Мичманъ! Лейтенантъ! Капитанъ-лейтенантъ! Капитанъ 2-го ранга! Капитанъ 1-го ранга!» Затѣмъ, надѣвъ на шею Невельскому Владимірскій крестъ и поцѣловавъ, Государь его отпустилъ [28]).

Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ.

---

[26]) Адмиралъ, Геннадій Ивановичъ Невельской умеръ 1875 г.

[27]) Генералъ адъютантъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, бывшій Оренбургскій и Самарскій генералъ-губернаторъ, умеръ 1857 г.

[28]) Отъ покойнаго Петербургскаго предводителя дворянства Михаила Алексѣевича Атрыганьева.

Два письма митрополита Серафима къ графу Н. А. Протасову.

1.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

По болѣзни моей, я не могъ принять личнаго участія въ разсмотрѣніи поступившаго въ Святѣйшій Синодъ дѣла объ оказавшемся здѣсь искаженномъ и нечестивомъ переложеніи учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, изданномъ втайнѣ и распространенномъ посредствомъ литографированія; но по особенной важности случая, вмѣняю себѣ въ обязанность, собравъ на одрѣ болѣзни остатокъ силъ, сообщить вашему сіятельству соображенія и мысли, какія внушаютъ мнѣ долгъ моего званія, святость присяги, сыновняя преданность къ нашей древней отечественной православной вѣрѣ и опыты долголѣтняго служенія святой церкви.

При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи, я исполнился душевнаго прискорбія, какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею очевидно угрожаетъ той чистотѣ, въ которой ученіе вѣры преподавалось въ отечествѣ нашемъ, ограждаемомъ отъ пагубныхъ иноземныхъ суемудрій помощію Божіею и попеченіемъ благочестивѣйшаго Государя Императора, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и служителей церкви, воспитывающей ихъ своими трудами и пожертвованіями. Разсматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я къ великому прискорбію усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ ложныхъ на счетъ употребленія Слова Божія понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ иновѣрцами и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали іерархіи подрывомъ ея власти, народу воспитаніемъ въ немъ обольстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго чувства независимости отъ церкви, православію—испровержденіемъ коренныхъ началъ его: ибо по ученію православной церкви Священное Писаніе передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ народу. Зловредныя мнѣнія, пресѣченіе коихъ требовало великихъ усилій отъ истиннаго усердія къ церкви, возродившись нынѣ и явившись во всемъ своемъ безобразіи, на самомъ опытѣ показали, какъ глубоко вкореняются и съ какимъ трудомъ врачуются

подобные недуги. Нечестивое преложеніе Священнаго Писанія тѣмъ большее возбуждаетъ негодованіе и скорбь, что оно явилось тогда, когда православная церковь наша такъ недавно еще одними истинами своего неповрежденнаго ученія возвратила къ себѣ милліоны отпадшихъ чадъ, когда начинаютъ вразумляться и другіе, погрѣшительно укоряющіе насъ въ допущеніи перемѣнъ, и когда церковь наша съ утѣшеніемъ видитъ возрастающимъ благочестивое чувство въ народѣ, возбужденное примѣромъ благочестія въ Государѣ.

Въ сихъ мысляхъ я полагаю: 1) Дознать съ полною достовѣрностію, кто именно тотъ или тѣ, которые возбудили студентовъ приступить къ такому дѣлу; ибо не могу я допустить, чтобы студенты приступили къ тому сами, безъ руководства, безъ опыта, безъ связи съ прежнимъ воспрещеннымъ образомъ мыслей; и затѣмъ виновнымъ пресѣчь всякую возможность посягать на подобныя дѣйствія, испытавъ совѣсть и тѣхъ, которые почему-либо знали о существованіи зла и оказывали грѣховное равнодушіе, не поспѣшивъ обнаружить того, какъ требовали и присяга и польза церкви; и 2) усилить мѣры, которымъ ваше сіятельство столь усердно споспѣшествуете и на которыя всегда взиралъ я съ истинною признательностію, призывая на нихъ благословеніе Божіе, чтобы на будущее время все воспитаніе духовнаго юношества направлено было къ сохраненію во всей неприкосновенности прямаго православнаго ученія вѣры и ограждено отъ всякаго колебанія мыслями иновѣрныхъ, и чтобы никто ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не отваживался посягать на преложеніе Священнаго Писанія, долженствующаго оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно принято нами отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ и донынѣ служило залогомъ нашего благоденствія. Глубоко убѣжденный въ сей истинѣ, я старался ограждать ее по мѣрѣ силъ моихъ, во все продолженіе моей службы, готовъ изойти и теперь съ тѣмъ же усердіемъ; а если Господу Богу угодно будетъ оставить меня на одрѣ болѣзни, то передаю ее вашему сіятельству, какъ мое послѣднее желаніе, какъ завѣщаніе архіерея, служившаго до глубокой старости церкви и Государю въ истинной къ нимъ любви и преданности.

Зная вполнѣ образъ мыслей вашего сіятеластва совершенно православный и ваше усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, я остаюсь покойнымъ и утѣшаюсь мыслію, что вы примете всѣ нужныя мѣры въ семъ столь важномъ случаѣ, прося васъ, милостивый государь, передать мои мысли и Святѣйшему Синоду, если я не возмогу въ скоромъ времени присутствовать въ ономъ. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

№ 37.

Марта 1-го 1842 года.

2.

Милостивый государь графъ Николай Александровичъ!

Разсмотрѣвъ присланную мнѣ записку Московскаго митрополита Филарета, составленную имъ по случаю появленія литографированной Библіи, нахожу изложенныя въ ней предложенія:

1) Излишними. Въ православной церкви сохраненіе и распространеніе спасительныхъ истинъ вѣры обезпечивается сословіемъ пастырей, которымъ съ сею именно цѣлію и преподается даръ учительства, и которые нарочито къ сему приготовляются въ духовныхъ заведеніяхъ. Сей путь наставленія народа, какъ единый законный, сохранялся и сохраняется въ нашей православной церкви во всей силѣ. Если явившійся переводъ есть плодъ одной любознательности, то сей любознательности надобно дать другое направленіе, болѣе соотвѣтствующее пользамъ церкви.

2) Опасными. Постепенное изданіе толкованій святыхъ отцевъ, какъ было, такъ и будетъ самымъ полезнымъ подвигомъ для святой церкви. Но толкованія Священнаго Писанія, основанныя или на собственномъ сужденіи толкователя, или на сравненіи отеческихъ толкованій одного съ другимъ, равно какъ и текста Еврейскаго съ Греческимъ, могутъ ослабить благоговѣніе, питаемое православными къ святымъ отцамъ и предметы вѣры сдѣлать предметами одного холоднаго изслѣдованія. Издать же Библію со внесеніемъ въ нее какихъ бы то ни было оглавленій и замѣчаній, по самой краткости своей неудовлетворительныхъ, значило бы умамъ празднымъ давать поводъ къ спорамъ и разномыслію и многимъ заблужденіямъ. Такое изданіе не только не уничтожитъ соблазна, произведеннаго нечестивыми примѣчаніями къ тексту литографированнаго перевода, но еще произведетъ новый соблазнъ, заронивъ въ умы мысль, что какъ будто святое Слово Божіе имѣетъ нужду въ человѣческомъ оправданіи, и что народъ можетъ быть судіею въ дѣлахъ вѣры.

По симъ причинамъ, согласно съ тѣмъ, какъ я уже писалъ къ вашему сіятельству, по полученіи извѣстія о появленіи литографированнаго перевода, полагаю: оставивъ священный текстъ Библіи въ томъ точно видѣ, въ какомъ онъ теперь, обратить все вниманіе на предметы ученія въ семинаріяхъ, строжайше воспретивъ наставникамъ въ ученіи богословскомъ выходить за предѣлы, православною нашею церковію положенные, а равно и самую организацію учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ подвергнуть строгому разсмотрѣнію.

Мысли сіи прошу васъ, милостивый государь, передать и Святѣйшему Синоду.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Марта 4 дня 1842 года.

(Изъ бумагъ К. С. Сербиновича).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1878 Г.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

*

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1878 ГОДА.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

„РУССКАЯ ПРАВДА".

Газета **„Русская Правда"** въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата:

Подписка открыта въ Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты (Невскій пр., № 44, противъ Гостиннаго двора). Иногородные адресуютъ письма и деньги: въ **С.-Петербургъ**, газетѣ **„Русская Правда"**. Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты. Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и **адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія.** Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ Петербургъ—въ главную контору **„Русской Правды"** (Невскій пр., № 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ Марта 7 р. и въ началѣ Августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ Марта 5 р. 50 к. и въ концѣ Іюня 5 р.; безъ доставки уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ Марта 5 р. и въ началѣ Іюля 4 р. 50 к.

Подписная цѣна въ Россіи:

	Безъ достав.	Съ доставк.	Съ перес.
На годъ съ 1-го Января	14 р. 50 к.	16 р.	17 р.

Подписная цѣна за-границею, съ пересылкою:

	Въ Европу, Сѣвер. Амер. и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
На годъ.	26 р.	47 р.

Редакторъ-Издатель **Дмитрій Гирсъ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1879 ГОДУ.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.